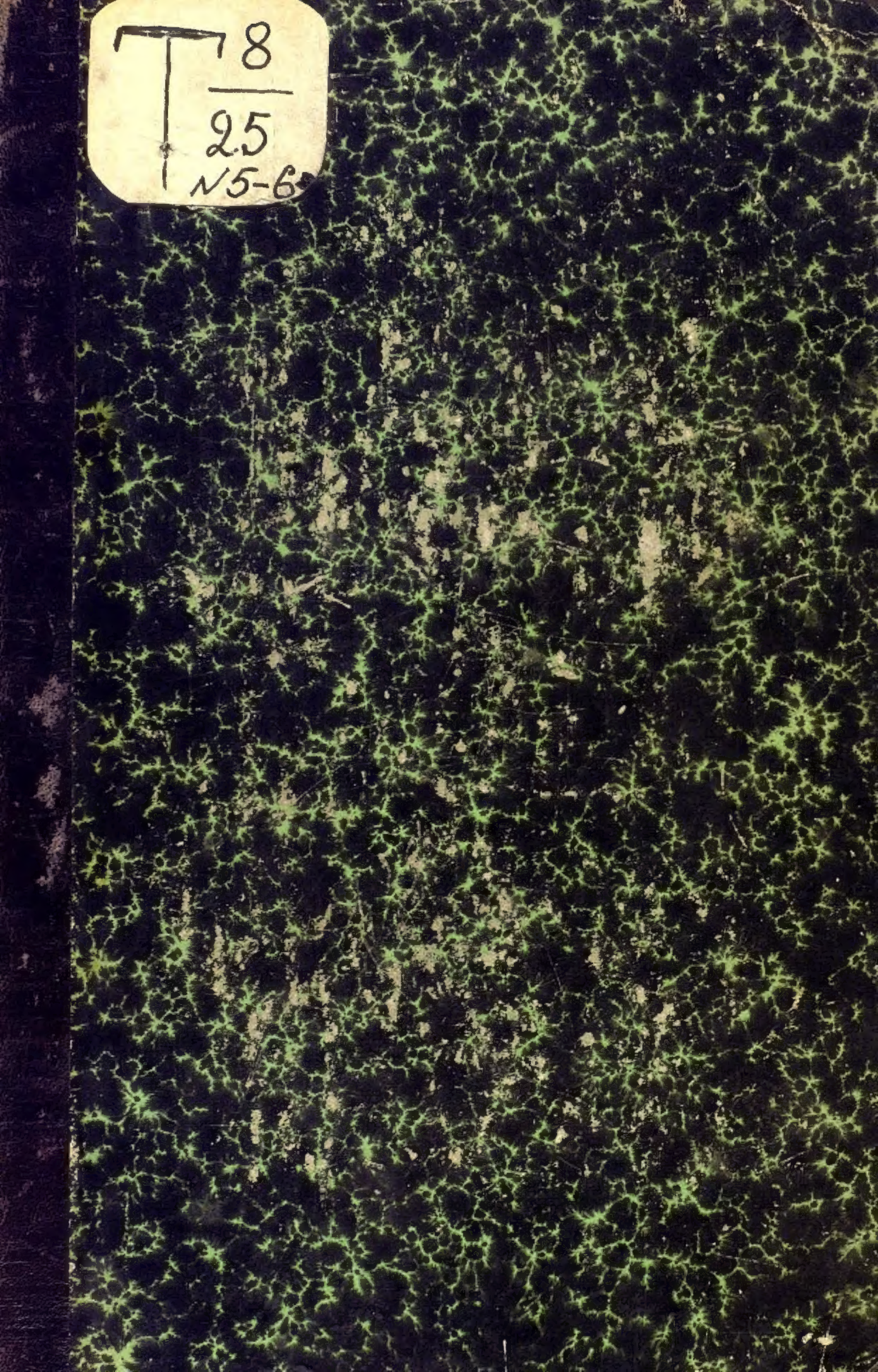
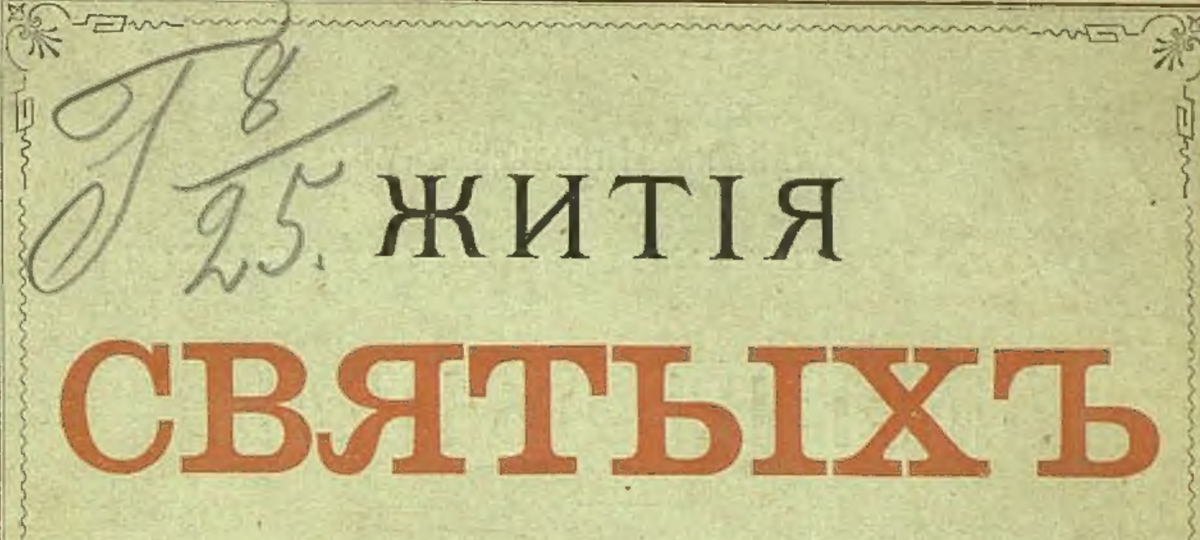


T 8/25
N5-6



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ЧТИМЫХЪ ПРАВОСЛАВНОЮ РОССІЙСКОЮ ЦЕРКОВІЮ

А ТАКЖЕ ЧТИМЫХЪ

ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКОВІЮ,

ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ, ГРУЗИНСКИХЪ

И

МѢСТНО ЧТИМЫХЪ ВЪ РОССІИ.

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Июнь

Д. И. Протопоповъ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ПРѢСНОВА.
1885.

ЖИТІЯ

СВЯТЫХЪ

ЧТИМЫХЪ ПРАВОСЛАВНОЮ РОССІЙСКОЮ ЦЕРКОВІЮ

А ТАКЖЕ ЧТИМЫХЪ

ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКОВІЮ,

ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ, ГРУЗИНСКИХЪ

И

МѢСТНО ЧТИМЫХЪ ВЪ РОССІИ.

II

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Д. И. Протопоповъ.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Д. И. Прѣснова.
1885.

От Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Москва 1883 года, Декабря 2 дня.

Цензоръ протоіерей ***Михаилъ Боголюбскій.***

Типографія Ф. Іогансонъ. Покровка, Лялинъ пер., д. Прѣснова.

МѢСЯЦЪ МАЙ.

1-е число.

Св. пророка Іереміи. Св. муч. Ваты, монаха персянина. Пр. Пафнутія боровскаго.

(Муч. Саввы. Преподобномучч. Евѳимія, Игнатія и Акакія. Страданіе священномуч. Макарія, митроп. кіевскаго. Преставленіе пр. Герасима болдинскаго. Византійскія иконы Божіей Матери).

СВ. ПРОРОКА ІЕРЕМІИ.

Св. Іеремія, второй изъ четырехъ великихъ пророковъ, былъ сынъ священника Хелкіи изъ Анаѳоѳа, находившагося въ колѣнѣ Веніаминовомъ, недалеко отъ Іерусалима (Іер. 1, 1). Къ пророческому служенію Іеремія призванъ былъ въ ранней молодости, на 15 году отъ роду, въ 13-й годъ царствованія Іосіи (около 630 г. до Р. Хр.). „И было ко мнѣ, говоритъ самъ Іеремія, слово Господне: Прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя; и прежде нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя; пророкомъ для народовъ поставилъ тебя. А я сказалъ: о, Господи Боже, я не умѣю говорить, ибо я еще молодъ. Но Господь сказалъ мнѣ: Не говори: я молодъ, ибо ко всѣмъ, къ кому пошлю

тебя, пойдешь, и все, что повелю тебѣ, скажешь; не бойся ихъ, ибо Я съ тобою, чтобы избавить тебя. И простеръ Господь руку Свою, и коснулся устъ моихъ, и сказалъ мнѣ Господь: вотъ Я вложилъ слова Мои во уста твои. Смотри, Я поставилъ тебя сегодня надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать" (1, 4—10). Въ то же время юный пророкъ имѣлъ два видѣнія, въ которыхъ Господь подъ образами жезла и кипящаго котла показалъ ему тѣ страшныя бѣдствія, которыя нанесетъ Сіону мстительный мечъ вавилонскаго царя (Іер. 1, 11—15). „Ты же, говоритъ Господь пророку, препояшь чресла свои, и встань, и скажи имъ (іудеямъ) все, что Я повелю тебѣ; не малодушествуй предъ ними, чтобъ Я не поразилъ тебя въ глазахъ ихъ. И вотъ Я поставилъ тебя нынѣ укрѣпленнымъ городомъ и желѣзнымъ столбомъ, и мѣдною стѣною на всей этой землѣ противъ царей Іуды, противъ князей его, противъ священниковъ его и противъ народа земли сей. Они будутъ ратовать противъ тебя, но не превозмогутъ тебя; ибо Я съ тобою, чтобы избавлять тебя" (Іер. 1, 17—19).

Наставленный такимъ образомъ самимъ Господомъ и укрѣпленный обѣщаніемъ Его помощи, Іеремія со всею ревностію приступилъ къ пророческому служенію. И прежде всего онъ началъ строго и безпощадно обличать іудеевъ за отступленіе отъ истиннаго Бога и служеніе идолопоклонству, и грозить имъ бѣдствіями самой опустошительной войны, которая будетъ открыта съ сѣвера (Іер. 5, 15—17). Безутѣшный пророкъ всѣми силами старается разогнать готовую разразиться бурю, и всѣ улицы, всѣ публичныя площади оглашаются его то печальными и слезными, то грозными рѣчами. Онъ про-

повѣдуетъ всюду, гдѣ только собраніе народа было значительное. Но народъ смѣется надъ пророкомъ. Родъ грубый и злой! они имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ; они не обрѣзаны сердцемъ, ихъ умъ огрубѣлъ, ихъ чело тверже камня; ни одинъ изъ нихъ не идетъ по пути правды, они всѣ увлекаются своими страстями, какъ бѣшеная лошадь, стремящаяся въ средину битвы (Іер. 5, 21. 8, 6. 9, 26). Тогда человѣкъ Божій сказалъ самъ себѣ: „это, можетъ быть, бѣдняки; они глупы, потому что не знаютъ пути Господня, закона Бога своего; пойду я къ знатнымъ и поговорю съ ними, ибо они знаютъ путь Господень, законъ Бога своего“ (Іер. 5, 4—5). Но увы! пророкъ нашелъ, что они еще хуже. Онъ не лучше былъ принятъ и пророками, и священниками, и судіями. Объ нихъ онъ говоритъ отъ лица Божія: „пророки пророчествуютъ ложь, и священники господствуютъ при посредствѣ ихъ, и народъ Мой любитъ это“ (Іер. 5, 31). Судіи судятъ и управляютъ ради вознагражденій; священники учатъ ради корысти; пророки пророчествуютъ за деньги; они погубили народъ, пріучили его къ вещамъ суетнымъ и ложнымъ и не хотятъ даже перстомъ указать на тѣ бѣдствія, которыя скоро изліются на него (Іер. 6, 13). Между тѣмъ какъ жители городовъ іудейскихъ, по гласу благочестиваго царя Іосіи, толпами прибѣгали въ храмъ Іеговы, Іеремія, проникавшій въ глубину сердецъ и видѣвшій подъ обманчивою наружностію скрытое нравственное поврежденіе, стоялъ при вратахъ Іерусалимскаго храма и не переставалъ вопіять, что ихъ надежда на Бога напрасна, жертвы не имѣютъ цѣны, потому что въ тайнѣ они совершаютъ дѣла преступныя (Іер. 7, 2 — 6. 21 — 23). Умеръ царь Іосія. Весь Израиль оплакивалъ его, какъ

отца; но болѣе всѣхъ сожалѣлъ о немъ Іеремія, который лучше всѣхъ чувствовалъ, какую невозвратимую потерю понесло его отечество. Со смертію благочестиваго царя наступило время постояннаго преслѣдованія великаго пророка. Едва погасла жизнь Іосіи, какъ появились въ Іудеѣ всѣ нечестія и всѣ безпорядки предъидущихъ царствованій подъ покровительствомъ его преемниковъ. Ревность человѣка Божія воспылала новымъ огнемъ; онъ гремѣлъ обличеніями, угрожалъ, умолялъ съ невѣроятнымъ жаромъ и настойчивостію, чтобы предотвратить грозящія бѣды на своихъ соотечественниковъ. Чтобы сильнѣе изобразить предстоявшее іудеямъ рабство, Іеремія прибѣгалъ къ необычайнымъ образамъ. Однажды, по повелѣнію Божію, онъ купилъ льняный поясъ, обвязалъ его вокругъ себя и потомъ скрылъ на берегахъ Евфрата, въ разсѣлинѣ скалы. Чрезъ нѣсколько времени онъ возвратился на берега Евфрата и увидѣлъ поясъ совершенно сгнившимъ въ каменной разсѣлинѣ (Іер. 13, 1—7). „Такъ сказалъ Господь пророку, сокрушу Я гордость Іуды и великую гордость Іерусалима. Этотъ негодный народъ будетъ, какъ этотъ поясъ, который ни къ чему не годенъ" (Іер. 13, 9 — 10). Пророкъ возвѣстилъ все это іудеямъ. Въ другой разъ Богъ повелѣлъ Іеремiи купить у горшечника глиняный кувшинъ и сокрушить его предъ собраніемъ народа. Пророкъ исполнилъ повелѣніе Божіе, и отъ лица Господа сказалъ іудеямъ: „такъ сокрушу Я народъ сей и городъ сей, какъ сокрушенъ горшечниковъ сосудъ, который уже не можетъ быть возстановленъ" (Іер. 19, 1—11). Для нагляднѣйшаго изображенія іудейскаго рабства, Іеремія, по повелѣнію Божію, надѣлъ на свою шею и нѣсколько времени носилъ сначала деревянное, а потомъ желѣзное

ярмо. Ярмо онъ посылалъ и царямъ: идумейскому, моавитскому, аммонитскому, тирскому и сидонскому, предвозвѣщая и имъ рабство. Но чѣмъ сильнѣе было обличеніе, тѣмъ большій гнѣвъ и даже ярость возбуждало оно въ сердцахъ обличаемыхъ.

Безуспѣшность проповѣди, необычайное ожесточеніе неблагодарныхъ и возмутительныхъ соотечественниковъ, гоненія и преслѣдованія, которымъ подвергался св. пророкъ, по временамъ доводили его почти до отчаянія и извлекали у него самыя горькія жалобы и мольбы. „Ты влекъ меня, Господи, восклицалъ онъ, и я увлеченъ; Ты сильнѣе меня и превозмогъ; и я каждый день въ посмѣяніи, всякій издѣвается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, кричу о насиліи, вопію о разореніи; потому что слово Господне обратилось въ поношеніе мнѣ и въ повседневное посмѣяніе. И подумалъ я: не буду я напоминать о Немъ, и не буду болѣе говорить во имя Его; но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и не могъ.... Господи силъ! Ты испытываешь праведнаго и видишь внутренность и сердце. Да увижу я мщеніе Твое надъ ними; ибо Тебѣ ввѣрилъ я дѣло мое.... Проклятъ день, въ который я родился; день, въ который родила меня мать моя, да не будетъ благословенъ! Проклятъ человѣкъ, который принесъ вѣсть отцу моему, и сказалъ: у тебя родился сынъ, и тѣмъ очень обрадовалъ его.... Для чего вышелъ я изъ утробы? чтобы видѣть труды и скорби, и чтобы дни мои исчезали въ безславіи“ (Iер. 20, 7—9. 12. 14—15. 18)? Господь въ утѣшеніе своего раба обѣщаетъ уничтожить его враговъ; пророкъ успокоивается и ожидаетъ лучшаго времени для Израиля и потомъ, пролетая духомъ вѣка и прост-

ранство, видитъ народы земли собранными вокругъ единаго Вождя (Мессіи), и издали, чрезъ тму вѣковъ, привѣтствуетъ „чаяніе языковъ". „И соберу остатокъ стада Моего изъ всѣхъ странъ, куда Я изгналъ ихъ, и возвращу ихъ во дворы ихъ; и будутъ плодиться и размножаться. И поставлю надъ ними пастырей, которые будутъ пасти ихъ, и они уже не будутъ бояться и пугаться, и не будутъ теряться, говоритъ Господь. Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, и возставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будетъ поступать мудро, и будетъ производить судъ и правду на землѣ. Во дни Его Іуда спасется, и Израиль будетъ жить безопасно; и вотъ имя Его, которымъ будутъ называть Его: Господь оправданіе наше!" (Іер. 23, 3—6). Эти величественныя обѣтованія воодушевляютъ человѣка Божія новою ревностію, и стѣны Сіона снова оглашаются его пророческими рѣчами. Но пророческія рѣчи по обычаю остаются почти безъ успѣха.

Удары праведнаго гнѣва Божія не замедлили разразиться надъ беззаконнымъ іудейскимъ народомъ: бѣдствія, предсказанныя Іереміею іудеямъ, начались вскорѣ послѣ смерти Іосіи. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ нечестивыхъ сыновей: Іоакима, Іоахаза и Седекію. Неизвѣстно, почему іудейскій народъ поставилъ царемъ послѣ Іосіи втораго сына его—Іоахаза. Но фараонъ Нехао чрезъ 3 мѣсяца, возвращаясь съ Евфрата въ Египетъ, взялъ Іоахаза въ плѣнъ, поставилъ царемъ іудейскимъ Іоакима и сдѣлалъ его своимъ данникомъ. Въ это время царь вавилонскій покорилъ своей власти Ассирійское царство и потомъ повелъ войну съ царемъ египетскимъ. Тогда Іеремія произнесъ грозное пророчественное слово ко всему народу іудейскому и ко всѣмъ жителямъ Іерусалима:

„Господь посылалъ къ вамъ всѣхъ рабовъ Своихъ, пророковъ, съ ранняго утра посылалъ, и вы не слушали, и не приклоняли уха своего, чтобы слушать. Вамъ говорили: обратитесь каждый отъ злаго пути своего и отъ злыхъ дѣлъ своихъ, и живите на землѣ, которую Господь далъ вамъ и отцамъ вашимъ изъ вѣка въ вѣкъ... Но вы не слушали Меня, говоритъ Господь, прогнѣвляя Меня дѣлами рукъ своихъ на зло себѣ. Посему такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: за то, что вы не слушали словъ Моихъ, вотъ Я пошлю, и возьму всѣ племена сѣверныя, говоритъ Господь, и пошлю къ Навуходоносору, царю вавилонскому, рабу Моему, и приведу ихъ на землю сію и на жителей ея и на всѣ окрестные народы; и совершенно истреблю ихъ, и сдѣлаю ихъ ужасомъ и посмѣяніемъ, и вѣчнымъ запустѣніемъ... и вся земля эта будетъ пустынею и ужасомъ; и народы сіи будутъ служить царю вавилонскому семьдесятъ лѣтъ. И будетъ, когда исполнится семьдесятъ лѣтъ, накажу царя вавилонскаго и тотъ народъ, говоритъ Господь, за ихъ нечестіе, и землю Халдейскую, и сдѣлаю ее вѣчною пустынею" (Іер. 25, 2. 4—5. 7—9. 11 · 12). Въ то же время пророкъ предсказалъ царю Іоакиму смерть безъ погребенія въ чужой землѣ (22, 18—19. 24—26). Священники и лжепророки почли это пророческое слово уголовнымъ преступленіемъ и хотѣли предать Іеремію смерти. И только благодаря благоразумію нѣкоторыхъ князей и настойчивой защитѣ вельможи Ахикама, Іеремія спасся отъ угрожавшей ему опасности. Но, по приказанію Іоакима, онъ заключенъ былъ въ оковахъ въ темницу. Между тѣмъ Навуходоносоръ, разбивъ царя египетскаго, взялъ Іерусалимъ и сдѣлалъ Іоакима своимъ данникомъ. При этомъ онъ взялъ изъ храма часть свя-

щенныхъ сосудовъ и переселилъ въ Вавилонъ многихъ красивыхъ и даровитыхъ отроковъ изъ царскаго и княжескаго рода (это было за 607 лѣтъ до Р. Хр.).—Въ четвертый годъ царствованія Іоакима было такое слово Господне къ Іереміи: „Возьми себѣ книжный свитокъ и напиши въ немъ всѣ слова, которыя Я говорилъ тебѣ объ Израилѣ, и объ Іудѣ, и о всѣхъ народахъ, съ того дня, какъ Я началъ говорить тебѣ, отъ дней Іосіи до сего дня. Можетъ быть, домъ Іудинъ услышитъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, какія Я помышляю сдѣлать имъ, чтобы они обратились каждый отъ злаго пути своего, чтобы Я простилъ неправду ихъ и грѣхъ ихъ. И призвалъ Іеремія Варуха, сына Нирія, и написалъ Варухъ въ книжный свитокъ изъ устъ Іереміи всѣ слова Господа, которыя Онъ говорилъ ему“ (Іер. 36, 1—4). По приказанію Іереміи, Варухъ прочиталъ свитокъ въ Іерусалимскомъ храмѣ въ слухъ всего народа, собравшагося по случаю поста, назначеннаго Іоакимомъ при полученіи извѣстія о нашествіи Навуходоносора (самъ Іеремія томился тогда въ темницѣ и не могъ явиться въ домъ Господень для устной проповѣди. Іер. 36, 5—10). Варухъ повторилъ потомъ чтеніе предъ вельможами іудейскими. Тѣ осторожно дали знать объ этой книгѣ царю. Онъ потребовалъ ее къ себѣ и приказалъ нѣкоему Іегудію читать. „Царь въ то время сидѣлъ въ зимнемъ домѣ, и передъ нимъ горѣла жаровня *). Когда Іегудій прочитывалъ три или четыре столбца, царь отрѣзывалъ ихъ писцовымъ ножичкомъ и бросалъ на огонь въ жаровнѣ, доколѣ не уничтоженъ былъ весь свитокъ на огнѣ, который былъ

*) Печей въ домахъ у евреевъ не было. Во время холода среди комнаты ставили каминъ или жаровню съ горячими угольями. Кто хотѣлъ согрѣться, садился къ камину или жаровнѣ.

въ жаровнѣ" (Іер. 36, 21—23). По повелѣнію Божію, Іеремія взялъ „другой свитокъ и отдалъ его Варуху писцу, сыну Нирія, онъ написалъ въ немъ изъ устъ Іереміи всѣ слова того свитка, который сжегъ Іоакимъ, царь іудейскій, на огнѣ; и еще прибавлено къ нимъ много подобныхъ тѣмъ словъ" (Іер. 36, 32). Царь далъ повелѣніе схватить Варуха; но Богъ хранилъ его. За свое нечестіе и беззаконіе царь подвергся печальной участи, какъ предсказалъ Іеремія. Іоакимъ скоро отказался отъ покорности царю вавилонскому. Тогда Навуходоносоръ вторично овладѣлъ Іерусалимомъ, Іоакима отвелъ плѣннымъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ его матерью, гдѣ онъ умеръ и тѣло его было брошено безъ погребенія. Сынъ его, Іехонія, царствовалъ только 100 дней. По прошествіи этого времени, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Навуходоносоромъ со всѣмъ своимъ семействомъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Въ этотъ разъ Навуходоносоръ переселилъ въ Вавилонъ весь царскій домъ, вельможъ, лучшихъ воиновъ и мастеровъ и взялъ съ собою сосуды храма и царскія сокровища. Царемъ же іудейскимъ онъ поставилъ третьяго сына Іосіи, Седекію. Новый царь послѣдовалъ всѣмъ заблужденіямъ своихъ предшественниковъ. Онъ не вразумился ни ихъ судьбою, ни словами пророка. Въ его царствованіе народъ іудейскій дошелъ до послѣдней степени нечестія и развращенія. Самъ же онъ безопасность свою думалъ основать на измѣнѣ царю вавилонскому и на союзѣ съ царемъ египетскимъ. Іеремія, какъ ревностный патріотъ, съ жаромъ убѣждалъ царя вѣрно служить Навуходоносору и не отлагаться отъ него; предсказывалъ, что за измѣну Іерусалимъ будетъ сожженъ, и царь отведенъ въ плѣнъ. Но напрасны были увѣщанія пророка. Седекія не послушалъ его,—измѣнилъ царю

вавилонскому и заключилъ союзъ съ царемъ египетскимъ. Это было въ 9-й годъ царствованія Седекіи. Тогда Навуходоносоръ въ третій разъ обложилъ Іерусалимъ. Іеремія совѣтовалъ Седекіи сдаться Навуходоносору и предсказывалъ, что и городъ тогда не будетъ сожженъ, и самъ онъ съ своимъ семействомъ не погибнетъ, иначе случится то и другое. Но пророка за такой совѣтъ бросили въ ровъ наполненный тиною, гдѣ онъ погибъ бы, если бы одинъ соіоплянинъ, служившій при дворѣ царскомъ, нѣкто Авдемелехъ, не спасъ его своимъ ходатайствомъ предъ царемъ. Царь однако, освободивши пророка изъ тины, велѣлъ посадить его въ оковахъ въ темницу. И въ этотъ разъ предсказаніе Іереміи исполнилось: Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ, сжегъ храмъ и дворецъ, и разрушилъ стѣны и всѣ зданія города. Сыновья Седекіи были заколоты предъ глазами отца, а самого Седекію ослѣпили, заковали въ цѣпи и отвели въ Вавилонъ, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ. Туда же отведены были и всѣ жители Іудеи (въ 589 г.). Только бѣднѣйшіе изъ нихъ оставлены были на своей землѣ для обработаванія полей и виноградниковъ.

По взятіи и разрушеніи Іерусалима, Навуходоносоръ приказалъ освободить изъ темницы Іеремію и позволилъ ему жить, гдѣ онъ хочетъ (Іер. 40, 4). Такая милость оказана была пророку, вѣроятно, потому, что Навуходоносоръ зналъ о немъ отъ взятыхъ въ плѣнъ іудеевъ. Іеремія, получивъ свободу, позаботился прежде всего о святынѣ Божіей. По его совѣту священники скрыли огонь, горѣвшій на алтарѣ всесожженій, въ пустой колодезь, о существованіи котораго никто не зналъ. Самъ пророкъ, по особенному повелѣнію Божію, унесъ съ собою Скинію, Ковчегъ Завѣта и алтарь кадильный и

скрылъ ихъ въ пещерѣ горы Нававъ, въ которую входъ тщательно закрылъ. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его пришли послѣ къ горѣ, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ эти священные предметы были скрыты, но не могли найти его. Іеремія, узнавъ объ этомъ, упрекалъ ихъ за любопытство (2 Макк. 2, 1—7). Пророкъ Божій отъ лица Господня говорилъ іудеямъ: „И будетъ, когда вы размножитесь и сдѣлаетесь многоплодными на землѣ, въ тѣ дни не будутъ говорить болѣе: Ковчегъ завѣта Господня; онъ и на умъ не придетъ и не вспомнятъ о немъ, и не будутъ приходить къ нему, и его уже не будетъ" (Іер. 3, 16). И дѣйствительно, для новаго Израиля Ковчегъ Завѣта сталъ не нуженъ, такъ какъ онъ былъ прообразованіемъ событій Новаго Завѣта.—По взятіи и разрушеніи Іерусалима, Іеремія остался въ отечествѣ и привязался къ Годоліи, сыну Ахикама, котораго Навуходоносоръ сдѣлалъ правителемъ Іудеи. Думаютъ, что въ это время пророкъ написалъ книгу, извѣстную подъ именемъ „Плача". Послѣ убійства Годоліи нѣкіимъ вельможею Измаиломъ, іудеи изъ опасенія мести Навуходоносора рѣшились бѣжать въ Египетъ. Іеремія употреблялъ всѣ усилія, чтобы отвратить ихъ отъ этого намѣренія, увѣряя ихъ, что тамъ-то и постигнутъ ихъ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ они бѣгутъ (Іер. 41, 1—18. 42, 1—22). Но іудеи не только не вняли ему, но и самого принудили идти съ собою. Бѣглецы поселились въ Тафнисѣ, гдѣ вскорѣ стали усвоять понятія, нравы и обычаи египтянъ и стали покланяться мѣстнымъ божествамъ. Тогда Іеремія съ новою силою сталъ грозить имъ бѣдствіями. По повелѣнію Божію, онъ взялъ нѣсколько большихъ камней, употреблявшихся на устройство фундамента, скрылъ ихъ въ глинѣ передъ тамош-

нимъ дворцемъ фараоновымъ и сказалъ: „Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: вотъ Я пошлю, и возьму Навуходоносора, царя вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его на этихъ камняхъ, скрытыхъ Мною, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и придетъ, и поразитъ землю Египетскую; кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти; и кто—въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ; и кто—подъ мечъ, подъ мечъ“ (Іер. 43, 8—11). Далѣе исторія молчитъ о жизни Іереміи. Нѣкоторые христіанскіе писатели, напр. св. Ефремъ Сиринъ, Епифаній, блаж. Іеронимъ свидѣтельствуютъ, что Іеремія за предсказаніе о печальной участи поселившихся въ Египтѣ іудеевъ побитъ ими камнями. Долго ли жилъ пророкъ Божій въ Египтѣ, достовѣрно не извѣстно; обыкновенно полагаютъ, что онъ не дожилъ до нашествія Навуходоносора, послѣдовавшаго на 5-мъ году по сожженіи Іерусалима,—не дожилъ, потому что ученикъ его Варухъ въ этомъ послѣднемъ году является уже въ Вавилонѣ (Вар. 1, 1—4), куда онъ отправился безъ сомнѣнія по смерти своего учителя.—Пророкъ проходилъ свое служеніе при Іосіи 19 лѣтъ, Іоахазѣ 3 мѣсяца, Іоакимѣ 11 лѣтъ, Іехоніи 100 дней, Седекіи 11 лѣтъ и около 4 лѣтъ въ Египтѣ; слѣдовательно пророческое служеніе Іереміи продолжалось около 45 лѣтъ, въ самое смутное, самое бѣдственное и тяжкое время царства іудейскаго. Іеремія, какъ думаютъ, погребенъ былъ въ Тафнисѣ, близъ Каира.

По свидѣтельству одного христіанскаго писателя, Александръ Македонскій перенесъ тѣло пророка въ Тетрапилъ въ Александріи, и это мѣсто весьма почиталось александрійцами (Лугъ Іоанна Мосха § 76 по русс. переводу). Никифоръ Каллистъ записалъ преданіе, что ца-

рица Елена украсила зданіемъ мѣсто или ровъ въ Іерусалимѣ, куда вверженъ былъ Іеремія. Во второй Маккавейской книгѣ упоминается, что, украшенный сѣдинами и славою и много молящійся о людяхъ и св. градѣ Іерусалимѣ, братолюбецъ, пророкъ Божій Іеремія, явился Іудѣ Маккавею и далъ ему златый мечъ отъ Бога на пораженіе враговъ (сирійцевъ. 2 Макк. 15, 13—16).

Изъ писаній этого великаго мужа дошли до насъ пророчества (въ 52 главахъ), Плачъ Іереміи (въ 5 главахъ), посланіе его къ іудеямъ, отведеннымъ въ плѣнъ вавилонскій. Ему приписываютъ еще нѣкоторые псалмы и между прочимъ 136-й псаломъ: На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ... Эта прекрасная и трогательная пѣснь, внушенная печалію плѣна, вполнѣ соотвѣтствуетъ отличительной меланхолической чертѣ пророка; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что этотъ псаломъ не принадлежитъ Давиду, и что писатель его жилъ около времени плѣненія вавилонскаго.—Іереміи усвояютъ еще 3-ю и 4-ю книги Царствъ; усвояютъ потому, что въ послѣдней главѣ его книги пророчествъ содержится почти буквально сходное съ книгою Царствъ изложеніе царствованія Седекіи (Іер. 52, 1—34. сн. 4 Цар. 24, 18 ст. и далѣе).—Рѣчь Іереміи вообще проста и безъискуственна. Великія бѣдствія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и жертвою, наложили на его душу печать грусти, которою отзываются всѣ его писанія. Пламенно желая исцѣлить глубокую кровавую рану дщери Сіона, пророкъ съ силою горячаго патріота умоляетъ своихъ соотечественниковъ искать лучшее и скорѣйшее лекарство въ оставленіи заблужденій и обращеніи къ Богу. И слово пророка течетъ неудержимо, какъ живительный бальзамъ. Отсюда-то и происходятъ эти повторенія, эти

многоразличные обороты одной и той же мысли. Впрочемъ въ словѣ Іереміи есть много изящества и возвышенности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть нѣкоторыя главы его пророчествъ, напр. 9-ю главу. —Слезный тонъ рѣчи пророка отразился особенно въ „Плачѣ", предметъ котораго есть разрушеніе св. города и храма, опустошеніе отечества и потеря свободы іудейскаго народа.

Пророчества Іереміи по ихъ предмету можно раздѣлить на три класса: а) на пророчества, относящіяся къ іудейскому народу, б) пророчества, относящіяся къ сосѣднимъ народамъ и в) пророчества о Мессіи. Первыя пророчества (о народѣ іудейскомъ) несравненно многочисленнѣе; видно, что главною цѣлію пророческаго служенія Іереміи было возвѣстить своему несчастному отечеству тѣ плачевныя бѣдствія, которыя должны постигнуть его скоро за беззаконія. Между этими предсказаніями выдается пророчество о „семидесятилѣтнемъ плѣнѣ". Объ иноплеменныхъ народахъ говорится на многихъ страницахъ; они составляютъ исключительный предметъ шести предпослѣднихъ главъ (послѣдняя,—52 глава есть ни что иное, какъ повтореніе главнѣйшихъ происшествій царствованія Седекіи). Большая часть предсказаній этого рода возвѣщаетъ участіе язычниковъ въ новомъ завѣтѣ; это побудило нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей говорить, что „Іеремія есть пророкъ языковъ, какъ Павелъ ихъ апостолъ". Переносясь ко временамъ царства Мессіи, пророкъ предсказывалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ этихъ временъ, напр. объ избіеніи младенцевъ царемъ Иродомъ (Мѳ. 2, 16—18, сн. Іер. 31, 15), предсказывалъ о самомъ Спасителѣ, что Онъ произойдетъ изъ дома Давидова, что имя Его будетъ Господь, что Онъ будетъ Царь праведный, принесетъ людямъ

новый завѣтъ и спасетъ Іуду и Израиля (23. 5—6. 31. 31—33. 33, 14—16).—(Кн. прор. Іереміи. 4 Цар. 22—25 гл. 2. Пар. 34—36 гл. Четьи-Минеи).

Св. муч. Вата, персіянинъ, за вѣру въ Іисуса Христа былъ подвергнутъ истязанію княземъ нисивійскимъ и послѣ страданій былъ усѣченъ мечемъ въ городѣ Нисивіи, въ 4 вѣкѣ, послѣ 364 г. (Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія, т. 2, стр. 112).

ПР. ПАФНУТІЯ БОРОВСКАГО.

Пр. Пафнутій, въ мірѣ Парфеній, происходилъ изъ татаръ. Дѣдъ его былъ баскакомъ (правителемъ) въ городѣ Боровскѣ (Калуж. губ.) и крестился съ именемъ Мартина. Родители Пафнутія (Іоаннъ и Фотинія) были люди богатые и имѣли помѣстья. Въ одномъ изъ нихъ,—въ селѣ Кудиновѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска, родился преподобный. Здѣсь онъ въ свое время обученъ былъ грамотѣ и наставленъ въ христіанской вѣрѣ и благочестіи. На 20-мъ году отъ рожденія, чувствуя влеченіе къ иноческой жизни, преподобный оставляетъ своихъ родителей, поступаетъ въ Покровскій Боровскій монастырь и постригается въ инока. Наставникомъ его въ иноческихъ подвигахъ былъ Никита, ученикъ пр. Сергія. Пафнутій проводилъ жизнь свою въ строгомъ воздержаніи, непрерывныхъ трудахъ, богомысліи и бодрственномъ вниманіи къ самому себѣ. Два дня въ недѣлю,—въ понедѣльникъ и пятницу, онъ ничего не вкушалъ, въ среду имѣлъ сухоядѣніе, въ прочіе дни раздѣлялъ трапезу вмѣстѣ съ братіею. Не гнушался преподобный черными работами: самъ рубилъ и носилъ дрова, копалъ землю въ огородѣ, а зимою, все время свободное отъ молитвы и чтенія божественныхъ писаній, занимался

рукодѣльемъ: плелъ рыболовныя сѣти, корзины и другія вещи, нужныя для монастыря. Пафнутій такъ строго соблюдалъ цѣломудріе, что не только самъ не касался ни къ чьему тѣлу, но и другимъ не дозволялъ дотрогиваться до своего тѣла. Входъ въ свою обитель женскому полу онъ запретилъ. Находясь уже въ глубокой старости и болѣзни, онъ однажды шелъ въ церковь: ученикъ, поддерживавшій его, взялъ его за руку; преподобный съ гнѣвомъ вырвалъ руку и велѣлъ поддерживать за одежду. Женъ даже издалека не хотѣлъ видѣть и никогда не дозволялъ говорить о нихъ при себѣ. Такое бодрствованіе преподобнаго надъ собою, начатое въ первые годы иноческихъ подвиговъ и служившее огражденіемъ его чистоты душевной и тѣлесной, со временемъ обратилось въ неизмѣнное правило его жизни. До самой своей смерти,—слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, такъ провелъ преподобный, не уклоняясь ни на шагъ отъ принятаго образа жизни, и тѣмъ достигъ святости и всеобщаго уваженія и любви.

Въ 1431 году умеръ настоятель монастыря, Маркеллъ. Братія и боровскій князь Симеонъ Владиміровичъ, высоко цѣня строго-подвижническую и глубоко-назидательную жизнь преподобнаго, умолили его принять начальство надъ обителью. Посвященный во игумена, онъ присоединилъ къ труднымъ подвигамъ инока не менѣе трудный подвигъ руководительства ввѣренныхъ его попеченію иноковъ.

За свою чистую и богоугодную жизнь онъ получилъ отъ Бога даръ прозорливости. Преподобный узнавалъ по взору, добрыми ли кто занятъ мыслями или худыми. Одинъ братъ, вышедши изъ обители, увидѣлъ женщинъ и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ. Когда онъ возвратился къ пр. Пафнутію, тотъ взглянулъ на него и сказалъ:

„ты не прежній“. Въ другой разъ Пафнутій по одному взгляду узналъ убійцу.—Иногда бывали ему откровенія во снѣ. Однажды инокъ посланъ былъ по монастырскимъ нуждамъ въ одно селеніе; тамъ онъ согрѣшилъ съ женщиною. Между тѣмъ Пафнутій, совершивъ молитвенное правило, заснулъ и во снѣ видитъ прекрасный садъ съ красивыми плодовыми деревьями; онъ радовался при видѣ ихъ. Но вдругъ одно лучшее дерево упало. Опечаленный тѣмъ, Пафнутій поднялъ упавшее дерево и опять посадилъ его; оно шаталось и готово было опять упасть, но онъ поддержалъ дерево, утопталъ землю около корня, и дерево стояло твердо. Проснувшись, преподобный понялъ смыслъ видѣнія. Когда возвратился согрѣшившій братъ, Пафнутій спросилъ его: „что съ тобою случилось?“ Тотъ сначала стыдился признаться въ грѣхѣ, но, послѣ продолжительныхъ увѣщаній настоятеля открыть больную душу, исповѣдалъ свой грѣхъ. Преподобный расположилъ падшаго инока обратиться съ слезнымъ раскаяніемъ къ Богу и искать душевнаго покоя въ надеждѣ на благость Божію, готовую принять кающагося грѣшника.

Пробывъ игуменомъ обители около тринадцати лѣтъ, преподобный тяжко заболѣлъ и принялъ схиму. Оправившись отъ болѣзни, преподобный оставилъ игуменство и въ 2-хъ верстахъ отъ Боровска, въ густомъ лѣсу, въ долинѣ между двумя рѣками, нашелъ себѣ уединенное мѣсто; здѣсь соорудилъ келлію и жилъ съ однимъ братомъ. Это было въ 1444 г. Вскорѣ слава его подвиговъ привлекла къ нему другихъ насельниковъ пустыни, которые съ благословенія преподобнаго строили келліи. Въ числѣ такихъ благочестивыхъ сожителей былъ Іосифъ, впослѣдствіи основатель Волоколамской обители, Исаія, родственникъ Пафнутія, Вассіанъ, писатель житія преподоб-

наго и впослѣдствіи ростовскій архіепископъ, и многіе другіе. Когда умножилось число учениковъ, пр. Пафнутій по желанію братіи устроилъ деревянный храмъ въ имя Рождества Пресв. Богородицы. Такъ образовался монастырь, который подъ мудрымъ управленіемъ преподобнаго болѣе и болѣе возрасталъ и числомъ и благочестіемъ иноковъ.

Господь являлъ дивную Свою помощь преподобному во всѣхъ его нуждахъ и скорбяхъ. Боровскому князю Василію Ярославичу досадно было, что оставленный Пафнутіемъ Высокій (Покровскій боровскій) монастырь падаетъ, а новая обитель (во владѣніяхъ князя Суходольскаго) начинаетъ процвѣтать. Чтобы привлечь преподобнаго съ учениками на прежнее мѣсто, князь не разъ посылалъ слугъ своихъ сжечь новую обитель; но слуги каждый разъ попадались на глаза Пафнутію и возвращались домой со стыдомъ и страхомъ. Князь за свою непріязнь къ пр. Пафнутію былъ наказанъ плѣномъ, въ который взялъ его сынъ казанскаго царя Улу-Махмета, въ 1445 году. Находясь въ плѣну, бѣдный князь сознàлъ свою вину предъ преподобнымъ и рѣшился загладить свой грѣхъ любовію, если Господь возвратитъ его изъ плѣна. Незлобивый преподобный съ своей стороны молился за князя, и по его молитвѣ князь освободился изъ плѣна. По возвращеніи въ свою страну, князь прежде всего явился къ Пафнутію, испросилъ у него прощеніе и съ того времени былъ до гроба почтительнымъ къ нему.

Преподобный сколько былъ незлобивъ, столько же и терпѣливъ въ нуждахъ, и это терпѣніе, одушевленное упованіемъ на Господа, низводило благодать на обитель. Однажды приближался праздникъ Пасхи, а въ обители вовсе не было рыбы. Братія скорбѣли о томъ, но преподобный сказалъ имъ: „не печальтесь! Господь утѣ-

шитъ насъ". Въ великую субботу, въ вечерню, пономарь пошелъ къ потоку почерпнуть воды и вдругъ увидѣлъ безчисленное множество рыбы. Пономарь извѣстилъ о томъ преподобнаго, а онъ велѣлъ закинуть мрежи, и рыбы было наловлено на всю святую недѣлю.

Когда число учениковъ умножилось до 80, преподобный рѣшился построить каменный храмъ въ честь Пречистой. При постройкѣ онъ самъ носилъ кирпичи, воду и другіе матеріалы. По отзыву современника, храмъ былъ дивно росписанъ Митрофаномъ и Діонисіемъ, лучшими живописцами того времени; храмъ былъ украшенъ иконами, книгами и богатою утварью, такъ что дивились ему властители земли русской. Храмъ былъ освященъ 26 октября 1466 года. Заботясь о великолѣпіи храма, самъ преподобный во всемъ любилъ нищету и бѣдность; о тѣлесныхъ нуждахъ онъ не заботился. Но когда дѣло касалось нуждъ ближняго, онъ первый спѣшилъ на помощь. Однажды былъ сильный голодъ. Преподобный каждый день питалъ до тысячи голодныхъ жителей и ничего не оставилъ изъ монастырскихъ запасовъ, но Господь въ слѣдующій годъ послалъ особенное плодородіе. Строгій къ самому себѣ, преподобный былъ снисходителенъ къ другимъ и весьма разсудителенъ. Потому-то не только иноки, но и миряне имѣли его своимъ духовникомъ. Онъ хорошо зналъ церковныя правила и умѣлъ, какъ искусный врачъ, давать лекарства, приличныя болѣзни.

За свою истинно-христіанскую добродѣтельную жизнь св. Пафнутій, кромѣ дара прозорливости и откровеній, сподобился отъ Бога еще при жизни своей дара чудотвореній. Такъ, молитвами своими онъ исцѣлилъ ослѣпшаго юношу, подалъ здравіе впавшему въ разслабленіе

иконописцу монастырскаго храма Діонисію и много другихъ чудесъ совершилъ.

Шестьдесятъ три года преп. Пафнутій провелъ въ иночествѣ и скончался въ глубокой старости, 83 лѣтъ, 1-го мая 1478 года. За недѣлю до смерти онъ предсказалъ день своей кончины и благочестиво приготовлялъ себя къ исходу изъ этой жизни. При отпѣваніи преподобнаго отъ слезъ и рыданій не могли ни пѣть, ни канонархать. По описанію современника, пр. Пафнутій былъ низокъ ростомъ, сгорбленный, съ сѣдою и длинною бородою. Тѣло его было погребено, по его желанію, близъ дверей храма. Мощи его почиваютъ въ настоящее время открыто въ придѣлѣ главнаго храма обители, посвященномъ его имени. Обитель пр. Пафнутія и послѣ кончины его была разсадникомъ иночества наравнѣ съ другими знаменитыми обителями того времени: отсюда вышли, кромѣ уже упомянутыхъ выше, Нифонтъ, еп. суздальскій, извѣстный защитникъ православія въ борьбѣ съ жидовствующими, — Вассіанъ-Топарковъ, еп. коломенскій, — преп. Давидъ, основатель Давидовой Вознесенской обители (пам. его 18 окт.), преп. Даніилъ чудотворецъ, основатель въ 1508 г. Переяславскаго Данилова монастыря (пам. 7 апр.), Макарій, новгородскій архіепископъ, впослѣдствіи московскій митрополитъ и др. Пафнутіевъ монастырь во время смутъ междоцарствія Тушинскимъ воромъ былъ разоренъ до основанія, а бывшіе въ немъ жильцы—побиты; впослѣдствіи Пафнутіева обитель была возобновлена вкладами князей Лыковыхъ, Рѣпниныхъ и Щербатовыхъ. Нынѣ этотъ монастырь включенъ въ 1-й классъ (Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв. стр. 195—196. Ист. Росс. Іер. Ч. 3, стр. 432—436. Жит. свв. Муравьева).

Муч. Савва повѣшенъ на смоковницѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 112).

ПРЕПОДОБНОМУЧЧ. ЕВѲИМІЯ. ИГНАТІЯ И АКАКІЯ.

О преподобномуч. Евѳиміи см. 21 ч. март. кн. 170 стр.

Св. Игнатій, въ мірѣ Іоаннъ, родился въ селеніи Ески-Загора, терновской епархіи. Когда онъ подросъ, родители переселились въ г. Филиппополь, гдѣ отдали сына своего въ школу. При прекрасныхъ отъ природы дарованіяхъ ума и неослабномъ прилежаніи Іоаннъ въ короткое время превосходно изучилъ славянскій свой языкъ; затѣмъ по любви къ уединенію и монашеской жизни удалился отъ своихъ родителей въ Рыльскую гору и поступилъ въ монахи въ тамошній монастырь. Старецъ, у котораго онъ находился въ послушаніи, былъ человѣкъ жестокій и безсердечный. Іоаннъ жилъ у него шесть лѣтъ; во все это время исполнялъ всѣ его требованія съ усердіемъ, и въ то же время съ кротостію и незлобіемъ переносилъ отъ него обиды. Когда же старецъ въ чаду безумнаго гнѣва хотѣлъ своего покорнаго ученика лишить жизни, юноша оставилъ его и удалился въ свое отечество. Но здѣсь ждало его новое огорченіе: На его глазахъ былъ убитъ турками его отецъ. Эти злодѣи лишили его жизни за то, что онъ не хотѣлъ идти съ ними на войну противъ единовѣрныхъ христіанъ-сербовъ; въ то же время турки схватили мать и двухъ сестеръ Іоанна, которыхъ подъ страхомъ смерти принудили потомъ принять магометанскую вѣру. Самъ Іоаннъ избѣгъ рукъ магометанъ благодаря только тому, что успѣлъ скрыться въ домѣ нѣкоей честной старицы. Преслѣдуемый ими, онъ переходилъ изъ селенія въ селеніе и на-

конецъ прибылъ въ Бухарестъ, гдѣ подружился съ преподобномуч. Евѳиміемъ. Живя въ Бухарестѣ, Іоаннъ видѣлъ развратную и разгульную жизнь жителей этого города, и, чтобы самому не попасть въ эту адскую сѣть, онъ рѣшился отправиться на Аѳонскую гору. На пути онъ долженъ былъ остановиться въ г. Шумлѣ. Сюда же прежде него прибылъ другъ его Евѳимій. Но не радостно было для Іоанна свиданіе съ своимъ другомъ. Оказалось, что Евѳимій по неразумному юношескому увлеченію отрекся отъ Христа и принялъ магометанство (см. 21 ч. марта, 170 стр.). Іоаннъ скорбѣлъ о другѣ и спѣшилъ удалиться изъ Шумлы, опасаясь, чтобы и съ нимъ не случилось подобнаго несчастія. И предчувствіе этой опасности не обмануло его. Лишь только Іоаннъ вышелъ изъ дома, чтобы направить путь къ Аѳонской горѣ, какъ схваченъ былъ буйною толпою турокъ, которые стали принуждать его къ принятію магометанства. Испуганный ихъ угрозами, Іоаннъ далъ обѣщаніе исполнить ихъ требованіе. Повѣривъ его слову, изувѣры оставили его на минуту въ покоѣ и принялись грабить и расхищать все встрѣчавшееся въ томъ домѣ, въ которомъ Іоаннъ на время остановился. Тогда Іоаннъ, улучивъ удобную минуту, скрылся отъ нихъ и послѣ не безопаснаго бѣгства прибылъ въ Ески-Загору; отсюда съ однимъ святогорскимъ старцемъ отправился на Аѳонъ и поселился въ скиту св. Анны у благочестиваго пресвитера Василія. Однажды, по какому-то дѣлу, случилось Іоанну вмѣстѣ съ Василіемъ быть въ Солуни. Здѣсь пришлось ему быть свидѣтелемъ страданій за вѣру Христову преподобномуч. Давида. Примѣръ св. исповѣдника и мученика сильно подѣйствовалъ на юную, воспріимчивую душу Іоанна: онъ самъ захотѣлъ пострадать за Христа. Это желаніе

въ юношѣ усилилось, когда онъ узналъ о недавней мученической кончинѣ друга своего Евѳимія. Желая идти въ слѣдъ своего друга-мученика, Іоаннъ отправился въ скитъ Предтечи къ старцу Никифору, подъ руководствомъ котораго былъ въ послѣднее время другъ его Евѳимій. Никифоръ съ радостію принялъ Іоанна, который и началъ проводить здѣсь самую строгую подвижническую жизнь: пищею его были только хлѣбъ и вода, и то въ небольшомъ количествѣ; отраду и жизнь находилъ въ денноночныхъ молитвенныхъ колѣнопреклоненіяхъ, въ непрестанномъ размышленіи объ Іисусѣ Христѣ и чтеніи свящ. писанія. Но всѣ свои труды и подвиги блаженный вмѣнялъ ни во что, сгорая пламеннымъ желаніемъ принять вѣнецъ мученичества. Часто со слезами просилъ онъ у своего старца благословенія на сей подвигъ; но тотъ до времени не давалъ ему благословенія, и Іоаннъ, хотя и не охотно, повиновался волѣ старца и съ неослабною ревностію продолжалъ вести жизнь въ трудахъ аскетическихъ и подвигахъ. Наконецъ старецъ, видя смиреніе Іоанна и его непреклонное желаніе умереть за имя Христово, и уразумѣвая въ этомъ волю Божію, согласился на его желаніе, предварительно постригши его въ инока съ именемъ Игнатія.

20 сентября 1814 г. Игнатій, напутствованный молитвами и благожеланіями скитской братіи, въ сопровожденіи благочестиваго инока Григорія, отправился въ Константинополь и остановился тамъ у одного благочестиваго христіанина Іоанна. Прежде шествія на подвигъ исповѣдничества Игнатій обратился съ пламенною молитвою къ Богоматери предъ чудотворною Ея иконою, находившеюся недалеко отъ дома Іоанна—въ домѣ нѣкоего благочестиваго христіанина. Игнатій со слезами умо-

лялъ Владычицу, да утвердитъ Она его намѣреніе и благоустроитъ путь его къ мученичеству. И вотъ во время молитвы, въ полночь, внезапно отъ иконы отдѣлился свѣтлый вѣнецъ и почилъ на главѣ Игнатія. Ободренный и утѣшенный видѣніемъ, блаженный съ радостію отправился въ турецкое судилище. Вошедши туда, Игнатій обратился къ судьѣ съ такими словами: „Въ отрочествѣ своемъ я, принуждаемый вами, турками, далъ слово отречься святой моей вѣры; теперь пришелъ сюда взять это слово назадъ и проповѣдать предъ вами Христа моего Богомъ истиннымъ и Творцемъ всей твари". Окончивши рѣчь, Игнатій бросилъ на землю съ головы своей зеленую повязку, которую за нѣсколько дней предъ тѣмъ надѣлъ. Судья началъ убѣждать Игнатія отречься отъ Христовой вѣры и обѣщалъ ему за это жизнь, полную удовольствій; въ противномъ случаѣ угрожалъ лютою смертію. Но Игнатій продолжалъ безбоязненно исповѣдывать Христа и обличалъ ученіе Магомета, какъ нечестивое и бѣсовское. Тогда, по приказанію судьи, святаго съ побоями отправили въ темницу, ноги его тамъ забили въ деревянныя колоды, а на шею наложили тяжелыя цѣпи. Но мужественный подвижникъ все переносилъ терпѣливо. Въ продолженіе двухъ дней судья неоднократно призывалъ его къ себѣ и убѣждалъ то угрозами, то ласками отречься отъ Христа. Наконецъ, видя непреклонность исповѣдника Христова, судья приказалъ удавить его. Слуги тотчасъ же повлекли св. Игнатія на мѣсто казни, гдѣ сначала задушили его, а потомъ повѣсили на деревѣ. Это было 8 октября 1814 года. Чрезъ три дня послѣ мученической кончины св. Игнатія сопровождавшій его инокъ Григорій купилъ за дорогую цѣну у палачей св. тѣло его и отправился съ

нимъ на св. гору. При этомъ Григорій захватилъ и мощи св. муч. Евѳимія. Мощи обоихъ мучениковъ положены были въ новосозданномъ храмѣ при келліи старца Никифора (Аѳон. Пат. Ч. 2, стр. 214—222).

Св. Акакій, въ мірѣ Аѳанасій, родился въ македонскомъ селеніи Неохори, близь г. Солуни, отъ благочестивыхъ и вмѣстѣ бѣдныхъ родителей. Не имѣя возможности въ этомъ селеніи пріобрѣтать даже необходимое для жизни, они переселились оттуда со всѣмъ своимъ семействомъ въ городъ Серезъ. Когда Аѳанасію исполнилось 9 лѣтъ, родители отдали его въ наученіе башмачному ремеслу. Но хозяинъ Аѳанасія оказался человѣкомъ жестокимъ; вмѣсто благоразумныхъ наставленій онъ ежедневно прибѣгалъ къ жестокимъ побоямъ. Не будучи въ состояніи переносить ихъ, Аѳанасій началъ помышлять о томъ, какъ бы освободиться отъ своего хозяина-мучителя. Однажды, въ великую пятницу, хозяинъ немилосердо избилъ Аѳанасія. Въ сильныхъ страданіяхъ отъ побоевъ Аѳанасій вышелъ изъ дома хозяина съ плачемъ и рыданіемъ и шелъ, самъ не зная куда. Дѣло было къ вечеру. На встрѣчу попались несчастному мальчику двѣ мусульманки. Замѣтивъ его плачущимъ, онѣ приласкали его, ввели въ свой домъ и накормили; затѣмъ онѣ предложили ему отречься отъ Христа и принять магометанство. Обласканный ими мальчикъ, чтобы избавиться отъ прежней несносной жизни, охотно согласился на предложеніе. Женщины тотчасъ отвели его къ хазнатари (хранителю султанскихъ сокровищъ) Юсуфубей. Тотъ поблагодарилъ женщинъ за такую услугу и немедленно совершилъ надъ мальчикомъ обрѣзаніе. Мальчикъ остался жить у хазнатари, который скоро усыновилъ его и съ этого времени питалъ къ нему нѣжную

отеческую любовь, равно какъ и жена его. Весело жилось Аѳанасію въ домѣ богатаго мусульманина. Всѣ въ домѣ любили юношу и доставляли ему возможныя наслажденія и удовольствія. Аѳанасію исполнилось уже 18 лѣтъ. Въ это время госпожа его вмѣсто материнской любви почувствовала къ нему нечистое плотское влеченіе. Сначала она скрывала свою страсть къ нему, но наконецъ не выдержала себя и призналась юному Аѳанасію въ любви. Не смотря на девятилѣтнее пребываніе въ нечестивомъ домѣ, въ Аѳанасіи не угасъ еще страхъ Божій, и сердце его оставалось цѣломудреннымъ. Подобно цѣломудренному Іосифу онъ рѣшительно отказался отъ пагубнаго предложенія своей госпожи и отбѣжалъ отъ нея, оставивъ въ рукахъ ея свои одежды. Но посрамленная неистовая любовь всегда обращается въ ненависть и воспламеняется безумною местію; поэтому и посрамленная мусульманка рѣшилась непремѣнно отомстить невинному Аѳанасію, и употребила для того способъ, подобный способу египтянки (жены Пентефрія), т. е. оклеветала его передъ своимъ мужемъ въ томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать ей насиліе. Выслушавъ жалобу своей жены, хазнатари выгналъ Аѳанасія изъ дома, предоставивъ ему полную свободу идти, куда хочетъ. Аѳанасій тотчасъ же отправился къ своимъ родителямъ въ Солунь, куда они переселились изъ Сереза, послѣ того какъ получили непріятное извѣстіе объ обращеніи своего сына въ магометанство. Съ радостію приняли сына родители, особенно когда узнали, что онъ рѣшительно отказывается отъ магометанской вѣры и хочетъ быть опять христіаниномъ. Когда прошли первые дни радостнаго свиданія, мать Аѳанасія стала убѣждать своего сына отправиться на Аѳонъ, тамъ исповѣдать предъ духовными отцами

свое паденіе и омыть его теплыми слезами. При этомъ она прибавила: „Прими во вниманіе, сынъ мой, и то, что какъ ты предъ безбожниками произвольно отрекся Іисуса Христа. Бога нашего, такъ подобаетъ тебѣ съ дерзновеніемъ и исповѣдать Его предъ ними и за любовь Его потерпѣть смерть, чтобы кровію своею загладить свое беззаконіе и быть сопричисленнымъ къ истиннымъ воинамъ Христовымъ". Вотъ истинно-благочестивая и чадолюбивая мать! она не жалѣла тѣла своего сына, которое подлежитъ смерти и тлѣнію, но любила душу его безсмертную и нетлѣнную. Аѳанасій съ радостію принялъ предложеніе матери и безъ всякаго замедленія отправился на святую гору, гдѣ поселился въ Хиландарской обители. Пробывъ здѣсь довольно продолжительное время, онъ, по совѣту отцовъ этой обители, пошелъ въ Ксеновскій скитъ къ благочестивѣйшему духовнику Николаю. Духовникъ, выслушавъ отъ него подробную исповѣдь, прочиталъ надъ нимъ установленныя церковію умилостивительныя молитвы и помазалъ его святымъ мνромъ. Послѣ сего Аѳанасій возвратился въ Хиландаръ, а черезъ годъ удалился въ Иверскую обитель. Здѣсь онъ услышалъ о недавно пострадавшихъ преподобномученикахъ Евѳиміи и Игнатіи, подвизавшихся въ скиту Предтечи подъ руководствомъ старца Никифора. Аѳанасій и самъ разжегся ревностію послѣдовать ихъ примѣру, для чего отправился къ наставнику ихъ, Никифору, которому послѣ искренней исповѣди во всѣхъ своихъ грѣхахъ объявилъ о своемъ намѣреніи пострадать за Христа. Духовникъ отдалъ его на испытаніе своему послушнику, старцу Акакію. Подъ его руководствомъ Аѳанасій началъ усердно подвизаться на трудныхъ стезяхъ аскетическихъ подвиговъ. Часто слезы ручьями текли изъ очей

его при воспоминаніи объ отреченіи отъ Христа. Узнавъ обо всемъ этомъ, духовникъ постригъ Аѳанасія въ инока съ именемъ Акакія, а вскорѣ нашелъ его и способнымъ совершить трудный подвигъ мученичества. Тотъ же старецъ Григорій, который сопутствовалъ преподобномуч. Игнатію въ Константинополь, назначенъ былъ сопутствовать теперь и Акакію. Въ 1-й день мѣсяца апрѣля 1816 года они отправились въ путь на кораблѣ. Во время плаванія старецъ Григорій, замѣтивъ благочестіе шкипера, начальника корабля, и служащихъ на немъ, открылъ имъ тайно о намѣреніи Акакія и просилъ ихъ содѣйствія въ святомъ его дѣлѣ. Корабельщики съ радостію изъявили на то согласіе. По просьбѣ Григорія и Акакія, шкиперъ одѣлъ послѣдняго въ турецкія одежды, а братъ шкипера взялся его сопровождать къ визирю, такъ какъ самъ Акакій не зналъ туда дороги. Приплывъ къ Константинополю, Акакій со слезами простился съ Григоріемъ и направился съ своимъ путеводителемъ ко дворцу, гдѣ находится верховное оттаманское судилище. Близъ дворца разстался съ Акакіемъ его вожатый. Мужественно и дерзновенно вошелъ Акакій внутрь крыльца этого судилища и прежде всего встрѣтилъ тамъ придверника визиря. Придверникъ спросилъ Акакія: кто онъ и за чѣмъ пришелъ? Акакій разсказалъ ему о своемъ отреченіи отъ вѣры Христовой въ девятилѣтнемъ возрастѣ, разсказалъ о своемъ происхожденіи, потомъ, исповѣдавъ предъ мусульманиномъ вѣру Христову, началъ обличать нечестіе вѣры мусульманской и называть Магомета лжецомъ и обманщикомъ. Въ доказательство же своего отреченія отъ магометанства снялъ съ головы своей зеленую повязку, бросилъ ее на землю и сталъ попирать ногами. Увидѣвъ такое поруганіе своей религіи, прид-

верникъ началъ жестоко бить исповѣдника Христова. А такъ какъ время не позволяло представить его тогда же къ визирю, то, заковавъ его въ цѣпи, отправилъ до вечера въ темницу. Въ тотъ же день вечеромъ привели Акакія въ судилище. Сначала ласками и обѣщаніями всевозможныхъ благъ судьи склоняли его къ отреченію отъ Христа. Но когда увидѣли его твердымъ въ своемъ исповѣданіи, приступили къ пыткамъ, послѣ которыхъ снова заключили его въ темницу. На другой день мученика опять привели въ судилище и снова ласками и обѣщаніями соблазняли его. Не успѣвъ и на этотъ разъ, визирь приказалъ отвести его, какъ преступника, къ одному жестокому городскому судьѣ, какъ будто для надлежащаго разсмотрѣнія дѣла. Но когда и здѣсь мученикъ остался непоколебимымъ въ своей вѣрѣ, рѣшено было съ утвержденія визиря на утро отсѣчь ему голову. Между тѣмъ Григорій, доселѣ пребывавшій въ Константинополѣ и тайно слѣдившій за участью Акакія, для духовнаго утѣшенія мученика считалъ приличнымъ и благовременнымъ сподобить его пріобщенія Св. Таинъ; но не зналъ, какъ это сдѣлать. Кто рѣшится проникнуть къ страдальцу въ темницу, куда онъ снова былъ ввергнутъ послѣ истязаній предъ градскимъ судіею? По нѣкоторомъ размышленіи Григорій обратился съ просьбою объ этомъ къ брату шкипера, который былъ вожатымъ мученика: тотъ согласился. Одинъ іерей города Галаты далъ Григорію часть пренебеснаго хлѣба, вложенную въ дароносицу; а Григорій вручилъ ее моряку. Этотъ благополучно проникнулъ въ темницу, такъ какъ темничные стражи не были на своемъ посту и занимались завтракомъ. Исполнивъ данное порученіе, морякъ спокойно выходилъ изъ тюрьмы, но стражи, стоявшіе уже на своихъ мѣстахъ,

неожиданно бросились на него и избили его до безпамятства. Когда благодѣтель Акакія пришелъ въ чувство, то увидѣлъ предъ собою возмутительную картину: дикая, оборванная толпа турокъ влекла къ мѣсту казни Акакія, связаннаго по рукамъ и ногамъ, и била его, чѣмъ попало. Мученикъ весь избитый и окровавленный безмолвно переносилъ истязанія. Морякъ послѣдовалъ за мучителями. Когда привели страдальца на мѣсто казни, онъ преклонилъ колѣна и главу свою и спокойно сказалъ палачу: „опускай мечъ твой, только смѣло и мѣтко", и въ ту же минуту священная глава его отдѣлилась отъ тѣла. Это было 1-го мая 1816 года. Морякъ поспѣшилъ извѣстить обо всемъ Григорія: старецъ возблагодарилъ Бога, давшаго Акакію силу до конца выдержать подвигъ мученичества, и при помощи добрыхъ христіанъ выкупилъ св. тѣло мученика у невѣрныхъ. Черезъ три дня по смерти мученика св. тѣло его было перенесено на тотъ же корабль, на которомъ и пріѣхалъ въ Константинополь св. Акакій. 9-го мая Григорій благополучно прибылъ со св. мощами на Аѳонъ и положилъ ихъ въ новосозданномъ храмѣ при келліи старца Никифора, рядомъ съ мощами преподобномучч. Евѳимія и Игнатія. Житія всѣхъ этихъ трехъ мучениковъ написаны современниками (Аѳон. Пат. Ч. 2, стр. 223—233).

СВЯЩЕННОМУЧ. МАКАРІЯ, МИТРОП. КІЕВСКАГО.

Св. Макарій до посвященія своего въ санъ митрополита былъ архимандритомъ виленскаго Троицкаго монастыря. О жизни этого святителя до возведенія его въ санъ митрополита почти ничего неизвѣстно. Въ 1495 году, при вѣнчаніи великаго князя литовскаго Александра съ

Еленою, дочерью великаго князя московскаго Іоанна 3-го, Макарій присутствовалъ въ санѣ архимандрита виленскаго, но уже назывался нареченнымъ митрополитомъ. По желанію Іоанна бракъ этотъ долженъ былъ совершить нареченный митрополитъ Макарій, но желаніе князя, къ огорченію православныхъ, не сбылось. Когда Елена въѣхала въ Вильну (15 февраля 1495 г.) и приблизилась къ русской церкви Рождества Пречистыя, здѣсь встрѣтилъ ее, какъ и приличествовало, самъ избранный на митрополію архимандритъ Макарій съ православнымъ духовенствомъ и совершилъ для нея торжественное молебствіе; но когда изъ православнаго храма Елену повели въ костелъ Станислава для вѣнчанія, ей предшествовалъ съ крестомъ въ рукахъ пріѣхавшій съ нею изъ Москвы духовникъ ея, священникъ Ѳома, а не Макарій съ духовенствомъ. Вѣнчаніе въ костелѣ совершалъ виленскій бискупъ Войцехъ Таборъ, а въ православномъ храмѣ тотъ же священникъ Ѳома. Блаженному же Макарію оставалось быть только свидѣтелемъ и тайнымъ молитвенникомъ, ибо онъ не смѣлъ вѣнчать по заказу великаго князя литовскаго. А этотъ князь такъ распорядился по наущенію латинянъ, желавшихъ всюду унижать православіе. Въ томъ же 1495 году совершилось рукоположеніе архимандрита Макарія въ санъ митрополита кіевскаго и всея Россіи соборомъ южно-русскихъ святителей: Вассіана владимірскаго, Луки полоцкаго, Вассіана туровскаго и Іоны луцкаго; а къ патріарху константинопольскому Нифонту послали за благословеніемъ старца Діонисія и діакона-инока Германа. Въ исходѣ того же 1495 г. прибылъ изъ Константинополя посолъ отъ патріарха Нифонта съ благословенными листами. Передавая ихъ в. князю, княгинѣ и Макарію, посолъ замѣ-

тилъ епископамъ: „впередъ не поставляйте митрополита, пока не получите благословенія отъ насъ, развѣ будетъ великая нужда“. Епископы на то отвѣчали: „мы не отказываемся отъ древнихъ обычаевъ соборной цареградской церкви и отъ благословенія отца нашего патріарха; мы сдѣлали то по нуждѣ, какъ и прежде поступали наши епископы при в. кн. Витовтѣ“. Мѣстопребываніемъ своимъ митрополитъ Макарій, подобно предшественникамъ своимъ, избралъ Вильну. Живя здѣсь, святитель личнымъ сношеніемъ съ в. княземъ Литвы легко могъ предупреждать происки и насилія папизма, равно помогать православію и въ другихъ нуждахъ. Съ другой стороны, въ Кіевѣ, въ то время полуразрушенномъ, жить было опасно по случаю частыхъ нападеній на него крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Но не долго суждено было святительствовать Макарію. Желаніе осмотрѣть древнѣйшее мѣсто своей каѳедры и святыни кіевскія, а главнымъ образомъ настоятельная нужда привести въ порядокъ Софійскій соборъ, ограбленный предъ тѣмъ татарами, побудили попечительнаго пастыря отправиться въ Кіевъ. Путь предстоялъ не безопасный, въ этомъ предупреждали святителя. Но ревностный святитель, презрѣвъ опасности и предавъ себя волѣ Божіей, отправился въ Кіевъ. На пути онъ былъ убитъ татарами. Современный лѣтописецъ, знавшій Макарія, такъ описываетъ это печальное событіе: „Въ 1497 году, мая 1-го дня, на шестой недѣлѣ послѣ великаго дня (Пасхи), въ понедѣльникъ безбожные перекопскіе татары убили преосвященнаго кіевскаго Макарія, митрополита и архіепископа всея Россіи. Вторглись они въ нашу землю скрытно отъ всѣхъ и настигли его въ селѣ Стриголовѣ (Минской губ.), на рѣкѣ Бгичѣ, за пять миль отъ Мозыря, и изъ бывшихъ

съ нимъ однихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Такъ Богъ попустилъ по нашимъ грѣхамъ. Грѣшники мы отъ ногъ до головы. Но я уповаю на Господа Бога, что такая смерть случилась архіерею Божію для большаго ему воздаянія: ибо онъ ѣхалъ въ Кіевъ, желая помочь церкви Божіей—Софіи, разоренной прежде тѣми же агарянами". Это успокоительное и отрадное упованіе на особенное благоволеніе Божіе къ святителю Макарію не осталось постыднымъ: св. тѣло его прославлено нетлѣніемъ. Оно покоится нынѣ въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ, открыто. Въ томъ же соборѣ хранится кипарисный крестъ святителя.

Память св. Макарія совершалось прежде 18 января, въ день ангела святителя — преп. Макарія египетскаго, но съ 1827 года перенесена на день его кончины — 1-го мая, и въ этотъ праздникъ рака св. мощей его обносится вокругъ Софійскаго собора (Ист. Русс. ц. преосвящ. Макарія. Т. 9, стр. 81—84. Ист. Росс. Іер. Ч. 1-я, стр. 35. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв. 152. Жит. свв. Муравьева).

ПР. ГЕРАСИМА БОЛДИНСКАГО.

Преп. Герасимъ, въ мірѣ Григорій, родился въ 1489 г., въ Переяславлѣ - Залѣсскомъ, гдѣ въ то время подвизался пр. Даніилъ (см. 7 апрѣля), и съ дѣтства любилъ посѣщать храмъ Божій. Святая жизнь Даніила возбудила въ Григоріи непреодолимое желаніе оставить міръ и принять иноческій санъ. И вотъ онъ неотступно и со слезами сталъ умолять преп. Даніила взять его къ себѣ. Даніилъ провидя въ отрокѣ дѣйствительное призваніе къ подвижнической жизни, взялъ его къ себѣ послушникомъ.

Григорію было въ это время только 13 лѣтъ. Будучи по ремеслу сапожникомъ, онъ усердно трудился для братіи, приготовляя для нея сапоги. На время онъ оставлялъ св. Даніила, чтобы слушать наставленія другихъ старцевъ. И когда довольно преуспѣлъ въ подвигахъ монастырской жизни, принялъ отъ рукъ Даніила постриженіе съ именемъ Герасима. Это было въ то время (въ началѣ 16 в.), какъ Даніилъ перешелъ изъ Успенской обители, что на Горицахъ, въ Троицкую божедомскую (мѣсто скудельницы). Молодой инокъ ревностно выполнялъ подвиги поста и молитвы: принималъ пищу чрезъ день и чрезъ два, въ точности исполнялъ келлейное правило, молился нерѣдко въ продолженіе цѣлой ночи. Такъ онъ подъ руководствомъ опытнаго наставника, пр. Даніила, подвизался 26 лѣтъ. Чистая, поистинѣ святая жизнь Герасима пріобрѣла ему общее уваженіе не только въ обители, но и далеко за предѣлами ея; онъ былъ извѣстенъ даже и въ Москвѣ. Любя уединеніе, Герасимъ тяготился такою извѣстностію. Съ благословенія пр. Даніила онъ вышелъ изъ обители его безъ всего, только съ желаніемъ служить Господу въ уединеніи. Въ 1528 году пр. Герасимъ поселился въ дорогобужскомъ лѣсу (Смолен. губ.), въ которомъ, кромѣ змѣй и звѣрей, никого не было. Иногда скрывались тамъ разбойники для грабежа, такъ какъ вблизи проходила большая дорога. Въ этомъ дикомъ и пустынномъ мѣстѣ преподобный построилъ себѣ хижину и сталъ въ ней подвизаться. Разбойники неоднократно били его, стараясь выгнать его изъ своего сосѣдства, но онъ терпѣливо переносилъ ихъ побои и молился. Для своего пропитанія преподобный повѣсилъ на большой дорогѣ кузовокъ, куда по временамъ клали хлѣбъ прохожіе. Но иногда тѣже прохожіе и опоражнивали его.

Противъ послѣднихъ Богъ послалъ подвижнику сторожа въ воронѣ, который звѣрей и людей, подходившихъ къ кузовку съ худымъ намѣреніемъ, прогонялъ клювомъ и крыльями. Такъ жилъ преподобный въ хижинѣ своей, какъ птица, безъ печалей и заботъ о землѣ, хранимый и питаемый Господомъ.—По особому откровенію онъ перешелъ потомъ на Болдину гору, при подножіи которой струился потокъ, осѣняемый огромнымъ тѣнистымъ дубомъ (въ 15 верстахъ отъ Дорогобужа). Отсюда поселяне хотѣли выгнать подвижника; они обращались съ нимъ не лучше разбойниковъ: неоднократно били его палками и однажды, связавъ руку и ноги его веревками, повлекли-было къ озеру, чтобы утопить. Но, опасаясь за это отвѣтственности, отправили его къ дорогобужскому намѣстнику вмѣстѣ съ богатыми отъ себя подарками. Сверхъ всякаго ожиданія, по Божію изволенію, безчестіе пр. Герасима обратилась ему въ славу. Намѣстникъ, получивъ подарки, осыпалъ преподобнаго ругательствами и далъ приказаніе отправить его связаннымъ въ тюрьму; но въ это самое время вошелъ къ намѣстнику царскій посолъ изъ Москвы, видавшій нѣсколько разъ Герасима вмѣстѣ съ преп. Даніиломъ у царя (Василія 4-го Іоанновича). Посолъ узналъ преподобнаго, съ глубокимъ уваженіемъ поклонился ему и просилъ благословенія. Намѣстникъ затрепеталъ и просилъ прощеніе у преподобнаго. Желая совершенно загладить свою вину предъ нимъ, намѣстникъ одарилъ его и обѣщалъ употребить всѣ зависящія отъ него средства для огражденія преподобнаго отъ нападокъ со стороны поселянъ. Преподобный возвратился въ свою болдинскую пустыню, и добрые люди послѣ того уже не тревожили его; наоборотъ, его имя стали вездѣ произносить съ уваженіемъ, и къ нему со всѣхъ сторонъ начали стекаться

ревнители благочестія. Сперва для нихъ построенъ былъ молитвенный домъ, потомъ преподобный отправился въ Москву и испросилъ тамъ позволеніе на построеніе общежительнаго монастыря. Въ 1530 году, построенъ былъ и освященъ храмъ во имя Св. Троицы, построены были въ тоже время и келліи для братіи. Пр. Герасимъ во всѣхъ трудахъ былъ образцемъ и примѣромъ для братіи: Самъ носилъ камни и глину, при сооруженіи храма и келлій; трудился много и для общежитія: мололъ жерновомъ рожь, даже и за другихъ, пекъ хлѣбы, рубилъ и носилъ дрова, мылъ для братіи свитки, прислуживалъ больнымъ. Питался св. подвижникъ хлѣбомъ съ водою, спалъ мало, и то большею частію сидя. Такая строгая подвижническая жизнь Герасима скоро привлекла въ его монастырь много иноковъ.

Кромѣ Болдина монастыря, пр. Герасимъ основалъ еще два: Предтечевъ—въ Вязьмѣ и Введенія Богородицы—на р. Жиздрѣ, въ Брынскомъ лѣсу. Для послѣдней обители онъ самъ разчищалъ лѣсъ и приготовлялъ матеріалъ для постройки. Отъ Болдинской обители мѣсто жиздренской пустыни въ 300 верстахъ; но преподобный всегда пѣшкомъ ходилъ туда и обратно. Предъ смертію его въ Болдинской обители было уже до 140 братій. Подъ его руководствомъ воспитались строгіе подвижники благочестія: блаж. Аркадій, скончавшійся послѣ своего наставника въ затворѣ, и блаж. Антоній, почившій вологодскимъ епископомъ (1588 г.). Скончался преп. Герасимъ 1-го мая 1554 г., на 65 г. отъ рожденія. Мощи его почиваютъ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ Болдинской обители подъ спудомъ. Надъ св. мощами совершалось не мало чудесъ. Опишемъ два изъ нихъ: Одинъ инокъ Корнилій далъ обѣщаніе предъ ракою преподобнаго до смерти

жить въ его обители; но потомъ сталъ роптать на игумена и на всѣ монастырскіе порядки. Игуменъ вразумлялъ недовольнаго, но тотъ еще болѣе ожесточился. Въ такомъ настроеніи духа инокъ пошелъ къ гробницѣ преподобнаго и палъ предъ нею, испрашивая благословенія выдти изъ обители; вдругъ слышитъ, кто-то вышелъ изъ гробницы, пригнулъ его сзади къ землѣ и не давалъ ему встать; инокъ почувствовалъ въ то же время разслабленіе во всемъ тѣлѣ и сдѣлался слѣпъ и нѣмъ. Въ такомъ положеніи нашли его братія у гроба преподобнаго, совершили молитву о здравіи больнаго, и онъ выздоровѣлъ. Исцѣленный разсказалъ братіи, что когда о немъ молились, вышелъ изъ гроба преподобнаго легкій нежгучій пламень, который быстро охватилъ его всего, и онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.—Инокъ Діонисій долго велъ жизнь осмотрительную, потомъ напали на него хульные помыслы и довели его до бѣшенства. Братія помолились о больномъ у гроба преподобнаго и къ нему возвратился смыслъ. „Меня немилосердо мучили бѣсы, такъ разсказывалъ исцѣленный самъ тогда же, но теперь явился мнѣ пр. Герасимъ съ вологодскимъ епископомъ Антоніемъ (Діонисій былъ ученикъ еп. Антонія) и прогналъ отъ меня злыхъ духовъ“ (Ист. Росс. Іер. Ч. 3, стр. 413. Русс. свв Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв. стр. 65. Смолен. епар. вѣдом. № 3, 1871 г. Истор. опис. Смолен. епар., стр. 296—298).

2-е число.

Св. Аѳанасія, архіеп. александрійскаго. Свв. мучч. Еспера и Зои и чадъ ихъ: Киріака и Ѳеодула. Пренесеніе мощей россійскихъ князей Бориса и Глѣба, въ крещеніи Романа и Давида.

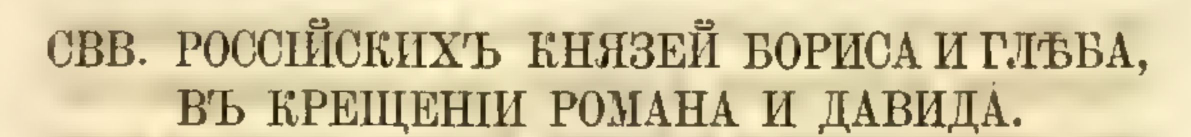
(Пр. Іордана чудотворца. Путивльскія иконы Божіей Матери. Вутиванскія иконы Божіей Матери. Св. Бориса-Михаила, князя болгарскаго).

О св. Аѳанасіи, архіеп. александрійскомъ, см. въ январской кн. 18 ч.

СВВ. МУЧЧ. ЕСПЕРА И ЗОИ И ЧАДЪ ИХЪ: КИРІАКА И ѲЕОДУЛА.

Свв. Есперъ и Зоя происходили изъ Фригіи. Вмѣстѣ съ дѣтьми своими, Киріакомъ и Ѳеодуломъ, они были проданы въ рабство богатому римлянину, по имени Каталу, переселившемуся изъ Рима въ Малую Азію, въ Атталію памфилійскую. Каталъ былъ язычникъ, Есперъ и Зоя христіане. Усердно исполняя черныя нелегкія работы у румлянина, они въ тайнѣ еще усерднѣе служили Господу Богу — держали строгій постъ и возносили непрестанно молитву къ Богу. Дѣти ихъ, воспитанныя въ страхѣ Божіемъ и любви ко Христу, опасались, чтобы

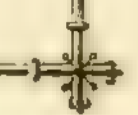
не заразиться въ домѣ господина-язычника языческими нечестіями и обычаями, и потому предлагали матери оставить своего господина и бѣжать. Но мать отклоняла такое предложеніе дѣтей и говорила: „О, дѣти! какъ мы можемъ отойти отъ язычника, когда онъ нашъ господинъ и имѣетъ власть надъ нашимъ тѣломъ". Тогда съ юношескою пламенною ревностію о Господѣ дѣти объявили ей свое желаніе пострадать за имя Христа, открыто исповѣдавъ себя христіанами предъ своимъ господиномъ. Радуясь и восхваляя ихъ преданность ко Христу, мать въ то же время убѣждала ихъ на время оставить такое намѣреніе: она боялась, что по молодости онѣ не выдержатъ испытанія и поклонятся идоламъ. Но скоро желаніе юношей исполнилось. Узнавъ, что Есперъ и Зоя христіане, Каталъ требовалъ, чтобы они поклонились богинѣ Фортунѣ, которой онъ праздновалъ по случаю рожденія сына. Они отказались исполнить требованіе. Чтобы поколебать твердость и мужество своихъ рабовъ, Каталъ приказалъ повѣсить дѣтей ихъ, Киріака и Ѳеодула, на деревѣ и строгать тѣла ихъ. При видѣ страданій своихъ любимыхъ чадъ, мать терзалась глубокою скорбію, но скоро твердая любовь ко Христу разсѣяла ея грусть, и мать стала убѣждать дѣтей мужественно терпѣть страданія за Христа. Тогда нечестивый Каталъ приказалъ мучить и Еспера съ Зоею. Послѣ истязаній всѣхъ ихъ ввергнули въ разжженную печь, въ которой свв. мученики и предали духъ свой. На другой день тѣла ихъ нашли совершенно неповрежденными огнемъ. Мученическая кончина ихъ послѣдовала 2-го мая, въ царствованіе римскаго императора Адріана (117—138 г.). Императоръ Іустиніанъ (527 — 565) построилъ Зоѣ храмъ въ Девтерѣ (Четьи-Минеи).



СВВ. РОССІЙСКИХЪ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛѢБА, ВЪ КРЕЩЕНІИ РОМАНА И ДАВИДА.

Св. равноапостольный великій князь кіевскій Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, изъ которыхъ особенно любилъ Бориса и Глѣба. Это были два брата единоутробные (Владиміръ въ язычествѣ имѣлъ нѣсколько женъ), прекраснѣйшіе и благочестивѣйшіе изъ всѣхъ дѣтей Владиміра, посреди которыхъ сіяли они, по выраженію преп. Нестора, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди мрака. Рожденные не задолго до крещенія Владиміра, они росли и развивались въ благочестіи, не тронутые заразою язычества. Борисъ былъ правдивъ, тихъ, щедръ, милосердъ, любилъ читать св. книги и особенно житія святыхъ мучениковъ, молясь Господу, чтобы сподобилъ его ходить по стопамъ ихъ и достигнуть ихъ жребія. Глѣбъ, юнѣйшій, неотлучно находился при братѣ, слушалъ чтеніе его день и ночь и творилъ многую милостыню нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ. Потому-то преимущественно и любилъ отецъ этихъ двухъ дѣтей своихъ, видя на нихъ благодать Божію.

Св. Владиміръ еще при жизни своей далъ въ управленіе своимъ дѣтямъ разные удѣлы. Борису данъ былъ Ростовъ, а Глѣбу сосѣдственный Муромъ (въ 1010 г.). Правила святой жизни, въ какихъ воспитывались они у отца, открылись на дѣлѣ и въ новомъ кругу ихъ жизни. Прибывъ въ свои удѣлы, Борисъ и Глѣбъ прежде всего позаботились о распространеніи св. вѣры, и для этого дѣлали все, что только могли. Затѣмъ, „пребывая въ наученіи словесъ Божіихъ", они въ управленіи своими областями являли дѣла милосердія и кротости. „Пребыста въ наученіи Божіихъ словесъ, говоритъ лѣтописецъ



Несторъ, милостыню творяще нищимъ и убогимъ и вдовамъ, яко не имѣти у себе ничто же, развѣ одежды".

28 лѣтъ въ христіанствѣ св. равноапостольный Владиміръ княжилъ въ Россіи. Не задолго предъ кончиною его случилось нападеніе на Русскую землю печенѣговъ. Владиміръ, состарѣвшійся и больной, не могъ самъ выдти противъ враговъ. Для отраженія ихъ онъ вызвалъ къ себѣ изъ Ростова Бориса. Великій князь желалъ видѣться съ своимъ любимымъ сыномъ между прочимъ и для того, чтобы объявить его наслѣдникомъ своего престола, минуя старшихъ дѣтей. Борисъ пошелъ противъ печенѣговъ, но уже не нашелъ ихъ въ предѣлахъ отечества, потому и обратился назадъ. Станъ свой на возвратномъ пути онъ расположилъ при рѣкѣ Альтѣ, близъ Переяславля. Въ это время (15 іюля 1015 г.) скончался св. Владиміръ въ Вышгородѣ (близъ Кіева). Смерть отца поразила Бориса глубокою скорбію. Скорбь его была тѣмъ тяжелѣе, что вмѣстѣ съ извѣстіемъ о кончинѣ родителя своего получилъ онъ нерадостную вѣсть о коварныхъ замыслахъ брата своего Святополка. Одинъ изъ всѣхъ дѣтей свидѣтель кончины Владиміра, Святополкъ, желая получить великокняжескую власть, старался до времени скрыть кончину своего отца, чтобы имѣть время лестію пріобрѣсть пособниковъ своему замыслу. Онъ „сѣлъ на отцовскомъ столѣ" и поспѣшилъ задобрить кіевлянъ. „Созвалъ ихъ и раздалъ имъ богатые подарки; кіевляне приняли дары, но сердце ихъ не было съ нимъ", такъ какъ знали, каковъ Святополкъ. Нѣкоторые же изъ кіевскихъ бояръ, прибывъ къ Борису на Альту, предлагали ему идти съ войскомъ въ Кіевъ и занять престолъ; но смиренный и богобоязненный князь рѣшительно отвергъ такое предложеніе и не хотѣлъ идти противъ старшаго брата.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ боярамъ, не подниму я руки на старшаго брата моего; умеръ отецъ мой, пусть онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца". Дружина Бориса разошлась, и онъ остался съ малымъ числомъ своихъ отроковъ-тѣлохранителей. Святополкъ же положилъ сидѣть на престолѣ во что бы то ни стало. У него явилась даже адская мысль погубить всѣхъ братьевъ своихъ и самому быть единовластителемъ земли Русской. Прежде всего злоумышленникъ старался погубить Бориса; для сего послалъ звать Бориса въ Кіевъ, обѣщая ему лучшій удѣлъ. Не надѣясь на его добровольный приходъ, Святополкъ тайно явился въ Вышгородъ и спросилъ тамошнихъ, извѣстныхъ ему бояръ, на сколько они ему преданы. И когда услышалъ, что они готовы положить за него головы свои, приказалъ имъ тайно идти къ Борису и убить его. Былъ вечеръ субботы. Бориса извѣстили, что его хотятъ убить. Онъ удалился въ свой шатеръ и въ немъ сталъ слезно молиться Богу и читать св. книги. Въ воскресенье, рано утромъ, приказалъ пресвитеру служить утреню; самъ пѣлъ, читалъ шестопсалміе и канонъ. Между тѣмъ въ утреню прибыли вышегородскіе бояре—злоумышленники къ шатру Бориса. Услышавъ церковную службу, они остановились. Борисъ узналъ, что злодѣи стоятъ у шатра. Тяжело было на душѣ его! Облегченіе своей скорби онъ искалъ и находилъ въ пламенной молитвѣ къ Богу и всецѣлой покорности волѣ Божіей. По окончаніи утрени Борисъ пріобщился св. Христовыхъ таинъ, затѣмъ обратился къ образу Спасителя и со слезами молился: Господи! Ты пострадалъ за грѣхи наши, удостой меня пострадать для Тебя; умираю я не отъ враговъ, а отъ брата, не поставь ему того во грѣхъ". Послѣ этихъ молитвенныхъ словъ Борисъ простился со всѣми бывшими при немъ

слугами и спокойно легъ на свой одръ. Убійцы, какъ лютые звѣри, ворвались въ шатеръ Бориса и пронзили его копьями. Затѣмъ, завязавши тѣло мученика въ плащъ, повезли его еще дышавшаго къ Святополку. На встрѣчу убійцамъ шли два варяга, посланные Святополкомъ; усмотрѣвъ, что св. Борисъ еще дышетъ, одинъ изъ нихъ мечемъ пронзилъ сердце святаго. Такъ скончался св. князь Борисъ. Это было 24 іюля 1015 г. (спустя 8 дней по смерти отца). Честное тѣло его тогда же было привезено въ Вышгородъ и погребено въ церкви св. Василія. Св. Борисъ, по изображенію лѣтописца, былъ высокъ и статенъ, съ круглымъ лицемъ, тонкій, со взоромъ яснымъ и веселымъ, съ малою бородою и усами, такъ какъ былъ еще молодъ.

Подобную же мученическую кончину отъ злодѣйской руки брата претерпѣлъ и Глѣбъ. Святополкъ послалъ къ нему сказать, что отецъ его при смерти и зоветъ его къ себѣ скорѣе въ Кіевъ. Не подозрѣвая ничего худаго, Глѣбъ немедленно отправился съ малымъ числомъ тѣлохранителей. На пути въ Кіевъ, близъ Смоленска, онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и о коварныхъ замыслахъ брата. Но уже близко были убійцы, подосланные Святополкомъ; они встрѣтили Глѣба на устьѣ рѣки Смядыни (близъ Смоленска) и, овладѣвъ судномъ, на которомъ плылъ князь, принудили страшными угрозами собственнаго повара его зарѣзать своего господина. Юный Глѣбъ, какъ агнецъ безгласный, не противился и, подобно брату Борису, молясь за убійцъ своихъ, былъ закланъ въ 5-й день сентября того же 1015 г. Тѣло св. страстотерпца было брошено убійцами въ пустынѣ между двумя колодами и прикрыто хворостомъ. Такъ св. Глѣбъ, подобно Борису, палъ жертвою властолюбія своего брата.

заклеймившаго себя въ исторіи позорнымъ именемъ окаяннаго. Но Господь не допустилъ исполниться замысламъ братоубійцы относительно занятія великокняжескаго престола. Ярославъ Владиміровичъ, князь новгородскій, узнавши о злодѣйскихъ поступкахъ брата Святополка, собралъ дружину и выступилъ противъ него. Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ кровопролитная война клонилась успѣхомъ то къ тому, то къ другому. Святополкъ прибѣгалъ къ помощи ляховъ и печенѣговъ, Ярославъ же къ Богу и мученикамъ братьямъ своимъ. Въ 1019 г. на р. Альтѣ, на мѣстѣ страшнаго злодѣйства, Ярославъ нанесъ рѣшительное пораженіе братоубійцѣ и занялъ столъ отца. Святополкъ, подобно Каину, впалъ послѣ этого въ ужасное состояніе: стоналъ, трясся и нигдѣ не находилъ себѣ спокойствія. Отмѣченный печатію проклятія Божія, братоубійца съ малою дружиною убѣжалъ изъ предѣловъ отечества и на чуждой землѣ окончилъ жизнь свою въ мучительныхъ страданіяхъ. Дружина похоронила его и надъ тѣломъ насыпала большой холмъ земли; но мимоходящіе долго послѣ ощущали смрадъ, исходившій изъ сей могилы, какъ знаменіе отмщенія Божія за кровь неповинныхъ братьевъ.

Перервемъ на минуту нить нашего разсказа и отъ поражающей душу кровавой драмы перенесемся мыслію къ нашей собственной жизни. Какъ часто и особенно изъ-за наслѣдства возникаетъ между родными братьями ненависть. Положимъ, не совершается при этомъ убійства, подобнаго тому, какъ совершилъ это Святополкъ; но виновенъ въ убійствѣ бываетъ человѣкъ и тогда, когда не наружнымъ только насиліемъ прекращаетъ жизнь другаго, а когда словами, клеветою, вовлеченіемъ въ порокъ, подрываетъ жизнь своего брата не менѣе, какъ и

посредствомъ явнаго убійства. Ненависть способна на все склонить человѣка, и потому-то апостолъ Іоаннъ и называетъ братоненавидѣніе человѣкоубійствомъ. „Всякій, ненавидящій брата своего, говоритъ онъ, есть человѣкоубійца; а вы знаете, что никакой человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной въ немъ пребывающей" (1 Іоан. 3. 15). Участь Святополка окаяннаго, шедшаго „путемъ Каиновымъ" (Іуд. II ст.), да устрашитъ всякаго, измѣняющаго долгу любви братней изъ-за временной мзды и суетныхъ преимуществъ земной жизни.

Одною изъ первыхъ заботъ Ярослава, утвердившагося на великокняжескомъ престолѣ, было воздать почесть страдальцамъ-братьямъ. Мощи св. Бориса найдены въ Вышгородѣ въ церкви св. Василія, а о св. Глѣбѣ было извѣстно только то, что онъ убитъ недалеко отъ Смоленска, а гдѣ находится тѣло его, никто не зналъ изъ приближенныхъ Ярослава. Ярославъ послалъ отыскивать дорогіе останки Глѣба. Долго искали, но не находили ихъ, и не прежде, какъ черезъ годъ (въ 1020 г.) св. тѣло случайно найдено охотниками. Великій князь немедленно отправилъ въ Смоленскъ священниковъ и діаконовъ; они взяли мощи св. Глѣба и съ подобающими почестями привезли по рѣкѣ Днѣпру въ Кіевъ. Великій князь, митрополитъ, духовенство, бояре и народъ торжественно встрѣтили св. мощи. Не смотря на то, что около пяти лѣтъ тѣло св. Глѣба лежало на открытомъ воздухѣ безъ всякой защиты, оно оказалось совершенно цѣлымъ, ни мало не повредившимся отъ воздушныхъ перемѣнъ, было бѣло и цвѣло, какъ живое. Св. мощи были перенесены въ Вышгородъ и положены вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса у церкви св. Василія. Скоро у могилы мучениковъ начали являться знаменія и чудеса. „Много разъ ночью, говоритъ Не-

сторъ въ житіи ихъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ лежали тѣла святыхъ Бориса и Глѣба, видѣнъ былъ огонь",—и разсказываетъ, что однажды иноземные варяги, переходя чрезъ Вышгородъ, остановились близъ того мѣста. Одинъ изъ варяговъ по невѣдѣнію сталъ ногою на могилу свв. мучениковъ, изъ нея тотчасъ вышелъ огонь и опалилъ его ногу такъ, что онъ не могъ ходить. Послѣ этого чуда всѣ стали съ благоговѣніемъ почитать то мѣсто, гдѣ лежали св. мощи Бориса и Глѣба. Вскорѣ церковь св. Василія по неосторожности пономаря, забывшаго погасить въ ней свѣчу, сгорѣла. „Это допустилъ Богъ съ тѣмъ, замѣчаетъ Несторъ, чтобы тѣла святыхъ вынуты были изъ земли и честно положены были въ новомъ храмѣ, что и совершилось". Великій князь Ярославъ, узнавъ о печальной участи храма, немедленно пригласилъ къ себѣ митрополита Іоанна, который, по совѣщанію съ великимъ княземъ, сдѣлалъ чрезъ нѣсколько времени торжественный крестный ходъ изъ Кіева въ Вышгородъ къ могилѣ святыхъ. Раскопали могилу и изнесли гробы ихъ на поверхность земли; когда митрополитъ съ пресвитерами открылъ эти гробы, то увидѣли тѣла угодниковъ Божіихъ совершенно нетлѣнными. Ихъ перенесли въ особо устроенную часовню, поставили открыто на правой сторонѣ ея и совершили надъ ними святую службу (всенощную). Новыя два чуда,—исцѣленіе хромаго и слѣпаго, совершившіяся при гробахъ свв. братьевъ, еще болѣе убѣдили всѣхъ въ прославленіи ихъ Господомъ. Вскорѣ въ Вышгородѣ сооружена была во имя страстотерпцевъ большая деревянная пятиглавая церковь, великолѣпно украшенная внутри и снаружи. По приказанію Ярослава была написана и поставлена въ церкви икона святыхъ князей, чтобы вѣрные, взирая

на нихъ съ вѣрою и любовію, поклонялись имъ и лобызали ихъ лики. Храмъ былъ освященъ самимъ митрополитомъ въ присутствіи великаго князя и множества народа 24 іюля (въ день смерти Бориса); мощи свв. Бориса и Глѣба поставлены были въ церкви открыто. Къ довершенію церковнаго торжества совершилось во время литургіи поразительное чудо: хромой, ползавшій съ великимъ трудомъ по церкви, какъ только прикоснулся къ ракѣ свв. мощей, вдругъ всталъ на ноги и сталъ ходить въ виду всѣхъ. Послѣ литургіи торжествующій великій князь устроилъ богатый обѣдъ для митрополита, духовенства и всякаго званія людей; затѣмъ праздновалъ еще 8 дней и въ это время раздалъ много милостыни бѣднымъ, сиротамъ и убогимъ. Для содержанія же новоустроенной Борисо-Глѣбской церкви и ея причта опредѣлилъ выдавать десятую часть изъ вышегородской дани. Тогда же установлено было ежегодно праздновать память свв. мучениковъ въ 24 день іюля. Это было въ 1021 г. По смерти Ярослава (1019—1054) великокняжескій престолъ занялъ сынъ его Изяславъ. Видя, что церковь, построенная его родителемъ, обветшала, онъ 1072 г. построилъ новый храмъ во имя свв. страстотерпцевъ. На праздникъ освященія храма и перенесенія свв. мощей собрались всѣ дѣти Ярослава: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, также митрополитъ Георгій со многими епископами. Совершивъ молебенъ предъ ракою свв. мощей, митрополитъ и князь Изяславъ рѣшили сперва перенести мощи св. Бориса. Церемоніалъ перенесенія былъ торжественный: впереди шли монахи со свѣчами, потомъ діаконы, далѣе священники, послѣ нихъ святители и наконецъ князья, которые и несли на своихъ плечахъ многоцѣлебныя мощи роднаго

своего дяди Бориса. Когда въ новомъ храмѣ открыли раку, храмъ наполнился благоуханіемъ. Митрополитъ—грекъ, дотолѣ не совсѣмъ вѣрившій славѣ и благочестію русскихъ князей, въ страхѣ палъ предъ ракою и молился о прощеніи грѣха своего. Затѣмъ приступлено было къ перенесенію мощей св. Глѣба, находившихся въ каменной ракѣ. По тяжести раки порѣшили везти ее на *саняхъ* *), но рака оказалась такъ тяжела, что никакія человѣческія усилія не могли ее стронуть съ мѣста. По наставленію митрополита, клиръ и народъ начали взывать къ Богу о помощи, и силою общей молитвы рака двинулась и была торжественно поставлена въ храмѣ. Народъ съ благоговѣніемъ притекалъ къ мощамъ свв. угодниковъ Божіихъ и со слезами лобызалъ ихъ; рукою св. Глѣба митрополитъ благословлялъ князей и народъ. Это перенесеніе мощей было совершено 2-го

*) Въ древней Руси, даже въ 17 вѣкѣ, *сани* служили у насъ погребальнымъ одромъ, носилками и употреблялись для этой цѣли во всякое время года. Такъ, по крайней мѣрѣ, толкуетъ сказаніе о погребеніи царя Алексѣя Михаиловича г. Аѳанасьевъ (Поэтич. воззрѣнія слав. на природу. Аѳанасьевъ. Т. 1, стр. 581 ср. прим. 1). Объясненіе Аѳанасьева подтверждается лѣтописнымъ сказаніемъ о погребеніи князя Владиміра Васильевича (1289 г.), гдѣ точно также говорится, что „и взложше его на *сани* и повезеша до Владиміра, поставиша *на санѣхъ въ церкви*, зане бысть поздно“ (Истор. госуд. Росс. Карамзина. Т. 4, прим. 175). Мало того, въ лѣтописяхъ встрѣчаемся съ данными, на основаніи которыхъ можно заключить, что въ древности сани не только служили *неизмѣннымъ* погребальнымъ одромъ (Ист. Гос. Росс. Карамз. Т. 2, прим. 50, 208, 230; т. 4 прим. 175 и др.), но и вообще *носилками* при торжественныхъ выходахъ. Такъ, въ лѣтописномъ сказаніи о погребеніи царя Василія Ивановича 3-го, между прочимъ, замѣчено: „великую же княгиню (вдовствующую) несоша изъ ея хоромъ *въ санѣхъ* на себѣ дѣти

мая, и день этотъ положено праздновать каждый годъ. Въ новомъ храмѣ открылись новыя знаменія чудодѣйственной силы и небесной славы мучениковъ; здѣсь совершились три замѣчательныя чуда: исцѣлились нѣмой съ отнявшеюся ногою, женщина сухорукая и слѣпецъ.

Спустя слишкомъ 20 лѣтъ послѣ построенія Изяславова храма, сооруженъ былъ въ Вышгородѣ въ честь свв. мучениковъ каменный храмъ, освященный торжественно 1-го мая 1115 г., при вел. князѣ Владимірѣ Мономахѣ (1113—1125). На другой день, 2-го мая, совершено было перенесеніе свв. мощей въ новоустроенный храмъ. Мономахъ, и прежде оказывавшій великое усердіе къ мученикамъ, оковалъ раки святыхъ серебряными вызолоченными досками съ изображеніями страстотерпцевъ, передъ раками повѣсилъ серебряныя лампады и поставилъ хрустальные вызолоченные подсвѣчники. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышгородъ князья, духовенство, воеводы, бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и

боярскія на лѣстницу" (Карамз. Т. 7, прим. 331). Всѣ эти данныя ясно свидѣтельствуютъ, что замѣчаніе Аѳанасьева о существовавшемъ въ древности обычаѣ, въ силу котораго сани служили погребальнымъ одромъ, имѣетъ свое основаніе. Къ такому же заключенію, говоритъ Аѳанасьевъ, можно приходить и на основаніи одного доселѣ существующаго въ Подольской губерніи (въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, селеніяхъ Ямпольскаго уѣзда). обычая везти тѣло умершаго въ гробу на саняхъ, въ какое бы время года не совершалось погребеніе. Обычай этотъ тамъ строго соблюдается по преданію отъ отцевъ и прадѣдовъ, и искоренить его, по словамъ мѣстнаго священника, невозможно (см. опис. села Великой Косницы свящ. Кондрацкаго 1868 г. въ рукоп. архива комитета для историко-стат. описанія Подольской епархіи).

городскихъ стѣнахъ; каждый хотѣлъ прикоснуться къ св. праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для духовенства, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей и сребренники. Тогда же была составлена особая служба мученикамъ на 2-е мая.

Послѣ торжественнаго открытія мощей свв. князей, память о нихъ навсегда утвердилась въ церкви и землѣ Русской. Славна и благотворна была память сія! Повсюду начали строить въ честь свв. Бориса и Глѣба храмы, особенно въ мѣстахъ, ознаменованныхъ какими-либо воспоминаніями о свв. князьяхъ. Такъ въ честь свв. Бориса и Глѣба воздвигнуты были храмы на мѣстахъ пролитія ихъ невинной крови — при Альтѣ и Смядынѣ, и въ мѣстахъ ихъ княженія—въ Ростовѣ и Муромѣ. Знаменитѣйшею была каменная церковь въ Вышгородѣ, гдѣ почивали и мощи свв. мучениковъ, и куда стекались на поклоненіе страстотерпцамъ и князья, и бояре, и простой народъ, особенно во дни памяти ихъ. Среди бѣдствій и превратностей, жертвою коихъ были Кіевъ и его окрестности, сокрылись отъ насъ мощи свв. князей; разрушена была и каменная церковь ихъ; но и доселѣ уцѣлѣло основаніе ея, на которомъ стоитъ нынѣшняя церковь свв. мучениковъ, привлекающая къ себѣ много русскихъ богомольцевъ. Послѣ 12 вѣка, съ расширеніемъ и увеличеніемъ предѣловъ Русской земли, увеличилось и число церквей въ честь свв. мучениковъ, такъ что на всемъ необъятномъ пространствѣ земли Русской, особенно въ знаменитѣйшихъ городахъ, были сооружены въ честь ихъ храмы, иногда и по нѣскольку въ одномъ городѣ. Память этихъ мучениковъ во весь домонгольскій періодъ праздновалась весьма торжественно, и день ея, какъ видно изъ устава кіев. митр. Георгія (Ист. Русс. Церкв. Голубин-

скаго. Т. 1 § 9), причислялся къ великимъ годовымъ праздникамъ *).

Когда въ теченіе вѣковъ въ церкви русской возрасло обильное число прославленныхъ мужей, разнообразно служившихъ церкви и землѣ Русской изъ горняго міра, вѣра народная выдѣляла изъ сего многочисленнаго лика рядъ избранныхъ Божіихъ, которымъ преимущественно усвояла общее заступничество всей земли Русской. Въ этомъ избранномъ ряду впереди другихъ ставились имена свв. Бориса и Глѣба. Эта вѣра въ заступничество свв. князей часто оправдывалась и поддерживалась дивными явленіями данной имъ благодати. Русскіе христіане, особенно князья, часто призывали или исповѣдывали ихъ помощь въ борьбѣ съ врагами отечества. Тогда войну называли судомъ Божіимъ—по вѣрѣ, что побѣда или пораженіе зависятъ наиболѣе отъ воли Божіей. Эта вѣра служила надежнѣйшимъ щитомъ и ободреніемъ въ вѣка непрерывныхъ браней, опасностей, случайностей. Ею-то отличались особенно лучшіе князья—герои своего вѣка. Владиміръ Мономахъ (1113 — 1125), Мстиславъ Владиміровичъ великій (1125 — 1132), Андрей Георгіевичъ Боголюбскій (1157—1174), Александръ Ярославичъ Невскій (1252 — 1263), Димитрій Іоанновичъ Донской (1363—1389) и многіе другіе русскіе князья предъ выступленіемъ на брань съ врагами отечества просили въ молитвахъ своихъ помощи у свв. страстотерпцевъ, а послѣ

*) Служба свв. Борису и Глѣбу была замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что пареміи читались изъ лѣтописнаго сказанія о смерти этихъ мучениковъ. Пареміи эти слѣдующія: а) «Братіе, въ бѣдахъ пособные бывайте»... б) «Слышавъ Ярославъ, яко отецъ его умре, а Святополкъ сидѣ въ Кіевѣ». . и в) «Стѣнамъ твоимъ, Вышегороде, устроихъ стражи весь день»...

побѣды воздавали имъ славу и благодареніе, какъ дивнымъ защитникамъ и заступникамъ земли Русской.

Память свв. Бориса и Глѣба была весьма благотворна по отношенію къ нравственной жизни русскаго народа. Свв. князья стали мучениками потому, что были высокими христіанами. Твердая вѣра внушила имъ святое мужество къ принятію мученичества. Воспріимчивыя души русскихъ назидались, воспоминая любовь свв. князей ко Христу, ихъ усердіе къ слову Божію, богослуженію, молитвѣ, ихъ добросердіе, незлобіе, цѣломудріе и другія добродѣтели, которыя восхваляли въ нихъ благочестивые сказатели. Такое назиданіе прежде всего открывалось для князей, какъ сродниковъ свв. мучениковъ. Это святое родство, начинаясь родствомъ съ равноапостольнымъ Владиміромъ, съ теченіемъ времени восполнялось новыми святыми лицами изъ его племени. Древніе сказатели благоразумно указывали на это князьямъ, открывая здѣсь для нихъ и наслѣдственную славу, и наслѣдственное благочестіе. И если первая была утѣшительна, то второе обязательно. Мы знаемъ, что князья, имѣвшіе особенную любовь къ своимъ святымъ сродникамъ, отличались духомъ высокаго благочестія, развивавшимся подъ вліяніемъ этой любви и памяти, такъ что иногда называли ихъ именно подражателями свв. Борису и Глѣбу. Князья очень любили давать двумъ сряду сыновьямъ своимъ имена Бориса и Глѣба, выражая тѣмъ вѣру въ духовное общеніе съ святыми своими сродниками, и конечно эта вѣра была для нихъ назидательна. Такими-то, между прочимъ, путями образовалось то необходимое требованіе православнаго русскаго народа, что князья и цари его должны быть ревнителями благочестія. Сила впечатлѣнія, которая получалась при воспоминаніи о свв. князьяхъ,

ихъ добродѣтеляхъ, мученичествѣ, возрастала еще отъ того, что нравственный образъ ихъ представлялся въ какой-то особенной красотѣ и свѣжести. Самыя отдѣльныя черты ихъ жизни, особенно послѣднихъ дней и часовъ предъ мученичествомъ, трогательны и прекрасны. И, къ достоинству древнихъ нашихъ писателей, надобно замѣтить, что они чувствовали нравственную красоту образа свв. князей, ихъ жизни и кончины, и художественно начертили этотъ образъ для духовнаго наслажденія и назиданія русскихъ христіанъ. Вотъ почему сказанія эти, перейдя въ лѣтописи, сборники, прологи и проч., были такъ распространены въ древней Руси. А какъ распространено было сказаніе о жизни, страданіяхъ и чудесахъ свв. Бориса и Глѣба, это можно видѣть изъ того, что это сказаніе внесено въ армянскія Четьи-Минеи, и это единственное жизнеописаніе русскихъ святыхъ, записанное въ упомянутыя книги. Сказаніе это занесено въ Арменію кѣмъ-либо изъ армянъ, проживавшихъ въ Кіевѣ, а по возвращеніи сообщившимъ оное составителю Четьи-Минеи; а армяне, какъ видно изъ житія пр. Агапита (1-го іюня), проживали въ Кіевѣ съ 11-го вѣка. Первоначально житіе свв. Бориса и Глѣба написано было черноризцемъ Іаковомъ, затѣмъ преп. Несторомъ, подвизавшимся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ (Четьи-Минеи. Прологъ 20 мая. Русс. свв. Филарета, арх. черн. іюля 24 Ист. Русс. цер. преосв. Макарія. Т. 1 стр. 62—66. Слов. истор. о свв. стр. 39—41. 67—68. Жит. свв. Муравьева 24 іюля. Христ. чт. 1849 г. 2, 337—350. Душеп. чт. 1860 г. май 3—46. Воскр. чт. 6 т. 132 стр., 8 т. 62 стр., 19 т. 175 стр., 20 т. 147 стр., 25 т. 387 стр. Ист. Карамз. 2, 7—9. Прим. 5, стр. 76, прим. 126).

ПУТИВЛЬСКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Путивльская, иначе Смоленская, икона Богоматери находится въ Путивльскомъ монастырѣ Курской епархіи. Она явилась въ г. Путивлѣ, у бывшихъ Никольскихъ воротъ, 2 мая 1238 года, въ 1-мъ часу дня, и тогда же была перенесена въ Путивльскій монастырь. Объ этомъ явленіи Путивльской иконы написано на кіотѣ, въ которомъ находится икона. Икона имѣетъ въ длину полтора аршина, въ ширину одинъ аршинъ и два съ половиною вершка; на ней серебряная риза съ позлащенными вѣнцами и украшеніями. Хотя Путивльская икона называется Смоленскою, но отъ послѣдней она имѣетъ нѣкоторыя особенности въ написаніи; такъ: а) Богоматерь представлена возсѣдающею на каѳедрѣ, и изображена во весь ростъ; б) на Спасителѣ — вѣнецъ, по обѣимъ сторонамъ по одному ангелу; между тѣмъ какъ на Смоленской иконѣ Богоматерь изображена на тронѣ и не во весь ростъ, на Спасителѣ нѣтъ вѣнца, нѣтъ и ангеловъ, окружающихъ Богоматерь (Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор. стр. 18).

СВ. БОРИСА—МИХАИЛА, КНЯЗЯ БОЛГАРСКАГО.

Княженіе Бориса до принятія имъ христіанства было очень несчастливо. Все, что не предпринималъ онъ, не удавалось ему. Войны, съ кѣмъ онъ ни велъ ихъ, были для него не удачны. Въ подобномъ положеніи голосъ истины скорѣе достигаетъ сердца, человѣкъ внимательнѣе и безпристрастнѣе относится къ настоящему, живѣе и отчетливѣе воспоминаетъ прошедшее. Такъ и Борисъ во время своихъ несчастій вспомнилъ слова своего дяди Бояна, пострадавшаго за вѣру во Христа: „Настанетъ

день, когда христіанская истина одержитъ побѣду надъ языческою ложью". Посмотрѣлъ князь внимательнѣе вокругъ себя и видитъ, что цѣлые десятки тысячъ его подданныхъ исповѣдуютъ уже христіанство. Слова дяди, очевидно, начинали уже сбываться. И это одно значительно расположило Бориса въ пользу христіанства. На подготовленную такимъ образомъ почву уже не трудно было дѣйствовать и убѣжденіемъ. Въ плѣну у Бориса находился знаменитый греческій учитель Куоара, который часто бесѣдовалъ съ княземъ и указывалъ ему на пустоту язычества. Бесѣды эти также не остались безслѣдными для князя. Окончательный же переворотъ въ душѣ его къ принятію христіанства произвела сестра его. Взятая въ плѣнъ греками еще въ нѣжномъ возрастѣ, она по условіямъ мира съ Греціею (въ 852 г.) отпущена была уже взрослою дѣвицею въ Болгарію въ замѣнъ упомянутаго учителя Куоары. Воспитанная при греческомъ дворѣ въ правилахъ христіанства, сестра Бориса по возвращеніи настойчиво внушала своему брату сдѣлаться христіаниномъ. И Борисъ наконецъ рѣшился принять христіанскую вѣру. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ сношеніе съ греческимъ императоромъ и заключилъ съ нимъ миръ, выгодный для Болгаріи. Въ дѣлѣ просвѣщенія Бориса принялъ живое участіе патріархъ Фотій. Отправивши въ Болгарію епископа, онъ написалъ Борису особое посланіе, въ которомъ изложилъ не только начала вѣры и жизни христіанской, но и правила управленія народомъ. Борисъ крестился, принявши имя императора Михаила (855—867). По примѣру князя крестились и нѣкоторые изъ приближенныхъ его; но большая часть закоренѣлыхъ въ язычествѣ сильныхъ вельможъ враждебно отнеслась къ крещенію князя. Едва только они узнали объ этомъ,

какъ подняли волненіе за старую вѣру: цѣлыя 10 областей были подняты боярами противъ Бориса. Дѣло дошло до того, что въ Предславѣ хотѣли убить Бориса и на его мѣсто возвести язычника. Князь Михаилъ, оградивъ грудь свою крестомъ, съ 48 придворными и 7-ю духовными лицами вышелъ къ мятежной толпѣ, и она въ смятеніи разсѣялась. Послѣ этого народъ сталъ понемногу креститься; но по интригамъ западной церкви начатое дѣло распространенія христіанства въ Болгаріи на время должно было остановиться. Римскій миссіонеръ, священникъ Павелъ, съ своими сотрудниками возбудилъ въ князѣ Борисѣ, еще мало знакомомъ съ вѣрою, множество сомнѣній о восточной церкви и въ заманчивомъ видѣ представилъ ему всѣ выгоды покорности папѣ. Борисъ, желая имѣть въ Болгаріи независимое церковное управленіе, а главное надѣясь найти въ западномъ епископѣ защиту противъ нѣмцевъ, тѣснившихъ Болгарію, согласился на предложеніе миссіонера; поэтому и обратился въ 866 году къ папѣ Николаю съ просьбою прислать способныхъ учителей въ Болгарію и учредить въ ней патріаршество. Папа, конечно, радъ былъ тому, что цѣлый народъ отдастся въ его руки. Немедленно послалъ онъ двухъ епископовъ въ Болгарію ввести тамъ обычаи и обряды западной церкви. Но славяне, давно крестившіеся, не хотѣли признавать власть папы и присланныхъ имъ епископовъ и требовали себѣ восточныхъ священниковъ. Борисъ скоро увидѣлъ свою ошибку и спѣшилъ поправить ее. Притязанія папы онъ изложилъ въ особомъ посланіи, которое передалъ (въ 869 г.) на судъ собора восточныхъ епископовъ. Соборъ постановилъ: „Присуждаемъ, чтобы земля Болгарская, которая въ старину находилась подъ властію грековъ и имѣла греческихъ

священниковъ, отторгнутая отъ святой константинопольской церкви язычествомъ, нынѣ возвращена была ей чрезъ христіанство". Князь объявилъ это рѣшеніе папѣ и предложилъ священникамъ римской церкви оставить Болгарію. Съ этого времени началось спокойное и постепенное крещеніе болгарскаго народа восточными проповѣдниками. Православіе и просвѣщеніе особенно быстро начали процвѣтать здѣсь съ того времени, какъ прибыли сюда ученики св. Меѳодія, изгнанные изъ Моравіи нѣмцами. Тогда заведены были школы, въ которыхъ преподавался законъ Божій на славянскомъ языкѣ и приготовлялись достойные служители церкви. Борисъ мирно скончался 2-го мая 906 г. Еще при жизни своей онъ передалъ управленіе народомъ сыну своему, а самъ удалился въ монастырь, гдѣ до конца жизни и подвизался въ постѣ и молитвѣ (Свв. южн. слав. Филарета, арх. черн. стр. 73—82. Крат. очер. ист. прав. ц. бол. серб. и румын. Е. Голубинскаго. 1871 г. стр. 22—33).

3-е число.

Свв. мучч. Тимоѳея чтеца и Мавры, сожительницы его. Пр. Петра чудотворца, еп. аргосскаго. Пр. Ѳеодосія, игумена печерскаго. Кіевопечерскія иконы Божіей Матери.

(Мучч. 27 въ огнь. Свѣнскія печерскія иконы Божіей Матери. Печерскія иконы Богоматери. Ясинскія иконы Божіей Матери).

СВВ. МУЧЧ. ТИМОѲЕЯ ЧТЕЦА И МАВРЫ, СОЖИТЕЛЬНИЦЫ ЕГО.

Христіане первыхъ трехъ вѣковъ въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ занимались между прочимъ чтеніемъ свящ. писанія и писаній св. отцовъ. Эти чтенія доставляли вѣрующимъ истинное утѣшеніе и утверждали въ нихъ духъ мужества и терпѣнія къ перенесенію гоненій. Потому-то они берегли св. книги, какъ драгоцѣнное сокровище, и тщательно скрывали ихъ отъ своихъ гонителей; многіе изъ вѣрующихъ готовы были даже за нихъ пролить кровь свою. Зная, съ какимъ воодушевленіемъ и наслажденіемъ читаютъ христіане св. книги, гонители христіанъ старались истреблять священные памятники христіанской письменности. Злѣйшимъ врагомъ для христіанъ въ этомъ отношеніи былъ императоръ Діоклитіанъ (284—305). Въ его царствованіе истреблено было много книжныхъ хранилищъ и вообще памятниковъ хри-

стіанской вѣры. Въ его царствованіе особенно дорогимъ цѣнителемъ св. книгъ оказался муч. Тимоѳей.

Онъ жилъ въ селеніи перапейскомъ, въ Ѳиваидѣ. и былъ чтецомъ церковнымъ. Въ его завѣдываніи находилось много книгъ, употреблявшихся при церковномъ богослуженіи. Только что онъ вступилъ въ бракъ съ юною Маврой, какъ неожиданно схваченъ былъ язычниками и представленъ предъ судилище областнаго правителя, язычника Аріана. Правитель, узнавъ, что Тимоѳей чтецъ церковный, прежде всего потребовалъ отъ него выдачи церковныхъ книгъ. Тимоѳей на это смѣло отвѣчалъ правителю: „не разумно твое требованіе! Книги для меня — жизнь, наслажденіе и радость. Когда я читаю ихъ, то представляю, что бесѣдую съ Богомъ, ангелами и свв. людьми, а это для меня дороже всего въ жизни. Дѣлай со мною, что хочешь, а книгъ тебѣ не выдамъ". За мужественнымъ и рѣшительнымъ отказомъ выдать церковныя книги послѣдовалъ не менѣе твердый отказъ святаго и на другое требованіе правителя — принести жертву богамъ. „Богамъ твоимъ я никогда не буду кланяться и книгъ не покажу язычникамъ, ибо я христіанинъ", такъ отвѣчалъ св. Тимоѳей. Такая твердость исповѣдника раздражила правителя. По его приказанію принесены были два острые, до бѣла раскаленные, железные прута, которыми и проткнули уши Тимофея: отъ чего онъ тотчасъ потерялъ зрѣніе и ослѣпъ. Мучители съ притворнымъ сочувствіемъ говорили ему: „какого дорогаго дара ты лишился за свое непослушаніе; ты не можешь теперь видѣть свѣта и міра". Но страдалецъ отвѣчалъ имъ: „я лишился только тѣлесныхъ очей; они мнѣ не такъ дороги, какъ вы думаете; для меня несравненно дороже очи вѣры, которыми зрю Господа моего

Іисуса Христа, просвѣщающаго мою душу". Услышавъ это, мучитель приказалъ заткнуть уста св. мученика кускомъ дерева. Затѣмъ связаннаго повѣсили его за ноги къ столбу, а къ головѣ привязали тяжелый камень. Въ молитвѣ къ Господу искалъ и находилъ мученикъ подкрѣпленіе въ своемъ страданіи. Видя твердость св. Тимоѳея въ перенесеніи страданій, правитель, по совѣту приближенныхъ, вздумалъ прибѣгнуть къ другому, противоположному средству для подчиненія его своей волѣ. Узнавъ, что св. Тимоѳей только что женился, и что супруга его очень молода и красива, правитель призвалъ ее къ себѣ и сказалъ ей: „жалѣю о твоемъ несчастіи, что ты, такая молодая, скоро будешь вдовою. Одѣнься въ лучшую одежду, убери свои волосы и иди къ мужу убѣдить его принести жертву богамъ. Если убѣдишь его, онъ будетъ живъ, и ты получишь отъ насъ награду". Неопытная и отъ всего сердца любящая своего супруга юная Мавра склонилась на просьбу правителя. Но то, что по разсчету мірской опытности и житейской мудрости казалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для соблазна, обратилось въ посрамленіе коварнымъ искусителямъ. Мавра въ роскошныхъ одеждахъ явилась къ своему мужу и начала умолять его исполнить, хотя на время, волю правителя и тѣмъ избавить себя отъ страшныхъ мученій. Слѣпой мученикъ, обонявъ благоуханіе отъ одеждъ своей жены, просилъ отца своего, стоявшаго въ народѣ, обвязать ему лицо, чтобы не чувствовать ароматнаго запаха отъ женскихъ одеждъ. Смущенная такою просьбою мужа, Мавра съ невиннымъ простодушіемъ сказала ему: „почто, возлюбленный Тимоѳее, такъ унижаешь меня, прежде чѣмъ оскорбила тебя. Еще нѣтъ и двадцати дней, какъ мы обвѣнчались, и ты еще не

узналъ нрава моего, а я не успѣла познакомиться со всѣми мѣстами твоего дома и столь далека отъ порока, что еще ни съ кѣмъ инымъ не участвовала ни въ разговорѣ, ни въ трапезѣ. Теперь же я плачу, видя тебя въ мукахъ, и болѣю о тебѣ сердцемъ, что, будучи неповиннымъ, терпишь такія страданія. Я не понимаю и не знаю, за что ты такъ страдаешь! Если за долги или неуплату царской дани, то продадимъ драгоцѣнныя наши одежды, продадимъ все, что у насъ есть съ тобою, и заплатимъ весь долгъ". Такая искренняя, беззавѣтная любовь Мавры къ мужу внушила ему пламенное желаніе содѣлать и ее участницею своихъ страданій, а вмѣстѣ съ ними и вѣнцевъ небесныхъ. „О, Мавра, оставь временное и суетное міра сего! воскликнулъ св. Тимоѳей. Гряди со мною на добрый сей подвигъ, за который мы сподобимся принять нетлѣнные вѣнцы отъ Спасителя, нашего Бога! Исповѣдуй Христа, Бога своего, и словомъ, и жизнію; не щади для Него ни юности своей, ни красоты своего тѣла. Не страшись предстоящихъ мученій, только надѣйся на Бога, и Онъ обратитъ муки въ бальзамъ, изливающійся на твое тѣло и облегчающій всѣ твои болѣзни". Потомъ онъ воззвалъ къ Господу: „Господи, Господи, призри на рабу Твою Мавру; совокупивый насъ въ супружествѣ, сотвори насъ и въ подвигѣ семъ нераздѣльными, да не будемъ отлученными отъ лика святыхъ Твоихъ мучениковъ; сподоби насъ мужественно претерпѣть муки и смерть, да постыдятся враги наши, не возмогшіе насъ разлучить отъ единодушнаго согласія, которое имѣемъ о Христѣ. Господѣ нашемъ, съ Нимъ же Тебѣ, Отцу и Св. Духу, слава во вѣки, аминь". Съ умиленіемъ и слезами радости выслушала наставленіе и молитву своего мужа Мавра и

сказала ему: „чего ты желаешь, того и я желаю. Я готова умереть съ тобою за Христа“. Эти слова юной жены тотчасъ переданы были правителю Аріану. Тотъ потребовалъ Мавру къ себѣ и сказалъ ей: „ты хочешь раздѣлить одну участь съ мужемъ потому только, что не желаешь въ молодости остаться вдовою. Не печалься! Я найду тебѣ мужа достойнѣе и благороднѣе Тимоѳея, и ты будешь наслаждаться всѣми земными радостями и удовольствіями“. Мавра отвѣчала ему, что отъ всѣхъ мірскихъ радостей она отказалась и замужества не желаетъ, потому что обручилась небесному жениху, Іисусу Христу, въ Которомъ вся ея жизнь и радости. Такой отвѣтъ возбудилъ гнѣвъ въ правителѣ; онъ приказалъ вырвать у Мавры изъ головы всѣ волосы, а потомъ отсѣчь пальцы ея рукъ. Св. страдалица безропотно переносила эти мученія, укрѣпляемая Божественною силою. Не вразумляясь такимъ терпѣніемъ мученицы, правитель велѣлъ своимъ воинамъ наполнить котелъ кипящею водою и бросить въ кипятокъ св. Мавру. Св. мученица въ котлѣ была невредима; лицо ея сіяло небесною радостію. „Благодарю тебя, сказала она Аріану, что ты велѣлъ омыть и очистить меня отъ многихъ грѣховъ, содѣланныхъ мною въ тлѣнномъ семъ мірѣ“. Предполагая обманъ со стороны исполнителей казни, правитель лично захотѣлъ освидѣтельствовать воду, но, обваривъ себѣ руки, закричалъ отъ боли и невольно воскликнулъ: „Благословенъ Господь Богъ Мавринъ!“ Аріанъ велѣлъ было отпустить мученицу, но духъ злобы снова овладѣлъ имъ. Послѣ новыхъ истязаній онъ приказалъ Тимоѳея и Мавру распять на крестахъ лицами другъ къ другу. Когда свв. мученики шли на распятіе, ихъ встрѣтила мать св. Мавры. Старица бросилась къ своей до-

тери, крѣпко обняла ее и со слезами сказала: „Дочь моя возлюбленная! такъ ли ты оставляешь мать свою? Кто носить будетъ твои украшенія и драгоцѣнныя одежды?“ Но св. Мученица вырвалась изъ объятій матери и сказала ей: „Зачѣмъ ты отвлекаешь меня отъ креста? Зачѣмъ мѣшаешь мнѣ идти къ моему Господу Іисусу? Я хочу страдать за св. имя Его!“ Воины распяли юную христіанскую чету такъ, какъ было приказано—лицами другъ къ другу. Свв. мученики пробыли на крестахъ девять сутокъ, утѣшая и увѣщавая другъ друга. Въ десятый день они предали души свои Господу Богу, около 286 года (Четьи-Минеи).

Въ Константинополѣ торжественно праздновалась память ихъ въ созданномъ въ честь ихъ храмѣ близъ Іустиніановыхъ; отсюда заключаютъ, что въ семъ храмѣ были мощи ихъ или часть мощей (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 121).

ПР. ПЕТРА ЧУДОТВОРЦА, ЕП. АРГОССКАГО.

Св. Петръ, родомъ изъ Византіи, жилъ во время патріарха Николая Мистика (895—930). По вступленіи въ монашество, Петръ прибылъ въ Коринѳъ. Здѣсь святостію своей жизни онъ обратилъ на себя вниманіе патріарха Николая, который, по просьбѣ аргосцевъ, рукоположилъ его во епископа ихъ города. Въ этомъ санѣ онъ скончался въ мирѣ, будучи 70 лѣтъ, прославленный при жизни и по смерти чудесами. Въ 1421 году мощи его перенесены были въ Навплію. При открытіи гроба, какъ повѣствовали очевидцы, земля потряслась, воздухъ наполнился благовоніемъ и явился свѣтъ, потекли многія исцѣленія (Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 121).

ПР. ѲЕОДОСІЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКАГО.

Весьма замѣчательна исторія этого избранника Божія! Родившись въ городѣ Василевѣ (недалеко отъ Кіева) и вскорѣ переселившись съ родителями въ Курскъ, Ѳеодосій едва началъ приходить въ сознаніе и возрастъ, уже обнаруживалъ въ себѣ самое благочестивое настроеніе души. Каждый день ходилъ онъ въ церковь и съ полнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ слушалъ тамъ свящ. книги; не любилъ ни дѣтскихъ игръ, ни богатыхъ нарядовъ. Самъ онъ упросилъ родителей отдать его къ какому-либо учителю для обученія чтенію свящ. книгъ и при отличныхъ способностяхъ быстро выучился книжному чтенію, такъ что всѣ дивились рѣдкимъ дарованіямъ и прилежанію отрока. 13-ти лѣтъ Ѳеодосій лишился своего отца и скоро испыталъ много скорбей за свое благочестіе. Мать Ѳеодосія, женщина строгая и упорная, страстно любила сына, но по-своему. Ѳеодосій пламенно любилъ Бога и при этой любви не обращалъ вниманія на мірскія блага и житейскія приличія; мать же думала болѣе о землѣ, чѣмъ о небѣ; и желала, чтобы сынъ ея жилъ такъ, какъ живутъ другіе равные ему по возрасту. Наслѣдникъ значительнаго имущества, Ѳеодосій носилъ простую одежду, болѣе похожую на рубище, и ходилъ на работу со слугами; за это мать часто дѣлала ему строгіе выговоры и даже била его. Однажды отрокъ тайно отъ матери присталъ къ странникамъ, шедшимъ въ Палестину. Мать догнала его, сильно избила и связаннаго продержала двое сутокъ взаперти. Продолжая по прежнему ходить въ церковь, Ѳеодосій замѣтилъ, что иногда не служатъ литургіи по недостатку просфоръ. И вотъ онъ сталъ заниматься печеніемъ просфоръ: покупалъ

пшеницу, мололъ ее своими руками, пекъ просфоры и однѣ изъ нихъ приносилъ въ церковь для божественной литургіи, другія продавалъ и вырученную плату раздавалъ нищимъ. Мать, находя это занятіе неприличнымъ для сына, сначала ласками просила его оставить печеніе просфоръ, а потомъ угрозами и побоями заставила прекратить. Чтобы избавиться отъ материяго гнѣва за свое любимое занятіе, Ѳеодосій тайно убѣжалъ въ сосѣдній городъ и тамъ въ домѣ священника продолжалъ свое занятіе. Но мать нашла его и съ побоями привела въ свой городъ. Ревнуя объ умерщвленіи плоти, Ѳеодосій попросилъ одного кузнеца сдѣлать ему желѣзныя вериги, которыя и носилъ нѣсколько дней на голомъ тѣлѣ; желѣзо тѣснило и въѣдалось въ тѣло Ѳеодосія; но онъ переносилъ боль терпѣливо. Мать, при перемѣнѣ бѣлья, замѣтила кровь на сорочкѣ сына и догадалась, что онъ носитъ вериги. Съ гнѣвомъ она сорвала ихъ съ сына, а его жестоко избила. Но напрасно мать противилась влеченію сердца своего сына; напрасно старалась погасить въ немъ любовь къ подвижнической жизни. Ѳеодосій настойчиво продолжалъ вести богоугодную жизнь и каждый часъ помышлялъ только о томъ, какъ бы удалиться изъ дома матери и облечься въ иноческій образъ. Разъ мать выбыла на нѣсколько дней изъ дома. Ѳеодосій воспользовался ея отсутствіемъ: онъ покинулъ родительскій домъ и направилъ путь въ Кіевъ, гдѣ, какъ слышалъ, были уже монастыри. Въ Кіевѣ юноша услыхалъ о великихъ подвигахъ Антонія, подвизавшагося въ пещерѣ, и явился къ нему съ слезною просьбою принять его къ себѣ въ иноки. „Чадо, сказалъ ему Антоній, видишь ли, какъ эти пещеры мрачны и тѣсны! Ты молодъ и, какъ думаю, не можешь переносить скорбей

на этомъ мѣстѣ". Ѳеодосій отвѣчалъ: „Христосъ Господь привелъ меня къ тебѣ, да спасуся тобою. Я буду исполнять все, что прикажешь". Тогда св. Антоній принялъ его и приказалъ преп. Никону постричь его въ инока. Это было около 1051 года, на 24-мъ году жизни Ѳеодосіевой. Новый инокъ съ юношескимъ жаромъ предался трудамъ подвижничества,—посту, молитвѣ, послушанію и смиренію, такъ что Антоній и Никонъ дивились его подвигамъ. Здѣсь еще разъ пришлось Ѳеодосію выдержать борьбу съ материнскою любовію. Черезъ 4 года мать узнала, что сынъ ея въ Кіевѣ. Пришедши туда, она просила св. Антонія показать ей ея сына. Пр. Ѳеодосій, по совѣту Антонія, вышелъ къ матери. Увидя сына своего инокомъ, съ измѣнившимся отъ поста и трудовъ лицемъ, она кинулась ему на шею, рыдала и говорила: „я не могу жить безъ тебя, иди въ домъ ко мнѣ и спасайся тамъ; послѣ моей смерти ты воротишься въ эту пещеру". Но напрасны были убѣжденія матери. Ѳеодосій совѣтовалъ ей самой остаться въ Кіевѣ и постричься въ женскомъ монастырѣ. Долго мать не соглашалась на это. Наконецъ Ѳеодосій убѣдилъ ее, и она приняла иночество въ кіевской обители св. Николая.

Жизнь иноковъ въ пещерахъ была вообще строга. Пищею ихъ былъ ржаной или житный хлѣбъ съ водою, а въ субботу и воскресенье сочиво; когда же не обрѣталось ни хлѣба, ни сочива, готовили и ѣли зелень. Чтобы имѣть хлѣбъ, занимались разнымъ рукодѣльемъ, продавали его въ городѣ, а себѣ покупали зерна, которыя дѣлили между собою и сами мололи, большею частію ночью. По окончаніи утрени, одни иноки продолжали свои рукодѣлья, другіе шли въ огородъ и работали, пока не наступалъ часъ божественной литургіи; къ литургіи

собирались всѣ въ пещерную церковь и тамъ совершали съ благоговѣніемъ св. службу. Послѣ службы каждый принимался за свое дѣло, и такъ трудились во всѣ дни. Ѳеодосій трудился болѣе всѣхъ; онъ нерѣдко бралъ на себя часть чужихъ трудовъ: носилъ другимъ воду, рубилъ дрова, мололъ раздѣленную рожь и относилъ каждому муку. Иногда въ знойную ночь обнажалъ свое тѣло и отдавалъ его въ пищу комарамъ и мошкамъ; кровь текла по немъ, а онъ покойно прялъ волну и пѣлъ псалмы. Въ храмъ являлся Ѳеодосій прежде другихъ, и, ставъ на мѣсто, не сходилъ съ него до окончанія службы. За такіе подвиги Ѳеодосій, вмѣсто Никона, удалившагося въ Тмутаракань (см. о немъ 23 марта), посвященъ былъ въ пресвитера (въ 1054 г.); а чрезъ нѣсколько времени (въ 1057 г.), когда св. Антоній ушелъ въ другую пещеру, общимъ желаніемъ братіи и съ одобренія Антонія, былъ избранъ въ игумена. Число братіи было сначала незначительное,—до пятнадцати, а потомъ при игуменѣ Ѳеодосіи стало умножаться, такъ что пещерное мѣсто для иноковъ сдѣлалось тѣснымъ. Тогда братія вмѣстѣ съ игуменомъ положили совѣтъ построить открыто цѣлый монастырь, и обратились за благословеніемъ къ преп. Антонію. Антоній благословилъ доброе намѣреніе и послалъ сказать великому князю Изяславу: „Князь мой! Богъ умножаетъ братію, а мѣста у насъ мало; отдай намъ всю гору, которая находится надъ пещерою“. Князь охотно на это согласился. И братія съ игуменомъ соорудили обширную деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, оградили монастырь тыномъ и поставили много келлій. Съ того времени начался въ собственномъ смыслѣ монастырь, названный Печерскимъ (отъ пещеръ, въ которыхъ прежде

жили его иноки). Св. Θеодосій съ братіею переселился изъ пещеръ въ новую обитель. Устроивъ братію на новомъ мѣстѣ монастыря, Θеодосій сталъ вводить порядокъ иноческаго житія по Студійскому общежительному уставу *) (1062 г.). По этому уставу всякое дѣло въ

---

*) Студійскій общежительный уставъ, введенный Θеодосіемъ въ свой монастырь и принятый потомъ всѣми прочими русскими обителями, обязанъ своимъ происхожденіемъ преп. Θеодору Студиту († 826), настоятелю Студійскаго монастыря, основаннаго въ Царьградѣ еще въ 5 вѣкѣ (Студіемъ консуломъ). Св. Θеодоръ, ревнуя о строгости иноческой жизни, желалъ, чтобы жизнь инока во всѣхъ ея подробностяхъ была вѣрна требованіямъ закона Христова и всего болѣе была чужда самолюбія. Потому-то обыкновенно полагаютъ, что уставъ св. Θеодора Студита отличался отъ уставовъ другихъ монастырей главнымъ образомъ правилами монашеской жизни, т. е. второю своею частію, а не богослужебною, которую во многомъ измѣнять ему было и нелегко, тѣмъ болѣе, что богослужебный чинъ установился въ обители его еще до него. Вліяніе св. Θеодора на богослужебный уставъ могло состоять болѣе въ дополненіи пѣснопѣній, чѣмъ въ измѣненіи самаго чина богослуженія. По свидѣтельству іерусалимскаго патріарха Нектарія (въ 17 в.), Студійскій уставъ отличался отъ Іерусалимскаго (объ Іерусалим. уставѣ подъ 5 ч. декабря, въ жизнеопис. св. Саввы Освящен.) тѣмъ, что въ немъ, т. е. въ Студійскомъ уставѣ, показано читать каноны студійскихъ отцевъ. Кромѣ того, по Студійскому уставу не полагалось ни одного всенощнаго бдѣнія въ цѣлый годъ, ни великаго славословія. Вообще служба по Студійскому уставу была короче, чѣмъ по Іерусалимскому. Нужно замѣтить, что самъ Θеодоръ Студитъ не написалъ для своего монастыря устава, а списки Студійскаго устава составлялись уже въ послѣдствіи, частію на основаніи катихизическихъ словъ къ братіи и краткаго завѣщанія пр. Θеодора Студита, преимущественно же на основаніи того порядка, какой завелъ онъ въ своей обители. И эти списки, появившіеся спустя 200 лѣтъ

обители совершалось не иначе, какъ съ благословенія игумена и освящалось молитвою. Если же какой инокъ дѣлалъ что либо безъ благословенія, то подвергался отъ игумена епитиміи. Пища, приготовленная безъ благословенія, по приказанію Ѳеодосія, обыкновенно бросалась въ огонь или рѣку. Въ келліи иноки занимались молитвою, чтеніемъ, пѣніемъ псалмовъ и рукодѣльемъ, и не должны были имѣть никакой пищи и никакого имущества. При встрѣчѣ они кланялись другъ другу, слагая руки на персяхъ, и тѣмъ выражали смиреніе и

послѣ смерти Ѳеодора Студита, были не сходны между собою. Преп. Ѳеодосій, получивъ (отъ Ефрема скопца, проживавшаго въ Царьградѣ, и чернеца Студійскаго монастыря Михаила) и сличивъ два списка Студійскаго устава, повелѣлъ прочитать уставъ предъ братіею и ввелъ его въ своей обители.

Нѣкоторыя достовѣрныя подробности объ устройствѣ Печерскаго монастыря по новому уставу можемъ узнать изъ житія преп. Ѳеодосія, начертаннаго преп. Несторомъ. Съ введеніемъ новаго устава въ Печерскомъ монастырѣ, кромѣ *игумена*, явились и другія, подчиненныя ему, должностныя лица. Такъ, *доместикъ*, или уставщикъ, распоряжался пѣніемъ и чтеніемъ въ церкви. *Церковные строители* (пономари) завѣдывали церковнымъ виномъ, масломъ, звономъ и пр. *Экономъ* имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи монастырскую казну и все монастырское имущество. *Келарю* поручена была братская трапеза съѣстные припасы и просфорня. Труды келаря раздѣлялъ *ключникъ*, хранившій у себя ключи отъ погребовъ и житницъ. Были еще *начальникъ хлѣбопековъ*, завѣдывавшій кухнею, и *вратарь*, стоявшій при вратахъ обители.—Братія обители раздѣлялись какъ бы на четыре класса: къ первому классу относились лица не постриженныя, ходившія въ мірской одеждѣ и большею частію новопоступившія; ко второму — лица не постриженныя, но ходившія въ монашеской одеждѣ; къ третьему—постриженныя и носившія мантію; къ четвертому — облеченныя въ великую схиму. Это были какъ бы четыре степени иноческой жизни.

покорность. Такъ какъ большую часть ночи и все утро братія проводили въ молитвахъ и церковныхъ службахъ, то для отдыха назначалось полуденное время. Потому вратарь послѣ обѣда тотчасъ запиралъ врата монастыря и не впускалъ въ обитель никого до самой вечерни. Преп. Θеодосій былъ самъ примѣрнымъ исполнителемъ устава. Онъ прежде всѣхъ приходилъ въ церковь и послѣднимъ выходилъ изъ нея, прежде всѣхъ являлся на монастырскія работы. За братской трапезою вкушалъ только сухой хлѣбъ и зелень, а пилъ одну воду; одежду носилъ простую,—на тѣлѣ власяницу, а сверху худую свитку. Θеодосій нисколько не гнушался черными работами: онъ нерѣдко самъ, вошедши въ хлѣбную, мѣсилъ тѣсто, приготовлялъ и пекъ хлѣбы. Однажды не было приготовлено дровъ для кухни, и келарь просилъ Θеодосія, чтобы онъ приказалъ кому-либо изъ братіи, праздному, нарубить дровъ. Преподобный сказалъ: „я празденъ“ и, приказавъ братіи идти за трапезу (время было обѣденное), самъ взялъ топоръ и пошелъ рубить дрова. По окончаніи трапезы братія узнали, что ихъ игуменъ рубитъ дрова, поспѣшили раздѣлить его трудъ и наготовили дровъ на много дней. Преподобный никогда не мылъ тѣла, кромѣ рукъ, и спалъ обыкновенно сидя. Ночи проходили у него большею частію безъ сна въ молитвѣ за себя и обитель, что много разъ замѣчали церковные будильники, хотя подвижникъ Божій и старался скрыть свой подвигъ отъ людей. Всякій годъ на время великаго поста онъ уходилъ въ пещеру, гдѣ послѣ былъ и погребенъ. Тамъ онъ, въ затворѣ, ни кѣмъ не зримый, молился, постился и терпѣлъ разныя искушенія отъ бѣсовъ; возвращался оттуда наканунѣ Лазаревой субботы. Самъ строгій исполнитель иноческихъ правилъ,

Θеодосій строго требовалъ исполненія ихъ и отъ братіи. Каждую ночь онъ имѣлъ обычай обходить всѣ келліи, желая знать жизнь каждаго инока и его усердіе къ Господу. Если кого заставалъ на молитвѣ, благодарилъ Бога, если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, ударялъ въ двери, а на утро давалъ кроткое наставлёніе провинившимся о вниманіи къ своей душѣ. Пищу или одежду сверхъ устава, какую находилъ въ келліи брата, преподобный обыкновенно бросалъ въ печь, какъ часть вражію, пріобрѣтенную непослушаніемъ, а нарушителю устава давалъ наставленіе о нестяжательности. Когда преподобный наставлялъ, вразумлялъ, то говорилъ тихо, смиренно, съ мольбою; когда обличалъ,—слезы текли изъ глазъ его. Когда онъ слышалъ, что какой-либо братъ подвергался бѣсовскимъ искушеніямъ, то призывалъ его, увѣщавалъ не ослабѣвать въ борьбѣ, училъ, какъ побѣждать бѣса, указывалъ на опыты изъ собственной жизни, или подкрѣплялъ искушаемаго силою своей молитвы. Если какой-либо инокъ оставлялъ обитель, преподобный крайне скорбѣлъ о немъ и слезно молился Богу, чтобы Онъ возвратилъ отлучившагося брата въ обитель. Когда братъ возвращался, преподобный съ радостію и любовію принималъ его и поучалъ впередъ быть твердымъ противъ козней искусителя.

Князь Изяславъ очень любилъ св. Θеодосія и часто приходилъ слушать его бесѣду. Однажды предъ вечернею князь подъѣхалъ къ монастырю съ своими отроками, ворота были заперты; привратникъ не хотѣлъ пустить его. „Отвори мнѣ, сказалъ князь; развѣ ты не знаешь, что я князь?“—„Не велѣно впускать и князя“, отвѣчалъ привратникъ. — „Такъ ступай и спроси игумена“. Привратникъ отправился испрашивать позволенія

у Өеодосія, а князь смиренно дожидался отвѣта у воротъ. Такова была точность въ выполненіи правилъ обители! Такова скромность въ великомъ князѣ! Преподобный однако не величался уваженіемъ къ нему князя, но служилъ образцемъ смиренія для братіи. Однажды преподобный былъ у того же князя за городомъ и замедлилъ тамъ до поздней ночи. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти его въ обитель въ покойной телѣжкѣ; но слуга, увидѣвъ инока въ худой одеждѣ, сказалъ: „ты, чернецъ, каждый день безъ дѣла, а я живу въ хлопотахъ и трудахъ: садись на козлы, а я лягу въ колесницѣ и сосну;“ и преподобный, не сказавъ ни слова, обмѣнялся мѣстомъ съ слугою. Предъ вратами обители иноки встрѣтили игумена съ честію. Тогда слуга догадался, кто этотъ чернецъ, и совсѣмъ растерялся. Преподобный успокоилъ его и приказалъ братіи угостить его, какъ можно лучше.

Однажды великій князь Изяславъ вмѣстѣ съ боярами былъ на трапезѣ монашеской. Покушавъ, князь сказалъ Өеодосію: „я никогда такъ сладко не ѣлъ, какъ здѣсь сегодня; скажи мнѣ, отчего такъ вкусна ваша пища?“— „Оттого, отвѣчалъ Өеодосій, что здѣсь братія съ благоговѣніемъ и молитвою готовятъ все. Когда хотятъ варить что-нибудь или печь хлѣбы, поваръ или хлѣбопекъ идетъ и беретъ благословеніе у игумена; послѣ того кладетъ три поклона предъ св. алтаремъ, зажигаетъ тамъ свѣчу и ею разводитъ огонь на поварнѣ или хлѣбнѣ; когда вливаютъ воду въ котелъ, говорятъ старшему: благослови, отче; и тотъ отвѣчаетъ: Богъ тебя благословитъ, братъ. Итакъ всякое дѣло совершается съ благословеніемъ. А твои слуги, князь, готовя пищу, ссорятся между собою и бранятся; и всякое дѣло, за ко-

торое они принимаются, бываетъ у нихъ не безъ грѣха, оттого и пища бываетъ не въ сладость". — „Истинно такъ", сказалъ добрый князь.

Собравъ множество иноковъ, преп. Ѳеодосій не любилъ собирать запаса для обители, а, заботясь прежде всего о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ, во всемъ возлагалъ упованіе на Господа. Однажды экономъ доложилъ Ѳеодосію, что въ обители нѣтъ денегъ и не на что купить провизіи для трапезы. Преподобный отвѣчалъ: „иди и молись Богу". Только что экономъ ушелъ отъ Ѳеодосія, какъ приходитъ къ нему неизвѣстный воинъ, кладетъ на столъ золотую гривну и удаляется. Призванный привратникъ на вопросъ Ѳеодосія: не приходилъ ли кто къ воротамъ монастыря, съ клятвою отвѣчалъ ему, что никто не входилъ въ монастырь, и никого не видалъ у воротъ. Воздавъ благодареніе Богу, щедрому и милостивому къ обители, преподобный призвалъ къ себѣ эконома и, вручая ему гривну, сказалъ: „никогда не отчаявайся; будь твердъ въ вѣрѣ; возложи на Господа свое упованіе, и Онъ никогда не оставитъ насъ безъ помощи". Иногда не доставало въ обители церковнаго вина для служенія и масла для возженія лампадъ предъ иконами. Но Ѳеодосій надѣялся на Бога, и помощь Божія всегда являлась во время. Разъ прибылъ въ обитель великій князь Изяславъ. Преп. Ѳеодосій приказалъ подать на столъ меду; ему сказали, что его нѣтъ, и сосуды лежатъ вверхъ дномъ. Тогда Ѳеодосій призвалъ къ себѣ келаря и сказалъ ему: „ступай въ погребъ и тамъ во имя Господа Іисуса найдешь медъ". Келарь пошелъ и нашелъ въ погребѣ цѣлую бочку меду. Въ другое время не было въ обители муки. Когда объ этомъ донесли преподобному, онъ потребовалъ къ

себѣ начальника хлѣбопековъ и сказалъ ему: „иди въ закромъ и посмотри, не будетъ-ли благословенія Божія на насъ!“ Хлѣбопекъ пошелъ къ закрому и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ, прежде пустой, былъ наполненъ мукой. Такова была преданность и надежда преподобнаго на Бога!

Подъ руководствомъ такого наставника образовались подвижники, достойные великаго учителя. „Они, говоритъ очевидецъ, преп. Несторъ, какъ земля, жаждущая воды, принимали слово его (Θеодосія) и приносили Богу плоды, кто въ сто, кто въ шестьдесятъ, кто въ тридцать разъ. Можно было здѣсь на землѣ видѣть ангеловъ, и между ними Θеодосій сіялъ свѣтлѣе солнца своими добродѣтелями... Одни изъ нихъ были великіе постники, другіе отличались бдѣніемъ, третьи колѣнопреклоненною молитвою“. Высокое благочестіе Θеодосія и его сподвижниковъ естественно привлекало къ нимъ всеобщее уваженіе и любовь соотечественниковъ. Не только простой народъ, но и многіе вельможи приходили въ Печерскую обитель, чтобы услышать изъ устъ подвижниковъ слово назиданія и принять отъ нихъ благословеніе. Препод. Θеодосій былъ духовнымъ отцомъ многихъ знатныхъ бояръ и вельможъ. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый варягъ Шимонъ. Онъ сначала исповѣдалъ католическую вѣру, но потомъ, когда сблизился съ Θеодосіемъ и узналъ его св. жизнь, принялъ съ 3000 человѣкъ православіе.

Охотно принимая къ себѣ высокихъ посѣтителей, уча и наставляя ихъ, преподобный не страшился обличать ихъ пороки и преступленія. Такъ, когда Святославъ выгналъ изъ Кіева старшаго своего брата, великаго князя Изяслава (1073 г.), и овладѣлъ кіевскимъ престоломъ,

Θеодосій строго обличалъ за это Святослава; на словахъ и на бумагѣ преподобный говорилъ ему, что поступокъ его не законный; въ церковной молитвѣ приказалъ поминать только Изяслава, какъ законнаго великаго князя, и только по усиленной просьбѣ братіи согласился, чтобы поминали вмѣстѣ съ Изяславомъ Святослава за любовь его къ церкви. Когда Святославъ пошелъ въ обитель для молитвы, Θеодосій съ честію встрѣтилъ его за воротами обители. Ободренный такою встрѣчею, князь сказалъ игумену: „я думалъ, что ты гнѣваешься на меня и не пустишь меня въ обитель". Θеодосій на это сказалъ: „что за польза гнѣваться намъ на твою державу. Наша обязанность говорить вамъ то, что служитъ ко спасенію души, а вашъ долгъ — слушать; власть же въ вашей волѣ". Съ этого времени Святославъ и Θеодосій весьма часто посѣщали другъ друга и проводили время въ душеспасительныхъ бесѣдахъ. Святославъ всегда съ радостію принималъ подвижника и съ умиленіемъ внималъ каждому слову его. Разъ Θеодосій пришелъ къ Святославу; въ палатахъ его раздавались музыка и пѣсни. Θеодосій съ потупленнымъ взоромъ сѣлъ около князя, потомъ взглянулъ на него и сказалъ: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?" Князь прослезился и приказалъ прекратить игры.

Много поучительны были дѣла милосердія Θеодосія къ бѣднымъ и несчастнымъ. Притѣсняемые въ судѣ находили въ немъ защитника и помощника себѣ. Для бѣдныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ онъ построилъ близъ монастыря особый домъ и на содержаніе ихъ отдѣлялъ десятую часть монастырскихъ доходовъ. Каждую субботу отсылалъ преподобный возъ хлѣбовъ въ темницы. Любовь его обнимала и преступниковъ. Разъ привели къ

Ѳеодосію воровъ, пойманныхъ въ монастырѣ. Увидавъ ихъ связанными и испуганными, онъ прослезился, велѣлъ развязать и накормить ихъ; потомъ преподалъ имъ наставленіе впередъ не творить никому обиды и съ миромъ отпустилъ ихъ. Тронутые этимъ, злодѣи навсегда оставили свой худой промыселъ—воровство.

Когда число братіи очень умножилось, Ѳеодосій распространилъ монастырь, поставилъ новыя келліи, обнесъ монастырь оградою и заложилъ (1073 г.) при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ величественный каменный храмъ Успенія Пресв. Богородицы. Преподобный самъ копалъ ровъ для основанія храма, каждый день приходилъ онъ на работу въ своей худой одеждѣ, но едва успѣлъ вывести основаніе церкви, какъ скончался (3 мая 1074 г.), ровно черезъ годъ по смерти другаго соучастника въ построеніи церкви, великаго Антонія. За нѣсколько дней до своей смерти Ѳеодосій собралъ всю братію, преподалъ ей наставленіе о богоугодной жизни и назначилъ преемникомъ своимъ доместика Стефана. Замѣтивъ слезы на лицахъ иноковъ, преподобный въ утѣшеніе ихъ сказалъ: „о скорой моей кончинѣ открылъ мнѣ Самъ Господь; но я обѣщаюсь всегда быть съ вами духомъ... О дерзновеніи моемъ предъ Богомъ вы сами узнаете: когда увидите, что всѣ блага умножаются въ обители, то поймете, что близокъ я къ Господу Богу". Отпустивъ затѣмъ съ миромъ братію, блаженный палъ на землю и во время слезной молитвы предалъ духъ свой Богу, на 65 году своей жизни.

Вскорѣ же послѣ блаженной кончины преподобнаго открылось, что онъ близокъ къ Богу! Въ годъ смерти Ѳеодосія въ Печерской обители было необыкновенное обиліе во всемъ. Одинъ бояринъ, подвергшись силь-

ному гнѣву князя, молилъ препод. Ѳеодосія смягчить сердце князя. Преподобный явился боярину и сказалъ: „не думай, что я отошелъ отъ васъ. Вотъ завтра князь призоветъ тебя къ себѣ безъ всякаго гнѣва на тебя". На другой день слова эти исполнились.—Одинъ человѣкъ, отправляясь въ путь, отдалъ серебро свое на сохраненіе иноку Конону, а у инока оно вскорѣ было похищено. Опечаленный Кононъ обратился съ молитвою къ Ѳеодосію, чтобы онъ открылъ, гдѣ находится взятое серебро. Ѳеодосій разсѣялъ его грусть. Кононъ въ сонномъ видѣніи увидѣлъ преподобнаго, который сказалъ ему, что деньги укралъ инокъ Николай; при этомъ указалъ и самое мѣсто, гдѣ скрыты были деньги. Кононъ проснулся и нашелъ деньги въ указанномъ мѣстѣ. Много было и другихъ знаменій близости Ѳеодосія къ Богу.

Мощи преп. Ѳеодосія, положенныя въ пещерѣ, въ 1091 г. были перенесены въ великую печерскую церковь, гдѣ и нынѣ находятся. Св. Несторъ описываетъ ихъ такъ: „составы не распались и только волосы присохли на головѣ". Въ 1130 г. св. мощи были положены въ серебряную раку, для сооруженія которой сынъ упомянутаго Шимона, Георгій, пожертвовалъ 500 гривенъ (фунтовъ) серебра и 50 гривенъ золота.

Сочиненія великаго подвижника Ѳеодосія, которыя донынѣ остаются извѣстными большею частію только по имени, и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на 4 класса: къ первому—принадлежатъ два поученія, обращенныя вообще къ русскому народу; ко второму—десять поученій, обращенныхъ къ печерской братіи; къ третьему—два посланія къ великому князю Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу. Всѣ писанія преподобнаго

болѣе или менѣе кратки и почти всѣ нравственнаго содержанія; отличаются особенною простотою и дышатъ пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій по мѣстамъ обличительный, но вмѣстѣ глубоко-назидательный и трогательный. Изъ молитвъ преподобнаго болѣе извѣстна сохранившаяся въ харатейной псалтири 1296 года подъ заглавіемъ: *молитва Θеодосія Печерскаго за вся христіаны*. Вотъ эта молитва, дышащая кротостію, простотою и силою духа: „Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, вразуми; язычниковъ, Господи, обрати ко Христу, да будутъ нашими братіями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ избави, Господи, отъ всякой печали; пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ, и въ пещерахъ, и въ пустыни братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего, и градъ сей, и всѣхъ, живущихъ въ немъ. Помилуй милостію Твоею и меня, раба Твоего грѣшнаго: если я и многогрѣшенъ, но по правой вѣрѣ я рабъ Твой. Спаси, Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями и діаконами и всѣми православными христіанами. Помилуй, Господи, находящихся въ бѣдности и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость ради молитвъ Пресв. Богородицы... Упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ, и епископовъ, и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти. И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, умершихъ во градахъ, и въ селахъ, и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ,—упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего:

ибо Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно". Молитва, очевидно, вполнѣ достойная великаго игумена кіево-печерскаго.

Первое жизнеописаніе преп. Ѳеодосія составлено преп. Несторомъ лѣтописцемъ; оно есть лучшее изъ произведеній Нестора. Все показываетъ, что лѣтописецъ писалъ это житіе съ особенною любовію къ угоднику Божію, какъ самъ сознается въ началѣ и концѣ сочиненія, что онъ былъ одушевленъ избраннымъ предметомъ, старался собрать о немъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, изложить ихъ въ порядкѣ и съ поучительною занимательностію, и что слово писателя лилось прямо изъ сердца и отъ полноты убѣжденія. Это сочиненіе Нестора драгоцѣнно для церкви, потому что служило и служитъ весьма назидательнымъ чтеніемъ не только для иноковъ, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ;—драгоцѣнно и для науки, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ русской исторіи. Это житіе преп. Ѳеодосія, написанное Несторомъ, извѣстно по весьма многимъ спискамъ, встрѣчающимся въ рукописныхъ печерскихъ патерикахъ (Четьи-Минеи. Полн. собр. Русс. лѣт. 1, 69—120. 2, 12. 5, 147—149. 7, 342—344. Ист. Русс. ц. преосвящ. Макарія. Т. 2, стр. 33—59. 82—108. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв. стр. 249—250. Жит. свв. Муравьева. Душеп. чт. 1863 г. апр. стр. 365—416).

КІЕВОПЕЧЕРСКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Эта икона есть древнѣйшая и, безспорно, самая чтимая не только въ Кіевѣ, но и во всей Россіи, особенно въ южной, гдѣ едва ли не во всѣхъ храмахъ находится

изображеніе этой иконы въ мѣру и подобіе находящейся въ Кіевѣ. Эта икона, какъ залогъ благодатнаго и всегдашняго предстательства Богоматери о церкви русской, вручена Самою Богоматерью четыремъ грекамъ, избраннымъ Ею въ строителей кіевопечерскаго храма: явившись имъ, какъ говоритъ преданіе, „чувственнѣ“ во Влахернскомъ константинопольскомъ храмѣ въ 1073 году и повелѣвъ строить храмъ въ Кіевѣ во имя Ея, Она дала имъ Свою икону, „да намѣстная будетъ“ въ этомъ храмѣ, дала вмѣстѣ съ тѣмъ и золото на построеніе. Зодчими икона сія принесена была въ Кіевъ въ 1085 г. и до сего времени сохранилась невредимою. Она находится въ главномъ лаврскомъ храмѣ надъ царскими вратами и ежедневно между раннею и позднею литургіею спускается на шелковыхъ снуркахъ для богомольцевъ. Предъ нею день и ночь неугасимо горитъ лампада. Вся икона, кромѣ лицъ и рукъ, покрыта ризою изъ чистаго золота; украшена крупными алмазами, бриллiантами и другими драгоцѣнными каменьями и вставлена въ большой серебряный позлащенный кругъ, на которомъ изображены по сторонамъ два ангела, придерживающіе икону, а вверху—Богъ Отецъ; нѣсколько ниже—Духъ Святый въ видѣ голубя. По имени храма, созданнаго въ Кіевѣ надъ пещерами, икона называется Кіевопечерскою, а по мѣсту первоначальнаго ея явленія—Влахернскою (Четьи-Минеи 14 августа. Кіев. Пат. Дин богосл. Дебольскаго Ч. 1. стр. 184—185. Слава Богом. Ч. 3, стр. 15—21. Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор. стр. 18—19).

СВѢНСКІЯ ПЕЧЕРСКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Икона эта находится въ Свѣнскомъ мужскомъ монастырѣ въ Брянскѣ, Орловской епархіи. Изображеніе ея

слѣдующее: Пресвятая Дѣва съ Богомладенцемъ возсѣдаетъ на тронѣ и руками поддерживаетъ Спасителя, обѣими руками благословляющаго; по сторонамъ трона стоятъ препп. Антоній и Θеодосій, кіевопечерскіе чудотворцы; въ рукахъ у нихъ свитки. Икона эта принесена изъ Кіевопечерской лавры въ 1288 году къ черниговскому князю Роману Михаиловичу, жившему въ Брянскѣ и тамъ ослѣпшему. Услышавъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ чудотворнаго печерскаго образа Богоматери, онъ послалъ въ Печерскій монастырь милостыню вмѣстѣ съ просьбою отпустить къ нему въ Брянскъ эту чудотворную икону. Посовѣтовавшись съ братіею, печерскій архимандритъ отпустилъ икону на лодкѣ рѣкою Десною со священникомъ. Во время плаванія провожавшимъ св. икону пришлось провести ночь на рѣкѣ Свѣнѣ. Вставши по утру, они пошли въ лодку помолиться предъ св. иконою, но ея не оказалось въ лодкѣ; они нашли ее близъ р. Свѣны на горѣ, между вѣтвями дуба. Объ этомъ явленіи иконы (отъ котораго она получила названіе Свѣнской) сообщили болящему князю Роману. Онъ со священнымъ соборомъ отправился туда пѣшій. Когда князь подошелъ къ иконѣ, то вздохнулъ изъ глубины сердца и со слезами воскликнулъ: „Пресвятая Владычице Госпоже, Дѣво Богородице! услыши гласъ молитвы моей и дай прозрѣніе очамъ моимъ“. Въ ту же минуту очи его раскрылись, и онъ сталъ ясно видѣть. По приказанію князя немедленно снята была съ дерева чудотворная икона; отслуженъ былъ предъ нею молебенъ, и всѣ, тутъ бывшіе, съ благоговѣніемъ и слезами лобызали ее. Благодарный за исцѣленіе, князь на мѣстѣ явленія иконы самъ началъ рубить деревья и расчищать лѣсъ для храма, и вскорѣ онъ былъ сооруженъ во имя

Успенія Богоматери. А потомъ основалъ монастырь и щедро одарилъ его деньгами; въ этомъ же монастырѣ онъ поставилъ чудотворную икону въ богато украшенной ризѣ. Въ память явленія иконы Божіей Матери на р. Свѣнѣ установлено празднованіе ей 3-го мая (Ист. Росс. Іер. Ч. 6. 36. Дни богосл. Дебольскаго. Ч. 1, стр. 185—186. Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор., стр. 20).

Печерская икона Богоматери сама собою образовалась на стѣнѣ алтаря Успенской церкви въ Кіевской лаврѣ, при созданіи ея, около 1085 года (Печер. Пат.).

4-е число.

Св. муч. Пелагіи. Св. муч. Силвана, еп. газскаго и съ нимъ 40 мучч. Свв. муч. Алвіана, еп. анейскаго, и учениковъ его. Св. муч. Еразма, еп. формійскаго.

(Мучч. свв. отцевъ: Афродисія, Леонтія, Антонія, Мела, Валеріана, Макровія, и многихъ (60). Св. Аванасія, еп. Коринеа. Перенесеніе мощей Лазаря и Маріи Магдалины въ Царьградъ и обновленіе церкви. Пр. Никифора, игумена мидикійскаго. Пр. Никифора. Братьевъ Алфановыхъ: Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаака. Старорусскія иконы Божіей Матери).

СВ. МУЧ. ПЕЛАГІИ.

Св. муч. Пелагія жила въ царствованіе Діоклитіана (284—305) съ матерью своею, вдовою, въ г. Тарсѣ, въ Киликіи (въ южной малоазійской области). Знатность происхожденія, богатство, необыкновенная красота и

блестящее образованіе—все, казалось, предвѣщало св. Пелагіи жизнь, полную мірскихъ радостей и наслажденій. Мать ея язычница, воспитавшая и дочь свою въ той же вѣрѣ, уже надѣялась выдать ее за-мужъ и даже мечтала видѣть единственную свою дочь повелительницею обширной восточной половины Римскаго государства. Ибо усыновленный наслѣдникъ императора Діоклитіана, пораженный необыкновенною красотою Пелагіи, просилъ ея руки. Но другіе вопросы, совершенно иныя думы волновали въ это время нерастлѣнную еще душу молодой язычницы. Не задолго передъ этимъ императоръ Діоклитіанъ воздвигъ жестокое гоненіе на христіанъ. Ихъ брали и заключали въ темницу, выводили на бой со звѣрями, предавали разнымъ истязаніямъ. Въ числѣ этихъ злосчастныхъ были не одни простые граждане, но и лица знатнаго происхожденія. Все это поражало неопытную дѣвицу, и она захотѣла узнать обстоятельнѣе причину такого страшнаго преслѣдованія христіанъ. Ей объяснили, что вся вина этихъ несчастныхъ заключается лишь въ томъ, что они не кланяются идоламъ и не приносятъ имъ жертвъ. „Въ кого же они вѣруютъ?" спросила Пелагія окружавшихъ ее. „Они вѣруютъ во Христа распятаго, молятся Ему — и только". — „Можетъ быть исповѣдники этой вѣры опасны для спокойствія государства?"—„Нѣтъ, не опасны".—„Можетъ быть они дурные отцы семейства и вообще развратные люди?" Ей отвѣчали, что и этого сказать объ нихъ нельзя. Такіе отвѣты глубоко взволновали душу Пелагіи. „Такъ за что-же ихъ такъ мучатъ?" спрашивала она себя и не находила въ душѣ своей отвѣта; нѣмые и бездушные идолы, стоявшіе въ ея комнатахъ, разочаровывали ее въ язычествѣ; языческіе обряды и таинства представляли

теперь для ея незараженнаго предразсудками испытующаго ума одну лишь смѣсь противорѣчій и нелѣпостей. Тоска души, жаждущей истины, скорбь, мало извѣстная поклонникамъ міра и его прелестей, овладѣли юнымъ сердцемъ Пелагіи. Гдѣ же истина? Вотъ вопросъ, который занималъ Пелагію въ то время, когда было сдѣлано ей блестящее предложеніе со стороны усыновленнаго сына Діоклитіана. Юная дѣва рѣшительно отвергла предложеніе очарованнаго юноши. Небесный свѣтъ истины уже начиналъ озарять ея душу; недовольная язычествомъ, она душею располагалась къ христіанству и искала только человѣка, который бы преподалъ ей ученіе Христово. Изумленная мать ея рѣшительно не знала, чему приписать отказъ отъ брачнаго союза со стороны дочери, и явилась къ жениху съ утѣшеніемъ, давъ ему обѣщаніе уговорить свою дочь вступить въ бракъ, столь для нея выгодный и блестящій. Послѣ этого мать стала уговаривать дочь вступить въ бракъ съ богатымъ юношею; та не внимаетъ матернему слову и отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Мать придумываетъ разныя средства, чтобы сломить твердость дочери, и между прочимъ старается возбудить въ ней любовь и жажду къ разсѣянной жизни и разнымъ суетнымъ удовольствіямъ: наряжаетъ ее въ пышныя, дорогія одежды, предлагаетъ ей богатыя колесницы, толпы рабовъ, загородныя прогулки и пр. Но изобрѣтательная въ способахъ увлеченія, мать не добилась своей цѣли. Всевышній стоялъ при дверяхъ сердца юной дѣвы и грядущую къ Нему не отвергъ отъ Себя; наоборотъ скоро оказалъ ей дивную Свою помощь къ соединенію съ Собою: Пелагія видитъ ночью во снѣ старца благолѣпной наружности; старецъ долго смотрѣлъ на нее съ любовію, называлъ себя епископомъ Клино-

номъ, потомъ благословилъ ее и сталъ невидимъ. Пробудившись, Пелагія залилась слезами, но такими сладкими, какихъ ей ни разу еще не приходилось проливать. Она помнила сіяющій взоръ явившагося ей старца, его благообразное лицо, и сердце ея трепетало отъ радости. Въ тотъ же день Пелагія тайно отъ матери послала одного изъ преданныхъ ей слугъ въ темницу, гдѣ содержались христіане, узнать, есть ли у нихъ епископъ Клинонъ? Каковъ онъ видомъ и гдѣ находится? Христіане чрезъ того же слугу отвѣчали, что есть еп. Клинонъ, но въ темницѣ его нѣтъ, а приходитъ иногда онъ къ нимъ тайно съ утѣшеніемъ вѣры. Гдѣ же онъ скрывается, этого они не знаютъ. При этомъ описали и наружность его. По описанію онъ былъ именно такимъ, какимъ Пелагія видѣла его во снѣ. Обрадованная тѣмъ, что видѣніе ея не было пустой игрой воображенія, Пелагія стала усердно молиться невѣдомому ей Богу, чтобы Онъ удостоилъ ее увидѣть служителя и угодника Божія. Молитва ея была услышана. Однажды Пелагія отпросилась у матери навѣстить свою кормилицу, проживавшую недалеко отъ г. Тарса. Окруженная многочисленною свитою и убранная въ драгоцѣнныя одежды, ѣхала юная дѣва обычной дорогою. Спускаясь съ горы, она увидѣла одного старца, спѣшившаго въ близлежащій лѣсъ и въ то же время услышала разговоръ двухъ своихъ слугъ, бывшихъ тайными христіанами. „Знаешь-ли кто это идетъ? говорилъ одинъ изъ нихъ. Это человѣкъ Божій, епископъ Клинонъ, слава о немъ, какъ великомъ чудотворцѣ, гремитъ по всему востоку“. — „Такъ его-то, сказалъ другой, ищутъ гонители?“ Не дослушавъ разговора, Пелагія приказала остановиться колесницѣ и пѣшкомъ пошла на встрѣчу къ епископу, а

прислугѣ велѣла остановиться для отдыха на удобномъ мѣстѣ. Старецъ Божій узналъ ту, которая давно была извѣстна ему по откровенію свыше. Онъ научилъ ее истинамъ вѣры Христовой и хотѣлъ крестить, но воды для крещенія не было; тогда святитель помолился Богу, и вдругъ явился источникъ воды, въ которомъ и была крещена Пелагія. При крещеніи святитель не видалъ наготы дѣвы, ибо тѣло ея прикрывали бѣлою одеждою явившіеся два ангела. Послѣ крещенія святитель пріобщилъ св. дѣву частицею пречистаго тѣла Христова, которую носилъ при себѣ, и благословилъ ее. Просвѣщенная св. вѣрою и крещеніемъ, новая дщерь церкви Христовой не хотѣла надѣвать на себя украшенія и драгоцѣнности и вручила ихъ епископу съ тѣмъ, чтобы онъ продалъ ихъ и вырученныя деньги раздалъ бѣднымъ; сама же осталась въ простой убогой одеждѣ и въ такомъ видѣ продолжала путь съ своими слугами къ кормилицѣ. Чрезвычайно удивлена была кормилица, когда увидала свою питомицу въ простыхъ одеждахъ и безъ украшеній. Кромѣ того, кормилица замѣтила большую перемѣну въ ея обычаяхъ и характерѣ. Прежде Пелагія была горделива, а теперь смиренна и кротка; прежде любила много говорить, теперь была молчалива; прежде любила сладкія кушанья, праздность и веселье, а теперь была воздержна, большую часть дня и даже ночи проводила въ молитвѣ. Радостными слезами обливалась добрая кормилица, когда узнала, что случилось съ ея питомицею, и сказала ей: „Дочь моя возлюбленная, ты оставила языческую вѣру также, какъ и я, мы теперь вѣруемъ во Христа. Тебѣ предстоитъ великій подвигъ: какъ прежде ты удивляла всѣхъ своею красотою и даже царскаго сына, такъ и теперь красотою ду-

шевною постарайся угодить Сыну Божію, вѣчному Царю. Онъ укрѣпитъ тебя на страдальческій подвигъ за Него и вѣнцомъ славы увѣнчаетъ тебя. Я не смѣю удерживать тебя въ своемъ домѣ, иди съ миромъ домой". Пелагія возвратилась къ своей матери. Мать, узнавъ, что дочь ея увѣровала во Христа и крестилась, въ ужасѣ и злобѣ не знала, что дѣлать. Въ порывѣ гнѣва она поспѣшно отправилась къ Галерію, любимцу и намѣстнику Діоклитіана, съ просьбою дать ей воиновъ для отысканія епископа, крестившаго Пелагію. Тотъ послалъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ отыскать епископа. Между тѣмъ злобную мать ожидало новое огорченіе: возвратившись домой, она не нашла своей дочери, которая въ отсутствіе матери успѣла скрыться въ потаенное мѣсто своего духовнаго отца вмѣстѣ съ слугами, изъявившими желаніе креститься. Тамъ св. Пелагія выслушала отъ епископа Клинона уроки небесной мудрости, тамъ укрѣплена была имъ на подвигъ мученическій. Посланные воины были близко отъ того мѣста, гдѣ находилась Пелагія, но не видѣли ея и бывшихъ съ нею. Такъ Господь дивно охранялъ Своихъ рабовъ! Наступило наконецъ время страданій Пелагіи. Получивъ напутственное благословеніе отъ своего благочестиваго наставника, епископа Клинона, она явилась къ своей матери и стала со слезами ее упрашивать, чтобы она оставила языческую вѣру и приняла христіанскую. Но напрасны были слезныя мольбы. Мать оставалась упорною язычницею. Мало того, въ сильной злобѣ на свою дочь—христіанку мать привела ее къ отвергнутому жениху. Передавая ее, злостная женщина сказала ему: „вотъ твоя невѣста, она христіанка; дѣлай съ нею, что хочешь!" Бѣдный женихъ не зналъ, что дѣлать и на что рѣшиться. Онъ

хорошо зналъ, какъ жестоко и безчеловѣчно обращаются съ христіанами ихъ гонители, зналъ и то, что христіане остаются тверды и непоколебимы въ самыхъ тяжкихъ мукахъ и страданіяхъ, и былъ увѣренъ, что и Пелагія скорѣе умретъ за вѣру Христову, чѣмъ поклонится идоламъ. Но какъ представить лютыя страданія и мучительную смерть страстно любимой дѣвицы? Въ тяжкомъ раздумьѣ, не зрѣлый умомъ юноша рѣшилъ вопросъ по-своему: „прости моя невѣста! Помолись за меня своему Богу!“ сказавъ это, онъ вонзилъ въ грудь свою мечъ и палъ мертвымъ. Невольная свидѣтельница такой кровавой развязки, мать пришла въ ужасъ. Она боялась мщенія Діоклитіана за смерть его сына, потому поспѣшила связать Пелагію и привести ее къ царю. „Царь, говорила раздраженная и испуганная мать, я привела къ тебѣ виновницу смерти твоего сына, казни ее и отомсти за смерть его“. Но и Діоклитіанъ былъ пораженъ необыкновенною красотою св. Пелагіи и задумалъ имѣть ее своею женою. Онъ предложилъ ей свою руку съ условіемъ, чтобы она отказалась отъ вѣры Христовой. Но Пелагія отвѣчала, что не только не увлекается его предложеніемъ, но еще и гнушается бракомъ съ нимъ, потому что у ней есть Женихъ — Христосъ, Царь небесный, за Котораго готова умереть. Думая устрашить св. дѣву, Діоклитіанъ приказалъ разжечь мѣднаго быка, въ которомъ уже многіе страдальцы сожигаемы были за вѣру Христову. Пока накалялось страшное орудіе казни, Галерій и другіе вельможи долго уговаривали св. Пелагію оставить свое упорство и исполнить царскую волю; но она была непоколебима. Толпы народа съ любопытствомъ смотрѣли на св. праведницу, а бывшіе въ народѣ тайные христіане и пресвитеры молились

о ней Господу, чтобы Онъ укрѣпилъ ее Своею божественною силою въ предстоящихъ лютыхъ мученіяхъ. Мѣдный быкъ былъ разожженъ, какъ красный уголь, и испускалъ искры. Къ нему подведена была св. дѣва. Царь приказалъ обнажить ее. Пелагія смутилась: естественное чувство стыда заговорило въ ней сильнѣе страха ожидающихъ ее мученій. „Пощади, царь! возопила она, что ты дѣлаешь? Я женщина“. Но видя, что не внимаютъ ея просьбѣ, св. мученица перекрестилась, сама сбросила съ себя одежды, кинула ихъ къ ногамъ жестокосердаго мучителя и стала нагою на позоръ людямъ, украшаясь однимъ дѣвическимъ стыдомъ. Перекрестясь еще разъ, она спокойно вошла въ ужасное горнило. Чистое тѣло ея мгновенно растопилось, какъ масло, а кости ея по царскому повелѣнію были вынесены за городъ на гору Линатонъ, гдѣ онѣ охранялись невидимою силою Божіею отъ плотоядныхъ звѣрей и птицъ. Епископъ Клинонъ, узнавъ о кончинѣ св. Пелагіи, собралъ св. останки ея и похоронилъ ихъ на вершинѣ горы, въ скалѣ. Тамъ впослѣдствіи, въ царствованіе Константина великаго (324—337), построена была церковь надъ мощами Христовой невѣсты. На плитѣ, покрывавшей кости св. мученицы, было написано: „Здѣсь почиваетъ мощами своими св. дѣва Пелагія, предавшая себя Богу и до конца подвизавшаяся за истину; душа же ея царствуетъ на небеси съ ангелами во славѣ Христовой“. Святая скончалась около 290 года (Четьи—Минеи).

Въ Константинополѣ въ честь св. мученицы Пелагіи былъ храмъ, гдѣ торжественно совершалась память ея; онъ былъ въ Перѣ, близъ церкви мученика Конона. Мощи святой были перенесены въ Царьградъ при Константинѣ Копронимѣ (741—775). Въ церковныхъ пѣсняхъ мощамъ

ея приписываются безчисленныя чудеса (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 121—122).

Св. муч. Силванъ, еп. газскій, за ревность къ распространенію вѣры Христовой былъ осужденъ на работы въ рудокопняхъ Фена (Фена, по Евсевію, городъ въ Палестинѣ); но послѣ, по неспособности уволенъ былъ отъ работъ и наконецъ съ 40 другими обезглавленъ въ тѣхъ же рудокопняхъ. Въ мѣсяц. Василія и нѣкоторыхъ другихъ св. Силванъ воспоминается 5 ноября, — это день осужденія его на работы префектомъ Урбаномъ. Въ прологѣ Силванъ называется еп. кесійскимъ (кесарійскимъ), по мѣсту осужденія его, а по мѣсту служенія онъ газскій или около Газы. Пострадалъ св. Силванъ въ 311 году (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 122).

Св. муч. Алвіанъ, еп. анейскій, за рѣшительный отказъ принести жертву Юнонѣ былъ подвергнутъ истязаніямъ, потомъ сожженъ вмѣстѣ съ своими учениками въ началѣ 4-го вѣка, въ царствованіе Максиміана. Анея была въ провинціи Малой Азіи подъ митрополіею ефесскою (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 122).

СВ. МУЧ. ЕРАЗМА, ЕП. ФОРМИСКАГО.

Св. Еразмъ родился въ Антіохіи сирійской. Во время гоненія Діоклитіана онъ 7 лѣтъ скрывался на горѣ Ливанѣ, гдѣ питаемъ былъ вранами. Пришедши по откровенію въ Антіохію, онъ исцѣлялъ страждущихъ нечистыми духами и обратилъ многихъ ко Христу. Слухъ объ этомъ дошелъ до Діоклитіана. Послѣ разныхъ мученій отъ этого царя Еразмъ отправленъ былъ въ заточе-

ніе въ дальній городъ (Сидугридо). Тамъ многими чудесами (между прочимъ воскресилъ Анастасія, сына одного знатнаго человѣка) обратилъ онъ многихъ ко Христу. Объ этомъ донесено было Максиміану, который приказалъ отправить его въ Сирмій. И здѣсьЕразмъ творилъ много чудесъ и ими обратилъ ко Христу болѣе 300 человѣкъ. Разгнѣванный просвѣтительною дѣятельностію чудотворца, императоръ приказалъ одѣть его въ мѣдную раскаленную рубашку и бросить въ котелъ съ горючими веществами. Архангелъ Михаилъ освободилъ его отъ мученій и увелъ въ Кампанію, гдѣ онъ и скончался въ Форміи, 10-го іюня 303 года При. св. папѣ Григоріи (590 — 604) мощи св. Еразма находились еще въ Форміи, а въ 9 вѣкѣ перенесены въ Кайету (Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 122—123).

Муч. свв. отцы: Афродисій, Леонтій, Антоній, Мелъ, Валеріанъ, Макровій и ихъ дружина пострадали въ Скиѳополи, въ Палестинѣ. Соборъ ихъ былъ въ Царьградѣ, въ храмѣ Богоматери въ Халкопратіяхъ.—Св. Аѳанасій, еп. коринѳскій, скончался при императорахъ Василіи (975 — 1025) и Константинѣ (979 — 1028). О жизни и подвигахъ его ничего неизвѣстно (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 115—116).

Пренесеніе мощей св. Лазаря и Маріи Магдалины и обновленіе церкви. Храмъ въ честь св. Лазаря созданъ былъ въ Константинополѣ Василіемъ македоняниномъ (867—886), расширенъ сыномъ его Львомъ мудрымъ (886—912). Здѣсь былъ монастырь изъ монаховъ евнуховъ. Левъ мудрый перенесъ мощи св. Маріи Магдалины въ расширенный храмъ 4-го мая 890 года; мощи же св. Лазаря перенесены были собственно 17 октября; воспоминается онъ съ нею 4-го мая, какъ думаютъ, потому, что мощи

его положены были въ томъ же храмѣ св. Лазаря (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 123).

Пр. Никифоръ, игуменъ мидикійскій, подвизался въ 9 вѣкѣ, близъ Прусы (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 116).

Пр. Никифоръ монахъ подвизался на Аѳонской горѣ, въ 14 вѣкѣ, и большую часть времени провелъ въ самоуглубленіи и самонаблюденіи. Изъ жизнеописаній святыхъ отцовъ онъ собиралъ разныя мѣста, дающія понятія о трезвеніи, вниманіи и молитвѣ. Послѣ него осталось сочиненіе: „мудрый способъ умной молитвы" (напечатано въ Филокаліи, стр. 869. Аѳон. Пат. Ч. I, стр. 358. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 116).

БРАТЬЕВЪ АЛФАНОВЫХЪ: НИКИТЫ, КИРИЛЛА, НИКИФОРА, КЛИМЕНТА И ИСААКА.

Святые братья Алфановы, по народному преданію, почитаются новгородскими посадниками. По смерти своей, послѣдовавшей около 1115 года, они были погребены въ бывшей Сокольницкой обители, которая находилась за валомъ на торговой сторонѣ Новгорода. Преданіе говоритъ, что св. мощи братьевъ Алфановыхъ внезапно открылись за алтаремъ Николаевскаго Сокольницкаго монастыря одному благочестивому строителю близъ стоящей Христорождественской обители, въ 1162 году. Въ продолженіе трехъ дней трижды онъ предавалъ ихъ землѣ, но онѣ опять появлялись поверхъ ея. Старецъ возвѣстилъ объ этомъ владыкѣ, который повелѣлъ устроить для нихъ каменную раку и положить въ нее. Вскорѣ свв. братія явились въ Москвѣ одному разслабленному боярину, исцѣлили его отъ болѣзни и внушили ему по-

ставить надъ гробомъ ихъ часовню. Между тѣмъ и въ самомъ Новгородѣ многія чудеса ознаменовали прославленіе ихъ. По другимъ же, болѣе вѣроятнымъ, источникамъ свв. братья Алфановы жили гораздо позже, именно: они основали дѣвичій Сокольницкій монастырь въ 1389 году и были родственниками извѣстнаго въ лѣтописяхъ воеводы новгородскаго Якова Алфана.

Мощи сихъ свв. пяти братьевъ Алфановыхъ, Сокольницкихъ чудотворцевъ, почиваютъ подъ спудомъ въ новгородскомъ второкласномъ Антоніевомъ монастырѣ, въ который онѣ перенесены въ 1775 году, при митрополитѣ новгородскомъ Гавріилѣ, по случаю совершеннаго истребленія Сокольницкой обители пожаромъ. Мѣстная память свв. братьямъ Алфановымъ совершается 4-го мая, — въ день перенесенія мощей ихъ изъ бывшей Сокольницкой обители (Опис. Антон. новг. мон. стр. 23. Опытъ о посадн. новг. стр. 52—53. Слов. истор. о свв. стр. 135).

СТАРОРУССКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Эта святая икона, принесенная, по преданію, изъ Царьграда, издревле была главною святынею Старой—Русы. Въ 1655 году жители города Тихвина, во время бывшей у нихъ моровой язвы, испросили ее у старорусся нъ и принесли въ свой городъ на своихъ головахъ; предъ иконою совершенъ былъ съ сердечнымъ умиленіемъ молебенъ; затѣмъ обнесли ее вокругъ города. и моровая язва прекратилась. Съ того времени и доселѣ чудотворная икона находится въ Тихвинскомъ второклассномъ мужскомъ монастырѣ новгородской епархіи. Жители же Старой—Русы, скорбя объ утратѣ драгоцѣнной святыни, послали въ Тихвинъ соборнаго старосту Илью Красиль-

никова снять списокъ съ чудотворнаго образа; списокъ привезенъ былъ имъ 4 мая 1788 г. и поставленъ въ старорусскомъ Воскресенскомъ соборѣ. Съ того времени ежегодно въ этотъ день совершается празднество въ честь Божіей Матери (Дни богосл. Дебольскаго. Ч. 1, стр. 187. Слава Богом. Ч. 3, стр. 127. Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор. стр. 20. Душепол. чт. 1878 г. Іюнь. стр. 197).

5-е число.

Св. великомученицы Ирины.

(Мучч. Неофита, Гаія и Гаіана. Обновленіе храма Богоматери Кирскія въ Царьградѣ. Пр. Михея, ученика св. Сергія радонежскаго. Пр. Адріана монзенскаго).

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ИРИНЫ.

Въ концѣ 1-го вѣка по Р. Хр., въ городѣ Магеддонѣ (въ Македоніи, или въ сосѣдствѣ съ нею во Фракіи) былъ правителемъ язычникъ Ликиній. У него была дочь, по имени Пенелопія. Уже шести лѣтъ отъ роду она отличалась красотою. Желая воспитать ее вдали отъ свѣта и свѣтскихъ развлеченій, отецъ построилъ для нея за городомъ роскошный дворецъ, въ которомъ и должна была она оставаться до замужества съ тринадцатью избранными прекрасными дѣвицами. Во дворцѣ Ликиній помѣстилъ также золотыхъ идоловъ, чтобы они хранили дочь его. Воспитаніе Пенелопіи онъ поручилъ одной по-

жилой женщинѣ, Каріи, и умному и честному старцу Апеліану. Одна наблюдала за благоповеденіемъ Пенелопіи, а другой каждый день приходилъ обучать ее наукамъ. Апеліанъ тайно исповѣдывалъ христіанскую вѣру и хотя не говорилъ своей воспитанницѣ о христіанской вѣрѣ, но старался внушить ей христіанскія добродѣтели. Пенелопія возрастала въ красотѣ и добронравіи. Ей наступило 12 лѣтъ, и родители уже начинали помышлять о ея замужествѣ, какъ случилось одно знаменательное событіе. Однажды Пенелопія сидѣла у себя въ комнатѣ вмѣстѣ съ воспитательницею, вдругъ въ окно влетѣлъ голубь съ масличною вѣткою и, положивъ ее на столѣ, вылетѣлъ вонъ; вслѣдъ за симъ влетѣлъ во дворецъ орелъ съ вѣнкомъ изъ разныхъ цвѣтовъ и оставилъ его тоже на столѣ. Потомъ въ другое окно влетѣлъ воронъ и оставилъ на столѣ небольшую змѣю. Недоумѣвая, чтобы это значило, Пенелопія разсказала о случившемся пришедшему къ ней Апеліану. Старецъ, подумавъ немного, сказалъ ей: „Послушай меня, дѣвица, я тебѣ объясню случившееся: голубь означаетъ твою кротость и цѣломудріе; масличная вѣтка — благодать Божію, которая подастся тебѣ крещеніемъ. Орелъ означаетъ, что ты будешь владычествовать надъ страстями, а вѣнецъ изъ цвѣтовъ знаменуетъ награду, которую ты получишь отъ Бога за свои подвиги. Воронъ же со змѣею означаетъ врага—діавола, который хочетъ нанести тебѣ скорбь и лютое страданіе. Знай, что Царь неба и земли хочетъ обручить тебя Себѣ въ невѣсту, и ты должна будешь претерпѣть за Него многія напасти“. Дѣвица съ умиленіемъ слушала рѣчь своего наставника и слагала ее въ своемъ сердцѣ. По ея просьбѣ Апеліанъ много говорилъ ей о Христѣ и вѣрѣ христіанской, и ея чистое дѣвическое сердце согрѣ-

валось при этомъ огнемъ божественной любви. Вскорѣ послѣ этого явились къ дочери родители и высказали ей свое желаніе выдать ее замужъ. Пенелопія просила у нихъ семь дней на размышленіе. Родители согласились и оставили свою дочь въ покоѣ. Тотчасъ же по удаленіи ихъ, Пенелопія подошла къ идоламъ и сказала: „если вы боги, то услышьте меня: вотъ отецъ хочетъ выдать меня замужъ, а я хочу остаться дѣвою; дайте же совѣтъ, идти мнѣ замужъ или нѣтъ?“ Бездушные идолы молчали. Тогда отвернувшись отъ ложныхъ своихъ боговъ, дѣвица обратилась къ востоку и, взглянувъ на небо, сказала: „если Ты, Котораго исповѣдуютъ галилеяне, истинный Богъ, то молю Тебя—наставь меня!“ Въ тотъ же вечеръ, въ дремотѣ Пенелопія увидѣла ангела, который сказалъ ей: „Ты послужишь спасенію многихъ, и тысячи людей обратятся чрезъ тебя къ Богу. Что сказалъ тебѣ Апеліанъ, то правда. Въ эту ночь придетъ къ тебѣ человѣкъ Божій, Тимоѳей; онъ научитъ, что тебѣ дѣлать, и креститъ, и будешь уже называться не Пенелопіею, но Ириною“. Проснувшись, дѣвица съ радостнымъ нетерпѣніемъ стала ожидать обѣщаннаго человѣка Божія. Дѣйствительно, св. Тимоѳей, ученикъ и сотрудникъ св. апостола Павла, по внушенію свыше, ночью пришелъ къ ней въ домъ и сталъ учить св. вѣрѣ какъ ее, такъ и всѣхъ бывшихъ съ нею. Затѣмъ онъ крестилъ ихъ и при крещеніи назвалъ Пенелопію Ириною. Просвѣтившись св. вѣрою, Ирина съ подругами день и ночь проводила въ молитвѣ и чтеніи св. писанія; золотыхъ же идоловъ своихъ одного за другимъ побросала изъ окна на землю. Когда же чрезъ недѣлю пришли къ Иринѣ родители и стали снова напоминать ей о бракѣ, она объявила себя христіанкою и стала увѣщавать и ихъ обратиться ко Христу. Сначала

отецъ не противорѣчилъ дочери и, возвращаясь въ городъ — домой, взялъ и ее съ собою. Но вскорѣ діаволъ ожесточилъ сердце отца противъ дочери. Ликиній сталъ принуждать ее поклониться идоламъ. И когда Ирина рѣшительно отказалась отъ этого, разгнѣванный отецъ приказалъ связать и бросить ее къ ногамъ дикихъ лошадей. Но лошади, не причинивъ ей никакого вреда, бросились на самого мучителя, оторвали у него правую руку и умертвили его. Воскрешенный молитвами своей дочери, Ликиній со всѣмъ домомъ своимъ увѣровалъ въ Бога. Въ то же время увѣровало во Христа до 3000 человѣкъ. Ликиній оставилъ правленіе и поселился во дворцѣ дочери. Ирина же осталась въ городѣ, поучала народъ и многихъ обратила ко Христу. Она жила въ домѣ своего перваго учителя—Апеліана.

Новый правитель города, Седекія, призвалъ къ себѣ Ирину, увѣщавалъ ее поклониться богамъ. А когда она оказалась непреклонною, приказалъ бросить ее въ ровъ, наполненный змѣями и другими гадами; во рвѣ св. мученица пробыла 10 дней и при помощи Божіей вышла оттуда невредимою. Раздраженный Седекія приказалъ перепилить ее пополамъ; но при прикосновеніи къ дѣвственному чистому тѣлу св. Ирины желѣзныя пилы притуплялись, какъ бы о камень. Принесена была уже 3-я пила, на грудь св. мученицы положены были тяжелые камни,—вдругъ надъ мѣстомъ истязанія нависла грозная туча, засверкала молнія, разразился страшный громъ: съ груди мученицы мгновенно отлетѣли камни, и она встала совершенно здоровою. Пораженные такимъ чудомъ, многіе изъ зрителей увѣровали во Христа. Объясняя это чудо дѣйствіемъ волшебства мученицы, Седекія придумалъ новое истязаніе надъ нею: онъ приказалъ при-

вязать ее къ мельничному колесу. Но когда привязали ее, колесо не двигалось, потому что вода остановилась и не шла подъ колесо. При видѣ этого новаго чуда, народъ ожесточился противъ правителя, сталъ бросать въ него камнями и наконецъ выгналъ его изъ города. Чрезъ семь дней по изгнаніи онъ умеръ отъ стыда и гнѣва.

Сынъ Седекіи, Савахъ, сдѣлавшись градскимъ правителемъ, съ войскомъ подступилъ къ Магеддону, чтобы отомстить магеддонскимъ жителямъ за смерть отца. Но онъ со всѣмъ войскомъ былъ пораженъ слѣпотою. Тогда Савахъ обратился съ просьбою къ св. Иринѣ исцѣлить его и войско отъ слѣпоты. И св. Ирина молитвою возвратила имъ зрѣніе. Савахъ послѣ этого безпрепятственно вошелъ въ городъ и объявилъ прощеніе жителямъ его за обиду отцу, но излилъ гнѣвъ свой на свою благодѣтельницу—Ирину: по его приказанію, въ ноги ея вбили острые гвозди, а на плеча возложили большой мѣшокъ съ пескомъ и въ такомъ видѣ гнали ее по городу. Но ангелъ Господень избавилъ мученицу отъ страданій и исцѣлилъ ее отъ ранъ, а мучителей погубилъ. Въ народѣ произошло смятеніе. Одни говорили: Самъ Богъ съ Ириною, другіе говорили, что она великая волшебница. Къ общему ужасу вдругъ сдѣлалось землетрясеніе, и многіе невѣрующіе погибли, а вмѣстѣ съ ними и самъ правитель. Оставшіеся въ живыхъ вразумились и увѣровали во Христа. Св. мученица Ирина три года оставалась послѣ того въ Магеддонѣ. Обходя городъ, она поучала всѣхъ вѣрѣ Христовой, силою Божіею творила чудеса и многихъ соотечественниковъ—язычниковъ обратила ко Христу. Затѣмъ она отправилась въ г. Каллиникъ (или Каллиполь въ Херсонесѣ

фракійскомъ), гдѣ правителемъ былъ жестокій Нумеріанъ, родственникъ Саваха. Нумеріанъ много слышалъ о чудесахъ Ирины и, приписывая ихъ волшебству, хотѣлъ немедленно погубить мнимую волшебницу. Онъ потребовалъ ее къ себѣ и приказалъ подвергнуть ее лютымъ мученіямъ; но въ то самое время, какъ св. Ирина переносила истязанія, самъ мучитель былъ пораженъ смертельною болѣзнію. Болѣзнь однако не вразумила его. Умирая, онъ приказалъ одному начальнику, Ваводону, умертвить св. Ирину. Ваводонъ не хотѣлъ мучить св. Ирину въ отечественной ея странѣ изъ опасенія народнаго мятежа и приказалъ вести ее съ собою въ городъ Константіану (въ греческой области Фракіи). Здѣсь положили мученицу не желѣзную рѣшетку, подъ которою пылалъ огонь, а сверху обливали ее горящею смолою и масломъ. Но св. мученица, какъ бы не чувствуя боли, славословила Господа и осталась здравою и невредимою. Пораженный этимъ чудомъ, Ваводонъ позналъ силу и величіе истиннаго Бога и крестился со многими другими. Получивши свободу, св. Ирина обходила съ евангельскою проповѣдію разные города и селенія и наконецъ прибыла въ г. Ефесъ. Чрезъ нѣсколько времени сюда же пришелъ и бывшій ея наставникъ Апеліанъ, которому она сообщила о скоромъ своемъ отшествіи въ вѣчность. Предъ своею кончиною св. мученица собрала въ одинъ домъ вѣрующихъ ефесянъ и сказала имъ: „я отхожу отъ васъ къ Господу Богу. Будьте добры и милостивы и твердо храните вѣру. Миръ Божій да будетъ съ вами“. Послѣ сихъ словъ она взяла Апеліана и шестерыхъ благочестивыхъ мужей и пошла съ ними за городъ. Тамъ она вошла въ пещеру, простилась съ своими спутниками и попросила ихъ завалить входъ въ пещеру

камнями. Тутъ она и скончалась. Память св. Ирины издревле особенно чтилась въ Константинополѣ, и ей посвящено было нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ (Четьи—Минеи. Прологъ).

По западнымъ мартирологамъ св. Ирина скончалась мученическою смертію,—сожжена въ Солуни. Нѣкоторые думаютъ, что св. Ирина была иллирійской славянскою и проповѣдницею среди славянъ въ Сербіи (Свв. юж. слав. Филарета, арх. черн. дополн. стр. 260—267).

Мучч. Неофита, Гаія и Гаіана. Соборъ ихъ совершался въ Царьградѣ, въ храмѣ Космы и Даміана въ Даріевыхъ.—Обновленіе храма Богоматери Кирскія въ Царьградѣ. Явилась Киру, въ язычествѣ префекту Царьграда, а послѣ епископу смирнскому, при Ѳеодосіи младшемъ, въ 5 вѣкѣ (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2, стр. 117).

ПР. МИХЕЯ, УЧЕНИКА СВ. СЕРГІЯ РОДОНЕЖСКАГО.

Пр. Михей, одинъ изъ первыхъ и ближайшихъ учениковъ пр. Сергія, жилъ съ нимъ въ одной келліи и подвизался подъ его непосредственнымъ руководительствомъ. Послушаніе и слезы покаянія были отличительными чертами подвижнической жизни Михея и удостоили его созерцанія небожителей на землѣ. Мѣра участія его въ созерцаніи явленія Богоматери великому наставнику показываетъ и мѣру усовершенствованія его въ духовной жизни. Однажды пр. Сергій, совершивъ молитвенное правило, сѣлъ немного отдохнуть, но вдругъ сказалъ Михею: „бодрствуй, чадо, мы будемъ имѣть чудное посѣщеніе“. Какъ только произнесъ онъ эти

слова, раздался въ келліи невѣдомый голосъ: „Пречистая грядетъ“. И тотчасъ келлію освѣтилъ свѣтъ ярче солнечнаго: Преп. Сергію явилась Матерь Божія въ сопровожденіи апп. Петра и Іоанна. Михей, пораженный небеснымъ свѣтомъ, въ благоговѣйномъ страхѣ палъ ницъ и лежалъ безъ движенія. По удаленіи Богоматери, Сергій поднялъ своего ученика, и тотъ спрашивалъ своего учителя: „скажи мнѣ, отче, что это за чудное видѣніе? Отъ ужаса душа моя едва не разлучилась съ тѣломъ“. Но Сергій отъ избытка радости не могъ говорить. „Потерпи не много, сказалъ онъ, пока успокоится духъ мой“.—Преп. Михей скончался въ 1385 г., шестью годами раньше своего учителя, пр. Сергія.

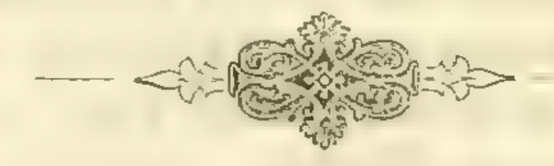
Въ Троицкой лаврѣ, къ востоку отъ Троицкаго собора, близъ лѣстницы, ведущей въ братскую трапезу, стоитъ небольшая церковь, устроенная въ 1734 г. съ благословенія св. Синода въ честь явленія Божіей Матери пр. Сергію. Въ этой церкви подлѣ южной стѣны устроенная рака показываетъ мѣсто погребенія преп. Михея, почивающаго подъ спудомъ. Церковь эта возобновлена въ 1842 году (Никон. лѣт. 4, 236—238. Мѣсяц. Троицкой лавры, стр. 7, 49 и 50. М. 1850 г. Слов. истор. о свв., стр. 172—173. Русс. свв. Филарета, арх. черн.).

ПР. АДРІАНА МОНЗЕНСКАГО.

Адріанъ, въ мірѣ Амосъ, былъ родомъ изъ Костромы. Когда онъ достигъ совершеннаго возраста, родители хотѣли женить его и уже было нашли ему невѣсту; но душа Амоса вовсе не лежала къ брачной жизни. Желаніе отрѣшиться отъ міра и посвятить себя всецѣло

на служеніе Богу—вотъ что занимало душу юнаго Амоса. И Господь поспѣшилъ ободрить и укрѣпить его въ благомъ намѣреніи. Амосъ внезапно заболѣлъ; во время болѣзни ему видѣлся одинокій храмъ между двухъ рѣкъ и затѣмъ послышался голосъ: „здѣсь твое мѣсто“. Послѣ этого таинственнаго видѣнія Амосъ, лишь только выздоровѣлъ, тайно ушелъ изъ родительскаго дома въ Толгскій монастырь, что близъ Ярославля. Но когда его возвратили отсюда въ домъ отца, юноша скрылся въ Геннадіевъ монастырь (Костром. губ.), гдѣ и принялъ постриженіе съ именемъ Адріана. Пробывъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, онъ посѣтилъ разныя обители; такъ, былъ на Каменномъ островѣ (Кубенскаго озера) въ Спасской обители и въ Павловой-Обнорской пустыни (въ вологодскихъ предѣлахъ). И во все это время не оставлялъ мысли отыскать видѣнный имъ храмъ между двухъ рѣкъ. Въ Павловой пустыни Адріанъ близко сошелся съ однимъ богобоязненнымъ старцемъ Пафнутіемъ, которому и разсказалъ свое давнее видѣніе. Старецъ не зналъ, какое мѣсто для подвиговъ Адріана указано видѣніемъ. И вотъ однажды Пафнутію представилось во снѣ: является предъ нимъ неизвѣстный человѣкъ и говоритъ: „пошли друга твоего Адріана къ востоку, мѣсто не дальше 50 верстъ отсюда, тамъ увидитъ онъ преподобнаго мужа“. Пафнутій спросилъ явившагося мужа: кто онъ и какъ знаетъ то мѣсто. Неизвѣстный отвѣчалъ: „то мѣсто не тебѣ назначено“. Проснувшись, Пафнутій разсказалъ объ этомъ Адріану. Адріанъ поспѣшно отправился въ указанное мѣсто и нашелъ въ глухомъ лѣсу запустѣлый храмъ, тотъ самый, который онъ видѣлъ нѣкогда во снѣ. (Это мѣсто въ 35 верстахъ отъ Галича и въ 20 — отъ Костромы, при впаденіи Монзы въ р. Кострому). Адріанъ

возвратился въ Обнорскій монастырь, чтобы передать радостную вѣсть старцу Пафнутію, искавшему подобно Адріану пустыннаго житія. Ужь начали они совѣщаться о переселеніи на пустынное мѣсто, какъ пришла царская грамата о вызовѣ Пафнутія въ Москву, гдѣ онъ и поставленъ былъ въ архимандрита Чудова монастыря (въ 1595 г.). Адріанъ же поселился при найденномъ храмѣ съ тремя иноками. Вскорѣ сюда пришли другіе ревнители пустыннаго житія. Адріанъ соорудилъ для нихъ обитель, построилъ церковь Воскресенія съ придѣломъ свят. Николая и теплую церковь во имя Благовѣщенія. На берегахъ р. Монзы Адріанъ встрѣтилъ предуказаннаго въ видѣніи преподобнаго мужа, Ѳерапонта, (пам. его 12 дек.) и выслушалъ отъ него много полезныхъ наставленій. По совѣту сего старца, Адріанъ наполнилъ монастырскія житницы хлѣбомъ, и во время страшнаго голода 1601 года обитель Адріана съ полною любовію помогала страдавшимъ отъ голода бѣднякамъ. Однажды литовцы напали на пустынную обитель Адріана и разложили среди нея огонь съ намѣреніемъ сжечь монастырь; но молитвами преп. Адріана онъ остался невредимымъ. Блаженный скончался 5-го мая 1619 года. Въ рукописныхъ святцахъ онъ называется чудотворцемъ. Мощи его почиваютъ въ Благовѣщенской церкви его обители, упраздненной съ 1764 года (Рукоп. сказаніе о Монзенск. монаст. у Царскаго № 118. Ист. Росс. Іер. ч. 6, стр. 1025. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв. стр. 8—9).



6-е число.

Св. и праведнаго Іова многострадальнаго. Св. муч. Варвара и съ нимъ Вакха, Каллимаха и Діонисія. Св. Варвара, прежде бывшаго разбойника.

(Пр. Маманта, Пахомія и Иларіона. Муч. Димитріона. Мучч. Данакта, Месира и Ѳерина. Муч. Варвара. Муч. Доната).

СВ. И ПРАВЕДНАГО ІОВА МНОГОСТРАДАЛЬНАГО.

Послѣ вавилонскаго столпотворенія и разсѣянія народовъ языческое суевѣріе до того усилилось, что промыслъ Божій для сохраненія истиннаго откровенія и богопочтенія въ родѣ человѣческомъ судилъ отдѣлить Авраама отъ рода его и образовать изъ его потомства особенный народъ. Однако и внѣ рода Авраамова были мужи, славные своимъ благочестіемъ, сохранившіе во всей чистотѣ священныя преданія Ноевы. Изъ такихъ мужей особенно замѣчателенъ былъ Іовъ.

Онъ жилъ въ странѣ Авситидійской, или въ землѣ Уцъ, на границѣ Аравіи съ Идумеею, и извѣстенъ былъ по всему востоку своимъ богатствомъ: у него было семь тысячъ мелкаго скота, три тысячи верблюдовъ, пятьсотъ паръ воловъ, пятьсотъ ослицъ и множество слугъ. Счастливъ былъ Іовъ и въ своей семьѣ; у него было семь сыновей и три дочери. Сыновья, жившіе въ отдѣльныхъ

домахъ, по очереди дѣлали у себя пиры каждый день и проводили время въ братскомъ кругу, вмѣстѣ съ сестрами своими, среди невинныхъ увеселеній. По прошествіи дня пира, Іовъ посылалъ за дѣтьми и въ присутствіи всей семьи приносилъ за каждаго изъ нихъ всесожженіе. „Ибо говорилъ Іовъ, можетъ быть, сыновья мои согрѣшили и похулили Бога въ сердцѣ своемъ" (Іов. 1, 5). Среди согражданъ своихъ Іовъ пользовался величайшимъ почетомъ и властію. Вотъ какъ самъ Іовъ описываетъ свою жизнь въ счастіи: „Пути мои обливались молокомъ, и скала источала для меня ручьи елея; когда я выходилъ къ воротамъ города и на площади ставилъ сѣдалище себѣ, юноши, увидѣвъ меня, прятались, а старцы вставали и стояли; князья удерживались отъ рѣчи и персты полагали на уста свои; голосъ знатныхъ умолкалъ и языкъ ихъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ухо, слышавшее меня, ублажало меня; око видѣвшее восхваляло меня.... Внимали мнѣ и ожидали и безмолвствовали при совѣтѣ моемъ. Послѣ словъ моихъ уже не разсуждали; рѣчь моя капала на нихъ. Ждали меня, какъ дождя, и, какъ дождю позднему, открывали уста свои. Бывало, улыбнусь имъ, они не вѣрятъ; и свѣта лица моего они не помрачали. Я назначалъ пути имъ и сидѣлъ во главѣ, и жилъ, какъ царь, въ кругу воиновъ" (Іовъ. 29, 6 — 11. 21—25). Богатство и знатность не испортили души Іова. Онъ не былъ ни жестокъ, ни вѣроломенъ, ни гордъ; сочувственно относился къ нуждамъ и бѣдствіямъ ближнихъ и всѣми силами старался угождать Богу, Котораго онъ и мыслію боялся оскорбить. Самъ Богъ говорилъ объ Іовѣ: „нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ: человѣкъ непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющійся отъ зла" (Іов. 2, 3). „Я спасалъ страдальца вопіющаго и сироту без-

помощнаго, говорилъ Іовъ о себѣ. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердцу вдовы доставлялъ я радость. Я облекался въ правду, и судъ мой одѣвалъ меня, какъ мантія и увясло. Я былъ глазами слѣпому и ногами хромому; отцомъ былъ я для нищихъ; тяжбу, которой я не зналъ, разбиралъ внимательно. Сокрушалъ я беззаконному челюсти, и изъ зубовъ его исторгалъ похищенное" (Іовъ 29, 12—17). Положилъ я завѣтъ очамъ моимъ, да не подумаю о дѣвицѣ. Не ходилъ я въ лукавствѣ, и нога моя не поспѣшала на коварство. Къ рукамъ моимъ пятно не прилипало (т. е. не бралъ подарковъ). Сердце мое не прельщалось женщиною, и я не строилъ ковъ у дверей ближняго моего. Не презиралъ я права слуги моего и служанки моей, когда они имѣли споръ со мною. Не радовался о паденіи враговъ своихъ. Странникъ не ночевалъ на улицѣ, я любилъ отворять дверь свою путешественнику. Если же мнѣ случалось неволею согрѣшить, я не стыдился предъ множествомъ людей признаться во грѣхѣ (31, 1—34). И этотъ великій праведникъ подвергается ужаснымъ и безпримѣрнымъ страданіямъ по особенному изволенію и попущенію Божію, *да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. 9, 3).

Однажды, когда ангелы предстали предъ престоломъ Божіимъ, между ними явился и духъ злобы. Богъ обратился съ Своимъ словомъ къ діаволу и спросилъ его: „откуда ты пришелъ?" — „Я былъ на землѣ, прошелъ поднебесную, отвѣчалъ діаволъ, и вотъ теперь предъ Тобою". — „Обратилъ ли вниманіе на раба Моего Іова? сказалъ Господь, какъ онъ святъ и праведенъ!" Будучи самъ золъ и не вѣря въ добродѣтель и безкорыстное служеніе Богу со стороны людей, діаволъ отвѣчалъ Господу: „а развѣ Іовъ даромъ чтитъ Бога? Не Ты ли бережешь домъ и

всю его собственность? Что онъ ни дѣлаетъ, Ты всему даешь успѣхъ и размножаешь стада его. А сдѣлай опытъ, — отними, что у него есть, тогда увидишь, что онъ отречется отъ Тебя". Чтобы посрамить клеветника и явить добродѣтель праведника, Господь позволилъ діаволу дѣлать, что угодно съ имѣніемъ и богатствомъ Іова, только запретилъ касаться его самого. Діаволъ скрылся отъ Господа. Былъ день, въ который сыновья и дочери Іова пировали въ домѣ старшаго брата. И вотъ приходитъ къ Іову вѣстникъ и говоритъ: „волы твои попарно ходили въ полѣ подъ ярмомъ, и ослицы паслись возлѣ нихъ; вдругъ напали савеи и угнали ихъ, а слугъ перебили; спасся только я и прибѣжалъ донести тебѣ". Въ слѣдъ за этимъ приходитъ другой вѣстникъ къ Іову и разсказываетъ: „съ небесъ упалъ огонь и попалилъ весь мелкій скотъ и пастуховъ; спасся я одинъ и пришелъ сказать тебѣ". Пока этотъ говорилъ, приходитъ третій вѣстникъ и доноситъ: „халдеи, раздѣлившись на три отряда, окружили верблюдовъ и угнали ихъ, а слугъ перебили; я одинъ остался въ живыхъ и пришелъ извѣстить тебя". Еще не кончилъ своей рѣчи третій вѣстникъ, какъ прибѣгаетъ новый и извѣщаетъ Іова: „твои сыновья и дочери пировали въ домѣ старшаго брата своего; вдругъ страшный вихрь пронесся изъ пустыни, охватилъ домъ со всѣхъ угловъ и обрушилъ его на твоихъ дѣтей. Всѣ погибли, спасся я одинъ и пришелъ сказать тебѣ". Такъ въ одинъ день Іовъ изъ богача и счастливаго семьянина сдѣлался нищимъ и бездѣтнымъ. Такими непрерывными, жестокими ударами діаволъ надѣялся сокрушить твердость Іова. Что же Іовъ? Какъ подѣйствовали на него такія ужасныя вѣсти? Онъ былъ пораженъ ими до глубины души. Отъ горести

разорвалъ онъ на себѣ одежду, остригъ себѣ голову, но не произнесъ ни малѣйшей жалобы на промыслъ Божій и не согрѣшилъ предъ Богомъ ни однимъ безразсуднымъ словомъ. Іовъ палъ на землю и сказалъ: „нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь въ землю. Господь далъ, Господь и взялъ! Да будетъ благословенно имя Господне!"

Вскорѣ новое горе постигло страдальца. Посрамленный діаволъ имѣлъ дерзость утверждать предъ Господомъ и ангелами, что Іовъ, оставшійся вѣрнымъ Богу при потерѣ дѣтей и имущества, не устоитъ, если коснуться его тѣла. Господь отдалъ діаволу во власть тѣло Іова, запретивъ касаться его жизни. Сатана поразилъ тѣло праведника съ ногъ до головы страшной проказою, болѣзнію заразительною и неизлѣчимою. Іовъ былъ живъ, а тѣло его согнивало. Прокаженные не могли жить въ городахъ и селеніяхъ; они должны были выходить за городъ, чтобы не заразить другихъ. Несчастный Іовъ, всѣми отверженный, сидѣлъ на кучѣ пепла за городомъ и обломкомъ черепка скоблилъ свой гной. Отъ ранъ его былъ такой отвратительный запахъ, что никто не подходилъ къ нему. Много времени находился праведникъ на своемъ гноищѣ, одинъ съ своею болью и своимъ горемъ. Но вотъ приходитъ къ нему жена его. У бѣдной женщины сердце изныло при видѣ долгихъ и тяжкихъ страданій ея мужа. Она совсѣмъ упала духомъ и сказала Іову: „ты все еще держишься своей добродѣтели? Доколѣ будешь терпѣть? Дѣтей у насъ не стало. Самъ ты сидишь въ смрадѣ червей, проводя ночь безъ покрова; а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы успокоиться отъ трудовъ моихъ и болѣзней, которыя

нынѣ удручаютъ меня. Похули Бога, и Онъ поразитъ тебя смертію!“ Кто можетъ представить себѣ все несчастіе, постигшее Іова, и выразить всю скорбь души его? Но ничто не могло поколебать благочестивой твердости Іова и его смиренной преданности волѣ Божіей. Женѣ, принуждающей его къ ропоту, Іовъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „ты говоришь, какъ безумная. Если мы любили принимать добро отъ руки Господней, то почему же не принимать и зла?“

Постигло Іова и еще новое горе. О несчастіи его услышали друзья его, Елифазъ Ѳеманитянинъ, Вилдадъ Савхеянинъ и Софаръ Наамитянинъ, „и сошлись, чтобы идти вмѣстѣ сѣтовать съ нимъ и утѣшать его. И, поднявъ глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голосъ свой и зарыдали; и разодралъ каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль надъ головами своими къ небу. И сидѣли съ нимъ на землѣ семь дней и семь ночей; и никто не говорилъ ему ни слова, ибо видѣли, что страданіе его весьма велико“ (2, 11—13). Наконецъ Іовъ заговорилъ; онъ проклялъ день своего рожденія и сталъ жаловаться на то, зачѣмъ дали ему увидѣть свѣтъ, когда жизнь готовила ему такія страданія. Заговорили и друзья его. Не зная, чѣмъ бы объяснить причину бѣдствій своего друга, и твердо вѣруя, что Богъ добрыхъ награждаетъ, а наказываетъ только злыхъ, они предположили, что Іовъ наказывается за какіе-либо тайные грѣхи, и потому стали убѣждать его, чтобы онъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ. Такимъ образомъ вмѣсто утѣшенія друзья своими умствованіями хотѣли отнять у страдальца послѣднюю отраду — вѣру въ собственную его невинность. Іовъ долго защищался. Знаю, говорилъ онъ, что нѣтъ человѣка чистаго предъ

Богомъ, хотя бы и одинъ день былъ жизни его. Но тѣмъ не менѣе я не знаю ни одного изъ великихъ преступленій, приписываемыхъ вами мнѣ. Напрасно вы стараетесь утѣшить меня тѣмъ, что должно безпокоить меня. Друзья не переставали спорить съ Іовомъ: они утверждали, что бѣдствія, посланныя на него небомъ, доказываютъ, что онъ виновенъ; ибо, говорили они, Правосудный никогда не наказываетъ невиннаго. Но Іовъ съ твердостію отвѣчаетъ, что несчастія часто посѣщаютъ и праведныхъ. Друзья поставляютъ ему въ вину эти слова, показывающія, что міръ дурно управляется, потому что злой благоденствовалъ бы, а праведникъ страдалъ. Самое пламенное воображеніе управляетъ всѣмъ этимъ споромъ. Тутъ видна самая высокая нравственная философія. Защищая свое доброе имя противъ несправедливыхъ подозрѣній, Іовъ выразилъ твердую вѣру въ грядущаго Искупителя и надежду на безсмертіе: „Я знаю, сказалъ онъ, Искупитель мой живъ, и Онъ въ послѣдній день возставитъ изъ праха распадающуюся кожу мою сію; и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его самъ; мои глаза, не глаза другаго, увидятъ Его“ (19, 25—27). Не имѣя силъ убѣдить друзей въ своей невинности, Іовъ сталъ молить Бога, чтобы Онъ Самъ явился и засвидѣтельствовалъ объ его добромъ имени. Господь явился Іову въ вихрѣ и заставилъ его смириться предъ непостижимостію путей Своихъ. Потомъ, обратясь къ друзьямъ Іова, выразилъ Свой гнѣвъ за ихъ неправильныя сужденія и повелѣлъ имъ просить Іова, чтобы онъ принесъ за нихъ жертву и помолился за нихъ. Они исполнили это повелѣніе. И Богъ принялъ ходатайство за нихъ Іова.

Господь вознаградилъ страдальца за его терпѣніе:

возвратилъ ему здоровье „и далъ ему вдвое больше того, что онъ имѣлъ прежде. Тогда пришли къ нему всѣ братья его и всѣ сестры его и всѣ прежніе знакомые его и ѣли съ нимъ хлѣбъ въ домѣ его, и тужили съ нимъ, и утѣшали его за все зло, которое Господь навелъ на него, и дали ему каждый по овцѣ и по золотому кольцу. И благословилъ Богъ послѣдніе дни Іова болѣе, нежели прежніе; у него было четырнадцать тысячъ мелкаго скота, шесть тысячъ верблюдовъ и тысяча паръ воловъ. И было у него семь сыновей и три дочери. И не было на всей землѣ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ дочери Іова. Послѣ того Іовъ жилъ сто сорокъ лѣтъ, и видѣлъ сыновей своихъ и сыновей сыновнихъ до четвертаго рода. И умеръ Іовъ въ старости, насыщенный днями“.

Исторія Іова излагается въ священной книгѣ, извѣстной подъ его именемъ. Кто написалъ ее, съ достовѣрностію неизвѣстно. Обыкновенно полагаютъ, что она написана Моисеемъ, или самимъ Іовомъ, жившимъ около временъ Моисея.

Книга Іова есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ священной письменности. Въ этой книгѣ сохранились драгоцѣнныя преданія о нравахъ и обычаяхъ первобытныхъ временъ, о состояніи искусствъ и наукъ той эпохи, въ которую жилъ патріархъ. Изъ книги Іова узнаемъ, что гостепріимство было первою и святѣйшею обязанностію; оно не было соединено съ приготовленіями и церемоніями. Стада были главнымъ предметомъ заботъ и самымъ изобильнымъ источникомъ богатствъ. Для совѣщанія и разсужденія о дѣлахъ старѣйшины собирались у городскихъ воротъ. Во времена Іова было извѣстно искусство красить; потому что онъ говоритъ о

блестящихъ цвѣтахъ матерій, привозимыхъ изъ Индіи. Искусство добывать золото и серебро, мѣдь и желѣзо посредствомъ огня было уже открыто. Въ книгѣ Іова не рѣдко упоминается о звѣздахъ, говорится и о созвѣздіяхъ (напр. см. 9 гл. ст. 7—9). Нужно думать, что въ его время небесныя свѣтила составляли предметъ не малаго изученія. Прекрасное, ясное небо Азіи, мирныя пастушескія занятія естественно должны были направлять взоры и мысли къ этимъ неизмѣримымъ и безчисленнымъ тѣламъ, плавающимъ въ пространствѣ небесъ. Къ изученію звѣздъ жителей земли принуждала и необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, земледѣльческія работы требуютъ знакомства съ временами года. Мореплаваніе не менѣе тѣсно соединено съ движеніемъ небесныхъ звѣздъ. Наконецъ порядокъ общественныхъ дѣлъ, дни, опредѣленные для богослуженія, требовали опредѣленія и раздѣленія года и мѣсяца. Звѣзды были единственными руководителями для путешественниковъ, особенно ночныхъ, направлявшихся по безконечнымъ азіатскимъ равнинамъ, покрытымъ во многихъ мѣстахъ пескомъ.

Жизнь Іова представляетъ для насъ много поучительнаго и назидательнаго. Великимъ богатствомъ и славою пользовался сей патріархъ. Но въ одинъ день всего лишился. Что же послѣ этого всѣ земныя блага? цвѣтокъ, сорванный въ минуту своего рожденія,—тѣнь убѣгающая,—листъ, уносимый вѣтромъ,—солома, пожираемая пламенемъ. Далѣе: на великаго праведника пущены адскія острыя стрѣлы со всѣхъ сторонъ: онъ былъ пораженъ въ своихъ благахъ, въ своемъ тѣлѣ, въ своихъ самыхъ драгоцѣнныхъ чувствахъ; братья и ближніе оставили его; рабы не слушаютъ голоса его. У страдальца остается только жена, и та оскорбляетъ его упреками; у него остаются друзья,

и тѣ только увеличиваютъ его печаль, принося ему неблагоразумныя утѣшенія. Зловонное дыханіе Іова всѣхъ отъ него отталкиваетъ. Плоть его изсохла, кожа пристала къ костямъ; онъ—олицетворенная горесть, олицетворенная печаль. Кажется, нѣтъ печали, нѣтъ страданія въ жизни человѣческой, которыя бы не нашли здѣсь своего языка. Состояніе Іова, по-истинѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ бѣдствія нашей немощной природы. Какой прекрасный урокъ представляетъ молчаніе его въ первые дни страданій! Страдалецъ учитъ насъ удерживаться отъ хулы и ропота, которые мы изрыгаемъ, когда жезлъ гнѣва и правосудія Божія поражаетъ насъ. Іовъ своимъ примѣромъ научаетъ насъ цѣнить выше всего добродѣтель и, среди переворотовъ и потрясеній во временной жизни, укрѣплять ослабѣвающій духъ вѣрою въ промыслъ Всевышняго и жизнь будущую. Возвращеніе ему прежняго цвѣтущаго состоянія показываетъ, что искушенная добродѣтель и на землѣ не остается безъ должной награды и побуждаетъ насъ въ горестныхъ обстоятельствахъ жизни утѣшаться надеждою временъ лучшихъ.

СВ. МУЧ. ВАРВАРА И СЪ НИМЪ ВАКХА, КАЛЛИМАХА И ДІОНИСІЯ.

Св. Варваръ жилъ во времена отступника Іуліана (361—363) и былъ по происхожденію грекъ, по званію воинъ. Варваръ служилъ подъ начальствомъ полководца Вакха и отличался особенною отважностію въ битвахъ. Греки въ то время открыли войну съ фракійцами, у которыхъ въ войскѣ находился исполинъ, подобный Голіаѳу; онъ вызывалъ грековъ съ собою на единоборство, но никто изъ нихъ на это не осмѣливался. Тогда Вар-

варъ, въ надеждѣ на помощь Божію, рѣшился выдти противъ исполина и одолѣлъ его. Испуганные фракійцы обратились въ бѣгство. Греки устремились на нихъ и одержали надъ ними рѣшительную побѣду. Послѣ сраженія полководецъ Вакхъ, желая принести благодарственную жертву идоламъ, предложилъ честь перваго жертвоприношенія Варвару. Варваръ до сего времени былъ тайный христіанинъ. Теперь онъ во всеуслышаніе исповѣдалъ свою вѣру и рѣшительно отказался отъ дѣйствія, несвойственнаго христіанину. Вакхъ донесъ объ этомъ императору Іуліану. По его приказанію Варваръ былъ преданъ ужаснымъ мученіямъ. Но Господь чудеснымъ образомъ врачевалъ раны страдальца, такъ что на тѣлѣ его не было видно никакихъ слѣдовъ мученій. Чудо это поразило полководца Вакха, и онъ съ двумя воинами, Каллимахомъ и Діонисіемъ, увѣровалъ во Христа. За это тотъ же Іуліанъ приказалъ отсѣчь имъ головы, а страдальца Варвара подвергнуть новымъ мученіямъ. Его били воловьими ремнями, бросили сначала въ разжженную печь, затѣмъ въ темницу къ ядовитымъ гадамъ. Но онъ вездѣ оказывался невредимымъ. Наконецъ мечъ прекратилъ его страданія. Пострадалъ Варваръ во Фракіи, около 362 года (Четьи-Минеи).

СВ. ВАРВАРА, ПРЕЖДЕ БЫВШАГО РАЗБОЙНИКА.

Всѣ люди грѣшны; нѣтъ человѣка, чистаго предъ Богомъ, хотя бы и одинъ день былъ его жизни. Поэтому всѣ подлежатъ гнѣву и осужденію Божію. Но безмѣрна любовь Бога къ человѣку. Онъ долготерпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе прі-

идутъ (2 Петр. 3, 9). И какъ бы ни были велики грѣхи человѣка, никогда не долженъ онъ отчаяваться въ своемъ спасеніи. Благодать Божія всегда близка къ человѣку, и такъ или иначе, безъ насилія его воли, призываетъ къ покаянію и исправленію жизни; лишь бы самъ человѣкъ не оставался глухъ къ этому призыву. Жизнь св. Варвара представляетъ сему наглядное доказательство. Варваръ жилъ въ странахъ Луканскихъ (въ сѣверной Греціи), долгое время занимался разбойническимъ промысломъ и былъ самымъ злымъ и страшнымъ разбойникомъ. Много пролилъ онъ человѣческой крови: до 300 человѣческихъ жизней погибло отъ его руки. Никто не могъ поймать его: всѣ боялись его звѣрской силы. Всепокрывающая благодать Божія коснулась сердца и этого великаго грѣшника. Однажды, обремененный награбленнымъ золотомъ, онъ уединился въ своей пещерѣ и началъ разсматривать свои сокровища, при чемъ ему пришли на память всѣ его безчеловѣчные поступки, которыми были пріобрѣтены эти сокровища. Неумолимая совѣсть представила ему образъ страшнаго суда и вѣчныхъ мученій. Свѣтъ благодати Божіей озарилъ его мрачную душу: онъ началъ плакать и рыдать и говорилъ самъ себѣ: „что я сдѣлалъ, грѣшный! много пролилъ я человѣческой крови, много похитилъ чужихъ имѣній, осквернилъ женщинъ и сдѣлалъ множество другихъ грѣховъ, и вдругъ я долженъ буду умереть нынѣ или завтра, а что я пріобрѣлъ, кому достанется? Я знаю, что Христосъ милосердіемъ Своимъ принялъ древняго разбойника; Онъ приметъ и меня, если я покаюсь. Каюсь и жалѣю, и ищу Его милосердія!“ Сказавши это, Варваръ оставилъ свой вертепъ и пошелъ въ ближайшее селеніе. Тамъ была церковь. Вошедши въ нее, онъ со слезами

покаянія палъ къ ногамъ священника. Выслушавъ исповѣдь грѣшника, кроткій пастырь отвѣчалъ ему: „нѣтъ грѣха, побѣждающаго Божіе милосердіе, только не отчаявайся". И взялъ его въ домъ свой. Здѣсь кающійся разбойникъ, по собственному желанію, провелъ три года со скотами безъ крова и одежды, терпя холодъ и зной и ползая на колѣнахъ и локтяхъ, какъ четвероногій скотъ. По истеченіи этого времени, разрѣшенный священникомъ отъ грѣховъ, онъ удалился въ лѣсъ, гдѣ былъ двѣнадцать лѣтъ обнаженный, безъ всякаго рубища, и тѣло его, то опаляемое солнечнымъ зноемъ, то цѣпенѣющее отъ холода, почернѣло, какъ уголь. Наконецъ этотъ произвольный страдалецъ былъ застрѣленъ проѣзжими купцами, принявшими его за звѣря. Честное тѣло Варвара было прославлено нетлѣніемъ и цѣлебною силою Четьи—Минеи).

Въ Бѣлозерскихъ святцахъ, писанныхъ до 1631 года, есть кондакъ Варвару разбойнику: „Отъ Бога данныя ти благодати страстотерпче Варваре святе, яко многоцѣннымъ мνромъ, насъ посѣщай цѣлебнѣ, да воніемъ ти: радуйся испивый сладостнѣ чашу Христовыхъ страстей". Какъ застрѣленный, св. Варваръ называется мученикомъ (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2. Зам. стр. 125).

Муч. Димитріонъ убитъ стрѣлами. Мучч. Данактъ, Месиръ и Θерпнъ скончались отъ меча. Муч. Варваръ— также отъ меча. Муч. Донатъ убитъ стрѣлами. Память всѣхъ этихъ шести мучениковъ совершалась въ ихъ храмѣ въ Девтерѣ, въ Царьградѣ (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2, стр. 118).

7-е число.

Воспоминание знамения явльшагося на небеси честнаго Креста Господня въ Іерусалимѣ. Св. муч. Акакія.

(Преподобномуч. Пахомія. Пр. Іоанна зедазнійскаго и 12 учениковъ его: Шіо мгвимскаго, Давида гареджійскаго, Антонія, мартконскаго столпника. Өаддея степанцминдскаго. Стефана, хирскаго, Исидора самтавійскаго. Михаила улумбійскаго, Пирра бретскаго. Зенона икалтскаго. Иес. еп. цилканскаго. Іосифа алавердійскаго. Авива, еп. некресскаго. Любечскія иконы Божіей Матери. Жировицкія иконы Божіей Матери).

ВОСПОМИНАНІЕ ЗНАМЕНІЯ ЯВЛЬШАГОСЯ НА НЕБЕСИ ЧЕСТНАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Въ 351 году явилось въ Іерусалимѣ на небѣ знаменіе честнаго Креста Господня. Объ этомъ чудесномъ явленіи очевидецъ его св. Кириллъ, патріархъ іерусалимскій, извѣстилъ императора Констанція особымъ посланіемъ. Патріархъ писалъ: „Въ святые дни Пятидесятницы, 7-го мая, около 3-го часа дня, явился на небѣ большой Крестъ, составившійся изъ свѣта и протяженный надъ св. Голгоѳою до св. горы Елеонской. Не одинъ или только двое видѣли Крестъ, но весьма явственно видѣнъ онъ былъ всему народонаселенію города. И не скоро миновалось это видѣніе, но въ продолженіе многихъ часовъ Крестъ очевиднымъ образомъ зримъ былъ надъ землею, молені-

носнымъ сіяніемъ превосходящій лучи солнечные. Все народонаселеніе города, объятое страхомъ и вмѣстѣ радостію отъ сего боговидѣнія, тотчасъ толпами стеклось во святую церковь: и юные, и старцы, мужи и жены, люди всякаго возраста и званія — всѣ единодушно прославляли чудодѣйствующаго Христа Іисуса Господа нашего, Сына Божія Единороднаго, на самомъ дѣлѣ и опытѣ уразумѣвъ, что благочестивѣйшее христіанское ученіе состоитъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4), не человѣками только возвѣщается, но Самимъ Богомъ свидѣтельствуется съ небесъ. Посему мы, іерусалимскіе жители, собственными своими очами видѣвъ это преславное чудо, воздали и будемъ воздавать Всецарю Богу и Единородному Сыну Божію подобающее съ благодареніемъ поклоненіе, совершивъ и продолжая совершать во святыхъ мѣстахъ прилежныя молитвы и о боголюбивой твоей державѣ. Поелику же должно было не молчанію предать сіи небесныя боговидѣнія, но благовѣствовать о нихъ и твоему благочестію, мы и постарались немедленно исполнить свой долгъ симъ посланіемъ, чтобы, увѣдавъ о томъ, что вновь явлено свыше, воспріялъ ты болѣе твердое упованіе на Господа нашего Іисуса Христа". — Это посланіе св. Кирилла къ императору Констанцію очень не нравится протестантамъ, которые не любятъ чудесъ; посему нѣкоторые изъ нихъ старались заподозрить его, а другіе совсѣмъ о немъ умалчиваютъ. Но о принадлежности посланія Кириллу, о небесномъ знаменіи и дѣйствіи его на всю имперію говорятъ многіе писатели; напр. Сократъ (2, 28), Филосторгій (3, 26), Созоменъ и другіе. Созоменъ (скончавшійся между 446—450 годами) говоритъ: „При Кириллѣ, предсто-

ятелѣ іерусалимской церкви, явилось на небѣ знаменіе Креста, сіявшее блистательно, но не такъ, какъ сіяютъ планеты, разбрасывая лучи, а сильно сосредоточеннымъ, сжатымъ и вмѣстѣ прозрачнымъ свѣтомъ. Простираясь отъ Краніева мѣста (Лобнаго мѣста, или Голгоѳы, Мѳ. 27, 33) до горы Елеонской, знаменіе занимало небо надъ этимъ пространствомъ стадій на пятнадцать (около 2 верстъ); да и широта его соотвѣтствовала длинѣ. При явленіи столь необычайнаго чуда, всѣ пришли въ страхъ, оставили домы, площади, всѣ свои занятія и съ дѣтьми, съ женами сбѣжались въ церковь, стали единогласно прославлять Христа и усердно исповѣдывать Бога. Вѣсть объ этомъ не мало поразила цѣлую имперію и распространилась скоро, потому что находившіеся въ Іерусалимѣ, по обычаю, изъ всей, такъ сказать, вселенной для молитвы и обозрѣнія тамошнихъ мѣстъ, разсказали своимъ ближнимъ все, чего были очевидцами. Узналъ объ этомъ и царь, какъ по извѣстіямъ отъ многихъ другихъ, такъ и изъ посланія епископа Кирилла. Это небесное знаменіе многихъ изъ язычниковъ и іудеевъ привлекло къ христіанской вѣрѣ" (кн. 4, гл. 5).—Такимъ образомъ знаменіе Креста на небѣ есть событіе, не подлежащее никакому сомнѣнію. Это знаменіе Креста предвозвѣщало тотъ великій крестъ для церкви Христовой, который она несла отъ императора — аріанина Констанція, а потомъ отъ богоотступника Іуліана (Четьи—Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 125—126).

СВ. МУЧ. АКАКІЯ.

Св. Акакій былъ родомъ изъ Каппадокіи, по званію сотникъ, т. е. начальникъ надъ сотнею воиновъ. Онъ

началъ свой доблестный подвигъ страданія за Христа въ царствованіе Максиміана (284—305), во ѳракійскомъ городѣ Пириноѣ. Здѣсь Акакія за рѣшительный отказъ принести жертву идоламъ и за исповѣданіе Христовой вѣры подвергли жестокимъ мученіямъ: его били по спинѣ и чреву воловьими жилами, по лицу — оловянными досками, потомъ бросили въ темницу. Св. мученикъ пробылъ въ ней 7 дней, томимый голодомъ и жаждою. Изъ темницы мученикъ въ тяжкихъ оковахъ приведенъ былъ въ Византію. Здѣсь послѣ новыхъ истязаній онъ былъ усѣченъ мечемъ. Св. Акакій окончилъ жизнь свою 8-го мая 303 года. Празднованіе ему перенесено на 7 мая ради Іоанна Богослова, празднуемаго 8 мая. Константинъ великій создалъ въ честь сего мученика св. храмъ на мѣстѣ его погребенія въ Ставріонѣ, въ Царьградѣ.— Въ житіи св. Андрея юродиваго (пам. его 2 октября) есть повѣствованіе о слѣдующемъ чудѣ св. Акакія: юноша Епифаній, ученикъ св. Андрея, искушаемый похотію плоти, по совѣту своего наставника, помолился предъ гробницею св. Акакія и съ того времени не сталъ чувствовать похоти плоти (Четьи—Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам., стр. 126—127).

ПРЕПОДОБНОМУЧ. ПАХОМІЯ.

Св. Пахомій родился въ Малороссіи отъ благочестивыхъ родителей. Въ молодыхъ лѣтахъ попался онъ въ плѣнъ къ татарамъ, которые продали его одному турку,— по ремеслу кожевнику. Турокъ увезъ его на свою родину, въ мѣстечко Узаки (въ Филадельфійскомъ округѣ Анатоліи), и старался научить его не только своему ремеслу, но и своей вѣрѣ. Юный невольникъ своимъ поведеніемъ

и усердіемъ къ труду пріобрѣлъ такое расположеніе своего хозяина, что тотъ хотѣлъ женить его на своей дочери и сдѣлать наслѣдникомъ своего имущества, для чего склонялъ его къ принятію мусульманства. Но Пахомій ненавидѣлъ вѣру своего хозяина и всячески уклонялся отъ ея обрядовъ. Добрый сей юноша, высокій хранитель цѣломудрія, вмѣнялъ и супружество и богатство за уметы, повторяя въ сердцѣ своемъ апостольское слово: „Кто ны разлучитъ отъ любве Христовы? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или мечъ?“ (Рим. 8, 35). 27 лѣтъ съ полнымъ усердіемъ служилъ Пахомій своему господину, и во все это время оставался твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ Христовой. Видя непоколебимость невольника въ своихъ мысляхъ и намѣреніяхъ, турокъ наконецъ далъ ему свободу, позволивъ идти, куда хочетъ. Пахомій сталъ собираться въ путь но въ это время тяжко заболѣлъ и лежалъ почти безъ чувствъ. Сосѣди турки, узнавъ, что невольникъ получилъ свободу, не принявъ магометанства, рѣшили, во чтобы то ни стало, сдѣлать его магометаниномъ. Они одѣли больнаго въ турецкія одежды и, хотя не обрѣзали его, но разгласили, что онъ отрекся отъ Христа и сталъ магометаниномъ. Глубоко оскорбленный насиліемъ, Пахомій, оправившись отъ болѣзни, поспѣшилъ удалиться въ Смирну, гдѣ сложилъ съ себя турецкія одежды; затѣмъ направилъ путь на св. гору Аѳонъ. Здѣсь, въ обители св. Павла, подвизался старецъ іеромонахъ Іосифъ, сіявшій на св. горѣ особеннымъ благочестіемъ и строгими иноческими подвигами. Пахомій явился къ нему и исповѣдалъ предъ нимъ тайны своего сердца. Старецъ съ любовію принялъ Пахомія, постригъ его въ монашество и держалъ при себѣ около 12 лѣтъ, упражняясь вмѣстѣ съ нимъ въ ино-

ческихъ подвигахъ. Въ то время въ Кавсокаливскомъ скитѣ славился чудною жизнію пр. Акакій. Пахомій, желая подражать его подвигамъ, переселился въ этотъ скитъ и провелъ подъ руководствомъ Акакія шесть лѣтъ. Здѣсь Пахомій велъ такую высокую жизнь, что считался образцемъ для пустынныхъ братій; особенно же отличался кротостію, привѣтливостію и добродушіемъ. Совѣсть Пахомія не была однако спокойна. Его тревожила мысль, не отрекся ли онъ отъ Христа во время болѣзни въ Узакахъ, хотя бы и безсознательно? „Вѣдь безъ повода турки не могли же привязаться ко мнѣ, думалъ Пахомій, и облечь меня въ одежды зеленаго цвѣта, который принадлежитъ собственно торжеству нечестивой ихъ вѣры". Смущаемый такою мыслію, Пахомій пожелалъ своею кровію очистить возможный грѣхъ невольнаго отреченія отъ Христа. О своемъ желаніи онъ открылъ духовнику, старцу Іосифу; но тотъ сначала не одобрилъ его желанія, полагая, что оно есть плодъ гордости. Пахомій оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи и не разъ просилъ у старца благословенія на мученическій подвигъ. Старецъ, желая испытать Пахомія, въ продолженіе года возлагалъ на него разныя тяжелыя послушанія и нашелъ его во всемъ усерднымъ и на всякое святое дѣло готовымъ. Тогда духовникъ обратился за совѣтомъ къ нѣкоторымъ благочестивымъ старцамъ св. горы, одобрятъ ли они желаніе Пахомія. Тѣ благословили инока на желаемый подвигъ. Въ благословеніи старцевъ Іосифъ видѣлъ благословеніе Божіе. И вотъ онъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Пахоміемъ оставляетъ св. гору и приходитъ въ Узаки, родину Пахоміева хозяина. Іосифъ остается въ общей гостинницѣ, а Пахомій идетъ въ домъ своего хозяина-турка. На дорогѣ Пахомій былъ узнанъ толпою турокъ, ко-

торые схватили его, привели къ своему судьѣ и сказали: „этотъ человѣкъ былъ въ рабствѣ у нашего сосѣда; по собственной волѣ отрекся отъ Христа и увѣровалъ въ нашего пророка Магомета, почему мы и одѣли его по-турецки; а теперь этотъ человѣкъ измѣнилъ своему слову и является въ монашескомъ христіанскомъ платьѣ“. — „Правда ли такъ было?“ спросилъ Пахомія судья. Пахомій отвѣчалъ: „лжецы ложь и говорятъ. Мнѣ и на мысль не приходило отрекаться отъ Христа и принимать магометанскую вѣру. Когда я былъ боленъ, турки противъ моей воли надѣли на меня турецкія одежды и теперь разглашаютъ, что я принялъ вашу вѣру. Я былъ и буду христіаниномъ“. Судья осыпалъ исповѣдника Христова бранью и приказалъ заключить его въ смрадную темницу. Въ темницѣ Пахомій томился около трехъ сутокъ безъ пищи и питія. Затѣмъ турки объявили ему приговоръ судьи, что онъ долженъ погибнуть, если теперь же не отречется отъ Христа. Пахомій отвѣчалъ, что готовъ перенести самыя лютыя мученія за своего Господа. Тогда Пахомія взяли изъ темницы и отдали исполнителямъ смертнаго приговора. Его повели связаннаго за городъ, гдѣ закалали овецъ. Пахомій шелъ углубленный въ молитву и на мѣстѣ казни сталъ на колѣна. Палачъ отсѣкъ его святую голову (7 мая 1730 г.). Св. тѣло мученика было чрезъ три дня взято и съ честію погребено христіанами. Палачъ, исполнитель казни, вскорѣ впалъ въ умоизступленіе: бѣгая по городу, онъ кричалъ, испускалъ пѣну и въ страшныхъ мученіяхъ кончилъ свою жизнь. Мученикъ Пахомій вскорѣ послѣ смерти прославленъ былъ чудесами. Такъ одна женщина — христіанка, страдавшая съ малыхъ лѣтъ жестокою головною болью, призвавъ на помощь мученика, помазала каплями крови

его больную голову и освободилась отъ многолѣтняго своего недуга. Старецъ Іосифъ, наставникъ Пахомія, возвратился на св. гору и разсказалъ братіи о мученической кончинѣ Пахомія. Братія воздали славу Господу и воскликнули: „достигъ ты, нашъ Пахомій, того, чего желалъ! Молись Господу о насъ и о всѣхъ призывающихъ тебя". Св мощи Пахомія впослѣдствіи были перенесены на островъ Патмосъ и положены въ обители св. Іоанна Богослова, гдѣ и донынѣ свято чтится его память (Аѳон. Пат. Ч. 2, стр. 126—130. Рус. свв. Филарета, арх. черн. Приб. къ твор. свв. отц. 1852 года, стр. 649—654).

О пр. Іоаннѣ зедазнійскомъ и 12 ученикахъ его см. 29 ноября.

Любечскія иконы Божіей Матери. Икона эта находится въ мѣстечкѣ Любечь (Черн. епархіи), въ Воскресенскомъ приходскомъ храмѣ. Она извѣстна съ давнихъ временъ и замѣчательна многими чудесами, о чемъ говоритъ св. Димитрій Ростовскій въ дневныхъ своихъ запискахъ подъ 1689 г. Древній списокъ съ сей чудотворной иконы находится въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, внизу, за вторымъ южнымъ столпомъ (Новое небо л. 113—116 Сборн. изобр. ик. Пресв Богор., стр 20 Слава Богом. Ч. 3, стр 104).

ЖИРОВИЦКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ

Эта чудотворная икона явилась въ 1191 году, въ мѣстечкѣ Жировицахъ (Литовскаго княжества, нынѣ Вилен. епархіи), въ лѣсу, на деревѣ. Пастухи, не вдали отъ лѣса пасшіе стада, увидѣли исходившій отъ иконы лучезарный свѣтъ. Благоговѣйный трепетъ и сильное

сіяніе долго не позволяли имъ подойти къ самому образу; но когда свѣтъ, озарявшій икону, мало-по-малу исчезъ, пастухи, поклонившись образу Богоматери, сняли его съ дерева и отнесли къ своему господину, Александру Солтану, который на мѣстѣ явленія иконы построилъ деревянный храмъ и поставилъ въ немъ св. икону. Въ храмѣ икона стояла около 10 лѣтъ, источая благодатные дары на всѣхъ съ вѣрою притекавшихъ къ ней. Внезапно сдѣлался въ этой церкви пожаръ и обратилъ ее въ пепелъ. Сколько ни употребляли усилій спасти отъ огня икону Богоматери, все было напрасно; казалось, икона погибла въ пламени. Такъ думали всѣ, сокрушаясь о ея потерѣ. Однажды дѣти играли на горѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ сгорѣвшій храмъ. Вдругъ они увидѣли не вдали какую-то дѣву въ лучезарномъ сіяніи, сидѣвшую на камнѣ. Дѣти поспѣшили сообщить объ этомъ своимъ домашнимъ. Вѣсть дошла и до мѣстнаго священника. Всѣ отправились на гору, подошли къ камню и увидѣли на немъ Жировицкую икону Богоматери, нисколько не пострадавшую отъ пожара. Обрадованные обрѣтеніемъ иконы, жители Жировицъ съ благоговѣніемъ взяли ее и поставили въ домѣ священника; потомъ съ ревностію приступили къ сооруженію новаго храма и, построивъ его въ непродолжительномъ времени, освятили въ честь Богоматери и поставили въ немъ чудную икону. Тамъ она и доселѣ находится (Дни богосл. Дебольскаго. Ч. 1, стр. 187—188. Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор., стр. 21).

8-е число.

Св. ап. и ев. Іоанна Богослова. Пр. Арсенія великаго.

(Мина пѣснопѣвца. Цѣлой стражи. Пр. Арсенія новгородскаго).

СВ. АП. И ЕВ. ІОАННА БОГОСЛОВА.

Въ сей день празднуется воспоминаніе цѣлебнаго праха, чудесно исходившаго отъ гроба св. евангелиста. Объ этомъ чудесномъ явленіи мѣсяцесловъ Василія такъ говоритъ: „Гробъ, въ которомъ великій апостолъ и евангелистъ Іоаннъ предъ преложеніемъ погребенъ, каждогодно 8 дня мѣсяца мая, изволеніемъ Духа Святаго, внезапно источаетъ и издаетъ св. прахъ, который мѣстные жители (въ Ефесѣ) называютъ манною; приходящіе, получая его, пользуются имъ къ освобожденію отъ всѣхъ страстей, къ врачеванію душъ и во здравіе тѣлесъ". О сей маннѣ или прахѣ говорятъ многіе древніе писатели. Русскій паломникъ, игуменъ Даніилъ, въ началѣ 12 вѣка говоритъ объ исхожденіи персти въ его время: „Ту (въ Ефесѣ) есть гробъ Ивана Богослова; исходитъ бо персть святая изъ гроба его и на память его взимаютъ персть ту на исцѣленіе всякаго недуга. И свита Иванова ту лежитъ, въ ней же ходилъ". (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2. Зам. стр. 127 — 128). Описаніе жизни св. евангелиста подъ 26 ч. мѣсяца сентября.

ПР. АРСЕНІЯ ВЕЛИКАГО.

Пр. Арсеній родился въ Римѣ (въ 354 г.) отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей. Онъ прилежно за-

нимался науками и съ молодыхъ лѣтъ уже извѣстенъ былъ благочестіемъ и многосторонними познаніями. Римскій императоръ Граціанъ (375 — 383) считалъ его однимъ изъ ученѣйшихъ мужей Италіи и питалъ къ нему глубокое уваженіе. Арсеній скоро оставилъ суету мірскую и поступилъ въ клирики римской церкви. За высокую христіанскую жизнь онъ былъ посвященъ во діакона, но вскорѣ послѣ этого противъ своей воли долженъ былъ оставить служеніе церкви. Въ восточной имперіи царствовалъ въ то время Ѳеодосій великій (379 — 395). У него было два сына, Аркадій и Гонорій. Императоръ желалъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей такому наставнику, который съ извѣстною ученостію соединялъ бы благочестіе. На востокѣ такого человѣка не оказалось. Ѳеодосій обратился съ просьбою дать лучшаго наставника къ Граціану. Тотъ, посовѣтовавшись съ папою Дамасомъ, остановилъ свой выборъ на Арсеніи. Арсеній, любившій тихую, уединенную жизнь, отказывался отъ предложенной ему высокой чести, тѣмъ болѣе, что трудную должность наставника считалъ выше своихъ силъ. Но мысль о той пользѣ, которую онъ можетъ принесть, воспитавъ въ благочестіи наслѣдниковъ престола, побѣдила его смиреніе. Арсеній согласился исполнить волю императора и папы и отправился въ Царьградъ. Съ большимъ почетомъ принялъ его Ѳеодосій. Вручая попеченію Арсенія своихъ дѣтей, императоръ такъ говорилъ ему: „Будь имъ отецъ болѣе, нежели я; ибо труднѣе дать дѣтямъ разумъ, нежели жизнь. Поручаю ихъ твоему благоразумію: сдѣлай ихъ добродѣтельными и мудрыми, сохрани отъ соблазновъ юности, и Богъ воздастъ тебѣ за труды твои“. Затѣмъ Ѳеодосій почтилъ Арсенія званіемъ сенатора и приказалъ всѣмъ называть

его отцемъ царя и царскихъ дѣтей. И Арсеній съ полнымъ усердіемъ и ревностію принялся за воспитаніе дѣтей. Онъ преподавалъ имъ греческій и латинскій языки, философію и другія науки; главная же забота его состояла въ томъ, чтобы насадить въ сердцахъ юныхъ воспитанниковъ сѣмена добродѣтельной жизни и сдѣлать ихъ достойными наслѣдниками царскаго престола. Но, живя въ чести и славѣ, св. Арсеній былъ печаленъ въ душѣ своей; онъ ненавидѣлъ славу и богатство міра и желалъ безмолвія, нищеты и смиренія иноческой жизни; къ тому же и труды его по воспитанію не приносили добрыхъ плодовъ, и онъ помышлялъ уже оставить царскій дворъ. Одинъ случай ускорилъ его намѣреніе. Однажды ученикъ его Аркадій, наказанный св. Арсеніемъ за худые поступки, въ гнѣвѣ просилъ царедворца Спаѳарія тайно убить Арсенія. Но царедворецъ, любившій и уважавшій св. Арсенія, извѣстилъ его объ этомъ и совѣтовалъ остерегаться Аркадія. Арсеній со слезною молитвою обратился къ Господу, чтобы Онъ указалъ путь временнаго и вѣчнаго спасенія, и услышалъ голосъ свыше: „Арсеній! бѣги отъ людей и спасешься“. Слѣдуя сему гласу, Арсеній тайно удалился изъ дворца, вошелъ на корабль и прибылъ на немъ въ Александрію; изъ Александріи онъ немедленно отправился въ скитскую пустыню, гдѣ и рѣшился начать жизнь подвижническую.

Арсеній поступилъ ко двору Ѳеодосія великаго 29-ти лѣтъ; при дворѣ находился 11 лѣтъ; итакъ ему было 40 лѣтъ, когда онъ пришелъ въ пустыню скитскую. Обратившись къ старцамъ, Арсеній смиренно просилъ ихъ принять его въ число братіи и наставить на истинный путь спасенія; но долго не хотѣлъ открыть имъ, кто

онъ и какую должность занималъ въ мірѣ. Пустынники не имѣли пустаго любопытства, но желали знать, кто былъ новоприбывшій, чтобы лучше видѣть состояніе души его и сообразно съ тѣмъ начать духовное воспитаніе его. Посему Арсеній долженъ былъ открыть имъ бывшее свое званіе, и открытіе это на первый разъ привело пустынниковъ въ нѣкоторое смущеніе: они не вдругъ могли рѣшить, кого избрать руководителемъ для такого человѣка; но, по общемъ совѣщаніи между собою, согласно опредѣлили поручить его одному изъ опытнѣйшихъ старцевъ скитскихъ, Іоанну Колову, и немедленно пошли съ Арсеніемъ къ келліи сего подвижника. Пр. Іоаннъ, узнавши все объ Арсеніи, предложилъ пришедшей братіи трапезу. Всѣ сѣли, Арсеній стоялъ. Никто не предложилъ ему сѣсть. Во время трапезы преп. Іоаннъ, испытывая смиреніе Арсенія, бросилъ ему сухарь и сказалъ: „ѣшь, если хочешь“. Арсеній склонился на полъ, поднялъ сухарь, отползъ, какъ четвероногое животное, съ нимъ къ углу и тамъ, лежа на полу, съѣлъ предложенную ему скудную пищу-сухарь. Видя смиреніе Арсенія, пр. Іоаннъ сказалъ братіи: „онъ будетъ великій подвижникъ“. Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ скоро имѣлъ утѣшеніе видѣть въ ученикѣ своемъ необыкновеннаго подвижника, который подвигами превзошелъ самихъ старцевъ скита.

Іоаннъ всею душею полюбилъ Арсенія, облекъ его въ иноческія одежды и не хотѣлъ долго удерживать при себѣ, но позволилъ ему жить одному близъ своей келліи. Живя въ уединеніи, Арсеній весь отдавался молитвѣ. Однажды онъ воскликнулъ: „Господи! наставь меня, какъ спастись“, и услышалъ голосъ: „Арсеній, бѣги отъ людей и пребывай въ молчаніи: оно корень святой жизни“. И Арсеній, съ благословенія своего ду-

ховнаго наставника, отправился въ глубь пустыни и жилъ тамъ одинъ. Высшее наставленіе о уединеніи и безмолвіи онъ обратилъ въ неизмѣнное правило своей жизни, которое нарушалъ только по крайней нуждѣ. Келлія Арсенія находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ скита, и онъ очень рѣдко выходилъ изъ нея. Посѣтителей принималъ къ себѣ также рѣдко и то неохотно. Однажды пришелъ къ нему одинъ отецъ и постучалъ въ дверь. Арсеній отворилъ дверь, тотчасъ палъ на землю и до тѣхъ поръ не вставалъ, пока посѣтитель не удалился. Разъ архіепископъ александрійскій, Θеофилъ, желая посѣтить Арсенія, послалъ напередъ узнать, отворитъ ли отшельникъ ему двери. Арсеній отвѣчалъ: „Если придешь, отворю; но если для тебя отворю, то отворю и для всѣхъ, и тогда уже не останусь здѣсь“. И архіепископъ не рѣшился безпокоить подвижника своимъ посѣщеніемъ. Одинъ инокъ, пришедши изъ дальней страны въ скитъ видѣть авву Арсенія, вошелъ въ скитскую церковь и просилъ клириковъ проводить его къ Арсенію. Тѣ сказали: „подожди немного, братъ, и увидишь его“. Но инокъ сказалъ: „я ничего не буду ѣсть, пока не увижу его“. Тогда одинъ изъ клириковъ повелъ инока къ Арсенію. Постучавшись въ двери келліи, они вошли къ отшельнику и, привѣтствовавъ старца, сѣли молча. Потомъ клирикъ сказалъ: „я пойду, помолитесь обо мнѣ“. Инокъ-странникъ, не смѣя говорить со старцемъ, сказалъ клирику: „и я пойду съ тобою“. И они вышли вмѣстѣ, не услышавъ ни одного слова отъ пр. Арсенія. Одинъ изъ скитскихъ братіи спросилъ однажды Арсенія: почему онъ такъ настойчиво скрывается отъ всѣхъ? Арсеній отвѣтилъ ему: „Видитъ Богъ, какъ я люблю всѣхъ васъ; но я не могу

быть въ одно и тоже время съ Богомъ и съ людьми. Всѣ силы небесныя, тысячи тысячъ, имѣютъ одну волю и единодушно славятъ Бога; на землѣ же воли и помышленія различны: всякій человѣкъ имѣетъ свою волю и свою мысль; нельзя же послѣ этого оставить Бога и небесныя силы и идти къ людямъ". Нѣкоторые изъ братій спрашивали преподобнаго, почему онъ мало говоритъ. Арсеній отвѣчалъ: „много разъ я каялся въ словѣ, которое произносилъ, но въ молчаніи никогда". Случилось преподобному встрѣтиться у одной рѣки съ мірскими людьми. Одна женщина прикоснулась къ мантіи преподобнаго. Онъ опечалился и замѣтилъ ей, зачѣмъ она прикоснулась къ монашеской одеждѣ. „Если ты монахъ, отвѣчала ему женщина, то иди въ пустынную гору". Преподобный умилился отъ словъ женщины и часто повторялъ слова ея: „если ты монахъ, иди въ гору и скитайся въ пустынѣ". Спросилъ одинъ инокъ Арсенія: „что мнѣ дѣлать? я читаю псалмы и не понимаю ихъ". Арсеній отвѣчалъ: „Во всякомъ случаѣ полезно читать, хотя бы ты и не понималъ читаемаго. Заклинатели змѣй не понимаютъ сами, что говорятъ, когда заклинаютъ этихъ страшныхъ животныхъ; тѣмъ не менѣе змѣи повинуются имъ. Такъ и слово Божіе въ нашихъ устахъ всегда произведетъ свое дѣйствіе на бѣсовъ, прогонитъ ихъ отъ насъ, хотя бы мы и не понимали, читая его". Арсеній плелъ изъ финиковыхъ листьевъ корзины, при чемъ цѣлый годъ не перемѣнялъ воды, въ которой размачивались финиковые листья. Однажды братія сказали ему: „почему ты не перемѣняешь воды, не чувствуешь ли, какъ отъ нея не хорошо пахнетъ?"—„Вмѣсто благовоній, которыми окруженъ былъ въ мірѣ, отвѣчалъ Арсеній, я хочу обонять теперь

этотъ смрадъ, чтобы въ день страшнаго суда Господь избавилъ меня отъ смрада адскаго". И во всемъ, что относилось къ внѣшнему образу жизни, пр. Арсеній такъ велъ себя, что никто не могъ сравняться съ нимъ въ самоотверженіи: никто бѣднѣе его не одѣвался, никто строже его не наблюдалъ умѣренности въ пищѣ и питіи. Однажды пришелъ къ преподобному чиновникъ и принесъ завѣщаніе одного сенатора, родственника преподобнаго; по завѣщанію доставалось Арсенію большое наслѣдство. Взявши въ руки завѣщаніе, преподобный хотѣлъ разорвать его, но чиновникъ палъ къ ногамъ его и говорилъ: „прошу тебя не раздирай завѣщанія, иначе съ меня снимутъ голову". Тогда преподобный сказалъ чиновнику: „сенаторъ умеръ только теперь, а я гораздо прежде его", и отослалъ завѣщаніе, не принявъ ничего. Страхъ Божій, сердечное сокрушеніе о грѣхахъ своихъ и желаніе небесныхъ благъ такъ потрясали и умиляли душу преподобнаго, что онъ во все время жизни своей, сидя за рукодѣльемъ, имѣлъ платокъ на груди по причинѣ слезъ, падавшихъ изъ очей его.

Слухъ о высокой подвижнической жизни пр. Арсенія распространился далеко и дошелъ между прочимъ до Царьграда, гдѣ въ то время царствовалъ уже Аркадій (395—408), сынъ Ѳеодосія великаго. Узнавъ о мѣстѣ пребыванія своего бывшаго наставника, Аркадій написалъ ему посланіе, въ которомъ просилъ преподобнаго простить ему грѣхъ юности и помолиться Господу о немъ и о братѣ его Гоноріи, царствовавшемъ на западѣ (395—423). Съ посланіемъ отправлены были Арсенію богатые дары. Арсеній словесно—чрезъ посланнаго отвѣчалъ Аркадію: „Богъ да проститъ васъ, чада, и да управитъ царствованіе ваше по Своему благоволенію и да

научить васъ творить Его волю. Даровъ же мнѣ не нужно, ибо я умеръ для міра".—Проживъ 40 лѣтъ въ скитской пустынѣ, пр. Арсеній, по разореніи скита варварами, 10 лѣтъ жилъ въ Троенѣ (или Трогинѣ), 3 года въ Канопѣ александрійской, два послѣдніе года своей жизни опять—въ Троенѣ (близъ Мемфиса) и умеръ на 95 году своей жизни (въ 449 или въ началѣ 450 года).

По словамъ ученика Арсенія, инока Даніила, преподобный былъ весь сѣдъ, тѣломъ строенъ, но сухъ; бороду имѣлъ длинную, простиравшуюся ниже груди. Рѣсницы выпали у него отъ слезъ; ростомъ былъ высокъ, но отъ старости сталъ горбатъ.

Полныя жизнеописанія пр. Арсенія составлены св. Ѳеодоромъ Студитомъ и Метафрастомъ. Въ скитскомъ патерикѣ собраны нѣкоторыя сказанія о преподобномъ и достопамятныя его изреченія. По обширному образованію и духовному просвѣщенію онъ могъ бы писать много и о многомъ, но Арсеній, какъ говоритъ инокъ Даніилъ, рѣдко писалъ письма и „никогда не хотѣлъ говорить о какомъ-либо спорномъ мѣстѣ Писанія, хотя и могъ, если бы хотѣлъ" (Четьи-Минеи. Достоп. сказанія объ отцахъ, стр. 26. М. 1845. Истор. уч. объ от. ц. Филарета, арх. черн. Т. 3, стр. 17—18).

Пѣснопѣвецъ Милъ скончался въ мирѣ. Цѣлая стража—спира воиновъ скончалась отъ меча (Мѣсяц. Вост. А. Сергія, Т. 2, стр. 120).

О пр. Арсеніи новгородскомъ см. 12 іюля.

9-е число.

Св. прор. Исаии. Св. муч. Христофора. Пренесение мощей святителя Николая чудотворца отъ Муръ ликійскихъ въ Баръ градъ.

(Каллиника и Акилины. Мучч. Епимаха новаго и Гордіана. Преподобномуч. Николая Вунени. Преставленіе пр. Шіо мгвимскаго и ученика его Евагрія. Пренесеніе мощей Гавріила младенца въ Слуцкій монастырь).

СВ. ПРОР. ИСАІИ.

Пророкъ Исаія происходилъ изъ царскаго рода. По преданію, онъ былъ сынъ Амоса, брата Амасіи, царя іудейскаго (4 цар. 14, 1.). Исаія былъ женатъ и имѣлъ дѣтей (Ис. 8, 3). Къ пророческому служенію онъ призванъ былъ въ 17 годъ царствованія Озіи и проходилъ оное при послѣдующихъ царяхъ: Іоаѳамѣ, Ахазѣ, Езекіи и въ первые годы царствованія Манассіи, отъ котораго и пострадалъ. Всего же пророкъ Исаія жилъ около 100 лѣтъ (813—710 до Р. Хр.). Имя его неразлучно со всѣми важными происшествіями того времени; его жизнь тѣсно связана съ жизнію современныхъ ему царей; его исторію надобно искать въ исторіи этихъ царей. Весьма замѣчательно призваніе его къ пророческому служенію. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ это призваніе. „Въ годъ

смерти царя Озіи видѣлъ я Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ Его наполняли весь храмъ. Вокругъ Его стояли серафимы, у каждаго изъ нихъ по шести крылъ; двумя закрывалъ каждый лице свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И взывали они другъ къ другу, и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ (Господь небесныхъ воинствъ!), вся земля полна славы Его! И поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказалъ я: горе мнѣ, погибъ я! ибо я человѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа также съ нечистыми устами, и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа. Тогда прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рукѣ у него горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, и коснулся устъ моихъ, и сказалъ: вотъ это коснулось устъ твоихъ, и беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ. И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого мнѣ послать? и кто пойдетъ для насъ? и я сказалъ: вотъ я, пошли меня. И сказалъ Онъ: пойди и скажи этому народу (іудейскому): слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите. Ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ. И сказалъ я: надолго ли, Господи? Онъ сказалъ: доколѣ не опустѣютъ города, и останутся безъ жителей, и домы безъ людей, и доколѣ земля эта совсѣмъ не опустѣетъ. И удалитъ Господь людей, и великое запустѣніе будетъ на этой землѣ. И если еще останется десятая часть на ней, и возвратится, и она опять будетъ разорена; но какъ отъ теревинѳа и какъ

отъ дуба, когда они и срублены, остается корень ихъ, такъ святое сѣмя будетъ корнемъ ея“ (гл. 6); т. е. по истребленіи іудейскаго народа останется святой остатокъ, изъ котораго возникнетъ новое племя—новый Израиль. Съ этого времени Исаія сдѣлался пророкомъ и во всю свою жизнь не переставалъ бодрственно стоять на стражѣ вѣры и благочестія. Онъ сталъ строго обличать іудеевъ за то, что они забыли своего Господа, Творца и благодѣтеля; что они только совершаютъ внѣшніе обряды благочестія, а не очищаютъ душъ своихъ отъ беззаконій, обманываютъ, притѣсняютъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ и пр. (Ис. 1—6 главы). Пророкъ возвѣщаетъ іудеямъ наказаніе Божіе за грѣхи сначала чрезъ ассиріанъ, а потомъ халдеевъ; предсказываетъ плѣнъ іудеевъ, опустошеніе и возстановленіе Іерусалима и храма, освобожденіе іудеевъ изъ плѣна Киромъ, царемъ персидскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Исаія предсказываетъ и судьбу почти всѣхъ сосѣднихъ іудеямъ народовъ. Съ особенною ясностію и подробностію онъ изображаетъ времена Мессіи, такъ что эта часть пророчествъ нѣкоторыми христіанскими писателями названа евангеліемъ отъ Исаіи, и самъ пророкъ названъ ими ветхозавѣтнымъ евангелистомъ. Такъ поразительны черты, которыми вдохновенный Богомъ человѣкъ рисуетъ намъ Искупителя народовъ; такъ онѣ согласны со всѣмъ, что мы находимъ въ четырехъ евангеліяхъ о славѣ, уничиженіи, и вообще всей земной жизни божественнаго Посланника. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ книги Исаіи, относящіяся ко временамъ Мессіи. Пророкъ предвозвѣщаетъ явленіе Іоанна Предтечи,—того, котораго гласъ вопіетъ въ пустынѣ: „утѣшайте, утѣшайте народъ мой, говоритъ Богъ вашъ. Говорите къ сердцу Іерусалима, и возвѣщайте ему, что исполнилось время

борьбы его, что за неправды его сдѣлано удовлетвореніе, ибо онъ отъ руки Господней принялъ вдвое за всѣ грѣхи свои. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте въ степи стези Богу нашему. Всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да понизится, кривизны выпрямятся, и неровные пути сдѣлаются гладкими. И явится слава Господня, и узритъ всякая плоть (спасеніе Божіе); ибо уста Господни изрекли это" (40, 1—5). Въ этомъ мѣстѣ пророкъ изображаетъ ближайшимъ образомъ возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго подъ непосредственнымъ водительствомъ самого Бога. Богъ представляется, какъ царь-предводитель Своего народа (какъ войска), при возвращеніи его на родину изъ плѣна. Было въ обычаѣ у восточныхъ народовъ, когда войско подъ предводительствомъ царя было въ походѣ, посылать впередъ вѣстниковъ объявлять приближеніе войска, приготовлять ему нужное, устранять препятствія на пути, устроять дороги, уравнивать неровности, понижать холмы, возвышать долины и пр. Изображая будущее возвращеніе іудеевъ, пророкъ употребляетъ образы, заимствованные отъ этого обычая: онъ представляетъ вѣстника, который въ пустыняхъ, отдѣляющихъ Вавилонъ отъ Іудеи, возвышаетъ голосъ свой и повелѣваетъ уравнять путь Господу, идущему съ Своимъ народомъ изъ плѣна. Въ смыслѣ прообразовательномъ подъ Господомъ, предводившимъ Свой народъ при возвращеніи изъ плѣна, разумѣется Мессія, освободившій людей изъ плѣна грѣха; подъ вѣстникомъ—Іоаннъ Предтеча, приготовлявшій іудеевъ къ принятію Мессіи и устранявшій препятствія къ принятію ими сего Царя (Матѳ, 3, 1—3).—Пророкъ предсказываетъ происхожденіе Мессіи изъ рода

Давидова и обильное изліяніе на Него даровъ Св. Духа: „и произойдетъ Отрасль отъ корня Іессеева, и Вѣтвь произрастетъ отъ корня его, и почіетъ на Немъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; и страхомъ Господнимъ исполнится“ (11, 1—3). Предвозвѣщается рожденіе Спасителя отъ Дѣвы: „се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему: Еммануилъ“ (7, 14). Пророкъ видитъ волхвовъ, приходящихъ къ Богомладенцу съ дарами (60, 6), возвѣщаетъ, что этотъ небесный Посланникъ есть Законодатель и Спаситель: „послушайте Меня, народъ Мой, и племя Мое, приклоните ухо ко Мнѣ; ибо отъ Меня произойдетъ законъ, и судъ Мой поставлю во свѣтъ для народовъ. Правда Моя близка; спасеніе Мое восходитъ“ (51, 4—5). Изображая божественное величіе Мессіи, Исаія называетъ Его Чуднымъ. Совѣтникомъ, Богомъ крѣпкимъ, Отцомъ вѣчности, Княземъ мира (9, 6) и великимъ чудотворцемъ (35, 3—6). Страданія Спасителя съ удивительною ясностію изображены Исаіею: „Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, говоритъ пророкъ, и мучимъ за беззаконія наши; наказаніе мира нашего было на Немъ, и ранами Его мы исцѣлились. Всѣ мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложилъ на Него грѣхи всѣхъ насъ. Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца, веденъ Онъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзалъ устъ Своихъ. Отъ узъ и суда Онъ былъ взятъ, но родъ Его кто изъяснитъ? Ибо Онъ отторгнутъ отъ земли живыхъ; за преступленія народа Моего претерпѣлъ казнь. Ему назначили гробъ съ злодѣями, но Онъ погребенъ у бо-

гатаго, потому что не сдѣлалъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его“ (53, 5—9). Наконецъ пророкъ въ величественныхъ чертахъ изобразилъ торжество Христовой Церкви и ея всемірное распространеніе, а также второе пришествіе Христово на землю и кончину вѣка. „Какъ прекрасны на горахъ ноги благовѣстника, возвѣщающаго миръ, благовѣствующаго радость, проповѣдующаго спасеніе, говорящаго Сіону: воцарился Богъ твой!... Обнажилъ Господь святую мышцу Свою предъ глазами всѣхъ народовъ; и всѣ концы земли увидятъ спасеніе Бога нашего (52, 7. 10). Господь съ огнемъ и мечемъ Своимъ произведетъ судъ надъ всякою плотію, и много будетъ пораженныхъ Господомъ... Я знаю дѣянія ихъ и мысли ихъ; и вотъ, приду собрать всѣ народы и языки, и они придутъ, и увидятъ славу Мою“ (66, 16 — 18 ст. и дал.).

Кромѣ дара пророчествъ св. Исаія обладалъ даромъ чудотворенія. По его молитвѣ Богъ чрезъ ангела Своего въ одну ночь истребилъ 185,000 ассирійскаго войска, державшаго въ осадѣ Іерусалимъ (37, 4. 36). Онъ же исцѣлилъ царя Езекію отъ болѣзни и возвѣстилъ ему отъ имени Господня, что за молитвы и слезы царя Господь продолжаетъ жизнь его на пятнадцать лѣтъ. Въ доказательство чего возвратилъ назадъ на десять ступеней солнечную тѣнь (38, 8). Св. Епифаній свидѣтельствуетъ, что во время осады Іерусалима Исаія молитвами своими извелъ изъ-подъ горы Сіонской источникъ, котораго обильныя воды вливались въ потокъ Силоамскій.

Въ частной жизни пророкъ отличался крайнею нищетою и смиреніемъ. Онъ носилъ власяную одежду и проводилъ жизнь въ великомъ воздержаніи. Много скорбей

перенесъ сей св. мужъ отъ людей нечестивыхъ, которыхъ обличалъ и которымъ предсказывалъ бѣдствія за ихъ нечестіе. За свое служеніе правдѣ Исаія претерпѣлъ мученическую смерть. Древнее ветхозавѣтное преданіе, единогласно принимаемое древними христіанскими писателями, говоритъ, что по повелѣнію Манассіи, царя іудейскаго, онъ былъ перепиленъ деревянною пилою внѣ Іерусалима. Тѣло св. пророка похоронено было близъ источника Силоамскаго. Мощи его перенесены были изъ Іерусалима въ Царьградъ при императорѣ Маркіанѣ и Пульхеріи (450—457) и положены въ церкви св. Лаврентія во Влахернахъ. Маркіану же приписываютъ и построеніе храма въ честь пророка Исаіи (Кн. прор. Исаи. Четьи-Минеи).

СВ. МУЧ. ХРИСТОФОРА.

Св. Амвросій свидѣтельствуетъ, что сей св. мученикъ чудесами своими обратилъ ко Христу изъ язычниковъ до 48 тысячъ человѣкъ. Въ царствованіе Декія (249—251), послѣ разныхъ мученій, Христофоръ былъ усѣченъ мечемъ въ Ликіи, около 250 года. Онъ являлъ чудеса долго спустя послѣ своей смерти. Такъ, въ житіи св. Ѳеодора Сикеота († 613), написанномъ очевидцемъ, говорится, что когда Ѳеодоръ повелъ бѣсноватаго отрока Арсина въ одинъ женскій монастырь, посвященный мученику Христофору, то св. Христофоръ, явившись имъ на пути, изгналъ бѣса изъ отрока. Западные говорятъ, что мощи мученика перенесены изъ Ликіи сперва въ Толедо, а потомъ въ аббатство Сенъ-Дени, во Францію (Четьи-Минеи. Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 128 — 129).

ПРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА ОТЪ МѴРЪ ЛИКІЙСКИХЪ ВЪ БАРЪ ГРАДЪ.

Святитель Николай скончался около половины 4-го вѣка. Честное тѣло его было положено въ соборномъ храмѣ ликійскаго города Мѵръ (въ Малой Азіи), гдѣ онъ былъ архипастыремъ. Признательная паства рано начала призывать въ молитвахъ своего великаго пастыря; ибо вскорѣ же по его блаженной кончинѣ Богъ прославилъ Своего угодника источеніемъ отъ мощей его многоцѣлебнаго мѵра. Много творилось чудесъ при ракѣ великаго святителя, и слухъ о нихъ быстро распространялся повсюду. Имя великаго угодника Божія сдѣлалось извѣстнымъ всей церкви. По словамъ ея, „почивая плотію въ Мѵрѣхъ, онъ духовно достизаетъ всѣхъ чистѣ того любящихъ, далече сущая провидитъ и отстоящая, яко близъ сущая, пророчествуетъ, и всю вселенную назираетъ, являясь предстателемъ и заступникомъ всѣхъ" (Стих. на Госп. воз.).

Протекли вѣка, смѣнилось много поколѣній, однако сокровище св. мощей святителя до сего времени сохранилось. Въ настоящее время онѣ находятся въ городѣ Барѣ, на полуостровѣ Апуліи (на югѣ Италіи). Когда и какъ совершилось перенесеніе этихъ мощей изъ Мѵръ ликійскихъ въ этотъ городъ?

Въ 11-мъ вѣкѣ Греческая имперія переживала тяжелое время: турки опустошали греческія владѣнія въ Малой Азіи, разоряли города и села, убивали всѣхъ, попадавшихся имъ на глаза мужей, женъ и дѣтей, подвергали возмутительнымъ насмѣшкамъ и оскорбительнымъ поруганіямъ святыни христіанъ, какъ-то: храмы, мощи,

иконы и т. п. Была попытка подвергнуть поруганію и мощи св. Николая. По словамъ лѣтописца, почти современника событія (Феофана), турецкій флотскій начальникъ Хумейдъ, послѣ опустошенія о. Родоса, направилъ свой флотъ къ Мурамъ ликійскимъ. Явившись въ этотъ городъ, Хумейдъ прежде всего вздумалъ разломать священную гробницу св. Николая, но вмѣсто ея сломалъ другую, стоявшую рядомъ съ гробницею святителя. Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ на морѣ поднялась страшная буря съ громомъ и молніею и разбила турецкія хищническія суда. Хумейдъ съ своею шайкою разбойниковъ поспѣшно скрылся изъ Муръ. Оскорбленіе турками христіанскихъ святынь сильно возмущало какъ восточныхъ, такъ и западныхъ христіанъ. У послѣднихъ явилось желаніе мощи особенно прославленныхъ угодниковъ Божіихъ перенести съ востока на западъ и тѣмъ предохранить ихъ отъ поруганія невѣрныхъ. У апулійцевъ явилось желаніе, во чтобы то ни стало, перенести къ себѣ мощи св. Николая, и они перенесли эту святыню къ себѣ. Объ этомъ современники событія такъ разсказываютъ: Когда турки совершенно опустошили всю Ликію и въ ней городъ Муры, гдѣ покоились мощи св. Николая, тогда святитель явился одному благочестивому священнику, жившему въ г. Барѣ, и повелѣлъ передать барянамъ, чтобы они перенесли къ себѣ мощи его изъ Муръ ликійскихъ. Баряне съ радостію согласились исполнить волю святителя. Но какъ исполнить? Они знали, что оставшіеся въ Малой Азіи жители не захотятъ добровольно уступить имъ св. мощи великаго угодника и заступника, такъ какъ эта драгоцѣнная святыня въ горькомъ положеніи малоазійцевъ составляла для нихъ единственную отраду, утѣшеніе и надежду на лучшее буду-

щее. Въ виду всего этого баряне для достиженія своей цѣли рѣшились употреблять средства тайныя, избѣгая по возможности, явныхъ и открытыхъ. Придумали скрыть цѣль своего путешествія подъ видомъ торговаго предпріятія. На трехъ торговыхъ судахъ, нагруженныхъ пшеницею, выѣхало болѣе 50 барскихъ купцевъ со слугами въ Антіохію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на возвратномъ пути заѣхать въ Муры ликійскія и взять оттуда мощи св. Николая въ свое отечество. Продавъ наскоро свой товаръ въ Антіохіи, баряне поспѣшили въ Муры ликійскія, такъ какъ дорогою услышали, что венеціане хотятъ взять къ себѣ мощи св. Николая. Въ Мурахъ, посреди всеобщаго запустѣнія, баряне встрѣтили только четырехъ иноковъ. Ничего не подозрѣвая, иноки указали мнимымъ богомольцамъ мѣсто церковнаго помоста, подъ которымъ была скрыта гробница святаго, и, по обычаю, помазали ихъ муромъ отъ мощей святителя. Тогда баряне открыли монахамъ цѣль своего прибытія и просили ихъ содѣйствія, за что предлагали имъ 300 золотыхъ. Послѣдніе отказались отъ денегъ и задумали-было бѣжать изъ храма, чтобы дать знать о всемъ своимъ согражданамъ, но монахи были задержаны. Немедленно баряне разломали церковный помостъ, раскопали землю и скоро нашли въ ней раку угодника Божія съ мощами, исполненную мура. Муро перелили въ сосуды, а раку съ мощами поставили на корабль и отправились въ свой городъ. Освобожденные монахи разнесли по всему городу Мурамъ горькую вѣсть о похищеніи иностранцами св. мощей чудотворца. Цѣлыми толпами сбѣгались Мурскіе граждане на берегъ, чтобы задержать похитителей; но было уже поздно. При попутномъ вѣтрѣ баряне успѣли далеко отъѣхать отъ берега. Въ отчаяніи муряне

рвали себѣ на головѣ волосы и безнадежные, убитые горемъ, возвращались домой ни съ чѣмъ. Это происходило 11-го апрѣля 1087 г., въ царствованіе греческаго императора Алексія Комнена (1081—1118). Баряне прибыли съ драгоцѣнною святынею въ свой городъ на другой мѣсяцъ—9 мая, въ день воскресный. Вѣсть о перенесеніи мощей великаго угодника Божія на берега Италіи быстро облетѣла весь городъ Баръ. Барскіе жители, въ предшествіи священнаго клира со свѣтильниками и духовными пѣснопѣніями, вышли къ берегу и, принявъ съ радостію и честію мощи св. угодника, положили ихъ въ ближайшей къ морю церкви Іоанна Предтечи *). Затѣмъ послѣдовали отъ мощей святителя многочисленныя чудеса. Число ихъ, по сказанію современниковъ, простиралось въ первые два дня до 47, во вторникъ до 23, въ среду до 29, въ четвертокъ до 13, при чемъ исцѣлился человѣкъ, уже 5 лѣтъ лишенный слуха и языка. Пораженные чудесами, баряне приносили пожертвованія къ

*) Апулія, область южной Италіи, въ которой находился г. Баръ, въ то время, когда перенесены были туда мощи св. Николая, по церковному управленію находилась подъ властію константинопольскихъ патріарховъ, и жители ея исповѣдывали вѣру православн. вост. церкви. Въ половинѣ 11-го вѣка ею овладѣли норманны; однакожъ обитавшіе тамъ христіане сохранили прежнее восточное православіе съ зависимостію отъ греческаго священноначалія. Православная вѣра была господствующею въ этой странѣ до конца 12-го вѣка (именно до 1196 года), когда западные христіане римскаго исповѣданія, побѣдивъ и прогнавъ норманновъ, утвердили въ ней свое владычество и распространили свои заблужденія. Такимъ образомъ честныя мощи святителя Николая, перенесенныя въ царствованіе Алексія Комнена изъ Мѵръ ликійскихъ въ Баръ, перенесены были отъ православныхъ къ православнымъ.

ракѣ угодника,—злато и серебро, и рѣшились соорудить во имя его великолѣпную церковь. На третье лѣто послѣ перенесенія мощей, когда церковь была готова, барскіе граждане послали къ папѣ Герману (Урбану 2-му), чтобы онъ пришелъ освятить церковь и перенесть въ нее мощи свят. Николая. Папа исполнилъ желаніе просителей: св. мощи торжественно были перенесены имъ изъ Предтечевой церкви въ новоустроенный храмъ и положены въ приготовленной для нихъ серебряной позлащенной ракѣ, въ алтарѣ. Перенесеніе мощей свят. Николая изъ Муръ въ Баръ, и потомъ изъ одного храма въ другой, послѣдовало въ одинъ и тотъ же день – 9-го мая; въ этотъ день баряне и постановили праздновать оба перенесенія. Новоустановленный праздникъ остался мѣстнымъ праздникомъ въ Барѣ и Апуліи. Въ другихъ странахъ и церквахъ христіанскаго востока и запада онъ не былъ принятъ, не смотря на то, что событіе, послужившее основаніемъ празднику, стало извѣстнымъ повсюду, по крайней мѣрѣ на западѣ. Удержаніе за новымъ праздникомъ мѣстнаго значенія, впрочемъ, не удивительно. Средніе вѣка весьма богаты примѣрами мѣстныхъ празднествъ, установленныхъ въ честь мѣстныхъ святынь, или въ память мѣстныхъ событій, которыя, будучи уважаемы въ одной странѣ, не усвоялись въ другой, предпочитавшей такимъ свои мѣстные праздники. Самая политическая незнатность города Баръ, гдѣ совершилось перенесеніе мощей и установленъ праздникъ въ память его, не осталась, конечно, безъ вліянія на удержаніе за праздникомъ мѣстнаго значенія. Но нашлась одна страна и притомъ не изъ сосѣднихъ и близкихъ, а изъ наиболѣе отдаленныхъ отъ Апуліи странъ, въ которой событіе, совершившееся въ Барѣ, произвело, повидимому, наиболѣе сильное впечатлѣніе,

и въ которой мѣстный праздникъ Бара и Апуліи сталъ общенароднымъ, или общецерковнымъ праздникомъ. Страна эта—Россія.

Когда въ ней установленъ сей праздникъ? Древнія наши лѣтописи совершенно молчатъ объ этомъ событіи; позднѣйшія говорятъ только о перенесеніи мощей, не упоминая объ установленіи праздника. Но сохранилось слово на перенесеніе мощей свят. Николая, сказанное у насъ однимъ изъ современниковъ событія и свидѣтельствующее, что къ концу 11-го, или въ началѣ 12-го вѣка, праздникъ этотъ уже существовалъ въ русской церкви, какъ дѣйствительно онъ и означенъ въ мѣсяцесловѣ при евангеліи 1144 г. Не удивительно, что такъ скоро установленъ этотъ праздникъ въ Россіи. Русская церковь въ первый періодъ своего существованія, когда находилась въ церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, учреждала у себя свои мѣстные праздники (какъ то: 2 мая свв. Бориса и Глѣба, 3 мая преп. Ѳеодосія и мн. др.) по мысли и желанію своихъ епископовъ и князей, безъ спроса у константинопольскаго патріарха, который, какъ надо полагать, предоставлялъ русской церкви въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать самостоятельно. Также самостоятельно русская церковь поступила и въ установленіи праздника въ честь св. Николая 9 мая. Достаточно было русскимъ знать о перенесеніи мощей святителя въ великую Грецію (южную часть Италіи), чтобы усвоить апулійскій праздникъ, и они усвоили его по собственнымъ религіознымъ побужденіямъ. Въ основѣ этихъ побужденій лежало глубокое, уже установившееся чествованіе имени Мурликійскаго святителя. Это чествованіе, безъ сомнѣнія, перешло къ намъ изъ Греціи, гдѣ слава его чудотвореній, явленныхъ на землѣ и на морѣ, была всѣмъ

извѣстна и служила предметомъ многихъ религіозныхъ сказаній. Чудотворенія эти, изумительныя обиліемъ и силою, носятъ по преимуществу характеръ благодѣяній страждущему человѣчеству. Образъ святителя, всесильнаго и неистощимаго чудотворца—благотворителя, ставъ извѣстнымъ юнымъ русскимъ христіанамъ, сталъ особенно близокъ сердцу ихъ, внушалъ имъ глубокую вѣру въ него и надежду на помощь его, такъ что съ раннихъ поръ стали на Руси строиться храмы въ честь св. Николая; число ихъ съ теченіемъ времени далеко превзошло число храмовъ въ честь другихъ святыхъ. Установленію праздника на Руси въ честь святителя 9 мая содѣйствовала не мало вѣсть о многочисленныхъ чудесахъ, какими сопровождалось перенесеніе мощей изъ Мѵръ въ г. Баръ, а также и то важное обстоятельство, что, во время самаго перенесенія мощей святителя, онъ и въ Кіевѣ совершилъ разныя чудеса и, между прочимъ, чудо надъ утопшимъ въ Днѣпрѣ младенцемъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ митрополиту и поразившее изумленіемъ всѣхъ жителей.

Молитвенно воспоминая свят. Николая, нѣкоторые благочестивые русскіе христіане предпринимали путешествія въ г. Баръ, чтобы тамъ поклониться угоднику Божію предъ самыми мощами его *). Русскій путе-

---

*) Интересенъ и назидателенъ разсказъ автора Римскихъ писемъ о путешествіи двухъ русскихъ крестьянокъ въ г. Баръ. Авторъ пишетъ: „Не могу умолчать объ усердіи, для меня обличительномъ, двухъ моихъ соотечественницъ, которыя въ 1845 году совершили это путешествіе, къ общему изумленію всѣхъ италіянцевъ. Двѣ крестьянки изъ Пензенской губерніи,—мать, не владѣвшая ногами, и двадцатилѣтняя дочь ея, однѣ отправились изъ Россіи на телегѣ, въ одну лошадь, въ свое дальнее путешествіе, безъ денегъ и безъ языка, разспрашивая,

шественникъ прошедшаго вѣка,—Барскій, довольно подробно описалъ посвященный имени святителя барскій храмъ и гробницу святителя. „Престолъ церкви тоя, говоритъ онъ, есть весь сребркованъ лѣпотнымъ художествомъ, стоитъ же посреди церкви верху гроба святителя Христова Николая; подножіе ея вельми гладкими и чистыми досками мраморными устлано есть; верхъ же весь лампадами сребряными украшенъ есть, отъ нихже суть вящше яко пятьдесятъ; тамо мы помолившеся лобызахомъ гробъ святаго, понеже мощей не отверзаху въ то время: не имутъ бо римляне сего обыкновенія, кромѣ великой потребы; престолъ же оный великій есть загражденъ спреди въ подобіе вертограда балясами (пе-

---

какъ могли, гдѣ дорога въ Баръ? какъ бывало въ средніе вѣка, толпы крестоносцевъ спрашивали у проходящихъ: куда идти въ Іерусалимъ? Дочь правила лошадью и ходила за матерью, которую сама переносила изъ телеги въ гостинницу и изъ гостинницы въ телегу; денегъ онѣ не брали и не просили подаянія, но принимали съ благодарностію пищу для себя и кормъ для лошади, которая сдѣлалась членомъ ихъ семьи. Вездѣ принимали ихъ съ изумленіемъ и радушіемъ; кое-гдѣ надъ ними смѣялись, но покровительство угодника Божія, для котораго предприняли онѣ свой подвигъ, имъ сопутствовало, потому что однѣ по самымъ опаснымъ мѣстамъ, достигли онѣ Неаполя, доказавъ на опытѣ, что можетъ дѣлать вѣра. Въ Неаполѣ русскій посланникъ убѣдилъ ихъ оставить у него свою повозку и далъ имъ средства ѣхать въ почтовой каретѣ до г. Бара и обратно. Онѣ возвратились благополучно и, совершивъ данный ими обѣтъ, отправились опять тѣмъ же образомъ на родину. Какой трогательный примѣръ христіанской простоты и совершенной преданности волѣ Божіей, которую едва-ли можно встрѣтить гдѣ-либо, кромѣ какъ у нашего православнаго народа, вѣрнаго отеческимъ преданіямъ“.—(Римскія письма, ч. 2 стр. 304—306).

рилами), отъ мрамора искуснѣ сѣчеными; на той убо оградѣ ошуюю стоитъ въ чашѣ серебряной манна, отъ мощей св. Николая истекающая яко вода, и часто къ ней приходя единъ отъ священникъ помазуетъ на челѣ крестообразно люди. Недалече же того потира, на другой странѣ въ стѣнѣ, въ маломъ ковчежцѣ, за рѣшеткою желѣзною есть отдѣленная часть сухая мощей святителя Христова Николая, идѣже людіе приходятъ и касаются перстами, досязающе чрезъ рѣшетку и лобызающе персты своя".

Но благочестивый русскій поклонникъ не хотѣлъ довольствоваться такимъ скуднымъ поклоненіемъ: онъ желалъ видѣть и осязать кости человѣка Божія и прильнуть къ нимъ сердцемъ и устами. Его усильной просьбѣ не отказали: „просихомъ зѣло прилежно всѣхъ стражей гробу святителя Христова, глаголюще, яко мы отъ толь далечайшихъ странъ не возлѣнихомся пріити, да видимъ и лобызаемъ мощи угодника Божія, нынѣже тщи отходимъ въ желаніи нашемъ... Умилосердився же прошенію нашему, еклезіархъ повелѣ намъ ускорити въ церковь предъ вечернею, прежде даже не снитися людемъ, и поведе насъ въ церковь, яже есть подъ спудомъ верхнія церкви, къ великому алтарю отъ сребра кованному, и отверзе спреди малыя дверцы, яко точію человѣку можно вползти, и зажже малъ свѣтильникъ, да зримо будетъ. Влѣзохъ же и азъ по немъ и мнѣхъ раку отверсту быти, якоже въ нашихъ странахъ повсюду рака отворяется, таможе не тако: рака бо мощей никакоже отверзается, понеже отъ мрамора изсѣченна толсто и широко, аки нѣкій сосудъ, или ковчегъ, и глубоко въ землю, яко на пять пядей, равно съ подножіемъ престола поставлена недвижимо и дскою великою мраморною при-

валена крѣпко; сквозь же оной доски мраморной сверху есть оконце просѣченное не великое, яко можетъ рубль покрыти его. Бысть же надъ онымъ оконцемъ на цѣпочкѣ желѣзной внутрь зажженная свѣща и завѣшена глубоко, яко до половины раки. И влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ око надъ скважиною и видѣхъ раку оную мраморну, глубочае лактя въ землѣ, аки кладязь до половины воды или манны имущую, яже аки наичистѣйшая вода свѣтла есть, и сквозь ю подъ спудомъ зрятся аки бы кости бѣлыя, отъ нихже оная вода исходитъ непрестанно, тѣла же нѣсть, но все растлися, глаголютъ, въ мvро, и кости немощно познати, отъ каковаго члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежатъ. Вопроси же мя оный священникъ, иже отверзе гробъ святаго: еда ли видѣхъ добрѣ? отвѣщахъ, яко видѣхъ, токмо не могу уразумѣти, како тамо (якоже прежде слышахъ и чтохъ) отъ колѣна деснаго истекаетъ мvро святое. Онъ же рече ми, яко не возможно есть познати, кая кость отъ колѣна и кіи иныя: вси бо не на своемъ мѣстѣ лежатъ, но смѣшены пренесенія ради; отъ колѣна же деснаго точію начатъ мvро точитися, нынѣ же равно отъ всѣхъ частей исходитъ... Тогда мы за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, воздахомъ благодареніе Богу и Его угоднику святому Николаю“. (Пут. къ св. мѣст. Барск. ч. I, стр. 50, 53. С.-Петербургъ. 1788 г.).

Цѣльбоносное мvро, или „святая манна“, извлекается изъ раки святителя такъ: чрезъ отверстіе раки опускается въ нее на тонкомъ снурѣ губка, которая напитывается священною манною. Эта губка затѣмъ выжимается надъ особымъ серебрянымъ сосудомъ, изъ котораго манна и дается всѣмъ просящимъ (Четьи-Минеи. Прологъ. Ист. Русс. цер. преосв. Макарія. 1857 г.

т. 2, стр. 191—194. Труды Кіев. Дух. академіи. 1870 г., май).

Прим. Апостолъ на литургіи къ Евр. 13, 17—21 (Зач. 335). Крат. содер. на стр. 168 январ. книжки.—Евангеліе Лук. 6, 17—23 (Зач. 24). Содер. на стр. 37 той же книжки.

Каллиникъ и Акилина жили въ 3-мъ вѣкѣ и обращены къ христіанству мученикомъ Христофоромъ.—Гордіанъ, по сказанію римскаго мартиролога, послѣ долгаго истязанія свинцовыми прутьями, былъ усѣченъ въ Римѣ въ 362 году, а Епимахъ пострадалъ въ Александріи въ 250 году; но мощи его незадолго до смерти Гордіана перенесены изъ Александріи въ Римъ, и съ ними въ одномъ мѣстѣ положены были и мощи Гордіана въ катакомбахъ ихъ имени. Соборъ этихъ двухъ мучениковъ въ храмѣ Стратоника въ Царьградѣ.—Преподобномуч. Николай Вунени близъ Ларисы пострадалъ отъ аваровъ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 121. Зам. стр. 129—130 и 346—347).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПР. ШІО МГВИМСКАГО И УЧЕНИКА ЕГО ЕВАГРІЯ.

Шіо, сынъ богатыхъ родителей, жившихъ въ Сирской Антіохіи, въ отроческихъ лѣтахъ уже обнаруживалъ глубокое и основательное знаніе свящ. писанія и стремленіе къ уединенной жизни. На 20-мъ году своей жизни благочестивый юноша услышалъ, что въ сосѣдней съ Антіохіею пустынѣ живетъ великій подвижникъ Іоаннъ. Шіо тайно отъ родителей явился къ нему, чтобы принять отъ него духовное наставленіе. Іоаннъ духомъ провидѣлъ святость посѣтителя и назвалъ его по имени.

Пораженный прозорливостію св. старца, Шіо пожелалъ остаться съ нимъ, но не зналъ, согласятся ли на то родители. Іоаннъ успокоилъ его предсказаніемъ, что они сами облекутся въ иноческій образъ и тѣмъ дадутъ ему свободу слѣдовать влеченію сердца. Предсказаніе Іоанна въ точности исполнилось: въ одинъ изъ воскресныхъ дней отецъ юноши Шіо услышалъ въ храмѣ слова евангелія: „нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или родителей, или братьевъ, или сестеръ, или жену, или дѣтей для царствія Божія и не получилъ бы гораздо болѣе въ сіе время и въ вѣкъ будущій жизни вѣчной“ (Лук. 18, 29—30). Слова эти глубоко запали въ душу старца. Онъ сталъ размышлять о томъ, какъ лучше устроить по евангелію свою судьбу и судьбу единственнаго своего сына. „Я готовъ оставить міръ и всѣ удовольствія міра, сказалъ онъ однажды своей женѣ, лишь бы была устроена участь нашего сына“. Шіо слышалъ эти слова отца и сталъ уговаривать родителей поступить въ монастырь, а на счетъ судьбы сына не безпокоиться. „Жизнь моя должна быть въ Богѣ и для Бога, говорилъ имъ сынъ, Онъ — Отецъ мой небесный и устроитъ мою судьбу“. Послушались добрыхъ совѣтовъ своего сына родители: они простились съ сыномъ на вѣки, оставили свой домъ и поступили въ разныя обители. Единственный наслѣдникъ оставшагося послѣ родителей богатаго имущества, Шіо раздалъ его бѣднымъ и нищимъ, а самъ въ одной ветхой одеждѣ отправился въ пустыню къ аввѣ Іоанну и прожилъ съ нимъ около 20 лѣтъ, подражая ему въ великихъ пустынныхъ подвигахъ. Когда Іоаннъ, по откровенію свыше, отправился въ Иверію для утвержденія тамъ христіанства, Шіо послѣдовалъ за своимъ учителемъ вмѣстѣ съ другими учениками его. Тамъ, въ

Иверіи, подвижники поселились на Заденской горѣ, или Зедазнійской (въ 15 верстахъ отъ Тифлиса къ сѣверу, противъ Мцхета). Блаженному Іоанну здѣсь явилась въ видѣніи Божія Матерь и повелѣла ему разослать своихъ учениковъ по всѣмъ предѣламъ Карталиніи и Кахетіи для утвержденія въ нихъ слова Божія. Ученики съ миромъ были отпущены на это св. дѣло. Шіо же испросилъ себѣ позволеніе у старца Іоанна основаться въ пустынѣ около Мцхета для совершеннаго безмолвія. Іоаннъ, распустивъ своихъ учениковъ, подвизался на горѣ Зедазнійской, а Шіо—въ пустынѣ, близъ Мцхета. Онъ ископалъ въ ней пещеру и нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ, питаясь травами и кореньями. Господу благоугодно было, чтобы сей свѣтильникъ не оставался совсѣмъ подъ спудомъ, но чтобы свѣтилъ многимъ. Въ дикую пустыню, въ которой подвизался Шіо, по временамъ хаживали охотники изъ Мцхета и другихъ городовъ. Въ числѣ любителей ловли звѣрей былъ нѣкто Евагрій, юноша знатнаго рода. Зашедши, разъ, въ глубь дикой пустыни, онъ неожиданно увидѣлъ пещеру и въ ней старца. „Кто ты, человѣкъ Божій“? съ ужасомъ спросилъ юноша дивнаго мужа и услышалъ скромный отвѣтъ: „странникъ, прославляющій Бога вдали отъ мірской суеты, чтобы сдѣлаться Ему благоугоднымъ“. Воспламенился любовію къ дивному мужу юноша и воскликнулъ: „живъ Богъ и жива душа твоя! отнынѣ не оставлю тебя и не возвращусь въ домъ свой“. Старецъ, судя по его молодости и роскошной одеждѣ, не почиталъ его готовымъ къ подвигамъ и совѣтовалъ возвратиться. Евагрій увѣрялъ, что онъ лучше готовъ умереть при ногахъ старца, нежели идти опять въ міръ. Шіо желалъ испытать вѣру юноши и волю Божію о немъ,

съ этою цѣлію далъ ему свой посохъ и велѣлъ на возвратномъ пути въ домъ ударить по водамъ, чтобы посуху пройти ихъ, въ знаменіе изволенія Божія къ подвижнической жизни. Нимало не сомнѣваясь, Евагрій исполнилъ данное ему повелѣніе.

Юноша-вельможа скоро возвратился къ пустыннику Шіо, и возвратился въ душѣ инокомъ: въ краткій срокъ времени онъ раздалъ все свое имущество бѣднымъ и явился къ старцу—пустыннику съ однимъ посохомъ, съ коимъ чудно перешелъ воды, и съ твердымъ намѣреніемъ вести подвижническую жизнь. Евагрій сдѣлался начаткомъ той братіи, которая мало-по-малу собиралась около старца. Когда собралось около него до 25 учениковъ, они стали просить его, чтобы устроилъ для нихъ церковь. Шіо имѣлъ добрый обычай, прежде нежели приступить къ какому-либо дѣлу, молитвенно обращаться къ Богу и узнавать, есть ли на то воля Божія. Въ силу этого обычая старецъ собралъ своихъ учениковъ на гору, къ востоку отъ своей пещеры; тамъ вознесъ молитву къ Богу, воскурилъ ѳиміамъ на своей рукѣ (вмѣсто кадила), неопаляемой внѣшнимъ огнемъ отъ избытка внутренней пламенной любви къ Богу. Благовонный дымъ отъ сего живаго кадила понесся свѣтлою струею въ сторону, Шіо поспѣшилъ въ слѣдъ за струею и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ она поднялась облачнымъ столбомъ къ небу. На этомъ мѣстѣ авва означилъ посохомъ чертежи трехъ храмовъ: во имя Пресв. Троицы, Богоматери и Іоанна Предтечи. Мѣсто для обители указано свыше, но средствъ для сооруженія ея не было. „Возложи на Господа заботы твои, и Онъ поддержитъ тебя. Никогда не дастъ Онъ поколебаться праведнику“ (псал. 54, ст. 23), сказалъ царственный пророкъ. Такъ

св. старецъ и сдѣлалъ: заботы о храмахъ онъ возложилъ на Господа и получилъ отъ Него скорую помощь. Властитель Иверіи, царь Фарасманъ, сѣтовавшій на своего вельможу Евагрія за то, что онъ посвятилъ себя иноческой жизни, пришелъ однако посѣтить его въ пустынѣ. Тамъ Фарасманъ увидѣлъ св. старца Шіо, припалъ къ ногамъ его и сложилъ предъ нимъ свой царскій вѣнецъ; но смиренный отшельникъ поднялъ царя, возложилъ опять вѣнецъ на главу его и утѣшилъ назидательнымъ словомъ. Благоговѣя предъ великимъ подвижникомъ, царь сказалъ ему: „я готовъ послужить тебѣ, чѣмъ могу. Я готовъ помочь тебѣ въ твоихъ нуждахъ". Тутъ царь узналъ отъ Евагрія, что предназначено въ одномъ мѣстѣ соорудить три храма, но средствъ для этого нѣтъ. Фарасманъ съ христіанскою ревностію и съ царскимъ могуществомъ поспѣшилъ соорудить храмы, и самъ присутствовалъ при торжественномъ освященіи ихъ, которое совершалъ католикосъ (главный епископъ Иверіи) Макарій. По устроеніи обители, число учениковъ старца Шіо значительно увеличилось, и онъ указалъ для умножившейся братіи еще одно пустынное мѣсто, чтобы тамъ устроили лавру (Мгвимскую), а самъ продолжалъ спасаться въ пещерѣ; чрезъ нѣсколько времени ископалъ себѣ другое подземное жилище подъ новою церковію Іоанна Предтечи. Братію посѣщалъ великій подвижникъ разъ въ недѣлю—по воскреснымъ днямъ.

Наступили послѣдніе годы подвижничества св. Шіо. Онъ отправился на Зедазнійскую гору къ своему учителю, дряхлому старцу Іоанну, и просилъ у него позволенія совсѣмъ заключиться въ нѣдрахъ пещеры. Іоаннъ, зная опытность своего ученика въ подвижнической жизни, благословилъ его на это крайнее самоот-

верженіе и велѣлъ только испросить согласіе католикоса. Епископъ также не противился желанію Шіо и въ напутствіе сказалъ ему: „Иди, отче, по сей тѣсной стезѣ, которую не многіе искали для достиженія вѣчной жизни; да будетъ тебѣ избранная тобою пещера лѣствицею къ небу и мракъ оя водителемъ къ невечернему свѣту, а временный недугъ начаткомъ вѣчнаго покоя и нескончаемой радости, которая есть наслѣдіе праведныхъ“.

Явившись къ своей братіи, Шіо открылъ имъ свое намѣреніе. Горькія слезы были ему отвѣтомъ. Въ виду послѣдняго свиданія Шіо предложилъ братіи избрать себѣ настоятеля. Иноки не хотѣли назначить себѣ начальника при его жизни. Тогда св. подвижникъ вручилъ свой посохъ старшему изъ учениковъ, Евагрію, затѣмъ собралъ братію въ Предтеченскую церковь, внутри коей находился спускъ въ глубокую пещеру, избранную подвижникомъ для послѣдняго жительства. Въ церкви блаженный Шіо всталъ надъ устьемъ пещеры, какъ бы на краю могилы, съ этого мѣста предложилъ братіи трогательное слово о скорбномъ пути къ вѣчности и простился со всѣми. Братія окружили входъ въ пещеру и съ молитвою на устахъ и въ сердцѣ смотрѣли, какъ великій подвижникъ спускался по ступенямъ въ глубь пещеры. Это было послѣднее свиданіе братіи съ своимъ св. учителемъ. Одинъ инокъ ежедневно спускалъ затворнику въ небольшое отверзтіе скудную пищу, которую однако не всю онъ вкушалъ, ибо жилъ уже почти какъ безплотный, проводя всѣ дни въ молитвѣ и пѣснопѣніяхъ. Тѣло подвижника почернѣло и исхудало отъ строгаго поста, но духъ бодрствовалъ до послѣдней минуты. Предъ самою смертію Шіо призвалъ къ себѣ священника, пріобщился изъ рукъ его свят. Христовыхъ

таинъ и просилъ погребсти тѣло свое въ пещерѣ. Душа праведнаго тотчасъ же отлетѣла въ селенія святыхъ. Братія исполнили послѣднюю волю своего наставника. Мощи его донынѣ служатъ огражденіемъ обители, которая одна изъ немногихъ уцѣлѣла посреди частыхъ опустошеній Грузіи. Препод. Шіо скончался въ 7 вѣкѣ.— (Жит. свв. Муравьева. Полн. жизнеопис. свв. Грузин. церкви Сабинина. С.-Петерб., ч. I. стр. 91—122. 1871 г.).

О перенесеніи мощей младенца Гавріила въ Слуцкій монастырь см. 20 апрѣля.

10-е число.

Св. ап. Симона Зилота. Св. муч. Исихія антіохійскаго. Свв. мучч. Алфія, Филадельфа, Киприана, Онисима, Еразма и иже (14) съ ними. Пр. Исидоры юродивыя. Блаженныя Таисіи. Пр. Симона, перваго еп. владимірскаго.

(Пр. Лаврентія. Братскія иконы Божіей Матери).

СВ. АП. СИМОНА ЗИЛОТА.

Симонъ родился въ Канѣ галилейской, отстоявшей недалеко отъ Назарета, по плоти былъ братъ Іуды и Господа и былъ однимъ изъ 12 учениковъ Его (Мѳ. 13, 55). Симонъ называется *Кананитомъ* (Мѳ. 10, 4. Марк. 3, 18) по-еврейски, или *Зилотомъ* (Дѣян. 1, 13) по-гречески; то и другое имя означаетъ *ревнителя закона*. Вѣроятно до своего апостольства Симонъ принадлежалъ къ обществу *зилотовъ*, существовавшему во время зем-

ной жизни Спасителя и особенно ревновавшему объ исполненіи закона Моисеева (Іосифъ Флавій о войнѣ іудейской кн. 4, гл. 3. 9). Нѣкоторые думаютъ, что Іисусъ Христосъ былъ на бракѣ въ Канѣ галилейской именно у Симона Зилота. По сошествіи Св. Духа, Симонъ проповѣдывалъ вѣру Христову въ Іудеѣ, Египтѣ, Киринеѣ, Ливіи, Британіи и другихъ странахъ. Сотворивъ много чудесъ и принявъ много огорченій и гоненій за крестное слово, онъ принялъ крестную смерть въ Британіи, гдѣ и погребенъ (Четьи-Минеи. Прологъ).

Св. муч. Исихій антіохійскій изъ воиновъ, близкій къ царскому двору; при императорѣ Діоклитіанѣ (284—305) за исповѣданіе Христовой вѣры потопленъ въ рѣкѣ съ навязаннымъ на шею жерновнымъ камнемъ (Прологъ).

СВВ. МУЧЧ. АЛФІЯ, ФИЛАДЕЛЬФА, КИПРІАНА, ОНИСИМА, ЕРАЗМА И ДР.

Алфій, Филадельфъ и Кипріанъ (вѣрнѣе Киринъ), сыновья италійскаго князя, обращены были ко Христу Онисимомъ. Родомъ они были изъ Басты, города южной Италіи, близъ Сицилійскаго моря. Вмѣстѣ съ Онисимомъ, Еразмомъ и другими 14-ю они пострадали при Декіи, въ 251 году, отъ правителя Ликинія Валеріана, послѣ бывшаго императора, и отъ другихъ правителей. Онисиму былъ положенъ на грудь огромный камень, отчего онъ и испустилъ духъ. Еразмъ съ 14-ю усѣченъ мечемъ, а три брата посланы въ Сицилію и тамъ замучены. Свидѣтели мученій этихъ братьевъ—многіе воины, іудеи и разныя лица, видя чудеса ихъ, обратились ко Христу. Свв. мученики — три брата кончили жизнь 10-го мая, въ Месополѣ Леонтинскомъ (Леонтинахъ). Правитель

Тертиллъ велѣлъ отрѣзать Алфію языкъ, и онъ умеръ отъ истеченія крови; Филадельфъ сожженъ на желѣзной рѣшоткѣ, а Киринъ—на сковородѣ. Въ 1517 году тѣла ихъ были обрѣтены въ г. Леонтинахъ и съ большою торжественностію выставлены для почитанія (Прологъ. Мѣс. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 131—132).

ПР. ИСИДОРЫ ЮРОДИВЫЯ.

Св. дѣвственница Исидора подвизалась въ женской Тавеннской обители, въ верхней Ѳиваидѣ. Избѣгая славы и уваженія отъ другихъ, она приняла на себя видъ глупой и помѣшанной, и всѣ считали ее дѣйствительно безумною. Она не хотѣла носить монашеской одежды, вмѣсто куколя набрасывала на голову какую-нибудь тряпку и ходила постоянно босая. Никогда не садилась она за трапезу вмѣстѣ съ другими, а довольствовалась остатками отъ трапезы монахинь и пила вымывки изъ посуды. Св. Исидора исполняла самыя тяжелыя и низкія работы и была слугою для всѣхъ. Ни одного часа не проводила она въ праздности; трудами изнуряла свое тѣло, а умъ ея всегда былъ занятъ молитвою. Сестры съ нею обращались сурово: унижали ее, оскорбляли и даже били; преподобная всѣ обиды и побои переносила безропотно и терпѣливо. Но, безумная въ глазахъ людей, св. Исидора предъ лицемъ Божіимъ была мудрѣе великихъ подвижниковъ. Господь, возносяй смиренныя, благоволилъ обнаружить предъ людьми сокрытыя совершенства пр. Исидоры. Однажды ангелъ Господень явился ученику св. Антонія, пр. Питириму, жившему въ Порфиритской пустынѣ (въ Ѳиваидѣ), и сказалъ ему: „Зачѣмъ ты величаешься въ умѣ своемъ своею добродѣтель-

ною жизнію и почитаешь себя великимъ, пребывая здѣсь въ пустынѣ? Хочешь ли видѣть женщину добродѣтельнѣе и богоугоднѣе тебя? Иди въ женскій Тавеннскій монастырь и тамъ найдешь одну сестру, покрытую самымъ худымъ платкомъ; она пріятнѣе тебя предъ Богомъ; потому что всѣмъ служитъ и въ то же время вмѣсто похвалы отъ всѣхъ слышитъ оскорбленія; умъ же ея всегда устремленъ къ Богу". Прибывъ въ женскую обитель, преподобный вошелъ въ церковь и просилъ настоятельницу собрать всѣхъ сестеръ, коихъ было 40. Питирима вездѣ глубоко уважали за его добродѣтели и долголѣтнее подвижничество, потому просьба его тотчасъ же была исполнена. Собрались всѣ сестры, кромѣ Исидоры. Не видя среди нихъ той, которая указана была ему ангеломъ, онъ просилъ позвать остальныхъ. „Всѣ предъ твоими глазами, говорила Питириму настоятельница, одной только нѣтъ,—безумной".—„Приведите ее ко мнѣ, отвѣчалъ онъ, и позвольте мнѣ говорить съ нею". Почти насильно привели пр. Исидору. Увидѣвъ голову ея, покрытую тряпкою, Питиримъ упалъ къ ея ногамъ и сказалъ: „благослови меня, амма" (амма—мать). — „Ты благослови меня, отче"! отвѣчала ему праведница, падая въ свою очередь къ его ногамъ. Поражены были сестры глубокимъ смиреніемъ Питирима, увидя его у ногъ безумной „Отецъ, не унижай своей святости' воскликнули онѣ, вѣдь она безумная". - „Васъ, а не ее Богъ лишилъ разумѣнія, отвѣчалъ онъ имъ строго, я вижу это потому, что вы не поняли до сихъ поръ ея достоинствъ; она выше всѣхъ васъ передъ Богомъ. Да пошлетъ мнѣ Богъ милость въ день судный быть съ совершенствами ея безумія". Услышавъ это, всѣ сестры бросились къ ногамъ Питирима и умоляли его простить

ихъ духовное невѣжество. Со слезами признались онѣ во всѣхъ оскорбленіяхъ, какія дѣлали преподобной. „Я всегда смѣялась надъ нею“, говорила одна. —„А я лила на нее помои“, перебивала другая.—„Я била ее“, спѣшила сказать третья. Всѣ просили прощенія у преподобной. Питиримъ помолился о нихъ Богу, да проститъ грѣхи ихъ; затѣмъ сказалъ поученіе имъ о любви ко всѣмъ и, послѣ продолжительной бесѣды съ Исидорою, возвратился въ свою пустыню. Смиренная же Исидора, тяготясь славою и уваженіемъ, которыя теперь ей стали оказывать, скрылась изъ обители. Гдѣ она потомъ подвизалась и окончила свою жизнь, осталось неизвѣстнымъ. Кончину ея полагаютъ не позднѣе 365 года (Четьи-Минеи. Св. подв. Вост. ц. Филарета, арх. черниг., стр. 112—115).

БЛАЖЕННЫЯ ТАИСІИ.

Блаженная Таисія жила въ одномъ египетскомъ городѣ и въ юныхъ лѣтахъ осталась сиротою. Руководимая духомъ благочестія, она не хотѣла вступать въ супружество, но посвятила себя на дѣла благотворенія и служенія больнымъ, нищимъ и странникамъ. Особенно она выражала свою любовь и усердіе къ скитскимъ старцамъ, приходившимъ въ городъ по нуждамъ своихъ обителей. Домъ ея былъ истинною странно-пріимницею святыхъ отцовъ; но юный возрастъ Таисіи и соблазны, которые ее окружали и которымъ она по неопытности не могла противостоять, скоро завлекли ее на широкій путь погибели: она не удержалась на высотѣ дѣвственнаго подвига и совершенно погрузилась въ порочную и развратную жизнь.

Когда узнали объ этомъ скитскіе старцы, то сильно опечалились и стали искать способа спасти ее. Они обратились къ св. Іоанну Колову, отличавшемуся ду-

ховною опытностію, и просили его идти къ Таисіи и подать помощь къ нравственному исправленію той, которая много жертвовала и много трудилась въ подвигѣ страннопріимства и упокоенія преподобныхъ отцевъ. „Увѣщай ее къ покаянію, говорили отцы, а мы помолимся". Іоаннъ отправился къ Таисіи. Вошедши въ домъ, онъ сѣлъ около нея, посмотрѣлъ на ея лицо, тяжко вздохнулъ и началъ плакать. „Что ты плачешь?" спросила Таисія.—„Что тебѣ неугодно было въ Господѣ нашемъ І. Христѣ, Женихѣ безсмертномъ, что ты презрѣла небесный чертогъ Его и дѣлаешь неподобныя дѣла?" вопросительно отвѣтилъ Іоаннъ. При этихъ словахъ дремавшая совѣсть Таисіи встрепенулась; какъ огненныя стрѣлы, пронзили ея сердце слова Іоанна. Ея развратная жизнь мгновенно представилась предъ ея очами во всей своей наготѣ и безобразіи. Ужаснулась этого безобразія Таисія и со страхомъ, близкимъ къ отчаянію, спросила преподобнаго: „есть ли покаяніе грѣшникамъ?" Увидя такое настроеніе Таисіи, преподобный поспѣшилъ успокоить ее указаніемъ на неизрѣченную благость Божію, всегда готовую возставить падшихъ. „Есть, отвѣчалъ на ея вопросъ Іоаннъ, и Спаситель ждетъ тебя. Если ты покаешься истинно и обратишься къ Нему всѣмъ сердцемъ, то я поручникъ тебѣ, что Онъ снова возлюбитъ тебя, какъ невѣсту Свою, введетъ тебя въ небесный чертогъ Свой, и всѣ ангельскіе чины возрадуются о тебѣ". Эти слова довершили переворотъ въ душѣ Таисіи. Съ полнымъ сознаніемъ своей грѣховности и съ надеждою на всепрощающую любовь Божію, она смиренно произнесла: „буди воля Господня!.. возми меня отсюда, и веди, куда знаешь, гдѣ было бы мнѣ удобнѣе принести плоды покаянія". Рѣшимость Таисіи

была всецѣлая и искренняя; она оставила свой домъ и имущество безъ всякаго распоряженія, какъ бы у ней ничего не было, и покорно послѣдовала за пр. Іоанномъ. Самъ Іоаннъ дивился такой перемѣнѣ Таисіи, и благодарилъ Бога. На пути въ пустынѣ настигла ихъ ночь. Св. Іоаннъ остановился и сказалъ Таисіи: „Отдохни здѣсь и спи подъ сѣнію благодати Божіей". Сотворивъ крестное знаменіе надъ странницею, онъ отошелъ въ сторону, совершилъ обычныя молитвы и уснулъ. Въ полночь пр. Іоаннъ просыпается и вдругъ видитъ свѣтлый столпъ, исходящій отъ спящей Таисіи и досязающій до неба, затѣмъ видитъ ангеловъ Божіихъ, несшихъ на небо душу блаж. Таисіи. Страхъ и трепетъ объялъ св. старца. Онъ палъ лицемъ на землю, но былъ ободренъ гласомъ съ неба, провозвѣстившимъ, какъ многоцѣнно предъ Богомъ и единымъ часомъ сотворенное покаяніе, если оно сопровождается искренностію и рѣшимостію оставить навсегда путь грѣха. Преп. Іоаннъ пробылъ до разсвѣта въ молитвѣ и предалъ землѣ тѣло блаженной Таисіи. По прибытіи въ свой скитъ, онъ разсказалъ о всемъ старцамъ, и тѣ единодушно прославили неизрѣченное милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ.

Преп. Таисія жила въ 5 вѣкѣ. Ее отличать слѣдуетъ отъ Таисіи, обращенной св. Пафнутіемъ и воспоминаемой церковію 8 октября. (Четьи—минеи. Св. подв. Вост. ц. Филарета, арх. черн. стр. 175—177).

ПРЕП. СИМОНА, ПЕРВАГО ЕПИСКОПА ВЛАДИМІРСКАГО.

Св. Симонъ получилъ постриженіе въ печерской обители преп. Антонія и Θеодосія во 2-й половинѣ 12 в.

и здѣсь провелъ въ иноческихъ подвигахъ довольно долгое время. Въ 1206 году онъ извѣстенъ уже, какъ игуменъ владимірскаго Рождественскаго Богородицкаго монастыря. Владимірскій великій князь Георгій (2) Всеволодовичъ искренно любилъ и почиталъ пр. Симона за его добродѣтельную жизнь. Въ то время владимірская область въ церковномъ отношеніи подчинялась еп. ростовскому. Въ 1215 г. великій князь устроилъ отдѣльную епархію, независимую отъ Ростова (подъ именемъ владимірской и суздальской), и первымъ епископомъ новообразованной епархіи былъ поставленъ его любимецъ блаж. Симонъ. Въ 1217 г. князь Константинъ выгналъ брата своего изъ Владиміра и овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ. Георгій удалился въ бѣдный городокъ Радиловъ. Симонъ также оставилъ Владиміръ и не разлучался съ изгнанникомъ, не смотря на то, что Константинъ не разъ приглашалъ къ себѣ во Владиміръ святителя. Только по смерти Константина, когда Георгій снова занялъ Владиміръ, Симонъ опять вступилъ въ свою епископію. Чувствуя близость своей кончины, онъ облекся въ схиму, и вскорѣ послѣ того скончался, 20 мая 1226 г. Св. Симонъ сначала былъ погребенъ въ соборной владимірской церкви, но потомъ, по его завѣщанію, мощи святаго были перенесены въ кіевскія ближнія пещеры,—пещеры Антонія, гдѣ и до нынѣ нетлѣнно почиваютъ. Время перенесенія мощей неизвѣстно.

Современная Симону лѣтопись называетъ его „блаженнымъ, милостивымъ и учительнымъ“. Отъ него осталось одно нравственно-историческое сочиненіе, отличающееся свѣтлостію взгляда на предметы, вѣрностію сужденій, простотою въ мысляхъ и слогѣ и глубокою назидательностію. Это—посланіе къ Поликарпу, печерскому иноку

и другу Симона, посланіе, вполнѣ оправдывающее названіе „учительнаго“, усвоенное Симону лѣтописью. Этотъ трудъ святителя можно раздѣлить на три главныя части. Первая часть нравоучительная: въ ней святитель обличаетъ душевные недуги Поликарпа, и между прочимъ — тревожные помыслы честолюбія, которые гнали Поликарпа изъ обители печерской то въ одно, то въ другое мѣсто. „Братъ, пишетъ св. Симонъ, сядь въ безмолвіи; собери умъ свой и скажи себѣ: о убогій иноче! Не оставилъ ли ты міра и по плоти родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь, то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не почернечески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его. А живешь не помонашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что, если ублажающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись о душѣ своей. Не будь — нынѣ кротокъ, а завтра яръ и золъ. Не будь лживъ и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго...“ Вторая часть посланія преимущественно историческая: здѣсь св. Симонъ живыми назидательными примѣрами, взятыми изъ жизни кіевопечерскихъ подвижниковъ, убѣждаетъ Поликарпа, чтобы онъ былъ кротокъ и послушливъ, чтобы не оставлялъ печерской обители, повиновался игумену, и не искалъ ни епископства, ни настоятельства въ какомъ либо монастырѣ. Послѣдняя часть посланія Симонова также историческаго содержанія: здѣсь заключается сказаніе о свя-

той чудотворной церкви печерской Кіевской, *како создася, украсися и освятися.* Святитель подробно говоритъ объ устроеніи великой Печерской церкви и о чудесахъ, сопровождавшихъ ея сооруженіе. Эта третья часть, какъ и вторая, проникнута одною главною мыслію—показать Поликарпу высокую важность Кіево-Печерской Лавры и убѣдить его, чтобы онъ не оставлялъ такой святой и чудотворной обители и рѣшился подвизаться въ ней до самой своей кончины.—Посланіе св. Симона напечатано въ печерскомъ патерикѣ.—(Четьи-Минеи. Русск. свв. Филарета, арх. чер.—май 20 ч. Слов. Истор. о свв. стр. 221. Ист. русск. ц. преосв. Макарія, 1857 г. т. 3 й стр. 25—26. стр. 149—162).

Братская икона Божіей Матери, явившаяся въ 1654 г., нынѣ находится въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, въ церкви Богоявленія, а прежде, до 1662 г., находилась мѣстною въ Вышгородѣ. Въ Кіевъ она была перенесена вмѣстѣ съ другими иконами, по случаю татарскаго набѣга на Вышгородъ. Предъ сею иконою еженедѣльно, по субботамъ, при стеченіи усердныхъ богомольцевъ, читается акаоистъ Пресвятой Богородицѣ. Празднованіе чудотворной иконѣ этой бываетъ еще 6-го сентября, и въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста (Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор. стр. 21).

11-е число.

Св. священномуч. Мокія. Обновленіе Царьграда. Препп. Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла, учителей словенскихъ.

(Муч. Діоскора новаго. Муч. Аргира селунскаго. Св. Никодима, архіеп. сербскаго. Освященіе церкви св. Софіи въ Кіевѣ).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. МОКІЯ.

Въ царствованіе Діоклитіана, во время гоненія на христіанъ, въ македонскомъ городѣ Амфиполѣ жилъ престарѣлый пресвитеръ Мокій. Ревнуя о Христѣ, св. Мокій во время языческихъ празднествъ, совершавшихся амфипольскими гражданами, обыкновенно выходилъ на городскую площадь съ проповѣдію о Христѣ и обличеніемъ язычниковъ. Увѣщанія и обличенія св. старца раздражали гражданъ. Въ сильной злобѣ они наконецъ предали его въ руки своего градскаго начальника Лаодикія, не знавшаго Христа. Безбоязненно сталъ старецъ предъ лицемъ градоначальника и смѣло исповѣдалъ предъ нимъ Христа. Лаодикій предалъ старца на истязанія: его сначала строгали желѣзнымъ острымъ орудіемъ, а потомъ бросили въ раскаленную печь, но святой вышелъ изъ нея невредимымъ. Тогда его привязали къ двумъ колесамъ, устроеннымъ съ цѣлію терзать христіанъ. Но во время страданій св. мученика колеса сломались, а самъ онъ оказался невредимымъ. Чрезъ три дня св. Мокія бросили на растерзаніе и съѣденіе звѣрямъ: выпущены

были два голодныхъ льва; но львы, подойдя къ св. мученику, легли предъ нимъ и лизали ноги его. Свидѣтели этихъ чудесъ - граждане, предавшіе Мокія въ руки мучителя Лаодикія, невольно почувствовали уваженіе и сострадапіе къ св. старцу. „Да отпустится этотъ праведникъ, кричали въ народѣ, его и звѣри почитаютъ и Богъ любитъ“. Тогда св. Мокія отправили въ Византію. Здѣсь ему отсѣкли голову.—Благочестивый царь Константинъ Великій на мѣстѣ кончины мученика построилъ церковь его имени, и перенесъ въ нее мощи святаго (Четьи минеи).

ОБНОВЛЕНІЕ ЦАРЬГРАДА.

Въ мѣсяцесловѣ Василія объ этомъ праздникѣ говорится слѣдующее: когда великій изъ царей и христіаннѣйшій Константинъ, избравъ Византію, распространилъ ее и вмѣсто Византіи по собственному имени назвалъ ее Константинополемъ и, оградивъ его стѣнами, построилъ въ немъ зданія и св. церкви; тогда, посвятивъ его преславной Владычицѣ нашей и Приснодѣвѣ Маріи и воздавая Богу за сіе дѣло благодаренія и моленія вмѣстѣ съ патріархомъ, клиромъ и народомъ, вышелъ на площадь, на которой граждане поставили его столбъ, носящій на верху св. гвозди Христа и Бога нашего; внизу его лежатъ 12 корзинъ избывшихъ укруговъ пяти хлѣбовъ. Съ того времени обычаемъ утвердилось праздновать сіе торжество до настоящаго времени. Это было въ 330 году по Р. Х.

ПРЕПП. МЕѲОДІЯ И КОНСТАНТИНА, НАРЕЧЕННАГО КИРИЛЛА, УЧИТЕЛЕЙ СЛОВЕНСКИХЪ.

Свв. Константинъ и Меѳодій жили въ 9 вѣкѣ. Они были родные братья, дѣти знатныхъ и богатыхъ роди-

телей, уроженцы города Ѳессалоники, (или по-славянски Солуни), главнаго города въ Македоніи, гдѣ въ то время было много славянъ. Предполагаютъ, что отецъ свв. братьевъ, Левъ, былъ родомъ изъ болгарскихъ славянъ, но служа въ греческомъ войскѣ (онъ имѣлъ чинъ друнгарія-воеводскаго товарища), совершенно огречился и далъ своимъ дѣтямъ греческое образованіе. Мать ихъ звали Маріею. Старшимъ изъ свв. братьевъ былъ Меѳодій; годъ его рожденія точно неизвѣстенъ, и обстоятельства его воспитанія мало извѣстны. По окончаніи воспитанія и образованія, Меѳодій поступилъ въ военную службу, достигъ высокаго чина и, по смерти отца, былъ правителемъ греко-славянской области въ восточной части Македоніи. И это случилось не безъ особеннаго смотрѣнія Божія. Здѣсь Меѳодій, впослѣдствіи духовный учитель и пастырь славянъ, заблаговременно ознакомился съ ихъ языкомъ, правами и обычаями. Пробывъ около десяти лѣтъ въ военной службѣ, Меѳодій, богатый духовнымъ опытомъ, оставилъ всѣ почести мірской жизни и удалился на Олимпъ, гдѣ и принялъ иноческій санъ. Здѣсь, въ свободное отъ иноческихъ подвиговъ время, онъ занимался чтеніемъ богодухновенныхъ книгъ, какъ бы заранѣе приготовляя себя къ высокому сану святительскому.

Младшій братъ Меѳодія, Константинъ, родился въ 827 году и еще съ дѣтства обнаружилъ въ себѣ необыкновеннаго избранника Божія. Грудной младенецъ, онъ принималъ молоко только отъ грудей своей матери. Семилѣтнимъ дитятею, едва начавшимъ обученіе грамотѣ, онъ видитъ дивный сонъ, который поутру передалъ отцу съ матерью въ такихъ словахъ: „мнѣ явилось во снѣ какое-то важное лице и, собравъ всѣхъ дѣвицъ нашего города, сказало: выбирай изъ нихъ ту, которую пожелаешь,

да будетъ она помощницею въ твоей жизни. Поглядѣвъ, я выбралъ себѣ одну, блиставшую красотою лица и украшенную драгоцѣнными одеждами: ее звали *Софія*". Родители поняли, что Софія есть премудрость Божія, что этимъ видѣніемъ Богъ предвозвѣщаетъ ихъ сыну высокій умъ, и стали заботиться не только о книжномъ образованіи своего сына, но и наученіи его премудрости духовной и правиламъ добродѣтельной жизни. Ихъ заботы о сынѣ не были тщетны: Константинъ оказывалъ самые блестящіе успѣхи какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ образованіи: онъ легко и быстро понималъ и усвоивалъ все, что преподавали ему наставники и въ скоромъ времени превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей по ученію. Особенную же любовь питалъ Константинъ къ св. Григорію Богослову: онъ постоянно читалъ его творенія и изучалъ ихъ на память. Изобразивъ на стѣнѣ дома крестъ, онъ написалъ подъ нимъ: „Святитель Божій, Григорій Богословъ! Ты тѣломъ былъ человѣкъ, а по жизни — ангелъ. Твои уста, подобно Серафимамъ, прославили Пресвятую Троицу, твое ученіе просвѣтило вселенную. Молю тебя, прінми и меня, припадающаго къ тебѣ съ вѣрою и любовію, и будь моимъ учителемъ и просвѣтителемъ".

Скоро любознательному и одаренному богатыми способностями Константину представился случай слушать самыхъ знаменитыхъ наставниковъ, какихъ только могла представить въ тогдашнее время Греческая имперія. Въ числѣ ихъ былъ Фотій, впослѣдствіи патріархъ, знаменитый борьбою съ римскими папами. Константину было 15 лѣтъ, когда умеръ греческій императоръ Ѳеофилъ (829—842) и на престолъ вступилъ малолѣтній сынъ его Михаилъ подъ опекою благочестивой матери своей Ѳеодоры. Одинъ изъ царскихъ вельможъ, Логофетъ Дроми,

хорошо знакомый съ родителями Меѳодія и Константина, узнавъ о блестящихъ способностяхъ послѣдняго, вызвалъ его въ Константинополь въ совоспитанники къ молодому императору. Здѣсь Константинъ оказалъ блестящіе успѣхи въ языкахъ (римскомъ, греческомъ и сирскомъ) и особенно въ философіи. По окончаніи образованія Константину предстояли всѣ выгоды и удовольствія блестящей свѣтской жизни. Логофетъ, покровительствовавшій ему, хотѣлъ женить его на своей крестницѣ, прекрасной и богатой дѣвицѣ знатнаго происхожденія, обѣщая ему и богатства и почести. Но, изъ любви къ Богу и по склонности къ уединенію, юный Константинъ отказался отъ этого лестнаго предложенія; онъ тайно оставилъ дворъ и, скрывшись въ одномъ изъ монастырей при Черномъ морѣ, принялъ тамъ иночество. Императоръ и Логофетъ только чрезъ полгода узнали о его мѣстопребываніи. Они почти насильно возвратили его въ Константинополь, убѣдили принять санъ священника и назначили библіотекаремъ при церкви св. Софіи и учителемъ философіи при главномъ Константинопольскомъ училищѣ,—„дабы, какъ говоритъ писатель житія его, свѣтильникъ не былъ подъ спудомъ, но находился на свѣщникѣ“. И дѣйствительно, свѣтильникъ скоро возгорѣлъ ярко и пламенно. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, Константинъ принялъ участіе въ иконоборческихъ спорахъ и своею ученостію и знаніемъ догматовъ вѣры посрамилъ сверженнаго патріарха Іоанна Грамматика, упорно враждовавшаго противъ иконопочитанія. Около этого времени (около 851 г.) прислалъ посольство къ императору Михаилу одинъ арабскій государь, эмиръ города Милетины (или Митилены) съ просьбою прислать къ нему такихъ мужей, которые могли бы вести съ арабскими учеными пренія о хри-

стіанской вѣрѣ. Царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, избралъ для сего Константина, которому далъ въ помощники двухъ мудрыхъ и опытныхъ мужей. На пути въ Милетину Константинъ остановился въ Самарѣ, столицѣ князя Амирмумна. Здѣсь магометане, издѣваясь надъ христіанами, ставили надъ ихъ воротами демонскія изображенія. Со смѣхомъ спрашивали агаряне св. Константина; „какія знаменія на дверяхъ и кто тутъ обитаетъ?“ Нисколько не смутившись, Константинъ отвѣчалъ имъ: „по этимъ изображеніямъ я заключаю, что внутри сихъ домовъ живутъ христіане, ибо демоны не могутъ обитать вмѣстѣ съ ними и бѣгутъ изъ ихъ домовъ. А вотъ тамъ, гдѣ нѣтъ предъ воротами этихъ демоновъ, они живутъ въ домѣ вмѣстѣ съ хозяевами“. Такъ посрамилъ юный приплецъ кощунствующихъ магометанъ, побѣдивъ ихъ ихъ же орудіемъ. Прибывши въ Милетину, Константинъ въ спорахъ съ магометанскими учеными выказалъ такую высокую мудрость и такія глубокія познанія въ истинахъ христіанской вѣры, что тѣ должны были невольно умолкнуть. Побѣжденные словомъ, магометане рѣшились коварно отравить христіанскаго философа ядомъ. Но Господь сохранилъ Своего раба невредимымъ. Тогда эмиръ одарилъ Константина богатыми дарами и отпустилъ его отъ себя съ честію. По возвращеніи своемъ въ Константинополь, Константинъ скоро удалился въ уединенное мѣсто и съ ревностію отдался подвигамъ благочестія и научнымъ занятіямъ. Узнавъ же о пребываніи своего брата Меѳодія на Олимпѣ, Константинъ поспѣшилъ къ нему, чтобы продолжить свои подвиги и труды вмѣстѣ съ нимъ.

Подвигъ благовѣствованія славянамъ свв. Константинъ и Меѳодій начали въ предѣлахъ нашего отечества. Именно:

Въ 858 году хозары, жившіе на берегахъ Дона, Волги и Азовскаго моря, прислали къ царю Михаилу пословъ со смиренною просьбою прислать къ нимъ человѣка книжнаго, способнаго разсудить и дать имъ совѣтъ о вѣрахъ. „Мы издавна знаемъ, говорили послы, единаго Бога—Существо Высочайшее; мы Ему молимся, кланяясь на востокъ; но содержимъ нѣкоторые языческіе обычаи. Евреи увѣщеваютъ насъ принять ихъ вѣру, и уже многіе изъ насъ присоединились къ нимъ. Сарацыны также склоняютъ насъ къ своей вѣрѣ, говоря, что ихъ вѣра лучше всѣхъ народовъ. Но такъ какъ у насъ съ вами давнишняя дружба, то мы ищемъ вашего совѣта и просимъ прислать къ намъ мужа, который бы могъ оспорить евреевъ и сарацынъ; если онъ превозможетъ ихъ, то мы примемъ вашу вѣру“. Совѣтомъ царя и патріарха на сіе апостольское дѣло былъ избранъ не другой кто, какъ философъ Константинъ. Константинъ, всегда готовый къ трудамъ апостольскимъ, съ радостію принялъ это избраніе. Меѳодій, по уваженію къ своему брату, согласился на сопутничество съ нимъ, и они, испросивъ себѣ благословеніе Божіе, отправились въ путь вмѣстѣ. Проплывши Черное море, свв. братья высадились на берегъ въ Херсонѣ (въ нынѣшнемъ Крыму), и на нѣкоторое время остановились здѣсь, чтобы усовершенствоваться въ знаніи славянскаго языка, на которомъ имъ предстояло говорить съ хозарами. Въ Херсонѣ свв. проповѣдники узнали, что въ морѣ, близъ Херсона, находятся мощи священномуч. Климента, папы римскаго, который былъ сосланъ сюда и, замученный, съ привязаннымъ къ нему якоремъ брошенъ въ море, при имп. Траянѣ (98—117). Свв. братья убѣдили херсонскаго епископа не оставлять долѣе святыхъ мощей подъ спудомъ морскихъ волнъ.

При помощи Божіей свят. мощи были обрѣтены, перенесены въ городъ и положены въ храмѣ свв. апостоловъ. Часть мощей св. Климента была взята Константиномъ и Меѳодіемъ съ собою и впослѣдствіи отнесена ими въ Римъ. Изъ Херсона свв. братья отправились къ хозарамъ. Каганъ, или князь хозарскій, принялъ ихъ съ особеннымъ почетомъ, и Константинъ началъ свои пренія о вѣрѣ съ хозарскими язычниками, іудеями и магометанами. Плодомъ этихъ преній было крещеніе кагана съ нѣкоторыми вельможами и частью народа. По чувству благодарности князь и вельможи предложили своимъ просвѣтителямъ богатые дары, но они отказались отъ даровъ; вмѣсто же ихъ просили кагана отпустить съ ними греческихъ плѣнниковъ, томившихся въ неволѣ у хозаръ. Каганъ охотно исполнилъ ихъ просьбу. Плѣнниковъ было собрано до 200 человѣкъ. Освобожденные пошли вмѣстѣ съ свв. братьями по пути къ Царьграду. На пути они были свидѣтелями чуда, явленнаго Богомъ по молитвѣ свв. братьевъ: одно время путники сильно страдали отъ недостатка воды. Жажда доводила ихъ до полнаго истощенія; они едва могли продолжать путь. Но вѣра Меѳодія и Константина спасла ихъ. Свв. братья обратились съ пламенною молитвою къ благодѣющему Богу, и Богъ не оставилъ ихъ: бывшая подъ руками соленая вода обратилась въ сладкую. По прибытіи въ Константинополь, свв. проповѣдники были приняты царемъ и патріархомъ съ большимъ почетомъ, какъ апостолы Христовы; Меѳодій былъ поставленъ игуменомъ монастыря Полихрона, а св. Константинъ остался при церкви свв. апостоловъ.

Апостольская дѣятельность свв. братьевъ въ это время была еще далеко не закончена. Имъ предстояла болѣе

обширная дѣятельность среди многочисленнаго племени славянскаго. Вскорѣ, послѣ ихъ возвращенія въ Константинополь, именно въ 862 году, прибыли къ императору Михаилу и патріарху Фотію послы изъ Моравіи отъ тамошнихъ славянскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, которые также, какъ ранѣе и хозары, просили прислать къ нимъ учителей, способныхъ протолковать имъ вѣру христіанскую на понятномъ для нихъ языкѣ. „Земля наша, говорили послы, крещена; но нѣтъ у насъ учителя, который бы научилъ насъ и протолковалъ святыя божественныя книги; ибо мы не разумѣемъ ни греческаго языка, ни латинскаго. И одни учатъ насъ инако, а другіе инако; и мы не разумѣемъ книжнаго разума, ни силы книгъ. Пошлите же къ намъ учителей, которые могли бы сказать намъ книжныя словеса и разумъ ихъ". Императоръ и патріархъ опять обратились къ Константину и Меѳодію съ просьбою принять на себя новый трудъ апостольской проповѣди между славянскими племенами. „Вы оба изъ Солуни, говорилъ имъ царь, а солуняне бесѣдуютъ по-славянски, стало-быть вамъ знакомъ этотъ языкъ". Братья изъявили полное согласіе принять на себя новые труды на пользу церкви Христовой. Но „проповѣдывать устно все равно, что писать на пескѣ", думалъ Константинъ; и вотъ въ умѣ его родилась великая мысль переложить книги священнаго писанія съ греческаго на славянскій языкъ. Но не было еще буквъ славянскихъ; надо было изобрѣсть ихъ, составить славянскую азбуку. Предъ этимъ великимъ и многотруднымъ дѣломъ свв. братья наложили на себя сорокодневный постъ и приступили къ дѣлу въ глубочайшемъ молитвенномъ духѣ, вполнѣ сознавая свою немощь и уповая лишь на помощь и вразумленіе свыше. При

составленіи азбуки, славянскіе просвѣтители взяли въ основаніе алфавитъ греческій и дополнили его, гдѣ это нужно было, буквами изъ другихъ алфавитовъ (латинскаго и еврейскаго). Это изобрѣтеніе открыло возможность дать письменный переводъ евангелія, апостольскихъ посланій и другихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Прежде всего явились на родномъ нашемъ языкѣ сіи чудныя вдохновенныя слова евангелія Іоанна Богослова: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу*..... Этотъ первый опытъ перевода св. евангелія на славянскій языкъ Константинъ и Меѳодій благоговѣйно представили царю, патріарху и всему освященному собору. Всѣ радовались и благодарили Бога. Теперь свв. братья могли свободно учить и укрѣплять славянъ въ истинахъ Христовой вѣры. Они шли къ нимъ съ словомъ Божіимъ, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ. Предъ отъѣздомъ Константинъ былъ посвященъ патріархомъ Фотіемъ во епископа. На пути въ Моравію свв. проповѣдники остановились въ Болгаріи и своею проповѣдію обратили къ вѣрѣ Христовой самого князя болгарскаго, Бориса (Впрочемъ здѣсь они положили только начало христіанской проповѣди, дѣло же ихъ продолжали другіе проповѣдники, присланные патріархомъ Фотіемъ, по просьбѣ Бориса).

Въ Моравіи, Паннонiи и другихъ славянскихъ земляхъ первыми проповѣдниками христіанства были латинскіе священники. Но эти проповѣдники по разсчету, окрестивши славянъ, ограничились въ своей дальнѣйшей дѣятельности только служеніемъ обѣденъ, исправленіемъ требъ на непонятномъ для славянъ латинскомъ языкѣ и разными поборами съ новообращенныхъ. Объ утвержденіи же новообращенныхъ въ истинахъ христіанской вѣры и нравственности латинскіе священники и не по-

мышляли. Но не такъ повели свою просвѣтительную дѣятельность среди этихъ юныхъ христіанъ равноапостольные Константинъ и Меѳодій. По прибытіи въ Моравію, они, къ общему утѣшенію, стали служить литургію и другія церковныя службы не на латинскомъ, чуждомъ для славянъ языкѣ, а на ихъ родномъ, которымъ говорили ихъ отцы и дѣды и который они привыкли слышать еще дѣтьми изъ дорогихъ устъ родной матери. Тотъ же родной славянскій языкъ слышался и въ проповѣдяхъ свв. братьевъ, слышался онъ и въ школахъ. гдѣ вмѣстѣ съ обученіемъ чтенію и письму дѣти и взрослые слушали мудрую бесѣду, просвѣщавшую умъ и очищавшую сердце отъ всего, что было недостойно истиннаго христіанина. Какъ отрадно было славянамъ слышать слова свв. проповѣдниковъ: „Услышьте, славяне, все слово, еже отъ Бога пріиде, слово, еже кормитъ души человѣческія, слово, еже крѣпитъ сердца и умы. Душа не имѣетъ жизни, если словесъ Божіихъ не слышитъ; отверзите прилежно уму двери; оружіе пріимите твердое, еже куютъ книги Господни; въ буквахъ мудрость Христова является, которая души ваши укрѣпитъ“. И славяне съ радостію внимали пылкимъ словамъ свв. просвѣтителей, и въ теченіе немногихъ лѣтъ свѣтомъ евангельскаго ученія просвѣтились страны: Болгарія, Моравія, Паннонія и другія. Дивныя дѣла Божіи и неизреченное величіе Божіе прославлялись языкомъ славянскимъ на всемъ протяженіи Европы, гдѣ поселились и донынѣ живутъ наши соплеменники среди народовъ, по происхожденію и духу имъ чуждыхъ.

Успѣхъ проповѣди свв. братьевъ возбудилъ зависть въ сердцахъ корыстолюбивыхъ и невѣжественныхъ нѣмецкихъ священниковъ. Они начали громко порицать

ихъ даже за такое благое дѣло, какъ совершеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ. Завистливые и невѣжественные слуги папы говорили, что богослуженіе можно совершать только на трехъ языкахъ, на которыхъ была сдѣлана надпись на крестѣ Спасителя: на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. Но свв. учители отвѣчали имъ: „Богъ равно на всѣхъ посылаетъ дождь и свѣтъ солнечный. И Давидъ говоритъ: всякое дыханіе да хвалитъ Господа! Воскликните Господеви вся земля! Такъ какъ Господь пришелъ спасти всѣ народы, то всѣ народы своимъ языкомъ да славословятъ Господа!“ И нѣмецкіе священники, не имѣя возможности вести съ ними нравственную борьбу, должны были оставить Моравію. Римскій папа Николай (858—867), когда услыхалъ нѣкоторые неблагопріятные отзывы объ ихъ апостольскихъ трудахъ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ Римъ для объясненій. Они отправились. Но, прибывши въ Римъ, уже не застали папы въ живыхъ. Мѣсто Николая заступилъ Адріанъ (867—872), который принялъ свв. братьевъ очень ласково, одобрилъ ихъ апостольскіе труды въ Моравіи и Панноніи, похвалилъ переводъ книгъ и утвердилъ право совершенія богослуженія на славянскомъ языкѣ. Святое дѣло проповѣди между славянами было пока упрочено, и благой Промыслитель призвалъ къ Себѣ одного изъ самыхъ главныхъ дѣятелей на этой нивѣ. Здѣсь, въ Римѣ, скончался св. Константинъ, принявъ за 50 дней до смерти схиму, съ именемъ Кирилла. Многоплодную жизнь свою онъ окончилъ на 42 году своей жизни, 14 февраля 869 г., и былъ съ большими почестями погребенъ въ церкви свят. Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ въ Римъ (о смерти Кирилла подробнѣе см. подъ 14 чис. февраля).

По смерти Кирилла, Меѳодій, поставленный папою во епископа Моравіи и Панноніи, оставилъ Римъ, чтобы продолжать дѣло евангельской проповѣди между славянскими племенами. Въ Моравіи въ это время происходили междоусобія, въ которыя вмѣшались нѣмцы; поэтому Меѳодій главнымъ мѣстомъ своего пребыванія избралъ Паннонію, гдѣ пробылъ онъ около трехъ лѣтъ. Здѣсь св. Меѳодій вынесъ не мало скорбей со стороны латинскихъ священниковъ. Озлобленные противъ его апостольской дѣятельности, невѣжественные священники разными происками и клеветами достигли того, что нѣмецкій императоръ сослалъ св. Меѳодія въ заточеніе, въ которомъ пробылъ онъ два съ половиною года. Объ этомъ узналъ Іоаннъ 8-й, папа римскій (872—882), и поспѣшилъ освободить Меѳодія изъ заточенія. Папа возвратилъ ему архіепископскую власть въ паннонской епархіи, запретилъ священнослуженіе его гонителямъ, а въ письмѣ къ нѣмецкимъ государямъ, Людовику и Карломану, въ которомъ доказывалъ правильность въ каноническомъ отношеніи поставленія Меѳодія въ архіепископа, даже называлъ Меѳодія своимъ братомъ. Возвратившись въ Паннонію, св. Меѳодій съ новою ревностію занялся евангельскою проповѣдію и устройствомъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. Тогда образумились и моравляне. Они прогнали отъ себя нѣмецкихъ священниковъ и упросили папу прислать къ нимъ Меѳодія. Въ Моравіи, также какъ и въ Паннонія, Меѳодій неутомимо проповѣдывалъ евангеліе и съ успѣхомъ искоренялъ въ народѣ прежніе языческіе обряды и обычаи. Все это не нравилось нѣмецкимъ священникамъ, они не могли забыть своего позорнаго изгнанія изъ Моравіи и, считая, хотя напрасно, виновникомъ этого изгнанія Меѳодія,

только ждали случая, чтобы выступить противъ него съ новыми клеветами и доносами. Случая не представлялось, но они сами выдумали его. Въ Римъ было послано донесеніе съ обвиненіемъ Меѳодія въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ православія. Славянскій апостолъ снова принужденъ былъ ѣхать въ Римъ и на этотъ разъ, чтобы выслушать на судѣ обвиненія противъ себя въ неправославіи. Но на соборѣ, созванномъ съ этою цѣлію въ Римѣ въ 880 г., Меѳодій былъ признанъ православнымъ и снова возвращенъ въ Моравію. Въ письмѣ къ моравскому князю Святополку папа просилъ его принять Меѳодія, какъ оправданнаго судомъ и достойнаго архіепископствовать въ Моравіи. Не успѣвъ и на этотъ разъ въ своемъ злобномъ намѣреніи обвинить Меѳодія предъ папою, нѣмцы стали вооружать противъ Меѳодія князя Святополка; но никакія козни враговъ не могли остановить апостольской дѣятельности Меѳодія. Возложивши все упованіе на Бога, онъ продолжалъ просвѣщать свѣтомъ Христова ученія и жителей Моравіи, и сопредѣльные съ нею славянскіе народы, начиная съ Хорватіи и Далматіи до границъ Польши. Ученики его успѣли проникнуть даже въ Чехію, гдѣ крестили тамошняго князя Боривоя. Устное проповѣдованіе ученія Христова однако не отнимало всего времени у св. Меѳодія: онъ по прежнему трудился съ своими ближайшими учениками надъ переводомъ библейскихъ и богослужебныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій и къ концу своей жизни успѣлъ перевести всѣ каноническія книги св. писанія, а также номоканонъ (собраніе церковныхъ правилъ и установленій) и нѣкоторыя сочиненія отцевъ церкви. Наконецъ достойный дѣлатель на нивѣ Христовой призванъ былъ получить на небесахъ награду отъ Госпо-

дина дѣлателей. Св. Меѳодій скончался въ глубокой старости, послѣ 16 лѣтняго управленія моравскою и паннонскою епархіями, 6-го апрѣля 885 года.

Обозрѣвая жизнь и дѣятельность Кирилла и Меѳодія, мы видимъ, что апостольскіе труды ихъ имѣютъ великое значеніе для славянскаго міра. Своею дѣятельностію они положили основаніе духовному и гражданскому величію славянъ. Кириллъ и Меѳодій—это наши учители, наши апостолы, наши отцы. Историческія судьбы славянъ были таковы, что онѣ мало способствовали развитію живыхъ, братскихъ отношеній между различными славянскими племенами. Когда три вѣтви славянскаго племени - восточная, южная и западная, жили политически самостоятельно, то каждая изъ нихъ имѣла столько своихъ внутреннихъ частныхъ дѣлъ и нуждъ, столько своихъ особенныхъ частныхъ враговъ, что имъ некогда было слѣдить за жизнію родственныхъ племенъ, обмѣниваться взаимно своими мыслями и чувствами; свои особенные интересы, свои особенные враги поглощали все ихъ вниманіе. Умственное же развитіе славянъ того времени не было на столько высоко, чтобы вырвать ихъ изъ этой замкнутости и возвысить до сознанія необходимости интересовъ обще-славянскихъ, необходимости живаго, тѣснаго духовнаго союза. Своею дѣятельностію свв. Кириллъ и Меѳодій различныя вѣтви и племена славянъ соединили прочною связью, ибо къ единству происхожденія славянъ, единству языка и преданій, они прибавили еще единство религіи. Если вообще каждая религія безотносительно къ ученію, ею проповѣдуемому, способна объединять принимающія ее народности, развивать между ними живыя и тѣсныя отношенія въ духѣ любви, то это еще болѣе нужно ска-

зать о христіанствѣ, сущность котораго есть любовь (Іоан. 13, 35. 1 Іоан. 4, 8); и главная добродѣтель христіанская есть живое сочувствіе и посильная помощь ближнимъ.

Далѣе: одною изъ самыхъ прочныхъ связей между родственными народностями служитъ единство или родство языка. Языкъ есть полнѣйшее и необходимѣйшее отраженіе духа народа, его отличительныхъ свойствъ и взглядовъ, пріемовъ мышленія, наклонностей, обычаевъ; языкъ развивается съ развитіемъ народа, склоняется къ паденію при его упадкѣ и вымираетъ съ его исчезновеніемъ. При такомъ отношеніи языка къ внутренней жизни человѣка заботиться о развитіи языка извѣстныхъ племенъ значитъ заботиться объ ихъ духовномъ развитіи и вмѣстѣ о развитіи и укрѣпленіи тѣхъ связей, которыя соединяютъ и объединяютъ эти племена. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ этомъ отношеніи имѣетъ великое значеніе. Они составили славянскую азбуку и такимъ образомъ этотъ постоянно переливающійся, вѣчно подвижный міръ звуковъ заключили въ твердые и опредѣленные образы буквъ, внесли въ него строгій порядокъ и точность, и чрезъ это сдѣлали возможнымъ то развитіе языка, которое дастъ ему литература. Но Кириллъ и Меѳодій не только составили славянскую азбуку, но и первые дали образчикъ ея употребленія, переложивъ на славянскій языкъ библейскія и богослужебныя книги. Выразивъ на немъ глубокія умозрительныя и нравственныя истины, возвѣщенныя міру Богочеловѣкомъ и потомъ Его апостолами, одушевленныя рѣчи пророковъ, трогательныя пѣсни царя Давида, безыскусственныя, простыя, но въ своей простотѣ возвышенныя историческія повѣствованія о первобытномъ человѣчествѣ

и народѣ еврейскомъ, притчи и пѣснопѣнія царя Соломона, Кириллъ и Меѳодій тѣмъ самымъ дали значительный толчекъ развитію славянскаго языка, а слѣдовательно и вообще духовному развитію славянъ, и такимъ образомъ еще болѣе укрѣпили и усилили узы, связывавшія различныя славянскія племена въ одно цѣлое. При этомъ нужно обратить особенное вниманіе на то, что библейскія и богослужебныя книги постоянно употребляются въ церкви при богослуженіяхъ, а умѣющій читать можетъ читать ихъ и дома. Православнымъ библію читать не воспрещается. Поэтому трудъ Кирилла и Меѳодія не ограничивался, какъ обыкновенные литературные труды, избраннымъ небольшимъ кружкомъ читателей, но былъ доступенъ массамъ, и, введенный въ употребленіе при богослуженіи, почти всѣхъ славянъ сплачивалъ и соединялъ воедино цѣлыя массы славянскихъ племенъ.

Къ лику святыхъ Кириллъ и Меѳодій причислены едва ли не въ одно время и западною и восточною церковію, и притомъ въ глубокой древности, быть можетъ, вскорѣ послѣ ихъ блаженной кончины. Въ русской церкви память свв. равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ, Кирилла и Меѳодія, чествуется съ очень давняго времени (съ 11 вѣка); имъ совершались службы, хотя и не видно, чтобы дни ихъ памяти совершались наряду съ большими, особенно чествуемыми праздниками. Доказательствомъ почитанія древнею русскою церковію памяти этихъ апостоловъ и великихъ благодѣтелей славянскаго міра служатъ слѣдующіе, сохранившіеся до насъ памятники 12 вѣка: а) полная церковная служба св. Кириллу (14 февр.), б) каноны обоимъ просвѣтителямъ (6 апр.), сохранившіеся въ служебныхъ минеяхъ

московской синодальной библіотеки, и в) древніе церковные подлинники, въ которыхъ находятся указанія, какимъ подобіемъ писать ихъ иконы. Такъ, въ подлинникѣ, принадлежащемъ московскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ, подъ 11-мъ числомъ мая читаемъ: „Преподобныхъ отецъ нашихъ Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла, епископовъ моравскихъ, учителей словенскихъ. Меѳодій подобіемъ старъ, власы сѣдъ, брада долга, аки Власіева, ризы святительскія, и омофоръ и евангеліе. Константинъ подобіемъ старъ и сѣдъ вельми, брада аки Василія кесарійскаго, на концы подвоилась, ризы преподобническія и въ схимѣ, въ рукахъ книга разгнутая, а въ ней написана русская азбука: а, б, в, г, д, е, ж, и пр. по ряду". Память свв. Меѳодія и Кирилла въ древнее время праздновали въ Россіи 6-го апрѣля, въ день кончины св. Меѳодія.

Муч. Діоскоръ новый пострадалъ въ Смирнѣ, въ Іоніи. — Муч. Аргиръ селунскій пострадалъ въ 1806 году (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 123).

Св. Никодимъ, архіепископъ сербскій, поставленъ въ архіепископа изъ игуменовъ Хиландарскаго монастыря; занималъ каѳедру съ 1316 г. по 1323 г. Въ началѣ своего правленія Никодимъ посылалъ въ Константинополь за типикомъ (уставомъ) Саввы іерусалимскаго, котораго дотолѣ въ Сербіи не было, и въ 1319 г. перевелъ его на славянскій языкъ и ввелъ въ употребленіе въ Сербіи. Вторично память святителя 30 августа (Кратк. оч. ист. прав. церк. Е. Голубинскаго, стр. 459. 505).

Освященіе церкви св. Софіи въ Кіевѣ въ лѣто 6460 (952). Это было при св. великой княгинѣ Россійской Ольгѣ. О судьбѣ Кіево-Софійскаго собора, о фрескахъ и

мозаическихъ изображеніяхъ его см. Душ. чт. 1870 г., Іюнь, стр. 48—60. Іюль, стр. 65—77.

12-е число.

Св. Епифанія, еп. кипрскаго. Св. Германа, патр. константинопольскаго. Пр. Савина, архіеп. кипрскаго. Пр. Полувія, еп. рипокирскаго.

(Іоанна Влаха. Пр. Діонисія, архимандрита Сергіевой лавры. Освященіе церкви Богородицы на Десятинѣ въ Кіевѣ).

СВ. ЕПИФАНІЯ, ЕП. КИПРСКАГО.

Св. Епифаній родился въ селеніи Безандукъ, близъ города Елевоерополя (въ юго-западной части Палестины). Родители его были іудеи и занимались земледѣліемъ. Десяти лѣтъ Епифаній лишился отца и остался одинъ со вдовою матерью и малолѣтнею сестрою. Хозяйство, не богатое и прежде, пошло въ рукахъ вдовы еще хуже. Чтобы обезпечить свое семейство хотя въ будущемъ, мать рѣшилась отдать сына въ городъ, для наученія ремеслу. Но болѣе широкая дѣятельность, чѣмъ скромная доля ремесленника, готовилась впереди для св. Епифанія. Одинъ богатый и ученый еврей, знавшій добродѣтельное, но бѣдное семейство Епифанія, обезпечилъ его мать и сестру, а самого Епифанія взялъ къ себѣ на воспитаніе. Пріемный отецъ искренно полюбилъ благонравнаго юношу и далъ ему обширное образованіе. Епифаній, кромѣ

другихъ наукъ, хорошо изучилъ латинскій, греческій, еврейскій и сирскій языки. На 20 году онъ лишился своего благодѣтеля и сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ его большаго имущества. Вскорѣ Епифаній оставилъ тлѣнное богатство и устремился къ пріобрѣтенію нетлѣннаго сокровища для своей души. Однажды онъ встрѣтилъ одного инока, Лукіана, который писалъ и продавалъ книги и тѣмъ питалъ себя и нищихъ. Въ это время одинъ изъ несчастныхъ подошелъ къ нищелюбивому иноку и попросилъ у него милостыни для утоленія голода. Не имѣя при себѣ денегъ, Лукіанъ немедленно снялъ съ себя одежду и, вручая ее нищему, сказалъ: „продай эту одежду и купи себѣ хлѣба". Такая самоотверженная любовь къ ближнему удивила Епифанія. Онъ познакомился съ Лукіаномъ и, узнавъ, что Лукіанъ христіанинъ, пожелалъ сдѣлаться его собратомъ по вѣрѣ. Лукіанъ съ радостію выслушалъ это желаніе и сталъ готовить его къ принятію св. крещенія. Епифаній крестился и, слѣдуя примѣру своего учителя въ вѣрѣ, раздалъ все свое имущество нищимъ, оставивъ себѣ лишь нѣсколько золотыхъ для покупки божественныхъ книгъ. Мѣстомъ своихъ благочестивыхъ подвиговъ онъ избралъ созданный Лукіаномъ монастырь, гдѣ принялъ на себя обѣтъ иночества. Желая видѣть образцы пустыннаго благочестія, Епифаній отправился въ Египетъ, гдѣ видѣлъ и слушалъ знаменитыхъ борцевъ вѣры и подвижниковъ благочестія. Возвратившись въ отечество, Епифаній поступилъ въ ученики къ дивному пустыннику св. Иларіону, жившему недалеко отъ Елевоерополя, на поморіи (близъ Газы), и привлекавшему къ себѣ взоры вѣрующихъ и невѣрующихъ во имя Христово своими чудными подвигами и даромъ исцѣленій. Въ 364 году Иларіонъ, во

избѣжаніе человѣческой славы, удалился сперва въ Египетъ, а потомъ на островъ Кипръ. Тогда Епифаній удалился въ безлюдную и безводную пустыню Панадріонъ, въ Елевоеропольскомъ округѣ. Здѣсь напали на него арабы и едва не лишили его жизни. Но Епифаній исцѣлилъ ихъ начальника и этимъ чудомъ обратилъ ихъ ко Христу. Съ проповѣдію о Христѣ святый путешествовалъ и къ огнепоклонникамъ—персамъ, гдѣ исцѣлилъ бѣсноватую дочь царя и воскресилъ умершаго. Напутствуемый благожеланіями, Епифаній снова возвратился въ свою уединенную келлію, которую построили ему обращенные имъ ко Христу арабы. Сюда стали стекаться любители уединенія, и здѣсь скоро устроился монастырь, въ которомъ было до 50 братій. Эта малая обитель сдѣлалась мѣстомъ особаго промысла Божія. Мѣсто, гдѣ поселился Епифаній, было безводное. Но по молитвѣ святаго образовался источникъ и далъ обильную воду. Недалеко отъ монастыря Епифанія, въ пустынѣ, поселился свирѣпый левъ; онъ нападалъ на проходящихъ и наводилъ на всѣхъ страхъ. Епифаній безбоязненно отправился къ нему. Левъ выскочилъ изъ своего логовища, но, увидѣвъ преподобнаго, палъ мертвымъ. Всѣ, видѣвшіе это чудо, прославили Господа дивнаго во святыхъ Своихъ. Тяготясь извѣстностію и славою, Епифаній удалился изъ своей пустыни въ Египетъ, гдѣ обратилъ ко Христу еврейскаго законоучителя Аквилу и языческаго философа Евдемона съ его сыномъ. Здѣсь, въ Египтѣ, преподобный встрѣтился съ ученикомъ великаго Антонія, Пафнутіемъ, который предсказалъ ему санъ епископа въ Кипрѣ. Скоро слава объ Епифаніи разнеслась по всему Египту, и его хотѣли сдѣлать епископомъ, но онъ тайно удалился въ Кипръ и здѣсь сталъ слушать

наставленія извѣстнаго тогда аввы Григорія. Въ Кипрѣ Епифаній увидѣлся съ бывшимъ своимъ наставникомъ Иларіономъ, который, подобно Пафнутію, предсказалъ ему святительство на этомъ островѣ. Предсказанія праведниковъ исполнились. Около 367 года, на 60 году своей жизни, Епифаній принужденъ былъ принять въ управленіе церковь Саламинскую на островѣ Кипрѣ*). На пастырской каѳедрѣ Епифаній отличался необыкновенною любовію къ бѣднымъ, простотою пустынника и необыкновенною ревностію къ вѣрѣ. Не удивительно послѣ этого, что онъ пользовался славою и всеобщимъ уваже-

*) Начало христіанства на островѣ Кипрѣ восходитъ къ первымъ временамъ апостольской церкви. Тамъ проповѣдывалъ вѣру урожденецъ кипрскій, св. ап. Варнава вмѣстѣ съ ап. Павломъ, который здѣсь обратилъ римскаго начальника острова Сергія-Павла и поразилъ слѣпотою волхва Елиму (Дѣян. 13, 4. и сл.). Потомъ ап. Варнава благовѣствовалъ здѣсь евангеліе вмѣстѣ съ Маркомъ (Дѣян. 15, 39. и сл.). Отсюда же впослѣдствіи (въ 9 вѣкѣ) перенесены были мощи св. Лазаря, друга Господня, и Маріи Магдалины. Здѣсь особенно чтилась память сотрудниковъ апостольскихъ: Тихика, Аристіона и др. Такъ богата была кипрская церковь воспоминаніями о временахъ апостольскихъ! Но и въ послѣдующее время прославились въ ней многіе мученики. На соборѣ Никейскомъ вселенскомъ съ острова Кипра были: славный чудотворецъ св. Спиридонъ, еп. тримиѳунтскій и Трифиллій ледрійскій. Къ славѣ кипрской церкви недоставало украшенія жизни иноческой. Преп. Иларіонъ и св. Епифаній доставили ей и эту славу, содѣйствуя водворенію здѣсь иноческой жизни (Созом. 6, 32).—Каѳедра св. Епифанія была въ главномъ городѣ острова, Саламинѣ, который въ царствованіе Константа (343 г.) подвергся разоренію отъ землетрясенія, но при Констанціи возобновленъ и получилъ наименованіе Констанціи. Городъ сей лежалъ на восточной сторонѣ острова, обращенной къ Палестинѣ.

ніемъ. Даже императоръ Валентъ, покровитель аріанъ, изгоняя православныхъ епископовъ въ заточеніе, оставилъ въ покоѣ саламинскаго пастыря подвижника. Въ 373 г., по просьбѣ нѣкоторыхъ пресвитеровъ, св. Епифаній написалъ *Анкиротъ* (якорь). Смыслъ названія тотъ, что какъ якорь не позволяетъ кораблю увлекаться морскими волнами, такъ и это слово сдерживаетъ умъ среди обуревающихъ его сомнѣній и ложныхъ мнѣній и заставляетъ его держаться безопасной пристани-православія. Этотъ трудъ святителя обнимаетъ довольно много пунктовъ христіанскаго ученія и показываетъ твердыя ихъ основанія въ словѣ Божіемъ. Здѣсь излагается ученіе о св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о воскресеніи мертвыхъ и жизни вѣчной; здѣсь же изобличаются ереси аріанъ, духоборцевъ и др. Вообще видно, что св. Епифаній желалъ указать вѣрующему, чего безопасно онъ можетъ и долженъ держаться среди современныхъ споровъ о вѣрѣ. Въ слѣдующемъ 374 году Епифаніемъ было начато и въ 376 году окончено обширное и важное сочиненіе противъ ересей, подъ названіемъ *Панарій* (домашняя аптека). Въ немъ святитель излагаетъ исторію и опроверженіе разныхъ ересей, іудейскихъ и христіанскихъ, и говоритъ о многихъ предметахъ вѣры; напр. о почитаніи святыхъ, о молитвѣ за умершихъ, о дѣйствіи крестнаго знаменія.—Общее уваженіе доставляла св. Епифанію въ особенности его евангельская щедрость. Историкъ Созоменъ пишетъ объ немъ: „Епифаній былъ щедръ къ пострадавшимъ отъ кораблекрушенія ли, или по другой какой причинѣ; такъ какъ свое имѣніе онъ уже давно истратилъ, то расточалъ имущество церковное. Церковь Епифаніева была весьма богата. Многіе изъ разныхъ странъ свѣта, желая употреблять богатства на благочес-

тивыя дѣла, и при жизни отдавали оныя въ церковь его, и, умирая, оставляли ей, такъ какъ были увѣрены, что Епифаній, какъ добрый распорядитель и любящій Бога, употребитъ подаянія ихъ согласно съ ихъ желаніемъ" (Созом. 7, 27). „Говорятъ, продолжаетъ Созоменъ, что однажды, когда уже немного оставалось денегъ, экономъ церкви вознегодовалъ на епископа и сталъ порицать его, какъ расточителя. Но епископъ, не смотря и на это, не уменьшалъ своей обычной щедрости къ бѣднымъ. Такимъ образомъ, наконецъ, все было издержано; какъ вдругъ, нѣкто вошелъ въ комнату, въ которой жилъ экономъ, и подалъ ему мѣшокъ со многими золотыми монетами. Такъ какъ не извѣстенъ былъ ни тотъ, кто подалъ, ни тотъ, кто послалъ подать, а между тѣмъ, по справедливости, казалось страннымъ, чтобы человѣкъ, пожертвовавшій столько денегъ, хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ; то всѣ пришли къ мысли, что это дѣло Божіе" (тамъ же).

Островъ Кипръ, какъ и другія мѣстности, былъ также свидѣтелемъ многихъ чудесъ святителя. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: однажды, во время обѣда, святитель предлагалъ сидящимъ съ нимъ поученіе. Въ это время воронъ прилетѣлъ къ окну и началъ каркать. Діаконъ Карпнъ, гордый и своевольный, часто оскорблявшій святителя, вздумалъ издѣваться надъ нимъ и теперь. Карпнъ обратился къ нему съ вопросомъ: „что говоритъ воронъ, сидящій на окнѣ?" Святитель, по своему смиренію и незлобію, не обращалъ вниманія на дерзость діакона и продолжалъ поучать сидящихъ за столомъ. Но діаконъ, заглушая голосъ Епифанія, повторилъ свой вопросъ въ другой и третій разъ. Всѣ сидящіе стыдились за Карпна. Наконецъ св. Епифаній сказалъ: „я знаю, что говоритъ

воронъ. Онъ говоритъ, что ты болѣе не будешь служить". Каринъ тотчасъ же почувствовалъ себя больнымъ; онъ былъ отведенъ въ свою келлію и на другой день умеръ.— Въ томъ же городѣ Саламинѣ жилъ богатый язычникъ Синисій. У него заболѣлъ единственный сынъ, отрокъ Евсторгій, и вскорѣ умеръ. По совѣту одного христіанина, Ермія, мать умершаго обратилась за помощію къ святителю. Она упала къ его ногамъ и умоляла воскресить ея сына. „Если ты исполнишь это, говорила скорбная мать, то мы со всѣмъ домомъ своимъ обратимся ко Христу". — „Если вѣруешь въ Распятаго, сказалъ ей святитель, то увидишь сына своего живымъ". Сынъ былъ воскрешенъ, и Синисій съ женою и всѣмъ домомъ увѣровалъ въ Господа. — Въ другой разъ, два скомороха вздумали обманомъ взять одежду у святителя. Увидя его издали, одинъ изъ нихъ притворился мертвымъ, а другой сказалъ приблизившемуся святителю: „отче, покрой одеждою тѣло умершаго". Святитель помолился Богу и покрылъ лежащаго одеждою. Когда св. Епифаній отошелъ, живой сказалъ мертвому: „встань, братъ, инокъ ушелъ". Но мертвый не отвѣчалъ. Товарищъ толкнулъ его, но тотъ оказался дѣйствительно умершимъ. Въ ужасѣ побѣжалъ скоморохъ къ святителю и просилъ у него прощенія. Святитель отвѣчалъ: „Иди, погреби мертвеца твоего; онъ умеръ прежде, чѣмъ ты началъ просить у меня одежды, чтобы покрыть его".

По своей добротѣ Епифаній былъ весьма довѣрчивъ. Злонамѣренные люди не рѣдко употребляли во зло эту довѣрчивость, отчего онъ не разъ дѣлалъ ошибки. Такъ напр., Θеофилъ, патріархъ александрійскій, склонилъ его къ осужденію нитрійскихъ иноковъ въ оригенизмѣ, хотя они были и неповинны. Тотъ же Θеофилъ убѣдилъ

было его осудить святителя Іоанна Златоустаго. Къ счастію Епифаній узналъ во время объ его невинности и потому, не желая быть участникомъ неправеднаго суда, поспѣшилъ удалиться изъ Константинополя къ своей паствѣ. Предъ своимъ отъѣздомъ Епифаній предсказалъ Златоусту, что тотъ умретъ въ изгнаніи, и самъ услышалъ обратно, что онъ не увидитъ уже своей паствы. Пророчества обоихъ сбылись. На возвратномъ пути въ Кипръ св. Епифаній заболѣлъ и на третій день своей болѣзни скончался на 96 году своей жизни, въ 403 году. Когда корабль съ тѣломъ св. Епифанія прибылъ къ Саламину, жители съ плачемъ и рыданіемъ услышали вѣсть о смерти святителя. Тѣло св. Епифанія было перенесено съ корабля въ созданную имъ церковь. Много чудесъ совершилось отъ св. мощей его. Чрезъ десять дней, 12 мая, собрались святители и священники со всего Кипрскаго острова и при безчисленномъ стеченіи народа съ честію погребли тѣло святителя въ той же церкви. Почитаніе святителя Епифанія началось тотчасъ же послѣ его смерти. Въ 6 дѣяніи седьмаго вселенскаго собора въ защиту свв. иконъ говорится, что ученики св. Епифанія построили ему храмъ на о. Кипрѣ, и въ немъ поставили его изображеніе. Соборъ этотъ называетъ св. Епифанія отцемъ и учителемъ вселенской церкви. Іеронимъ въ письмѣ къ Паммахію называетъ его отцомъ епископовъ. Мощи святаго Епифанія видѣлъ русскій паломникъ игуменъ Даніилъ въ началѣ 12 вѣка (Четьи-Минеи. Приб. къ твор. свв. отц. 1863 г., стр. 271 — 290. Уч. объ отц. ц. Филарета, арх. чер. Т. 2, стр. 245 — 255. Достоп. сказанія о подвижничествѣ свв. отц. Москва, 1845 г., стр. 70 — 71. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 133).

СВ. ГЕРМАНА, ПАТР. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Св. Германъ родился въ Константинополѣ. Родитель его, по имени Іустиніанъ, былъ однимъ изъ первыхъ сенаторовъ въ государствѣ. Но знатность рода была только главною причиною гоненія на св. Германа еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ его жизни. Императоръ Константинъ Погонатъ (668—685), убійца отца Германа, не оставилъ въ покоѣ и сына. Императоръ приказалъ оскопить его и отдать въ церковные клирики. Германъ вступилъ съ этого времени на тернистое поприще служенія церкви. Строгою добродѣтельною жизнію и разсудительностію Германъ заслужилъ здѣсь всеобщее вниманіе, и былъ поставленъ при императорѣ Іустиніанѣ 2-мъ (685—711) во епископа города Кизика. Въ новомъ санѣ Германа встрѣтили и новыя непріятности. За защиту правой вѣры противъ еретиковъ Германъ былъ сосланъ императоромъ Филиппомъ (711—715) въ заточеніе. По смерти Филиппа, Германъ хотя и былъ возвращенъ изъ ссылки и даже поставленъ патріархомъ константинопольскимъ (въ 715 г.), однако не былъ оставленъ въ покоѣ. Непріятности ждали его и здѣсь. Императоръ Левъ Исавръ (717—741) воздвигъ жестокое гоненіе на почитаніе иконъ. Изгнаніе, отнятіе имущества, темница, отсѣченіе членовъ, огонь и мечъ—все это было употребляемо Львомъ для истребленія иконопочитанія. Самыя же иконы истреблялись топорами и другими орудіями. Св. Германъ съ твердостію, вполнѣ достойною истиннаго пастыря, вразумлялъ императора. Но за это только терпѣлъ однѣ обиды и наконецъ (въ 730 году) былъ сверженъ съ патріаршаго престола и съ побоями изгнанъ изъ города. Остатокъ своихъ дней онъ провелъ въ Платаміумѣ,—имѣніи,

оставшемся послѣ родителей. Здѣсь онъ прожилъ 10 лѣтъ, приготовляясь къ вѣчности, и скончался въ 740 году, на 96 г. отъ рожденія.

Св. Германъ погребенъ на сѣверной сторонѣ Царьграда, въ монастырѣ Хорѣ, основанномъ Іустиніаномъ. На 7-мъ вселенскомъ соборѣ имя Германа было внесено въ диптихи святыхъ. Мощи его во время погребенія и послѣ погребенія источали многія исцѣленія. По сказанію западныхъ, онѣ послѣ были перенесены во Францію.

Послѣ св. Германа осталось много важныхъ сочиненій, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ три посланія о почитаніи свв. иконъ, читанныя на 7-мъ вселенскомъ соборѣ. Въ нихъ Германъ, между прочимъ, защищаетъ почитаніе свв. иконъ указаніемъ на изображеніе Спасителя, сдѣланное кровоточивою женою, —на эдесскій нерукотворенный образъ Іисуса Христа, на изображеніе Богоматери, написанное евангелистомъ Лукою, и на чудеса, совершаемыя отъ свв. иконъ, какова была „икона Богородицы въ Сизополѣ писидійскомъ, источающая мѵро изъ руки изображенной“ (Четьи-Минеи. Уч. объ отц. ц. Филарета, арх. черн. Т. 3, стр. 243 –250. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, Зам. стр. 133—134).

Преп. Савинъ, архіепископъ кипрскій, родомъ изъ Финикіи, былъ преемникомъ св. Епифанія, при жизни котораго состоялъ діакономъ и судьею духовныхъ дѣлъ; жилъ въ 5-мъ вѣкѣ (Прологъ).

Пр. Полувій, еп. ринокирскій, былъ ученикомъ св. Епифанія и былъ при немъ неотлучно со времени вступленія его на епископскій престолъ въ Кипрѣ. Вмѣстѣ съ другими учениками Епифанія, Іоанномъ и Савиномъ, Полувій былъ его жизнеописателемъ. Жилъ онъ въ 5-мъ вѣкѣ (Прологъ).

Іоаннъ Влахъ, родомъ изъ Валахіи; на 15-мъ году взятъ въ плѣнъ турками и отправленъ въ Царьградъ, гдѣ за нежеланіе нарушить цѣломудріе и принять исламъ, послѣ различныхъ мученій, повѣшенъ турками въ Пармакъ-Копи. Это было 12 мая 1662 г. (Христ. мучч., пострадав. на востокѣ, свящ. П. Соловьева).

ПР. ДІОНИСІЯ, АРХИМАНДРИТА СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Діонисій, въ мірѣ Давидъ, родился около половины 16-го столѣтія, въ городѣ Ржевѣ, Тверской губерніи, но жилъ тамъ недолго. Отецъ его, городской обыватель, вскорѣ послѣ рожденія сына переселился въ г. Старицу, гдѣ потомъ былъ старшиною Ямской слободы. Съ юныхъ лѣтъ Давидъ отличался сердечною добротою, кротостію и любовію къ книжному чтенію. По достиженіи совершеннолѣтія, онъ по желанію родителей вступилъ въ бракъ. Вскорѣ за свою примѣрно-благочестивую жизнь Давидъ былъ поставленъ священникомъ при Богоявленской церкви, въ 12 верстахъ отъ Старицы. Чрезъ 6 лѣтъ онъ лишился жены и дѣтей и поступилъ въ Старицкій монастырь, въ которомъ принялъ постриженіе съ именемъ Діонисія. Тѣ же кротость и смиреніе, которыя проглядывали во всѣхъ поступкахъ юнаго Давида, отличали его и теперь предъ всею братіею монастыря.

Однажды, будучи въ Москвѣ, пр. Діонисій вышелъ на рынокъ для покупки книгъ. Здѣсь одинъ прохожій сказалъ ему грубо: „за чѣмъ ты здѣсь, монахъ?“ Нисколько не оскорбившись такими словами, преподобный со смиреніемъ отвѣчалъ ему: „Да, братъ, я точно такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ думаешь; иначе я не ходилъ бы

на рынкѣ. Прости меня грѣшнаго". И когда обидчикъ, пристыженный кротостію Діонисія и побуждаемый другими, хотѣлъ просить у него прощенія, онъ уже скрылся.— Около 1605 г. Діонисій возведенъ былъ въ санъ архимандрита Старицкаго монастыря; чрезъ два года вызванъ былъ по дѣламъ въ Москву. Во все время пребыванія здѣсь преподобный неотлучно находился при патріархѣ Гермогенѣ, помогая ему словомъ и дѣломъ успокоивать волновавшуюся тогда московскую паству. Съ преп. Діонисіемъ совѣтовался тогда не только патріархъ, но и самъ царь Василій Іоанновичъ Шуйскій. На народъ Діонисій имѣлъ вліяніе своимъ увлекательнымъ даромъ слова. Патріархъ въ примѣръ другимъ указывалъ на старицкаго архимандрита, какъ на защитника Русскаго престола. Въ 1610 году патріархъ Гермогенъ перевелъ Діонисія архимандритомъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, выдержавшій предъ тѣмъ сильную осаду отъ поляковъ. И это было дѣломъ особаго промысла Божія. То было время самое несчастное для Россіи: Москва была въ рукахъ поляковъ; окрестности ея были разорены; цѣлыя толпы больныхъ отъ ранъ, бѣдныхъ и голодныхъ съ разныхъ сторонъ направлялись къ Троицкой лаврѣ и умирали на дорогѣ отъ голода и болѣзней. И тутъ-то во всемъ величіи проявилась дѣятельная любовь Діонисія къ несчастнымъ. Собравъ всю братію обители, онъ сказалъ имъ: „любовь христіанская во всякое время помогаетъ нуждающимся, тѣмъ болѣе должна помогать въ такое страшное время".—„Гдѣ же намъ найти средства для помощи? отвѣчала братія. Мы готовы помочь, но не знаемъ чѣмъ". Діонисій заплакалъ и сказалъ: „въ искушеніяхъ нужна твердость. Насъ Господь избавилъ отъ осады. Что если за лѣность и скупость Онъ станетъ смирять насъ и безъ

осады? Пусть каждый дѣлаетъ для несчастныхъ все, что можетъ, св. обитель не оскудѣетъ". Братія изъявила готовность жертвовать всѣмъ, даже жизнію своею, для бѣдныхъ. И вотъ закипѣла дѣятельность. По убѣжденію Діонисія, въ подмонастырскихъ слободахъ устроены были странноприимные домы и больницы для безкровныхъ, безпріютныхъ и раненыхъ воиновъ. Монастырскіе слуги разосланы были по лѣсамъ и дорогамъ собирать ослабѣвшихъ отъ голода и изнемогавшихъ отъ ранъ. Келейникъ преп. Діонисія днемъ и ночью разносилъ больнымъ и нищимъ пищу, одежду и деньги; братія, по совѣту настоятеля, питались овсянымъ хлѣбомъ, сберегая ржаной для больныхъ. Но отеческія заботы о бѣдныхъ и больныхъ еще не поглощали всей дѣятельности Діонисія. Онъ былъ печальникомъ за всю Русь. Вмѣстѣ съ келаремъ лавры, Авраамiемъ, онъ писалъ въ Нижній-Новгородъ и другіе низовые города посланія, въ которыхъ просилъ соотечественниковъ жертвовать всѣмъ и бодро, въ надеждѣ на Бога, вооружаться для изгнанія враговъ изъ отечества. Колебавшихся и склонявшихся къ измѣнѣ преп. Діонисій обличалъ и увѣщавалъ стать въ ряды защитниковъ св. Руси. И ревность преподобнаго была не безуспѣшна. Окружныя граматы Діонисія и Авраамія Палицына вызывали всеобщее воодушевленіе и патріотизмъ: къ стѣнамъ лавры не замедлили явиться борцы за вѣру и отечество съ княземъ Пожарскимъ и Мининомъ во главѣ. Вооруженцы, вмѣстѣ съ Діонисіемъ и Авраамiемъ, вскорѣ направились въ Москву и вступили въ священныя ворота кремлевскія. Но передъ этимъ преп. Діонисій примирилъ подъ стѣнами Москвы раздоры между двумя предводителями русскихъ дружинъ (Пожарскимъ и Трубецкимъ)—раздоры, отъ которыхъ могло постра-

дать все дѣло освобожденія Россіи отъ враговъ. Стѣсненные враги оставили наше отечество. По изгнаніи враговъ изъ Россіи, Діонисій съ ревностію принялся за возобновленіе и возстановленіе своей полуразрушенной осадою непріятелей святой обители. Не успѣлъ онъ вполнѣ исправить всѣ поврежденія, причиненныя врагами, какъ долженъ былъ приступить къ новымъ трудамъ для св. вѣры. 8 ноября 1616 года именною граматою царя Михаила Θеодоровича Діонисію поручено было, вмѣстѣ съ старцемъ Арсеніемъ и священникомъ Іоанномъ, пересмотрѣть требникъ, напечатанный въ 1602 году. Въ требникѣ оказалось много ошибокъ, и исправленія требовались значительныя. Но добросовѣстный трудъ Діонисія навлекъ на него нареканіе: враги свѣта объявили его еретикомъ, и онъ былъ подверженъ суду, на которомъ сторонники невѣжества восторжествовали. Въ іюлѣ 1618 г., на соборѣ положили: „архимандритъ Діонисій писалъ по своему изволу, и за то архимандрита Діонисія да попа Ивана отъ церкви Божіей отлучаемъ, да не священствуютъ". Пр. Діонисію ставили въ вину измѣненіе въ славословіяхъ, которыя бываютъ въ концѣ разныхъ молитвъ, говоря, что онъ мараетъ имя Святой Троицы. Но главное обвиненіе состояло въ томъ, что преп. Діонисій вычеркнулъ слово: *и огнемъ*, поставленное не правильно въ чинѣ водоосвященія, послѣ словъ: Духомъ Твоимъ Святымъ. Невѣжды воображали, что, чрезъ уничтоженіе въ требникѣ слова: *и огнемъ*, вся огненная стихія на землѣ исчезнетъ. Преподобный приводилъ убѣдительныя доказательства въ защиту сдѣланныхъ имъ исправленій *). Но

*) Напр., Діонисій указывалъ на древнія русскія рукописи, а также и на греческіе списки, гдѣ вовсе нѣтъ слова: и *огнемъ*. Изъ числа 12 требниковъ, по которымъ Діонисій исправлялъ

справедливыхъ оправданій его не хотѣли слушать. Не имѣя возможности отправить исправителя въ дальнія мѣста Россіи по причинѣ бродящихъ по всѣмъ дорогамъ поляковъ и разнаго рода подозрительныхъ людей, его заключили въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь преподобнаго томили въ дымной банѣ и морили голодомъ. На него была наложена епитимія—класть по 1000 поклоновъ въ день. Но св. Діонисій клалъ болѣе этого числа поклоновъ. Въ праздники преподобнаго до обѣдни вели къ митрополиту. Здѣсь до вечерни онъ стоялъ на дворѣ, палимый зноемъ и томимый жаждою, и, какъ великій преступникъ, въ оковахъ на рукахъ, выносилъ ругательства и побои отъ невѣждественной толпы народа. Преподобный всѣ обиды и страданія переносилъ съ незлобіемъ младенца. Прибывшій въ 1619 году въ Москву іерусалимскій патріархъ, Ѳеофанъ, вступился за невиннаго страдальца. Діонисій былъ освобожденъ и возвращенъ въ лавру, гдѣ посѣтилъ его патріархъ Ѳеофанъ и возложилъ на него свой клобукъ. Преподобный въ своей жизни былъ добрымъ наставникомъ и образцомъ для братіи. Самъ усердный къ молитвѣ церковной и келлейной, онъ и братію побуждалъ къ тому же. Заботясь о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, онъ завелъ въ лаврѣ разныя мастерскія для иконописцевъ,—мастеровъ серебряныхъ дѣлъ и пр.

Послѣ высокихъ подвиговъ любви къ Господу и многихъ жизненныхъ тревогъ и бѣдствій преп. Діонисій мирно скончался 10 мая 1633 года, принявъ предъ смертію

печатный требникъ, въ 10 не было этого слова; въ одномъ изъ остальныхъ двухъ требниковъ слово: *огнемъ* было приписано на боку, а въ другомъ то же слово написано было выше строки. Ясно, что въ оба эти требника оно было внесено произволомъ невѣжества.

схиму. Самъ патріархъ Филаретъ отпѣвалъ его тѣло, нарочито для сего перевезенное изъ лавры въ московскій Богоявленскій монастырь. Мощи Діонисія почиваютъ подъ спудомъ въ южномъ притворѣ Троицкаго собора, на лѣвой сторонѣ. Въ московской патріаршей библіотекѣ сохраняется выписка всѣхъ неисправностей книжныхъ, найденныхъ Діонисіемъ. Канонъ преп. Діонисію съ подробнымъ жизнеописаніемъ напечатанъ въ 1817 г. въ московской Синодальной типографіи.

Чудеса, совершенныя Діонисіемъ послѣ кончины, свидѣтельствуютъ, что усердіе его къ молитвѣ, кротость, смиреніе, любовь къ ближнимъ и терпѣніе въ незаслуженныхъ имъ страданіяхъ пріобрѣли ему благоволеніе Отца свѣтовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ: Священникъ лаврской слободы, Ѳеодоръ, въ день кончины Діонисія сильно печалился о томъ, что не могъ проститься съ преподобнымъ. И вотъ онъ видитъ себя во снѣ на спѣшномъ пути къ послѣднему прощанію съ Діонисіемъ. Но святый остановилъ его и сказалъ: „для чего спѣшишь ты? Тѣ благословенія просятъ, оставаясь здѣсь; а ты скоро пойдешь за мною“. Спустя 8 дней, Ѳеодоръ скончался. Другой священникъ, по имени также Ѳеодоръ, изъ Пушкарской слободы, былъ боленъ. Пр. Діонисій явился ему во снѣ и исцѣлилъ его отъ болѣзни. Въ 1640 г. пр. Діонисій вмѣстѣ съ св. Алексіемъ, митрополитомъ московскимъ, явился пр. Никодиму кожеозерскому съ вѣстію о скорой кончинѣ его.

Пр. Діонисій былъ роста высокаго, статнаго, съ лицемъ благолѣпнымъ, съ очами веселыми, съ длинною и широкою бородою; съ него уже усопшаго былъ снятъ портретъ. Древній портретъ, который хранится въ лаврѣ, имѣетъ такую надпись: „Образъ св. Діонисія, архиман-

дрита троицкаго". Житіе св. Діонисія было описано его ученикомъ Симономъ (Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Истор. опис. Троице-Сергіевой лавры А. В. Горскаго, стр. 118—127).

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ БОГОРОДИЦЫ НА ДЕСЯТИНѢ ВЪ КІЕВѢ.

Въ 989 г. великій князь Владиміръ. съ благословенія митрополита Михаила, заложилъ вблизи своего теремнаго двора каменную церковь во имя Пресв. Богородицы. Церковь эта строилась 7 лѣтъ мастерами, нарочно вызванными изъ Греціи. Въ 996 г., когда она была окончена и освящена, князь вознесъ въ ней молитву къ Богу, чтобы Онъ принималъ молитвы всѣхъ приходящихъ въ новосозданный храмъ; затѣмъ въ присутствіи митрополита Леонтія и безчисленнаго народа изрекъ: „Даю сей церкви Пресв. Богородицы отъ моего имѣнія и отъ моихъ градъ десятую часть". Свое завѣщаніе князь изложилъ на бумагѣ и положилъ ее въ самой церкви, которая съ того времени стала называться *Десятинною*. Для служенія въ церкви, сдѣлавшейся соборною въ Кіевѣ, князь избралъ знатнѣйшее тогда духовенство—корсунское.—Въ день освященія храма онъ сотворилъ большой праздникъ для епископовъ и бояръ и раздалъ много денегъ бѣднымъ. Этотъ храмъ, краснорѣчивый памятникъ вѣры и благочестія царственнаго храмоздателя, сохранился до настоящаго времени въ своихъ развалинахъ. По свидѣтельству лѣтописей, онъ былъ обширенъ и богато украшенъ; въ немъ было много серебра и золота. Въ память свѣтлаго торжества, бывшаго по случаю освященія храма, установлено было тогда же

праздновать этотъ день ежегодно 12 мая, подобно тому, какъ праздновались дни освященія знаменитѣйшихъ храмовъ въ Греціи. И это былъ собственно въ русской церкви первый праздникъ (Ист. Русс. ц. преосв. Макарія. 1857 г. Т. 1, стр. 32—34).

13-е число.

Св. муч. Гликеріи дѣвицы и Лаодикія, стража темничнаго. Пр. Павсикакія, еп. синадскаго. Св. Георгія исповѣдника съ женою Ириною и чадами Св. муч. Александра римскаго.

(Священномуч. Александра, еп. тиверіадскаго. Никифора, пресвитера монастыря ефансійскаго. Пр. Евоимія новаго. Пр. Іоанна иверянина, отца его. Пр. Георгія, сродника его. Пр. Гавріила иверянина. Монаховъ иверянъ. Обновленіе Богоматери Всецарицы. Пр. дѣвицы Гликеріи).

СВ. МУЧ. ГЛИКЕРІИ ДѢВИЦЫ И ЛАОДИКІЯ, СТРАЖА ТЕМНИЧНАГО.

Св. Гликерія жила во фракійскомъ городѣ Траянополѣ и была дочь богатыхъ родителей. Лишившись ихъ еще въ юномъ возрастѣ, она совершенно отказалась отъ удовольствій, которыя обѣщали ей происхожденіе, красота и богатство ея, и пожелала наслажденій вѣчныхъ и нетлѣнныхъ. Это желаніе побудило Гликерію принять на себя прекрасный, но тяжкій вѣнецъ мученичества. Гоненіе, воздвигнутое на христіанъ въ царствованіе Антонина (138—161), впрочемъ лучшаго между повелите-

лями Рима, достигло и Траянополя, гдѣ жила эта св. дѣва. Обнародованъ былъ въ этомъ городѣ безбожный указъ о принесеніи жертвы Юпитеру. Христіанамъ предстояло или исполнить этотъ указъ, или, въ противномъ случаѣ, умереть мученическою смертію. Въ назначенный для жертвоприношенія день собралось много народа къ истукану Юпитеру. Явился сюда и начальникъ Фракійской области, Савинъ. Св. Гликерія, явившись въ собраніе, просила его дозволить ей, какъ дочери знаменитаго сановника, прежде всѣхъ принести жертву Богу. Областной начальникъ согласился и спросилъ Гликерію: „гдѣ же твоя лампада, которою начнешь возженіе жертвъ?“

„Здѣсь, на челѣ моемъ“, отвѣтила Гликерія. Съ этими словами она сняла съ своей головы покрывало и на челѣ своемъ показала изображеніе креста Христова. „Вотъ свѣтоносная лампада!“ воскликнула она; затѣмъ устремила очи свои къ небу и сказала: „Боже всесильный, Іисусе Христе! молю Тебя, сокруши этого идола (Юпитера) и разсыпь эти жертвы“. На молитву св. дѣвы отвѣчалъ страшный громъ, разрушившій Юпитеровъ истуканъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, при видѣ этого явленія; но этотъ ужасъ скоро уступилъ мѣсто неистовой ярости правителя и черни. Со всѣхъ сторонъ градомъ посыпались камни на Гликерію. Незримая сила Божія дивно охраняла ее, такъ что ни одинъ камень не коснулся ея. Язычники сочли Гликерію за волшебницу; Савинъ раздѣлялъ суевѣріе черни и велѣлъ Гликерію заключить въ темницу. На другой день безпокойный Савинъ потребовалъ Гликерію на судъ и послѣ напрасныхъ увѣщаній и угрозъ приступилъ къ истязаніямъ. По его приказанію Гликерію повѣсили за волосы на деревѣ и желѣзными ногтями строгали обнаженное ея тѣло. Му-

ченіе ужасное и безчеловѣчное! Истерзано все тѣло, обнажились кости, падали кровавые куски отъ тѣла мученицы; но духъ ея не упадалъ и возносился къ небу. Необыкновенное терпѣніе мученицы усиливало въ мучителѣ ярость и жестокость. Онъ приказалъ сокрушить лице Гликеріи. Адское приказаніе исполняется: лице святой терпитъ ужаснѣйшіе удары, но ни одного вздоха, ни одного вопля не вырывается изъ ея устъ. Побѣжденный мужествомъ Гликеріи, мучитель оставляетъ судилище и приказываетъ морить мученицу голодомъ и жаждою въ темницѣ. Чтобы никто не могъ подать св. узницѣ пищи или питія, темничныя двери были запечатаны печатію правителя. Лишенная пищи человѣческой, узница удостоилась пищи ангельской: ангелы приносили ей пищу въ темницу и укрѣпляли ее обѣщаніемъ небесныхъ благъ. Чрезъ нѣсколько дней мучитель идетъ къ темницѣ и, видя печать неповрежденною, думаетъ, что Гликерія умерла отъ голода; но, къ великому удивленію своему, находитъ ее въ темницѣ свободною отъ узъ и предъ нею чистый хлѣбъ. Приписывая все это волшебству, мучитель изыскиваетъ средства скорѣе погубить мнимую волшебницу. Отправляясь по своимъ дѣламъ въ городъ Ираклію (или Гераклію), онъ повелѣваетъ вести ее за собою. Въ Иракліи мучитель приказалъ бросить Гликерію въ разженную печь. Нимало не смутилась мученица при такомъ извѣстіи; она вѣровала, что Тотъ, Кто спасъ трехъ отроковъ въ пещи вавилонской; не оставитъ ее безъ Своей помощи въ пещи ираклійской, и ея вѣра оправдалась чудомъ. Съ молитвою на устахъ и въ сердцѣ Гликерія вошла въ пламя, и небесная роса тотчасъ погасила силу огня. Мученица такимъ образомъ осталась невредимою. Не вразумился и этимъ

поразительнымъ чудомъ мучитель. Онъ приказываетъ содрать кожу съ главы мученицы. Ужасное тиранство! Только безчеловѣчіе дикаря, а не римлянина, гордящагося своимъ просвѣщеніемъ, могло измыслить и исполнить такое звѣрство! Но и это дикое и безчеловѣчное истязаніе нисколько не ослабило въ невѣстѣ Христовой пламенной любви къ ея небесному Жениху—Христу, Который обнаженную главу ея уже покрывалъ съ неба блистательнѣйшимъ вѣнцемъ. Бѣсился мучитель, не зная, какъ бы поскорѣе погубить мученицу. Истощившись въ средствахъ погубить ее, онъ опять приказываетъ бросить ее въ темницу. „Нося язвы Господа на тѣлѣ своемъ", мученица Христова дивно исцѣляется отъ всѣхъ ранъ ангеломъ, явившимся ей въ темницѣ, и дѣлается по прежнему здоровою и прекрасною. Темничный стражъ, Лаодикій, поражается этимъ чудомъ и принимаетъ вѣру во Христа Желая быть соучастникомъ въ страданіяхъ Гликеріи, онъ возлагаетъ на себя ея оковы и въ такомъ видѣ идетъ съ нею къ Савину. Мучитель въ изумленіи спрашиваетъ стража: „къ чему онъ надѣлъ на себя оковы?" Стражъ смѣло отвѣчаетъ: „это значитъ, что я вѣрую въ Бога Гликеріи, исцѣлившаго ее, и желаю быть участникомъ въ ея смерти". И Лаодикію тотчасъ отсѣчена была глава, а св. мученица брошена была на съѣденіе звѣрямъ; но звѣри кротко ласкались къ ней. Наконецъ св. Гликерія, возблагодаривъ Бога за всѣ милости и чудеса, сама просила Его принять ее въ Свои небесныя обители. Тогда съ неба послышался голосъ: „услышана молитва твоя; пріиди ко Мнѣ съ миромъ". Львица коснулась зубами ея тѣла безъ угрызенія, и ангелъ смерти разрѣшилъ душу страдалицы отъ тѣла. Епископъ Дометій похоронилъ св. мощи му-

ченицы Гликеріи въ г. Иракліи. Св. мученица скончалась около 177 года.

Отъ гробницы св. Гликеріи истекало муро, чему очевидцемъ былъ императоръ Маврикій (582—602). При немъ было еще слѣдующее чудо: епископъ ираклійскій, желая замѣнить мѣдный сосудъ, въ который истекало св. муро, серебрянымъ, купилъ послѣдній въ Константинополѣ. Но когда онъ былъ поставленъ при гробѣ святой, муро остановилось. Послѣ усиленныхъ молитвъ и замѣны новаго сосуда старымъ, муро опять потекло. Оказалось, что серебряный сосудъ прежде принадлежалъ волшебнику Павлину и употреблялся на дѣла нечестія. Объ этомъ пишетъ современникъ Ѳеофилактъ Симокаттъ (около 629 г.) въ исторіи Маврикія. Объ истеченіи мура отъ св. мощей Гликеріи свидѣтельствуетъ также историкъ Никифоръ въ кн. 18, гл. 28 и 32 (Четьи—Менеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія Т. 2. Зам. стр. 134).

Преп. Павсикакій, еп. синадскій, родомъ изъ Апамеи, безмездный врачъ и инокъ, за благочестіе и святость жизни поставленъ былъ во епископа Киріакомъ, патріархомъ константинопольскимъ; еще при жизни онъ прославился даромъ чудотвореній, между прочимъ исцѣлилъ отъ болѣзни императора Маврикія. Преп. скончался въ 606 г. (Прологъ).

Св. Георгій исповѣдникъ жилъ въ Константинополѣ, въ царствованіе Ѳеофила (829—842). За почитаніе свв. иконъ былъ лишенъ имѣнія, потерпѣлъ поруганіе и раны и съ женою своею, Ириною, и дѣтьми былъ сосланъ въ заточеніе, въ которомъ и скончался (Прологъ).

СВ. МУЧ. АЛЕКСАНДРА РИМСКАГО.

Св. Александръ служилъ въ римскомъ войскѣ подъ начальствомъ нѣкоего трибуна Тиверіана, и былъ крѣпокъ

тѣломъ, высокъ ростомъ и прекрасенъ лицемъ. Ему было 17 лѣтъ, когда императоръ Максиміанъ (284—305), по случаю обновленія языческаго храма, устроилъ народное торжество. Въ назначенный день всѣ жители Рима спѣшили на праздникъ. Но юный Александръ, будучи христіаниномъ, отказался участвовать въ празднествѣ язычниковъ и остался дома. Тиверіанъ донесъ объ немъ царю, какъ о ослушникѣ царскаго повелѣнія и хулителѣ языческихъ боговъ. По приказанію императора, Александра въ оковахъ представили къ нему. Грозно посмотрѣлъ на него императоръ и сурово спросилъ его: „почему ты не хочешь поклоняться богамъ?“—„Потому, отвѣчалъ ему дерзновенно Александръ, что я кланяюсь только истинному Богу, Его единородному Сыну, Іисусу Христу, и Св. Духу; другимъ же богамъ кланяться не буду, хотя бы за это и пришлось мнѣ потерпѣть мученія“. Красота, молодость, открытое мужество и неустрашимость Александра возбудили сочувствіе къ нему даже въ сердцѣ жестокаго гонителя. Максиміанъ хотѣлъ привлечь его на свою сторону лестнымъ обѣщаніемъ почетнаго мѣста при своемъ дворѣ, и въ отвѣтъ услышалъ отъ Александра обличеніе въ ложномъ служеніи идоламъ. Минутное сочувствіе къ Александру смѣнилось въ сердцѣ язычника сильнымъ гнѣвомъ къ нему. Императоръ предалъ его на мученіе Тиверіану, который долженъ былъ по царскому приказанію идти во Ѳракію и на пути мучить и убивать всѣхъ христіанъ. Скованный Александръ пошелъ за Тиверіаномъ. Весь путь до Византіи былъ путемъ постоянныхъ страданій и жестокихъ мученій для исповѣдника Христова: его строгали желѣзными когтями, опаляли огнемъ, били палками, обливали кипящимъ масломъ. Но помощь Всевышняго не оставляла Александра: онъ пере-

носилъ всѣ мученія съ непоколебимымъ мужествомъ и твердымъ упованіемъ на Бога. На пути были даже видимые знаки благоволенія Божія къ нему: въ одномъ мѣстѣ по молитвѣ святаго страдальца изъ подъ дуба истекла вода и утолила жажду его и его спутниковъ. Наконецъ въ Дризипарѣ, во Ѳракіи, св. Александръ успокоился отъ своего мученическаго странствованія: здѣсь онъ былъ усѣченъ мечемъ. Тѣло св. мученика сначала было брошено въ воду, но потомъ чудесно извлечено оттуда и благоговѣйно погребено его родною матерью. На гробѣ св. муч. Александра многіе получили исцѣленіе.

Были чудеса и послѣ смерти св. муч. Александра. Ѳеофилактъ Симокаттъ (въ началѣ 7-го вѣка) въ исторіи императора Маврикія повѣствуетъ, что каганъ аварскій, разрушившій церковь святаго въ Анхіалѣ (во Ѳракіи), былъ прогнанъ изъ Дризипары видѣніемъ многочисленнаго войска, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Когда же это предостереженіе не вразумило кагана, и онъ, спустя нѣкоторое время, овладѣвъ городомъ, ограбилъ гробницу мученика и нарушилъ покой его св. мощей, то былъ наказанъ губительною язвою, которая уничтожила его воиновъ (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія, Т. 2. Зам. стр. 135).

Священномуч. Александръ, еп. тиверіадскій, усѣченъ мечемъ при Максиміанѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія Т. 2, стр. 125).

ПР. ЕВѲИМІЯ НОВАГО.

Преп. Евѳимій былъ родомъ изъ Грузіи, изъ области Тао. Онъ былъ еще младенцемъ, когда отецъ его, знатный и богатый князь, по имени Іоаннъ, принявши пострижепіе, удалился изъ Грузіи въ Константинополь.

Евѳимій же остался на родинѣ съ своимъ дѣдомъ, подъ руководствомъ котораго и воспитывался въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Но дѣдъ скучалъ о своемъ сынѣ Іоаннѣ и желалъ съ нимъ видѣться. И вотъ старецъ, взявъ съ собою Евѳимія, отправился въ Константинополь и тамъ со слезами упрашивалъ сына возвратиться домой. Сынъ не согласился на просьбу отца; онъ даже и Евѳимія не хотѣлъ отпустить отъ себя. Какъ ни упрашивалъ, какъ ни уговаривалъ старецъ сына возвратиться въ Грузію, сынъ оставался непреклоннымъ. „Если не пойдешь въ отечество самъ, то отпусти со мною Евѳимія", умолялъ старецъ; но и въ этомъ получилъ рѣшительный отказъ. Горько было старцу возвращаться въ отечество одному! Слухъ объ этомъ семейномъ несогласіи дошелъ до императора Никифора Фоки (963—969). Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ троихъ и рѣшилъ предоставить спорное дѣло суду Божію. „Къ кому отрокъ пойдетъ, сказалъ царь, пусть при томъ и будетъ". Евѳимій не зналъ своего отца, потому что отецъ оставилъ его въ Грузіи младенцемъ. Нужно было ожидать, что отрокъ бросится въ объятія своего дѣда; но, къ удивленію всѣхъ, когда Евѳимію предоставили свободу, онъ бросился къ отцу. Іоаннъ принялъ сына, какъ даръ Божій, и немедленно посвятилъ его на служеніе Богу,—облекъ въ иноческія одежды и жилъ съ нимъ нѣсколько времени въ одномъ изъ константинопольскихъ монастырей. Жизнь юнаго инока подъ непосредственнымъ руководствомъ отца была истинно-подвижническая. Она была предметомъ удивленія всей братіи обители и вызывала славу по окресностямъ. Тяготясь ею, Евѳимій удалился вмѣстѣ съ своимъ отцемъ на Аѳонскую гору и поселился въ лаврѣ преп. Аѳанасія, который принялъ ихъ съ любовію. По прошествіи нѣ-

котораго времени, Аѳанасій, видя высокую жизнь Евѳимія, сталъ убѣждать его къ принятію священства. Евѳимій по глубокому смиренію долго отказывался отъ этого предложенія; наконецъ, какъ истинный послушникъ, уступилъ настояніямъ Аѳанасія и принялъ рукоположеніе. Въ высокомъ санѣ священства пр. Евѳимій возвысился болѣе прежняго тайными подвигами, прилагая воздержаніе къ воздержанію и добродѣтель къ добродѣтели Кромѣ иноческихъ подвиговъ у преподобнаго были труды и занятія другаго рода; такъ, онъ перевелъ на грузинскій языкъ нѣкоторыя книги св. писанія, нѣсколько отеческихъ твореній и житій святыхъ, написалъ много нравоучительныхъ посланій, полныхъ высокой мудрости, возобновилъ на Аѳонѣ многіе храмы, устроилъ больницы, и такимъ образомъ возвеличилъ св. гору съ ея пустынями и придалъ имъ еще большую красоту. По смерти пр. Аѳанасія, пр. Евѳимій, уступая просьбѣ братіи, принялъ на себя управленіе лаврою, а впослѣдствіи и вся св. гора избрала его своимъ правителемъ. Недолго впрочемъ преподобный оставался въ этомъ званіи. Изъ любви къ уединенной жизни онъ удалился въ пустыню, избравши для лавры вмѣсто себя игуменомъ родственника своего Георгія. Богъ только зналъ и видѣлъ тайные пустынные подвиги Евѳимія. Какъ они были высоки и благоугодны Богу, можно видѣть изъ тѣхъ дивныхъ дѣлъ, которыми ознаменовалъ свою жизнь Евѳимій. Вотъ нѣкоторыя изъ дивныхъ дѣлъ преподобнаго: Однажды Евѳимій прибылъ въ Солунь, гдѣ ласково былъ принятъ тамошнимъ епископомъ, человѣкомъ строгой и благочестивой жизни. Епископъ этотъ былъ знакомъ съ однимъ изъ солунскихъ евреевъ, котораго онъ постоянно убѣждалъ къ принятію христіанской вѣры, но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Случи-

лось, что, въ бытность преподобнаго у епископа, къ святителю пришелъ и упомянутый еврей. По просьбѣ епископа, Евѳимій вступилъ въ споръ съ евреемъ и, исполненный благодати и силы Св. Духа, такъ мудро и основательно началъ защищать истины христіанской вѣры и опровергать мудрованія евреевъ, что израильтянинъ со стыдомъ долженъ былъ умолкнуть. Но молчаніе было минутное: когда уста еврея сомкнулись, сердце его закипѣло гнѣвомъ на Евѳимія. Отъ избытка чувства злобы и сознанія невозможности защитить свою вѣру, сынъ израиля дерзнулъ произнести хулу на Господа Іисуса. Ревнуя о славѣ Божіей, св. Евѳимій строго посмотрѣлъ на своего дерзскаго собесѣдника и сказалъ ему: „за то, что ты смѣлъ произнесть хулу на Творца и Владыку всѣхъ, Господа Іисуса, да умолкнутъ уста твои, баззаконный!“ Еврей онѣмѣлъ и безъ чувствъ упалъ на землю. Чудо это поразило ужасомъ всѣхъ, бывшихъ тутъ, какъ евреевъ, такъ и христіанъ. Припавши къ ногамъ преподобнаго, тѣ и другіе умоляли его сжалиться надъ несчастнымъ евреемъ и исцѣлить его. Сколько ревностный о славѣ Божіей, столько же сострадательный къ несчастнымъ, преподобный исполнилъ просьбу, — исцѣлилъ еврея, сотворивъ надъ нимъ знаменіе животворящаго креста. Тогда еврей открыто исповѣдалъ вѣру во Христа и крестился со всѣмъ своимъ домомъ; съ нимъ крестились также и прочіе евреи, бывшіе свидѣтелями этого чуда. — Однажды на св. горѣ сдѣлалась засуха. Отшельники обратились съ просьбою къ преподобному, чтобы онъ помолился о дождѣ. Евѳимій удалился въ церковь прор. Иліи, находящуюся близъ Иверской обители, тамъ принесъ безкровную жертву и со слезами обратился ко всемилостивому Богу, чтобы Онъ низвелъ съ небесъ обиль-

ную росу на св. гору. Молитва преподобнаго была услышана: тотчасъ же полился сильный дождь, напоившій изсохшую землю. Всѣ отцы прославили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. — У иноковъ св. горы издавна и донынѣ соблюдается обычай на праздникъ Преображенія Господня входить на самую вершину Аѳона для служенія всенощнаго бдѣнія и литургіи. Однажды, по просьбѣ братіи, преподобный приступилъ къ совершенію здѣсь литургіи. И вотъ, при возглашеніи имъ словъ: „Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще", и при отвѣтномъ на это пѣніи братіи: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ", — внезапно облисталъ всѣхъ чрезвычайный свѣтъ, гора потряслась въ самомъ основаніи. Пораженные этимъ дивнымъ явленіемъ, всѣ иноки пали на землю, кромѣ преподобнаго, который стоялъ неподвижно, окруженный дивнымъ свѣтомъ. Это чудо еще болѣе прославило Евѳимія.

Слухъ о святой его жизни распространился повсюду и дошелъ до греческаго императора Василія 2-го (порфиророднаго, 975—1025). Въ то время умеръ архіепископъ Кипрскій. Императоръ послалъ къ Евѳимію собственноручное письмо, убѣдительно прося его принять пастырскій жезлъ правленія кипрскою церковію. Св. Евѳимій, по своему глубокому смиренію, считалъ себя недостойнымъ принятія такого высокаго сана, а потому рѣшительно отказался отъ предложенія императора.

Но гдѣ слава, тамъ и зависть; гдѣ высокіе подвиги, тамъ и козни. Одинъ лаврскій инокъ позавидовалъ славѣ преподобнаго и, по бѣсовскому внушенію, рѣшился убить его; съ этою цѣлію, скрывъ подъ одеждою ножъ, взошелъ на башню, гдѣ находилась келлія преподобнаго. Но Богъ не попустилъ Своему праведнику погибнуть отъ

руки злоумышленника. Послушникъ преподобнаго, увидѣвъ у злодѣя ножъ, поспѣшилъ запереть снаружи келлію, и такимъ образомъ не позволилъ ему войти къ преподобному. Неудача взбѣсила несчастнаго: съ досады онъ поразилъ ножемъ ученика преподобнаго; потомъ, не помня себя, съ крикомъ и воплемъ ударился бѣжать и на пути поразилъ другаго, встрѣтившагося ему, ученика; но вслѣдъ за тѣмъ и самъ постигнутъ былъ праведнымъ судомъ Божіимъ: упавши на землю, преступникъ тутъ же испустилъ духъ. Узнавъ о всемъ случившемся, преподобный поспѣшилъ къ раненымъ ученикамъ своимъ и облекъ ихъ въ великую схиму; послѣ чего они вскорѣ отошли ко Господу.

Но злоба діавола не ограничилась этимъ,—явился другой врагъ преподобнаго въ лицѣ одного садовника, который также хотѣлъ убить преподобнаго. Пришедши къ Евѳимію, садовникъ ударилъ его ножемъ, но хранимый Богомъ, Евѳимій не потерпѣлъ никакого вреда; рука же убійцы вдругъ одеревенѣла и изсохла. Пораженный этимъ чудомъ, садовникъ искренно исповѣдалъ предъ Евѳиміемъ свой грѣхъ и слезно умолялъ его простить грѣхъ и исцѣлить изсохшую руку. Незлобивый старецъ простилъ его и молитвою исцѣлилъ руку.

Наступило время блаженной кончины пр. Евѳимія. На св. горѣ проявились нѣкотораго рода нестроенія и нужды. По просьбѣ свв. отцовъ, Евѳимій отправился въ Константинополь ходатайствовать предъ императоромъ (Константиномъ 8-мъ порфиророднымъ) о помощи и пособіи св. горѣ. Проѣзжая одною константинопольскою улицею на мулѣ, преподобный увидѣлъ близъ дороги нищаго, который просилъ милостыни. Сострадательный Евѳимій, не трогаясь съ мула, хотѣлъ-было подать про-

сителю монету, но животное, испугавшись движеній нищаго, понеслось вдоль улицы. Преподобный, не могши сдержать его, былъ сброшенъ на землю и разбился до смерти. Едва живаго отнесли его въ домъ, гдѣ чрезъ нѣсколько дней онъ и умеръ (13 мая 1028 г.). Такъ судилъ Господь преподобному окончить свою подвижническую жизнь; а въ проявленіе святости и дерзновенія его предъ Своимъ лицемъ тотчасъ прославилъ его: отъ св. мощей преподобнаго потекло много исцѣленій и чудесъ. Мощи св. Евѳимія были перенесены на св. гору и положены въ обители св. Іоанна Предтечи (Аѳон. Пат. ч. 1, стр. 103 - 111. Полное жизнеописан. свв. грузинск. ц. М. Сабинина. Ч. 2, стр. 127 — 160. С. Петерб. 1872 г.).

ПР. ІОАННА ИВЕРЯНИНА.

Пр. Іоаннъ, отецъ св. Евѳимія, былъ первымъ совѣтникомъ грузинскаго царя. Желая благоугодить Богу и спасти свою душу, Іоаннъ оставилъ царскій дворъ и свой домъ и сталъ посѣщать разные монастыри Иверіи; въ одномъ изъ нихъ принялъ иноческій образъ. Много полезнаго для души видѣлъ и слышалъ въ этихъ обителяхъ Іоаннъ; однако не остался совсѣмъ въ своемъ отечествѣ. Слава великихъ подвижниковъ Греціи повлекла его сначала въ Константинополь, а потомъ на Аѳонскую гору, гдѣ въ то время особенно сіялъ добродѣтелями пр. Аѳанасій, основатель аѳонской лавры. Іоаннъ взялъ съ собою на Аѳонъ и своего сына Евѳимія. Оба они радушно были приняты Аѳанасіемъ, Іоаннъ сдѣлался искреннимъ его другомъ и послушникомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда число братіи лавры значительно умножилось,

Іоаннъ пожелалъ найти особенное мѣсто для своихъ подвиговъ. При покровительствѣ благодарнаго къ грузинамъ греческаго императорскаго дома, при помощи грузинскаго полководца Торникія и другихъ богатыхъ соотечественниковъ, онъ создалъ на сѣверовосточномъ склонѣ св. горы, на мѣстѣ запустѣвшей греческой Климентовой обители, знаменитую Иверскую лавру, которая доселѣ считается одною изъ первыхъ аѳонскихъ обителей. Не смотря на то, что грузины создали свою особую лавру, между ними и лаврою Аѳанасія была тѣсная духовная связь. Преп. Аѳанасій въ своемъ завѣщаніи (завѣщ. преп. Аѳанасія въ замѣткахъ поклонника св. горы, стр. 175 и дал.) не находитъ словъ къ восхваленію Іоанна Ивера и назначаетъ блюстителемъ (епитропомъ) своей лавры сего преподобнаго. Въ завѣщаніи Аѳанасій между прочимъ говоритъ: „Оставляю послѣ себя блюстителемъ лавры Іоанна, который много лѣтъ трудился, служа мнѣ со всякимъ снисхожденіемъ и смиреніемъ. Хочу, чтобы по кончинѣ моей онъ, какъ человѣкъ духовный и по-истинѣ благоразумный, чрезвычайную любовь и вѣру имѣющій ко мнѣ недостойному и ко всему братству, здѣсь же на горѣ обитающій, съ нами проведшій дни своей жизни и состарѣвшійся, пришелъ въ лавру и, если возможно, окончательно водворился между братіями съ тѣмъ, чтобы внушать имъ и напоминать о повиновеніи игумену. Если же это не возможно, то желательно было бы, чтобы почаще посѣщалъ мою братію. При кончинѣ же своей Іоаннъ пусть оставитъ вмѣсто себя блюстителемъ Евѳимія, моего сына по духу, а его—по плоти и по духу". И братству своему преп. Аѳанасій пишетъ: „Къ лаврѣ Іоанна грузинца и къ его братіямъ заповѣдую имѣть тоже самое расположеніе и туже самую любовь духовную, какія, ви-

дите, имѣю и храню я, смиренный и грѣшный, и какія и вамъ внушалъ часто и въ общихъ наставленіяхъ и каждому порознь". Но преп. Аѳанасій пережилъ своего друга Іоанна. Первый скончался въ 1000 г., а послѣдній 998 (Аѳон. Пат. Ч. 1, стр. 101—102. Иверская св. и чудотв. ик. Богоматери на Аѳонѣ. А. Сергія. 1879 г. стр. 4—7. Полн. жизнеопис. свв. грузин. церкви М. Сабинина. Ч. 2, стр. 127—160).

ПР. ГЕОРГІЯ, СРОДНИКА ІОАННА ИВЕРЯНИНА.

Пр. Георгій, племянникъ Іоанна и двоюродный братъ Евѳимія, родился въ 1014 году, въ области Тріалетской (въ Грузіи), отъ благочестивыхъ родителей Іакова и Маріи. Отецъ Георгія былъ однимъ изъ приближенныхъ вельможъ и любимцевъ иверскаго и абхазскаго царя Георгія 1-го. Вступивъ въ супружество, Іаковъ оставилъ службу при дворѣ и поселился въ домѣ родителей своей жены, въ сельскомъ мирномъ убѣжищѣ. У него было три сына и три дочери. Первородную дочь, Ѳеклу, по обѣту посвятилъ онъ Богу, постригши ее въ дѣвической Самцхетской обители; послѣ дочери родился сынъ, котораго родители назвали Іоанномъ и, удержавъ его при себѣ, дали обѣтъ, если родится у нихъ второй сынъ, посвятить его Богу.

Однажды ночью Маріи явился свѣтлый мужъ и сказалъ: „ты родишь сына агнца, избраннаго Богомъ, посвяти его, Кому обѣщала, и дай ему имя Георгій". Проснувшись, Марія со страхомъ и радостію разсказала видѣнный ею сонъ своему мужу, Іакову. Оба со слезами возблагодарили Бога и ждали исполненія предсказанія. Младенецъ, къ великой радости родителей, дѣйствительно

родился и во св. крещеніи, согласно предсказанію, нареченъ Георгіемъ, что значитъ: воздѣлыватель земли. И воистину воздѣлалъ этотъ священный мужъ св. иверскую церковь и утучнилъ ее своимъ ученіемъ, подвигами и писаніями. Отрокъ возрасталъ какъ тѣломъ такъ и духомъ, направляемый Св. Духомъ, и съ малолѣтства исполненъ былъ уже страха и любви Божіей. Когда Георгію исполнилось семь лѣтъ, родители отправили отрока въ монастырь къ его сестрѣ Ѳеклѣ, гдѣ онъ могъ бы изучить свящ. писаніе и церковное богослуженіе гораздо лучше, чѣмъ въ своемъ домѣ. Въ монастырѣ отрокъ пробылъ три года и всѣхъ удивлялъ своимъ разумомъ.

У отца Георгія было два старшихъ брата, жившихъ въ обители Богоматери Хахульской (на берегахъ рѣки Куры). Они взяли племянника Георгія въ свою обитель и поручили его благочестивому и просвѣщенному старцу Иларіону. Подъ руководствомъ сего старца Георгій такъ усовершенствовался въ благочестіи и познаніи божественныхъ книгъ, что былъ предметомъ удивленія братіи. Старецъ-наставникъ облекъ своего юнаго ученика въ иноческій образъ.

Размышляя часто о жизни и чудесахъ Господа Іисуса, Георгій пожелалъ поклониться свв. мѣстамъ, освященнымъ стопами Богочеловѣка. Но какъ исполнить это желаніе? Путь предстоялъ не близкій и нелегкій. Къ тому же и старцы обители могутъ воспротивиться сему желанію. И вотъ Георгій тайно оставляетъ Хахульскую обитель и съ надеждою на помощь Божію поспѣшно устремляется въ Палестину. На пути онъ посѣщаетъ многія обители, разсѣянныя въ Ливанскихъ горахъ, прося молитвъ и благословенія у великихъ подвижниковъ. Поклонившись свв. мѣстамъ Палестины, юный инокъ думалъ

возвратиться въ свою обитель; но Богъ судилъ иначе. На возвратномъ пути Георгій посѣтилъ Романову пустынь (на сѣверѣ Палестины), гдѣ подвизался современный ему старецъ Георгій, родомъ изъ Грузіи. Старецъ убѣдилъ инока отправиться на Аѳонскую гору и тамъ продолжить трудъ св. Евѳимія—переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на грузинскій языкъ. Достигнувъ Аѳона, Георгій не засталъ въ живыхъ своего двоюроднаго брата Евѳимія и могъ только поклониться его гробницѣ. Пришлецъ пожелалъ поселиться въ Иверской обители. Братія радушно приняли его и отвели ему келлію для жительства. Первые годы въ обители преподобный провелъ только въ иноческихъ подвигахъ, а потомъ къ нимъ присоединилъ другіе труды: онъ занялся переводомъ на грузинскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ; такъ онъ перевелъ *синаксарій*, какъ необходимое украшеніе церкви по истолкованію ея празднествъ (Евѳиміемъ Синаксарій былъ переведенъ въ сокращеніи), затѣмъ перевелъ полное евангеліе, пророчества, читаемыя въ годичные праздники, большой требникъ и другія богослужебныя книги. Труды эти пріобрѣли переводчику славу и уваженіе отъ всей братіи *). Увидѣвъ, какой чудный

*) Эти труды блаженнаго Георгія весьма драгоцѣнны для грузинской церкви. Церковныя книги при первоначальномъ введеніи христіанства въ Грузіи читаемы были на греческомъ языкѣ; нѣкоторыя изъ нихъ потомъ переведены были на грузинскій языкъ греками и читались въ грузинскихъ школахъ, гдѣ приготовлялись проповѣдники православія. Но въ эти послѣднія книги по причинѣ невѣжества или невнимательности переписчиковъ, а можетъ быть и умышленно (въ Грузіи жили армяне—монофизиты, которые переписывали для грузинъ книги, при чемъ могли внести въ нихъ свои заблужденія), вкрались грубыя ошибки, искажавшія подлинный смыслъ. Блаженный Георгій

свѣтильникъ возжегся на св. горѣ, иверскіе иноки общимъ согласіемъ возвели его на степень настоятеля Иверской обители. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ настоятельства Георгія было сооруженіе въ Иверской обители соборнаго храма въ честь Успенія Пресв. Богородицы (донынѣ существующій). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись на мѣдномъ кругѣ, лежащемъ на полу, въ срединѣ собора, гдѣ святый пишетъ такъ: „Я утвердилъ столпы эти и въ вѣкъ не подвигнутся. Георгій, монахъ, иверъ и ктиторъ". Окончивъ строеніе собора, блаженный соорудилъ въ соборѣ драгоцѣнную раку преп. Евѳимію и съ великою честію перенесъ сюда св. мощи его; сюда же перенесъ мощи и родителя Евѳимія, Іоанна. Затѣмъ преп. Георгій озаботился благоукрашеніемъ и благоустройствомъ обители. Онъ благолѣпно покрылъ соборный храмъ и соорудилъ надъ нимъ куполъ въ томъ видѣ, въ какомъ красуется онъ донынѣ. Заботами настоятеля расширились монастырскія владѣнія, особенно же обильныя пастбища для большихъ стадъ. По особенному благоволенію греческаго императорскаго дома къ Иверской обители и къ настоятелю ея, Георгію, отъ императорскаго двора посылались время отъ времени щедрыя пособія на обитель, такъ что она во время настоятельства Георгія не имѣла никакихъ нуждъ.

Дѣятельностію своею и ревностію на пользу церкви блаженный сталъ извѣстенъ всѣмъ въ Грузіи, Греціи

переводилъ книги съ самаго вѣрнаго греческаго текста. Многія книги, оставленныя св. Евѳиміемъ недоконченными и переведенныя имъ довольно сокращенно, святый расширилъ и дополнилъ, свѣривъ ихъ напередъ съ лучшими греческими подлинниками. Трудами св. Георгія донынѣ пользуется грузинская церковь.

и Сиріи. Соотечественники Георгія,—грузины, упросили преподобнаго прислать имъ въ Иверію сдѣланный имъ переводъ книгъ и стали переписывать его для своихъ обителей и церквей. Чрезъ нѣкоторое время всѣ храмы и монастыри Грузіи украсились и обогатились трудами Георгія; каждая обитель и каждый храмъ старались и считали своею обязанностію переписать и имѣть у себя его книги, тогда какъ прежде въ нихъ чувствовалась во всѣй Грузіи самая крайняя нужда. Когда вѣсть о быстромъ распространеніи трудовъ Георгія въ Иверіи дошла до слуха благочестиваго грузинскаго царя Баграта, то онъ пожелалъ вызвать блаженнаго въ Грузію, чтобы лично видѣть красу и утвержденіе своей церкви и принять отъ него назиданіе и благословеніе. Царь отъ своего имени и отъ лица своей супруги и матери написалъ ему: „Святый отецъ! Наше царство пространно и обширно, оно занимаетъ довольно высокое мѣсто въ числѣ прочихъ государствъ и епископскихъ престоловъ; храмовъ и монастырей въ немъ много. Господь Богъ да умилитъ вашу святость прибыть къ намъ и благословить насъ, и просвѣтить наши души.... Не одними только книгами вашихъ трудовъ да будутъ украшены и просвѣщены наши храмы, хочемъ и сами просвѣтиться и вручить вашимъ святымъ рукамъ все наше семейство, да будетъ оно управляемо и наставляемо вашею святынею“. Получивши это письмо, блаженный смутился духомъ. Онъ всячески старался избѣгать человѣческой славы и житейскихъ заботъ, а теперь его какъ бы невольно втягивали въ нее; кромѣ того, блаженный боялся, чтобы на него не возложили епископскаго сана и тѣмъ не лишили его сладостнаго монашескаго уединенія. Поставленный царскимъ письмомъ въ затруднительное положеніе, преподобный скоро вышелъ

изъ него: былъ у преподобнаго обычай предъ началомъ какого-нибудь предпріятія бросать жребій. Для сего онъ бралъ два куска бумаги; на одномъ кускѣ писалъ, а другой оставлялъ неписаннымъ, и клалъ ихъ подъ престоломъ. Послѣ совершенія на томъ престолѣ литургіи вынималъ одинъ кусокъ бумаги и рѣшалъ по нему предпріятіе. По поводу царскаго приглашенія преподобный также бросилъ жребій, по жребію онъ долженъ былъ „идти". Заключивъ изъ этого, что на то есть воля Божія, преподобный отправился въ Грузію къ Баграту. Багратъ въ то время находился въ сѣверовосточныхъ областяхъ государства, т. е. въ Карталиніи. Узнавъ о прибытіи Георгія въ предѣлы Грузіи, царь выслалъ для почетной встрѣчи Георгія архіереевъ и своихъ сановниковъ съ просьбою привести его во дворецъ, въ г. Кутаисъ, а самъ встрѣтилъ его въ дверяхъ своей палаты. Съ духовною радостію и великимъ утѣшеніемъ принялъ царь благословеніе отъ святаго старца, ввелъ его за руку въ палату и, посадивъ рядомъ съ собою, отъ величайшей радости воскликнулъ: „Благословенъ Господь! нынѣ спасеніе всему моему царству, ибо я удостоился видѣть втораго Златоуста". Вмѣстѣ съ царемъ радовались всѣ богобоязливые и христолюбивые его вельможи и отъ радости говорили: „Благословенъ Господь, явившій намъ такого мужа для нашего спасенія". И радость эта была у нихъ непритворна и не похожа на ту радость, какая бываетъ у льстивыхъ и недостойныхъ вельможъ, окружающихъ царскихъ особъ и подхватывающихъ на лету каждое слово своего властителя, а при невзгодѣ готовыхъ разорвать его на куски, — радость вельможъ Баграта не похожа была на радость таковыхъ лицъ. Всѣ чувствовали и видѣли, что къ нимъ

прибылъ отецъ, учитель и свѣтило грузинской церкви и царства.

Царь съ своимъ семействомъ, католикосъ съ своимъ клиромъ и многіе знатные вельможи избрали Георгія своимъ духовникомъ. Для всѣхъ онъ былъ отцомъ и утѣшителемъ. Пользуясь значеніемъ при царскомъ дворѣ и уваженіемъ со стороны клира, преподобный обратилъ вниманіе царя и католикоса на нѣкоторыя неустройства въ духовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ Грузіи. Стараніемъ преподобнаго возстановлены: порядокъ въ церковномъ богослуженіи, церковныя правила касательно избранія достойныхъ лицъ на степень епископа, священника и діакона и многое другое. Не оставилъ Георгій безъ вниманія монаховъ, судей и народъ: соотвѣтственно нуждамъ каждаго званія училъ ихъ и наставлялъ, и своими усиліями поднялъ народное образованіе и нравственность довольно высоко; съ согласія царя и католикоса учреждалъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи училища для приготовленія достойныхъ пастырей и учителей отечественной церкви. Народъ съ перваго же раза хорошо понялъ благодѣтельность учрежденія; матери съ великою радостію сами приводили своихъ дѣтей и отдавали ихъ въ училища. Предметами изученія были: священное писаніе, церковное чтеніе и пѣніе и нѣкоторые другіе предметы. Избравъ для новооткрытыхъ школъ опытныхъ и благонадежныхъ учителей, преподобный самъ слѣдилъ за учебнымъ дѣломъ. Дѣти изъ всѣхъ сословій принимаемы были въ школы; поэтому духовное образованіе вносилось во всѣ слои общества, и этимъ болѣе, чѣмъ другимъ, блаженный способствовалъ просвѣщенію и украшенію Иверской страны.

Святый, много потрудившись для Грузіи, пожелалъ

окончить дни свои на св. горѣ Аѳонской. Помолившись Богу, онъ отправился къ царю объявить ему о своемъ намѣреніи оставить отечественную страну. Государь и вельможи проливали слезы отъ печали, умоляли святаго оставить свое намѣреніе; но ничто не могло удержать его отъ принятаго намѣренія. Напутствуемый молитвами и благожеланіями своихъ соотечественниковъ, блаженный сѣлъ на корабль и послѣ многотруднаго плаванія благополучно достигъ Константинополя. Здѣсь Господь и судилъ преподобному окончить дни свои (въ 1066 г.). Мощи преподобнаго перенесены были въ соборный храмъ Иверской аѳонской обители и положены были около мощей преп. Евѳимія (Аѳон. Пат. Ч. 1, стр. 113—139. Полное жизнеопис. свв. грузин. церкви М. Сабинина. Ч. 2, стр. 161—212).

О преподобномъ Гавріилѣ иверянинѣ см. подъ 12 ч. февраля, въ сказаніи объ Иверской иконѣ Богоматери.

Монахи иверяне подвизались на Аѳонѣ. За обличеніе царя Михаила (1261—1281), латинствовавшаго, и патріарха Векка вверженны были въ море (Аѳон. Пат. Ч. 1, стр. 342).

ПР. ДѢВИЦЫ ГЛИКЕРІИ.

Св. дѣва Гликерія была дочерью Пантелеймона, старосты Легощинской улицы въ Новгородѣ. Она скончалась въ 1522 году. Чрезъ 50 лѣтъ послѣ ея смерти, именно 14 іюня 1572 г., мощи святой, почивавшія около церкви свв. Флора и Лавра, были обрѣтены нетлѣнными и положены въ самомъ храмѣ архіепископомъ Леонидомъ съ соборомъ духовенства. Въ тотъ же день при гробѣ праведницы получилъ исцѣленіе четырехлѣтній

сынъ подъячаго Богдана Суворова. Праведная Гликерія изображена на старинномъ образѣ новгородскихъ чудотворцевъ, который нынѣ находится въ ризницѣ черниговской каѳедры (Русс. свв. Филарета, арх. Черн.).

14-е число.

Св. муч. Исидора. Св. муч. Максима. Пр. Серапіона синдонита. Св. блаженнаго Исидора твердислова, Христа ради юродиваго, ростовскаго чудотворца.

(Муч. Александра, Варвара и Акилуоа. Леонтія, патріарха іерусалимскаго. Муч. Марка. Муч. Іоанна болгарскаго. Теребинскія иконы Божіей Матери, Ярославскія печерскія иконы Богоматери).

СВ. МУЧ. ИСИДОРА.

Св. Исидоръ, родомъ изъ Александріи, отправлялъ воинскую службу на островѣ Хіосѣ въ званіи опціона (опціонъ—должность, соотвѣтствовавшая нашимъ унтеръ-офицерскимъ чинамъ). Въ царствованіе императора Декія (249—251) вышло повелѣніе, чтобы всѣ христіане поклонялись римскимъ богамъ; ослушникамъ угрожалось мученіями и смертію. Исидоръ былъ христіаниномъ. Воевода Нумерій, узнавъ объ этомъ, убѣждалъ его поклониться идоламъ; въ противномъ же случаѣ угрожалъ смертію. „Ты можешь убить мое тѣло, отвѣчалъ св. исповѣдникъ, надъ душею же моею не имѣешь власти. Мучь меня, какъ хочешь; у меня есть истинный Богъ, Который и

по моей смерти будетъ со мною". Разгнѣванный воевода приказалъ бить св. Исидора воловьими ремнями. Перенося удары, мученикъ громогласно исповѣдывалъ Христа. Исповѣднику отрѣзали языкъ, но, къ ужасу и удивленію мучителя, онъ продолжалъ славить Господа. Св. Исидоръ былъ обезглавленъ. Это было въ 251 году. Тѣло св. мученика было брошено безъ погребенія, но другъ его, Аммоній, бывшій христіаниномъ, тайно предалъ его погребенію (впослѣдствіи и самъ Аммоній вѣнчался мученическимъ вѣнцомъ въ Кизикѣ). Чрезъ нѣсколько дней одна благочестивая женщина изъ Ефеса, по имени Миропія (2 декабря), вырыла изъ земли тѣло мученика, помазала его ароматами, обвила плащаницею и положила въ честномъ мѣстѣ.

Въ житіи св. Маркіана, эконома константинопольской церкви (жилъ въ 5 вѣкѣ), написанномъ современникомъ Сергіемъ, говорится о перенесеніи части мощей св. Исидора въ Константинополь, въ храмъ св. Ирины, гдѣ были отъ нихъ многія чудеса. Мощи св. Исидора въ Хіосѣ видѣлъ русскій игуменъ Даніилъ въ началѣ 12 вѣка (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. 135—136).

Св. Максимъ былъ простой мірянинъ и занимался торговлею. Проповѣдію святаго многіе были обращены ко Христу. Однажды св. Максимъ увидѣлъ язычниковъ, приносящихъ въ жертву не только животныхъ, но и людей. Сердце святаго воспламенилось: онъ сталъ обличать ихъ въ нечестіи. Язычники схватили его и представили проконсулу Азіи, Оптиму, который, послѣ допросовъ и напрасныхъ убѣжденій принести жертву богамъ, осудилъ его на побіеніе камнями внѣ города. Это было во время Декіева гоненія, около 250 года (Прологъ).

ПР. СЕРАПІОНА СИНДОНИТА.

Св. старецъ Серапіонъ жилъ въ Египтѣ. Вся жизнь его была посвящена заботамъ о ближнихъ. Въ молодости Серапіонъ раздалъ все свое имущество бѣднымъ и, оставивъ при себѣ только одну льняную одежду (синдонъ, отсюда названіе синдонитъ) и евангеліе, поступилъ въ монахи. Но это не было началомъ тихой, безмятежной жизни преподобнаго. Съ евангеліемъ въ рукахъ переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, стараясь вездѣ помогать нуждающимся и направлять ближнихъ на путь спасенія словомъ Божіимъ. Св. Серапіонъ ночевалъ обыкновенно тамъ, гдѣ застигала его ночь, а утромъ шелъ далѣе. Много разъ находили преподобнаго сидящимъ на пути и горько плачущимъ. „О чемъ ты плачешь“, спрашивали его прохожіе.—„Господинъ мой поручилъ мнѣ свое богатство, отвѣчалъ преподобный, а я погубилъ его, и за это онъ хочетъ мучить меня“. Но слышавшіе не понимали, что это притча, и, бросая ему, кто хлѣба, кто овощей, говорили: „возьми это, а о богатствѣ не плачь: Господь можетъ послать тебѣ его“.—„Истинно, такъ“, отвѣчалъ преподобный. Увидя однажды въ Александріи дрожавшаго отъ холода нищаго, преподобный подумалъ: какой же я монахъ, когда имѣю одежду, а этотъ человѣкъ, мірянинъ, не имѣетъ ее, и отдалъ ему свою единственную одежду. Увидѣвъ затѣмъ бѣднаго, просящаго милостыни, и не имѣя денегъ, преподобный отдалъ ему свое евангеліе. Когда нищелюбца спросили: „гдѣ его евангеліе и одежда?“ онъ отвѣчалъ: „евангеліе мнѣ говорило: отдай имѣніе твое нищимъ, я и отдалъ его; а рубашку я отослалъ туда, гдѣ даютъ вмѣсто нея гораздо лучшую одежду“. Но главнѣйшій подвигъ любви къ ближнимъ Серапіонъ

видѣлъ въ обращеніи ихъ къ Богу. Для этого святаго дѣла онъ не щадилъ ничего: въ жертву ему онъ приносилъ даже свою свободу. Такъ, однажды онъ продалъ себя комедіанту-язычнику, и своею жизнію и увѣщаніями такъ подѣйствовалъ на него, что комедіантъ и все семейство обратились ко Христу и приняли св. крещеніе. Въ другой разъ преподобный узналъ, что одинъ добродѣтельный градоначальникъ держится манихейскаго лжеученія, и тоже захотѣлъ спасти его. Для сего св. Серапіонъ нанялся къ нему въ работники, и черезъ два года своею святою жизнію обратилъ его со всѣмъ семействомъ въ православіе. Преподобный скончался въ глубокой старости, въ египетской пустынѣ, въ началѣ 5 вѣка (Четьи-Минеи. Ист. монашества на востокѣ П. Казанскаго. Ч. 2. 147).

СВ. БЛАЖЕННАГО ИСИДОРА ТВЕРДИСЛОВА, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВАГО, РОСТОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Блаженный Исидоръ родился въ Германіи, какъ думаютъ, около Бранденбурга. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей-католиковъ и сначала воспитывался въ духѣ католичества. Потомъ, по глубокому убѣжденію, принялъ православную вѣру и, оставивъ домъ отца своего и богатство, взялъ на себя трудный подвигъ юродства. Съ посохомъ странника обошелъ онъ многіе города и страны, безропотно перенося повсюду оскорбленія, насмѣшки и побои, претерпѣвая холодъ и зной и изнуряя тѣло свое денными и ночными трудами. Днемъ онъ юродствовалъ, а ночью непрестанно молился Господу и со слезами говорилъ себѣ: „Исидоръ! многими скорбями должно тебѣ

войти въ царство небесное". Такъ переходя изъ города въ городъ, Исидоръ достигъ русскаго города Ростова, гдѣ и поселился навсегда. Здѣсь на топкомъ мѣстѣ блаженный поставилъ себѣ изъ хвороста хижину, которая не защищала его ни отъ холода, ни отъ зноя, и только прикрывала отъ людскихъ глазъ его молитвенные подвиги. Днемъ онъ ходилъ по городу, терпя озлобленіе, а ночью входилъ въ свою хижину и молился до утра. Только иногда днемъ онъ давалъ покой своему измученному тѣлу, и то не иначе, какъ на кучѣ навоза или на жесткой землѣ. Крѣпка была любовь блаженнаго къ Господу; и Господь прославилъ его за это Своею благодатію. Еще при жизни своей Исидоръ получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Вотъ нѣкоторыя изъ чудесныхъ дѣлъ его: Одни купцы плыли съ своимъ товаромъ по морю. Вдругъ сдѣлалась страшная буря, угрожавшая кораблекрушеніемъ. Чтобы умилостивить небо, купцы, подобно спутникамъ пророка Іоны, положили жребіемъ узнать, по чьимъ грѣхамъ угрожаетъ имъ опасность, и потомъ бросить виновника въ море. Жребій упалъ на одного купца изъ Ростова. На доскѣ спустили купца въ море; корабль тронулся. Помощи ростовскому купцу ждать было не откуда. Морскія волны уже были готовы поглотить несчастнаго, какъ является блаженный Исидоръ и переноситъ его на корабль. Спутники, увидѣвъ товарища на кораблѣ, поражены были страхомъ; незримый ими Исидоръ строго запретилъ спасенному говорить о немъ.— Другой разъ, у ростовскаго князя Владиміра Андреевича готовился для гостей богатый обѣдъ. Блаженный Исидоръ пришелъ во дворецъ и просилъ дворецкаго утолить его жажду и голодъ, но тотъ выгналъ Исидора съ бранью. Во время обѣда князь приказалъ подносить

питье гостямъ: къ общему изумленію и ужасу питья не оказалось въ сосудахъ. Въ это время является Исидоръ съ просфорою для бывшаго тутъ епископа, и вдругъ сосуды оказались съ виномъ, на вразумленіе жестокосердія.

Св. Исидоръ скончался 14 мая 1474 года. О смерти его узналъ одинъ городской житель такимъ образомъ: Проходя мимо хижины блаженнаго, онъ почувствовалъ особое благовоніе и, побуждаемый этимъ, посмотрѣлъ въ его жилище. Святый, перешедшій въ вѣчность, спокойно лежалъ со сложенными на груди руками. Когда почитатели блаженнаго узнали объ его кончинѣ, пришли и погребли его тѣло, а на мѣстѣ, гдѣ стояла его хижина, испросивъ благословеніе у епископа, построили послѣ церковь во имя Вознесенія Господня.

По блаженной кончинѣ св. Исидора, привели ко гробу его одного человѣка, который отъ пьянства лишился ума и пришелъ въ бѣшенство. Во время молебна несчастному возвратился разсудокъ. Священникъ хотѣлъ открыть св. тѣло Исидора, но за это былъ пораженъ болѣзнію, отъ которой исцѣлился послѣ при гробѣ блаженнаго. Мощи блаженнаго доселѣ покоятся подъ спудомъ. Надъ ними при царѣ Іоаннѣ, на мѣсто деревяннаго храма, построенъ былъ каменный. Современники звали Исидора *Твердисловомъ*, потому что слово его всегда сбывалось (Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета арх. черн. Жит. свв. Муравьева).

Мучч. Александръ, Варваръ и Аколуѳъ скончались отъ меча.—Св. Леонтій, патріархъ іерусалимскій, жилъ и подвизался въ 13 вѣкѣ (1223—1261).—Св. Маркъ критянинъ въ юности потурченъ и за исповѣданіе христіанской вѣры послѣ истязаній обезглавленъ турками въ Смирнѣ, въ 1643 г.—Іоаннъ болгарскій скончался въ мученіяхъ въ 1802 г. (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 126).

Теребинская икона Божіей Матери находится въ заштатной мужской Теребинской пустыни, тверской епархіи. На сей иконѣ Богоматерь изображена по поясъ, съ руками, поднятыми какъ бы отъ удивленія. Богомладенецъ съ распростертыми руками, стоящій на шарѣ, изображенъ въ ростъ (Сборн. изобр. ик. Пресв. Богор., стр. 21).

Ярославская-печерская икона Богоматери явилась въ 1823 году (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 126).

15-е число.

Пр. Пахомія великаго. Св. Ахиллія, еп. ларисійскаго. Пр. Исаіи, еп. ростовскаго. Пр. Евфросина, псковскаго чудотворца. Благовѣрнаго Димитрія царевича угличскаго и московскаго.

(Пр. Серапіона, ученика св. Евфросина псковскаго. Пр. Исаіи печерскаго).

ПР. ПАХОМІЯ ВЕЛИКАГО.

Преподобный Пахомій великій принадлежитъ къ числу древнихъ великихъ столповъ благочестія и славныхъ устроителей иноческаго житія. Какъ Антоній великій былъ основателемъ собственно отшельнической-иноческой жизни, такъ Пахомій великій былъ отцемъ иноческихъ общежитій, населившихъ берега Нила, въ Верхнемъ Египтѣ. Онъ родился въ концѣ 3 вѣка. въ египетской Ѳиваидѣ. отъ языческихъ родителей. Но благодать Божія съ дѣтства приготовляла Пахомія къ тому, чтобы

сдѣлать его жилищемъ Св. Духа, хотя ни онъ самъ, ни язычники-родители его пока не понимали чудесныхъ знаменій, бывшихъ съ нимъ. Такъ, пр. Пахомій, еще дитя, не могъ ѣсть того, что было приносимо въ жертву идоламъ: съ нимъ дѣлалась рвота. Однажды родители привели его въ идольскій храмъ. Бѣсъ, обитавшій въ идолѣ и дававшій отвѣты вопрошающимъ, въ присутствіи Пахомія сдѣлался безгласнымъ.

Пр. Пахомій обратился ко Христу еще въ молодыхъ лѣтахъ по слѣдующему замѣчательному случаю: Въ царствованіе Константина великаго (306—337), когда собирали войско противъ Максентія (въ 312 г.), Пахомій попалъ въ число новобранцевъ. Проходя многіе города въ нуждѣ и голодѣ, онъ былъ удивленъ, когда въ одномъ опваидскомъ городѣ, Оксиринхосѣ, жители оказали новобранцамъ необыкновенную любовь, снабдили ихъ пищею, питіемъ, одеждою и утѣшили ихъ печальныя сердца братскою бесѣдою. Пахомій спросилъ: „что за жители этого города?“ Ему отвѣчали, что это христіане, люди благочестивые, вѣрующіе во единаго Бога, Вседержителя и Творца міра, что они всегда добронравны, милостивы, гостепріимны, не мстительны даже ко врагамъ своимъ, всѣмъ служатъ безмездно, ожидая себѣ воздаянія отъ живущаго на небесахъ Бога. Пахомій былъ пораженъ такимъ поведеніемъ христіанъ. Отъ природы отзывчивый на все доброе, онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ присоединиться къ христіанскому обществу, если останется цѣлъ послѣ предстоящаго похода. Съ этого времени Пахомій старался вести самую чистую и добродѣтельную жизнь въ кругу своихъ товарищей - воиновъ. Такъ могущественна сила добраго примѣра! Пахомій не измѣнилъ данному обѣщанію. Тотчасъ же, по окончаніи войны, онъ обратился къ

одному христіанскому священнику, который научилъ его истинамъ христіанской вѣры и крестилъ. Пламенная любовь, пробудившаяся въ душѣ Пахомія къ новой вѣрѣ, къ Богу-Искупителю, повлекла его въ уединеніе, чтобы тамъ служить единому только Господу. Въ Өиваидской пустынѣ въ то время процвѣтали великіе подвижники благочестія; между ними славился подвигами отшельникъ Палемонъ, много лѣтъ подвизавшійся въ постѣ и молитвѣ. Къ нему пошелъ Пахомій и у двери его келліи молилъ, чтобы старецъ принялъ его къ себѣ въ сожителя. „Ты слишкомъ молодъ и не можешь жить со мною, сказалъ ему Палемонъ. Многіе, полные рѣшимости вести жизнь подвижническую, приходили ко мнѣ; но, изнуренные трудами, уходили назадъ. Я питаюсь только хлѣбомъ съ солью; масла и вина я не употребляю; большую часть ночи, а иногда и всю ночь, привыкъ я проводить въ молитвѣ и богомысліи“.—„Испытай меня, отвѣчалъ Пахомій, и тогда увидишь мое твердое намѣреніе. При помощи Божіей и при твоей молитвѣ надѣюсь все совершить“. Палемонъ принялъ Пахомія, и они вмѣстѣ начали подвизаться въ молитвѣ, псалмопѣніи и постѣ. Домашнимъ рукодѣльемъ ихъ было вязаніе власяницъ, и этими трудами они добывали себѣ пропитаніе. Когда отъ усталости и бдѣнія они начинали дремать, старецъ отправлялся съ своимъ ученикомъ на гору, и тамъ они переносили въ корзинахъ песокъ съ одного мѣста на другое, чтобы навыкнуть бодрствовать ночью, когда надобно молиться. Такъ учился Пахомій побѣждать сонъ! Юный подвижникъ съ полнымъ усердіемъ и охотою исполнялъ всѣ приказанія своего наставника; наставникъ утѣшался своимъ ученикомъ и благодарилъ за него Бога.

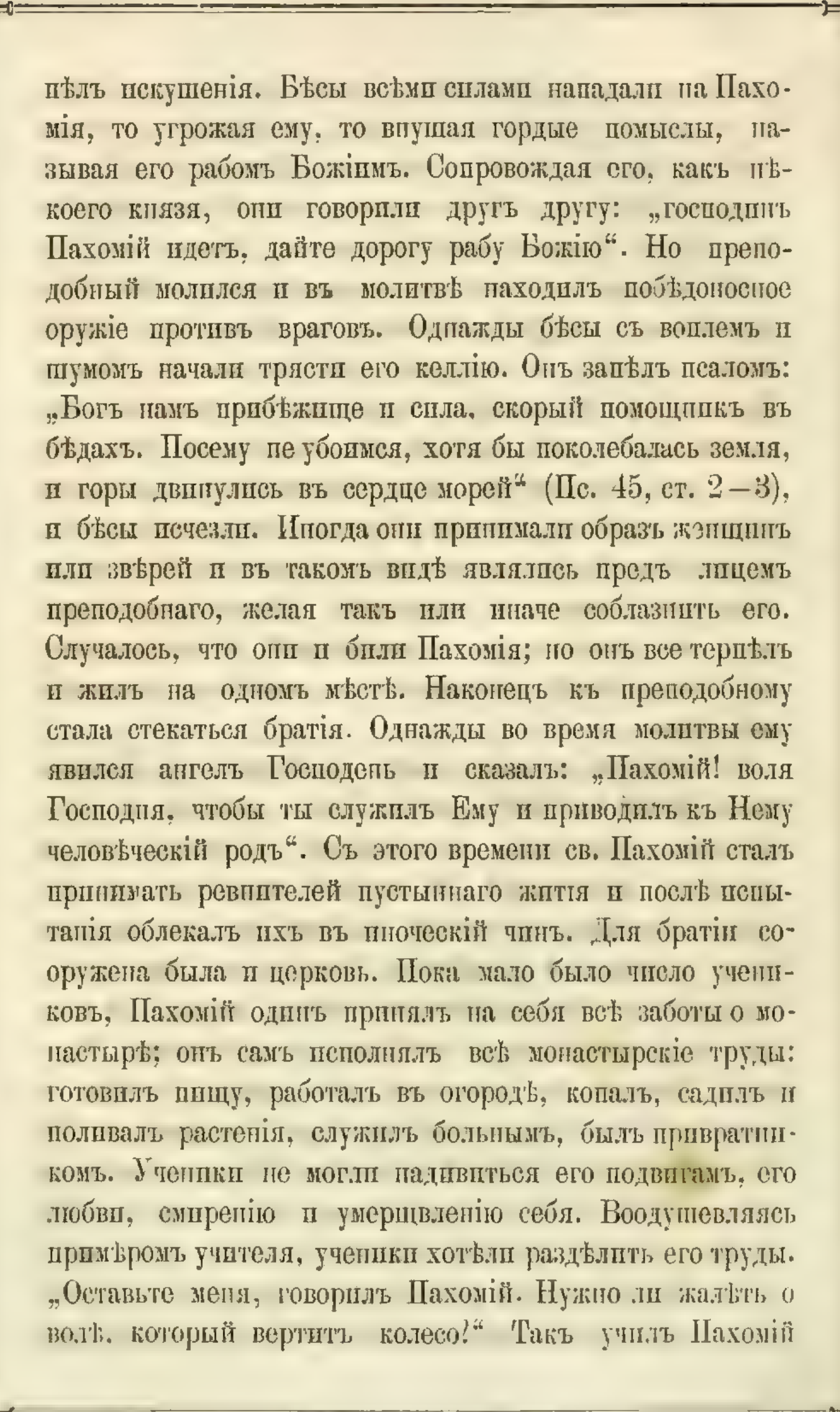
Подлѣ горы, гдѣ жили эти два подвижника, была пу-

стыня, поросшая терновникомъ и дикими травами. Пахомій не рѣдко ходилъ туда за дровами. Иглы кололи его босыя ноги, но онъ терпѣлъ все, воспоминая гвозди, которыми пригвожденъ былъ Спаситель ко кресту. Въ этой дикой пустынѣ, вдали отъ людей, подвижникъ иногда стоялъ на молитвѣ нѣсколько часовъ; во время молитвы сердце его такъ разгоралось любовію къ Богу и ближнимъ, что хотѣло бы обнять весь міръ и привести всѣхъ къ Богу. Благодать Божія возгрѣвала въ Пахоміи эти чувства любви, потому что призывала къ служенію для спасенія другихъ.

Съ Палемономъ Пахомій прожилъ 10 лѣтъ и подъ его опытнымъ руководствомъ вполнѣ утвердился на избранномъ пути иночества. Господь опредѣлилъ Пахомію самому быть начальникомъ и руководителемъ пустынножителей. Ходя по пустынѣ, Пахомій однажды отошелъ отъ своего жилища далѣе обыкновеннаго и достигъ Тавенны—мѣста, лежащаго на берегу Нила, въ Тентирскомъ округѣ. Здѣсь Пахомій остановился для уединенной молитвы и вдругъ слышитъ голосъ: „Поселись здѣсь и устрой обитель; къ тебѣ соберется много иноковъ". Затѣмъ въ видѣ схимника явился предъ нимъ ангелъ и вручилъ ему уставы и правила иноческаго общежитія, написанные на мѣдной досчечкѣ. Это было въ 325 году. Съ благословенія старца Пахомій поставилъ на указанномъ мѣстѣ келлію и сталъ въ ней подвизаться. Сюда вскорѣ пришелъ къ нему родной братъ его, Іоаннъ, также принявшій христіанство. Братья были обрадованы встрѣчею; Іоаннъ остался жить вмѣстѣ съ Пахоміемъ и былъ подражателемъ его подвиговъ. Изъ жизни св. Пахомія за это время отмѣтимъ здѣсь одно событіе, поучающее насъ тому, съ какою бдительностію и строгостію должны

мы относиться къ первоначальнымъ движеніямъ сердца и съ какою поспѣшностію подавлять въ самомъ началѣ дурныя изъ нихъ, дабы они не развились въ дурныя привычки и страсти, съ которыми бороться потомъ бываетъ слишкомъ трудно. Вотъ какой былъ этотъ случай. Пр. Пахомій, обнадеженный обѣтованіемъ Божіимъ объ умноженіи братіи въ созидаемомъ имъ монастырѣ, хотѣлъ оградить какъ можно болѣе мѣста; братъ же его, Іоаннъ, любя безмолвіе, не желалъ многолюдства и укорилъ Пахомія за его большіе замыслы на расширеніе обители. При этой укоризнѣ Пахомій почувствовалъ въ своемъ сердцѣ сильное движеніе гнѣва и едва удержался отъ взаимной укоризны брату. Но какъ преподобный былъ строгъ и внимателенъ къ себѣ! Хотя его досада имѣла, по видимому, достаточное оправданіе въ данномъ ему Божественномъ обѣтованіи, но Пахомій сознаъ себя сильно виновнымъ въ томъ, что допустилъ въ своей душѣ возродиться гнѣву—этой гибельной страсти. Затворившись въ келліи, преподобный со слезами взывалъ ко Господу: „Вижу, Господи, что мудрость плотская еще владычествуетъ во мнѣ, вижу, что я еще работаю ея закону. Горе мнѣ, въ теченіе долгой жизни въ пустынѣ не выучившемуся укрощать свой гнѣвъ!... Какъ дерзну я руководить другихъ, когда самъ себя не умѣю побѣждать“. Такъ заботился Пахомій о незлобіи своего сердца! Такъ онъ старался истреблять едва зараждавшіяся въ душѣ грѣховныя чувства! Не удивительно, что въ жизни свв. подвижниковъ, на ряду съ необычайными усиліями діавола соблазнить и смутить ихъ, мы видимъ полное торжество надъ искусителемъ.

Братъ Пахомія, Іоаннъ, скоро скончался. Преподобный, оставшись одинъ, усилилъ свои труды и подвиги и тер-



пѣлъ искушенія. Бѣсы всѣми силами нападали на Пахомія, то угрожая ему, то внушая гордые помыслы, называя его рабомъ Божіимъ. Сопровождая его, какъ нѣкоего князя, они говорили другъ другу: „господинъ Пахомій идетъ, дайте дорогу рабу Божію“. Но преподобный молился и въ молитвѣ находилъ побѣдоносное оружіе противъ враговъ. Однажды бѣсы съ воплемъ и шумомъ начали трясти его келлію. Онъ запѣлъ псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ. Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись въ сердце морей“ (Пс. 45, ст. 2—3), и бѣсы исчезли. Иногда они принимали образъ женщинъ или звѣрей и въ такомъ видѣ являлись предъ лицемъ преподобнаго, желая такъ или иначе соблазнить его. Случалось, что они и били Пахомія; но онъ все терпѣлъ и жилъ на одномъ мѣстѣ. Наконецъ къ преподобному стала стекаться братія. Однажды во время молитвы ему явился ангелъ Господень и сказалъ: „Пахомій! воля Господня, чтобы ты служилъ Ему и приводилъ къ Нему человѣческій родъ“. Съ этого времени св. Пахомій сталъ принимать ревнителей пустыннаго житія и послѣ испытанія облекалъ ихъ въ иноческій чинъ. Для братіи сооружена была и церковь. Пока мало было число учениковъ, Пахомій одинъ принялъ на себя всѣ заботы о монастырѣ; онъ самъ исполнялъ всѣ монастырскіе труды: готовилъ пищу, работалъ въ огородѣ, копалъ, садилъ и поливалъ растенія, служилъ больнымъ, былъ привратникомъ. Ученики не могли надивиться его подвигамъ, его любви, смиренію и умерщвленію себя. Воодушевляясь примѣромъ учителя, ученики хотѣли раздѣлить его труды. „Оставьте меня, говорилъ Пахомій. Нужно ли жалѣть о волѣ, который вертитъ колесо!“ Такъ училъ Пахомій

примѣромъ своихъ учениковъ, какъ они должны будутъ со временемъ управлять другими, соединяя съ созерцательною жизнію жизнь дѣятельную. Вскорѣ число братій собралось болѣе ста. Когда, въ праздничный день, надобно было всѣмъ братіямъ пріобщаться св. Таинъ, пр. Пахомій призывалъ одного изъ пресвитеровъ, жившихъ въ окрестности, который совершалъ въ монастырѣ божественную службу, и вся братія пріобщались св. Таинъ. Преподобный не хотѣлъ, чтобы кто изъ учениковъ его принималъ на себя высокій санъ священства. Онъ считалъ санъ пресвитера несоотвѣтственнымъ иноческому подвигу смиренія и весьма опаснымъ для спасенія братіи, среди которой при іерархическихъ отличіяхъ легко могли появиться зависть и несогласіе. Но если приходилъ жить въ обители уже посвященный во священника, того преподобный принималъ съ радостію и почиталъ, какъ отца.

Съ теченіемъ времени, когда въ обители пр. Пахомія число братій съ благословенія Божія возрасло до очень большихъ размѣровъ, преподобный раздѣлилъ ихъ на нѣсколько монастырей. Въ каждый монастырь онъ назначилъ особыхъ настоятелей, выбравъ ихъ изъ иноковъ болѣе опытныхъ и достойныхъ. Самъ же онъ, какъ отецъ, надзиралъ за всѣмъ и заботился о всѣхъ, налагая на каждаго послушаніе и труды сообразно съ его силами. Мудрость Пахомія въ управленіи, его усердіе и любовь и примѣненіе къ нуждамъ иноковъ были безпримѣрны. Не было добродѣтели, которой онъ не былъ бы примѣромъ; не было минуты, въ которую бы онъ не пекся о ихъ пользѣ; не было случая, который бы онъ опустилъ безъ назиданія. Пахомій имѣлъ всѣ качества, нужныя для наставника: и высшее призваніе, и просвѣщеніе, и чрезвычайные

дары благодати. Онъ часто посѣщалъ свои монастыри; входилъ въ келліи иноковъ, чтобы видѣть, чѣмъ они занимаются, не нуждаются ли въ чемъ-либо. Если видѣлъ, что имъ нужны наставленія, онъ тотчасъ училъ ихъ, подкрѣплялъ слабыхъ, объяснялъ священное писаніе, убѣждалъ всѣхъ мужественно противиться навѣтамъ лукаваго памятію присутствія Божія и силою Св. Духа. И эти наставленія и совѣты отличались кротостію и снисходительностію. Бесѣда Пахомія съ учениками была бесѣда отца съ дѣтьми.

Пр. Пахомій особенно старался утвердить въ братіи духъ послушанія монастырскимъ уставамъ и отеческимъ завѣщаніямъ. Онъ одинаково порицалъ, какъ лѣность и небрежность, такъ чрезмѣрную ревность, непосильные труды и подвиги. Такъ, одинъ изъ братій постился сверхъ установленнаго времени и въ душѣ превозносился этимъ. Преподобный, узнавъ о самоуслажденіи инока, призвалъ его къ себѣ и наединѣ говорилъ ему: „Братъ! Господь сказалъ: снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Іоан. 6,38); такъ и ты долженъ быть послушенъ и исполнять монастырское правило; когда зовутъ на трапезу; ѣшь съ братіею предлагаемое, ѣшь же въ мѣру, не слишкомъ пресыщаясь, чтобы тѣло твое, отяжелѣвъ, не воздвигло на тебя брани, но и не очень мало, чтобы тѣло не ослабло къ труду". Въ другой разъ, въ отсутствіе преподобнаго изъ монастыря, инокъ, служившій на поварнѣ, замѣтилъ, что большая часть братіи довольствовалась сухоядѣніемъ, и потому не сталъ готовить ни варенія изъ овощей, ни каши съ масломъ. Онъ надѣялся получить за это похвалу отъ настоятеля. Какъ же разсудилъ пр. Пахомій? Когда инокъ, нарушившій порядокъ и не исполнившій возложеннаго на него послу-

шанія, говорилъ въ свое оправданіе, что онъ все-таки не провелъ время праздно, а употребилъ его на пользу обители, наплетя для продажи 500 корзинъ,—преподобный велѣлъ сжечь рукодѣліе непослушнаго и сказалъ ему: „ты пренебрегъ мою заповѣдь о пищѣ братской, и я не щажу твоего рукодѣлія; не хорошо нарушать отеческія повелѣнія, невольнымъ постомъ не пріобрѣтается награда отъ Бога“. Преподобный не одобрялъ также тѣхъ иноковъ, которые помышляли о подвигахъ чрезвычайныхъ, необыкновенныхъ. Онъ смотрѣлъ на такое желаніе, какъ на самообольщеніе, очень опасное для спасенія, и старался, по возможности, удерживать отъ сего. Такъ, одинъ инокъ желалъ быть мученикомъ за Христа и просилъ преподобнаго помолиться Господу объ исполненіи этого желанія. „Братъ, отвѣчалъ ему преподобный, терпи иноческій подвигъ, безропотно выполняй монастырское послушаніе и старайся непорочною жизнію угодить Христу, и ты будешь имѣть на небѣ участіе со свв. мучениками“. Но инокъ желалъ быть мученикомъ, хотя въ то время былъ миръ въ церкви Христовой. Тогда Пахомій сказалъ ему: „помолюсь о тебѣ, да будетъ тебѣ по желанію твоему; но только смотри, чтобы, вмѣсто исповѣданія имени Іисуса Христа, тебѣ не отречься отъ Него во время мученичества; ибо ты самообольщаешься, самовольно желая идти на опасность; тогда какъ самъ Господь учитъ насъ молиться, да не введены будемъ во искушеніе“. Опасенія преподобнаго оправдались. Черезъ два года пр. Пахомій послалъ нѣкоторыхъ изъ братій въ одно пустынное мѣсто собирать траву, изъ которой плели рогожи. Вскорѣ же послѣ этого онъ послалъ къ нимъ инока, который желалъ мученичества, чтобы онъ посѣтилъ ихъ и доставилъ имъ пищу. Но посланный во время пути былъ встрѣченъ

шайкою разбойниковъ-язычниковъ, которые связали его и повели къ своимъ товарищамъ. Разбойники стали принуждать его принести жертву идоламъ. И когда инокъ не хотѣлъ исполнить этого, его окружили съ обнаженными мечами и грозили умертвить. Обнаженные мечи и ярость разбойниковъ устрашили инока, отъ страха онъ поклонился идоламъ и принесъ жертву. Отпущенный на свободу, инокъ возвратился въ монастырь и со слезами раскаянія говорилъ преподобному: „согрѣшилъ я предъ Господомъ и тобою, что не послушалъ твоего добраго совѣта“. Видя его раскаяніе, преподобный велѣлъ ему затвориться въ особой келліи и ни съ кѣмъ, кромѣ духовнаго своего отца, не бесѣдовать до смерти; чрезъ день вкушать мало хлѣба съ водою, въ день плесть двѣ рогожи, молиться и бодрствовать и не переставать плакать. Инокъ съ радостію исполнялъ это и, послѣ десятилѣтняго покаянія, съ миромъ отошелъ ко Господу.

Господь видимо покровительствовалъ пр. Пахомію въ его добрыхъ начинаніяхъ по благоустройству обители и назиданію братіи. Въ одномъ изъ устроенныхъ имъ монастырей росла большая плодовитая смоковница, отъ которой юные изъ послушниковъ тайно и безвременно вкушали плоды. Пр. Пахомій велѣлъ монастырскому вертоградарю срубить дерево. Этотъ, пожалѣлъ многоплодовитое дерево и не исполнилъ повелѣнія преподобнаго. И что же? смоковница на другой день засохла.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ начала устройства общежительныхъ монастырей, пришла къ Пахомію сестра его, принявшая христіанство. По его совѣту она устроила въ той же пустыни монастырь и, когда собрались сюда дѣвы и жены, преподобный далъ имъ правила иноческой жизни и поручилъ монастырь опытному и св. мужу Петру.

Пр. Пахомій за свои высокіе подвиги получилъ отъ Господа еще при жизни даръ чудотвореній. Чрезъ одно прикосновеніе къ нему больные исцѣлялись. Его молитва прогоняла нечистыхъ духовъ. Однажды св. Пахомій, стоя на молитвѣ, услышалъ голосъ: „Радуйся, старецъ, столько мнѣ угодившій, азъ есмь Христосъ и пришелъ къ тебѣ, какъ къ другу моему!“ Св. Пахомій изумился и разсуждалъ самъ съ собою: „Христово пришествіе къ человѣку приноситъ ему радость; сердце тогда не чувствуетъ никакого страха, а я теперь страшусь, трепещу.... Нѣтъ, это не Христосъ“. И, оградившись крестомъ, сказалъ: „отойди отъ меня, духъ злобы! будь проклято лукавство всѣхъ твоихъ начинаній!“ Мгновенно призракъ исчезъ, оставивъ по себѣ смрадный запахъ. Такъ сатана преображается иногда въ ангела свѣта, и такъ велика противъ него сила крестнаго знаменія.

Однажды, посѣщая братію по своимъ монастырямъ и по уединеннымъ пустыннымъ келліямъ, преподобный пришелъ къ одному иноку, поступившему въ монашество изъ важныхъ сановниковъ. Инокъ желалъ открыть свои грѣхи пр. Пахомію, но, не зная египетскаго языка, на которомъ говорилъ преподобный, сильно скорбѣлъ объ этомъ. Преподобный обратился съ молитвою ко Господу. „Господи, молился онъ, если я не могу пользовать людей, которыхъ Ты послалъ ко мнѣ изъ всѣхъ концевъ земли, такъ какъ я не понимаю языка ихъ, то какая польза, чтобы они приходили ко мнѣ; если же угодно Тебѣ, чтобы они спасались здѣсь, то дай мнѣ, Владыко, разумѣть бесѣду ихъ на исправленіе душъ ихъ“. И св. Пахомій получилъ желаемое. Онъ, къ удивленію инока, сталъ бесѣдовать съ нимъ на извѣстныхъ тогда языкахъ—греческомъ и латинскомъ.

Имѣя такого мудраго отца и наставника, многочисленная братія, собравшіеся вокругъ пустынной келліи преподобнаго, представляла по-истинѣ святое общество, одушевляемое одною мыслію о милосердомъ Богѣ и о спасеніи своей души. Въ одной Тавеннской обители было около 1400 братій, а во всѣхъ монастыряхъ, подначальныхъ ему, болѣе 7000. Такое великое стадо Христово собралъ и велъ по пути спасенія пр. Пахомій! Мудрое его управленіе и великіе подвиги привлекали къ нему пустынниковъ изъ окрестныхъ странъ, въ духовныхъ своихъ нуждахъ искали они его помощи. Настоятели различныхъ монастырей обращались къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ, какъ къ человѣку, получившему небесное просвѣщеніе. Даже епископы посылали къ Пахомію монаховъ на судъ. Изъ его монастырей не мало иноковъ заняли епископскіе престолы.

Пр. Пахомій великій скончался 57 лѣтъ отъ роду, въ 348 году. *Правило* или *Уставъ* св. Пахомія—первый уставъ иноческаго общежитія. Сообщимъ краткое его содержаніе.

Когда является желающій вступить въ монастырь, то настоятель поручаетъ его опытному старцу съ цѣлію испытать расположенія пришельца. Съ тою же цѣлію въ продолженіе 10 и болѣе дней онъ за монастырскими воротами долженъ кланяться до земли предъ проходящими братіями и терпѣть поношеніе. Отъ вступающаго въ монастырь не принимается ни денегъ, ни чего-либо другаго для монастыря, чтобы иначе впослѣдствіи не гордился и не нарушалъ покоя братіи своими требованіями. Ему дается монастырская одежда, а мірская до времени хранится у эконома. Если новопоступившій не выдержитъ перваго искуса, если обнаружитъ неповиновеніе или не-

довольство обителію, то ему немедленно возвращаютъ его мірскую одежду и высылаютъ изъ монастыря. Одежда Пахоміевыхъ иноковъ состояла изъ льнянаго хитона безъ рукавовъ, въ знакъ отреченія отъ всего мірскаго, хитонъ препоясывался по чреслу шерстянымъ поясомъ; на головѣ носили шерстяныя шапочки—кукули, на которыхъ дѣлались кресты краснаго цвѣта и еще, когда увеличилось число Пахоміевыхъ монастырей, значки монастыря, къ которому принадлежалъ инокъ. Сверхъ хитоновъ, по примѣру пророковъ Иліи и Іоанна Крестителя, иноки носили кожаную одежду (милоть), чтобы, воспоминая подвиги Пророка и Предтечи, мужественно бороться съ нечистыми пожеланіями. Сапоговъ иноки не носили, но въ случаѣ холода или жара надѣвали сандаліи; въ рукахъ носили жезлы; волосъ не стригли, но носили длинные, распущенные по плечамъ. Постелью была рогожа, болѣе ничего не позволялось подстилать.

Принятый въ монастырь не прежде года допускался въ общество братіи. Прежде всего его знакомили съ уставомъ обители, затѣмъ назначали ему для изученія 20 псалмовъ и 2 посланія апостольскихъ. Если же новоначальный инокъ не зналъ грамоты, то его начинали учить азбукѣ, чтобы каждый инокъ въ монастырѣ зналъ грамоту и могъ читать свящ. писаніе. Новопоступившій служилъ страннымъ и братіи; если онъ безропотно и смиренно служилъ, то принимался въ общество. Сдѣлавшись членомъ братіи, онъ отдавался въ безусловное послушаніе старцу, безъ позволенія котораго не могъ ни сказать слова, ни сдѣлать шагу, ни протянуть руку къ пищѣ. Чтобы молодой инокъ лучше сохранялъ чистоту помысловъ, онъ долженъ былъ открывать ихъ старцу тотчасъ, какъ они возникнутъ, и въ сужденіи объ ихъ

пользѣ или вредѣ основываться только на судѣ старца.— Братія ежедневно три раза собирались на общую молитву: утромъ, вечеромъ и ночью. На собраніи читались псалмы и отдѣленія изъ ветхаго и новаго завѣта, затѣмъ молились. Въ среду, пятокъ и воскресенье начальникъ предлагалъ поученіе. Трапезовала братія въ полдень; въ среду и пятокъ запрещалось что-либо вкушать. Трапеза для всѣхъ была общая; никто не долженъ былъ ѣсть что-либо внѣ трапезы. Во время стола братія сохраняли совершенное молчаніе. Если что нужно было подать на столъ, или взять со стола, давали знакъ стуканьемъ, а не голосомъ. За столомъ инокъ сидѣлъ съ опущеннымъ кукулемъ на головѣ, чтобы глазъ не смотрѣлъ въ сторону и не соблазнился чѣмъ-либо. Въ пищу употребляли: рубленый лукъ, дикую капусту, оливы и небольшія соленыя рыбки; вина никогда не давалось.— Въ келліяхъ жило по два, или по три брата; келейныя занятія состояли въ рукодѣльѣ; рукодѣлье смѣнялось молитвою: послѣ молитвы опять слѣдовало рукодѣлье. Иноки должны были заботиться, чтобы у нихъ не было ни минуты безъ дѣла или молитвы; вставали отъ сна они весьма рано — прежде пѣнія пѣтуховъ, и утренній свѣтъ находилъ ихъ уже укрѣпленными бдѣніемъ и богомысліемъ. Прибыль отъ рукодѣлья инока считалась собственностію обители; у инока не было своей собственности.

Для успокоенія больныхъ и престарѣлыхъ назначался особый домъ. О нихъ заботились особые старцы, и кромѣ ихъ никто не долженъ входить въ больничный домъ. Пища больныхъ особая, сообразная немощи ихъ. Въ свой монастырь Пахомій принималъ и дѣтей. Кромѣ чтенія они обучались рукодѣльямъ, но прежде всего

страху Божію и молитвѣ; пища имъ въ трапезѣ. Таковъ въ краткихъ чертахъ уставъ Пахомія!

Казалось, что благочестіе монастырей Пахомія, такъ прочно устроенное и такъ хорошо основанное, должно было сохраняться цѣлые вѣки. Но велика слабость человѣческая! И ста лѣтъ не прошло послѣ смерти Пахомія, какъ эти обители представляли только жалкіе остатки прежняго духа. Провидѣлъ Пахомій печальную судьбу своихъ обителей. Однажды, когда преподобный молился о будущей судьбѣ ихъ, ему было видѣніе: нѣкоторые изъ его братіи охвачены пламенемъ, другіе оплетены терніемъ, иные стоятъ на краю страшной пропасти и едва не падаютъ въ нее. Въ другое время, во время молитвы же, предъ Пахоміемъ открылось такое видѣніе: предъ его глазами была яма, наполненная иноками. Они хотятъ выдти изъ нея, но не могутъ; только нѣкоторые и то послѣ долгихъ усилій выходятъ изъ рва. Пораженный такими видѣніями, Пахомій со слезами повергся на землю. „Господи, взывалъ онъ, если такая жалкая участь моихъ иноковъ, то за чѣмъ Ты восхотѣлъ, чтобы были монастыри и киновіи? Помяни завѣтъ Твой, въ которомъ Ты обѣщалъ до конца сохранить служащихъ Тебѣ. Тебѣ извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался инокомъ, я смирялся предъ Тобою и не вкушалъ до сыта хлѣба и воды“. Тогда онъ услышалъ голосъ: „Сѣмя твое духовное не оскудѣетъ до конца вѣка. Изъ тѣхъ иноковъ, которые будутъ послѣ тебя, многіе выдутъ изъ глубины мрачнаго рва и явятся высшими нынѣшнихъ иноковъ; иные спасутся чрезъ напасти и скорби и явятся равными великимъ святымъ. Все держится милосердіемъ Моимъ“. Послѣ сего небеснаго гласа Пахомій вознесъ благодарную молитву къ Богу. Вѣрно слово Божіе! Хотя

въ Тавеннской странѣ нѣтъ почти и слѣда иноческихъ жилищъ, но правила Пахомія, его наставленія живы и дѣйственны; они руководятъ иноковъ къ совершенству въ другихъ странахъ. Воздвигаются гоненія на иноковъ, не чиста иногда и духовная жизнь среди нихъ; но всегда между ними обрѣтаются души, огнемъ ли бѣдствій или произвольными подвигами возвышающіяся надъ бездной погибели и воспаряющія къ небу. Вѣримъ, что духовное сѣмя Пахомія не оскудѣетъ во вѣкъ (Четьи-Минеи. Уч. объ отц. ц Филарета, арх. черн. Т. 2, стр. 39—43. Приб. къ твор. свв. отц. Ч. 10. 1851 г., стр. 528—562).

Св. Ахиллій, еп. ларисійскій, жилъ въ 4 вѣкѣ и скончался около 330 г. Въ мѣсяцесловѣ Василія говорится, что св. Ахиллій, посрамляя еретиковъ на 1-мъ вселенскомъ соборѣ, возбудилъ всеобщее удивленіе. Самуилъ, царь болгарскій, плѣнившій жителей Ларисcы и переселившій ихъ во внутреннія части Болгаріи въ 978 году, перенесъ изъ Ларисcы и мощи св. Ахиллія въ свою столицу, Преспу. Преспа нынѣ небольшое село, которое называется мѣстными жителями Агиль, по имени св. Ахиллія (Прологъ. Крат. оч. ист. прав. ц. балг., серб. и рум. Е. Голубинскаго, стр. 56—57).

ПР. ИСАІИ, ЕП. РОСТОВСКАГО.

Пр. Исаія родился въ южной Россіи, около Кіева, отъ благородныхъ и христолюбивыхъ родителей. Съ юныхъ лѣтъ онъ оставилъ мірскую суету и принялъ иночество въ печерской обители препп. Антонія и Θеодосія. Здѣсь, при помощи Божіей, онъ превзошелъ многихъ въ постѣ, молитвѣ и другихъ добродѣтеляхъ. Всѣ

удивлялись высокимъ подвигамъ благочестія преподобнаго. Въ 1062 г., по смерти блаженнаго Варлаама, игумена Дмитріева монастыря, великій князь Изяславъ избралъ на его мѣсто, просіявшаго иноческимъ житіемъ. Исаію. Принявъ начальство, преподобный былъ для братіи живымъ примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей и иноческихъ подвиговъ. Въ 1077 г. за свою высокую жизнь св. Исаія былъ поставленъ епископомъ города Ростова. Въ обширной ростовской епархіи (обнимавшей тогда губерніи: Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую, Костромскую, Вологодскую и части Московской, Тверской и Олонецкой) пр. Исаіи предстояло много тяжелыхъ трудовъ и подвиговъ. Въ Ростовѣ же сильно было язычество, и много суевѣровъ и волхвовъ съ своими бреднями и ложными знаменіями бродило тогда на сѣверовостокѣ Россіи и волновало народъ. Такъ, не задолго до прибытія въ Ростовъ Исаіи, тамъ случился голодъ; явились два волхва и говорили, что это женщины удерживаютъ хлѣбъ, медъ и рыбу. Свои слова волхвы подтверждали фокусами, искусно показывая видъ, что они дѣйствительно извлекаютъ изъ подъ кожи женщинъ то зерна, то часть рыбы и пр. Пользуясь суевѣріемъ народа, они многихъ изъ женщинъ убивали, а имѣніе ихъ брали себѣ. За волхвами слѣдовало до 300 человѣкъ. Изъ этого уже можно судить, какіе труды ожидали святителя Исаію на чредѣ его служенія въ Ростовѣ; но ревностный пастырь оказался достойнѣйшимъ дѣлателемъ на нивѣ Господней. Ревностно назидая словомъ спасенія жителей Ростова, онъ обтекалъ прочіе грады и веси Ростовской и Суздальской областей, невѣрныхъ увѣщавалъ вѣровать въ Св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ,

истреблялъ ихъ огнемъ и, сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Такъ подвизался этотъ благовѣстникъ Христовъ до 1089 г., въ продолженіе 12 лѣтъ. Благодаря своимъ разумнымъ мѣрамъ противъ язычества, св. Исаія къ концу своей жизни почти окончательно поборолъ въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ грубое наслѣдіе язычества. Въ августѣ 1089 г. св. Исаія, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоанномъ, освящалъ великую печерскую церковь, приглашенный сюда, какъ говоритъ повѣсть о ней, ангеломъ Божіимъ. По возвращеніи своемъ изъ Кіева, въ 1090 году, святитель мирно скончался. Въ 1164 году мощи св. Исаіи были обрѣтены нетлѣнными и начали источать чудеса. Въ это же время было установлено праздновать память святителя. Св. мощи его почиваютъ въ соборной ростовской церкви (Прологъ. Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв., стр. 108. Истор. Русс. ц. преосв. Макарія. Т. 2, стр. 16—17. 1857 г. Жит. свв. Муравьева).

ПР. ЕВФРОСИНА, ПСКОВСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Св. Евфросинъ, въ мірѣ Елеазаръ, происходилъ изъ крестьянскаго сословія Псковской губерніи. Когда святый достигъ юношескаго возраста, родители стали принуждать его ко вступленію въ бракъ. Не чувствуя влеченія къ супружеской жизни, Елеазаръ тайно скрылся изъ родительскаго дома и съ именемъ Евфросина постригся въ монахи въ Снятномъ монастырѣ, близъ Пскова. Здѣсь юный подвижникъ провелъ нѣсколько времени въ иноческихъ подвигахъ и трудахъ: служилъ братіи въ поварнѣ и пекарнѣ и усердно молился Богу. По-

томъ по любви къ уединенной жизни, съ благословенія настоятеля, удалился въ непроходимое пустынное мѣсто на берегу р. Толвы (въ 30 верстахъ отъ Пскова). Это было въ 1425 г. Тутъ было ему видѣніе трехъ вселенскихъ учителей, указавшихъ мѣсто для сооруженія храма во имя ихъ. Скоро къ преподобному начали стекаться жаждавшіе иноческаго житія; ихъ онъ благословлялъ жить по-скитски. Первымъ ученикомъ преподобнаго былъ Серапіонъ (см. о немъ ниже). Когда собралось довольное число братій св. Евфросинъ по ихъ просьбѣ построилъ на указанномъ мѣстѣ храмъ во имя трехъ святителей, съ придѣломъ пр. Онуфрія, и келліи для братіи; но начальства надъ ними не принялъ, предоставивъ оное одному изъ своихъ учениковъ—Игнатію; самъ же по прежнему продолжалъ жить уединенно, въ удаленной отъ монастыря келліи.

Какъ отшельникъ, преподобный до того былъ строгъ къ самому себѣ, что отказывался отъ естественныхъ утѣшеній. Когда пришла къ нему мать посмотрѣть на давно утраченнаго сына, онъ отказался отъ свиданія съ нею и чрезъ дверь келліи убѣдилъ ее принять иночество. Въ обители преподобнаго все было общее. Странниковъ и бѣдныхъ принимали съ любовію и питали безмездно, хотя пустынно-жители и сами иногда нуждались въ насущномъ хлѣбѣ. Однажды Евфросинъ раздалъ нищимъ всѣ монастырскіе запасы; братія возроптали на него за это; но преподобный обѣщалъ инокамъ помощь Божію,—и Господь не посрамилъ его надежду. Вскорѣ псковскій посадникъ, Аѳанасій, послалъ въ обитель двѣ подводы съ хлѣбными запасами. Въ другой разъ, предъ храмовымъ праздникомъ, 30 января, въ обитель собралось много народа, а въ монастырѣ нечѣмъ было угостить богомоль-

цевъ. Пр. Евфросинъ съ ученикомъ своимъ Меркуріемъ отправился съ сѣтями на озеро и наловили множество рыбы. Не измѣняя подвижническаго образа жизни, пр. Евфросинъ достигъ маститой старости (95 лѣтъ) и кончилъ дни свои въ мирѣ, 15 мая 1481 г.—Преподобный былъ роста средняго и весьма сухъ тѣломъ, продолговатое лице его выражало кротость и смиреніе; взоръ его тихій и привѣтливый; остроконечная борода его спускалась ниже персей. Образъ преп. Евфросина былъ написанъ еще при его жизни ученикомъ его Игнатіемъ и по повелѣнію Геннадія, еп. новогородскаго, поставленъ на гробницѣ преподобнаго. Къ лику святыхъ Евфросинъ причисленъ на московскомъ соборѣ 1551 г., и тогда же преосвященнымъ Геннадіемъ составлена была ему особая служба.

Еще при жизни Евфросина его монастырь былъ перенесенъ на гору; а на прежнемъ мѣстѣ было устроено кладбище, гдѣ впослѣдствіи выстроили церковь во имя преподобнаго. Въ новой же обители была построена каменная церковь во имя трехъ святителей, въ которой и нынѣ почиваютъ мощи преподобнаго подъ спудомъ, близъ стѣны, за правымъ клиросомъ. Кромѣ иконы при гробницѣ преподобнаго за стекломъ виситъ полулистъ бумаги съ подписью: копія съ завѣщанія пр. Евфросина. Подъ этою копіею сохраняется подлинное завѣщаніе его, писанное на лоскуткѣ пергамента въ осьмушку, съ приложенною къ нему свинцовою печатію новогородскаго архіепископа Ѳеофила. Главныя мысли завѣщанія: братіи подвизаться въ постѣ и молитвѣ, призрѣвать странныхъ и убогихъ, во всемъ повиноваться настоятелю, пользоваться имуществомъ „съ опча“; женщинамъ въ монастырѣ не бывать; бань не имѣть; нѣмецкихъ одеждъ и шубъ

съ пухомъ монахамъ не носить. Кромѣ завѣщанія Евфросинъ написалъ для своей обители общежительный уставъ, состоящій изъ 25 главъ (помѣщенъ въ минеѣ м. Макарія подъ 15 ч. мая).

Заступленіемъ пр. Евфросина обитель его была не разъ охраняема при весьма частыхъ нападеніяхъ литовцевъ, ливонскихъ рыцарей, поляковъ и другихъ непріятелей. Близъ устья р. Толвы народное преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ погрузились и погибли непріятельскія лодки съ монастырскою казною, колоколами и другими вещами. Благоговѣйные ученики почтили мѣста уединенной молитвы своего наставника Евфросина памятниками: около монастыря стоитъ деревянный крестъ; другой, каменный, въ лѣсу близъ озера. На этихъ мѣстахъ особенно любилъ молиться пр. Евфросинъ.

Житіе Евфросина описано нѣкіимъ клирикомъ Василіемъ (не задолго до Стоглаваго собора). Въ описаніи жизни Василій допустилъ нѣкоторыя ошибки; напр. онъ говоритъ, что Евфросинъ защищалъ *сугубое аллилуія* и что для нее ходилъ въ Константинополь къ патріарху и проч. Этотъ разсказъ о преподобномъ не стоитъ никакого довѣрія по еретическимъ бреднямъ и по противорѣчіямъ исторіи и хронологіи (подробнѣе объ этомъ см. въ Ист. Русс. ц. Филарета, арх. черн. Т. 3, стр. 180—187. Въ Ист. русск. раскола преосвящ. Макарія стр. 32—66).

БЛАГОВѢРНАГО ДИМИТРІЯ ЦАРЕВИЧА УГЛИЧСКАГО И МОСКОВСКАГО.

Св. Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго (1533—1584) и супруги его Маріи Ѳеодоровны изъ рода Нагихъ, родился 19 октября 1582 г. Послѣ брата своего Ѳеодора, бывшаго бездѣтнымъ, Димитрій оставался единственнымъ наслѣд-

никомъ царскаго престола. Это послѣднее обстоятельство и послужило причиною преждевременной и насильственной смерти Димитрія на девятомъ году его жизни: онъ сдѣлался жертвою алчнаго властолюбія боярина Бориса Годунова. Годуновъ, который былъ самымъ приближеннымъ къ царскому престолу еще при жизни царя Іоанна Васильевича Грознаго, по смерти послѣдняго, при сынѣ его Ѳеодорѣ Ивановичѣ (1584—1598) сдѣлался вполнѣ самовластнымъ правителемъ Россіи; добрый Ѳеодоръ Ивановичъ оставался при одномъ имени царя, а все дѣлалось, какъ хотѣлъ шуринъ его Борисъ. Иностранные дворы присылали Годунову дары наравнѣ съ царемъ:—Но властолюбивому Годунову и этого казалось мало; онъ хотѣлъ, по смерти бездѣтнаго Ѳеодора, утвердить себя и родъ свой на царскомъ престолѣ. Ему было извѣстно, что всѣ въ государствѣ, начиная съ Ѳеодора, признаютъ Димитрія наслѣдникомъ престола,—имя его поминалось въ церквахъ. Самъ Борисъ въ разныхъ дѣлахъ, при жизни царевича, считалъ его наслѣдникомъ престола *). Итакъ главнымъ препятствіемъ къ достиженію честолюбивыхъ замысловъ Годунова былъ царевичъ Димитрій, прямой наслѣдникъ царскаго престола послѣ своего брата. Поэтому нужно

*) Такъ, когда въ 1586 г. совѣтъ вельможъ съ выбранными народа предложилъ царю Ѳеодору развестись съ неплодною женою, сестрою Годунова, по ея безчадію, Годуновъ отвѣчалъ, что есть законный наслѣдникъ престола, Димитрій. Въ слѣдующемъ году, когда русскіе послы отправлялись на варшавскій сеймъ хлопотать о томъ, чтобы Польша признала Ѳеодора своимъ царемъ, Годуновъ въ наказѣ писалъ посламъ: „Если паны начнутъ просить, чтобы государь назначилъ имъ на государство своего брата, то отвѣчать, что это невозможно: царевичъ еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ". Карамз. 10. пр. 147, 159.

было устранить Димитрія отъ наслѣдства. И вотъ, чтобы изгладить изъ народной памяти имя царевича Димитрія, Годуновъ удаляетъ его съ матерью и ея родственниками, Нагими, въ городъ Угличъ (Ярослав. губ.), который по волѣ Іоанна 4-го завѣщанъ былъ въ удѣлъ малолѣтнему Димитрію. Затѣмъ объявилъ царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына седьмой жены Іоанна грознаго, запретилъ молиться объ немъ и поминать его имя на литургіи. Въ то же время приверженцы Бориса вездѣ распускали слухи о мнимой наклонности царевича къ жестокости. Въ Москвѣ всенародно говорили, что Димитрій, имѣя не болѣе шести лѣтъ отъ роду, есть уже совершенное подобіе отца: любитъ кровь, съ удовольствіемъ смотритъ на убіеніе животныхъ и самъ для забавы убиваетъ ихъ. Разсказывали много и другихъ басенъ про невиннаго царевича, чтобы очернить его въ народѣ. Напр., говорили, будто бы царевичъ, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу 20 человѣческихъ изображеній, назвалъ ихъ именами первыхъ бояръ и началъ рубить саблею: изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: „такъ будетъ вамъ въ мое царствованіе“. Но мнѣніе, вызванное и поддерживаемое Борисомъ о незаконнорожденности царевича, и распускаемые объ немъ нелѣпые слухи только усиливали противъ Годунова партію недовольныхъ, готовыхъ всѣми мѣрами дѣйствовать за царевича. Властолюбивый и подозрительный Борисъ зналъ это и опасался за свою будущность; смерть царевича казалась ему необходимою. Приверженцы Бориса, связавшіе свою судьбу съ его судьбою, доводятъ въ немъ эту мысль до убѣжденія. Дѣло не трудное! Стоитъ только однажды ступить на скользкую почву порочныхъ мыслей, чтобы, не оста-

навливаясь, неудержимо катиться до конца ихъ развитія, какъ бы по гладкой и наполированной наклонной плоскости. Сначала чрезъ мамку царевича хотѣли отравить Димитрія; но смертоносное зеліе не вредило младенцу, по словамъ лѣтописца, ни въ яствіи, ни въ питіи. Убѣдясь, что нельзя совершить злодѣянія втайнѣ, рѣшились на явное. Нашелся и злодѣй для выполненія гнуснаго замысла Бориса—дьякъ Михаилъ Битяговскій. Этотъ извергъ самъ вызвался умертвить царевича при первомъ удобномъ случаѣ и былъ немедленно отправленъ въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали туда сынъ его Данило и племянникъ Никита Качаловъ, которые и совершили ужасное злодѣяніе 15 мая 1591 года. Въ этотъ день, въ полдень, когда во дворцѣ не было Нагихъ, мамка Волохова, сообщница Битяговскихъ, позвала Димитрія гулять на дворъ; кормилица Ирина, какъ бы по предчувствію, удерживала царевича во дворцѣ, но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни, къ нижнему крыльцу; сюда же сошла и кормилица. Злодѣи уже дожидались жертвы. Осипъ Волоховъ, взявъ царевича за руку, спросилъ: „у тебя, государь, это новое ожерелье?“ Царевичъ, поднявъ голову, отвѣчалъ: „нѣтъ, старое“. Въ эту минуту сверкнулъ ножъ. Но въ рѣшительное мгновеніе совѣсть въ душѣ преступника заговорила сильнѣе обыкновеннаго. Рука злодѣя дрогнула, ударъ былъ не вѣренъ, и ножъ выпалъ изъ рукъ, причинивъ только небольшую рану въ гортани. Гонимый невѣдомымъ страхомъ, Осипъ Волоховъ бѣжалъ. Но адское дѣло начато; кровь показалась; царевичъ упалъ. При видѣ крови сообщники Волохова—Битяговскій и Качаловъ—какъ лютые звѣри, бросились къ царевичу, котораго съ воплемъ о помощи старалась те-

перь защитить кормилица, отняли у ней Димитрія и довершили ужасное злодѣяніе; они дорѣзали царевича и бросили его внизъ въ то самое время, какъ царица вышла изъ сѣней на крыльцо. Она стала кричать. Чрезъ минуту весь городъ пришелъ въ движеніе. Пономарь соборной церкви, самъ ли видѣвшій убійство, или извѣщенный о немъ слугами царицы, ударилъ въ набатъ. Устрашенные злодѣи вбѣжали въ разрядную избу, а тайный ихъ руководитель, Михаилъ Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы остановить звонаря; но пономарь заперся въ колокольнѣ и продолжалъ тревогу. Тогда Битяговскій безстрашно явился на мѣсто злодѣянія, стараясь увѣрить сбѣжавшійся народъ, что царевичъ въ припадкѣ падучей болѣзни зарѣзалъ себя самъ. „Душегубецъ!“ послышалось въ толпѣ—и камни посыпались на злодѣя. Злодѣй искалъ убѣжища во дворцѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ помощниковъ, Даниломъ Третьяковымъ, но народъ схватилъ ихъ и убилъ. Затѣмъ раздраженнымъ народомъ убито было еще 12 человѣкъ, въ числѣ ихъ и самые убійцы царевича. Это несчастное самоуправство облегчило слѣдователямъ средства скрыть главнаго преступника—Бориса. Царевича погребли въ Угличѣ.

Когда въ Москву дошелъ слухъ о убіеніи царевича, то Ѳеодоръ Іоанновичъ самъ хотѣлъ—было отправиться въ Угличъ для разслѣдованія дѣла. Понятно, что такое желаніе не входило въ планы Годунова, и онъ подъ разными предлогами удержалъ царя въ Москвѣ. Въ Угличъ же посланы были князь Василій И. Шуйскій, окольничій Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ. По интригамъ сильнаго временщика Годунова слѣдствіе производимо было до наглядности пристрастно. Слѣдователи старались

не о томъ, чтобы открыть правду, а о томъ, чтобы выставить царевича больнымъ. Они донесли Θеодору Іоанновичу, что царевичъ, играя ножемъ съ дѣтьми въ тычку, въ припадкѣ падучей болѣзни самъ внезапно упалъ на ножъ и закололся. Но это была только наглая клевета, которою вновь оскорбляли имя св. царевича. Современники, за исключеніемъ услужливыхъ слугъ Бориса, свои и иностранные единогласно говорятъ, что царевича закололи убійцы по желанію Годунова. Самъ Шуйскій въ 1606 году свидѣтельствовалъ предъ цѣлою Россіею, что „царевичъ князь Димитрій Ивановичъ по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобиво, заклася, убитъ, какъ невинный агнецъ". Ложь, которою хотѣли скрыть убійцъ, ясно открылась, когда въ 1606 г. открыли гробъ царевича и нашли, что „въ лѣвой рукѣ царевичъ держалъ полотенце, шитое золотомъ, а въ другой—орѣхи", въ каковомъ видѣ постигла его и смерть.—Вслѣдствіе неправильнаго и пристрастно произведеннаго слѣдствія пострадали лишь многія неповинныя въ смерти царевича лица. Такъ, царица—мать обвинена въ недостаткѣ надзора за царевичемъ и была сослана въ отдаленный скудный монастырь св. Николая на Восхѣ (по ту сторону Бѣлаго озера) и пострижена въ иночество, съ именемъ Марθы; братья ея были сосланы по разнымъ мѣстамъ въ заточеніе; жители Углича, за самовольную расправу съ убійцами, одни казнены, другіе посланы на поселеніе въ Пелымъ, а инымъ урѣзывали языки.

Лукавство и гордость восторжествовали надъ простотою и незлобіемъ, но это торжество было непродолжительно. Царскій престолъ, восхищенный злодѣяніемъ Годунова, скоро былъ подъ нимъ ниспровергнутъ явленіемъ самозванца, дѣйствовавшаго именемъ царевича Димитрія.

Шуйскій взошелъ на престолъ, но за неправду его по слѣдствію о смерти царевича, и его наказалъ Господь: явился другой лже-Димитрій—Тушинскій воръ, и заволновалась Русская земля. Россію постигли смуты и крамолы междоцарствія въ наказаніе за грѣхи народа и въ наученіе, какъ погибеленъ для благосостоянія государства духъ властолюбія, посягающій на неприкосновенность царственнаго рода. Злоумышленники и соучастники въ убійствѣ царевича всѣ погибли отъ народной мести; но неповиннаго страдальца Димитрія дивный въ судьбахъ Своихъ Богъ прославилъ святостію нетлѣнія, дабы всѣ видѣли, что „царевичъ есть священный агнецъ, закланный за спасеніе законной царской власти, и дабы его царственная кровь, подобно крови Авелевой, всегда вопіяла къ Богу отмщеній противъ мятежниковъ и похитителей царскаго вѣнца“ (слово митр. Филарета. Т. 1, стр. 247).

О нетлѣніи мощей царевича такъ доносили царю Вас. Ив. Шуйскому послы (митр. Филаретъ, еп. Θеодосій и четыре боярина), отправленные имъ въ Угличъ для перенесенія тѣла Димитрія въ Москву: „Когда открытъ былъ гробъ царевича, мощи оказались цѣлы и невредимы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей; лице, волосы на головѣ, на костяхъ плоть—невредимы; въ лѣвой рукѣ тафтяная ширинка, саванъ, камчатый кафтанчикъ, сапожки, орѣхи въ пригоршнѣ—все цѣло“. Тогда же при гробѣ царевича больные получали исцѣленія. Мощи царевича, перенесенныя изъ Углича въ Москву въ 1606 году, донынѣ почиваютъ въ Архангельскомъ соборѣ *).

*) Въ этомъ же соборѣ хранится шапочка царевича, суконная съ жемчугомъ и каменьями.—Въ Угличѣ, на мѣстѣ убіенія царевича Димитрія, построена царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ

Память св. Димитрія 15 мая—день кончины и 3 іюня—день перенесенія мощей (Четьи-Минеи 3 іюня. Прологъ. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Слов. истор. о свв., стр. 76—78. Ист. Росс. госуд. Карамзина. Т. 10, 128—135. Жит. свв. Муравьева).

Въ Серпуховскомъ Владычнемъ монастырѣ, въ придѣлѣ св. царевича Димитрія, храмовая икона св. Димитрія почитается чудотворною. На иконѣ надпись: „Въ лѣто **ЅРЄІ** (7115) іюня **КВ** (22) поставленъ бысть сей святый образъ св. великомученика царевича Димитрія во Владычнѣ монастырѣ, въ церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея введенія, повелѣніемъ благочестивѣйшаго и христолюбиваго царя и великаго князя Василія Ивановича въ Русіи вины ради сицевыя. Въ то убо время бысть междоусобица, попущающу Богу, а врагу дѣйствующу грѣхъ ради нашихъ, понеже людіе завистію побѣждаемы и гордостію; воста убо сѣверная страна на Московское государство корыстей ради великихъ, научени бѣсовскими лестьми и крови пролишися тогда, яко воды на земли, и Божіею милостію и молитвами св. царевича Димитрія, бысть побѣда велія на богопротивныя тыя люди и лютыя разбойники, пришествіемъ святаго образа сего съ Москвы въ Серпуховъ іюня въ 5 день, на память св. муч. Дороѳея, епископа тирскаго". Едва ли эта икона не есть самое первое и вѣрное изображеніе

во имя сего мученика церковь, которая, въ отличіе отъ другой загородной и его же имени посвященной, называется церковію св. Димитрія *на крови*. Въ этой церкви понынѣ хранятся четыре орѣха, найденные въ рукѣ убіеннаго царевича. Они положены здѣсь въ серебряномъ складнѣ вмѣстѣ съ землею, омоченною кровію царевича (Древ. Росс. госуд. 2, 25. 26. Русская старина 1, 69).

св. царевича Димитрія (Опис. Серпух. Владыч. мон. 36 стр.).

Пр. Серапіонъ былъ ученикомъ и сподвижникомъ преп. Евфросина псковскаго. Когда Евфросинъ удалился изъ Святогорскаго монастыря въ пустынное мѣсто на рѣку Толву, тогда пришелъ къ нему на сожительство Серапіонъ. До конца своей жизни онъ раздѣлялъ трудные пустынные подвиги Евфросина. Скончался Серапіонъ 8-го сентября 1481 года. Мощи его почиваютъ въ Спасо-Елеазаровской обители (Ист. княж. Псков. 3, 78. Древн. Пскова. М. 1861 г.).

О жизни и подвигахъ преп. Исаіи печерскаго, нетлѣнно почивающаго въ Кіевопечерской обители, свѣдѣній не имѣется. У одного изслѣдователя памятниковъ древней русской письменности (у Кальнофойскаго) онъ называется „преподобнымъ старцемъ и трудолюбивымъ". Изъ этого можно заключить, что преп. Исаія угодилъ Господу неутомимымъ трудомъ, продолжавшимся и въ старости. Кончину преподобнаго относятъ къ 15 мая 1115 года (Русс. свв. Филарета, арх. черн.).

16-е число.

Пр. Феодора освященнаго, ученика Пахоміева. Блаженныя отроковицы Музы. Св. Георгія, еп. митилинскаго. Мучч. Вита, Модеста и Крискентія. Пр. Ефрема перекомскаго.

(Авдіисуса, епископа и съ нимъ 16 іереевъ, 9 діаконовъ, 7 дьвъ и 6 монаховъ, мучениковъ въ Персіи. Муч. Папилина. Муч. Петра. Николая, патріарха константинопольскаго. Св. Евфимія. Отцевъ въ лаврѣ св. Саввы избіенныхъ влеммитами. Новомуч. Николая).

СВ. ФЕОДОРА ОСВЯЩЕННАГО.

Пр. Феодоръ былъ родомъ египтянинъ и сынъ славныхъ и богатыхъ родителей—христіанъ. Въ душѣ его отъ юности пламенѣли сильная любовь къ Богу и стремленіе къ уединенной подвижнической жизни; еще отрокъ, онъ таилъ въ себѣ помыслы подвижника. Такъ, однажды въ домѣ его родителей, по случаю праздника Богоявленія Господня, было большое торжество. Четырнадцатилѣтній отрокъ Феодоръ, видя свой домъ украшенный по праздничному и размышляя о суетѣ всего приготовленнаго, умилился душею и сказалъ себѣ: „Какая мнѣ польза отъ всего того, что предъ моими глазами? Никто, наслаждаясь временными благами, не можетъ получить вѣчную

славу". И Өеодоръ, оставивъ домашнее торжество, скрылся въ одно уединенное мѣсто, гдѣ со слезами молилъ Господа направить его на путь добродѣтели и благочестія. Тайный голосъ вѣщалъ Өеодору оставить міръ и яже въ мірѣ. Слѣдуя внушенію этого голоса, онъ тайно оставилъ родительскій домъ и поселился въ одномъ изъ египетскихъ монастырей. Услыша о св. Пахоміи, собравшемъ братію въ Тавеннѣ, Өеодоръ молилъ Господа удостоить его видѣть сего праведнаго мужа. Молитва Өеодора была услышана. Одинъ изъ учениковъ св. Пахомія, по имени Пекусій, однажды пришелъ въ тотъ монастырь, въ которомъ жилъ Өеодоръ, и согласился быть его спутникомъ въ обитель пр. Пахомія. Св. Пахомій съ радостію принялъ Өеодора въ число своихъ учениковъ и потомъ оказывалъ ему особенное расположеніе и любовь за его самоотверженную подвижническую жизнь. Мать Өеодора, услышавъ, что сынъ ея находится въ Тавеннской обители, пришла туда съ цѣлію возвратить его домой. Пр. Пахомій извѣстилъ объ этомъ Өеодора. Өеодоръ сказалъ своему наставнику: „Скажи мнѣ, отче, не отдамъ ли я отвѣта Господу, когда, послѣ такого начала иноческой жизни, пойду къ своей матери, которую я оставилъ ради Господа"?—„Я не принуждаю тебя идти къ матери, отвѣчалъ Пахомій. Будь совершеннымъ инокомъ и живи здѣсь до своей кончины". Слово наставника было закономъ для ученика его. Өеодоръ рѣшилъ навсегда остаться въ обители Пахомія и не пожелалъ даже видѣться съ своею матерью. Вѣсть объ этомъ такъ сильно подѣйствовала на мать, что она сама пожелала оставить міръ и поселиться въ женскомъ монастырѣ, основанномъ сестрою Пахомія. „Если угодно будетъ Богу, говорила она, увижу и сына между свв. отцами, и спасу свою

душу“. Чрезъ нѣсколько времени къ Ѳеодору пришелъ братъ его Пафнутій и просилъ принять его въ число иноковъ. Ѳеодоръ не соглашался на это. Объ этомъ узналъ пр. Пахомій и убѣдилъ Ѳеодора согласиться на просьбу брата. Но Пафнутій не былъ подготовленъ къ трудамъ иноческой жизни и вскорѣ рѣшилъ бѣжать изъ монастыря. Ѳеодоръ, чтобы удержать брата, притворился, что и онъ желалъ бы также бѣжать отъ суровой строгости преподобнаго учителя. Братъ обрадовался. „Потерпимъ впрочемъ немного, сказалъ Ѳеодоръ своему брату, можетъ быть, учитель нашъ перемѣнится и будетъ добръ къ намъ; тогда останемся здѣсь“. Пафнутій согласился. Ѳеодоръ же разсказалъ обо всемъ Пахомію. Послѣдній похвалилъ Ѳеодора за его умную предосторожность, потомъ призвалъ обоихъ и сказалъ имъ: „Простите меня, братія, что согрѣшилъ предъ вами. Но вы, какъ истинные сыновья, должны переносить немощи вашего отца“. Пафнутій умилился этими словами и оставилъ свое намѣреніе бѣжать изъ обители.

Пр. Ѳеодоръ такъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иночества, что Пахомій часто поручалъ ему говорить поученія братіи, хотя ему было только 20 лѣтъ отъ роду. Потомъ поручилъ ему управленіе Тавеннскою обителію, а самъ ради безмолвія поселился въ другомъ небольшомъ монастырѣ.— Пр. Ѳеодоръ скончался въ 368 г.

Сей подвижникъ называется *освященнымъ* потому, что въ обители Пахомія онъ былъ первый поставленъ іереемъ среди иноковъ, не имѣвшихъ іерейскаго сана, подобно тому, какъ и преподобный Савва (память его 5 декабря) называется *освященнымъ* потому, что первый былъ въ своей лаврѣ іереемъ (Четьи-Минеи. Истор. правос. монаш. Казанскаго, стр. 175 и слѣд.).

БЛАЖЕННЫЯ ОТРОКОВИЦЫ МУЗЫ.

Одинъ христіанинъ—римлянинъ, по имени Провъ, имѣлъ малолѣтнюю сестру, Музу, своимъ благонравіемъ привлекавшую къ себѣ всю любовь родителей и родныхъ. Однажды въ сонномъ видѣніи явилась ей Матерь Божія, преблагословенная Дѣва Марія, окруженная сонмомъ прекрасныхъ отроковицъ, единовозрастныхъ Музѣ. Явленіе было тихо и благодатно, какъ восхожденіе луны въ глубокую полночь, или явленіе свѣтлой радуги на небѣ. Невинная душа отроковицы не смутилась, видя предъ собою Царицу небесную и ликъ блаженныхъ небожительницъ. Матерь Божія спрашиваетъ Музу: „Хочешь ли слѣдовать за Мною и жить вмѣстѣ съ сими отроковицами?“ Муза отвѣтила: „хочу“. Взирая на Пречистую Матерь Божію, она забыла о всемъ и о своихъ родителяхъ; ибо во взорѣ Матери Божіей она видѣла болѣе, чѣмъ любовь своей матери и ласки отца. „Не дѣлай же, говоритъ опять Матерь Божія, ничего непристойнаго; воздерживайся отъ смѣха и игръ; въ тридцатый день Я приду за тобою, и ты будешь съ ними“, при этомъ Она указала на тѣхъ прекрасныхъ дѣвицъ. Окончилось видѣніе, и Муза пробудилась отъ сна. Проходитъ день, другой; родители замѣчаютъ въ своей дочери перемѣну: она обнаруживала не по своимъ лѣтамъ степенность и особенную зрѣлость своихъ духовныхъ силъ; невинныя дѣтскія игры вовсе оставлены ею. Родители не мало дивились всему этому. Отроковица разсказала имъ видѣніе, какое ей было. Родители не могли не повѣрить словамъ, въ которыхъ выражалась безхитростная невинность младенца. Ожидаютъ означеннаго времени. Наступаетъ двад-

цать пятый день, и Муза заболѣла. Родители въ смущеніи; но вѣра и упованіе христіанское утѣшаетъ ихъ. Настаетъ наконецъ и тридцатый день и даже часъ исхода. Муза сподобляется опять прежняго видѣнія и на призываніе Преблагословенной отвѣчаетъ: „иду, иду, Госпожа моя!“ и съ сими словами оставляетъ землю (въ 5 вѣкѣ). Такъ души христіанскихъ младенцевъ чисты предъ Богомъ и близки къ небу и небесному (Четьи-Минеи. Григор. Двоесл. кн. 4, гл 17.)!

Св. Георгій, еп. митилинскій, поставленъ во епископа въ 842 году. Мощи св. Георгія видѣлъ въ Митилинѣ игуменъ Даніилъ въ началѣ 12-го вѣка (Мѣсяц. всѣхъ свв.).

Свв. мучч. Витъ, Модестъ и Крискентія пострадали въ царствованіе Діоклитіана. Объ нихъ см. 15 іюня.

ПР. ЕФРЕМА ПЕРЕКОМСКАГО.

Пр. Ефремъ, основатель перекомскаго (или перекопскаго) Николаевскаго монастыря (нынѣ Розважскій перекомскій), родился въ 1412 г., близъ Кашинскаго дѣвичьяго Успенскаго монастыря, и былъ названъ при крещеніи Евстаѳіемъ. Родители его извѣстны только по имени: отецъ Стефанъ, а мать Анна. Въ началѣ книжное ученіе плохо давалось Евстаѳію, пока, подобно пр. Сергію, онъ не получилъ дара вразумленія свыше. Преподобный съ дѣтства велъ жизнь самую воздержную: пищи употреблялъ мало, дѣтскихъ забавъ удалялся и вездѣ показывалъ собою образецъ кротости. Уединенная жизнь влекла къ себѣ отрока, почему онъ скоро покинулъ родительскій домъ и удалился въ Троицкій Калязинскій монастырь. Огорченные родители, узнавъ о мѣстопре-

быванія сына, долго уговаривали его возвратиться домой. Но юноша не измѣнилъ своему призванію. Онъ даже убѣдилъ самихъ родителей посвятить себя уединенной жизни, и они скончались въ иночествѣ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Калязинѣ и смерти своихъ родителей, Евстаѳій, по откровенію свыше, удалился въ обитель пр. Саввы Вишерскаго (въ Новгор. губ.), тамъ, на 25 г. отъ рожденія, принялъ постриженіе съ именемъ Ефрема и со всѣмъ усердіемъ и любовію отдался обязанностямъ монастырскаго послушанія. Въ 1450 г., съ благословенія пр. Саввы, Ефремъ пришелъ на западный берегъ озера Ильменя, къ устью р. Веренды, и тамъ поставилъ себѣ келлію. Избранное мѣсто было совершенно глухое, безлюдное, самое удобное для пустынника. Но Богъ судилъ ему иное. Скоро одинъ изъ окрестныхъ жителей нечаянно набрелъ на хижину Ефрема и удивился, что въ такой глуши живетъ человѣкъ: путникъ возвратился домой и принесъ отшельнику хлѣба и муки. Чрезъ нѣсколько дней къ пр. Ефрему прибылъ старецъ Ѳома съ двумя иноками и съ его согласія поселился здѣсь же, близъ келліи пр. Ефрема. Съ этого времени мало-помалу начали стекаться къ Ефрему и другіе любители уединенной жизни. По просьбѣ братіи, Ефремъ, какъ ихъ наставникъ, принялъ въ Новгородѣ санъ священника и игуменство. По возвращеніи изъ Новгорода, Ефремъ приступилъ къ сооруженію обители: при щедромъ пособіи добрыхъ людей онъ соорудилъ церковь въ честь свят. Николая (1466 г.); потомъ сталъ воздѣлывать землю и осушать болота; чтобы доставить въ обитель чистую воду, прокопалъ изъ рѣки Веренды въ озеро (Ильмень) протокъ (отъ этого и самый монастырь названъ *Верендовскимъ*, *Перекопскимъ* или *Перекомскимъ*). Въ под-

вигахъ труда и молитвъ пр. Ефремъ достигъ 80 лѣтней старости и мирно преставился ко Господу 26 сентября 1492 года. Преподобный былъ погребенъ въ монастырскомъ храмѣ св. Николая. По причинѣ весеннихъ наводненій монастырь пр. Ефрема въ царствованіе Іоанна Грознаго былъ переведенъ по берегу озера Ильменя на другое мѣсто, болѣе безопасное, называемое Клинково. Прежнія монастырскія строенія были разобраны, и надъ гробомъ св. Ефрема была поставлена временно часовня. 16-го мая 1545 г. мощи пр. Ефрема были перенесены на новое мѣсто обители, и тогда же было установлено совершать его память въ этотъ день. Въ 1611 г., при опустошеніи Новгорода шведами, новый монастырь былъ разоренъ и находился въ бѣдственномъ состояніи до 1672 года. Въ этомъ году бояринъ Романъ Ѳедоровичъ Бабарыкинъ, въ благодарность за спасеніе свое отъ потопленія, возобновилъ монастырь, вмѣсто прежней церкви, разоренной шведами, онъ соорудилъ новую деревянную, съ трапезою, во имя Богоявленія Господня, оградилъ монастырь деревянною стѣною и доставлялъ все необходимое для содержанія иноковъ. Въ 1795 г. для мощей преподобнаго устроена была рака, которая возобновлена была въ 1806 г. Нынѣ мощи пр. Ефрема почиваютъ въ монастырской церкви св. Николая, въ придѣлѣ, устроенномъ во имя преподобнаго. Въ 1796 г., по указу св. Синода, велѣно было перевести изъ Розважскаго (новгородскаго) монастыря строителя съ братіею въ заштатный Перекомскій, а въ 1802 г., по указу же Синода, оба монастырскіе штата соединены въ одинъ подъ названіемъ Розважскаго-Перекомскаго монастыря (Ист. Росс. Іер. Ч. 5, стр. 467—478. Слов. Истор. о свв., стр. 98—99. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Сент. 26 ч. Жит. свв. Муравьева).

Авдiесусъ епископъ и съ нимъ многie (38) мученики были родомъ персiяне. Они приняли мученическie вѣнцы вскорѣ послѣ св. Авды, еп. персидскаго (пам. его 31 марта), около 418 г., при Издигердѣ.—Муч. Папилинъ скончался отъ меча.—Мученикъ Петръ—избитый жилами во Влахернахъ за иконопочитанie, при Копронимѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергiя. Т. 2, стр. 128—129).

НИКОЛАЯ МИСТИКА, ПАТР. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Этотъ блаженный служилъ сначала при дворѣ, что показываетъ и самое названie *Мистикъ* (старшiй членъ тайнаго совѣта). До своего вступленiя на патрiаршую каѳедру, онъ былъ извѣстенъ, какъ инокъ строгой жизни. Въ патрiарха Николай былъ возведенъ въ 895 году; но черезъ 10 лѣтъ за мужественное и твердое противодѣйствie императору при нарушенiи имъ церковныхъ правилъ былъ низвергнутъ съ престола. Дѣло было такъ: Императоръ Левъ (въ 901 г.) по смерти третьей жены рѣшился вступить въ четвертый бракъ съ Зоею; патрiархъ не допускалъ этого, объявляя, что 4-й бракъ противенъ церковнымъ правиламъ. Когда же бракъ былъ совершенъ, твердый архипастырь священника, совершившаго незаконный бракъ, лишилъ сана, а императору воспретилъ входъ въ храмъ. Напрасно императоръ домогался, чтобы патрiархъ принялъ его въ общенie церкви. Въ 906 году ревностный пастырь былъ лишенъ каѳедры и заточенъ въ монастырь. По смерти Льва, Николай въ 911 г. былъ снова возвращенъ на каѳедру, а въ слѣдующимъ году объявленъ опекуномъ малолѣтняго императора Константина. Въ это время онъ написалъ обширное посланie къ

папѣ Анастасію, въ которомъ выставлялъ ему на видъ, какъ были не правы легаты римскаго епископа, подавъ голосъ за низверженіе его съ каѳедры за правду. Въ 912 г. болгарскій князь Симеонъ сдѣлалъ нападеніе на имперію; благочестивый патріархъ успѣлъ склонить его къ миру. Въ 917 году гордая Зоя, мать Константина, успѣла удалить патріарха изъ дворца; но дѣлами церкви Николай продолжалъ управлять до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 930 году (Ист. уч. объ отц. ц. Филарета, арх. черн. Ч. 3, стр. 381—382).

Св. Евѳиміи близъ Неорія. Это собственно праздникъ въ честь великомученицы Евѳиміи (пам. ея 16 сент.) въ сей мѣстности. - Свв. отецъ, въ лаврѣ св. Саввы избіенныхъ влеммитами. Это событіе было въ 614 году и описано современникомъ монахомъ Антіохомъ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 129).

НОВОМУЧ. НИКОЛАЯ.

Муч. Христовъ Николай родился въ Мечевѣ или Мецовѣ (въ греческомъ Епирѣ) отъ благочестивыхъ родителей и въ юныхъ лѣтахъ отправился въ Триккалы, гдѣ нанялся къ одному хлѣбопекарю и работалъ у него долгое время. Нѣкоторые мусульмане прозрѣніемъ и угрозами довели его до того, что онъ отрекся отъ Христа. Чрезъ нѣсколько времени, понявъ всю тяжесть отступничества, Николай бѣжалъ на родину и опять сталъ жить по-христіански. Узнали объ этомъ турки и искали удобнаго случая схватить его, чтобы предать смерти. Случай представился: Николай однажды навьючилъ свою лошадь лучиною и отправился продавать ее въ Триккалы. Здѣсь онъ встрѣтился съ знакомыми мусульманами, кото-

рые взяли его и подвергли разнымъ мукамъ, а потомъ сожгли. Это было въ 1617 г. Глава сего мученика чудодѣйствуетъ на поляхъ, прогоняя и истребляя саранчу. Кромѣ того, она врачуетъ неизлѣчимыя болѣзни и творитъ другія знаменія, куда бы съ вѣрою ни принесли ее. Свидѣтелями чудесъ многократно были сами турки. Св. глава мученика въ настоящее время находится въ Варлаамовскомъ монастырѣ, въ Метеорахъ (Христ. мучч., пострадавшіе на востокѣ, свящ. И. Соловьева. С. Петерб. 1862 г., стр. 70—73).

17-е число.

Св. ап. Андроника отъ 70 и Іуніи, помощницы его. Свв. мучч. Солохона, Памфамира и Памфалона воиновъ. Св. Стефана, архіеп. цареградскаго.

(Преп. Нектарія и Ѳеофана, родныхъ братьевъ).

СВ. АП. АНДРОНИКА И ІУНІИ, ПОМОЩНИЦЫ ЕГО.

Св. апостолъ Андроникъ отъ 70 и Іунія были сродниками ап. Павла и сподвижниками его въ трудахъ апостольскихъ. Оба они увѣровали во Христа прежде св. ап. Павла, какъ это видно изъ посланія сего апостола къ римлянамъ. „Привѣтствуйте, пишетъ онъ, Андроника и Іунію, сродниковъ моихъ и узниковъ со мною, прославившихся между апостолами и еще прежде меня увѣровавшихъ во Христа" (Римл. 16. 7). Св. ап. Андроникъ былъ епископомъ въ Панноніи, но проповѣдывалъ и въ

другихъ странахъ. Вмѣстѣ съ помощницею Іуніею онъ обратилъ ко Христу множество язычниковъ, создалъ церкви и исцѣлялъ людскіе недуги. Послѣ многихъ трудовъ и страданій отъ невѣрныхъ свв. Андроникъ и Іунія мирно скончались. Впослѣдствіи, въ царствованіе Аркадія и Гонорія, свв. мощи ихъ, вмѣстѣ съ мощами другихъ мучениковъ, были обрѣтены во Евгеніи, близъ Царьграда (см. объ этомъ 22 февраля). Вторично память ап. Андроника 30-го іюля (Четьи-Минеи).

СВВ. МУЧЧ. СОЛОХОНА, ПАМФАМИРА И ПАМФАЛОНА.

Св. муч. Солохонъ былъ родомъ египтянинъ, вѣрою христіанинъ, званіемъ воинъ. Онъ пострадалъ вмѣстѣ съ двумя своими товарищами—Памфамиромъ и Памфалономъ при императорѣ Максиміанѣ (284—305) отъ своего военачальника Кампана въ г. Халкидонѣ. За отказъ принести жертву идоламъ Солохона и его товарищей подвергли жестокимъ мученіямъ. Памфамиръ и Памфалонъ скончались во время самыхъ мученій, а Солохонъ остался послѣ этихъ мученій живъ и громко прославлялъ Господа Іисуса. Разгнѣванный Кампанъ приказалъ раскрыть мечемъ уста исповѣдника и насильно влить ему идоложертвенное вино. Послѣ св. мученика влачили по острымъ камнямъ, вѣшали за правую руку въ то время, какъ къ ногамъ были привязаны большіе камни, наконецъ мучители воткнули въ ухо Солохона письменную трость и ушли, оставивъ его едва живаго. Воспользовавшись отсутствіемъ мучителей, христіане привели св. мученика въ домъ одной вдовы христіанки, гдѣ онъ и скончался (Четьи-Минеи).

Св. Стефанъ. архіеп. цареградскій, былъ сынъ царя Василія Македонянина и братъ царя Льва философа, вступилъ на константинопольскій престолъ послѣ отреченія Фотія отъ патріаршества (886 г.) и управлялъ церковію слишкомъ 6 лѣтъ. Святитель скончался 17 мая 893 г. (Прологъ).

Препп. Нектарій и Θеофанъ, родные братья, были ктиторами обители Варлаама метеорскаго (въ Θессаліи), скончались въ мирѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 130).

18-е число.

Св. муч. Θеодота анкирскаго и 7 мучениць свв. дѣвъ: Текусы, Александры, Клавдіи, Фаины, Евфрасіи. Матроны и Іуліи. Свв. мучч. Симеона, Исаака и Вахтисія. Свв. мучч. Петра, Діонисія, Андрея, Павла и Христины. Свв. мучч. Ираклія, Павлина и Венедима.

(Муч. Іуліана. Муч. Θеодора, папы римскаго. Святыя Анастасо. Муч. Евфрасіи. Пр. Мартиніана. Муч. Θеодоты. Двухъ братьевъ грузинъ, Давида и Таричана).

СВ. МУЧ. ΘЕОДОТА АНКИРСКАГО И 7 МУЧЧ. СВВ. ДѢВЪ.

Въ царствованіе жестокаго гонителя христіанъ, императора Діоклитіана (284—305), въ городъ Анкиру (Галатійской области) прибылъ правитель Θеотекнъ. Отправляясь въ Анкиру, онъ обѣщалъ царю въ короткое время обратить всѣхъ христіанъ къ язычеству. И дѣй-

ствительно, онъ принялся за свое дѣло съ большою ревностію. По его приказанію христіанъ начали заключать въ оковы и темницы, имѣнія ихъ грабить, а храмы разорять и сравнивать съ землею. Ѳеотекнъ не щадилъ ни пола, ни возраста. Ужасъ объялъ христіанъ. Многіе бѣжали въ горы и пустыни. Но здѣсь ихъ ожидало новое бѣдствіе — недостатокъ пищи. Томимые голодомъ и лишеніями всякаго рода, нѣкоторые изъ христіанъ добровольно отдавались въ руки язычниковъ, которые обыкновенно заключали ихъ въ темницы. Въ это-то бѣдственное время жилъ въ Анкирѣ одинъ добрый и благочестивый христіанинъ, по имени Ѳеодотъ. Онъ отличался особенною любовію къ вѣрующимъ. У Ѳеодота была гостинница, въ которой онъ укрывалъ отъ преслѣдованія своихъ гонимыхъ единовѣрцевъ и по возможности снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Здѣсь же онъ своею проповѣдію приводилъ іудеевъ и язычниковъ къ христовой вѣрѣ и училъ грѣшныхъ покаянію. Въ его домѣ христіанскіе священники тайно совершали богослуженіе. Не ограничиваясь домашнею благотворительностію, Ѳеодотъ посѣщалъ темницы, увѣщавая узниковъ къ терпѣнію и твердости, и не рѣдко выкупалъ ихъ изъ рукъ воиновъ; тайно бралъ тѣла свв. мучениковъ, брошенныя на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, и честно погребалъ ихъ. Правитель не зналъ, что Ѳеодотъ христіанинъ, и потому благотворительность послѣдняго была довольно продолжительна.

Въ томъ же городѣ Анкирѣ, въ которомъ проводилъ святую жизнь Ѳеодотъ, жили 7 благочестивыхъ и цѣломудренныхъ дѣвъ. Старшая изъ нихъ Текуса была теткою Ѳеодота. Свв. дѣвы были приведены къ правителю. Долго правитель уговаривалъ ихъ отречься отъ вѣры

Христовой; но всѣ его увѣщанія оказались напрасными, и свв. дѣвы преданы были жестокимъ мученіямъ, которыя онѣ перенесли съ необычайною твердостію. Вскорѣ наступилъ языческій праздникъ—*омовеніе идоловъ*. Θеотекнъ вздумалъ заставить дѣвъ принять участіе въ языческомъ торжествѣ. На богатыхъ колесницахъ повезли идоловъ къ озеру въ сопровожденіи жрецовъ и множества народа, при звукахъ пѣсенъ и музыки. Вслѣдъ за идолами въ обнаженномъ видѣ вели къ озеру и 7 свв. дѣвъ—мученицъ. Многіе изъ народа, видя позоръ мученицъ и тѣла ихъ, покрытыя ранами, плакали отъ умиленія и жалости. Напрасно мучитель заставлялъ страдалицъ то ласками, то угрозами омывать идоловъ: свв. дѣвы оказались непреклонными и вѣрными рабами Божіими. Разгнѣванный ихъ твердостію, мучитель приказалъ къ шеѣ каждой привязать по тяжелому камню и бросить ихъ въ озеро. Это было 18 мая 303 г. Имена этихъ 7 мученицъ—дѣвъ были: Текуса, Александра, Клавдія, Фаина, Евфрасія, Матрона и Іулія. Св. Θеодотъ, узнавъ отъ одной благочестивой женщины о кончинѣ свв. мученицъ, возблагодарилъ Бога, помогшаго дѣвамъ остаться вѣрными Ему до смерти; затѣмъ рѣшился извлечь свв. мощи ихъ изъ воды и предать погребенію. Дѣло было трудное и опасное, потому что правитель приказалъ поставить стражей на берегу озера. Но св. Θеодотъ надѣялся на помощь Божію; и надежда его не посрамила. Послѣ долгой и усердной молитвы онъ ночью съ родственникомъ своимъ Полихроніемъ и другими христіанами отправился къ озеру. Ночь была темная; шелъ проливный дождь. На пути вдругъ показался имъ въ воздухѣ огненный крестъ и былъ слышанъ голосъ: „Иди смѣло, Θеодотъ“! Послѣ этихъ словъ крестъ исчезъ, но огненная лампада

освѣтила имъ путь, и два мужа въ свѣтлыхъ одеждахъ явились и сказали Θеодоту: „Дерзай! Господь написалъ имя твое въ числѣ Своихъ мучениковъ. Онъ услышалъ молитву твою и пошлетъ тебѣ на помощь св. Сосандра". Это явленіе ободрило путниковъ. Слѣдуя огненной лампадѣ, они подошли къ берегу озера. Въ это время предъ стражами предсталъ вооруженный воинъ въ шлемѣ, со щитомъ и бронею, сіяющими подобно огню. Это былъ недавно скончавшійся мученикъ Сосандръ, посланный Богомъ на помощь Θеодоту и его спутникамъ. Устрашенные необыкновеннымъ явленіемъ воина, стражи разбѣжались. Въ то же время отъ сильнаго вѣтра сдѣлался отливъ воды отъ береговъ озера, что дало возможность Θеодоту увидѣть лежавшія на днѣ тѣла мученицъ. Тотчасъ отрѣзаны были веревки, которыми были привязаны камни къ шеямъ свв. дѣвъ; тѣла ихъ были извлечены изъ озера и съ честію похоронены при церкви свв. патріарховъ. На другой день стало извѣстно въ городѣ, что тѣла свв. мученицъ вынуты изъ озера, но кѣмъ—никто не зналъ. Разгнѣванный правитель сталъ усиленно доискиваться виновниковъ. Въ числѣ заподозрѣнныхъ въ похищеніи свв. тѣлъ оказался и родственникъ Θеодота, Полихроній. Онъ представленъ былъ къ правителю, который угрозами вынудилъ его разсказать обо всемъ случившемся ночью; въ своемъ разсказѣ Полихроній выставилъ Θеодота главнымъ виновникомъ дѣла. Тогда язычники откопали свв. мощи дѣвъ и сожгли ихъ, а Θеодота начали розыскивать. Св. Θеодотъ, узнавъ объ этомъ, явился самъ къ мучителю. Правитель началъ уговаривать его отречься отъ Христа, обѣщая за это свободу и почести. Но изъ устъ мученика послышались обличенія языческихъ заблужденій и проповѣдь о Христѣ. Тогда Θеодота начали мучить: стро-

гали его тѣло желѣзными гребнями, обливали уксусомъ съ солью и палили огнемъ, били камнями въ уста и наконецъ заключили въ темницу. Спустя 16 дней, правитель опять призвалъ къ себѣ Ѳеодота и снова началъ уговаривать его отречься отъ Христа. И когда Ѳеодотъ по-прежнему остался непреклоннымъ, его подвергли новымъ мученіямъ, среди которыхъ св. мученикъ не переставалъ дерзновенно исповѣдывать и прославлять Господа. Наконецъ мучитель приказалъ отсѣчь страдальцу голову, а тѣло его сжечь, чтобы оно не было погребено христіанами. Ѳеодотъ усѣченъ былъ 7 іюня 303 г. Воины хотѣли сжечь его тѣло, но внезапно поднявшаяся сильная буря помѣшала имъ это исполнить. Одинъ благочестивый священникъ, по имени Фронтонъ, тайно взялъ останки св. мученика и предалъ ихъ землѣ.

Житіе и страданія муч. Ѳеодота описаны очевидцемъ и согражданиномъ мученика, Ниломъ. Въ началѣ описанія онъ говоритъ: „Мы будемъ говорить о томъ, что сами, изначала жившіи съ мученикомъ, узнали и очами нашими видѣли". Въ концѣ же свидѣтельствуетъ: „Все сіе я смертный Нилъ съ точностію передалъ вамъ, боголюбезные братія; я вмѣстѣ съ нимъ (Ѳеодотомъ) находился въ темницѣ и знаю достовѣрно все, что ни сообщилъ вамъ, всегда заботясь объ истинѣ". Замѣчательно въ этомъ житіи свидѣтельство древности крестнаго знаменія: въ одномъ мѣстѣ говорится, что мученики, устрашенные, всѣ напечатлѣли знаменіе креста на своемъ челѣ; а въ другомъ мѣстѣ, что Ѳеодотъ все тѣло свое оградилъ знаменіемъ креста. (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 139—140).

Свв. мучч. Симеонъ, Исаакъ и Вахтисій, родомъ персіяне, пострадали при Сапорѣ 2-мъ (въ 4 вѣкѣ) въ

Персіи, за вѣру въ Іисуса Христа. Симеонъ, закопанный по грудь въ землю, потоптанъ конями; Исаакъ побитъ камнями; Вахтисій скончался отъ ранъ въ темницѣ, но и умершему отсѣчена глава (Прологъ. Мѣсяц. Василія 15 мая).

Свв. мучч. Петръ, Діонисій, Андрей, Павелъ и Христина пострадали въ городѣ Лампсакѣ при Декіи (249—251) отъ правителя Оптима (Четьи-Минеи).

Свв. мучч. Ираклій, Павлинъ и Венедимъ, родомъ афиняне, скончались за вѣру въ разженной печи, въ 3 вѣкѣ (Четьи-Минеи).

Муч. Іуліанъ скончался въ Александріи, влекомый по терніямъ.—Муч. Өеодоръ, папа римскій, скончался отъ строганія и сѣкиры.—Святая Анастасо скончалась мирно въ Левкадіевыхъ.—Муч. Евфрасія, родомъ изъ Никеи, пострадала при Діоклитіанѣ и Максиміанѣ; послѣ разныхъ мученій она брошена была въ море.—Пр. Мартиніанъ скончался мирно въ Аріобиндовомъ монастырѣ (въ Царьградѣ).—Муч. Өеодота пострадала въ Анкирѣ въ одно время съ Өеодотомъ анкирскимъ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 131).

Два брата грузины, Давидъ и Таричанъ, пострадали отъ персидскаго правителя Абдула за отказъ снова исповѣдывать магометанство. Они скончались послѣ жестокихъ пытокъ 31-го марта 693 года (Жизнеопис. свв. грузин. ц. М. Сабинина. 1873 г. Ч. 3 стр. 165).

19-е число.

Св. священномуч. Патрикія, еп. прусскаго, и съ нимъ трехъ пресвитеровъ: Акакія, Менандра и Поліена. Св. муч. Калуѳа египтянина. Пр. Іоанна, еп. готѳскаго. Пр. Корнилія комельскаго. Благовѣрнаго князя Іоанна, въ иноцѣхъ Игнатія, вологодскаго.

(Муч. Ѳеотимы. Преставленіе Сергія, схимонаха шухтовскаго).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. ПАТРИКІЯ, ЕП. ПРУССКАГО, И ДРУЖИНЫ.

Св. Патрикій былъ епископомъ города Пруссы, въ Виѳиніи. Онъ открыто проповѣдывалъ вѣру Христову, смѣло обличалъ язычниковъ и многихъ изъ нихъ обратилъ ко Христу. Раздраженные успѣхомъ Патрикія, граждане Пруссы схватили его вмѣстѣ съ тремя пресвитерами и представили на судъ къ виѳинійскому правителю Іулію. Правитель приказалъ бросить святителя въ горячій источникъ; но онъ никакого вреда не причинилъ Патрикію. Тогда правитель приказалъ отсѣчь ему голову. Тотъ же приговоръ былъ произнесенъ и надъ тремя пресвитерами (Акакіемъ, Менандромъ и Поліеномъ), раздѣлявшими труды святителя по благовѣстію Христову. Годъ кончины сихъ мучениковъ точно не извѣстенъ. Нѣкоторые

думаютъ, что они пострадали около 100 г. по Р. Хр. (Четьи-Минеи).

Св. муч. Калуѳъ, родомъ изъ Ѳиваиды, за исповѣданіе Іисуса Христа, послѣ разныхъ мукъ сожженъ въ царствованіе Максиміана (Прологъ).

ПР. ІОАННА, ЕП. ГОТѲСКАГО.

Св. Іоаннъ родился въ 8 вѣкѣ, въ Тавроскиѳіи (въ Крыму), подвластной тогда готѳамъ, въ портѣ парѳенитскомъ. Родители его были благочестивые христіане: Леонидъ, бывшій на воинской службѣ, и Фотина. Какъ чадо молитвы, Іоаннъ съ дѣтства былъ посвященъ Богу. Въ 754 году (при императорѣ Константинѣ Копронимѣ) епископъ готѳскій подписалъ опредѣленія иконоборческаго собора, за что былъ поставленъ императоромъ въ митрополита праклійскаго; на его мѣсто православные готѳы избрали себѣ во епископа Іоанна. Но онъ отправился во св. землю для поклоненія свв. мѣстамъ и пробылъ тамъ три года. По возвращеніи въ отечество, Іоаннъ былъ посланъ для рукоположенія въ Грузію (Иверію), не зараженную иконоборствомъ. Въ это время сдѣлалъ нападеніе на Тавроскиѳію каганъ хозарскій и бралъ христіанъ-готѳовъ въ плѣнъ цѣлыми толпами. Самъ новопоставленный епископъ Іоаннъ, по возвращеніи въ отечество, попалъ въ плѣнъ къ кагану; но епископъ спасся бѣгствомъ и скрылся въ Амастридѣ. Спустя четыре года, хозарскій властелинъ умеръ. Услышавъ о его смерти, Іоаннъ сказалъ амастридскимъ христіанамъ: „И я, братія мои, отхожу по истеченіи 40 дней и буду судиться съ гонителемъ моимъ предъ судіею и Богомъ“. И дѣствительно, чрезъ 40 дней онъ скончался (около 790 г.). Георгій, еп. амастридскій,

въ сопровожденіи всѣхъ гражданъ, со свѣчами и кажденіемъ проводилъ его тѣло на корабль, который отправлялся въ Пареениты. Тѣло св. Іоанна было погребено въ устроенномъ имъ самимъ монастырѣ. Св. Іоаннъ и при жизни и по смерти совершалъ чудеса. Память его вторично 26 іюня (Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 141—142).

ПР. КОРНИЛІЯ КОМЕЛЬСКАГО.

Пр. Корнилій родился въ Ростовѣ, воспитывался въ Москвѣ, гдѣ его родители, по фамиліи Крюковы, люди богатые и знатные, служили при дворѣ Маріи, супруги вел. кн. Василія Темнаго. По смерти родителей, Корнилій съ дядею своимъ Лукіаномъ удалился въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель, гдѣ на 13 году принялъ иноческое постриженіе и выполнялъ послушаніе въ хлѣбнѣ. Тяжелы были труды для не привыкшаго и не окрѣпшаго еще силами молодаго Корнилія! Но онъ охотно трудился не только за себя, но и за другихъ, не совсѣмъ усердныхъ. Желая какъ можно болѣе изнурять свою плоть, преподобный носилъ при этомъ еще вериги. Въ свободное отъ занятій время Корнилій списывалъ книги, которыхъ много послѣ него осталось въ Кирилловой обители. На краткое время онъ отправился на свою родину, въ Ростовъ, чтобы тамъ убѣдить меньшаго своего брата идти также въ монастырь, а потомъ началъ странствовать. Прежде преподобный направился въ великій Новгородъ, процвѣтавшій въ то время иноческими обителями, и не малое время провелъ тамъ у мудраго архіепископа Геннадія, который умѣлъ оцѣнить его высокую жизнь. Святитель хотѣлъ сподобить Корнилія сана священства, но инокъ отказался

отъ предлагаемой почести, считая себя недостойнымъ такого высокаго сана, и удалился въ пустыню, недалеко отъ Новгорода. Святитель посылалъ ему туда пищу, нѣсколько разъ призывалъ его къ себѣ для совѣта и самъ однажды почтилъ его посѣщеніемъ. Когда разнеслась молва о пустынныхъ подвигахъ Корнилія, и начали къ нему отовсюду стекаться, любитель безмолвія удалился въ Савватіеву пустынь (Тверской губ.). Смущаемый и тамъ многолюдствомъ, преподобный скрылся въ вологодскомъ Комельскомъ лѣсу. Это было при вел. кн. Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1497 году. Избравъ глухое мѣсто въ 45 верстахъ отъ Вологды и 5—отъ г. Грязовца, преподобный долгое время жилъ одинъ и не мало перенесъ искушеній отъ бѣсовъ. Уединенные его подвиги и борьба съ темными силами одному Богу извѣстны. Къ испытанному въ искушеніяхъ начали мало-помалу собираться любители безмолвія, и преподобный, съ благословенія митрополита Симона, рукоположившаго его во іерея, построилъ деревянную церковь во имя Введенія Богоматери. При постройкѣ храма и обители преподобный самъ трудился на ряду съ другими. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ искушеній: недалеко отъ келліи преподобнаго было жилье разбойниковъ. Досадуя на старца, какъ на помѣху ихъ ремеслу, они дѣлали ему много оскорбленій и не разъ били его. Однажды разбойники избили преподобнаго такъ, что онъ едва могъ дойти до келліи. Въ другой разъ дерево упало на него и ушибло столь сильно, что онъ пролежалъ въ постели полтора года. Не успѣлъ преподобный вполнѣ оправиться отъ болѣзни, какъ упалъ съ кручи въ глубокую яму; уже отчаявались въ его жизни, но Господь сохранилъ его для новыхъ подвиговъ. Немало преподобному пришлось перенесть огорченій и за самое мѣсто, гдѣ основалась его

пустынная обитель. На него жаловались даже князю, будто бы онъ отнимаетъ чужую собственность, тогда какъ Корнилій расчищалъ и заселялъ непроходимый лѣсъ. Однако кротость и терпѣніе его преодолѣвали все; вел. кн. Василій Іоанновичъ питалъ глубокое уваженіе къ старцу, о которомъ такъ много добраго слышалъ, и не тревожилъ его. Въ 1512 г., когда число братіи увеличилось, преподобный построилъ новый каменный храмъ; при этомъ одни изъ братіи плотничали, другіе писали иконы, третьи списывали книги и т. д. Впослѣдствіи онъ построилъ еще другой храмъ въ честь пр. Антонія, начальника пустынножителей, къ которому питалъ особенное благоговѣніе. Для постояннаго руководства братіи Корнилій написалъ общежительный уставъ (въ главныхъ своихъ чертахъ онъ сходенъ съ уставомъ велик. Пахомія, см. жит. Пахомія подъ 15 ч. мая). Для больныхъ и странниковъ построилъ больницу и страннопріимный домъ, гдѣ пришельцы и нищіе находили пріютъ и пищу. Богъ видимо благословлялъ благія учрежденія Корнилія. Однажды къ празднику не было запасовъ для трапезы. Братія унывала; пр. Корнилій надѣялся на Бога. И вотъ въ самый праздникъ, на разсвѣтѣ, была прислана отъ великаго князя щедрая милостыня. Милосердіе преподобнаго открылось особенно во время голода, посѣтившаго Вологодскую страну; въ это время, не смотря на скудость самой обители, онъ питалъ всѣхъ приходившихъ въ нее. Нѣкоторые родители оставляли своихъ дѣтей у стѣнъ обители, не имѣя чѣмъ кормить ихъ. Корнилій построилъ для нихъ богодѣльню на монастырскомъ дворѣ и кормилъ ихъ. За такую любовь къ бѣднымъ преподобный не разъ былъ утѣшенъ благодатнымъ явленіемъ и видѣніемъ пр. Антонія.

Братія однако не умѣли достойно цѣнить высокіе подвиги добродѣтели Корнилія; нашлись между ними строптивые, которые были недовольны преподобнымъ. Двое изъ нихъ рѣшились даже убить его. Съ этою цѣлію они засѣли у моста и поджидали его прохода. Но, когда старецъ одинъ проходилъ по мосту, злоумышленникамъ показалось, что его сопровождаетъ много людей; поэтому убоялись сдѣлать на него нападеніе. Они рѣшились ждать его возвращенія и опять увидѣли тоже. Узнавъ послѣ, что Корнилій ходилъ одинъ, злоумышленники испугались и со слезами просили у него прощенія. Незлобивый старецъ простилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе неудовольствія въ обители продолжались; поэтому Корнилій рѣшился ее оставить. Онъ поручилъ управленіе обителью 12 старцамъ, избраннымъ изъ братіи, а самъ съ ученикомъ Геннадіемъ отправился на Сурское озеро (въ 70 верстахъ отъ его обители). Здѣсь онъ положилъ основаніе новой обители, извѣстной донынѣ подъ именемъ Геннадіева монастыря. По усиленной просьбѣ братіи и по настоянію вел. кн. Василія Іоанновича преподобный снова возвратился въ свой монастырь; но игуменства уже не принялъ, а передалъ его ученику своему Лаврентію, самъ же затворился въ келліи. Преподобному суждено еще разъ оставить обитель, уже не по доброй волѣ, а по причинѣ частыхъ набѣговъ татаръ, которые, разоряя окрестности, грозили своимъ нашествіемъ и его обители. Тогда иноки и міряне покидали свои жилища и скрывались въ лѣсахъ. Вмѣстѣ съ братіею Корнилій ушелъ въ бѣлозерскіе предѣлы, моля Господа и Пречистую Его Матерь о сохраненіи своей обители. Татаре, разорившіе много окрестныхъ обителей, устремились было и на Корниліеву, но издали она показалась имъ неприступною

крѣпостію, и они бѣжали, пораженные страхомъ; старецъ же съ братіею возвратился на мѣсто своего жительства.

За свою строго-подвижническую жизнь преподобный еще при жизни получилъ даръ исцѣленія недуговъ. Одинъ изъ иноковъ, по имени Іовъ, подошелъ къ нему во время вечерняго правила и показалъ сильно уязвленную руку; старецъ взглянулъ на рану, сотворилъ молитву, и рука въ ту же минуту исцѣлилась. Другой инокъ, посланный Корниліемъ на работу, попался въ руки разбойниковъ и былъ принесенъ въ монастырь едва живымъ отъ ранъ. Преподобный коснулся перстомъ больныхъ мѣстъ, и болящій сталъ совершенно здравымъ. Великій подвижникъ примѣромъ своей жизни и наставленіями воспиталъ мужей высокой жизни. Изъ нихъ болѣе другихъ извѣстны: Геннадій любимоградскій (23 янв.), Кириллъ новоезерскій (4 февр.), Иродіонъ илоезерскій (28 сент.), Адріанъ пошехонскій (26 авг.), и др. Скончался преподобный въ глубокой старости, 82 лѣтъ, 19 мая 1537 года. Вскорѣ послѣ его кончины начали истекать исцѣленія отъ его гроба. Мощи Корнилія почиваютъ въ основанной имъ Комельской обители, подъ спудомъ.

Сохранились въ обители: часть власяницы преподобнаго, подъ которою онъ столько потрудился, и ризы его пресвитерскія изъ бѣлой камки, какъ священное наслѣдіе его обители. Уцѣлѣлъ самый списокъ ставленной его грамоты, которою Симонъ, Божіею милостію митрополитъ всея Руси, свидѣтельствуетъ: „что онъ поставилъ инока Корнилія Ѳедорова, сына Крюкова, въ чтеца и въ подділкона, и въ діакона, и свершилъ его въ попы въ свою митрополію, къ церкви Пречистыя Бо-

городицы Введенія, въ пустыньку на Комельскій лѣсъ, на рѣку на Нурму, въ Костромскую десятину, и да литургисаетъ въ святѣй Божіей церкви; аще кто къ нему приходитъ отъ дѣтей духовныхъ, да разсужаетъ ихъ по правиламъ свв. апостолъ и свв. отецъ, имѣя волю вязать и рѣшить по благословенію нашего смиренія. И да не преходитъ отъ церкви къ церкви безъ нашего благословенія, и не явясь нашему намѣстнику или десятиннику; аще ли прейдетъ не явясь, и да не литургисаетъ по сей нашей граматѣ. И сего ради дана бысть грамата сія на утвержденіе его, на Москвѣ, лѣта 7009 (1501), мѣсяца февраля въ 1-й день". Житіе преп. Корнилія написано постриженникомъ его Наѳанаиломъ въ 1589 г., а всеобщее почитаніе его во всей россійской церкви опредѣлено соборнѣ патріархомъ Іовомъ въ 1600 году.—По наружному виду „Корнилій чудотворецъ сѣдъ, кудреватъ, брада тупая" (Прологъ. Ист. Росс. Іер. Т. 4, стр. 661—704. Слов. истор. о свв. стр. 138—139. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Русс. Ѳиваида на сѣверѣ. 1855 г. стр. 20—64 его же. Народ. словесн. и искусство Буслаева 2, 351).

БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ІОАННА, ВЪ ИНОЦѢХЪ ИГНАТІЯ, ВОЛОГОДСКАГО.

Князь Іоаннъ былъ сынъ угличскаго князя Андрея Васильевича, внукъ вел. кн. Василія Темнаго (1425—1462). Подобно св. Герману, патріарху Константинопольскому, Іоаннъ страдалъ почти всю жизнь только за то, что происходилъ изъ знатнаго рода. Великій князь Іоаннъ 3-й (1462—1505) разгнѣвался на своего брата Андрея угличскаго по подозрѣнію въ измѣнѣ,—за то, что онъ не выслалъ во время войска на помощь противъ та-

таръ. Въ сентябрѣ 1491 г., по волѣ вел. князя, Андрея вызвали въ Москву и здѣсь заковали въ цѣпи. На эту несправедливость терпѣливый князь только могъ сказать: „Воленъ Богъ, да государь, мой братъ, а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что невинно лишаюсь свободы“. Изъ Москвы князь Андрей вмѣстѣ съ дѣтьми, Іоанномъ и Димитріемъ, былъ отправленъ въ переяславскую темницу. Несчастный, но добродѣтельный князь скончался здѣсь 7-го октября 1493 года, а за годъ до этого скончалась и супруга его. Великій князь оплакалъ своего брата и приказалъ похоронить его въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ; однако же сыновей его отправилъ въ тюрьму сначала на Бѣлоозеро, а потомъ въ Вологду, подъ тѣмъ предлогомъ, что они будутъ домогаться великокняжескаго престола. Такъ объяснялъ и оправдывалъ свой поступокъ вел. князь предъ митрополитомъ, который ходатайствовалъ объ освобожденіи двухъ юныхъ братьевъ. Князь Іоаннъ совершенно безвинно провелъ въ темницѣ 32 года, лишенный свѣта и чистаго воздуха. Кроткій и богобоязненный узникъ не ропталъ на свое несчастіе, онъ утѣшался молитвою и чтеніемъ слова Божія и ободрялъ брата своего Димитрія, который былъ не такъ твердъ духомъ, какъ Іоаннъ. „Къ чему скорбѣть, братъ мой? говорилъ Іоаннъ своему соузнику, Богъ внушилъ великому князю позаботиться о спасеніи душъ нашихъ. Не видишь ли, какъ мы далеки отъ міра, опаснаго для души? Все, что есть въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра (1 Іоанн. 2, 16). Тѣсенъ затворъ нашъ; но не тѣснымъ ли путемъ шли въ царство небесное святые? они терпѣли голодъ, стужу, побои, раны, темницу, потерю всего, но пѣли псалмы

и утѣшались чтеніемъ слова Божія. Будемъ и мы подражать имъ, и намъ будетъ данъ вѣнецъ нетлѣнія". Предъ смертію Іоаннъ принялъ постриженіе отъ прилуцкаго игумена Михаила, съ именемъ Игнатія, и скончался 19 мая 1523 г., 45 лѣтъ отъ рожденія. Невинный страдалецъ погребенъ былъ въ Прилуцкой обители, подъ алтаремъ, близъ пр. Димитрія. Вологжане, знавшіе о невинномъ страданіи Іоанна, во множествѣ собрались на его погребеніе и были очевидцами особеннаго благоволенія Божія къ умершему: они видѣли много чудесъ, истекавшихъ отъ мощей князя Іоанна.—Братъ его Димитрій, еще долго послѣ этого томившійся въ темницѣ, по смерти погребенъ былъ, по его желанію, при ногахъ Іоанна. Послѣ невинныхъ страдальцевъ-князей осталась икона Богоматери, предъ которою они молились въ темницѣ. Икона эта и доселѣ хранится въ вологодской темницѣ, и граждане Вологды съ благоговѣніемъ притекаютъ къ ней, какъ и ко гробу преподобнаго Игнатія (Ист. Росс. Іер. Ч. 6, 218—244. Прологъ. Истор. изв. о Вологдѣ, стр. 52 и 95. Слов. истор. о свв. стр. 117. Русс. свв. Филарета, арх. черн.).

Муч. Өеотима, дочь Татіана префекта, родомъ изъ Никомидіи, скончалась отъ меча. Братъ ея Филетеръ, много пострадавшій за вѣру при Діоклитіанѣ и Максиминѣ, скончался въ мирѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. стр. 132 и 340. Зам. стр. 403).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СЕРГІЯ, СХИМОНАХА ШУХТОВСКАГО.

Свѣдѣнія о жизни сего угодника Божія находятся въ лѣтописномъ сказаніи, имѣющемся при его гробѣ. По этому сказанію, преп. Сергій родился и воспитывался

въ г. Казани и въ мірѣ назывался Стефаномъ. Съ самаго дѣтства онъ любилъ молиться и держаться строгаго поста. Вмѣсто молока матери, у которой онъ не бралъ сосцевъ, пилъ ячменное, но не квасное сусло; въ пищу же употреблялъ только сухой хлѣбъ и суровое зеліе, и притомъ только дважды въ недѣлю. Изъ Казани Стефанъ ходилъ въ Палестину и Царьградъ, три года посѣщалъ тамъ свв. мѣста, желая научиться монастырскимъ обычаямъ. Изъ Палестины Стефанъ отправился обратно въ Россію и пришелъ въ великій Новгородъ, гдѣ посѣтилъ соборный храмъ Софіи и другія церкви и монастыри; изъ Новгорода ходилъ къ Ледовитому океану, потомъ въ обитель препп. Зосимы и Савватія, наконецъ пришелъ въ Шуховскую волость и принялъ постриженіе въ иночество въ череповскомъ Воскресенскомъ монастырѣ отъ тамошняго архимандрита Исаіи, съ именемъ Сергія. Въ Шуховской пустыни пр. Сергій проводилъ самую строгую жизнь, подвизаясь постоянно въ молитвѣ, колѣнопреклоненіяхъ и постѣ. Не имѣя постели, онъ пребывалъ почти совершенно безъ сна день и ночь, засыпая иногда только на локтяхъ и колѣнахъ. Преподобный Сергій скончался 19 мая 1609 года, около 60 лѣтъ отъ роду. Трудолюбивое тѣло его было погребено въ часовнѣ у церкви Св. Троицы, что на Шухтовѣ, гдѣ въ то время былъ священникомъ благочестивый мужъ Тимоѳей Алексѣевъ, сынъ Пелевинъ. По сказанію лѣтописи, этотъ угодникъ Божій былъ небольшаго роста, лице имѣлъ круглое, волосы черные кудреватые, бороды вовсе не имѣлъ. Рясу носилъ черную волосяную, мантію длинную. Имѣлъ благодатный даръ прозорливости и при жизни своей творилъ много чудесъ; пищу принималъ только отъ людей благочестивыхъ.

Мощи преп. Сергія шухтовскаго почиваютъ подъ спудомъ въ шухтовской Покровской, прежде бывшей монастырской, а нынѣ приходской церкви, отстоящей въ 50 верстахъ отъ г. Череповца къ сѣверо-западу. (Ист. Росс. Іер. Ч. 6, стр. 668—670).

20-е число.

Св. муч. Ѳалалея и съ нимъ Александра и Астерія. Св. муч. Аскалона. Обрѣтеніе и перенесеніе честныхъ мощей св. Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца.

(Пр. Ѳалассія мѵроточца. Препп. Никиты, Іоанна, Іосифа, создателей монастыря въ Хіосѣ. Преставленіе св. Довмонта-Тимоѳея, князя псковскаго).

СВ. МУЧ. ѲАЛАЛЕЯ И ДРУЖИНЫ ЕГО.

Св. Ѳалалей, сынъ ливанскаго воеводы, отличался особенною красотою и имѣлъ золотистые волосы. Ознакомившись со врачебнымъ искусствомъ, онъ безмездно лѣчилъ больныхъ. Ѳалалею было всего 18 лѣтъ, когда язычники схватили его, какъ христіанина, и привели къ правителю въ киликійскій городъ Егъ или Егеи (приморскій городъ, нынѣ Аяскала въ юговосточ. части Малой Азіи). Это было въ царствованіе Нумеріана (283—284). Пораженный красотою юноши, правитель ласково началъ убѣждать его принести жертву идоламъ; но твердый въ вѣрѣ христіанинъ рѣшительно отказался отъ этого.

„Дѣлай со мною, что хочешь, говорилъ онъ мучителю, Я вѣрую въ Господа моего и знаю, что Онъ не попустить посрамиться мнѣ и до конца поможетъ претерпѣть мученія". И не напрасною оказалась такая твердая надежда на помощь Божію. Когда юноша подвергнутъ былъ жестокимъ мученіямъ, надъ нимъ неоднократно являлась чудодѣйственная сила Божія, поражавшая ужасомъ мучителя. Не вразумляясь чудесами и приписывая ихъ дѣйствію волхвованія, онъ приказалъ воинамъ, Александру и Астерію, просверлить юношѣ ноги и повѣсить его стремглавъ на веревкѣ; воины, по промыслу Божію, просверлили дерево и повѣсили его вмѣсто юноши. Такой поступокъ сочтенъ былъ мучителемъ за насмѣшку, и онъ приказалъ бить слугъ, не исполнившихъ его приказанія. Во время мученія воины объявили себя христіанами, за что и были усѣчены мечемъ (ок. 284 г.). Жестокій и неразумный правитель самъ захотѣлъ просверлить юношѣ ноги, но у него отсохла рука. По молитвѣ мученика рука исцѣлѣла. Неблагодарный мучитель, считая Ѳалалея волхвомъ, приказалъ утопить его въ морѣ. Приговоръ былъ исполненъ. Но едва успѣли донести объ этомъ правителю, какъ утопленный исповѣдникъ Христовъ снова явился на судилище. Его отдали послѣ того на растерзаніе звѣрямъ, но и звѣри не смѣли вредить святому и только лизали его ноги. Народъ, видѣвшій все это, въ ужасѣ восклицалъ: „великъ Богъ христіанскій! Боже Ѳалалеевъ, помилуй насъ!" Тогда правитель, желая скорѣе покончить дѣло съ мученикомъ, приказалъ отсѣчь ему голову. Мученическая кончина св. Ѳалалея послѣдовала около 284 года.

Память мученика издревле торжественно праздновалась въ Константинополѣ, гдѣ были его мощи въ храмѣ му-

ченика Агаѳоника. Въ службѣ Ѳалалей называется великомученикомъ, и мощамъ его приписывается чудесное исцѣленіе болѣзней. Императоръ Іустиніанъ (527—565), возстановивъ одинъ монастырь въ Іерусалимѣ, посвятилъ его имени сего святаго мученика (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 142—143).

СВ. МУЧ. АСКАЛОНА.

Св. муч. Аскалонъ былъ родомъ египтянинъ, пострадалъ въ царствованіе Діоклитіана въ ѳиваидскомъ городѣ Антинеѣ. Аскалонъ безбоязненно исповѣдалъ Христову вѣру и за это былъ взятъ и представленъ на судъ къ Арріану, правителю города Антиноя. Арріанъ, послѣ обычныхъ и напрасныхъ увѣщаній отречься отъ Христа и принести жертву идоламъ, приказалъ обнажить Аскалона, повѣсить, бить и строгать острымъ желѣзомъ; но мученикъ оставался твердымъ въ своей вѣрѣ. Мученія переносилъ Аскалонъ внѣ города; свидѣтелемъ ихъ былъ самъ правитель. Возвращаясь въ городъ, онъ приказалъ вести съ собою и мученика. На пути нужно было переѣзжать чрезъ большую рѣку Нилъ. Когда мучитель сѣлъ въ лодку, Аскалонъ обратился къ Богу съ такою молитвою: „Боже мой, Іисусе Христе! Ты видишь, что изъ любви къ Тебѣ я терплю эти муки; внемли гласу моленія моего: простри руку всемогущества Твоего и удержи посреди рѣки лодку, въ которой сидитъ нечестивый судія; не допусти его достигнуть берега, пока онъ исповѣдуетъ Тебя истиннымъ Создателемъ и Богомъ и предъ всѣмъ народомъ прославитъ св. имя Твое, которое ненавидитъ“. Молитва праведника была услышана; лодка, на которой ѣхалъ правитель, вдругъ остановилась среди рѣки и не могла двинуться съ мѣста. Приписывая

это чудо волшебству, Арріанъ приказалъ подать другую лодку; но и эта оставалась неподвижной, не смотря на всѣ усилія гребцовъ тронуть ее съ мѣста. Дѣлать было нечего: правитель принужденъ былъ, по требованію св. исповѣдника, написать на хартіи: „Единъ истинный Богъ, Котораго почитаетъ Аскалонъ, и нѣтъ другаго Бога, кромѣ того, въ Кого вѣруютъ христіане. Богъ христіанскій—Создатель и Владыка всѣхъ!“ Аскалонъ прочелъ хартію вслухъ, помолился Богу, и лодка тотчасъ же двинулась. Однако же чудодѣйственная сила Божія не вразумила на этотъ разъ правителя. „Ты воздвигъ на меня всю волшебную силу на водѣ, но я на землѣ покажу тебѣ свою силу“, сказалъ онъ мученику, вышедши на берегъ. Прибывши въ свой городъ, правитель приказалъ повѣсить мученика и палить его огнемъ, а потомъ бросить его въ рѣку съ привязаннымъ къ ногамъ большимъ камнемъ. Съ великою радостію получилъ извѣстіе объ этомъ мученикъ. Онъ давно жаждалъ разрѣшиться и со Христомъ быти. Предъ своею кончиною Аскалонъ предсказалъ окружавшимъ его христіанамъ, что они на третій день найдутъ его тѣло на берегу рѣки съ привязаннымъ камнемъ. Честное тѣло его дѣйствительно было найдено христіанами на берегу рѣки и съ честію погребено ими. Св. мученикъ пострадалъ около 287 года. Правитель Арріанъ послѣ убѣдился въ истинѣ Христовой вѣры и сподобился вѣнца мученическаго. Память его 14 декабря. (Четьи—Минеи).

ОБРѢТЕНІЕ И ПРЕНЕСЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ МОЩЕЙ СВ. АЛЕКСІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦА.

Св. Алексій скончался 12 февраля 1378 г. и погребенъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ въ церкви архистратига

Михаила, близъ алтаря. Многоцѣлебныя мощи его были обрѣтены 20 мая 1431 года, чрезъ 50 лѣтъ по его кончинѣ. Съ того же времени соборомъ русскихъ святителей установлено было праздновать св. Алексію 12 февраля и 20 мая. Въ 1485 г. нетлѣнныя и чудотворныя мощи св. Алексія перенесены были въ новосозданный въ Чудовѣ монастырѣ храмъ его имени; въ 1686 году, 20 мая, при державѣ царей Іоанна и Петра, онѣ были поставлены на возвышеніи въ аркѣ между соединенными церквами святителя и Благовѣщенія; здѣсь онѣ открыто почиваютъ и нынѣ. (Прологъ. Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета, арх. черн. февраля 12. Слов. истор. о свв. стр. 14—16).

ПР. ѲАЛАССІЯ МУРОТОЧЦА.

Пр. Ѳалассій былъ игуменомъ Ливійской обители. Съ любовію къ благочестію онъ соединялъ любовь къ духовному просвѣщенію и много занимался свящ. писаніемъ. До насъ дошло сочиненіе: „Преподобнаго аввы Ѳалассія Ливійскаго о любви, воздержаніи и духовной жизни". Этимъ трудомъ пользовался св. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ изложеніи вѣры. Сочиненіе аввы, состоящее изъ 400 статей, преимущественно нравственнаго содержанія, но заключаетъ въ себѣ довольно и догматическихъ мыслей. Скончался преподобный въ 7 вѣкѣ. (Прологъ. Уч. объ отц. ц. Филарета, арх. черн. Т. 3, стр. 230—232).

Препп. Никита, Іоаннъ и Іосифъ были основателями (ктиторами) монастыря на островѣ Хіосѣ и скончались мирно около 1050 года (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 133).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВ. ДОВМОНТА—ТИМОѲЕЯ, КНЯЗЯ ПСКОВСКАГО.

„Князь Довмонтъ былъ, говоритъ древній жизнеописатель, отъ племени литовскаго и служилъ прежде идоламъ, по преданію отеческому. Когда же Богъ восхотѣлъ избрать себѣ люди новы,—вдохнулъ въ него благодать Св. Духа“. Благодать, ведущая язычника къ вѣрѣ, часто прологаетъ ему путь къ ней въ самыхъ обстоятельствахъ его жизни. Для Довмонта путь сей проложенъ былъ въ усобицахъ и смутахъ, постигшихъ Литву, коснувшихся и Довмонта. Миндовгъ, великій князь литовскій, пріобрѣтшій большую силу оружіемъ и хитростію, тѣснилъ и обижалъ другихъ князей Литвы, между ними и Довмонта, князя нальшанскаго. Миндовгъ, заманивъ къ себѣ жену Довмонта, заставилъ ее раздѣлять съ нимъ ложе. Довмонтъ убилъ за это Миндовга и двухъ его сыновей. Это было осенью 1263 г. Вслѣдъ за тѣмъ въ Литвѣ начались кровавыя междоусобія: одинъ князь нападалъ на другаго и убивалъ, желая быть главнымъ въ Литвѣ. Сынъ Миндовга, Воишелгъ, доставъ себѣ престолъ отца, рѣшился мстить за смерть его. Довмонтъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Литвы. Промыслъ Божій привелъ его въ Псковъ, въ такое мѣсто, гдѣ жизнь и дѣятельность его были наиболѣе нужны и спасительны для него и для другихъ. Въ Псковъ Довмонтъ явился со всѣмъ своимъ родомъ, съ 300 литовскихъ семействъ. Это было въ 1265 г. Псковитяне приняли пришельцевъ съ полнымъ радушіемъ и старались прежде всего обратить ихъ къ вѣрѣ Христовой. Въ Псковѣ тогда не было недостатка въ способныхъ учителяхъ вѣры для литовскихъ пришельцевъ: псковскихъ священниковъ, какъ знакомыхъ съ языкомъ

Литвы, по сосѣдству съ нею, вызывали тогда въ Литву для служенія св. вѣрѣ. Съ другой стороны, душа Довмонта, потрясенная превратностями жизни, тѣмъ воспріимчивѣе была къ слову вѣры въ томъ мѣстѣ, гдѣ изгнанникъ изъ отечества нашелъ радушный пріютъ и христіанскій привѣтъ. Довмонтъ крестился и съ нимъ крестились всѣ, прибывшіе съ нимъ въ Псковъ. Крещеніе совершено псковскими священниками въ соборной церкви св. Троицы, въ присутствіи псковскаго князя Святослава Ярославича и множества псковскихъ гражданъ. Довмонтъ при крещеніи названъ Тимоѳеемъ. Псковитяне были въ восторгѣ отъ торжества св. вѣры. Новообращенный князь на первыхъ же порахъ обращенія сталъ обнаруживать такое мужество и добронравіе, что въ слѣдующемъ 1266 году псковичи избрали его себѣ въ князя на мѣсто Святослава. Небывалый дотолѣ примѣръ, что русскій городъ принимаетъ князя литвина вмѣсто потомка Владимірова. Нельзя не замѣтить здѣсь преобладанія религіозной стороны надъ прочими сторонами жизни у нашихъ предковъ. Каждый иноплеменникъ дѣлался полноправнымъ членомъ ихъ общества, какъ скоро принималъ православную вѣру.

Псковичи не ошиблись въ выборѣ князя Довмонта. Своими подвигами мужества и доблести онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе, а своею ревностію по св. вѣрѣ напомнилъ Пскову лучшихъ его князей изъ рода Рюрикова: Мстислава великаго, Всеволода и другихъ. Чрезъ бракъ съ Маріею, дочерью вел. кн. Димитрія Александровича, сына Александра Невскаго, Довмонтъ вступилъ въ родство съ русскими князьями. Въ продолженіе 33-хъ лѣтъ онъ охранялъ отъ враговъ, особенно отъ литовцевъ и ливонскихъ рыцарей, не только Псковъ, но и Новгородъ и всю сѣверную Россію. Дикая Литва часто втор-

галась тогда въ Русскую землю изъ священныхъ своихъ лѣсовъ, опустошала жилища и уводила въ плѣнъ множество христіанъ. Длинный рядъ блистательныхъ подвиговъ Довмонта начался съ 1266 года. Герденъ, князь литовскій, особенно часто вторгавшійся съ своею дружиною въ Россію и опустошавшій Псковскую страну, первый сдѣлался жертвою его предпріимчивой храбрости. Для прекращенія набѣговъ Довмонтъ взялъ съ собою 270 лучшихъ воиновъ и, отправившись съ ними въ Литву, во владѣнія князя Герденя, прошелъ по нимъ съ огнемъ и мечемъ и взялъ въ плѣнъ его жену и двоихъ сыновей. Герденъ не замедлилъ собрать войско противъ Довмонта, но этотъ послѣдній, собравъ псковичей, уговорилъ ихъ самихъ идти въ походъ противъ враговъ. „Братія псковичи! говорилъ Довмонтъ, кто старъ изъ васъ, тотъ отецъ мнѣ; кто молодъ, тому я братъ. Я слышалъ о вашемъ мужествѣ; предъ вами жизнь и смерть. Братія, постоимъ за св. Троицу!“ т. е. за главный храмъ псковскій, который былъ сооруженъ во имя св. Троицы *). Псковитяне подъ руководствомъ своего мужественнаго

*) Подобно выражались и о другихъ храмахъ. Въ Новгородѣ былъ главный храмъ въ честь св. Софіи; въ Изборскѣ—во имя св. Николая; въ Торжкѣ—во имя св. Спаса и пр. Потому говорили: постоимъ или падемъ костьми за св. Софію, за св. Николая, за св. Спаса и т. д. Главный храмъ—это была краса, честь, похвала города. Онъ былъ средоточіемъ городской жизни. Здѣсь—предъ храмомъ, на народной площади, по звуку колокола, собирался народъ на думу въ важныхъ случаяхъ. И частные свои ряды и суды граждане вершили большею частію при церквахъ. Въ церквахъ хранились лѣтописи, общественныя граматы, духовныя завѣщанія. Здѣсь же, какъ въ самыхъ благонадежныхъ мѣстахъ, граждане укрывали свои сокровища, часто спасали и самую жизнь отъ враговъ. Далѣе, народная радость

князя напали на Герденя и на берегахъ Двины одержали надъ нимъ рѣшительную побѣду. Но особенно важную услугу для св. вѣры и Россіи оказалъ мужественный Довмонтъ въ дѣлахъ съ Ливоніею. Нѣмцы, отнявъ у Россіи Ливонію, готовы были простирать свою, жадную до корысти, власть и далѣе; при этомъ по отношенію къ православной вѣрѣ они оказывались злостнѣе языческой Литвы: та довольствовалась однимъ грабежомъ, не касаясь совѣсти, нѣмцы же при грабежѣ заставляли русскихъ силою принимать и католическую вѣру, объявляя ихъ язычниками. Жестокіе въ войнѣ, нѣмцы при этомъ были вѣроломны и въ мирныхъ сношеніяхъ. Такъ, въ 1268 году, когда всѣ русскіе князья собрались въ Новгородъ, чтобы общими силами выгнать датчанъ изъ Эстоніи, ливонцы съ клятвою увѣряли русскихъ, что не будутъ помогать датчанамъ. Но когда загорѣлась битва русскихъ съ датчанами, ливонцы примкнули къ послѣднимъ и помогали имъ противъ русскихъ. Но правда на

о счастливыхъ общественныхъ событіяхъ исповѣдалась прежде всего въ храмѣ въ благодарныхъ моленіяхъ къ Богу. Здѣсь же, въ покаянныхъ моленіяхъ, утѣшеніяхъ вѣры, увѣщаніяхъ церкви, народъ получалъ новыя силы для борьбы съ внѣшними врагами или внутренними бѣдствіями. На Русской землѣ тогда было болѣе горя, чѣмъ радостей. Тѣсна и удушлива была дѣйствительность въ мірѣ гражданскомъ: въ церкви искали простора для души, отрады, мира; потому и полюбили такъ св. церковь наши предки. Они охотно уединялись въ монастыри, строили во множествѣ храмы, ничего не щадили для ихъ украшенія, особенно главнаго храма въ городѣ. За него то подвизались граждане, какъ за свою честь и залогъ всякаго личнаго и общественнаго блага. Любовь и благоговѣніе къ храму—это одна изъ прекрасныхъ чертъ древней русской жизни.

этотъ разъ восторжествовала: русскіе разбили враговъ близъ Раковора и обратили ихъ въ бѣгство. Св. Довмонтъ возвратился съ огромною добычею и множествомъ плѣнныхъ. Псковскій князь своими побѣдами становился страшенъ и для Литвы, и для сосѣднихъ нѣмцевъ. Желая обезсилить его, самъ магистръ Ливонскаго ордена (Отто фонъ-Реденштейнъ) ополчился въ грозной силѣ и подошелъ ко Пскову съ 18 тысячнымъ войскомъ, думая плѣнить домъ св. Троицы, Довмонта взять своими руками, псковичей изсѣчь мечами или увлечь въ рабство, самый Псковъ сравнить съ землею. Грозныя полчища непріятелей, стукъ и блескъ копій и мечей и рядъ стѣнобитныхъ машинъ привели въ ужасъ псковичей. Не трепеталъ предъ такою приближающеюся грозою мужественный Довмонтъ. Онъ собралъ войско, сколько было можно, пришелъ въ храмъ св. Троицы, положилъ мечъ свой предъ алтаремъ, палъ на лице и слезно молился, взывая: „Господи Боже нашъ! мы люди Твои и овцы пажити Твоей, имя Твое призываемъ: призри на кроткихъ и вознеси смиренныхъ, и низложи высокія мысли гордыхъ, да не оскудѣетъ пажить овецъ Твоихъ“. Игуменъ Исидоръ опоясалъ князя мечемъ и благословилъ его на битву за св. вѣру. Довмонтъ, одушевленный вѣрою и молитвою, не дожидаясь долѣе новгородцевъ, спѣшившихъ къ нему на помощь, сдѣлалъ вылазку и истребилъ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ, при чемъ ранилъ въ лице самого магистра. Между тѣмъ скоро подоспѣли новгородцы, съ княземъ Юріемъ Андреевичемъ во главѣ. Нѣмцы принуждены были спасаться отъ союзныхъ русскихъ силъ бѣгствомъ и потомъ заключили миръ, какого хотѣлъ Довмонтъ. Благочестивый князь въ благодарность за побѣду надъ непріятелемъ построилъ при р. Миро-

повѣ храмъ великомученику Георгію. Защищая Псковъ мечемъ, князь укрѣпилъ его и каменною стѣною.

Военные подвиги неустрашимаго Довмонта окончились 5 марта 1299 года побѣдою у самаго Пскова на берегу рѣки Великой. Здѣсь доблестный вождь псковичей, уже маститый старецъ, въ послѣдній разъ разбилъ нѣмцевъ и въ томъ же году 20 мая, горько оплакиваемый псковичами, скончался. Тѣло его положено было въ Троицкомъ соборѣ. Спустя годъ, мирно почила и супруга его Марія, въ иночествѣ Маѳа (о ней 8 ноября).

Мужественный и храбрый на войнѣ Довмонтъ въ мирное время отличался благочестивою и добродѣтельною жизнію: любилъ правду, былъ милостивъ къ бѣднымъ, посѣщалъ узниковъ, покоилъ странниковъ, проводилъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и благоговѣйно чтилъ праздники.—Псковичи стали чтить память Довмонта вскорѣ по его кончинѣ; ибо считали его своимъ небеснымъ заступникомъ, молитвенно охраняющимъ Псковскую страну. Съ молитвою къ св. князю они вступали въ бой со врагами и были счастливы. Въ 1374 году они построили въ честь св. Довмонта-Тимоѳея храмъ. Въ 1480 году магистръ ливонскій съ 100,000 войска подступилъ ко Пскову и навелъ ужасъ на его жителей. Тогда св. Довмонтъ, явясь одному изъ псковичей, сказалъ: „Возьмите одѣяніе (покровъ) моего гроба и со крестами обойдите три раза вокругъ города; молитесь и не бойтесь“. Повелѣніе было исполнено. Одушевленные небеснымъ вождемъ, псковичи бросились въ бой и смяли нѣмцевъ, которые съ большою потерею возвратились домой.—При ракѣ св. мощей Довмонта совершалось не мало чудесъ: такъ, въ 1530 году, въ день св. Троицы, одна слѣпая помолилась при гробѣ св. Довмонта и получила зрѣніе.

На чудотворной Спасо-Мирожской иконѣ Божіей Матери, прославившейся въ 1567 году, св. князь Довмонтъ изображенъ по правую руку Богоматери, а св. супруга его Марія—по лѣвую. Въ придѣлѣ его имени, въ псковскомъ соборѣ, находится древняя икона св. Довмонта. Въ правомъ придѣлѣ, у втораго окна псковскаго Троицкаго собора, на южной сторонѣ, поставлена гробница св. благовѣрнаго князя дубовая, имѣющая видъ высокаго ящика очень простой работы, покрытаго доскою съ изображеніемъ св. князя; гробница съ 3-хъ сторонъ окружена простою желѣзною рѣшеткою. Въ простѣнкѣ, близъ гробницы, виситъ знаменитый мечъ его, долго служившій защитою Пскову и предметомъ особеннаго уваженія псковичей (Святыни Пскова Толстаго. Москва. 1861 г. Истор. княж. Псков. 1, 84—85. 3, 76. Истор. Карамз. 4, 92—97. Христ. чт. 1851 г. кн. 3, статья: Прав. и русск. народы въ Литвѣ, стр. 462. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Слов. истор. о свв. стр. 85—87).

21-е число.

Св. равноапостольнаго царя Константина и матери его Елены. Св. благовѣрнаго князя Константина и чадъ его: Михаила и Ѳеодора, муромскихъ чудотворцевъ. Пр. Кассіана грека, угличскаго чудотворца. Празднество Пресвятѣй Богородицѣ чудотворныя ради иконы Ея Владимірскія.

(Преподобномуч. Пахомія. Страданіе пр. Агапита маркушевскаго. Оранскія иконы Божіей Матери).

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ.

Христіанство,—религія міра, прежде чѣмъ стало религіей вселенной, должно было покорить себѣ сердца людей, воспитанныхъ на почвѣ язычества,—почвѣ умственнаго мрака и нравственныхъ заблужденій. Столкновеніе между христіанствомъ и язычествомъ было необходимо. Въ этой борьбѣ проповѣдникамъ христіанства, по слову ихъ Учителя, предстояло быть скорбными: и самимъ переносить гоненія и смерть, и своихъ послѣдователей подвергать тяжелой долѣ скорбныхъ страдальцевъ. Но эта борьба ученія нравственности и грубой силы, длившаяся почти непрерывно болѣе трехъ столѣтій, только болѣе и болѣе укрѣпляла и развивала жизненную силу христіанства и очевиднѣе указывала на несостоятельность и

безсиліе язычества. Въ будущемъ побѣда христіанства надъ язычествомъ была очевидною. Это торжество свѣта надъ мракомъ, правды надъ ложью, наконецъ наступило въ царствованіе Константина великаго.

Св. равноапостольный Константинъ, по особому изволенію Божію, съ самаго дѣтства воспитывался при такихъ условіяхъ, которыя готовили въ немъ поборника христіанства. Отецъ его, Констанцій Хлоръ, управлявшій западными областями Римской имперіи, былъ язычникъ только по названію: его сердце, его расположеніе были на сторонѣ христіанъ. Въ то время, когда въ другихъ частяхъ Римской имперіи христіане подвергались жестокимъ гоненіямъ (во времена Діоклитіана, Максиміана и ихъ преемниковъ), при дворѣ Констанція они пользовались полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже занимали многія видныя мѣста. Мать Константина, Елена, уже таила въ себѣ помыслы, которые готовили въ ней будущую ревностную христіанку. Подъ вліяніемъ такихъ родителей добрыя чувства Константина, конечно, были на сторонѣ христіанъ. Особенно же эта любовь возрасла и окрѣпла въ Константинѣ во время пребыванія его при дворѣ Діоклитіана (въ Никомидіи), куда онъ былъ отданъ заложникомъ—въ знакъ вѣрности его отца императору. Самъ Константинъ впослѣдствіи признавалъ, что пребываніе при дворѣ было дѣломъ не послѣднимъ въ его обращеніи къ христіанству. Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ Діоклитіана онъ могъ познакомиться съ лучшими людьми изъ христіанскаго общества, которыхъ было не мало на службѣ у Діоклитіана, и, ознакомившись, могъ оцѣнить ихъ ревность, честность, преданность, вѣрность и достоинство ихъ жизни. Въ штатѣ Діоклитіановскаго двора мы встрѣчаемъ христіанъ въ высокихъ должностяхъ. Такъ, Лукіанъ имѣлъ должность ка-

мергера; Горгоній и Доровей принадлежали къ лицамъ, приближеннымъ къ императору; нѣсколько христіанскихъ юношей были при дворѣ въ качествѣ императорскихъ пажей. По свидѣтельству Евсевія, христіане также занимали видныя мѣста въ административныхъ сферахъ тогдашней имперіи. Такъ было, конечно, до времени гоненія на христіанъ. Жизнь и столкновенія Константина при дворѣ Діоклитіана съ достойнѣйшими изъ христіанъ, которымъ не могли отказывать въ уваженіи даже такіе враги христіанства, какъ Діоклитіанъ, должны были показать Константину, что за люди были христіане, и какъ много хорошаго вносило христіанство въ жизнь гражданъ. Здѣсь, на востокѣ, Константинъ могъ придти къ представленію о силѣ и распространенности христіанства; онъ могъ видѣть здѣсь „многолюдныя собранія во всякомъ городѣ и стеченія христіанъ въ молитвенныхъ домахъ, обширныя церкви“ (Евсевій). Но вотъ кончились времена мира для христіанъ. Діоклитіанъ изъ благосклоннаго къ христіанамъ дѣлается жестокимъ гонителемъ на христіанъ (303—305). Кровь ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ льется ручьями; самыя приближенныя къ Діоклитіану лица изъ христіанъ безпощадно наказываются и убиваются. Нельзя было смотрѣть на это зрѣлище безъ глубокаго сожалѣнія, а вмѣстѣ и уваженія къ невиннымъ страдальцамъ. Вотъ что, напр., происходило въ самой Никомидіи на глазахъ у Константина: Тѣ, которые еще вчера окружали царскій тронъ, нынѣ влекутся на казнь, и они первыми изъ всѣхъ (Евсевій). Священники, служители престола, безъ всякихъ допросовъ предавались въ руки палачей. Лица нечиновныя всякаго возраста и пола ввергались въ огонь, и такъ какъ ихъ было слишкомъ много, то ихъ сжигали массами, другихъ кидали

въ море, привязавъ камни на шею; гоненіе никого не щадило. Съ каждымъ днемъ выдумывались новыя и новыя казни для христіанъ. Гоненіе было такъ распространено, что одинъ писатель—современникъ замѣчаетъ: „Если-бъ у меня была сотня устъ и желѣзный языкъ, то и тогда не могъ бы исчислить всѣхъ мученій, какія терпѣли вѣрующіе“ (Лактанцій). Силѣ и свирѣпости гоненія соотвѣтствовала и ревность христіанъ къ вѣрѣ. Въ сознаніи своей невинности „цѣлыми тысячами шли они на смерть“ (Евсевій). Могъ ли Константинъ, смотря на безпричинную свирѣпость гонителей христіанъ, на тысячи жертвъ варварской политики императора, на твердость и мужество христіанъ,—могъ ли Константинъ, смотря на все это, не понимать, что христіане и христіанство, это—великая сила, пришедшая въ міръ, которая требовала глубокаго уваженія къ себѣ? Какіе уроки Константинъ вынесъ изъ обстоятельствъ своего пребыванія при дворѣ тирана, объ этомъ впослѣдствіи самъ онъ заявлялъ при различныхъ случаяхъ. Это пребываніе навсегда поселило въ немъ отвращеніе къ казнямъ христіанъ. Онъ пришелъ къ мысли, что гнать христіанъ есть дѣло безсмысленное, ни къ чему, кромѣ вреда, не ведущее. Впослѣдствіи Константинъ изумленно восклицалъ: „какая ему (Діоклитіану) была польза вступать въ войну съ нашимъ Богомъ“, т. е. христіанскимъ. Послѣ всего этого не трудно угадать, какого направленія держался Константинъ по вступленіи на престолъ.

Константинъ былъ старшій сынъ Констанція отъ его перваго брака съ Еленою, которая отличалась необыкновенною красотою и высокими качествами ума и сердца. Отецъ любилъ Константина болѣе всѣхъ остальныхъ сыновей своихъ. Народъ и войско также любили его. Да

какъ было не любить Константина?! Прекрасный собою, статный, храбрый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уменъ и образованъ. Послѣ смерти отца, Константинъ единогласно и войскомъ и народомъ былъ избранъ и провозглашенъ императоромъ (въ 306 г.), на 31 году своей жизни. Подобно отцу, Константинъ правилъ своими подданными (на крайнемъ западѣ) съ любовію и кротостію, христіанъ не преслѣдовалъ, и области его наслаждались миромъ и спокойствіемъ, тогда какъ остальныя части Римской имперіи страдали подъ игомъ жестокихъ владѣтелей. Но христіанство, объявленное при Константинѣ свободнымъ вѣроисповѣданіемъ крайняго запада, было пока по прежнему религіею частныхъ лицъ, но не религіею государственною. Константинъ цѣнилъ христіанъ, какъ добрыхъ гражданъ и вѣрныхъ подданныхъ, но христіанская религія была пока только терпимою, но не господствующею въ государствѣ. Константинъ еще не былъ христіаниномъ. Нужны были особыя обстоятельства, которыя заставили бы его открыто отказаться отъ язычества и мужественно пристать къ обществу христіанъ. Этими рѣшающими обстоятельствами явились грозныя и трудныя политическія затрудненія, которыя заставили Константина обратиться за помощію къ христіанскому Богу и христіанамъ.

Въ Римѣ царствовалъ въ то время Максентій (305—312), государь злой и корыстолюбивый. Подъ его управленіемъ было тяжело жить не только христіанамъ, но и язычникамъ: онъ убивалъ честныхъ и богатыхъ сановниковъ, имѣнія ихъ грабилъ, а женъ и дочерей похищалъ. Жестокій, необузданный деспотизмъ Максентія наконецъ внушилъ римлянамъ мысль обратиться къ миролюбивому Константину съ просьбою освободить

ихъ отъ дикаго произвола тирана. Это было въ 312 году.

Не легко было Константину согласиться на просьбу римлянъ. Онъ очень хорошо предвидѣлъ тѣ затрудненія, которыя предстояли ему въ борьбѣ съ Максентіемъ. Римъ былъ священная почва для язычниковъ, и часто случалось, что арміи, сражавшіяся противъ священнаго города, разсѣявались подъ тѣмъ предлогомъ, что болѣе не могутъ нести оружія противъ Рима. Да не случись и этого, такъ укрѣпленія исполина-города, охраняемыя такимъ многочисленнымъ войскомъ, какое было у Максентія, подавали очень мало надежды на успѣхъ сравнительно небольшому войску Константина. На кого было надѣяться Константину? у кого искать помощи? Мы видѣли, что языческимъ богамъ Константинъ, какъ человѣкъ умный, не вѣрилъ, а на подданныхъ язычниковъ положиться боялся. И вотъ мысли Константина невольно обратились къ Богу христіанскому, исповѣдники Котораго—Константинъ самъ видѣлъ—всегда мужественно шли на опасность и смерть во имя праваго дѣла. Надежда на христіанскаго Бога положила конецъ сомнѣніямъ Константина, и, какъ увидимъ, Богъ не оставилъ его.

Собравъ войско, Константинъ двинулся въ Италію. Понятно, что многіе изъ воиновъ-язычниковъ, принимавшихъ участіе въ этомъ походѣ, по мѣрѣ приближенія войска къ Риму, все болѣе и болѣе поддавались опасеніямъ за счастливый исходъ предпринятаго дѣла. Тогда Господу угодно было укрѣпить робкихъ духомъ видимымъ знаменіемъ Своего покровительства. Войска подходили къ самому Риму. Былъ уже день. И вотъ очамъ всѣхъ на небѣ показался сіяющій крестъ, изображенный звѣздами, и кругомъ его надпись: „Симъ побѣждай“.

Всѣ дивились чудному явленію, но многіе, не просвѣщенные свѣтомъ христіанскаго ученія, и опасались: крестъ считался у язычниковъ орудіемъ самой позорной казни, и видѣніе его многіе принимали за знаменіе грозящихъ бѣдъ и опасностей. Константинъ видѣлъ, какое впечатлѣніе произвело на нѣкоторыхъ явленіе креста и тревожился за общее настроеніе войскъ. Но ему въ ту же ночь явился въ видѣніи Самъ Господь и повелѣлъ сдѣлать войсковое знамя на подобіе видѣннаго креста (первое христіанское знамя), а также сдѣлать знаменіе креста на оружіяхъ, щитахъ и шлемахъ воиновъ. Константинъ сдѣлалъ такъ, какъ было повелѣно *). Такое глас-

*) Краснорѣчиво объ этомъ говоритъ Евсевій. „Усердно вознося свои молитвы и прошенія о помощи, говоритъ этотъ историкъ, царь получилъ удивительнѣйшее, посланное отъ Бога знаменіе, такъ что и повѣрить было бы не легко, если бы передалъ о немъ кто-либо другой. Но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь, когда, спустя долго послѣ того, мы писали настоящее сочиненіе и удостоились его знакомства и бесѣды. Однажды, въ полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться къ западу, говорилъ царь, я собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: Симъ побѣждай. Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско, которое слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чудо. Константинъ находился въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что значитъ такое явленіе? Но между тѣмъ, какъ онъ думалъ и долго размышлялъ о немъ, наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобное видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ. Вставъ съ наступленіемъ дня, Константинъ разсказалъ друзьямъ своимъ тайну и потомъ, созвавъ художниковъ и описавъ имъ образъ знамени, приказалъ сдѣлать такое же изъ золота и драгоцѣнныхъ

ное признаніе Константиномъ добраго знаменія въ видѣніи креста произвело на войска ободряющее дѣйствіе: страхъ суевѣрія исчезъ предъ открытымъ упованіемъ, и они бодро приготовились вступить въ предстоявшее имъ сраженіе. Подъ спасительнымъ знаменіемъ креста Константинъ дѣйствительно побѣдилъ Максентія; тиранъ, спасаясь бѣгствомъ, не избѣгъ суда Божія: онъ потонулъ въ р. Тибрѣ. Въ память этой славной побѣды благодарный Константинъ водрузилъ среди Рима, на высокомъ каменномъ столбѣ, крестъ и подъ нимъ сдѣлалъ надпись: „Симъ спасительнымъ знаменіемъ этотъ городъ освобожденъ отъ ига мучителя".

Побѣда надъ Максентіемъ усилила расположеніе Константина къ христіанамъ, и онъ уговорилъ императора восточной части имперіи, Ликинія (311—324), дѣйствовать съ нимъ за одно—въ пользу христіанства. Но со-

камней. Это знамя случалось видѣть и намъ собственными очами. Оно имѣло слѣдующій видъ: на длинномъ, покрытомъ золотомъ копьѣ была поперечная рея, образовавшая съ копьемъ знакъ креста. Вверху, на концѣ копья неподвижно лежалъ золотой вѣнокъ, украшенный драгоцѣнными камнями, а на немъ символъ спасительнаго наименованія: двѣ буквы (начальныя) показывали имя Христа. Эти буквы царь впослѣдствіи имѣлъ обычай носить и на шлемѣ. Потомъ, на поперечной реѣ, прибитой къ копью, висѣлъ тонкій бѣлый платъ—царская ткань, покрытая драгоцѣнными камнями и искрившаяся лучами свѣта. На прямомъ копьѣ, котораго нижній конецъ былъ весьма длиненъ, подъ знакомъ креста, при самой верхней части описанной ткани висѣло сдѣланное изъ золота грудное изображеніе боголюбезнаго царя и его дѣтей. Этимъ-то спасительнымъ знаменемъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, всегда пользовался царь для преодолѣнія противной и враждебной силы и приказалъ во всѣхъ войскахъ носить подобныя ему". (Жизнь Констан. К. I. гл. 28—31. О томъ же говорятъ: Сократъ, Созоменъ, Θеодоритъ, Филосторгій и др.).

гласіе на это Ликинія было скорѣе вынужденнымъ, чѣмъ добровольнымъ, а потому чрезъ нѣсколько времени онъ снова воздвигъ гоненіе противъ христіанъ. Константинъ не могъ потерпѣть этого. Теперь наступило время, когда между представителями двухъ противоположныхъ направленій споръ о преобладаніи и господствѣ одного изъ нихъ долженъ былъ рѣшиться окончательно и безповоротно. Война возгорѣлась. Но Богъ помогалъ равноапостольному царю, и правое дѣло восторжествовало: Константинъ побѣдилъ поборника язычества и гонителя христіанъ. Послѣ побѣды надъ Ликиніемъ (въ 324 г.), Константинъ сдѣлался единовластнымъ императоромъ всей Римской имперіи, и съ этихъ поръ христіанская вѣра стала господствующею въ государствѣ. Прежде всего христіанамъ были даны гражданскія и церковныя права; ихъ прежнія должности, преимущества и имѣнія, отнятыя у нихъ гонителями, были возвращены снова; осужденные на изгнаніе за непочитаніе идоловъ возвратились на родину; имущество свв. мучениковъ, положившихъ жизнь свою за исповѣданіе вѣры, предписано было отдавать ихъ родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ—церкви.

Не менѣе заботился Константинъ и о внутреннемъ устройствѣ и спокойствіи церкви. Въ то время ея миръ былъ возмущенъ смутами и раздорами, произведенными ересью Арія и расколомъ Мелетія. Константинъ въ 325 году созываетъ въ Никеѣ первый вселенскій соборъ и умиротворяетъ церковь. На этомъ соборѣ, состоявшемъ изъ 318 отцевъ и продолжавшемся около двухъ мѣсяцевъ, ересь Арія и расколъ Мелетія были осуждены; многіе спорные въ то время вопросы рѣшены, и положено было начало единообразному символу вѣры.

Римъ, какъ столица древняго языческаго міра, не могъ

быть таковымъ же для христіанства. Здѣсь все напоминало о прежнемъ величіи и славѣ языческаго государства; здѣсь язычество слишкомъ глубоко пустило свои корни, чтобы могло скоро, безъ борьбы и вражды, помириться съ новымъ порядкомъ вещей. Для новаго христіанскаго государства необходимъ былъ и новый центръ его дѣятельности. Такимъ центромъ Константинъ избираетъ незначительный до того времени городокъ Византію (на берегу Чернаго моря) въ 330 году и воздвигаетъ на его мѣстѣ обширный и великолѣпный городъ, получившій названіе Константинополя (города Константина), а также новаго Рима и Царьграда. Новосозданная столица, по волѣ благочестиваго царя. скоро украсилась множествомъ христіанскихъ храмовъ и домовъ благочестивой благотворительности. Ревнуя о достойномъ чествованіи памятниковъ христіанской святыни, Константинъ (325 г.) воздвигаетъ храмъ и въ Іерусалимѣ, на мѣстѣ распятія и воскресенія Христова. Съ этого времени св. городъ сталъ называться по прежнему Іерусалимомъ вмѣсто Эліи,—названія, даннаго ему за 200 лѣтъ предъ симъ однимъ изъ языческихъ императоровъ, Адріаномъ (117—138).—Св. крещеніе Константинъ принялъ не задолго до своей смерти, хотя онъ уже и давно исповѣдывалъ вѣру Христову. Причину поздняго крещенія Константина объясняютъ обыкновенно тѣмъ, что онъ хотѣлъ и считалъ за нужное долгимъ раскаяніемъ изгладить свои прежніе грѣхи. Константинъ принялъ св. крещеніе въ Никомидіи отъ Евсевія, епископа никомидійскаго. Удостоившись св. таинства, благочестивый царь обновился и исполнился свѣта Божія. „Теперь сознаю себя истинно блаженнымъ“, воскликнулъ онъ въ восторгѣ благодарности Богу, удостоившему его благодати возрожденія.

Державный вѣнценосецъ скончался въ Никомидіи въ 337 г., на 65 году своей жизни. Извѣстіе о смерти благочестиваго монарха повергло всѣхъ въ глубокую скорбь; печалились всѣ—и сенатъ, и народъ, и воины; въ благодарность усопшему немедленно возведенъ былъ на престолъ сынъ его. По случаю смерти императора были прекращены въ Римѣ зрѣлища, и даже закрыты торговыя площади. Сдѣлано было изображеніе, представлявшее умершаго покоющимся на небеси. Римляне изъявили желаніе перенести тѣло императора въ Римъ; но оно, согласно желанію почившаго, препровождено было въ Константинополь и погребено съ подобающею честію въ церкви свв. апостоловъ, самимъ Константиномъ созданной.

Подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о св. Константинѣ главнымъ образомъ сообщаетъ Евсевій, еп. кесарійскій, современникъ и собесѣдникъ Константина. Этотъ историкъ прекрасно изображаетъ значеніе дѣятельности Константина для церкви и ту славу, какою онъ пользовался отъ своихъ современниковъ. Евсевій говоритъ о Константинѣ: „Послику онъ одинъ изъ римскихъ царей съ глубочайшимъ благоговѣніемъ чтилъ Царя всѣхъ – Бога, одинъ необинуясь проповѣдывалъ всѣмъ ученіе Христа, одинъ столько прославилъ церковь Его, сколько никто отъ вѣка, одинъ нниспровергъ всѣ заблужденія многобожія и обличалъ всѣ виды идолослуженія; то одинъ также и при жизни, и по смерти удостоился благъ, какихъ не достигалъ никто другой (Евсев. о жизни Конст. вел. кн. 4, гл. 75). Онъ (Константинъ) одинъ изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ властителей Рима, содѣлавшись другомъ Царя всѣхъ, Бога, явилъ людямъ разительный примѣръ благочестивой жизни.... Чрезъ него Богъ очистилъ смертный міръ отъ множества безбожниковъ и по-

казалъ въ немъ народамъ учителя благочестія. Константинъ открыто называлъ себя рабомъ Царя всѣхъ, и Богъ содѣлалъ его такимъ царемъ, о какомъ прежде и не слыхивали.... Онъ (Константинъ) разливалъ свѣтлые лучи благочестія до концевъ всей вселенной въ такой степени, что жители земли съ любовію и радостію посылали ему свои дары и считали высокою честію пользоваться его знакомствомъ и дружбою, такъ что для воздаянія ему почестей выставляли у себя живописныя его изображенія, воздвигали статуи, и Константина знали и провозглашали, какъ единственнаго надъ всѣми самодержца. Ближнихъ привязывалъ онъ къ себѣ великодушно оказанными благодѣяніями; другихъ ограждалъ законами человѣколюбія, и свою власть сдѣлалъ для подданныхъ легкою и вожделѣнною (кн. 1, 3—9). Богъ дивно посредствомъ видѣній открывалъ Константину умыслы всѣхъ враговъ, да и вообще многократно удостоивалъ его богоявленій, позволяя ему чудеснымъ образомъ созерцать лице Свое и даруя предвѣдѣніе различныхъ будущихъ событій" (кн. 1, гл. 47).

Св. церковь дала императору Константину великому имя *равноапостольнаго* и этимъ опредѣлила его значеніе въ области церковной исторіи. Онъ называется равноапостольнымъ потому, что, послѣ цѣлаго ряда римскихъ императоровъ, воздвигавшихъ гоненія на христіанъ въ продолженіе трехъ вѣковъ, онъ былъ первымъ императоромъ, обратившимся въ христіанство и поставившимъ своею цѣлію внести идеи и убѣжденія христіанскія во всѣ отправленія государственной жизни. Апостолы своею проповѣдію имѣли цѣлію просвѣтить и освятить каждаго отдѣльнаго человѣка. Константинъ же, ставъ христіанскимъ императоромъ, старается воплотить христіанскія

идеи и убѣжденія въ самый государственный организмъ; отсюда государственныя учрежденія, государственные законы, военная служба должны были вести свое дѣло въ зависимости отъ тѣхъ требованій и предписаній, какія заключаются въ христіанствѣ. По всему этому его дѣятельность и приближается къ дѣятельности апостольской.

Празднованіе св. равноапостольному царю Константину началось вскорѣ послѣ его смерти. Изъ службы, составленной ему въ 9 вѣкѣ, видно, что отъ св. мощей его подавались исцѣленія. Память Константина издревле чтилась у египтянъ, сирійцевъ, англичанъ, богемцевъ, сицилійцевъ, неаполитанцевъ, но не у римлянъ. (Четьи-Минеи. Дни богосл. Дебольскаго. 1866 г. Т. 1, ч. 2, стр. 380—395. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 143).

Св. равноапостольная Елена—по мнѣнію нѣкоторыхъ—происходила изъ Дрепана, небольшаго города Виѳиніи. По обращеніи своего сына, она и сама не замедлила принять христіанство и сдѣлалась, по выраженію Руфина, женою, несравненною по вѣрѣ и благочестію (Церк. ист. кн. 1, гл. 7). Въ 326 году, уже будучи преклонныхъ лѣтъ, св. Елена отправилась путешествовать по свв. мѣстамъ Палестины. Въ Іерусалимѣ она велѣла очистить свв. мѣста отъ идольскихъ скверпъ и открыла много мощей различныхъ святыхъ. Усердіе и ревность ея ко святынѣ были вознаграждены обрѣтеніемъ св. Животворящаго Креста Господня (объ обрѣтеніи Креста Господня 14 сентября). На мѣстахъ, ознаменованныхъ событіями изъ жизни Господа, она построила нѣсколько церквей и щедро одарила ихъ. Въ то же время Елена оказывала великія милости разнымъ лицамъ—воинамъ, гражданамъ и вообще всѣмъ, кои обращались къ ней: однихъ она

надѣляла деньгами, другихъ—одеждами; иныхъ освобождала изъ темницъ, другихъ—отъ тяжелыхъ работъ, на кои осуждены были; нѣкоторыхъ возвратила изъ ссылки; оказывала особенную любовь дѣвственницамъ, посвященнымъ Богу. Совершивъ много и другихъ дѣлъ любви въ Палестинѣ, Елена возвратилась къ своему сыну и принесла съ собою часть древа Креста Господня и свв. гвозди. Св. царица скончалась вскорѣ по своемъ возвращеніи домой, 18 августа 327 года, имѣя около 80 лѣтъ отъ роду.

Въ 9 вѣкѣ Меѳодій, патріархъ константинопольскій, написалъ въ честь свв. Константина и Елены хвалебныя свящ. пѣсни, которыя и теперь поются православною церковію въ день ихъ памяти.

Паломникъ Антоній въ 1200 году видѣлъ, что Константинъ и Елена лежали въ одномъ гробѣ. По западному преданію, рука ея находится въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ, а мощи ея въ церкви Божіей Матери на Капитолійскомъ холмѣ (Четьи-Минеи. Дни богосл. Дебольскаго. Т. 2. Ч. 2, стр. 395—398. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 144).

СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА И ЧАДЪ ЕГО: МИХАИЛА И ѲЕОДОРА, МУРОМСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ.

Ярославъ-Константинъ былъ младшій сынъ благочестиваго Святослава Ярославича, сначала князя черниговскаго, а потомъ съ 1067 по 1077 г. великаго князя кіевскаго, родопачальника князей черниговскихъ. Къ Черниговской области принадлежалъ между прочими городами и г. Муромъ, который составлялъ самую сѣверную

часть ея. Городъ этотъ въ древнее время населяли финскія племена, каковы: мурома (отсюда и названіе города), меря, мордва. Язычники—финны были весьма дики, грубы и крайне упорны въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ; кудесники ихъ отстаивали свои суевѣрія и домогались распространять ихъ между русскими. Такимъ образомъ эта дикая страна, хотя и богатая лѣсомъ, медомъ и звѣрями, не могла быть привлекательною. Эту-то дикую Муромскую страну князь Константинъ-Ярославъ выпросилъ у своего отца себѣ въ удѣлъ. Молодой князь не боялся дикарей, для распространенія св. вѣры онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Отецъ отпустилъ Константина въ Муромъ съ его женою и двумя сыновьями—Михаиломъ и Ѳеодоромъ. Съ княземъ отправилась военная дружина, слуги и нужное число духовныхъ лицъ; такимъ образомъ отправилась въ языческую страну цѣлая христіанская колонія. Приблизившись къ Мурому, Константинъ послалъ впередъ своего сына Михаила убѣдить городскихъ жителей, чтобы они приняли князя безъ сопротивленія. Но тѣ, захвативъ Михаила, убили его, выбросили тѣло за городъ и стали готовиться къ бою. Таковы на первый разъ оказались муромцы! После такой негостепріимной встрѣчи князь Константинъ вынужденъ былъ дѣйствовать на муромцевъ угрозами: онъ подступилъ къ городу съ дружиною. При взглядѣ на нее муромцы смирились: они согласились принять князя къ себѣ, но съ условіемъ не принуждать ихъ къ принятію христіанской вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ и тотчасъ же приступилъ къ апостольской дѣятельности. Онъ прежде всего занялся устроеніемъ храмовъ Божіихъ. Первый храмъ, имъ сооруженный, былъ въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы; въ этомъ храмѣ погребено

было съ подобающею честію тѣло убіеннаго юноши, князя Михаила. Свидѣтелями христіанскаго погребенія были многіе изъ муромцевъ. Они удивлялись, что погребеніе совершалось не по ихъ обычаю и говорили: „Такъ ли слѣдовало погребать князя? ни курганъ могильный не насыпанъ надъ княземъ, ни тризны веселой нѣтъ, ни куренія жертвеннаго, ни боя надъ усопшимъ — не рѣзали кожи своей, не драли лица и не кричали по умершемъ“. Христіане объяснили невѣрнымъ значёніе христіанскихъ обрядовъ, доказывали пустоту языческихъ и преподали ученіе объ истинномъ Богѣ, о достойномъ служеніи Ему и объ Искупителѣ міра. По волѣ князя духовенство часто разъясняло язычникамъ ученіе и обряды христіанской церкви. Не рѣдко самъ князь приглашалъ къ себѣ старѣйшинъ города и пламенно убѣждалъ ихъ обратиться къ св. вѣрѣ. Но сердца закоренѣлыхъ суевѣровъ оставались глухи къ спасительному наставленію князя. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ составили заговоръ и поклялись убить или выгнать изъ Мурома князя— проповѣдника новой вѣры. Толпа ожесточенныхъ муромцевъ съ оружіемъ и дубинками подступила уже къ княжескому двору. Устрашенные христіане заперлись въ своихъ домахъ и готовились силою отражать силу. Но твердый вѣрою и надеждою на силу и помощь Божію, св. Константинъ оружію внѣшнему противопоставилъ оружіе духовное: послѣ пламенной и усердной молитвы къ Пресвятой Богородицѣ, Защитницѣ обидимыхъ, онъ взялъ Ея икону и вышелъ одинъ къ волновавшейся толпѣ. На бунтовщиковъ напалъ страхъ, они пали на землю и стали просить князя просвѣтить ихъ св. крещеніемъ. Видя столь чудесное обращеніе язычниковъ, Константинъ возблагодарилъ Господа Бога и Пречистую

Его Матерь за ихъ дивную помощь, а затѣмъ назначилъ день, когда муромцы должны были явиться на р. Оку для принятія св. крещенія. Муромцы крестились; явилась нужда въ увеличеніи числа духовенства и церквей. И вотъ заботливый Константинъ „заповѣда ставити церкви въ городѣ и въ селѣхъ и монастыри мужескіе и женскіе и епископа во градѣ устрои".

Благочестивый князь Константинъ ревностно трудился въ распространеніи вѣры и гражданственности въ глухой странѣ, но встрѣчалъ и не мало препятствій своему святому дѣлу. Такъ, болгаре и мордва, находя успѣхи христіанства въ Муромѣ опасными для своихъ земныхъ выгодъ и лжевѣрія, со злостію стали нападать на Муромъ и его князя; но Константинъ не унывалъ и твердо держался въ просвѣщаемой имъ странѣ.

Нашлись и другіе враги у благовѣрнаго князя. Пока Муромъ оставался городомъ языческимъ, дикимъ и глухимъ, никто изъ князей не обращалъ на него вниманія; но лишь только онъ получилъ нѣкоторое гражданское устройство, какъ нашелся человѣкъ, который предъявилъ незаконное желаніе княжить въ немъ. Это былъ князь Изяславъ, сынъ добраго Мономаха, не принадлежавшій къ роду князей черниговскихъ. Изяславъ нападаетъ на Константина и изгоняетъ его изъ Мурома (въ 1096 г.). И только благодаря воинственному брату своему Олегу, Константинъ опять получаетъ принадлежащій ему удѣлъ. Въ 1123 г., по смерти своего старшаго брата Давида, князя черниговскаго, Константинъ занялъ старшій столъ черниговскій, а Муромъ предоставилъ своему племяннику Всеволоду Давидовичу. Здѣсь, въ Черниговѣ, князь похоронилъ свою супругу. Самъ Константинъ скончался въ Муромѣ въ 1129 г., „многъ плачъ" оставивши по

себѣ въ народѣ, любившемъ его, какъ отца. Св. тѣло Константина было положено въ Благовѣщенскомъ соборѣ близъ дѣтей его, Михаила и Ѳеодора.

Въ 1351 году Благовѣщенскій храмъ былъ возобновленъ муромскимъ княземъ Георгіемъ (Юріемъ) Ярославичемъ; съ этого же времени начали совершаться чудеса при гробѣ свв. благовѣрныхъ князей. Въ 1547 г. московскимъ соборомъ установлено праздновать въ Муромѣ память свв. князей.

Въ 1552 г. царь Іоаннъ Васильевичъ на пути въ Казань былъ въ Муромѣ, поклонялся мощамъ свв. князей и далъ здѣсь такой обѣтъ: „Если Господь Богъ и Пресв. Богородица и муромскіе чудотворцы подадутъ мнѣ побѣду на безбожнаго казанскаго царя и на злыхъ бусурмановъ, то я повелю устроить здѣсь храмъ Благовѣщенія и придѣлъ муромскихъ чудотворцевъ со всею церковною лѣпотою“. По взятіи Казани, царь дѣйствительно приказалъ устроить въ Муромѣ у гробовъ свв. князей новый каменный храмъ, для чего и присланы были имъ каменщики. Работники, копая рвы для храма, обрѣли мощи свв. князей нетлѣнными. Царь прислалъ изъ Москвы богатую церковную утварь и приказалъ устроить въ стѣнѣ новосозданнаго храма особое мѣсто, куда и перенесены были мощи свв. угодниковъ: Константина, Михаила и Ѳеодора. Тамъ онѣ почиваютъ и донынѣ въ одной ракѣ.

Въ Муромѣ сохранилось и доселѣ преданіе о мѣстѣ мученической кончинѣ князя Михаила. По мѣстному преданію, оно находится близъ церкви Богородицы и до 1853 г. было ограждено только одною древнею часовнею. Въ этотъ годъ, по давнему желанію мѣстныхъ жителей, особенно усилившемуся въ холерный 1848 годъ, близъ

означенной часовни былъ устроенъ на ихъ средства храмъ во имя св. князя Михаила (Прологъ. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Владим. древн. стр. 89 Слов. истор. о свв., стр. 136—138).

ПР. КАССІАНА ГРЕКА, УГЛИЧСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Пр. Кассіанъ, родомъ грекъ изъ Мореи, въ мірѣ Константинъ, былъ княземъ мануилскимъ. Въ Москву онъ прибылъ въ числѣ свиты, сопровождавшей Софію Палеологъ, племянницу греческихъ царей Іоанна и Константина Палеологовъ, для ея бракосочетанія съ нашимъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ 3-мъ. По окончаніи брачнаго торжества многіе изъ прибывшихъ съ Софіею остались въ Москвѣ служить великому князю, въ томъ числѣ и Константинъ. Долго ли онъ пробылъ при дворѣ, неизвѣстно. Жизнеописатель говоритъ только, что придворная жизнь была Константину не по душѣ, и что онъ любилъ жизнь уединенную и тихую. Царь Іоаннъ, узнавши о такомъ настроеніи Константина, позволилъ ему оставить дворъ и удалиться въ Ростовъ къ архіепископу Іоасафу, происходившему изъ рода князей Оболенскихъ. Изъ Ростова Константинъ вмѣстѣ съ Іоасафомъ переселился на Бѣлоозеро, въ Ѳерапонтовъ монастырь, и здѣсь принялъ постриженіе съ именемъ Кассіана. Вотъ что разсказывается въ жизнеописаніи преподобнаго объ обстоятельствахъ, побудившихъ его къ постриженію. Однажды, послѣ утренняго бдѣнія, Константинъ отдыхалъ въ келліи; но отдыхъ его былъ непродолжителенъ. Вскорѣ онъ въ ужасѣ воспрянулъ отъ нѣкоего видѣнія и сталъ громко звать священно-инока

Филарета, жившаго съ нимъ въ одной келліи. Этотъ послѣдній поспѣшилъ извѣстить о томъ архіепископа. На вопросъ святителя: „что было ему за видѣніе?“ преподобный разсказалъ, что онъ видѣлъ благолѣпную церковь и посреди сонма иноковъ, на высокомъ престолѣ, бывшаго игумена обители, Мартиніана, съ жезломъ въ рукахъ. Мартиніанъ повелѣвалъ ему постричься; когда же онъ дерзновенно отрекался, св. старецъ съ угрозою поднялъ на него свой жезлъ. Въ заключеніе своего разсказа Константинъ молилъ архіепископа и игумена о своемъ немедленномъ постриженіи. Просьба его была исполнена.

Но въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Кассіанъ жилъ не долго. Однажды, по монастырскимъ дѣламъ, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми братіями отправился по Волгѣ къ городу Угличу. Въ 15 верстахъ отъ этого города ему понравилось одно прекрасное мѣстоположеніе на устьѣ рѣчки Учьмы. Съ позволенія угличскаго князя, Андрея Васильевича, Кассіанъ водрузилъ здѣсь крестъ и поставилъ себѣ хижину. Сюда стали собираться къ нему любители уединенія и подвижнической жизни. Съ благословенія ростовскаго архіепископа, Тихона, Кассіанъ построилъ для нихъ церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы; но отъ разлитія Волги храмъ этотъ скоро пришелъ въ упадокъ. Кассіанъ обратился къ князю за помощію. чтобы перенести обитель на другое, болѣе высокое мѣсто. Благочестивый князь, уважавшій преподобнаго, не замедлилъ исполнить его просьбу. На счетъ князя монастырь и церковь были перенесены на другое мѣсто и обезпечены богатыми вкладами. Много лѣтъ провелъ въ этой обители преп. Кассіанъ и скончался въ глубокой старости, въ 1504 году. Тѣло его погребено было въ

основанномъ имъ монастырѣ, который упраздненъ въ 1764 году. Монастырь этотъ назывался, по имени основателя своего, Кассіановъ Учемскій.

Пр. Кассіанъ и послѣ своего преставленія былъ заступникомъ и хранителемъ своей обители. За годъ до нашествія на Угличъ литовцевъ нѣкоторые благочестивые поселяне въ ночное время видѣли святаго старца Кассіана въ бѣлыхъ ризахъ, на бѣломъ конѣ объѣзжающаго вокругъ своей обители съ пукомъ зажженыхъ свѣчъ, свѣтъ отъ которыхъ распространялся далеко на другой берегъ Волги; братія утѣшилась этимъ чудеснымъ видѣніемъ. И вотъ, когда, чрезъ годъ, вождь литовцевъ, послѣ разоренія Углича и цѣлаго ряда истязаній надъ иноками Учемскаго монастыря, покушался силою въѣхать на конѣ въ святыя врата обители, конь и всадникъ были внезапно поражены невидимою силою. Литовскіе воины, видѣвшіе это знаменіе гнѣва Божія, побросали свое оружіе и обратились въ бѣгство. Послѣ нихъ никто уже не смѣлъ болѣе приступать къ монастырю.

Служитель князя Ѳеодора Мстиславскаго, Захарія, жившій недалеко отъ Учемскаго монастыря, часто обижалъ иноковъ. Ему пришлось испытать на себѣ гнѣвъ преподобнаго. Однажды ночью Захарія напалъ на волость монастырскую и хотѣлъ ограбить домъ одного крестьянина. Но виновнаго внезапно постигло разслабленіе, такъ что онъ не могъ двинуться ни однимъ членомъ. Сознавъ свою вину, Захарія немедленно велѣлъ вести себя въ обитель и тамъ просилъ игумена Ѳеодосія помолиться о немъ у раки преподобнаго. За раскаяніемъ послѣдовало исцѣленіе. Исцѣленный возвратилъ все, похищенное имъ изъ обители, и кромѣ того подарилъ ей своего ратнаго коня и оружіе.— При томъ же игуменѣ Ѳеодосіи одинъ поселянинъ, по

имени Косма, самовольно сталъ рубить монастырскій лѣсъ и строить изъ него овины. Но овины эти, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, сгорали одинъ за другимъ. Косма раскаялся въ своемъ проступкѣ, попросилъ прощенія у игумена и ставъ щедро жертвовать въ обитель.

Многіе, обращавшіеся къ преподобному съ вѣрою и молитвою, получали отъ него исцѣленія. Такъ игуменъ той же Учемской обители, по имени Филаретъ, долгое время страдалъ нестерпимою болью въ зубахъ. Больной припалъ къ ракѣ преподобнаго, и болѣзнь оставила его навсегда. — Другой игуменъ, Гермогенъ, который двѣнадцать лѣтъ страдалъ ногами, совершенно покрытыми язвами, однажды посыпалъ ихъ перстію отъ гроба преподобнаго, и всѣ раны его закрылись.

Пр. Кассіанъ многимъ являлся и во снѣ: однихъ призывалъ въ обитель для исцѣленія, другихъ возбуждалъ къ покаянію, чтобы исповѣдали свои грѣхи предъ духовнымъ отцемъ; иныхъ же, не радѣвшихъ о монастырскомъ дѣлѣ, возбуждалъ съ большею ревностію относиться къ своей обязанности (Прологъ. Истор. Росс. Іер. Ч. 4, стр. 357—358. Слов. истор. о свв., стр. 128. Жит. свв. Муравьева).

ПРАЗДНЕСТВО ПРЕСВЯТѢИ БОГОРОДИЦѢ ЧУДОТВОРНЫЯ РАДИ ИКОНЫ ЕЯ ВЛАДИМІРСКІЯ.

Между многочисленными чудотворными иконами Богоматери въ нашемъ отечествѣ икона Владимірскія Богоматери пользуется особеннымъ уваженіемъ и славою. По общему вѣрованію нашихъ предковъ, она написана св. евангелистомъ Лукою на доскѣ изъ того стола, за которымъ трапезовалъ Іисусъ Христосъ съ Своею Матерью и

Іосифомъ. По писаніи, Лука принесъ икону къ Пресвятой Дѣвѣ. Богоматерь, увидя изображеніе Своего лица на иконѣ, повторила пророческое изреченіе: „Отнынѣ ублажатъ мя вси роди“, и присовокупила къ этому: „благодать Рождшагося отъ Меня и Моя съ сею иконою да будетъ“. Въ 450 году, при императорѣ Ѳеодосіи младшемъ, эта икона перенесена была изъ Іерусалима въ Константинополь. Въ половинѣ 12 вѣка патріархъ цареградскій, Лука Хризоверхъ, прислалъ сію святыню въ Кіевъ великому князю Юрію Владиміровичу Долгорукому. Икона поставлена была въ Вышгородѣ (Вышгородъ—нынѣ село, въ древности былъ удѣльнымъ городомъ княгини Ольги), въ дѣвичьемъ монастырѣ и скоро ознаменовала себя чудесами. Въ 1155 году клирики Вышгородской обители, войдя однажды въ храмъ, увидѣли, что икона сошла съ своего мѣста и стоитъ на воздухѣ; они взяли ее и поставили на другомъ мѣстѣ, но скоро увидѣли, что икона опять стоитъ на воздухѣ. Слухъ о семъ чудѣ дошелъ до князя вышгородскаго Андрея, сына Юрія Долгорукаго, который въ это время замышлялъ уже удалиться съ юга Россіи на сѣверъ—въ Ростовскую область и тамъ утвердить новое, независимое отъ Кіева владѣніе. Князь этотъ „многу вѣру и любовь имяше ко Пресв. Богородицѣ, и на устахъ его всегда было имя Христово и Пречистой Его Матери“. Услышавъ разсказъ о Владимірской иконѣ, Андрей подумалъ: „не въ Суздальской ли землѣ мѣсто, на которомъ угодно ей пребывать“. Съ такою мыслію онъ отправился въ Вышгородскую обитель и тамъ вознесилъ пламенную молитву предъ иконою; затѣмъ благоговѣйно взялъ ее вмѣсто всякихъ сокровищъ, безъ вѣдала отца, и ночью уѣхалъ съ этою драгоцѣнною святынею изъ Вышгорода въ Ростовскую область. На пути

князь совершалъ предъ иконою молебствія, и отъ нея были многія чудеса. Такъ, чудо совершилось на р. Вузѣ: князь послалъ одного всадника поискать въ рѣкѣ брода; всадникъ едва съѣхалъ съ берега, какъ погрузился вмѣстѣ съ конемъ на дно рѣки. Опечалился князь и сталъ со слезами молиться предъ иконою Богоматери. Чрезъ нѣсколько минутъ всадникъ вдругъ показался на другомъ берегу, не потерпѣвъ въ глубинѣ рѣки никакого вреда.— Въ другой разъ, конь, везшій повозку священника, сопровождавшаго икону изъ Вышгорода, сбилъ съ себя слугу и переломилъ ему ноги, а жену священника topталъ ногами, и она тутъ же испустила духъ. Священникъ, глубоко опечаленный, со слезами началъ молиться предъ иконою Богоматери, и вдругъ жена его ожила и слуга исцѣлѣлъ.—Въ 10 верстахъ отъ Владиміра, на берегу рѣки Клязьмы, лошади, везшія чудотворную икону, остановились и не шли далѣе. Запряжены были новыя, и тѣ также не шли. Въ трепетѣ и страхѣ князь повергся предъ иконою Богоматери; Она явилась ему во снѣ и повелѣла поставить икону Ея во Владимірѣ. Это было въ 1158 году. Благочестивый князь, прибывъ во Владиміръ, немедленно заложилъ храмъ въ честь Успенія Богоматери. Чрезъ два года храмъ былъ оконченъ и великолѣпно украшенъ. Въ него перенесъ князь Андрей икону Богоматери и украсилъ ее золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными каменьями. Съ тѣхъ поръ икона эта стала называться *Владимірскою*. Здѣсь снова начали истекать отъ нея чудеса; поразительнѣйшее изъ нихъ было слѣдующее: Вскорѣ послѣ того, какъ икона Богоматери поставлена была въ Успенскомъ храмѣ, князь Андрей построилъ въ городѣ *золотыя ворота*; известь была не крѣпка, сводъ рушился и задавилъ собою 12 человѣкъ. Великій князь, обвиняя

себя въ смерти этихъ несчастныхъ людей, палъ съ молитвою предъ иконою Богоматери; послѣ чего приказалъ разбирать упавшій сводъ. И что же? Къ удивленію всѣхъ, заваленные камнями всѣ найдены живыми.

Церковь во Владимірѣ, въ которой первоначально была поставлена эта икона, въ лѣтописяхъ называется *преименитою*; называется такъ, безъ сомнѣнія, отъ той драгоцѣнной святыни, которая находилась въ ней. Владимірская икона Богоматери, по вѣрѣ многихъ князей, воеводъ и воиновъ, участвовала во многихъ походахъ русскаго воинства. Князь Андрей, бывшій свидѣтелемъ нерѣдкихъ опытовъ благодатной помощи отъ этой св. иконы, когда выходилъ на брань, то имѣлъ благочестивый обычай непремѣнно брать съ собою и св. икону. Такъ, въ 1164 году, предпринимая походъ противъ волжскихъ болгаръ, онъ взялъ съ собою эту святыню и честный крестъ. Предъ сраженіемъ благочестивый князь укрѣпилъ духъ свой пріобщеніемъ св. Таинъ и молитвою предъ иконою Богоматери. „Всякъ, уповаяй на Тя, Госпоже, говорилъ онъ въ молитвѣ, не погибнетъ. И я грѣшный имѣю въ Тебѣ стѣну и покровъ". Упованіе князя на помощь Богоматери было оправдано: болгаре были разбиты, и князь далеко преслѣдовалъ ихъ. По возвращеніи изъ преслѣдованія на мѣсто битвы, князь прежде всего принесъ благодареніе Богоматери предъ чудотворной Ея иконой. Въ это время отъ животворящаго креста и иконы Богоматери возсіялъ свѣтъ, озарившій все воинство. Память о семъ чудѣ и доселѣ сохраняется въ праздиествѣ Происхожденія Честныхъ Древъ Креста Господня (1-го августа). Праздиество это установлено было по желанію Андрея и по сношенію съ греческимъ императоромъ Мануиломъ (1143—1180), который

въ тотъ же самый день видѣлъ свѣтъ отъ Креста Господня и чудесно побѣдилъ сарацинъ.

Въ 1173 г. князь Андрей Боголюбскій былъ убитъ кучковичами. Во Владимірѣ открылся мятежъ: народъ, подстрекаемый безначаліемъ и убійцами, грабилъ Боголюбовъ и Владиміръ. Для прекращенія мятежа священникъ Николай, прибывшій съ Боголюбскимъ изъ Вышгорода, въ полномъ облаченіи обходилъ улицы города съ Владимірскою иконою и мятежъ утихъ. По смерти Андрея, владимірцы среди разныхъ политическихъ смутъ неоднократно испытывали помощь и заступленіе Богоматери и Ей одной приписывали возвышеніе Владиміра. Слава города Владиміра, можно сказать, возрастала и распространялась въ продолженіе 242 лѣтъ, въ кои обитала въ немъ Владимірская икона Богоматери, и миновала, когда въ Москвѣ воздвигнутъ былъ храмъ Богоматери, и св. икона Владимірская перенесена туда: съ этого времени начала возвышаться Москва надъ всѣми русскими княжествами. Въ Москвѣ, какъ и во Владимірѣ, чудотворная икона прославилась многими благодатными чудесными знаменіями для спасенія Москвы и всего отечества. Объ этомъ свидѣтельствують, между прочимъ, особенныя празднованія, установленныя православною церковію въ честь Владимірскія иконы Богоматери. Церковь три раза въ годъ празднуетъ Владимірской иконѣ Богоматери въ благодарность за троекратное, при помощи Ея, славное избавленіе древней столицы нашей и всего отечества отъ враговъ, а именно: 26 августа, 23 іюня и 21 мая.

21 мая православная церковь празднуетъ Владимірской иконѣ Богоматери по двумъ событіямъ. Первое было въ 1514 году ради *поновленія* Владимірской иконы въ

домѣ митрополита Варлаама. Съ воспоминаніемъ поновленія соединено празднованіе другаго событія—избавленія, помощію Владычицы, Москвы и всего нашего отечества отъ злѣйшихъ нашихъ враговъ—татаръ. Казанскій царь Махметъ-Гирей съ большими полчищами крымскихъ, ногайскихъ и казанскихъ татаръ двинулся къ московскимъ предѣламъ съ огнемъ и мечемъ. На пути къ Москвѣ враги совершали страшныя звѣрства: мирныхъ поселянъ морили голодомъ, уводили въ плѣнъ, или предавали разнымъ истязаніямъ: били мечемъ, сожигали, бросали въ рѣку и т. д. Никакой пощады не было и невиннымъ младенцамъ, которые подвергались такой же участи. Всѣ на пути зданія,—храмы, селенія и города обращались въ мусоръ, въ пепелъ и сравнивались съ землею. Великій князь Василій Ивановичъ не въ силахъ былъ удержать стремленіе враговъ. 29 іюня 1521 г. среди облаковъ дыма и стука сверкающихъ копій и ножей, подъ заревомъ пылающихъ деревень, ханъ стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда бѣжали жители окрестностей съ своими семьями и имуществомъ. Масса пришельцевъ—гражданъ, женъ, дѣтей и старцевъ искали спасенія въ кремлѣ, тѣснились въ воротахъ и давили другъ друга. Всѣ трепетали. Мысленные взоры всѣхъ устремлены были на Владычицу міра, Матерь Божію. Митрополитъ Варлаамъ усердно молился предъ Владимірскою иконою Божіей Матери. Богъ услышалъ молитвы бѣдствующихъ, и Москва дивно-заступленіемъ Божіей Матери спасена и спасла всю Россію. Лѣтописцы повѣствуютъ, что татаре хотѣли выжечь московскіе посады и войти съ огнемъ въ самый кремль, но, увидѣвъ вокругъ Москвы безчисленное русское воинство, дали совѣтъ хану отступить отъ Москвы. Ханъ не принялъ

совѣта и послалъ своихъ приближенныхъ развѣдать, дѣйствительно ли безчисленное войско охраняетъ Москву. Приближенные „видѣша того сугубѣйшее воинство русское, и сказаше ему; и третіе посла нѣкоего изъ ближнихъ увѣдати истину, и трепеща, прибѣже и вопія: о, царю, что коснеши, побѣгнемъ! грядетъ бона насъ безмѣрное множество войска отъ Москвы, и побѣгоша“ (Истор. Карамз. Т. 7, гл. 2). Такимъ образомъ, предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, Москва и отечество избавились отъ враговъ. Въ воспоминаніе этого чуднаго избавленія церковь празднуетъ 21 мая Владимірской иконѣ Богоматери, и совершается крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ церковь Владимірской иконы Богоматери.

Послѣ событій, празднуемыхъ церковію въ честь Владимірскія иконы Богоматери, лѣтописи говорятъ, что наши великіе князья и цари при всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни обращались за помощію и благословеніемъ къ этой св. иконѣ, напр. при восшествіяхъ на престолъ и коронованіяхъ; предъ нею князья брали съ подданныхъ клятву въ вѣрности отечеству. Издревле и доселѣ православные всероссійскіе монархи пріемлютъ священное вѣнчаніе и муропомазаніе на царство предъ ликомъ Владимірскія иконы въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Наканунѣ помазанія на царство царей русскихъ всенощное бдѣніе было совершаемо Воскресенію Христову и Пречистой Богоматери—чудотворной Ея иконѣ Владимірской. На другой день, по прибытіи царя въ соборъ, становился онъ предъ Владимірской иконой Богоматери, и Ей пѣли молебенъ. Предъ самымъ помазаніемъ царь прежде всего припадалъ къ чудотворной иконѣ Владимірской.—При

выступленіи своемъ противъ враговъ великіе князья и цари молились предъ иконою Богоматери и взирали на нее, какъ на заступницу Россіи. При набѣгахъ, въ 1541 году хана крымскаго Саипъ-Гирея и казанскаго Софа-Гирея на Россію, царь Іоаннъ Васильевичъ, отправляясь противъ враговъ, на колѣнахъ и со слезами молился предъ иконою о помощи противъ нихъ, и враги были отражены (Карамз. Т. 8. Прим. 101). Въ 1552 году, 16 іюня, вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ, собираясь въ походъ, приходилъ въ храмъ Успенія и тамъ „слезно припадаетъ чудотворному образу Богоматери, съ плачемъ на долгъ часъ молитвы простирающи". Молитва царя услышана: Казань взята, и онъ торжественно встрѣченъ былъ, при возвращеніи въ столицу послѣ побѣды, духовенствомъ съ чудотворною Владимірскою иконою. Іоаннъ, сошедъ съ коня, палъ предъ нею, помолился и облобызалъ ее (Карамз. 8, гл. 4). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ во всякій праздникъ въ честь иконы Владимірской слушалъ службу у Рождества на сѣняхъ, а царь Алексѣй Михаиловичъ почти всегда бывалъ въ крестныхъ ходахъ, установленныхъ въ честь иконы Богоматери Владимірской. Вообще въ продолженіи всей своей жизни русскіе цари оказывали особое благоговѣніе къ иконѣ Богоматери Владимірской.

При избраніи святителей Владимірская икона Богоматери служила поручительницею и благословеніемъ. Имена избираемыхъ запечатывались царемъ и клались на пеленѣ въ кіотѣ Владимірской иконы; затѣмъ послѣ молебствія предъ иконою самъ царь или старѣйшій изъ святителей снималъ печать, вынималъ одно имя и объявлялъ собору имя избраннаго.

Эту же икону святители употребляли ходатайницею за

виновныхъ предъ царями. Такъ, царь Петръ Алексѣевичъ въ 1698 году опредѣлилъ предать смертной казни 1500 стрѣльцовъ. Патріархъ Адріанъ рѣшился ходатайствовать о преступныхъ предъ царемъ. Въ новый годъ 1699, взявъ на руки свои икону Богоматери, съ крестнымъ ходомъ святитель отправился во дворецъ. Петръ прогнѣвался на него и сказалъ: „знаешь ли, что значитъ сей образъ? Зачѣмъ ты сюда пришелъ? Ступай назадъ скорѣе и отнеси сію святыню въ священное мѣсто. Я боюсь Бога и почитаю Его Матерь столько же, сколько и ты“. Не смотря на суровый пріемъ, Петръ принялъ ходатайство святителя, и смертная казнь стрѣльцевъ была отмѣнена.

При нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году, въ самый день Бородинской битвы, 26 августа, въ праздникъ Срѣтенія Владимірской Богоматери, Владимірская икона была обнесена вокругъ Бѣлаго города, Китая и кремлевскихъ стѣнъ. Отъ Срѣтенскихъ воротъ до Арбатскихъ ходъ шелъ между двумя рядами раненыхъ, которые съ умиленіемъ крестились, взирая на отрадныя для страдальцевъ знаменія вѣры и благочестія. 1-го сентября того же года, когда непріятельскія войска были уже вблизи Москвы, преосвященный Августинъ по Высочайшему повелѣнію отправился съ иконами Владимірскою, Иверскою и Смоленскою въ Владиміръ. Жители Владиміра, нѣкогда съ горестію провожавшіе отъ себя Владимірскую икону, срѣтили ее теперь съ необычайною радостію. По просьбѣ владимірскаго епископа Ксенофонта, ее ежедневно носили по городу съ крестнымъ ходомъ (Очеркъ жизни архіеп. моск. Августина Снегирева. Москва. 1848 г., стр. 40 и слѣд.). 20 октября, по освобожденіи Москвы отъ французовъ, икона эта снова возвращена была въ Москву.

Декабря 1-го Китай городъ былъ освященъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ носили чудотворныя иконы Богоматери Владимірскую, Иверскую, Грузинскую и „Утоли моя печали".

Въ 1813 году, по возобновленіи московскаго Успенскаго собора, въ недѣлю Вайй икона Владимірской Богоматери торжественно перенесена была изъ Срѣтенскаго монастыря въ Успенской соборъ и поставлена тамъ, гдѣ стояла и прежде,—у царскихъ вратъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ находится и донынѣ въ створчатомъ кіотѣ. Образъ этотъ вышиною одинъ аршинъ и 7 вершковъ, шириною съ небольшимъ 15 вершковъ. Окладъ (риза) на иконѣ изъ чистаго золота, древней греческой работы, украшенный драгоцѣнными каменьями, цѣнится болѣе 60,000 рублей серебромъ (Отеч. записк. 1821 г. Ч. 8, стр. 15. Памят. Моск. древности, стр. 13); на поляхъ вычеканены 12 Господскихъ праздниковъ (Слава Пресв. Владычицы. Ч. 3, отд. 1, стр. 32—46. Дни богосл. Дебольскаго, книга и часть 1-я, стр. 240—252).

Сочинитель Степенной книги, самъ иконописецъ, поновлявшій сію икону, такъ описываетъ ее: „Апостолъ Лука изящнѣ видѣніе Тоя (Богоматери) и прочая подобія начерта во образъ возраста средніе мѣры: святое же и благодатное лице Ея мало окружія, продолжающійся носъ доброгладостнѣ лежащь на десно, приблизь Пречестнаго лица предвѣчнаго Ея Младенца; персты же богопріемныхъ Ея рукъ тонкостію истончени (Степ. кн. 1. 534, 535).

Во дни, когда воспоминается троекратное избавленіе Москвы отъ Тамерлана, Ахмата и Махметъ-Гирея, церковь, прославляя заступленіе Богоматери, радостно воспіетъ: „Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Мо-

сква, яко зарю солнечную воспріемши, Владычице, чудотворную Твою икону, къ ней же мы, нынѣ притекающе и молящеся Тебѣ, взываемъ сице: о пречудная Владычице Богородице, молися изъ Тебѣ воплощенному Христу, Богу нашему, до избавитъ градъ сей, и вся грады и страны христіанскія невредимы отъ всѣхъ навѣтъ вражіихъ и спасетъ души наша, яко милосердъ" (тропарь праздника).

О преподобномуч. Пахоміи см. 7-го мая.

СТРАДАНІЯ ПР. АГАПИТА МАРКУШЕВСКАГО.

Пр. Агапитъ предпринялъ начало иноческихъ подвиговъ и долгое время продолжалъ ихъ въ сольвычегодскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Вологод. губ.). Однажды Агапитъ тяжко заболѣлъ; ему явился въ сонномъ видѣніи святитель Николай и исцѣлилъ его; потомъ приказалъ идти на р. Маркушу и основать тамъ монастырь. Агапитъ повиновался: въ 1578 году монастырь былъ устроенъ съ двумя деревянными храмами въ честь святителя Николая и Прокопія устюжскаго, въ 100 верстахъ отъ Тотьмы, при рѣчкахъ Маркушѣ и Тарнахѣ. Въ томъ же 1578 году Агапитъ отправился въ Москву и испросилъ у Іоанна Васильевича Грознаго землю для содержанія обители и позволеніе построить мельницу на р. Лахтѣ, а у митрополита—благословеніе освятить храмы. По возвращеніи изъ Москвы, Агапитъ устроилъ на р. Лахтѣ монастырское село и при немъ мельницу. Но жители села Кашина, опасаясь, чтобы ихъ угодья и пустоши не отошли ко вновь устроенному монастырю, рѣшились убить заботливаго основателя обители. 21 мая они напали на преподобнаго близъ мельницы, убили его (въ 1584 г.) и бросили въ рѣку Уфтюгу. Тѣло препо-

добнаго было найдено иноками его монастыря и погребено въ часовнѣ, между двумя построенными имъ храмами. Надъ гробомъ преподобнаго, какъ краснорѣчивые свидѣтели его подвижнической жизни, висятъ вериги, снятыя съ него послѣ его смерти. Мощи преподобнаго почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ упраздненной въ 1764 г. Маркушевской обители. Въ 1712 г. епископъ холмогорскій Варнава, заѣхавъ въ Маркушевскій монастырь, приказалъ собрать свѣдѣнія о жизни и чудесахъ пр. Агапита. Составленное тогда описаніе хранится въ бывшей монастырской, а нынѣ приходской Маркушевской церкви.

Въ бывшемъ Маркушевскомъ монастырѣ, какъ памятникъ старины, донынѣ сохраняется часовня, поставленная пр. Агапитомъ прежде постройки храмовъ; она доселѣ поддерживается въ томъ видѣ, въ какомъ ее устроилъ самъ преподобный. Не подалеку отъ нея была другая часовня, подъ которой почивали мощи пр. Агапита до построенія нынѣшней каменной церкви, гдѣ онѣ нынѣ покоятся въ склепѣ, на южной сторонѣ холоднаго храма. Внѣ монастыря находятся еще три часовни: первая въ 2-хъ верстахъ на сѣверъ отъ монастыря, вторая около версты за рѣкой Маркушей, а третья въ трехъ верстахъ на западѣ обители. Эти часовни, какъ говоритъ преданіе, указываютъ на мѣста, на которыхъ пр. Агапитъ сначала думалъ-было строить обитель. Преданіе увѣряютъ, что икона св. Николая, водружаемая на этихъ мѣстахъ, каждый разъ чудодѣйственною силою покидала ихъ и переносилась на то мѣсто, гдѣ послѣ устроенъ былъ монастырь (Истор. Росс. Іер. Ч. 5, стр. 51. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Истор. слов. о свв., стр. 6—7. Вологод. губ. вѣд. 1849 г. №№ 44 и 45. Вологод. епарх. вѣд. 1878 г. № 12).

ОРАНСКІЯ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Въ царствованіе Михаила Θеодоровича, при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, въ 1629 году, въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода жилъ въ своей вотчинѣ (близъ нынѣшняго Оранскаго монастыря) одинъ благочестивый человѣкъ, по имени Петръ Гладковъ. По званію онъ былъ воинъ. Въ знакъ особеннаго уваженія и глубокаго благоговѣнія къ Владимірской иконѣ Богоматери, находящейся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, Гладковъ снялъ съ нея для себя точный списокъ и отвезъ его въ свою вотчину, въ село Бочеево. Здѣсь св. икона въ продолженіе пяти лѣтъ находилась то въ Бочеевской церкви св. Николая, то въ домѣ помѣщика. Въ 1634 году, въ ночь на субботу пятой недѣли великаго поста, Гладковъ услышалъ во снѣ голосъ: „иди сѣмо". Ему показалось, что онъ, послушный голосу, пошелъ и увидѣлъ себя на какой-то горѣ, гдѣ снова услышалъ голосъ, повелѣвавшій ему построить храмъ въ честь Владимірской иконы Богоматери, а прежде созданія храма водрузить крестъ на горѣ. Сонъ этотъ повторялся Гладкову три раза. Остальные дни поста Гладковъ провелъ въ усиленной молитвѣ и съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія встрѣтилъ свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія. Затѣмъ въ субботу на свѣтлой недѣлѣ онъ отправился изъ дому отыскивать гору, трижды видѣнную во снѣ. Онъ шелъ густымъ, дремучимъ лѣсомъ къ полю, называвшемуся *Орано-поле*, и здѣсь, среди непроходимаго лѣса, увидѣлъ огонь на такъ называемой Славенской горѣ. Боясь заблудиться, Гладковъ направился къ этой горѣ, въ надеждѣ найти на ней людей. День былъ ненастный, дождливый, все небо покрыто было густыми свинцовыми облаками; тѣмъ ярче былъ на

Славенской горѣ огненный свѣтъ. Гладковъ, когда онъ подошелъ къ горѣ, видѣлъ на ней какъ бы солнечное сіяніе, восходившее столбомъ до небесъ. Онъ узналъ то самое мѣсто, которое представлялось ему во снѣ. Съ неизъяснимою радостію Гладковъ отправился въ Москву къ патріарху Іоасафу, разсказалъ ему обо всемъ бывшемъ съ нимъ и испросилъ себѣ грамату на сооруженіе храма въ честь Владимірской иконы Божіей Матери на Славенской горѣ. Возвратившись изъ Москвы въ свое село съ храмозданной граматой, Гладковъ поспѣшилъ водрузить на указанномъ ему мѣстѣ мраморный крестъ, а затѣмъ приступилъ и къ самому сооруженію храма.

Нашлись враги этого святаго дѣла: Въ окрестностяхъ Славенской горы жили мордовцы, бывшіе еще идолопоклонниками; они имѣли въ лѣсу борты, и пчеловодство составляло ихъ главный промыселъ. Имѣя притязаніе на владѣніе Славенскою горою, мордовцы съ злобою смотрѣли на воздвигаемое Гладковымъ зданіе. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ рѣшились было разрушить его въ самомъ началѣ; въ продолженіе семи недѣль они ходили по окрестностямъ Славенской горы съ этимъ злобнымъ намѣреніемъ, но заступленіемъ Богоматери намѣреніе ихъ не исполнилось. Храмъ благополучно былъ достроенъ. Когда способомъ насилія мордовцы своей цѣли не достигли, они прибѣгли къ другому низкому способу—клеветѣ: они написали челобитную къ царю, въ которой жаловались, что Гладковъ насиліемъ воздвигъ въ ихъ бортовскомъ лѣсу церковь и значительную часть ихъ земель присвоилъ несправедливо. Челобитная попала въ руки думнаго дьяка Грамотина. Подкупленный мордовцами, онъ сталъ защищать ихъ дѣло и къ клеветѣ ихъ прибавилъ на челобитной: „Гладковъ забираетъ чужія

земли, ихъ вспахиваетъ, засѣваетъ, населяетъ своими людьми“ и пр. Царь послалъ въ Нижній-Новгородъ къ воеводѣ Шереметьеву грамату съ повелѣніемъ дворъ Гладкова снести, людей оттуда вывести и землю возвратить мордовцамъ. Но, по освидѣтельствованіи, на Славенской горѣ найдена была только церковь и при ней келліи для іеромонаха и семи монаховъ. Объ этомъ донесено было въ Москву; царь распорядился оставить церковь и келліи на Орано-полѣ. Между тѣмъ Грамотинъ опасно заболѣлъ. Признавая свою болѣзнь наказаніемъ за клевету на Гладкова, онъ раскаялся въ ней и всѣмъ разсказалъ о своемъ грѣхѣ.—Гладковъ поставилъ икону Божіей Матери въ новоустроенномъ храмѣ, съ того времени она стала называться Оранскою; вскорѣ она прославилась многими чудесами. Объ нихъ донесено было патріарху, который предписалъ архимандриту нижегородскаго Печерскаго монастыря, Рафаилу, удостовѣриться въ истинности этихъ чудесъ. Архимандритъ подтвердилъ ихъ вѣрность; тогда патріархъ доложилъ о чудесахъ царю Михаилу Θеодоровичу. Царь приказалъ устроить на Оранскомъ полѣ монастырь, названный Оранскимъ.

Чудотворная икона Оранской Божіей Матери ежегодно на Θоминой недѣлѣ приносится изъ монастыря въ Нижній-Новгородъ и послѣ хожденій съ нею въ разныя мѣста возвращается въ монастырь. (Слава Пресв. Владычицы. Ч. 3, отд. 1-е, стр. 49—52. Дни богосл. Дебольскаго. Кн. 1-я, стр. 189—190. Нижегород. губерн. вѣд. 1840 г. № 12).

22-е число.

Св. муч. Василиска. Воспоминание втораго вселенскаго собора.

(Св. муч. Маркелла. Муч. Кодра. Муч. Софіи. Царя Іоанна Владиміра. Священномуч. Захаріи прусскаго. Пр. Іакова боровичскаго).

О св. муч. Василискѣ см. подъ 3 ч. марта.

ВОСПОМИНАНІЕ ВТОРАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА.

Приговоромъ Никейскаго собора (о Никейскомъ соб. см. подъ 29 ч. мая) и указомъ императора Константина великаго Арій и единомышленники его отлучены были отъ общенія церковнаго и сосланы въ ссылку. Но вскорѣ, по смерти Константина, аріанамъ удалось привлечь на свою сторону сына его Констанція, правителя Восточной имперіи, и для православныхъ настали тяжолыя времена. Послѣдующіе правители (за исключеніемъ Іовіана 363—364) также принимали сторону аріанъ и гнали православныхъ. Въ слѣдствіе всего этого аріанство усиливалось и быстро распространялось на Востокѣ. Но это самое торжество, какого достигло аріанство, особенно при Констанціи (337—361) и Валентѣ (364—378), послужило лишь ко внутреннему разложенію этой системы лжеученія; аріанство, какъ и всякая ложь, будучи не состоятельно само въ себѣ, начало раздѣляться на различныя отрасли,

которыя взаимно отрицали одна другую. Изъ одного зерна, брошеннаго въ началѣ Аріемъ, въ теченіе съ небольшимъ 50 лѣтъ произрасли евноміане, аномеи, собственно аріане, полуаріане или духоборцы и др. еретики. Болѣе опаснымъ изъ всѣхъ порожденій аріанства, произведшимъ особенно безпокойныя движенія между вѣрующими, было духоборство, главнымъ представителемъ котораго былъ Македоній, патріархъ константинопольскій. Онъ Духа Святаго не признавалъ причастнымъ божественныхъ свойствъ и называлъ Его служителемъ, исполнителемъ и другими именами, приличными свв. ангеламъ, и вообще именовалъ Его тварію. (Созом. 4, 27. Θеодоритъ 2, 6). Македоній не мало нашелъ послѣдователей своему ученію. Но наступило наконецъ время и торжественнаго объявленія истины. На престолъ вступилъ благочестивый православный государь Θеодосій великій (379 – 395). Желая успокоить волненія въ церкви и положить конецъ злу отъ всѣхъ этихъ лжеученій, онъ нашелъ полезнымъ созвать вселенскій соборъ и издалъ объ этомъ указъ (381 г.) Въ силу указа съѣхались на соборъ въ Константинополь 150 отцевъ. Царь и епископы всячески старались привести послѣдователей Македонія къ общенію и единомыслію съ церковію. Но тѣ не думали внимать голосу истины и, видя, что побѣда не на ихъ сторонѣ, оставили собраніе. Тогда православные, не имѣя болѣе средствъ привести еретиковъ къ раскаянію, поразили ихъ анаθемой и, для устраненія на будущее время различныхъ мудрованій о лицахъ Св. Троицы, отчасти подтвердили исповѣданіе вѣры Никейское, отчасти дополнили его новымъ членомъ о третьей Ѵпостаси Святыя Троицы—Св. Духѣ,—исповѣдавъ „Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исхо-

дящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемымъ и славимымъ". Кромѣ того, на этомъ же соборѣ и прочіе члены Никео-Цареградскаго символа, слѣдующіе послѣ члена о Св. Духѣ,—во едину святую, соборную и апостольскую церковь и т. д. до конца,—внесены въ символъ вѣры. Это исповѣданіе вѣры, дополненное и законченное на второмъ вселенскомъ соборѣ, установлено св. церковію неизмѣнно употреблять въ христіанскихъ церквахъ навсегда.

Дополнивъ и утвердивъ Никейскій символъ вѣры, отцы константинопольскаго собора занялись составленіемъ нѣкоторыхъ каноническихъ правилъ. Ихъ насчитываютъ обыкновенно до семи. Они касаются преимущественно правъ и власти епископовъ. Седьмое и послѣднее правило опредѣляетъ способъ принятія въ православную церковь обращающихся отъ ересей и расколовъ. По различію ересей, коими заражены были обращающіеся, принятіе ихъ совершается двоякимъ способомъ: одни принимаются только посредствомъ мѵропомазанія, безъ повторенія надъ ними крещенія, другіе принимаются съ повтореніемъ крещенія, какъ язычники. Отрадно для сына православной восточной церкви читать между правилами этого вселенскаго собора ясное и подробное указаніе на таинство св. мѵропомазанія. Какъ видно изъ выраженій самаго соборнаго правила, таинство мѵропомазанія и во времена втораго вселенскаго собора совершаемо было точно такъ, какъ и нынѣ оно совершается въ православной восточной церкви: „пріемлемъ запечатлѣвая, т. е. помазуемъ св. мѵромъ во первыхъ чело, потомъ очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлѣвая ихъ, глаголемъ: печать дара Духа Святаго". Дѣянія отцовъ втораго вселенскаго собора были утверждены императоромъ (Христ. чт. 1869 г. январь и слѣд. мѣс. Исторія

свят. вселенск. соборовъ. Въ прилож. къ книжкамъ Душеп. чт. за 1870 г. мартъ и др. мѣсяцы).

Св. муч. Маркеллъ напоенъ расплавленнымъ свинцемъ.— Муч. Кодръ скончался влекомый конями.—Муч. Софія врачебница скончалась отъ меча (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 135).

ЦАРЯ ІОАННА ВЛАДИМІРА.

Владиміръ, владѣтельный князь Сербіи, былъ человѣкъ набожный, правдивый и добродѣтельный. Онъ любилъ своихъ подданныхъ и всю свою жизнь посвятилъ на ихъ благо и пользу. Мужественный и храбрый, онъ не страшился опасностей и смѣло шелъ противъ сильнѣйшихъ враговъ, когда того требовала польза отечества. Обстоятельства жизни Владиміра сложились такъ, что при всемъ своемъ нежеланіи вмѣшиваться въ чужія дѣла, онъ долженъ былъ принять въ нихъ участіе и чрезъ это потерпѣть много скорбей и даже умереть страдальчески. Сербы, принявъ христіанство, подчинились въ церковномъ отношеніи власти восточнаго патріарха. Притязанія папы и насилія нѣмцевъ заставили сербовъ отдаться подъ защиту и свѣтской власти—греческому императору. Это было при Василіи македонянинѣ, около 868 г. Но греки тѣснили сербовъ, тѣснили и другія славянскія племена. Тѣ и другія старались, на сколько возможно, отстоять свою свободу. Первымъ возсталъ противъ притѣснителей болгарскій царь Самуилъ. Не надѣясь на однѣ свои силы, онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону и сербскаго князя Владиміра. Зная однако, что тотъ не рѣшится добровольно вступить съ нимъ въ союзъ и нарушить мирный договоръ съ греками, Самуилъ рѣшился принудить его

къ тому силою. И вотъ болгарскій царь вывелъ противъ Владиміра сильное войско. Владиміръ не въ силахъ былъ отражать нападеніе Самуила и укрѣпился на горѣ Косогорѣ. Самуилъ окружилъ гору многолюднымъ войскомъ и обѣщалъ Владиміру много лестнаго, если онъ добровольно сдастся. Довѣрчивый Владиміръ предался въ руки болгарскаго царя и попалъ въ тюрьму. Впрочемъ не долго пришлось Владиміру въ ней томиться. У Самуила была дочь Коссара, добрая и сострадательная дѣвица. Зная хорошо Владиміра, она просила отца дать узнику свободу: „не могу я, говорила она, быть супругою другаго, кромѣ Владиміра“. Отецъ, очень любившій свою дочь, охотно исполнилъ ея желаніе, освободилъ узника и отдалъ за него свою дочь; вскорѣ и самъ полюбилъ добраго Владиміра.

Итакъ теперь Владиміръ, сдѣлавшись союзникомъ Болгаріи, естественно долженъ былъ противодѣйствовать честолюбивымъ и корыстнымъ замысламъ императора Василія. Василій началъ войну съ Сербіею; многочисленное греческое войско вступило въ предѣлы Владиміра. Но разсчеты Василія подавить Сербію превосходствомъ и численностію своихъ войскъ оказались ошибочными. „И мужество Іоанна (Владиміра), и сила его оружія, и его упованіе на помощь Божію, непроходимость горъ, недоступность подоблачныхъ вершинъ, тѣсныя ущелья—все это вмѣстѣ окружило Василія, какъ сѣть паука муху; непріятель былъ разсѣянъ мужественнымъ Владиміромъ, и побѣжденный возвратился назадъ“ (Греческое житіе св. Владиміра). Послѣ этой войны тесть Владиміра скоро умеръ, но дружескій союзъ съ наслѣдникомъ его—сыномъ Радоміромъ—не только не прекратился, а еще болѣе укрѣпился. Эта дружба двухъ молодыхъ славянскихъ госу-

дарей сильно тревожила имперію. И вотъ, чего не достигли греки открытою силою, то задумали совершить хитростію и коварствомъ. У Радоміра былъ двоюродный братъ, Владиславъ. Его греки употребили орудіемъ своего гнуснаго замысла: ему былъ обѣщанъ болгарскій престолъ, если онъ согласится убить Радоміра. Обѣщаніе было слишкомъ обольстительно для малодушнаго Владислава; злодѣйство было совершено. Но малодушіе соединяется съ трусостію и боязнію, и одно преступленіе не рѣдко ведетъ за собою и другое. Такъ случилось и здѣсь. Опасаясь, чтобы Владиміръ не сталъ мстить за убійство шурина и не предъявилъ бы своихъ правъ на престолъ болгарскій, злодѣй рѣшился на другое убійство. Онъ пригласилъ къ себѣ Владиміра подъ видомъ мирнаго совѣщанія о границахъ владѣній. Добродушный Владиміръ готовъ былъ уже отправиться. Но предусмотрительная супруга его, подозрѣвавшая коварный умыселъ въ этомъ приглашеніи, уговорила мужа позволить ей сначала отправиться къ Владиславу, чтобы узнать предварительно, что за новый правитель и какія у него скрываются цѣли относительно приглашенія. „Если Владиславу угодно, пусть онъ убьетъ меня, говорила Владиміру нѣжно любящая его супруга, только бы ты не погибъ“. Получивъ позволеніе, княгиня отправилась въ Болгарію, гдѣ была принята Владиславомъ съ почестію, но только притворною. Владиславъ отправилъ посольство къ Владиміру съ прежнимъ приглашеніемъ, объявляя готовность поклясться въ чувствахъ любви и дружелюбномъ намѣреніи. Сербскій князь отвѣчалъ: „Іисусъ Христосъ, пострадавшій за насъ, не былъ пригвожденъ къ золотому или серебряному кресту, а къ деревянному; если слова твои искренни, пришли съ духовными лицами деревянный крестъ, предъ

которымъ покляпешься, и я, полагаясь на драгоцѣнное древо, приду къ тебѣ". Владиславъ далъ клятву въ присутствіи двухъ архіереевъ и инока, и Владиміръ, извѣщенный объ этомъ, спокойно отправился въ Болгарію. Но дни его уже были сочтены. Въ одномъ болгарскомъ городкѣ, Преспѣ, во время молитвы, явились къ нему убійцы. Они дозволили ему пріобщиться св. тайнъ и затѣмъ безжалостно умертвили его 22 мая 1015 года.

Тѣло св. Владиміра похоронено было въ храмѣ; многіе больные получали исцѣленіе на гробѣ его. Супруга его, Коссара, перенесла мощи страдальца въ Крайну. Нынѣ онѣ почиваютъ близъ Элбосани. Убійца и клятвопреступникъ Владиславъ, спустя два года по совершеніи злодѣйства, умеръ въ мукахъ совѣсти (Свв. юж. слав. Филарета, арх. черн., стр. 83—88).

Священномуч. Захарія прусскій окончилъ свою жизнь въ 1802 году (Мѣсяц. Вост. А. Сергія Т. 2, стр. 135).

О пр. Іаковѣ боровичскомъ см. 23 октября.

23-е число.

Пр. Михаила исповѣдника, еп. синадскаго. Св. муч. Михаила черноризца. Обрѣтеніе мощей св. Леонтія, еп. ростовскаго. Пр. Евфросиніи, княжны полоцкія.

(Св. Маріи Клеоповой мѵроносицы. Муч. Салона римлянина. Муч. Селевка. Преставленіе пр. Паисія галичскаго).

ПР. МИХАИЛА ИСПОВѢДНИКА, ЕП. СИНАДСКАГО.

Св. Михаилъ еще въ юныхъ лѣтахъ принялъ иноческое житіе и поселился въ монастырѣ, основанномъ св. патріархомъ Тарасіемъ близъ Чернаго моря. Въ этой обители Михаилъ на столько преуспѣлъ въ иноческихъ подвигахъ и добродѣтеляхъ, что св. Тарасій поставилъ его епископомъ въ Синадъ. Кроткимъ, но твердымъ и мудрымъ управленіемъ ввѣренной паствы и святостію жизни св. Михаилъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе императора Никифора (802—811), который посылалъ его вмѣстѣ съ другими для заключенія мира къ калифу Арунъ-Альрашиду. Въ 811 году этотъ святитель посылаемъ былъ къ папѣ Льву 3-му съ соборнымъ посланіемъ, по вѣнчаніи на царство императора Куропалата (811—813). Въ царствованіе иконоборца Льва армянина (813—820) св. Михаилъ за смѣлое обличеніе иконоборческой ереси былъ сосланъ

въ заточеніе въ Евдокіаду, гдѣ и скончался (въ 818 г.), испытавъ много скорбей. Св. Θеодоръ Студитъ въ письмѣ о кончинѣ св. Михаила Петру, митрополиту никейскому, осыпаетъ епископа синадскаго величайшими похвалами: называетъ его отцомъ отцовъ, исповѣдникомъ и т. п. Стопа св. Михаила находится въ Иверскомъ аѳонскомъ монастырѣ, а глава въ лаврѣ св. Аѳанасія (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 145).

СВ. МУЧ. МИХАИЛА ЧЕРНОРИЗЦА.

Св. Михаилъ родился въ городѣ Едессѣ отъ знатныхъ и благочестивыхъ родителей. По смерти ихъ онъ раздалъ все свое имущество бѣднымъ, а самъ отправился на поклоненіе свв. мѣстамъ въ Іерусалимъ, которымъ въ то время владѣли уже турки. Обошедъ свв. мѣста Палестины, св. Михаилъ поселился въ обители св. Саввы, близъ Іерусалима, и принялъ въ ней иноческое постриженіе. Однажды инокъ-старецъ послалъ его въ Іерусалимъ для продажи сосудовъ монастырскаго рукодѣлья. Здѣсь встрѣтилъ Михаила евнухъ агарянской царицы Сеиды и привелъ его къ своей госпожѣ, такъ какъ у продавца сосуды были прекраснаго рукодѣлья. Царица, увидѣвъ молодаго, красиваго инока, воспылала къ нему преступною любовію и тотчасъ же начала склонять его къ беззаконной связи, обѣщаясь доставить ему жизнь привольную и счастливую. Благочестивый и строго цѣломудренный Михаилъ рѣшительно отвергъ всѣ льстивыя предложенія развратницы. Подобно праведному и цѣломудренному Іосифу, претерпѣвшему гоненіе отъ безстыдной жены Пентефрія, Михаилъ рѣшился лучше лишиться всего, чѣмъ согрѣшить предъ Богомъ. Потерявъ всякую надежду склонить ко грѣху черноризца, агарянка въ ярости велѣла бить его палицами

и потомъ связаннаго, какъ хулителя агарянской вѣры, отправила къ своему мужу, находившемуся недалеко отъ Іерусалима. Тамъ новое искушеніе предстояло преподобному, которое онъ выдержалъ побѣдоносно. Увидѣвъ красиваго юнаго инока, агарянскій царь полюбилъ его и хотѣлъ сдѣлать своимъ оруженосцемъ и ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ принялъ магометанскую вѣру. Михаилъ не хотѣлъ и слушать льстивыя обѣщанія царя. Тогда царь сказалъ иноку: „проси у меня чего хочешь, только исполни мое желаніе,—прими нашу вѣру". Агарянскій повелитель думалъ, что твердость Михаила не устоитъ противъ такого сильнаго искушенія, но ошибся въ своихъ разсчетахъ. Съ самоотверженіемъ и полною готовностію пострадать за вѣру Христову св. Михаилъ отвѣчалъ обольстителю: „изъ трехъ прошу у тебя одного: или отпусти меня въ монастырь къ моему старцу, или самъ крестись во имя моего Бога, или своимъ мечемъ пошли меня ко Христу". Раздраженный агарянинъ исполнилъ послѣднее желаніе Михаила, повелѣвъ отсѣчь ему голову (въ 9 вѣкѣ). Такъ св. исповѣдникъ стяжалъ себѣ отъ Господа мученическій вѣнецъ за сохраненіе своихъ обѣтовъ, данныхъ при крещеніи и при постриженіи. Иноки обители св. Саввы взяли тѣло св. мученика и погребли въ своей лаврѣ. Мощи сего святаго въ тѣлѣ, аки живаго, видѣлъ здѣсь игуменъ Даніилъ въ началѣ 12 вѣка (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам., стр. 145).

ОБРѢТЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. ЛЕОНТІЯ, ЕП. РОСТОВСКАГО.

Св. Леонтій, просвѣтитель Ростова, былъ однимъ изъ великихъ святителей Русской земли. Слава его, какъ равно-

апостольнаго просвѣтителя Христовой вѣры среди грубыхъ и упорныхъ язычниковъ въ Ростовѣ, и мученическая кончина св. Леонтія, какъ одного изъ святителей—природныхъ русскихъ, были причиною того, что сказаніе о жизни и дѣятельности св. Леонтія было любимымъ и едва ли не первымъ сказаніемъ въ сѣверовосточной Руси. Житіе св. Леонтія—одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашей древней письменности. Частая переписка внесла въ списки его множество варіантовъ (распадающихся на 6 редакцій), въ которыхъ трудно отдѣлить истину отъ позднѣйшихъ прикрасъ. Достовѣрныя свѣдѣнія о св. Леонтіи сообщаетъ Симонъ, еп. Владимірскій. Въ посланіи къ кіевопочерскому черноризцу, Поликарпу, Симонъ называетъ Леонтія постриженникомъ Кіевопечерскаго монастыря и *первопрестольникомъ;* первопрестольникомъ называетъ потому, что Леонтій первый изъ кіевопечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на епископскій престолъ. „Отъ того печерскаго монастыря Пречистыя Богородицы, пишетъ Симонъ, мнози епископы поставлены быша, и яко свѣтила свѣтлая освѣтиша всю Русскую землю святымъ крещеніемъ: первый Леонтій, епископъ ростовскій священномученикъ, его же Богъ прослави нетлѣніемъ и се бысть первопрестольникъ, его же невѣрніи, много мучивше, убиша“.

Леонтій поставленъ былъ въ епископа ростовскаго, какъ думаютъ, въ 1-й половинѣ 11 вѣка. Въ Ростовѣ святитель встрѣтилъ язычниковъ упорныхъ, суровыхъ и дикихъ. Какіе труды и опасности ожидали его здѣсь, можно видѣть изъ того, что его предшественники, Ѳеодоръ и Иларіонъ, первые ростовскіе епископы, должны были бѣжать изъ Ростова отъ ярости язычниковъ. Труды святителя увеличивались еще и отъ того, что Ростовъ до 1054 года

не имѣлъ своего князя, а принадлежалъ вел. князю кіевскому. Такимъ образомъ св. Леонтію приходилось бороться съ язычествомъ безъ содѣйствія свѣтской власти. Закоренѣлые ростовскіе язычники не хотѣли и слушать евангельскаго слова святителя. На убѣжденіе его обратиться отъ идоловъ къ вѣрѣ Христовой, отъ мрака къ свѣту, язычники отвѣчали ему бранью, побоями и изгнаніемъ изъ города. Но св. Леонтій, какъ добрый пастырь, рѣшился положить и душу свою за спасеніе ввѣренной ему Богомъ паствы. Поселясь за городомъ, близъ ручья Брутовщины, онъ построилъ тамъ небольшой деревянный храмъ въ честь архистратига Михаила и изъ храма простиралъ къ язычникамъ слово, исполненное силы и духа. Видя невозможность дѣйствовать съ успѣхомъ на старцевъ, закоренѣлыхъ въ язычествѣ, св. Леонтій обратился къ дѣтямъ, поколѣнію юному и еще не испорченному; онъ привлекалъ ихъ къ себѣ ласками и подарками и обучалъ началамъ христіанской вѣры. Дѣти были послушнѣе старшихъ: обласканныя святителемъ, они охотно внимали ему и крестились. По примѣру ихъ и нѣкоторые возрастные принимали св. крещеніе. За то озлобленные отцы и старцы при каждой встрѣчѣ съ св. проповѣдникомъ наносили ему побои и мучили его. Незлобивый же пастырь терпѣлъ и продолжалъ увѣщавать невѣрныхъ къ принятію св. крещенія. Мало того: „укрѣпясь силою крестною, постомъ и бдѣніемъ", онъ возвратился въ городъ и явился въ соборный храмъ, гдѣ продолжалъ неустрашимо проповѣдывать о пустотѣ и нечестіи идолослуженія. Раздраженные изувѣры съ оружіемъ и дреколіемъ собрались къ соборному храму, чтобы не только уже изгнать, но и убить святителя. Не убоялся однако св. Леонтій беззаконнаго скопища. Ободряя испуганный со-

борный причтъ надеждою на всесильную помощь Божію. святитель въ священномъ облаченіи, сопровождаемый клиромъ, вышелъ съ крестомъ въ рукахъ къ бушевавшей толпѣ твердый и спокойный. Эта твердость неземная, это спокойствіе небесное, являющееся въ виду смерти, поразили язычниковъ. „Увидѣвъ лице его, подобное лицу ангела, язычники пали, одни—полумертвые, другіе слѣпые. Святый же молитвою возставилъ ихъ и сотворилъ здоровыми“. Святитель преподалъ имъ наставленіе въ св. вѣрѣ, и язычники мало-по-малу начали принимать св. крещеніе. „Съ того времени, по замѣчанію древняго похвальнаго слова св. Леонтію, началъ отходить отъ ростовцевъ мракъ идольскій и возсіялъ свѣтъ благовѣрія“. Ученіе небесное стало теперь доступнымъ и для загрубѣлыхъ сердецъ язычниковъ. Но при всей ревности св. Леонтія просвѣтить христіанскою вѣрою ростовцевъ, ему не пришлось окрестить всѣхъ жителей Ростова; оставались еще дикари, которые не хотѣли и слышать о Христѣ. Апостольскій подвигъ свой въ Ростовѣ, по словамъ блаженнаго Симона, святитель запечатлѣлъ смертію мученика. Годъ кончины его съ достовѣрностію неизвѣстенъ; полагаютъ, что онъ скончался въ 1073 г. Священные останки святителя погребены были въ соборномъ ростовскомъ храмѣ.

Въ 1160 году храмъ этотъ сгорѣлъ. Князь Андрей Боголюбскій повелѣлъ соорудить новый. При копаніи рвовъ для новаго храма, 23 мая 1164 года, „нашли гробъ, покрытый двумя досками; въ недоумѣніи открыли гробъ и увидѣли лице (Леонтія), свѣтящееся славою; ризы на немъ, какъ вчера надѣтыя; столько лѣтъ минуло, и не измѣнилось священное тѣло его“ (Никон. лѣт. л. 9, 230. 231). Въ рукѣ держалъ святитель свитокъ, на которомъ

написаны были пресвитеры и діаконы, поставленные его рукою. Обрадованный обрѣтеніемъ мощей св. Леонтія, боголюбивый князь велѣлъ устроить для нихъ каменную раку и положить ихъ въ новомъ храмѣ. Нынѣ св. мощи почиваютъ въ придѣлѣ собора, куда перенесены онѣ изъ церкви св. Іоанна въ 1231 году.

Празднованіе св. Леонтію установлено въ 1190 г. Іоанномъ, епископомъ ростовскимъ; ибо „многія были знаменія отъ гроба его“. Такъ, однажды, 23 мая, въ праздникъ святителя, пономарь сталъ отворять церковныя двери къ утренѣ и увидѣлъ въ церкви свѣчи зажженныя и святителя, молящагося въ храмѣ съ воздѣтыми къ небу руками. Въ страхѣ бѣжалъ пономарь къ епископу, который самъ пришелъ въ церковь и нашелъ всѣ свѣчи возженными, но святителя не видалъ. По окончаніи утрени, одинъ изъ клириковъ хотѣлъ погасить свѣчу при гробѣ святителя, но внезапно впалъ въ разслабленіе и сдѣлался глухимъ и слѣпымъ. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ до литургіи, прося св. Леонтія при ракѣ его мощей о разрѣшеніи своихъ грѣховъ и приключившейся немощи. Началась литургія. Когда діаконъ, при чтеніи дневнаго евангелія о разслабленномъ, возгласилъ: „человѣче, оставляются тебѣ грѣхи твои“, больной клирикъ выздоровѣлъ и всталъ предъ лицемъ народа, который прославилъ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ.

Внукъ вел. князя ростовскаго, Константина, князь Іоаннъ († 1400), разболѣлся очами и лишился зрѣнія. Огорченный отецъ его, князь Александръ, просилъ ростовскаго архіепископа Ѳеодора помолиться о своемъ сынѣ, и съ великою вѣрою привелъ сына въ церковь Богоматери ко гробу чудотворца; началось молебное пѣніе; еще не кончилъ его святитель, какъ болящій прозрѣлъ. За-

болѣлъ вторично глазами князь Іоаннъ, уже при епископѣ Григоріи, и опять получилъ исцѣленіе при гробѣ чудотворца. Въ третій разъ, уже женатый, заболѣлъ онъ горячкою. Родные не надѣялись видѣть его въ живыхъ; но отецъ и супруга больнаго, вспомнивъ о прежнихъ чудесахъ надъ нимъ, послали къ соборнымъ священникамъ отпѣть молебенъ Божіей матери и св. чудотворцу Леонтію. Во время молебна больной погрузился въ глубокій сонъ, и послѣ сна оказался совершенно здоровымъ.

Послѣ пожара 1408 г., по освященіи соборнаго храма, въ одинъ мѣсяцъ совершилось до 40 чудесныхъ исцѣленій—слѣпыхъ, хромыхъ, сухорукихъ, больныхъ, разслабленныхъ. Вскорѣ послѣ нашествія на Россію татарскаго князя Едигея распространилась по Русской землѣ жестокая наружная болѣзнь на тѣлѣ, такъ называемая „Короста“, отъ которой многіе умирали. У раки св. Леонтія многіе изъ этихъ больныхъ получили исцѣленіе.—Разслабленный отрокъ, котораго родители часто возили по городу и собирали милостыню, былъ оставляемъ ими на ночь на церковной паперти, покрытый убогою рогожею. Однажды ночью было больному чудное видѣніе: предстала жена въ багряной одеждѣ и съ нею архіерей въ свѣтлой одеждѣ; они спросили отрока: „для чего, страдая такъ долго, не велитъ внести себя въ церковь и не призоветъ на помощь Матери Божіей и угодника Божія Леонтія?“ Ужаснувшійся отрокъ просилъ на другой день, чтобы принесли его ко гробу чудотворца, и когда вносили въ церковь, узналъ лики явившихся по иконѣ Божіей Матери и святителя. Во время литургіи разслабленный поднялся и могъ простоять всю божественную службу на своихъ ногахъ.—Въ 1521 году, во время неожиданнаго нашествія Махметъ-Гирея, Леонтій вмѣстѣ съ москов-

скими святителями являлся ходатаемъ предъ Богомъ за Москву.—Нѣкто слуга княжескій, по имени Захарія, жившій въ своемъ селѣ, вздумалъ неправедно присвоить участокъ земли, принадлежавшій соборному храму Богоматери. Былъ обычай у ростовскихъ епископовъ, если возникалъ какой-либо споръ о церковныхъ земляхъ, посылать священника съ крестомъ св. Леонтія для распредѣленія межи. Посланъ былъ и на этотъ разъ священникъ съ крестомъ на церковную межу. Не постыдился Захарія выдти съ своими лжесвидѣтелями противъ креста Господня и съ помощію ихъ завладѣть участкомъ. Но лишь только засѣялъ онъ похищенный участокъ, какъ началъ кричать, что та земля стоитъ надъ нимъ облакомъ и засыпаетъ ему глаза; слѣпаго въ раскаяніи привели къ ракѣ чудотворца и, когда архіепископъ Трифонъ (1462—1467) отслужилъ молебенъ св. Леонтію, Захарія сталъ здоровъ.—Вообще св. Леонтій послѣ своей смерти такъ прославился чудесами, что ростовская каѳедра, по лѣтописямъ, называлась „каѳедрою Леонтія чудотворца“. При избраніи новаго епископа въ Ростовъ обыкновенно говорили: „поставленъ молитвами св. чудотворца Леонтія“ такой-то епископъ (Прологъ. Ист. Росс. Іер. Ч. 1, 114. Ист. Русс. ц. преосв. Макарія. Т. 2, стр. 15—16. 1857 г. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Правосл. Собесѣдн. Февр. 1858 г.).

ПР. ЕВФРОСИНІИ, КНЯЖНЫ ПОЛОЦКІЯ.

Пр. Евфросинія, княжна полоцкая, правнука равноапостольнаго князя Владиміра, жила спустя около ста лѣтъ послѣ озаренія нашего отечества свѣтомъ евангелія. Отецъ Евфросиніи, Святославъ (Георгій), былъ младшій

изъ 7-ми сыновей владѣтельнаго князя полоцкаго Всеслава Брячиславича († 1101 г.). Въ то время еще господствовалъ обычай давать имена, не отъ святыхъ заимствованныя, но произвольныя, отечественныя; первое имя Евфросиніи было Предислава. Съ ранняго возраста родители воспитывали ее въ благочестіи, и она еще съ дѣтства пріобрѣла такую сильную любовь къ книжному чтенію, что изумляла тѣмъ своихъ родителей. Повсюду распространилась молва о красотѣ и мудрости Предиславы. Многіе изъ сосѣднихъ князей искали ея руки, лишь только она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста. Родители хотѣли обручить ее съ однимъ изъ прекрасныхъ молодыхъ князей. Но сердце чистой дѣвы занято было любовію къ жениху небесному; она рѣшилась навсегда оставить міръ и тайно удалилась въ женскую иноческую обитель, гдѣ начальствовала тетка ея, супруга князя Романа Всеславича. Благочестивая игуменья, видя нѣжный возрастъ своей племянницы, сначала не хотѣла принять ее въ свою обитель; но юная Предислава такъ настойчиво и неотступно умоляла игуменью взять къ себѣ, что та, уразумѣвъ призваніе ея отъ Бога, облекла ее въ иноческій образъ подъ именемъ Евфросиніи. Узнали объ этомъ родители и горько плакали о своей дочери, но потомъ предоставили ее волѣ Господа. Евфросинія начала вести обыкновенную иноческую жизнь, проводя время въ постѣ, молитвѣ и трудахъ, въ глубокомъ смиреніи и совершенномъ послушаніи. Но душа ея чувствовала потребность въ высшихъ подвигахъ. Подражая примѣру іерусалимскихъ дѣвъ, которыя, какъ нѣкогда и Богоматерь, проводили жизнь при храмѣ, она испросила у полоцкаго епископа, Илліи, дозволеніе жить въ затворѣ при соборномъ храмѣ. Здѣсь, послѣ молитвъ, занималась

она списываніемъ священныхъ книгъ и плату, какую получала за то, раздавала нищимъ. Затѣмъ, по особенному видѣнію, бывшему ей и епископу, она рѣшилась основать свой монастырь. Мѣсто для дѣвичьяго монастыря подарилъ Евфросиніи, въ присутствіи ея отца и дяди, владѣтельнаго князя Бориса (1119—1128), самъ епископъ. Это была загородная архіерейская дача, гдѣ находилась церковь Спаса и гдѣ погребаемы были полоцкіе епископы. Принявъ благословеніе отъ епископа, ночью, съ одною лишь инокинею, Евфросинія пошла на обреченное ей мѣсто къ церкви Спасовой. Тамъ, преклонивъ колѣна, помолилась со слезами: „Ты, Господи, заповѣдалъ Твоимъ апостоламъ ничего не брать съ собою, кромѣ одного жезла (Марк. 6, 8); вотъ и я, слѣдуя Твоей заповѣди, вышла на сіе мѣсто, ничего не имѣя, кромѣ сей молитвенной книги, коею насыщается душа моя, и трехъ хлѣбовъ для поддержанія тѣлесныхъ силъ, ибо на Тебя уповаю, Кормителя убогихъ; буди имя Твое благословенно и на рабѣ Твоей Евфросиніи“. Вскорѣ къ благочестивой Евфросиніи начали собираться сестры, и такъ возникла обитель, гдѣ преподобная была начальницею и руководительницею ко спасенію многихъ дѣвъ и женъ, отрекшихся міра. Между ними была младшая сестра Евфросиніи, Градислава, въ иночествѣ Евдокія, и двоюродная сестра ея, дочь скончавшагося князя Бориса, Звенислава, въ иночествѣ Евпраксія, которая принесла къ преподобной всѣ дорогія вещи, приготовленныя для брака.

Ревнуя о благолѣпіи дома Божія, преподобная рѣшилась вмѣсто ветхаго деревяннаго храма построить каменный. При ея стараніи и молитвахъ и особенномъ благословеніи Божіемъ храмъ воздвигнутъ былъ въ одно

лѣто. На торжество освященія Спасовой церкви съ радостію собрались князья и многіе бояре. Храмъ этотъ служитъ и донынѣ во всей той странѣ единственнымъ памятникомъ зодчества 12-го столѣтія и уцѣлѣлъ въ первобытномъ своемъ видѣ даже съ тогдашнею стѣнною живописью, которую тщетно старалось изгладить невѣжество послѣдующихъ временъ. Храмъ носитъ имя „Спасъ-Юрьевичи", и своимъ именемъ показываетъ, что въ построеніи его участвовалъ пожертвованіями и отецъ Евфросиніи, князь Юрій (Георгій); храмъ сооруженъ былъ около 1160 года. Евфросинія принесла въ него напрестольный драгоцѣнный крестъ съ частицею древа креста Господня, сохранившійся до нашего времени. На крестѣ надписано: „честьное древо бесцѣнно есть; а кованье его, злато и сребро и каменье и жьнчугъ, въ 100 гривень, а др... 40 гривень" (Гривна серебра равнялась фунту серебра, или 10 рублямъ нашимъ). На нынѣшнія деньги этотъ окладъ креста стоитъ болѣе 1400 руб. серебр., что въ то время составляло огромную сумму.

Отечество наше въ 12 столѣтіи имѣло свободныя и непрерывныя сношенія съ Греціею; самый домъ полоцкихъ князей состоялъ въ родственной связи съ владѣтельнымъ въ Греціи домомъ Комненыхъ. Пользуясь этою связью, Евфросинія послала одного знатнаго мужа къ греческому императору Мануилу съ дарами и усердною просьбою дать ей одну изъ трехъ иконъ Богоматери, писанныхъ, по преданію, еванг. Лукою,—ту, которая тогда находилась въ Ефесѣ (другая икона находилась въ то время въ Іерусалимѣ, третья—въ Царьградѣ). Просьба была охотно исполнена. Императоръ и патріархъ Хрисовергъ прислали преподобной ефесскую икону. Со слезами радости преподобная приняла эту драгоцѣнную

святыню, украсила ее золотою ризою съ драгоцѣнными каменьями и поставила въ своей Спасской церкви. Въ 1239 г. эта святыня, по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава, перенесена въ торопецкій соборный храмъ (Псковской губ.). Здѣсь она находится и донынѣ и чествуется подъ именемъ Корсунской.

Преподобная игуменія, заботливая о славѣ имени Божія, усердно заботилась и о спасеніи сестеръ своихъ о Господѣ. Въ житіи преподобной сохранилась трогательная бесѣда, которою она одушевляла сестеръ къ строгому подвижничеству. „Я собрала васъ о Господѣ, говорила Евфросинія, какъ кокошь птенцовъ своихъ подъ крилія, и какъ словесныхъ овецъ на духовную пажить. Паситесь же на заповѣдяхъ Господнихъ; возрастайте въ добродѣтеляхъ отъ силы въ силу, чтобы я съ радостію могла заботиться о вашемъ спасеніи и съ утѣшеніемъ видѣла духовные плоды трудовъ. Стараюсь я сѣять въ васъ слова Божіи, но сердечныя нивы ваши не остаются ли въ прежнемъ видѣ? Онѣ не зрѣютъ; а время жатвы близится, и лопата готова на гумнѣ, чтобы отдѣлить плевелы отъ пшеницы. Страшусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были огню негасимому. Старайтесь, молю васъ, сестры мои, старайтесь сохранить себя отъ грѣховъ и избѣгнуть огня геенскаго. Творите изъ себя чистую пшеницу Христову, измелитесь въ жерновахъ смиренія, трудами постническими, чистотою, любовію и молитвою, да будете Богу въ сладкій хлѣбъ“.

Устроивъ свою обитель, давъ ей правила, преп. Евфросинія уже въ преклонныхъ лѣтахъ рѣшилась исполнить давнее свое желаніе—посѣтить свв. мѣста Палестины. Поклонники святаго гроба стекались туда со всѣхъ кон-

цевъ Европы, и русскіе не уступали другимъ въ усердіи, какъ доказываетъ примѣръ Даніила паломника, оставившаго любопытное описаніе своего хожденія. Въ самомъ Іерусалимѣ существовалъ даже монастырь, именовавшійся *Русскимъ*, конечно, вслѣдствіе значительнаго прилива богомольцевъ изъ Россіи, находившихъ въ немъ пристанище. Вѣсть о дальнемъ странствованіи Евфросиніи поразила всѣхъ въ Полоцкѣ. Духовныя и мірскія власти со слезами умоляли ее не оставлять своей родины и своей обители. Много стоило преподобной убѣдить ихъ, чтобы не сокрушались о ней. „Не оставлю васъ, говорила она въ утѣшеніе имъ, буду молиться о себѣ и о васъ въ мѣстахъ святыхъ". Поручивъ свою обитель сестрѣ Градиславѣ-Евдокіи, преподобная взяла съ собою въ путь брата своего Давида, уже знакомаго съ востокомъ, и родственницу Зениславу-Евпраксію. На пути она заѣхала въ Константинополь, гдѣ была обласкана патріархомъ Лукою (Хрисовергомъ). Тутъ она посѣтила знаменитые храмы столицы, воздала подобающую честь угодникамъ Божіимъ, нетлѣнно въ нихъ почивающимъ, и, продолжая свое путешествіе, достигла наконецъ цѣли своихъ желаній—Іерусалима. Русскій монастырь въ Іерусалимѣ далъ ей пристанище. Отсюда преподобная нѣсколько разъ ходила на поклоненіе гробу Господню, и однажды предъ нимъ такъ молилась: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, Ты сказалъ намъ: просите и дастся вамъ; я грѣшная получила уже все, чего просила; нынѣ прошу еще одной милости у Тебя: прими духъ мой во святомъ градѣ Іерусалимѣ". И молитва праведницы была услышана. Обошедши разныя мѣста, ознаменованныя жизнію Спасителя, она занемогла. Болѣзнь ея продолжалась 24 дня. Предъ самою кончиною преподобная пріобщилась свв. Христо-

выхъ таинъ и предала Господу чистую свою душу въ глубокой старости, 23 мая 1173 года.

Тѣло преподобной, по ея завѣщанію, погребено было въ общежительной обители пр. Θеодосія (недалеко отъ Іерусалима), въ паперти храма,—тамъ, гдѣ покоились матери препп. Саввы и Θеодосія. При завоеваніи Іерусалима султаномъ Саладиномъ (въ 1187 г.), нетлѣнныя мощи ея вынесены были русскими иноками въ Акру, а оттуда впослѣдствіи перенесены были въ Кіевъ, гдѣ и доселѣ нетлѣнно почиваютъ въ дальнихъ пещерахъ пр. Θеодосія.

Жители города Полоцка въ недавнее время ходатайствовали предъ св. Синодомъ о перенесеніи мощей св. Евфросиніи изъ Кіева въ Полоцкъ, но имъ было отказано, а дозволено только взять въ благословеніе обители (Николо-Евфросиніевской) малую частицу отъ ея мощей. Въ честь св. Евфросиніи въ Полоцкѣ открыто въ 1867 г. церковно-приходское братство. (Четьи-Минеи. Ист. Карамз. 2, прим. 251. Журн. Мин. Внутр. дѣлъ. Мартъ 1833 г. Истор. Русс. ц. преосв. Макарія. Т. 3, стр. 71. 1857 г. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Русс. свв. Муравьева. Странникъ іюль и августъ 1867 г. Прав. обозр. 1867 г. №№ 5, 6 и 7).

СВ. МАРІИ КЛЕОПОВОЙ МѴРОНОСИЦЫ.

По преданію, Марія Клеопова была дочь Іосифа отъ перваго его брака и вышла замужъ за его меньшаго брата—Клеопу, почему и называется Маріею Клеоповой, т. е. женою Клеопы. Благословеннымъ плодомъ этого брака былъ св. священномуч. Симеонъ, сродникъ Господень, второй епископъ іерусалимскій (пам. его 27 апр.).

До своего замужества Марія жила въ домѣ отца своего вмѣстѣ съ Пресвятою Дѣвою Маріею. Онѣ любили другъ друга, какъ ближайшія родственницы; почему св. Іоаннъ Богословъ и называетъ въ своемъ евангеліи Марію сестрою Матери Іисусовой. „При крестѣ Іисусовѣ, говоритъ онъ, стояли Матерь Его и сестра матери Его, Марія Клеопова" (Іоан. 19, 25). Дальнѣйшая жизнь и кончина мѵроносицы намъ неизвѣстны (Синаксарій въ недѣлю женъ мѵроносицъ. Толковое евангеліе арх. Михаила (нынѣ. еп. курскаго), примѣчанія къ 24—25 ст. 1-й главы Матѳея;. къ 46—47 ст. 12 гл.;—къ 13 ст. 24 гл. Луки).

Муч. Салонъ римлянинъ скончался отъ меча.—Муч. Селевкъ претренъ пилою (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2, стр. 136).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПР. ПАИСІЯ ГАЛИЧСКАГО.

Пр. Паисій сперва былъ игуменомъ, а потомъ архимандритомъ галичскаго Паисіева монастыря (недалеко отъ города Галича, Костром. губ.). Неизвѣстно, гдѣ родился преподобный, отъ какихъ родителей и гдѣ принялъ иноческій образъ. Изъ древнихъ галичскихъ лѣтописей видно только, что монастырь, въ которомъ болѣе 70 лѣтъ подвизался пр. Паисій, прежде назывался Николаевскимъ, по бывшему въ немъ храму во имя святителя Николая. Потомъ, въ княженіе вел. кн. Димитрія Донскаго, одинъ набожный бояринъ, Іоаннъ Овинъ, вмѣсто обветшалой церкви св. Николая началъ строить новую, но въ это время получилъ отъ неизвѣстнаго ему лица образъ Божіей Матери съ повелѣніемъ соорудить церковь въ честь Ея Успенія. Почитая это соизволеніемъ промысла Божія, Овинъ немедленно приступилъ къ соз-

данію храма, въ который внесъ дарованную икону; многія начали истекать отъ нея знаменія вѣрующимъ, и монастырь Николаевскій переименованъ Успенскимъ. Въ 1433 году вел. кн. Василій Васильевичъ Темный, въ войнѣ съ дядею, княземъ галичскимъ Юріемъ Димитріевичемъ, овладѣлъ Галичемъ и перенесъ чудотворную икону со всѣми драгоцѣнными ея украшеніями въ Москву. Но торжество Василія было не долговременно. Князь Юрій, собравшись съ силами, разбилъ Василія на голову, осадилъ затѣмъ Москву и взялъ св. икону, которая поставлена была на прежнемъ мѣстѣ—въ галичскомъ монастырѣ. Игуменомъ монастыря былъ въ то время пр. Паисій, подвизавшійся въ немъ съ 1385 года. По смерти Юрія (1434 г.), Галичъ перешелъ къ лучшему изъ сыновей его, Димитрію Красному. Когда внукъ боярина Овина, бездѣтный Димитрій, впалъ въ предсмертную болѣзнь, его посѣтили духовникъ его, преп. Паисій, и князь Димитрій. Въ присутствіи князя больной бояринъ передалъ Паисію Успенскую (или Галичскую) обитель съ святою иконою и всю свою отчину съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ обители устроено было полное общежитіе. Желаніе боярина Паисіемъ было исполнено—обитель сдѣлалась общежительною. Князь Димитрій Красный, благоговѣя предъ чудотворною Овинскою иконою, приказалъ написать съ нея списокъ и доставить его въ серебряномъ окладѣ московскому великому князю. Пр. Паисій явился съ этою иконою въ Москву и принятъ былъ съ торжествомъ: митрополитъ Іона со всѣмъ соборомъ, великій князь, бояре и народъ вышли ей во срѣтеніе. Припадая къ св. иконѣ, каялся предъ нею великій князь, что прежде не молитвенно, а какъ бы съ насиліемъ хотѣлъ удержать у себя ликъ Ея въ соборной церкви.

Съ глубокимъ смиреніемъ просилъ князь благословенія у преп. Паисія. Но не превознесся Паисій и, смиренно припавъ къ ногамъ державнаго, сказалъ ему: „меньшій отъ большаго да благославляется, по слову апостола Павла (Евр. 7, 7), какъ дерзну благословить тебя предъ лицемъ святителя?“ Великій князь тронутъ былъ разсудительнымъ смиреніемъ преподобнаго и сказалъ ему: „воистину ты рабъ Божій и вѣрный слуга Богоматери“. Икона съ торжествомъ внесена была въ соборный храмъ, и день и ночь не затворялись церковныя врата, чтобы всѣ могли молитвенно припадать къ ней. Св. Іона почтилъ Паисія саномъ архимандрита, а великій князь щедро одарилъ его. Чрезъ нѣсколько дней преподобный сталъ проситься обратно въ свою обитель. „Ибо, говорилъ онъ, какъ рыба, извлеченная на сушу, не можетъ долго жить, такъ и умершіе міру иноки не могутъ пребывать въ мірѣ, но обязаны опять водворяться въ той пустынѣ, которую возлюбили, гдѣ должны молить о православномъ царствѣ и о всѣхъ христіанахъ“. Князь долженъ былъ уступить просьбѣ преподобнаго. Помня, какъ строго былъ наказанъ за дерзское свое распоряженіе съ Овинскою иконою, князь не смѣлъ удержать при себѣ списокъ съ нея, опасаясь, чтобы снова не подвергнуться гнѣву Божію, и икона была возвращена въ Галичъ. По распоряженію великаго князя, ее сопровождали до самаго Галича два московскихъ архимандрита. Отпуская изъ Москвы Паисія, вел. князь вручилъ ему грамату къ своимъ намѣстникамъ съ предписаніемъ оберегать обитель его отъ нападеній непріятельскихъ и отъ всякихъ непріятностей.

Достигнувъ глубокой старости, преподобный мирно скончался 23 мая 1460 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ Успенскомъ храмѣ его обители,

гдѣ находится и чудотворная Овинская икона Божіей Матери. Въ честь угодника Божія галичскій монастырь, въ которомъ онъ подвизался, названъ Паисіевымъ (Ист. Росс. Іер. Ч. 5, стр. 447—450. Русс. свв. Филарета, арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Слов. истор. о свв., стр. 194—195).

24-е число.

Преп. Симеона столпника дивногорца. Св. муч. Мелетія стратилата и съ нимъ 1218 воиновъ съ женами и дѣтьми. Св. муч. Серапіона египтянина съ Каллиникомъ волхвомъ, Ѳеодоромъ и Фавстомъ. Пр. Никиты столпника переяславскаго чудотворца.

(Пострадавшихъ съ Мелетіемъ женъ: Маркіаны, Сосанны, Палладіи, 2 младенцевъ: Киріака и Христіана. Пострадавшихъ съ Мелетіемъ 12 трибуновъ: Фавста, Фиста, Маркелла, Ѳеодора, Мелетія, Сергія, Маркеллина, Филикса, Фотина, Ѳеодориска, Меркурія, Дидима. Мучч. 11,000 и 208 съ Мелетіемъ).

ПР. СИМЕОНА СТОЛПНИКА ДИВНОГОРЦА.

Одинъ юноша—Іоаннъ, прибылъ вмѣстѣ съ своими родителями изъ Едесса въ Антіохію. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну, прекрасную наружностію, благочестивую дѣвицу по имени Марѳу. Плѣненный ея красотою, Іоаннъ съ согласія своихъ родителей предложилъ ей руку. Родители Марѳы обрадовались этому предложенію, но она не хотѣла выходить замужъ и, убѣждаемая ими вступить въ

бракъ, не знала, на что рѣшиться. Съ одной стороны она боялась оскорбить своихъ родителей отказомъ, съ другой—не желала оставить своего намѣренія — посвятить свое дѣвство Господу. Св. вѣра указала блогочестивой отроковицѣ средство разрѣшить недоумѣніе. Съ полною преданностію въ волю Божію она отправилась въ церковь Іоанна Предтечи, близъ Антіохіи, и со слезами молилась Господу, да устроитъ ей полезное. Молитва вѣры не осталась напрасною предъ Господомъ: въ церкви Мароа получила отъ Бога откровеніе, повелѣвавшее ей исполнить волю родителей. Слѣдуя внушенію Божію, она вступила въ бракъ съ Іоанномъ и была не только его помощницею въ жизни, но и руководительницею ко спасенію. Жизнь ея украшалась постомъ, воздержаніемъ и молитвами. Часто Мароа ходила въ церковь св. Предтечи и молилась усердно молилась Крестителю Іоанну доровать ей сына, обѣщаясь съ своей стороны посвятить его на служеніе Богу, какъ Анна Самуила. Чрезъ нѣсколько времени св. Предтеча, явившись ей въ ночномъ видѣніи, возвѣстилъ, что молитва ея услышана, повелѣлъ назвать имѣющаго родиться сына Симеономъ, по имени перваго столпника, которому онъ будетъ подражателемъ въ своей жизни, и предсказалъ, что онъ еще въ младенчествѣ своемъ будетъ величайшимъ постникомъ, какъ сосудъ святъ избранный на служеніе Господу. Предсказаніе исполнилось; у Мароы родился сынъ, названный Симеономъ. Будучи еще младенцемъ, онъ показывалъ собою примѣръ такого строгаго воздержанія, что знавшіе это съ недоумѣніемъ вопрошали: „что будетъ отроча сіе?“ Два особенно дивныхъ примѣра воздержанія Симеонъ показалъ въ своемъ младенчествѣ: онъ никогда не сосалъ лѣваго сосца своей матери и вовсе не бралъ

въ ротъ сосца въ тотъ день, когда мать его ѣла мясо; а когда былъ отнятъ отъ груди, питался только хлѣбомъ съ водою. Такъ провелъ свою жизнь св. младенецъ до 5 лѣтъ. На пятомъ году Симеонъ лишился отца, который былъ убитъ во время землетрясенія, бывшаго въ Антіохіи; а потомъ черезъ два года и матери своей. За нѣсколько дней до своей смерти, когда Марѳа размышляла о судьбѣ своего сына, ей было слѣдующее видѣніе во снѣ: ей казалось, что ей даны были крылья, и она возлетала на высоту, держа въ рукахъ сына; причемъ говорила Господу: отдаю Тебѣ въ даръ плодъ чрева моего, меня же отпусти съ миромъ. Видѣніе это предвѣщало близкую кончину Марѳы. Вскорѣ послѣ ея смерти и св. отрокъ Симеонъ сподобился видѣнія. Ему явился Господь Іисусъ Христосъ сѣдящимъ на престолѣ славы и окруженнымъ множествомъ праведныхъ; затѣмъ открылась книга жизни, и началъ производиться судъ; и видѣнъ былъ на востокѣ рай сладости, а на западѣ геенна огненная; и былъ гласъ къ отроку: „видишь, что уготовано въ награду за добродѣтель и какое наказаніе за грѣхи; благоугождай Богу, чтобы получить неизреченныя блага, уготованныя отъ вѣка любящимъ Его". Отъ сего видѣнія воспламенилось въ отрокѣ желаніе благоугождать Господу трудами и подвигами благочестивой жизни. Когда Симеонъ размышлялъ, какое мѣсто избрать для подвиговъ, ему явился незнакомый благообразный старецъ и повелъ его на одну пустынную гору близъ Селевкіи. На вершинѣ этой горы находился небольшой монастырь, въ которомъ игуменомъ былъ св. столпникъ Іоаннъ. Къ нему приведенъ былъ Симеонъ. Св. столпникъ съ любовію принялъ въ свою обитель отрока и былъ его наставникомъ и руководителемъ въ подвигахъ иноческой жизни. Строги и

суровы были иноческіе подвиги Симеона. Какъ и прежде, онъ не ѣлъ ничего приготовленнаго на огнѣ, а вкушалъ только хлѣбъ и размоченныя въ водѣ сочива и пилъ воду, и эту скудную пищу принималъ иногда черезъ три дня, иногда черезъ семь, а иногда черезъ десять. Наставникъ Іоаннъ всею душею полюбилъ своего юнаго ученика. Научившись иноческому уставу, Симеонъ пожелалъ подвизаться на столпѣ по примѣру своего наставника. Блаженный Іоаннъ, видѣвшій особенную благодать Божію на юномъ инокѣ, согласился на его желаніе и приказалъ поставить для него столпъ близъ своего столпа. Чудное, поистинѣ, было зрѣлище—видѣть подвизающимися на столпахъ убѣленнаго сѣдинами старца и съ нимъ юнаго инока! Укрѣпляемый неоднократнымъ явленіемъ Господа Іисуса, Симеонъ постепенно усовершался въ подвигахъ самоумерщвленія и наконецъ превзошелъ самого учителя Іоанна. Старецъ Іоаннъ пѣлъ обыкновенно по тридцати псалмовъ каждую ночь, а Симеонъ—по пятидесяти, иногда по восмидесяти, а то и всю ночь проводилъ безъ сна, совершая псалмопѣніе; дни также посвящалъ на славословіе Господа. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды Симеонъ выпросилъ у посѣтителя власяную веревку и обвилъ ею все свое тѣло. Веревка мало-по-малу врѣзалась въ тѣло его до самыхъ костей, такъ что отъ язвъ на тѣлѣ истекала кровь; веревка, намоченная кровію, присохла къ тѣлу, отъ чего оно начало гнить. Узнавъ объ этихъ жестокихъ подвигахъ Симеона, старецъ Іоаннъ приказалъ отнимать понемногу веревку отъ тѣла его, запретивъ впредь своему ученику дѣлать такое мученіе тѣлу. Слава о юномъ столпникѣ, какъ великомъ подвижникѣ, стала быстро распространяться по окрестнымъ мѣстамъ. Блаженный Ефремъ, архіепископъ антіохійскій,

услышавъ о строгой подвижнической жизни Симеона, пришелъ нарочно посмотрѣть его. Видъ святаго, отъ малыхъ лѣтъ сораспеншагося Христу, поразилъ святителя. Воздавъ славу Богу, даровавшему великую благодать Симеону, архіепископъ возвратился въ свой городъ и разсказывалъ всѣмъ въ назиданіе о строгомъ подвижничествѣ Симеона. Съ того времени многіе начали приходить къ юному столпнику,—одни для того, чтобы только видѣть такого строгаго подвижника, другіе,—чтобы получить отъ него наставленіе; ибо благодать Св. Духа, совершившая нѣкогда хвалу изъ устъ младенцевъ и ссущихъ, просвѣтила разумъ и сего св. юноши.

Но великіе подвиги соединены съ великими искушеніями. Ненавистникъ добра, діаволъ воздвигъ жестокую брань на св. подвижника. Брань началась съ внѣшней стороны: преобразуясь то въ страшныхъ змѣй, то въ лютыхъ звѣрей, духи тьмы нападали на святаго преимущественно ночью, готовясь какъ будто пожрать его. Одновременно съ этимъ поднималась въ воздухѣ сильная буря, слышались страшные раскаты грома надъ столпомъ, сыпались на него молніеносныя стрѣлы. Столпъ подвижника, казалось, колебался въ своемъ основаніи и готовъ былъ рушиться. Симеонъ отражалъ отъ себя всю силу вражію крестнымъ знаменіемъ и молитвою и продолжалъ стоять на столпѣ. Тогда сатана воздвигъ на Симеона брань плотскую и преимущественно ночью, желая осквернить его сонными мечтаніями. Долго и крѣпко боролся св. подвижникъ со страстію, часто ни днемъ, ни ночью не давалъ сна очамъ своимъ и вѣждамъ своимъ дреманія, и слезно молилъ Господа, да осѣнитъ Своею благодатною силою главу его въ часъ брани, и Господь услышалъ молитву вѣрнаго Своего раба. Разъ, на-

ходясь въ жестокой брани со страстію, Симеонъ увидѣлъ нѣкоего благолѣпнаго старца, облеченнаго въ священническія одежды и держащаго въ своихъ рукахъ чашу съ божественными тайнами. Старецъ подошелъ къ Симеону, причастилъ его св. таинъ и сказалъ, что съ сего времени онъ не будетъ обуреваемъ дурными помыслами.

Сіяя своею дивною жизнію, св. Симеонъ пожелалъ приблизиться къ небесамъ другимъ столпомъ, высшимъ перваго. Ему построенъ былъ другой столпъ, сорока ступеней въ высоту. Узнавши о семъ, Ефремъ, архіепископъ антіохійскій, и епископъ селевкійскій пришли въ монастырь съ своими клирами и рукоположили Симеона во діакона, а потомъ съ псалмами и пѣніемъ возвели на высшій столпъ. На этомъ столпѣ Симеонъ пробылъ восемь лѣтъ, съ внѣшнимъ возвышеніемъ соединяя внутреннее восхожденіе къ небесамъ въ своемъ сердцѣ. На этомъ столпѣ Господь открылъ Симеону о приближающейся кончинѣ духовнаго отца его, Іоанна. По смерти его, юный столпникъ усилилъ молитвенное бдѣніе и труды. И Господь явилъ милость Свою на немъ въ знаменіяхъ и чудесахъ, которыя даровалъ совершить ему. Являясь явно и въ видѣніяхъ всѣмъ призывающимъ его, Симеонъ помогалъ всѣмъ, находившимся въ бѣдахъ на землѣ и на морѣ,—отверзалъ зрѣніе слѣпымъ, очищалъ прокаженныхъ, изгонялъ бѣсовъ изъ людей, заграждалъ уста звѣрямъ, исцѣлялъ всякій недугъ и всякую язву въ людяхъ, даже воскрешалъ мертвыхъ, такъ что надъ нимъ вполнѣ сбылось обѣтованіе Господа: „вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ (Іоан. 14, 12). Не менѣе прославилъ Господа угодника Своего и даромъ прозорливости. По откровенію Божію, онъ предвозвѣщалъ бу-

дущее, какъ настоящее, провидѣлъ отдаленное, какъ бы присущее ему, и прозиралъ тайныя дѣла и помышленія.—Безчисленное множество посѣтителей, приходившихъ къ Симеону или для назиданія, или для исцѣленія отъ недуговъ, не мало тяготили подвижника, и онъ оставилъ свой столпъ и переселился на сосѣднюю пустынную гору. Здѣсь Господь въ видѣніи указалъ ему холмъ и камень, на которомъ онъ долженъ стоять. Симеонъ перешелъ на указанное мѣсто; и Господь еще болѣе благоволилъ удивить милость Свою къ нему въ знаменіяхъ и чудесахъ на пользу приходившихъ къ нему. Отъ этихъ-то чудесъ гора, на которой подвизался Симеонъ, стала называться *дивною* горою, а самъ угодникъ Божій прозванъ *Дивногорцемъ*. По повелѣнію Божію, Симеонъ соорудилъ на этой горѣ обитель, а для себя поставилъ новый столпъ, на которомъ подвизался до самой кончины своей. И здѣсь преподобный не оставлялъ обычныхъ своихъ трудовъ и подвиговъ во славу Божію. Ему и здѣсь часто являлся Господь Іисусъ Христосъ и бесѣдовалъ съ нимъ, какъ бы съ Своимъ другомъ. И преподобный такое имѣлъ дерзновеніе предъ Богомъ, что подобно Моисею, ходатайствовалъ предъ Нимъ за цѣлый народъ. Такъ, во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Антіохійской странѣ, Симеонъ слезно молилъ Бога, да отвратитъ праведный гнѣвъ Свой и помилуетъ народъ Свой. „Не сокрушайся о людяхъ сихъ, былъ къ преподобному гласъ отъ Господа, неужели ты любишь ихъ болѣе, нежели Я?... Но умножились грѣхи ихъ, и потому нужно для нихъ вразумленіе наказаніемъ.... Впрочемъ, чтобы не опечалить тебя, даю тебѣ власть исцѣлять ихъ отъ язвы".—Здѣсь же, на Дивной горѣ, Симеонъ рукоположенъ былъ во пресвитера отъ Діонисія, еп. селевкій-

скаго, который по откровенію отъ Господа, нарочно пришелъ для сего къ преподобному.

Пр. Симеонъ скончался 75 лѣтъ, въ 596 г. Дивно было рожденіе и воспитаніе сего святаго мужа; дивны труды и подвиги, предпринятые имъ во славу имени Божія; дивны и тѣ милости и совершенства, какими ущедрила его любовь Божія въ воздаяніе за его труды и подвиги и во благо многихъ (Четьи-Минеи)!

Жизнеописаніе преподобнаго составлено на основаніи достовѣрныхъ источниковъ Никифоромъ, правителемъ антіохійскимъ, жившимъ, какъ нѣкоторые думаютъ, въ 1-й половинѣ 7 вѣка. Этотъ Никифоръ говоритъ о чудесахъ, совершающихся и по кончинѣ преподобнаго: „по кончинѣ его чудеса подобно потокамъ продолжаются до настоящаго времени". Достовѣрность жизнеописанія Никифора подтверждается сказаніемъ историка Евагрія, современника и друга святаго (Цер. ист. 6, гл. 23). Такъ, между прочимъ Евагрій говоритъ, что Симеонъ на столпахъ провелъ 68 лѣтъ и удостоился всякія благодати: изгонялъ демоновъ, исцѣлялъ всякія болѣзни и недуги и провидѣлъ будущее, какъ настоящее.... и заключаетъ: „много и другаго совершилъ онъ, чего не вмѣститъ никакая память, что требуетъ и языка краснорѣчиваго, и времени, и особаго сочиненія (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам., стр. 146).

Св. муч. Мелетій стратилатъ и съ нимъ 1218 воиновъ съ женами и дѣтьми пострадали въ Тавіи, митрополіи галатійской, отъ Максима, правителя Египта, посланнаго Антониномъ (138—161) въ Галатію для мученія христіанъ. Мелетій, разрушивъ языческія капища съ своими воинами, повѣшенъ былъ Максимомъ на древѣ, а воины съ женами и дѣтьми и два подчиненные Ме-

летію комита (сотоварища), Стефанъ и Іоаннъ, были усѣкнуты мечемъ (Прологъ. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам., стр. 147).

Св. муч. Серапіонъ египтянинъ съ Каллиникомъ волхвомъ, Ѳеодоромъ и Фавстомъ пострадали вмѣстѣ съ Мелетіемъ. Св. Серапіонъ обращенъ былъ къ вѣрѣ Христовой твердостію Мелетія среди мученій и былъ усѣкнутъ мечемъ; ту же мученическую кончину принялъ и Каллиникъ, бывшій до обращенія волхвомъ; Ѳеодоръ и Фавстъ сожжены (Прологъ).

ПР. НИКИТЫ СТОЛПНИКА, ПЕРЕЯСЛАВСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Мѣстомъ рожденія и подвиговъ пр. Никиты былъ Переяславъ Залѣсскій (Владим. губ.). Онъ былъ сборщикомъ податей у князя Юрія Долгорукаго. Опираясь на тѣсную связь съ народными судьями (тіунами) и другими начальниками, Никита обижалъ и притѣснялъ людей безнаказанно, бралъ съ нихъ неправедную мзду и тѣмъ содержалъ себя съ женою. Несчастные лили слезы, а онъ былъ покоенъ и доволенъ. Такъ прошло довольно много лѣтъ. Никита не исправлялся; онъ такъ увлекся неправеднымъ способомъ наживы, что ему и въ голову не приходила мысль измѣнить образъ жизни. Милосердый Господь, не хотяй смерти грѣшника, употребилъ два способа, чтобы пробудить заснувшую совѣсть Никиты, одинъ способъ чудесный. Однажды Никита вошелъ въ церковь и услышалъ тамъ чтеніе изъ пророка Исаіи: „измыйтеся и чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ.... Взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу.... Аще же не хощете,

ниже послушаете мене, мечъ вы поястъ и пр. (Ис. 1, 16—21). Слова Божіи поразили грѣшника. Съ ужасомъ онъ вспомнилъ всѣ свои неправды и всю ночь провелъ безъ сна въ глубокой думѣ. На утро отправился онъ къ друзьямъ своимъ и, желая развлечься, пригласилъ ихъ къ себѣ на вечерю. Самъ Никита купилъ все нужное для званныхъ гостей и велѣлъ своей женѣ приготовить ужинъ. Когда жена начала обмывать и варить мясо, ей все видѣлись въ сосудѣ только пѣна и кровь, сколько она ихъ ни снимала, и потомъ разные члены человѣческаго тѣла. Жена сказала о томъ мужу, который увидѣлъ то же самое своими очами. Никита понялъ смыслъ явленія, уразумѣлъ, что его промыслъ—тоже, что грабежъ и убійство людей, и содрогнулся отъ такого чудеснаго вразумленія. Онъ рѣшился загладить беззаконія своей жизни подвигами покаянія и молитвы. „Горе мнѣ многогрѣшному!“ воскликнулъ онъ въ глубокомъ сознаніи своей вины предъ Богомъ. Какъ серна, вырвавшаяся изъ тенетъ, не озираясь назадъ, бѣжалъ Никита изъ дома и изъ города. Въ 3-хъ верстахъ отъ Переяславля находился монастырь великомуч. Никиты. Сюда-то спѣшилъ Никита и, павъ къ ногамъ игумена, омылъ полъ слезами своими. „Что за скорбь у тебя, сынъ мой? скажи мнѣ“, спрашивалъ игуменъ. Никита разсказалъ ему свою неправедную жизнь и бывшее видѣніе и умолялъ его принять къ себѣ въ обитель. Изумленный игуменъ сначала отказалъ-было пришельцу въ его просьбѣ: „Вино новое, говорилъ онъ грѣшнику словами евангельской притчи, вливается въ мѣхи новые, дабы не просѣлись старые и не истекло вино; ты же, исполняя доселѣ одну лишь свою собственную волю, съ небреженіемъ своего духовнаго отца, какъ можешь перенести такой трудъ и послу-

шаніе?" Видя однако неотступность просьбы Никиты и готовность его подчиниться всякому послушанію, игуменъ велѣлъ ему искусить себя покаяніемъ предъ вратами монастыря. Смиренно повиновался Никита. Въ чувствѣ глубокаго раскаянія онъ сталъ у монастырскихъ воротъ и со слезами исповѣдывалъ свои грѣхи предъ всѣми входившими и исходившими. На другой день, увидѣвъ вблизи монастыря болотистое мѣсто, окруженное камышемъ, гдѣ было множество насѣкомыхъ, Никита подумалъ: тѣломъ грѣшилъ я, тѣломъ и долженъ страдать. И, снявши съ себя одежды, нагой сѣлъ въ тростникѣ и тамъ предалъ свою плоть, питавшуюся чужимъ брашномъ, на съѣденіе разнымъ насѣкомымъ и гадамъ. На третій день игуменъ велѣлъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Никита. Его нашли въ болотѣ; пауки и мошки осыпали его, и кровь текла изъ тѣла, изъязвленнаго ими. Приведенный къ игумену въ крайнемъ изнеможеніи, Никита едва только могъ произнести: „отче, спаси мою душу". Тронутый его терпѣніемъ, игуменъ ввелъ его въ монастырь и удостоилъ иноческаго сана. Въ тѣсной келліи проводилъ Никита дни и ночи въ постѣ, молитвѣ, пѣніи псалмовъ и чтеніи житій святыхъ. Не довольствуясь тѣмъ, Никита, какъ бы въ ознаменованіе тяжести беззаконій прошедшей жизни, испросилъ себѣ у игумена тяжелыя желѣзныя вериги и носилъ на головѣ каменную шапку.

Съ высокими духовными подвигами Никита соединялъ и трудъ тѣлесный: онъ собственными руками ископалъ два колодца, одинъ—близъ монастыря свв. мучч. Бориса и Глѣба, другой—близъ потока Студенаго; самъ поставилъ для себя столпъ, въ которомъ, съ благословенія игумена, сталъ подвизаться; отъ столпа прокопалъ тѣсный проходъ подъ церковь и этимъ проходомъ яв-

лялся на общественную молитву, никѣмъ невидимый. Очищаясь отъ всякихъ скверпъ суровыми иноческими подвигами, Никита приблизился къ Богу и удостоился получить отъ Него даръ исцѣленія. Юный князь Михаилъ, сынъ Всеволода, князя черниговскаго, страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ тѣла. Услышавъ о дивной и святой жизни Никиты, Михаилъ прибылъ изъ Чернигова въ Переяславль. Не дошедши до города, князь послалъ къ преподобному боярина просить его молитвъ. Никита послалъ князю свой жезлъ, и больной, оперпшись на него, сталъ здоровъ. Въ память этого дивнаго событія признательный князь приказалъ поставить 16 мая 1186 года на мѣстѣ исцѣленія каменный столпъ, который и доселѣ стоитъ. Кончина преподобнаго послѣдовала въ томъ же году 24 мая. Св. угодникъ Божій былъ умерщвленъ людьми, пришедшими къ нему за благословеніемъ. Они приняли желѣзныя вериги преподобнаго, отъ времени обтершіяся и получившія блескъ, за серебряныя и, желая воспользоваться ими, лишили его жизни. Обманувшись въ догадкѣ, убійцы бросили снятыя съ тѣла Никиты вериги въ Волгу, откуда были вынуты однимъ благочестивымъ старцемъ по чудесному указанію. Вериги эти и донынѣ свято чтутся въ обители. Мощи преп. Никиты обрѣтены нетлѣнными при митрополитѣ Фотіи и при никитскомъ игуменѣ Даніилѣ; нынѣ онѣ почиваютъ подъ спудомъ въ каменномъ храмѣ великомученика Никиты, гдѣ построенъ придѣлъ во имя св. столпника въ 1564 году (Прологъ. Ист. Росс. Іер. Ч. 6, 1027—1029. Ист. Русс. ц. преосв. Макарія. Т. 3, стр. 40 — 43. 1857 г. Русс. свв. Филарета. арх. черн. Жит. свв. Муравьева. Слов. истор. о свв. стр. 180—181).

25-е число.

Третіе обрѣтеніе главы св. славнаго пророка и Предтечи Іоанна. Св. священномуч. Θерапонта, еп. кипрскаго.

(Муч. Келестина. Пр. Олвіана).

ТРЕТІЕ ОБРѢТЕНІЕ ГЛАВЫ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ.

Честная глава Іоанна Предтечи, обрѣтенная (вторично) въ 452 г. въ Емесѣ, тогда же была перенесена въ Халкидонъ, а оттуда въ Константинополь. Въ 1-й половинѣ 9-го вѣка, по случаю гоненія на свв. мощи со стороны иконоборцевъ, глава Крестителя сокрыта была въ потаенномъ мѣстѣ въ г. Команахъ (гдѣ скончался св. Іоаннъ Златоустъ). По возстановленіи иконопочитанія, при императрицѣ Θеодорѣ и сынѣ ея Михаилѣ, св. патріарху Игнатію ночью было видѣніе о мѣстѣ, гдѣ скрыта была глава Крестителя. Патріархъ сообщилъ объ этомъ императрицѣ, и оба они отправили посольство въ Команы, гдѣ св. глава и найдена въ указанномъ патріархомъ мѣстѣ, потомъ перенесена въ Константинополь и положена въ придворной церкви 25 мая. Это третье обрѣтеніе главы Крестителя совершилось около 850 г. (Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам., стр. 147).

О 1-мъ и 2-мъ обрѣтеніи см. подъ 24 ч. февраля.

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. ѲЕРАПОНТА, ЕП. КИПРСКАГО.

Св. Ѳерапонтъ былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ и скончался смертію мученика, претерпѣвъ жестокія страданія отъ язычниковъ. Полагаютъ, что это было въ царствованіе Діоклитіана (284—305). Мощи священномученика сначала почивали въ Кипрѣ, на мѣстѣ его пастырскаго служенія, а потомъ въ 806 г., въ царствованіе греческаго императора Никифора (802—811), перенесены были въ Константинополь. Объ этомъ такъ сообщаютъ: Въ то время турки, опустошая и разоряя восточныя страны, подвигались къ о. Кипру. Святитель Ѳерапонтъ явился пономарю той церкви, въ которой почивали его мощи, и велѣлъ перевезти ихъ въ Константинополь, причемъ предсказалъ опустошеніе острова турками. Благочестивый клирикъ поспѣшилъ исполнить волю святителя. Въ сопровожденіи нѣкоторыхъ кипрскихъ христіанъ клирикъ съ благоговѣніемъ отвезъ его мощи въ Константинополь; на пути отъ нихъ истекало многоцѣлебное и благовонное муро. Св. мощи положены были въ константинопольской церкви Пресв. Богородицы; вскорѣ въ Константинополѣ созданъ былъ особый храмъ во имя угодника Божія Ѳерапонта, куда перенесены были и его мощи. Многочисленныя чудеса совершались отъ нихъ. Такъ, итальянецъ Флоринъ, болѣвшій тяжкимъ недугомъ, при гробѣ святителя получилъ исцѣленіе.—Нѣкто Анастасій, гражданинъ виѳинійскій, имѣлъ сухую руку, которою вовсе не владѣлъ. Въ навечеріе праздника Богоявленія онъ пришелъ ко гробу святителя и получилъ исцѣленіе руки, такъ что тутъ же взялъ ведро и принесъ воды для освященія.—У воина Георгія было лице обращено на-

задъ. и одинъ глазъ совсѣмъ былъ слѣпъ. Когда этотъ убогій молился у гроба св. Ѳерапонта, лице его выпрямилось, и глазъ исцѣлѣлъ.—Однажды была принесена ко гробу святителя дѣвица, у которой отъ рожденія срослись ноги и загнулись назадъ; послѣ молитвы при гробѣ чудотворца, ноги ея выправились, и она пошла свободно.—Одна женщина, съ семилѣтняго возраста страдавшая кровотеченіемъ, исцѣлилась, лишь только прикоснулась ко гробу угодника Божія.—Другая женщина, страдавшая долго водяною болѣзнію, призывала на помощь святителя Ѳерапонта. И вотъ во снѣ видитъ она святителя, который началъ мазать тѣло ея какою-то благоухающею жидкостію. Проснувшись, она увидѣла, что вода изъ тѣла ея вытекла, и почувствовала себя здоровою. И много другихъ людей, одержимыхъ различными болѣзнями, исцѣлилось при мощахъ святителя Ѳерапонта (Четь-Минеи).

26-е число.

Св. ап. Карпа отъ 70. Св. ап. Алфея. Свв. мучч. Аверкія и Елены. Пр. Іоанна психаита, исповѣдника. Св. муч. Георгія новаго. Обрѣтеніе мощей пр. Макарія, игумена калязинскаго.

(Новомуч. Александра, дервиша солунскаго).

СВ. АП. КАРПА ОТЪ 70.

Св. апостолъ Карпъ, одинъ изъ 70 апостоловъ, былъ ученикомъ и спутникомъ св. ап. Павла. О Карпѣ упоминаетъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею. „Когда пойдешь, пишетъ онъ къ Тимоѳею, принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожаныя“ (2 Тим. 4, 13). Апостолъ Карпъ былъ епископомъ въ городѣ Беріи, во Ѳракіи; главныя мѣста его проповѣди были Ѳракія и Критъ. Діонисій Ареопагитъ, лично знавшій ап. Карпа, говоритъ, что онъ не начиналъ совершенія безкровной жертвы, доколѣ не видѣлъ сошествія на престолъ Св. Духа. Скончался апостолъ въ мирѣ (Четьи-Минеи).

Св. ап. Алфей былъ отцемъ апостоловъ изъ 12: Іакова Алфеева и евангелиста Матѳея; скончался въ мирѣ (Четьи-Минеи).

Свв. мучч. Аверкій и Елена въ нѣкоторыхъ памятникахъ (напр. въ велич. Четіи) называются дѣтьми того-же

св. ап. Алфея. Аверкій пострадалъ за Христа, привязанный нагимъ среди пчелъ и изъязвленный ихъ жалами; Елена побита камнями (Четьи-Минеи).

Пр. Іоаннъ психаитъ въ молодости оставилъ міръ и поступилъ въ Психаитскую лавру въ Константинополѣ. Тамъ за святую жизнь былъ прославленъ отъ Бога даромъ исцѣленія и властію надъ нечистыми духами. При иконоборцахъ потерпѣлъ изгнаніе и многія скорби (Прологъ).

О мученикѣ Георгіи новомъ см. подъ 11 ч. февраля.

ОБРѢТЕНІЕ МОЩЕЙ ПР. МАКАРІЯ, ИГУМЕНА КАЛЯЗИНСКАГО.

Преп. Макарій калязинскій преставился 17 марта 1483 года (опис. его жизни см. подъ 17 ч. марта). Спустя 38 лѣтъ послѣ его преставленія, именно въ 1521 году, дмитровскій купецъ Михаилъ Воронковъ предпринялъ намѣреніе вмѣсто обветшавшей деревянной церкви въ Калязинскомъ монастырѣ построить Каменную. По совершеніи обычнаго молитвословія, приступлено было къ копанію рвовъ для фундамента. Во время этой работы каменщики увидѣли въ землѣ неразрушенный гробъ, изъ котораго исходило благовоніе. О семъ донесли игумену Іоасафу, который тотчасъ же узналъ гробъ основателя монастыря, Макарія. Съ умиленіемъ и слезами припалъ игуменъ ко гробу, лобызалъ его и долго молился. Собралась братія и множество народа; гробъ благоговѣйно былъ извлеченъ изъ земли и затѣмъ открытъ: тѣло преподобнаго оказалось совершенно нетлѣннымъ и даже одежды его цѣлыми. Св. мощи обрѣтены были 26 мая 1521 г., и съ тѣхъ поръ отъ нихъ начали совершаться чудесныя исцѣленія. Игуменъ съ братіею возвѣстилъ о томъ дмит-

ровскому князю Юрію Ивановичу, а этотъ поспѣшилъ съ радостною вѣстію въ Москву къ царю Іоанну Васильевичу и митрополиту Даніилу. По требованію царя и митрополита явились въ Москву нѣкоторые изъ получившихъ исцѣленіе при гробѣ пр. Макарія. Сомнѣній въ нетлѣніи и прославленіи мощей преподобнаго никакихъ не оказалось. Послѣ чего митрополитомъ созванъ былъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ, по разсмотрѣніи святости жизни новоявленнаго угодника, опредѣлено было причислить его къ лику святыхъ. Впрочемъ до 1547 года почитаніе св. Макарія совершалось только въ его обители. Празднованіе же ему во всей Россіи установлено при митрополитѣ Макаріи на московскомъ соборѣ 1547 года. Мощи преподобнаго почиваютъ открыто въ Троицкомъ соборѣ, въ стѣнной пролетной аркѣ, при придѣлѣ Нерукотвореннаго образа. Празднованіе обрѣтенія мощей пр. Макарія совершается въ обители издавна съ торжественными обрядами. Наканунѣ праздника, послѣ малой вечерни, мощи преподобнаго переносятся на средину церкви, гдѣ и поставляются на предуготованное мѣсто подъ балдахиномъ. Во время всенощнаго бдѣнія царскія врата бываютъ открыты и величаніе поется предъ гробницею угодника; послѣ величанія и чтенія св. евангелія слѣдуетъ лобызаніе св. мощей и помазаніе св. елеемъ. Въ самый же день обрѣтенія мощей, 26 мая, духовенство отъ всѣхъ церквей г. Калязина съ крестами и хоругвями приходитъ въ монастырь во время благовѣста къ поздней литургіи; по совершеніи оной, мощи пр. Макарія священнослужителями подъемлются на плеча и несутся чрезъ царскія врата въ алтарь; по обнесеніи св. престола, выносятся изъ храма и въ крестномъ ходѣ обносятся вокругъ монастыря при колокольномъ звонѣ и многочислен-

номъ стеченіи народа (Прологъ. Четьи-Минеи марта 17 ч. Ист. Росс. Іер. Ч. 4, стр. 585—589. Русс. свв. Филарета, арх. черн. подъ 17 ч. марта. Жит. свв. Муравьева подъ тѣмъ же числомъ. Слов. истор. о свв., стр. 150—152).

Новомуч. Александръ, дервишъ (мусульманскій нищенствующій монахъ) солунскій. отечествомъ своимъ имѣлъ Ѳессалоники; изъ отступниковъ вѣры опять возвратился въ христіанство, за что послѣ истязанія былъ обезглавленъ въ Смирнѣ, 28 мая 1794 года (Христ. мучч., пострадавшіе на Востокѣ. Свящ. П. Соловьева, стр. 232—240).

27-е число.

Св. священномуч. Ѳерапонта, еп. сардійскаго. Свв. мучч. Ѳеодоры дѣвицы и Дидима воина. Пренесеніе мощей трехъ святителей: Кипріана, Фотія и Іоны, митрополитовъ кіевскихъ и всея Россіи. Пр. Ѳерапонта бѣлозерскаго. Обрѣтеніе честныхъ мощей пр. Нила столбенскаго.

(Муч. Евсевіота. Муч. Алипія).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. ѲЕРАПОНТА. ЕП. САРДІЙСКАГО.

Св. Ѳерапонтъ былъ архипастыремъ въ г. Сардахъ. Пламенный проповѣдникъ, св. Ѳерапонтъ здѣсь многихъ изъ язычниковъ обратилъ ко Христу. Языческій правитель Іуліанъ, узнавъ объ этомъ, возложилъ на него узы и заключилъ его въ темницу, гдѣ св. Ѳерапонтъ довольно долгое время обреченъ былъ переносить и голодъ и жажду. Не довольствуясь этимъ, жестокій мучитель пе-

реводилъ святаго съ одного мѣста на другое—въ Синаопъ, Анкиру, и Лидію—вездѣ подвергая его тяжелымъ истязаніямъ и мукамъ. Во время этого страдальческаго странствованія, при рѣкѣ Асталѣ, произошло чудесное событіе: четыре сухіе кола, вбитые въ землю, къ которымъ привязанъ былъ крестообразно распростертый святитель, напоенные его кровію, истекавшею изъ него во время нещадныхъ бичеваній, чудесно прозябли и возрасли въ дубъ, листья котораго врачевали недужныхъ. Въ епископіи саталійской, въ Лидіи, св. Ѳерапонтъ послѣ многоразличныхъ мученій былъ наконецъ усѣченъ мечемъ. Мученикъ скончался въ 3 вѣкѣ при Валеріанѣ (Четьи-Минеи).

СВВ. МУЧЧ. ѲЕОДОРЫ ДѢВИЦЫ И ДИДИМА ВОИНА.

Св. Ѳеодора родилась въ Александріи отъ знатныхъ и благородныхъ родителей. Въ царствованіе императора Діоклитіана (284—305) александрійскій градоначальникъ Евстратій, зная Ѳеодору за христіанку, потребовалъ ее къ себѣ на судъ и убѣждалъ отречься отъ Христа; въ противномъ же случаѣ угрожалъ отдать ее на растлѣніе въ блудный домъ. Святая дѣва на эти угрозы отвѣчала градоначальнику такъ: „Богъ смотритъ на изволеніе сердечное; какъ Сердцевѣдецъ, Онъ знаетъ помышленія наши и одно намѣреніе наше принимаетъ за самое дѣло; знаетъ Онъ и мое желаніе соблюсти нерастлѣннымъ свое дѣвство. Поэтому, если ты и повелишь растлить меня, то это уже не будетъ съ моей стороны блудодѣяніе, но насиліе надо мною и страданіе. Если ты отсѣчешь мнѣ голову или руку, или ногу, или насиліемъ отнимешь у меня дѣвство, то сдѣлаешь меня мученицей Христовой. Но я надѣюсь,

что Господь мой, Іисусъ Христосъ, избавитъ меня отъ рукъ нечестивыхъ блудниковъ и сохранитъ непорочною вѣрную рабу Свою". Услыхавъ такой отвѣтъ мученицы и жалѣя ея юность, градоначальникъ посадилъ ее въ темницу и далъ ей три дня на размышленіе. Но и по прошествіи этого срока исповѣдница Христова оказалась такою же твердою и непоколебимою, какъ и прежде. Тогда разгнѣванный мучитель предалъ ее на поруганіе развратникамъ. Приведенная въ домъ разврата, св. Ѳеодора такъ молилась Господу: „Господи, укротившій звѣрей предъ мученицею Ѳеклою, укроти и этихъ безстыдныхъ блудниковъ, собравшихся осквернить меня! Избавившій Сусанну отъ рукъ прелюбодѣйныхъ старцевъ, избавь и меня отъ сихъ похотниковъ! Отженившій многократно отъ меня невидимыхъ враговъ, прогони и сихъ насильниковъ, да прославлю имя Твое святое!" И милосердый Господь, по молитвѣ Ѳеодоры, сохранилъ ея дѣвственную чистоту. Для ея спасенія явился, вразумленный Богомъ, воинъ Дидимъ. Онъ вошелъ къ св. Ѳеодорѣ, убѣдилъ ее обмѣняться въ особой комнатѣ одеждами и далъ ей такимъ образомъ возможность укрыться отъ гнусныхъ нечестивцевъ, а самъ остался на ея мѣстѣ на очевидную смерть. По выходѣ праведницы, одинъ изъ развратниковъ вошелъ къ Дидиму и ужаснулся, увидѣвъ вмѣсто дѣвицы мужчину, и съ крикомъ вышелъ изъ дома, говоря, что Богъ христіанскій превратилъ женщину въ мужчину. Судія, узнавъ о великодушномъ поступкѣ Дидима, далъ повелѣніе усѣчь его мечемъ, а тѣло его предать огню. Св. Ѳеодора пришла добровольно на мѣсто казни и, желая мученической смерти, стала оспаривать у своего избавителя право на смерть. Этотъ благочестивый споръ былъ прекращенъ усѣченіемъ ихъ обоихъ.

Тѣла мучениковъ были брошены въ огонь. Кончина ихъ послѣдовала въ 304 году (Четьи-Минеи).

Пренесеніе мощей трехъ святителей: Кипріана, Фотія и Іоны, митрополитовъ кіевскихъ и всея Россіи, въ новую каменную соборную церковь Успенія въ Москвѣ совершилось во время разборки прежняго Успенскаго собора,— въ 1472 году. Это было при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ 3 и митрополитѣ Филиппѣ I (Прологъ).— О св. Кипріанѣ см. 16. ч. сентебря, о Фотіи—2 іюля, объ Іонѣ—31 марта.

ПР. ѲЕРАПОНТА БѢЛОЗЕРСКАГО.

Пр. Ѳерапонтъ, въ мірѣ Ѳеодоръ, родился въ 1337 году, въ г. Волоколамскѣ, отъ благочестивыхъ родителей-дворянъ Поскочиныхъ. Живя въ домѣ родителей, онъ съ юныхъ лѣтъ страшился того, какъ бы не увлечься житейскими суетами и не сдѣлаться повиннымъ вѣчной мукѣ. По сказанію его жизнеописателя, Ѳеодоръ хотя „и не хитръ былъ грамотѣ, но имѣлъ здравый умъ и доброе сердце“ и потому съ каждымъ годомъ своей жизни становился строже къ себѣ и снисходительнѣе къ ближнимъ. Благочестіе и добродѣтели Ѳеодора росли съ его лѣтами. Это привлекало къ нему любовь и уваженіе отъ сродниковъ и знакомыхъ. Но этотъ благочестивый мужъ зналъ суету міра и его влекло отъ мірскихъ соблазновъ къ тихой пристани житія иноческаго: Ѳеодоръ хотѣлъ отречься отъ міра и поступить въ обитель. Это желаніе, усилившееся въ немъ съ годами, наконецъ при помощи Божіей исполнилось: на 40 году своей жизни Ѳеодоръ тайно удалился изъ отеческаго дома и пришелъ въ новоустроенный тогда въ Москвѣ Симоновъ монастырь. Настоятель этого монас-

тыря, св. Θеодоръ (племянникъ пр. Сергія), по внушенію свыше, принялъ пришельца безъ обычнаго предварительнаго испытанія и постригъ его въ инока съ именемъ Θерапонта. Послѣ постриженія, новопоступившій инокъ отданъ былъ подъ руководство опытному старцу, который и научилъ его правиламъ иночества.

Съ полнымъ послушаніемъ выполнялъ пр. Θерапонтъ черныя работы и вмѣстѣ съ тѣмъ неослабно пребывалъ на всенощныхъ бдѣніяхъ въ храмѣ и на келлейной молитвѣ. Тайные свои помыслы преподобный искренно открывалъ своему старцу и тѣмъ соблюдалъ чистоту душевную и тѣлесную. Кромѣ старца, добрыми совѣтниками и образцами иноческой жизни служили для Θерапонта его другъ, преп. Кириллъ (4 февр.), и особенно преп. Сергій Радонежскій, посѣщавшій Симоновъ монастырь очень не рѣдко и никогда не оставлявшій нуждающихся совѣтами своей мудрой иноческой опытности. Настоятель, замѣтивъ опытность и усердіе Θерапонта во всякомъ дѣлѣ, не опасаясь, посылалъ его въ ближнія и дальнія мѣста по монастырскимъ дѣламъ, и преподобный всегда возвращался съ успѣхомъ. Однажды онъ посланъ былъ въ дальнюю сѣверную страну—на Бѣлоозеро. Исполнивъ монастырскія порученія, преподобный рѣшился подробнѣе осмотрѣть ту мало извѣстную въ то время сторону. Обходя огромныя пространства бѣлозерскія, наполненныя густыми лѣсами, непроходимыми болотами, множествомъ рѣкъ и озеръ, преподобный полюбилъ эти мѣста, весьма удобныя для уединенія и безмолвной иноческой жизни. По возвращеніи въ Симонову обитель, Θерапонтъ съ радостію разсказывалъ своему другу Кириллу о видѣнныхъ имъ мѣстахъ; Кириллъ въ разсказахъ Θерапонта слышалъ голосъ провидѣнія, и они оба рѣшились оставить Симонову обитель

и отправиться на Бѣлоозеро, тѣмъ болѣе, что пр. Кириллу не задолго предъ тѣмъ было откровеніе основать въ Бѣлозерской странѣ обитель. Вскорѣ два друга Ѳерапонтъ и Кириллъ, тайно оставили московскую обитель и отправились въ Бѣлозерскую страну. Это было въ 1397 году, когда обоимъ подвижникамъ было по 60 лѣтъ отъ роду. Прибывъ въ предѣлы Бѣлозерскіе, они остановились на мѣстѣ, указанномъ въ видѣніи пр. Кириллу, водрузили здѣсь крестъ и приготовили землянки для жилища.

Недолго однако жили вмѣстѣ преподобные. Ѳерапонтъ пожелалъ подвизаться одинъ, въ особомъ мѣстѣ. „Отче! сказалъ онъ Кириллу, часто у меня является желаніе уйти въ особое мѣсто и безмолвствовать отдѣльно. Есть отсюда въ верстахъ 15, или немного далѣе, мѣсто; желательно мнѣ, если Господь благословитъ, поселиться тамъ. Именемъ Божіимъ умоляю честную святость твою, не оскорбись моими словами о такой разлукѣ". Съ любовію отпустилъ его отъ себя Кириллъ, говоря: „воля Божія да будетъ, брате, въ семъ дѣлѣ, и, если Богу угодно твое желаніе, то Онъ даруетъ возможность исполнить его". Они согласились по-прежнему имѣть совѣтъ во всемъ между собою и такъ разлучились: Кириллъ остался на своемъ мѣстѣ, преподобный же Ѳерапонтъ перешелъ на другое, заросшее густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, между двухъ живописныхъ озеръ. Здѣсь преподобный съ молитвою на устахъ и въ сердцѣ поставилъ себѣ келлію, очистилъ вокругъ ея поросль, съ великимъ усиліемъ вскопалъ нѣсколько земли и насадилъ себѣ питательныхъ овощей (Безлюдная пустыня не подавала надежды на стороннюю помощь). Прилагая труды къ трудамъ, преподобный прогонялъ уныніе безмолвія, сонъ и худые помыслы постомъ, молитвою и бдѣніемъ. Въ

первое время своего поселенія онъ не мало испыталъ искушеній отъ лѣсныхъ обитателей—разбойниковъ, которые, не терпя праведника близъ себя, гнали его изъ пустыннаго мѣста. Разъ эти злодѣи окружили его келлію и кричали: „давай деньги и бѣги отсюда, иначе убьемъ". Но преподобный не пугался угрозъ и пламенною молитвою поддерживалъ въ себѣ бодрость духа. Злые люди наконецъ убѣдились въ полной нестяжательности и нищетѣ преподобнаго и оставили его въ покоѣ.

Не утаился однако этотъ свѣтильникъ отъ міра. Къ преподобному стали приходить многіе ревнители пустыннаго и труженническаго житія. По ихъ просьбѣ онъ построилъ храмъ въ честь Рождества Богоматери, поставилъ нѣсколько келлій и учредилъ въ обители общежитіе. Молитва и неослабный трудъ были постоянными занятіями братіи: они занимались списываніемъ книгъ и разными ремеслами. Вскорѣ въ эту обитель пришелъ инокъ-священникъ. Преподобный, по смиренію не желавшій самъ принимать степени священства, встрѣтилъ его съ особенною радостію и чтилъ его, какъ роднаго отца. Слухъ о новой обители пр. Ѳерапонта сталъ быстро распространяться; братство его постепенно умножалось. Люди зажиточные стали надѣлять обитель обильными приношеніями. Братія просили преподобнаго принять на себя управленіе обителію, но онъ по своему смиренію рѣшительно отказался отъ этого. „Не я оградилъ это мѣсто, говорилъ онъ братіи, а Пречистая Богородица: Она и можетъ наставить васъ на все полезное". Видя твердое нежеланіе старца принять на себя настоятельство надъ ними, они съ его благословенія избрали себѣ игумена. Впрочемъ преподобный по-прежнему оставался для всѣхъ отцомъ и наставникомъ: онъ, какъ и прежде, назидалъ

всѣхъ и словомъ и примѣромъ. Въ обители все устроялось по мыслямъ преподобнаго: въ ней былъ принятъ такой же порядокъ церковнаго чина и образа жизни монашествующихъ, какой былъ введенъ въ своей обители и пр. Кирилломъ. Никто не смѣлъ держать въ келліяхъ ни пищи, ни питія, этимъ могли пользоваться лишь въ трапезной комнатѣ, и то въ опредѣленное время; въ келліяхъ же дозволялось имѣть однѣ свв. иконы и книги, нужныя для келейнаго пѣнія, а тотъ, кто занимался какимъ-либо рукодѣліемъ, могъ имѣть орудія ремесла; все, надъ чѣмъ трудилась братія, было направлено на пользу монастыря и поступало безвозмездно въ общую монастырскую кладовую. Церковная служба совершалась съ глубокимъ благоговѣніемъ; за трапезой и въ келліяхъ наблюдалось строгое безмолвіе.

Слухъ о Кирилловой и Ѳерапонтовой обителяхъ дошелъ до можайскаго князя Андрея Димитріевича, которому принадлежала Бѣлозерская страна. Благочестивый князь весьма обрадовался появленію святыхъ обителей въ его владѣніяхъ. Онъ пожаловалъ имъ землю и озера, прислалъ утвари для храма и просилъ молиться за него. Однажды монастырь пр. Ѳерапонта посѣтилъ намѣстникъ князя и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Возвратившись къ своему князю, намѣстникъ разсказалъ ему, какое сокровище таится въ его отчинѣ. У благочестиваго князя давно было желаніе построить обитель близъ Можайска, но до сего времени онъ не могъ найти человѣка, который бы могъ положить ей благое начало. Теперь же, услышавъ отъ намѣстника о пр. Ѳерапонтѣ и его духовной опытности, онъ тогда же рѣшилъ поручить устроеніе обители преподобному. Отправивъ богатую милостыню въ Ѳерапонтовъ монастырь съ однимъ изъ своихъ ближнихъ бояръ,

князь приказалъ ему пригласить старца въ Можайскъ для бесѣды съ княземъ о нужномъ дѣлѣ. Смутился смиренный старецъ отъ такого неожиданнаго приглашенія; не хотѣлось ему на старости лѣтъ покидать любимую имъ обитель. Посовѣтовавшись съ братіею, со слезами онъ сказалъ: „воля Божія и Пречистыя Богородицы и ваша любовь да будутъ на мнѣ грѣшномъ“, и, вопреки своему желанію, повинуясь волѣ братіи, поспѣшно собрался въ путь (въ 1408 г.). Преподобному въ то время было 71 годъ отъ роду. Благочестивый князь Андрей, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтилъ угодника Божія съ великою честію и радостію. „Господь да сочтетъ стопы твои, сказалъ ему князь, и воздастъ тебѣ мзду, равную трудамъ твоимъ; я же всегда остаюсь должникомъ твоей святыни“. Князь пріютилъ святаго старца въ своемъ домѣ и сталъ умолять его, чтобы онъ устроилъ обитель близъ города Можайска и въ ней поселился. Преподобный смиренно на это отвѣтилъ: „устроеніе обители есть дѣло единаго Бога, и ни какъ не по моимъ силамъ. Господа ради и Пречистой Его матери отпусти меня, государь, въ отчизну мою—на Бѣлоозеро, тамъ уже есть обитель, тамъ братія молятъ Бога о вашемъ княжескомъ здравіи, и я съ ними буду просить у Бога милости и спасенія тебѣ день и нощь до самой моей смерти“. Видя однако неотступное моленіе князя, преподобный, послѣ усердной молитвы къ Богу и Пречистой Его Матери, согласился исполнить его желаніе. Обрадовался благочестивый князь согласію старца и предоставилъ на его волю избрать мѣсто для сооруженія обители. Преподобный, по осмотрѣ, выбралъ мѣсто не далеко отъ Можайска, на берегу рѣки Москвы. Эта мѣстность представляла тогда обширные луга и называлась лужками. Поэтому и обитель, основанная здѣсь

преподобнымъ Ѳерапонтомъ, стала называться лужецкою. На построеніе ея князь Андрей испросилъ благословеніе у московскаго святителя. Обитель соорудилась быстро, князь не жалѣлъ денегъ для совершенія давно желаемаго дѣла и снабдилъ обитель богатою утварью и щедрыми подаяніями. Къ утѣшенію св. старца, онъ не оставлялъ своими милостынями и его прежней обители, которой даровалъ разнаго рода угодья. Любя свой монастырь и желая возвысить его надъ другими, князь Андрей Димитріевичъ исходатайствовалъ настоятелю своего монастыря, преподобному Ѳерапонту, санъ игумена, а затѣмъ и архимандрита. Быстро возрастала новая обитель подъ покровительствомъ благочестиваго князя и особенно подъ руководствомъ св. старца Ѳерапонта. Преподобный Ѳерапонтъ скончался 27 мая 1426 года на 90 г. отъ рожденія, послѣ 18 лѣтнихъ подвиговъ въ новоустроенной имъ обители. Его кончину оплакивали и княжеское семейство и братія обители. Святыя мощи преподобнаго почиваютъ въ соборномъ храмѣ лужецкой обители подъ спудомъ. Прославленіе преподобнаго началось съ конца 15 в.; но къ лику святыхъ онъ причисленъ былъ лишь на московскомъ соборѣ 1547 года. (Прологъ. Ист. Росс. іер. ч. 6. стр. 849—853. Слов. истор. о свв. стр. 253—254. Русскіе свв. Филарета, арх. чер. Русская Ѳиваида на сѣверѣ, А. Муравьева, стр. 356—366. Жит. свв. егоже. Москов. Епарх. Вѣд. 1876 г. №№ 20—23).

О препод. Нилѣ столбенскомъ см. 7 декабря.

Муч. Евсевіотъ скончался въ огнѣ. — Муч. Алипій — отъ удара по головѣ камнемъ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2 стр. 139—140).

28-е число.

Преподобнаго Никиты исповѣдника, епископа халкидонскаго. Св. муч. Еликониды. Св. священномуч. Елладія. Св. муч. Евтихія. Св. Игнатія, епископа ростовскаго.

(Мучч. Крискента, Павла и Діоскорида. Муч. Митра или Димитрія. Муч. Захарія. Никейскія иконы Божіей Матери. Антіохійскія иконы Божіей Матери. Пр. Софронія).

ПР. НИКИТЫ ИСПОВѢДНИКА, ЕП. ХАЛКИДОНСКАГО.

Пр. Никита еще съ юности отрекся отъ міра, и посвятилъ всего себя на служеніе Богу. За свою добродѣтельную жизнь онъ былъ поставленъ епископомъ въ Халкидонѣ. На высотѣ архипастырскаго служенія Никита, по заповѣди Спасителя, былъ дѣйствительно свѣтильникомъ, горящимъ на свѣщникѣ, подавая собою примѣръ благочестія и добрыхъ дѣлъ.

Бѣдные находили въ немъ покровителя, сироты—отца, вдовицы и обидимые—заступника и избавителя. Въ царствованіе иконоборца Льва Армянина (813—820), мужественный святитель за свое православіе и смѣлое обличеніе иконоборческой ереси, послѣ многихъ уничиженій и оскорбленій, былъ осужденъ на изгнаніе.—По кончинѣ св. Никиты, его честныя мощи прославлены даромъ чудесъ (Четьи-Минеи).

СВ. МУЧ. ЕЛИКОНИДЫ.

Св. Еликонида родилась въ городѣ Ѳессалоникахъ. Во время гоненія на христіанъ при императорѣ Гордіанѣ (238—244), она пришла въ Коринѳъ и стала всенародно обличать жителей въ поклоненіи идоламъ. Язычники схватили ее и привели къ градскому правителю Перинію. Послѣ напрасныхъ убѣжденій принести жертву идоламъ, правитель приказалъ Еликониду жестоко бить, а потомъ бросить въ котелъ съ кипящей смолою, но ангелъ Господень остудилъ горящую смолу, и непріятный смоляной запахъ, къ удивленію присутствовавшихъ, смѣнился благоуханіемъ. Жестокій Переній, принялъ это чудо за волхвованіе, приказалъ содрать съ головы св. мученицы волосы съ кожею и палить огнемъ ея ободранную голову. Велики были страданія св. мученицы, но она переносила ихъ мужественно и безропотно. Самъ безчеловѣчный мучитель удивлялся ей и, прекративъ мученія, ласково убѣждалъ ее идти въ храмъ и поклониться идоламъ, обѣщая ей за это почести и богатство. Св. Еликонида повидимому согласилась, и ее сопровождали въ капище съ торжествомъ и музыкою. Войдя въ языческій храмъ, святая попросила жрецовъ оставить ее одну для принесенія жертвы. Тѣ согласились. Когда всѣ вышли изъ храма, Еликонида сокрушила въ немъ всѣхъ идоловъ. Этотъ поступокъ мученицы привелъ жрецовъ и народъ въ ярость. Изъ угожденія къ нимъ правитель приказалъ отрѣзать у мученицы сосцы и бросить ее въ темницу. Тамъ она томилась нѣсколько дней, страдая отъ голода и жажды.

Въ это время на мѣсто Перинія прибылъ въ Коринѳъ новый правитель Юстинъ. Онъ былъ еще безчеловѣчнѣе

и жестокосердіе своего предшественника — Пернія. Юстинъ, какъ только узналъ объ Еликонидѣ, тотчасъ приказалъ разжечь печь и бросить въ нее мученицу. Но огонь устремился изъ печи на близъ стоящій народъ и многихъ попалилъ; святая же мученица оказалась невредимою. Удивленный правитель спросилъ ее: „какъ ты могла преодолѣть огненную силу?“ Св. дѣва отвѣчала: „Господь Іисусъ Христосъ избавилъ меня отъ огня“. Тогда правитель приказалъ принести мѣдную постель, развесть подъ нею огонь и положить на нее обнаженную мученицу. При этомъ правитель говорилъ: „теперь посмотримъ, придетъ ли къ ней Христосъ на помощь“. Св. страдалица лежала на раскаленной постели нѣсколько часовъ и оставалась невредимою. Бѣсился мучитель, не зная, что дѣлать съ мученицею. Между тѣмъ ей явился Самъ Господь и ободрилъ ее обѣщаніемъ Своей помощи и будущаго блаженства. Божественное явленіе преобразило св. мученицу: лице ея просвѣтилось какъ солнце, и тѣло ея стало бѣлымъ какъ снѣгъ; она исполнилась необыкновенной радости и прославляла милосердаго Бога. Желая скорѣе покончить дѣло съ Еликонидою, мучитель отдалъ ее на съѣденіе звѣрямъ. На нее были выпущены два голодныхъ льва, но они ласкались около мученицы и лизали ея ноги. Народъ, считая ее за волшебницу, требовалъ ея немедленной смерти. Тогда правитель приказалъ отрубить голову св. мученицѣ. Идя на казнь, св. Еликонида молилась Господу такъ: „О, Христе, Боже мой, предстань рабѣ Твоей въ этотъ часъ, введи меня въ св. ограду Твою и причти меня къ угодившимъ Тебѣ женамъ.... впиши меня въ число ихъ и дай мнѣ съ ними почить во вѣки“. Въ отвѣтъ послышался небесный голосъ: „гряди, дочь, готовъ тебѣ вѣнецъ и блаженство“. Св. Еликонида

усѣчена была мечемъ около 244 г.; христiане съ честiю похоронили ея тѣло (Четьи-Минеи).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. ЕЛЛАДIЯ.

Въ Четьи-Минеи о немъ говорится только, что онъ пострадалъ на востокѣ отъ идолопоклонниковъ. Мѣсяцесловъ Василiя добавляетъ, что онъ послѣ разныхъ мукъ, брошенный въ огонь и оставшись невредимымъ, скончался отъ побоевъ. Въ службѣ ему говорится, что въ темницѣ посѣтилъ его Христосъ и уврачевалъ отъ ранъ и что узы съ него спали. Думаютъ, что Елладiй пострадалъ отъ персовъ или при Iустинiанѣ, когда они взяли Антiохiю (въ 6 в.), или при Ираклiи (въ 7 в.), когда овладѣли Палестиною (Мѣсяц. Вост. А. Сергiя т. 2. Зам. стр. 151).

Св. муч. Евтихiй, иже въ Мелитинѣ, былъ епископомъ Мелитинскимъ; пострадалъ по однимъ въ 1-мъ, по другимъ въ 3-мъ вѣкѣ (Мѣсяцесловъ всѣхъ свв.).

СВ. ИГНАТIЯ, ЕП. РОСТОВСКАГО.

Св. Игнатiй, еп. ростовскiй, управлялъ епархiею въ продолженiи 26 лѣтъ. Свѣдѣнiя о его жизни лѣтописныя, краткiя: въ юныхъ лѣтахъ онъ поступилъ въ иноки и за добродѣтельную жизнь былъ сначала поставленъ архимандритомъ ростовскаго Богоявленскаго монастыря, а потомъ въ 1262 году возведенъ въ санъ епископа митрополитомъ Кирилломъ. Въ святительскомъ санѣ, какъ и въ должности настоятеля монастыря, св. Игнатiй отличался строгимъ подвижничествомъ. Изъ епархiальныхъ событiй при св. Игнатiи извѣстно основанiе княземъ бѣлозерскимъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, Спасокаменной обители, для которой святитель поставилъ въ

настоятели старца Өеодора. Въ 1269 г.. на устьѣ р. Шексны, на берегу Бѣлоозера, Игнатіемъ основана была обитель св. Троицы, первая въ Бѣлоозерскомъ краю. Иноки этой обители, подъ руководствомъ св. Игнатія, трудились въ распространеніи христіанства между Чудью и Корелами. Въ 1269 г. Игнатіемъ погребенъ былъ благочестивый князь Димитрій Святославичъ: въ 1271 году имъ погребена Марія, супруга мученика Василька. Въ 1274 г. святитель присутствовалъ на извѣстномъ соборѣ владимірскомъ, исправлявшемъ церковныя дѣла. Два раза по дѣламъ епархіи святителю пришлось предпринимать тяжелое путешествіе въ орду съ ходатайствомъ о церковномъ причтѣ. Въ 1280 г. онъ отпѣвалъ всероссійскаго митрополита Кирилла. Съ помощію свят. Игнатія, В. К. Димитрій Александровичъ успѣлъ (1281 г.) примирить князей ростовскихъ, и чрезъ то отвратить возникавшее междоусобіе. Послѣ этого св. Игнатій святительствовалъ семь лѣтъ, ревностно трудясь на пользу церкви и паствы: онъ мирно преставился 28 мая 1288 года.

Св. Игнатій процвѣлъ нетлѣніемъ и цѣлебносною силою своихъ мощей еще прежде погребенія. Это было причиною того, что онѣ не были скрыты въ землѣ, но положены открыто въ храмѣ, гдѣ и теперь почиваютъ. Выносъ тѣла почившаго святителя въ храмъ былъ въ пятокъ, послѣ вечерни. Ударили въ колоколъ. Народъ собрался во множествѣ и церковь оплакивала своего добраго пастыря. плакали сирые, вдовицы и убогіе о своемъ покровителѣ; князья и бояре—о своемъ наставникѣ. И Богъ утѣшилъ плачущихъ чудесными знаменіями: во время перенесенія тѣла святителя, двѣ благочестивыя инокини засвидѣтельствовали, что онѣ видѣли, какъ св.

Игнатій возсталъ съ своего смертнаго одра и, поднявшись на верхъ собора, благословилъ оттуда народъ и весь городъ, и потомъ сошелъ къ мѣсту, гдѣ предположили похоронить его тѣло. Когда поставили св. останки его на паперти соборной для пѣнія литіи, совершилось второе знаменіе: архимандритъ Стефанъ коснулся св. мощей пальцемъ, который былъ у него искривленъ отъ рожденія, и этотъ палецъ тотчасъ же выпрямился. На другой день, при отпѣваніи, по давнему обычаю, въ руку святителя хотѣли вложить списокъ священниковъ и діаконовъ, посвященныхъ имъ во время его святительства; усопшій святитель простеръ руку какъ бы живой и самъ взялъ свитокъ. По лѣтописи 15 в. св. Игнатій „великій чудотворецъ", и въ граматахъ 16 в. онъ называется „св. чудотворцемъ". Св. мощи Игнатія, прославленныя чудесами, почиваютъ нынѣ въ ростовской Успенской соборной церкви, въ серебряной ракѣ, устроенной въ 1795 г. (Четьи-Минеи. Слов. истор. о свят. стр. 101. Русск. свв. Филарета, арх. черниг. Житія свв. Муравьева).

Мучч. Крискентъ. Павелъ и Діоскоридъ пострадали въ Римѣ въ 326 году.—Муч. Митръ или Димитрій пострадалъ въ 1794 году отъ турокъ.—Захарія муч. пострадалъ въ Пруссѣ въ 1802 году.

Никейская икона Божіей Матери явилась въ 304 году (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2 стр. 141).

ПРЕПОДОБНАГО СОФРОНІЯ.

Одинъ современникъ св. Софронія передаетъ слѣдующія свѣдѣнія о немъ: „пресвитеръ Стефанъ, изъ села Пенковца, что близъ Софіи (Средца), изъза турецкаго насилія оставилъ свою родину и съ своею супругою,

придя, жилъ въ моемъ домѣ: съ нимъ мы довольно поучались полезному. Отсюда удалился онъ въ валахскую землю и принятъ былъ великимъ воеводою Радуломъ. Тамъ супруга его переселилась къ Богу, а онъ сталъ іеромонахомъ Софроніемъ. По смерти воеводы Радула, опять пришелъ онъ на Дунай, поселился въ монастырѣ близъ Русы и укрѣплялъ себя постомъ, молитвами и трудами, терпѣніемъ и милостынею. Тутъ онъ жилъ не долго: діаволъ не терпѣлъ подвиговъ его, поднялъ противъ него слугу его, тотъ ударяетъ его топоромъ по головѣ и лишаетъ жизни. Погребенный, онъ спустя три года, является живущимъ въ монастырѣ; тѣ открываютъ гробъ и находятъ его какъ будто уснувшимъ и издающимъ благоуханіе. Они положили его въ ракѣ. По всей странѣ творитъ онъ чудеса и исцѣленія. Кто не довѣряетъ, пусть идетъ самъ и увѣрится". Страдальческая смерть преп. Софронія послѣдовала около 1510 года; мощи его открыты въ 1512 году и почиваютъ въ Пиперѣ. (Свв. южн. славян. Филарета, арх. черн.).

29-е число.

Св. муч. Өеодосіи, дѣвицы тирскія. Св. преподобномуч. Өеодосіи дѣвицы. Воспоминаніе перваго вселенскаго собора въ Никеѣ. Св. и блаженнаго Іоанна Христа ради юродиваго, устюжскаго чудотворца.

(Александра, папы александрійскаго. Муч. мужа и жены, древами сокрушенныхъ. Муч. Ианна или Іоанна солунскаго. Мателикійскія иконы Божіей Матери).

СВ. МУЧ. ӨЕОДОСІИ. ДѢВИЦЫ ТИРСКІЯ.

Св. дѣвица Өеодосія родилась въ Тирѣ; пострадала въ цвѣтущемъ возрастѣ—на восьмнадцатомъ году своей жизни въ Кесаріи Палестинской, въ послѣднее гоненіе на христіанъ. Өеодосія, вопреки волѣ родителей, смѣло посѣщала свв. христіанъ — узниковъ. Разъ, въ самый праздникъ воскресенія Господня, она отправилась къ нимъ въ темницу, воины схватили ее и привели къ правителю Урбану. По приказанію правителя, ея тѣло строгали желѣзными гребнями, а потомъ еле дышащую, бросили ее въ море (въ началѣ 4-го в.). Свѣдѣніе объ этомъ передаетъ очевидецъ, Евсевій, епископъ кесарійскій. Другіе къ этому прибавляютъ еще, что св. мученица была извлечена ангелами изъ глубины морской на сушу—живою и ходила, нося въ рукахъ камень, привязанный ей на шею. Ее снова привели къ мучителю, который отдалъ ее на съѣденіе звѣрямъ; но звѣри не коснулись ея. Тогда

правитель приказалъ отсѣчь мученицѣ голову. Въ ту же ночь она явилась своимъ родителямъ посреди лика свв. дѣвъ, одѣтая въ бѣлую, какъ снѣгъ, одежду, въ вѣнцѣ на головѣ и съ золотымъ крестомъ въ рукѣ. „Вотъ какая великая слава и благодать Христа моего, которой вы хотѣли лишить меня!“ сказала она въ утѣшеніе скорбящимъ объ ней родителямъ.

Св. муч. Ѳеодосія взята была на мученіе 2-го апрѣля, скончалась 6-го апрѣля, а 29-го мая мощи ея были перенесены въ Константинополь. На Западѣ въ разныхъ мѣстахъ имѣются части ея мощей (Четьи-Минеи. Мѣс. Вост. А. Сергія. Т. 2. стр. 141. Тамъ же зам. стр. 152).

СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧ. ѲЕОДОСІИ.

Св. Ѳеодосія родилась въ Константинополѣ отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей. Въ сороковой день по рожденіи, мать принесла младенца въ церковь св. муч. Анастасіи, при которой былъ женскій монастырь, и тутъ же обѣщала посвятить его Богу. Какъ плодъ усердной родительской молитвы, Ѳеодосія была предметомъ нѣжной любви и особеннаго попеченія родителей. Они воспитывали свою дочь въ страхѣ Божіемъ и чтеніи божественныхъ книгъ. На 8 году отъ рожденія она лишилась отца и отдана была матерью въ монастырь св. Анастасіи. Чрезъ три года скончалась и мать, оставивъ дочери все свое состояніе. Ѳеодосія употребила его на украшеніе храмовъ и на помощь бѣднымъ; сама же жила въ иноческой нищетѣ, въ трудахъ, постѣ и благочестивыхъ упражненіяхъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

На императорскій престолъ вступилъ Левъ Исаврянинъ (717—741). Онъ объявилъ гоненіе на святыя ико-

ны, приказывая ихъ уничтожать, а защитниковъ ихъ предавать поруганію, мученію и даже смерти. Св. патріархъ Германъ, ревностный поборникъ иконопочитанія, былъ имъ низвергнутъ, и на его мѣсто возведенъ приверженецъ царя, Анастасій. Желая угодить царю, новый патріархъ приказалъ—было уничтожить очень древнее изображеніе Спасителя, висѣвшее на мѣдныхъ воротахъ Константинополя *). Но благочестивыя инокини съ пр. Ѳеодосіей во главѣ, воспротивились этому нечестивому рѣшенію, и одинъ изъ воиновъ-исполнителей, вмѣстѣ съ приставленною къ воротамъ лѣстницею, былъ сброшенъ Ѳеодосіей на землю. Затѣмъ ревностныя жены явились къ патріарху и обличили его въ нечестіи; раздраженный патріархъ донесъ объ нихъ царю, какъ о бунтовщицахъ. По приказанію Льва, инокини, кромѣ Ѳеодосіи, были усѣчены мечемъ, а Ѳеодосія, какъ главная защитница иконопочитанія, была заключена въ тюрьму, гдѣ ей, впродолженіе семи дней, давали по сту ударовъ; на восьмой день св. Ѳеодосію водили по городу съ побоями. Окончила она свою многострадальную жизнь на такъ называемомъ *воловьемъ мѣстѣ*, гдѣ была печь въ видѣ вола для наказанія преступниковъ.

Св. Ѳеодосія пострадала въ 730 году 26-го января. Память ея соединена съ памятью другой Ѳеодосіи, вѣроятно, потому, что это былъ день ея ангела. Мощи ея находились въ монастырѣ Діократисъ или Дексіократисъ (имя патриція, построившаго при Ѳеодосіи младшемъ церковь съ больницею), не подалеку отъ Золотаго Рога,

*) Изображеніе Спасителя было чудотворное. Оно поставлено было Константиномъ Великимъ надъ воротами царскаго дворца и называлось *Халки* (мѣдное); ибо было изъ мѣди. (Мѣс. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 153).

въ 11-й части Царяграда—нынѣ тутъ мечеть Розъ. Отъ св. мощей Θеодосіи источались различныя чудеса. Паломникъ русскій Антоній, въ 1200 году бывшій въ Царьградѣ, говоритъ: „св. Θеодосія въ женскомъ монастырѣ въ тѣлѣ лежитъ на сребрянѣ гробѣ и на переносъ выносятъ, и на человѣки поставляютъ и больнымъ исцѣленія отъ нея бываютъ". Но особенно замѣчательно повѣствованіе о чудесахъ отъ мощей преподобномученицы Θеодосіи въ исторической рѣчи великаго логоѳета (скорописецъ, иногда и канцлеръ византійскаго двора, сохранявшій государственные акты, договоры, трактаты и государственную печать), Константина акрополита (жителя укрѣпленнаго греческаго города), жившаго въ 13 вѣкѣ. По словамъ писателя, нѣкій юноша изъ Фригіи, лишившійся употребленія разума и ногъ, принесенъ былъ однимъ мужемъ ко гробу святой и получилъ совершенное здравіе. Зять писателя, юноша, упавшій съ коня и лишившійся разсудка, полумертвымъ былъ принесенъ къ гробницѣ св. Θеодосіи и, помазанный елеемъ отъ лампады, мгновенно исцѣлѣлъ; самъ писатель, страдавшій болѣзнію въ ногахъ, которой не излѣчили лучшіе врачи, исцѣленъ былъ призываніемъ святой (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. А. Сергія. Т. 2. Зам. стр. 152—153).

ВОСПОМИНАНІЕ ПЕРВАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА.

Главнымъ поводомъ къ созванію перваго вселенскаго собора было появленіе и усиленіе лжеученія Арія, пресвитера александрійскаго. Сущность его лжеученія состояла въ слѣдующемъ: Богъ Отецъ не всегда былъ Отцемъ; было время, когда Онъ Отцемъ не былъ; было время, когда Сына Божія не было; Сынъ Божій родился во

времени, и потому не вѣченъ; когда бы то ни было— только Онъ сотворенъ, какъ и прочія твари, какъ и всякій человѣкъ. Причисляя Сына Божія къ совокупности разумныхъ и не разумныхъ тварей, Арій и его сообщники утверждали, что природа Сына измѣнчива и можетъ воспринимать добро и зло. Какъ сотворенный во времени, Сынъ не свободенъ отъ условій ограниченности. Онъ не знаетъ вполнѣ сущности Отца. Отецъ не изглаголимъ для Сына, потому что Сынъ не знаетъ Его совершенно и не можетъ видѣть Его въ совершенствѣ; не знаетъ Сынъ и собственной своей сущности (Ѳеодор. 1. 4. Сокр. 1, 6). Такимъ образомъ первымъ пунктомъ въ лжеученіи аріанъ,—пунктомъ, изъ котораго они послѣдовательно выводили всѣ прочіе, было ученіе о томъ, что Сынъ Божій сотворенъ и имѣетъ начало своего бытія. Понятно, такое богохульное ученіе взволновало не только церковь александрійскую, но и другія церкви. Противъ Арія и его сторонниковъ вооружились православные епископы, и во главѣ ихъ епископъ александрійскій Александръ (описаніе его жизни см. ниже подъ этимъ же числомъ). Въ церкви произошли волненія, слухъ о которыхъ наконецъ достигъ до императора Константина Великаго. Желая возстановить миръ въ церкви, императоръ сначала думалъ примирить враждующихъ частнымъ образомъ. Но дѣло зашло такъ далеко, что его уже нельзя было остановить одними частными мѣрами и однимъ вліяніемъ императора. Тогда Константинъ рѣшился отдать это дѣло на судъ всей вселенской церкви. По его указу епископы отъ всего христіанскаго міра должны были къ означенному дню собраться въ Никею.

За нѣсколько дней до торжественнаго открытія собора происходили частныя совѣщанія и разсужденія между

православными, аріанами и философами (Сокр. 1, 8. Созом. 1, 17). Множество священниковъ и мірянъ принимали участіе въ преніяхъ; одни стояли на сторонѣ Арія, другіе на сторонѣ православныхъ. На сторонѣ послѣднихъ особеннымъ одобреніемъ и уваженіемъ пользовались св. Аѳанасій, тогда еще діаконъ александрійскій, впослѣдствіи архіепископъ, и пресвитеръ константинопольскій Александръ, послѣ заступившій мѣсто своего престарѣлаго епископа (Сокр. 1. 8). Всѣ эти частныя пренія были въ нѣкоторомъ смыслѣ частною подготовкою и черновою работою предъ торжественнымъ обсужденіемъ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла.

Наступилъ день (по Созомену воскресный—1, 19), назначенный для разрѣшенія недоумѣній спорившихъ; всѣ приглашенные на соборъ вступили во внутреннюю палату царскаго дворца, и расположились на приготовленныхъ для нихъ по обѣимъ сторонамъ сѣдалищахъ. Ожидали прибытія императора. Когда былъ поданъ знакъ, которымъ обыкновенно возвѣщалось прибытіе царя, всѣ встали; царь вошелъ и вступилъ въ средину собранія; ему подставили богато украшенное кресло; онъ сѣлъ и далъ знакъ садиться епископамъ. Затѣмъ одинъ изъ епископовъ, занимавшій первое мѣсто съ правой стороны, привѣтствовалъ царя краткою рѣчью, и вознесъ за него благодареніе Богу. Въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь императоръ изъявилъ радость, что видитъ вокругъ себя собраніе столькихъ пастырей, и убѣждалъ ихъ къ единомыслію въ вѣрѣ.

Послѣ императорской рѣчи должны были начаться общія совѣщанія и разсужденія. Онѣ начались, по свидѣтельству Евсевія, взаимными обвиненіями и даже взаимными порицаніями: православные обвиняли въ еретичествѣ аріанъ, аріане въ томъ же обвиняли православ-

ныхъ. Весьма дѣятельное участіе въ примиреніи споривших принималъ самъ императоръ; онъ всѣхъ выслушивалъ, какъ замѣчаетъ Евсевій, незлобиво; со вниманіемъ принималъ предложенія и, разбирая въ частности сказанное тою и другою стороною, мало-по-малу примирялъ упорно состязавшихся. Несравненное большинство членовъ собора отвергло нечестивое ученіе Арія. Благодаря мудрой разсудительности ревнителей православія, — сѣть аріанскаго лжеученія оказалась проторгнутою отовсюду, всѣ разсужденія аріанскія были изобличены, всѣ доказательства еретиковъ разрушены. Аріане, какъ изобличенные въ богохульствѣ, были преданы анаѳемѣ, самъ Арій и сообщники его присуждены къ ссылкѣ, а сочиненія аріанъ были преданы огню; имѣть у себя сочиненія аріанъ было запрещено подъ страхомъ наказанія. Въ предупрежденіе ересей, подобныхъ Аріевой, отцы церкви изложили православное ученіе о Лицѣ Сына Божія въ особомъ символѣ вѣры, который хранится православною церковью до сихъ поръ. На не признавшихъ этого символа было изрѣчено отлученіе.

Послѣ рѣшенія вопросовъ, касавшихся ереси Арія, отцы церкви приступили къ обсужденію другихъ спорныхъ вопросовъ. Однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ былъ вопросъ о времени празднованія пасхи. Вопросъ этотъ, столь важный въ церковной практикѣ, сильно занималъ въ то время многихъ. Несогласіе между церквами восточными и западными относительно времени празднованія пасхи началось еще со втораго вѣка, продолжалось и въ 3 в., не устранено было и къ началу 4 вѣка. Восточные христіане, гдѣ большинство вѣрующихъ было изъ іудеевъ, держались обычая праздновать христіанскую Пасху въ одно время съ празднованіемъ пасхи у іудеевъ.

Какъ у евреевъ праздникъ пасхи всегда начинался 14 ч. мѣсяца Нисана, такъ и христіане церкви восточной всегда праздновали свою Пасху въ тотъ же день, когда праздновалась пасха іудейская,—не обращая вниманія на то, будетъ ли то первый или второй, или пятый, или какой другой день недѣли. На западѣ же, гдѣ большинство вѣрующихъ было изъ язычниковъ, такое строгое слѣдованіе іудейскимъ обычаямъ въ опредѣленіи времени праздника чисто-христіанскаго не могло встрѣтить себѣ большаго сочувствія. Здѣсь съ раннихъ поръ замѣтно старались высчитывать, когда приходится день собственно Воскресенія Христова. И на 14-е Нисана обращали здѣсь вниманіе не потому, чтобы этотъ день поставляли днемъ празднованія, а потому, что при посредствѣ его удобно было опредѣлить день Воскресенія Христова. По той причинѣ, что восточные и западные христіане изыскивали для празднованія Пасхи не одинъ и тотъ же день и не однимъ и тѣмъ же путемъ, между тѣми и другими происходили такія разногласія, что одни уже оканчивали свой праздникъ Пасхи, а другіе его еще не начинали. Для устраненія этихъ разногласій Вселенскій соборъ, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія постановилъ, чтобы всѣ христіане праздновали Пасху въ одно время,—именно: въ первый воскресный день, слѣдующій за полнолуніемъ, которое бываетъ или въ самый день весенняго равноденствія, или послѣ онаго.

Этотъ же соборъ для руководства составилъ 20 правилъ, касающихся по преимуществу церковной практики и управленія церковнаго. Составленіемъ этихъ правилъ отцы Никейскаго собора и закончили свои засѣданія.

Соборъ назначенъ былъ на 20-е мая 325 года; но открытыя засѣданія собственно начались съ 19 іюня, до

этого же времени были засѣданія частныя; 29 августа того же года засѣданія собора кончились.—Чтобы постановленія собора извѣстны были и тѣмъ, которые не присутствовали на немъ, императоръ отправилъ окружную грамату во всѣ города и кромѣ того особую грамату къ церкви Александрійской—убѣждалъ членовъ этой церкви оставить всякія разномыслія и единодушно исповѣдывать изложенную на соборѣ вѣру; ибо она есть ни что иное, „какъ мысль Божія, объявленная Духомъ Святымъ чрезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ архіереевъ“ (собств. слова царя по Созомену, 1,25). Отцы собора съ своей стороны разослали окружное посланіе къ церквамъ, въ которомъ кратко излагали все, что суждено и опредѣлено было св. соборомъ. Такъ покончилъ соборъ свои великія дѣянія! (Четьи-Минеи. Душеполезн. чтеніе 1870 года, Мартъ, въ приложеніи).

СВ. И БЛАЖЕННАГО ІОАННА ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВАГО, УСТЮЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

Блаженный Іоаннъ, сынъ благочестивыхъ и зажиточныхъ поселянъ, Саввы и Маріи, родился въ селѣ Пуховѣ за рѣкою Сухоною близъ г. Устюга. Здѣсь онъ еще съ отрочества обнаруживалъ въ себѣ будущаго подвижника: по средамъ и пятницамъ совсѣмъ не принималъ пищи, а въ остальные дни питался только хлѣбомъ съ водою; ночи проводилъ въ молитвѣ; очень мало говорилъ и имѣлъ лице постоянно унылое, печальное, такъ что многіе принимали Іоанна за умалишеннаго. Мать не разъ убѣждала своего сына оставить непосильное для его лѣтъ воздержаніе; отрокъ въ отвѣтъ говорилъ ей только одно, что онъ очень грѣшенъ и что питать плоть значитъ наживать душѣ врага. Чрезъ нѣс-

колько времени родители Іоанна переселились въ г. Орлецъ на рѣкѣ Югъ (въ 40 верстахъ отъ Устюга), тамъ отецъ его умеръ, а мать приняла постриженіе подъ именемъ Наталіи въ Троицкомъ Орлецкомъ монастырѣ. Отрокъ Іоаннъ сначала жилъ при ней, по прежнему молчаливый, а затѣмъ поселился въ Устюгѣ, въ хижинѣ, близъ соборнаго храма. Здѣсь онъ втайнѣ отъ всѣхъ проводилъ ночи въ молитвѣ, а днемъ юродствовалъ, бѣгая по улицамъ обнаженный, съ однимъ лишь рубищемъ, которымъ былъ препоясанъ, или иногда въ разодранной рубашкѣ, и отдыхалъ на навозѣ. Много приходилось Іоанну выносить и отъ внѣшней стихіи—отъ сѣверныхъ трескучихъ морозовъ, а еще больше отъ людей неразумныхъ и легкомысленныхъ, которые, не понимая его подвига, постоянно насмѣхались надъ нимъ, подвергали его всевозможнымъ поруганіямъ, и не рѣдко даже били. Но, уничижившій себя ради Христа, Іоаннъ переносилъ все съ кротостію и благодарностію.—Избѣгая извѣстности и славы людской, которая такъ часто бываетъ пагубна для наклоннаго къ самообольщенію нашего духа, блаженный заботливо скрывалъ свои подвижническіе труды отъ человѣческихъ глазъ. Но нѣсть тайны, яже не откроется. Высокая жизнь блаженнаго случайно стала извѣстна одному благочестивому пастырю еще при жизни блаженнаго. Священникъ соборной церкви, по имени Григорій, часто видя Іоанна близъ собора, пожелалъ узнать его тайныя занятія. Однажды, въ зимнее время, о. Григорій посмотрѣлъ на блаженнаго Іоанна сквозь щель изъ другой комнаты и увидѣлъ такую картину: Іоаннъ стоялъ на колѣнахъ съ воздѣтыми къ небу руками и долго молился; послѣ молитвы блаженный уровнялъ уголья въ печкѣ, оградилъ себя крестнымъ знаме-

ніемъ и со словами: „знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи“, спокойно легъ на раскаленные уголья, какъ бы на прохладное ложе.—Священникъ, почитая Іоанна за умалишеннаго и опасаясь, какъ бы онъ не сгорѣлъ, вошелъ къ нему въ комнату. Но мнимо-безумный быстро вышелъ изъ печи и, грозно посмотрѣвъ на пытливаго священника, сказалъ ему: „не смѣй говорить о томъ никому до моей смерти“. Священникъ обязался исполнить его волю въ точности.

Святая жизнь Іоанна, сокрытая подъ видомъ юродства, нѣкоторыми знатными людьми была достойна цѣнима; одни изъ нихъ обращались за совѣтомъ къ блаженному, другіе съ мольбою объ исцѣленіи. Такъ, жена устюжскаго намѣстника (князя Θеодора, по прозванію Краснаго), княгиня Марія, страдала жестокою горячкою. Услышавъ о чудномъ подвижникѣ, она послала одного изъ слугъ своихъ къ Іоанну съ просьбою помолиться за нее. Но не дошелъ еще посолъ до навозной копны, на которой лежалъ Іоаннъ, какъ блаженный въ духѣ прозорливости встрѣтилъ его такими словами: „здравствуй, добрый князь Θеодоръ и съ княгинею своею“. Изумленный слуга возвратился домой и нашелъ княгиню совершенно здоровою.

Скончался блаженный Іоаннъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, 29-го мая 1494 года и погребенъ былъ близъ соборнаго храма въ Устюгѣ. По описанію, „Іоаннъ юродивый устюжскій чудотворецъ, подобіемъ молодъ, борода только расти зачала, въ пусіи; волосы просты; риза на немъ раздранное рубище, исчерна бѣло, и свилося по немъ; плечо голо, также и ребра голы и ноги, выше колѣней“. (Буслаевъ, Русск. слов. и искуства 2, 428). Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Іоанна, одинъ благочестивый

гражданинъ города Устюга, Ѳеодоръ Тутыгинъ, на мѣстѣ погребенія блаженнаго построилъ храмъ во имя Спаса. Празднованіе блаж. Іоанну въ Устюгѣ установлено на Московскомъ соборѣ 1547 г., при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, тогда же составлена ему и служба. Устюжане обращались съ молитвою къ блаженному Іоанну во время бѣдствій междуцарствія и ему приписывали побѣду царскаго войска надъ Сапѣгою въ 1610 году; въ 1613 году устюжане, молитвами устюжскихъ чудотворцевъ (Прокопія и Іоанна), не только защитили городъ свой отъ поляковъ, но и разбили ихъ.

На мѣстѣ родины блаженнаго Іоанна построена во имя его церковь. Около храма была прежде не большая обитель или пустынь, приписанная къ Гледенскому монастырю; теперь кромѣ церкви и давно ископаннаго колодца ничего не осталось. Едва примѣтны слѣды и города Орлеца, гдѣ подвизалась мать блаженнаго; самая рѣка Югъ перемѣнила свое русло.

Житіе блаж. Іоанна составлено со словъ его современниковъ. Жизнеописатель говоритъ, что онъ слышалъ о блаженномъ Іоаннѣ отъ дяди и отца своего Діонисія. Діонисій былъ священникомъ при соборной устюжской церкви, лично зналъ блаженнаго Іоанна и погребалъ его. Этотъ-то Діонисій и благословилъ своего сына написать житіе въ 1554 году. (Прологъ. Истор. Росс. іер. ч. 3-я стр. 695; ч. 5-я стр. 371. Слов. истор. о свв. стр. 116—117. Русс. свв. Филарета, арх. черниг. Житія свв. Муравьева. Вологодск. епарх. Вѣд. № 21, 1874 г.).

АЛЕКСАНДРА, ПАПЫ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Святитель Александръ былъ ученикомъ Петра, епископа александрійскаго (память его 25 ноября) и пользовался

его распололоженіемъ еще съ молодыхъ лѣтъ. Заключенный въ темницу предъ своею мученическою кончиною, св. Петръ назначилъ себѣ преемниками—первымъ престарѣлаго, но отличавшагося св. жизнію, Ахилла, а вторымъ—Александра. Но старецъ Ахиллъ пробылъ на святительской каѳедрѣ не болѣе года (311—312). По кончинѣ его, въ уваженіе къ личнымъ достоинствамъ Александра, и во вниманіе къ завѣщанію уважаемаго св. Петра, клиръ и народъ избрали на святительскую каѳедру Александра, который, какъ доказали послѣдствія, дѣйствительно явился мужественнымъ защитникомъ апостольскихъ догматовъ, мудрымъ и исполненнымъ Духа Святаго. Но высокія качества ума и сердца святителя не только не избавили его отъ клеветы и зависти, но и еще болѣе вооружили противъ него эти темныя силы поборниковъ тьмы.

Александромъ особенно былъ не доволенъ александрійскій пресвитеръ Арій, который прежде самъ надѣялся получить архіепископство въ Александріи, а теперь видѣлъ въ новопоставленномъ святителѣ своего счастливаго соперника, поэтому всѣми средствами старался вредить ему. Но жизнь Александра была настолько безпорочна и добродѣтельна, что въ ней ничего нельзя было найти предосудительнаго. И вотъ, чтобы подорвать авторитетъ ненавистнаго ему святителя, Арій стремится заподозрить православіе его ученія, оклеветать чистоту его вѣры.

Обстоятельства, при которыхъ обнаружилась вражда Арія къ Александру, были таковы: Александръ, строго слѣдуя ученію св. писанія и преданію своихъ благочестивыхъ предшественниковъ (Діонисія, Петра, Ахилла), нерѣдко богословствовалъ въ присутствіи подвластныхъ ему пресвитеровъ и другихъ клириковъ о Святой Троицѣ,

разсуждая, какъ замѣчаетъ церк. историкъ Сократъ, философски, что Святая Троица есть въ Троицѣ единица. Очевидно было, что святитель признавалъ единосущіе всѣхъ лицъ Св. Троицы и слѣдовательно единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. Но Арій вслухъ всѣхъ объявилъ своего пастыря послѣдователемъ Савеллія *) и при этомъ съ ловкостію діалектика сталъ развивать свою богохульную мысль, что Сынъ Божій есть твореніе Божіе. (Церк. ист. Сократа кн. 1, гл. 5).

Свое лжеученіе Арій высказывалъ не одинъ разъ. Нѣкоторые недоумѣвали и открыто выражали неудовольствіе, зачѣмъ Александръ, вопреки долгу, терпитъ нововведеніе въ догматѣ. Тогда кроткій святитель, по прежнему не желая, чтобы въ святомъ дѣлѣ имѣло мѣсто принужденіе, повелѣлъ пресвитерамъ вразумить Арія путемъ свободнаго разсужденія. Но увѣщанія пресвитеровъ оставались безплодны: Арій продолжалъ волновать своею ересью общество и пріобрѣтать себѣ новыхъ послѣдователей. Наконецъ противъ него съ словомъ устнаго и письменнаго обличенія выступилъ самъ Александръ. Надменный еретикъ оставался глухъ и къ словамъ епископа. Мало того: ободренный тѣмъ, что на его сторонѣ нашлось нѣсколько епископовъ, Арій сталъ открыто выражать свою надменную непріязнь къ Александру. Послѣ этого святителю оставалось только употребить рѣшительныя мѣры. Св. Александръ созвалъ соборъ (около 320 г.), на которомъ богохульное ученіе Арія осуждено, а самъ онъ и его сообщники отлучены отъ церкви; на дру-

*) Савеллій всѣ три лица Божества сливалъ въ одной Упостаси Отца и почиталъ лица Пресвятой Троицы лишь различными ея именами или проявленіями.

гомъ новомъ многочисленномъ соборѣ (состоявшемъ изъ 100 епископовъ) подтверждено было прежнее соборное опредѣленіе относительно всѣхъ послѣдователей Арія. Казалось послѣ этого, что богохульныя уста еретика смолкнутъ, и онъ оставитъ свое лжеученіе. Но не такъ оказалось на самомъ дѣлѣ. Арій не дремалъ. Хитрый и ловкій еретикъ, подъ видомъ угнетеннаго, пріобрѣлъ дружбу многихъ вліятельныхъ епископовъ (напр. близкаго ко двору Евсевія, епископа никомидійскаго и др.) и мѣстное волненіе разширилъ до размѣровъ вселенскаго спора. Св. Александръ думалъ-было сначала разъяснить вопросъ окружными посланіями къ епископамъ нѣкоторыхъ церквей. Но дѣло зашло такъ далеко, что оно могло быть рѣшено только всею церковью. Тогда, по повелѣнію императора Константина, былъ созванъ Вселенскій (первый) соборъ въ Никеѣ (въ 325 г.), на которомъ Александръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ (На этомъ соборѣ ересь Арія осуждена и самъ онъ былъ подвергнутъ отлученію). Спустя около года послѣ этого собора, пастырь Христовъ, отягченный лѣтами и заботами, скончался.—2 апрѣля 326 года (Ученіе объ Отцахъ церкви Филарета, арх. черн., т. 2, § 100. Душеполез. чтеніе 1870 года, мартъ, въ приложеніи).

Муч. Наннъ или Іоаннъ солунскій пострадалъ въ 1802 г. въ Смирнѣ.—Мателикійская икона Божіей Матери явилась въ 991 году (Мѣсяц. Вост. А. Сергія, т. 2, стр. 142).

30-е число.

Пр. Исаакія исповѣдника, игумена обители далматскія.

(Муч. Наталія. Мучч. Романа и Телетія. Муч. Евпла).

ПР. ИСААКІЯ ИСПОВѢДНИКА.

Пр. Исаакій Далматскій жилъ въ 4 вѣкѣ,—во время аріанскихъ смутъ и волненій. Осужденные на Никейскомъ соборѣ еретики не только не переставали подрывать основы православной вѣры, но, находя себѣ сильныхъ покровителей въ лицѣ царей и вельможъ, становились все смѣлѣе и самонадѣяннѣе. Дерзость ихъ доходила даже до того, что они стремились возвести свое неправомысліе на степень господствующаго религіознаго воззрѣнія всего православнаго востока. Такъ въ особенности было при аріанинѣ императорѣ Валентѣ (364 - 378). Въ это время на православныхъ было воздвигнуто положительно гоненіе: ихъ церкви отнимались и отдавались аріанамъ, или же обращались въ кладовыя для хлѣба, и даже вовсе закрывались. Исповѣдники православія лишались имущества, свободы и часто самой жизни. Что оставалось дѣлать въ это злополучное время православнымъ? Они молились, терпѣли и ожидали помощи отъ Господа, Который обѣщалъ никогда не оставлять вѣрныхъ Своихъ, и предрекъ, что врата адовы не одолѣютъ

Его церкви. И твердое упованіе на Господа не посрамило вѣрующихъ. Въ это время на защиту православной церкви явились такіе знаменитые вселенскіе учители, какъ Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и другіе. Къ сонму этихъ же доблестныхъ защитниковъ православной вѣры нужно присоединить еще мужа, который не славился ни образованіемъ, ни краснорѣчіемъ, жилъ въ пустынѣ и не видалъ ни Аѳинъ, ни Александріи—главныхъ центровъ тогдашней образованности; этотъ мужъ скромный пустынникъ—инокъ Исаакій. Онъ содѣйствовалъ торжеству православія не менѣе самыхъ знаменитыхъ учителей вселенскихъ. Пустынолюбивый старецъ, любившій свое уединеніе болѣе всѣхъ сокровищъ міра, какъ только коснулось дѣло блага церкви, не задумывается оставить свою отшельническую пристань и выйти на позорище міра съ словами увѣщанія и обличенія, предъ лице самаго грознаго гонителя—царя.

Царь Валентъ въ то время предпринималъ походъ противъ варваровъ—Готѳовъ, двинувшихся изъ-за Дуная на Восточную имперію и направлявшихся къ ея столицѣ, Царьграду. Валентъ былъ окруженъ блестящею свитою и многочисленнымъ войскомъ. И вотъ на пути къ варварамъ, онъ видитъ престарѣлаго пустынника, въ бѣдной одеждѣ, который останавливаетъ его и громко говоритъ: „Государь! прикажи отворить церкви православныя, и Господь добрѣ устроитъ тогда путь твой передъ тобою". То былъ голосъ Исаакія, ревнителя истины. Но Валентъ не обратилъ на него никакого вниманія; Исаакія оттолкнули, и царь спокойно продолжалъ свой путь. На другой день, опередивъ царя на пути, преподобный снова предсталъ ему и опять сказалъ: „Государь! открой церкви правовѣрнымъ,—и война будетъ для тебя благополучна:

ты побѣдишь враговъ и возвратишься съ миромъ въ свою столицу". На этотъ разъ слова св. мужа, казалось, подѣйствовали на сердце Валента: онъ раздумался, остановился и обратился къ своимъ приближеннымъ за совѣтомъ. Но сопровождавшій царя военачальникъ и прочіе приближенные, сами аріане, замѣтивъ въ государѣ наклонность къ снисхожденію и уступкамъ въ пользу православныхъ, поспѣшили подавить возраждающееся въ немъ доброе чувство,—уговорили его не слушать „какого-то монаха" и прогнать его съ безчестіемъ. Несчастный и малодушный царь послушался пагубнаго совѣта и приказалъ удалить блаженнаго старца съ побоями и позоромъ. Но ревность къ православію побудила его приступить къ новому опыту вразумить императора. На слѣдующій день св. старецъ опять остановилъ царя на пути, схвативъ за узду его коня, и снова началъ умолять и увѣщавать, чтобы онъ отворилъ православнымъ храмы. На этотъ разъ Исаакій уже не обѣщалъ ему побѣды, а грозилъ гнѣвомъ Божіимъ. Но напрасно! Подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ Валентъ еще болѣе раздражается противъ св. старца. Дорога, по которой ѣхалъ царь, имѣла съ одной стороны глубокій оврагъ съ росшимъ въ немъ колючимъ терновникомъ, а въ глубинѣ оврага было такое топкое болото, что даже звѣрь, попавшій туда, непремѣнно погибалъ; въ это-то мѣсто и приказалъ Валентъ бросить преподобнаго.

Такъ безчеловѣчно освободясь отъ докучливаго обличителя и просителя, Валентъ сталъ продолжать путь свой и думалъ, что теперь онъ уже болѣе не увидитъ Исаакія. И дѣйствительно, угодникъ Божій погибъ бы непремѣнно, но его спасла рука Провидѣнія. Къ Исаакію, когда онъ находился въ болотѣ, явились три свѣ-

тоносныхъ мужа, извлекли старца здоровымъ и невредимымъ на сушу и сами сдѣлались невидимыми. Исаакій уразумѣлъ, что Господь послалъ ему Своихъ ангеловъ; старецъ палъ на колѣна и возблагодарилъ Бога, спасающаго Своихъ вѣрныхъ рабовъ; затѣмъ, опередивъ царя и войско окольною дорогою, снова вышелъ къ Валенту на встрѣчу. „Смотри, началъ говорить ему св. исповѣдникъ, Господь Іисусъ Христосъ опять даровалъ мнѣ жизнь, которую ты хотѣлъ отнять, бросивши меня въ болото. Еще разъ умоляю тебя, отвори церкви православнымъ; будь увѣренъ, что, если это сдѣлаешь, возвратишься побѣдителемъ“. Это нечаянное появленіе святаго, какъ бы вышедшаго изъ гроба, и эта новая твердость благочестиваго старца до того поразили императора, что онъ нѣсколько времени не могъ произнести ни слова. Наконецъ, оправившись отъ смущенія, онъ спросилъ старца: „что же будетъ, если я не отворю вашихъ церквей?“—„Тогда, отвѣчалъ Исаакій, знай, что, если ты возвратишься цѣлымъ съ поля битвы, то не Господь говорилъ тебѣ устами моими! ты не возвратишься, а побѣжишь отъ враговъ, будешь искать мѣста, гдѣ бы сокрыться отъ нихъ, сокроешься въ малой хижинѣ, и они сожгутъ тебя въ ней“. Но и грозное пророчество не пробудило совѣсти ожесточеннаго Валента. Подозвавъ двухъ вельможъ, Сатурнина и Виктора, и предавая имъ Исаакія, онъ сказалъ: „возьмите этого лживаго старика, свяжите его и держите дотолѣ, пока я, возвратившись съ побѣдою, не воздамъ ему должнаго наказанія за его дерзость“. Преподобный, повторивъ еще разъ свое пророчество, былъ отведенъ въ темницу.

Между тѣмъ Валентъ съ гордою самоувѣренностію поспѣшалъ идти противъ враговъ. Не желая ни съ кѣмъ

дѣлить ожидаемой побѣды, онъ не хотѣлъ подождать своего племянника, юнаго героя, римскаго императора Граціана, который шелъ къ нему на помощь. Предсказаніе св. Исаакія исполнилось съ ужасною точностію. Греки мужественно бились со врагами, бились долго, но не устояли: многіе пали, а другіе, въ томъ числѣ и самъ раненый Валентъ, обратились въ бѣгство. Варвары гнались за ними и рубили ихъ безъ пощады. Самъ царь едва ускакалъ отъ нихъ съ небольшимъ числомъ своихъ тѣлохранителей и скрылся въ одной хижинѣ, гдѣ были мякина и солома. Но здѣсь онъ былъ окруженъ варварами, которые, не зная, что въ хижинѣ скрывается самъ царь, обложили ее огнемъ и безжалостно сожгли въ ней несчастнаго Валента вмѣстѣ съ его спутниками. Нѣкоторые изъ греческихъ воиновъ, бѣжавшихъ съ поля битвы, не знали еще о смерти Валента; они пришли къ Исаакію и, желая искусить преподобнаго, сказали: „вотъ царь возвращается сюда съ побѣдою,—готовься къ отвѣту". Прозорливый старецъ отвѣчалъ имъ: „вотъ уже семь дней прошло, какъ я обонялъ смрадъ сожигаемыхъ костей его; онъ сожженъ, какъ я предсказалъ ему". Слышавшіе это пришли въ ужасъ и недоумѣніе. Чрезъ нѣсколько дней истина словъ преподобнаго вполнѣ подтвердилась, и Исаакій съ почетомъ былъ освобожденъ изъ темницы, какъ истинный пророкъ Божій.

По паденіи покровителя аріанъ—Валента, послѣдовало пораженіе и самаго аріанства. Граціанъ былъ вѣрнымъ сыномъ православной церкви: онъ освободилъ изъ заточенія всѣхъ изгнанныхъ Валентомъ за правовѣріе, возвратилъ православнымъ ихъ храмы. Еще болѣе потерпѣло пораженіе аріанство, когда Граціанъ избралъ на престолъ восточной имперіи знаменитаго доблестями и благочестіемъ

военачальника Өеодосія, который оказалъ православной церкви незабвенныя услуги. Өеодосій собралъ разсѣянныя толпы греческихъ воиновъ, вдохнулъ въ нихъ мужество и упованіе на помощь Божію; за тѣмъ смѣло устремился на гордыхъ недавнею побѣдою варваровъ, поразилъ ихъ и отбросилъ за Дунай. Побѣдитель съ торжествомъ вошелъ въ Константинополь. Вельможи, Сатурнинъ и Викторъ, не замедлили разсказать царю о преподоб. Исаакіи, — о его мужествѣ и пророчествѣ относительно судьбы Валента. Царь пригласилъ къ себѣ Исаакія, поклонился ему до земли, какъ угоднику Божію, и просилъ у него молитвъ о себѣ и своемъ царствѣ. Исаакій благословилъ царя и просилъ его водворить миръ въ церкви. Өеодосій старался исполнить желаніе старца: этотъ царь преслѣдовалъ аріанство, покровительствовалъ православію и такимъ образомъ возвращалъ миръ церкви; при немъ наступило торжество православія.

Исаакій, исполнивъ свое дѣло, на которое былъ призванъ, хотѣлъ снова возвратиться въ пустыню. Но Сатурнинъ и Викторъ, наперерывъ предлагая ему свое гостепріимство, просили его не отлучаться изъ столицы и по прежнему помогать Христовой церкви. Преподобный обѣщался остаться у того изъ нихъ, кто прежде построитъ ему обитель. У Сатурнина было за городомъ одно прекрасное мѣсто, удобное для иноческой жизни; тамъ онъ и устроилъ обитель св. Исаакію. Скоро къ преподобному стали стекаться искавшіе душевнаго спасенія, — и изъ уединенной обители образовался обширный монастырь. Преподобный былъ въ немъ игуменомъ и наставникомъ иноковъ, и полезнымъ учителемъ мірскихъ людей. „Слово Исаакія, говоритъ писатель житія его, — яко свѣща горящая, и Духъ Божій почиваше на немъ, и благодать

небесная того осіяваше". Самъ императоръ Ѳеодосій нерѣдко посѣщалъ преподобнаго, и охотно слушалъ его наставленія. Между добродѣтелями Исаакія особенно выдавалось его милосердіе къ бѣднымъ, для которыхъ онъ не щадилъ ничего. Достигши глубокой старости, преподобный назначилъ вмѣсто себя игуменомъ благочестиваго инока Долмата, отъ котораго и монастырь впослѣдствіи сталъ называться Долматовымъ, или Долматскимъ. Исаакій скончался въ 383 г. Св. мощи его сперва были положены въ церкви св. Стефана, сосѣдней съ Долматскимъ монастыремъ, а потомъ перенесены въ храмъ всѣхъ святыхъ (Четьи-Минеи).

Въ честь пр. Исаакія долматскаго, на память рожденія императора Петра 1 (родился 30 мая 1672 г.), въ С.-Петербургѣ устроенъ великолѣпный соборъ. Начало построенія этого храма относится ко временамъ Петра Великаго. Въ 1710 г. имъ начата была постройка временной церкви св. Исаакія на адмиралтейскомъ лугу. Въ 1717 г. приступлено было къ закладкѣ новой Исаакіевской церкви, уже каменной, и на лучшемъ мѣстѣ, на берегу Невы, на пространствѣ между нынѣшнимъ зданіемъ Сената и Адмиралтействомъ, гдѣ нынѣ памятникъ Петру I. Затѣмъ впродолженіе столѣтія, храмъ этотъ подвергался не однократной перестройкѣ. Планъ на нынѣ существующій храмъ составленъ былъ въ 1817 г. по Высочайшему повелѣнію, и съ 1819 г. приступлено было къ его постройкѣ. Окончательно устроенъ былъ Исаакіевскій соборъ въ 1858 году, и 30 мая того же года былъ освященъ. Исаакіевскій соборъ — каѳедральный, также какъ и храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ (Опис. Исаак. собора свящ. В. Серафимова).

Муч. Наталій скончался отъ меча. — Мученикъ Романъ и Телетій — отъ меча же въ Никодиміи. — Муч. Евилъ

замученъ въ воловьей кожѣ на палящемъ солнцѣ (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2 стр. 143).

31-е число.

Св. ап. Ерма отъ 70. Муч. Ермія. Св. муч. Философа.

(Муч. Мага. Пяти мучч. въ Аскалонѣ. Мучч. Евсевія и Харалампія).

О св. ап. Ермѣ см. подъ 8 ч. марта.

МУЧ. ЕРМІЯ.

Св. Ермій, старецъ-воинъ, пострадалъ въ царствованіе римскаго императора Антонина (138—161), въ каппадокійскомъ городѣ Команахъ. Прибывшій сюда царскій чиновникъ, Севастіанъ, въ числѣ другихъ христіанъ потребовалъ къ себѣ и Ермія. Напрасны были увѣщанія и угрозы мучителя, чтобы Ермій отрекся отъ Христа и поклонился идоламъ. Ермій отвѣчалъ, что ни какія муки не могутъ заставить его отречься отъ Христовой вѣры. Тогда, по приказанію Севастіана, приступили къ пыткамъ: стали камнемъ разбивать челюсти исповѣдника, выбивать зубы и сдирать съ его лица кожу. Наконецъ измученнаго его бросили въ разженную печь; но св. Ермій, послѣ трехдневнаго пребыванія въ ней, вышелъ изъ нея невредимымъ. Раздраженный Севастіанъ призвалъ волхва и велѣлъ ему умертвить св. мученика отравою. Но св. Ермій съ вѣрою въ Господа выпилъ нѣсколько ядовитаго состава

и остался здоровымъ. Это чудо такъ подѣйствовало на волхва, что онъ тутъ же исповѣдовалъ силу Всемогущаго Бога и объявилъ себя христіаниномъ, за что немедленно былъ усѣченъ мечемъ. Послѣ этого Ермія подвергли новымъ еще болѣе тяжкимъ мученіямъ: у него стали вытягивать жилы изъ тѣла, и послѣ долгихъ истязаній его опустили въ котелъ съ кипящимъ масломъ. Когда же мученикъ и послѣ этого остался живъ и невредимъ, ему влили въ ротъ острый уксусъ, смѣшанный съ желчью, выкололи глаза и повѣсили внизъ головою. Въ такомъ положеніи страдалецъ находился три дня; по прошествіи этого времени, слуги Севастіана нашли его еще живымъ и славящимъ Бога и донесли о томъ мучителю. Севастіанъ, истощившись въ средствахъ поколебать твердость Ермія, порѣшилъ отрубить ему голову. Христіане съ благоговѣніемъ погребли честное его тѣло, которое тутъ же стало источать чудеса (Четьи-Минеи).

СВ. МУЧ. ФИЛОСОФА.

Названіе Философъ не собственное имя мученика. Родомъ онъ былъ изъ Александріи; пострадалъ за Христа въ 3 вѣкѣ, въ царствованіе Декія (249 – 251). Философъ былъ еще юношею, когда язычники схватили его и представили въ судилище, какъ христіанина. Мучители, которые были не въ состояніи уговорить его отречься отъ Христовой вѣры, вздумали надругаться надъ его дѣвственною чистотою. Мученика, связаннаго по рукамъ и ногамъ, положили на мягкое ложе, и блудная женщина, по ихъ приказанію, своимъ прикосновеніемъ должна была возбуждать въ немъ плотскую страсть. Но цѣломудренный юноша погасилъ въ себѣ огнь сладострастія тѣмъ,

что стиснулъ зубами свой языкъ, откусилъ его и выплюнулъ въ лицо искусительницы. Объ этомъ фактѣ повѣствуется въ жизни св. Павла Өивейскаго (Прологъ. Четьи-Минеи въ житіи преп. Павла Өивейскаго, 15 января).

Муч. Магъ—волхвъ, приготовлявшій ядъ Ермію, который не подѣйствовалъ на него; послѣ чего Магъ исповѣдалъ Христа и былъ усѣченъ мечемъ.

Пять мучениковъ страдальчески скончались въ Аскалонѣ, влачимые по землѣ.

Мучч. Евсевій и Харалампій скончались въ Никомидіи, будучи брошены въ огонь (Мѣсяц. Вост. А. Сергія, т. 2 стр. 144).

Алфавитный указатель именъ святыхъ за мѣсяцъ май.

Имена святыхъ, жизнь которыхъ въ книгѣ не изложена, отмѣчены звѣздочками.

А.

Б.

В.

Г.

Ж.

З.

И.

І.

М.

Н.

О.

П.

Т.

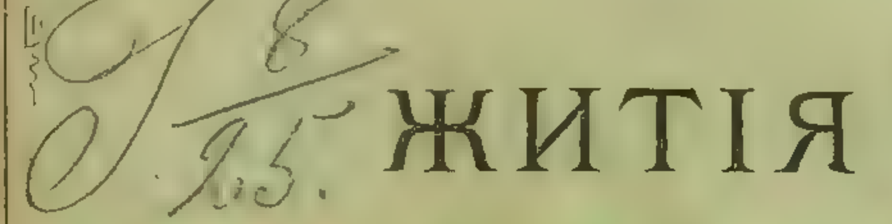
Ф.

Х.

Ш.

Я.

Ѳ.



ЖИТІЯ
СВЯТЫХЪ

ЧТИМЫХЪ ПРАВОСЛАВНОЮ РОССІЙСКОЮ ЦЕРКОВІЮ

А ТАКЖЕ ЧТИМЫХЪ

ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКОВІЮ,

ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ, ГРУЗИНСКИХЪ

И

МѢСТНО ЧТИМЫХЪ ВЪ РОССІИ.

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

Д. И. Протопоповъ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. И. ПРѢСНОВА.
1885.

ЖИТІЯ

СВЯТЫХЪ

ЧТИМЫХЪ ПРАВОСЛАВНОЮ РОССІЙСКОЮ ЦЕРКОВІЮ,

А ТАКЖЕ ЧТИМЫХЪ

ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКОВІЮ,

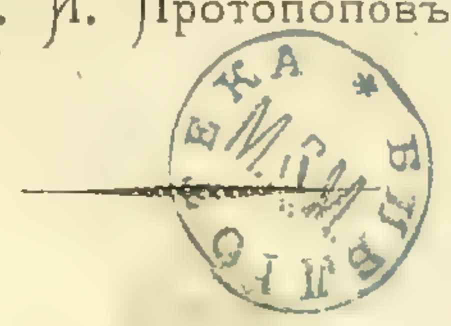
ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ, ГРУЗИНСКИХЪ

И

МѢСТНО-ЧТИМЫХЪ ВЪ РОССІИ.

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

Д. И. Протопоповъ.



МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Д. И. Прѣснова.
1884.

От Московскаго Комитета, для цензуры духовных книг, печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 5 сентября 1883 года.

Цензор Протоіерей ***Михаил Боголюбскій.***

Типографія Ф. Иогансон Покровка, Лялин пер., д. Прѣснова.

МѢСЯЦЪ IЮНЬ.

1-е число.

Св. муч. Iустина философа. Св. муч. Iустина *), Харитона, Хариты, Евелписта, Iеракса, Пеона и Валерiана. Пр. Дiонисiя, игумена Глушицкаго. Пр. Агапита печерскаго, врача безмезднаго.

(Муч. Өирма Муч. Өеспесiя. Муч. Iуста. Муч. Неона. Священномуч. Пирра. Св Метрiя).

СВ. МУЧ. IУСТИНА ФИЛОСОФА.

Св. Iустинъ родился вначалѣ втораго вѣка, въ Неаполѣ, древнемъ городѣ Самарiи, который въ св. писанiи извѣстенъ подъ именемъ Сихаря или Сихема. Неаполь, подобно другимъ палестинскимъ городамъ, былъ заселенъ греческими и римскими колонистами; отъ одного изъ семействъ, принадлежавшихъ къ греческой колонiи, происходилъ и св. Iустинъ. Отецъ его назывался Прискомъ, дѣдъ—Вакхiемъ. Отъ родителей Iустинъ получилъ значительное наслѣдство, которое впослѣдствiи позволило ему предпринять далекiя путешествiя для своего образованiя.

---

*) Тотъ-же Iустинъ философъ, но съ дружиною. (Мѣсяц. Вост. арх. Сергiя т. 1).

Іустинъ былъ вполнѣ человѣкъ своего времени; онъ испыталъ всѣ его заблужденія и страданія. Свободный отъ всякой нечистой примѣси, въ своей личности, въ своемъ нравственномъ образѣ, онъ представляетъ его лучшія стремленія. Безотрадная пустота, вслѣдствіе всеобщаго паденія религіозныхъ вѣрованій, безпокойная тоска, горячая жажда утраченной истины, — всѣ эти характеристическія черты того времени отразились вполнѣ на молодомъ грекѣ, строгая и страстная душа котораго презрѣла всѣ суетныя развлеченія и приманки тогдашней блестящей и испорченной жизни. Ни римскій форумъ, съ его, впрочемъ, потерявшими уже смыслъ треволненіями, ни военные лавры, ни придворный блескъ, — ничто его не интересовало. Съ раннихъ лѣтъ онъ надѣлъ философскую мантію и поставилъ себѣ цѣлію — исканіе истины, разрѣшеніе вопроса о Богѣ и послѣдней судьбѣ человѣка. Въ этотъ вѣкъ всѣ древнія философскія школы имѣли своихъ представителей, и можно было въ нѣсколько лѣтъ пройти длинный путь, который въ теченіи цѣлыхъ столѣтій проложила человѣческая мысль. Безпрерывно и неустанно продолжаетъ Іустинъ свое странствованіе, которое, однако, внѣ христіанства не приводитъ его ни къ какой цѣли. Съ краснорѣчивой простотой изображаетъ онъ это время своей жизни, когда каждый новый опытъ готовилъ ему новое разочарованіе. — Язычество въ тогдашнемъ состояніи своего распаденія — съ своими, потерявшими смыслъ, миѳами, съ безнравственными обрядами богопочтенія и мистеріями, — не могло удовлетворить жаждѣ познанія Божественнаго. Іустинъ обратился къ философіи, и здѣсь онъ переходилъ отъ одной системы къ другой. Сначала онъ обратился къ одному стоику; пробывши у него доволь-

по времени, онъ убѣдился, что у него нисколько не пріумножилось познаніе о Богѣ. Учитель—стоикъ не только самъ не имѣлъ познанія о Богѣ, но и не почиталъ Его за необходимый предметъ философскаго изслѣдованія. Іустинъ перешелъ къ перипатетику; но этотъ на первыхъ же порахъ прямо объявилъ, что ему нужны деньги и потребовалъ назначить плату, „чтобы собесѣдованіе не было безполезно". Ни что не могло скорѣе, чѣмъ это, охладить человѣка, такъ пламенно искавшаго удовлетворенія высшихъ потребностей духа, и отдалить отъ подобнаго учителя. Разрывъ послѣдовалъ тотчасъ. Въ то время древняя пиѳагорейская школа пользовалась особеннымъ уваженіемъ, благодаря своей мистикѣ. Іустинъ сдѣлалъ попытку и здѣсь, онъ обратился къ пиѳагорейцу. Этотъ философъ тотчасъ спросилъ Іустина, знаетъ ли онъ музыку, астрономію и геометрію, которыя въ школахъ Пиѳагора почитались необходимыми, приготовительными къ философіи, науками,—и распространился похвалами имъ, какъ такимъ, которыя отвлекаютъ душу отъ чувственнаго и дѣлаютъ ее способною къ воспріятію духовнаго, къ созерцанію красоты и добра. Іустинъ сознался въ своемъ не знаніи тѣхъ наукъ и не былъ принятъ въ число учениковъ. Среди отчаянія въ возможности удовлетворить своей жаждѣ знанія, Іустинъ вспомнилъ о платоникахъ, бывшихъ также въ великомъ почтеніи. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ между ними только—что прибылъ въ мѣстопребываніе Іустина. Бесѣда съ нимъ, повидимому, удовлетворила Іустина: успѣхи его въ философіи возрастали съ каждымъ днемъ. „Сильно восхищало меня Платоново ученье о Безтѣлесномъ и ученіе объ идеяхъ придавало крылья моей мысли, говоритъ Іустинъ,—въ скоромъ времени, казалось,

я сдѣлаюсь мудрецомъ, и въ своемъ безразсудствѣ надѣялся скоро созерцать Самаго Бога — этой конечной цѣли Платоновой философіи". Лицезрѣніе Божіе — это конечная цѣль христіанина. Іустинъ былъ при дверяхъ христіанской истины. Онъ имѣлъ уже предчувствіе этой истины. Въ своей второй апологіи онъ разсказываетъ о глубокомъ впечатлѣніи, которое произвело на него зрѣлище христіанскаго мученичества. „Когда я еще услаждался ученіемъ Платона, то слышалъ, какъ обвиняютъ христіанъ, но видя, какъ они безстрашно встрѣчаютъ смерть и все, что считается страшнымъ, почелъ невозможнымъ, чтобы они были преданы пороку и распутству". Такъ тихо, незамѣтно—готово было совершиться то, что положило конецъ безконечному, повидимому, исканію и послужило началомъ окончательнаго успокоенія его души.

„Однажды, когда разсудилось мнѣ предаться глубокому покою и удалиться отъ всякаго слѣда человѣческаго, — такъ разсказываетъ Іустинъ объ этомъ замѣчательномъ моментѣ своей жизни,—я отправился въ одно мѣсто не подалеку отъ моря. Когда я приближался къ тому мѣсту, гдѣ я хотѣлъ остаться на-единѣ съ самимъ собою, представился древній старецъ, почтенный видомъ, съ пріятной и важной осанкой, который слѣдовалъ за мною въ недалекомъ разстояніи. Обратившись къ нему, я остановился и пристально посмотрѣлъ на него. „Ты знаешь меня?" спросилъ онъ. —„Нѣтъ"—сказалъ я. „Что же такъ смотришь на меня?"—сказалъ онъ мнѣ. — „Удивляюсь,—отвѣчалъ я,—что ты встрѣтился здѣсь со мною: я не ожидалъ увидѣть здѣсь кого-либо изъ людей". — „Я безпокоюсь,—отвѣчалъ онъ,—о нѣкоторыхъ изъ моихъ домашнихъ: они отлучились, и я

прихожу сюда смотрѣть ихъ, не покажутся ли оттуда. А ты зачѣмъ здѣсь?" — „Я люблю, — сказалъ я, — такія прогулки, гдѣ ничто не развлекаетъ ума, и я могу бесѣдовать съ самимъ собою, не опасаясь перерыва: эти мѣста удобны для умственныхъ занятій". — „Такъ ты любитель умствованій, — сказалъ онъ, — а не дѣла и истины и не стараешься быть болѣе дѣятельнымъ мудрецомъ, а не софистомъ!" Послѣ этого старецъ сталъ доказывать несостоятельность Платоновой философіи въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ. Онъ сначала обратилъ вниманіе философа на то, что знаніе о Богѣ отлично отъ знанія музыки, ариѳметики, астрономіи, медицины, такъ какъ всѣ эти знанія пріобрѣтаются путемъ изученія, а знаніе Бога — чрезъ непосредственное созерцаніе или посредственно чрезъ свидѣтельство другихъ. Затѣмъ старецъ коснулся Платонова ученія о переселеніи душъ и доказалъ несостоятельность этого ученія. Ученіе Платона о безсмертіи человѣческаго духа также не основательно, такъ какъ почитаетъ это безсмертіе безусловнымъ, имѣющимъ основаніе въ самомъ существѣ души. Такъ, шагъ за шагомъ доказалъ старецъ Іустину безсиліе философіи въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ и необходимость для пріобрѣтенія душевнаго мира и спасенія инаго руководства. „Какому же учителю можно довѣриться, откуда ожидать помощи, если у философовъ нѣтъ истины?" — съ скорбнымъ чувствомъ разочарованія воскликнулъ Іустинъ. Старецъ воспользовался этой минутой и указалъ искателю мудрости на несомнѣнный источникъ истины. „Во времена отдаленныя отъ насъ, — сказалъ онъ, — жили люди, называемые пророками: они говорили Духомъ Святымъ и предсказали будущее, что нынѣ и сбывается. И они одни видѣли и возвѣстили

людямъ истину; не зная страха ни предъ кѣмъ, они говорили только то, что слышали и видѣли, когда были исполнены Св. Духа. Писанія ихъ существуютъ и донынѣ, и кто читаетъ ихъ, получаетъ много пользы для познанія начала и конца вещей и всего, что должно знать философу, если только вѣруетъ имъ......“ „Но ты прежде всего, — заключилъ старецъ, — молись, чтобы отверзлись для тебя двери свѣта: этого никто не можетъ видѣть или постигнуть, если ему не дадутъ разумѣнія Богъ и Его Христосъ“. Послѣ этого старецъ удалился съ наставленіемъ Іустину подумать о сказанномъ. Бесѣда старца оставила въ душѣ философа неизгладимое впечатлѣніе: какъ будто пелена спала съ его глазъ, и ему вдругъ открылся свѣтъ Божій. „Въ сердцѣ моемъ возгорѣлся огонь и меня объяла любовь къ пророкамъ и къ тѣмъ мужамъ, которые суть други Христовы“, — такъ передаетъ Іустинъ свои первыя чувства послѣ знаменательной для него бесѣды *).

Углубленіе Іустина въ пророческія писанія, проникнутыя единствомъ и предвѣденіемъ будущаго, — обращеніе съ „другами“ Христа, уяснившими и подтвердившими высокія чаянія души Іустина, а преимущественно величіе и сладость слова Христова способствовали об-

*) Неизвѣстно, кто былъ христіанскій старецъ: нѣкоторые изъ древнихъ (Евсевій и Фотій) полагали, что это былъ одинъ изъ апостольскихъ мужей, а новѣйшіе ученые видѣли въ немъ св. Поликарпа. Но кто бы онъ не былъ, несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ высокообразованныхъ и созрѣвшихъ въ духовной жизни христіанъ того времени; равнымъ образомъ неизвѣстно точно и мѣсто, гдѣ происходила самая бесѣда, — вѣроятно только не въ Неаполѣ—Самаріи, а въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, гдѣ занимался философіею Іустинъ.

ращенію Іустина въ христіанство. Онъ былъ крещенъ, по мнѣнію однихъ, въ 133 году, а по мнѣнію другихъ— въ 137 году; вообще же нужно относить крещеніе его къ 4-му десятилѣтію втораго вѣка.

Съ принятіемъ христіанства для Іустина открылось обширное поприще дѣятельности. Послѣ долгихъ исканій, нашедши въ христіанствѣ источникъ мира душевнаго, Іустинъ, по естественному сочувствію къ братьямъ — людямъ, посвятилъ всѣ силы и познанія свои на то, чтобы и другимъ сдѣлать извѣстнымъ и доступнымъ ученіе Христа. „Мнѣ хотѣлось, — говоритъ онъ, —чтобы и всѣ мыслили одинаково со мною и не отвращались ученія Спасителя, ибо оно доставляетъ сладостнѣйшее успокоеніе для занимающихся имъ". Подобнымъ образомъ Іустинъ во многихъ мѣстахъ своихъ апологій высказываетъ, что онъ былъ бы виновенъ въ невѣдѣніи язычниковъ и въ ихъ преступленіяхъ, если бы онъ не старался всѣми средствами разсѣять ихъ невѣжество и предубѣжденія. Въ тоже время Іустинъ не переставалъ уважать и философію: подобно другимъ христіанамъ того времени, онъ и послѣ крещенія своего не сбросилъ философской мантіи, — не потому, конечно, чтобы хотѣлъ укрыться чрезъ это отъ поношенія, которому подвергались ученики Евангелія, но потому, что философская мантія, какъ одежда мудрецовъ, возбуждала вниманіе и облегчала другимъ доступъ къ Іустину для религіозныхъ собесѣдованій. Такъ, по внѣшнему виду грекъ, по убѣжденію и дѣятельности пламенный христіанинъ, Іустинъ странствовалъ съ Востока на Западъ по всему римскому государству, для распространенія христіанства. Такъ, мы видимъ его въ Ефесѣ, гдѣ онъ имѣлъ богословскій разговоръ съ іудеемъ Трифономъ и его единовѣрцами. Въ

Римѣ онъ былъ два раза и на значительное время; здѣсь онъ основалъ христіанское училище, можетъ быть, для образованія служителей церкви. Однимъ изъ учениковъ его былъ Татіанъ, и восторженное уваженіе, съ какимъ онъ относился къ Іустину послѣ его смерти, свидѣтельствуетъ о привлекательности и силѣ личнаго вліянія учителя.—Но главная задача дѣятельности Іустина состояла въ защитѣ христіанства, которую онъ велъ устно и письменно противъ враговъ церкви—іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ. Іудеи ревностно распространяли клеветы о безнравственности и нечестіи христіанъ, поджигали языческую чернь и, при возможности, подымали открытое гоненіе противъ нихъ. Іустинъ старался показать имъ безразсудство ихъ поведенія въ отношеніи къ христіанамъ; такова была его бесѣда съ Трифономъ іудеемъ, изложенная потомъ письменно. Болѣе сильными врагами христіанства были язычники съ ихъ ложными предубѣжденіями противъ христіанства. Іустинъ въ самомъ Римѣ безбоязненно вступалъ въ публичныя состязанія о вѣрѣ и опровергалъ клеветы и насмѣшки противъ христіанства людей невѣрующихъ: изъ нихъ извѣстенъ философъ цинической школы Кресцентъ, безнравственность и невѣжество котораго Іустинъ не разъ обличалъ предъ народомъ. Слово защиты онъ простеръ даже къ престолу кесарей и подалъ имъ двѣ апологіи за христіанъ. Наконецъ, Іустинъ дѣйствовалъ противъ еретиковъ—гностиковъ, которые не только вносили раздѣленіе въ церковь, но внушали и язычникамъ предубѣжденіе къ христіанамъ безнравственностью своихъ последователей. Въ опроверженіе еретиковъ Іустинъ написалъ сочиненіе противъ всѣхъ ересей, до него бывшихъ.

Такая ревностная дѣятельность Іустина въ борьбѣ

съ врагами христіанства стоила ему жизни. Онъ самъ это предвидѣлъ и писалъ во 2-й своей апологіи: „я ожидаю, что буду пойманъ въ сѣти кѣмъ-либо изъ тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ и повѣшенъ на древѣ, даже можетъ быть Кресцентомъ“. Дѣйствительно, когда Іустинъ во второй разъ прибылъ въ Римъ, гдѣ ревностно подвизался въ проповѣданіи истины, его, можетъ быть, вслѣдствіе доноса Кресцента, схватили и посадили въ тюрьму. Отсюда съ пятью другими исповѣдниками (Харитономъ, Эвелпистомъ, Іераксомъ, Пеономъ и Валеріаномъ) онъ представленъ былъ для допроса къ городскому префекту Рустику. Когда послѣдній спросилъ Іустина объ его убѣжденіяхъ, то онъ отвѣчалъ: „я пытался познакомиться со всѣми философскими ученіями, но наконецъ склонился къ истинному ученію христіанъ, хотя оно не пользуется одобреніемъ людей, зараженныхъ ложными мнѣніями“. Когда потребовали у Іустина изложить это ученіе, онъ въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, изложилъ свою вѣру въ Бога, Творца неба и земли и Его Сына, Учителя истины и Вѣстника спасенія, присовокупивъ при этомъ, что онъ, какъ человѣкъ, не можетъ удовлетворительно говорить о безконечномъ божествѣ Его..... — „Такъ ты христіанинъ?“— спросилъ префектъ. „Да, христіанинъ“, — былъ рѣшительный отвѣтъ Іустина. Послѣ того, какъ и другіе товарищи его исповѣдали себя христіанами, префектъ опять обратился къ Іустину съ насмѣшливыми словами.— „Послушай ты, который называешься ученымъ и думаешь, что знаешь истинное ученіе,—если послѣ бичеванія тебѣ отсѣкутъ голову, увѣренъ ли ты, что взойдешь на небо?“—„Да, я надѣюсь, — отвѣчалъ Іустинъ,— получить этотъ даръ, если претерплю все это“.—„Такъ

ты думаешь, что взойдешь на небо и получишь тамъ награду?—спросилъ Рустикъ снова.—„Не думаю только, но знаю, и вполнѣ увѣренъ въ томъ", — съ твердостію отвѣчалъ Іустинъ. Этого было довольно для Рустика. Онъ приказалъ подсудимымъ принести вмѣстѣ жертву богамъ; на отказъ ихъ онъ отвѣчалъ угрозою нещадно наказать ихъ. „Наше пламенное желаніе,—сказалъ Іустинъ, — пострадать за Господа нашего Іисуса Христа, ибо это даруетъ намъ спасеніе на страшномъ судѣ нашего Владыки и Спасителя, предъ Которымъ предстанетъ весь міръ. Тогда послѣдовалъ приговоръ: за отказъ ихъ принести жертву богамъ и неповиновеніе приказу самодержца бить ихъ и отсѣчь головы. Такъ Іустинъ „увѣнчалъ святую жизнь святымъ мученичествомъ". Время его кончины падаетъ на совмѣстное царствованіе Марка Аврелія и Люція Вера (161 — 169); александрійская хроника свидѣтельствуетъ, что Іустинъ скончался въ 166 году по Р. Христовѣ. Мощи его находятся въ Римѣ въ церкви Зачатія Божіей Матери, въ монастырѣ капуциновъ.

Изъ сочиненій Іустина Философа извѣстны и достойны вниманія три: двѣ апологіи за христіанство—большая и малая—и разговоръ съ Трифономъ іудеемъ. Первая и большая апологія относится къ царствованію императора Антонина Благочестиваго (138—161). Поводомъ къ ея написанію были казни, которымъ подвергались христіане безъ всякой вины, за одно имя христіанъ. Такія гоненія не разъ случались во время Іустина; онъ самъ, еще до обращенія въ христіанство, бывалъ свидѣтелемъ истязаній и казней надъ исповѣдниками Христа, и тогда зрѣлище мужественныхъ, но невинныхъ страдальцевъ тронуло душу Іустина и склонило въ пользу христіанства.

По переходѣ въ христіанство, онъ съ безстрашіемъ и ревностью сталъ за невинно-гонимое общество христіанъ, и въ бытность свою въ Римѣ онъ написалъ первую свою апологію, съ цѣлію показать несправедливость суда и преслѣдованія христіанъ за одно имя. Содержаніе этой апологетъ раздѣляется на три главныя части. Въ первой апологіи показываетъ несправедливость суда и гоненій на христіанъ за одно имя „христіанинъ" безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія. Противъ этого Іустинъ говоритъ, что одно имя не представляетъ разумнаго основанія ни къ одобренію, ни къ осужденію, что справедливость требуетъ изслѣдовать поступки обвиняемаго и по нимъ судить. Три главныя обвиненія были взносимы на христіанъ во мнѣніи язычниковъ: ихъ называли безбожниками, возмутителями общественнаго спокойствія и порядка и людьми крайне нечестивыми. На первое обвиненіе философъ отвѣчаетъ: „признаемся, что мы безбожники въ отношеніи къ мнимымъ богамъ, но не въ отношеніи къ Истинному Богу, Котораго мы чтимъ благоговѣйнымъ поклоненіемъ, а также и Его Сына, пришедшаго отъ Него и предавшаго это ученіе, а равно и Духъ пророчественный; воздаемъ эту почесть словомъ и истиною, открыто преподавая всякому желающему научиться чему сами научены". На второе обвиненіе Іустинъ говоритъ, что христіане не возмутители общественнаго спокойствія,—они говорятъ о царствѣ, но не земномъ, а о духовномъ, о царствованіи съ Богомъ, — они болѣе всѣхъ содѣйствуютъ общественному спокойствію, ибо по ихъ ученію ни добродѣтельный человѣкъ, ни злодѣй не могутъ укрыться отъ Всевѣдущаго Бога. Обвиненіямъ въ безнравственности Іустинъ противопоставляетъ картину перемѣны, которую ученіе Христово производитъ въ нравахъ людей, увѣровавшихъ во Христа. Во второй части

Іустинъ доказываетъ божественность христіанской вѣры во первыхъ достоинствомъ ученія ея,—для чего приводитъ изреченія Христа Спасителя о любви ко врагамъ, о милосердіи, цѣломудріи и сравниваетъ христіанское ученіе съ философскими ученіями и языческими вѣрованіями съ которыми оно сходно въ нѣкоторыхъ пунктахъ; далѣе, божественность Христа и основанной Имъ религіи онъ подтверждаетъ точнымъ исполненіемъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Наконецъ, въ третьей части, для опроверженія нелѣпыхъ слуховъ о христіанскихъ собраніяхъ, Іустинъ довольно подробно излагаетъ обряды христіанскаго богослуженія и преимущественно образъ совершенія таинствъ крещенія и причащенія. Оканчиваетъ свою апологію Іустинъ просьбою къ правителямъ о правосудіи. Поводомъ къ написанію второй апологіи послужили насмѣшки язычниковъ; видя, что христіане, въ виду самой смерти, тверды въ своемъ исповѣданіи, язычники насмѣшливо спрашивали: почему же христіане сами себя не убиваютъ, чтобы отойдти къ своему Богу? и почему Богъ ихъ попускаетъ мучить Его чтителей? Отвѣтъ на эти возраженія составляетъ главное содержаніе второй Іустиновой апологіи. На первое возраженіе Іустинъ говоритъ, что самоубійство есть преступная смерть и возстаніе противъ закона Божія. А что мы на допросахъ не отрицаемся, то потому, что не сознаемъ за собою ничего худаго, но почитаемъ несчастіемъ не быть во всемъ вѣрными истинѣ, которая угодна Богу. На другое возраженіе апологетъ отвѣчаетъ, что если міръ еще сохраняется, то ради христіанъ, ибо они суть сѣмя его: иначе судный огонь сошелъ-бы и истребилъ все безъ различія; но настанетъ время, когда злымъ духамъ и ихъ послѣдователямъ воздано будетъ наказаніе въ вѣчномъ огнѣ, а хри-

стіане за невинныя страданія будутъ увѣнчаны славою и блаженствомъ... Іустинъ заключаетъ апологію просьбою сдѣлать обычную надпись на ней и обнародовать, „чтобы и другіе знали о нашемъ дѣлѣ и могли освободиться отъ заблужденія и невѣдѣнія объ истинно-добромъ“.

Сочиненіе Іустина — разговоръ съ Трифономъ іудеемъ раздѣляется на три части. Въ первой части св. Іустинъ, на упрекъ Трифона, что христіане не исполняютъ закона Моисеева, доказываетъ ему, что ветхозавѣтный обрядовый законъ, по пришествіи Христа, лишился своей обязательной силы и значенія и замѣненъ новымъ закономъ. Пророки (Исаія и Іеремія) предсказали объ установленіи Новаго завѣта для всѣхъ людей и на всѣ времена, которымъ отмѣняется Ветхій, данный только іудеямъ по ихъ жестоковыйности. Эти же пророки предсказали и двоякое пришествіе Христа, одно—уничиженное, а другое - славное. Во второй части Іустинъ на основаніи Св. Писанія излагаетъ и доказываетъ ученіе о Божествѣ Іисуса Христа, Его воплощеніи, страданіи, воскресеніи и вознесеніи на небо; указываетъ на Богоявленія патріархамъ, объясняетъ тайну рожденія Бога—Слова отъ Отца подобіемъ огня, возжигаемаго отъ огня; излагаетъ пророчество Исаіи о рожденіи Христа отъ Дѣвы и доказываетъ воскресеніе Христа исторіею прор. Іоны. Въ третьей части Іустинъ приводитъ и объясняетъ пророчества о призваніи язычниковъ въ Церковь Христову. показываетъ, что вѣрующіе во Христа содѣлались духовнымъ Израилемъ, и къ нимъ относятся всѣ обѣтованія Божіи. Въ концѣ Трифонъ благодаритъ Іустина за бесѣду, и они разстаются со взаимными благожеланіями. (Прологъ. Четьи-Минеи. Соч. Іустин. филос. въ русск. перев. Филар.—ученіе объ отц. церк. т. 1 стр. 62—72).

ПРЕПОДОБНАГО ДІОНИСІЯ, ИГУМЕНА ГЛУШИЦКАГО.

Преподобный Діонисій, въ мірѣ Димитрій, родился въ окрестностяхъ города Вологды въ 1362 г. Кто были родители Діонисія и какъ протекли первые годы его жизни,—неизвѣстно. „Много трудился я, говоритъ составитель житія преподобнаго Діонисія, чтобы извѣдать подробно о рожденіи и возрастѣ великаго подвижника, но осталось только въ памяти учениковъ его пустынная жизнь, которой они сами были свидѣтелями“. Свѣдѣнія о преподобномъ начинаются съ того времени, какъ онъ былъ постриженъ въ иноки Діонисіемъ Святогорцемъ, игуменомъ Спасокаменскаго монастыря, на Кубенскомъ озерѣ. Въ продолженіи девяти лѣтъ пребывалъ преподобный въ этомъ монастырѣ, укрѣпляя свои духовныя силы постомъ, молитвою и послушаніемъ. По прошествіи-же этого времени, Діонисій, съ соизволенія игумена, рѣшился искать пустыннаго уединенія и вмѣстѣ съ братомъ Пахоміемъ оставилъ Спасокаменскую обитель. Невдалекѣ отъ селенія, называемаго *Святая Лука*, на устьѣ рѣки Кубени, преподобный остановился. Уже прежде на этомъ мѣстѣ существовалъ монастырь при церкви Евангелиста Луки, но къ времени Діонисія былъ упраздненъ и церковь вмѣстѣ съ братскими жилищами была разрушена. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ Діонисій первоначально построилъ вмѣстѣ съ Пахоміемъ хижину, а за тѣмъ, съ разрѣшенія Ростовскаго епископа Григорія, соорудилъ небольшую церковь во имя святителя Николая. Въ этой уединенной церкви Діонисій самъ приносилъ безкровную жертву, будучи посвященъ въ санъ священника епископомъ Ростовскимъ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ преподоб-

ный на святой Лукѣ, велъ суровый образъ жизни, отказываясь нерѣдко отъ пищи и питія и неусыпно возсылая моленія къ Богу. Такіе строгіе подвиги оказались не подъ силу Пахомію. Замѣчая это, Діонисій рѣшился оставить Луку и идти въ другое мѣсто, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ устроить общежительную обитель. „Я имѣю, — говорилъ Діонисій Пахомію, — сокровенную мысль, если соизволитъ Господь и Пречистая Его Матерь, составить общежительный монастырь, и слышалъ отъ одного христолюбца, что есть пустыня на восточной сторонѣ Кубенскаго озера, какъ-бы за пятнадцать поприщъ: тамъ желаю уединиться, ты же останься здѣсь и пусть остается съ тобою недавно пришедшій къ намъ братъ". Помолившись Господу и дружественно облобызавши Пахомія, Діонисій отправился въ путь. Къ вечеру достигъ онъ излюбленнаго мѣста, лежащаго въ 15 верстахъ отъ Луки, на рѣкѣ Глушицѣ, и прилегши отдохнуть послѣ пути, услышалъ колокольный звонъ въ пустынѣ, какъ бы въ ознаменованіе устроенія здѣсь общины. Обрадованный такимъ знаменіемъ, Діонисій возсталъ и обратился съ пламенной молитвой къ Господу: „Господи Іисусе Христе, — молился преподобный, — Сынъ Бога живаго, упованіе всѣхъ концевъ земли! Призри съ небеси и благослови мѣсто сіе и меня, недостойнаго раба твоего, удостой здѣсь соорудить храмъ, въ честь Покрова Пречистой Твоей Матери, и общій монастырь составить; но не такъ какъ я хочу, а какъ Тебѣ сіе угодно, ибо несовершенъ нашъ разумъ, Тебѣ же все возможно и ты меня наставь, Господи! И ты, о всемилостивая Матерь Христа Бога, услыши теплое моленіе грѣшнаго раба Твоего, прибѣгающаго къ Твоему покрову и требующаго Твоей помощи, ибо на Тебя уповаетъ душая моя! Сохрани меня отъ устъ на-

губнаго змѣя, алчущаго меня поглотить; сохрани и тѣхъ, которые пожелаютъ на мѣстѣ семъ работать со мною Богу и возсылать къ нему молитвы о благовѣрныхъ князьяхъ и всѣхъ христіанахъ; ихъ спасеніе и утвержденіе послужитъ и для насъ упокоеніемъ; и мы безмолвное житіе проводить будемъ во всякой истинѣ и съ благою вѣрою, ибо хощетъ Богъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити".

Первоначально подвижникъ поставилъ себѣ небольшую хижину подъ черемушнымъ деревомъ и жилъ въ одиночествѣ, отражая искушенія бѣсовскія и усмиряя свое тѣло молитвами, постомъ и бдѣніемъ. Затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, пришелъ въ сожители къ Діонисію старецъ, какъ ангелъ, обрадовавшій отшельника. Чѣмъ больше протекало времени, тѣмъ болѣе увеличивалось число, стекавшихся къ Діонисію, подвижниковъ. Они собирались къ нему по два, по три и селились вблизи его кельи. Тогда Діонисій увидѣлъ, что пришло время осуществить свое завѣтное желаніе. Онъ отправился къ Ростовскому епископу Григорію, чтобъ получить отъ него благословеніе создать обитель. „Похвально твое желаніе, — сказалъ святитель Діонисію, — ибо Давидъ богоотецъ воспѣваетъ во псалмахъ: се что добро или красно, но еже жити братіи вкупѣ (псал. 132, 1), и Самъ Господь говоритъ намъ: идѣже два или три собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ (Матѳ. 18, 20). Посему даю тебѣ благой совѣтъ, составить общежитіе, какъ научили насъ Апостолы, чтобы ничто не называть своимъ, но все имѣть общимъ. Тебѣ же, сынъ мой, поелику воспріялъ ты санъ духовный, подобаетъ, по слову апостольскому, немощи немощныхъ носить и не себѣ угождать, но искреннимъ твоимъ, какъ и Христосъ не Себѣ угождалъ". Получивъ

благословеніе отъ святителя на построеніе обители, Діонисій обратился къ кубенскому князю Димитрію съ просьбою вспомоществовать въ предпринятомъ имъ дѣлѣ. Князь, какъ человѣкъ благочестивый, съ радостію изъявилъ свое согласіе на просьбу Діонисія и прислалъ ему плотниковъ и матеріалъ нужный для построенія обители. Не мало при этомъ дѣлѣ трудилась и сама братія, особенно-же, не щадя своихъ силъ, усердно работалъ самъ Діонисій, не оставляя при этомъ и свои обычные иноческіе подвиги: постъ, молитву и чтеніе благочестивыхъ книгъ. Цѣлые три года трудились надъ построеніемъ обители и за это время воздвигли церковь во имя Покрова Богородицы, соорудили и постройки необходимыя для братіи.

Слухъ о новоустроенной обители скоро распространился по окрестностямъ. Пустынность занимаемаго ею мѣста, строгоподвижническая жизнь Діонисія привлекали все болѣе и болѣе въ его обитель благочестивыхъ иноковъ. Уже едва сооружена была обитель, какъ число братіи возрасло до пятнадцати. Спустя же немного времени, число братіи увеличилось еще болѣе, такъ что построенная церковь становится тѣсною, и. собравшаяся въ обитель, братія начинаетъ просить Діонисія соорудить болѣе просторную церковь. Крѣпко задумался объ этомъ преподобный, горячо молился Богу объ исполненіи желанія братіи. И вотъ, однажды ночью во снѣ увидѣлъ прекраснаго юношу возвѣстившаго ему: „подобаетъ тебѣ соорудить церковь, болѣе просторную, потому что много у тебя братіи, ты же имѣешь заступницею и помощницею Пречистую Богородицу отъ нынѣ и до вѣка“. Послѣ такого видѣнія Діонисій съ братіей приступилъ къ построенію новаго храма, посвященнаго имъ тоже во имя

Покрова Богородицы. Этотъ храмъ былъ гораздо болѣе прежняго и съ большимъ тщаніемъ украшенъ, причемъ преподобный самъ написалъ иконы для этого храма *).

Послѣ построенія новой церкви, во имя Покрова Богородицы, начало увеличиваться число братіи, стали стекаться во множествѣ и богомольцы въ Покровскій монастырь, по многочисленности братства, получившій уже названіе лавры. Любя уединеніе, Діонисій тайно оставилъ братію и удалился за четыре версты отъ лавры къ полудню по той же рѣкѣ Глушицѣ, гдѣ въ непроходимой дебри, на высокомъ мѣстѣ, построилъ келью подъ громадной *сосной*, отчего и самое мѣсто стало называться *Сосновцемъ*.

Здѣсь въ одиночествѣ преподобный началъ свои трудные подвиги отшельника. Ничто не мѣшало, ничто не безпокоило святаго, и онъ весь отдался молитвѣ, посту и благочестивымъ размышленіямъ. Но скоро узнала братія о мѣстожительствѣ святаго. Съ слезными мольба

*) Преподобный былъ искусный художникъ и съ любовію занимался писаніемъ святыхъ иконъ. Даже до настоящаго времени сохранились святыя изображенія написанныя самимъ Діонисіемъ,— какъ-то: икона Знаменія Богоматери съ огненными Серафимами и разныя иконы Одигитріи въ Сосновцѣ; въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, по описи 1668 г. въ иконостасѣ собора,—„образъ живописный преп. чудотворца Кирилла, а писалъ преп. Діонисій Глушицкій,—еще живу сущу чудотворцу Кириллу въ л. 6932 (1424)"; въ храмѣ Кирилла— образъ Успенія Богородицы письма пр. Діонисія Глушицкаго. Существуетъ еще писанная пр. Діонисіемъ икона Успенія Божіей Матери въ Седмиозерной пустынѣ, въ 30 верстахъ отъ Кадникова, принесенная сюда изъ Глушицкой обители и съ 1593 г. прославившаяся чудесами. Наконецъ, въ Прилуцкомъ монастырѣ показывается икона пр. Димитрія (умерш. въ 1392 г.), какъ писанная пр. Діонисіемъ.

ми пришли нѣкоторые изъ братіи къ подвижнику и просили его возвратиться къ нимъ опять. Тогда Діонисій рѣшился на излюбленномъ имъ мѣстѣ построить церковь во имя пустыннаго ангела Іоанна Предтечи. Церковь вскорѣ дѣйствительно и была построена съ разрѣшенія новаго епископа Ростовскаго Діонисія. Сооружено было при этой церкви и нѣсколько келлій, гдѣ и поселились нѣкоторые изъ братій Покровской лавры. Самъ Діонисій, какъ настоятель, сталъ во главѣ обѣихъ обителей, при чемъ вновь устроенная имъ обитель получала все необходимое отъ великой Покровской лавры и строго держалась ея устава. Преподобный ревностно и неусыпно заботился объ обоихъ созданныхъ имъ монастыряхъ. Устроивъ въ нихъ строгій порядокъ, распредѣливъ братію по службамъ церковнымъ и монастырскимъ, онъ неустанно смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы въ точности исполнялось богослуженіе и строгій уставъ общежитія. Самъ онъ еще суровѣе повелъ жизнь свою; съ этого времени онъ ѣлъ только не много хлѣба съ солью, да и то единожды въ день, питьемъ его была исключительно только одна вода, иногда цѣлыя ночи проводилъ онъ безъ сна въ благоговѣйнымъ возношеніи ума и сердца къ Богу.

Кромѣ Покровской и Сосновецкой обителей преподобный устроилъ еще къ сѣверу за двѣ версты отъ лавры женское общежитіе съ церковію святителя Леонтія Ростовскаго; такъ какъ къ преподобному приходили жены для полученія отъ него наставленія, и высказывали сердечное желаніе возможно чаще услаждаться бесѣдою съ духовнымъ старцемъ. Въ устроеніи и поддержаніи всѣхъ трехъ обителей много помогали Діонисію князь Заозерскій Димитрій и особенно князь Юрій Бах-

тюжскій. Послѣдній пригласилъ однажды къ себѣ преподобнаго и обратился къ нему съ слѣдующими словами: „слышалъ я, отче, что ты строишь монастыри въ пустынѣ; проси у меня все нужное и дамъ тебѣ имѣніе, чтобы ты молился о нашей нищетѣ". „Мы обязаны,— отвѣчалъ Діонисій,—молиться о твоемъ благовѣріи, благочестивый князь, но злата и сребра не требуемъ, ибо такъ заповѣдалъ Господь нашъ и Учитель Своимъ ученикамъ". Однако, послѣ усердной просьбы князя, Діонисій, видя его теплую вѣру, согласился получить отъ него пропитаніе для своей обители, и князь горячо возлюбилъ старца, часто посѣщалъ его и даже дѣтямъ своимъ заповѣдалъ всегда помогать лаврѣ.

Ревнуя о славѣ Божіей, Діонисій не ограничился построеніемъ поименованныхъ обителей. Онъ воздвигъ церковь во имя Воскресенія Христова, въ 18 верстахъ отъ Глушицкой обители, на рѣкѣ Сухонѣ, чтобы дать возможность жителямъ этой мѣстности возсылать общественныя молитвы къ Богу, слушать слово Божіе и учиться страху Божію. Построилъ и украсилъ иконами своего письма св. Діонисій и другую церковь во имя Святителя Николая по просьбѣ бѣдныхъ жителей селенія Двиницы. Строгій порядокъ, введенный преподобнымъ Діонисіемъ въ Глушицкой и Сосновецкой обителяхъ, неусыпныя заботы Діонисія о ввѣренной ему братіи имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что въ обѣихъ обителяхъ было много иноковъ и между ними не мало искреннихъ рабовъ Божіихъ. Таковъ былъ ученикъ Діонисія Макарій. Діонисій, будучи однажды въ Ростовѣ, въ домѣ благочестиваго мужа, по имени Агаѳоника, съ 12 лѣтнимъ сыномъ его повелъ такую бесѣду. „Чадо! Христосъ сказалъ въ Евангеліи: кто любитъ отца или мать болѣе

Меня,—недостоинъ Меня (Мѳ. 10. 37—38). и желающимъ ему работать не принесъ Я на землю миръ, но раздѣленіе (Лук. 12, 51). т. е. отсѣченіе всѣхъ мірскихъ пристрастій и любви къ житейскому; отъ всего сего велитъ отрекаться Господь и не прикасаться къ нечистотѣ міра. Когда сказали ему однажды: вотъ матерь Твоя и братія Твои, то и отъ нихъ отрѣшеніе внушилъ онъ, отвѣщавъ: Моя мать и братія Мои суть тѣ, которые творятъ волю Отца Моего небеснаго (Матѳ. 12. 49). и тѣмъ показалъ намъ образъ новаго духовнаго жительства. Твоимъ отцомъ, чадо, да будетъ тотъ, кто потрудится вмѣстѣ съ тобою свергнуть бремя грѣховное, а матерью, кто омоетъ тебя отъ скверны страстей въ новомъ рожденіи; братіями — бесѣдующіе съ тобою о горнемъ отечествѣ, супругою—пріобрѣсти себѣ неотлучную память о смерти, и чадами будешь имѣть отъ нея воздыханія сердечныя; родомъ же себѣ стяжи постъ, а друзьями святыя Силы, которыя, во время твоего исхода, будутъ тебѣ помощниками къ восходу на небеса". Мальчикъ со вниманіемъ слушалъ глубоко прочувствованноеназиданіе Діонисія и пожелалъ оставить міръ и сдѣлаться ученикомъ Діонисія. Діонисій взялъ съ собою мальчика и постригъ его въ иноки, давши ему имя Макарій. Молодой инокъ постоянно жилъ вмѣстѣ съ преподобнымъ въ его кельи, учась монастырскому уставу и усердно выполняя наставленія старца. И св. старецъ полюбилъ юношу и молилъ Господа, чтобы Онъ помогъ юному иноку неуклонно идти по тернистому пути спасенія. Макарій преуспѣвалъ въ иноческой жизни и чрезъ нѣсколько времени епископомъ Діонисіемъ Ростовскимъ былъ рукоположенъ во пресвитера, а послѣ кончины Діонисія былъ поставленъ игуменомъ его великой Лавры.

Еще замѣчательнѣе изъ подъ духовнаго водительства Діонисія вышелъ преподобный Филиппъ, который въ послѣдствіи самъ основалъ пустынную обитель на р. Рабанѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь въ 1448 г. (Истор. Іер. 5, 655—656).

Много было у преподобнаго заботъ по управленію основанныхъ имъ обителей, много времени отнимало у него попеченіе объ подначальной ему братіи, но, не смотря на это, самъ Діонисій не оставлялъ свои строгіе подвиги. Чтобы отвратить отъ себя всякое зло и отогнать виновника зла-діавола и чтобы предупредить его вторженіе внутрь, преподобный постоянно напрягалъ высшія душевныя способности. Онъ только самую незначительную часть времени удѣлялъ на отдыхъ и большую часть дня и ночи проводилъ въ молитвѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вся жизнь святаго инока была одна непрестающая молитва. Иногда тяжкія самоиспытанія возлагалъ на себя преподобный. Такъ, однажды ученикъ его Макарій, пришедши къ нему въ келью, увидѣлъ его на полу покрытымъ ранами. На изумленный вопросъ Макарія относительно причинъ ранъ, подвижникъ отвѣтилъ: „если и этого не можемъ стерпѣть, то какъ возможемъ стерпѣть вѣчныя муки?“ Съ этого дня св. отецъ получилъ такую власть надъ демонами, что никто изъ нихъ не осмѣливался искушать великаго подвижника. Иногда свят. инокъ оставался на морозѣ всю ночь и размышлялъ, какъ бы избѣжать инаго болѣе страшнаго холода—тьмы кромѣшной и вмѣсто нея снискать блаженства райской жизни.

Строгій подвижникъ, посвятившій всего себя на служеніе Богу, Діонисій и примѣромъ и словомъ наставлялъ и братію на путь спасенія. „Дѣти,—говорилъ онъ имъ

однажды.—да не устрашитъ васъ помыслъ, что это мѣсто пустынно, ибо многими скорбями подобаетъ намъ взойти въ царствіе небесное, и эти скорби суть подвиги поста и всякаго рода лишенія; молитва наша должна быть отъ чистаго сердца и въ насъ должно быть смиреніе ко всѣмъ, какъ и Христосъ сказалъ: блажени нищіи духомъ, блажени алчущіи (Матѳ. 5, 3—6). Стяжемъ любовь и Богъ помилуетъ насъ, ибо святый Іоаннъ Богословъ сказалъ, что Богъ есть любовь, а любящій Бога, любитъ брата своего (Іоан. 4. 23): о милостынѣ къ нищимъ, будемъ помнить слово евангельское: блажени милостивіи (Мѳ. 5. 7), и Христову заповѣдь прозирать Его въ лицѣ странныхъ: въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ" (Мѳ. 25, 36).

Такія поученія преподобнаго не были только одними словами, но подтверждались имъ въ самыхъ его поступкахъ. Такъ, однажды въ окрестной странѣ сдѣлался голодъ. Многіе прибѣгли къ Діонисію за помощію, и преподобный приказалъ безъ замедленія раздавать изъ монастырскихъ запасовъ всякому просящему, но вотъ экономъ возвѣстилъ святому отцу, что запасы истощились. На это св. отецъ отвѣтилъ: „вѣренъ сказавшій намъ: не пецитесь о завтрашнемъ днѣ, что ѣдимъ или что піемъ, или во что облечемся, ибо знаетъ Отецъ нашъ небесный, что требуете всѣхъ сихъ: но ищите прежде царствія небеснаго и все сіе приложится вамъ" (Мѳ. 6. 31. 33); будьте милостивы и щедры, какъ и Отецъ вашъ небесный, ибо немилующіе нищихъ ненавидимы Богомъ. Ни о какомъ другомъ согрѣшеніи, кромѣ немилосердія, не слышали кроткаго нашего Судію Бога, произносящимъ судъ Свой съ такимъ гнѣвомъ: отъидите отъ Меня проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его (Мѳ. 25. 41). Имѣйте, братія, вѣру словамъ писанія,

что судъ безъ милости для несотворившихъ милости (Іак. 2, 13). Сколько есть силы избѣжимъ не милосердія и лѣности ко благимъ дѣламъ, ибо ничто столько не можетъ помочь намъ, какъ милостыня; милующій нищаго взаимъ даетъ Богу, по словамъ писанія". Впрочемъ, братіи не всегда нравилась щедрость настоятеля. Чтобы побудить его быть менѣе милостивымъ къ неимущимъ, они однажды во время молитвы подослали къ нему юношу, одѣтаго въ видѣ нищей странницы. Эта странница, пришедши къ Діонисію, стала со слезами просить, чтобы онъ далъ ей сто сребренниковъ на выкупъ ея вмѣстѣ съ дѣтьми изъ неволи. Діонисій внялъ мольбамъ странницы и, открывъ окно, выдалъ ей деньги. Во время вечерняго пѣнія искусившіе святаго возвратили ему серебро и, сказавъ кто былъ мнимая странница, укоряли его за безразсудную раздачу денегъ. Святый Діонисій позвалъ юношу, отдалъ ему деньги и сказалъ братіи: „если вы, противъ моей воли, отнимите у него деньги, то преступите двѣ заповѣди: одну, показавъ себя нетерпѣливыми къ нищетѣ, другую же, преслушавъ Бога, запрещающаго требовать обратно отъ того, кому дали. Добро, братія, давать всякому просящему, но еще честнѣе давать и не просящему; Господь велитъ творить добро, сколько есть силъ; и такъ перестаньте искушать меня, побуждая къ не милосердію". Эта рѣчь святаго заставила братію почувствовать всю тяжесть ихъ вины, и они, павъ къ ногамъ св. отца, испросили у него прощенія.

И словомъ и дѣломъ уча братію благочестивой жизни, Діонисій строго взыскивалъ въ случаѣ непослушанія. Такъ, одинъ инокъ вопреки уставу общежитія имѣлъ у себя въ кельи десять кожаныхъ монетъ, называвшихся ногатами, о чемъ стало извѣстно уже послѣ его смерти. „Чада, ска-

залъ тогда Діонисій братіи,—ослушаніе — погибель“, и приказалъ выбросить вмѣстѣ съ деньгами тѣло умершаго инока. Когда же братія со слезами стала просить преподобнаго смиловаться надъ умершимъ, онъ, внявъ ихъ усиленной просьбѣ, разрѣшилъ ослушника и позволилъ его похоронить, но деньги повелѣлъ выбросить за монастырскую ограду и запретилъ братіи прикасаться къ нимъ. Въ другой разъ въ отсутствіе Діонисія старецъ Антуфій, не имѣя благословенія настоятеля, пошелъ ловить рыбу. Уловъ былъ обильный и Антуфій разсчитывалъ получить похвалу отъ своего настоятеля. Но Діонисій, едва узналъ о поступкѣ старца, велѣлъ выбросить всю рыбу, наложилъ строгую эпитимію на ослушника и, только уважая единодушныя мольбы братіи, вскорѣ разрѣшилъ виновнаго. Такъ строгъ былъ глушицкій настоятель по отношенію къ несоблюдающимъ монастырскій уставъ, требующій безпрекословнаго послушанія, помня, что и Адамъ за непослушаніе былъ изгнанъ изъ рая, лишившись тѣмъ самымъ блаженной жизни въ насажденномъ Богомъ саду.

Полный вѣры и упованія на Бога, Діонисій во всемъ ввѣрялъ себя промыслу Божію, имѣя въ Богѣ всегда такое для себя благо, которое превышаетъ всѣ земныя блага и котораго никакія злополучія и бѣдствія не могутъ лишить. Такъ, однажды два вора украли семь монастырскихъ лошадей. Инокъ-экономъ съ великимъ прискорбіемъ донесъ объ этомъ св. Діонисію; но настоятель, съ улыбкою прослушавъ вѣсть эконома, сказалъ: „не всѣ ли мы странники и пришельцы на землѣ? Еще не много и изыдемъ отселѣ туда, гдѣ наше вѣчное жительство; не будемъ же заботиться о земномъ, но попечемся о томъ, какой отвѣтъ дадимъ о дѣлахъ своихъ въ день судный? И ты, братъ мой, уповай на Бога, Который намъ По-

мощникъ и Заступникъ противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Господь велитъ благословлять клянущихъ насъ и молиться за наносящихъ намъ обиду; еслибы я обрѣлъ похитителей, то и еще что-либо приложилъ бы имъ отъ имѣнія нашего и съ любовію искренно бы о нихъ позаботился". Между тѣмъ воры едва не сгорѣли: на томъ мѣстѣ, гдѣ они остановились, случился пожаръ, лошади сдѣлались жертвою пламени, а укравшіе ихъ едва сами успѣли выбѣжать изъ огня.

Какъ къ умудренному опытомъ въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія, къ Діонисію многіе приходили за наставленіемъ,— таковъ былъ Амфилохій. Онъ, уже будучи инокомъ въ пресвитерскомъ санѣ, пришелъ къ Діонисію и, слыша его бесѣды и видя его отношенія къ братіи, въ восхищеніи сказалъ: „нынѣ, по истинѣ, узналъ я, отче, пути твои и какъ, ненавидя славы человѣческой, ищешь ты славу только отъ Единаго Бога". Съ этими словами Амфилохій палъ къ ногамъ преподобнаго. Діонисій поднялъ его и сказалъ: „зачѣмъ, о братъ мой, приносишь тяжесть грѣшному человѣку?—Подобаетъ кланяться Единому Богу. Возстань отъ ногъ моихъ. Благословенъ Богъ, направившій къ намъ стопы твои, ибо Онъ Единъ можетъ спасти и тебя и меня". Эти слова еще болѣе привлекли къ преподобному Амфилохія. „Поелику,—сказалъ онъ ему,—всевѣдущій Богъ привелъ меня во святыя твои руки, съ помощію Божіею буду исполнять всё, что ты мнѣ велишь". И Амфилохій къ великой радости Діонисія оказался ревностнымъ его послѣдователемъ. Онъ тщательно и терпѣливо соблюдалъ монастырскія постановленія и, руководствуясь примѣромъ Діонисія, заботился о своемъ самоусовершенствованіи на столько, что его кротость и терпѣніе прославлялись повсюду.

Замѣчателенъ былъ и другой ревнитель благочестія— Григорій, добровольно поступившій подъ руководство св. Діонисія. Григорій происходилъ изъ боярскаго рода, постригся въ монахи и занималъ должность архимандрита въ Ростовѣ. Отсюда онъ пришелъ къ Діонисію въ Сосновецъ и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался здѣсь подлѣ подвижника, изучая его жизнь и подъ его руководствомъ упражняясь въ благочестіи. Уроки св. Діонисія не остались безъ благихъ послѣдствій. Блаженный Григорій впослѣдствіи основалъ свою обитель на рѣкѣ Пельшмѣ, въ тридцати верстахъ отъ Глушицы, и самъ сдѣлался мудрымъ наставникомъ иноковъ.

Еще дальше, нежели изъ Ростова, изъ великой Перми пришелъ къ Діонисію игуменъ Тарасій. Чтобы поучиться у Діонисія, Тарасій добровольно оставилъ свое начальство, считая за счастіе быть самому подъ властію подвижника. Діонисій, узнавъ приходъ Тарасія, самъ встрѣтилъ его предъ вратами обители и, услыхавъ отъ него, что онъ издавна жаждалъ видѣть его лице, смиренно сказалъ: „Благословенъ Богъ, пославшій къ намъ недостойнымъ мужа опытнаго и благоговѣйнаго; самъ по себѣ я не могу ничего сдѣлать, но все возможно Богу". Тарасій замѣтилъ на это: „тебя, отче, возвысилъ Богъ ради добрыхъ твоихъ дѣлъ, намъ же позволь во всемъ тебѣ подражать, свято соблюдая всѣ твои повелѣнія; пріими малое имѣніе, которое принесъ я съ собою и сопричти меня къ словесному твоему стаду" Діонисій ввелъ Тарасія въ обитель и въ большой лаврѣ отвелъ ему келью; но всё-таки сказалъ ему: „не ты ли, какъ истинный подражатель добраго Пастыря Христа, былъ самъ пастыремъ и цѣлителемъ людей заблуждавшихся во тьмѣ язычества въ землѣ Пермской? Невѣдавшимъ Бога, не

ты ли открывалъ божественныя заповѣди Спаса, по слову Господню: кто сотворитъ и научитъ, тотъ наречется великимъ въ царствіи небесномъ" (Мѳ. 5, 19). „Прежде подобаетъ отъ плода вкусить труждающемуся дѣлателю, возразилъ Тарасій, т. е. самому дѣлать, и потомъ уже учить народъ, какъ и Діонисій Ареопагитъ велитъ носящимъ званіе учителей Христовыхъ, нелѣностно заботиться о спасеніи душъ человѣческихъ. Поэтому и я, все это обсудивъ, пришелъ въ монастырь къ Пречистой, какъ къ безбурному пристанищу и наставницѣ спасаемыхъ и твердынѣ противъ навѣтовъ вражіихъ". „Отче смиреннѣйшій! Ты послушалъ евангельскаго гласа, ни во что вмѣнивъ богатство и славу міра сего; отъ Господа тебѣ награда на небесахъ!" — Такъ закончилъ свою бесѣду съ игуменомъ Тарасіемъ блаженный Діонисій. Послѣ этого Тарасій подъ руководствомъ преподобнаго началъ вести суровый образъ жизни, точно и усердно исполняя всё, что ни повелѣвалъ ему св. Діонисій. Въ продолженіи десяти лѣтъ онъ при жизни Діонисія проводилъ время, угождая Богу. Нѣсколько лѣтъ жилъ еще послѣ своего учителя, помогая управлять лаврою Амфилохію, и умеръ уже въ глубокой старости.

Не оставляли св. Діонисія безъ вниманія и люди облеченные высшимъ духовнымъ саномъ. Такъ, Діонисій— Ростовскій архипастырь (1418—1425), горячо любя подвижника, нерѣдко посѣщалъ его и однажды, благословивъ его своею иконою Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, подарилъ эту икону вмѣстѣ со многою другою утварью въ обитель, въ знакъ своего святительскаго благоволенія. Послѣ блаженнаго Діонисія епископскую каѳедру въ Ростовѣ занялъ Ефремъ. Этотъ святитель, обозрѣвая свою обширную епархію вздумалъ по-

сѣтить и св. Діонисія. Узнавъ объ этомъ, Діонисій вмѣстѣ съ братіей вышелъ къ нему на встрѣчу и, съ подобающими святительскому сану почестями встрѣтивъ архипастыря, принялъ его въ лавру, гдѣ совершилъ молебное пѣніе Богоматери. Архипастырь, благословивъ настоятеля и братію и давъ имъ обильную милостыню, преподалъ братіи наставленіе. Онъ училъ ихъ повиноваться своимъ начальникамъ, призывалъ ихъ твердо идти по пути спасенія, указывалъ на суетность земнаго и тлѣннаго, напоминалъ имъ о внезапности смерти, о страшномъ судѣ Божіемъ, и, понуждая къ отреченію отъ міра, говорилъ: „не назвалъ ли Господь мертвецомъ привязаннаго къ міру, когда сказалъ: оставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ? (Лук. 9, 6.) т. е. оставь все мірское и не только не будешь обладаемъ смертію, но и самъ надъ нею обладать будешь". Преподобному же настоятелю Ефремъ такъ говорилъ: „поелику прiялъ ты овецъ изъ ограды Христовой, блюди себя и стадо, за которое дашь отвѣтъ, дабы и ты могъ сказать на судѣ: вотъ я и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Богъ (Псал. 8, 18). Упаси ихъ на пажити божественныхъ словесъ, не ослабѣвай и непрестанно внушай имъ: подвизайтесь, боритесь, чтобы одолѣть; труждайтесь, чтобы отдохнуть, и алкайте, дабы насытиться. Съ ними вмѣстѣ будь прежде всего исполнителемъ того, что говоришь, ибо сказано: что и Господь Іисусъ „началъ творить и учить" (Дѣян. 1, 1.), дабы и они возбудились твоимъ примѣромъ. Видѣніе вѣрнѣе слышанія; если же не увидять дѣлъ твоихъ, тягостными покажутся твои слова. Со слезами припадай къ Богу о чадахъ твоихъ, да сохранитъ ихъ и тебя отъ навѣтовъ вражіихъ; наказуй, блюди, запрещай, милуй; простирай руки къ пада-

ющимъ, увѣщевай труждающихся, обвязывай, какъ врачъ, раны душевныя; будь образомъ благихъ нравовъ, научая терпѣнію и молчанію; предначинай всякое доброе дѣло, дабы и меньшіе изъ братіи отъ тебя не отставали. Обходя стадо, твоею молитвою и заботою не презри, но помилуй уязвленную овцу и возлей масло на ея струпы, дабы всѣ не постыдно явились на судилище Христово и ты бы вмѣстѣ съ ними принялъ воздаяніе отъ Владыки Христа". Преподобный съ любовію слушалъ блаженнаго архипастыря и съ восторгомъ благоговѣйной души отвѣтилъ ему: „Господь, пославшій учениковъ Своихъ просвѣтить всю вселенную и тебя намъ послалъ—пастыря и цѣлителя, достойнаго сей чести въ землѣ Русской; и ты, преподавая намъ божественныя заповѣди, подражаешь истинному и достойному Пастырю, Который положилъ душу Свою за избранныхъ овецъ".

Между тѣмъ время подвижнической жизни св. Діонисія уже близилось къ концу. Еще за семь лѣтъ до своей кончины преподобный самъ приготовилъ себѣ могилу въ Сосновецкой пустынѣ, гдѣ была основана церковь во имя Предтечи, и часто приходилъ сюда на мѣсто своего будущаго упокоенія для благочестивыхъ размышленій о загробной жизни. Своимъ ученикамъ старецъ говорилъ: „если не будетъ здѣсь положено тѣло мое, не останется здѣсь живущихъ, ибо пустынно и трудно мѣсто сіе. Если же здѣсь положено будетъ, то Бога ради не презрятъ мѣста сего и меня, и съ вѣрою здѣсь живущей воспріимутъ награду отъ Бога, а въ страшный день суда обрѣтутъ себѣ помощницею Владычицу, ибо потрудились въ Ея общинѣ". И вотъ, однажды Діонисій, призвавъ любимаго ученика Амфилохія, обратился къ нему съ такою рѣчью: „нынѣ вижу время отшествія

моего уже при дверяхъ, тебѣ же, другъ мой и сверстникъ, повелѣлъ Господь еще жить; покрой тѣло мое землею и персть отдай персти, а самъ пребывай на этомъ мѣстѣ, держась духовнаго житія и творя память моему смиренію. Не изнемогай, чадо, въ болѣзняхъ и воздыханіяхъ на всякій день, чая скоро отлучиться отселѣ и теки на почесть вышняго званія, во Христѣ Іисусѣ. Воспоминай и сіе слово Господне: когда исполните всё повѣленное вамъ, говорите, что вы только рабы ничего не стоющіе (Луки 17, 10); ибо кто изъ насъ можетъ когда либо заплатить долгъ, коимъ должны мы Владыкѣ Христу? Богатый—обнищалъ Онъ ради насъ, дабы мы нищетою Его обогатились и безстрастный—пострадалъ, дабы насъ освободить отъ страстей; воспоминая о томъ, плѣняй всякое твое помышленіе въ послушаніе Христово". Амфилохій со слезами слушалъ рѣчь своего учителя, скорбя о предстоящей разлукѣ съ нимъ. „О духовный отче, говорилъ онъ, ты самъ отходишь на покой, меня же оставляешь въ скорби; помолись Господу, да и меня спутникомъ возмешь съ собою изъ сей жизни". На такую просьбу своего ученика преподобный отвѣтилъ: „и я, духовное мое чадо, много о томъ молилъ Господа, чтобы не разлучаться намъ другъ отъ друга; но узналъ отъ Его благодати, что тебѣ еще не подобаетъ нынѣ оставить міръ, потому что недовольно ты подвизался для полученія приготовленной тебѣ награды. Долго еще тебѣ трудиться на этомъ мѣстѣ послѣ моего преставленія: какъ вѣдалъ ты мое попеченіе о избранномъ стадѣ Христовомъ, такъ и ты позаботишься во дни твоей жизни, пася и надзирая и возводя къ духовному разумѣнію ввѣренное тебѣ стадо. И вотъ уже предстоитъ дѣлатель винограда воздать мзду мою".

Послѣ этихъ словъ Діонисій велѣлъ Амфилохію оставить его на единѣ. Но Амфилохій вмѣстѣ съ Макаріемъ сквозь скважину двери слѣдили за поступками св. отца. Оставшись одинъ, Діонисій, поднявъ руки, сталъ молиться: „Владыко человѣколюбче, пріими меня въ вѣчное Твое селеніе и не помяни моихъ согрѣшеній вольныхъ и невольныхъ и сохрани рабовъ Твоихъ въ сей обители, избавляя ихъ отъ всякаго навѣта вражія, да прославится имя Твое святое". Затѣмъ преподобный сталъ молиться Богородицѣ: „Ты Матерь сладкаго моего Христа, на Тебя возлагаю упованіе свое, ибо Ты меня грѣшнаго раба Твоего сподобила создать сію обитель во славу Твоего имени, дабы приносилось здѣсь моленіе о благовѣрныхъ князьяхъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ". Послѣ молитвъ старецъ сѣлъ и впалъ въ дремоту. Но вотъ вдругъ послышался ему голосъ: „услышана твоя молитва о братіи и Я неотступно буду отъ сей обители, охраняя ее отъ всякихъ золъ и оскудѣнія." Радостно возсталъ старецъ и всю ночь провелъ безъ сна, благодаря и хваля Бога. Рано утромъ, онъ призвалъ къ себѣ Амфилохія, сообщилъ ему о своей радости и за тѣмъ, собравъ всю братію, обратился къ ней съ такимъ назиданіемъ.

— „Братія, предаю васъ Всемогущему Богу и Пречистой Богоматери, да будетъ вамъ стѣна и прибѣжище отъ сѣти вражіей; вы-же паипаче украшайтесь смиреніемъ, не забывайте страннолюбія, стяжите любовь нелицемѣрную, чистоту душевную и тѣлесную, ни во что вмѣняя честь и славу сего житія, но вмѣсто сего ожидайте отъ Бога воздаяніе небесныхъ и вѣчныхъ благъ. Богу оставляю васъ и пречистой Богоматери, старѣйшинство же вручаю присному своему ученику, усовер-

шенствованному въ добродѣтели и во всемъ соревнующемъ отцу своему, смиренному Амфилохію; ему повелѣваю пасти Христоименитое стадо внимательно и право; миръ Божій да будетъ съ вами, просвѣщая и вразумляя васъ на путь истины, и я даю вамъ миръ и благословеніе. Будьте послушны наставнику вашему, по слову Господню, сказанному Апостоламъ: „слушающій васъ—Меня слушаетъ, и отметающійся васъ—Меня отметается“ (Лук 10. 16.) и убойтесь страшнаго гласа: „отъидите отъ Меня въ огнь вѣчный“ (Мѳ. 25. 41). Чада мои! вотъ я вкратцѣ вамъ изложилъ путь истины, дабы вамъ во всемъ быть совершенными и осіяваться Божественнымъ свѣтомъ“.

Всѣ иноки неутѣшно плакали о предстоящей разлукѣ съ добрымъ своимъ учителемъ. А между тѣмъ св. отцу было откровеніе, что чрезъ три дня онъ окончитъ свое земное странствованіе. И вотъ, дѣйствительно съ 29-го мая Діонисій впалъ въ тѣлесный недугъ, тогда онъ призвалъ братію, повелѣлъ Макарію совершить Божественную литургію, чтобы пріобщиться Святыхъ Тайнъ, и снова напомнилъ братіи, чтобы тѣло его погребено было на томъ мѣстѣ, гдѣ за семь лѣтъ передъ тѣмъ ископалъ себѣ могилу, да не упразднится обитель Сосновецкая, и чтобы подъ однимъ игуменомъ было два монастыря. „Братія и чада! если обрѣту милость у Бога, то не оставлю этого мѣста, но буду молить Господа и Пречистую Его Матерь, дабы не было здѣсь оскудѣнія“. Сказавъ это, св. отецъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, благословилъ всю братію и, поднявъ руки къ небу, съ молитвою на устахъ скончался. Это произошло 1-го іюня 1437 г. въ воскресный день, въ шестомъ часу утра. Тогда, какъ видѣлъ Амфилохій, на головѣ усопшаго появился сіяющій вѣнецъ, лице его просвѣтилось и чув-

ствовалось благоуханіе отъ его честнаго тѣла. Такъ скончался великій подвижникъ, имѣя отъ роду 74 года и шесть мѣсяцевъ. Горько плакали иноки о смерти своего любимаго наставника. Съ подобающею честію они отвезли тѣло св. Діонисія изъ лавры въ Сосновецъ и погребли его тамъ. И до нынѣ на томъ же мѣстѣ—въ храмѣ Сосновца—мощи св. Діонисія пребываютъ подъ спудомъ, источая различныя исцѣленія всѣмъ приходящимъ съ вѣрою, какъ-то: выпрямляя скорченныя руки, возвращая зрѣніе слѣпымъ и употребленіе языка нѣмымъ. Въ 1547 г. на соборѣ установлено было чтить преподобнаго Діонисія во всѣхъ русскихъ церквахъ. а въ 1548 году была написана ему служба. По словамъ древняго жизнеописателя, внѣшній видъ преподобнаго Діонисія былъ таковъ: роста низкаго и очень сухой, голова не малая, брови полукруглыя, лице длинное, щеки впалыя, взоръ тихій борода густая по грудь, волосы свѣтлорусые и полусѣдые. Насажденная Діонисіемъ строгая жизнь долго процвѣтала въ его пустынѣ и послѣ его упокоенія,—царь Іоаннъ писалъ: „на глушицахъ обитель процвѣтаетъ постническими подвигами." (Четьи Минеи; Русс. святые Филарета архіепис. Черниговъ. житія святыхъ Муравьева).

ПРЕПОДОБНАГО АГАПИТА ПЕЧЕРСКАГО, ВРАЧА БЕЗМЕЗДНАГО.

Преподобный Агапитъ, родомъ кіевлянинъ, принялъ иноческій чинъ при св. Антоніѣ печерскомъ. Сначала Агапитъ подвизался въ пещерѣ, вблизи Антонія, подражая высокой жизни этого великаго подвижника; затѣмъ онъ поселился въ монастырской кельи кіево-печерскаго

монастыря, давши обѣтъ постоянно оставаться внутри его стѣнъ. Какъ св. Антоній, скрывая свою святость, лѣчилъ больныхъ своею пищею, подавая видъ, что врачуетъ ихъ цѣлебными травами, и больные становились здоровыми; такъ и блаженный Агапитъ, по словамъ Поликарпа, ревнуя святому Антонію, помогалъ больнымъ. Едва кто заболѣвалъ изъ братіи, Агапитъ приходилъ къ больному, ухаживалъ за нимъ и давалъ ему свою пищу изъ травъ, которыя варилъ для своего пропитанія. Эти травы по молитвѣ святаго становились цѣлебными и больной выздоравливалъ. Впрочемъ, иногда врачевство святаго не сразу помогало; но такъ было угодно Богу, чтобы усилить вѣру и молитву раба Своего. И дѣйствительно, св. врачъ не приходилъ въ уныніе: онъ неотступно продолжалъ оставаться при больномъ, непрестанно возсылая горячія молитвы къ Богу о выздоровленіи больнаго, и Господь внималъ молитвеннымъ воздыханіямъ святаго, воздвигая отъ одра болѣзни страждущаго. Не въ средѣ только монастырской братіи проявлялъ свой даръ исцѣленія св. Агапитъ: не мало приносили къ нему больныхъ и изъ окрестныхъ мѣстъ. Святой врачъ не отказывалъ и имъ въ помощи, исцѣляя ихъ отъ недуговъ. Подавая скорую помощь больнымъ, св. Агапитъ при этомъ не требовалъ съ нихъ никакой платы, за что и прозванъ былъ *врачомъ безмезднымъ*. И вотъ слава о великомъ цѣлителѣ росла все болѣе и болѣе среди его современниковъ. Постоянный успѣхъ въ лѣченіи не допускалъ никакихъ соперниковъ въ дѣлѣ исцѣленія недужныхъ, хотя и были попытки состязаться съ блаженнымъ въ искуствѣ врачеванія.—

Въ то время въ Кіевѣ проживалъ нѣкто армянинъ по происхожденію и по вѣрѣ. Этотъ армянинъ славился,

какъ опытный и искусный врачь, не имѣющій себѣ равныхъ въ искуствѣ леченія. Дѣйствительно, достаточно было ему взглянуть на безнадежнаго больнаго, — и онъ въ состояніи былъ безошибочно назначить не только день, но даже и часъ его кончины. Но вотъ однажды случилось, что одного больнаго, уже обреченнаго на смерть армяниномъ, принесли къ св. Агапиту. Святой помолился объ его исцѣленіи, давъ ему отъ своего брашна и больной выздоровѣлъ. Слухъ объ этомъ распространился почти по всей землѣ Русской, такъ какъ исцѣленный Агапитомъ былъ первый бояринъ великаго князя Всеволода. Нечего и говорить, какъ неприятна была такая слава армянину. Снѣдаемый завистію, онъ посылаетъ къ Агапиту одного преступника, осужденнаго на смерть, приказавъ дать ему яда, чтобы онъ умеръ предъ глазами Агапита; но Агапитъ не только исцѣлилъ отравленнаго преступника, но и самъ выпилъ ядъ безъ всякихъ вредныхъ для себя послѣдствій, крѣпко вѣря слову Спасителя: „аще что и смертное испіютъ, не вредитъ имъ, на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ".

Новый случай еще болѣе возвеличилъ Агапита. Сдѣлался болѣнъ въ Черниговѣ князь Владиміръ Мономахъ. Армянинъ усердно старался вылѣчить больнаго, много предпринималъ средствъ къ этому, но все напрасно: болѣзнь не только не уменьшалась, но все болѣе и болѣе становилась опасною; тогда князь послалъ просьбу къ печерскому игумену Іоанну, чтобы онъ прислалъ къ нему въ Черниговъ Агапита. Св. врачъ, въ силу даннаго имъ обѣта не выходить изъ монастыря, отказался лично явиться къ князю для его исцѣленія. „Если я пойду, къ князю, разсуждалъ св. Агапитъ, то долженъ ходить и ко всѣмъ. Человѣческая слава — опасна. Не пойду за

врата монастыря, чтобъ не преступить обѣта моего". Однако, чтобы помочь князю, Агапитъ чрезъ посланнаго отправилъ къ нему приготовленныя имъ травы. Владиміръ Мономахъ сталъ употреблять ихъ и выздоровѣлъ. Чтобы видѣть св. врача, воздать ему благодарность и щедро одарить, князь самъ отправился въ печерскій монастырь. Но Агапитъ, избѣгая славы человѣческой, скрылся и князь принужденъ былъ дать принесенное золото игумену монастыря. Этой попыткой отблагодарить своего исцѣлителя Мономахъ не ограничился. Спустя не много времени послѣ своего посѣщенія печерскаго монастыря, князь послалъ къ Агапиту своего боярина съ щедрыми подарками. Бояринъ, заставъ блаженнаго въ келіи, положилъ предъ нимъ княжескіе дары и умолялъ принять ихъ. Чадо, отвѣчалъ тогда Агапитъ боярину, я ничего не принимаю ни отъ кого, ибо не своею исцѣлилъ силою, но Христовою, и лично сего не требую". Тогда бояринъ просилъ блаженнаго принять хотя не для себя, но для раздачи нищимъ. „Пусть такъ, сказалъ Агапитъ, скажи же пославшему, чтобы онъ не берегъ сокровищъ... къ чему они? Пусть ихъ раздастъ онъ нищимъ, если не послушаетъ меня, худо будетъ ему. Господь, избавившій его отъ смерти, не любитъ неблагодарности". Съ этими словами св. врачъ вышелъ изъ келіи, положилъ у дверей княжескіе дары и скрылся. Вышелъ и посланный и, увидя брошенное золото, отнесъ его къ игумену. Такой поступокъ Агапита не остался безъ благихъ послѣдствій. О немъ было передано князю, последній прославилъ праведника и сталъ щедро раздавать милостыню нищимъ.

Между тѣмъ время жизни святаго уже близилось къ концу, и вотъ праведникъ послѣ многихъ трудовъ и

богоугодныхъ подвиговъ самъ сильно занемогъ; тогда армянинъ пришелъ навѣстить больнаго. Осмотрѣвъ Агапита, армянинъ взялъ его за руку и сказалъ: „истинно говорю, что въ третій день ты долженъ умереть; если же не исполнится слово мое, тогда буду такимъ же, какъ и ты, инокомъ". „Въ томъ ли состоитъ твое искуство, возразилъ на это блаженный Агапитъ, что ты предсказываешь только о смерти, а не объ исцѣленіи? Если ты такъ искусенъ, то продли мнѣ жизнь; если же это не въ твоей власти, то за чѣмъ осуждаешь меня умереть чрезъ три дня? Меня же извѣстилъ Господь, что чрезъ три мѣсяца къ Нему преставлюсь". Дѣйствительно, согласно съ этимъ предсказаніемъ, Агапитъ чрезъ три мѣсяца скончался іюня 1-го дня, не позднѣе 1095 г. Мощи св. Агапита почиваютъ въ пещерахъ преподобнаго Антонія. Послѣ смерти св. Агапита, врачъ армянинъ обратился въ православную вѣру. Онъ пришелъ къ игумену печерскаго монастыря и сказалъ: „оставляю свою вѣру и хочу служить Господу инокомъ въ святой правой вѣрѣ греческой; блаженный Агапитъ, явясь сказалъ мнѣ: ты обѣщался принять иночество, если солжешь, потеряешь съ жизнію и душу. Вѣрю, что явившійся — угодникъ Божій; я зналъ хорошо, что нельзя было ему пережить трехъ дней, а Господь далъ ему три мѣсяца". Игуменъ постригъ армянина въ иночество и онъ окончилъ свою жизнь подвижникомъ въ печерскомъ монастырѣ. (Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета арх. Черниг. жит. Свв. Муравьева).

Муч. Фирмъ былъ усѣченъ мечемъ при Максиміанѣ (305—311).

Муч. Ѳеспесій былъ усѣченъ мечемъ при императорѣ Александрѣ въ Каппадокіи около 230 г.

Муч. Іусть принадлежалъ къ дружинѣ св. Іустина.

Муч. Неонъ былъ усѣченъ мечемъ.

Св. Метрій былъ земледѣльцемъ и подвизался при Львѣ Мудромъ (886—912). (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2 стр. 145).

2-е число.

Св. Никифора исповѣдника, патріарха цареградскаго. Св. великомученика Іоанна Сочавскаго.

(Муч. 38 въ банѣ. Матери 3 дѣтей, усѣченныхъ мечемъ. 20,000 мучениковъ съ Еразмомъ Формійскимъ. Мученика Димитрія).

СВЯТАГО НИКИФОРА ИСПОВѢДНИКА, ПАТРІАРХА ЦАРЕГРАДСКАГО.

Родиною св. Никифора былъ Царьградъ. Его родители Θеодоръ и Евдокія, какъ истые христіане, много претерпѣли лишеній и страданій за почитаніе св. иконъ въ царствованіе жестокаго иконоборца Копронима. Таже участь постигла и достойнаго сына этихъ благочестивыхъ родителей, впрочемъ уже въ царствованіе другаго императора. Святый Никифоръ въ молодыхъ лѣтахъ прилежно изучалъ науки, хорошо усвоилъ божественное Писаніе и былъ нрава тихаго и кроткаго. Какъ человѣкъ съ прекрасными природными способностями и съ большимъ запасомъ свѣдѣній, Никифоръ получилъ должность секре-

таря при дворѣ царицы Ирины. Онъ былъ ревностнымъ поборникомъ православія и принималъ горячее участіе на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, собранномъ противъ иконоборцевъ. Природная наклонность къ благочестію и впечатлѣнія строго христіанской жизни его родителей побудили св. Никифора оставить свое блестящее и почетное положеніе при дворѣ и посвятить свою жизнь подвигамъ самоотреченія. Облекшись въ одежды отшельника, Никифоръ удалился изъ шумнаго города и поселился въ уединенномъ мѣстѣ при Босфорѣ, гдѣ проводилъ время въ постѣ и молитвахъ къ Господу. Такая святая жизнь Никифора не осталась сокровенною для его современниковъ и онъ выбранъ былъ въ 806 г. послѣ смерти Константинопольскаго патріарха Тарасія на его мѣсто. Когда посвящали въ великій санъ св. Никифора, то онъ держалъ въ рукѣ исповѣданіе вѣры, которое потомъ и положилъ въ алтарѣ, какъ знакъ душевнаго обѣта постоянно хранить истину Церкви и бороться съ неправославіемъ. Строгій къ себѣ, св. Никифоръ былъ требователенъ и къ другимъ, стараясь исправить нравственный упадокъ тогдашняго духовенства. Впрочемъ не одною строгостію дѣйствовалъ св. Никифоръ; но и снисходилъ къ слабостямъ другихъ, если этимъ надѣялся устранить нестроенія. Особенно много силъ и старанія тратилъ св. Никифоръ на уничтоженіе иконоборческой ереси. Когда вступилъ на царство Левъ Армянинъ, св. Никифоръ требовалъ отъ него, чтобы онъ, по обычаю прежнихъ благочестивыхъ царей, подписалъ своею рукою обѣщаніе соблюдать догматы св. вѣры. Но Левъ Армянинъ тайно уже обязался передъ иконоборцами содѣйствовать имъ въ борьбѣ съ православными и, давъ только обѣщаніе подписать догматы православной вѣры, не ис-

полнилъ этого, и воздвигъ гоненіе на православныхъ. Заключенія, притѣсненія и тѣлесныя наказанія, которымъ обрекались православные, побудили многихъ изъ нихъ примкнуть къ иконоборцамъ и увеличить ихъ число. Св. Никифоръ горячо молился Господу, да сохранитъ Онъ Свою церковь отъ еретиковъ, убѣждалъ свою паству держаться православія и не страшиться гоненія. Императоръ видѣлъ благодѣтельное вліяніе св. Никифора на православныхъ, сознавалъ и то, что безъ патріарха мало можетъ сдѣлать въ пользу своего опредѣленія противъ иконъ. И ласками и угрозами онъ старался склонить на свою сторону св. Никифора, — ничто не помогало. „Напрасны твои труды государь! Мы не можемъ измѣнить древняго преданія, — мы чтимъ изображенія святыхъ, какъ крестъ и Евангеліе". — Такъ отвѣчалъ царю св. Никифоръ. Нисколько не страшась царскаго гнѣва, св. патріархъ соборно молился Господу объ уничтоженіи ереси, открыто, по среди церкви, училъ и убѣждалъ всѣхъ держаться иконопочитанія. Мало того, собравъ епископовъ, игуменовъ и весь клиръ, не устрашимый патріархъ направился во дворецъ Льва Армянина, надѣясь склонить его отстать отъ ереси. Грозный пріемъ царя не ослабилъ мужества св. Никифора и онъ вѣско и краснорѣчиво доказалъ ему правоту иконопочитанія въ своемъ спорѣ съ нимъ. Гнѣвъ царя не имѣлъ границъ. Многіе епископы были сосланы въ заточеніе, многіе клирики подверглись пыткамъ; но страхъ народнаго мятежа охранялъ св. Никифора и царь не смѣлъ отставить его отъ патріаршества. Не столько ободряемый приверженностію къ нему народа, сколько воспламеняемый ревностію къ истинѣ, патріархъ еще съ большимъ усиліемъ продолжалъ борьбу съ иконоборцами. Царь отнялъ у патріарха управленіе

соборною церковію и запретилъ ему служеніе въ ней, а затѣмъ вызвалъ его на соборъ для состязанія. „Пастырь, лишенный овецъ, не выходитъ на брань съ волками“, таковъ былъ отвѣтъ св. Никифора царскимъ посланнымъ. Тогда соборъ, состоявшій исключительно изъ иконоборцевъ, лишилъ сана св. Никифора и постановилъ сослать его въ заточеніе. Чтобы не возбудить народнаго волненія, только нѣсколько воиновъ было послано взять св. исповѣдника, который, чтобы помолиться въ храмѣ св. Софіи, вошелъ въ него поддерживаемый двумя человѣками. Здѣсь св. Никифоръ велѣлъ зажечь свѣчи и кадить, долго молился и много плакалъ. Плакали вмѣстѣ съ нимъ и другіе православные. Увидя это, доблестный пастырь не оставилъ ихъ безъ утѣшенія и ободренія. Пришедшіе воины взяли св. Никифора и онъ былъ заточенъ на мѣсто называвшееся Валуе (по греческому оригиналу въ монастырь Добраго, который былъ основанъ самимъ патріархомъ). Чрезъ нѣсколько времени св. Никифоръ переведенъ былъ въ другой монастырь св. великомученика Ѳеодора, имъ же основанный, на островѣ Проконисѣ, близъ Царьграда (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2, стр. 155). Тринадцать лѣтъ пробылъ въ изгнаніи св. Никифоръ и скончался. Его тѣло было погребено въ храмѣ св. великомученика Ѳеодора и впослѣдствіи перенесено въ Царьградъ (см. 13 Марта). Строгій защитникъ православія и неустрашимый исповѣдникъ, св. Никифоръ много оставилъ послѣ себя сочиненій разнаго рода. Его историческія сочиненія считаются превосходными по слогу и строгой вѣрности историческихъ свѣдѣній. Въ сочиненіяхъ догматическихъ св. Никифоръ поставляетъ въ самой тѣсной связи ученіе о святыхъ иконахъ съ неприкосновенными догматами вѣры и даетъ весьма глубокомысленныя

рѣшенія вопросовъ относительно иконопочитанія. Каноническія сочиненія, будучи весьма важны для исторіи права и обрядовъ св. церкви, свидѣтельствуютъ о мудрости св. Никифора и указываютъ на его пастырское благочестіе (Четьи-Минеи. Истор. ученіе объ отцахъ церкви Филарета арх. Черниговск. §§ 266—267).

СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ІОАННА СОЧАВСКАГО.

Мученикъ Іоаннъ жилъ въ городѣ Трапезундѣ. Этотъ городъ находился при морѣ и его жители, занимаясь торговлей, часто ѣздили на корабляхъ въ другія страны. Св. Іоаннъ тоже былъ купцомъ. Онъ нерѣдко путешествовалъ наораблѣ въ другіе города для закупки или продажи товаровъ. Хотя торговыя дѣла и не мало отнимали времени у св. Іоанна, однако онъ не забывалъ и свои христіанскія обязанности, причемъ успѣлъ особенно въ дѣлѣ богопознанія, пріобрѣтши истинное, основательное и ясное познаніе о всемъ томъ, что открыто намъ о Господѣ Богѣ въ Его словѣ и что возвѣщается о Немъ св. церковію. Это познаніе не оставалось въ св. Іоаннѣ мертвымъ. Нѣтъ! Оно было въ немъ живое и дѣятельное, проникало его душу, оживляло его дѣятельность, направляя ее къ жизни святой и богоугодной. Іоаннъ не былъ изъ тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни къ какому доброму дѣлу (Тит. 1. 16). Напротивъ, св. Іоаннъ всегда исполнялъ заповѣди Господа и послушливъ былъ Ему даже до смерти. Онъ твердо помнилъ наставленіе Спасителя: „не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся же

паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенкѣ" (Мѳ. 10, 28).

Между 1330 и 1340 г. случилось св. Іоанну ѣхать моремъ съ товарами на кораблѣ. Какъ человѣкъ благочестивый, Іоаннъ нерѣдко на кораблѣ постился, молился и не мало помогалъ бѣднымъ спутникамъ. Начальникъ корабля, видя такой образъ поведенія Іоанна, сталъ досаждать ему во все время плаванія спорами о православіи Восточной церкви. Принимая во вниманіе такой предметъ споровъ, можно думать, что начальникъ корабля былъ католикъ. Св. Іоаннъ, какъ искусный въ Св. Писаніи безъ труда оспаривалъ неправильныя мнѣнія своего противника, убѣдительно и ясно доказывая истинность православія. Это обстоятельство на столько раздражило начальника корабля, что онъ рѣшился погубить св. Іоанна. И вотъ, когда корабль присталъ къ городу Аспрокастру (Аккерману), капитанъ явился къ начальнику города и обратился къ нему съ такими словами: „одинъ человѣкъ, прибывшій сюда со мной на кораблѣ, хочетъ отступить отъ христіанства и желаетъ присоединиться къ вашей (магометанской) вѣрѣ; постарайся скорѣе обратить его къ своей вѣрѣ. Если ты пріобрѣтешь такого человѣка, то это сдѣлаетъ тебѣ большую честь, такъ какъ христіанинъ этотъ—человѣкъ ученый, разумный и одинъ изъ знатныхъ жителей Трапезунда".

Градоначальникъ повѣрилъ словамъ капитана, приказалъ позвать къ себѣ св. Іоанна, и, когда послѣдній явился, градоначальникъ началъ склонять его къ магометанской вѣрѣ, называлъ эту вѣру чистою и правою, обѣщалъ Іоанну за исповѣданіе магометанской вѣры почести, знатность и богатство; но Іоаннъ не внялъ убѣжденіямъ градоначальника. „Господи! воскликнулъ онъ, не

попусти мнѣ когда либо отречься отъ Тебя! Христіаниномъ я родился, христіаниномъ и умру; не нужны мнѣ ваши богатства, не хочу быть мусульманиномъ; вѣрую же въ Господа моего и Владыку Іисуса Христа!" Такое безстрашное исповѣданіе Іоанномъ своей вѣры озлобило градоначальника, онъ приказалъ принести всѣ орудія пытки и указывая на нихъ Іоанну, угрожалъ подвергнуть его всѣмъ пыткамъ въ томъ случаѣ, если Іоаннъ не отречется отъ Христа. Не смотря и на эти угрозы, не обращая вниманія и на предстоящія ужасныя страданія, Іоаннъ остался непоколебимъ. „Я вѣрую, говорилъ онъ, и покланяюсь Единому Богу въ Троицѣ, какъ научили меня родители, и что я сказалъ тебѣ прежде, тоже повторяю и теперь: не отрекусь отъ вѣры моей во вѣки, доколѣ буду въ здравомъ умѣ. Не медли же: руби, жги, вѣшай, бей, мучь меня, какъ только можешь,—я готовъ все перенести съ радостію, по любви къ Христу моему!" Послѣ такихъ словъ святаго Іоанна мучитель понялъ, что угрозами его нельзя совратить въ магометанство и приказалъ раздѣть его и не щадно бить палками изъ шиповника. Палачи настолько жестоко исполняли приказаніе градоначальника, что отъ ихъ ударовъ тѣло Іоанна кусками разлеталось по воздуху и все мѣсто вокругъ мученика обагрилось кровію. Тяжело было мученику, ужасныя страданія причиняли ему удары палачей, но онъ твердо переносилъ ихъ и, возведя очи горѣ, такъ молился Богу: „благодарю Тебя, Владыко, Боже мой, что Ты сподобилъ меня омыть и очистить кровію моею всѣ мои согрѣшенія!"

Наконецъ страданія Іоанна усилились на столько, что онъ лишился чувствъ и умолкъ. Тогда мучитель приказалъ отправить его въ темницу, и истерзаннаго Іоанна,

какъ мертваго, поволокли въ темницу, такъ какъ самъ онъ не могъ уже идти. Съ слѣдующимъ днемъ возобновились страданія мученика. Онъ снова явился на судъ къ градоначальнику и укрѣпленный помощію свыше явился съ лицемъ свѣтлымъ и радостнымъ. Мучитель опять сталъ было уговаривать Іоанна отречься отъ Христа, указывалъ на тяжесть перенесенныхъ имъ страданій, предлагалъ ему помощь опытныхъ врачей, которые въ состояніи были бы вылѣчить его раны; но всё напрасно.... „Я не забочусь ни мало, отвѣчалъ Іоаннъ, о своемъ бренномъ тѣлѣ, а всѣ помышленія мои обращены на то, какъ бы при помощи Божіей, претерпѣть всѣ мученія до конца, по обѣтованію Спасителя: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Если же ты изобрѣлъ какія-либо новыя истязанія; то употреби ихъ, потому что перенесенныя мною—ничтожны“.

Снова мучитель приказалъ бить Іоанна. Били страдальца долго и такъ немилосердно, что показались внутренности. Такое звѣрство даже произвело ропотъ между присутствующими, но мучитель не унимался, а ожесточился еще болѣе. По его приказанію привели коня, къ хвосту котораго и превязали за ноги мученика. Одинъ изъ воиновъ, сѣдши на коня, поѣхалъ по улицамъ города, влача за собою страдальца. Какъ ни прискорбно было такое зрѣлище, однако нашлись люди, которые рѣшились еще болѣе усилить страданія Іоанна,—то были евреи. Когда тѣло мученика влачили мимо ихъ жилищъ, евреи съ злобнымъ смѣхомъ провожали Іоанна и кидали въ него всѣмъ, что попадалось подъ руку. Наконецъ одинъ изъ евреевъ, взявъ изъ дому обнаженный мечъ, настигъ влачимаго и отсѣкъ ему голову. Воинъ отвязалъ тѣло Іоанна и оно осталось на томъ же мѣстѣ; такъ какъ

христіане, боясь гнѣва градоначальника, нерѣшались погребсти тѣло страдальца. Но вотъ наступила ночь, на мученическіе останки нииспустился съ неба огненный столбъ, всё мѣсто вокругъ нихъ освѣтилось, показались возженныя лампады, и трое свѣтлыхъ мужей въ бѣлыхъ одеждахъ пѣли и кадили надъ тѣломъ св. Іоанна. Это дивное знаменіе увидалъ одинъ изъ евреевъ. Думая, что поющіе мужи были христіанскіе священники, еврей взялъ лукъ и стрѣлу, намѣтилъ на одного изъ видимыхъ имъ священниковъ и хотѣлъ застрѣлить его, но вдругъ руки его какъ бы срослись съ оружіемъ — одна съ лукомъ, а другая съ стрѣлою,—и еврей остался въ такомъ положеніи до утра. Съ восходомъ солнца подлѣ наказаннаго Богомъ еврея собрался народъ, которому нечестивецъ и разсказалъ случившееся съ нимъ событіе, получивъ за правдивость разсказа избавленіе отъ постигшаго его наказанія. Это знаменательное событіе было разсказано градоначальнику и онъ, убоявшись могущаго постигнуть его наказанія, повелѣлъ взять тѣло св. мученика и похоронить его, что и было исполнено христіанами съ подобающимъ благоговѣніемъ.

Между тѣмъ капитанъ корабля, узнавъ о случившемся съ св. Іоанномъ, раскаялся въ своемъ поступкѣ и возъимѣлъ намѣреніе похитить мощи мученика и перенести ихъ въ свою сторону. Съ этою цѣлію капитанъ однажды ночью съ своими соумышленниками пришелъ на могилу св. Іоанна и сталъ её раскапывать. Но мученикъ въ это время явился во снѣ священнику той церкви, гдѣ былъ положенъ и сказалъ ему: „вставай скорѣе и иди въ церковь, изъ которой хотятъ украсть меня“. Священникъ всталъ и, пришедши на мѣсто, увидѣлъ раскопанную могилу, но св. мощи еще не успѣли унести. Тогда

созваны были въ церковь благочестивые христіане и, узнавъ отъ священника о случившемся, всѣ прославили Господа Бога, святыя же мощи мученика были взяты изъ могилы, перенесены въ церковь и положены въ ея алтарѣ близъ престола. Здѣсь, являя силою Божіею разныя чудеса, мощи почивали семьдесять лѣтъ. Слухъ о св. мощахъ дошелъ до благочестиваго и добродѣтельнаго молдовлахійскаго воеводы Александра; Александръ пожелалъ пріобрѣсть такое сокровище и, получивъ на то согласіе молдовлахійскаго митрополита Іосифа, послалъ въ Аспрокастръ избранныхъ священниковъ, вельможъ и воинскую стражу съ приказаніемъ взять и перенести св. мощи. Самъ воевода вмѣстѣ съ духовенствомъ, сановниками и народомъ торжественно встрѣтили св. мощи и положили ихъ въ храмѣ митрополіи въ городѣ Сочавѣ— молдовлахійской столицѣ, (находящейся теперь въ Астрійской Имперіи). Здѣсь св. мощи находятся и въ настоящее время, источая чудеса всѣмъ приходящимъ къ нимъ съ вѣрою. Но и первоначальная могила мученика тоже до нынѣ почитается христіанами. 2-го Іюня въ день памяти мученика — къ мѣсту его первоначальной могилы едва ли не изъ всей Херсонской губерніи сходятся, принося съ собою букеты розъ, которыми съ подобающимъ благоговѣніемъ и украшаютъ прежнюю могилу мученика. Вмѣстѣ съ этимъ бессарабскіе христіане доселѣ почитаютъ, такъ называемый (по турецки), Ай—Енъ—Турлазъ, т. е. Лиманъ св. Іоанна. Этотъ самородный источникъ находится между двумя скалами не далеко отъ морскаго берега и существуетъ съ незапамятныхъ временъ, Св. Іоаннъ до мученической своей кончины часто приставалъ къ этому источнику, чтобы взять изъ него прѣсной воды, почему и самый источникъ получилъ

названіе источника св. Іоанна Сочавскаго. Въ настоящее время воду этого источника считаютъ цѣлебною, что и подверждается дѣйствительными случаями исцѣленія отъ разныхъ болѣзней, какъ-то: отъ головной боли, сухотки, застарѣлаго лома въ костяхъ, лихорадки и т. п. Армяне въ 1646 г. на двухъ самородныхъ раздвоенныхъ скалахъ надъ источникомъ утвердили каменный сводъ съ сквозными дверями и окнами, съ лѣстницею для спуска, съ крестомъ на верху и съ армянскою надписью надъ входами; внутри въ сводѣ укрѣплены три желѣзные крючка для привѣски иконъ—Божіей матери и св. Іоанна и для привѣски лампадъ; здѣсь же укрѣпленъ желѣзный прутъ для прилѣпливанія восковыхъ свѣчь. Часовня эта существуетъ и въ настоящее время (Четьи-минеи. Кишин. епарх. вѣд. 1874 г. № 6; 1878 г. № 7).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ДИМИТРІЯ.

Св. мученикъ Димитрій происходилъ изъ азійской Филадельфіи отъ благочестивыхъ родителей. Онъ рано лишился отца, по прозванію Допка, занимавшаго должность священника, и до тринадцати лѣтняго возраста воспитывался подъ наблюденіемъ своей матери. Какъ женщина благочестивая, мать Димитрія воспитывала его въ наказаніи и ученіи Господни, сообразно съ требованіемъ слова Божія (Ефес. 6, 4). Благодаря такому воспитанію, Димитрій рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ, какъ мальчикъ тихій, скромный и благовоспитанный. Но къ сожалѣнію эти прекрасныя качества на ряду съ природной тѣлесной красотой Димитрія обратили на себя вниманіе мѣстныхъ турокъ. Мальчикъ такъ понравился туркамъ, что они похитили его и, какъ еще неуспѣвшаго, по молодости лѣтъ, окрѣпнуть въ вѣрѣ, угрозами и обѣ-

щаніями подарковъ соблазнили его принять магометанскую вѣру. Въ послѣдствіи Димитрій попалъ въ услуженіе къ одному знатному гражданину въ Филадельфіи. Димитрій скоро возжегъ въ сердцѣ своего господина любовь и расположеніе къ себѣ, вспомоществуемый имъ добился хорошаго положенія, сдѣлавшись вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ богатымъ, имѣвшимъ множество лошадей, стада различнаго скота и другаго рода имѣнія. Съ теченіемъ времени Димитрію не разъ пришлось принимать участіе въ битвахъ, и онъ, какъ сильный и храбрый воинъ, избранъ былъ въ военачальники. Къ довершенію всего Димитрій обручился съ одной дѣвицею изъ знатнаго филадельфійскаго рода и чрезъ то, можно сказать, вполнѣ отуречился.

Окруженный почетомъ, пріобрѣтшій блестящее положеніе, связавшій свою судьбу съ магометанскою женщиной—Димитрій, казалось, навсегда былъ потерянъ для церкви Христовой. Но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Господу Богу не угодно было оставить Димитрія въ числѣ отверженныхъ. Своими неисповѣдимыми путями онъ велъ его не къ тяжкой участи отступника, а къ достославной участи мученика. И дѣйствительно, когда минуло Димитрію девятнадцать лѣтъ, по милости Божіей онъ сталъ одумываться. Вспомнились Димитрію годы жизни въ родительскомъ домѣ. Пронеслись передъ его взоромъ семейныя сцены изъ дѣтскаго возраста, — вспомнилъ онъ свою мать, вспомнилъ ея ласки и теплое участіе, которыми она неусыпно окружала его, вспомнилъ и ея наставленія въ вѣрѣ... И вотъ, Димитрій сталъ вдумываться въ эти наставленія, началъ сравнивать съ исповѣдуемой имъ магометанской религіей—религію христіанскую, и уразумѣлъ несостоятельность первой и пре-

восходство второй. Глубокое чувство раскаянія охватило все существо Димитрія, сердечные вздохи понеслись къ небу, горячія искреннія слезы обильно оросили очи Димитрія и онъ воскликнулъ: „окаянный я безумецъ,—несчастный Димитрій! Горе мнѣ! какъ это я блуждаю во мракѣ столько лѣтъ? Какъ это я допустилъ обмануть себя и отрекся отъ Господа? Впрочемъ, развѣ я не могу опять исповѣдать Его предъ людьми? Развѣ я не имѣю предъ глазами другихъ предшествовавшихъ мнѣ мучениковъ, которые такимъ же образомъ поступили? Они-то и помогутъ мнѣ теперь въ моемъ исповѣданіи“. Этотъ вопль сердечнаго и искренняго раскаянія услышанъ былъ Господомъ и Онъ посѣтилъ Димитрія своею благодатію, укрѣпленный которою, Димитрій тотчасъ же рѣшился искать для себя мученическаго вѣнца.

Горя желаніемъ мученичества, Димитрій отправился къ начальнику города и въ присутствіи собравшихся у него городскихъ властей объявилъ себя христіаниномъ и на всегда отрекся отъ магометанства. „Господинъ мой!—говорилъ Димитрій,—двѣнадцать лѣтъ былъ я слѣпъ и не видалъ свѣта православной моей вѣры; нынѣ же Духъ Святый озарилъ мой умъ, а Царь царствующихъ—истинный Богъ мой Іисусъ Христосъ, Который по любви къ намъ, предалъ Себя на смерть, открылъ мнѣ, что вѣра магометанская ложна, преступна и что нѣтъ въ ней спасенія; поэтому я отрекаюсь отъ нея и объявляю вамъ, что я опять дѣлаюсь христіаниномъ, какимъ былъ прежде, съ именемъ Димитрія, и покланяюсь Христу Богу истинному, за имя Котораго готовъ пожертвовать самою жизнію. Не медлите же, терзайте мое тѣло, я ищу только Христа моего Спасителя, а вашего пророка (Магомета) отвергаю и презираю“.

Такое прямое и открытое исповѣдованіе Христовой вѣры Димитріемъ оскорбило турокъ. Они, повергнувъ его на полъ, приказали дать ему 315 ударовъ палками. Но какъ ни мучительны были эти удары для Димитрія, онъ не унывалъ духомъ и во время пытки весело воспѣвалъ: „слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ! святые мученики, Димитрій и Георгій, помогите мнѣ! Споспѣшствуй мнѣ св. Николай". Эта молитва была услышана: св. Димитрій мужественно перенесъ тяжелую пытку, послѣ которой турки бросили его въ темницу, надѣясь, что онъ откажется отъ своихъ убѣжденій въ истинности Христовой вѣры и снова обратится въ магометанство. А чтобы вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ, турки призвали своихъ законниковъ и одного негра искуснаго въ чародѣйствѣ и отправили ихъ въ темницу къ мученику, надѣясь, что хитрости законниковъ и чары негра подѣйствуютъ на мученика и побудятъ его отступиться отъ Христа. Но надежда турокъ была тщетна: ихъ ухищренія не привели ни къ чему, такъ какъ мученикъ остался непоколебимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

Наступило утро слѣдующаго послѣ истязанія Димитрія дня. Градоначальникъ приказалъ выпустить изъ темницы Димитрія и предоставить его самому себѣ. Но св. Димитрій не воспользовался этою свободою. Рѣшившись разъ на всегда пріять мученическій вѣнецъ, онъ изъ тюрьмы заходитъ въ кофейную, наполненную мусульманами, и держитъ къ нимъ такую рѣчь: „окаянные вы турки. Ужели вы считаете свою вѣру правою и истинною? Вы заблуждаетесь и обманываетесь, несчастные! Удивляюсь, что вы помрачили свои умы до такой степени, что не видите свѣта и истины! Объявляю вамъ, что я теперь вѣрую во Христа, истиннаго Бога и совершен-

наго человѣка, подъявшаго на себѣ грѣхи всего міра, и покланяюсь Ему". Какъ-бы въ доказательство своего презрѣнія къ ложной религіи и ея слѣпымъ послѣдователямъ Димитрій сбросилъ съ своей головы бѣлую чалму, сорвалъ съ себя зеленую одежду покрывавшую до этого времени его тѣло и сталъ топтать ихъ ногами со словами: „какъ я попираю теперь эти символы вашей религіи, такъ точно попираю и самую вѣру вашу и законъ вашъ". Нечего и говорить какъ разсвирѣпѣли турки на такой поступокъ Димитрія. Какъ разъяренные львы они бросились на него, наносили ему удары палками, били камнями, пока мученикъ замертво не упалъ на землю.

Принимая во вниманіе многочисленность и тяжесть ударовъ, перенесенныхъ Димитріемъ, многіе думали, что онъ померъ; но Димитрій, невидимо вспомоществуемый силою свыше, былъ еще живъ и, лежа окровавленнымъ и истерзаннымъ, мысленно возсылалъ молитвы къ Богу. Между тѣмъ мусульмане сговорились сжечь на огнѣ его мертвое тѣло. Св. Димитрій услыхалъ это совѣщаніе невѣрныхъ, быстро всталъ на ноги и сказалъ мучителямъ: „вотъ вамъ деньги, купите на нихъ дровъ и сожгите меня; не считайте только меня умершимъ; Христосъ еще укрѣпитъ меня Своею силою". Такая неожиданность поразила невѣрныхъ. Они схватили кинжалы и нанесли Димитрію три удара, изъ которыхъ каждый хотя и прокололъ насквозь всю грудь страдальца, но послѣдній все-таки остался живъ.

Тогда турки повлекли Димитрія на мѣсто казни. На пути одинъ изъ варваровъ ударилъ мученика ятаганомъ по головѣ и разсѣкъ ее на двѣ части. Послѣ этого, казалось-бы, неизбѣжно должна послѣдовать смерть Димитрія, но здѣсь въ глазахъ невѣрныхъ совершилось знаме-

нательное чудо. Взявъ руками разрубленную на двѣ половины голову и сжавъ обѣ половины, мученикъ обратилъ свои взоры къ небу, воззвалъ о помощи къ св. Димитрію и голова срослась. Такое великое чудо не остановило отъ звѣрства лютаго изверга, онъ съ противоположной стороны ударилъ по головѣ Димитрія. Опять распалась голова на двое, снова была и срощена по молитвѣ святаго, причемъ не только не потекла кровь, но даже стали не замѣтны и знаки отъ удара ятагана. Такія чудеса, совершившіяся надъ Димитріемъ, какъ ни ясно показывали невѣрнымъ силу Христовой вѣры, но не смягчили ихъ. Они и послѣ видѣнныхъ ими великихъ событій продолжали вести на казнь мученика. Однако св. Димитрію не пришлось подвергнуться сожженію. Ему на пути къ мѣсту казни встрѣтился христіанскій храмъ; зашедши въ него Димитрій со слезами припалъ и сталъ молиться: „Господи Іисусе Христе! Къ Тебѣ восхожу днесь, яко жертва очистительная, и предаю духъ мой въ руцѣ Твои!“ Мучители не дали окончить эту молитву: они разсѣкли ятаганомъ оба плеча его и великій мученикъ скончался, увѣнчавъ себя вѣнцемъ нетлѣнія. Свирѣпые турки и послѣ смерти мученика не оставили въ покоѣ его тѣло. Они набрали изъ сосѣдней бани дровъ и углей, разожгли ихъ и бросили святые останки въ пламя. Но пламя не коснулось святаго тѣла: оно раздѣлилось на двѣ части и оставило тѣло мученика невредимымъ. Тогда турки, чтобы добиться сожженія тѣла Димитрія, вылили на костеръ пять стамнѣ (около пяти пудовъ) масла, но и это не подѣйствовало. Наконецъ невѣрные взяли орудія, употребляемыя для рубки дровъ, и на мелкія части изрубили тѣло страдальца. Это случилось въ 1657 году. Послѣ смерти мученика Димитрія,

части его мощей источали исцѣленія. Совершаются исцѣленія отъ мощей св. мученика Димитрія и теперь для притекающихъ къ нимъ съ вѣрою. (Христ. мучч. на Востокѣ свящ. Соловьева).

3 число.

Свят. Муч. Лукилліана и съ нимъ четырехъ отроковъ: Клавдія, Ипатія, Павла и Діонисія, и дѣвицы Павлы. Св. Мученика Лукіана и иже съ нимъ (Максіана, Іуліана, Маркелина и Сатурнина). Св. мученика Лукіана Тарсянина. Перенесеніе мощей Св. страстотерпца благовѣрнаго князя царевича Димитрія Московскаго. (Пр. Аѳанасія чудотворца. Пр. Іеріи. Пр. Поппа).

Святаго мученика Лукилліана и съ нимъ четырехъ отроковъ: Клавдія, Ипатія, Павла, Діонисія и Св. дѣвицы Павлы.

Св. мученикъ Лукилліанъ жилъ во времена римскаго царя Авреліана. До самой старости Лукилліанъ былъ язычникомъ и жилъ не вдалекѣ отъ Никомидіи, исправляя должность языческаго жреца. Въ это время христіанство начало распространяться въ средѣ язычниковъ съ необыкновенною быстротою. Въ общество христіанъ стали вступать даже лица высокопоставленныя въ государствѣ. Благодать Божія коснулась и Лукилліана. Вдумавшись въ языческія заблужденія и уразумѣвъ ихъ не-

состоятельность, онъ оставилъ идоловъ и свое служеніе имъ, увѣровалъ во Христа и, во святомъ крещеніи очистившись отъ грѣховъ, благодатію Божіею возродился къ новой и святой жизни. Отдавшись всѣмъ существомъ своимъ христіанской религіи, Лукилліанъ не только самъ всячески старался осуществить въ своей жизни требованія Христовой религіи, но и другихъ язычниковъ старался обратить въ христіанство, разоблачая предъ ними ложность язычества и указывая на христіанство, какъ на единственный, несомнѣнный путь ко спасенію. Ревностная и безбоязненная проповѣдь Лукилліана о Христѣ имѣла благотворныя послѣдствія. Лукилліанъ многихъ язычниковъ обратилъ въ христіанство. Но жившіе въ одномъ мѣстѣ съ Лукилліаномъ іудеи, видя, что вслѣдствіе его проповѣднической дѣятельности многіе язычники оставляютъ идолослуженіе и принимаютъ святое крещеніе донесли объ этомъ на судъ язычниковъ. Это случилось между 270 и 275 годами. Лукилліанъ былъ отосланъ на истязанія къ Сильвану, занимавшему тогда должность комита въ Никодиміи. Сильванъ хотя и старался принудить старца возвратиться къ идолослуженію и отречься отъ Христа, но Лукилліанъ остался непреклоненъ, за что и былъ отданъ Сильваномъ на истязанія. И вотъ ревностнаго исповѣдника Христова начали бить палками, сокрушали ему челюсти, вѣшали внизъ головою, наконецъ бросили въ темницу. Здѣсь Лукилліанъ нашелъ четырехъ отроковъ: Клавдія, Ипатія, Павла и Діонисія, которые тоже были заключены сюда за исповѣданіе Христовой вѣры. Обрадовались отроки св. старцу, возликовалъ и старецъ, встрѣтивъ въ темницѣ юныхъ собратій по вѣрѣ. Все время пребыванія въ темницѣ Лукилліанъ ободрялъ св. отроковъ на мученическій под-

вигъ, убѣждалъ ихъ претерпѣть временныя муки, не бояться смерти и не щадить цвѣта юности ради уготовляемаго имъ нестарѣемаго блаженства въ царствіи небесномъ. А чтобы еще болѣе укрѣпиться для перенесенія тяжелаго подвига мученичества, всѣ св. исповѣдники и днемъ и ночью возсылали пламенныя молитвы къ Богу о ниспосланіи имъ силы къ мужественному перенесенію предстоящихъ истязаній. По прошествіи нѣсколькихъ дней Лукилліанъ и отроки снова были мучены, и за тѣмъ живыми брошены въ раскаленную печь. Но всемогущій и всещедрый Господь явилъ надъ ними Свою милость, подобно тому какъ Онъ не оставилъ Своею помощію въ древности отроковъ вавилонскихъ: огнь не палилъ отроковъ и Лукилліана, пламень въ пещи обратился какъ бы въ росу и къ довершенію всего пошелъ сильный дождь и загасилъ пламя въ пещи и брошенные на сожженіе вышли оттуда невредимыми. Ослѣпленные злобою и невѣріемъ язычники приписали это чудо не Господу Богу, а волшебству христіанъ, и, осудивъ мучимыхъ на смерть, отослали въ Византію, дабы тамъ ихъ предали казни. Въ Византіи Клавдій, Ипатій, Павелъ и Діонисій были усѣчены мечемъ, а старецъ Лукилліанъ былъ распятъ іудеями на крестѣ.

Къ лику этихъ мучениковъ причислена и св. дѣвица Павла. Она происходила отъ благочестивыхъ родителей и, возлюбивъ съ юности Христа, посвятила себя дѣвству и всѣ силы и старанія направила къ тому, чтобы быть достойною небеснаго чертога обѣщаннаго Господомъ всѣмъ любящимъ Его и исполняющимъ, данныя Имъ, заповѣди. По смерти родителей, оставшись сиротою съ достаточнымъ состояніемъ, Павла обходила темницы и посѣщала тамъ узниковъ страждущихъ за вѣру Христову. Не жалѣя

свое имѣніе, Павла всѣми силами старалась помочь мученикамъ. Неимущимъ она приносила пищу и питіе, нагимъ давала одѣяніе, омывала ихъ раны и прикладывала къ нимъ цѣлебные пластыри, со слезами прося при этомъ мучениковъ помолиться о ней Господу Богу, да не лишитъ Онъ её Своихъ милостей. Эта сердобольная и благочестивая дѣвица навѣщала и Лукилліана съ отроками еще въ то время, когда они были заключены въ никомидійской темницѣ и со вниманіемъ здѣсь по долгу слушала наставленія старца. Вовремя мученія ихъ въ Никомидіи, Павла смотрѣла на нихъ и мысленно возносила сердечныя молитвы къ Богу, да укрѣпитъ Онъ страдальцевъ, да подастъ имъ силу и мужество до конца перенести истязанія, чтобы видѣли невѣрные какъ силенъ и крѣпокъ Господь Іисусъ Христосъ. Когда же Лукилліанъ и отроки были отправлены въ Византію, и Павла отправилась вслѣдъ за ними, прислуживала имъ и помогала, чѣмъ было возможно, а послѣ ихъ смерти погребла святые останки мучениковъ. Затѣмъ Павла снова возвратилась въ Никомидію и здѣсь по прежнему продолжала свои добрыя дѣла. Вскорѣ язычники донесли на Павлу тому же начальнику Никомидіи—Сильвану. Призвавъ св. дѣвицу, Сильванъ и ласками и угрозами принуждалъ ее отречься отъ Христа; но видя ея непоколебимость, приказалъ раздѣть, бить палками и желѣзными прутьями. Какъ женщина, существо слабое, Павла изнемогла отъ безмилосердной пытки. Тогда явился ей Ангелъ Господень, исцѣлилъ, укрѣпилъ ослабшую тѣлесно, такъ что мученица не только показала себя мужественною и твердою въ перенесеніи истязанія, но и укоряла мучителя въ его жестокости и нечестіи, получивъ за это нещадныя удары по устамъ. Брошенная послѣ истязанія въ

темницу, Павла снова была подвергнута пыткѣ. Какъ Лукилліана съ отроками и ее бросили въ разженную печь и подобно тѣмъ мученикамъ сила Божія остудила огонь, такъ что онъ не коснулся невѣсты Христовой. Накоцъ мучитель, осудивъ Павлу на смертъ, отослалъ её въ Византію. Здѣсь св. дѣвица удостоилась принять смерть на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ распятъ старецъ Лукилліанъ. Павла, горячо возблагодаривъ Господа за то, что онъ сподобилъ её мученическаго вѣнца, съ радостнымъ и ликующимъ лицемъ преклонила свою дѣвическую голову и была усѣчена мечемъ за имя Христово, увѣнчавшись такимъ образомъ вмѣстѣ съ лаврами дѣвства и вѣнцемъ мученичества (Четьи-Минеи).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ЛУКІАНА И ИЖЕ СЪ НИМЪ.

Святый Лукіанъ былъ родомъ римлянинъ. Происходя изъ знатнаго рода, онъ получилъ прекрасное по тогдашнему времени образованіе, изучивъ науки и хорошо владѣя греческимъ и латинскимъ языками. Еще болѣе преуспѣлъ Лукіанъ въ мудрости послѣ того, какъ сдѣлался ученикомъ св. апостола Павла. Послѣ мученической кончины своего великаго учителя Лукіанъ отправился для проповѣданія слова Божія въ Италію и прошелъ тамъ многія мѣста, сѣя сѣмена словесъ Божіихъ.

Между тѣмъ въ Римъ прибылъ св. Діонисій Ареопагитъ для свиданія съ находящимся тамъ въ узахъ Апостолами Петромъ и Павломъ, но уже не нашелъ ихъ въ живыхъ. Блаженный Климентъ папа римскій съ радостію и любовію принялъ Діонисія. Зная Діонисія, какъ искуснаго въ словѣ Божіемъ и ревностнаго въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, Климентъ сталъ убѣждать

его идти съ проповѣдію Евангелія въ западныя страны. Діонисій согласился и блаженный Климентъ набралъ ему благочестивыхъ и мудрыхъ помощниковъ и сослуживцевъ. Между ними былъ избранъ и Лукіанъ и рукоположенъ во епископа. Когда все было устроено, блаженный Климентъ обратился съ такою рѣчью къ проповѣдникамъ: „идите любезные братья, идите непобѣдимые воины Христовы! Какъ пребывалъ всегда Господь со святыми нашими отцами апостолами, такъ да пребудетъ Онъ и съ вами, проповѣдающими Его святое имя. Вы неисчетное число язычниковъ просвѣтите свѣтомъ Евангелія и обратите ко Христу“. Послѣ этого, любовно облобызавъ и благословивъ проповѣдниковъ, Климентъ отпустилъ ихъ и они всѣ вмѣстѣ прежде всего пошли проповѣдывать слово Божіе въ Италіи.

Когда проповѣдники приблизились къ городу Тикину и на мѣстѣ, называемомъ Парма, стали возвѣщать слово истины,—язычники, считая такую проповѣдь оскорбленіемъ для своихъ идоловъ, бросились на Лукіана, схватили его и ввергнули въ темницу. Св. Лукіанъ однако не упалъ духомъ: идя въ темницу онъ радостно воспѣвалъ: „настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей (Пс. 85, 11). Соверши стопы моя во стезяхъ Твоихъ, да не подвижутся стопы моя (Псал. 16, 5)“. Въ самой же темницѣ Лукіанъ, возложивъ всю надежду на Господа, пламенно молился, чтобы Господь освободилъ его изъ темницы и далъ возможность опять проповѣдывать слово Божіе и обращать ко Христу покланяющихся идоламъ. Молитва святаго была услышана Господомъ: жившіе въ томъ мѣстѣ христіане освободили его изъ темницы и отпустили его идти далѣе вмѣстѣ съ друзьями. Достигнувъ города Тикана, проповѣдники рев-

постно возвѣщали Евангеліе язычникамъ и, подкрѣпляя свою проповѣдь различными знаменіями и чудесами, обратили ко Христу великое множество народа.

Удалившись изъ Италіи, проповѣдники разошлись въ разныя стороны. Св. Маркелліанъ съ многочисленной братіей отправился въ Испанію, блаженный Сатурнинъ пошелъ въ Галлію, святой же Діонисій съ Лукіаномъ и съ прочей братіей прибыли въ предѣлы Парисскія. Отсюда Лукіанъ съ пресвитеромъ Мазіаномъ и съ діакономъ Іуліаномъ отправился въ Бельгію, гдѣ трудился въ качествѣ насадителя церкви Христовой въ средѣ язычниковъ. Онъ былъ исполненъ благодати Св. Духа, блисталъ добродѣтельной и благочестивой жизнію, получивъ отъ Бога силу творить чудеса и врачевать всякія болѣзни и недуги. Имѣлъ святой Лукіанъ и власть надъ бѣсами: достаточно было ему произнести повелѣніе удалиться,— и бѣсы оставляли мучимыхъ ими людей. Проповѣдуя постоянно слово Божіе, Лукіанъ не оставлялъ и подвиговъ строго — благочестивой жизни. Онъ часто молился Богу, часто постился и на столько старался объ умерщвленіи своей плоти, что по истинѣ еще при жизни, по слову апостола, представилъ изъ себя „жертву живу, святу и благоугодну Богови (Римл. 21, 1)“. Только небольшой кусокъ хлѣба служилъ въ продолженіи дня пищею для святаго, его питьемъ—была только вода. Но не смотря на такую скудость питанія, Лукіанъ стойко переносилъ трудъ проповѣдничества, будучи укрѣпляемъ силою свыше. И вотъ изможденный умерщвленіемъ плоти, украшенный терпѣніемъ, окрѣпшій въ чудномъ смиреніи, исполненный кротости, Лукіанъ хотя плотію и жилъ среди людей, но духъ его уже здѣсь на землѣ—какъ-бы виталъ среди ангеловъ. Самое лицо его было свѣтло, выраже-

ніе его было любвеобильно, его глава была украшена прекрасными сѣдинами, весь же образъ его походилъ на земнаго ангела и небеснаго человѣка.

Когда слава о святомъ Лукіанѣ распространилась по окрестностямъ, множество народа приходило къ нему креститься и Лукіанъ крестилъ ихъ, сокрушая ихъ идоловъ и разрушая идольскія капища.

Между тѣмъ на римскій престолъ вступилъ Домиціанъ (81—96). Подозрительный и жестокій по отношенію ко всѣмъ вообще подданнымъ, лишая жизни или ссылая въ заточеніе особенно знатныхъ и богатыхъ римскихъ гражданъ, чтобы присвоить ихъ имущества,—Домиціанъ воздвигъ жестокое гоненіе и на христіанъ. По всему своему царству онъ разослалъ повелѣніе, чтобы правители убѣждали христіанъ къ идолослуженію и чтобы неповинующихся предавали на мученія. По всюду начались преслѣдованія христіанъ, не миновали эти преслѣдованія и галлійскую страну. Сюда явились три нечестивца: Латринъ. Арій и Анторъ въ надеждѣ найти здѣсь Лукіана, но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Узнавъ. что св. мужъ проповѣдуетъ въ Бельгіи, гонители отправились въ эту страну. Лукіанъ еще до прибытія гонителей узналъ объ нихъ. Вокругъ проповѣдника было собрано великое множество народа уже обращеннаго его трудами въ христіанство. Тогда Лукіанъ, имѣя въ виду скорое гоненіе, обратился съ рѣчью къ собравшимся, въ которой увѣщавалъ ихъ быть твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ Христовой. не бояться угрозъ и самыхъ мукъ, не прельщаться ласкательствами и хитрыми обѣщаніями гонителей. Послѣ этого Лукіанъ имѣя въ виду заповѣдь, дозволяющую укрываться отъ преслѣдователей, удалился изъ города Бельвака не изъ-за страха мученій, но чтобы дать при-

мѣръ своимъ пасомымъ. Такъ путешествовалъ Лукіанъ вмѣстѣ съ Максіаномъ и діакономъ Іуліаномъ, ведя душеспасительныя бесѣды и молясь Господу Богу. Не вдалекѣ отъ города Бельвака у горы св. мужъ остановился. Здѣсь мучители нагнали св. проповѣдниковъ. Схвативъ первоначально Максіана съ Іуліаномъ, мучители убѣждали ихъ обратиться къ идолослуженію, а когда тѣ остались тверды въ Христовой вѣрѣ, нечестивцы предъ глазами св. Лукіана умертвили ихъ, отсѣкши мечемъ ихъ головы. Видя это, Лукіанъ возрадовался и возблагодарилъ Бога за то, что его сспоспѣшники удостоились мученическаго вѣнца. Мучители обратились къ Лукіану, называли его волхвомъ, противникомъ повелѣній кесаря и всего римскаго сената; Лукіанъ на это отвѣтилъ: „я не волхвъ, но рабъ Господа Христа, наученъ не чародѣйству, но Божественной премудрости, благодаря которой людямъ показываю истинный путь и научаю ихъ, какъ безпрепятственно идти вслѣдъ за Господомъ моимъ Іисусомъ Христомъ, Который сошелъ съ небеси на землю, чтобы искупить отъ работы вражія и отклонить отъ идольскаго или, лучше сказать, отъ демонскаго служенія свое созданіе; и всякій,—кто отъ темнаго зловѣрія приведенъ будетъ къ истинному свѣту,—спасется, такъ какъ вполнѣ справедливо только Тому поклоняться, Который благоволилъ распяться и умереть ради избавленія всѣхъ". „Но развѣ Богъ Тотъ, Который не только умеръ, но даже и былъ распятъ,—возразили Лукіану гонители". Ваше невѣріе, отвѣчалъ св. мужъ, и недостойно слышать тайны небеснаго царствія, но ради множества предстоящихъ здѣсь вѣрныхъ я вкратцѣ скажу нѣчто: „Богъ истинный, Сынъ истиннаго Бога, Который прежде вѣковъ всегда былъ со Отцемъ, Тотъ, хотя въ концѣ вѣковъ, обновивши

родъ человѣческій, погибшій вслѣдствіе прегрѣшенія Адама, соизволилъ родиться отъ Пречистыя Дѣвы, дабы быть и истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ, соединить въ одномъ лицѣ два естества. Безстрастный по Божеству, всегда пребывающій со Отцомъ, Онъ по человѣческому естеству подчинился страданіямъ. Ради нашего искупленія Онъ сдѣлался послушливъ даже до смерти, смерти же крестныя. И если бы Сынъ Божій не восхотѣлъ быть сыномъ человѣческимъ и не облекся въ образъ смертнаго, то родъ человѣческій не получилъ бы прощенія у Бога и смертные не облеклись бы въ безсмертіе".

Полную глубокаго смысла рѣчь Лукіана не уразумѣли гонители. Эта рѣчь показалась имъ празднословіемъ свойственнымъ дѣтскому возрасту и постыднымъ для сѣдинъ старца. Чтобы образумить старца, гонители грозили ему муками и смертію; но Лукіанъ отвѣчалъ имъ: „нѣтъ мнѣ другой жизни и славы, кромѣ Господа моего Іисуса Христа, и умереть за Него пріобрѣтеніе!..." Когда же мучители указывали Лукіану на отступленіе отъ боговъ почитаемыхъ Кесаремъ и всѣмъ римскимъ синклитомъ, какъ на самое тяжкое преступленіе, святой мужъ, не обинуясь, сказалъ имъ: „невѣріе ослѣпило васъ и вашего Кесаря вмѣстѣ со всѣмъ его синклитомъ. Сообразно ли съ чѣмъ, чтобы мы люди—созданія разумныя - приносили жертву діаволамъ и преклонялись предъ безчувственными идолами, сдѣланными руками человѣческими. Эти правдивыя слова озлобили мучителей. Видя въ нихъ безчестіе для своихъ боговъ и для Кесаря, они связали Лукіана и предали воинамъ. Воины стали безъ милосердія бить святаго бичами; но онъ мужественно переносилъ страданія и не переставалъ исповѣдывать имя Христово. „Христа Сына Божія, говорилъ онъ, и сердцемъ, и вѣрою, и

устами никогда не перестану хвалить". Тогда озлобленные мучители приказали умертвить безстрашнаго исповѣдника, и одинъ изъ воиновъ, извлекши мечъ, отсѣкъ страдальцу голову и святое тѣло упало на землю. Въ то время, когда тѣло мученика еще не перестало трепетать, вдругъ возсіялъ съ неба большой свѣтъ и послышался голосъ: „радуйся благій рабъ Лукіанъ, не устрашившійся пролить за Меня кровь свою; пріиди и прими вѣнецъ, обѣщанный тебѣ, и водворись на небесахъ со святыми. Пріиди и наслѣдуй вмѣстѣ съ ангелами уготованную тебѣ обитель вѣчной славы". Всѣ окружающіе тѣло мученика — и вѣрные и невѣрные—слышали небесный голосъ и ужаснулись. Между тѣмъ мертвое тѣло святаго чудеснымъ образомъ поднялось съ земли и стало на ногахъ. Взявъ своими руками отсѣченную голову, оно пошло, какъ-бы было живымъ. Пройдя же около трехъ поприщъ, перейдя при этомъ лежащую на пути рѣку Ѳару, тѣло мученика достигло мѣста, еще прежде имъ избраннаго для погребенія, и тамъ легло на землю. Благочестивые люди, пришедши, помазали останки мученика ароматами, обвили чистыми покрывалами и съ великою честію похоронили. Въ тотъ же день увѣровало около пяти сотъ человѣкъ, а при жизни св. Лукіаномъ обращено было ко Христу до 30 тысячъ человѣкъ обоего пола и всякаго возраста. Съ теченіемъ времени надъ гробомъ мученика нѣкоторыми благочестивыми христіанами была построена церковь во славу Божію и въ честь святаго угодника. Сюда перенесли съ горы тѣла Іуліана и Максіана и положили ихъ вмѣстѣ съ Лукіаномъ. Не мало вѣрныхъ посѣщали гробы мучениковъ, и многіе молящіеся получали по ходатайству святыхъ исцѣленія отъ Господа нашего Іисуса Христа. (Четьи-Минеи).

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. СТРАСТОТЕРПЦА, БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЕВИЧА, КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ МОСКОВСКАГО ИЗЪ УГЛИЧА ВЪ МОСКВУ.

Въ концѣ XVI вѣка угасъ, возвеличенный Русью и всегда бывшій ея крѣпкою опорой, родъ Рюриковичей, выставивъ изъ среды своей святаго мученика — жертву властолюбія — Димитрія Іоанновича Угличскаго, убитаго сторонниками Бориса Годунова. Послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳеодора (1598 г.) Годуновъ сѣлъ на престолъ. Еще въ его царствованіе, въ Угличѣ стали совершаться отъ гроба св. царевича Димитрія чудеса и исцѣленія. Слухъ объ этихъ чудесахъ достигъ и царя — Бориса; но онъ всѣми мѣрами старался заглушить этотъ слухъ. Между тѣмъ явился самозванецъ и для Руси наступило смутное время, время тяжкихъ испытаній. Царь Борисъ померъ, Лжедмитрій же, овладѣвъ Москвою. убилъ сына Бориса Ѳеодора и самъ вступилъ на престолъ. Но въ ночь на 17 мая 1606 г. въ народѣ вспыхнуло страшное волненіе, среди котораго самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ со множествомъ поляковъ. Царемъ сдѣлался виновникъ переворота князь Василій Васильевичъ Шуйскій, а патріархомъ на мѣстѣ прежняго, поставленнаго Лжедимитріемъ — Игнатія, былъ избранъ Гермогенъ Казанскій, заявившій себя уже твердостію характера и стойкостію въ православіи при самозванцѣ. Но вотъ явился новый самозванецъ, выдававшій себя за царевича Димитрія. Тогда царь Василій Шуйскій вмѣстѣ съ патріархомъ рѣшились перенести останки царевича—Димитрія изъ Углича въ Москву. Въ Угличъ за св. мощами былъ посланъ Филаретъ — митрополитъ Ростовскій и Ярославскій съ другими святителями, со мно-

гими боярами и родственниками убіеннаго царевича. Цѣлыми толпами тогда сталъ стекаться ко гробу св. Димитрія народъ, со слезами преклонялся передъ гробницей и искренно раскаявался въ томъ, что прежде, боясь гнѣва самозванца, молчалъ объ обстоятельствахъ убіенія царевича. „Мы его любили и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и мертваго?“ Такъ взывалъ народъ къ пришедшимъ за тѣломъ св. Димитрія. Однако царское повелѣніе заставило угличскихъ граждань выдать драгоцѣнные останки юнаго мученика. Пятнадцать лѣтъ покоилось тѣло св. Димитрія во градѣ и нисколько не подверглось поврежденію. Плоть на лицѣ и волосы на головѣ, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежда шитая золотомъ и серебромъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго отрока въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу, все это осталось цѣлымъ и неповрежденнымъ. Еще болѣе засвидѣтельствовалась святость царевича чудесами, которыя здѣсь же, по свидѣтельству лѣтописца, при громадномъ стеченіи народа, стали совершаться отъ св. мощей Димитрія. Знатные и простые люди, воины и граждане, купцы и сельчане несли раку св. царевича до самой Москвы попеременно. Передъ Москвою святымъ останкамъ убіеннаго была устроена пышная и блистательная встрѣча. Здѣсь былъ и самъ царь Василій Шуйскій, инокиня Марѳа — мать св. царевича Димитрія, весь царскій синклитъ, патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и множество московскихъ граждань и простаго народа. Самъ царь несъ св. мощи всею Москвою до Архангельскаго собора. Когда были поставлены здѣсь св. мощи, инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство и весь народъ простить ей преж-

нее ея признаніе самозванца своимъ сыномъ, и святители торжественно разрѣшили ее „изъ уваженія къ ея супругу и сыну“. Много исцѣленій источили въ то время эти св. останки и, чтобы не скрывать этотъ источникъ благодати, ихъ вложили въ раку, служили молебны и постановили праздновать память ихъ перенесенія. Въ настоящее время мощи св. Димитрія открыто почиваютъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ. (Четьи - Минеи).

ПРЕПОДОБНАЯ ІЕРІЯ.

Св. Іерія была сначала язычницею, вышла за мужъ за сенатора, но на осьмомъ мѣсяцѣ супружеской жизни овдовѣла. Въ то время въ Месопотаміи, въ горахъ сосѣднихъ съ Низабіею, была основана община дѣвственницъ, при семъ особенно чистотой жизни и строгими подвигами славилась св. дѣвственница Февронія (см. 25 іюня). Слухъ о Февроніи сильно заинтересовалъ вдову сенатора, и въ ней возгорѣлось пламенное желаніе познакомиться съ замѣчательной подвижницею. Іерія пришла въ обитель и, какъ сановитая особа, съ великими почестями была принята настоятельницей общины — Вріенной. Упавъ къ погамъ игуменьи, Іерія со слезами просила дозволенія посмотрѣть и побесѣдовать съ Февроніей. Чистота намѣреній Іеріи, ея слезная и настойчивая просьба тронули Вріенну и она дозволила ей свидѣться съ Февроніей, только подъ условіемъ явиться къ подвижницѣ не въ богатомъ свѣтскомъ уборѣ, а въ одеждѣ послушницы, такъ какъ Февронія никогда не видала свѣтскихъ уборовъ. Когда вошла Іерія къ дѣвственницѣ, то послѣдняя принявъ ее за странствующую отшельницу, пала къ ея погамъ и какъ сестру о Хри-

стѣ горячо обняла ее. Всю ночь провела потомъ Іерія въ кельи Февроніи, слушая благочестивыя поученія подвижницы, и такъ полюбила ее, что утромъ Вріенна съ трудомъ убѣдила ее разстаться съ Февроніей. Возвратившись домой, Іерія сообщила роднымъ о слышанныхъ ею небесныхъ поученіяхъ и умоляла ихъ отстать отъ служенія идоламъ и обратиться въ христіанство. Сама-же Іерія тотчасъ же крестилась и сдѣлалась искреннею и ревностною Христовою исповѣдницею. Ея горячія убѣжденія и святая жизнь подѣйствовали и на родителей и они обратились ко Христу со всѣми своими домашними.

Впослѣдствіи Іерія часто посѣщала обитель и однажды во время опасной болѣзни Февроніи усердно и съ любовіей прислуживала ей, безвыходно оставаясь съ больной до самаго выздоровленія. Но вскорѣ, во время наступившаго при Діоклитіанѣ (284—305) гоненія, Февронія подверглась за исповѣданіе Христа жесточайшимъ истязаніямъ. Въ судебной палатѣ, куда привели святую, находилась и Іерія. Видя жестокія муки исповѣдницы, Іерія невытерпѣла и сказала мучителю, что его жестокость оскорбительна для человѣчества и превышаетъ гражданское приличіе. Мучитель, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, приказалъ допросить Іерію. Святая съ радостію спѣшила подойти на судъ со словами: „не отринь и меня Богъ Февроніи—наставницы моей! Соедини меня съ нею!“ Начали было снимать допросъ съ Іеріи, но мучителю сказали, что истязаніе Іеріи, какъ знатной женщины, сопряжено съ опасностію, такъ какъ народъ могъ произвести волненіе. Тогда Іерія была оставлена въ покоѣ. Между тѣмъ казнь Февроніи шла своимъ чередомъ и наконецъ великой мученицѣ отрубили голову и она испустила духъ. Христіане съ подобающими по-

честями погребли тѣло исповѣдницы. Твердость и мужественное перенесеніе страданій Февроніей еще болѣе усилила въ Іеріи ревность къ подвигамъ благочестія. Всю остальную жизнь св. вдова посвятила подвигамъ благочестія и воздержанія и, въ мирѣ скончавшись, почила при гробѣ Февроніи около 320 года. (Св. подвиж. вост. цер. Филарета арх. Черниг. стр. 165—167. 170—174).

4-е число.

Св. Митрофана, перваго Патріарха Константина града. Св. муч. Астія, епископа Диррахійскаго. Св. мучч. Фронтасія, Северина, Северіана и Силана. Св. муч. Конкордія. Пр. Зосимы Киликіанина, епископа Вавилона египетскаго. Пр. Меѳодія, игумена Пѣсношскаго.

(Пр. Софіи. Пр. Іоанна, игумена Монагрійскаго. Пр. Алонія. Мароы и Маріи, сестеръ Лазаря. Пр. Елеазара и Назара олонецкихъ).

СВ. МИТРОФАНА, ПЕРВАГО ПАТРІАРХА КОНСТАНТИНА ГРАДА.

Св. Митрофанъ жилъ въ царствованіе перваго христіанскаго царя Константина Великаго. Отецъ Митрофана Дометій былъ братомъ римскаго императора Проба, умершаго въ 285 году. Убѣдившись въ ложности языческой религіи, Дометій уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ оставилъ идолослуженіе и увѣровалъ въ истиннаго Бога Іи-

суса Христа. Къ этому времени въ Римѣ было поднято гоненіе на христіанъ, почему Дометій вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями—Пробомъ и Митрофаномъ ушелъ изъ Рима въ Византію, гдѣ въ то время епископомъ былъ Титъ—человѣкъ благочестивый. Живя въ Византіи, Дометій вмѣстѣ съ сыновьями подъ руководствомъ Тита учился вѣрѣ Христовой и закону Христову, ведя при этомъ благочестивый образъ жизни. Видя сердечное влеченіе Дометія ко Христу и его богоугодный образъ жизни, Титъ присоединилъ его къ церковному причту, рукоположивъ его во священника. Послѣ смерти Тита, на его мѣсто поступилъ Дометій, когда же и онъ скончался, святительскій санъ принялъ на себя его сынъ—Пробъ. Наконецъ послѣ смерти Проба епископскій престолъ въ Византіи занялъ уже его братъ Митрофанъ, бывшій тогда въ глубокой старости. Во время пребыванія своего въ Византіи Константинъ Великій увидѣлъ Митрофана, долго бесѣдовалъ съ нимъ, сильно полюбилъ его за добродѣтельную жизнь и свѣтлый умъ и взялъ съ собою въ Римъ. Послѣ же перенесенія столицы изъ Рима въ Византію Константинъ перевелъ сюда и св. Митрофана, и во время перваго Вселенскаго собора въ Никеѣ назначилъ его первымъ патріархомъ Константинопольскимъ. Но по старости и немощи своей св. Митрофанъ не могъ явиться на соборъ и послалъ вмѣсто себя благочестиваго мужа Александра. И доблестный Александръ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе, ревностно отстаивая православіе и искусно разоблачая заблужденіе—еретика Арія. Когда окончился соборъ, Константинъ Великій вмѣстѣ со святителями навѣстилъ св. Митрофана, и видя его ослабшимъ отъ старости и болѣзни, благочестивый царь просилъ умирающаго ука-

зать себѣ достойнаго преемника. На такую просьбу святитель съ ликующимъ лицомъ отвѣчалъ: „воистину Духъ Святой въ настоящее время говоритъ твоими устами. Когда я семь дней тому назадъ размышлялъ объ этомъ, Господь Богъ открылъ, что я скончаюсь чрезъ десять дней, и послѣ меня достоинъ принять престолъ сослужитель мой Александръ, а послѣ него теперь состоящій чтецомъ—Павелъ“. Сказавъ это, святитель взялъ за руку архидіакона Аѳанасія и предсказалъ ему, что онъ твердо будетъ стоять за православіе и мужественно бороться съ аріанской ересью и что вмѣстѣ съ Павловъ его ждутъ многія страданія. Согласно съ своимъ предсказаніемъ святитель Митрофанъ по прошествіи десяти дней скончался, доживъ уже до глубокой старости (Четьи - Минеи). Въ Константинополѣ близъ церкви мученика Акакія въ Ептоскалахъ была построена въ честь св. Митрофана церковь, гдѣ и положены были его мощи. (Мѣсяц. Вост. А. Сергія т. 2. зам. 158).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА АСТІЯ, ЕПИСКОПА ДИРРАХІЙСКАГО.

Священномученикъ Астій былъ епископомъ диррахійскимъ (въ Македоніи), въ царствованіе римскаго императора Траяна (249—252). Этотъ императоръ былъ ненавистникомъ христіанъ и задумалъ истребить ихъ совершенно, какъ будто это было дѣломъ легкимъ и возможнымъ. Началось жестокое гоненіе на послѣдователей Христовыхъ. Пришлось испытать тяжесть этихъ гоненій и святому Астію. Когда этотъ доблестный мужъ отказался принести жертву идоламъ, его бросили въ тем-

ницу, гдѣ онъ во снѣ увидѣлъ, что будто-бы стоитъ на камнѣ обмазанномъ смолою съ масломъ. Этотъ сонъ Астій счелъ за предзнаменованіе будущаго своего страданія за Христа, о чемъ и объявилъ своимъ единовѣрцамъ, совѣтуя имъ уйти, гдѣ-бы можно было избѣжать смерти. Затѣмъ благочестивый епископъ былъ приведенъ къ начальнику—Агриколаю, который повелѣлъ его бить оловянными прутьями и воловьими сухими жилами, надѣясь заставить принести жертву идоламъ. Но св. Астій, не смотря на всю тяжесть испытанныхъ имъ страданій, остался вѣренъ Христовой религіи. Тогда мученика намазали по нагому тѣлу медомъ и распяли на крестѣ. Въ такомъ видѣ св. Астій оставленъ былъ предъ городомъ подъ открытымъ небомъ, чтобы подвергнуть его укушеніямъ мухъ и шершней. Но послѣ молитвы къ Богу святой испустилъ духъ свой. Христіане взяли его честныя мощи и съ честію погребли ихъ во градѣ. (Прологъ).

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКЪ: ФРОНТАСІЯ, СЕВЕРИНА, СЕВЕРІАНА И СИЛАНА.

Въ царствованіе императора Клавдія (41—54), блаженный Фронтанъ, первый перическій епископъ (въ Галліи нынѣшней Франціи), для распространенія христіанства послалъ Фронтасія, Северина, Северіана и Силана проповѣдывать слово Божіе. Но благочестивые проповѣдники были взяты язычникомъ Сквиридономъ. Этотъ нечестивецъ сталъ укорять ихъ за то, что они не поклоняются идоламъ, отвращаютъ отъ этаго и другихъ и разрушаютъ языческіе храмы. Тогда проповѣдники отвѣтили язычнику, что идолы суть дѣло рукъ человѣческихъ и какъ

бездушныя созданія сами нуждаются въ помощи. Мучитель сталъ грозить смертію. „Жить или умереть о Христѣ", — вотъ наше пріобрѣтеніе, отвѣчалъ Сквиридону Фронтасій. Сквиридонъ сталъ было убѣждать Силана, еще юношу и притомъ искуснаго въ игрѣ на гусляхъ, кимвалахъ и лирѣ, принести жертву идоламъ; но и этотъ проповѣдникъ отвѣтилъ: „я приношу жертву Господу моему Іисусу Христу, Который благодатію Своего крещенія омылъ весь міръ отъ скверны. Онъ сказалъ Своимъ ученикамъ: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мѳ. 28, 19). Иже вѣру иметъ и крестится спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ (Мар. 16, 16)". Такъ и ты, правитель, если увѣруешь во Христа и крестишься, то спасешься; въ противномъ же случаѣ будешь осужденъ". Вмѣсто благотворнаго дѣйствія проповѣдь о Христѣ ожесточила нечестиваго Сквиридона. Онъ повелѣлъ вывести проповѣдниковъ за городъ, на лобное мѣсто и предать ихъ тамъ жестокимъ мукамъ. И вотъ, святыхъ мужей пригвоздили къ столбу, а въ ихъ головы вбили по десяти желѣзныхъ гвоздей. Но такъ какъ и эти лютыя истязанія не отвратили мучениковъ отъ Христовой вѣры, то мучитель повелѣлъ отсѣчь имъ головы, и святые мученики, ставъ на колѣна и поручивъ душу свою Господу, преклонили подъ мечь свои головы, которыя и были отсѣчены палачами. Тѣла святыхъ мужей были брошены безъ погребенія. Епископъ Фронтанъ при огромномъ стеченіи народа въ самомъ храмѣ похоронилъ Фронтасія, Северина и Силана. Северіанъ же, вслѣдствіе просьбы одной благочестивой женщины, былъ погребенъ особо во владѣніяхъ этой женщины не далеко отъ его сострадальцевъ.

СВЯТАГО МУЧЕНИКА КОНКОРДІЯ.

Св. мученикъ Конкордій пострадалъ около 175 года въ городѣ Сполетѣ. Спачала онъ жилъ въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, по имени Гордіаномъ, который, нося пресвитерскій санъ, воспиталъ сына въ благочестіи и научилъ его священному писанію. Впослѣдствіи, бывъ поставленъ въ иподіакона, Конкордій вмѣстѣ съ своимъ родителемъ жилъ благочестиво, проводя большую часть времени въ постѣ и молитвѣ, и по мѣрѣ своихъ средствъ помогая нищимъ. Особенно-же часто и усердно они просили у Господа защиты и покровительства отъ свирѣпости гонителей. Однажды св. Конкордій сталъ просить у своего родителя позволенія удалиться на время гоненія къ св. Евтихію. Гордіанъ убѣждалъ сына принять лучше въ Римѣ мученическій вѣнецъ, но въ виду настойчивой просьбы Конкордія отпустилъ его къ св. Евтихію, находившемуся тогда въ мѣстечкѣ, лежащемъ на Саларійской дорогѣ, близъ города Трифула. Евтихій съ радостію принялъ св. Конкордія. Они стали жить вмѣстѣ, часто молились и постились, многіе больные приходили къ нимъ, и святые мужи, помолившись, именемъ Господа Іисуса Христа исцѣляли недугующихъ.

Вскорѣ слава о святыхъ мужахъ распространилась по окрестностямъ. Узналъ объ этомъ и Торкватъ намѣстникъ Тусскій, жившій въ то время въ городѣ Сполетѣ. Онъ приказалъ привести къ нему Конкордія, и когда тотъ явился и объявилъ себя христіаниномъ, Торкватъ заставлялъ его принести жертву языческимъ богамъ, обѣщалъ донести объ немъ царю Антонину и просить его, чтобы онъ поставилъ святаго въ языческіе жрецы. Но святый Конкордій отвѣчалъ на это: „лучше ты послушай меня

и пожри Господу Іисусу Христу, чтобы избѣжать вѣчныхъ мукъ; если же не сдѣлаешь этого, то будешь наказанъ вѣчнымъ огнемъ". Тогда мучитель повелѣлъ бить св. исповѣдника палками и послѣ терзанія заключить въ общей темницѣ. Ночью пришли навѣстить мученика св. Евтихій и блаженный епископъ Анонмъ. Послѣдній, имѣя доступъ къ Торквату, пришелъ къ нему и выпросилъ освобожденіе Конкордія на нѣсколько дней. Св. мученикъ поселился вмѣстѣ съ епископомъ Анонмомъ и посвященъ былъ имъ во священника.

Прошло нѣсколько времени, и св. Конкордій снова былъ призванъ къ намѣстнику и снова отказался исполнить его повелѣніе принести жертву идоламъ. За это Торкватъ повѣсилъ св. мужа на древѣ, надѣясь чрезъ это принудить его отречься отъ Христа; но такъ какъ твердый исповѣдникъ оставался непреклоненъ, то мучитель повелѣлъ заключить его въ отдѣльную темницу, приковать къ стѣнѣ его шею и руки желѣзомъ и запретилъ кого бы то ни было впускать къ святому, имѣя намѣреніе уморить его голодомъ. Ночью явился къ Конкордію Ангелъ Господень и ободрилъ его.

По прошествіи трехъ дней, Торкватъ послалъ въ полночь къ мученику двухъ оруженосцевъ сказать ему, чтобы онъ принесъ жертву, а если же святой не послушается, отсѣчь ему голову. „Слава Тебѣ Господи", отвѣтилъ Конкордій на слова оруженосцевъ, и плюнулъ въ лице идолу принесенному ему ими для поклоненія. Тогда одинъ изъ оруженосцевъ извлекъ мечъ и отсѣкъ голову св. мученику. Два клирика вмѣстѣ съ нѣкоторыми благочестивыми мужами взяли тѣло Конкордія и похоронили его не вдалекѣ отъ города Сполета. Многіе приходили на мѣсто погребенія мученика и получали исцѣленія: слѣпые про-

зрали, недугующіе исцѣлялись и одержимые бѣсами освобождались отъ нихъ. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ЗОСИМЫ КИЛИКІАНИНА, ЕПИСКОПА ВАВИЛОНА ЕГИПЕТСКАГО.

Преподобный Зосима родился въ странѣ Киликійской. Еще будучи юношей, онъ покинулъ міръ, ушелъ на Синайскую гору и здѣсь, принявши иночество, усердно и ревностно угождалъ Богу. Вскорѣ преподобный пожелалъ удалиться въ болѣе пустынное мѣсто и ушелъ въ Ливію, гдѣ и поселился на мѣстѣ, называемомъ Аммоніакъ. Здѣсь Зосима жилъ въ совершенномъ одиночествѣ, ведя строго подвижническій образъ жизни. Однажды, проходя по пустынѣ, Зосима встрѣтился со старцемъ, одѣтымъ въ острую власяную одежду. Принявъ этаго старца за великаго подвижника, Зосима приблизился къ нему, чтобы поклониться и получить отъ него благословеніе; но старецъ сказалъ: „за два дня явился мнѣ одинъ чудный видомъ и возвѣстилъ мнѣ: къ тебѣ идетъ инокъ изъ Синая—Зосима, не позволяй ему оставаться въ этой пустынѣ, такъ какъ я хочу поручить ему вавилонскую церковь въ Египтѣ“. Послѣ этихъ словъ старецъ отошелъ отъ Зосимы и сталъ молиться. Около двухъ часовъ стоялъ онъ на молитвѣ и потомъ, подошедши къ Зосимѣ, обнялъ его и, облобызавши, сказалъ: „любезный сынъ! Какъ хорошо сдѣлалъ ты, что пришелъ сюда! Самъ Богъ привелъ тебя ко мнѣ, чтобы ты предалъ землѣ мое тѣло“. Сорокъ лѣтъ жилъ старецъ въ совершенномъ одиночествѣ въ этой пустынѣ, какъ узналъ отъ него объ этомъ Зосима, и теперь встрѣтивъ здѣсь человѣка въ первый и послѣдній разъ, онъ легъ предъ Зосимой на землю и скончался. Св. Зо-

сима, раскопавъ землю, схоронилъ честное тѣло великаго старца и, по прошествіи двухъ дней, возвратился на Синайскую гору въ монастырь.

Въ этотъ монастырь однажды пришелъ къ преподобному разбойникъ и обратился къ нему съ просьбою принять его въ иноки. „Я, говорилъ разбойникъ, въ безмолвіи буду плакать о грѣхахъ моихъ. Много убійствъ совершено мною, и я хочу отстать отъ своихъ злыхъ дѣлъ и въ продолженіи всей жизни проводить время въ раскаяніи“. Зосима исполнилъ просьбу разбойника и постригъ его въ иноки. Но по прошествіи нѣкотораго времени, преподобный сталъ просить его удалиться, такъ какъ если-бы князь узналъ о разбойникѣ, то взялъ-бы его; равнымъ образомъ если-бы узнали объ немъ и его соперники, то предали бы смерти. Разбойникъ согласился на просьбу Зосимы, и св. инокъ отвелъ его въ киновію отца Дороѳея близъ Газы, самъ же возвратился снова въ Синайскій монастырь. Девять лѣтъ жилъ, бывшій прежде разбойникомъ, инокъ въ киновіи; но по истеченіи этого времени, явился къ Зосимѣ и просилъ его взять иноческія одежды и отдать ему мірскія. Когда же Зосима съ сожалѣніемъ спросилъ его, съ какою цѣлію онъ обратился къ нему съ такой просьбой, инокъ смиренно отвѣтилъ: „девять лѣтъ, какъ ты самъ знаешь, отче, жилъ я въ киновіи и на сколько возможно постился, преуспѣвалъ въ кротости и молчаніи, научился страху Божію и надѣюся теперь, что Господь Богъ по Своей безконечной благости и неизреченному милосердію проститъ множество грѣховъ моихъ. Но я постоянно вижу дитятю предъ собою, которое говоритъ мнѣ одно и тоже: зачѣмъ ты убилъ меня. Вижу это дитя и слышу его голосъ и на яву, и во снѣ, и въ церкви, и во время пѣнія, не остав-

ляетъ меня это видѣніе и когда я приступаю къ Божественнымъ тайнамъ и когда вкушаю за трапезой пищу вмѣстѣ съ братіей. Поэтому я рѣшился идти туда, гдѣ разбойничалъ. Пусть буду тамъ взятъ, преданъ суду и пусть меня умертвятъ за дитятю; такъ какъ я безъ ума убилъ его". И вотъ, инокъ, надѣвши прежнія свои одежды, пришелъ къ городу Діосполю. Здѣсь, узнавъ въ немъ разбойника, взяли его, спустя два дня отсѣкли ему голову, и онъ, такимъ образомъ, омылъ прежніе грѣхи своею кровію.

Горя желаніемъ безмолвія, препод. Зосима снова рѣшился покинуть гору Синайскую. Вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Іоанномъ онъ отправился въ пустыню, называвшуюся Порфиротъ. Здѣсь они встрѣтили двухъ пустынниковъ. Одинъ былъ Павелъ изъ страны Галатійской, другой—Өеодоръ родомъ Мелитинецъ. Оба пустынника имѣли одежды изъ буйволовыхъ кожъ. Невдалекѣ отъ этихъ отшельниковъ и поселился преподобный Зосима вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, съ Зосимой случилось несчастіе: его ученика Іоанна укусила змѣя и онъ померъ. Скорбя и печалясь о смерти Іоанна, Зосима отправился къ отшельникамъ. Тѣ сразу уразумѣли причину скорби Зосимы, такъ что онъ удивился ихъ прозорливости. Затѣмъ пустынники вмѣстѣ съ Зосимой отправились на то мѣсто, гдѣ лежалъ умершій отшельникъ. „Братъ Іоаннъ! сказали они умершему, встань! Учитель требуетъ тебя". Іоаннъ дѣйствительно ожилъ и всталъ. Тогда пустынники отыскали змѣю и умертвили, разорвавъ ее на двѣ части. Затѣмъ они повелѣли идти Зосимѣ въ Синай, такъ какъ Господь хочетъ, говорили ему, тебѣ поручить епископство вавилонской церкви. Принявъ отъ святыхъ отшельниковъ бла-

гословеніе. Зосима вмѣстѣ съ ученикомъ возвратился на Синай.

Спустя не много времени, Зосима съ другими двумя братіями былъ посланъ настоятелемъ Синайскаго монастыря въ Александрію съ нѣкоторымъ порученіемъ. Александрійскій папа Аполлинарій удержалъ иноковъ и всѣхъ ихъ рукоположилъ въ епископы. Одинъ изъ иноковъ былъ рукоположенъ въ епископа Иліопольскаго, другой — во епископа Леондопольскаго. святой же Зосима назначенъ былъ епископомъ въ Вавилонъ. Какъ извѣстно, въ древности было два Вавилона; одинъ въ Халдеѣ, другой Вавилонъ въ Египтѣ. Сюда переселились нѣкоторые изъ халдейскаго Вавилона: близъ рѣки Нила построили городъ и по имени того города, откуда вышли, назвали его Вавилономъ. Въ этомъ-то египетскомъ Вавилонѣ, согласно съ предсказаніемъ пустынниковъ, и былъ епископомъ Зосима. Онъ мудро управлялъ своею паствою, наставляя ввѣренныхъ его руководительству на путь истинный и подавая имъ примѣръ благочестивой жизни.

По прошествіи многихъ лѣтъ, уже въ глубокой старости, преподобный, видя приближеніе своей кончины, оставилъ епископскій престолъ, возвратился на Синай и здѣсь вскорѣ скончался. Время смерти преподобнаго относится къ шестому вѣку. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО МЕѲОДІЯ, ИГУМЕНА ПѢСНОШСКАГО.

Преподобный Сергій своею строго подвижническою жизнію многихъ привлекалъ къ себѣ и многіе благочестивые иноки воспитались подъ его руководствомъ. Къ числу такихъ иноковъ принадлежитъ и преподобный Меѳодій. Онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ поселился въ пустынѣ

вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюденіемъ преподобнаго Сергія упражнялся въ подвигахъ благочестія. Освоившись съ иноческимъ образомъ жизни и возгорѣвшись желаніемъ безмолвія, Меѳодій, напутствуемый благословеніемъ св. Сергія, отправился искать пустыннаго мѣста. За рѣкой Яхромою, въ дубовомъ лѣсу, отстоящемъ на разстояніи версты отъ нынѣшней Пѣсношской обители, любитель уединенія остановился и построилъ себѣ на небольшомъ возвышеніи келью. Кругомъ этого мѣстожительства Меѳодія были болота и лѣса и ничто не мѣшало его уединенію. Въ суровомъ постѣ и постоянныхъ молитвахъ потекла жизнь преподобнаго, и его душа вслѣдствіе этихъ подвиговъ все болѣе и болѣе отрѣшалась отъ міра тлѣннаго и земнаго, стремясь въ страны горнія, небесныя. Но какъ пламень костра просвѣчивается даже и сквозь лѣсную чащу, такъ и подвижническую жизнь Меѳодія не укрыли болота и лѣса отъ ревнителей благочестія, которые и не замедлили собраться вокругъ подвижника, чтобы подъ его руководствомъ содѣлаться достойными будущей награды обѣщанной Господомъ всѣмъ вѣрнымъ Его послѣдователямъ. Въ это время посѣтилъ Меѳодія преп. Сергій и убѣдилъ его построить обитель, только выбравъ для этого болѣе сухое и удобное мѣсто. Такое мѣсто нашлось невдалекѣ отъ кельи Меѳодія, именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ Пѣсношская обитель. Св. Сергій самъ благословилъ это мѣсто для построенія обители, а Меѳодій ревностно взялся за выполненіе воли своего руководителя. Не мало св. инокомъ было потрачено трудовъ при построеніи храма и келій, причемъ онъ *пѣшъ носилъ* черезъ рѣчку деревья, отчего и воздвигнутая обитель получила названіе *Пѣшношской*, подобно тому какъ

и рѣчку, при которой построили обитель стали называть *Пѣшношею.* Время основанія этой обители относится къ 1361 году. Поселившіеся здѣсь иноки вели трудолюбивый образъ жизни, сами себѣ добывая пропитаніе и исполняя всѣ нужныя для обители работы, такъ что эта обитель была преимущественно обителью трудолюбія. Только частые посты и молитвы разнообразили жизнь пѣшношскихъ иноковъ. Самъ игуменъ подавалъ братіи примѣръ во всемъ и былъ между ними первымъ по подвигамъ труда, молитвъ и поста, и чрезъ это самое воспиталъ многихъ благочестивыхъ иноковъ. Но строгій, по отношенію къ себѣ, Меѳодій былъ нетребователемъ и милостивъ къ своей братіи, снисходя къ ихъ немощамъ и предостерегая отъ ошибокъ въ будущемъ. Проводя большую часть времени въ Пѣшношской обители, Меѳодій иногда удалялся отъ нее версты за двѣ, чтобы въ уединеніи безпрепятственно возносить молитвы къ Господу Богу. Въ этомъ пустынномъ мѣстѣ подвижника навѣщалъ пр. Сергій и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о божественныхъ предметахъ, отчего и самая мѣстность получила названіе „Бесѣды". Такъ продолжалось до смерти преп. Сергія: а чрезъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого скончался 4-го Іюня 1392 года (Ист. Іерарх. V, 524, 550) и препод. Меѳодій. Его мощи и до нынѣ покоятся подъ спудомъ въ церкви св. Сергія и Меѳодія, а до 1732 года почивали въ часовнѣ. Подлѣ раки Меѳодія стоитъ его посохъ, а въ ризницѣ хранится деревянный потиръ употребляемый имъ при богослуженіи. На мѣстѣ называемомъ „Бесѣдою" и до нынѣ стоитъ часовня, къ которой бываетъ крестный ходъ 24-го Іюня. Другая часовня построена на первомъ мѣстѣ жительства Меѳодія близь Пѣшношской обители. (Русс. свв. Филарета, арх. чер-

ниг. слов. истор. о свв. стр. 161. Ист. Росс. іер. т. 5-й стр. 520).

МАРѲА И МАРІЯ, СЕСТРЫ СВ. ЛАЗАРЯ ЧЕТВЕРОДНЕВНАГО.

Это благочестивое семейство, жившее въ Виѳаніи, особенно любилъ Христосъ и Лазаря называлъ Онъ другомъ Своимъ и другомъ апостоловъ. Обѣ сестры столь вѣровали во Христа еще до воскресенія брата ихъ, что не сомнѣвались, что если бы Христосъ былъ съ Лазаремъ, то братъ ихъ не умеръ бы, и что даже теперь для Него Христа Господа все возможно сдѣлать (Іоан. XI. 1—45). За шесть дней до пасхи, на канунѣ вшествія Христа во Іерусалимъ на вольную страсть, когда Христосъ былъ въ Виѳаніи на уготованной Ему вечери, въ домѣ Симона прокаженнаго, и воскрешенный Христомъ Лазарь раздѣлялъ съ Нимъ трапезу, а Марѳа служила Ему, Марія, взявъ алавастровый сосудъ съ драгоцѣннымъ мѵромъ, помазала имъ ноги Іисуса, отерла ихъ волосами своими и возлила мѵро на голову Его. Когда же Іуда Искаріотъ по сребролюбію сказалъ, что лучше бы продать драгоцѣнное мѵро и деньги раздать нищимъ, Іисусъ сказалъ: „что смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня, ибо нищихъ всегда имѣете съ собою и, когда захотите, можете имъ благотворить; а Меня не всегда имѣете. Она сдѣлала, что могла; возливъ мѵро сіе на тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію. Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе, въ цѣломъ мірѣ сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала". (Іоан. 22, 1—8. Мѳ. 26. 6—13. Мар. 14, 3—9). Впослѣдствіи Марѳа и Марія помогали своему брату Лазарю

въ благовѣствованіи святаго Евангелія; но когда, гдѣ и какъ окончили жизнь онѣ, о томъ не говорятъ церковныя преданія.

ПРЕПОДОБНЫХЪ ЕЛЕАЗАРА И НАЗАРА ОЛОНЕЦКИХЪ.

Какъ жили преподобные, какіе подвиги совершали и въ какомъ году скончались — остается неизвѣстнымъ. По рукописнымъ святцамъ, Елеазаръ и Назаръ прославляются какъ основатели Предтечева монастыря, находившагося въ Олонецкомъ уѣздѣ. Въ этихъ святцахъ они называются чудотворцами и день ихъ кончины относится къ 4 іюня. Можно думать, что Елеазаръ и Назаръ были учениками преп. Лазаря Мурманскаго (см. 8 марта) и подвизались въ 15 вѣкѣ, потому что также какъ и Лазарь называются пришедшими изъ Греціи. Мощи преподобныхъ почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ упраздненной обители, обращенной теперь въ приходскую церковь. (Филарета Русс. свв.).

5-е ЧИСЛО.

Св. священномуч. Дороѳея, еп. Тирскаго. Свв. мучч. Маркіана, Никандра. Иперихія, Аполлона, Леонида, Арія. Горгія, Селиния, Ириния и Памвона. Пр. Анувія, пустынника египетскаго. Пр. Ѳеодора чудотворца. Пр. Дороѳея. Блаженнаго Игоря Ольговича, великаго князя черниговскаго и кіевскаго. Блаженнаго Константина, митрополита кіевскаго и всея Россіи. Преставленіе св. благовѣрнаго князя Ѳеодора Ярославича.

(Св. муч. Христофора, муч. Конона, новомуч. Марка, пр. Петра Корашскаго).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ДОРОѲЕЯ, ЕП. ТИРСКАГО.

Св. Дороѳей занималъ епископскую каѳедру въ городѣ Тирѣ. Онъ правилъ тирскою церковію болѣе 50 лѣтъ. Въ царствованіе римскаго императора Діоклитіана на христіанъ было воздвигнуто жестокое гоненіе во всей Римской имперіи. Въ это время Дороѳей оставилъ епископскій престолъ и, чтобы не попасть въ руки гонителей, укрывался въ неизвѣстныхъ имъ мѣстахъ. Послѣ воцаренія Константина Великаго, даровавшаго христіанамъ свободу вѣроисповѣданія, Дороѳей возвратился въ Тиръ и снова сталъ управлять ввѣренною ему церковію. Онъ ревностно исполнялъ возложенныя на него обязанности, мудро руководя пасомыми и просвѣщая многихъ идолопоклонниковъ свѣтомъ Христовой истины. Юліанъ отступникъ, вступивъ на престолъ, хотя открыто и не преслѣдовалъ христіанъ, но въ тайнѣ былъ жесточайшимъ вра-

гомъ послѣдователей Христовыхъ. Согласно съ наставленіемъ св. Писанія, побуждающимъ избѣгать опасности отъ мучителей (Римс. 12, 19. Мо. 10, 23), Дороѳей опять, избѣгая враговъ христіанъ, покинулъ Тиръ и прибылъ во Ѳракію. Но Богу угодно было, чтобы св. епископъ принялъ вѣнецъ мученика. Въ Удскомъ городѣ (нынѣ Варна) въ нижней Мизіи сподвижники Юліана схватили Тирскаго епископа и подвергли его различнаго рода истязаніямъ. Отъ тяжкихъ мукъ Дороѳей скончался, будучи ста семи лѣтъ отъ роду около 362 г. (Четьи-Минеи). Прославивши себя, какъ мученикъ, Дороѳей прославилъ себя еще какъ писатель. Ему приписывается синопсисъ— сочиненіе о пророкахъ, апостолахъ и 72 ученикахъ Господа; приписываются ему и другія полезныя для церкви писанія на греческомъ и латинскомъ языкахъ. (Мѣс. Вост. А. Сергія т. 2. Зам. 152 стр.).

СВВ. МУЧЧ: МАРКІАНА, НИКАНДРА, ИПЕРИХІЯ, АПОЛЛОНА, ЛЕОНИДА, АРІЯ, ГОРГІЯ, СЕЛИНІЯ, ИРИНІЯ И ПАМВОНА.

Маркіанъ, Никандръ и другіе были родомъ египтяняне. Въ правленіе Максиміана ихъ взяли за исповѣданіе христіанства и хотѣли силою принудить отречься отъ Христовой вѣры, но они остались непоколебимы. Тогда святыхъ исповѣдниковъ палачи стали бить безъ милосердія, жгли имъ бока и потомъ, повѣсивши, желѣзными ногтями строгали ихъ тѣло, такъ что оно клочьями падало на землю. Наконецъ едва живыхъ мучениковъ бросили въ темницу. Здѣсь имъ явился Ангелъ Господень и исцѣлилъ ихъ, такъ что когда чрезъ нѣсколько дней ихъ вывели изъ темницы, то они глазамъ мучителей и мно-

гимъ изъ народа предстали совершенно здравыми. Это чудо нѣкоторыхъ изъ невѣрныхъ обратило въ христіанство. Но мучители снова бросили св. мучениковъ въ темницу, гдѣ они и скончались отъ голода и жажды. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО АНУВІЯ. ПУСТЫННИКА ЕГИПЕТСКАГО.

Преподобный Анувій былъ родомъ изъ Египта. Во время гоненія на христіанъ, онъ неустрашимо объявилъ себя послѣдователемъ Господа нашего Іисуса Христа, за что претерпѣлъ мученія отъ язычниковъ. Отпущенный мучителями, Анувій поселился въ пустынѣ и сталъ вести здѣсь подвижническую жизнь вмѣстѣ съ другими шестью братьями, изъ которыхъ одинъ назывался Пименомъ. Когда на скитъ подвижниковъ напали мазики и опустошили его, то св. мужи поселились въ заброшенномъ языческомъ храмѣ, условившись между собою въ продолженіи цѣлой недѣли не говорить другъ съ другомъ. Живя здѣсь, Анувій каждодневно утромъ бросалъ въ лице идола камень, а вечеромъ говорилъ ему: „согрѣшилъ,—прости меня!“ Такой поступокъ Анувія показался страннымъ братіи, и они, по прошествіи недѣли, спросили о причинѣ его дѣйствій. Анувій отвѣтилъ, что какъ статуя не сердилась, когда онъ ее билъ и не превозносилась когда онъ просилъ прощенія, такъ должны жить и братія.

Разсказываютъ, что однажды къ св. отцамъ Пимену и Анувію пришла мать, чтобы повидать ихъ и со слезами на глазахъ просила ихъ выдти къ ней. Но Пименъ, подошедши къ воротамъ, сказалъ ей, что они свидятся въ будущей жизни и свиданіе здѣсь совершенно не нужно.

Этими словами мать утѣшилась и, невидавъ своихъ сыновей, удалилась. (Замѣтки Сергія стр. 152—159).

Строго подвижническая жизнь Анувія привлекла къ нему другихъ подвижниковъ. На берегу рѣки Нила однажды встрѣтились три пустынника: Суръ, Исаія, Павелъ и стали спрашивать другъ друга, кто куда идетъ. Оказалось, что всѣ они направлялись къ отцу Анувію. Отъ того мѣста, гдѣ встрѣтились подвижники, монастырь былъ на разстояніи трехдневнаго воднаго пути, причемъ нужно было плыть противъ теченія. Долго сидѣли пустынники на берегу Нила въ ожиданіи какого-нибудь судна, на которомъ бы можно было доплыть до монастыря Анувія, но судно не показывалось. Тогда они помолились Господу Богу, чтобы исполнилось ихъ намѣреніе. Молитва ихъ была услышана: они увидали подлѣ берега лодку и, сѣвъ въ нее, поплыли къ Анувію. Доплывъ до его обители, пустынники не далеко отъ берега встрѣтили его самаго, и онъ, приведя ихъ въ келью, радушно бесѣдовалъ съ ними, причемъ, будучи провидцемъ, сказалъ каждому изъ нихъ, какъ кто ведетъ себя и чѣмъ угождаетъ Господу. Услыша это, Исаія отъ лица всѣхъ объявилъ Анувію о полученномъ ими отъ Бога откровеніи, по которому Анувій чрезъ три дня долженъ скончаться и просилъ разсказать его о своихъ трудахъ и добродѣтеляхъ, чтобы другимъ имѣть его примѣромъ богоугодной жизни. „Не помню, отвѣтилъ преподобный, чтобы я сотворилъ что великое и особенное. Только то совершилось по изволенію Божію, что во время гоненія я исповѣдалъ имя нашего Спасителя; не вышло слово ложное изъ устъ моихъ. Разъ сказавъ правду, я не хотѣлъ осквернять себя чѣмъ-нибудь лживымъ и неправильнымъ, и однажды на всегда возлюбивъ небесное, я рѣшился отстраниться

отъ всего земнаго; пищу мнѣ приносили св. Ангелы... Я получалъ все, что просилъ у Господа. Не разъ видѣлъ лики Ангельскія, предстоящіе Господу, созерцалъ и лики мучениковъ и исповѣдниковъ, иноковъ и другихъ святыхъ; видѣлъ сатану и его аггеловъ, преданныхъ вѣчному огню; показаны были мнѣ и праведные, наслаждающіеся вѣчными блаженствами". Многое и другое разсказывалъ св. отецъ пришедшимъ къ нему. По прошествіи трехъ дней, согласно съ предсказаніемъ пустынниковъ, св. Анувій мирно предалъ духъ свой Господу Богу. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОРА ЧУДОТВОРЦА.

Св. Ѳеодоръ жилъ около шестаго вѣка. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ оставилъ міръ, принялъ иночество и удалился въ пустыню Іорданскую. Суровыми подвигами Ѳеодоръ угодилъ Господу Богу и получилъ даръ чудотвореній. Имѣя нужду быть въ Константинополѣ, Ѳеодоръ отправился туда на кораблѣ. По продолжительности плаванія прѣсная вода запасенная на коробѣ для питья вышла. Уже плывущіе чувствовали приступы мучительной жажды и пришли въ уныніе. Тогда Ѳеодоръ, пламенно помолившись Господу, перекрестилъ морскую воду и приказалъ корабельникамъ начерпать ее сколько нужно. Оказалось, что вода чудеснымъ образомъ потеряла свою солоноватость, сдѣлавшись годною для питья. Всѣ несказанно обрадовались такому событію и горячо благодарили Ѳеодора. „Не для меня, сказалъ тогда преподобный, Господь сотворилъ это чудо, но для васъ скорбящихъ о недостаткѣ воды для питья. Господь умилосердился надъ вами и претворилъ горькую воду моря въ прѣсную воду рѣки".

Много и другихъ чудесъ творилъ Θеодоръ во славу Божію, за что и получилъ названіе чудотворца. (Чет. Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ДОРОΘЕЯ.

Первоначально Дороѳей жилъ въ палестинскомъ монастырѣ аввы Серида, гдѣ и подвизался подъ руководствомъ Іоанна прозорливаго. Въ этотъ монастырь Дороѳей пришелъ хорошо образованнымъ, занимаясь науками съ юныхъ лѣтъ. Онъ самъ о себѣ писалъ: „когда учился я внѣшнему ученію, то вначалѣ весьма тяготился ученіемъ, такъ что когда приходилъ брать книгу, то шелъ какъ бы къ звѣрю. Но когда я сталъ принуждать себя, то Богъ помогъ мнѣ, и я такъ привыкъ, что не зналъ, что ѣлъ, что пилъ, какъ спалъ, отъ теплоты ощущаемой при чтеніи. Никогда меня не могли завлечь за трапезу къ кому-либо изъ моихъ друзей, даже не ходилъ я къ нимъ и для бесѣды во время чтенія, хотя любилъ общество и своихъ таварищей. Когда отпускалъ насъ философъ и я умывался (ибо имѣлъ нужду каждый день прохлаждаться водою, такъ какъ изсыхалъ отъ чрезмѣрнаго чтенія), я отходилъ туда, гдѣ жилъ, незная, что буду ѣсть, ибо не хотѣлъ тратить времени для распоряженій относительно пищи". Эти занятія не остались безъ пользы. Дороѳей впослѣдствіи написалъ 25 поученій ученикамъ, содержащихъ въ себѣ превосходные подвижническіе опыты. Въ этихъ наставленіяхъ св. авва училъ: „объ отреченіи отъ міра, о смиреніи, о совѣсти, о страхѣ Божіемъ, не довѣряй своему знанію, не осуждай другаго, осуждай себя, не помни объ обидѣ, не лги, иди по пути съ цѣлію, отсѣкай страсть въ ея началѣ, бойся себя, терпѣливо переноси искушенія, о согласіи добродѣтелей, о постѣ, о бесѣдахъ, о должностяхъ начальника и уче-

никовъ, наставленія келарю, мысли о нечувствіи души, о плачѣ, два объясненія словъ Богослова, о должностяхъ инока, наставленіе больному брату". Эти наставленія св. Дороѳея ясно показываютъ, что онъ хорошо былъ знакомъ какъ съ сочиненіями свѣтскими, такъ и съ исторіею всей церкви. Въ нихъ повсюду наблюдается правильный порядокъ мыслей, точныя опредѣленія и чистота выраженій. Когда св. Дороѳей учитъ о смиреніи, то видно, что смиреніе извѣстно ему по опыту. Часто онъ пользуется мыслями другихъ отцовъ, но эти мысли усвоены и прочувствованы имъ самимъ, причемъ простота наставленій сообщаетъ бесѣдѣ необыкновенную сладость. Кромѣ наставленій св. Дороѳей оставилъ еще 30 главъ или словъ о подвижничествѣ, записалъ словесныя наставленія пр. Зосимы и собралъ наставленія препп. отцевъ Варсонофія и Іоанна *).

Усердно и съ любовію отдаваясь изученію наукъ, св. Дороѳей много заботился и о своемъ нравственномъ преуспѣяніи послѣ того, какъ удалился въ пустыню. „Когда пришелъ я въ монастырь, пишетъ онъ, то говорилъ себѣ: если столько любви, столько теплоты было для внѣшней мудрости, такъ что отъ всего прочаго я былъ свободенъ и привыкъ къ одному, — тѣмъ болѣе должно быть для добродѣтели, и тѣмъ укрѣплялся". Поступивъ въ монастырь, Дороѳей на средства одного своего брата построилъ больницу и страннопріимницу. Къ этому побудили его великіе старцы палестинскаго монастыря — Варсонуфій, Іоаннъ и игуменъ Сергій. Дороѳей самъ служилъ больнымъ и страннымъ, и съ любовію отдался этому занятію.

*) Въ послѣднее время глубоко назидательныя сочиненія аввы Дороѳея изданы на русскомъ языкѣ отдѣльнымъ сборникомъ.

„Въ то время, говоритъ онъ, я только что всталъ отъ моей болѣзни: и вотъ приходятъ странники вечеромъ, я проводилъ съ ними вечеръ; а тамъ погонщики верблюдовъ, и имъ приготовлялъ я нужное. Много разъ случалось, что когда отходилъ я спать, встрѣчалась другая нужда и меня будили; а за тѣмъ приближался часъ бдѣнія“. При такомъ образѣ жизни, чтобы неопустительно посѣщать церковныя службы, хотя бы почти всю ночь пришлось быть съ больными или странными, Дороѳей упросилъ одного изъ братіи, чтобы онъ будилъ его къ службѣ, а другаго, чтобы не дозволялъ дремать во время бдѣнія.

Живя въ монастырѣ, Дороѳей особенно былъ расположенъ къ старцу Іоанну прозорливому. Онъ открывалъ ему всѣ свои мысли и желанія, получая отъ него прекрасные совѣты. Но вотъ Серидъ поручилъ Дороѳею прислуживать великому старцу, тогда Дороѳей совершенно отдалъ себя на волю Іоанна и въ продолженіи десяти лѣтъ служилъ прозорливцу. Учась подвижнической жизни у великихъ отцевъ палестинской обители, Дороѳей посѣщалъ и слушалъ другихъ подвижниковъ, какъ напр., старца Зосиму, жившаго при императорѣ Густинѣ. Когда умеръ Іоаннъ прозорливый, Дороѳей удалился изъ монастыря Серида и основалъ свой собственный манастырь. Въ немъ онъ былъ игуменомъ и руководителемъ въ духовной жизни. Около 620 г. преподобный Дороѳей скончался. (Историч. ученіе объ отцахъ церкви Филарета, арх. черниг. §§ 244—245).

БЛАЖЕННАГО ИГОРЯ ОЛЬГОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЧЕРНИГОВСКАГО И КІЕВСКАГО.

Исторія древней Россіи представляетъ намъ печальную картину кровавыхъ раздоровъ. Удѣльные князья сража-

лись другъ съ другомъ за участки, и при первомъ случаѣ бросались на великаго князя за его престолъ; братъ возставалъ на брата, нерѣдко дѣти поднимали оружіе на отца, а отецъ на дѣтей и не мало доблестныхъ князей дѣлались жертвами властолюбія своихъ родичей. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и черниговскій князь Игорь. Онъ жилъ во время ожесточенной борьбы изъ-за великокняжескаго престола между Ольговичами (потомками Олега) и Мономаховичами (потомками Мономаха). Увлекаемый духомъ времени, Игорь принималъ горячее участіе въ княжескихъ смутахъ и усобицахъ. То подъ вліяніемъ другихъ, то по собственнымъ властолюбивымъ разсчетамъ онъ брался за оружіе и проливалъ кровь единоплеменниковъ. Позабывались при этомъ духъ кротости и любви, проповѣдуемый Евангеліемъ, а на мѣсто ихъ выдвигались мстительность, жестокость и насиліе. Такъ продолжалось до 1146 г., когда Игорь самъ занялъ великокняжескій престолъ. Это событіе случилось по волѣ брата Игоря—Всеволода. Всеволодъ сдѣлался великимъ княземъ въ 1132 г. Выгнавъ изъ Кіева прежняго великаго князя Вячеслава, онъ, желая утвердить себя и свой родъ на кіевскомъ престолѣ, началъ свое княженіе богатымъ пиромъ: митрополиту, боярамъ и всѣмъ жителямъ Кіева, и принесъ богатые дары церквамъ и монастырямъ. Княженіе Всеволода было твердо. Передъ смертію своею онъ призвалъ кіевлянъ и сказалъ имъ: „я боленъ, когда я умру, возьмите себѣ брата моего Игоря“. Кіевляне изъявили согласіе и подтвердили его клятвою. Послѣ смерти Всеволода, Игорь дѣйствительно занялъ великокняжескій престолъ, но кіевляне этого не хотѣли. Они не любили вообще Ольговичей, какъ чужихъ князей и не отличавшихся такими привлекательными качествами.

какъ Мономахъ и многіе изъ его потомковъ. Кромѣ того, княжа въ Кіевѣ, Всеволодъ Ольговичъ не умѣлъ пріобрѣсть народной любви, позволяя своимъ чиновникамъ (тіунамъ) притѣснять жителей. Вступивъ на престолъ, Игорь обѣщалъ было назначить чиновниковъ, какихъ они сами захотятъ, но замедлилъ выполненіемъ этого обѣщанія. Тогда Кіевляне послали сказать переяславскому князю Изяславу Мстиславичу: „ты нашъ князь; не хотимъ переходить по наслѣдству къ Ольговичамъ; гдѣ увидимъ твое знамя, туда и мы пойдемъ“. Изяславъ съ радостію принялъ предложеніе кіевлянъ и пошелъ войною на Игоря, который, едва уговоривъ своихъ братьевъ — князей черниговскихъ придти къ нему на помощь, встрѣтилъ вмѣстѣ съ ними подъ Кіевомъ своего соперника— Изяслава. Произошла битва. Сначала трудно было судить на чьей сторонѣ останется побѣда. Но вдругъ кіевляне и многіе другіе единомышленники Игоря измѣнили ему и перешли подъ знамена Изяслава. Все говорило о пораженіи Игоря, но онъ не падалъ духомъ и надѣялся еще побѣдить Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Чтобы обойти это озеро многочисленной дружинѣ пришлось въ одномъ мѣстѣ столкнуться между глубокими дебрями. Въ это время съ тылу на нее бросились Черные клобуки (наемное войско изъ кочевниковъ), а съ переда ударилъ самъ Изяславъ, и смятая дружина Игоря потерпѣла полное пораженіе. Побѣдитель—Изяславъ съ торжествомъ вступилъ въ Кіевъ и былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Игорь же во время битвы увязъ на своемъ конѣ въ болотѣ, гдѣ и былъ схваченъ непріятелями. Нѣсколько дней держали его въ Выдубицкомъ монастырѣ и за тѣмъ заключили въ темницу Іоанновской обители въ Переяславлѣ, надѣвши на него оковы.

Лишившись великокняжескаго престола, оставленный всѣми, Игорь сталъ вдумываться въ смыслъ своей жизни. Съ княжескаго престола онъ попалъ въ темницу, вмѣсто княжеской одежды облекся въ одѣяніе заключеннаго, вмѣсто оружія его руки чувствовали на себѣ оковы, изъ повелителя обратился въ подначальнаго низшаго разряда. Въ виду такихъ противорѣчій было надъ чѣмъ задуматься, было что перечувствовать. И вотъ предъ его воображеніемъ стали проноситься картины прошлаго. Не всѣ они были одинаковаго достоинства, большинство прожитаго ложилось пятномъ на совѣсти заключеннаго. Вспомнилъ Игорь, какъ много разъ бился онъ и бился не съ врагами отечества, а съ своими же единокровными братьями. Вспомнилъ онъ, что и причиною-то битвъ были или властолюбивыя стремленія другихъ, или его собственные разсчеты. Вспомнилъ онъ, что не только самъ брался за оружіе изъ за своихъ выгодъ, но нерѣдко вовлекалъ въ то и другихъ. И вотъ изъ-за личныхъ разсчетовъ пролито много единоплеменной крови, разорено множество семействъ въ угоду княжескихъ страстей. Нерѣдко нарушалась справедливость, часто допускались жестокость и коварство. А въ результатѣ всего темничныя стѣны, душный воздухъ и потрясающій душу звукъ оковъ. Изъ за чего же предпринималась битва? Изъ за чего проливалась кровь? Изъ за чего пятналась предосудительными дѣяніями совѣсть? Все напрасно. Правда, достигнута была великокняжеская власть, но какъ дымъ вскорѣ же и разсѣялась. Сознавалъ все это Игорь,—сознавалъ онъ и неминуемость своего паденія. Онъ ясно представлялъ, что во время безначалія и своеволія князей нельзя правдою удержать престола. Только сила и кровавыя битвы въ состояніи поддерживать престолъ, да и эти средства

не исключали возможности быть свергнутымъ съ престола. И воскорбѣлъ князь о своей прежней жизни, съ болью сердца вспомнилъ онъ свои властолюбивыя стремленія и поступки, совершенные имъ для осуществленія этихъ стремленій. Правда, не онъ одинъ дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, было не мало и другихъ князей тоже поддававшихся искушеніямъ властолюбія, но у него въ виду были и примѣры обратные. Въ числѣ ближайшихъ родичей князя его дяди—Ярославъ и Давидъ были святой жизни, двоюродный братъ Николай—Святоша былъ великимъ подвижникомъ. И въ князѣ Игорѣ даже въ прежнее время, когда онъ былъ окруженъ княжескою пышностію и блескомъ, вспыхивало желаніе оставить свѣтъ и отрѣшиться его обольщеній и суеты. Но тогда это желаніе, какъ искра, вскорѣ пропадала подъ давленіемъ обоятельности власти. Теперь же случившееся несчастіе съ княземъ породило здравое обсужденіе прошедшей жизни, и въ душѣ мало по малу происходила рѣшительная перемѣна. Игорь сталъ сокрушаться о прежнихъ своихъ грѣхахъ и проступкахъ, горько раскаиваясь во всѣхъ прегрѣшеніяхъ содѣланныхъ имъ. Мысль о княжествѣ на всегда была оставлена Игоремъ, и онъ сильно скорбѣлъ по поводу усобицъ, которыя шли изъ-за него между князьями. Къ довершенію внутренняго переворота съ Игоремъ приключилась жестокая болѣзнь, ниспосланная ему Богомъ для исправленія и усовершенствованія, и князь путемъ скорбей душевныхъ и тѣлесныхъ страданій вѣрно шелъ къ своему назначенію, отступая, по слову Сириха (38, 9), отъ прегрѣшеній и очищая свое сердце отъ всякаго грѣха, такъ что рѣшился оставить совсѣмъ свѣтъ. „Братъ! послалъ онъ сказать къ Изяславу, я очень боленъ и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я

того, когда еще былъ княземъ; а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся и не думаю, что останусь въ живыхъ". Изяславъ внялъ просьбѣ Игоря и велѣлъ ему сказать: „если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни".

Послѣ оставленія темницы болѣзнь Игоря не унималась. Въ продолженіи восьми дней онъ не могъ ни ѣсть, ни пить. Только будучи постриженъ, съ именемъ Гавріила, Переяславскимъ епископомъ Евфиміемъ больной оправился. Его поселили въ кіевскомъ Θеодоровомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ схиму и сталъ проводить время въ постѣ и молитвѣ. Свидѣтельствомъ его молитвенныхъ подвиговъ до нынѣ еще служитъ икона Божіей Матери *). При такой благочестивой жизни Игорю, конечно, было не до замысловъ о возвращеніи потеряннаго престола, но не такъ относились къ этому его родичи. Братъ Игоря Святославъ рѣшился освободить его и возвратить ему престолъ. Къ этому побуждало Святослава не столько любовь къ брату, сколько фамильная гордость и властолюбіе. Не отставали отъ Святослава и Давидовичи....

Чтобы отнять у двоюродныхъ братьевъ ихъ удѣлы, они возбуждали великаго князя противъ Игоря, совѣтуя держать его покрѣпче, и противъ его родичей. Слѣдствіемъ такого образа дѣйствія Давидовичей была кровопролитная борьба Изяслава и Давидовичей съ Ольговичами. Давидовичи сначала одерживали верхъ, но потомъ

*) Икона эта въ настоящее время находится въ южномъ придѣлѣ большой лаврской церкви въ Кіевѣ. Для нея устроенъ особый кіотъ, богато украшенный драгоцѣнными камнями. Многіе изъ богомольцевъ предъ этой иконой молятся о своемъ утѣшеніи въ земныхъ скорбяхъ и несчастіяхъ. (Рук. для сельс. Паст. 1876 г. № 47).

Святославъ, вспомоществуемый сильнымъ княземъ Юріемъ, съ каждой стычкой поражалъ Давидовичей. Тогда Давидовичи измѣнили Изяславу, перешли на сторону Ольговичей и хотѣли схватить великаго князя и убить. Изяславъ въ то время стоялъ на Супоѣ и, узнавъ о строющихся противъ него ковахъ, послалъ къ кіевлянамъ съ просьбою остаться ему вѣрнымъ.

Собравши вѣче (1147 г.), Кіевляне рѣшились помочь своему любимому князю. Но въ это время одинъ изъ нихъ громко сказалъ: „мы готовы идти за князя, но прежде надобно рѣшить другое дѣло: при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава и поставили его княземъ себѣ и за то много зла было нашему городу; теперь Игорь врагъ нашего князя и намъ—не въ темницѣ, а въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и тогда пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ". Такія слова разожгли народныя страсти. „Смерть Игорю!" закричали сотни голосовъ, и всѣ бросились къ монастырю. Братъ Изяслава Владиміръ горячо убѣждалъ народъ не дѣлать злодѣянія надъ схимникомъ. Удерживалъ ихъ отъ этого и тысяцкій, всѣми силами старался остановить разъяренную толпу и кіевскій митрополитъ—Климентъ. „Не творите грѣха, дѣти, говорилъ онъ народу, послушайтесь меня, иначе навлечете на себя гнѣвъ Божій, а вражда между князьями не утолится". Но все напрасно. Мятежники съ поспѣшностію ринулись къ монастырю. Въ это время Игорь слушалъ литургію и узнавъ, что противъ него злоумышляется, заплакалъ и сталъ молиться: „Господи! призри на немощь мою, чтобы, уповая на Тебя, могъ я перенесть все; благодарю Тебя, что ты смирилъ меня; удостой взять меня изъ этого мятежнаго и мрачнаго міра въ твой свѣтъ". Казалось бы, что мятежные

Кіевляне убоятся Бога и, уважая святость храма Божія, не переступятъ его порога съ кровавыми цѣлями. Но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Ни лики угодниковъ Божіихъ, здѣсь и тамъ виднѣвшіеся въ храмѣ, ни престолъ Господа Саваоѳа, ни что не удержало буйныхъ Кіевлянъ. Ворвавшись въ храмъ, они бросились на Игоря, сорвали съ него мантію и повлекли изъ храма. „За что хотите вы убить меня, какъ разбойника?" говорилъ имъ Игорь. „Пусть вы нарушили клятву предо мною,—Богъ вамъ проститъ; меня Онъ сподобилъ монашескаго чина и для меня довольно того". Это кроткое обращеніе не остановило мятежниковъ. Сорвавъ съ Игоря подрясникъ, они оставили его въ одной рубашкѣ и повлекли къ воротамъ. „Несчастные, что вы дѣлаете! говорилъ онъ имъ. Для меня все равно: нагъ я вышелъ изъ чрева, нагимъ и лягу въ землю". Къ этому времени подоспѣлъ на помощь Игорю князь Владиміръ. Едва толпа бросилась къ монастырю, онъ сѣлъ на коня, чтобы успѣть спасти Игоря, но, принужденный сдѣлать большой объѣздъ, былъ предупрежденъ народомъ и поспѣлъ на мѣсто, когда мятежъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Разогнавъ толпу, Владиміръ одѣлъ Игоря своею епанчею и просилъ мятежниковъ не дѣлать ему зла. Ожесточенная толпа не унималась. Она опять бросилась на Игоря и осыпала его ударами, падали удары и на Владиміра, но, при содѣйствіи боярина Михаила, Владиміръ всетаки выхватилъ Игоря и перевелъ его въ домъ своей матери. Мятежники бросились вслѣдъ за ними. Избивъ Михаила, они выломали ворота Мстиславова двора, схватили молившагося Игоря и, привязавъ къ его ногамъ веревку, повлекли его къ великокняжескому двору. Здѣсь на площади ударами умертвили страдальца, отказавъ ему въ

духовникѣ, котораго онъ просилъ. Это звѣрское буйство князя случилось 19 сентября 1147 г. въ пятницу.

Видъ окровавленнаго тѣла мученика остановилъ народную ярость. Его тѣло подняли и отнесли въ церковь Михаила. Ночью совершилось чудо: сами собою зажглись лампады, висѣвшія надъ гробомъ Игоря. На другой день Ѳеодоровскій игуменъ Ананій облекъ князя-инока въ иноческіе одежды и совершилъ погребальное пѣніе. Въ это время надъ храмомъ появился свѣтлый столбъ, загремѣлъ громъ, и затряслась земля. Народъ пришелъ въ ужасъ и старался слезами раскаянія искупить свое злодѣяніе, восклицая: „Господи помилуй!“ Въ 1150-мъ г. 5-го іюня князь Святославъ Ольговичъ перенесъ мощи брата своего Игоря въ Черниговъ и положилъ ихъ у св. Спаса въ теремѣ. Съ этого времени и стали праздновать память благовѣрнаго князя Игоря. (Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета, арх. черниг.).

БЛАЖЕННАГО КОНСТАНТИНА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ.

Св. Константинъ былъ грекъ по происхожденію. Онъ занялъ каѳедру митрополита въ 1155 г. при князѣ Юріѣ Долгорукомъ послѣ удаленія съ митрополіи Климента Смолятича, поставленнаго русскими епископами. Когда умеръ Юрій Долгорукій (1158 г.), то сыновья Изяслава, овладѣвъ великокняжескимъ престоломъ, пожелали, чтобы русскою церковію управлялъ низверженный митрополитъ Климентъ, такъ какъ Константинъ, по ихъ словамъ, клялъ память отца ихъ. Но возведенный ими на кіевскій престолъ ихъ дядя—Ростиславъ не хотѣлъ принять Климента, который, по его мнѣнію, былъ избранъ не-

правильно соборомъ епископовъ, безъ соизволенія патріарха константинопольскаго. Чтобы покончить эти споры, князья выписали изъ Греціи третьяго митрополита Θеодора. Видя несогласіе князей, Константинъ еще до прибытія Θеодора оставилъ свой престолъ и удалился въ Черниговъ. Здѣсь въ скоромъ времени онъ весьма опасно заболѣлъ. Всѣ окружающіе видѣли, что пришло время кончины митрополита, чувствовалъ приближеніе ея и онъ самъ. И вотъ, позвавъ черниговскаго епископа Антонія, онъ далъ ему запечатанную грамоту и клятвенно обязалъ его исполнить послѣ его смерти все, что тамъ было написано.

Послѣ кончины блаженнаго Константина, епископъ отправился съ его завѣщаніемъ къ черниговскому князю—Святославу и, распечатавъ ее тамъ, прочиталъ слѣдующее: „молю тебя, о епископъ, послѣ моей смерти, не погребайте моего тѣла, ибо оно не достойно, но, бросивъ его на землю, привяжите веревкой за ноги и, извлекши изъ града, повергните его псамъ, чтобы его съѣли". Князь и епископъ пришли въ удивленіе и ужасъ и не знали, что дѣлать. Князь предоставилъ исполненіе воли святителя на усмотрѣніе епископа, а послѣдній, уважая волю завѣщателя, не дерзнулъ нарушить ее. Въ продолженіи трехъ дней лежало тѣло святителя. По сказанію лѣтописцевъ, въ эти дни въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ была страшная буря съ громами, сопровождаемая по мѣстамъ землетрясеніемъ, такъ что подъ Вышегородомъ былъ разрушенъ шатеръ Ростислава. Молнія убила двухъ пресвитеровъ, одного діакона и четырехъ мірянъ. Между тѣмъ въ Черниговѣ во все это время была ясная погода. Боясь небеснаго гнѣва, князь Святославъ велѣлъ взять тѣло Константина, съ честію перенести въ городъ въ соборную

церковь Спаса, гдѣ оно и было положено въ теремцѣ подлѣ князя Игоря. Послѣ этого въ Кіевѣ на мѣсто бури настала тишина, и великій князь, раскаявшись въ своемъ изгнаніи Константина, послалъ по всѣмъ церквамъ повелѣніе — творить поминовеніе по усопшемъ святителѣ. (Четьи-Минеи. Жит. свв. Муравьева. Слов. истор. о свв. стр. 136. Ист. Росс. Іер. Ч. I. стр. 47).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ѲЕОДОРА ЯРОСЛАВИЧА.

Князь Ѳеодоръ былъ старшій сынъ князя Ярослава II-го Всеволодовича. Онъ родился въ 1219 году. Еще мальчикомъ Ѳеодоръ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Александромъ (Невскимъ) въ 1228 году былъ оставленъ отцемъ въ Новгородѣ въ качествѣ представителя княжеской власти. Но не прошло и года, какъ Новгородцы взбунтовались, и князья должны были тайно оставить городъ. Въ 1230 году въ Новгородѣ произошелъ пожаръ, опустошившій почти половину города. Вмѣстѣ съ этимъ голодъ и моръ истребляли множество людей. Въ виду такихъ общественныхъ бѣдствій Новгородцы снова обратились къ Ярославу, и онъ опять оставилъ у нихъ княжить Ѳеодора и Александра. При великомъ князѣ Георгіѣ (1218—1237) въ 1232 г. вмѣстѣ съ его сыномъ Всеволодомъ и князьями рязанскими и муромскими молодой князь Ѳеодоръ участвовалъ въ походѣ противъ Мордвы и послѣ удачнаго окончанія этого похода опять поселился въ Новгородѣ. Здѣсь отецъ Ѳеодора пріискалъ ему уже невѣсту и князь долженъ былъ жениться 5-го іюня (1233 г.).

Все было готово. Собрались гости, устроено было все нужное для пиршества, и оставалось только начать празд-

нованіе брака. Но въ это время женихъ померъ, и вмѣсто радости и веселія всѣ собравшіеся повергнуты были въ плачъ и сѣтованіе, скорбя о смерти Θеодора, скончавшагося еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Тѣло св. Θеодора было положено въ Юрьевомъ монастырѣ въ Новгородѣ.

Въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича (1613—1645) въ 1614 году шведы напали на Новгородъ; громя и разоряя все попадавшееся въ немъ, они не оставили въ покоѣ и Юрьевскій монастырь. „Нѣмцы, говоритъ сказаніе, въ церкви великомученика Георгія, въ монастырѣ, ищущи поклажи, обрѣли человѣка цѣла и неразрушена въ княжескомъ одѣяніи и, вынувъ изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны" (Чтен. общ. ист. 1862 г. 4 кн.). Это сдѣлалось извѣстнымъ новгородскому митрополиту Исидору. Съ дозволенія шведскаго генерала Делагарди онъ перенесъ мощи въ новгородскій Софійскій соборъ, причемъ святость мощей была засвидѣтельствована исцѣленіями. Въ соборѣ при входѣ въ придѣлъ св. Предтечи мощи св. Θеодора покоятся открыто и въ настоящее время (описаніе Новгород. Соф. Собора. 104 стр. Четьи Минеи. Русс. свв. Филарета, арх. черниг.).

Мученикъ Христофоръ, по происхожденію римлянинъ, былъ усѣченъ мечемъ.

Мученикъ Кононъ, тоже римлянинъ, погибъ въ морѣ.

Новомученикъ Маркъ происходилъ изъ Смирны и скончался въ Хіосѣ въ 1801-мъ году.

ПРЕПОДОБНАГО ПЕТРА КОРИШСКАГО.

Преп. Петръ подвизался близъ Призрена въ Коришскомъ монастырѣ. Въ настоящее время этотъ монастырь запустѣлъ и самое село Коpиша, расположенное нѣсколько выше, въ горахъ, перешло въ руки арнаутовъ мусуль-

манъ. Мѣсто, въ которомъ спасался юный отшельникъ, св. Петръ Коришскій, по своему уединенію, по страшной пропасти и грознымъ скаламъ, которыми оно окружено, напоминаетъ ту обитель, гдѣ теперь покоится тѣло его—Чернорѣцкій монастырь. Въ настоящее время въ не большой пещерѣ, гдѣ св. Петръ устроилъ церковь, еще довольно хорошо сохранился написанный на скалѣ образъ Спасителя и слова вырѣзанныя подлѣ образа: „не имать ходити во тьмѣ". Вблизи отъ этой пещеры находится другая ниже, подлиннѣе, въ которой, какъ говорятъ, постился отшельникъ и въ которой потомъ устроена была также церковь. Нѣсколько далѣе стоятъ развалины величественнаго зданія. Царь Душанъ (1337—1351), чтобы почтить достойно память святаго юноши, котораго онъ зналъ и любилъ, вскорѣ послѣ его смерти, рѣшился выстроить подлѣ его пещеры большую великолѣпную церковь. Но какъ было помѣстить ее на склонѣ горы, гдѣ природа образовала лишь нѣсколько не большихъ уступовъ и узкихъ площадокъ? Душанъ смѣло бросилъ аркаду въ глубину ущелья и на аркадѣ основалъ церковь. Арки еще стоятъ почти невредимы, но церковь мусульмане разрушили; уцѣлѣлъ только большой кусокъ одной изъ стѣнъ и именно той, которая стоитъ надъ самою пропастью, не примыкая къ горѣ. На ней видны еще образа, написанные въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Первоначально самая рака съ мощами св. Петра находилась въ устроенной имъ самимъ церкви близъ Призрена. Когда была разрушена эта церковь, то жители села Бріяки въ Калашинѣ перенесли его мощи въ сосѣднюю съ ихъ селомъ церковь св. Архангела и положили тутъ. Въ ракѣ хранилась и книга, которую св. Петръ всегда носилъ съ собою. Эта книга была еще цѣла въ прошломъ году.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни св. Петра находятся въ рукописи Рыльскаго монастыря въ Коришской горѣ. (Путешествіе Григоровича стр. 187, 162. Гильфердингъ въ запискахъ географич. общ. 13, 217—219).

6-е ЧИСЛО.

Пр. Иларіона Новаго, игумена Далматскаго. Пр. Виссаріона Египетскаго. Свв. преподобномучч. дѣвъ Архелаи, Θеклы и Сусанны. Преставленіе св. Паисія, игумена Покровскаго монастыря близъ Углича.

(Муч. Геласія. Пр. Аттала. Пр. Фота. Пяти дѣвъ Марθы и Маріи (и дружины ихъ Киріи, Валеріи, Маркіи). Преставленіе Іоны Климецкаго. Пименовскія иконы Божіей Матери).

ПРЕПОДОБНАГО ИЛАРІОНА НОВАГО, ИГУМЕНА ДАЛМАТСКАГО.

Преподобный Иларіонъ Далматскій родился въ 775 г. и называется Новымъ въ отличіе отъ Иларіона Великаго (21 Октября), подвизавшагося ранѣе его (въ 4-мъ вѣкѣ). Отцомъ Иларіона былъ Петръ Каппадокіянинъ, а мать называлась Θеодосіей; оба они были люди благочестивые, и еще въ молодые годы жизни Иларіона основательно научили его священному Писанію. Отъ юности озаренный свѣтомъ благодати Божіей, Иларіонъ уже на двадцатомъ году жизни, оставивъ родителей, домъ и богатство, поступилъ въ монахи въ обитель „сухаго вертограда"

въ Византіи. Эта обитель и была первымъ мѣстомъ иноческихъ подвиговъ Илариона. За тѣмъ онъ перешелъ въ Далматскую обитель и сдѣлался здѣсь ученикомъ жившаго тамъ въ то время св. Григорія Декаполита. Десять лѣтъ трудился Иларіонъ въ послушаніи, работая въ монастырскомъ саду. При этомъ занятіи Иларіонъ не оставлялъ и иноческихъ подвиговъ. Часто читая житіе Илариона Великаго, онъ старался подражать ему въ постѣ, молитвѣ и въ другихъ подвигахъ, за что и получилъ отъ Бога власть изгонять бѣсовъ. Игуменъ обители посвятилъ Илариона во священника, хотя онъ и не желалъ этого. Иноческіе подвиги Илариона обратили на себя вниманіе всей братіи, такъ что когда умеръ игуменъ, они хотѣли поставить на его мѣсто Илариона. Но преподобный, узнавъ о намѣреніи братіи, переплылъ Опсикію и поселился въ обители каоаровъ*). Далматскіе иноки узнали о его местожительствѣ и послали къ патріарху Никифору съ просьбою поставить Илариона въ игумена, хотя бы и противъ его желанія. Убѣжденный патріархомъ Иларіонъ принялъ игуменство и въ продолженіи восьми лѣтъ управлялъ обителію. При Львѣ Армянинѣ явилась иконоборческая ересь. Иконоборецъ царь хотѣлъ вовлечь и преподобнаго въ эту ересь, но онъ, какъ истый христіанинъ, остался непоколебимымъ и былъ заключенъ въ темницу и мучимъ. Не могъ склонить къ ереси Илариона и лжепатріархъ Θеодотъ, къ которому его отослалъ царь, видя безуспѣшность своихъ средствъ. Θеодотъ заключилъ его въ темницу и морилъ тамъ его голодомъ и

*) Опсикія—мѣстопребываніе или округъ воинскаго легіона въ Никеѣ и около ея. (Мѣс. Вост. А. Сергія т. 2. Зам. стр. 160).

жаждою. Жалко стало инокамъ Далматской обители своего игумена и они выпросили у царя освобожденіе ему подъ условіемъ быть послушными царской волѣ. Но Иларіону пришлось только одинъ годъ пробыть въ обители, за иконопочитаніе онъ снова былъ заключенъ въ темницу. Затѣмъ Иларіона перевели въ темницу Фанеевой обители, гдѣ ему пришлось перенести не мало оскорбленій отъ жестокаго игумена той обители. Спустя шесть мѣсяцевъ Иларіонъ снова былъ приведенъ въ Царь-градъ. И ласками, и угрозами царь склонялъ его къ иконоборческой ереси, но все напрасно. Преподобный оставался вѣренъ иконопочитанію. Тогда его заключили въ темницу Кикловѣевой обители. Черезъ два съ половиной года опять вызвали къ царю, били его палками и заточили въ Протильскомъ городѣ. При Михаилѣ Косноязычномъ, преемникѣ Льва Армянина, настало спокойствіе для православныхъ, и Иларіонъ былъ освобожденъ; но, въ виду того что еретичествующихъ было еще много и въ средѣ міранъ и въ средѣ духовныхъ, преподобный не пошелъ въ свою обитель, а поселился у одной благочестивой женщины, устроилъ въ ея домѣ келью и сталъ вести монашескій образъ жизни. Между тѣмъ умеръ Ѳеодоръ Студитъ (11 Ноября), строгій ревнитель иконопочитанія, много потерпѣвшій отъ еретиковъ. Въ день смерти его Иларіонъ ходилъ по саду около своей келіи, вдругъ послышалось пѣніе, въ воздухѣ распространилось благоуханіе. Это удивило Иларіона, онъ сталъ осматриваться и увидѣлъ: множество ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ съ ликующими лицами съ пѣніемъ шли кому-то на встрѣчу. Иларіонъ палъ на землю и услышалъ: „это душа игумена студійскаго монастыря—Ѳеодора, который пострадалъ даже до крови за святыя иконы. Теперь онъ умеръ и съ торжествомъ во-

сходитъ на небо въ сопровожденіи небесныхъ силъ". Это видѣніе ободрило Иларіона. онъ понялъ на сколько угодно Богу почитаніе иконъ. Прежде ревностный поборникъ иконопочитанія, Иларіонъ теперь еще ненавистнѣе сталъ относиться къ своимъ врагамъ—иконоборцамъ, такъ что имъ нечего было и ожидать отъ преподобнаго уступки въ пользу ереси. И дѣйствительно, когда со вступленіемъ на царство Ѳеофила (229 — 842), сына Михаила, снова было воздвигнуто гоненіе на иконопочитателей и когда Иларіонъ вмѣстѣ съ другими былъ вызванъ къ царю и принуждаемъ къ иконоборству,—онъ на столько неустрашимо и мужественно высказался предъ царемъ въ пользу иконопочитанія, что былъ приговоренъ къ истязанію. Сто семьдесять ударовъ по плечамъ было дано Иларіону, а послѣ его отослали въ заточеніе на Афусійскій островъ. (Близь острова Проконесса или Принцева иначе Офіусса). Но Господь не оставилъ мужественнаго исповѣдника. На островѣ святому предоставили свободу дѣйствій и онъ, построивъ себѣ келью, жилъ не какъ заточникъ, а какъ святой инокъ. Со смертію Ѳеофила, благодаря Ѳеодорѣ—матери преемника Ѳеофила—Михаила III, прекратилась иконоборческая ересь, было возстановлено иконопочитаніе и всѣ исповѣдники возвращены были изъ изгнанія. Тогда возвратился и преп. Иларіонъ и поселился въ Далматстой обители. Три года онъ управлялъ ею и потомъ въ 845, имѣя отъ роду 70 лѣтъ и пробывши 50 лѣтъ въ монашествѣ, скончался. (Четьи-Минеи).

ПРЕП. ВИССАРІОНА ЕГИПЕТСКАГО.

Въ 5-мъ вѣкѣ ревнители благочестія нерѣдко уходили изъ городовъ и селеній въ пустыни, чтобы тамъ, вдали отъ мірскихъ волненій, проводить жизнь въ подвигахъ

самоотреченія, молитвѣ и размышленіяхъ о Богѣ. Много было образцовъ благочестивой и святой жизни,—жизни посвященной исключительно духовному самоусовершенствованію. Къ числу такихъ святыхъ личностей принадлежитъ и пр. Виссаріонъ. Онъ былъ родомъ египтянинъ и имѣлъ хорошее состояніе, такъ что безбѣдно могъ прожить въ мiру, пользуясь тѣми радостями и утѣхами, которыя даетъ намъ онъ и которыя такъ примапчиво и обоятельно дѣйствуютъ на людей. Но не изъ такихъ былъ Виссаріонъ. Еще въ молодые годы,—годы увлеченій и проступковъ, онъ проникся мыслію о необходимости приготовить себя здѣсь на землѣ къ жизни будущей, и возжегъ въ своемъ сердцѣ любовь къ осуществленію тѣхъ евангельскихъ требованій, выполненіемъ которыхъ обусловливается награда на небесахъ. И дѣйствительно, омывшись отъ грѣховъ св. крещеніемъ, онъ строго соблюдалъ себя отъ всякія скверны, зорко наблюдая за своими поступками и желаніями и устраняя себя отъ предосудительнаго и не угоднаго Богу. Въ то время на Востокѣ многіе славились своею подвижническою жизнію. Это побудило Виссаріона навѣдать ихъ и ознакомиться съ ихъ образомъ жизни. И вотъ юный египтянинъ идетъ въ Палестину, посѣщаетъ дорогія каждому христіанину св. мѣста въ Іерусалимѣ, приходитъ къ св. Герасиму (см. 4 марта), подвизавшемуся въ пустынѣ Іорданской, видитъ многихъ другихъ славныхъ палестинскихъ подвижниковъ, бесѣдуетъ съ ними, наблюдаетъ ихъ образъ жизни и возгорается желаніемъ подражать ихъ подвигамъ. Но семейныя дѣла требовали возвращенія Виссаріона на родину. Однако и въ Египтѣ онъ не оставилъ своего желанія. Тамъ близъ города Пелусіи жилъ отшельникъ Исидоръ Пелусіотъ. За свою подвижническую жизнь, умъ

и образованіе онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ современниковъ, такъ что многіе приходили къ нему за совѣтами и наставленіями. И Виссаріонъ пріобрѣлъ себѣ въ Исидорѣ духовнаго отца. Онъ часто посѣщалъ его, по долгу бесѣдовалъ съ нимъ и подъ его руководствомъ готовился къ подвижничеству. Между тѣмъ родители Виссаріона скончались и онъ, раздавъ оставшееся послѣ нихъ имѣніе нищимъ и монастырямъ, принялъ иночество и удалился въ пустыню. Съ пылкостію и страстностію человѣка увлекающагося Виссаріонъ отдался иноческимъ подвигамъ. Иногда въ продолженіи недѣли, а иногда и по 40 дней онъ не вкушалъ пищи, такъ что, по истинѣ, постъ его былъ безмѣрный, и только горячая любовь ко спасенію поддерживала его тѣло. Съ такою же ревностію преподобный отдавался и молитвѣ. Такъ, однажды, ставъ посерединѣ тернія и воздѣвъ руки и глаза къ небу, Виссаріонъ въ продолженіи сорока сутокъ безъ пищи и безъ сна молился, не двигаясь съ мѣста, и не отклоняя ума своего къ земному, углубившись всѣмъ своимъ существомъ въ созерцаніе Бога и всецѣло отдавшись молитвенной бесѣдѣ съ Нимъ.

Да и вообще святой велъ весьма суровую жизнь. Онъ спалъ очень мало, а если и отдавался сну, то не въ лежачемъ положеніи, но сидя или стоя, и это въ продолженіи 40 лѣтъ. Не заботился онъ и о другихъ потребностяхъ, которыми обыкновенно такъ много дорожатъ люди. Часто переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, скитаясь по пустынѣ, дебрямъ и стремнинамъ. Почти не имѣлъ святой и одежды. Онъ покрывался рубищемъ, да и то только для того, чтобы прикрыта была тѣлесная нагота. То его жгло знойное солнце, то обдавало холодомъ ночи, но святой необращалъ на это вниманія. Его умъ и сердце

были направлены исключительно къ Богу, все его существо было устремлено только къ небесному. Такіе великіе подвиги ясно показываютъ, что Виссаріонъ достигъ высшей степени совершенства и, будучи въ тѣлѣ, уподобился состоянію безтѣлесныхъ, за что Господь и прославилъ его даромъ чудотвореній. Однажды Виссаріонъ шелъ съ ученикомъ своимъ, по имени Дула, по пустынѣ вблизи морскаго берега. Трудность пути и лѣтній зной истомили ученика. Чувствуя мучительное состояніе жажды, ученикъ сообщилъ о своемъ страданіи Виссаріону. Тогда преподобный, подобно древнему великому пророку Моисею (Исх. 17, 6), молитвою и крестнымъ знаменіемъ усладилъ горькую морскую воду, сдѣлалъ ее вкусною и холодною подобно ключевой водѣ. Утоливъ жажду, ученикъ, чтобы въ дальнѣйшемъ пути не подвергнуться снова тяжелому мученію, наполнилъ водою сосудъ и взялъ съ собою. „Богъ, сказалъ старецъ маловѣрному, Который находится на этомъ мѣстѣ, находится вездѣ, и гдѣ бы мы ни были, Онъ повсюду можетъ утолить жажду страдающаго“. Въ другой разъ преподобный, запоздавши на пути къ одному подвижнику, помолился Господу, чтобы стало солнце, и солнце дѣйствительно остановилось, пока онъ докончилъ свой путь. Нерѣдко также святый молитвою низводилъ дождь на землю во время засухи. Часто, какъ по сушѣ, переходилъ рѣки и притомъ такія большія, какъ, напримѣръ, Нилъ. Но, избѣгая славы людской, преподобный рѣдко творилъ чудеса при большомъ стеченіи народа. Такъ однажды онъ былъ въ скиту, куда привели бѣсноватаго. Братія много молилась за бѣсноватаго, но бѣсъ не покидалъ страдальца. Вполнѣ надѣясь на власть Виссаріона надъ бѣсами, иноки посадили передъ службой больнаго въ храмѣ на обычномъ мѣстѣ препо-

добнаго. Послѣдній, пришедши къ службѣ и увидя на своемъ мѣстѣ человѣка, который къ тому времени задремалъ, не рѣшился его удалить съ своего мѣста. Но братія при началѣ службы просили святаго разбудить уснувшаго. Дотронувшись до него, Виссаріонъ сказалъ: „встань и иди отсюда“, и въ это время бѣсъ покинулъ человѣка. Такъ велика была власть святаго надъ бѣсами, что достаточно было его слова и бѣсы повиновались ему!

Избѣгая вообще славы земной, святой отличался великимъ смиреніемъ; живо сознавая, что онъ ничего своего не имѣетъ и ничего добраго безъ помощи благодати Божіей не можетъ сдѣлать, онъ отвергалъ отъ себя всякую мысль о силѣ и совершенствахъ, всякое свое доброе желаніе, всякій свой добрый поступокъ относилъ къ Богу, нисколько не превозносясь своими силами и подвигами. И ученикамъ своимъ преподобный говорилъ, чтобы они зорко слѣдили за собою, не давая врагу запутать ихъ въ свои сѣти. Но и въ отсутствіе искушеній они должны еще болѣе блюсти себя и смиряться предъ Богомъ, чтобы, возмнивши о своемъ благочестіи, не подвергнуться жестокому паденію, ибо изъ самомнѣнія многіе подпадаютъ искушеніямъ. На сколько въ дѣйствительности блисталъ смиреніемъ самъ Виссаріонъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. Одинъ братъ въ скиту сдѣлалъ проступокъ, игуменъ повелѣлъ ему удалиться изъ церкви, какъ недостойному быть съ братіей вмѣстѣ въ церковномъ собраніи. Вмѣстѣ съ нимъ и Виссаріонъ ушелъ въ томъ убѣжденіи, что и онъ грѣшенъ. И все это потому, что онъ ничего изъ дѣлъ своихъ не приписывалъ себѣ, но все относилъ къ Богу. Поэтому же постоянно слезы обильно текли изъ глазъ преподобнаго, и частыя воздыханія исходили изъ глубины его сердца. И можно

сказать, что всю жизнь свою онъ провелъ въ слезахъ и рыданіи. Достигши уже глубокой старости, Виссаріонъ скончался. Годъ его кончины опредѣленно не извѣстенъ. Такъ какъ онъ видѣлъ прен. Герасима, умершаго около 475 г., и былъ ученикомъ Исидора Пелусіота, умершаго около 436 г., а скончался въ глубокой старости, — то кончину его должно отнести къ концу 5-го вѣка (Четьи-Минеи).

СВВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЧ. ДѢВЪ: АРХЕЛАИ, ѲЕКЛЫ И СУСАННЫ.

Въ дѣвственной жизни безпрепятственнѣе и удобнѣе можно отдаться подвигамъ благочестія. Дѣвствующая дѣлается свободною отъ болѣзней рожденія чадъ и не подпадаетъ подъ власть мужа. Не подвергается она и старости, такъ какъ хотя тѣло ее отъ дѣйствія времени и дѣлается хилѣе, за то духъ ея цвѣтетъ, не увядая, и чѣмъ дальше течетъ жизнь, тѣмъ все юнѣе дѣлается дѣвственница, усовершаясь въ благочестіи, такъ что постепеннѣ становится вполнѣ достойною невѣстою Божественнаго жениха. Къ числу вотъ такихъ-то уневѣстившихся Христу дѣвъ принадлежатъ Архелая, Ѳекла и Сусанна. Всѣ три дѣвы жили въ одномъ малоизвѣстномъ монастырѣ не вдалекѣ отъ гор. Рима. Во время гоненія Діоклитіана, переодѣвшись въ мужескія одежды, чтобы не быть узнанными, всѣ три дѣвы ушли въ Кампанію и тамъ поселились въ пустынномъ мѣстѣ близъ г. Колы. День и ночь молились здѣсь дѣвы Господу Богу. Имѣя даръ исцѣленій, онѣ помогали недужнымъ. Строго воздержная и дѣвственная жизнь отображалась даже на ихъ лицѣ и проникала ихъ взаимноотношенія. Онѣ были

смиренны, кротки и съ яснымъ любвеобильнымъ взоромъ. Къ тому же и одежды ихъ были острыя, рѣжущія тѣло, власяницы, такъ что всё это вмѣстѣ взятое прямо говорило о ихъ цѣломудренной и богоугодной, посвященной подвигамъ жизни. Много народу изъ окрестныхъ мѣстностей приходило къ св. подвижницамъ. Одни посѣщали ихъ, чтобы получить чрезъ ихъ молитву исцѣленіе, другіе приходили получить наставленія, совѣты въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, утѣшеніе и ободреніе въ скорбяхъ и несчастіяхъ. И святыя дѣвы благодѣтельствовали и тѣмъ и другимъ, — а на ряду съ этимъ находили время и средства обращать въ христіанство покланяющихся идоламъ.

При стѣснительныхъ для христіанъ обстоятельствахъ того времени, такой образъ веденія жизни св. дѣвъ немогъ укрыться отъ гонителей. И дѣйствительно, скоро о св. дѣвахъ узналъ Леонтій кампанійскій намѣстникъ и чрезъ своихъ воиновъ вызвалъ ихъ въ Солерну. Видно такъ было угодно Богу, видно судилъ Онъ—всеправедный и всещедрый, чтобы свят. дѣвы, увѣнчавшись дѣвствомъ, украсили себя и вѣнцомъ мученичества И дѣвы, будучи взяты гонителями, увидѣли въ этомъ волю Господа. Возложивъ всё упованіе на Него, они мужественно объявили себя предъ Леонтіемъ христіанками, сказали ему, что они дѣвы, хотя и одѣты, какъ мужчины. Съ особенной неустрашимостію говорила при этомъ Архелая. Видя это, Леонтій укорялъ её за исповѣданіе Христа, говорилъ, что не слѣдуетъ вѣровать въ Того, Кто Самъ Себя не могъ спасти и былъ распятъ, указывалъ на предосудительность ея исцѣленій, почитая это за волшебство, укорялъ и за остальныхъ дѣвъ, которыя, будто бы, были по его мнѣнію, совращены ею и ею

же научены волшебству. „Христовою силою, отвѣчала дѣва, я побѣждаю діавола со всѣми его ухищреніями и происками. Людей же научаю познавать истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, море и всё остальное. А здоровье всѣмъ больнымъ подается именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Эти двѣ сестры мои еще отъ юности воспитаны со мною въ христіанской вѣрѣ". Тогда Леонтій сталъ укорять её въ неповиновеніи царской власти, но святая объявила себя признающею только одного Царя небеснаго Господа Іисуса Христа, обличила идоловъ, какъ боговъ созданныхъ самими же людьми и, потому, недостойныхъ поклоненія.

Такія слова озлобили мучителя, и онъ повелѣлъ бросить св. дѣву на съѣденіе голоднымъ львамъ, чтобы они растерзали неустрашимую исповѣдницу. Но ожиданія мучителя не сбылись. По молитвѣ праведницы лютость звѣрей была укращена и они не трогали ея, валяясь, какъ ручные, подлѣ ея ногъ. Это на столько разсердило мучителя, что онъ повелѣлъ убить львовъ, святыя же дѣвы были брошены въ темницу. Здѣсь имъ явился ангелъ Господень, утѣшилъ и ободрилъ ихъ обѣщаніемъ уже уготованнаго имъ вѣнца на небесахъ. Необыкновенный свѣтъ, озарившій темницу отъ появленія въ ней ангела, увидѣнъ былъ стражами, и даже они сознались, что, дѣйствительно, исповѣдуемый дѣвами Богъ—есть Богъ истинный. На утро снова дѣвы были приведены къ мучителю. Архелая думала было убѣдить его отречься отъ идоловъ и обратиться ко Христу, чтобы избѣжать въ будущемъ вѣчнаго мученія. Но мучитель съ презрѣніемъ отнесся къ ея словамъ и самъ старался отвратить ее отъ христіанства. Обѣщалъ онъ ей за это честь и богатство, запугивалъ муками и смертію за непослушаніе, угро-

жалъ даже безстыднымъ поруганіемъ ея дѣвства. Но святая твердо уповала на помощь Господа. Она вполнѣ была увѣрена, что Господь не допуститъ ее до поруганія, а мукъ и смерти она не страшилась, что открыто и высказала мучителю. Ея горячая вѣра въ Бога, ея непреклонность вывела изъ терпѣнія Леонтія и на столько озлобила, что онъ велѣлъ обнажить ее, строгать ея дѣвственное тѣло желѣзными гребнями, осыпать ее ударами, и раны поливать кипящимъ масломъ и смолою. Но святая, даже когда тѣло ея было острогано до костей, терпѣливо переносила мученія, такъ что удивила зрителей, которые не понимали, какъ она дѣвушка - существо слабое—могла переносить жесточайшія страданія. Возведя очи къ небу, Архелая призывала на помощь Господа, чтобы Онъ охладилъ кипящую смолу и масло и чтобы подкрѣпилъ ее Своею благодатію, и Господь внялъ просьбѣ мученицы; мучитель, увидавъ ее невредимою, со скрежетомъ зубовъ, повелѣлъ положить ее подъ громадный камень. Но едва служители стали выполнять волю начальника, какъ вдругъ камень упалъ на нихъ и задавилъ ихъ до смерти. Св. мученица славила Господа, а народъ восклицалъ: „истинный Богъ христіанскій".

Считая св. Архелаю волшебницей, мучитель не зналъ, что съ нею дѣлать. Наконецъ рѣшился убить ее мечемъ вмѣстѣ съ остальными дѣвицами. Воины взяли св. дѣвъ, связали имъ назадъ руки и повели за городъ. Пришедши на лобное мѣсто, воины взялись было за мечи, чтобы убить свв. дѣвъ, но вдругъ увидѣли ангеловъ, которые пришли взять святыя души. Страхъ и трепетъ напалъ на воиновъ, и они стали недвижимо. Св. Архелая, помолившись Господу, сказала воинамъ, чтобы они исполнили повелѣніе ихъ властелина. „Не смѣемъ, госпожа,

отвѣчали воины, страхъ объялъ насъ". Но свв. дѣвы всѣ вмѣстѣ сказали имъ: „если вы не сдѣлаете, что вамъ велѣно, то не будете имѣть части съ нами". Тогда воины обнажили мечи и отсѣкли св. мученицамъ головы. Такъ скончались святыя дѣвственницы и мученицы въ 293 г., уготовавъ себѣ своею жизнію и подвигами вѣнецъ нетлѣнія на небеси (Четьи-Минеи).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВ. ПАИСІЯ, ИГУМЕНА ПОКРОВСКАГО МОНАСТЫРЯ БЛИЗЪ УГЛИЧА.

Препод. Паисій, въ крещеніи Павелъ, былъ сыномъ Ивана Гавренева, жившаго въ селѣ Богородскомъ, въ Нерехтскомъ стану, на межѣ Кашина. Мать Павла, Ксенія Васильевна, была дочь полководца Василія Кожи, родная сестра пр. Макарія Калязинскаго († 1483). Благородные родители научили Павла чтенію книгъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Въ дѣтствѣ же высказывалъ расположеніе къ иноческой жизни и охотно посѣщалъ дядю своего преп. Макарія. Лишившись родителей, Павелъ оставилъ міръ и поселился въ обители своего дяди. На 11 году жизни онъ постриженъ былъ преп. Макаріемъ въ иночество, принявъ имя Паисія. Преп. Макарій былъ опытнымъ и мудрымъ наставникомъ въ духовной жизни. Тѣ, которые искренно искали спасенія, въ строгой жизни Макарія видѣли сильное назиданіе, а въ простыхъ бесѣдахъ его слышали голосъ опытнаго благочестія. Подъ руководствомъ такого человѣка Паисій быстро преуспѣвалъ въ подвигахъ благочестія, всё болѣе и болѣе отрѣшаясь отъ міра и всё болѣе и болѣе пристращаясь къ жизни святой и богоугодной. Онъ пріучился строго выполнять монастырскій уставъ, неопусти-

тельно присутствуя при богослуженіи и усердно упражняясь въ подвигахъ послушанія. На ряду съ этимъ Паисій, по примѣру своего дяди, проводилъ большую часть ночи въ молитвѣ и нерѣдко добровольно возлагалъ на себя постъ. Свободное время юный отрокъ посвящалъ списыванію душеспасительныхъ книгъ: книга твореній св. Григорія Богослова, списанная Паисіемъ, по словамъ его жизнеописателя, и до сего дни—въ обители преп. Макарія, въ Калязинѣ. Такъ жилъ Паисій многіе годы въ обители св. Макарія.

Подвиги самоотреченія, свобода отъ мірскихъ впечатлѣній сдѣлали Паисія способнымъ къ созерцанію міра духовнаго. Ему въ часы ночной молитвы однажды явился ангелъ и сказалъ: „ты долженъ быть наставникомъ для многихъ; ты выйдешь отсюда и будешь жить тамъ, гдѣ тебѣ велятъ: такъ нужно для славы Божіей". Про такое чудное видѣніе Паисій открылъ только одному св. Макарію. Прошло нѣсколько времени и слова ангела сбылись. Благочестивая и подвижническая жизнь Паисія уже стала извѣстна многимъ. Желая основать обитель, угличскій князь Андрей Васильевичъ пришелъ къ преп. Макарію и просилъ его отпустить къ нему Паисія. Макарій съ радостію согласился на просьбу князя и, благословивъ, отпустилъ пр. Паисія. Тщательно осмотрѣвъ окрестности Углича, Паисій выбралъ себѣ мѣсто на лѣвомъ берегу Волги, въ 3-хъ верстахъ отъ Углича и поселился здѣсь въ хижинѣ. Вскорѣ онъ построилъ деревянный храмъ Богоявленія съ нѣсколькими кельями. Не долго оставались необитаемы эти кельи, въ непродолжительное время ихъ заняли иноки, собравшіеся въ обитель Паисія въ числѣ десяти человѣкъ. Князь Андрей Васильевичъ настоятель-

но сталъ просить Паисія принять санъ игумена. Преподобный уступилъ просьбѣ князя и, ставши во главѣ обители, ввелъ строгое общежитіе. Видя исполненіе своего желанія, угличскій князь охотно вспомоществовалъ новой обители. „Я князь Андрей Васильевичъ, писалъ онъ въ грамотѣ 1476 г., жалую Покровскаго игумена Паисія или кто по немъ будетъ,—дозволяю Покрову пресв. Богородицы на сей сторонѣ Волги, на берегу, отъ рождественскаго оврага строить слободу и кого призовутъ въ эту слободу на житье изъ иныхъ княженій, а не изъ моей отчины, тѣ свободны отъ моихъ податей на 20 лѣтъ". Между тѣмъ число братіи все болѣе и болѣе увеличивалось, умножилось и число посѣтителей, которыхъ особенно привлекала богоугодная жизнь настоятеля обители. Тогда по желанію князя и при его содѣйствіи въ 1479 г. рѣшено было воздвигнуть каменный храмъ. Принимая горячее участіе въ построеніи этого храма, князь смотрѣлъ на него, какъ на памятникъ благодарности за рожденіе двухъ сыновей Димитрія и Іоанна, которыхъ крестилъ самъ препод. Паисій. Чрезъ три года этотъ храмъ былъ оконченъ и торжественно освященъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Князь и послѣ этого не оставлялъ монастырь своею помощію. Онъ грамотою подарилъ въ домъ Пречистой, Покрову Ея и игумену Паисію на городище монастырь Николая съ 10-тью деревнями. Подарилъ еще земли, которыя были выкуплены у Воскресенскаго архимандрита Наѳанаила съ 11-тью деревнями. Такія щедрыя пожертвованія давали обители возможность безбѣднаго существованія. Но святой Паисій нерѣдко самъ носилъ воду, копалъ землю и даже въ сильные морозы ходилъ въ одной власяницѣ. Подобнымъ образомъ поступалъ онъ, какъ истый подвижникъ, но не

всѣ такъ смотрѣли на его трудолюбіе.—Одинъ юный бояринъ, при проѣздѣ мимо этой обители, увидя Паисія, который копалъ заступомъ землю въ монастырскомъ огородѣ, посмѣялся надъ нимъ. Такой легкомысленный поступокъ боярина не остался безнаказаннымъ, лошадь вдругъ сбросила его съ себя и онъ ушибся такъ сильно, что лишился чувствъ. Подошедши къ нему, преп. Паисій привелъ его въ сознаніе и кротко замѣтилъ: „не осуждай иноковъ".

Между тѣмъ на князя Андрея возсталъ его родной братъ великій князь Московскій Іоаннъ III. Въ 1491 г. онъ повелѣлъ схватить его и вмѣстѣ съ дѣтьми заключилъ въ темницу; чрезъ три года князь Андрей померъ. Чувствуя къ нему сердечную благодарность, Паисій много заботился объ его дѣтяхъ, онъ доставлялъ имъ всё нужное, стараясь хотя сколько нибудь облегчить для нихъ тяжесть заточенія. Усердно просилъ онъ князя смиловаться надъ своими племянниками и даровать свободу, но получилъ отказъ. Впрочемъ, какъ истинный христіанинъ, Паисій утѣшался тѣмъ, что путь скорбей и несчастій ведетъ въ царствіе Божіе. И, дѣйствительно, князь Іоаннъ, въ монашествѣ Игнатій, причтенъ былъ къ лику святыхъ (19 мая). Среди заботъ объ несчастной участи близкихъ ему, въ заботахъ о ввѣренной ему братіи, въ постоянныхъ подвигахъ самоотреченія преп. Паисій достигъ до глубокой старости и передалъ управленіе обителью своему ученику Геннадію, послѣ котораго, еще при жизни Паисія, правилъ обителью игуменъ Іона. Оставивъ управленіе обителью по старости, Паисій однако не переставалъ вести подвижническій образъ жизни. Постоянно присутствуя при богослуженіи, старецъ каждый воскресный и каждый праздничный день самъ со-

вершалъ Божественную литургію. Только уже совершенно изнемогши отъ времени и подвиговъ, когда уже не могъ стоять, Паисій оставилъ служеніе, но совершеніе келейнаго правила не оставлялъ, исполняя его сидя. 6-го Іюня въ 1507 г. препод. Паисій, —усердный труженикъ и неусыпный молитвенникъ, — скончался. Мощи преп. Паисія находятся въ соборномъ монастырскомъ храмѣ подъ спудомъ. Послѣ его смерти, основанная имъ обитель долго продолжала свое мирное существованіе, по временамъ посѣщаемая великими особами, какъ напр., царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, бывшимъ „на Угличѣ у Покрова, въ монастырѣ" въ 1553 г. Въ 1609 г. поляки, надѣлавшіе такъ много зла Россіи, напали на монастырь, разграбили его и умертвили иноковъ вмѣстѣ съ настоятелемъ (Киселя ист. Углича стр. 339—341. 310 — 332). Вскорѣ обитель была возобновлена, чему много содѣйствовали обильно изливавшіяся исцѣленія отъ мощей преп. Паисія. Эти исцѣленія понудили въ 1610 г. освидѣтельствовать св. мощи и написать преп. Паисію службу. Исцѣленія продолжали на радость православнымъ обильно изливаться отъ мощей св. Паисія. Такъ, жена красильщика Тимоѳея, три года бывши больною, и кожевникъ Трофимъ, не владѣвшій ни руками, ни ногами, исцѣлились у гроба св. Паисія. Аѳонасій Сафоновъ, страдая сильно головною болью отъ наросшаго на головѣ дикаго мяса величиною въ гусиное яйцо, пришелъ къ мощамъ преподобнаго и послѣ того, какъ священникъ осѣнилъ его крестомъ и окропилъ водою, исцѣлился: нарость лопнулъ, и головная боль прекратилась. Вдовѣ Евдокіи, ослѣпшей отъ сильной головной боли, было возвращено зрѣніе при мощахъ св. Паисія. Василій Буренинъ, поднимавшій тяжесть не по силамъ, разстроилъ

желудокъ и не могъ вслѣдствіе рвоты принимать пищи. Однажды ночью онъ увидалъ у окна хижины старца, который сказалъ ему: „иди въ обитель Паисія,—тамъ исцѣлѣешь". Не имѣя возможности двигаться, больной обдумывалъ: какъ ему идти. Но вдругъ почувствовалъ облегченіе на столько, что, вставъ, отправился въ обитель, прослушалъ тамъ молебенъ и вполнѣ сталъ здоровымъ. Постриженникъ Паисіевой обители — Адріонъ, будучи казначеемъ крутицкаго митрополита Пафнутія, въ мятежное время спряталъ въ тайномъ мѣстѣ серебро митрополичьяго дома. Когда Адріона назначили строителемъ въ обитель Паисія, то, сдавая ввѣренное ему добро, онъ никакъ не могъ найти спрятанное имъ серебро, за что и былъ задержанъ въ домѣ. Тогда строителю угличскаго Алексѣевскаго монастыря является преп. Паисій и говоритъ: „скажи старцу Адріону, что серебро его не пропало, поискавъ найдетъ онъ его". И, дѣйствительно, Адріонъ сталъ искать и нашелъ спрятанное серебро. Семилѣтній сынъ купца Никифора Пашина страдалъ сильными корчами въ ногахъ. Много и долго безуспѣшно лѣчили его. Услыхавъ объ одномъ очень искусномъ врачѣ, отецъ отправился съ сыномъ по рѣкѣ Волгѣ. Во снѣ ему является старецъ въ бѣлыхъ ризахъ и говоритъ: „куда ты? Тамъ не будетъ пользы твоему сыну; ступай въ обитель Паисія, отслужи молебенъ, и сынъ твой будетъ здоровъ". Купецъ такъ и сдѣлалъ, и его сынъ, дѣйствительно, сталъ здоровымъ. (Русс. свв. Филарета, арх. черниг. Жит. свв. Муравьева).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ІОНЫ КЛИМЕЦКАГО.

Преподобный, Іона Климецкій, въ мірѣ Іоаннъ, былъ сыномъ новгородскаго посадника, занимавшагося торгов-

лей. По смерти отца Іоаннъ продолжалъ его дѣло, ведя торговлю, и съ этою цѣлію не разъ переѣзжалъ на большой лодкѣ, называвшейся „корельскимъ насадомъ", обширное Онежское озеро, простирающееся на 200 верстъ. Но всещедрый Господь, желающій всѣмъ спасенія, ведетъ къ будущей жизни разными путями. Кого онъ пробуждаетъ отъ сна грѣховнаго скорбями и несчастіями, кого чудесами и знаменіями, кого примѣромъ другихъ и т. п. Призываетъ Онъ и въ юности, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не престаетъ обращать на путь истинный и въ старости. Этотъ голосъ Божій слышится при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, въ тотъ или другой періодъ жизни каждымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію не всякій внимаетъ призыву Господа, будучи отуманенъ дѣлами міра сего. Но кто откроетъ свое сердце зову Господа и пойдетъ, побуждаемый этимъ зовомъ, по тернистому пути спасенія, тотъ не погибнетъ, но удостоится вѣнца нетлѣнія и райской жизни. Къ числу такихъ-то вотъ избранниковъ Божіихъ принадлежитъ и св. Іона.

Погрузившись въ торговыя дѣла, посвятивъ имъ свои силы и время, онъ, вѣроятно, и не думалъ о перемѣнѣ своего образа жизни. Но не такъ судилъ Господь. Въ 1490 г., возвращаясь изъ Повѣнца въ Новгородъ съ грузомъ соли, Іоаннъ на срединѣ Онежскаго озера былъ застигнутъ ужасною бурею. Разъяренныя волны долго носили ладью Іоанна какъ бы силясь ее уничтожить. И, дѣйствительно, напоръ волнъ и ихъ стремительность была на столько сильны, что Іоанну грозила неминуемая опасность. И вотъ пронеслась передъ Іоанномъ прошедшая его жизнь, его труды и заботы направленные къ пріобрѣтенію земнаго благосостоянія Къ чему теперь эти земныя сокровища? За чѣмъ на нихъ потрачено такъ

много времени? Близокъ часъ смерти, а съ нею вмѣстѣ теряется и всякое достоинство богатства. Заскорбѣлъ Іоаннъ о своемъ прошедшемъ и искренно раскаялся въ немъ. Уже это было большимъ шагомъ впередъ по пути спасенія. Но Іоаннъ, предъ вратами неминуемой гибели сознавши тщету и суетность прожитой имъ жизни, воспламенился рѣшимостію оставить міръ со всѣми его обольщеніями и отрѣшиться отъ всѣхъ его утѣхъ. Онъ возсылалъ глубокія сердечныя воздыханія къ Богу, дабы Онъ избавилъ его отъ опасности, продлилъ его жизнь, и продлилъ именно для того, чтобы весь ея остатокъ употребить на служеніе Ему и тѣмъ загладить всё, что было грѣшнаго и предосудительнаго въ прошедшемъ. Господь внялъ пламенной молитвѣ Іоанна. Его лодка, подхваченная волнами, вдругъ была выброшена на каменистую отмель. Нечего и говорить, какъ обильно текли слезы благодарности изъ глазъ Іоанна, какъ горячо онъ молился Господу за свое избавленіе отъ погибели! Еще болѣе усилилась радость Іоанна, когда онъ во время молитвы услышалъ голосъ: „Іоаннъ! здѣсь построишь ты обитель Св. Троицѣ", и увидалъ потомъ въ можжевеловомъ кусту икону Св. Троицы. На мѣстѣ явленія иконы Іоаннъ соорудилъ часовню и поставилъ крестъ, равнымъ образомъ и на отмели тоже водрузилъ крестъ, который цѣлъ и до нынѣ. Хотя въ жизни приходится часто наблюдать, что люди, давъ обѣтъ въ минуту несчастія, вскорѣ позабываютъ его, однако Іоаннъ не принадлежалъ къ числу такихъ отступниковъ. Разъ давши обѣтъ Господу, онъ остался вѣренъ ему на всю жизнь, но только на короткій срокъ отложилъ выполненіе даннаго имъ обѣта, чтобы распорядиться своимъ богатымъ имуществомъ. Съ этою цѣлію онъ возвратился въ Нов-

городъ и, устроивъ здѣсь дѣла относительно своего богатства, поступилъ въ иноки съ именемъ Іоны. Руководимый опытными старцами, инокъ—Іона скоро укрѣпился въ духовной жизни. За тѣмъ онъ отправился на спасшій его островъ и построилъ здѣсь два храма: одинъ во имя Св. Троицы, другой — въ честь св. Николая, котораго призывалъ во время опасности на озерѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Іона соорудилъ келіи и устроилъ всё нужное для обители иноковъ. Въ трехъ верстахъ отъ вновь устроенной обители была бѣдная Нутная обитель. Отсюда Іона вызвалъ иноковъ въ свою обитель; скоро стали являться въ его обитель и изъ другихъ мѣстъ любители благочестія. Варлаамъ, бывшій въ то время московскимъ митрополитомъ, убѣждалъ Іону принять санъ игумена въ устроенной имъ обители; но смиренный инокъ рѣшился навсегда остаться въ числѣ братіи, игуменомъ же былъ поставленъ новгородскій іеромонахъ Тихонъ. Вся остальная жизнь Іоны была непрерывнымъ подвигомъ поста и молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбою съ многоразличными трудностями, которыя онъ мужественно преодолѣвалъ на пути къ своему спасенію, такъ что служилъ примѣромъ для братіи. Внутренній голосъ удостовѣрялъ его, что онъ дѣятельно проходилъ указанное ему отъ всеблагаго Промысла поприще. Онъ исполнилъ служеніе вѣры со всякимъ тщаніемъ: „подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ". Его успокоеніе относится къ 6 Іюня 1534 г. Братія положили тѣло преподобнаго у храма св. Николая; – въ послѣдствіи надъ могилой Іоны была воздвигнута часовня. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и по ея волѣ надъ нетлѣнными мощами воздвигли храмъ во имя Захаріи и Елисаветы. (Сказаніе о климец. монаст. арх.

Игнатія Ист. іер. 4. 530—531. Русс. свв. Филарета, арх. Черниг.).

Пименовская икона Божіей Матери принесена въ 1387 г. изъ Царьграда въ Москву митрополитомъ Пименомъ. Въ настоящее время эта икона находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ. (Мѣсяц Вост. Арх. Сер. т. 2).

7-е число.

Св. муч. Ѳеодота Анкирскаго. Свв. мучч. женъ: Киріакіи, Калеріи и Маріи. Св. священномуч. Маркелла, папы Римскаго, съ нимъ: Сисиния и Киріака діаконовъ, Апроніана Камментарисія Папія и Мавра воиновъ, Смарагда, Ларгія, Сатурнина и Крискентіана, свв. женъ Прискиллы и Лукины и св. муч. Артеміи царевны. Св. священномуч. Маркеллина (и съ нимъ Клавдія, Кирика, Антонина).

(Свв. мучч. Тарасія и Іоанна. Пр Анома пресвитера Пр Стефана пресвитера. Пр Севастіаны чудотворицы Муч. Потаміены. Муч. Зинаиды чудотворицы. Свв женъ Есіи и Сосанны, учениць Панкратія Тавроменійскаго).

СВ. МУЧ. ѲЕОДОТА АНКИРСКАГО.

Св. Ѳеодотъ жилъ въ Галатіи, въ городѣ Анкирѣ. Его время было временемъ жестокаго гоненія, воздвигнутаго на христіанъ Діоклитіаномъ и его соправителями Максиміаномъ, Геркуломъ и Галеріемъ. Всякій христіанинъ, не устрашимо исповѣдующій своего Спасителя передъ

мучителемъ былъ убиваемъ, и его тѣло бросалось на съѣденіе псамъ, звѣрямъ и хищнымъ птицамъ. Такое поношеніе убитыхъ до глубины души возмущало Өеодота, и онъ тайно, на сколько хватало силъ, старался погребать св. мученическія тѣла. Но однажды, вынувши изъ озера тѣла, потопленныя тамъ, семи дѣвъ, Өеодотъ попался въ руки мучителей, претерпѣлъ ужасныя истязанія и потомъ усѣченъ былъ мечемъ. Поэтому и память св. мученика совершается дважды въ годъ. Первый разъ 18 Мая (см. его житіе), въ день взятія его мучителями, а второй разъ 7-го Іюня, въ день его мученической кончины (Четьи-Минеи).

СВВ. МУЧЧ. ЖЕНЪ: КИРІАКІИ, КАЛЕРІИ И МАРІИ—ВЪ КЕСАРІИ ПАЛЕСТИНСКОЙ.

Киріакія, Калерія и Марія*) первоначально были язычницами. Одинъ христіанинъ научилъ ихъ Христовой вѣрѣ, и онѣ приняли св. крещеніе. Живя вмѣстѣ въ одной хижинѣ, онѣ проводили время въ постѣ и молитвахъ. Въ виду постоянныхъ преслѣдованій, которымъ подвергались христіане, благочестивыя жены особенно усердно молились Господу, дабы онъ уничтожилъ идолопоклонство и дабы во всѣмъ мірѣ возсіяла вѣра Христова. Язычники оклеветали ихъ передъ своими властелинами, которые ихъ взяли. Но какъ ни старались принудить женъ къ отреченію отъ Христа, онѣ оставались непоколебимыми. За это онѣ претерпѣли ужасныя мученія, окончившіяся смертію. (Четьи-Минеи).

---

*) Въ мѣсяцесловѣ Василія и другихъ греческихъ мѣсяцесловахъ Марія называется Маркіею или Марціею, а Калерія — Валеріею или Вареріею (Мѣсяц. Вост. Ар. Сергія т. 2, 151).

СВВ. СВЯЩЕННОМУЧЧ. МАРКЕЛЛА ПАПЫ РИМСКАГО И СЪ НИМЪ: СИСИНІЯ И КИРІАКА ДІАКОНОВЪ, АКРОНІАНА КОММЕНТАРИСІЯ, ПАПІЯ И МАВРА ВОИНОВЪ, СМАРАГДА, ЛАРГІЯ, САТУРНИНА И КРИСКЕНТІАНА. СВВ. ЖЕНЪ ПРИСКИЛЛЫ И ЛУКИНЫ И СВ. МУЧ. АРТЕМІИ—ЦАРЕВНЫ.

Св. Маркеллъ былъ сыномъ римлянина, по имени Бенедикта. Послѣ смерти папы св. Маркеллина (296—304), Маркеллъ занялъ святительскій престолъ. Онъ правилъ римскою церковію съ 304 до 310. Во время его управленія римскою церковію, соправитель Діоклитіана Максиміанъ Геркулъ, чтобы угодить Діоклитіану, послѣ своего возвращенія изъ Африки въ Римъ, началъ строить въ немъ каменныя теплицы или бани. Ненавидя христіанъ, особенно находившихся въ его войскѣ и нарушавшихъ воинскую дисциплину отказомъ въ принесеніи языческихъ жертвъ, Максиміанъ возложилъ трудную работу при постройкѣ бань на христіанъ, находившихся въ рядахъ его войска. Онъ заставлялъ ихъ выжигать кирпичъ, толочь мѣлъ, копать землю и таскать камни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы еще болѣе досадить христіанамъ, Максиміанъ не давалъ имъ ни крѣпкой одежды, ни хорошей пищи, такъ что ихъ положеніе было весьма плачевно. Но къ счастію нашлись люди, которые по мѣрѣ силъ помогали несчастнымъ страдальцамъ. Таковъ былъ христіанинъ, жившій въ Римѣ, по имени Фрасонъ, обладавшій большимъ состояніемъ. Онъ тайно посылалъ имъ пищу, одежду и остальное, въ чемъ они нуждались, чрезъ четырехъ благочестивыхъ людей—Сисинія, Киріака, Смарагда и Ларгія. Блаженный папа Маркеллъ, когда узналъ объ этомъ, призвалъ ихъ къ себѣ,

сердечно благодарилъ за услуги и двоихъ изъ нихъ—Сисинія и Киріака посвятилъ въ діаконы римской церкви.

Въ одну ночь Сисиній и Киріакъ несли несчастнымъ страдальцамъ пищу отъ Фрасона. Язычники замѣтили это и, схвативъ ихъ, привели къ трибуну Ексуперію. Онъ заключилъ ихъ въ темницу, а на третій день донесъ на нихъ царю Максиміану, который осудилъ ихъ таскать песокъ для каменнаго зданія. Выполняя эту работу, Сисиній и Киріакъ помогали другимъ собратіямъ и, между прочимъ, одному старцу, по имени Сатурнину, который не имѣлъ силы самъ поднимать тяжести. Стражи донесли и объ этомъ черезъ трибуна царю. Царь, вызвавъ Сисинія и не могши его принудить принести жертву идоламъ, отдалъ его на мученіе Лаодикію. Лаодикій, въ надеждѣ, что неустрашимый исповѣдникъ, одумавшись, отречется отъ Христа, посадилъ его въ Мамертинову темницу, но Сисиній оставался не преклоненъ. По истеченіи 17 дней, Лаодикій отослалъ его къ Апроніану камментарисію.—Дивный небесный свѣтъ озарилъ мученика въ то время, какъ онъ предсталъ предъ Апроніаномъ. Видя это, Апроніанъ вмѣсто истязаній упалъ къ ногамъ св. Сисинія и просилъ у него крещенія. Тотчасъ же была приготовлена вода; совершено было крещеніе; — папа Маркеллъ, помазавъ новокрещеннаго св. муромъ, вмѣстѣ съ другими причастилъ его Св. Таинъ во время Божественной литургіи.

Въ тотъ же день около полудня Лаодикій велѣлъ призвать къ нему Сисинія. Вмѣстѣ съ послѣднимъ отправился и Апроніанъ и, придя, началъ порицать Лаодикія за гоненія на христіанъ. Удивленный Лаодикій, боясь, чтобы поступокъ Апроніана не сдѣлался примѣромъ для

подраженія другихъ язычниковъ, повелѣлъ тотчасъ же отсѣчь мечемъ ему голову, что и было исполнено его слугами на Саларійской дорогѣ.

Что же касается Сисинія и старца Сатурнина, то ихъ Лаодикій съ угрозою смерти посадилъ въ темницу, дабы дать имъ время одуматься. Но свв. мученики по прежнему оставались доблестными Христовыми воинами. Къ нимъ приходили даже язычники, и они безбоязненно наставляли ихъ въ вѣрѣ Христовой и крестили. Черезъ сорокъ дней Лаодикій, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ привести ихъ на судъ въ языческій храмъ закованными въ желѣзо. Были принесены мѣдные треножники, и Лаодикій принуждалъ мучениковъ воскурить оиміамъ идоламъ. Но св. Сатурнинъ помолился Господу и треножники расплавились. Тогда, по повелѣнію Лаодикія, обоихъ мучениковъ повѣсили на деревѣ и стали бить воловьими жилами и суковатыми желѣзными палками, бока же ихъ опаляли огнемъ. Наконецъ свв. мученики выведены были за городъ и усѣчены мечемъ. Благочестивый Фрасонъ, вмѣстѣ съ священникомъ Іоанномъ, взялъ ихъ тѣла и похоронилъ въ своемъ имѣніи, находящемся на Саларійской дорогѣ. Мученія свв. Сисинія и Сатурнина не остались безъ благихъ послѣдствій. Еще во время чуда уничтоженія мѣдныхъ треножниковъ, два прислуживающихъ мучителю воина — Папій и Мавръ воскликнули: „Дѣйствительно, исповѣдуемый Сисиніемъ и Сатурниномъ Богъ, есть Богъ истинный“. Когда же святыхъ исповѣдниковъ предали казни, то воины на столько возмутились духомъ, что безбоязненно указывали своему начальнику на жестокость и безчеловѣчность мученія свв. исповѣдниковъ. Мучитель приказалъ ихъ тотчасъ же бить по устамъ камнями: послѣ чего воиновъ посадили въ

темницу. По молитвѣ Папій и Мавръ безпрепятственно вышли изъ темницы и, принявъ крещеніе отъ папы Маркелла, добровольно отдали себя воинамъ Лаодикія. И вотъ Лаодикій, убѣдившись, что, бывшіе его воины, Папій и Мавръ обратились въ христіанство, угрозами хотѣлъ принудить ихъ отказаться отъ Христа. Видя, что его угрозы оказываются недѣйствительными, Лаодикій рѣшился заставить ихъ снова обратиться къ служенію идоламъ чрезъ истязанія. По его повелѣнію Папія и Мавра, распростертыхъ на землѣ, нещадно били палками. Св. исповѣдники остались непреклонны и только взывали къ Господу Богу, чтобы Онъ не оставилъ ихъ Своею помощію. Тогда усилили мученія: св. исповѣдниковъ стали бить оловянными прутьями. Эти истязанія были на столько тяжки, что Папій и Мавръ не перенесли ихъ и скончались подъ ударами. По распоряженію папы Маркелла, тѣла этихъ мучениковъ были взяты священникомъ Іоанномъ и погребены подлѣ св. Сисинія и Сатурнина.

Между тѣмъ діаконъ Киріакъ вмѣстѣ съ Смарагдомъ и Ларгіемъ все еще оставались въ заключеніи. Днемъ имъ давали тяжелую работу, а ночью сажали въ темницу. Какъ человѣкъ строго благочестивой жизни и неустрашимый исповѣдникъ, Киріакъ получилъ отъ Бога даръ исцѣленій. Къ нему приводили слѣпыхъ, бѣсноватыхъ, разслабленныхъ и другаго рода недужныхъ, и онъ всѣмъ чрезъ молитву подавалъ здравіе. Случилось, что у царя Діоклитіана, уже возвратившагося къ тому времени въ Римъ, сдѣлалась бѣсноватою дочь Артемія. Сильно печалился царь о болѣзни дочери.—Св. Киріакъ исцѣлилъ ее. Обрадованный царь далъ свободу Киріаку и его собратіямъ—Сморагду и Ларгію, подарилъ ему домъ

близъ своихъ термъ. Вмѣстѣ съ этимъ исцѣленіе Артеміи сопровождалось обращеніемъ ея въ христіанство, хотя и тайно отъ отца; мать же дѣвицы—Сирена, бывши давно уже тайною христіанкою, наставляла свою дочь въ истинахъ вѣры, убѣждая любить Христа и соблюдать Его заповѣди. По прошествіи нѣкотораго времени, Киріакъ вмѣстѣ съ Смарагдомъ и Ларгіемъ былъ отправленъ Діоклитіаномъ къ персидскому царю, который просилъ Діоклитіана прислать его для исцѣленія своей дочери тоже бѣсноватой. И эта больная была исцѣлена св. Киріакомъ, и она подобно Артеміи, исцѣлившись, увѣровала во Христа и приняла св. крещеніе. Вмѣстѣ съ нею многіе и другіе крестились изъ царскаго дома, всѣхъ же Персовъ, обратившихся въ то время въ христіанство, было до четырехъ сотъ человѣкъ. Богатые подарки предлагалъ персидскій царь Киріаку, но онъ ничего не взялъ и, живя въ Персіи, питался только хлѣбомъ и водою. По прошествіи 45 дней, Киріакъ возвратился въ Римъ, съ честію былъ принятъ Діоклитіаномъ и съ радостію—Сиреною и Артеміей.

Между тѣмъ Діоклитіанъ удалился отъ дѣлъ правленія, и его мѣсто занялъ Галерій, женатый на дочери Діоклитіана Валеріи,—старшей сестрѣ Артеміи. Галерій безъ всякаго стѣсненія продолжалъ преслѣдовать христіанъ. Въ это время Киріакъ, пользовавшійся до сихъ поръ свободою, снова былъ взятъ вмѣстѣ съ Смарагдомъ и Ларгіемъ и заключенъ въ темницу. Чтобы страхомъ уменьшить обращеніе язычниковъ въ христіанство и отвратить отъ исповѣданія Христа уже сдѣловавшихся Его послѣдователями, Галерій, если куда отправлялся, водилъ предъ своею колесницею Киріака раздѣтымъ донога и окованнымъ желѣзными оковами. Папа Маркеллъ.

какъ истый святитель, встрѣтивъ однажды царя, сталъ порицать его образъ дѣйствія. „Зачѣмъ убиваешь слугъ Божіихъ, сказалъ папа, которые молятся за твое царство?“ Справедливыя слова не утишили жестокость царя. Напротивъ, онъ приказалъ схватить Маркелла, наказать его палочными ударами и осудилъ его кормить скотъ. Вмѣстѣ съ этимъ и Киріакъ былъ отданъ царемъ намѣстнику Корпасію, чтобы онъ пытками принудилъ его отречься отъ Христа. Когда къ Корпасію привели Киріака и вмѣстѣ съ нимъ Ларгія, Сморагда и Крискентіана—то же содержащагося до сихъ поръ въ темницѣ за исповѣданіе вѣры, и когда всѣ четыре исповѣдника неустрашимо отказались принести жертву идоламъ, то Корпасій велѣлъ растопить смолу и лить ее на голову Киріака, въ надеждѣ заставить его отказаться отъ Христа и устрашить другихъ исповѣдниковъ. Но Киріакъ, терпя мученія, славилъ Господа. Корпасій повелѣлъ повѣсить на деревѣ Крискентіана, бить его жилами, палками, строгать острыми желѣзными крючьями и палить бока огнемъ. Муки были ужасныя... и св. исповѣдникъ скончался; его тѣло бросили было на съѣденіе собакамъ, но священникъ Іоаннъ ночью, взявши тайно тѣло мученика, похоронилъ вмѣстѣ съ прежде замученными христіанами. По прошествіи четырехъ дней, тѣми-же муками мучимъ былъ и Киріакъ, который послѣ пытки обливанія его головы смолою былъ заключенъ въ темницу. Но св. діаконъ мужественно переносилъ мученія, взывая къ Господу: „помилуй мя грѣшнаго, Господи мой Іисусе Христе, Слава Тебѣ, Сыне Божій!“ Видя безуспѣшность мученій, Корпасій прекратилъ ихъ и донесъ о Киріакѣ и другихъ мученикахъ царю. Тогда вышло повелѣніе всѣхъ, оставшихся въ живыхъ, мучениковъ предать смерти. И

вотъ усѣчены были мечемъ св. Киріакъ *) съ Ларгіемъ и Смарагдомъ, а вмѣстѣ съ ними и еще двадцать одинъ человѣкъ обоего пола, находившихся въ то время въ темницѣ за исповѣданіе Христа. И всѣхъ этихъ страдальцевъ за вѣру Христову священникъ Іоаннъ, при помощи другихъ, взялъ и похоронилъ подлѣ прежде убіенныхъ. Тогда же была убита и Артемія, дочь царя Діоклетіана. Галерій хотя и былъ зятемъ Діоклетіану, но не пожалѣлъ своей родной крови и послѣ мученій повелѣлъ убить св. Артемію за исповѣданіе Христовой вѣры. Такъ много пострадало за вѣру Христову при Діоклетіанѣ и жестокомъ Галеріѣ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Корпасій, по убіеніи Киріака, выпросилъ у царя пожертвованный Діоклетіаномъ Киріаку домъ подлѣ термъ. Въ этомъ домѣ было большое водовмѣстилище, которое христіане употребляли для крещенія. Изъ ненависти къ христіанству, Карпасій обратилъ домъ Киріака въ позорную баню. Не рѣдко мылся въ этой банѣ нечестивецъ, совершая при этомъ блудныя дѣла. Но вотъ однажды онъ устроилъ въ ней пиръ для девятнадцати своихъ друзей. Пирующіе предавались разнаго рода постыднымъ утѣхамъ. Такое оскорбленіе прежней христіанской святыни было возмутительно,—и Господь достойно наказалъ нечестивцевъ. Во время пира они всѣ пали внезапно мертвыми. Это событіе такъ напугало всѣхъ, что никто не рѣшался поселиться въ поруганномъ домѣ, и онъ былъ заколоченъ.

Около этого времени западный кесарь Северъ былъ свергнутъ Максентіемъ — сыномъ Максиміана Геркула.

*) Киріакъ считается на западѣ однимъ изъ 14 пособниковъ: къ его помощи прибѣгаютъ противъ злыхъ духовъ. (Мѣсяц. Вост. Ар. Сергія. Замѣтки стр. 161. т. 2).

Пользуясь борьбой соправителей, римскіе клирики освободили св. папу Маркелла. Но когда вступилъ въ управленіе Максентій, то снова началось преслѣдованіе христіанъ. Освободившійся святитель Маркелъ, снова неусыпно принялъ на себя заботы по управленію церковію. Видя, что тѣла мучениковъ часто бросаются на съѣденіе псамъ, онъ приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы избавить св. христіанскіе останки отъ такого поруганія. Въ этомъ дѣлѣ онъ не остался безъ помощниковъ.

Въ то время въ Римѣ жили двѣ свв. жены—Прискилла и Лукина. Онѣ были сенаторскія вдовы, имѣли большое состояніе и при всякомъ удобномъ случаѣ помогали своимъ имѣніемъ угнетаемымъ христіанамъ. Прискилла устроила гробницы въ своихъ имѣніяхъ для христіанъ. Вмѣстѣ съ одной изъ этихъ благочестивыхъ женъ—Лукиною Маркеллъ взялъ свв. тѣла Киріака, Смораґда и Ларгія и, обвивъ ихъ чистыми плащаницами, похоронилъ въ каменныхъ гробахъ, въ усыпальницѣ Лукины. Но не долго оставался на свободѣ св. папа. Благочестивая Лукина пожертвовала въ пользу римской церкви свой прекрасный домъ, находившійся почти въ серединѣ Рима. Этотъ домъ христіане рѣшились превратить въ домовую церковь и папа Маркеллъ освятилъ его для приношенія въ немъ безкровной жертвы. Такое событіе не укрылось отъ язычниковъ, и они донесли объ немъ царю. Подобно какой нибудь тяжкой преступницѣ, Лукина, по повелѣнію царя, была изгнана изъ Рима, и ея имѣніе было отдано на разграбленіе. Взятъ былъ снова и св. Маркеллъ и снова осужденъ кормить скотъ. Только что освященный для молитвенныхъ собраній христіанъ домъ Лукины былъ обращенъ въ стойло для скота и въ немъ то и долженъ былъ св. папа нести несправедливое нака-

заніе Максентія. Тяжело было положеніе св. Маркелла. Только острая власяница прикрывала его тѣло. Не имѣлъ онъ и достаточной пищи, чтобы хотя нѣсколько подкрѣпить свое тѣло среди постоянныхъ трудовъ. Да и самый душный воздухъ скотскаго помѣщенія губительно дѣйствовалъ на старца. Не получалъ онъ никакого утѣшенія и отъ близкихъ, такъ какъ были поставлены надзиратели съ повелѣніемъ никого не впускать къ св. страдальцу. Къ довершенію всего язычники постоянно осыпали св. папу насмѣшками, ругательствами и разнаго рода оскорбленіями. Такого рода плачевное положеніе не перенесъ св. папа. Прошло девять мѣсяцевъ его страданій, и онъ скончался. И его тѣло взялъ священникъ Іоаннъ и вмѣстѣ съ другими клириками съ честію похоронилъ въ гробницѣ Прискиллы. Такъ кончилась страдальческая жизнь св. папы Маркелла, который какъ бы предпославъ прежде къ Господу многихъ своихъ пасомыхъ, претерпѣвшихъ жестокія страданія, и самъ явился къ Нему увѣнчанный лаврами мученичества. Всѣ мощи этихъ мучениковъ почиваютъ въ Римѣ. (Четьи-Минеи).

СВВ. СВЯЩЕННОМУЧЧ. МАРКЕЛЛИНА ПАПЫ И СЪ НИМЪ: КЛАВДІЯ, КИРИКА И АНТОНИНА.

Св. Маркеллинъ занималъ римскую каѳедру послѣ Кая (296—304) и правилъ римскою церковію въ царствованіе Діоклитіана. При этомъ папѣ христіане подверглись такому жестокому гоненію, что однажды, въ продолженіи тридцати дней, было замучено въ Римѣ семнадцать тысячъ христіанъ обоего пола. Тогда же взятъ былъ и папа Маркеллинъ. Угрозы царя и жестокія мученія неустрашимыхъ Христовыхъ исповѣдниковъ

устрашили папу: онъ отрекся отъ Христа и принесъ жертву языческимъ богинямъ Вестѣ и Изидѣ. Царь очень обрадовался отступничеству папы и подарилъ ему за это великолѣпную одежду. Но папа едва пришелъ домой, созналъ всю глубину той пропасти, которая вмѣстѣ съ его отступничествомъ разверзлась предъ нимъ. Его паденіе было тѣмъ постыднѣе и тѣмъ гибельнѣе, что онъ стоялъ во главѣ церкви и, какъ занимающій такое положеніе, долженъ былъ подавать примѣръ мужества, а не малодушія. Горько заплакалъ папа, сильно укорялъ себя за свой позоръ. Совѣсть мучила его и не давала ему покоя. Между тѣмъ, къ тому времени, въ Синуессѣ былъ собранъ изъ 180 епископовъ и пресвитеровъ помѣстный соборъ. Вотъ сюда-то и явился папа Маркеллинъ, одѣтый во вретище съ осыпанною пепломъ головою. Съ сокрушеннымъ сердцемъ, какъ осужденный, стоялъ Маркеллинъ предъ отцами собора. Слезы неудержимо падали изъ его глазъ, и онъ подавленнымъ голосомъ просилъ себѣ суда у собора. Св. отцы снисходительно отнеслись къ грѣшнику. Они напомнили ему, что и св. апостолъ Петръ отрекся отъ Христа, но, искренно раскаявшись, впослѣдствіи былъ однимъ изъ первыхъ апостоловъ; осужденія же соборъ не положилъ на папу, а предоставилъ сдѣлать это ему самому. „Я лишаю себя священнаго сана, котораго не достоинъ. По смерти моей, пусть тѣло мое не предастся обычному погребенію, но да будетъ брошено на съѣденіе псамъ!“ Такъ осудилъ себя самъ папа Маркеллинъ. Однако такого осужденія онъ считалъ недостаточнымъ для искупленія своей вины. Возвратившись къ себѣ, Маркеллинъ взялъ подаренную ему Діоклитіаномъ одежду, пришелъ къ нему и, бросивши ему одежду, мужественно объявилъ себя истиннымъ исповѣд-

никомъ Христовымъ. Царь разгнѣвался, велѣлъ предать на мученіе его вмѣстѣ съ другими христіанами: Клавдіемъ, Кирикомъ и Антониномъ. Повели для преданія смерти за городъ. Папа Маркеллъ (см. предъидущ. житіе) ободрялъ мучениковъ, а св. Маркеллинъ просилъ папу не погребать его тѣло послѣ смерти; такъ какъ, говорилъ онъ, я не достоенъ, чтобы земля пріяла меня, который отвергся Господа Моего—Творца неба и земли. Когда привели Маркеллина на лобное мѣсто, онъ добровольно подставилъ голову и былъ убитъ вмѣстѣ съ Клавдіемъ, Кирикомъ и Антониномъ. Тѣло Маркеллина, согласно съ его завѣщаніемъ, было оставлено безъ погребенія. Прошло тридцать шесть дней, и ап. Петръ, явившись папѣ Маркеллу, повелѣлъ похоронить тѣло св. мученика. Маркеллъ, взявши св. останки Маркеллина, съ честію похоронилъ ихъ во гробѣ Присциллы, находившемся при Саларійской дорогѣ, не вдалекѣ отъ Рима. (Четьи-Минеи).

8-е число.

Перенесеніе мощей св. великомученика Θеодора Стратилата. Св. Ефрема, патріарха Антіохійскаго. Пр. Зосимы Финикіянина.

(Мучч. Никандра и Маркіана усѣченныхъ мечемъ. Муч. Калліопіи, усѣченной при Декіѣ. Пр. Меланіи. Пр. Аоре въ Египтѣ. Муч. Никандра и Марка. Пр. Павкратія. Соборъ Богоматери въ Сосθеніи. Соборъ архангела Михаила въ Сосθеніи. Муч. Θеофана. Св. Θеодора, епископа Ростовскаго. Ярославскія иконы Божіей Матери).

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ΘЕОДОРА СТРАТИЛАТА.

Вскорѣ послѣ мученической кончины (см. 8 февр.). мощи св. Θеодора были перенесены изъ Иракліи въ родной его городъ Евхаиту. Это событіе относится къ 8 іюня 319 года. Съ этого времени почитаніе св. Θеодора Стратилата распространялось все болѣе и болѣе, такъ что въ честь его строили храмы. Одинъ изъ такихъ храмовъ находился въ мѣстечкѣ, называвшемся Кареата, невдалекѣ отъ города Дамаска. Однажды Кареатою завладѣли сарацыны и поселились въ этомъ мѣстѣ. На ряду съ другими зданіями и храмъ Стратилата невѣрные обратили въ свои жилища. Двадцать семействъ поселились въ храмѣ, въ немъ-же помѣщенъ былъ и скотъ, принадлежащій этимъ семействамъ. Но этимъ поруганіемъ сарацыны не ограничились. Въ храмѣ на стѣнѣ

было изображеніе св. великомученика Θеодора Стратилата. Однажды, при большемъ собраніи сарацынъ, одинъ изъ нихъ взялъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ образъ св. Θеодора. Стрѣла пронзила образъ, и вдругъ, по свидѣтельству Анастасія Синаита и Іоанна Дамаскина (слово 3-е объ иконахъ), изъ образа истекла кровь, какъ бы изъ живаго человѣка. Такое чудо удивило сарацынъ, однако они не удалились изъ церкви, а продолжали ее осквернять своимъ жительствомъ въ ней; за это въ продолженіи не многихъ дней всѣ они погибли отъ нечаянной смерти; тогда какъ другіе ихъ соплеменники, живущіе въ Карсатѣ, остались живы. Такъ наказываетъ Господь оскверняющихъ святыню и ругающихся надъ нею! (Четьи-минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ЕФРЕМА, ПАТРІАРХА АНТІОХІЙСКАГО.

Ефремъ жилъ въ царствованіе императоровъ Анастасія и Іустина. Первоначально онъ занималъ должность правителя восточной области. Не смотря на высоту своего положенія, Ефремъ велъ благочестивый и добродѣтельный образъ жизни, много помогалъ нищимъ, былъ милосердъ и сострадателенъ къ находящимся въ несчастіи и со всѣми обходился кротко и любезно. Въ это время въ Антіохіи произошло ужасное землетрясеніе. Оно случилось 29 мая, въ полдень. Отъ страшныхъ подземныхъ ударовъ вся земля колебалась, разрушая зданія и городскія стѣны. Большая часть города сдѣлалась жертвою землетрясенія. Много погибло и народа: однихъ убивали падающія зданія, другіе погибали отъ силь-

наго пожара, происшедшаго во время землятресенія. Въ это время погибъ и антіохійскій патріархъ Евфрасій. Оставшіеся въ живыхъ трепетали и плакали. Пришли въ ужасъ и жители окрестныхъ странъ. Для возстановленія города царь Іустинъ послалъ воеводу Ефрема, который по прибытіи усердно и ревностно заботился о возобновленіи разрушенныхъ зданій. Среди громаднаго числа людей, работающихъ надъ постройкою зданій, находился епископъ, который, оставивъ свой санъ, въ одеждѣ нищаго, ни кѣмъ не узнаваемый, трудился, какъ простой наемникъ. Не разъ Ефремъ былъ свидѣтелемъ страннаго видѣнія. Ему казалось, что епископъ изнуренный работою спалъ, а надъ нимъ до небесъ поднимался огненный столбъ. Воевода ни какъ не могъ уразумѣть значенія такого видѣнія. Онъ всматривался въ епископа, но видѣлъ въ немъ не болѣе какъ обыкновеннаго работника: изодранная и испачканная одежда, запыленная голова, худое, изнуренное трудами, тѣло, — таковъ былъ внѣшній видъ епископа. Тогда Ефремъ призвалъ епископа и просилъ его разсказать: кто онъ и откуда родомъ? Епископъ сначала было отказывался, но затѣмъ, въ виду настойчивой просьбы воеводы, объявилъ ему о себѣ. «Я, говорилъ онъ, былъ епископъ, но для Бога оставилъ епископство и пришелъ сюда, чтобы своими трудами добывать себѣ пропитаніе. Названіе города, въ которомъ я занималъ епископскую каѳедру, я тебѣ не открою. А ты умножь свои милости. Скоро Господь возведетъ тебя на апостольскій престолъ Антіохійской церкви. Не переставай и тамъ творить милостыню и съ твердостію борись за православіе противъ еретиковъ". Съ этими словами епископъ удалился, и послѣ его уже не было въ числѣ работниковъ. Скоро, дѣйствительно,

сбылось предсказаніе епископа: Ефремъ перемѣнилъ санъ воеводы на санъ Антіохійскаго патріарха.

Помня наставленія епископа, патріархъ Ефремъ мужественно боролся съ еретиками того времени и много написалъ сочиненій въ защиту Халкидонскаго собора отъ нападковъ еретиковъ. Доказывалъ онъ истинность православія и чудесными дѣйствіями. Такъ, однажды св. Ефремъ узналъ, что одинъ, находившійся въ Іерапольской странѣ, столпникъ вдался въ ересь. Случай этотъ имѣлъ большое значеніе. Столпникъ, какъ человѣкъ пользующійся за свои подвиги уваженіемъ, могъ очень многихъ совратить въ ересь. И вотъ, сознавая это, святитель самъ отправился къ нему и всѣми силами старался убѣдить его отступиться отъ ереси и обратиться въ православіе. Столпникъ, видя рѣшимость патріарха во что бы то ни стало обратить его въ православіе, хотѣлъ запугать его. Онъ предложилъ Ефрему разжечь костеръ и пройти сквозь огонь. „Кто выйдетъ изъ огня невредимъ, говорилъ столпникъ, того и есть правая вѣра“. Святитель, глубоко убѣжденный въ истинѣ православія, велѣлъ принести дровъ и по его повелѣнію былъ разожженъ громадный костеръ. Но столпникъ не согласился идти сквозь огонь вмѣстѣ съ св. Ефремомъ. Тогда святитель снялъ съ себя омофоръ, помолился Господу и бросилъ его въ огонь. Три часа горѣлъ огонь, въ пепелъ обратились всѣ дрова,—но омофоръ остался цѣлымъ и невредимымъ. Въ виду такого чуда, столпникъ всенародно отступился отъ своей ереси, присоединился къ святой, соборной, апостольской церкви и изъ рукъ самаго патріарха принялъ св. причастіе. Много и другихъ совершилъ чудесъ св. Ефремъ, на пользу церкви трудясь въ санѣ патріарха въ продолженіи осьмнадцати

лѣтъ, и въ 545 году скончался. Св. Симеонъ въ ночь кончины преподобнаго видѣлъ его душу, которую сопровождали ангелы и которая привѣтствовала столпника, прося его молиться за нее. Объ этомъ Симеонъ разсказалъ братіи; въ послѣдствіи же оказалось, что это видѣніе случилось именно въ ту ночь, въ которую скончался св. Ефремъ (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2 замѣт. стр. 162).

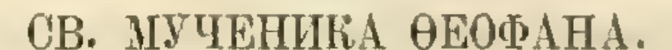
ПРЕПОДОБНАГО ЗОСИМЫ ФИНИКІЯНИНА.

Пр. Зосима происходилъ изъ приморскаго селенія Сидны, вблизи города Тира въ Финикіи. Принявъ иночество, онъ поселился въ обители не вдалекѣ отъ своей родины. Постъ, молитва и другіе иноческіе подвиги на столько усовершили его духовныя силы и оживили въ немъ богоподобныя черты образа Божія, что Зосима поистинѣ достигъ „мѣры возраста исполненія Христова") Еф. 4, 24). Даже его совѣсть ничѣмъ не смущалась, такъ какъ преподобный былъ святъ и въ своихъ мысляхъ и своихъ желаніяхъ. При такой высотѣ духовнаго совершенства онъ обладалъ даромъ прозорливости, что подтверждалось многоразличными случаями. Во время епископства Іоанна Хозевита, пр. Зосимѣ какъ-то пришлось быть въ Кесаріи Паметинской. Здѣсь жилъ благородный вельможа Аркесилай, который уважалъ Зосиму и давалъ ему помѣщеніе для жительства. И вотъ, живя у Аркесилая, преподобный однажды сильно расплакался и горячо сталъ молиться Богу. Это удивило Аркесилая, и онъ спросилъ Зосиму о причинѣ его скорби. „Я, отвѣтилъ преподобный, слышу голосъ страшнаго разрушенія и паденія, происходящаго въ Антіохіи". Аркесилай за-

мѣтилъ время этого предсказанія и впослѣдствіи узналъ, что именно въ указанное время, дѣйствительно, было землетрясеніе въ Антіохіи (см. выше житіе Ефрема Антіохійскаго).

Пришлось Аркесилаю и другой разъ убѣдиться въ прозорливости св. Зосимы. Жена Аркесилая нечаянно выколола себѣ спицею глазъ,—Аркесилай былъ въ это время у св. Зосимы. Узнавъ о случившемся съ его женою несчастіи, Аркесилай горько заплакалъ и опечалился до того, что рвалъ на себѣ волосы. Жалко стало св. иноку вельможу. Помолившись Господу, онъ съ радостнымъ лицемъ сказалъ ему, что его жена исцѣлена епископомъ Хозевитомъ. И, дѣйствительно, епископъ едва узналъ о несчастіи, случившемся съ женою Аркесилая, пришелъ въ его домъ и велѣлъ одному изъ врачей вставить выпавшій глазъ въ свое мѣсто, приложить къ нему губку и обвязать мягкимъ полотенцемъ, послѣ чего больная стала вполнѣ здоровою.

Святая и подвижническая жизнь Зосимы не только низвела на него отъ Бога даръ прозорливости, но и дала ему силу укрощать звѣрей. Шелъ преподобный въ Кесарію съ осломъ, который везъ на себѣ различныя вещи. На дорогѣ встрѣтился левъ, схватилъ осла и побѣжалъ въ пустыню. Зосима отыскалъ хищника, подошелъ къ нему и сказалъ: „Другъ, я усталъ и не могу нести ношу, которую везъ оселъ; понеси эту ношу самъ“. Левъ, не смотря на свою лютость и кровожадность, сталъ ласкаться къ преподобному и сдѣлался какъ ручной. Зосима взялъ ношу, которую везъ оселъ, положилъ ее на льва и послѣдній смирно до самыхъ кесарійскихъ воротъ довезъ ношу, послѣ чего св. Зосима снялъ ее и отпустилъ льва на свободу. (Четьи-Минеи).



СВ. МУЧЕНИКА ѲЕОФАНА.

Обольщенный турками Ѳеофанъ въ молодыхъ лѣтахъ отрекся отъ христіанства и принялъ исламизмъ. Въ скоромъ времени, раскаявшись въ своемъ отступничествѣ, Ѳеофанъ убѣжалъ изъ Константинополя въ другое мѣсто, гдѣ и постригся въ монахи. Однако совѣсть всетаки мучила инока; горько плакалъ онъ, много молился, возлагалъ на себя строгіе посты, предпринималъ другіе тяжкіе подвиги, но совѣсть продолжала терзать его. Тогда Ѳеофанъ рѣшился мученичествомъ искупить свое преступленіе. Прибывъ въ Константинополь, онъ поселился на прежнемъ мѣстѣ. Турки узнали его и привели къ судьѣ, доказывая, что онъ турокъ. Но Ѳеофанъ рѣшительно заявилъ, что онъ христіанинъ и никогда не отступится отъ своей вѣры. Видя неистовство и злобу изувѣровъ, судья произнесъ смертный приговоръ Ѳеофану. Тогда турки, бросившись на исповѣдника, жестоко осыпали его ударами, вырѣзали крестообразно ремни изъ его спины, обрѣзали нось и уши и, наконецъ, повѣсили на высокомъ столбѣ. Юный мученикъ мужественно переносилъ истязанія. Это еще болѣе ожесточило турокъ и они бросили его на ченгель (желѣзная рѣшетка въ родѣ нашей бороны, обращенной острыми зубьями вверхъ), отчего св. Ѳеофанъ и предалъ духъ свой Господу Богу 8 іюня 1559 года. (Христ. мучч. на Востокѣ свящ. Соловьева, стр. 52. 53).

СВ. ѲЕОДОРА, ЕПИСКОПА РОСТОВСКАГО.

Св. Ѳеодоръ былъ первымъ епископомъ Ростовскимъ, когда въ этомъ городѣ большинство народа были язычниками. Принявъ санъ Ростовскаго епископа въ 990 году, Ѳеодоръ въ тотъ-же самый годъ воздвигнулъ первый соборный храмъ въ честь Богоматери. Построен-

ный изъ дубоваго дерева, этотъ храмъ существовалъ въ продолженіи 168 лѣтъ. Ѳеодоръ усердно заботился о распространеніи христіанства, но Ростовцы, будучи привержены къ идолопоклонству, ненавидѣли и оскорбляли св. епископа, а въ 992 году на столько стѣснили его, что онъ долженъ былъ удалиться изъ Ростова. За тѣмъ св. Ѳеодоръ жилъ въ поселеніи, изъ котораго впослѣдствіи образовался городъ Суздаль. Эта мѣстность входила въ составъ ростовской епархіи и обязана евангельскимъ просвѣщеніемъ св. Ѳеодору. Память объ его проповѣди сохранилась впослѣдствіи въ стѣнной надписи 1635 года надъ мощами Ѳеодора. „Въ лѣто 9498 (990 г.), говорится въ этой надписи, первый благовѣрный и великій князь Владиміръ просвѣти суздальскую землю святымъ крещеніемъ и паству вручи епископу Ѳеодору". Впрочемъ, согласно съ лѣтописью, просвѣщеніе суздальскаго края св. Ѳеодоромъ надобно считать съ 992 г. Въ 1010 году въ Ростовъ былъ посланъ князь Борисъ, около этого же времени возвратился на свою каѳедру и св. Ѳеодоръ. Но онъ оставался здѣсь только до 1014 года. Убіеніе князя Бориса и кровопролитная борьба Ярослава съ Святополкомъ дала снова силу язычникамъ, и блаженный Ѳеодоръ „изгнанъ бысть". Какъ протекли послѣдніе годы жизни св. Ѳеодора и когда онъ умеръ— неизвѣстно. По всей вѣроятности кончину его должно отнести къ 1023 году. Въ Суздалѣ надъ гробницей святителя въ 16 в. положенъ былъ покровъ съ слѣдующею вышитою на немъ надписью: „Лѣта 7089 (1581), молясь пресвятой Богородицы и великому чудотворцу, епископу Ѳеодору Суздальскому, положила сей покровъ на великаго чудотворца епископа Ѳеодора князя Владиміра Андреевича княгиня Евпраксія" (истор. сказ. о Суздалѣ

ключаря Ананія Өеодорова). И впослѣдствіи св. Өеодоръ пользовался большимъ почетомъ. Такъ, въ 1633 году суздальскій архіепископъ писалъ въ суздальскій дѣвичій монастырь. „Молитва великихъ святителей и чудотворцевъ суздальскихъ—Іоанна и Өеодора да будутъ съ вами. (Русс. свв. Филарета Арх. Черниг.).

9-е число.

Преп. отца нашего Кирилла, архіепископа Александрійскаго *). Свв. мучч. Өеклы, Мароы и Маріи. Преп. Кирилла, игумена обители Бѣлозерскія. Пр. Александра, игумена Критскаго.

*(Священномуч. Александра, еп. прусскаго. Мучен. Ананіи. Пр. Кира. Трехъ дѣвъ мучениць Хіосскихъ. Маріамны и Еннавы (или Еннеимъ). Коломенскія иконы Божіей матери **).*

ПР. КИРИЛЛА, ИГУМЕНА ОБИТЕЛИ БѢЛОЗЕРСКІЯ.

Св. Кириллъ, въ мірѣ Косма, происходилъ изъ благородной и богатой семьи, жившей въ г. Москвѣ, и съ малыхъ лѣтъ получилъ соотвѣтственное своему положенію воспитаніе. Вскорѣ родители Космы скончались.

*) См. житіе его 18 января.

**) Судя по изображенію, это—колочепская (9 Іюля),—ошибочно здѣсь поставлена.

поручивъ его надзору своего родственника Тимоѳея Васильевича Вельяминова, состоявшаго окольничимъ при дворѣ велик. князя Димитрія Донскаго. Косма былъ тихаго нрава и велъ скромный образъ жизни, не смотря на юность своихъ лѣтъ. Это очень понравилось Вельяминову и онъ сдѣлалъ его „дворскимъ", т. е. поручилъ ему надзоръ за слугами своего дома. Блистательное поприще свѣтской службы открывалось предъ Космою. При поддержкѣ вельможнаго родственника стоило ему только пожелать и высокое положеніе было бы готово для него.

Но свѣтская жизнь, кругъ сановитыхъ особъ со всѣмъ блескомъ и почетомъ, которые сопровождаютъ ихъ, не прельщалъ юнаго Косму. Въ немъ съ дѣтства теплился огонь увлеченія иноческою жизнію, съ лѣтами разгораясь все болѣе и болѣе. Служить единому только Господу, угождать Ему, не щадя своихъ силъ, подвигами усовершаться въ духовной жизни,—вотъ—цѣль, которую предначерталъ себѣ Косма, вотъ - предметъ его желаній! Не этого ждалъ отъ Космы его знатный родственникъ. Онъ надѣялся видѣть въ своемъ питомцѣ будущаго боярина, окруженнаго славою и почетомъ. Косма зналъ это, и не открывалъ своему воспитателю свои задушевныя намѣренія. Однако чѣмъ дальше текла жизнь, тѣмъ сильнѣе жаждалъ Косма иночества. Не мало думалъ онъ, какъ бы перемѣнить свое положеніе, „дворскаго", на положеніе подвижника. Случай, наконецъ, помогъ Космѣ. Основатель махрищкой общины—блаж. Стефанъ, пришедши въ Москву, навѣстилъ окольничаго—Тимоѳея Васильевича Вельяминова. Косма открылъ всю душу предъ славнымъ игуменомъ, и со слезами на глазахъ умолялъ его дать возможность оставить свѣтъ и посвятить всю жизнь подвигамъ благочестія. Искренность и откровенность юно-

нія и его благія намѣренія возбудили сердечное къ нему сочувствіе въ блаж. Стефанѣ. Онъ взялся быть ходатаемъ за него предъ Тимоѳеемъ Васильевичемъ. Какъ замѣчательнаго игумена, вельможа съ радостію встрѣтилъ блаж. Стефана, но едва послѣдній возвѣстилъ ему о намѣреніи Космы и сталъ просить у него отпустить его съ нимъ, какъ Вельяминовъ воспылалъ гнѣвомъ и, не дослушавъ игумена, удалился. Однако, при помощи жены Вельяминова благочестивой Ирины, блаж. Стефанъ вынудилъ у боярина согласіе на отпускъ Космы. Обрадовался юноша, дождавшись осуществленія своей завѣтной мечты, безъ всякаго сожалѣнія оставилъ онъ домъ своего родственника съ его земною суетою, раздалъ все свое имѣніе нищимъ и отправился вмѣстѣ съ блажен. Стефаномъ, который поручилъ его ученику пр. Сергія— Ѳеодору, архимандриту Симонова монастыря. Здѣсь Косма принялъ иночество съ именемъ Кирилла и отданъ былъ настоятелемъ подъ надзоръ подвижника Михаила, который впослѣдствіи былъ Смоленскимъ епископомъ.

Юный монахъ усердно и ревностно трудился въ иноческихъ подвигахъ. По ночамъ, по приказанію старца Михаила, онъ клалъ поклоны въ то время, какъ самъ старецъ вслухъ читалъ псалтирь. Едва ударяли въ колоколъ, Кириллъ шелъ къ утрени. Возлагалъ онъ на себя и добровольно иноческіе подвиги, какъ напримѣръ: однажды просилъ у старца позволенія вкушать пищу чрезъ два или три дня. Впрочемъ опытный руководитель не согласился на просьбу Кирилла, а повелѣлъ ему ежедневно присутствовать за трапезой вмѣстѣ съ братіей, только никогда не наѣдаться до сыта. И Кириллъ, дѣйствительно, такъ мало ѣлъ, что едва ходилъ. Да и вообще воздержаніе юнаго инока было удивительно.

послушаніе—безропотно, смиреніе—глубокое, любовь ко всѣмъ—сердечная и искренняя. За это Кириллъ пользовался уваженіемъ въ средѣ братіи, былъ въ почетѣ и у такого великаго подвижника, каковымъ былъ пр. Сергій Радонежскій. Этотъ великій подвижникъ, посѣщая Симоновскую обитель, постоянно впередъ всѣхъ заходилъ для бесѣды къ Кириллу въ пекарню, гдѣ назначено было ему послушаніе. Кириллъ усердно выполнялъ возложенныя на него работы: носилъ воду, рубилъ дрова и раздавалъ хлѣбъ. Затѣмъ подвижнику дали другое послушаніе, изъ хлѣбни его перевели въ поварню. Здѣсь Кириллъ, часто смотря на огонь пылающій въ очагѣ, говорилъ самъ себѣ: „Смотри, Кириллъ, не попасть бы тебѣ въ вѣчный огонь". Девятилѣтняя труженическая жизнь въ поварнѣ, частые посты и молитва до того подѣйствовали на душевное настроеніе Кирилла, что онъ, проникнутый горячею любовію и искреннимъ благоговѣніемъ къ Богу, не могъ безъ слезъ вкушать хлѣба. Въ глазахъ братіи подвижникъ все болѣе и болѣе возвышался. Это сильно смущало его и онъ, чтобы ослабить оказываемое ему уваженіе братіею, началъ юродствовать, нарушая тѣмъ самымъ монастырское благочиніе.—Настоятель въ наказаніе наложилъ на Кирилла эпитимію, назначилъ ему въ пищу въ продолженіи 40 дней только хлѣбъ и воду. Вмѣсто огорченія, такое наказаніе было источникомъ радости для Кирилла, и онъ безропотно несъ его, трудясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ другихъ иноческихъ подвигахъ. Опытный настоятель понималъ образъ дѣйствія Кирилла и чрезъ нѣсколько времени рукоположилъ его во іеромонахи, хотя Кириллъ всѣми силами и старался отказаться отъ этого сана, считая себя недостойнымъ. Новый санъ Кирилла выдѣлялъ

его изъ среды послушниковъ, но ревностный подвижникъ, и исполнивъ очередную службу, уходилъ въ хлѣбню или пекарню и тамъ по прежнему трудился, какъ простой инокъ. Такъ продолжалось до 1390 года.

Въ это же время игуменъ Θеодоръ избранъ на архіепископскую каθедру въ Ростовъ. Принимая въ вниманіе строго подвижническую жизнь Кирилла, братія Симонова монастыря избрала его въ игумена. На этомъ новомъ служеніи увеличились труды Кирилла. Кромѣ заботъ по управленію монастыремъ, не мало безпокойствъ доставляли святому посѣтители, въ средѣ которыхъ были князья и вельможи. Собственно св. Кирилла смущало не многочисленность посѣтителей, а тотъ почетъ и уваженіе, которые ему оказывали. И вотъ, Кириллъ, избѣгая славы, не смотря на просьбы всей братіи, оставилъ санъ игумена и поселился въ прежней келіи, какъ простой инокъ; но и сюда многіе приходили за наставленіемъ. Избранный на мѣсто Кирилла Сергій недружелюбно посмотрѣлъ на славу Кирилла, и послѣдній удалился въ бывшій монастырь Рождества Богородицы, на старомъ Симоновѣ, проводя здѣсь въ уединеніи иноческую жизнь; но близость города съ его шумною, суетливою жизнію нарушали спокойствіе Кирилла и побуждали его желать уединенія гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Кариллъ просилъ Богородицу указать ему мѣсто полезное для спасенія. И вотъ, однажды ночью, во время чтенія акаθиста Богоматери предъ Ея иконою, услышалъ голосъ: „Кириллъ, иди отсюда на Бѣлое озеро и найдешь покой; ибо тамъ Я уготовала тебѣ мѣсто, на которомъ ты спасешься“. Отворивъ окно, Кириллъ увидалъ на далекомъ сѣверѣ освѣщенное небеснымъ свѣтомъ мѣсто. Съ преподобнымъ въ близкихъ отношеніяхъ находился инокъ Θерапонтъ, который былъ

прежде на Бѣломъ озерѣ. Вмѣстѣ съ этимъ инокомъ Кириллъ отправился на Бѣлое озеро, взявъ съ собою икону Богоматери.

Въ то время бѣлозерская страна была пустынна и мало обитаема. Пришедши сюда, странники взошли на самую высокую гору —Мяуру, съ которой видно кругомъ на дальное разстояніе. Зрѣлище, представившееся глазамъ иноковъ, было прекрасное. Ихъ взоръ кругомъ повсюду встрѣчалъ лѣса, луга, озера и ручейки. На одной сторонѣ лугъ пестрила извилистая рѣка Шексна, по другую сторону—тянулось нѣсколько синихъ озеръ, окаймленныхъ чернымъ лѣсомъ. Св. Кириллъ увидѣлъ то мѣсто, которое указано было ему въ видѣніи. „Вотъ покой мой, воскликнулъ обрадованный Кириллъ, здѣсь я поселюсь, такъ какъ Пречистая Божія Матерь избрала это мѣсто". Подъ горою, на полянкѣ, окруженной лѣсомъ, Кириллъ водрузилъ крестъ, и подлѣ него вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ выкопалъ землянки. Вскорѣ Ѳерапонтъ удалился, такъ какъ Кириллъ желалъ совершеннаго безмолвія. И, дѣйствительно, не одинъ годъ Кириллъ жилъ въ уединеніи, услаждая свой духъ иноческими подвигами. Только два крестьянина—Авксентій и Матвѣй—изрѣдка навѣщали преподобнаго, доставляя для него нужныя вещи. Такъ св. Кириллъ проводилъ свою подвижническую жизнь. Ночь онъ посвящалъ молитвѣ, а днемъ вырубалъ лѣсъ, очищая мѣстность отъ лѣсной густоты, съ цѣлію насадить здѣсь огородъ. Однажды онъ собралъ вокругъ этого мѣста сухія сучья и зажегъ. Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ и огонь окружилъ Кирилла, такъ что грозила погибель. Но святой помолился Пречистой Богородицѣ и былъ чудесно выведенъ изъ огня. И въ другихъ случаяхъ помощь Божія не оставляла преподобнаго. Въ

одно время, осматривая чащу, Кириллъ утомился и задремалъ подъ сосною. Вдругъ раздался голосъ: „бѣги, Кириллъ!“ Едва святой отскочилъ отъ сосны, какъ она съ трескомъ рухнулась на землю, разрушая все попадающееся ей на пути. Въ память такой явной помощи Божіей Кириллъ сдѣлалъ изъ упавшей сосны крестъ, который остался цѣлымъ и до настоящаго времени. Въ другой разъ, одинъ крестьянинъ, жившій не далеко отъ келіи Кирилла, изъ-за корыстныхъ видовъ рѣшился сжечь келію. Много разъ подходилъ къ ней онъ съ злымъ умысломъ, но на него нападалъ ужасъ, и онъ убѣгалъ. Однажды какъ-то удалось ему подложить огонь, но огонь погасъ. Тогда злоумышленникъ пришелъ къ Кириллу, покаялся ему въ своемъ грѣхѣ и принялъ иночество.

Вскорѣ пришли къ Кириллу изъ Симоновой обители два инока—Зеведей и Діонисій, пришелъ изъ той же обители и еще инокъ—Наѳанаилъ; стали собираться къ преподобному и изъ другихъ мѣстъ. Кириллъ, видя, что время его уединенія кончилось, въ 1397 году построилъ храмъ въ честь Успенія Богоматери и началъ сооружать обитель для братіи. (Ист. іер. 4. 385).

Слухъ о сооружаемой обители скоро распространился по окрестностямъ. До сего времени почти никто не зналъ Кирилла, не зналъ и его подвижнической жизни. Услыхавъ же о сооруженной имъ обители, нѣкоторые подумали, что Кириллъ принесъ съ собою изъ Москвы много сокровищъ, и одинъ изъ нихъ—бояринъ Ѳедоръ—послалъ своихъ слугъ ограбить Кирилла. Двѣ ночи подходили грабители къ обители Кирилла, но тотчасъ же возвращались, такъ какъ имъ казалось, что обитель окружена была войскомъ. Думая, что это пришелъ къ Кириллу кто-нибудь изъ знатныхъ московскихъ вельможъ, Ѳео-

доръ послалъ въ обитель узнать объ этомъ. Но въ обители въ продолженіе недѣли ни кого не было изъ посторонпихъ, о чемъ и донесено было посланными Ѳеодору. Тогда Ѳеодоръ одумался, отправился къ Кириллу и со слезами на глазахъ просилъ у него прощенія. „Повѣрь, сынъ мой, Ѳеодоръ, сказалъ ему Кириллъ, что я ничего не имѣю кромѣ одежды, которую ты видишь на мнѣ и нѣсколькихъ книгъ". Послѣ этого бояринъ полюбилъ и помогалъ ему, каждый разъ при посѣщеніи своемъ доставляя для обители рыбу или что-нибудь другое изъ продовольствія; и эта помощь была не малозначительна для обители, такъ какъ число братіи все болѣе и болѣе увеличивалось. Приходили въ Кириллову обитель даже люди строгой подвижнической жизни. Таковъ былъ Игнатій—молчальникъ, безкорыстіе котораго и жизнь самая суровая были изумительны. Въ продолженіи 30 лѣтъ своей жизни въ Кирилловой обители, онъ никогда не спалъ лежа, но подкрѣплялъ себя сномъ, или стоя или сидя, и по своимъ подвигамъ былъ первымъ послѣ Кирилла.

Всѣ остальные иноки по мѣрѣ силъ подражали великимъ Бѣлозерскимъ подвижникамъ. Тѣмъ болѣе, что и самый уставъ общежитія, введенный Кирилломъ, былъ довольно строгій. По этому уставу никто не смѣлъ разговаривать въ церкви и выходить изъ церкви прежде окончанія службы.— Каждый долженъ былъ стоять на своемъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ и вниманіемъ слушать чтеніе и пѣніе. Къ евангелію и св. иконамъ обязывались подходить по старшинству. Самъ настоятель въ продолженіи каждой службы всегда стоялъ, не дозволяя себѣ даже прислониться къ стѣнѣ. Точно также строгій порядокъ и тишина соблюдались и во время трапезы. Только три кушанья

всегда предлагалось братіи за трапезой, а въ постные дни, когда положено пѣніе аллилуія, не было трапезы, и одни изъ братіи ѣли сухой хлѣбъ, другіе постились въ продолженіи всего дня. Таковое постановленіе относительно пищи было общеобязательно для всѣхъ иноковъ, и самъ настоятель обязанъ былъ его соблюдать.

Вмѣстѣ съ этимъ постановленіемъ строго соблюдались и церковные уставы. Такъ однажды, въ великій пятокъ Кириллову обитель навѣстила супруга благочестиваго князя Андрея, княгиня Агриппина; она хотѣла предложить братіи въ воскресенье рыбную трапезу, но преподобный, не смотря на санъ посѣтительницы, не допустилъ этого. „Я буду, сказалъ онъ, если позволю это, самъ нарушителемъ монастырскаго устава, а на кончинѣ моей скажутъ, что я велѣлъ ѣсть въ великій постъ рыбу“.—Послѣ трапезы иноки расходились въ молчаніи по своимъ келіямъ и не имѣли права заходить другъ къ другу. Какъ то одинъ инокъ—Мартиніанъ зашелъ послѣ трапезы къ другому иноку. „Зачѣмъ нарушаешь чинъ монастырскій?“ спросилъ тогда его св. Кириллъ. „Боюсь, отвѣтилъ инокъ, что, когда однажды взойду къ себѣ въ келію, ужь не въ силахъ буду съ нею разстаться, а я имѣю дѣло до брата“. Такъ глубоко въ инокахъ была вкоренена любовь къ своимъ келіямъ! Но блаж. настоятель сказалъ: „Прежде иди въ свою келію, чтобы совершить тамъ должную молитву, а потомъ уже къ брату, ибо твоя келія тебя всему научитъ“.—Никто изъ братіи не смѣлъ получать ни писемъ, ни подарковъ помимо настоятеля. Всякое письмо приносилось къ нему нераспечатаннымъ. Точно также и изъ монастыря могло быть послано письмо только съ благословенія настоятеля и по его соизволенію.—Серебро и золото хранилось толь-

ко въ монастырской казнѣ, откуда братія и получала все нужное; въ келіяхъ же строго воспрещалось держать что либо кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей, и иноки не имѣли права ничего называть своимъ. Даже кусокъ хлѣба не смѣлъ никто держать въ келіи. Не дозволялось въ келіи имѣть и воду, а если кто хотѣлъ пить, долженъ былъ идти въ трапезу. Только иконы и книги дозволялось имѣть въ келіи, да сосудъ съ водою для омовенія рукъ. Самая же келія всегда оставалась не запертою. Кто умѣлъ работать и зналъ рукодѣлья, тотъ все, имъ сдѣланное, относилъ въ общее хранилище, ничего не удерживая у себя безъ благословенія настоятеля. Имѣя одну заботу— угодить Господу Богу,—иноки возгрѣвали въ себѣ любовь другъ къ другу и трудолюбію. Служа Богу, а не людямъ, они и къ службѣ и на монастырскія работы шли охотно, опережая другъ друга. Все совершалось у нихъ въ молчаніи, безъ всякихъ пререканій и безъ празднословія. Если кто и хотѣлъ говорить, то имѣлъ право говорить лишь о душеспасительномъ на пользу другимъ, особенно неграмотнымъ. Никто изъ братіи не долженъ былъ имѣть своей воли, но во всемъ долженъ былъ поступать по волѣ настоятеля и все дѣлать съ его соизволенія. Самъ преподобный былъ почти неподражаемымъ образцомъ для братіи: запрещая другимъ роскошь, онъ самъ былъ одѣтъ въ рубище; требуя отъ иноковъ воздержанія, онъ самъ велъ суровую жизнь. Иногда приходилъ въ поварню, чтобы видѣть какія кушанья готовятся для братіи. Просилъ служителей ревностно относиться къ своему дѣлу и самъ помогалъ имъ тамъ, гдѣ могъ. Только однажды въ годъ св. Кириллъ посылалъ закупать все нужное для обители своего ученика Антонія; остальные изъ братіи никогда не выходили изъ обители, избѣгая соблазновъ.

Видя строго подвижническую жизнь въ Кирилловой обители, богатые люди не оставляли ее своею помощію. Такъ одинъ бояринъ—Романъ каждый годъ присылалъ въ обитель по 50 мѣръ ржи. Но при концѣ жизни, онъ рѣшился для обезпеченія обители подарить ей село и прислалъ на него грамоту. Завѣдываніе селомъ могло нарушить иноческое безмолвіе, и пр. Кириллъ отвѣтилъ благотворителю: „тебѣ угодно, человѣкъ Божій, дать село въ домъ Богоматери, на пропитаніе братіи; но вмѣсто 50 мѣръ ржи, которыя ты давалъ каждый годъ, отпускай намъ сто, если можешь, и мы будемъ довольны тѣмъ; а селами владѣй самъ: для братіи они не полезны". Такъ отказался преподобный отъ вѣрнаго обезпеченія, возлагая все упованіе на Господа,—Его щедроты онъ имѣлъ только въ виду, на Его помощь всегда и надѣялся... По этому, когда оказывался недостатокъ въ хлѣбѣ, и братія просила послать за подаяніемъ къ благодѣтелямъ, преподобный Кириллъ обыкновенно отвѣчалъ: „Богъ и Пречистая Богоматерь не забудутъ насъ,—иначе за чѣмъ и жить намъ на землѣ?"—И преподобный не тщетно возлагалъ упованія на Господа. — Однажды не достало вина для литургіи. Св. Кириллъ приказалъ принести къ нему пустые сосуды, и одинъ изъ нихъ оказался наполненнымъ виномъ. Въ другой разъ, окрестности Кирилловой обители постигъ страшный голодъ; явились въ обитель за помощію, и Кириллъ повелѣлъ ни кому не отказывать. Имѣющихся въ обители запасовъ обыкновенно хватало только на годъ, но они не истощались: всѣмъ просящимъ давали, не приходила и сама обитель въ оскудѣніе, такъ что продавцы хлѣба говорили: „Кириллъ, умножившій вино для литургіи, умножаетъ и хлѣбъ въ обители". Такъ же чудесно не истощались ма-

лые запасы, данные Кирилломъ на дорогу посланнымъ отъ Бѣлевскаго князя Михаила. Этотъ князь, узнавъ о чудесахъ Кирилла и скорбя о своемъ безчадіи, прислалъ къ нему двухъ бояръ, дабы они попросили у Кирилла молитвъ о разрѣшеніи неплодія. Едва явились посланные къ Кириллу, какъ онъ, не спрашивая о причинѣ ихъ прихода, сказалъ: „Поелику вы, чада мои, совершили долгій и трудный путь: то вѣрую Господу моему, Онъ дастъ князю вашему чадородіе“. Въ ту же ночь князь и княгиня видѣли одинъ и тотъ же сонъ: украшенный сѣдинами старецъ, держа въ рукѣ три сосуда, говорилъ: „пріими отъ меня, чего ты просилъ“. Чрезъ три дня св. Кириллъ отпустилъ посланныхъ князя, повелѣвъ дать имъ на дорогу полтора хлѣба, тогда какъ съ ними было около восьми человѣкъ. Посланные просили прибавить имъ хлѣба и рыбы, но преподобный сказалъ, что достаточно для нихъ будетъ и того, что имъ дали. Дѣйствительно, хлѣба достало не только на дорогу, но остался излишекъ, который посланные вручили князю. И въ другихъ случаяхъ преподобный проявлялъ даръ прозорливости. Одинъ инокъ Θеодоръ, уважая святую жизнь Кирилла, поступилъ къ нему въ монастырь; но затѣмъ такъ его возненавидѣлъ, что не могъ равнодушно смотрѣть на него и рѣшился покинуть обитель. Игнатій удерживалъ инока, но напрасно. Θеодоръ рѣшился открыться Кириллу и пошелъ къ нему въ келію, но едва увидѣлъ сѣдины св. старца, какъ стыдъ объялъ его, и онъ не могъ ни слова выговорить. Кириллъ предугадалъ душевное состояніе инока и сказалъ ему: „не скорби, братъ мой, всѣ ошибаются во мнѣ, ты одинъ знаешь правду и все мое недостоинство; я, дѣйствительно, грѣшникъ непотребный“, и послѣ прибавилъ, что онъ болѣе не будетъ смущаться, какъ, дѣйствительно, и случилось.

Исцѣляя недуги душевные, св. Кириллъ исцѣлялъ и недуги тѣлесные. Такъ одинъ крестьянинъ изъ сосѣдняго села просилъ св. Кирилла помолиться за больнаго товарища, страдающаго кровотеченіемъ изо рта и ноздрей. „Повѣрь, чадо, сказалъ св. Кириллъ, эта болѣзнь не случайная: онъ наказанъ за прелюбодѣяніе; если исправится: вѣрую Господу, будетъ здоровъ, — иначе еще болѣе будетъ страдать“. Когда крестьянинъ возвѣстилъ о такомъ отвѣтѣ преподобнаго больному, то послѣдній ужаснулся и рѣшился непремѣнно исправиться. Онъ раскаялся передъ св. Кирилломъ въ своемъ грѣхѣ, послѣ чего, дѣйствительно, получилъ исцѣленіе. Въ другой разъ, одинъ больной передъ своею смертію просилъ у преподобнаго постриженія. Преподобный внялъ просьбѣ больнаго и постригъ его въ иноки съ именемъ Далмата. Чувствуя приближеніе кончины, Далматъ просилъ причастить его Св. Таинъ. Священникъ нѣсколько замедлилъ, и когда явился къ больному, тотъ уже скончался. Это очень огорчило Св. Кирилла, которому донесъ о случившемся самъ священникъ. Затворившись въ своей келіи, св. Кириллъ усердно молился Господу. Еще не кончилъ онъ своей молитвы, какъ послушникъ Далмата пришелъ къ нему и возвѣстилъ, что Далматъ живъ и проситъ причастія. Св. Кириллъ послалъ къ нему прежняго священника. Тотъ самолично былъ убѣжденъ въ смерти Далмата и пошелъ къ нему со Св. Дарами исключительно потому только, что ему повелѣлъ его настоятель. Но пришедши къ умершему, священникъ увидалъ его сидящимъ на постелѣ и пріобщилъ Св. Таинъ. Послѣ чего Далматъ, простившись со всѣми, скончался.

Имѣя власть надъ природой человѣческой, св. Кириллъ имѣлъ власть и надъ неразумной природой. По его со-

изволенію иноки однажды ловили на озерѣ рыбу. Поднявшаяся страшная буря такъ всколебала озеро, что волны даже перебѣгали лодку, и смерть рыболововъ казалась неминуемою. Объ этомъ немедленно донесли настоятелю. Съ крестомъ въ рукѣ явился на берегу озера св. Кириллъ, осѣнилъ бушующія воды крестнымъ знаменіемъ, и буря утихла.

Строгій подвижникъ, ревностный и мудрый устроитель иноческаго общежитія, великій чудотворецъ и прозорливецъ,—св. Кириллъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ весьма просвѣщеннымъ человѣкомъ. Съ его именемъ сохранилось 17 рукописей: семь евангелій, апостолъ, псалтирь, три книги правилъ, лѣствица, четыре канонника. Любознательность св. Кирилла не ограничивалась только духовными книгами: въ одной изъ книгъ (книга правилъ), писанныхъ его собственною рукою, мы встрѣчаемъ выписки изъ физики Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ и о моряхъ. Этими свѣдѣніями блаженный пользовался для того, чтобы уничтожить народные предразсудки и показать, что явленія природы происходятъ отъ естественныхъ обыкновенныхъ причинъ, а не суть дѣйствія какихъ-либо особенныхъ причинъ. Иногда къ объясненіямъ Галена св. Кириллъ прибавлялъ и собственныя. Такъ, напримѣръ, о падающихъ звѣздахъ онъ пишетъ: „О падающихъ звѣздахъ одни говорятъ, что это подаютъ звѣзды, а другіе, что это злыя мытарства. Но это и не звѣзды, и не мытарства, а отдѣленія небеснаго огня; насколько нисходятъ онѣ внизъ, растапливаются и опять сливаются въ воздухѣ. Потому никто не видалъ ихъ на землѣ, но всегда сливаются и разсыпаются онѣ въ воздухѣ; звѣзды никогда не падаютъ, только въ

пришествіе Христово. Тогда небеса совьются и падутъ звѣзды; равно и духи мытарствъ тогда пойдутъ въ огнь вѣчный".

Любовь Кирилла къ книжному просвѣщенію стала священнымъ преданіемъ для иноковъ его обители, а написанныя имъ книги послужили основою для богатой библіотеки Кирилло-бѣлозерской обители. По описи 1635 г. видимъ, что ни одна обитель не была тогда такъ богата рукописными книгами, какъ обитель Кириллова. По описи 17 вѣка въ ней хранилось до 2032 рукописей.

Изъ оригинальныхъ сочиненій св. Кирилла извѣстны три посланія, написанныя къ сыновьямъ Димитрія Донскаго. Эти посланія служатъ памятникомъ того нравственнаго вліянія, какое древніе наши просвѣщенные иноки изъ монастырей простирали на князей и народъ, подавая разные совѣты и наставленія какъ вообще для жизни, такъ особенно въ какихъ либо важныхъ случаяхъ. Посланія эти отличаются при этомъ простотою изложенія, искренностію благочестія и глубокою убѣдительностію. Поэтому мы и приведемъ ихъ здѣсь.

Въ первомъ посланіи—къ великому князю Василію Димитріевичу—св. Кириллъ убѣждаетъ его примириться съ суздальскими князьями. „Чѣмъ болѣе, пишетъ преподобный, святые приближаются къ Богу любовію, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными. Ты, государь, пріобрѣтаешь себѣ великую пользу душевную смиреніемъ своимъ, тѣмъ, что посылаешь ко мнѣ грѣшному, нищему, страстному и недостойному съ просьбою о молитвахъ.. Я грѣшный съ братіею своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ государѣ. Но ради Бога будь и самъ внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію, на которомъ Духъ Святый поставилъ тебя пасти

людей, искупленныхъ кровію Христовою. Чѣмъ большей удостоенъ ты власти, тѣмъ болѣе строгому подлежишь отвѣту. Воздай благодѣтелю долгъ твой храненіемъ святыхъ заповѣдей Его и уклоненіемъ отъ путей, ведущихъ къ погибели. Какъ на кораблѣ, если ошибется наемный гребецъ, вредъ оттого бываетъ не важный; если же ошибется кормчій, то губитъ весь корабль. Такъ, государь, бываетъ и съ князьми. Если согрѣшитъ бояринъ, наноситъ пакость себѣ, а не всѣмъ; но если согрѣшитъ самъ князь, причиняетъ вредъ всѣмъ подчиненнымъ ему. Не надмѣвайся же временною славою по шатанію суеты. Слышалъ я, что у тебя, великій князь, великое несогласіе съ твоими сродниками, князьями суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они—свою; кровь христіанъ льется. Осмотрись, государь! Если они правы въ чемъ либо, уступи имъ смиренно; если въ чемъ правда на твоей сторонѣ, стой за правду. Если они будутъ кланяться тебѣ: Бога ради, государь, окажи имъ милость, сколько можно. Я слышалъ, что они у тебя въ услугахъ и отъ того-то поднялись на брань. Бога ради, государь, покажи къ нимъ любовь и состраданіе, дабы не погибли, блуждая въ татарскихъ странахъ. Никакая власть—ни царская, ни княжеская—не можетъ избавить насъ отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а если будешь любить ближняго, какъ себя, если утѣшишь души скорбныя и огорченныя: это много поможетъ тебѣ, государь, на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ. Апостолъ Павелъ, ученикъ Христовъ, пишетъ: „аще имамъ вѣру горы преставляти и аще раздамъ все имѣніе свое, любве же не имамъ, никая польза ми есть"... Люби же братію твою и всѣхъ христіанъ, и твоя вѣра въ Бога и милостыня нищимъ угодны будутъ Господу".

Въ посланіи къ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому преподобный съ восторгомъ вспоминаетъ о чудесномъ избавленіи Россіи отъ Тахтамыша и пишетъ, съ какими расположеніями надлежитъ быть послѣ такого благодѣянія. „Ты властелинъ, пишетъ преподобный, въ твоей вотчинѣ поставленный Богомъ удерживать людей отъ лихаго обычая; смотри же, государь, чтобы судили судъ праведно, какъ предъ Богомъ, не кривя; чтобы не было подлоговъ и поклеповъ; судьи не брали бы подарковъ, а довольствовались своимъ урочнымъ даяніемъ... Наблюдай, государь, чтобы не было въ твоей области корчмъ. отъ нихъ великая пагуба людямъ. крестьяне пропиваются, а души ихъ гибнутъ... Такъ пусть не будетъ у тебя и таможенныхъ сборовъ,—это деньги неправедныя; гдѣ есть перевозъ, государь, слѣдуетъ давать за трудъ. Пусть не будетъ въ твоей вотчинѣ ни разбоя, ни воровства.—Если не уймутся отъ злаго дѣла, вели наказывать, кто чего стоитъ. Унимай подчиненныхъ твоихъ отъ скверныхъ словъ и брани,—все это гнѣвитъ Бога.—Если не потщишься управить всѣмъ тѣмъ, взыщется на тебѣ, потому что ты властелинъ надъ своими людьми, поставленный Богомъ. Не лѣнись самъ давать управу своимъ крестьянамъ: это вмѣнится тебѣ выше поста и молитвы. Удерживайтесь отъ пьянства. Подавайте по силѣ милостыню. Вы не можете поститься и молиться: лѣнитесь. Пусть же милостыня восполнитъ недостатки ваши; приказывайте пѣть молебны по церквамъ Спасителю и Матери Божіей—заступницѣ христіанъ, и сами не лѣнитесь ходить въ церковь. Въ церкви стойте со страхомъ и трепетомъ, представляя себѣ. что стоите вы какъ на небѣ. Церковь—земное небо, въ ней совершаются тайны Христовы. Берегл себя.

государь, стоя въ церкви, не твори бесѣды и не говори праздныхъ словъ, если увидишь, что бесѣдуетъ въ церкви кто-нибудь изъ бояръ или простыхъ людей,—запрещай имъ то, ибо все это гнѣвитъ Бога".

Третье посланіе св. Кирилломъ было написано звенигородскому князю Юрію Дмитріевичу по поводу его скорби о болѣвшей супругѣ. Въ этомъ посланіи преподобный, утѣшая князя, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: „ты, государь, князь Юрій писалъ, что давно желаешь видѣться со мною. Бога ради, государь, не дѣлай этого. Я знаю, что по грѣхамъ моимъ выдетъ изъ того искушеніе, если поѣдешь ко мнѣ. Извѣщаю тебя напередъ, что нельзя тебѣ видѣть насъ! Оставлю монастырь и уйду, куда Богъ наставитъ. Вы думаете, что я тутъ добрый, святой человѣкъ. Нѣтъ, истинно я всѣхъ грѣшнѣе и несчастнѣе и исполненъ срама. Не удивляйся сему, князь Юрій: слышу, что ты самъ читаешь и знаешь св. Писаніе и понимаешь, какой вредъ происходитъ отъ человѣческой хвалы,—особенно для насъ слабыхъ. Твоей отчины нѣтъ здѣсь. Если поѣдешь ты сюда! всѣ люди станутъ говорить: для Кирилла поѣхалъ".

Строгая подвижническая жизнь, разнообразныя заботы и попеченія не ослабили тѣлесныхъ силъ св. Кирилла, и онъ дожилъ до глубокой старости. Только ноги преподобнаго отъ долгихъ стояній и старости за послѣднее время ослабли, и онъ, уже сидя, совершалъ келейное правило. Святой подвижникъ уже чувствовалъ приближеніе кончины. „Вотъ я, писалъ онъ, въ посмертномъ своемъ завѣщаніи, грѣшный игуменъ Кириллъ вижу, что постигли меня старость, часто подвергаюсь различнымъ болѣзнямъ. Богъ наказуетъ меня человѣколюбно умноженіемъ болѣзней; онѣ возвѣщаютъ мнѣ о смерти и гроз-

номъ судѣ Спасителя. Смутилось во мнѣ сердце ради исхода, страхъ смерти напалъ на меня и покрыла меня тьма недоумѣнія; не знаю, что дѣлать. Но, по слову пророка (Давида), возлагаю печаль мою на Господа: пусть творитъ, какъ хощетъ; Онъ же желаетъ, чтобы всѣ спаслись".

Предъ своею кончиною святой созвалъ всю братію, назначилъ себѣ преемникомъ Иннокентія и строго заповѣдалъ оставить неприкосновеннымъ данный имъ уставъ для обители. „Если кто не захочетъ жить по моему преданію и не станетъ слушать игумена: вели, государь, выслать тѣхъ изъ монастыря",—такъ писалъ св. Кириллъ въ своемъ завѣщаніи, поручая обитель покровительству Бѣлозерскаго князя Андрея. Въ день Св. Троицы пр. Кириллъ совершилъ свое послѣднее служеніе. Братія горько плакала о разлукѣ съ своимъ любимымъ и знаменитымъ игуменомъ. „Не скорбите о моемъ отшествіи; если получу дерзновеніе и трудъ мой угоденъ будетъ Господу: то не только не оскудѣетъ обитель моя, но еще болѣе распространится, по отшествіи моемъ; только любовь имѣйте между собою!" Эти слова были послѣдними словами великаго подвижника. Сказавъ ихъ, онъ скончался, будучи 90 лѣтъ отъ роду, въ 1427 году, 9 Іюня.

Не стало видимо св. игумена для братіи Бѣлозерской обители, но за то онъ оставался съ нею невидимо. Такъ, не прошло и года какъ св. Кириллъ напомнилъ о себѣ своей прежней братіи. Еще передъ смертію святаго свирѣпствовала въ окресностяхъ обители черная смерть; въ это время сильно заболѣлъ братъ Христофора, бывшаго въ послѣдствіи игуменомъ обители. Любимый преподобнымъ, Христофоръ съ глубокою скорбію донесъ св. Кириллу о болѣзни брата. Но Кириллъ увѣрилъ его, что братъ его выздоровѣетъ, присовокупивъ, что и никто

изъ братіи не умретъ прежде его, послѣ же скончаются многіе. Дѣйствительно, менѣе года прошло послѣ смерти св. Кирилла, и его предсказаніе сбылось: изъ 53 человѣкъ братіи скончалось болѣе 30 человѣкъ. Вскорѣ же послѣ своей кончины преподобный являлся и самъ для утѣшенія скорбящихъ.—Ученикъ преподобнаго Ѳеодосій, услышавъ желаніе одного боярина подарить монастырю село, объявилъ объ этомъ св. Кириллу еще при его жизни. „При жизни моей не требую селъ, по смерти же моей дѣлайте, какъ хотите",—отвѣтилъ св. игуменъ Ѳеодосію. Убѣдившись же впослѣдствіи, особенно по кончинѣ Кирилла, въ его святости, Ѳеодосій сильно скорбѣлъ, думая, что онъ навлекъ на себя неудовольствіе святаго. И вотъ, Кириллъ является къ Мартиніану и говоритъ: „скажи брату Ѳеодосію, чтобы не скорбѣлъ и не докучалъ мнѣ болѣе, я противъ него ничего не имѣю". Этихъ немногихъ словъ было вполнѣ достаточно для успокоенія Ѳеодосія. Точно также явился св. Кириллъ одному старцу въ 1440 году. Въ это время супруга князя Михаила Андреевича—владѣльца бѣлозерской страны—болѣла ногами. Князь и княгиня рѣшились посѣтить обитель св. Кирилла. Когда еще никто не зналъ о скоромъ посѣщеніи обители княземъ, одинъ старецъ весьма живо видитъ во снѣ, что онъ стоитъ у гроба преподобнаго; вдругъ гробъ открывается, какъ живой выходитъ оттуда св. Кириллъ и, сѣвши, говоритъ: „чадо, не малые гости идутъ къ намъ и въ большой скорби; надобно намъ помолиться за нихъ, да избавитъ ихъ Богъ отъ скорби; они—наши кормилицы". Сказавъ это, св. Кириллъ легъ снова въ гробъ, который и закрылся самъ собою. Это видѣніе старецъ разсказалъ братіи. И, дѣйствительно, чрезъ пять дней прибыли въ обитель благо-

честивые князь и княгиня и по молитвѣ у гроба св. Кирилла получили исцѣленіе. Чудеса подобнаго рода ясно свидѣтельствовали о святости Кирилла, почему его уже въ 1448 году чтили какъ молитвенника передъ Богомъ на ряду со св. Сергіемъ, Петромъ митрополитомъ и св. Леонтіемъ, епископомъ Ростовскимъ. Въ настоящее время мощи св. Кирилла хранятся подъ спудомъ въ храмѣ, посвященномъ въ честь его. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 1).

Сохраняются послѣ него и другіе памятники. Такъ существуютъ и теперь въ обители фелонь и подризникъ преподобнаго изъ бѣлаго гаруса. Еще цѣла Смоленская икона Богоматери, принесенная Кирилломъ на Бѣло-озеро изъ Симонова монастыря. Существуетъ также икона, писанная Діонисіемъ Глушицкимъ въ 1424 году, при жизни св. Кирилла. На этой иконѣ изображенъ во весь ростъ св. Кириллъ, уже въ старческихъ лѣтахъ, съ открытою головой, съ лицемъ задумчивымъ, съ руками сложенными на персяхъ, въ мантіи и аналавѣ. Поучительны и еще памятники, оставшіеся отъ времени Кирилла: въ пергаментномъ евангеліи пр. Кирилла кресты нарисованы дву-составные и три-составные; въ псалтири и канонникѣ Кирилла кресты дву-составные.

Въ четвероевангеліи его имя Спасителя пишется сокращенно, какъ слово Господь, однако здѣсь же читается: „Іис. Хрво ржство спце бѣ". Но особенно назидательны, сохранившіеся цѣлыми, два, устроенные руками преподобнаго, деревянные креста — одинъ четвероконечный, другой осмиконечный. Отъ того и другаго получаются исцѣленія. Какое убѣдительное свидѣтельство того, что четвероконечный и осмиконечный кресты имѣютъ одинаковое достоинство! Какая явная улика для порицателей

четвероконечнаго креста!.. (Четьи-Минеи. Русс. свв. Филарета Арх. Черниг. Жит. свв. Муравьева Ист. іер. 4, 397—398).

ПР. АЛЕКСАНДРА, ИГУМЕНА КУШТСКАГО

На пустынномъ островѣ Кубенскаго озера находилась Спасокаменская обитель. Однажды подходитъ къ этой обители неизвѣстный юноша, робко кланяется, стоявшимъ подлѣ воротъ обители, инокамъ, и на ихъ вопросъ о причинѣ его прихода смиренно проситъ доложить о немъ игумену. Въ то время въ Спасокаменской обители былъ игуменомъ аѳонскій постриженникъ Діонисій. Введя въ обители строгій аѳонскій уставъ и будучи самъ примѣромъ суровой иноческой жизни, Діонисій привлекалъ многихъ любителей благочестія во ввѣренную его попеченію пустынную обитель. Когда юношу ввели къ этому игумену, то онъ, павши ему въ ноги, со слезами на глазахъ просилъ принять его въ число иноковъ. Видя юное лицо передъ собою и по своему опыту зная трудность иноческой жизни, Діонисій отговаривалъ было его, указывая на юность лѣтъ, какъ на препятствіе къ терпѣливому перенесенію трудности устава обители. „О, честный отче! сказалъ на это юноша, Богъ, хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися, привелъ и меня спасенія ради къ твоей святыни; все, что повелишь, исполню, только не отвергай меня“. Такой отвѣтъ ясно показалъ Діонисію, на сколько твердо въ юношѣ рѣшеніе сдѣлаться инокомъ и какъ горяча въ немъ любовь къ подвижничеству. Юноша былъ оставленъ въ монастырѣ, и вскорѣ постриженъ въ иноки съименемъ Александра. Какъ ни юнъ былъ новопостриженный инокъ, но онъ ревностно вы-

полнялъ всякія послушанія. Велъ Александръ и жестокую борьбу съ своею плотію, смиряя ее постомъ и отгоняя сонливую лѣность рукодѣльемъ, а свой духъ очищая и возвышая долгими и пламенными молитвами. При такомъ усердіи, инокъ Александръ быстро усовершался въ духовной жизни. Братія, видя его неослабные подвиги, дивилась ему и смотрѣла на него, какъ на ангела Божія. Такая слава, которою Александръ пользовался въ Спасокаменской обители, сильно смущала его. Онъ зналъ, какъ почетъ и уваженіе, оказываемые людямъ, часто бываютъ гибельны и легко ведутъ къ паденію. По этому ревностный инокъ рѣшился найдти для себя уединенное мѣсто, гдѣ бы онъ безпрепятственно, ни кѣмъ не видимый, могъ отдаться подвигамъ иночества. Не открывая никому своего рѣшенія, Александръ оставилъ обитель. Много ходилъ онъ по пустынямъ въ поискахъ удобнаго для своей цѣли мѣста. Наконецъ близь рѣки Сяпжемы, въ глухомъ, мѣстѣ, посреди озеръ и густыхъ лѣсовъ Александръ остановился. Здѣсь онъ устроилъ себѣ небольшую келію и сталъ жить, неусыпно возсылая молитвы къ Богу и терпя крайнія лишенія нужнаго. Тихая и уединенная жизнь подвижника не укрыла его отъ людей; окрестные жители провѣдали о св. Александрѣ и стали съ каждымъ днемъ все въ большемъ и въ большемъ числѣ посѣщать его. Снова доблестный инокъ рѣшился удалиться отъ славы человѣческой, и отправился къ кубенскому озеру, на устье рѣки Кушты. Еще прежде слышалъ онъ о жившемъ здѣсь пр. Евѳиміи, къ которому теперь и пришелъ. Нѣсколько времени провели вмѣстѣ подвижники, мѣняясь другъ съ другомъ благочестивыми мыслями и усердно работая Господу. Полюбя уединенное мѣсто, Александръ просилъ Евѳимія усту-

пить ему свою келію, а самому поселиться въ оставленной имъ келіи—на Сянжемѣ. Евоимій уважилъ просьбу Александра и удалился на Сянжему, оставляя Александру на благословеніе свой крестъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Александръ подошелъ еще ближе къ озеру, водрузилъ крестъ и усердно просилъ Господа помочь ему собрать на этомъ мѣстѣ иноческую общину. На этомъ же мѣстѣ онъ построилъ себѣ келію, и еще ревностнѣе отдался подвигамъ поста и молитвы. Здѣсь же онъ вскопалъ не много земли и посѣялъ рожь для своего пропитанія. Вскорѣ сюда пришелъ къ преподобному старецъ и, въ продолженіи пяти лѣтъ, раздѣлялъ съ нимъ уединеніе и иноческіе подвиги. Пришелъ за тѣмъ другой инокъ, и Александръ рѣшился построить на этомъ пустынномъ мѣстѣ храмъ въ честь Успенія Богоматери. Объ этомъ онъ объявилъ братіи и они съ радостію откликнулись на его благое желаніе. Тогда Александръ отправился къ Ростовскому епископу Діонисію, который прежде былъ его игуменомъ въ Спасокаменской обители. Епископъ же Діонисій, по словамъ Паисія Ярославова, „духовно поучивъ его и душеполезная словеса бесѣдовавъ съ нимъ, благослови его и рече о Св. Дусѣ: возлюбленному сыну моему и сослужебнику нашего смиренія Александру миръ и благословеніе буди, и дастъ ему вся потребная на устроеніе пустынное". (Паисіево сказаніе о камен. монаст.—прав. собес. 1861 г. 1 т. 206 стр.)

Въ трехъ верстахъ отъ мѣстожительства Александра, въ мѣстечкѣ, гдѣ нынѣ село Кубенское Устье, въ то время жилъ заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ. Узнавъ о построеніи новой обители, онъ очень обрадовался, что въ его владѣніяхъ являются новые молитвенники. Особенно пріятно это было его супругѣ-княгинѣ Маріи, которая,

питая глубокое расположеніе къ обители, не рѣдко присылала для нихъ жизненные припасы. Въ 1429 году неожиданно напали на Галичъ и Кострому татары. Вѣроятно, въ это же время они сдѣлали нападеніе и на берега Кубенскаго озера. Пять татаръ прискакали въ самую пустыню Александра. Преподобный неустрашимо встрѣтилъ ихъ, осѣнилъ—крестомъ и невѣрные пали безъ чувствъ на землю. Именемъ живоначальной Троицы Александръ чрезъ нѣсколько времени оживилъ ихъ и они удалились, не сдѣлавъ ни какого вреда для обители. Между тѣмъ князь Дмитрій скончался, и его супруга пожертвовала на поминовеніе сельцо въ пользу обители. Часто посѣщала она эту обитель, но однажды, явившись сюда, нечаянно вошла въ храмъ. Въ то время въ храмѣ блаж. Александръ читалъ псалтирь съ обнаженной грудью, которую терзали насѣкомыя. Это огорчило преподобнаго и онъ сказалъ: „не подобаетъ тебѣ, княгиня, наблюдать втайнѣ наше странничество, поэлику я нищъ и убогъ“. Княгиня сама созналась въ своемъ проступкѣ и кротко просила прощенія. „Корми свою нищету въ домѣ“, сказалъ преподобный Александръ, простивъ княгиню. Возвратившись домой, княгиня заболѣла и чрезъ посланныхъ просила молитвъ у преподобнаго. Преподобный предсказалъ ей скорую смерть, и она, дѣйствительно, чрезъ двадцать дней скончалась, засвидѣтельствовавши тѣмъ самымъ прозорливость св. Александра.

Разсказывается о преподобномъ и еще слѣдующій случай: однажды на поляхъ обители, воздѣланныхъ трудами братіи, уродилось много пшеницы. Иноки собрали ее, вымолотили и оставили на гумнѣ. Въ это время одинъ крестьянинъ, взявши мѣшокъ, насыпалъ его пшеницею и хотѣлъ унести его, но ни какъ не могъ поднять. Слу-

чайно преп. Александръ увидѣлъ похитителя. „Напрасно ты, сынъ мой, поднимаешь не по силамъ", сказалъ Александръ крестьянину. Послѣдній упалъ къ ногамъ преподобнаго и искренно раскаялся ему въ своемъ грѣхѣ. Св. Александръ вмѣсто наказанія велѣлъ крестьянину прибавить еще пшеницы и нести домой, взявъ съ него слово впередъ не похищать чужой собственности. Хотя мѣшокъ отъ прибавки пшеницы сдѣлался еще тяжелѣе, но крестьянинъ, по благословенію преподобнаго, легко поднялъ его и много благодарилъ великодушнаго старца.

Чувствуя приближеніе кончины, преподобный не оставилъ живших съ нимъ безъ наставленія. „Слабѣю я, братія, говорилъ онъ имъ, а вы, сколько вамъ Богъ благословитъ, терпите на этомъ мѣстѣ и любите другъ друга какъ самихъ себя. Богъ вамъ помощникъ и прибѣжище отъ сѣтей вражіихъ. Украшайте себя смиреніемъ и чистотою, страннолюбія не забывайте и ни во что вмѣняйте славу житія сего, ожидая вмѣсто этого воздаянія отъ Бога вѣчныхъ небесныхъ благъ". Въ воскресный день св. Александръ совершилъ послѣднюю литургію и причастился Св. Таинъ. Потомъ, предпославши Господу пламенную молитву о себѣ и о своей братіи на 63 году жизни, 9 іюня 1439 года, предалъ Господу духъ свой. Согласно съ завѣщаніемъ, тѣло св. Александра было похоронено у полуденной стороны алтаря. По сохранившемуся описанію, преподобный былъ роста средняго, тѣломъ весьма сухой, съ головою умѣренной величины, съ круглымъ лицемъ, съ бородою полною и круглою, доходившей до груди, съ волосами русыми, перемѣшанными просѣдью, съ очами кроткими и тихими. По прошествіи года, послѣ смерти преподобнаго, надъ его могилой сама по себѣ выросла рябина. Однажды въ праздникъ Успенія Бого-

матери, одинъ отрокъ, по имени Матѳей, отломилъ вѣтку отъ этой рябины, и его рука вдругъ ужасно разболѣлась. Родители привели Матѳея на могилу св. Александра и онъ исцѣлился. Послѣ этого многіе стали брать плоды съ рябины для исцѣленія. Особенно много бѣсноватыхъ получало исцѣленія при гробѣ преподобнаго. Исполняя волю св. Александра, ученики его воздвигли теплый храмъ въ честь святителя Николая, освятивъ его въ день памяти своего учителя. Приносимые въ эту церковь больные часто видѣли св. Александра вмѣстѣ съ св. Николаемъ молящимися или съ кадилами въ рукахъ и получали исцѣленіе. По этому, еще до составленія службы св. Александру, его уже въ началѣ 16 вѣка называли преподобнымъ Куштскимъ чудотворцемъ. Въ настоящее время обитель св. Александра считается приписанною къ Спасо-Каменному монастырю. (Русс. свв. Филарета, арх. черниг. Жит. свв. Муравьева. Ист. іер. 3, 88).

10-е число.

Св. священномуч. Тимоѳея, еп. прусскаго. Св. муч. Александра и Антонины дѣвицы. Преп. Ѳеофана, иже отъ Антіохіи. Св. Вассіана, еп. Лавдійскаго.

(Пр. Канида. Пансемны. Пр. Аполлоса и Алексія, еп. Виѳинскаго. Муч. Неаниска).

СВ. СВЯЩЕННОМУЧ. ТИМОѲЕЯ, ЕП. ПРУССКАГО.

Городъ Прусса находился въ Виѳиніи, странѣ граничащей съ Фригіей и Мизіей. Въ этомъ городѣ Тимоѳей служилъ Господу въ санѣ левита. За святость и чистоту жизни Тимоѳей получилъ отъ Господа даръ чудотвореній. Еще когда онъ былъ въ служеніи левита, въ предѣлы г. Пруссы пришла Василисса (вѣроятно знатная женщина), жившая прежде въ Аполлоніадѣ. Братія о Христѣ послали св. Тимоѳея отнести Василиссѣ благословенные хлѣбы. Дорогою на святаго напалъ драконъ, который жилъ между Пруссою и Термами (теплыми водами) и много приносилъ вреда скоту и людямъ. Св. Тимоѳей положилъ хлѣбы въ полу одежды, а платъ, въ которомъ они были завернуты, бросилъ въ дракона и благополучно продолжалъ дальнѣйшій путь. Возвращаясь отъ Василиссы, которой онъ передалъ хлѣбы, Тимоѳей нашелъ змія мертвымъ. Кромѣ этого въ Четьи-Минеи разсказывается, что святой исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни одного царя, воздвигъ отъ одра болѣзни еще царицу, обративъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ въ христіанство. Много и другихъ чудесъ совершилъ св. Тимоѳей, не мало обратилъ онъ ко Христу

язычниковъ, мудро управлялъ и велъ ко спасенію ввѣренную ему паству. Ревность къ просвѣщенію язычниковъ свѣтомъ Христова евангелія обратила на себя вниманіе римскаго царя Іуліана. Тимоѳей былъ взятъ и заключенъ въ темницу. Но темничныя стѣны служили для Тимоѳея плохой преградой къ распространенію христіанства: и будучи въ узахъ, святитель по прежнему возжигалъ свѣточъ Христовой истины въ сердцахъ, приходившихъ къ нему, язычниковъ. Узнавъ объ этомъ, Іуліанъ повелѣлъ отсѣчь мечемъ голову святителю. Христіане похоронили св. Тимоѳея. Въ послѣдствіи его мощи перенесены въ Константинополь въ его храмъ при страннопріимницѣ Девтерѣ, близь Меландезійскихъ воротъ, въ 12-й части. Отъ раки мощей, какъ говорится въ службѣ, источались исцѣленія. Память св. Тимоѳея, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первоначально чтилась 26 мая, но за тѣмъ празднованіе перенесенія мощей святаго сдѣлалось главнымъ. (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія. т. 2. Замѣт. 163—164).

СВ. МУЧЧ. АЛЕКСАНДРА И АНТОНИНЫ ДѢВИЦЫ.

Мѣсто рожденія Антонины дѣвицы опредѣленно неизвѣстно. Остались скрытыми отъ насъ и ея ранніе годы. Должно думать, что она искренно была убѣждена въ истинности Христовой вѣры и всѣмъ сердцемъ возлюбила своего Спасителя. Дѣйствительно, во время воздвигнутаго на христіанъ гоненія, Антонина, будучи взята воинами, мужественно объявила себя послѣдовательницею Христа. Жестокій игемонъ Фистъ думалъ было отклонить Антонину отъ христіанства ласками и льстивыми обѣщаніями. Онъ предлогалъ ей званіе жрицы языческой богини Артемиды, —званіе почетное и высокое, указывалъ

ей на тщетность вѣры во Христа, который, по его мнѣнію, будто бы былъ простой человѣкъ, да притомъ принявшій распятіе. Но мужественная дѣва не прельстилась обѣщаніями мучителя, исповѣдовала Христа не только какъ умершаго на крестѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ чрезъ три дня воскресшаго изъ мертвыхъ и сѣдящаго нынѣ одесную Бога Отца, по слову псалмопѣвца: „рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твои подножіе ногъ твоихъ". Чтоже касается языческихъ боговъ, то неустрашимая исповѣдница прямо назвала ихъ безчувственными, отъ которыхъ нельзя ожидать ни какой помощи и въ которыхъ нѣтъ ни какой силы. За такой справедливый позоръ языческихъ боговъ Фистъ повелѣлъ бить Антонину по щекамъ и угрожалъ ей лютѣйшими муками, коль скоро она не принесетъ жертву идоламъ, и затѣмъ, давъ ей три дня срока на размышленіе, заключилъ ее въ темницу. Чтобы вѣрнѣе добиться успѣха, Фистъ тайно наказалъ смотрителю темницы склонить Антонину къ отреченію отъ Христа. Но сколько не старался смотритель убѣдить св. Антонину принести жертву идоламъ, она оставалась непреклонною и даже ничего не отвѣчала ему, все время оставаясь безъ пищи, и день и ночь молясь на колѣнахъ Господу Богу. Такъ прошло три дня. Вдругъ темничные запоры отпали, отворились сами собою двери, небесный свѣтъ озарилъ темноту и послышался голосъ: „встань, Антонина, укрѣпись пищею и будь мужественна, Я съ тобою!" Ободренная этими словами, св. Антонина мужественно на слѣдующій день отправилась къ мучителю и съ радостнымъ лицемъ объявила ему, что онъ вскорѣ лишится занимаемой имъ должности и погибнетъ. Это озлобило Фиста и онъ повелѣлъ бить мученицу бичами; но

тяжкіе удары вызвали только ея сердечную благодарность Господу за то, что Онъ сподобилъ ее претерпѣть за Него мученія. Тогда мучитель рѣшился опозорить чистую дѣву, и святая была заключена съ этою цѣлью въ одной храминѣ. Это вызвало сочувствіе въ одномъ молодомъ воинѣ Александрѣ, и онъ рѣшился ее освободить; тѣмъ болѣе, что ему явился Ангелъ Господень и указалъ самое средство, чрезъ которое можно было спасти св. дѣву. Неустрашимый воинъ явился къ мучителю и обѣщался ему склонить Антонину къ идолопоклонству, если только онъ позволитъ ему взойти въ мѣсто ея заключенія. Мучитель согласился и Александръ, вошедши къ св. дѣвѣ, предложилъ ей свою одежду, надѣвъ которую она безпрепятственно могла выдти изъ заключенія. Не довѣряя Александру, св. Антонина сначала сильно испугалась, но голосъ съ неба ободрилъ ее, и она, надѣвъ одежду Александра, ни кѣмъ не задерживаемая, вышла изъ заключенія. Когда открылся великодушный поступокъ Александра, Фистъ не милосердно повелѣлъ бить его, желая узнать, куда скрылась св. дѣва. Но Александръ молчалъ и терпѣливо переносилъ истязанія. Посаженный въ темницу послѣ пытки, мученикъ пять дней оставался въ заключеніи, за тѣмъ снова былъ приведенъ къ Фисту, снова Фистъ настойчиво требовалъ, чтобы Александръ открылъ мѣстопребываніе Антонины; но Александръ по прежнему не открывалъ тайны. Въ это время явилась сама Антонина. Озлобленный мучитель тотчасъ же повелѣлъ, повѣсивши святую, подвергнуть бичеванію. Потомъ принуждалъ ее вмѣстѣ съ Александромъ отречься отъ Христа, и за ихъ единодушный отказъ повелѣлъ отсѣчь имъ руки. Исповѣдники сами подставили свои руки на отсѣченіе и, укрѣпляемые помощію Божію, не чувствовали ни какой

боли. при исполненіи надъ ними безчеловѣчнаго повелѣнія мучителя. Между тѣмъ. по приказанію мучителя. вырыта была глубокая яма и наполнена дровами и хворостомъ, которые были зажжены. Въ эту яму и были брошены, обмазанные смолою, мученики и засыпаны землею. Это звѣрское мученіе произошло 2 мая 313 года. Въ это же время, по волѣ Константина Великаго. кончилось гоненіе. Св. мощи мучениковъ впослѣдствіи были перенесены въ Константинополь и положены въ Максимовомъ монастырѣ. гдѣ память ихъ торжественно чтилась 10 іюня и гдѣ св. мощи источали чудеса. Жестокій же мучитель едва пришелъ домой послѣ истязанія св. Антонины и Александра, какъ лишился пищи и питія и сдѣлался бѣсноватымъ, отъ чего вскорѣ и умеръ. (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2. Замѣт. 164).

ПРЕП. ѲЕОФАНА, ИЖЕ ОТЪ АНТІОХІИ И ПАНСЕМНЫ, СПАСЕННОЙ ѲЕОФАНОМЪ.

Преп. Ѳеофанъ происходилъ изъ города Антіохіи. Онъ родился и воспитывался въ языческой семьѣ. Будучи же язычникомъ, Ѳеофанъ вступилъ въ бракъ. По прошествіи трехъ лѣтъ. жена Ѳеофана скончалась, и Ѳеофанъ принялъ св. крещеніе. Въ небольшой кельѣ, за городомъ, поселился новокрещенный, проводя подвижническую жизнь. Много къ нему стекалось народа, и онъ всѣхъ училъ путямъ спасенія. съ особенной силой при этомъ убѣждая слушателей быть чистыми и цѣломудренными. Такая проповѣдь Ѳеофана была. какъ нельзя болѣе. полезна для Антіохіанъ. Во время жизни Ѳеофана обычаи, привычки и предразсудки язычества еще не потеряли своей силы, не искоренилась еще и страсть къ распутной жизни. И дѣй-

ствительно. слухъ объ, оскорбляющей цѣломудріе, жизни Антіохійцевъ доходилъ до Өеофана. Стало ему извѣстнымъ, что въ Антіохіи живетъ распутная женщина, по имени Пансемнія, въ нечестивыя сѣти которой попадають очень многіе. Өеофанъ рѣшился употребить всѣ средства, дабы возвратить грѣшную на истинный путь. Подвигъ—по истинѣ христіанскій и многоцѣнный, о которомъ ап. Іаковъ такъ учитъ: „обратившій грѣшника отъ пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ" (своихъ) (гл. 5 ст. 20). Но нельзя скрывать и того, что обращеніе грѣшника на путь спасенія—дѣло весьма трудное, и Өеофанъ зналъ это. Ему было извѣстно, что порочныя наклонности, имѣющія основаніе въ чувственности, порабощаютъ человѣка земному и тлѣнному, погашаютъ въ немъ естественное чувство добра, заглушаютъ дѣйствіе разума и совѣсти, ослабляютъ нравственныя силы, убивая нерѣдко всѣ добрыя качества, всѣ лучшія убѣжденія. Предвидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ Өеофанъ и опасность для себя, такъ какъ зналъ, что общество разгульныхъ людей постоянно всячески старается завлечь въ свой кругъ другаго, забавляясь его паденіемъ. Однако эти препятствія не остановили Өеофана. Они только побудили его обратиться съ пламенной и долгой молитвой къ Господу. Преподобный молился Господу о ниспосланіи помощи для выполненія его намѣренія, просилъ Господа и о томъ, чтобы Онъ удержалъ его, коль скоро предпріятіе его не можетъ кончиться успѣшно.

Подкрѣпившись молитвою, Өеофанъ мѣняетъ тишину своей келіи на шумъ роскошнаго города, приходитъ къ отцу и проситъ у него вмѣстѣ съ нарядными платьями 10 фунтовъ золота, объявивъ ему, что онъ будто бы женится. Какъ человѣкъ приверженный къ идолопоклон-

ству, отецъ Ѳеофана съ радостію дастъ ему просимое, надѣясь, что онъ вмѣстѣ съ бракомъ перемѣнитъ и свой образъ жизни. И вотъ, Ѳеофанъ изъ смиреннаго подвижника обращается въ роскошно-одѣтаго щеголя и приходитъ къ Пансеминіи. Здѣсь узнаетъ отъ нея, что она уже въ продолженіи 12 лѣтъ ведетъ распутную жизнь и никого никогда такъ не любила, какъ полюбила его. Ѳеофанъ воспользовался этою обычною лестью позорныхъ женщинъ и предложилъ ей супружество. Чтобы вѣрнѣе добиться успѣха, Ѳеофанъ выпулъ золото предъ глазами Пансемны, доказавъ тѣмъ самымъ значительность своего состоянія. Такое неожиданное предложеніе соблазнило Пансемну и она съ радостію изъявила на него согласіе.

Заручившись клятвеннымъ обязательствомъ Пансемны, Ѳеофанъ снова возвратился въ свою келію и подлѣ нея сталъ строить другую. Эта работа скоро была имъ окончена, и онъ снова въ качествѣ уже какъ бы жениха явился къ Пансемнѣ и требовалъ отъ нея принятія христіанства, какъ непремѣннаго условія для брака съ нимъ. Упорно отказывалась Пансемна отъ выполненія такого требованія, но настойчивость Ѳеофана все-таки побѣдила ее. Семь дней приготовляли Пансемну ко св. крещенію. За это время сообщили ей начальныя основанія Христовой вѣры, причемъ особенно долго останавливались на раскрытіи того, какъ Господь строгъ къ грѣшникамъ и какъ милостивъ къ кающимся. Самъ Ѳеофанъ рисовалъ предъ ея воображеніемъ живыя и яркія картины вѣчной жизни, готовой для кающихся и исправившихся, усердно при этомъ молясь вмѣстѣ съ нею Господу объ ея прощеніи. Св. крещеніе внутренно переродило Пансемну и въ ней засвѣтилась горячая любовь къ Богу. Уже перестала думать Пансемна о бракѣ съ Ѳеофаномъ и о богатой

жизни съ нимъ. Отпустивъ всѣхъ невольниковъ и раздавъ на богоугодныя дѣла все, что у нея было, Пансемна поселилась въ построенной для нея келіи, принявъ на себя строгіе подвиги покаянія. Такъ велика сила благодати Христовой, содѣлавшей изъ грѣшницы строгую подвижницу! Святость и чистота уединенной жизни Пансемны низвели на нее даръ чудесъ, которымъ она исцѣляла бѣсноватыхъ. Прошло 22 мѣсяца послѣ обращенія Пансемны въ христіанство и св. подвижница вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ скончались въ 369 году. (Четьи-Минеи. Подвиж. Вост. церк. Филарета, арх. Черниг. 180—183).

СВ. ВАССІАНА, ЕП. ЛАВДІЙСКАГО.

Св. Вассіанъ происходилъ изъ благородной семьи. Его отецъ, по имени Сергій, былъ язычникъ и занималъ должность правителя Сиракузской страны (въ Италіи). Видя въ своемъ сынѣ своего преемника, Сергій рѣшился дать ему воспитаніе, соотвѣтствующее будущему его положенію. Съ этою цѣлію Вассіанъ былъ отправленъ въ Римъ къ философамъ для изученія Эллинской мудрости. Прилежный и даровитый юноша быстро преуспѣвалъ въ наукахъ. Усердныя научныя занятія пробудили въ Вассіанѣ духъ пытливости, и онъ, будучи язычникомъ, воспылалъ желаніемъ ознакомиться съ христіанскою вѣрою, почему и сталъ искать человѣка, который бы объяснилъ ему христіанскія истины. Всещедрый Господь Богъ не оставилъ безъ помощи Вассіана. Три раза во снѣ возвѣщалось римскому пресвитеру Гордіану о намѣреніи юнаго ученаго. Много обходилъ философскихъ школъ Гордіанъ, усердно отыскивая юношу и, наконецъ, нашелъ его.

Узнавъ о бывшемъ относительно его видѣніи, Вассіанъ очень обрадовался и просилъ Гордіана наставить его въ вѣрѣ Христовой. И вотъ, огласился домъ Гордіана проповѣдью Евангелія, широкою и чистою струею текшею изъ устъ пресвитера. Внимательно слушалъ Вассіанъ эту проповѣдь, вострепетало его сердце отъ глубины истинъ Христовыхъ и онъ умилился. Часто послѣ такія бесѣды слышались въ домѣ пресвитера, куда всегда съ любовію приходилъ Вассіанъ. Усвоивъ истины христіанства, Вассіанъ повелъ суровую жизнь: мало сталъ вкушать пищи, много молился, мало спалъ, посвящая большую часть ночи молитвѣ и чтенію Божественныхъ книгъ. Такъ достойно готовилъ себя Вассіанъ къ великому таинству св. крещенія. И дѣйствительно, когда принималъ юноша крещеніе, Господь послалъ къ нему прислуживать Своего Ангела, какъ это ясно видѣлъ самъ крещаемый. Еще суровѣе сталъ жить Вассіанъ послѣ крещенія, еще усерднѣе совершалъ подвиги евангельскаго самоотреченія. Такая перемѣна жизни Вассіана обратила на себя вниманіе его слугъ и они не разъ задавались вопросомъ о причинѣ этой перемѣны. Но одинъ вѣрный слуга Вассіана, знавшій его тайну, убѣждалъ остальныхъ, что суровой жизни требуетъ, изучаемая ихъ господиномъ, философія. Однако такое объясненіе не разсѣяло подозрѣнія слугъ. Припомнили они, какъ еще въ дѣтствѣ Вассіанъ писалъ на пескѣ пальцемъ крестъ, или изображалъ его изъ соломы, за что получалъ укоръ отъ кормилицы; стали слѣдить за своимъ господиномъ и догадывались, что онъ принялъ христіанство. Ихъ догадки оправдались, когда они услышали ночью своего господина, произносящаго во снѣ христіанскія молитвы. Тогда слуги—каждый по одиночкѣ—тайно убѣжали въ Сиракузы и донесли о при-

нятіи христіанства Вассіаномъ его отцу. Прискорбна была такая вѣсть для Сергія. Не теряя еще надежды отвратить сына отъ христіанства, онъ рѣшился послать къ Вассіану другихъ слугъ, которые бы привели его къ нему. Промыслъ Божій и здѣсь не оставилъ Вассіана. Пришелъ онъ однажды ночью для обычной молитвы въ храмъ и встрѣтилъ Апостола, подъ видомъ старца, который возвѣстилъ ему о замыслѣ его отца и повелѣлъ бѣжать изъ Рима въ Равенну. На слѣдующій же день, напутствуемый благословеніемъ Гордіана, Вассіанъ вмѣстѣ съ своимъ преданнымъ слугою отправился въ указанный ему городъ. Случилось ему по дорогѣ видѣть оленя съ двумя дѣтенышами, преслѣдуемыхъ охотниками. Жалко стало бѣдныхъ животныхъ Вассіану.

„Во имя Господа нашего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ, сказалъ онъ самкѣ, приди подъ мою защиту“. Олени остановились, подошли къ нему, какъ бы были ручные, и матка лизала ему ноги. Это удивило охотниковъ. Однако одинъ изъ нихъ сталъ отнимать животнаго у Вассіана. Послѣдній защищалъ оленей. Тогда охотникъ рѣшился силою завладѣть ими, отстраняя отъ нихъ рукою Вассіана, но Господь поразилъ его и онъ упалъ бездыханнымъ. Видя это, остальные охотники пришли въ ужасъ и жалобно просили праведника не губить ихъ. Св. Вассіанъ возвелъ глаза къ небу, помолился Господу, и упавшій очнулся, однако его глаза едва смотрѣли, его члены были почти безъ движенія. Еще помолился Вассіанъ, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ больнаго и онъ всталъ вполнѣ здоровымъ. За это охотники горячо благодарили святаго, и олени были отпущены.

Въ Равеннѣ, по прибытіи туда, Вассіанъ встрѣтилъ епископа Урса—своего родственника. Обрадовался Урсъ

свиданію съ Вассіаномъ, еще болѣе ликовалъ потому, что онъ принялъ христіанство. Урсъ помѣстилъ его въ уединенномъ мѣстѣ, при церкви св. Аполлинарія, и здѣсь Вассіанъ, не смущаемый ни кѣмъ, вдали отъ свѣтской суеты, безпрепятственно служилъ Господу постомъ и молитвою. За это Господь прославилъ праведника: Вассіанъ получилъ даръ исцѣленія болѣзней тѣлесныхъ, врачуя вмѣстѣ съ тѣмъ и недуги душевные.

Новый случай еще болѣе прославилъ святаго. По повелѣнію царя Валентиніана, оклеветанный судья города — Виѳимній былъ присужденъ къ смерти. Назначенъ былъ день казни; много народа пришло смотрѣть скорбное зрѣлище, и приведенъ былъ осужденный преступникъ. Палачъ было занесъ уже мечъ надъ головой Виѳимнія, но казни не суждено было совершиться. Виѳимній вспомнилъ Вассіана и мысленно просилъ его помолиться предъ Господомъ о помощи. Господь помогъ несчастному. Едва заносилъ палачъ мечъ, какъ послѣдній самъ собою вылеталъ изъ рукъ. Такъ повторилось много разъ. Тогда призванъ былъ другой палачъ, но и съ нимъ случилось тоже самое. Народъ потребовалъ освобожденія Виѳимнія, и казнь была пріостановлена. Обо всемъ этомъ было донесено царю, который освободилъ невинно обвиненнаго Виѳимнія.

Получивъ свободу, Виѳимній прямо отправился къ Вассіану и горячо благодарилъ праведника. Вѣсть о виновникѣ чуда быстро разнеслась по городу, всѣ славили Вассіана и многіе обращались къ нему за помощію. По прошествіи нѣкотораго времени, клирики и знатные граждане, питая глубокое уваженіе къ Вассіану, просили епископа рукоположить его въ пресвитера, что и было вскорѣ исполнено. Прошло много лѣтъ и умеръ слуга Вассіана;

преподобный самъ приносилъ за него безкровную жертву, скорбѣлъ о немъ и былъ утѣшенъ откровеніемъ, что душа умершаго получила милости Господа.

Между тѣмъ въ городѣ Лоди (въ древности—Лявды, въ Медіоланской провинціи) скончался епископъ. Былъ установленъ трехдневный постъ съ молитвою, дабы Господь послалъ достойнаго святителя. И вотъ, добродѣтельному и благочестивому пресвитеру соборной церкви — Клименту было откровеніе избрать на епископскую каѳедру Вассіана изъ Равенны. Отправлены были послы къ Вассіану съ предложеніемъ епископской каѳедры. „Богъ создалъ человѣка безсмертнымъ, говорилъ посламъ праведникъ, чтобы онъ повиновался волѣ и повелѣнію своего Творца. Когда преступили люди заповѣдь Божію въ раю, то наказаны были сами и ихъ потомки смертію. Не должно человѣку противиться волѣ Бога своего и преступать Его заповѣдь, но должно ревностно и усердно творить все, что хочетъ и повелѣваетъ Богъ. Поэтому и я, хотя не желаю чести, но не могу отказаться отъ епископства, такъ какъ это угодно Богу“. Когда приближался Вассіанъ къ городу Лявдѣ, весь народъ вышелъ ему на встрѣчу. Одинъ страдающій параличемъ и лишенный дара слова подошелъ къ праведнику—святителю, поцѣловалъ его правую руку и получилъ исцѣленіе. На постановленіе св. Вассіана въ епископы прибыли въ Лоди св. Амвросій, епископъ медіоланскій, и еп. Урсъ изъ Равенны. Между Вассіаномъ и Амвросіемъ съ этого времени завязались дружественныя отношенія, и оба епископа вели между собою частую переписку.

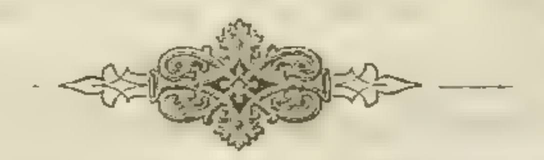
По прошествіи нѣкотораго времени, святитель Вассіанъ воздвигъ храмъ во имя св. Апостоловъ. На освященіе этого храма были призваны св. Амвросій и Феликсъ Ко-

манскій. Всѣ три епископа предъ громаднымъ стеченіемъ народа засвидѣтельствовали силу своихъ молитвъ. На освященіе пришла одна дѣвица, одержимая бѣсомъ, который, обращаясь къ святителямъ, просилъ ихъ его нетрогать; но епископы помолились Господу и бѣсь оставилъ дѣвицу. Въ той же церкви св. Апостоловъ было совершено другое чудо, но уже однимъ Вассіаномъ. Во время жатвы былъ укушенъ зміею одинъ отрокъ и скончался. Родители сильно скорбѣли о смерти своего сына и горько плакали. Когда же принесли отрока въ храмъ для отпѣванія, то плачъ родителей былъ на столько силенъ, что даже заглушалъ церковное чтеніе и пѣніе. Жалко стало Вассіану родителей. Повелѣвъ выдти всѣмъ изъ церкви, Вассіанъ остался одинъ и сталъ усердно молиться Господу. Его молитва была услышана: отрокъ, какъ бы пробужденный отъ сна, началъ призывать свою мать. Народъ и родители, услыша это, поспѣшно бросились въ церковь и, съ удивленіемъ видя отрока живымъ, горячо благодарили святаго, лобызая его руки и одежду.

Прошло нѣсколько лѣтъ и св. Вассіанъ лишился своего любимаго друга св. Амвросія. Едва онъ узналъ о болѣзни медіоланскаго святителя, какъ немедленно отправился къ нему,—ходилъ за нимъ, постоянно находясь подлѣ него. Смертный часъ Амвросія уже приближался Горько плакалъ св. Вассіанъ о разлукѣ съ дорогимъ другомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшался, зная, что Господь не оставитъ Амвросія за святость и чистоту его жизни. И не одинъ св. Вассіанъ сожалѣлъ о св. Амвросіѣ, печалился и весь медіоланскій народъ о своемъ знаменитомъ пастырѣ, особенно при его погребеніи, послѣ котораго св. Вассіанъ снова возвратился въ Лоди. Слу-

чилось ему и послѣ быть въ Медіоланѣ. Здѣсь, на торговой площади онъ встрѣтилъ продавца, постоянно обвѣшивающаго покупателей. На вѣсахъ этого торговца святой увидѣлъ бѣса. По его молитвѣ, увидѣли то же и бывшіе съ нимъ пресвитеръ Климентъ и діаконъ Елвогій. Этого же самаго бѣса на вѣсахъ показалъ святитель и торговцу. Тотъ пришелъ въ ужасъ отъ такого зрѣлища,—раскаялся въ своемъ преступленіи, роздалъ, по повелѣнію Вассіана, неправедно нажитое имѣніе нищимъ и исправился.

Тридцать пять лѣтъ святительствовалъ св. Вассіанъ въ Лоди, и около 409 года скончался, къ великому огорченію своей паствы. Творя чудеса при жизни, св. Вассіанъ чудодѣйствовалъ и послѣ смерти, исцѣляя недужныхъ, съ вѣрою приходящихъ къ его гробу. (Четьи минеи).



11-е число.

Свв. апп. Варѳоломея и Варнавы.

(Муч. Ѳеопемпта и четырехъ муч. съ нимъ. Соборъ архан. Гавріила въ Аѳинѣ. Обрѣтеніе и перенесеніе мощей пр. Аркадія Новоторжскаго. Преставленіе пр. Варнавы. Абульскія иконы Божіей Матери).

О Варѳоломеѣ см. 22-го Апрѣля.

СВ. АПОСТОЛА ВАРНАВЫ.

Св. апостолъ Варнава родился на островѣ Кипрѣ (въ Средиземномъ морѣ) отъ родителей-евреевъ, изъ колѣна Левіина. Родители Варнавы были люди зажиточные и, живя на островѣ Кипрѣ, владѣли вмѣстѣ съ тѣмъ хо-

ротимъ имѣніемъ, близъ Іерусалима, съ прекраснымъ домомъ, окруженнымъ большими садами. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ началъ обучаться книжной мудрости Варнава, называвшійся тогда Іосифомъ, а когда онъ пришелъ въ возрастъ, то родители отправили его къ славившемуся въ то время учителю Гамаліилу, подъ руководствомъ котораго и воспитывался вмѣстѣ съ Савломъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся знаменитымъ апостоломъ языковъ. Оба они, какъ лучшіе ученики, одаренные великими душевными способностями, ревностно искавшіе просвѣщенія, сидя у ногъ Гамаліила, не могли не соединиться тѣсною дружбою. Но до извѣстнаго времени Промыслу угодно было вести ихъ разными путями ко Христу. Тогда какъ Павелъ только послѣ смерти Христа сдѣлался его послѣдователемъ, Іосифъ уже при жизни Господа поступилъ въ число вѣрующихъ въ Него. Учась у Гамаліила, Іосифъ усердно посѣщалъ храмъ Іерусалимскій, строго соблюдалъ посты и жилъ вообще благочестиво. Господь Іисусъ Христосъ въ то время уже началъ Свою общественную дѣятельность. Пришедши изъ Галилеи въ Іерусалимъ, Спаситель много сотворилъ чудесъ и по всюду сѣялъ сѣмена Своихъ Божественныхъ словесъ. Множество народа слѣдовало за Христомъ, созерцая Его Божественное лице и слушая Его сладчайшія рѣчи. И Іосифъ тоже удостоился видѣть Спасителя и слышать Его проповѣдь,— былъ Іосифъ свидѣтелемъ чудесъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ. Сердце юнаго еврея, будучи еще не испорчено, скоро забилось горячею любовію къ Спасителю міра, и онъ сдѣлался Его вѣрнымъ послѣдователемъ. Когда Господь избралъ семьдесять учениковъ и послалъ ихъ проповѣдывать Евангеліе, Іосифъ былъ въ числѣ ихъ. И послѣ вознесенія Господа Іосифъ былъ одинмъ

изъ главнѣйшихъ проповѣдниковъ Евангелія и вполнѣ заслужилъ быть допущеннымъ въ число семидесяти апостоловъ. Апостолы прозвали Іосифа Варнавою, т. е. сыномъ утѣшенія, по причинѣ удивительнаго дара утѣшать несчастныхъ, и въ то же время—сыномъ пророчества. по превосходству, какъ говоритъ блаженный Іеронимъ, его пророческихъ даровъ.

Подробности о жизни Варнавы послѣ вознесенія Господа мы находимъ только у евангелиста Луки, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Варнава въ христіанской церкви является дѣйствующимъ на самыхъ первыхъ порахъ. Такъ, по примѣру первенствующихъ христіанъ, у которыхъ было все общее, св. Варнава продалъ свое наслѣдство на островѣ Кипрѣ и вырученныя за него деньги положилъ къ ногамъ апостоловъ. За тѣмъ, когда апостолъ Павелъ пришелъ въ Іерусалимъ, спустя три года послѣ своего обращенія, св. Варнава представилъ его апостоламъ, разсказавъ имъ какимъ образомъ произошла въ немъ эта чудная перемѣна, которая принесла столько пользы христіанству. Послѣ этого, когда въ Антіохіи многіе увѣровали во Христа, Варнава былъ посланъ (около 42 года) туда апостолами для рукоположенія и утвержденія въ вѣрѣ новообращенныхъ и для обширнѣйшаго распространенія церкви, дѣлавшей каждый день новые успѣхи. Чтобы отыскать апостола Павла и раздѣлить съ нимъ трудъ проповѣданія слова Божія, Варнава отправился изъ Антіохіи въ Киликію. Встрѣтивъ Павла въ городѣ Тарсѣ, Варнава вмѣстѣ съ нимъ снова возвратился въ Антіохію, цѣлый годъ проповѣдуя здѣсь Евангеліе іудеямъ и язычникамъ. Въ 44 году оба апостолы были избраны для доставленія милостыни отъ антіохійскихъ христіанъ къ пресвитерамъ и старцамъ церкви

Іерусалимской. Исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, Павелъ и Варнава вмѣстѣ съ апостоломъ Іоанномъ—Маркомъ, братомъ Варнавы, пошли въ Антіохію, гдѣ пребывали въ постѣ, молитвахъ, въ служеніи Божественной литургіи и въ проповѣданіи слова Божія.

По повелѣнію Духа Святаго, всѣ три благовѣстника вскорѣ отправились для проповѣданія Евангелія язычникамъ. Побывавши первоначально въ Селевкіи, проповѣдники прошли островъ Кипръ, были съ проповѣдію слова Божія въ Саламинѣ, возвѣщали ученіе Іисуса Христа и на островѣ Пафосѣ, гдѣ, между прочимъ, встрѣтили римскаго проконсула Сергія и при немъ волхва Еллима. Сергія св. апостолы просвѣтили св. вѣрою, а Еллима ослѣпили словомъ. Послѣ проповѣди въ Пергамѣ и Памфиліи, Іоаннъ—Маркъ ослабъ отъ путешествія и трудовъ и пошелъ въ Іерусалимъ, Павелъ же и Варнава отправились для благовѣстія въ Антіохію, Писидію и потомъ въ Иконію. Здѣсь язычники и іудеи хотѣли побить ихъ камнями, но апостолы удалились въ Листру, гдѣ язычники, удивленные ихъ чудесами, приняли св. Варнаву за юпитера (языческаго бога), по причинѣ его почтеннаго и величественнаго вида, а св. Павла за Меркурія (тоже языческаго бога), потому что онъ обладалъ даромъ слова. Прибывшіе изъ Иконіи іудеи возмутили народъ противъ апостоловъ, которые и принуждены были уйти отсюда въ Дервію, а затѣмъ въ Пергію. Всюду, гдѣ бы ни были апостолы, они сначала предлагали свое ученіе іудеямъ разсѣянія, а потомъ и язычникамъ. Успѣхъ былъ необыкновенный, такъ что они во многихъ городахъ основали церкви. Исполнивъ дѣло, на которое призвалъ ихъ Духъ Святый, Павелъ и Варнава возвратились въ Антіохію, изъ которой вышли. Предполагаютъ,

что св. Варнава былъ спутникомъ Павла и въ его апостольскихъ путешествіяхъ въ Іудею, Понтъ, Галатію и Ѳракію до самой Иллиріи. Возвратившись въ Антіохію около 51 года, апостолы предложили вопросъ о соблюденіи обрядоваго закона Моисея.—Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ іерусалимскихъ христіанъ, пришедши въ Антіохію, говорили увѣровавшимъ язычникамъ: „если не обрѣжетесь, по обряду Моисееву, не можете спастись". Павелъ и Варнава, не придававшіе такого значенія іудейству послѣ пришествія Христа Спасителя, вступили въ споръ съ іерусалимскими іудеями. Чтобы рѣшить эти пренія, антіохійская церковь отправила Павла и Варнаву въ Іерусалимъ къ апостоламъ и пресвитерамъ. Составленъ былъ по этому случаю первый Іерусалимскій соборъ (51 года). На немъ Павелъ и Варнава разсказали объ удивительныхъ успѣхахъ своей проповѣди между язычниками и были утверждены въ своемъ служеніи. Послѣ собора апостолы передали христіанамъ Сиріи и Киликіи соборное посланіе, которое освобождало новообращенныхъ отъ соблюденія закона Моисеева. Живя въ Антіохіи, апостолы наставляли вѣрныхъ и проповѣдывали язычникамъ Христову вѣру. Затѣмъ рѣшено было ими посѣтить вѣрующихъ во всѣхъ городахъ, гдѣ они проповѣдывали слово Божіе и узнать, какъ они живутъ. Но произошли несогласія между апостолами: Варнава хотѣлъ взять съ собою Іоанна Марка, а Павелъ не соглашался, чтобы Маркъ, утружденный первымъ путешествіемъ, сопровождалъ ихъ. Тогда Павелъ вмѣстѣ съ Силою пошли въ Сирію и Киликію, а Варнава съ Маркомъ отправились на островъ Кипръ, гдѣ и продолжали дѣло благовѣстія. По преданію, св. Варнава былъ еще въ Римѣ и, основавъ церковь въ Медіоланѣ, возвратился въ Кипръ.

На 76 году жизни ревностный проповѣдникъ принялъ мученическую кончину. Когда онъ училъ о Христѣ въ городѣ Саламинѣ, то, пришедшіе изъ Сиріи, іудеи начали возмущать народъ. Предвидя свою кончину, св. апостолъ созвалъ вѣрныхъ, преподалъ имъ послѣднее наставленіе и пріобщившись Святыхъ Таинъ, поручилъ Марку похоронить его и обо всемъ извѣстить ап. Павла. Затѣмъ Варнава, простившись со всѣми, отправился въ собраніе іудеевъ и сталъ тамъ проповѣдывать о Христѣ. Ожесточенные іудеи вывели св. апостола за городъ, побили его камнями и предали св. тѣло на сожженіе. Однако тѣло св. апостола осталось цѣлымъ, и Маркъ похоронилъ его, отправившись затѣмъ въ Ефесъ къ ап. Павлу. Вмѣстѣ съ убіеніемъ св. Варнавы іудеи воздвигли гоненіе на всѣхъ послѣдователей Христа. Вѣрующіе разбѣжались и мѣсто гдѣ былъ похороненъ апостолъ, стало неизвѣстнымъ. Впослѣдствіи, когда вѣра Христова распространилась уже по всему Кипру, чудеса и исцѣленія отъ мощей св. Варнавы открыли то мѣсто, гдѣ пребыли эти святые останки.

Въ 488 году, 11 Іюня кипрскій архіепископъ Анѳимъ обрѣлъ мощи св. Варнавы и на персѣхъ ихъ Евангеліе отъ Матѳея, списанное Варнавою. Императоръ Зинонъ (427—491) очень обрадовался этому великому событію. Кипрская церковь, которую передъ этимъ хотѣлъ подчинить себѣ антіохійскій патріархъ — Петръ, послѣ обрѣтенія мощей св. Варнавы была признана самостоятельною,—какъ церковь апостольская и имѣющая у себя мощи одного изъ св. апостоловъ Императоръ испросилъ у архіепископа Евангеліе, обрѣтенное на груди св. Варнавы, и положилъ его въ своей придворной церкви. На мѣстѣ обрѣтенія св. мощей, при содѣйствіи Зинона, былъ

сооруженъ храмъ, и съ тѣхъ поръ память св. апостола каждогодно совершается 11 Іюня какъ римскою, такъ и нашею православною церковію. Сирская церковь издревле почитаетъ св. Варнаву какъ мученика. Во Франціи празднованіе этому апостолу установлено въ 9-мъ вѣкѣ.— Съ древнихъ же временъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ память св. Варнавы почитается и въ Англіи. Лигурія и Миланъ признаютъ св. Варнаву первымъ своимъ епископомъ и апостоломъ. Есть мнѣніе, что Миланъ изстари былъ заселенъ славянами. А если такъ, то св. Варнаву и мы можемъ почитать славянскимъ апостоломъ, наравнѣ съ св. ап. Андреемъ Первозваннымъ. Игуменъ Даніилъ видѣлъ въ Кипрѣ мощи св. апостола Варнавы въ 12-мъ вѣкѣ. (Четьи-Минеи мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2. стр. 165).

Апостолу Варнавѣ приписывается одно посланіе, написанное, неизвѣстно къ какимъ христіанамъ. Это посланіе вышло изъ рукъ Варнавы чистымъ и вполнѣ достойнымъ апостола. А что Варнава писалъ посланіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ Климентъ Александрійскій и Іеронимъ. Да и само посланіе носитъ духъ времени перваго вѣка. Только по мѣстамъ оно попорчено вставками позднѣйшаго времени, которыя вовсе не могутъ быть приписаны апостолу. Въ большинствѣ же случаевъ содержаніе посланія вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя Варнава проводилъ въ своей дѣятельности, извѣстной изъ дѣяній апостольскихъ. Какъ въ Антіохіи и Іерусалимѣ на апостольскомъ соборѣ онъ возставалъ противъ обязательнаго для христіанъ исполненія обрядоваго закона Моисея, такъ и въ своемъ посланіи онъ доказываетъ, что, съ пришествіемъ въ міръ Спасителя, Ветхій Завѣтъ долженъ уступить мѣсто Новому

Завѣту,—что, послѣ страданія Іисуса Христа, іудейскія жертвы потеряли свое значеніе, и предохраняетъ увѣровавшихъ во Христа отъ увлеченія іудействомъ.

Кромѣ догматическаго ученія, въ посланіи Варнавы есть и нравственное. Св. Варнава излагаетъ два пути жизни: путь свѣта, т. е. путь добродѣтельный, и путь тьмы, т. е. путь порочный. Въ заключеніе апостолъ совѣтуетъ христіанамъ идти путемъ свѣта. (Библ.-біографич. словарь Яцкѣвича и Благовѣщенскаго т. 1. стр 102—104).

ОБРѢТЕНІЕ И ПРИНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ ПР. АРКАДІЯ НОВОТОРЖСКАГО.

Пр. Аркадій Новоторжскій былъ келейникомъ и ученикомъ пр. Ефрема, архимандрита Борисоглѣбскаго монастыря. Онъ славился святостію жизни, подражая во всемъ своему учителю - пр. Ефрему, и скончался въ 11-мъ вѣкѣ. Мощи Аркадія почиваютъ въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ подъ спудомъ (Слов. истор. о святыхъ стр. 33).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПРЕП. ВАРНАВЫ.

Пр. Варнава родился въ великомъ Устюгѣ. Достигши зрѣлаго возраста, Варнава былъ поставленъ священникомъ, но во время набѣга черемисовъ покинулъ родину. Подлѣ рѣки Ветлуги находилась Красная гора, вокругъ которой въ то время болѣе чѣмъ на 50 верстъ не было человѣческаго жилья. Въ этомъ пустынномъ мѣстѣ и поселился Варнава, подвизаясь здѣсь въ уединеніи въ продолженіи 28 лѣтъ. Рѣдко, живя здѣсь, Варнава питался хлѣбомъ, въ большинствѣ случаевъ пищею для него слу-

жили травы. Много звѣрей было въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ отшельника, но эти звѣри не вредили жившему по волѣ Божіей. Узнавъ о мѣстѣ жительства преподобнаго, многіе приходили къ нему, и онъ наставлялъ ихъ словомъ. Въ 1439 году пр. Макарій, будучи на рѣкѣ Унжѣ, посѣтилъ св. Варнаву и нѣкоторое время пробылъ у него, бесѣдуя съ нимъ о спасеніи души. Въ 1445 году, 11 Іюня пр. Варнава скончался. Мѣсто его святой и подвижнической жизни не осталось забытымъ. Ученикъ почившаго и, вновь пришедшіе, иноки построили храмъ во имя Св. Троицы и другой—надъ гробомъ преподобнаго—во имя св. Николая и составили обитель. Стали совершаться чудеса отъ гроба св. Варнавы, и, по распоряженію патріарха Іосафа, въ 1639 году мощи святаго были свидѣтельствованы. Два священника изъ Ветлуги были вызваны въ Москву и здѣсь передъ соборомъ увѣрили въ дѣйствительности совершающихся чудесъ отъ мощей св. Варнавы. Одинъ изъ священниковъ—Іоаннъ долго страдалъ слѣпотою и уже отчаявался въ жизни. По совѣту иноковъ Ветлугской обители, Іоаннъ помолился при гробѣ преподобнаго и получилъ зрѣніе. Это подтвердилъ и другой священникъ—Онисифоръ, присовокупивъ при этомъ, что онъ и самъ получилъ исцѣленіе отъ мощей пр. Варнавы. Въ настоящее время Ветлугская обитель упразднена. На ея мѣстѣ находится храмъ во имя апостола Варнавы, гдѣ и покоятся мощи пр. Варнавы. Храмъ этотъ служитъ соборнымъ храмомъ для, образовавшагося на мѣстѣ подвиговъ Варнавы, города Варнавина Костромской губерніи, въ 387 верстахъ отъ Костромы. (Русс. свв. Филарета арх. черниг. Словарь истор. о святыхъ стр. 52).

Въ г. Абулѣ, въ Испаніи, въ 1570 г., одна монахиня

прозрѣла предъ иконою Божіей Матери, которой съ того времени и стали праздновать (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2. Замѣт. стр. 165).

12-е число.

Пр. Онуфрія Великаго. Пр. Петра Аѳонскаго Пр. Отца нашего Арсенія Коневскаго. Свв. Іоанна, Андрея, Ираклампона и Ѳеофила въ Египтѣ.

(Пр. Зинона. Пр. Іуліана, игумена Константинопольскаго. Св. Іоанна воина. Преставленіе пр. Онуфрія Мальскаго. Память пр. Онуфрія и Авксентія Вологодскихъ. Преставленіе пр. Стефана Озерскаго или Комельскаго. Пр. Вассіана и Іоны Соловецкихъ).

ПР. ОНУФРІЯ ВЕЛИКАГО.

Пр. Онуфрій принадлежалъ къ числу самыхъ строгихъ подвижниковъ православнаго Востока, за что и получилъ названіе Великаго. Время его жизни относится къ IV вѣку. Первоначально онъ подвизался въ Ѳиваидѣ—въ монастырѣ Еритѣ, близь Гермополя. Этотъ монастырь состоялъ изъ ста человѣкъ братіи. Всѣ они имѣли общую пищу и одежду и мирно проводили свое постническое житіе. Съ дѣтскаго возраста жилъ здѣсь пр. Онуфрій. Слышанные имъ отъ братіи разсказы о пустынной строгой жизни пророка Иліи и Іоанна Предтечи воспламеняли воображеніе Онуфрія. Но не имѣя представленія о достоинствѣ отшельнической жизни, Онуфрій спросилъ

св. отцевъ: „болѣе ли имѣютъ значеніе предъ Богомъ тѣ, которые живутъ въ пустынѣ, въ сравненіи съ вами?“ „Они большіе противъ насъ“, отвѣчали ему отцы.— „Мы каждый день видимся другъ съ другомъ, на радость себѣ совершаемъ соборно церковное пѣніе, можемъ всегда утолить голодъ и жажду. Если кто заболѣетъ, ему прислуживаютъ другіе. Да и въ иныхъ случаяхъ каждый изъ насъ можетъ найти себѣ утѣшеніе въ другихъ. Но живущіе въ пустынѣ лишены всего этого. Случится ли съ кѣмъ либо изъ нихъ какая печаль—некому его утѣшить. Приключится болѣзнь—некому помочь. Часто въ минуты голода—не чѣмъ бываетъ его утолить, во время жажды негдѣ бываетъ взять воды. Да и вообще трудъ пустынножителей больше, нежели нашъ. Они болѣе работаютъ Господу, чѣмъ мы; предаются большему посту, терпятъ часто голодъ, жажду, переносятъ полуденный зной и ночной холодъ“. Такъ описали св. отцы пр. Онуфрію жизнь пустынниковъ.

Эта отчужденная жизнь, жизнь исполненная лишеній и бѣдствій, настолько показалась привлекательною для пр. Онуфрія, что онъ самъ рѣшился испытать ее. И вотъ ночью, взявши не много хлѣба, Онуфрій оставилъ монастырь и пошелъ въ пустыню. При входѣ въ нее, ему показался лучъ свѣта и Онуфрій испугался, такъ что хотѣлъ было бѣжать снова въ монастырь. Но лучъ свѣта приблизился къ нему и послышался голосъ. „Не бойся, потому что я Ангелъ твой, съ самаго дня рожденія твоего я приставленъ отъ Бога хранить тебя,—постоянно хожу съ тобою и нынѣ, по повелѣнію Господа, веду тебя въ эту пустыню, будь совершенъ и смиренъ сердцемъ предъ Господомъ, служи Ему съ радостію, и я не отступлю отъ тебя“.—Долго шелъ пр. Онуфрій по

пустынѣ, углубляясь внутрь ея все болѣе и болѣе. Но вотъ предъ нимъ показалась пещера. Принявъ ее за человѣческое жилище, преподобный подошелъ къ ея входу, сказалъ обычное у иноковъ „благослови!“ И увидѣлъ предъ собою старца. Внушительный видъ этого старца, его лицо просвѣтленное благодатію Божію на столько поразили Онуфрія, что онъ упалъ къ его ногамъ, полный благоговѣнія и глубочайшаго уваженія къ нему. Но старецъ тотчасъ же поднялъ Онуфрія, поцѣловалъ его и сказалъ: „ты ли братъ Онуфрій—споспѣшникъ мнѣ о Господѣ? Войди въ мое жилище! Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ, ты же оставайся вѣренъ избранному тобою служенію, совершая добрыя дѣла въ страхѣ Божіемъ“. Много дней провелъ Онуфрій въ пещерѣ старца, изучая его жизнь. Старецъ научилъ его уставу иноческой жизни въ пустынѣ и когда увидалъ, что Онуфрій достаточно подготовился къ перенесенію трудной пустынной жизни, повелъ его въ глубь пустыни. Четыре дня и четыре ночи шли отшельники и только на пятый день остановились передъ небольшой пещерой. „Вотъ мѣсто, которое уготовалъ тебѣ Господь для жительства“,—сказалъ тогда старецъ Онуфрію. Пробывъ въ продолженіи тридцати дней съ Онуфріемъ, старецъ удалился снова въ свою пещеру. Каждый годъ потомъ онъ навѣщалъ Онуфрія. Но придя однажды къ преподобному старецъ скончался. Сильно скорбѣлъ о смерти своего наставника пр. Онуфрій и, горько плача о немъ, похоронилъ его тѣло подлѣ своего жилища.

Много трудовъ перенесъ пр. Онуфрій, живя въ пустынѣ, много скорбей и лишеній претерпѣлъ онъ. Часто мучилъ его голодъ, нерѣдко томила его жестокая жажда, и онъ не зналъ чѣмъ утишить свои страданія. Только

травы пустыни нѣсколько подкрѣпляли его тѣло, да небесная роса не много утоляла его жажду. Много переносилъ преподобный страданій отъ дневнаго зноя и ночнаго холода. Эти лишенія и невзгоды были такъ часты, что пр. Онуфрій „многажды отчаялся живота своего и мнилъ себѣ уже при смерти быти". *) Только одинъ промыслъ Божій хранилъ отъ смерти преподобнаго во всѣхъ этихъ случаяхъ, подавая ему все необходимое для насущныхъ потребностей и поддержанія жизни. Господь посылалъ къ нему Ангела, который, обыкновенно, и приносилъ ему не много хлѣба и воды для подкрѣпленія его тѣла. Такъ продолжалось цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Затѣмъ Господь даровалъ ему новое утѣшеніе: подлѣ вертепа преподобнаго заструился небольшой источникъ чистой и прохладной воды, выросло финиковое дерево о двѣнадцати вѣтвяхъ, и каждая вѣтвь приносила ему плоды по мѣсячно. Это особенное промышленіе Божіе о св. Онуфріѣ продолжалось до самой его кончины. Преподобный все время жилъ въ недоступномъ и неизвѣстномъ никому уединеніи. Но когда приспѣло время его кончины, Богъ послалъ къ нему инока св. Пафнутія.

---

*) Вотъ, вѣроятно, почему народъ и молился св. Онуфрію объ избавленіи отъ внезапной смерти, отъ чего въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ ему назначается для этого особая молитва. Вмѣстѣ съ этимъ на Руси въ старину къ помощи пр. Онуфрія прибѣгали женщины въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ рожденія и въ безнадежныхъ случаяхъ дѣтской болѣзни. По этому и русскія царицы въ 17 вѣкѣ устраивали въ домовой церкви Великой Екатерины придѣлъ пр. Онуфрія, гдѣ причащали своихъ больныхъ дѣтей, въ надеждѣ на ихъ чудесное исцѣленіе отъ недуговъ. (Ц. народ. календарь Калинскаго — мѣсяцъ Іюнь. Быт. рус. царицъ стр. 912 и 318).

Этому иноку Онуфрій повѣдалъ о своихъ трудахъ и подвигахъ. На долю же св. Пафнутія выпало и погребеніе великаго пустынника. Разсказавъ св. Пафнутію о своей жизни, Онуфрій повелъ его къ своему жилищу. Здѣсь Пафнутій близъ пещеры увидѣлъ финиковое дерево и источникъ воды. Послѣ молитвы св. отцы сѣли и продолжали благочестивую бесѣду. Вечеромъ они увидѣли предъ собою хлѣбъ и воду, которыми и подкрѣпили свое немощное тѣло.

Пришло утро слѣдующаго дня, и лице пр. Онуфрія покрылось мертвенною блѣдностію. Это испугало св. Пафнутія, но пр. Онуфрій ободрилъ его, сказавъ: „Господь, по милосердію Своему, послалъ тебя ко мнѣ, чтобы похоронить тѣло мое, ибо сегодня я кончу временное житіе и перейду ко Христу для безконечной жизни; когда же ты возвратишься въ Египетъ, то помнпай меня“. Св. Пафнутій желалъ самъ поселиться въ пещерѣ пр. Онуфрія, о чемъ и возвѣстилъ ему. Но Онуфрій воспрепятствовалъ этому. „Не затѣмъ ты, говорилъ Онуфрій, посланъ Господомъ въ эту пустыню, чтобы поселиться въ ней, но чтобы увидѣть рабовъ Божіихъ, возвратиться и повѣдать о жизни ихъ братіямъ, на пользу слышащихъ и во славу Христа Господа нашего. Иди въ Египетъ, въ свой монастырь и повѣдай братіямъ все, что ты видѣлъ и слышалъ“. Благословивъ св. Пафнутія и простившись съ нимъ, пр. Онуфрій сталъ на молитву. Слезы неудержимо падали изъ его глазъ, глубокія воздыханія колыхали его старческую грудь. Долго такъ молился св. Онуфрій; наконецъ, воскликнулъ: „въ руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой!“ Съ этими словами преподобный легъ на землю и скончался. Небесный свѣтъ осіялъ святаго, какъ бы въ знаменованіе, что его душа съ ве-

ликимъ дерзновеніемъ восходитъ ко Господу. Отодравъ подшивку съ своей одежды, св. Пафнутій прикрылъ тѣло усопшаго, потомъ, нашедши огромный камень на подобіе гроба, Пафнутій положилъ въ него тѣло св. Онуфрія и закрылъ его мелкими камушками. Не желая разстаться съ мѣстомъ великихъ подвиговъ св. Онуфрія. Пафнутій началъ молиться Господу, дабы Онъ сподобилъ его жить на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ хотѣлъ войти въ пещеру; но она вдругъ распалась, сокрушилось финиковое дерево и изсякъ источникъ воды. Пафнутій понялъ, что Господу не угодно, чтобы онъ остался жить въ пещерѣ пр. Онуфрія, помолился Господу Богу и отправился въ Египетъ. (Четьи—Минеи).

ПР. ПЕТРА АѲОНСКАГО.

Св. Петръ родился въ Константинополѣ, но кто были его родители—неизвѣстно. По званію своему Петръ былъ схоларій, т. е. военный сановникъ, служившій въ такой схолѣ, воины которой должны были днемъ и ночью оставаться въ царскомъ дворцѣ. Званіе схоларія не вполнѣ удовлетворяло Петра, и въ немъ не рѣдко пробуждалась рѣшимость перемѣнить воинскія одежды на одежды инока. Въ 667 году Петру пришлось участвовать въ войнѣ съ Агарянами въ Сиріи, и онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ крѣпость Са́мару, построенную у рѣки Евфрата. Будучи посаженъ въ темницу и окованъ тяжелыми желѣзными оковами, Петръ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи отречься отъ міра и сдѣлаться монахомъ. Ему казалось, что какъ бы за невыполненіе этого обѣщанія, Господь и попустилъ на него плѣнъ со всѣми

тѣми невзгодами и притѣсненіями, которыя обыкновенно приходится терпѣть плѣнникамъ. И вотъ Петръ горячо молится Господу о своемъ освобожденіи и рѣшается вмѣстѣ съ полученіемъ свободы постричься въ иноки. Нѣсколько лѣтъ Петръ оставался въ темницѣ, и эти годы заключенія не прошли для него безслѣдно. Онъ на столько преуспѣлъ въ благочестивой, угодной Богу, жизни, что сподобился видѣнія святыхъ Николая чудотворца и Симеона Богопріимца, которые и возвѣстили ему о его будущемъ освобожденіи. Дѣйствительно, лѣтъ черезъ девять послѣ заключенія для Петра пробилъ часъ свободы. Императоръ Константинъ Погонатъ въ 676 году заключилъ миръ съ Халифомъ, устроенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ, и вмѣстѣ съ многими другими получилъ свободу и Петръ. Очень можетъ быть, что родители Петра хотя и жили въ Константинополѣ, но любили Римъ—по уваженію къ папамъ. Это уваженіе унаслѣдовалъ и Петръ, почему и рѣшился послѣ освобожденія отправиться въ Римъ, гдѣ и принялъ иночество отъ тогдашняго папы Агаѳона. Пробывъ въ Римѣ четыре года, Петръ отправился на гору Аѳонъ. Къ этому времени строго-воздержная иноческая жизнь св. Петра на столько усовершила его духовныя силы, что онъ уже имѣлъ даръ чудотвореній, что и проявилось во время морскаго пути.—Корабль, на которомъ плылъ св. Петръ, однажды остановился у берега подлѣ одного селенія съ тѣмъ, чтобы испечь здѣсь хлѣбы. Пришлось печь хлѣбы въ домѣ, гдѣ у хозяина сынъ и другіе домашніе были нездоровы. Когда же хозяинъ узналъ, что на кораблѣ находится монахъ Петръ, то попросилъ пригласить его къ себѣ. Св. Петръ вошелъ къ больнымъ, благословилъ ихъ, и они, получивъ исцѣленіе, горячо благодарили его. Во время этого же морскаго пути св.

Петру въ сновидѣніи явилась Божія Матерь съ св. Николаемъ чудотворцемъ и возвѣстила, что Аѳонская гора съ этого времени будетъ постояннымъ жилищемъ монаховъ. Послѣ такого видѣнія св. Петръ съ радостію поселился на Аѳонѣ, прибывъ туда въ 681 году. Мѣстомъ жительства св. Петра была пещера близъ поднебесной выси Аѳона. Цѣлыхъ 53 года подвизался св. Петръ на утесистыхъ высотахъ горы Аѳона и былъ однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ. Ревность по вѣрѣ, какъ у апостола Петра, нелицемѣрная любовь, неуклонная надежда, истинное терпѣніе, совершенное смиреніе, умиленіе и всегдашній плачъ, кротость, умерщвленіе плоти, безстрастіе, тѣлесная и душевная чистота, безмолвіе и зрѣніе Бога—вотъ тѣ добродѣтели, которыми былъ украшенъ св. Петръ, какъ объ этомъ читается въ посвященной ему службѣ. Кончина св. Петра послѣдовала въ 734 году. Какъ одна капля—явился на Аѳонской горѣ св. Петръ и воспарилъ оттуда въ небесную обитель, оставивъ по себѣ монастыри. Много монастырей устроилось на Аѳонѣ, во время многолѣтняго подвижничества тамъ св. Петра, съ 681 года по 734. Таковы были монастыри: Кастамонитъ, Дахіаръ, Фтери-Филоѳей, Климентовъ, Аѳо и другіе. И св. Петръ, хотя и любилъ уединеніе, однако уже въ свое время служилъ образцомъ святаго житія для многихъ аѳонитовъ. Онъ былъ для нихъ путеводнымъ свѣтомъ, а если и удалялся въ горы, то лишь для того, чтобы свободнѣе парить умомъ къ небесному престолу. И скончавшись, св. Петръ часто напоминалъ о себѣ аѳонскимъ инокамъ, побуждая ихъ къ подражанію его высокой жизни, когда, перенесенныя въ обитель Климента, мощи св. Петра источали исцѣленія недужнымъ монахамъ и окрестнымъ мірянамъ. Вѣроятно,

въ царствованіе лютаго иконоборца и истребителя святыхъ мощей—Константина Копронима (741—775 г.), св. мощи Петра были скрыты подъ спудомъ въ той же обители Климента. Сто сорокъ шесть лѣтъ находились въ такомъ положеніи мощи св. Петра. Самая обитель Климента опустѣла съ 830 года. Но прошло пятьдесятъ лѣтъ и снова возвратились нѣкоторые изъ прежнихъ иноковъ въ обитель Климента. Имъ было извѣстно по преданію о мощахъ св. Петра, и они открыли ихъ, такъ какъ эти мощи источали благоуханное муро. Съ согласія Карейскихъ старцевъ, мощи св. Петра перенесли въ тамошній храмъ Богоматери, въ которомъ обычно бывали ежелѣтнія собранія всѣхъ исихастовъ. Сначала св. мощи были поставлены въ притворѣ этого храма, а потомъ чрезъ семь дней, въ которые служили подлѣ мощей всенощныя бдѣнія съ пѣснопѣніями, мощи св. Петра перенесли въ самый храмъ, къ его правой сторонѣ, и повивъ чистою плащаницею съ алоемъ, смирною и другими благовонными мастями, чествовали ихъ, потому что они врачевали всѣ болѣзни. Извѣстный творецъ каноновъ—Іосифъ написалъ службу новоявленному чудотворцу Петру Аѳонскому, которую и совершали въ Карейскомъ храмѣ, при чемъ присутствовали богомольцы даже изъ мірскихъ—близкихъ и отдаленныхъ селеній. Въ 969 году, по случаю стѣсненій на Аѳонѣ, безмолвники Климентовой обители взяли мощи св. Петра изъ Карейскаго Богородичнаго храма и увезли ихъ во ѳракійское селеніе Фотоками, гдѣ и отдали епископу того мѣста за 100 золотыхъ монетъ. Здѣсь св. мощи источали многія чудеса, которыя и видѣлъ монахъ Николай, жизнеописатель святаго. (Четьи-Минеи. Исторія Аѳона еп. Порфирія Успенскаго ч. 3 §§ 3. 5. 14. 23).

ПР. ОТЦА НАШЕГО АРСЕНІЯ КОНЕВСКАГО.

Кто были родители Арсенія, и когда онъ родился — неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ происходилъ изъ Великаго Новгорода. Можно еще предполагать, что Арсеній воспитывался въ благочестивой и трудолюбивой семьѣ, гдѣ и пріучился соблюдать свято душевную и тѣлесную чистоту и пріобрѣлъ искуство выковывать мѣдные сосуды. Любя всемъ сердцемъ Господа и горя желаніемъ спасенія, онъ удалился въ обитель на Лисьей горѣ, не вдалекѣ отъ Новгорода, гдѣ въ 1379 году и былъ постриженъ въ иночество съ именемъ Арсенія. Здѣсь инокъ усердно и тщательно выполнялъ разныя послушанія, возлагаемыя на него, и своими суровыми подвижническими трудами пріобрѣлъ себѣ уваженіе отъ всей братіи. Прошло 11 лѣтъ и ревностный инокъ покинулъ Лисью обитель.

Въ 1384 году въ Новгородъ пришло нѣсколько аѳонскихъ иноковъ. Св. гора привлекала къ себѣ Арсенія, и онъ рѣшился посѣтить ее. Долго игуменъ не соглашался разстаться съ доблестнымъ инокомъ, но, наконецъ, уступилъ его слезнымъ мольбамъ, и Арсеній вмѣстѣ съ аѳонскими иноками благополучно прибылъ на св. гору. Поселившись здѣсь въ нѣкоторой обители, Арсеній, начиная отъ рубки дровъ и печенія хлѣбовъ, прошелъ по порядку всѣ монастырскія службы. Всякое порученіе русскій инокъ выполнялъ съ чрезвычайнымъ тщаніемъ и кротостію. Но вотъ стало извѣстнымъ игумену Іоанну, что Арсеній искусенъ въ ковкѣ сосудовъ изъ мѣди, и Арсенію была почти исключительно поручена эта работа. Св. инокъ трудился безмездно не только для своей оби-

тели, но многіе и другіе аѳонскія обители приносили ему мѣдь, и онъ всѣмъ охотно выполнялъ дѣлаемые ему заказы. Арсеній усердно трудился надъ ковкою сосудовъ въ продолженіи всего дня, а ночью становился на молитву и удѣлялъ только малую часть ея на отдыхъ, будучи крѣпокъ и мужественъ. Чтобы удобнѣе было удовлетворять нужды аѳонскихъ старцевъ, Арсеній, съ благословенія своего игумена, рѣшился обойти всѣ святогорскія обители. Три года обходилъ Аѳонъ Арсеній, трудясь на пользу монастырей и ради своего душевнаго спасенія. Стосковавшись по родинѣ и возъимѣвъ намѣреніе устроить обитель во славу Божіей Матери, Арсеній покинулъ Аѳонскую гору. На прощаніи игуменъ Іоаннъ далъ преподобному уставъ общежитія и икону Божіей Матери (см. о ней 10 іюля).

Въ 1393 году Арсеній возвратился въ Новгородъ и открылъ архіепископу Іоанну II о своемъ намѣреніи соорудить обитель, на что получилъ отъ святителя архипастырское соизволеніе. Посѣтивъ затѣмъ Лисій монастырь и принявъ благословеніе отъ своего игумена, Арсеній отправился странствовать по холодному сѣверу. Отправившись по рѣкѣ Волхову, Арсеній на пути посѣтилъ Валаамскій монастырь. Многолюдство братіи этого монастыря скоро наскучило преподобному, и онъ ушелъ въ уединенное мѣсто на островъ Коневецъ—въ Ладожскомъ озерѣ (въ 180 верстахъ отъ С.-Петербурга). Чтобы осмотрѣть болѣе отдаленные острова, Арсеній поплылъ далѣе по Ладожскому озеру, но былъ застигнутъ бурею и присталъ по рѣкѣ Вуоксу къ Городинскому погосту (въ настоящее время г. Кексгольмъ); буря прекратилась, Арсеній сѣлъ на челнокъ и направился на сѣверо-западъ озера, но волны снова взбушевались и поднявшійся силь-

ный вѣтеръ пригналъ лодку Арсенія къ Коневскому острову. Видя въ этомъ высшее указаніе на основаніе здѣсь обители, преподобный взошелъ на высокую гору, водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ себѣ небольшую келію. Много невзгодъ и лишеній вытерпѣлъ св. подвижникъ на холодномъ и дикомъ островѣ, живя въ уединеніи и подкрѣпляя свои душевныя силы постомъ и молитвою. Жизнь святаго инока была въ высшей степени полезна для береговыхъ жителей, которые пользовались островомъ для конскаго пастбища. Познакомившись съ однимъ рыбакомъ — Филиппомъ, преподобный узналъ отъ него, что есть на островѣ большой утесъ, называемый конь-камень, который въ древности былъ почитаемъ язычниками за нѣкоторое божество и которому ежегодно приносили въ жертву коня, чтобы въ цѣлости оставался ихъ скотъ; отъ этого и островъ прозванъ Коневскимъ. Съ тѣхъ поръ сохранился обычай у прибрежныхъ жителей перевозить свой скотъ на пустынный островъ, гдѣ свободно могъ пастись цѣлое лѣто, безъ всякаго страха отъ плотоядныхъ звѣрей, ибо ихъ тамъ не было. Рыбакъ указалъ и самый камень, наводящій ужасъ на прибрежныхъ жителей и считаемый ими за живое существо. Это былъ обыкновенный большой камень, который ужъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ нужды въ томъ конѣ, какого приносили ему въ жертву. Принесенный въ жертву конь обыкновенно погибалъ отъ голода въ какой-нибудь трущобѣ, и его обладатели напрасно думали, что онъ благосклонно принятъ въ жертву духами.

Цѣлую ночь Арсеній провелъ въ молитвѣ, прося Господа, чтобы Онъ отогналъ демонскую силу съ острова и вразумилъ суевѣрныхъ. На другой день взявъ аѳонскую икону Богоматери, преподобный отправился къ камню.

съ молитвою окропилъ его св. водою, и демонская сила— въ видѣ вороновъ—отлетѣла въ большую губу на Выборгскій берегъ, отчего это мѣсто и до настоящаго времени называется Чертова Лахта.

Между тѣмъ слава о святомъ подвижникѣ уже распространилась по окрестностямъ. Собрались къ нему ученики, и онъ въ небольшой бухтѣ на югозападномъ берегу острова построилъ во имя Рождества Богородицы деревянную церковь, келіи и ограду, положивъ такимъ образомъ начало Коневскому монастырю.

Прошло нѣсколько времени и Арсеній снова отправился на Аѳонъ испросить молитвъ и благословенія для основанной имъ обители. Въ его отсутствіе въ обители случилась большая скудость и нищета, братія сначала переносила недостатокъ, но потомъ упала духомъ, и многіе хотѣли уже оставить обитель. Тогда старецъ Іоакимъ, взошедъ на высоту острова, горячо молился Господу избавить братію отъ бѣдствій. Во снѣ явилась старцу Богоматерь и сказала: „Не скорби, старче, но скажи братіи, чтобы не расходилась съ мѣста сего, такъ какъ скоро будетъ къ вамъ самъ Арсеній, съ обиліемъ всего нужнаго для обители". Дѣйствительно, въ скоромъ времени преподобный возвратился и привезъ съ собою на двухъ судахъ богатые запасы всего нужнаго для обители. На высотѣ же, гдѣ молился Іоакимъ, поставленъ былъ крестъ, а впослѣдствіи были устроены часовня и скитъ.

Нерѣдко Коневскую обитель посѣщали Новгородцы, посѣщали ее и высокіе духовные лица, какъ-то—самъ Новгородскій архипастырь — Евѳимій (см. 11 марта). Прежде архипастырь былъ игуменомъ Лисьяго монастыря и подъ его руководствомъ восходилъ Арсеній по степенямъ духовнаго совершенства. Питая къ ревностному

подвижнику искреннюю привязанность. Евоимій, теперь уже въ санѣ святительскомъ, рѣшился посѣтить обитель, устроенную его прежнимъ ученикомъ. Онъ нѣсколько дней пробылъ въ ней, даровалъ ей богатую милостыню, а самому Арсенію подарилъ въ знакъ духовной дружбы свой клабукъ. Это посѣщеніе владыки было радостнымъ событіемъ для коневскихъ иноковъ, и они въ честь его тотъ заливъ, гдѣ встрѣчали и провожали святителя, назвали Владычною лахтою *).

Въ 1421 году сдѣлалось сильное наводненіе на Коневскомъ островѣ и смыло нѣкоторыя постройки обители. Опасаясь на будущее время еще большаго несчастія, Арсеній рѣшился перенести обитель на болѣе удобное мѣсто. Архіепископъ Евоимій одобрилъ намѣренія Арсенія и много помогалъ ему при устроеніи новой обители. Мѣстомъ для этой обители выбрано то самое, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время. Здѣсь была выстроена каменная церковь—во имя Рождества Богородицы, сооружены деревянныя келіи, и все это было обнесено оградою.

Еще болѣе послѣ этого стали посѣщать обитель благочестивые Новгородцы, доставляя ей средства къ пропитанію, причемъ особенно богато одарилъ милостынею новгородскій бояринъ Михаилъ Кобылка.

Всѣхъ благочестивыхъ посѣтителей Арсеній радушно принималъ въ своей келіи и, слѣдуя правиламъ гостепріимства, не отпускалъ безъ угощенія. Это смущало нѣкоторыхъ изъ братій, и прозорливый старецъ Симонъ, чтобы устранить соблазнъ, сказалъ Арсенію, что бѣсы

---

*) Въ настоящее время этотъ заливъ, уже давно занесенный пескомъ и камнями, поросъ травою, но все-таки еще сохранилъ свое историческое названіе.

радуются, когда онъ угощаетъ міряпъ въ своей келіи. Преподобный внялъ словамъ старца и сталъ предлагать угощеніе посѣтителямъ не иначе, какъ въ братской трапезѣ.

Въ заботахъ и трудахъ по устроенію монастыря, въ суровыхъ подвигахъ иночества, пр. Арсеній дост[illegible]ь глубокой старости. Передъ своей кончиной онъ созвалъ свою братію, преподалъ ей отеческое наставленіе, поставилъ въ игумена Іоанна и на рукахъ любящей братіи 12 іюня 1444 году предалъ духъ свой Господу. Братія со слезами похоронила тѣло св. Арсенія подъ церковною папертью, гдѣ впослѣдствіи устроенъ придѣлъ во имя св. Онуфрія. Почитаніе пр. Арсенія началось вскорѣ послѣ его кончины. Еще больше прославился преподобный, когда стали совершаться имъ различныя знаменія и чудеса. Такъ въ осеннее время, однажды, старецъ Моисей отправился на озеро съ монастырскими рыбаками для ловли рыбы. На обратномъ пути ихъ застигла буря. Въ это время озеро было уже покрыто раннимъ льдомъ, подъ которымъ и предстояла опасность рыбакамъ быть потопленными. Испуганные ловцы обратились съ просьбою о помощи къ пр. Арсенію. Явился чудный старецъ, осѣнилъ ихъ мантіей и лодка благополучно пристала къ берегу. Въ другой разъ пр. Арсеній явился одному новгородскому старцу, который былъ лишенъ зрѣнія и повелѣлъ идти въ Коневскій монастырь на поклоненіе Богоматери. Старецъ исполнилъ повелѣніе преподобнаго и прозрѣлъ. Точно также получилъ исцѣленіе при гробѣ св. Арсенія коневскій инокъ Леонтій, разслабленный всѣми членами. Св. Арсеній и въ послѣдующее время не оставлялъ находящихся въ несчастіи. Въ 1573 году попалъ въ плѣнъ къ шведамъ нѣкто Аѳанасій. Чудный голосъ сказалъ ему: „если хочешь получить свободу, возьми съ собою образъ

Спасителя, найденный здѣсь". Уплывши на лодкѣ по морю, Аѳанасій вмѣстѣ съ другимъ плѣнникомъ заснулъ. Оба они увидѣли во снѣ пр. Арсенія, который имъ сказалъ: „встаньте! по морю плыветъ змій". Дѣйствительно, пробудившись, плѣнники увидали нѣмецкое судно и во время успѣли избѣгнуть опасности.

Помогая бѣдствующимъ и страждущимъ, пр. Арсеній послѣ своей кончины не оставилъ и созданную имъ обитель, которая, по его ходатайству предъ Господомъ, существуетъ и до настоящаго времени.

Въ 1842 году игуменъ Коневскаго монастыря Амфилохій устроилъ преподобному серебряную раку. На ея крышкѣ, сверху, вычеканено изображеніе угодника, представляющее его усопшимъ. Преподобный представленъ въ облаченіи священника, а на главѣ его изображенъ вѣнецъ съ надписью: „Святый Боже". (Истор. слов. о рус. свв. Ист. рос. іер. 4. 616—618. Истор. обозрѣніе о началѣ Конев. обители. Рус. свв. Филарета арх. Черниг.).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПР. ОНУФРІЯ МАЛЬСКАГО.

Онуфрій Мальскій, по рукописнымъ святцамъ, называется новымъ чудотворцемъ. Въ Малахъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Изборска и въ 56-ти отъ Пскова, онъ основалъ обитель въ честь Рождества Богородицы. Скончался преподобный 12 Іюня 1592 года. Въ 1764 году Мальская обитель упразднена, и храмъ обращенъ въ приходскій. Въ этомъ храмѣ и почиваютъ мощи пр. Онуфрія подъ спудомъ, причемъ къ этому же храму пристроенъ придѣлъ въ честь имени преподобнаго. (Рус. свв. Филарета, арх. черниговъ).

ПАМЯТЬ ПРЕПП. ОНУФРІЯ И АВКСЕНТІЯ ВОЛОГОДСКИХЪ.

Жизнь и подвиги препп. Онуфрія и Авксентія остались неизвѣстны. По рукописному описанію святыхъ Вологодскихъ, препп. отцы Онуфрій и Авксентій, иже въ Перцовой пустыни, быша въ 7007 (1499) г. Въ этомъ, именно, году преподобные основали въ 35 верстахъ отъ Вологды пустынь съ храмомъ Св. Троицы, гдѣ первыми и поселились они въ этой, тогда крайне безмолвной и необитаемой лѣсной, мѣстности, терпѣливо совершая всякаго рода иноческіе подвиги. Основанная преподобными обитель въ 1588 году была приписана къ Корниліеву монастырю. Въ 1764 году была совсѣмъ упразднена и сдѣлана приходскимъ храмомъ, гдѣ и покоятся подъ спудомъ мощи препп. Онуфрія и Авксентія (Русс. свв. Филарета, арх. Черниг.)

Свв. Іоаннъ, Андрей, Ироклямвонъ и Ѳеофилъ подвизались въ Египтѣ въ 4-мъ вѣкѣ.

Монастырь пр. Іуліана, игумена, по греческимъ минеямъ, былъ въ Ливѣ въ Дагазовыхъ. Лива была константинопольское предмѣстіе со стороны Фракіи. Имя свое оно получило отъ Лива, сановника при Львѣ мудромъ (886-912). Этотъ сановникъ построилъ храмъ Богородицы въ Марсодагарѣ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2. Замѣт. стр. 166).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПР. СТЕФАНА ОЗЕРСКАГО.

Пр. Стефанъ происходилъ отъ благочестивыхъ и знатныхъ родителей. Его отецъ находился на службѣ у князей Бородатыхъ,—отрасли князей ярославскихъ. Готовя сво-

его сына въ придворные, отецъ Стефана далъ ему приличное образованіе. Однако Стефанъ не чувствовалъ расположенія къ придворной службѣ, но увлекаясь разсказами о строгой подвижнической жизни пр. Діонисія (1 іюня) и его иноковъ, тайно оставилъ родительскій домъ и принялъ иночество въ Глушицкомъ монастырѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и инокъ Стефанъ, съ соизволенія игумена, отправился странствовать по сѣвернымъ пустынямъ. Въ Тихвинской обители преподобный остановился, но многочисленность богомольцевъ, посѣщавшихъ эту обитель съ цѣлію поклоненія чудотворной иконѣ Божіей Матери, нарушала уединеніе Стефана и побудила его искать безмолвія въ родныхъ вологодскихъ предѣлахъ. При истокѣ рѣки Камецы, на восточномъ берегу Камельскаго озера, въ 35-ти верстахъ къ югу отъ г. Вологды, преподобный остановился. На этомъ мѣстѣ, окруженномъ болотами и дремучими лѣсами, построилъ онъ келію и часовню для двухъ иконъ—Божіей Матери и свят. Николая, взятыхъ имъ изъ Тихвинской обители и сталъ подвизаться, незнаемый людьми и вѣдомый Одному только Богу. Много невзгодъ и лишеній претерпѣлъ св. Стефанъ, живя въ безлюдномъ мѣстѣ. Онъ принесъ съ собою незначительный запасъ хлѣба, почему лѣтомъ и питался растеніями. Терпѣлъ преподобный и отъ людей: грубый рыболовъ, боясь что отшельникъ завладѣетъ рыбной ловлей на озерѣ, осыпалъ его бранью и оскорбленіями и всѣми силами старался досадить и заставить его уйдти отсюда, возмущая его святую жизнь пѣніемъ неприличныхъ пѣсенъ. Когда хлѣбъ у преподобнаго истощился, то ему грозилъ голодъ. Но Господь не оставилъ отшельника Своею помощію. Спустя два года, его встрѣтили два звѣролова и по-братски раз-

дѣлили съ нимъ свой запасъ продовольствія. Они же указали Стефану тропу, которая вела къ белозерской дорогѣ и деревнямъ, что давало ему возможность, въ случаѣ крайней нуждѣ, получить помощь въ близь лежащихъ селеніяхъ. Звѣроловы и впослѣдствіи не оставляли преподобнаго своимъ посѣщеніемъ и разсказали другимъ о его мѣстѣ жительства.

Незасоряемый суетными мірскими попеченіями и очищаемый подвигами самоотреченія, духъ преподобнаго сталъ способенъ и къ созерцанію міра духовнаго. Однажды, въ лѣтнюю ночь, Стефанъ молился въ своей часовнѣ предъ иконами Божіей Матери и Святителя Николая. Вдругъ чудный свѣтъ озарилъ мѣсто молитвы и, взамѣнъ изображеній на иконѣ, какъ живые, предстали предъ Стефаномъ Богоматерь и угодникъ Божій Николай. Неизъяснимыя глубокія чувства взволновали душу Стефана, и онъ упалъ передъ великимъ явленіемъ. Между тѣмъ святитель Николай умолялъ пречистую Дѣву благословить мѣсто это для обители, и Матерь Божія сказала отшельнику, чтобы онъ соорудилъ храмъ въ честь св. Николая и самъ сталъ во главѣ вновь устроенной обители, послѣ чего видѣніе исчезло.

Дѣйствительно, вскорѣ подлѣ пр. Стефана стали собираться иноки и селились вблизи его келіи. Явилась нужда въ храмѣ, и Стефанъ вмѣстѣ съ однимъ изъ иноковъ отправился въ Москву къ митрополиту за благословеніемъ на построеніе храма и обители. Митрополитъ Даніилъ, зная о высокихъ достоинствахъ Стефана, съ любовію встрѣтилъ его, поселилъ въ одной изъ своихъ келій и представилъ его великому князю Василію Іоанновичу. Св. Стефанъ былъ посвященъ въ санъ священника и потомъ поставленъ игуменомъ во вновь устроя-

емую обитель. Получивъ отъ митрополита благословенную грамату и всю нужную утварь, а отъ великаго князя грамоту на земли и угодія для содержанія братіи, св. Стефанъ отправился къ своей братіи и съ радостію былъ встрѣченъ ею. Приступлено было къ построенію обители, которая и окончена была въ 1534 году

Достигнувъ глубокой старости, постоянно проводя время въ иноческихъ подвигахъ, преподобный скончался. Передъ смертію онъ, при помощи своихъ учениковъ, облачился въ погребальныя ризы и, приведенный братіею въ церковь, принялъ Св. Тайны, послѣ чего снова возвратился въ свою келію и легъ на одръ. Съ слѣдующимъ днемъ не стало уже преподобнаго. Это произошло 12 іюня 1542 года.

Уже вскорѣ послѣ кончины св. Стефана, благочестивые люди видѣли надъ его могилой горящія свѣчи. Ознаменовалась святость Стефана и другими чудесами. Однажды по торговымъ дѣламъ плылъ озеромъ вологодскій купецъ—Гавріилъ, поднялась буря, и волны грозили затопить лодку. Ужасъ объялъ Гавріила, и онъ прибѣгнулъ съ просьбою о помощи къ Богу. Молился Гавріилъ многимъ угодникамъ Божіимъ, призывалъ на помощь и св. Стефана. Вдругъ въ его лодкѣ на кормѣ появился свѣтолѣпный старецъ и сказалъ: „не бойся сынъ смиренія! Внялъ Господь твоей молитвѣ и послалъ меня избавить тебя отъ потопленія! „Еще болѣе испугался Гавріилъ видѣнія и спросилъ явившагося: „кто ты?" „Развѣ ты забылъ, сколько милостыни подавалъ въ обитель святителя Николая, что на озерѣ Камельскомъ, и мнѣ,—ея смиренному строителю, Стефану?" отвѣтилъ старецъ и скрылся. Послѣ этого буря утихла, и Гавріилъ благополучно достигъ берега.

Въ 1542 году татары разорили обитель св. Стефана и сожгли церковь, но братія впослѣдствіи собралась снова и построила новую деревянную церковь уже на гробѣ св. Стефана. На гробницѣ камельскаго праведника, по свѣжей памяти, было написано его изображеніе, точно также поставленъ былъ и другой образъ святаго въ новоустроенномъ храмѣ. По подлиннику: „Стефанъ святый, иже на озерѣ строитель Николы Чудотворца, надсѣдъ, брода съ малою сѣдиною". Прошло два столѣтія, и деревянная церковь обветшала. И вотъ въ 1753 году воздвигнута была на ея мѣстѣ новая каменная, въ два этажа. Верхній этажъ былъ посвященъ въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери и св. Николая, а нижній — въ честь св. Стефана, здѣсь же подъ спудомъ почиваютъ и его мощи.

Въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ, по указомъ Св. Синода отъ 30 апрѣля 1860 года снова возстановленъ и обращенъ въ женскую обитель, которая была приписана къ вологодскому Успенскому дѣвичьему монастырю. Ежегодно въ день памяти святаго Стефана, 12 іюня, и до настоящаго времени въ его обители бываетъ громадное стеченіе богомольцевъ. (Русс. свв. Филарета, арх. Черниг.).

ПРЕПП. ВАССІАНА И ІОНЫ СОЛОВЕЦКИХЪ.

Весна духовная, возсіявшая, благодаря Савватію и Зосимѣ, въ странѣ лютаго холода,—на островахъ Соловецкихъ, породила много живыхъ и прекрасныхъ цвѣтковъ, благоухающихъ святою и праведною жизнію. Къ числу такихъ живыхъ, прославленныхъ Богомъ цвѣтковъ, принадлежатъ и препп. Вассіанъ и Іона. Они подвизались

въ Соловецкой обители при св. игуменѣ Филиппѣ. Къ сожалѣнію подробности иноческой жизни Соловецкихъ угодниковъ остаются для насъ неизвѣстными, хотя, судя по нетлѣнію ихъ, можно несомнѣнно сказать, что они достигли высокой степени совершенства. Во время постройки соборнаго храма въ 1561 году св. Филиппъ послалъ Вассіана и Іону за известкой на твердую землю. При впаденіи Двины въ Бѣлое море, когда суда возвращались въ Соловецкій монастырь, поднялась буря, и волна поглотила Вассіана и Іону. Затѣмъ тѣла утонувшихъ были выброшены на восточный берегъ Унской губы, ихъ нашли крестьяне Унскаго посада и похоронили. Вскорѣ преподобные явились во снѣ старцу Сергіевой обители Мамонту, который управлялъ соляными варницами въ Унскомъ посадѣ, и онъ воздвигъ часовню надъ могилой потопленныхъ.

Затѣмъ подлѣ часовни въ келіи поселился отшельникъ. Стали приходить сюда и селиться другіе иноки, стали при мощахъ святыхъ совершаться и чудеса. Инокъ Ефремъ, построивъ храмъ, отправился за антиминсомъ въ Вологду, былъ убитъ ляхами, и, только спустя пять лѣтъ, храмъ былъ освященъ въ честь Преображенія Господня, и образовалась Пертоминская обитель. Преподобные Вассіанъ и Іона не оставляли своимъ покровительствомъ вновь устроенную обитель. Въ этой обители однажды чувствовался сильный недостатокъ въ кормѣ, нужнымъ для скота. Болѣе всѣхъ прискорбно было это для послушника Никиты, который горячо просилъ помощи у Господа. Ночью Никитѣ явились пр. Вассіанъ и Іона и сказали: „ты призывалъ насъ, но насъ не было въ обители: мы промышляли сѣно для скота, Богъ посылаетъ тебѣ довольно сѣна,—не скорби; скажи братіи:

сѣно куплено и пусть пошлютъ въ ближнія поселенія". Дѣйствительно, братія послали въ Унскую волость и купили почти 90 возовъ за самую дешевую цѣну, — по 6-ти денежекъ за возъ.

Въ 1691 году въ Пертомской обители былъ выстроенъ каменный храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, гдѣ и почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобныхъ Вассіана и Іоны. Въ эту обитель приплылъ Петръ I, спасаясь отъ бури, которая застигла его на пути изъ Соловецкой обители въ Архангельскъ. Проживъ здѣсь три дня, царь самъ своими руками устроилъ огромный крестъ съ голландскою надписью: „сей крестъ поставилъ каппитанъ Петръ въ лѣто 1697". Взявъ его на свои плеча, Петръ I отправился на берегъ, гдѣ и водрузилъ его на память потомству (Русс. свв. Филарет, арх. Черниг.).

13-е число.

Св. муч. Акилины. Св. Трифиллія, еп. Левкусіи кипрскія. Пр. Матери Анны *) и сына ея Іоанна. Св. муч. Антонины.

(Пр. Іакова, поклонившагося антихристу. Антипатра, еп. Бостры въ 5 вѣкѣ. 10,000 муч. мечемъ. Мучен. Діодора изъ Ежеса распятаго. Преставленіе пр. Андроника Московскаго. Пр. Саввы, ученика пр. Андроника).

СВ. МУЧЕНИЦЫ АКИЛИНЫ.

Съ самыхъ временъ апостольскихъ въ палестинскомъ городѣ Вивласѣ (или Вивлѣ) жили христіане. Въ концѣ третьяго вѣка въ одномъ, живущемъ здѣсь, христіанскомъ семействѣ родилась дочь, которую назвали Акилиною. На шестомъ мѣсяцѣ отъ рожденія Акилина была крещена. Черезъ годъ, послѣ рожденія Акилины, ея отецъ померъ, и мать воспитала свою дочь въ христіанскомъ благочестіи, наставивъ ее въ вѣрѣ и пріучивъ къ добродѣтельной жизни.

Труды и заботы матери о воспитаніи своего дитяти принесли скоро благіе плоды. Усвоивъ истины Христовой вѣры и горячо возлюбивъ своего Спасителя, Акилина, еще будучи десяти лѣтъ, съ прискорбіемъ смотрѣла на идолопоклонство. И вотъ нерѣдко среди своихъ сверстницъ-язычницъ она старалась пролить свѣтъ Христовой истины, увѣщая ихъ познать истиннаго Бога.

*) Пр. Анна есть одно и тоже лице съ Анною, подвизавшеюся подъ именемъ Евѳиміаніи (см. 29 октября).

„За чѣмъ, говорила имъ отроковица, молитесь вы безчувственнымъ идоламъ? Или вы не знаете, что въ нихъ нѣтъ ни чувства, ни жизни и что вы напрасно надѣетесь на нихъ?“ На вопросъ же сверстницъ, какого Бога почитаетъ она, Акилина говорила: „Я почитаю Единаго, Истиннаго Бога, Создателя неба и земли, и моря, и всего, что въ нихъ находится. Мой Богъ помогаетъ и близокъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него“. Когда же сверстницы Акилины указывали ей на то, что ея Богъ распятъ былъ іудеями и умеръ, то она отвѣчала: „Онъ Самъ воскресъ изъ мертвыхъ, Своею кровію искупилъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него и даруетъ имъ жизнь вѣчную“. Эта проповѣдь юной христіанки принесла ей тяжелыя страданія. Однажды разговоръ Акилины съ сверстницами подслушалъ одинъ изъ слугъ намѣстника и донесъ объ немъ своему господину.

Въ то время, по приказанію Діоклитіана, по всей Римской имперіи преслѣдовали исповѣдниковъ Христовыхъ. Юная Акилина была взята и представлена намѣстнику Волусіану. Волусіанъ приказывалъ ей принести жертву идоламъ, Акилина отказывалась. Волусіанъ сталъ угрожать муками и потомъ смертію, но и это не привело ни къ чему. Тогда, по повелѣнію мучителя, юную христіанку били по лицу, обнажили и, поваливши на землю, продолжали осыпать ударами ея тѣло. „Гдѣ теперь Богъ твой? издѣвался при этомъ мучитель, — пусть Онъ придетъ сюда и отниметъ тебя отъ рукъ моихъ?“ Но святая дѣвица отвѣчала: „чѣмъ больше я страдаю, тѣмъ болѣе Господь подаетъ мнѣ крѣпости и терпѣнія“. Намѣстникъ хотѣлъ было дать исповѣдницѣ нѣсколько дней на размышленіе, но она съ полной увѣренностію въ своей непоколебимости объявила ему, что отсрочка эта ни къ чему не поведетъ. Эта твердость Акилины взбѣсила му-

чителя, и онъ повелѣлъ провертѣть ей разженнымъ желѣзомъ голову.

Мученіе ужасное и невыносимое! И св. страдалица, какъ мертвая, упала на землю, послѣ чего ее выбросили за городъ. Пришла ночь и къ св. Акилинѣ явился Ангелъ Господень, коснулся ея и сказалъ: „Встань, будь здорова и иди обличить Волусіана“. Акилина встала и горячо благодарила Господа за исцѣленіе. Когда она шла въ городъ, его ворота сами собою отворились передъ нею. Безпрепятственно потомъ мученица подошла къ дворцу намѣстника, взошла въ его спальную и стала передъ нимъ. Волусіанъ проснулся и увидѣлъ св. Акилину. Ужасъ объялъ его, и онъ крикнулъ своимъ слугамъ, которыхъ и спросилъ о видѣніи. Это воистину Акилина, которую ты мучилъ и велѣлъ бросить за городъ на съѣденіе псамъ. Волусіанъ повелѣлъ стеречь святую до слѣдующаго дня, и когда наступилъ этотъ день, повелѣлъ отсѣчь ей за городомъ голову. Когда привели Акилину на мѣсто казни, то она тотчасъ же скончалась, однако палачъ, исполняя волю намѣстника, все-таки отсѣкъ ей, уже умершей, голову. Мученическая кончина Акилины произошла въ 293 году, когда ей было только еще 12 лѣтъ отъ рожденія. Св. мощи или часть ихъ перенесены были въ Константинополь и память ихъ торжественно совершалась въ храмѣ ея близъ Форума и цистерны или водоема Филоксенова. Св. Іосифъ пѣснописецъ въ канонѣ, посвященномъ св. Акилинѣ, говоритъ о св. мощахъ ея и о чудесахъ отъ нихъ совершаемыхъ. Въ Константинополѣ издавна во имя св. Акилины былъ храмъ; въ царствованіе Іустиніана, въ 532 году онъ сгорѣлъ, но былъ возстановленъ и существовалъ въ 12 вѣкѣ, какъ говорится о томъ въ стишномъ прологѣ (Четьи-

Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т. 2 Замѣт. стр. 166—167).

СВ. ТРИФИЛЛІЯ, ЕП. ЛЕВКУСИИ КИПРСКІЯ.

Св. Трифиллій родился въ Константинополѣ и по смерти отца отправился въ Іерусалимъ, гдѣ у него возродилось желаніе посвятить себя Богу. Въ то время на островѣ Кипрѣ славился святитель Спиридонъ Тримиѳунтскій. Наслышавшись объ его строго воздержной жизни и о творимыхъ имъ чудесахъ, Трифиллій отправился въ Кипръ, сдѣлался ученикомъ св. Спиридона и научился отъ него христіанской мудрости. Впослѣдствіи св. Трифиллій поставленъ былъ въ епископы Левкусіи, называемой еще Ледрами, и при этомъ поставленъ былъ не безъ Божія соизволенія. Сильно заболѣлъ сынъ Константина Великаго—Констанцій. Призваны были врачи, но ихъ усилія были напрасны. Царь обратился за помощію къ Господу. Во снѣ онъ увидѣлъ Ангела, который указывалъ царю на предстоящихъ свв. епископовъ, отмѣтивъ между ними двоихъ, какъ имѣющихъ силу его исцѣлить. Въ воспоминаніи царя остались только лица святителей, но ихъ имена и мѣсто ихъ жительства были ему неизвѣстны. Царь повелѣлъ собрать окрестныхъ епископовъ, но между ними не оказалось тѣхъ, которые указаны ему Ангеломъ, какъ цѣлители. Призваны были епископы и изъ болѣе отдаленныхъ странъ, но и между ними не нашли нужныхъ для царя. Тогда Констанцій приказалъ собрать епископовъ со всѣхъ странъ. Царское повелѣніе пришло и на островъ Кипръ къ св. Спиридону. Взявъ съ собою своего ученика Трифиллія, Спиридонъ отправился къ царю. Святитель былъ одѣтъ въ худыя одежды, съ финиковымъ жезломъ въ рукахъ, въ

ветхой митрѣ на головѣ и съ глиняннымъ сосудомъ. навѣшеннымъ на груди, по обычаю живущихъ въ Іерусалимѣ и носившихъ въ этомъ сосудѣ масло отъ св. креста. Когда. такъ бѣдно одѣтый. святитель входилъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ во дворецъ, то слуги преградили ему входъ. и одинъ изъ нихъ даже ударилъ по щекѣ св. Спиридона. Святитель. по слову Господа, подставилъ ему другую щеку. Слуга узналъ. что это былъ епископъ и. упавши къ ногамъ его. просилъ прощенія за свой легкомысленный поступокъ. Незлобивый святитель простилъ слугу и отправился въ царскіе покои. Едва царь увидѣлъ входившихъ. какъ тотчасъ же узналъ въ нихъ тѣхъ епископовъ, на которыхъ указалъ ему Ангелъ. хотя Трифиллій еще не былъ епископомъ. Со слезами на глазахъ Констанцій просилъ исцѣленія у вошедшихъ. и святитель Спиридонъ, коснувшись рукою царя, подалъ ему здравіе. Обрадованный царь весь день пробылъ вмѣстѣ съ св. Спиридономъ и его ученикомъ. Великолѣпіе царскихъ покоевъ, блескъ и пышность вельможъ. окружающихъ царя. нарядныя одѣянія слугъ—все это удивляло Трифиллія и поражало его. Замѣтя это. Спиридонъ сказалъ ему: „зачѣмъ удивляешся. братъ? Развѣ блескъ и роскошь. окружающіе царя. дѣлаютъ его праведнѣе другихъ? И царь, какъ и каждый нищій. умираетъ и предается погребенію. Подобно каждому человѣку и царь долженъ будетъ предстать на страшный судъ Господа. Зачѣмъ считать скоро-преходящее вѣчнымъ. Лучше нужно искать невещественныхъ и вѣчныхъ благъ и любить никогда не погибающую небесную славу".

Въ скоромъ времени сбылось видѣніе царя, въ которомъ св. Трифиллій былъ ему явленъ въ одѣяніи епископскомъ: ученикъ св. Спиридона. дѣйствительно, былъ

поставленъ епископомъ города Левкусіи, на островѣ Кипрѣ. И принявъ высокій духовный санъ, Трифиллій не переставалъ пользоваться наставленіями Спиридона, которыя принесли много пользы епископу Левкусіи.

Разсказываютъ, что оба святителя шли однажды по мѣстности, гдѣ повсюду были раскиданы прекрасные сады и богатые виноградники. Эта мѣстность такъ понравилась Трифиллію, что онъ мысленно рѣшился пріобрѣсти ее для своей церкви и наслаждаться ея прелестями и красотами. Тайное желаніе Трифиллія не укрылось отъ прозорливаго его наставника—Спиридона. „Зачѣмъ, сказалъ онъ, стремиться къ суетному! Зачѣмъ желать имѣній и виноградниковъ? Зачѣмъ пріобрѣтать ихъ, когда это пріобрѣтеніе не имѣетъ ни какой цѣны предъ Господомъ! Наше богатство на небесахъ! Тамъ наша нерукотворенная храмина! Ее и нужно искать. Къ пріобрѣтенію нескончаемаго небеснаго наслѣдства и должно стремиться".

Мудрыя и сердечныя наставленія св. Спиридона не были безплодны. Онѣ глубоко западали въ сердцѣ Трифиллія и, руководимый Спиридономъ, епископъ Левкусіи достигъ высокой степени нравственнаго совершенства: имѣлъ милостивую любовь, чистую вѣру, соблюдалъ дѣвство и отличался удивительнымъ воздержаніемъ и суровою жизнію. Просвѣщая свою паству и мудро управляя ею, святитель Трифиллій построилъ монастырь на средства своей матери, которая тоже посвятила себя Богу. Есть извѣстіе, что въ 347 году св. Трифиллій участвовалъ на сардикійскомъ соборѣ. Уже въ глубокой старости, около 370 года, св. Трифиллій скончался. Блаженный Іеронимъ говоритъ о немъ: „Трифиллій, епископъ Кипрскій Ледренскій, краснорѣчивѣйшій въ своемъ

вѣкѣ и славнѣйшій при Констанціѣ; я читалъ его толкованія на Пѣснь Пѣсней; говорятъ, онъ составилъ и многое другое, что до насъ не дошло". Написалъ еще св. Трифиллій жизнь съ чудесами своего учителя Спиридона Тримифунтскаго ямбическими стихами, которую хвалитъ Свида, но которая до насъ не дошла.

Спустя долгое время, по кончинѣ св. Трифиллія, Сарацины, напавшіе на Критъ при императорѣ Ираклѣ, около 640 года, думая найдти въ гробницѣ его сокровища, нашли нетлѣнное его тѣло, какъ бы уснувшаго, отсѣкли ему главу и истекла кровь. Это не остановило нечестивыхъ: они предали огню св. его мощи, но онѣ не сгорали, пока одинъ изъ варваровъ не сказалъ: „во имя Іисуса Христа твоего предайся сожженію". Впрочемъ часть ихъ и полусожженная глава сохранились. Онѣ открываются вѣрующимъ въ освященіе 3 Мая.

Игуменъ Даніилъ, бывшій въ началѣ 12 вѣка на островѣ Кипрѣ, видѣлъ мощи св. Трифиллія (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2. Замѣт. стр. 167).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПР. АНДРОНИКА МОСКОВСКАГО.

Посѣтивъ однажды обитель св. Сергія, св. Алексій обратился къ чудотворцу съ такими словами: „возлюбленный! Хочу просить одно благодѣяніе у твоей духовной любви ко мнѣ!" „Ничто, отвѣчалъ св. Сергій, не возбранено въ моей обители для твоей святыни". Тогда святитель сказалъ: „Хочу, чтобы ты далъ мнѣ одного изъ твоихъ учениковъ: я намѣренъ съ помощію Божіею построить монастырь, въ исполненіе обѣта моего. Когда плылъ я изъ Царьграда, поднялась великая буря на морѣ, такъ что корабль сокрушался отъ волнъ, и мы

всѣ отчаялись въ жизни. Тогда далъ я обѣтъ соорудить храмъ въ честь того праздпества, въ какое счастливо достигнемъ пристани. Море улеглось, и мы вошли въ пристань 16 Августа. По тому положилъ я устроить обитель въ честь Нерукотворенной иконы Спасителя; приспѣло время исполнить обѣщаніе". „Доброе дѣло! сказалъ пр. Сергій,—да дастъ тебѣ Господь выполнить его! А все, чего потребуешь отъ сына твоего, готово предъ тобою". Въ то время въ Москвѣ особенно славился одинъ изъ учениковъ пр. Сергія — Андроникъ. Онъ происходилъ изъ города Ростова и подъ руководствомъ св Сергія воспиталъ себя для иноческой жизни, такъ что былъ любимымъ ученикомъ великаго наставника. И вотъ, святитель, наслышавшись о богоугодной подвижнической жизни Андроника, сталъ просить его у Сергія для основанія новой обители. Какъ ни дорогъ былъ Андроникъ пр. Сергію, однако онъ отпустилъ его со святителемъ Алексіемъ въ Москву. Прибывъ въ царствующій градъ, Алексій поручилъ Андронику устроить храмъ и обитель па рѣчкѣ Яузѣ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Батыемъ произошла кровопролитная битва. Самъ Сергій приходилъ молиться на избранномъ мѣстѣ за будущую обитель, которая въ 1361 году и была устроена пр. Андроникомъ вмѣстѣ съ храмомъ во имя Всемилостиваго Спаса.

Будучи строгимъ постникомъ, пр. Андроникъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался удивительною кротостію, глубокимъ смиреніемъ и трудолюбіемъ. И до настоящаго времени цѣлъ тотъ колодезь, который выкопалъ самъ Андроникъ, во 100 саженяхъ отъ обители. Въ обители, по благословенію св. Сергія, было введено общежитіе. Принимая во вниманіе строго воздержную жизнь пр. Андроника, многіе

приходили въ его обитель поучаться въ законѣ Божіемъ и принимали здѣсь иночество. Бывшій наставникъ пр. Андроника—св. Сергій не оставлялъ его своими посѣщеніями и подкрѣплялъ его въ подвигахъ благочестія и въ заботахъ по управленію монастыремъ. По преданію, пр. Сергій, отправляясь однажды въ дальній путь, зашелъ поклониться образу Спаса и при прощаніи долго бесѣдовалъ съ Андроникомъ, почему на мѣстѣ прощанія этихъ угодниковъ Божіихъ, по пути во Владиміръ, впослѣдствіи была поставлена часовня. Нѣсколько позже, въ 1371 году, обитель Андроника посѣтили для молитвы передъ иконою Спаса святитель Алексій и великій князь Димитрій, котораго святитель провожалъ до рѣки Оки, на пути его къ Дону. Подъ руководствомъ дѣятельнаго настоятеля духовная жизнь въ Андрониковой обители процвѣтала. По словамъ пр. Іосифа Волоколамскаго, святый Андроникъ сіялъ великими добродѣтелями. Съ нимъ жили ученики его—Савва и Александръ—чудные, знаменитые иконописцы,—Даніилъ и ученикъ его Андрей и многіе другіе таковые же. Суровое подвижничество и строгій постъ—вотъ отличительныя черты иконописцевъ. Ничто земное и тлѣнное не занимало ихъ, но ихъ умъ и сердце, желанія и помышленія были обращены къ невещественному, Божественному свѣту, а тѣлесныя очи съ любовію и благоговѣніемъ смотрѣли на написанные вещественными красками лики Владыки Христа, Его пречистой Матери и остальныхъ святыхъ. Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, сидя на скамейкахъ и имѣя предъ собою честныя иконы, смотрѣли на нихъ неуклонно и исполнялись святою радостію и свѣтомъ. Такъ поступали они и въ другое время, когда не занимались писаніемъ иконъ. Потому Владыка Христосъ

прославилъ ихъ въ часъ смерти. Сперва преставился Андрей, потомъ заболѣлъ и спостникъ его Даніилъ и, будучи при послѣднемъ издыханіи, видѣлъ своего спостника Андрея въ великой славѣ, съ радостію приглашающаго его въ вѣчное и безконечное блаженство.

Насколько знамениты въ то время были живописцы Андрониковой обители, можно судить потому, что блаж. Андрей Рублевъ въ 1405 году расписывалъ стѣны придворнаго Благовѣщенскаго храма и писалъ его иконы; въ 1408 году онъ и Даніилъ украшали соборный храмъ во Владимірѣ. Они же украсили стѣнною живописью и Спасскій храмъ въ Андрониковой обители. Послѣдніе труды блаженныхъ были предприняты ими въ память пр. Сергія, по просьбѣ пр. Никона. „Преподобный, говорится въ лѣтописи, поспѣшно собираетъ живописцевъ, мужей отличныхъ, совершенныхъ въ добродѣтели: Даниила, спостника его Андрея и ихъ помощниковъ, (поспѣшно совершаетъ онъ дѣло потому, что предвидѣлъ скорое преставленіе тѣхъ живописцевъ, какъ это и было по окончаніи дѣла); при помощи Божіей они усердно принялись за дѣло и весьма украсили разными чудными изображеніями, изумляя по нынѣ всѣхъ этимъ конечнымъ трудомъ своимъ. Преподобные, оставивъ память о себѣ, спустя не много времени, въ доброй старости пріяли благій конецъ“. Судя по этому извѣстію, надо думать, что препп. Андрей и Даніилъ скончались не позже 1424 года. Ихъ духовный руководитель пр. Андроникъ преставился прежде ихъ. Въ глубокой старости, онъ, передавъ управленіе обителью ученику своему Саввѣ, въ безмолвіи готовился къ переходу въ другую жизнь. 13 Іюня 1395 года пр. Андроникъ скончался. Его мощи покоятся въ основанномъ имъ монастырѣ. Здѣсь же по-

чиваютъ мощи и св. Саввы, скончавшагося послѣ него, а равнымъ образомъ въ этомъ же монастырѣ погребены и блаж. живописцы Даніилъ и Андрей Рублевъ.

Царица Евдокія Θеодоровна построила въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ другую церковь, во имя Архистратига Михаила, для погребенія ея однофамильцевъ — Лопухиныхъ. Третья церковь въ этомъ монастырѣ построена надъ святыми воротами во имя Рождества Богородицы. (Русс. свв. Филарета арх. Черниг. Истор. росс. іер. 3. 94. 95. 96).

14-е число.

Св. пророка Елисея. Св. отца нашего Меθодія, патріарха цареградскаго.

(Пр. Іулитты. Пр. Пифонта Аθонскаго. Преставленіе благовѣрнаго князя Мстислава Георгія. Пр. Елисея Сумскаго).

СВ. ПРОРОКА ЕЛИСЕЯ.

Пророкъ Елисей, сынъ Сафата, родился въ 9-мъ вѣкѣ до Р. Х. въ Авелмаумѣ *), недалеко отъ Іордана. Сафатъ, отецъ Елисея, былъ человѣкъ богатый, особенно пастбищами и стадами. Когда Илія, по волѣ Божіей, пришелъ открыть Елисею его предназначеніе, онъ за-

*) Нѣкоторые географы относятъ этотъ городъ къ колѣну Рувимову, а другіе къ Манасіину. Думаютъ, что онъ стоялъ предъ Іорданомъ, въ 10 миляхъ отъ Скиθополя.

сталъ его на полѣ, которое онъ пахалъ двѣнадцатью парами воловъ отца своего. Илія приблизился къ Елисею и бросилъ на него свой плащъ (милоть). Это было знакомъ посвященія Елисея въ пророческую должность. Великое достоинство, которое Елисей такъ нечаянно получилъ, нисколько не измѣнило его. Новый служитель Божій прежде всего обратился съ просьбой къ Иліѣ, чтобы онъ позволилъ ему отлучиться къ отцу и матери. Для него какъ-будто недостаточно было благословенія великаго пророка Израилева, и онъ хотѣлъ еще получить благословеніе своихъ родителей прежде нежели оставить домъ ихъ. Исполнивъ эту благочестивую обязанность, Елисей послѣдовалъ за своимъ учителемъ и былъ въ послѣдствіи въ совершенномъ его распоряженіи. Между тѣмъ новый пророкъ прежде разлученія съ своими полями, которыя онъ съ такою любовію воздѣлывалъ, рѣшился исполнить священную обязанность. Онъ взялъ отцовскихъ воловъ, заклалъ и принесъ ихъ въ жертву Богу, потомъ на дровахъ изъ плуга своего испекъ ихъ и роздалъ народу. Послѣ этого онъ съ твердостію вступилъ въ свое высокое и трудное служеніе, исполненное тревогъ и лишеній. Въ самомъ дѣлѣ, пророки обязаны были являться къ царямъ и возвѣщать имъ волю Божію, а часто и грозный судъ правосуднаго Іеговы, когда они преступали законъ; и властители нерѣдко умерщвляли вдохновенныхъ посланниковъ, которые имѣли смѣлость обличать развратъ ихъ двора и возвѣщать имъ о наказаніи, которое заслуживали за свои преступленія. Елисей зналъ это; но не боялся ничего и смѣло послѣдовалъ за Иліею на Кармилъ. Пока Илія былъ на землѣ, Елисей постоянно былъ съ нимъ. Оба они вмѣстѣ погружались въ созерцаніе тайнъ Всемогущаго, вмѣстѣ молились,

вмѣстѣ путешествовали по странѣ. Чудная жизнь Елисея начинается съ того времени, какъ учитель его былъ взятъ на небо. Передъ своимъ чудеснымъ вознесеніемъ Илія желалъ уединиться. Отъ него не отходилъ Елисей. Оба они были въ Галгалѣ. Илія сказалъ Елисею: „останься здѣсь, потому что Господь посылаетъ меня въ Веѳиль". На это Елисей сказалъ: „какъ истинно то, что живъ Господь и жива душа твоя, такъ вѣрно и то, что я не отстану отъ тебя". Пошли въ Веѳиль. Тамъ ученики пророческіе, предъувѣдомленные откровеніемъ Божіимъ о взятіи Иліи отъ земли, вышли къ Елисею и говорятъ ему: „знаешь ли ты, что сегодня Господь вознесетъ господина твоего надъ главою твоею?" Онъ сказалъ: „знаю, молчите". И сказалъ ему Илія: „Елисей! останься здѣсь, потому что Господь посылаетъ меня въ Іерихонъ". Елисей отвѣчалъ: „живъ Господь и жива душа твоя! я не оставлю тебя". Такимъ образомъ они пошли вмѣстѣ. Пятьдесятъ человѣкъ изъ учениковъ пророческихъ издалека наблюдали за ними и увидѣли, какъ они оба остановились у Іордана. Илія снялъ съ себя плащъ, свернулъ его и ударилъ имъ по водѣ; вода разступилась на обѣ стороны, и они оба перешли по сухому дну. По переходѣ на другой берегъ, Илія сказалъ Елисею: „скажи, что бы я могъ сдѣлать для тебя, прежде чѣмъ буду взятъ отъ тебя?" Елисей не просилъ себѣ ничего земнаго, не просилъ себѣ онъ ни здоровья, ни долголѣтней и счастливой жизни, а просилъ сугубой благодати Св. Духа, бывшей въ пророкѣ Иліѣ, т. е. дара пророчества и дара чудотворенія. Илія сказалъ на это: „труднаго ты просишь, впрочемъ, прибавилъ онъ, если увидишь, какъ я буду взятъ отъ тебя, то это будетъ тебѣ, а если нѣтъ, не будетъ". Они продолжали идти

вмѣстѣ и разговаривали: и вотъ. огненная колесница и огненные кони раздѣлили ихъ другъ отъ друга, и Илія въ вихрѣ понесся на небо. Елисей смотрѣлъ и взывалъ: „Отецъ мой! Отецъ мой! колесница Израиля и всадники его!“ то есть: охрана и защита Израилю. Наконецъ онъ перересталъ его видѣть и, вѣроятно, на этотъ разъ подумалъ, что онъ не получитъ дара, о которомъ просилъ Илію, потому что, снявши съ себя одежду, разодралъ ее пополамъ. Но въ это время упала передъ нимъ милоть Иліи. Получивъ эту милоть, какъ знакъ того, что духъ Иліи остался на немъ, Елисей пошелъ назадъ къ Іордану и остановился на берегу рѣки. Волны препятствовали перейти на другую сторону, и человѣкъ Божій ударилъ по водамъ ризою своего учителя, но успѣха не было. Помолившись, Елисей ударилъ въ другой разъ, и вода остановилась, разступились волны и открыли чудотворцу путь по дну рѣки. Ученики пророческіе изъ Іерихона, которые издали видѣли это чудо, удостовѣрились, что духъ Иліинъ почилъ на Елисеѣ, пошли на встрѣчу ему и поклонились ему до земли, и съ этого времени смотрѣли на него съ благоговѣніемъ, какъ на своего учителя. Потомъ начали просить Елисея, чтобы онъ позволилъ поискать тѣла Иліи, въ томъ предположеніи, что Духъ Господень повергъ его на какой нибудь горѣ или въ дебри. Елисей говорилъ, что это будетъ напрасный трудъ; но они вынудили у него согласіе, и пятьдесятъ человѣкъ—цѣлыхъ три дня ходили по всѣмъ окрестностямъ и ничего не нашли. Это удостовѣрило, что Илія вознесенъ былъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ жилище блаженныхъ (4. Цар. 2. 1—18).

Елисей остановился въ Іерихонѣ. Жители города пришли къ нему и сказали: „вотъ, мѣстоположеніе на-

шего города хорошо, какъ и самъ ты видишь; но вода нехороша, а отъ нея и земля непроизводительна". Елисей, надѣясь на милость Божію, потребовалъ, чтобы принесли къ нему соли; потомъ пошелъ къ тому мѣсту, откуда бьютъ ключи и, высыпавши тамъ соль, сказалъ: „такъ говоритъ Господь:" —„Я исправилъ эти воды; онѣ уже не будутъ причиною смерти и безплодія". Послѣ этого воды сдѣлались здоровыми и плодотворными.

Изъ Іерихона Елисей отправился въ Веоиль. Предъ самымъ городомъ, на дорогѣ, встрѣтила его толпа дѣтей, которыя, не бывъ научены уважать старость и почитать пророковъ Господнихъ, смѣялись надъ нимъ и кричали: „ступай плѣшивый! ступай плѣшивый!" Елисей оглянулся. Осмотрѣвши ихъ пророческимъ взоромъ и не провидя въ нихъ ничего добраго, онъ проклялъ ихъ именемъ Божіимъ. Тогда выбѣжали изъ лѣса двѣ медвѣдицы и растерзали несчастныхъ дѣтей, которыхъ было сорокъ два. Это страшное наказаніе показываетъ, что всякое священное лице и всякій старецъ должны быть уважаемы всѣми безъ исключенія. Изъ Веоиля Елисей пошелъ на гору Кармилъ и оттуда возвратился въ Самарію (4. Цар. 2. 19—25).

По смерти Ахава, Моса̀ (Меса̀), царь моавитскій, отложился отъ царства израильскаго; именно, онъ не прислалъ царю израильскому дани, которую обыкновенно платилъ, и которая состояла изъ ста тысячъ агнцевъ и изъ рунъ, снятыхъ со ста тысячъ овновъ. Іорамъ—царь израильскій, который наслѣдовалъ брату своему—Охозіи, еще при жизни отца своего—Ахава, рѣшился принудить моавитянъ къ повиновенію. Онъ пригласилъ къ себѣ на помощь Іосафата, царя іудейскаго. Оба царя условились сдѣлать нападеніе на моавитянъ

съ южныхъ предѣловъ, изъ пустыни Идумейской. На походѣ присоединился къ нимъ и царь идумейскій. Пустившись въ обходъ черезъ пустыню, они блуждали по ней семь дней и ненаходили воды ни для войска, ни для скота, который былъ съ ними. Лагерь израильскій умиралъ отъ жажды. Видя себя въ крайней опасности, Іорамъ сказалъ: „о! Господь нарочно созвалъ сюда трехъ царей, чтобы предать во власть моавитянъ". Тогда Іосафатъ спросилъ: „нѣтъ ли здѣсь кого нибудь изъ пророковъ Господнихъ, чтобы чрезъ него могли мы узнать волю Божію". Одинъ изъ слугъ царя израильскаго сказалъ: „здѣсь находится Елисей, который подавалъ воду на руки Иліи".

Всѣ три царя отправились къ нему. Но Елисей сказалъ Іораму: „что у меня съ тобою общаго? ступай къ пророкамъ отца своего и къ пророкамъ матери своей". Елисей потому встрѣтилъ Іорама обличеніемъ, что онъ хотя и не кланялся Ваалу, но твердо придерживался идолослуженія, введеннаго Іеровоамомъ. „Свидѣтельствуюсь", продолжалъ пророкъ, „Господомъ воинствъ, Которому предстою, что если бы я не почиталъ Іосафата, царя іудейскаго, то не захотѣлъ бы и видѣть тебя". Послѣ этого, чтобы успокоить свой взволнованный духъ, Елисей потребовалъ музыканта. И въ то время, какъ музыкантъ игралъ, Елисей, по внушенію Духа, началъ пророчествовать. Онъ сказалъ: „вотъ что повелѣваетъ Господь: по всей этой долинѣ выкопайте рвы; потому что, такъ говоритъ Господь: вы не замѣтите ни вѣтра, ни дождя; и, не смотря на это, эта долина наполнится водою, которую будете пить вы и скотъ вашъ. И это легко предъ очами Господа; да и самихъ моавитянъ предастъ Онъ въ руки ваши". Дѣйствительно, на дру-

гой день, въ часъ утренней жертвы, увидали, что со стороны Идумеи течетъ вода, наполняетъ долину, и истомленная армія утолила свою жажду. Между тѣмъ моавитяне, узнавши, что на нихъ идутъ союзные цари, собрались всѣ, кто только могъ носить оружіе, и выступили къ предѣламъ своей земли. Въ это утро, когда Господь далъ воду въ пустынѣ по молитвѣ Елисея, они встали на разсвѣтѣ. Занявшаяся заря отразилась въ водахъ. Моавитяне вообразили, что пустынная равнина залита кровью. Всѣ полагали, что въ непріятельскихъ войскахъ произошло междоусобіе. Они въ безпорядкѣ бросились на добычу и вдругъ встрѣтились лицемъ къ лицу съ рядами войска готоваго вступить въ бой. Израильтяне поразили и разсѣяли моавитянъ, вторглись въ предѣлы ихъ, разрушили города и предали все опустошенію. Моса съ семью стами отважныхъ воиновъ покусился было пробиться сквозь войска непріятельскія, но не могъ. Съ отчаянія онъ взялъ перворожденнаго сына своего, наслѣдника престола, и принесъ его во всесожженіе на стѣнахъ послѣдняго города своего Кирхаресета. Это навело такой ужасъ на израильтянъ, что они отступили съ своими союзниками и возвратились въ свою землю. (4. Цар. 3. 1—27).

Служеніе пророка Елисея ознаменовано было необычайными чудесами; уже одна многочисленность ихъ показывала, что духъ Иліи почилъ на немъ въ сугубомъ обиліи. Писатель книги Царствъ передаетъ эти чудеса въ слѣдующемъ порядкѣ.

Разъ одна вдова пророческаго ученика съ горестію говорила Елисею: „рабъ твой, мой мужъ, умеръ; а ты знаешь, что онъ былъ человѣкъ богобоязненный. Теперь заимодавецъ его хочетъ взять двухъ сыновей моихъ себѣ

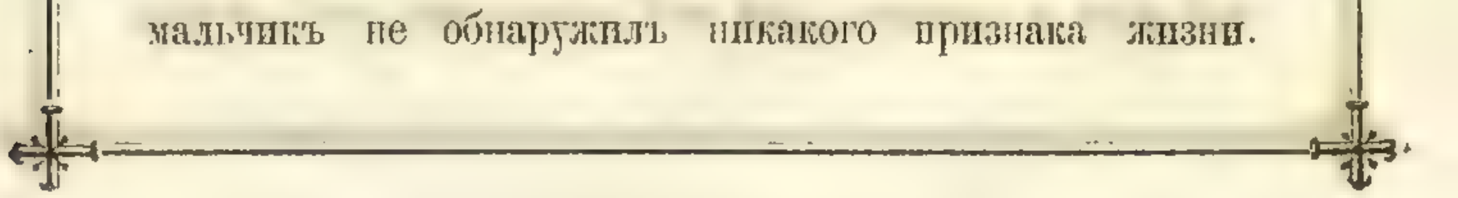
въ рабы". Елисей спросилъ ее: „что же я могу сдѣлать для тебя? скажи, что у тебя есть въ домѣ?" Она отвѣчала: „въ цѣломъ домѣ у твоей рабы ничего нѣтъ, кромѣ посудины съ деревяннымъ масломъ". Тогда онъ сказалъ: „поди, выпроси у всѣхъ своихъ по улицѣ, какъ можно побольше, порожнихъ сосудовъ. Потомъ приди и затвори дверь за собою вмѣстѣ съ сыновьями своими и наливай изъ своей посудины масло во всѣ эти сосуды; которые наполнишь, тѣ отставляй въ сторону". Вдова исполнила, что ей повелѣлъ служитель Божій; при помощи своихъ сыновей, собравъ отъ сосѣдей пустые сосуды, и пока мальчики приносили ихъ одинъ за другимъ, ихъ мать наливала туда елей изъ сосуда, который былъ у нея. Наконецъ, когда во всѣ сосуды было налито елея и не осталось ни одного пустаго, елей пересталъ течь изъ сосуда вдовы. Увидавши такъ необыкновенное явленіе, бѣдная женщина тотчасъ бросилась къ Елисею и сказала ему объ этомъ чудѣ. Пророкъ велѣлъ ей идти и продать этотъ елей и заплатить долгъ своего мужа и предсказалъ ей, что отъ остатка этихъ денегъ она и ея дѣти будутъ обезпечены. (4. Цар. 4. 1—7).

Случалось проходить Елисею черезъ Сунамъ, городокъ Иссахарова колѣна, лежавшій на сѣверъ отъ Изрееля, въ весьма недальнемъ отъ него разстояніи. Тамъ одна богатая женщина разъ упросила его къ себѣ ѣсть хлѣба. Въ послѣдующее время онъ постоянно заходилъ въ ея домъ ѣсть хлѣбъ. Однажды она сказала своему мужу: „послушай! я увѣрена, что этотъ человѣкъ, который заходитъ къ намъ, человѣкъ Божій, святой. Устроимъ ему на верху маленькую комнату и поставимъ ему тамъ кровать, столъ, стулъ и подсвѣчникъ, чтобы онъ, приходя къ намъ, удалялся туда". Дѣйствительно, горница была

устроена, и Елисей, заходя, отдыхалъ тамъ. Разъ, остановившись въ этой горницѣ, онъ велѣлъ служителю своему Гіезію позвать къ себѣ сунемитянку. Когда она пришла, онъ сказалъ ей: „вотъ ты принимала для насъ столько безпокойства; что же можно сдѣлать для тебя? Не имѣешь ли какого-нибудь дѣла до царя или до военачальника?“ Она отвѣчала: „я вдали отъ всякихъ хлопотъ живу спокойно среди соотечественниковъ моихъ“. Она вышла. Елисей сказалъ: „что же бы сдѣлать для нея?“ Гіезій замѣтилъ, что у нея нѣтъ сына, а мужъ ея старъ. Елисей велѣлъ опять позвать ее, и, когда она остановилась въ дверяхъ, сказалъ ей: „ровно черезъ годъ у тебя въ объятіяхъ будетъ сынъ“. Это пророчество наполнило радостію сердце женщины, и эта радость не имѣла границъ, когда слова служителя Господня исполнились, и когда она сдѣлалась матерью сына.

Отрокъ, напутствуемый благословеніемъ пророка, подросталъ и крѣпнулъ. Однажды, во время жатвы, отецъ его былъ въ полѣ съ женщинами; пришелъ и отрокъ къ своему отцу. Тамъ онъ почувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ и закричалъ: „голова болитъ, голова болитъ!“ Отецъ приказалъ отнести его къ матери, которая, получивши дитя свое, положила его къ себѣ на колѣни и держала его такимъ образомъ до полудня. Ни пламенные обѣты матери, ни ея молитвы, ни слезы, ничего не помогло: дитя умерло. Можно себѣ представить горесть несчастной матери! Она желала, чтобы утроба ея лучше никогда не знала этого счастія, и чтобы сосцы ея никогда не питали сына. Въ отчаяніи, схвативъ своего бездыханнаго сына, она положила трупъ его на постель Елисея и, заперевъ дверь, вышла. Потомъ позвала своего мужа и сказала: „дай мнѣ одного изъ слугъ и одну

ослицу, я съѣзжу къ человѣку Божію". Онъ сказалъ: „зачѣмъ тебѣ ѣхать къ нему сегодня? теперь не новомѣсячіе и не суббота". Она отвѣчала: „будь покоенъ". Осѣдлали ей ослицу, и она сказала слугѣ: „веди, ступай и не останавливайся въ дорогѣ, пока я не скажу". Она направила путь къ горѣ Кармилу, на которую часто уединялся Елисей, какъ на мѣсто освященное Богомысліемъ и жертвоприношеніемъ Иліи пророка. Елисей увидѣлъ ее еще издалека и сказалъ своему служителю Гіезію: „эта та сунемитянка. Бѣги къ ней на встрѣчу и спроси: здорова ли ты? здоровъ ли мужъ? здоровъ ли сынъ твой?" Не желая никому открыть переполненнаго горестью сердца, какъ только пророку Божію, на расспросы Гіезія великодушная женщина отвѣчала: „всѣ здоровы"; но когда поднялась на гору къ человѣку Божію, молча пала предъ нимъ и ухватилась за его ноги. Гіезій подошелъ, чтобы оттолкнуть удрученную тяжкимъ горемъ женщину. Но Елисей сказалъ: „оставь ее: душа ея тоскуетъ; только Господь не открылъ мнѣ о чемъ". Тогда она проговорила: „просила ли я сына у господина моего? не говорила ли я: не дай мнѣ обмануться?" Изъ этихъ словъ Елисей понялъ, что единственнаго сына ея не стало въ живыхъ. Онъ сказалъ Гіезію: „подпояшся, возьми посохъ мой и поди; если кого встрѣтишь, не привѣтствуй, и если кто тебя станетъ привѣтствовать, не отвѣчай; потомъ положи мой посохъ на лице мальчика". Гіезій поспѣшилъ въ Сунамъ. Но мать умершаго сказала: „живъ Господь и жива душа твоя, я не оставлю тебя". Тогда Елисей и самъ всталъ и пошелъ за нею. Между тѣмъ Гіезій пришелъ прежде ихъ, положилъ посохъ на лице мальчика; но мальчикъ не обнаружилъ никакого признака жизни.



Тогда онъ возвратился и донесъ Елисею, что мальчикъ не воскресъ. Наконецъ, пришелъ самъ Елисей; онъ затворилъ за собою двери и сталъ молиться Господу. Послѣ молитвы онъ простерся надъ мальчикомъ; потомъ всталъ, походилъ по комнатѣ и снова простерся надъ тѣломъ умершаго; тогда мальчикъ чихнулъ семь разъ и открылъ глаза. Елисей велѣлъ Гіезію позвать сунемитянку и отдалъ ей сына живымъ. (4. Цар. 4, 8—34).

Пришелъ Елисей въ Галгалъ. Было время голода. Онъ приказалъ своему служителю поставить на огонь большой котелъ и сварить похлебку для учениковъ пророческихъ. Кто-то изъ нихъ пошелъ нарвать зелени, нашелъ онъ въ полѣ дикое растеніе, набралъ ядовитыхъ его ягодъ и, воротившись, всыпалъ ихъ въ котелъ. Никто ничего не зналъ. Разнесли кушанье, чтобы ѣсть. Но только лишь отвѣдали похлебки, какъ вскричали: „смерть въ котлѣ, человѣкъ Божій!“ Елисей велѣлъ подать себѣ муки и всыпалъ ее въ котелъ; послѣ этого велѣлъ разнести пищу, и всѣ ѣли безъ малѣйшаго вреда. (4. Цар. 4, 38—41).

Въ это время одинъ израильтянинъ принесъ Елисею предписанный закономъ начатокъ; его составляли двадцать ячменныхъ хлѣбцевъ и колосья съ ихъ зернами. Елисей приказалъ все это раздать присутствующимъ. Слуга его замѣтилъ: „какъ же это раздать ста человѣкамъ?“ Елисей сказалъ: „раздай всѣмъ; пусть ѣдятъ. Потому что Господь говоритъ: „всѣ они насытятся, и еще останется“. И дѣйствительно, сто человѣкъ были сыты, и остались остатки. (4. Цар. 4, 42—44).

Въ сирійскомъ царствѣ былъ боленъ знаменитый военачальникъ, по имени Нееманъ. Долго больной обращался ко врачамъ своей страны, чтобы избавиться отъ

жестокой болѣзни, но искуство не помогло, и врачи отказались. Однажды служанка, изъ плѣнницъ израильскихъ, сказала женѣ Неемановой: „ахъ, если бы господинъ мой побывалъ у пророка, который въ Самаріи! Тотъ освободилъ бы его отъ проказы“. Слова эти пересказаны были Нееману, а потомъ доведены и до свѣдѣнія царя. Царь сирійскій дозволилъ Нееману отправиться въ Самарію и съ нимъ послалъ письмо къ царю израильскому. Въ письмѣ было сказано: „съ этимъ письмомъ я посылаю къ тебѣ Неемана, раба моего, чтобы ты очистилъ его отъ проказы“. Царь израильскій, прочитавши письмо, разодралъ на себѣ одежду и сказалъ: „развѣ я могу умерщвлять и оживлять, какъ Богъ, что онъ посылаетъ ко мнѣ съ требованіемъ очистить человѣка отъ проказы? Примѣчаете ли, что онъ ищетъ предлога (къ войнѣ) противъ меня?“ Услышалъ объ этомъ Елисей и послалъ сказать царю: „для чего ты разодралъ на себѣ одежду? пусть онъ придетъ ко мнѣ и узнаетъ, что есть пророкъ у Израиля“. И пришелъ Нееманъ съ конями и колесницами и остановился передъ дверьми дома Елисеева. Елисей выслалъ къ нему посла сказать: „поди и окунись семь разъ въ Іорданѣ, и будетъ тѣло твое, какъ прежде: ты очистишся“. Нееманъ чрезвычайно разсердился, пошелъ прочь и сказалъ: „вотъ, я думалъ, онъ выйдетъ ко мнѣ, станетъ призывать имя Господа Бога своего, коснется рукою своею до пораженныхъ частей тѣла и очиститъ проказу. Авана и Фарфаръ, рѣки Дамасскія, не лучше ли всѣхъ водъ израильскихъ? развѣ я не могъ бы въ нихъ выкупаться, если бы надѣялся очиститься?“ И пошелъ Нееманъ обратно съ гнѣвомъ. Но слуги его подошли къ нему и стали говорить: „отецъ нашъ! ежели бы пророкъ велѣлъ тебѣ

сдѣлать что-нибудь очень трудное, неужели бы ты не сдѣлалъ? а онъ тебѣ сказалъ только: окунись и очистишся". Неєманъ послушался благоразумнаго совѣта, отправился на Іорданъ, окунулся въ рѣкѣ семь разъ; тѣло его сдѣлалось совершенно чистымъ, и онъ вышелъ изъ воды бодрый и здоровый, какъ юноша. Послѣ этого исцѣленный со всею свитою своею возвратился къ пророку Божію и сказалъ: „вотъ теперь я знаю, что истинный Богъ открываетъ Свою чудодѣйственную силу только въ Израилѣ!" Онъ предлагалъ пророку дары; но Елисей, не смотря на всѣ убѣжденія, ничего не принялъ. Потомъ Неєманъ просилъ у пророка дозволенія взять съ собою еврейской земли, чтобы въ Дамаскѣ построить на ней жертвенникъ истинному Богу. Елисей дозволилъ. Кромѣ того, сиріянинъ говорилъ о себѣ, что по обязанности слуги царскаго онъ долженъ сопровождать своего государя въ капище Реммана и тамъ преклоняться вмѣстѣ съ царемъ, который повергается на землю передъ идоломъ, опираясь на его руку, и теперь спрашивалъ у Елисея: проститъ ли ему Господь, что онъ преклоняется въ капищѣ Реммана? Елисей успокоилъ его, и онъ отправился домой.

Гіезію стало жаль, что Елисей ничего не взялъ отъ сиріянина, который пріѣзжалъ къ нему съ такими богатыми дарами. Корыстолюбивый служитель задумалъ попользоваться чѣмъ-нибудь изъ этого богатства. Неєманъ еще недалеко отъѣхалъ; и вотъ, видитъ, что бѣжитъ за нимъ служитель Елисеевъ. Онъ сошелъ съ колесницы, пошелъ на встрѣчу къ Гіезію и спросилъ его: „все ли благополучно?" Гіезій отвѣчалъ: „все благополучно; но господинъ мой послалъ меня сказать тебѣ, что сейчасъ съ горы Ефремовой пришли къ нему двое (бѣд-

ныхъ) учениковъ пророческихъ, и онъ проситъ тебя дать для нихъ талантъ серебра и двѣ одежды". Нееманъ сказалъ: „возьми два таланта", и тотчасъ приказалъ завязать два таланта серебра *) въ два мѣшка и заставилъ двухъ служителей своихъ нести мѣшки передъ Гіезіемъ, а сверхъ того далъ ему и двѣ одежды. Гіезій провелъ слугъ скрытно къ дому, взялъ изъ рукъ ихъ мѣшки и спряталъ въ домѣ; слугъ же Неемановыхъ отправилъ назадъ. Потомъ онъ вошелъ къ Елисею. Елисей спросилъ: „откуда ты (теперь), Гіезій?" Тотъ отвѣчалъ: „я нигдѣ не былъ". Пророкъ сказалъ: „а ты думаешь, что мой духъ не присутствовалъ, когда этотъ человѣкъ, сошедши съ колесницы, шелъ на встрѣчу тебѣ! Время ли брать серебро и пріобрѣтать одежды, масличные сады, виноградники, мелкій и крупный скотъ, слугъ и служанокъ? За то проказа Нееманова прилипнетъ къ тебѣ и къ твоему потомству на вѣки!" Гіезій вышелъ отъ Елисея, побѣлѣвши отъ проказы, какъ снѣгъ, и уже больше не являлся при пророкѣ. (4. Цар. 5, 1—27).

Однажды ученики пророческіе жаловались Елисею на тѣсноту своего помѣщенія и просили у него позволенія нарубить лѣсу и пристроить жилыхъ комнатъ. Елисей согласился на это. Когда они пошли къ Іордану, кто-то изъ учениковъ пригласилъ и Елисея идти съ ними. Онъ пошелъ. Случилось, что, когда одинъ изъ учениковъ рубилъ дерево у самой воды, топоръ сорвался съ топорища и упалъ въ рѣку. Ученикъ вскричалъ: „ахъ, господинъ, и тотъ занятой!" Елисей спросилъ, гдѣ упалъ топоръ; потомъ отрубилъ сучекъ и бросилъ на то мѣсто; тогда желѣзо всплыло. (4. Цар. 6, 1—6).

*) Слишкомъ 5 пуд. 36½ ф., на цѣну 5,160 руб. серебромъ.

Царь сирійскій былъ въ войнѣ съ израильтянами. Случалось, что на военномъ совѣтѣ положитъ онъ послать въ то или другое мѣсто засаду; но духъ пророка Елисея былъ такъ высокъ, что проникалъ намѣренія самыя сокровенныя другихъ людей, и пророкъ Божій всякій разъ остерегалъ царя израильскаго, чтобы онъ не подходилъ къ такому-то мѣсту, гдѣ засѣли сиріяне. Такимъ образомъ всѣ попытки царя сирійскаго напасть въ расплохъ на израильтянъ оставались тщетными. Эти неудачи привели въ смущеніе царя сирійскаго; онъ созвалъ своихъ слугъ и спросилъ: „не можете ли вы мнѣ открыть, кто изъ нашихъ имѣетъ сношенія съ царемъ израильскимъ?“ Одинъ изъ служителей отвѣчалъ на это: „никто, государь! а у израильтянъ есть Елисей пророкъ, который пересказываетъ царю израильскому даже самыя слова, которыя ты говоришь въ своей спальной комнатѣ“. Царь сказалъ: „разузнайте, гдѣ онъ? я пошлю взять его“. Ему сказали, что онъ въ Доѳаимѣ. Этотъ городокъ лежалъ къ сѣверу отъ Самаріи, не въ дальнемъ отъ нея разстояніи. Царь сирійскій ночью окружилъ городъ многочисленнымъ войскомъ. Рано утромъ служитель Елисеевъ вышелъ изъ дому и увидалъ вокругъ города непріятельскія войска, конницу и колесницы; вбѣжавши къ Елисею, онъ вскричалъ: „ахъ господинъ! что съ нами будетъ?“ Елисей отвѣчалъ: „не бойся: съ нами больше, чѣмъ съ ними“. Пророкъ помолился, и Господь отверзъ очи служителя Елисея,—онъ увидалъ, что вся гора занята конями и колесницами огненными, которые ограждали Елисея. Между тѣмъ сиріяне пришли къ Елисею. Пророкъ помолился, что бы Господь поразилъ ихъ ослѣпленіемъ, и сказалъ имъ: „вы не по той дорогѣ и не въ тотъ городъ пришли; подите за мною, и я васъ отведу

къ тому человѣку, котораго вы ищите". И отвелъ ихъ въ Самарію. Здѣсь Елисей снова помолился, чтобы Господь возвратилъ правильное ощущеніе ихъ зрѣнію, и сирійскіе воины увидали, что они находятся среди Самаріи, во власти израильтянъ. Царь израильскій хотѣлъ было истребить весь отрядъ, но Елисей представилъ царю, что это не военно-плѣнные; а предложилъ, напротивъ, угостить ихъ и отпустить къ своему государю. Іорамъ такъ и сдѣлалъ. На этотъ разъ сиріяне оставили въ покоѣ израильтянъ.

Спустя нѣсколько времени, Венадатъ, царь сирійскій, собралъ все свое войско и обложилъ Самарію. Столица израильская начала терпѣть ужасный голодъ. Употребляли въ пищу животныхъ и вещи нечистыя, запрещенныя закономъ, и тѣ добывали неимовѣрною цѣною. За голову осла платили 80 сиклей *) серебра, а за четверть каба **) помета голубинаго 5 сиклей. Іорамъ и въ этой крайности не сдавался,—потому что Елисей обѣщалъ ему помощь отъ Бога. Но случилось Іораму обходить по стѣнѣ городской. Въ это время одна женщина стала кричать ему: „помоги мнѣ, государь мой, царь!" Царь отвѣчалъ: „не я,—пусть Богъ тебѣ помогаетъ! а я чѣмъ помогу, (хлѣбомъ что ли), съ гумна, или (виномъ) отъ точила?" Впрочемъ прибавилъ: „а что тебѣ нужно?" просительница, указывая на другую женщину, сказала: „вотъ эта женщина мнѣ предложила: „давай съѣдимъ сегодня твоего сына, а завтра моего, и мы сварили моего сына и съѣли. На другой день я сказала ей: „давай съѣдимъ и твоего сына; но она его спрятала". Іорамъ.

*) Въ 80 сикляхъ 68 р. 80 к. сер.

**) Четверть каба равняется 1/5 гарнца.

услыхавши объ этомъ ужасномъ происшествіи, разорвалъ на себѣ одежду, (подъ которою народъ увидалъ вретище на тѣлѣ его), и сказалъ: „покарай меня Богъ, если сегодня голова Елисеева останется на немъ?“ Тотчасъ же посланъ былъ къ пророку Божію исполнитель казни. Елисей, между тѣмъ, находился у себя въ домѣ, и у него сидѣли старцы. Когда посланный отъ царя приближался къ дому, Елисей сказалъ старцамъ: „знаете ли, сынъ того убійцы послалъ сюда снять съ меня голову? но вы задержите посланнаго въ дверяхъ; потому что мнѣ слышно, какъ господинъ его бѣжитъ въ слѣдъ за нимъ“. Еще онъ говорилъ, какъ посланный убить его показался въ дверяхъ дома; но тутъ же подоспѣлъ и Іорамъ и сказалъ: „вотъ какое зло отъ Господа! Чего же мнѣ больше ждать отъ Господа?“ Тогда Елисей сказалъ: „слушайте слово Господне! Вотъ, что говоритъ Господь: „завтра, въ это же время, у воротъ Самаріи будутъ продавать сату *) пшеничной муки за одинъ сикль и двѣ саты ячменя за одинъ сикль“. Одинъ изъ военныхъ начальниковъ, приближенныхъ къ царю, замѣтилъ на это: „можетъ ли это статься, хотя бы Господь съ неба посыпалъ хлѣбъ?“ Елисей сказалъ: „вотъ, ты это самъ увидишь, но ѣсть не будешь“.

Передъ городскими воротами въ эту пору были четверо прокаженныхъ. Они разсуждали между собою: „зачѣмъ мы останемся здѣсь? Намъ придется умереть. Идти въ городъ? тамъ голодъ,—и тамъ умремъ. Не пробраться ли намъ въ станъ сирійскій? можетъ быть, непріятели оставятъ насъ въ живыхъ; а если умертвятъ, то все равно умирать“. И вотъ, въ сумерки они пошли въ сирійскій

*) Сата вмѣщаетъ болѣе 5 гарнцевъ.

станъ; вступили за черту лагеря; не видать ничего. Идутъ далѣе; входятъ въ одну палатку; ѣдятъ, пьютъ, берутъ серебро, золото, одежды, выходятъ и скрываютъ все это. Заглядываютъ въ другой шатеръ,—и отсюда выбираютъ цѣнныя вещи и прячутъ. Потомъ говорятъ другъ другу: „мы не хорошо дѣлаемъ. Настоящій день есть день радостныхъ вѣстей, а мы ни слова не говоримъ. Если мы станемъ дожидаться, пока настанетъ день, то насъ могутъ обвинить. Пойдемъ же и доведемъ объ этомъ до свѣдѣнія двора"... Приблизившись къ воротамъ города, они стали кричать: „мы входили въ станъ сирійскій и не нашли тамъ ни одного человѣка; только кони и ослы остались на привязи, такъ же и шатры стоятъ на своихъ мѣстахъ". Немедленно обо всемъ донесено было царю. Іорамъ усумнился, не есть ли это со стороны непріятелей военная хитрость? Тогда одинъ изъ слугъ царскихъ предложилъ взять послѣднихъ пять коней, которые оставались еще въ столицѣ, и послать осмотрѣть, нѣтъ ли засады? Два всадника посланы были осмотрѣть станъ сирійскій. Они отправились и проѣхали до Іордана; на всемъ пути видѣли разбросанныя одежды и разныя вещи, которыя изобличили поспѣшное бѣгство сиріянъ. Они бѣжали еще въ прошедшую ночь. По особенному дѣйствію промысла Божія, имъ послышался стукъ колесницъ, топотъ конницы и шумъ наступающаго большаго войска, и они вообразили, что царь израильскій нанялъ въ помощь себѣ царей хоттейскихъ и (египетскихъ), почему, спасая свою жизнь, они бѣжали до разсвѣта, оставивши весь станъ свой въ добычу израильтянамъ. Когда посланные возвратились и донесли царю о бѣгствѣ сирійскаго войска, народъ изъ Самаріи бросился грабить оставленный имъ лагерь. И дѣйствительно, пшеничная

мука и ячмень продавались по той самой цѣнѣ, какую назначилъ пророкъ. Военачальнику, который не вѣрилъ, чтобы могла состояться такая цѣна на съѣстные припасы, поручено было наблюдать за порядкомъ въ воротахъ города, гдѣ народъ, входя и выходя, тѣснилъ другъ друга; но онъ былъ раздавленъ толпами народа. (4. Цар. 6, 8—33. 7).

При Іорамѣ въ землѣ израильской былъ голодъ въ продолженіи семи лѣтъ. Прежде чѣмъ наступили голодные годы, Елисей предсказалъ объ нихъ сунамитянкѣ, у которой воскресилъ сына, и совѣтовалъ ей на семь лѣтъ удалиться въ какую нибудь плодородную страну. Она со всѣмъ семействомъ своимъ удалилась въ землю филистимскую. Въ ея отсутствіе, ея домъ и земли заняты были какими то посторонними владѣльцами. По возвращеніи своемъ изъ земли филистимской, нашла она свою собственность въ чужихъ рукахъ, и по этому дѣлу отправилась съ жалобою къ царю. Она пришла въ такую пору, когда у Іорама былъ Гіезій и, по желанію царя, разсказывалъ ему о чудесахъ Елисея. Онъ говорилъ, какъ Елисей воскресилъ умершаго. Въ это самое время подходитъ женщина и проситъ царя возвратить ей домъ и земли. Гіезій тотчасъ же сказалъ: „государь! это та самая женщина и есть, и ея-то сына воскресилъ Елисей". Царь обо всемъ разспросилъ сунамитянку и послалъ съ нею одного придворнаго чиновника, которому приказалъ не только возвратить всю ея собственность, но и взыскать всѣ доходы съ ея полей за всѣ годы ея отсутствія. (4. Цар. 8, 1—6)

Наступило, наконецъ, время, когда, согласно съ откровеніемъ, даннымъ на Хоривѣ пророку Иліи, для наказанія нечестія въ израильскомъ народѣ, на престолъ сосѣд-

ственной Сиріи надлежало возсѣсть Азаилу. Его помазалъ Илія черезъ преемника своего служенія—Елисея. Самое помазаніе состояло въ пророческомъ объявленіи Азаилу того, что онъ замыслилъ и рѣшился въ послѣдствіи совершить по Божію попущенію. Венададъ, царь сирійскій, сдѣлался боленъ. Въ это время Елисей пришелъ въ Дамаскъ. Объ его пребытіи донесено было царю, и Венададъ сказалъ Азаилу: „возьми съ собою какой нибудь даръ, выдь на встрѣчу къ человѣку Божію и черезъ него вопроси Господа: „буду ли я живъ отъ этой болѣзни?“ Азаилъ, навьючивши сорокъ верблюдовъ всѣмъ, что было самаго лучшаго въ Дамаскѣ, съ этими дарами предсталъ предъ Елисея и сказалъ ему: „сынъ твой, Венададъ, царь сирійскій, послалъ меня спросить у тебя:“ „буду ли я живъ отъ этой болѣзни?“ Елисей отвѣчалъ: „поди скажи ему: навѣрное ты можешь встать отъ этой болѣзни, но — присовокупилъ онъ — Господь мнѣ показалъ, что онъ навѣрно умретъ“. Сказавши это, Елисей устремилъ свой взоръ на Азаила; долго смотрѣлъ ему въ глаза, потомъ заплакалъ. Азаилъ спросилъ: „отъ чего, господинъ мой, плачешь?“ Елисей отвѣчалъ: „отъ того, что я знаю, сколько зла причинишь ты сынамъ Израилевымъ: укрѣпленные города ихъ истребишь пожаромъ, юношей ихъ поразишь мечемъ, младенцевъ ихъ разобьешь и расторгнешь утробы матерей, носящихъ во чревѣ!“ Азаилъ сказалъ: „но рабъ твой, который—не болѣе, какъ песъ издохшій, въ состояніи ли сдѣлать такія дѣла?“ Елисей отвѣчалъ: „Господь мнѣ показалъ, что ты будешь царемъ сирійскимъ“. Смиреніе Азаила было притворное. Елисей читалъ въ душѣ его скрытый умыселъ на жизнь Венадада, котораго болѣзнь, будучи предоставлена самой себѣ, имѣла бы благопріятный ис-

ходъ. Азаилъ возвратился къ своему государю отъ Елисея съ отвѣтомъ, подававшимъ надежду на выздоровленіе отъ болѣзни. Но на другой же день онъ взялъ одѣяло, намочилъ его въ водѣ и, набросивши на Бенадада, задушилъ его; а самъ воцарился вмѣсто его. (4. Цар. 8, 7—15).

Назначеніе Елисея уже близилось къ концу. Ему оставалось только помазать на царство Іиуя, что онъ и исполнилъ чрезъ своего ученика. (4. Цар. 9, 1—6.)

Самая смерть пророка послѣдовала при царѣ Іоасѣ. Этотъ царь, чувствуя, что онъ теряетъ въ Елисеѣ охрану своего царства, плакалъ надъ нимъ и говорилъ ему тоже самое, что нѣкогда самъ Елисей говорилъ, разлучаясь съ Иліею: „отецъ мой! отецъ мой! колесница Израилева и всадники его!“ Елисей велѣлъ взять лукъ и стрѣлы и натянуть лукъ, при чемъ положилъ свои руки на руки царя, потомъ велѣлъ ему отворить окно къ востоку и пустить туда стрѣлу. Когда Іоасъ это сдѣлалъ, Елисей сказалъ: „этою стрѣлою Господь спасетъ тебя отъ сиріянъ; ты одержишь надъ ними въ Афекѣ рѣшительную побѣду“. Послѣ этого пророкъ велѣлъ Іоасу бить стрѣлами по землѣ. Царь ударилъ три раза и остановился. Елисей приведенъ былъ этимъ въ сильное волненіе и сказалъ царю: „надобно было ударить разъ пять или шесть, тогда бы ты совершенно уничтожилъ сиріянъ, а теперь ты одержишь надъ ними только три побѣды“. Эти побѣды одержалъ Іоасъ надъ сыномъ Азаила—Венадаромъ, и возвратилъ тѣ города израильскіе, которые отнялъ у Іоахаза Азаилъ. Послѣ этого Библія намъ ничего не говоритъ объ Елисеѣ. Назначеніе его было исполнено, и онъ долженъ былъ умереть. Но и послѣ смерти этому пророку суждено было сотворить еще чудо. Черезъ

годъ послѣ кончины Елисея, моавитяне напали на Самарію и произвели страшное опустошеніе. Толпа враговъ встрѣтила однажды израильтянъ, несшихъ мертваго для погребенія; при видѣ вражескаго оружія, несущіе устрашились и разбѣжались, бросивъ мертваго въ могилу пророка Елисея. Трупъ, прикоснувшись къ костямъ чудотворца, тотчасъ же получилъ жизнь, и умершій вышелъ изъ могилы, славя Бога (4. Цар. 13, 14 — 21.) Вотъ, что говоритъ Іисусъ сынъ Сираховъ въ своей похвалѣ Елисею: „и Елисей исполнися духа его (Иліи), и во дни своя не поколебася отъ князей, и не преможе его никто же: всяко слово не превзыде его, — и во успеніи пророчествова тѣло его, и во житіи своемъ сотвори чудеса, и во умертвіи дивна дѣла его“. (48. 12—15).

СВ. МЕѲОДІЯ, ПАТРІАРХА ЦАРЕГРАДСКАГО.

Каждому православному христіанину дороги ревнители православія, близки ему борцы за истину Христову, которымъ нерѣдко приходилось перенести многія притѣсненія и скорби отъ еретиковъ; еще ближе и дороже тѣ, которые не только боролись и страдали за православіе, но, по волѣ Промысла, выходили изъ этой борьбы побѣдителями. Къ числу вотъ этихъ-то послѣднихъ лицъ и принадлежитъ св. Меѳодій.

Онъ родился въ Сициліи отъ благородныхъ родителей, которые готовили его къ придворной службѣ, да и онъ самъ намѣревался тоже, по окончаніи образованія, поступить на эту службу. Однако одинъ инокъ такъ сильно повліялъ на него, что онъ отказался отъ поприща придворной службы и пожелалъ быть инокомъ. Возобновивъ на свои собственныя средства одинъ монастырь въ Хі-

осѣ. Меѳодій поселился въ немъ и проводилъ жизнь въ постѣ и молитвахъ. Подвиги св. Меѳодія обратили на себя вниманіе тогдашней свѣтской власти. благодаря чему, онъ и занялъ мѣсто апокрисіарія при патріархѣ Никифорѣ. Этотъ патріархъ былъ ревностный поборникъ иконопочитанія. Такимъ же неустрашимымъ бойцомъ за истину Христову былъ и Меѳодій. Когда вступилъ на престолъ иконоборецъ Михаилъ косноязычный, то Меѳодій настолько ревностно боролся противъ еретиковъ, что, по повелѣнію царскому. ему было дано 70 ударовъ, послѣ чего. едва дышащій. св. Меѳодій былъ заключенъ въ темницу на островъ Акритъ, (вѣроятно, близъ Акритскаго мыса). Слѣдующій императоръ Ѳеофилъ хотя тоже былъ иконоборцемъ, однако, любя просвѣщеніе. освободилъ Меѳодія, какъ человѣка умнаго и свѣдущаго. Едва получивъ свободу, Меѳодій снова вооружился противъ еретиковъ. Онъ даже не побоялся самаго царя. высказавъ ему краснорѣчиво и убѣдительно доводы въ пользу иконопочитанія. Этотъ поступокъ дорого стоилъ Меѳодію. Ѳеофилъ. не терпя противорѣчій, приказалъ бить св. исповѣдника по щекамъ. Шестьсотъ ударовъ дали св. Меѳодію. вслѣдствіе чего разбилась его челюсть, и безобразный шрамъ *) навсегда остался на его лицѣ, какъ печать мученичества. Еще болѣе пришлось перенести послѣ этого св. Меѳодію. Вмѣстѣ съ двумя разбойниками его заключили въ темное и сырое подземелье, на островъ Антигонъ. Нечего говорить, какъ тяжела была жизнь святаго съ такими людьми. Но терпя страданія душев-

*) Въ послѣдствіи, будучи патріархомъ. Меѳодій для прикрытія шрама, разрѣзавъ концы клобука, обвязывалъ ими челюсть. Изъ уваженія къ исповѣднику всѣ иноки съ того времени стали носить клобукъ съ разрѣзами.

ныя, св. Меѳодій выносилъ и тяжкія тѣлесныя страданія. Ноги и часть тѣла св. исповѣдника постоянно находились въ водѣ, его томили голодомъ, а когда умеръ одинъ изъ разбойниковъ, то нарочно, чтобы усилить страданія Меѳодія, тѣло умершаго не вынесли изъ темницы, и смрадъ трупа доставлялъ св. Меѳодію ужасныя мученія. Девять лѣтъ испытывалъ такое ужасное положеніе св. Меѳодій, а затѣмъ тайно былъ переведенъ въ темницу въ Константинополь. Здѣсь скоро онъ получилъ свободу — и не безъ особеннаго дѣйствія Божія, какъ разсказываютъ византійскіе писатели (Константинъ Багрянородный, Занара, Кедринъ, Манассія, Глики). Любитель наукъ и охотникъ до чтенія — царь Ѳеофилъ встрѣтился съ такой книгою, которую былъ не въ состояніи прочитать. Понадобился человѣкъ способный разобрать написанное въ странной рукописи, и одинъ царедворецъ указалъ на св. Меѳодія, какъ на человѣка умнаго и образованнаго. Царь отправилъ къ Меѳодію посла, и Меѳодій, ни о чемъ не спрашивая его, прямо сказалъ: „я знаю, за чѣмъ тебя послалъ Ѳеофилъ. Подай бумаги и чернилъ“. Написаннаго Меѳодіемъ было достаточно для царя, и онъ уразумѣлъ странную книгу, въ благодарность за что и возвратилъ свободу св. Меѳодію. И впослѣдствіи царю не разъ приходилось убѣждаться, насколько уменъ былъ Меѳодій и насколько богатъ различнаго рода свѣдѣніями. Въ виду этого обстоятельства, царь боялся его вліянія на другихъ въ пользу православія, почему, отправляясь на войну, и бралъ его съ собою, какъ бы для совѣщанія. Когда на престолъ вступила Ѳеодора, св. Меѳодій въ 842 году былъ избранъ константинопольскимъ патріархомъ и вмѣстѣ съ благочестивою царицею возстановилъ иконопочитаніе.

Это событіе было на столько радостно для всѣхъ православныхъ, что было постановлено ежегодно праздновать побѣду православія и повторять осужденіе на неправославныхъ. Четыре года и три мѣсяца правилъ св. Меѳодій константинопольскою церковію—и 14 іюня 846 г. скончался. Св. православная церковь оцѣнила заслуги св. Меѳодія и постановила ежегодно праздновать его память. Св. Ѳеофанъ пѣснопѣвецъ вскорѣ послѣ кончины св. Меѳодія написалъ ему канонъ. Есть стихира св. Меѳодію съ именемъ патріарха Фотія, въ которой говорится о гробницѣ святаго, источающей исцѣленія. Потрудясь для церкви своей борьбою съ еретиками—иконоборцами, св. Меѳодій вмѣстѣ съ тѣмъ не мало принесъ ей пользы и своими сочиненіями. Особенно замѣчательны его правила для обращающихся къ вѣрѣ, принятыя въ руководство церковію и поученіе о тѣхъ, которые говорятъ: „какую пользу принесло намъ распятіе Сына Божія на землѣ?“

Четьи-Минеи. Истор. уч. об. отцахъ церкви Филарета арх. черниг. § 275. Мѣсяц. Востока Арх. Сергія томъ 2. Замѣт. (стр. 168—169).

ПР. НИФОНТА АѲОНСКАГО.

Родиной пр. Нифонта была область, называемая Аргирокастронъ. Въ этой области, въ селеніи Луковѣ, отецъ Нифонта занималъ должность священника. Только десять лѣтъ пробылъ на родинѣ пр. Нифонтъ, послѣ чего былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядей по отцу, который былъ экклисіархомъ въ монастырѣ святаго Николая, находившемся въ нынѣшнемъ Месопотамѣ. Какъ инокъ, дядя Нифонта старался въ немъ развить любовь къ монаше-

ству, обучилъ его граммотѣ и наставлялъ въ правилахъ строгой христіанской нравственности. Нифонтъ оправдалъ, возлагаемыя на него, надежды дяди,—еще отрокомъ постригся въ иноки и вскорѣ поставленъ былъ чтецомъ при монастырѣ, а по достиженіи возраста удостоенъ сана священника. Добрые примѣры богоугодной жизни иноковъ, частое и усердное чтеніе св. Писанія и житій святыхъ такъ сильно подѣйствовали на юношу, что онъ рѣшился всецѣло посвятить себя Господу. Строгое храненіе заповѣдей Христа и неуклонное слѣдованіе по пути нравственнаго преуспѣянія казались Нифонту удобнѣе всего выполнимыми при условіяхъ безмолвія. И вотъ, юный инокъ оставляетъ монастырь и поселяется на горѣ Геромеріонъ вмѣстѣ съ однимъ старцемъ, пришедшимъ туда для подвиговъ съ горы Синая. Еще болѣе усовершается Нифонтъ подъ мудрымъ и опытнымъ руководительствомъ старца, еще болѣе и пламеннѣе вмѣстѣ съ тѣмъ возгорается любовію къ Богу и къ подвигамъ самоотреченія. Жизнь на горѣ Геромеріонъ не спасла его отъ мірскихъ впечатлѣній. До него доходили сюда вѣсти съ родины, отвлекали отъ подвижнической жизни друзья и родственники, служило помѣхой для его желаній и многое другое, что такъ или иначе связывало его съ міромъ. Преданный исключительно высшимъ стремленіямъ, пр. Нифонтъ рѣшился подавить въ себѣ приверженность къ отечеству, роднымъ и близкимъ, скрыться подальше отъ ихъ взоровъ и тамъ посвятить свою жизнь святымъ и благоплоднымъ трудамъ. Съ этою цѣлію пр. Нифонтъ удалился на св. аѳонскую гору, достигъ до пещеры св. Петра аѳонскаго, гдѣ тогда подвизался знаменитый отшельникъ Ѳеогностъ, руководству котораго и отдалъ себя пр. Нифонтъ. Три года Нифонтъ былъ по-

слушникомъ у Θеогноста, безусловно выполняя всякія его приказанія. Но вотъ, Θеогностъ узнаетъ о священническомъ санѣ Нифонта и по своему смиренію отказывается имѣть у себя послушника удостоеннаго такого сана. Напрасно Нифонтъ умолялъ старца быть для него руководителемъ, напрасно убѣждалъ его тѣмъ, что его руководство необходимо ему. Зная подвиги и труды Нифонта, старецъ остался непреклоннымъ. Тогда Нифонтъ покинулъ дорогое для него руководительство старца и удалился въ сосѣдній скитъ Василія Великаго (въ области лавры св. Аѳанасія). Четырнадцать лѣтъ подвизался здѣсь преподобный, проводя время въ безмолвіи, и только разъ въ недѣлю подкрѣплялъ свои силы малымъ количествомъ сухаго хлѣба.

Когда въ лаврѣ открылась моровая язва, и множество братій погибло, то игуменъ вызвалъ Нифонта для священнослуженія. Три года несъ это послушаніе преподобный и затѣмъ, по влеченію къ безмолвію, удалился въ Вулевтиріе (гдѣ нынѣ скитъ св. Анны). Много лѣтъ скитался здѣсь въ пустынной тишинѣ пр. Нифонтъ безъ крова и питаясь только травами и кореньями. Такъ велика и чиста была жизнь преподобнаго! Однако нашлись завистники, которые донесли игумену лавры, что Нифонтъ гнушается хлѣбомъ, почему и питается пустыннымъ зеліемъ. Игуменъ повѣрилъ обвиненію и, вызвавъ преподобнаго, сказалъ ему: „древніе отцы питались зеліемъ въ пустыняхъ, потому что не было тамъ хлѣба, а здѣсь есть и хлѣбъ и другія явства, которыя слѣдуетъ употреблять во славу Божію съ умѣренностію, избѣгая, такимъ образомъ, сатанинскаго кичения отъ неумѣреннаго и строгаго поста“. Такой упрекъ былъ незаслуженъ Нифонтомъ, но, какъ истинный послушникъ, онъ смиренно принялъ

его. Вскорѣ новыя непріятности случились съ преподобнымъ, и онъ, удалившись изъ скита, поселился вмѣстѣ съ преподобнымъ Максимомъ Кавсокаливитомъ. Этотъ чудный отшельникъ полюбилъ пр. Нифонта и, въ знакъ своей глубокой привязанности и дружбы къ нему, уступилъ ему свой собственный шалашъ, устроивъ для себя близъ него другой. Ради чудесъ и ради пророчества о будущемъ многіе приходили къ св. Максиму и, видя живущаго съ нимъ великаго подвижника Нифонта, удивлялись его подвигамъ и прославляли его. Истерпя молвы, Нифонтъ, по соизволенію Максима, удалился отъ него въ пещеру недалеко отъ св. Христофора. Вскорѣ къ преподобному пришелъ съ родины инокъ Маркъ, чтобы воспользоваться его мудрымъ руководствомъ. Дѣйствительно, въ это время св. Нифонтъ стоялъ на такой высотѣ совершенства, что былъ въ состояніи прозрѣвать будущее. Такъ, когда пришелъ къ нему Маркъ, то онъ повелѣлъ ему устроить два жилища, изъ которыхъ одно нужно было для Марка, а другое приготовлялось для его брата. Братъ Марка былъ міряиинъ и жилъ въ кругу своихъ родныхъ, почему Маркъ и очень удивился повелѣнію св. Нифонта. Однако, насталъ праздникъ св. Аѳанасія, и Маркъ отправился въ лавру. Нифонтъ приказалъ ему привести своего брата. Снова эти слова поразили инока, и онъ не повѣрилъ; но едва онъ приблизился къ лаврѣ, какъ увидалъ у монастырскихъ воротъ своего брата и сильно обрадовался ему. Послѣ праздника Маркъ привелъ своего брата къ Нифонту, палъ къ его ногамъ и просилъ у него прощенія въ своемъ маловѣріи. И въ другой разъ пришлось убѣдиться Марку въ дарѣ прозорливости св. Нифонта. Увлекаясь рыбною ловлею, Маркъ однажды просилъ позволенія у преподобнаго половить

рыбы въ морѣ. „Научись прежде управлять и замѣчать нечистые помыслы, а отъ моря и ловли рыбъ откажись, да не погрузишися въ море искушеній“. Таковъ былъ отвѣтъ Нифонта. Но Маркъ не послушался старческаго совѣта и отправился на ловлю. Вдругъ изъ моря выпрыгнулъ на него огромной величины звѣрь. Маркъ пришелъ въ ужасъ и молитвенно призывалъ на помощь св. Нифонта. Избавившись отъ звѣря, Маркъ бросился къ святому съ пойманною рыбою въ рукахъ. Едва только увидалъ его святой, сказалъ ему: „преслушниче! тотъ кто преобразился въ змія на прельщеніе праотцевъ и нынѣ принялъ видъ морскаго пса на твою погибель: и только Христосъ, пришедшій въ міръ для упраздненія вражеской силы, по неисчетной Своей благости, помогъ тебѣ, въ ожиданіи твоего покаянія. Что же касается до пойманной тобою рыбы, какъ плода преслушанія, я ни подъ какимъ видомъ не рѣшусь коснуться ея“. Это предвѣдѣніе случившагося съ нимъ на морѣ св. старцемъ вмѣстѣ съ его отеческимъ выговоромъ тронуло Марка и онъ упалъ къ ногамъ преподобнаго. Маркъ исправился и во всемъ слушался своего руководителя—прозорливца. Точно также еще за шесть мѣсяцевъ пр. Нифонтъ предвидѣлъ кончину Максима Кавсокаливита, отправился туда съ своимъ ученикомъ для принятія послѣдняго благословенія. „Радуйтесь, возлюбленная братія!—это привѣтствіе уже прощальное сказалъ вошедшимъ св. Максимъ,—съ этой поры мы болѣе не увидимся“. Дѣйствительно, какъ предвидѣлъ преподобный Нифонтъ, такъ и послѣдовала кончина Максима. Былъ еще и такой случай, тоже свидѣтельствующій о прозорливости св. Нифонта. Часовой мастеръ священной лавры въ чемъ-то провинился и былъ выгнанъ. Онъ пришелъ къ св. Ни-

фонту и жаловался на незаслуженное изгнаніе, но прозорливецъ отвѣтилъ: „возвратись въ лавру, припади къ игумену, сознайся въ своей винѣ,—и ты будешь опять принятъ. Если не послушаешся моего совѣта, повѣрь,—здѣсь не вытерпѣть тебѣ тѣсноты пустынной, а что всего важнѣе,—ты лишишся части и жребія святыхъ отцевъ обители. А когда возратишся,—чрезъ нѣсколько времени возведенъ будешь на степень экклисіарха, а потомъ—игумена лавры. Всего же болѣе, смиряйся“. Братъ послушался совѣта св. Нифонта и впослѣдствіи на самомъ дѣлѣ убѣдился въ истинности его предсказанія.

Вмѣстѣ съ даромъ прозорливости св. Нифонтъ былъ одаренъ и силою исцѣлять недужныхъ. Первымъ убѣдился въ этомъ Маркъ. Его братъ сильно разболѣлся, и Маркъ горевалъ и плакалъ, думая, что эта болѣзнь кончится смертію. Св. Нифонтъ упрекнулъ Марка за маловѣріе и сомнѣніе въ чудодѣйственной силѣ Божіей, помазалъ больнаго елеемъ отъ неугасимой лампады, и братъ его возсталъ отъ болѣзненнаго одра. Исцѣлилъ св. Нифонтъ и другаго монаха, страдавшаго головною болью. Этотъ монахъ, чтобы избавиться отъ болѣзни, сначала прибѣгъ къ помощи врачей. Но видя безуспѣшность ихъ лѣченія, обратился къ св. Нифонту и, заливаясь слезами, не переставалъ припадать къ стопамъ его и умолять объ исцѣленіи его отъ болѣзни. Страдальческое положеніе инока тронуло пр. Нифонта,—онъ прочелъ молитву надъ головою больнаго, послѣ чего боль въ головѣ прекратилась. Извѣстенъ и еще случай исцѣленія св. Нифонтомъ. Въ лаврѣ открылось моровое повѣтріе, и послушникъ Нифонта былъ пораженъ смертельно. Не было уже надежды на выздоровленіе, почему отецъ больнаго горько плакалъ о немъ. „Неплачь, братъ, ска-

залъ ему святой. сынъ твой, ради послушанія моему недостоинству, нынѣ не умретъ". Послѣ этихъ словъ, обратившись къ востоку, св. Нифонтъ помолился Богу,— и больной всталъ съ смертнаго одра. Потомъ святой, ведя бесѣду съ окружающими его, сказалъ: «вотъ, братъ нашъ, помощію Божіею, выздоровѣлъ, а я во время Петрова поста долженъ умереть».

Постъ святыхъ апостоловъ наступилъ. Въ субботу первой недѣли преподобный пріобщился Св. Таинъ и, собравъ учениковъ своихъ, объявилъ имъ о скорой своей кончинѣ. На слѣдующій день—14 іюня—св. Нифонтъ повелѣлъ имъ выкопать могилу и приготовить все нужное для погребенія. Когда все было готово, онъ всталъ съ постели и долго молился Господу; наконецъ, благословилъ всѣхъ, испросилъ у всѣхъ прощеніе и, скрестивши на груди руки, мирно испустилъ духъ свой Богу, на 96 году своей жизни. Такъ почило св. Нифонта славнаго и знаменитаго подвижника аѳонскаго! (Аѳон. патерикъ ч. 1. стр. 304—311).

ПРЕСТАВЛЕНІЕ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ МСТИСЛАВА ГЕОРГІЯ.

Благовѣрный князь Мстиславъ, наименованный при крещеніи Георгіемъ, былъ сынъ великаго князя Ростислава и внукъ св. Мстислава Великаго. По свидѣтельству лѣтописца, „Мстиславъ Ростиславичъ былъ роста средняго, лицомъ красавецъ, а душа его была еще лучше. Щедро расточалъ онъ милостыню и помогалъ обителямъ. Былъ храбръ и мужественъ; онъ рвался умереть за землю русскую. Когда приходилось освобождать плѣнныхъ у язычниковъ, онъ говорилъ: „братья! если ум-

ремъ за христіанъ, очистимся отъ грѣховъ,—Богъ причтетъ насъ къ мученикамъ; и если не умремъ теперь, умремъ же когда-нибудь". Онъ не собиралъ ни золота, ни серебра, но раздавалъ то дружинѣ своей, то церквамъ за свою душу. Дѣйствительно, благовѣрный князь былъ и по отзывамъ современниковъ и по свидѣтельству лѣтописцевъ храбрымъ не только по личному мужеству въ битвахъ, но и по благородству характера, по которому онъ всегда вступался за праваго противъ виноватыхъ и за слабаго противъ сильныхъ. Эти благородныя черты характера князя особенно ярко высказались въ его столкновеніи съ Андреемъ Юрьевичемъ. Руководствуясь древнимъ обычаемъ, по которому кіевскій престолъ долженъ былъ принадлежать старшему въ родѣ, Мстиславъ съ братьями посадилъ на кіевскій престолъ дядю своего Владиміра Мстиславича, противъ воли Андрея Боголюбскаго. Великій князь Андрей объявилъ чрезъ посла Ростиславичамъ, что имъ нѣтъ мѣста въ южной Россіи. Эта несправедливость возмутила Мстислава. Онъ велѣлъ остричь послу голову и бороду и отправилъ его къ Андрею съ такими словами: «доселѣ мы уважали тебя, какъ отца; но когда ты говоришь съ нами, какъ съ слугами и людьми простыми, идемъ на судъ Божій». 50 тысячъ сѣвернаго войска послалъ Андрей противъ неповинующихся ему. Къ этому громадному ополченію по неволѣ должны были присоединиться и полки нѣкоторыхъ южныхъ князей. Но, привыкнувъ отъ ранней юности не бояться никого, кромѣ Бога Единаго, храбрый Мстиславъ не побоялся и грозной рати Боголюбскаго. „Братья,—сказалъ онъ, бывшей въ его распоряженіи, своей дружинѣ и дружинѣ брата Давида,—ударимъ съ помощію Господа и св. мучениковъ

Бориса и Глѣба". Съ этими словами Мстиславъ неустрашимо понесся противъ непріятелей. Много людей изъ непріятельскихъ рядовъ было сражено храбростію Мстислава, но стотысячная рать Боголюбскаго не могла быть сдавлена немногочисленной дружиной храбраго Мстислава. Однако онъ не сложилъ орудія и съ малою дружиною заперся въ крѣпости Вышгородѣ, по сосѣдству съ Кіевомъ. Громадная рать Андрея окружила крѣпость, и казалось, что ничтожныя стѣны этой крѣпости вскорѣ должны рухнуть отъ напора непріятелей. Но не такъ произошло на самомъ дѣлѣ—по недостатку усердія и согласія въ войскѣ Боголюбскаго, гдѣ одни князья тяготились самовластіемъ Андрея, другіе опасались коварства Ольговичей, нѣкоторые же тайно доброжелательствовали Мстиславу и его братьямъ. Между тѣмъ мужественный Мстиславъ постоянно дѣлалъ отважныя вылазки противъ войска Андрея, въ продолженіи девяти недѣль храбро выдерживалъ осаду; наконецъ, когда одинъ изъ князей, подручныхъ Андрею, Ярославъ Луцкій открыто перешелъ на сторону осажденныхъ,—страхъ напалъ на осаждающихъ, ихъ несмѣтныя полчища взволновались и ночью въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство, стараясь переправиться на другой берегъ Днѣпра.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ Мстиславъ со стѣнъ Вышегорода, какъ многочисленное войско, какъ бы гонимое сверхъестественною силою, бросалось съ крутаго берега въ глубину Днѣпра. Наконецъ, съ поднятыми къ небу руками восхваливъ заступниковъ Вышегорода, св. кн. Бориса и Глѣба, Мстиславъ вскочилъ на коня, бросился съ дружиной за бѣглецами и овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ со всѣми его обозами и множествомъ плѣнныхъ.

Одержавъ побѣду надъ Боголюбскимъ, Мстиславъ од-

ило не воспользовался ея плодами,—онъ не оставилъ за собою Кіева, но посадилъ въ немъ своего старшаго брата Романа, а когда Святославъ черниговскій выгналъ Романа изъ Кіева, тогда Мстиславъ отдалъ ему Смоленскъ, который незадолго передъ тѣмъ перешелъ къ нему. Довольствуясь для себя малымъ, Мстиславъ рѣшился болѣе не принимать участія въ кровавыхъ ссорахъ князей. Да и самыя обстоятельства отвлекли храбраго князя отъ междоусобной борьбы русскихъ князей. Нуждаясь въ крѣпкой опорѣ противъ нападковъ враговъ, новгородцы стали звать къ себѣ храбраго Мстислава. Долго не соглашался благочестивый князь на просьбы новгородцевъ. „Не пойду отъ братьевъ и отъ своей родины!“ говорилъ онъ имъ. „А великій Новгородъ развѣ не твоя отчина?“ —былъ отвѣтъ со стороны новгородцевъ. „Иди, князь, поклонись св. Софіи, послужи ей вѣрою и правдой, какъ служили дѣдъ твой и прадѣдъ“. Усердная и настойчивая просьба новгородцевъ подѣйствовали на добрую душу Мстислава, и онъ согласился. Съ восторгомъ встрѣтили новгородцы доблестнаго князя, вполнѣ надѣясь на свою безопасность подъ его властію. И, дѣйствительно, вскорѣ загремѣлъ голосъ Мстислава на вѣчѣ, запестрѣли знамена храбраго князя, заколыхалась подъ ними новгородская дружина. Хищные эстонцы, противъ которыхъ направился Мстиславъ съ новгородскою дружиною, затрепетали. До самаго моря прошелъ храбрый князь съ опустошеніемъ эстонскую страну, забирая множество плѣнныхъ и скота и принудивъ эстонцевъ платить дань. На возвратномъ пути Мстиславъ зашелъ въ Псковъ, освободилъ его отъ междоусобій, возвратился въ Новгородъ и готовился было въ походъ противъ полоцкаго князя, прадѣдъ котораго ограбилъ нѣкогда Новго-

родъ и святую Софію. Но часы жизни князя были уже сочтены. Внезапно—во всей силѣ мужества—онъ былъ сраженъ жестокимъ недугомъ. Чувствуя приближеніе кончины, Мстиславъ велѣлъ нести себя въ софійскій соборъ и тамъ пріобщился Св. Таинъ. Это произошло 14 Іюня 1180 г. Горькія слезы проливали окружающіе Мстислава. Призвавъ супругу и трехъ юныхъ дѣтей, умирающій посмотрѣлъ на нихъ и съ тяжелымъ вздохомъ и со слезами на глазахъ сказалъ братьямъ—Рюрику и Давиду: „препоручаю ихъ добрымъ братьямъ моимъ, берегите больше всего моего юнаго Владиміра", и, обратившись къ бывшему посаднику, присовокупилъ: „тебѣ, Борисъ Захарьевъ, отдаю его на руки". Съ этими словами умолкъ страшный для враговъ голосъ Мстислава. успокоились на его широкой груди крестообразно сложенныя мощныя руки, не стало уже твердаго щита у Новгорода. Много слезъ пролилъ этотъ городъ, погребая своего князя въ софійскомъ соборѣ, въ древней аспидной гробницѣ Владиміра Ярославича. „Зачѣмъ. раздавались сѣтованія среди новгородцевъ, не умерли и мы съ тобою, князь славный, сотворившій толикую свободу великому Новгороду! теперь уже не идти воевать намъ земли враговъ твоимъ копьемъ! А сколько разъ ты молилъ о томъ, какъ идти намъ на сѣверныхъ? Увы намъ! ибо зашло наше солнце". И, дѣйствительно, по свидѣтельству лѣтописца, благовѣрный князь Мстиславъ былъ красою Руси и своего вѣка. Другіе князья воевали изъ за личныхъ разсчетовъ, а онъ только для правды и славы. презирая опасности и отдавая всю добычу церкви и своей дружинѣ, которую ободрялъ въ битвахъ, говоря: „за насъ Богъ и правда. умремъ сегодня или завтра, умремъ лишь съ честію". Не было земли на Руси, гдѣ бы не желали

служить ему и гдѣ бы неоплакивали раннюю его кончину. Всѣ его любили и всѣ величали его мужественную красоту, свѣтлый и смѣлый взглядъ голубыхъ очей, исполинскій ростъ, необыкновенную силу, удачу въ побѣдахъ, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкостію благороднаго сердца, ненависть къ неправдѣ, смиреніе предъ старшими родомъ и лѣтами, ласковость и привѣтливость ко всѣмъ, милосердіе къ бѣднымъ и сиротамъ, горячее усердіе и любовь къ Богу и церкви.

Въ настоящее время мощи благовѣрнаго князя Мстислава покоятся въ придѣлѣ Рождества Богородицы, въ Софійскомъ соборѣ, и память его чтится 14 Іюня. (Рус. свв. Филарета арх. черниговскаго. Житія свв. Муравьева).

Преподобный Елисей Сумскій подвизался въ Соловецкомъ монастырѣ въ 15 вѣкѣ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2, стр. 159).

15-е число.

Св. пророка Амоса. Свв. мучч. Вита, Модеста и Крискентіи. Св. муч. Дулы. Пр. Дулы страстотерпца. Св. О. Н. Іоны, митроп. московскаго и всея Россіи. Св. благовѣрнаго князя сербскаго Лазаря. Бл. Іеронима. Перенесеніе мощей св. Θеодора Сикеота.

(Муч. Нарса или Перса. Соборъ Богородицы по ту сторону въ Маранакіевыхъ Ап. Стефана. Пр. Ортисія. Муч. Гравсы. Бл. Августина. Убіеніе прр. Григорія и Кассіана Авнежскихъ Св. Ефрема, патріарха сербскаго).

Св. пророка Амоса.

Родиною св. пророка Амоса было селеніе Θекое, находившееся въ 12,000 шагахъ отъ Іерусалима къ югу. Кто были родители пророка, и въ какомъ году онъ родился неизвѣстно. Самъ Амосъ принадлежалъ къ числу бѣдныхъ людей и до своего призванія пасъ стада овецъ. „Я не пророкъ, говоритъ онъ, и не сынъ пророка; я былъ пастухъ и собиралъ сикиморы. Но Господь взялъ меня отъ овецъ, и сказалъ мнѣ Господь: иди пророчествуй къ народу Моему, Израилю“. (Амоса 7. 14.—15). Не будучи въ состояніи противиться этому призванію свыше, Амосъ оставилъ мирную сельскую жизнь и сталъ пророчествовать. Это пророческое служеніе Амосъ началъ въ царствованіе Осіи—царя іудейскаго и Іеровоама втораго—царя израильскаго. По тѣмъ выраженіямъ, по тому глубокому, благородному негодованію, съ которымъ пророкъ гремитъ противъ соблазнительной роскоши, такъ гибельно измѣнившей нравы народа, можно думать, что

въ его время царство израильское находилось въ весьма цвѣтущемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развращенномъ, состояніи,—что оно было исполнено всѣми безпорядками, обыкновенно сопровождающими долговременный миръ и благоденствіе. Израильтяне до того забыли Господа, что поклонялись золотымъ идоламъ. Ихъ скверные идольскіе праздники особенно часто совершались въ городѣ Веѳилѣ, на высокой горѣ, гдѣ стояла слитая изъ золота юница. На мѣсто этихъ богомерзкихъ собраній въ честь идола особенно часто приходилъ и пророкъ Амосъ, громкимъ голосомъ возвѣщая народу, моля, увѣщевая и грозя гнѣвомъ Божіимъ. Видя глубокое впечатлѣніе, которое производили грозныя рѣчи Амоса на народъ, веѳильскій жрецъ Амасія донесъ на пророка царю и обвинялъ его въ возмущеніи народа противъ верховной власти. Амосъ принужденъ былъ оставить Веѳиль, но изрекъ грозное пророчество на идольскаго жреца.—„Когда на землю израильскую придутъ ассиріяне, плѣнятъ, опустошатъ ее, разорятъ ея города и возьмутъ этотъ городъ, тогда ассирійскіе воины передъ глазами твоими обезчестятъ жену твою, такъ какъ ты научилъ заблужденію изральтянъ, а сыновья и дочери твои погибнутъ отъ оружія передъ тобою, и ты скончаешься въ языческой землѣ, и израильтяне отведутся въ плѣнъ изъ земли своей!“ Расказываютъ, что раздраженный пророчествами Амасія, приказалъ вырвать ему зубы, чтобы принудить къ молчанію; другіе пологали, что Амасія мучилъ пророка еще жесточе, и что сынъ его Озія убилъ пророка. Вотъ, всѣ тѣ свѣдѣнія, какія сохранились о пророкѣ Амосѣ.

Но остались и другіе драгоцѣнные памятники святой жизни Амоса,—это, именно, его пророчества, за которыя онъ и причисленъ къ лику малыхъ пророковъ, какъ

третій по порядку священныхъ книгъ. Слогъ этихъ пророчествъ обиленъ множествомъ живыхъ и образныхъ выраженій, сравненій, взятыхъ изъ жизни сельской и пастушеской, и эти сравненія не только не лишаютъ пророчества Амоса красоты и силы, но еще придаютъ новую красоту его описаніямъ и поэзіи образовъ. Пророчества Амоса касаются прежде всего участи сосѣднихъ языческихъ народовъ. Онъ грозитъ судомъ Божіимъ жителямъ Дамаска, филистимлянамъ, тирянамъ, идумеянамъ, моавитянамъ, угрожаетъ онъ небеснымъ мщеніемъ и своему родному народу. Почти во всѣхъ пророчествахъ послѣдняго рода то и дѣло слышатся обличенія злыхъ богачей, красноречивые упреки имъ въ великолѣпіи домовъ, въ изысканности пищи, въ роскоши мебели. Громитъ св. пророкъ и судей за притѣсненіе невинныхъ, за продажу бѣдныхъ и за обращеніе ихъ въ рабство. Весь же народъ осыпаетъ онъ упреками за ихъ злодѣянія, пороки, суевѣрія и неповиновеніе пророкамъ. Чтобы остановить ихъ отъ зла, пророкъ грозитъ имъ небеснымъ мщеніемъ. Онъ предсказываетъ Израилю страшный голодъ отъ саранчи, междоусобную войну, истребленіе мѣстъ, освященныхъ суевѣріемъ израильтянъ, насильственное истребленіе дома Іеровоама втораго и несчастія, которыя воспослѣдуютъ послѣ смерти этого царя. „Ваши праздники перемѣнятся, говоритъ онъ, въ дни печали и ваши веселыя пѣсни въ вопли отчаянія. Вы облечетесь во вретище и острижете волосы. Израиль зальется слезами, какъ мать оплакиваетъ единственнаго сына, и конецъ его будетъ горечь и страданіе". Однако не одними мрачными чертами рисуетъ Амосъ картину будущей участи Израиля. Онъ даетъ ему и утѣшеніе въ томъ, что бѣдствія его продолжатся только до истребленія нераска-

янныхъ грѣшниковъ. „Плѣнные, говоритъ онъ, разорвутъ, наконецъ, свои цѣпи; они возстановятъ свои опустошенные и разрушенные города; насадятъ свои виноградники и будутъ пить вино, разведутъ сады и соберутъ плоды. Тогда снова возстановится падшая скинія Давида, т. е. возстановится царство потомковъ Давида. Этому потомству будетъ дана власть надъ всѣми народами, которые будутъ призывать имя Господне, и это царство не исторгнется къ тому отъ земли своея". По указанію св. ап. Іакова (дѣян. 15, 10—18), въ этихъ словахъ пророка уже содержится пророчество о царствѣ Христовымъ. (Четьи-Минеи. Библіограф. т. 1, стр. 56—57).

СВ. МУЧЕНИКА ВИТА, МОДЕСТА И КРИСКЕНТІИ.

Св. мученикъ Витъ происходилъ отъ богатой и благородной фамиліи. Родители его были язычники, но его кормилица Крискентія и воспитатель Модестъ были христіане и тайно обратили въ свою вѣру Вита. Витъ и въ отрочествѣ былъ ревностнымъ христіаниномъ,—часто молился Богу, облекшись въ власяницу, и Господь даровалъ ему силу чудотвореній. Витъ исцѣлялъ всякаго рода людскія болѣзни, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ язычниковъ обратиться къ истинному Богу. Въ то время, по повелѣнію Діоклитіана, въ Сициліи, гдѣ жилъ Витъ, намѣстникъ Валеріанъ воздвигъ на христіанъ гоненіе. Когда Валеріанъ узналъ о Витѣ, какъ о ревностномъ Христовомъ исповѣдникѣ, то, призвавши его отца Геласа, совѣтывалъ ему отклонить своего сына отъ христіанства, въ противномъ случаѣ грозилъ лишить жизни Вита. Геласъ тотчасъ же рѣшилъ выполнить совѣтъ Ва-

леріана. Какъ отцу, ему, конечно, было жалко сына, а какъ язычнику ему пріятно было обратить къ идольской вѣрѣ своего сына. И вотъ, Геласъ призвалъ сына и сталъ увѣщавать его отречься отъ Христа, убѣждая въ превосходствѣ языческой религіи. Но двѣнадцатилѣтній отрокъ понималъ болѣе своего отца и больше всѣхъ любилъ Іисуса Христа, почему на увѣщанія, просьбы и угрозы Геласа отвѣчалъ твердымъ исповѣданіемъ Христа. Видя, что слова не приводятъ къ желанной цѣли, Геласъ велѣлъ бить сына прутьями, но и это не отклонило Вита отъ Христовой вѣры, онъ продолжалъ исповѣдывать Христа и былъ утѣшенъ видѣніемъ Ангела Господня, который сказалъ ему: „не бойся, но будь смѣлъ въ исповѣданіи Іисуса Христа. Я назначенъ твоимъ хранителемъ и сохраню тебя до кончины твоей". Геласъ сильно плакалъ о сынѣ и сожалѣлъ его, боясь, что вѣсть о его твердости въ вѣрѣ Христовой дойдетъ до слуха Валеріана. Дѣйствительно, Валеріанъ узналъ, что св. отрокъ Витъ не перестаетъ исповѣдывать Христа, и приказалъ Геласу привести своего сына къ нему. Св. отрокъ и передъ мучителемъ не устрашился объявить себя христіаниномъ. Видя, что казнь неизбѣжна, Геласъ обратился къ родственникамъ и ближнимъ и воскликнулъ: „о друзья, плачьте со мною: единородный сынъ мой погибаетъ!" „Не погибну, отвѣчалъ св. Витъ, когда сподоблюсь быть причисленнымъ къ лику угодниковъ Божіихъ". Между тѣмъ Валеріанъ повелѣлъ начать истязаніе св. отрока. Первоначально его били палками, а затѣмъ Валеріанъ рѣшился усилить страданія мученика и повелѣлъ бить его желѣзною цѣпью. Но въ это время совершилось чудо: у палачей засохли руки, и рука намѣстника, которою онъ указывалъ бить, вдругъ заболѣла

и тоже стала сухою. Св. мученикъ именемъ Іисуса Христа исцѣлилъ руку своего мучителя, и послѣдній, какъ бы въ награду за это, отдалъ св. Вита его отцу. Отецъ былъ весьма радъ такому окончанію дѣла и, чтобы на будущій разъ спасти своего сына отъ мученій, рѣшился склонить его къ идолопоклонству; онъ устроивалъ великолѣпные и роскошные пиры, на которыхъ пѣли и играли отроки и плясали прекрасныя дѣвушки. Наконецъ, Геласъ, чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на юнаго Вита, приказалъ приготовить ему роскошную ложницу, наполнилъ ее всякими богатствами, украсилъ стѣны позолоченными обоями, полъ устлалъ дорогими коврами, устроилъ драгоцѣнную кровать и т. п. Здѣсь-то, затворивши Вита, Геласъ приставилъ къ нему для прислуживанія прекрасныхъ дѣвушекъ. Но св. отрокъ не переставалъ молиться Господу, и рука Господня не покидала его. Вдругъ необыкновенный свѣтъ озарилъ ложницу, и по всему дому разлилось благоуханіе. Отецъ Вита, думая, что боги посѣтили сына, удивлялся такому чудесному явленію. Подошедши къ дверямъ ложницы сына, Геласъ увидѣлъ лица ангельскія, блистающія небеснымъ свѣтомъ и ослѣпъ отъ такого необычнаго сіянія. Напрасно онъ прибѣгалъ къ идоламъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ исцѣленіе, напрасно онъ приносилъ имъ жертвы,—болѣзнь не только не уменьшалась, но все болѣе и болѣе усиливалась. Тогда Геласъ упалъ къ ногамъ св. Вита, прося исцѣлить его. Св. Витъ сказалъ отцу своему, что онъ получитъ исцѣленіе только въ томъ случаѣ, если дастъ обѣщаніе обратиться ко Христу. Геласъ далъ обѣщаніе, но св. отрокъ замѣтилъ: „я знаю жестокое сердце твое, но для предстоящихъ, что бы они вѣровали, покажу на тебѣ силу Владыки моего“. Дѣйствительно, получивъ

исцѣленіе, Геласъ сталъ хулить св. Вита и сказалъ: „не твой Богъ исцѣлилъ меня, а мои боги, которыхъ я благодарю за ихъ помощь мнѣ“. Однимъ только хуленіемъ своего сына Геласъ не ограничился. Онъ такъ ожесточился, что рѣшился во что-бы то ни стало заставить его отречься отъ Христа, а въ случаѣ несогласія не прочь былъ даже и погубить его. Но Ангелъ Господень, явившись къ Модесту, велѣлъ ему взять отрока и идти къ морю, гдѣ у берега они найдутъ корабль и поплывутъ на немъ, куда будетъ указано. Модестъ съ отрокомъ и кормилицею его Крискентіею отправились къ морю и исполнили все указанное Ангеломъ. Они приплыли къ одной изъ итальянскихъ странъ—Луканіи. Здѣсь, при рѣкѣ Силарѣ, они остались жить. Вскорѣ имя св. Вита прославилось по окрестностямъ. Онъ своими молитвами исцѣлялъ множество больныхъ и многихъ обращалъ ко Христу. Прошло нѣсколько времени, и Витъ съ своими спутниками отправились въ Римъ. Тамъ въ то время свирѣпствовалъ жестокій Діоклитіанъ, предавая на мученія и убивая исповѣдующихъ Христа. И св. Витъ съ Модестомъ былъ заключенъ въ смрадную темницу. Царь намерѣвался уморить ихъ голодомъ и жаждою и не велѣлъ давать имъ ни хлѣба ни воды. Но Господь прославилъ свв. узниковъ. Небесный свѣтъ вдругъ озарилъ темницу, раздались подземные удары, и оковы спали съ святыхъ. Стражи пришли въ ужасъ и донесли обо всемъ царю. Діоклитіанъ рѣшился погубить свв. исповѣдниковъ и назначилъ время казни. Множество народа собралось на казнь; былъ приготовленъ котелъ, куда и бросили св. Вита. Но мученикъ оставался въ котлѣ невредимымъ и славилъ Господа. Народъ пришелъ въ удивленіе отъ такого чуда и говорилъ: „мы

никогда не видали такого чуда; воистину великъ Богъ отрока сего". Это еще болѣе озлобило Діоклитіана:—онъ велѣлъ привести страшнаго льва и выпустить его на св. Вита, св. мученикъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, устремившійся на него, левъ упалъ передъ его ногами и лизалъ ихъ. Народъ еще болѣе былъ пораженъ такимъ чудомъ, и до 100 человѣкъ увѣровало во Христа. Царь повелѣлъ повѣсить св. Вита и съ нимъ вмѣстѣ Модеста и Крискентію и тѣла ихъ строгать острымъ желѣзомъ. Жестокія страданія претерпѣвали мученики, и для подкрѣпленія св. Витъ молился: „Боже, во имя Твое спаси насъ и силою Твоею избави насъ". Вдругъ земля затряслась, загремѣлъ громъ, идольскія капища упали и погибло много язычниковъ. Во время этого смятенія, свв. мученики освободились и, при помощи Ангела, снова возвратились на прежнее мѣсто къ рѣкѣ Силарѣ. Но мученія, которыя испытали святые, были на столько сильны, что они скоро всѣ вмѣстѣ скончались, и христіане погребли ихъ свв. останки. (Четьи-Минеи).

Впослѣдствіи мощи св. Вита были въ Сенъ-Дени въ Парижѣ, потомъ перенесены въ Корвей въ Вестфаліи и въ настоящее время показываются въ Прагѣ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2. Замѣт. стр. 169).

СВ. МУЧЕНИКА ДУЛЫ.

Св. мученикъ Дула жилъ въ Киликіи. Въ этой мѣстности, при намѣстникѣ Максимѣ, въ началѣ 4 вѣка, было воздвигнуто жестокое гоненіе на христіанъ. Вмѣстѣ со многими другими христіанами и св. Дула былъ захваченъ язычниками. Всѣ узники, по повелѣнію Максима,

были отведены въ Преторіаду *). Здѣсь св. Дула предсталъ предъ мучителемъ безъ верхней одежды, со связанными руками и, нисколько не боясь его гнѣва, объявилъ себя христіаниномъ. Въ надеждѣ склонить св. исповѣдника къ отреченію отъ Христа, Максимъ повелѣлъ повергнуть его на землю и бить по спинѣ палками. Св. мученикъ оставался непреклоненъ, и Максимъ повелѣлъ обратить его на другую сторону и бить по чреву. Даже для начальника военной стражи такія страданія показались тяжелыми, и онъ, какъ бы сожалѣя мученика сказалъ: „послушай намѣстника! не видишь ли, какъ изливается твоя утроба?“ „Я имѣю совѣтника только моего Господа Іисуса Христа“,—былъ отвѣтъ мужественнаго страдальца. Намѣстникъ все-таки, не теряя еще надежды заставить св. Дулу принести жертву идоламъ, велѣлъ разжечь желѣзную рѣшетку и положить на нее св. мученика, но св. мученикъ продолжалъ прославлять Господа и обличать ложныхъ языческихъ боговъ. Видя безплодность истязанія, Максимъ прекратилъ пытки и заключилъ св. Дулу въ темницу. По прошествіи пяти дней, мученикъ снова долженъ былъ предстать предъ жестокимъ намѣстникомъ, и предсталъ, будучи подкрѣпляемъ силою свыше, бодрымъ и здоровымъ. Это удивило Максима и, думая, что стражи помогали св. мученику, онъ сильно разгнѣвался, повелѣлъ лить на голову св. Дулы масло и зажечь его огнемъ. „Сожжешь ли мнѣ мозгъ,—ничего не успѣешь! Изобрѣтай другія мученія!“ замѣтилъ св. Дула. Мучитель повелѣлъ вложить въ

*) По греческому подлиннику, Преторіада есть мѣстечко въ округѣ киликійскаго приморскаго города Зефирія, отъ котораго идетъ кратчайшій путь по морю на островъ Кипръ (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2, стр. 169).

ноздри св. страдальца горчичныя сѣмена, строгать острымъ желѣзомъ его спину, поливая раны уксусомъ, сокрушить ему челюсти и переломить голени. Жесточайшія страданія испытывалъ св. Дула отъ этихъ безчеловѣчныхъ пытокъ, но все-таки продолжалъ исповѣдывать Христа и, какъ бы въ подкрѣпленіе себя, говорилъ о великихъ истинахъ, сообщенныхъ намъ Господомъ Спасителемъ. Истина воскресенія мертвыхъ обратила на себя вниманіе мучителя, и онъ спросилъ: „развѣ будетъ воскресеніе мертвымъ?“ „Будетъ“, отвѣчалъ св. Дула; „какъ же Богъ будетъ судить міръ, если не возстанутъ мертвые?“ На ночь св. мученикъ снова былъ заключенъ въ оковы, а утромъ снова приведенъ къ мучителю. Думая осквернить святаго, мучитель повелѣлъ насильно вложить въ его уста жертвеннаго мяса и влить вина. Но св. страдалецъ не видѣлъ въ этомъ насильственномъ поступкѣ никакого оскверненія для себя и продолжалъ по прежнему оставаться вѣрнымъ послѣдователемъ Христа. Тогда мучитель повелѣлъ повѣсить св. Дулу на деревѣ, строгать его тѣло и оторвать челюсти, а по окончаніи этихъ жестокихъ истязаній бросить въ темницу. Но уже часы жизни святаго были сочтены и не долго оставалось повластвовать надъ нимъ жестокому мучителю. Отправляясь въ городъ Тарсъ, мучитель повелѣлъ было везти за собою вмѣстѣ съ другими узниками и св. Дулу. Но на дорогѣ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, св. страдалецъ скончался незамѣтно для другихъ. Вскорѣ впрочемъ узнали о его смерти, и мучитель Максимъ повелѣлъ бросить его тѣло. Воины выбросили тѣло въ рѣку, и оно приплыло къ селенію невдалекѣ отъ Преторіады, гдѣ у берега и остановилось. Пастушескія собаки, почуявъ человѣческое тѣло, подошли къ нему; но не для

поруганія надъ нимъ, какъ сдѣлали бы жестокіе мучители, а для сохраненія. Одна изъ собакъ стерегла св. тѣло, оберегая его отъ птицъ, а другая, взявъ пастушескую одежду покрыла св. мощи. Такое небывалое явленіе удивило пастуховъ, и они сообщили о немъ въ окрестностяхъ. Множество вѣрующихъ прибыло къ тѣлу св. мученика и съ подобающими почестями похоронили эти свв. останки. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ДУЛЫ СТРАСТОТЕРПЦА.

Часто въ жизни приходится встрѣчать людей, оскорбляемыхъ и унижаемыхъ неповинно другими. Чистые по жизни, эти люди подпадаютъ самому тяжкому оскорбленію—клеветѣ, вслѣдствіе чего позорится ихъ доброе имя, терзается ихъ кроткое сердце отъ презрѣнія другихъ. Только Господь—этотъ всещедрый отецъ всѣхъ—не оставляетъ страдальцевъ. Онъ облегчаетъ ихъ скорби, въ Немъ они находятъ утѣшеніе. Онъ же обнаруживаетъ ковы другихъ противъ страдальцевъ. Къ числу такихъ то, много пострадавшихъ отъ злобы и коварства ближнихъ, принадлежитъ и преподобный Дула.—Онъ былъ инокомъ въ одной изъ Египетскихъ обителей. Смирный и тихій, исполнительный во всемъ, Дула однако постоянно былъ осмѣиваемъ и оскорбляемъ другими. 20 лѣтъ страдалецъ терпѣлъ униженія, злословіе и презрѣніе другихъ. Конечно, сначала тяжелы были для него такія жестокія отношенія другихъ, сильно волновали его сердце, глубокими ранами врѣзывались въ него; но затѣмъ преподобный достигъ до такого незлобія сердца, что уже не смущался оскорбленіями окружающей его братіи, а ликовалъ душею, терпя неповинно оскорбленія, и да-

же молился Господу за наносящихъ ему оскорбленія. Но Господу угодно было, чтобы праведникъ претерпѣлъ самое тягчайшее для него искушеніе. Одинъ инокъ похитилъ церковные сосуды и, никѣмъ незамѣченный, скрылъ ихъ въ тайномъ мѣстѣ. Утромъ, когда стали собираться на обычное славословіе Господу, покража была замѣчена. Кончилось богослуженіе, и вся братія узнала отъ своего настоятеля о святотатствѣ. Случилось такъ, что пр. Дула, прежде всегда раньше всѣхъ приходившій къ полунощницѣ, въ это время, по болѣзни, не былъ въ церкви, и подозрѣніе въ похищеніи пало на него. Собранъ былъ въ обители соборъ, и нѣкоторые изъ братіи были посланы за Дулой. Ненавидя неповиннаго страдальца и вполнѣ убѣжденные въ его виновности, посланные осыпали Дулу насмѣшками и оскорбленіями, хотя праведникъ въ то время стоялъ на молитвѣ. Какъ преступника, привлекли Дулу на соборъ. Здѣсь со всѣхъ сторонъ начали обвинять праведника. Обвиняли еще въ воровствѣ хлѣба, въ пьянствѣ, много и другихъ ложныхъ обвиненій возводили на неповиннаго. При такихъ обвиненіяхъ Дула, дѣйствительно, показался настоятелю и старцамъ способнымъ къ святотавству. Напрасно защищался пр. Дула, напрасно онъ убѣждалъ соборъ въ ложности возводимыхъ на него обвиненій,—никто не внималъ его правдивымъ словамъ. И вотъ, праведникъ, видя безуспѣшность своихъ оправданій и считая за лучшее прекратить свое позорное положеніе, сказалъ старцамъ: „простите меня св. отцы я грѣшенъ!“ Настоятель велѣлъ снять съ обвиняемаго иноческія одежды, одѣть его въ мірскія и передалъ его эконому. Много ударовъ претерпѣлъ Дула отъ эконома по обнаженному тѣлу и, какъ преступникъ, отданъ былъ на судъ свѣтской власти.

Еще больше страданій и мученій вытерпѣлъ преподобный отъ свѣтскихъ начальниковъ. Его били и пытали, чтобы добиться отъ него сознанія виновности, но св. Дула и здѣсь, какъ на судѣ въ обители, сначала оправдывался, но затѣмъ ничего не отвѣчалъ болѣе, какъ только: „простите меня, я грѣшенъ!“ Такъ тщетны были усилія начальника узнать отъ него, гдѣ скрыты сосуды. Истязанія были прикончены и обо всемъ донесено настоятелю съ тѣмъ, чтобы узнать отъ него, что сдѣлать съ несознающимся инокомъ. Настоятель просилъ поступить съ нимъ по гражданскимъ законамъ. Законы въ то время были строгіе, и, согласно съ ними, должно было отсѣчь святотавцу руки. Снова привели на судъ св. Дулу, снова стали допытываться отъ него объ обстоятельствахъ похищенія. „Ужели вамъ хочется, сказалъ преподобный, чтобы я обвинилъ себя въ томъ, чего я не дѣлалъ! Я не хочу быть лжецомъ на самого себя, ибо вся ложь отъ діавола“. Эти искреннія слова не убѣдили судей, и рѣшено было отсѣчь преподобному руки.

Вся братія той обители, гдѣ подвизался пр. Дула, слѣдили за ходомъ суда надъ нимъ и знали всѣ его обстоятельства. Зналъ все это и дѣйствительный похититель церковныхъ сосудовъ. Когда судъ закончился жестокимъ наказаніемъ св. Дулы, совѣсть заговорила въ похитителѣ. Жалко ему стало праведника и онъ сознался въ своемъ проступкѣ и возвратилъ сосуды. Пр. Дула былъ освобожденъ отъ казни. Вся братія раскаялись въ своемъ поступкѣ и съ сердечными мольбами испрашивали у неповиннаго мученика прощенія! Низлобивый праведникъ простилъ вину братіи и поселился снова въ обители. Но не много братія видѣла св. Дулу въ живыхъ. Прошло только три дня и св. Дула, стоя на колѣняхъ въ

молитвѣ къ Господу, скончался тихою и мирною кончиною праведника. Братія причислила св. Дулу къ лику страстотерпцевъ Христовыхъ и постановила каждый годъ совершать его память 15 іюня (Четьи-Минеи).

О св. о. н. Іонѣ, митрополитѣ московскомъ см. 31-го марта.

СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ СЕРБСКАГО ЛАЗАРЯ.

Св. князь сербскій Лазарь принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ и дорогихъ для сердца каждаго сербскаго патріота личностей. Его память и до нынѣ свѣжа въ народѣ сербскомъ, переходя изъ устъ въ уста, отъ отцовъ къ потомкамъ въ теченіи многихъ столѣтій. И дорожатъ сербы этою памятью!—дорожатъ ею, какъ послѣднимъ отголоскомъ независимости, какъ послѣднимъ лучемъ, вмѣстѣ съ которымъ угасла прежняя слава Сербіи.....

Князь Лазарь происходилъ изъ боярскаго дома Гребляновичей (Раича ист. слав. народовъ 3, 4. 5) и съ дѣтства воспитывался при дворѣ сербскаго князя Душана, который чувствовалъ къ нему сильное расположеніе. Еще болѣе усилились связи Лазаря съ княжескимъ дворомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на Милицѣ, происходившей отъ св. Стефана Неемани чрезъ втораго его сына Волкана. Какъ родственнику Нееманичей, царь Душанъ дозволилъ Лазарю носить званіе князя, поэтому же онъ и писался Стефаномъ Лазаремъ.

Послѣ смерти Душана, при его преемникѣ Урошѣ, Лазарь былъ правителемъ Сремской придунайской области. Въ 1371 году погибъ похититель царской власти послѣдняго Уроша, и Лазарь, не объявляя себя княземъ всей Сербіи, взялъ на себя заботы объ исправленіи

печальнаго состоянія Сербіи. Въ то время непрерывныя бѣдствія такъ и сыпались на сербскую землю отовсюду— извнутри и извнѣ ея. Подъ гнетомъ этихъ ударовъ страдала Сербія, и ея силы истощались все болѣе и болѣе. Николай Алтаманъ, Герцеговинскій намѣстникъ, вмѣсто охраненія общественныхъ покоя и безопасности самъ грабилъ и разбойничалъ, нападая на сосѣдей и производя тамъ опустошенія и убійства. Лазарь не могъ равнодушно перенести эти несчастія, двинулся съ войсками на грабителя, преслѣдовалъ его изъ одного мѣста въ другое, осадилъ крѣпость Ужицу, гдѣ было заперся Алтаманъ, и довелъ дѣло до того, что Алтамана выдали Лазарю. Лишенный зрѣнія Алтаманъ былъ выведенъ за границу. Затѣмъ князь Лазарь разбилъ Радича Бранковича у Браничева и, чтобы смирить своеволіе остальныхъ князей и прекратить ихъ гибельную для Сербіи вражду, прошелъ съ войскомъ Далмацію и Боснію. Округлилъ Лазарь и владѣнія Сербіи, присоединивъ къ ней значительную часть по правую и лѣвую сторону рѣки Тиссы до нынѣшняго Темесвара послѣ того, какъ выгналъ венгровъ изъ Срема и Мачвы. Вмѣстѣ съ этимъ, стремясь укоренить единодушіе между сербскими намѣстниками, Лазарь выдалъ за нихъ своихъ дочерей. Такая плодотворная дѣятельность Лазаря была увѣнчана провозглашеніемъ его верховнымъ властителемъ Сербіи.

Устроя дѣла государственныя, Лазарь умиротворилъ и нестроенія церковныя. Патріархъ цареградскій сильно негодовалъ на правителей Сербіи за присвоеніе сербскому архіепископу званія патріарха и за провозглашеніе сербскаго владѣтеля Душана царемъ. Негодованіе патріарха еще болѣе усилилось послѣ того, какъ Душанъ, завоевавъ греческія области, подчинилъ сербскому патріарху

церкви, которыя прежде были подвѣдомственными константинопольскому патріарху, и выслалъ изъ своихъ областей епископовъ греческаго происхожденія. Правда, деспотъ Іоаннъ Углешъ въ 1368 г. передалъ снова церкви своей области вѣдѣнію цареградскаго патріарха, но блаженный Лазарь рѣшился устроить дѣла мирнымъ соглашеніемъ. Посланъ былъ въ Константинополь умный инокъ Исаія, и на соборѣ патріарха постановлено было дать право независимости сербскому архіепископу вмѣстѣ съ званіемъ патріарха, но съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался послѣднимъ только въ Сербіи.

Новый патріархъ, блаженный Ефремъ, возложилъ царскій вѣнецъ на князя Лазаря, и десять лѣтъ наслаждалась спокойствіемъ Сербія подъ мудрымъ управленіемъ его. Лазарь вызывалъ жителей въ города разоренные въ прежнее время. Оживилась при немъ торговля и промышленность. Не мало заботился Лазарь и о поддержаніи христіанскаго просвѣщенія въ народѣ. Строилъ благовѣрный князь храмы, обезпечивалъ ихъ, дѣлалъ щедрые подарки монастырямъ и богоугоднымъ заведеніямъ. Особенно памятникомъ благочестія Лазаря можетъ служить его „Задушбина“—монастырь Раваница. Въ своей грамотѣ 1381 года Лазарь писалъ относительно этого монастыря: „ревнуя, бывшимъ прежде меня, благочестивымъ царямъ, на престолъ которыхъ вознесъ меня Богъ, рѣшился я принесть посильную жертву: построилъ съ основанія монастырь въ честь Вознесенія Господня и посильно украсилъ его, приготовилъ жилья для общежитія братіи, установленнаго Апостолами. Достаточно приготовилъ всего: доходы и села, насадилъ виноградники, другіе купилъ.... Все, что отдаю я, не составляетъ ни чьей собственности,—не учинилъ я никому насилія, все

или куплено или пріобрѣтено мѣною, какъ кто хотѣлъ... Пусть не поставляется игуменъ со стороны: 12 благоговѣйныхъ братій, по совѣщанію съ княземъ, избираютъ изъ монастырской братіи и, положивъ руку на Евангеліе, скажутъ сей достоинъ быть наставникомъ общежитію нашему и пасти Христово стадо".

Миновало десять лѣтъ, въ которые Сербія наслаждалась спокойствіемъ подъ мудрымъ управленіемъ кн. Лазаря, и надъ несчастной страной стала собираться грозная туча. Уже сосѣди Сербіи испытывали на себѣ тяжесть зависимости отъ азіятскихъ дикарей—турокъ. Взятъ былъ Одринъ (Адріанополь), и турки утвердились въ Румеліи. Почти вся Болгарія была завоевана ими. Признали свою зависимость отъ нихъ и Эпиръ съ Албаніей. Повсюду невѣрные распространяли опустошеніе, притѣсненія и насилія. Дрогнула Сербія, какъ бы предчувствуя свою участь; но еще бодръ и крѣпокъ былъ голова Сербіи—царь Лазарь. Выступивъ противъ турокъ, Лазарь завлекъ 20,000 ихъ войска въ эпирскія тѣснины и истребилъ, такъ что едва только 500 турокъ могли избѣжать сербскаго меча. При повсюдной покорности и при постоянныхъ удачахъ, побѣда Лазаря взбѣсила турокъ. Собрано было ими 300,000 войска, которое во главѣ съ самимъ султаномъ Мурадомъ шло предать огню и мечу Сербію въ томъ случаѣ, если она неизъявитъ своей полной покорности. Но дорогá была свобода для сербскаго народа, трудно было ждать и отъ его князя согласія быть подвластнымъ туркамъ. И, дѣйствительно, благовѣрный Лазарь такъ писалъ въ отвѣтномъ своемъ посланіи Мураду: „я получилъ писаніе ваше и понялъ, что вы повелѣваете, чтобы пришелъ я къ вамъ, принесъ дань и покорность и не назывался бы ни княземъ, ни королемъ.

Все это не въ моей власти. Меня поставили князья и вельможи всей сербской земли, я не могу покориться тебѣ, не нарушая клятвы данной народу. Да и полезно ли это будетъ для тебя? потерпи намъ, подожди на мѣстѣ, гдѣ остановился. Я соберу народъ мой. Если онъ скажетъ, чтобы покорился я,—предъ всѣми поклонюсь тебѣ. Если же не захотятъ того, я долженъ съ ними выдти противъ тебя. Такъ я клялся имъ. Преслѣдуя меня одного, ты будешь разорять землю. Въ такомъ случаѣ хотя бы не хотѣлъ я, долженъ стать противъ тебя". Султанъ Мурадъ далъ 17 дней сроку на размышленіе. Нетрудно предвидѣть, чѣмъ должно кончиться размышленіе. Отдаться подъ власть туркамъ—значило подвергнуться всякаго рода стѣсненіямъ и жестокостямъ, которыми себя уже успѣли тогда заявить турки. Другое дѣло: еслибы добровольное признаніе ихъ власти хотя нѣсколько обезпечивало покой и безопасность страны, признавшей эту зависимость отъ турокъ; но этого не было на самомъ дѣлѣ; а въ такомъ случаѣ оставалось одно,—попытать боевое счастіе. И вотъ, стала собираться Сербія на битву съ грознымъ врагомъ, и распустились знамена Лазаря надъ сербскимъ ополченіемъ. Къ сожалѣнію сильный Захолмскій князь не успѣлъ придти съ своимъ войскомъ къ сроку за отдаленностію. Всего только 60,000 войска набралось у кн. Лазаря, а турокъ было 300,000. Триста тысячъ противъ шестидесяти тысячъ... Какая громадная разница! Но дѣлать было нечего,—нужно было биться съ турками при далеко неравныхъ силахъ. и на 15 іюня была назначена рѣшительная битва. Этотъ день былъ праздничнымъ днемъ для князя Лазаря, такъ какъ въ этотъ день онъ каждогодно творилъ память о закладкѣ своей Задушбины—Раваницы. Рано утромъ за-

шевелился лагерь сербскій. Всѣ воины вмѣстѣ съ княземъ причастились Св. Таинъ. Печалью было омрачено лицо благовѣрнаго князя. Трудно было ждать отъ битвы благопріятнаго исхода для Сербовъ. Впрочемъ сначала обстоятельства слагались въ пользу сербскаго войска. Зять Лазаря Милошъ вмѣстѣ съ своими тремя друзьями рѣшился пожертвовать своею жизнію, лишь бы только убить страшнаго врага вѣры и отчизны—Мурада. Не объявляя объ этомъ никому въ своемъ лагерѣ, онъ отправился въ турецкій лагерь и просилъ для себя свиданія съ султаномъ. Свиданіе было устроено; Милошъ предсталъ предъ Мурадомъ, поклонился ему и въ тотъ же моментъ поразилъ его мечемъ. Такая неожиданность настолько поразила слугъ султана, что они оцѣпенѣли отъ ужаса, и Милошъ съ своими друзьями безпрепятственно вскочилъ на коней. Однако вскорѣ опомнились турки и бросились за храбрыми сербами. Сперва были убиты оба товарища Милоша; самъ онъ храбро отбивался, хотя и былъ уже покрытъ кровію. Три раза выскакивалъ онъ изъ толпы турокъ на своемъ конѣ, и даже теперь на Косовомъ полѣ помѣчены мѣста его отлетовъ, называемыя въ народѣ скачками Милоша; но конь споткнулся, и турки убили Милоша.

Смерть Мурада произвела всеобщее смятеніе въ турецкомъ лагерѣ. Стоило только воспользоваться сербамъ этою минутою и гибель турокъ была бы неизбѣжна. Къ несчастію сербы не знали о пораженіи Мурада. Военачальникъ Вукъ Бранковичъ, тайный измѣнникъ, распространилъ слухъ, что Милошъ сдѣлался предателемъ и съ этою цѣлію ушелъ къ туркамъ. Вѣсть эта гибельно подѣйствовала на сербское войско. Всѣ упали духомъ, и только сильная рѣчь храбраго Лазаря возбудила ослабѣв-

шее мужество въ рядахъ сербовъ, и они съ спокойнымъ духомъ выступили противъ турокъ, предводителемъ которыхъ уже явился сынъ Мурада—Баязедъ. Сербы мужественно выдержали быстрый напоръ турокъ. Прошло не много времени, и турецкое войско пришло въ замѣшательство; лѣвое крыло ихъ уже было пробито; но Баязедъ выдвинулъ свѣжее войско и возобновилъ жестокую сѣчу. Пять часовъ длилась битва, и побѣда ни склонялась ни на какую сторону. Однако пора было сербамъ освѣжиться новыми силами. Многочисленный непріятель изнурилъ сербское войско, и подкрѣпленіе было необходимо. У сербовъ и было запасное войско подъ предводительствомъ Вука Бранковича, но онъ, вмѣсто того, чтобы въ рѣшительную минуту ударить на враговъ, отвелъ свое войско назадъ. И прильнуло къ его позорной памяти на вѣки прозваніе измѣнника! Ни время, ни добродушіе славянъ, ни что не въ силахъ заглушить той ненависти, которая кипитъ въ сердцѣ каждаго серба при имени Вука. Онъ все отнялъ у сербовъ своимъ измѣнничествомъ и отдалъ ихъ въ руки враговъ... Не видя подкрѣпленія, сербское войско уже не въ силахъ было держаться противъ турокъ, тѣмъ болѣе, что Лазарь, бившійся въ первыхъ рядахъ, въ это время бросился смѣнить своего истомленнаго коня. Уже прежде войско видѣло на князѣ слѣды крови, теперь же не видя его оно дрогнуло. Турки воспользовались моментомъ и ударили на нихъ всѣми силами. Напрасно опять появился князь Лазарь, напрасно напрягалъ онъ всѣ силы, стараясь возбудить мужество въ рядахъ сербовъ. Сербы бѣжали, и ничто уже не могло остановить ихъ. Турки по пятамъ преслѣдовали бѣгущихъ, многихъ побили, многихъ взяли въ плѣнъ. Уже въ концѣ битвы, когда не оставалось ни какой

надежды на мужество, князь Лазарь пустилъ своего коня окольною тропинкою, чтобы искать спасенія въ бѣгствѣ, но конь его упалъ въ яму и завязъ. Турки настигли храбраго князя, живымъ привели его къ султану и, по его повелѣнію, отсѣкли голову св. Лазарю.

Впослѣдствіи сербы едва нашли тѣло своего доблестнаго князя и похоронили его въ ближайшемъ храмѣ Приштинской епископіи. Прошло два года и восемь мѣсяцевъ, и тѣло князя оказалось нетлѣннымъ, перенесено было въ его Задушбину—въ Раваницкій монастырь, гдѣ и было положено въ мраморномъ гробѣ. „Тѣло его, писалъ одинъ современникъ князя Лазаря, до нынѣ пребываетъ невредимымъ, чему былъ я очевидецъ, глава его отсѣчена и обагрена кровію; смотря, думаешь, какъ будто нынѣ она отсѣчена;—испускаетъ благовоніе. Вѣдь и Мурадъ тогда же убитъ и съ нимъ пало несчетное число турокъ: и однако неявилось знаменія ни на начальникѣ, ни на подчиненныхъ,—все истлѣло».

Еще задушевнѣе и ярче писала о св. князѣ Лазарѣ вдова деспота Углеша, инокиня Евфимія, на шелковомъ покровѣ, приготовленномъ для Лазаревой гробницы: „среди благъ міра сего воспитывался ты отъ юности, о новый мученикъ, князь Лазарь! крѣпкая рука Господня являла тебя крѣпкимъ и славнымъ между властителями земли. Господствовалъ ты надъ страною отечественною и врученныхъ тебѣ христіанъ утѣшалъ счастіемъ. Мужественною душою и съ рѣшимостію святою вышелъ на змія—супостата церкви святыхъ. Нельзя терпѣть того, положилъ ты, что-бы христіанами обладали измаильтяне, если же нельзя того достигнуть, пусть обагрюсь кровію моею, соединюсь тогда съ воинствомъ Царя небеснаго. Два желанія твои исполнились. Змія убилъ ты и по-

лучилъ вѣнецъ отъ Бога"... Такъ писала Евфимія, указывая при этомъ на скорби дѣтей и сербскаго народа и прося у св. Лазаря помощи и молитвъ предъ Богомъ о страждущихъ.

Чтили современники князя, чтутъ и потомки. И мы русскіе творимъ каждогодно ему память съ 1550 г. Въ это время Паисій, игуменъ Хиландарскаго монастыря, явясь съ тремя старцами къ царю Іоанну, поднесъ ему въ даръ образъ святаго короля Милютина и св. князя Лазаря и службу имъ (Сношенія Россіи съ Востокомъ. Спб. стр. 54).

Въ 1683 году турки, воюя съ нѣмцами, опустошили старую Раваницу, и иноки перенесли мощи св. Лазаря въ одну изъ обителей Фрушкой горы, названную новою Раваницею (Святые южныхъ славянъ Филарета арх. черниг. стр. 93—103. Житія свв. Муравьева).

БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА.

Родиною бл. Іеронима былъ городъ Стридонъ, находящійся въ предѣлахъ Далмаціи и Панноніи. Какъ люди довольно богатые и знатные, родители Іеронима дали ему прекрасное по тому времени образованіе. Не ограничась домашнимъ обученіемъ, они отправили своего сына въ Римъ, гдѣ онъ и долженъ былъ окончить свое образованіе подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время риторовъ и грамматиковъ. Юный стридонецъ со всемъ жаромъ своей пылкой души отдался изученію наукъ. Его наставники развили въ немъ вкусъ къ поэзіи и краснорѣчію и пытливость ума на столько, что онъ прочелъ произведенія всѣхъ извѣстныхъ въ то время поэтовъ, ораторовъ, грамматиковъ, философовъ и истори-

ковъ. Казалось, что, при такомъ пристрастіи Іеронима къ свѣтскимъ наукамъ, для него въ будущемъ должно открыться поприще краснорѣчиваго адвоката или знаменитаго ритора; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Христіанская вѣра, такъ быстро тогда распространявшаяся въ языческомъ обществѣ, не могла не повліять на Іеронима. „Когда я былъ еще отрокомъ, писалъ впослѣдствіи онъ, и изучалъ свободныя науки, то въ воскресные дни съ тѣми, которые были со мною одинхъ лѣтъ и однѣхъ мыслей, обыкновенно ходилъ къ гробамъ апостоловъ и мучениковъ и часто спускался въ катакомбы, гдѣ въ глубинѣ земной, по обѣимъ сторонамъ пути, въ стѣнахъ сокрыты тѣла погребенныхъ". Однако пылкій нравъ, блестящее общество молодыхъ патриціевъ и языческая ученость отвлекли Іеронима на время отъ служенія Христу и пріучили его къ разсѣянности... Горя желаніемъ лучшаго образованія, Іеронимъ покинулъ Римъ и отправился путешествовать по Галліи и другимъ мѣстамъ. Въ Аквилеѣ онъ нашелъ себѣ общество друзей, подобно ему страстно преданныхъ наукамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспламененныхъ ревностію къ славѣ Божіей и питающихъ глубокое уваженіе къ жизни и добродѣтели подвижниковъ восточныхъ странъ. Пребываніе въ средѣ этихъ лицъ имѣло благотворное вліяніе на Іеронима, пробудило въ немъ стремленіе къ высшей жизни, и онъ, отправившись въ Римъ, омылся тамъ водою св. крещенія при папѣ Либеріѣ.

Шумный и многолюдный городъ не могъ удержать Іеронима; его воображеніе поражалось картинами Востока — этой колыбели вѣры и родины великихъ и знаменитыхъ учителей и великихъ подвижниковъ. Вмѣстѣ съ своими друзьями — Иннокентіемъ, Геласіемъ и Иліодо-

ромъ, захвативъ также и книги—это дорогое свое сокровище, съ которымъ никогда не разставался, Іеронимъ отправился въ путь. Онъ прошелъ Ѳракію, Каппадокію, Виѳинію, Малую Азію, сирійскую Антіохію. Въ Антіохіи, заболѣвъ лихорадкою, Іеронимъ—этотъ страстный любитель языческихъ классиковъ—услышалъ обличеніе своей страсти. „Мнѣ казалось,—писалъ онъ,—что меня привели на судъ. Спрошенный о моей вѣрѣ, я отвѣчалъ, что я христіанинъ. Но занимавшій первое мѣсто говорилъ: ты лжешь—ты цицеронiанецъ, а не христіанинъ. Гдѣ сокровище твое, тамъ и сердце твое". Это обстоятельство до глубины души потрясло Іеронима, и онъ поселился въ дикой Халкійской пустынѣ, начавши вести строго подвижническую жизнь.

Какъ знаменитый ученикъ славныхъ риторовъ, поэтовъ и философовъ, Іеронимъ сильно смущался простотою слога св. Писанія; но его твердая воля и свѣтлый умъ скоро побѣдоносно вывели его изъ опасности искушенія. Онъ проникся высшей, внутренней красотой словесъ Божіихъ, строгой и своеобразной ихъ поэзіей, и хотя не безъ внутренней борьбы, однако оставилъ совершенно мірскія науки и всецѣло съ пламеннымъ усердіемъ отдался изученію св. Писанія. Какъ прежде Іеронимъ прочелъ всѣ произведенія языческой древности, такъ и теперь онъ сталъ читать все, что только могъ найти у христіанскихъ писателей; читалъ сочиненія богословскія, апологетическія, историческія, знакомился и съ толкованіемъ св. Писанія. Чтобы умѣрить свое пылкое воображеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы лучше проникнуть глубины Божественныхъ книгъ, Іеронимъ принялся усердно за трудное изученіе еврейскаго языка, хотя ему было уже 44 года. Среди этихъ научныхъ трудовъ дикое мѣ-

сто и твердая воля привели Іеронима къ суровымъ подвигамъ. Христіанство поразило его умъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ догматическимъ ученіемъ. Живя въ пустынѣ, Іеронимъ выдержалъ здѣсь жестокую борьбу съ своимъ пылкимъ нравомъ и покорилъ его покаяніемъ, молитвами, трудами и благочестивыми размышленіями, достигши такого покоя, какого не давала ему роскошная римская жизнь.

Однимъ изъ утѣшеній Іеронима было теперь писать *письма* къ своимъ друзьямъ на Западѣ, почему онъ очень нерѣдко изъ глубинъ пустыни и обращался къ Западу. И сколько чувства, сколько силы было въ этихъ письмахъ! Не даромъ эти письма передавались на Западѣ изъ рукъ въ руки и съ восторгомъ читались. Одни ихъ съ удовольствіемъ переписывали, а другіе даже заучивали наизусть. Чтобы видѣть на сколько ярко выливалась въ этихъ письмахъ могучая душа Іеронима и на сколько воплотилось въ нихъ замѣчательное краснорѣчіе его, достаточно привести отрывки изъ письма къ Иліодору, который хотя и прибылъ на Востокъ вмѣстѣ съ Іеронимомъ, но оставилъ его впослѣдствіи. Престарѣлые родители, любимыя сестры, юный племянникъ, сладкія семейныя узы, тоска по роднинѣ—все это влекло къ себѣ Иліодора, и его мужество не выдержало этихъ призывовъ. Неутѣшно скорбя объ отъѣздѣ друга, пр. Іеронимъ увѣщавалъ его возвратиться и, рисуя въ своемъ посланіи картину мірскихъ опасностей, писалъ: „со всѣхъ сторонъ—съ десныхъ и съ шуихъ—огненное вожделѣніе, богатство, сладострастіе тщатся изгнать живущаго въ тебѣ Св. Духа и осквернить его храмъ—твою душу. Повѣрь моему опыту, я, который говорю тебѣ,—я, пловецъ, избѣгшій крушенія, могу другимъ указать подводные камни. На этомъ житейскомъ морѣ Харибда, т. е.

похоть пожираетъ насъ; Сцилла, съ убѣждающимъ лицемъ, готовитъ смертныя козни добродѣтели. Весь этотъ берегъ враждебный, а не гостепріимный. Бѣги: это море коварно, и затишье его обманчиво, потому что его поверхность спокойная и блестящая едва зыблется легкимъ вѣтромъ, но она скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ бездны, и его спокойствіе умножаетъ бури". Таковыми яркими чертами Іеронимъ изображаетъ мірскую жизнь. Въ противоположность ей онъ такъ очерчиваетъ безопасность пустыни: „о, пустыня испещрена цвѣтами Христовыми, уединеніе, порождающее таинственные камни, изъ которыхъ созданъ градъ великаго Царя! святое убѣжище, гдѣ наслаждаются общеніемъ съ Самимъ Богомъ! Братъ, что дѣлаешь ты въ мірѣ,—ты, который выше міра! Доколѣ будетъ тяготѣть надъ твоею головою сѣть вещественныхъ крововъ! Доколѣ будетъ заключать тебя дымная темница городовъ? Повѣрь мнѣ, не знаю, но вижу, здѣсь болѣе свѣта. Здѣсь душа, свободная отъ земныхъ заботъ, возлетаетъ къ небесамъ". Вотъ образецъ тѣхъ писемъ, какія посылалъ Іеронимъ на Западъ, и понятно, какую славу должны были подготовлять эти письма ему на Западѣ.

Прошло два года, и пр. Іеронимъ оставилъ пустыню, перешедши въ Антіохію. Онъ принялъ санъ священства съ условіемъ остаться монахомъ и не быть священникомъ какой либо опредѣленной церкви, и очень можетъ быть, что проникнутый чувствомъ смиренія и сознаніемъ высокаго достоинства священническаго сана, онъ едвали когда нибудь послѣ того и совершалъ таинство Евхаристіи. Послѣ посѣщенія священныхъ мѣстъ Палестины, Іеронимъ отправился въ Константинополь, гдѣ съ восторгомъ слушалъ высокое ученіе св. Григорія Богослова.

Около двухъ лѣтъ пробылъ здѣсь пр. Іеронимъ, окончилъ переводъ хроники Евсевія, начатый имъ еще въ пустынѣ, и перевелъ бесѣды Оригена на Іезекіиля и Іеремію. Въ началѣ 382 года Іеронимъ вмѣстѣ съ Павлиномъ антіохійскимъ и Епифаніемъ кипрскимъ возвратился въ Римъ.

Строгій и пламенный, съ мужественными, сильными чертами лица, замѣчательный по своей скитальческой жизни, одинаково свѣдущій въ богословскихъ и свѣтскихъ наукахъ, пятидесяти-двухъ-лѣтній Іеронимъ достойно былъ встрѣченъ въ Римѣ, и великая слава окружила этого замѣчательнаго человѣка почти съ первыхъ дней появленія его въ Римѣ. Папа Дамасъ съ любовію и почетомъ принялъ его, какъ драгоцѣннаго помощника, нужнаго ему особенно для борьбы съ изнѣженностію и распущенностію, которыя царили въ то время среди христіанскаго общества. Вмѣстѣ съ этимъ папа старался удержать при себѣ пр. Іеронима и за тѣмъ, чтобы пользоваться его обширными познаніями для отвѣтовъ на вопросы догматическіе и каноническіе, присылавшіеся къ нему почти со всѣхъ концевъ христіанскаго міра. Самыя тѣсныя и самыя близкія отношенія завязались между этими двумя мужами, а св. Писаніе, которое такъ прекрасно зналъ Іеронимъ, скрѣпляло и услаждало ихъ дружественныя связи. Папа и бывшій Холкійскій пустынникъ почти непрестанно бесѣдовали о св. Писаніи, причемъ ученый и смиренный святитель обращался въ ученика, предоставляя Іерониму мѣсто учителя.

Много услугъ сдѣлалъ Іеронимъ папѣ, еще больше принесъ онъ пользы Западу. Въ то время на Западѣ сильно чувствовалась необходимость пересмотра св. книгъ. Съ большимъ успѣхомъ взяться за это дѣло могъ только

Іеронимъ, и папа Дамасъ настойчиво просилъ его выполнить это. Іеронимъ, хотя чувствовалъ затрудненія и препятствія, какія необходимо должны были встрѣтиться при этомъ, однако принялся за исправленіе св. книгъ. Онъ издалъ въ Римѣ новый завѣтъ, тщательно исправленный съ первоначальнаго греческаго текста и Псалтирь, провѣренную съ греческимъ подлинникомъ семидесяти толковниковъ.

Хотя обширные библейскіе труды и много отнимали времени у пр. Іеронима, однако онъ находилъ возможность просвѣщать римское общество. Пламенный почитатель дѣвственной жизни, Іеронимъ старался воспитывать и пробуждать любовь къ иночеству въ знаменитыхъ вдовахъ и дѣвахъ Рима. Его иноческое одѣяніе, строгій ликъ, изможденный покаяніемъ и потемнѣвшій отъ лучей восточнаго солнца, его оживленный взглядъ, порывистыя движенія и даже нѣсколько суровый выговоръ его рѣчи, глубокія познанія, его живое и пылкое краснорѣчіе — все это придавало Іерониму необыкновенную привлекательность и неотразимое вліяніе на слушающихъ. Поэтому неудивительно, что знаменитыя вдовы и дѣвы Рима съ восторгомъ слушали его наставленія, и подлѣ него собрался многочисленный кругъ дивныхъ женъ. Авентинъ былъ мѣстомъ, гдѣ Іеронимъ занимался чтеніемъ свящ. книгъ и ихъ толкованіемъ. Тѣ, которые не жили въ Авентинѣ, спѣшили собраться туда, и въ числѣ первыхъ была Павла и Евстохія. Извѣстнѣйшіе римскіе іереи, стремясь изучить вѣру въ ея источникахъ, домогались чести присутсвовать при авентинскихъ собраніяхъ. И не мало между слушателями Іеронима было людей возвышенныхъ и особенно просвѣщенныхъ учениць. „Не могу выразить, писалъ впослѣдствіи Іеронимъ, сколько я видѣлъ въ нихъ

ума, проницательности и въ тоже время чудесной чистоты и добродѣтели". Съ наслажденіемъ раскрывая такимъ просвѣщеннымъ умамъ „эти пажити св. Писанія, испещренныя, какъ онъ выражался, небесными цвѣтами". Іеронимъ старался, чтобы изученіе Божественныхъ словесъ было не поверхностное, но проникало въ глубины, гдѣ, по его словамъ, заключается растительность и истинная сладость св. книгъ. Самою пламенною и самою проницательною изъ учениць Іеронима была Павла и ея юная дочь Евстохія. „Напрасно сопротивлялся я, пишетъ пр. Іеронимъ, ея (Павлы) настояніемъ. Она принуждала меня уступать и покоряться необходимости учить ее тому, чему самъ научился, конечно, не собственнымъ своимъ умомъ, который есть худшій изъ учителей, но отъ великихъ мужей церкви. Если иногда я колебался и съ простотой признавался въ своемъ незнаніи, это не спасало меня: Павла требовала, чтобы я, по крайней мѣрѣ, изложилъ мысли о томъ разныхъ толкователей, объясняя, которой изъ нихъ я давалъ преимущество".

Самыя чтенія имѣли строгій порядокъ. Чтеніе начиналось псалмами, чтобы прежде всего какъ бы усладить душу этими духовными пѣснями. Послѣ того, чтобы открыть сердце къ любви добродѣтели, Іеронимъ заставлялъ читать Соломоновы Притчи — это собраніе наставленій такихъ простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ, такихъ свѣтлыхъ и полныхъ опытною мудростію - и особенно Екклезіастъ, въ которомъ такъ краснорѣчиво показана суета всего преходящаго, за тѣмъ книгу Іова, чтобы подкрѣпить слушающихъ великими примѣрами терпѣнія и силы духа; тогда Іеронимъ вручалъ самихъ Евангелистовъ, потомъ Дѣянія и Посланія Апостольскія. Послѣ такого

уже приготовленія, онъ давалъ читать Пророковъ, которые какъ-бы впередъ написали Евангеліе; давалъ Іеронимъ также историческія книги Ветхаго Завѣта, гдѣ находятся нѣкоторыя повѣствованія, которыми могли-бы смутить или удивить при неправильномъ ихъ пониманіи; послѣ всего этого Іеронимъ дозволялъ чтеніе Пѣсни Пѣсней, когда были уже въ состояніи понять ея духовный смыслъ.

Занимаясь чтеніемъ и толкованіемъ св. книгъ, бл. Іеронимъ вмѣстѣ съ тѣмъ много посвящалъ времени на духовное руководство тѣхъ избранныхъ душъ, которыя избрали его своимъ отцомъ и наставникомъ. То были тѣ же самыя знаменитыя жены Рима, которыя съ любовію и увлеченіемъ посѣщали Авентинскія собранія. — Въ то время пороки широко распространились въ римскомъ обществѣ и глубоко пустили въ немъ свои корни. Роскошь, страсть къ удовольствіямъ, развлеченіямъ, изнѣженность и т. п. были обычными явленіями въ тогдашнемъ обществѣ. При видѣ такого общества, разрушавшагося главнымъ образомъ отъ собственной порчи, Іерониму казалось, что самый вѣрный путь къ исправленію — это стремленіе къ осуществленію высшихъ христіанскихъ добродѣтелей и противопоставленіе разврату христіанскаго совершенства во всей его чистотѣ. Іеронимъ прибылъ въ Римъ пламеннымъ почитателемъ и ревностнымъ поборникомъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Вмѣстѣ съ этимъ Іеронимъ сознавалъ, что для борьбы съ распущенностію римскаго общества и для того, чтобы въ немъ процвѣло совершенство христіанскихъ добродѣтелей недостаточно было обыкновеннаго руководства и жизни посредственной, а надлежало съ рѣшимостію покинуть всѣ принятыя привычки и при-

бѣгнуть къ совершенному самоотверженію. Какъ человѣкъ мудрый и проницательный, надѣленный вмѣстѣ съ тѣмъ прямотою и рѣшительностію ума и могуществомъ духа, Іеронимъ былъ замѣчательнѣйшимъ руководителемъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мощныхъ людей, которые одарены силою, такъ что другіе смѣло могли опираться на него и найти въ немъ для себя поддержку. Едва цѣль совершенства была усмотрѣна и избрана Іеронимомъ, онъ уже не колебался при выборѣ средствъ къ ея достиженію, и его твердый разсудокъ шелъ къ цѣли прямо и скоро. Не въ характерѣ Іеронима были уступки и полумѣры. Онъ умѣлъ возвысить духъ, указавъ ему высшую цѣль для стремленія, умѣлъ подавить нерѣшительность и колебанія, которыя, обыкновенно, ощущаются при мысли о самоотверженіи. Привыкши къ суровой борьбѣ и подвигамъ самоотреченія въ пустынѣ, Іеронимъ какъ будто позабывалъ о слабости человѣческой природы и почти презиралъ изнѣженность и немощи человѣческія. Невольно удивляешься этой нравственной христіанской силѣ, которая умѣла подавить укорененную воспитаніемъ приверженность къ богатству римскихъ патриціанокъ, привыкшихъ къ нѣгѣ и безмѣрной роскоши и поставить ихъ на степень высокаго самоотреченія и духовнаго совершенства.

Великіе и трудные подвиги дѣвства и вдовства останавливали на себѣ особенное вниманіе Іеронима. Онъ не отнималъ значенія у семейной жизни и часто указывалъ ея свѣтлыя стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ на высшую степень болѣе рѣдкую жертву дѣвства и вдовства, называя послѣднее второю степенью добродѣтели дѣвства.

И бл. мужъ часто останавливался на раскрытіи зна-

ченія дѣвства. Онъ понималъ его какъ состояніе ближайшаго общенія съ Іисусомъ Христомъ въ чистой любви и высокомъ цѣломудріи, при которыхъ душа приноситъ себя во всесожженіе и призываетъ въ себя Бога, составляя благоуханіе земли и радость небесъ. „Дѣва, говорилъ онъ, есть невѣста І. Христа, обитающаго среди криновъ, т. е. въ сердцахъ чистыхъ. Дѣва проводитъ въ смертномъ тѣлѣ жизнь ангельскую. Блаженно сердце дѣвы, невѣдущей на землѣ иной любви, кромѣ любви Христовой... Иныя были благословенія ветхаго закона, иныя новаго. Ева рождала въ болѣзняхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Дѣва содѣлалась Матерью и дала міру Бога крѣпкаго, князя будущаго вѣка (Исаія 9. 6), древнее проклятіе опровержено. Смерть принесена Евой, жизнь дается Маріей... Съ тѣхъ поръ даръ дѣвства, впервые введенный женою, преподается обильнѣе женамъ. И такъ, возьми въ примѣръ преблагословенную Дѣву Марію, которая своею чудною чистотою удостоилась быть Матерью Бога. Ты также можешь сдѣлаться Его матерью. Ты знаешь, что Онъ сказалъ: „се мати Моя и братія Мои". Изобрази Его подобіе въ твоей душѣ, начертай Его какъ бы тростію въ глубинѣ твоего очищеннаго и обновленнаго сердца, и ты будешь Его матерью".

Отъ всѣхъ своихъ учеництъ Іеронимъ требовалъ, чтобы они оставили всю ту роскошь, которая царила въ обществѣ знатныхъ римскихъ женщинъ, требовалъ, чтобы, позабыты были ими убранство, дорогія комнаты и другія цѣнныя украшенія, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на тщеславіе и изнѣженность почти всѣхъ женщинъ. „Когда ты, говорилъ Іеронимъ, была въ мірѣ, ты любила бѣлить и румянить твое лицо, съ искусствомъ убирать твои волосы, созидая какъ бы башню изъ чу-

жихъ волосъ; не говорю уже о серьгахъ, объ этихъ жемчугахъ, добытыхъ изъ глубины Краснаго моря, о зеленомъ цвѣтѣ твоихъ изумрудовъ, объ огнѣ рубиновъ, о лазури сапфировъ, къ которымъ такъ безумно пристрастны женщины. Отрекшись отъ міра, ты отреклась и отъ всего этого. Да, восклицаетъ онъ съ негодованіемъ, умѣстно ли на лицѣ христіанки быть бѣлилу и румянамъ—признакамъ души не умерщвленной и изнѣженной!—Какъ оплачетъ свои грѣхи та, слезы которой испестрили бы ее раскрашенное лицо? Она обращаетъ къ своему Создателю ликъ, который содѣлала для Него неузнаваемымъ". Не менѣе грозно возставалъ онъ и противъ роскоши римскаго стола, коему весь міръ приносилъ свою дань. „Удали отъ себя, говоритъ онъ, птицъ фазиса, жирныхъ горлицъ, іонійскихъ рябчиковъ, всѣхъ этихъ птицъ, которыя поглащаютъ великія достоянія; удали также сочныя мяса кабановъ и дикихъ козъ! Воздержись отъ всего этого". —Пока мы еще въ скиніи нашего тѣла, мы можемъ укрощать и покорять наши наклонности. но мы не можемъ ихъ уничтожить. Трудно, или скорѣе невозможно кому бы то ни было не знать, что такое страсть или, по крайней мѣрѣ, начала ея. Каждая плоть имѣетъ свои стремленія и привлекаетъ душу приманкой смертоноснаго удовольствія. Я говорю тебѣ объ этомъ, чтобы ты знала, что и ты человѣческой природы, и что эти общія немощи могутъ коснуться и тебя, если ты перестанешь строго блюсти себя; подъ шелкомъ, равно какъ и подъ грубой одеждой, тѣ же наклонности обладаютъ нами. Онѣ не страшатся ни царскаго пурпура, ни лохмотьевъ бѣдняка".

Не вѣря добродѣтели, пріобрѣтенной безъ борьбы съ чувственностію, Іеронимъ убѣждалъ рѣшиться на эту

борьбу высокими воззрѣніями вѣры, глубокими мыслями, которыя, проникая въ самую душу, просвѣщая и воспламеняя сердце, во всѣ времена порождали святыхъ. Возводя руководимыхъ къ свѣтлымъ пространствамъ вѣчности и любви Божіей, Іеронимъ давалъ силу и возможность судить съ этой высоты обо всемъ преходящемъ, объ утѣшеніяхъ и скорбяхъ, о наслажденіяхъ и жертвахъ и взвѣшивать все это съ безконечною вѣчностію, при чемъ сами собой вѣсы падали на сторону этой послѣдней и возжигали желаніе идти по пути къ достиженію этой вѣчности. „Выйди, говоритъ Іеронимъ, на время изъ темницы тѣла и представь себѣ мысленно будущія награды за настоящіе труды, награды, ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣка не взыдоша... И всякій разъ, какъ суетныя желанія вѣка будутъ манить твое сердце, или свѣтская суета будетъ мерцать передъ твоими очами, или природа возропщетъ о жертвѣ, — перенесись мыслію на небо, и ты услышишь безсмертнаго жениха, глаголющаго твоей душѣ: „положи Мя яко печать на сердцѣ твоемъ, яко печать на мышцѣ твоей (Пѣснь П. 8. 6)“—и подкрѣпляемая Божественными глаголами ты въ свою очередь отвѣтишь: „вода многа не можетъ угасити любви“ (Пѣснь П. гл. 8. 7).

Чтобы дать средства стать на высоту духовнаго совершенства Іеронимъ училъ возжечь въ себѣ любовь къ Богу и ближнимъ. Только воспламененный такою любовію человѣкъ можетъ отдаться подвигамъ самоотверженія и достигать высшихъ степеней совершенства. Совѣтовалъ бл. Іеронимъ и соблюдать постоянно постъ, воздержаніе, наполнять большую часть времени молитвой, совѣтовалъ соблюдать все это, какъ необходимыя условія нравственнаго преуспѣянія. Но развивая жизнь сердца и воли

въ своихъ ученицахъ, Іеронимъ не пренебрегалъ и развитіемъ въ нихъ умственныхъ способностей, считая главнымъ средствомъ для этого изученіе св. Писанія. Однако, такъ какъ трудно было ждать отъ изнѣженныхъ патриціанокъ постояннаго занятія чтеніемъ и изученіемъ св. Писанія и молитвою, то бл. Іеронимъ въ остальные часы совѣтовалъ заниматься домашними дѣлами и рукодѣліемъ. Ручной трудъ былъ, по мнѣнію Іеронима, положительно необходимъ для женщинъ. Онъ нуженъ былъ и какъ средство противъ скуки, которая такъ сильно и такъ часто овладѣваетъ, обыкновенно, свѣтскими женщинами; во вторыхъ, рукодѣліе, какъ трудъ, есть долгъ даже и для тѣхъ, которыхъ Богъ наградилъ богатствомъ; въ третьихъ, ручной трудъ необходимъ, какъ пособіе милостынѣ и, наконецъ, необходимъ потому, что онъ есть прекрасная охрана въ домашнихъ добродѣтеляхъ и духа семейной жизни.

Вотъ тѣ пріемы и тотъ характеръ, которыми отличалось руководство Іеронима. Нечего и говорить на сколько плодотворно было такое руководство. Многія жены отказывались отъ благъ міра, воспламенялись любовію къ Богу и возгарались желаніемъ иночества. Уже это одно обстоятельство сильно не нравилось многимъ, и они вознегодовали на Іеронима, считая его главнымъ виновникомъ. Число недовольныхъ противъ Іеронима еще болѣе увеличилось вслѣдствіе того, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ о дѣвствѣ не щадилъ развратнаго римскаго духовенства. И вотъ, посыпались ложныя обвиненія противъ Іеронима и несправедливые нападки особенно послѣ того, какъ дочь Павлы—Блезилла, оставивъ свѣтскую жизнь, вступила на путь Божественной любви и устремилась къ высшимъ степенямъ совершенства. Родственники Павлы

пришли въ озлобленіе, всѣ патриціи и даже народъ приняли участіе въ волненіи противъ Іеронима; Іеронимъ же не смущался. „Случилось нѣчто, говоритъ онъ, возбудившее общее негодованіе: Блезилла облеклась въ темную одежду! Что же!... Пусть негодуютъ и на Іоанна крестителя, большаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, который носилъ одежду изъ верблюжьей шерсти и поясъ усменный! Другой позоръ. Блезилла отказывается отъ сладкихъ яствъ! Но существуетъ ли пища презрѣннѣе акриды, которою питался Предтеча? О! я скажу вамъ, кто долженъ стыдиться христіанскихъ взоровъ:—тѣ, которыя натираютъ свои лица и вѣки разными мастями, и которыя, на подобіе идоловъ, являются покрытыми бѣлиломъ, искажая природу, и если бы слеза упала изъ очей ихъ, то избороздила бы лица ихъ; это тѣ, которымъ истекающее время не можетъ внушить, что онѣ старѣютъ; тѣ, которыя собираютъ на головѣ для убранства множество чужихъ волосъ и скрываютъ свои морщины поддѣльною молодостью; тѣ, которыя уже въ старости подражаютъ пріемамъ юныхъ среди внуковъ своихъ! Вотъ, что должно заставить краснѣть женщину".

Волненіе въ римскомъ обществѣ не прекращалось. Прошелъ годъ, и умеръ папа Дамасъ (385)—другъ и опора Іеронима. Ненависть противъ блаженнаго еще болѣе усилилась—и усилилась на столько, что преемникъ Дамаса — Сирицій уже не въ силахъ былъ поддержать Іеронима, и послѣдній остался беззащитнымъ. Въ средѣ враговъ Іеронима рѣшено было погубить его; былъ подкупленъ рабъ, который самымъ низкимъ образомъ оклеветалъ Іеронима, затронувъ при этомъ и честь Павлы. Іеронимъ принялъ близко къ сердцу эту клевету и разоблачилъ ее, принудивъ раба сознаться въ подкупѣ.

Враги еще болѣе озлобились послѣ этого. Притѣсняемый и оскорбляемый въ Римѣ, тревожимый шумомъ и суетою города, постоянно и прежде вздыхающій объ уединеніи, — Іеронимъ рѣшился покинуть Римъ и отправиться искать покоя въ мѣстахъ, освященныхъ стопами Господа. И вотъ, въ августѣ 385 года, бл. Іеронимъ покинулъ „Вавилонъ" и предпринялъ поѣздку на Востокъ, въ пустыню, къ тѣмъ источникамъ библейскихъ вдохновеній, откуда онъ прежде обильно почерпалъ и съ восторгомъ утолялъ свою душевную жажду. Цѣлый сонмъ почитателей великаго мужа провожалъ его до самой Остіи, по дорогѣ къ римскому порту.

Посѣтивъ на пути съ Запада на Востокъ св. Епифанія въ Кипрѣ и антіохійскихъ друзей, Іеронимъ обошелъ всѣ священныя мѣста Палестины, чтобы лучше узнать исторію Спасителя и Его апостоловъ. „Уже сѣдина начала украшать мою голову, говорилъ Іеронимъ, и мнѣ прилично было бы быть учителемъ, а не ученикомъ, однако-же я отправился въ Александрію слушать Дидима и за многое благодарю его, чего я не зналъ, тому научился; что зналъ, то не потерялъ подъ его наставленіемъ". Дидимъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда ему было четыре года, ослѣпъ. Но, будучи одаренъ твердою волею и прекрасною памятью, изучилъ всѣ науки какъ свѣтскія, такъ и духовныя. Его знаніе св. Писанія было основательно и глубоко, и никто не умѣлъ такъ ясно истолковывать его. И бл. Іеронимъ, едва прибылъ въ Александрію, поспѣшилъ стать въ число учениковъ великаго наставника. Дидимъ съ удовольствіемъ удовлетворялъ благочестивую любознательность Іеронима. Въ продолженіи мѣсяца у Дидима велись бесѣды о св. Писаніи. Объ этомъ времени остались самыя отрадныя

воспоминанія у бл. Іеронима, и онъ впослѣдствіи всегда хвалился тѣмъ, что считаетъ себя въ числѣ учениковъ Дидима, хотя въ то время (386) Іерониму было уже 55 лѣтъ.

По возвращеніи изъ Египта, Іеронимъ поселился близь Виѳлеема, въ пещерѣ. Сюда же прибыла и Павла, которая тоже, посѣтивъ св. мѣста на Востокѣ, постранствовавъ по св. землѣ и по Египту, рѣшилась поселиться въ Палестинѣ. Вскорѣ на средства Павлы близь яслей Спасителя основаны были двѣ обители: одна женская, другая мужская. Въ обоихъ монастыряхъ вели жизнь трудовую и подвижническую. Іеронимъ былъ духовнымъ наставникомъ въ обѣихъ обителяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ и его друзья въ свободное время воздѣлывали вертоградъ, купленный св. Павлою, плоды котораго были достаточны для ихъ пропитанія. Для всѣхъ пребываніе здѣсь было весьма пріятно и, какъ случается, нерѣдко при вступленіи въ жизнь духовную, было преисполнено благоуханія и вѣянія небеснаго. Но монастырь Іеронима на сколько процвѣталъ подвижничествомъ, на столько же онъ былъ и святилищемъ наукъ. Въ немъ было много мужей глубоко ученыхъ, у которыхъ свободное занятіе науками соединялось съ заботою о спасеніи души и влекло къ уединенію.

Самъ Іеронимъ, какъ только былъ основанъ Виѳлеемскій монастырь, началъ принимать въ него дѣтей для воспитанія. Онъ съ любовію занимался обученіемъ ихъ св. Писанію, а равно и свѣтскимъ наукамъ, объясняя имъ древнихъ стихотворцевъ и философовъ, которые услаждали его въ юности и развили въ немъ то краснорѣчіе, которое онъ теперь посвятилъ на дѣло проповѣди слова Божія. Разъясняя юнымъ ученикамъ образцы древности, онъ сопоставлялъ ихъ съ книгами св. Писанія. Подъ его руководствомъ дѣти читали Цицерона и Пла-

тона и даже списывали ихъ сочиненія. Преподаваніе Іеронима было весьма увлекательно. Великій умъ этого мужа ясно сознавалъ, что сочетаніе мудрости свѣтской науки съ мудростію Божественною можетъ служить къ славѣ Божіей и къ чести Христовой церкви.

Состоя руководителемъ основанныхъ Павлою монастырей и занимаясь воспитаніемъ дѣтей, Іеронимъ вмѣстѣ съ тѣмъ не мало посвящалъ времени для библейскихъ трудовъ. Чтобы усовершить свои познанія, онъ слушалъ уроки еврейскаго и халдейскаго языковъ у ученѣйшаго раввина Баръ Ананіи. Этотъ еврей, боясь своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любя золото, за дорогую плату тайно, только ночью, приходилъ давать Іерониму уроки. „А какого труда, пишетъ Іеромнимъ, стоило мнѣ имѣть ночнаго учителя Баръ Ананію! Онъ боялся іудеевъ и для меня былъ другимъ Никодимомъ“.

Пещера не вдалекѣ отъ яслей Христа Спасителя, которая и до настоящаго времени называется пещерою бл. Іеронима, служила ему убѣжищемъ для занятій. Цѣлыя ночи здѣсь въ уединеніи, какъ бы не примѣчая ночнаго мрака, трудился Іеронимъ при свѣтѣ лампады, будучи окруженъ рукописями, при помощи писцовъ; такъ какъ по слабости здоровья онъ самъ немогъ писать. Прежде всего Іеронимъ приступилъ къ письменному толкованію Новаго Завѣта. Въ виѳлеемской же пещерѣ онъ окончилъ трудъ, начатый въ Римѣ,—повѣрку латинскаго перевода Ветхаго Завѣта, по греческому тексту Оригеновыхъ гекзаплъ, списанныхъ имъ съ подлинника въ кесарійской библіотекѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ перевелъ съ подлинника и Ветхій Завѣтъ, начавъ этотъ трудъ еще въ послѣдній годъ пребыванія своего въ сирійской пустынѣ. Западъ, скудный отечественными проповѣдниками евангельскаго

ученія, жаждалъ и настойчиво требовалъ отъ Іеронима и переводовъ греческихъ учителей, и сочиненія самаго Іеронима. Шесть писцовъ было прислано изъ Испаніи къ Іерониму для переписки трудовъ его; епископъ кремонскій въ обители самого Іеронима дожидался толкованія его на Евангеліе Матоея. Едва окончилъ онъ пересмотръ того, что списано было испанскими писцами, какъ началъ диктовать и продиктовалъ въ двѣ недѣли толкованіе. Вообще, то обличенія, то наставленія, то изъясненія смысла Боговдухновенныхъ книгъ потоками текли съ пера Іеронимова на Западъ.

Оригенистическіе споры, взволновавшіе въ 394 году церковь, тяжело отзывались на Іеронимѣ. Считая его однимъ изъ виновниковъ этихъ споровъ, на него нападали и совершенно напрасно обвиняли въ ереси. Іеронимъ не выдержалъ этого потрясенія. Оно сломило его силы, уже истощенныя суровостью поста, и онъ впалъ въ болѣзнь продолжительную и опасную, повидимому, подъ гнетомъ этой скорби. Такова человѣческая природа! Какъ бы ни было укрѣплено сердце лишеніями и подвигами, оно не можетъ придти въ безчувствіе; пустынное отъ всего отдаленіе не изчерпаетъ чувствъ; они существуютъ, но очищенныя, усиленныя самымъ пожертвованіемъ всего того, что надлежало отсѣчь; но если это послѣднее утѣшеніе, отъ котораго душа не отказывалась, потому что этого не требуетъ Богъ, отъемлется внезапно, если этотъ послѣдній призракъ изчезаетъ, то въ душахъ, одаренныхъ глубокою чувствительностію, происходитъ раздирающая скорбь, отъ которой природа падаетъ и недугъ обьемлетъ тѣло. Болѣзнь Іеронима продлилась нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ почувствовалъ облегченіе лишь къ окончанію поста 394-го года.

Кромѣ непріятностей, происшедшихъ вслѣдствіе оригенистическихъ споровъ, не мало пришлось претерпѣть бл. Іерониму отъ общественныхъ бѣдствій. Еще въ 402 году вестъ-готы подъ предводительствомъ Алариха вторглись въ Италію и угрожали даже самому Риму и, только будучи разбиты римскими войсками, оставались нѣсколько лѣтъ спокойными въ Илиріи. Однако въ 408 г. Аларихъ снова двинулся въ Италію, опустошивъ и ограбивъ все на пути до самаго Рима. Въ это время онъ распоряжался всею имперіею, даже императорскою короною и закончилъ свое пребываніе разграбленіемъ Рима (410). Глубокою скорбію поражалась великая душа Іеронима, при видѣ этихъ общественныхъ бѣдствій. Изгнанники толпами стремились къ Виѳлеему. Отъ меча варваровъ, покинувъ все, бѣжали патриціи и консулы, благородныя матроны, вдовы и дѣвы, не имѣя при себѣ ничего, они искали пристанища и защиты въ виѳлеемскихъ монастыряхъ. Больно было смотрѣть Іерониму на этихъ несчастныхъ страдальцевъ, и его чувствительное и доброе сердце не могло отказать имъ въ кровѣ и пищѣ. И какъ тяжело было этому великому мужу отказывать нѣкоторымъ соотечественникамъ: „Виѳлеемъ, писалъ блаженный, ежедневно видитъ у вратъ своихъ знатнѣйшихъ людей Рима, просящихъ милостыню. Увы! мы не можемъ оказать имъ всѣмъ пособія; мы только можемъ соболѣзновать объ ихъ несчастіи и вмѣстѣ съ ними оплакивать его“...

Много скорби причинила бл. Іерониму и, такъ называемая, пелагіанская ересь, и онъ едва не поплатился жизнію за свою борьбу съ еретиками. Такъ въ 416 г. подкупленная еретиками шайка напала на виѳлеемскіе монастыри. Все было разрушено и опустошено, много

народа было убито. Только монастырская башня, которою не могли завладѣть осаждающіе, и спасла жизнь Іеронима. Пришлось оставить монастырь, который только чрезъ два года былъ возстановленъ. Но не много уже послѣ возвращенія въ монастырь пожилъ бл. Іеронимъ. 30 сентября 420 г., на 90-мъ году жизни, онъ скончался. Пещера, носящая и до настоящаго времени названіе молитвенницы св. Іеронима, сокрыла его останки. Въ 642 г. мощи бл. Іеронима были перенесены изъ Виѳлеема въ Римъ и положены въ храмѣ Богоматери въ Маджіоре. Гдѣ теперь почиваютъ они— неизвѣстно. Только честная рука блаженнаго находится и теперь въ церкви, посвященной его имени, въ Римѣ, близъ площади Фарице. Католическая церковь чтитъ память бл. Іеронима 30 сентября, но церковь православная — 15 іюня и воспоминаетъ его память еще въ субботу сырной недѣли (см. канонъ этого дня). „Заслуги учености Іеронима, говоритъ бл. Августинъ, таковы, что несчастнымъ нужно назвать того, кто не уважитъ столькихъ трудовъ и трудовъ столь святыхъ, и не возблагодаритъ Господа Бога“. Если же при этомъ припомнимъ великіе подвиги Іеронима, величіе его духа, его прекрасный нравъ, чувствительное сердце, его жизнь усѣянную почти постоянною борьбою съ врагами церкви Христовой и исполненную скорби и слезъ за ближнихъ и за свое отечество; то понятно, на сколько свѣтлою и великою должна выступать предъ нами личность блаженнаго.... (Истор. уч. объ отцахъ церкви т. 2-й §§ 183—189. Сочин. бл. Іеронима изд. кіев. Дух. Академіи Житіе св. Павлы. Мѣсяц. Восток. Арх. Сергія т. 2. Замѣч. стр. 170).

Мощи св. Ѳеодора Сикеота перенесены изъ Галатіи въ Царь-градъ, по писателю канона, не позднѣе 9 вѣка.

Нашъ паломникъ Антоній въ 1200 г. писалъ: „о страну монастыря Георгія въ Девтерѣ у Меландійскихъ воротъ лежитъ св. Ѳеодоръ Сикеотъ въ серебрянпѣ гробѣ (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2).

Обитель въ Марнакіевыхъ находится въ предмѣстіи Царь-града и построена патріархомъ Сергіемъ—Моноѳелитомъ (610 –638 г.). (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, т 2).

ПРЕПОДОБНАГО ОРТИСІЯ.

Ортисій Тавеннисіотскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ пр. Пахомія Великаго. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ настолько достигъ духовной опытности и совершенства, что Пахомій поручилъ ему завѣдываніе Хеновскою киновіею и однажды сказалъ своимъ ученикамъ: „говорю вамъ, что Ортисій сіяетъ въ домѣ Божіемъ, какъ золотой свѣтильникъ“. Не менѣе похвально отзывался объ Ортисіи Антоній Великій, называя его „Израилемъ, видящимъ Бога“. По смерти Пахомія (349 г.), Ортисія противъ воли избрали начальникомъ Тавеннисіотскихъ иноковъ. Но такъ какъ вслѣдствіе постояннаго увеличенія числа братіи Ортисію трудно было одному управлять Тавеннисіотскою киновіею, то онъ избралъ себѣ помощникомъ пр. Ѳеодора. Вскорѣ Ортисій удалился въ киновію Хеновскую, передавъ управленіе Тавеннисіотскими иноками пр. Ѳеодору. Въ 365 г. Ѳеодоръ умеръ, и у Тавеннисіотскихъ иноковъ не стало начальника. Тогда святитель Аѳанасій писалъ къ Ортисію и братіи: „не плачьте, возлюбленные братья, о Ѳеодорѣ: онъ не умеръ, а спитъ. Пусть никто не плачетъ, а каждый пусть подражаетъ ему. Не слѣдуетъ плакать о томъ, кто перешелъ на мѣсто безпечальное... Тебѣ же,

возлюбленный и дорогой Ортисій, пишу: такъ какъ онъ уснулъ. прими на себя все попеченіе, замѣни его братіямъ. Пока онъ жилъ, вы были оба, какъ одинъ". Пр. Ортисій, по совѣту великаго святителя, снова вступилъ въ управленіе многолюдною Тавеннисіотскою киновіею. „Не малое время" онъ оставался послѣ того вождемъ Тавеннисіотскихъ подвижниковъ и наконецъ скончался въ глубокой старости въ 380 году. Память Ортисія чтится въ субботу сырной недѣли вмѣстѣ съ прочими египетскими пустынниками*). Написанное имъ сочиненіе объ устроеніи монашескаго житія переведено на русскій языкъ (1759 г.).—(Учен. объ отцахъ Церкви Филарета § 164).

БЛ. АВГУСТИНА, ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО.

Бл. Августинъ принадлежитъ къ числу знаменитыхъ богослововъ Запада. Все написанное Августиномъ весьма надолго осталось закономъ для Запада, и никто изъ отцевъ церкви не имѣлъ такого вліянія на Западъ, какъ Августинъ. Но Августинъ прославился не одними только богословскими трудами. Для всякаго христіанина дорога и его жизнь, посвященная подвигамъ благочестія и наполненная борьбою съ врагами церкви Христовой.— Августинъ родился въ 354 г. въ Африкѣ, въ городѣ Тагастѣ. Мать Августина – Моника была женщина весьма благочестивая и много заботилась о воспитаніи своего сына, стараясь пріучить его къ выполненію требо-

*) Въ славянской тріоди онъ названъ, по ошибкѣ, „Порсисій великій", между тѣмъ какъ стоитъ въ ряду именъ, начинающихся съ буквы О.

ваній христіанской нравственности. Августинъ отъ природы былъ одаренъ рѣдкими качествами ума и сердца, но, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія матери, легкомысленно и безпечно предавался теченію своей юности, не понимая утѣшеній духовныхъ въ исполненіи тѣхъ нравственныхъ предписаній, которыя предлагала ему мать, и обольщался ласкательствомъ свѣта и его суетною жизнію. Это сильно опечаливало благочестивую Монику. Особенно она страдала, когда, послѣ изученія словесныхъ наукъ въ Мадаврѣ, Августинъ поступилъ въ карѳагенскую школу судебнаго краснорѣчія. Годъ праздной и разсѣянной жизни, проведенный въ этой школѣ, былъ годомъ горькихъ слезъ для его матери. Казалось, что всякая надежда на исправленіе юноши уже потеряна. Даже смерть отца, лишившая Августина прежнихъ средствъ къ жизни, не прекратила его легкомысленной жизни, и онъ не отрывался отъ мірскихъ удовольствій. Однако, какъ человѣкъ высокаго ума, Августинъ и среди суетной свѣтской жизни искалъ истины. Съ этою цѣлію онъ изучилъ языческихъ философовъ: Цицерона, Аристотеля и Платона,—съ этою же цѣлію онъ присталъ къ обществу манихеевъ, которые увлекли Августина обѣщаніями показать путь къ высшей мудрости, и онъ пробылъ у нихъ долгое время. Еще сильнѣе страдала мать, при видѣ уклоненія Августина въ ересь. Съ горькими слезами она умоляла епископа подѣйствовать на сына и обратить его на путь истинный. „Быть не можетъ, чтобы сынъ столькихъ слезъ могъ погибнуть",—таковъ былъ отвѣтъ епископа. И эти слова, дѣйствительно, впослѣдствіи оправдались.

Окончивъ свое образованіе, Августинъ возвратился въ Тагастъ и занимался преподаваніемъ здѣсь риторики.

Однако небольшой городъ оказался тѣснымъ для честолюбимыхъ стремленій Августина. Въ поискахъ за блистательнымъ поприщемъ, онъ переселился въ Карѳагенъ и подъ своимъ именемъ открылъ здѣсь училище краснорѣчія. Много учениковъ собралось вокругъ Августина, всѣ восхищались имъ и превозносили его замѣчательное краснорѣчіе, но и это не удовлетворяло его честолюбія, и онъ, вопреки желанію матери, перешелъ въ Римъ. По прошествіи нѣкотораго времени, префектъ Симмахъ предоставилъ Августину мѣсто учителя краснорѣчія въ Медіоланѣ. Пребываніе въ этомъ городѣ было въ высшей степени благотворно для Августина. Здѣсь въ то время епископомъ былъ знаменитый Амвросій, и Августинъ часто приходилъ слушать его проповѣди. Хотя первоначально онъ слушалъ проповѣди Амвросія изъ любопытства, однако чѣмъ болѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе, противъ своей воли, увлекался онъ ихъ содержаніемъ. Проповѣдуемыя Амвросіемъ Христовы истины незамѣтно проникали въ сердце Августина и отрывали его отъ заблужденій манихейства. Много въ данномъ случаѣ имѣла значенія и самая величественная личность Амвросія и его отеческое радушіе, которое онъ оказывалъ Августину при свиданіи. Сердце Августина постепенно смягчалось, и въ немъ возгаралась любовь къ иной жизни. Просвѣтлялся постепенно и умъ его, и онъ на первый разъ рѣшился поступить въ число оглашенныхъ. Чтобы ознакомиться съ христіанскими истинами, Августинъ сталъ прилежно и усердно заниматься чтеніемъ св. Писанія. Глубокія истины, раскрываемыя въ словѣ Божіемъ, высокія нравственныя требованія, предписываемыя намъ Господомъ, сильно поразили Августина и обаятельно подѣйствовали на него. Грѣхи прошлаго яснѣе откры-

лись предъ нимъ и чувствительнѣе сдѣлались для его совѣсти. Считая себя грѣшникомъ, Августинъ не находилъ въ себѣ силы бороться съ порочными наклонностями, и у него „въ жизни все колебалось“. Особенно сильно подѣйствовало на Августина повѣствованіе о египетскихъ отшельникахъ. „Что это такое? что мы дѣлаемъ?“ говорилъ онъ другу своему Алипію. „Неученые спѣшатъ и прежде насъ восхищаютъ царствіе, а мы съ нашею душевною ученостію погружены въ плоть и кровь! Ужели мы должны стыдиться слѣдовать за ними потому только, что они впереди насъ? Напротивъ, не стыднѣе ли не собраться съ силами хоть бы для того, чтобы идти по слѣдамъ ихъ?“ Волнуемый такими мыслями, онъ поспѣшилъ въ садъ, въ изнеможеніи повергся на землю и далъ волю слезамъ,—не словами, но мысленно возсылая моленіе къ Господу: „о Господи! доколѣ гнѣвъ твой на меня? Не помяни беззаконій моихъ. Когда же? въ какой день? завтра, послѣ завтра? Почему же сейчасъ—не послѣдній часъ моего поношенія?“ Такъ молился онъ, и душа его раздиралась скорбію! „Возьми читай! возьми читай!“—внезапно услышалъ онъ неизвѣстный, но пріятный, голосъ. Августинъ всталъ, открылъ книгу, и первыя слова, встрѣтившіяся глазамъ его, были: „будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострáстію и распутству, ни ссорамъ и зависти; но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (Римл. 13, 13. 14). Съ этой минуты Августинъ окончательно рѣшился сдѣлаться христіаниномъ и перемѣнить свой образъ жизни; прошелъ годъ, и онъ въ самый день Пасхи былъ крещенъ св. Амвросіемъ. Моника сильно радовалась перемѣнѣ, происшедшей съ ея сыномъ, и Августинъ, просвѣ-

щенными очами взирая на прежнія заботы своей матери объ его обращеніи въ христіанство, вполнѣ понялъ и оцѣнилъ ихъ. Онъ горячо возлюбилъ Монику и неутѣшно плакалъ объ ея смерти, послѣдовавшей вскорѣ послѣ его крещенія.

Отдавъ послѣдній долгъ своей матери, Августинъ отправился въ Римъ и, чтобы утвердиться въ недавнемъ своемъ обращеніи, провелъ тамъ цѣлый годъ въ изученіи христіанской жизни. Здѣсь святой встрѣтился съ своими прежними друзьями—манихеями, но его отношенія къ нимъ были уже другія: онъ не учился у нихъ мудрости, а самъ наставлялъ ихъ въ истинѣ, раскрывая предъ ними ихъ заблужденія и отступленія отъ истиннаго ученія Іисуса Христа. Въ 388 году Августинъ возвратился на родину въ Тагастъ, продалъ свое наслѣдственное имѣніе и, раздавъ деньги бѣднымъ, посвятилъ себя, по его собственному выраженію, свободному рабству Божію—иночеству, заключившись въ монастырь. Тамъ великая душа его упражнялась въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, а быстрый и свѣтлый умъ погружался въ изученіе св. Писанія, въ опроверженіе ересей и разъясненіе христіанскихъ догматовъ. Въ это время онъ непрестанно обращалъ взоръ къ виѳлеемскимъ обителямъ, гдѣ жилъ Іеронимъ, удивляясь тому свѣту, который такъ обильно эти монастыри разливали въ церкви. Онъ сильно желалъ видѣть вблизи виѳлеемскіе монастыри, о которыхъ слава гремѣла повсюду, узрѣть и сблизиться съ Іеронимомъ—этимъ великимъ человѣкомъ, который совершалъ столь знаменитые труды въ уединенномъ убѣжищѣ. Но отъ рожденія слабое здоровье Августина не дозволяло ему предпринять морскаго путешествія, и онъ

продолжалъ оставаться въ монастырѣ, занимаясь молитвою и строгимъ подвижничествомъ.

Три года прожилъ Августинъ въ монастырѣ, обратилъ на себя вниманіе иппонійскаго епископа Валерія, который и рѣшился посвятить его въ пресвитера. Горько плакалъ Августинъ, смиренно сознавая недостоинство свое и страшась величія тѣхъ священныхъ обязанностей, которыя лежатъ на пресвитерѣ; но Валерій настоялъ на своемъ. Въ санѣ іерея, приготовивъ себя молитвою, Августинъ началъ проповѣдывать слово Божіе, устроилъ монастырь съ строгими правилами общежитія и весь отдался на служеніе церкви, то ведя литературную борьбу съ манихеями, то занимаясь изъясненіемъ свящ. Писанія. Нуждаясь въ сопровителѣ, Валерій въ концѣ 395 года посвятилъ св. Августина въ епископа—викарія, а послѣ смерти Валерія, Августинъ занялъ его мѣсто.

Еще усерднѣе и ревностнѣе съ этихъ поръ иппонійскій святитель повелъ борьбу съ еретиками, преимущественно съ донатистами и манихеями. Чтобы подавить ересь, онъ собиралъ соборы, изыскивалъ средства къ прекращенію заблужденія, нерѣдко устраивалъ открытыя состязанія съ еретиками, какъ наприм., съ манихеемъ Феликсомъ, котораго и успѣлъ обратить въ православіе. Не менѣе плодотворна была дѣятельность Августина и противъ донатистовъ. Въ іюлѣ 411 года цѣлыхъ три дня сряду бесѣдовалъ съ ними св. Августинъ, и его старанія увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: многіе епископы—донатисты со всею паствою обратились въ православіе. И замѣчательно отношеніе св. Августина къ этимъ еретикамъ. Дѣйствуя на нихъ обличеніемъ, убѣжденіями и другими мѣрами любви, онъ,

только вслѣдствіе злодѣйства и жестокости донатистовъ по отношенію къ православнымъ, прибѣгалъ къ защитѣ гражданской власти; но и въ этомъ случаѣ св. Августинъ горячо возставалъ противъ смертной казни. „Мы, говорилъ онъ, не жалуемся на нихъ, мы не гонимъ ихъ, и для насъ будетъ весьма больно, если страданія рабовъ Божіихъ будутъ отомщены воздаятельными казнями".

Кромѣ борьбы съ манихеями и донатистыми, бл. Августинъ ревностно подвизался противъ пелагіанской ереси, виновникомъ которой былъ Пелагій.—Владѣя находчивымъ умомъ, свойственнымъ людямъ Запада, Пелагій нападалъ не только на нѣкоторые догматы вѣры, но и на самое основаніе Христова ученія, не признавая слѣдствій первороднаго грѣха въ душѣ человѣческой и отвергая необходимость благодати, чрезъ что совершенно измѣнялось истинное понятіе о таинствѣ искупленія. По ученію Пелагія грѣхъ прародителей не коснулся природы человѣческой; она осталась тою же, какою была и во время невиннаго состоянія Адама и Евы. Если первый человѣкъ умеръ, то не вслѣдствіе грѣха, а потому, что онъ созданъ былъ смертнымъ. Всѣ люди рождаются такими же, какимъ созданъ первый человѣкъ—съ способностями къ добру и злу, ни добрыми, ни злыми. Въ ихъ волѣ грѣшить и не грѣшить, быть грѣшными или безгрѣшными. Благодать Божія не имѣетъ внутренняго, освящающаго и возраждающаго значенія, и дѣло спасенія человѣка исключительно зависитъ отъ него самого. Такое еретическое ученіе Пелагія, надменно провозглашая возстановленіе человѣческой свободы, быстро разлилось на Западѣ и Востокѣ. Сознавая опасность распространенія пелагіанства, св. Августинъ выступилъ противъ ея и горячо боролся съ ея провозвѣстниками. Много трудовъ

и скорбей пришлось перенести св. Августину въ борьбѣ съ Пелагіемъ, который то былъ осуждаемъ въ Римѣ, то находилъ защиту и оправданіе. До 14 сочиненій написалъ св. Августинъ въ защиту православія. Первое его сочиненіе противъ Пелагія:—„о прощеніи грѣховъ и о крещеніи младенцевъ“—было написано въ 412 году, а вслѣдъ за тѣмъ Августинъ написалъ:—„о духѣ и буквѣ“. Въ 418 г. имъ было написано:—„о благодати Христовой и о первородномъ грѣхѣ“. Въ этомъ же году въ Карѳагенѣ состоялся соборъ, на которомъ присутствовалъ и Августинъ. Здѣсь торжественно были преданы анаѳемѣ всѣ держащіеся пелагіанства, и опредѣленъ былъ догматъ о благодати въ томъ смыслѣ, что она дѣйствуетъ на человѣка внутренно, обновляетъ и возрождаетъ его силы къ дѣланію добра.

Какъ жаркій защитникъ православія, ревностный христіанинъ и заботливый епископъ, Августинъ всю жизнь провелъ въ борьбѣ и подвигахъ. Самая кончина его тоже сопровождалась горестными событіями. Грубый и необразованный народъ — вандалы, поселившись первоначально въ Испаніи, въ 429 г. перешли въ Африку. Ихъ жестокость не имѣла границъ: они истребляли цѣлые города и селенія до основанія, разгоняли епископовъ и пресвитеровъ, предавали ихъ пыткамъ, чтобы узнать, гдѣ скрыты церковныя сокровища, избивали о камни дѣтей и т. п. Такое несчастіе, обрушившееся на сѣвероафриканскую церковь, заставило тяжело страдать св. Августина. Его сердце обливалось кровію при слухахъ о жестокостяхъ вандаловъ. Самый Иппонъ, гдѣ жилъ св. Августинъ, былъ осажденъ въ 430 г. Святитель горячо молился Господу, дабы Онъ спасъ городъ отъ враговъ или взялъ его изъ этой жизни. Три мѣсяца осаждали

Иппонъ вандалы, и близко было уже время его разрушенія; но Господь внялъ молитвѣ святителя, который 28 августа, на 76 г. своей жизни, еще до разрушенія Иппона, мирно скончался. Память св. Августина на Западѣ празднуется 28 августа, а у насъ 15 іюня.

Какъ плодовитѣйшій писатель, св. Августинъ написалъ множество сочиненій. Его ученикъ и біографъ Поссидій, доводитъ число его сочиненій до 1030, включая въ это число письма, слова и другія мелкія сочиненія.

Изъ нравственныхъ сочиненій его особенно замѣчательна его „Исповѣдь", состоящая изъ 13 книгъ. Это сочиненіе можетъ поражать каждаго до глубины души искренностію сокрушенія и согрѣвать тою теплотою благочестія, которая столь необходима на пути спасенія. Въ первыхъ 9 книгахъ св. Августинъ съ глубокимъ сокрушеніемъ пересказываетъ всѣ грѣхи своей молодости; въ 10-й показываетъ недостатки, еще остающіеся въ немъ, чтобы возбудить другихъ къ молитвѣ за него; въ трехъ остальныхъ—выражаетъ свою любовь къ св. Писанію и рѣшаетъ недоумѣнія о твореніи міра. Въ этомъ же сочиненіи онъ предлагаетъ высокія разсужденія о величіи и благости Божіей, о суетѣ міра, о бѣдности грѣшника, о необходимости и о мѣрахъ преуспѣянія въ благочестіи (Уч. объ отцахъ церкви Филарета § 196. Жизнь и творенія св. Августина, изд. кіев. Дух. Академіи).

УБІЕНІЕ ПРР. ГРИГОРІЯ И КАССІАНА АВНЕЖСКИХЪ.

Не вдалекѣ отъ Махры, во время пр. Стефана Махрищскаго (см. 14 іюля), жилъ одинъ благочестивый человѣкъ. Храня отъ юности чистоту тѣлесную, смире-

ніе и любовь къ всѣмъ, онъ отдалъ усадьбу съ засѣянными полями и себя самаго въ распоряженіе пр. Стефана, принялъ иночество съ именемъ Григорія и потомъ удостоился сана священника. Стефанъ горячо любилъ доблестнаго подвижника Григорія и, удаляясь изъ обители. взялъ его вмѣстѣ съ собою. Оба св. мужа пошли въ глухіе лѣса глубокаго сѣвера и поселились близъ рѣки Сухоны, въ Авнежскомъ княжествѣ, что въ нынѣшнемъ Тотемскомъ уѣздѣ. Вскорѣ при рѣкѣ Авнежѣ, въ 60 верстахъ отъ Вологды, они построили храмъ во имя св. Троицы и потомъ воздвигли другой въ честь великомученика Георгія. Это было въ 1370 году (описаніе Махрищскаго монастыря стр. 10). Богатый землевладѣлецъ—Константинъ Дмитріевичъ—много помогалъ св. подвижникамъ въ дѣлѣ построенія пустынной обители, а затѣмъ и самъ принялъ иночество съ именемъ Кассіана. Слава о новоустроенной обители скоро распространилась по окрестности, увеличились у нея и средства къ содержанію, благодаря в. к. Димитрію Іоанновичу, который наградилъ ее книгами и богатыми вкладами. Въ это же время пр. Стефанъ былъ отозванъ въ Махрищскую обитель. На его мѣсто игуменомъ Авнежской обители былъ поставленъ пр. Григорій, а Кассіанъ занялъ должность келаря. Много потрудились прр. Григорій и Кассіанъ для Авнежской обители, не мало подвизались они и для своего спасенія. Въ 1392 г., при разореніи Авнежской обители вятскими татарами, прр. Григорій и Кассіанъ были убиты. Вмѣстѣ со страдальческой кончиной преподобныхъ окончилось и существованіе Авнежской обители, и самое мѣсто, гдѣ она находилась, запустѣло и поросло лѣсомъ. Ихъ мощи были найдены въ 1524 г. крестьяниномъ Ѳеодоромъ, при чисткѣ имъ лѣса, и надъ

св. останками была устроена часовня. Однако владѣлецъ мѣста, гдѣ была Авнежская обитель, опасаясь возобновленія ея, причемъ онъ долженъ былъ лишиться своей земли, домогался уничтожить часовню. Совсѣмъ было корыстолюбецъ достигъ своей цѣли, но впалъ въ страшный недугъ, какъ дикій звѣрь скитался по лѣсамъ и, только послѣ искренняго раскаянія, при могилѣ преподобныхъ получилъ исцѣленіе. Молва о прр. Григоріѣ и Кассіанѣ распространялась все болѣе и болѣе, такъ что дошла даже до слуха царскаго. И вотъ, въ 1560 г. Махрищскій игуменъ Варлаамъ построилъ на средства царя Іоанна Васильевича надъ гробомъ преподобныхъ монастырь съ храмами во имя Св. Троицы и во имя великомученика Георгія, какъ это было еще при жизни ихъ. По порученію митрополита Макарія, вологодскій епископъ Іосафъ освидѣтельствовалъ св. мощи и нашелъ ихъ совершенно нетлѣнными. Сопутствовавшій Іосафу, игуменъ Лопотова монастыря Иларіонъ, будучи по легкомыслію одержимъ невѣріемъ въ святости Григорія и Кассіана, упалъ съ лошади и расшибся; но получилъ исцѣленіе отъ св. мощей. Память преподобныхъ было установлено соборомъ епископовъ чтить 15 іюня. Авнежская обитель была упразднена въ 1764 г., но въ нынѣшней приходской церкви во имя Св. Троицы еще существуетъ въ честь прр. Григорія и Кассіана придѣлъ. До нынѣ сохранилась надъ гробницей святыхъ и древняя икона съ изображеніемъ ихъ дѣяній. По внѣшнему виду пр. Григорій былъ уже сѣдъ и нѣсколько плѣшивъ, а Кассіанъ съ густыми волосами па головѣ, съ недолгою и простою бородою. Явленіе св. мощей и чудеса прр. Григорія и Кассіана описаны Іосафомъ—авторомъ житія пр. Стефана (Филарета. Муравьева. Истор. іер. 3. 59 — 62; обзоръ

рус. дух. литературы, § 133. Историческія сказанія о вологодскихъ святыхъ 86—102).

СВЯТАГО ЕФРЕМА, ПАТРІАРХА СЕРБСКАГО.

Св. Ефремъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его былъ священникомъ, современнымъ королю Милютину. Еще въ малодыхъ лѣтахъ, Ефремъ почувствовалъ призваніе къ иноческой жизни и желалъ сдѣлаться монахомъ, но его родители воспрепятствовали этому и рѣшились женить его. Не будучи въ силахъ противостать сильному влеченію къ монашеской жизни, Ефремъ тайно ушелъ изъ родительскаго дома и поселился у отшельника Василія, давши обѣтъ иночества и проводя время въ постѣ и молитвѣ. Когда родители Ефрема узнали о его мѣстѣ пребыванія, то хотѣли взять его обратно домой; но Ефремъ бѣжалъ на Аѳонъ и скрывался тамъ въ одномъ изъ скитовъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Ефремъ съ учениками своими ушелъ отсюда и поселился въ Иборовскомъ монастырѣ. Братія этого монастыря избрали пр. Ефрема своимъ игуменомъ, но онъ не долго управлялъ иноками и поселился въ уединенномъ мѣстѣ близь Дечанскаго монастыря, гдѣ проводилъ суровую отшельническую жизнь. Послѣ смерти царя Душана, когда послѣдовали безпорядки въ Сербіи, а потомъ разбои,— злодѣи, нашедши пустынника - пр. Ефрема, избили его до полусмерти. Патріархъ Савва взялъ едва живаго подвижника къ себѣ, гдѣ пр. Ефремъ вскорѣ выздоровѣлъ. Послѣ смерти Саввы, на патріаршую каѳедру 3 окт. 1376 г. соборомъ былъ избранъ преподобный отшельникъ Ефремъ, по своимъ достоинствамъ вполнѣ заслужившій такого высокаго сана. Ефремъ, случайно бывшій на со-

борѣ, и не ожидалъ такого избранія; онъ, горько плача, просилъ и умолялъ соборъ уволить его отъ такой трудной и тяжкой для него должности. Соборъ же отвѣчалъ: „указанный Богомъ имѣетъ быть посвященъ“, послѣ чего Ефремъ не могъ отказываться. Слезы Ефрема оправдались. Время вступленія его на патріаршую каѳедру было временемъ господствованія безпорядковъ и разстройства церковныхъ дѣлъ въ Сербіи. Многіе архіереи и прочія духовныя лица оказывали неповиновеніе патріарху Ефрему. Привыкшій къ тихой и уединенной жизни, онъ, будучи обремененъ такимъ положеніемъ дѣлъ, отказался отъ патріаршей должности, и, посвятивъ на свое мѣсто блаж. Спиридона, удалился въ Архангельскую обитель царя Душана, гдѣ и жилъ уединенно. По смерти Спиридона (1388 г.) и князя Лазаря, убитаго на Коссовомъ полѣ, въ Сербіи начались смуты и безпорядки, и св. Ефрема снова стали просить управлять Сербіею до избранія новаго патріарха. Пр. Ефремъ согласился и довольно долгое время исправлялъ должность патріарха. На 88 году своей жизни, при патріархѣ Саввѣ, пр. Ефремъ скончался. Мощи его почиваютъ въ великой патріаршей церкви. (Свв. южн. Славянъ.—Филарета, арх. черн., стр. 103—106).

16-е число.

Св. Тихона чудотворца, еп. амафунтскаго. Пр. Тихона Луховскаго. Свв. мучениковъ Тигрія пресвитера и Евтропія пѣвца.

(Пяти мучениковъ въ Никомидіи. Сорока мучениковъ римлянъ. Пр. Тихона медынскаго).

СВЯТАГО ТИХОНА ЧУДОТВОРЦА, ЕПИСКОПА АМАФУНТСКАГО.

Святый Тихонъ родился въ концѣ 4-го столѣтія, въ царствованіе римскаго императора Аркадія, на островѣ Кипрѣ, въ городѣ Амафунтѣ, отъ христіанскихъ родителей. Семейство, въ которомъ св. Тихонъ проводилъ свое дѣтство, было строго благочестивое, оно было въ большомъ уваженіи между кипрянами и занималось хлѣбною торговлею. Помогая своему отцу въ торговлѣ, св. Тихонъ большую часть своего труда посвящалъ на изученіе св. Писанія. Еще въ отроческомъ возрастѣ, онъ зналъ, что для приготовленія себя ко всякаго рода дѣятельности нужно всѣ свои силы употреблять на изученіе св. Писанія. Поэтому св. Тихонъ со всѣмъ пыломъ юношескаго возраста изучалъ волю Божію, открытую въ св. Писаніи, изучалъ не съ тѣмъ, чтобы только знать ее, но преимущественно для того, что бы исполнять ее. Не

ограничиваясь знаніемъ одного св. Писанія, онъ изучалъ богатую христіанскую литературу 4-го вѣка, изучалъ всѣ отеческія преданія и каноны. Слава, разносившаяся по всему міру о константинопольскомъ архіепископѣ св. Іоаннѣ Златоустѣ, доходила и до св. Тихона. Бывая нерѣдко въ Константинополѣ по торговымъ дѣламъ своего отца, ему приходилось быть слушателемъ назидательнаго краснорѣчія этого вселенскаго учителя.

Желая потрудиться для пользы христіанства и для своего спасенія, св. Тихонъ пожелалъ вступить въ клиръ церковный. Не смотря на свои еще юношескія лѣта, онъ былъ причисленъ къ клиру и, какъ человѣкъ достаточно приготовленный въ знаніи св. Писанія, былъ сдѣланъ чтецомъ и истолкователемъ св. Писанія. Съ любовью и ревностью исполнялъ онъ возложенную на него обязанность народнаго учителя и толкователя св. Писанія. Всѣ его толкованія дышали простотою, такъ какъ онъ не желалъ слишкомъ мудрствовать; мыслилъ согласно съ мыслями отцевъ церкви вѣковъ предшествовавшихъ; училъ такъ, какъ они учили. Впрочемъ простота толкованія св. Тихона не доходила до холодности къ вѣрѣ и безразличія въ мнѣніяхъ. Напротивъ, ревностнѣе его не было никого въ исповѣданіи Христа; не мало приходилось ему терпѣть за имя Христа; свѣтлая и твердая вѣра его сіяла даже между язычниками. Св. Тихонъ училъ своихъ соотечественниковъ не столько словомъ своимъ, сколько дѣлами своими и своею святою жизнію. Онъ былъ воздерженъ какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ остальномъ. Отъ самой юности своей онъ былъ цѣломудренъ и совершенно чуждъ всякихъ чувственныхъ пожеланій и удовольствій. Единственнымъ наслажденіемъ его была благотворительность и вспомоществованіе бѣд-

нымъ, каковыя качества онъ проявилъ еще въ отрочествѣ, ибо уже и тогда онъ дѣлился съ бѣдными изъ достатковъ отца своего. Но ничто такъ не дѣйствовало на соотечественниковъ святаго Тихона, какъ кротость характера его, соединенная съ смиреніемъ. Одною только своею кротостью и незлобіемъ онъ обратилъ на путь истинный многихъ изъ своихъ соотечественниковъ-язычниковъ, которыхъ тогда на островѣ Кипрѣ было гораздо болѣе, нежели христіанъ. Кротость св. Тихона проявлялась на самомъ лицѣ его, такъ что одно воззрѣніе на святаго укрощало въ однихъ страсти, облегчало скорбь другихъ и привлекало къ нему язычниковъ. Добродѣтели и чудеса, совершаемыя имъ съ дѣтскаго возраста, доставили ему славу святаго среди соотечественниковъ,—не только народъ, но и вельможи благоговѣли предъ святостью его жизни,—но св. Тихонъ не обращалъ на это вниманія: онъ умѣлъ и среди славы сохранить смиреніе, почитая себя человѣкомъ обыкновеннымъ. За такую примѣрную, добродѣтельную и цѣломудренную жизнь св. Тихонъ, не смотря на молодость лѣтъ, былъ посвященъ въ санъ діакона еп. амафунтскимъ Мемнономъ. Сколько времени св. Тихонъ былъ діакономъ, объ этомъ ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ преданіи у киприянъ ничего не сохранилось.

Когда скончался Мемнонъ, епископъ амафунтскій, жители Амафунта никого не желали имѣть своимъ пастыремъ, какъ только одного св. Тихона, пользовавшагося между ними любовью и уваженіемъ. Избранный единодушно жителями Амафунта въ преемники Мемнону, св. Тихонъ около 403 года былъ возведенъ изъ діаконовъ въ санъ епископа амафунтскаго тогдашнимъ архіепископомъ кипрскимъ—св. Епифаніемъ. Вступивъ на поприще

пастырскаго служенія, святитель Тихонъ съ неутомимою ревностью выполнялъ всѣ епископскія обязанности. Дѣло проповѣди слова Божія между своими соотечественниками язычниками, начатое имъ съ молодыхъ лѣтъ, въ санѣ епископа св. Тихонъ продолжалъ еще ревностнѣе и усерднѣе. Онъ старался дѣйствовать на язычниковъ силою своего слова, обличая ихъ ложныя ученія и мерзкія, богопротивныя дѣла. Уничтожалъ идольскіе храмы, одни совсѣмъ разрушая, а другіе, по уничтоженіи въ нихъ идоловъ, обращалъ въ христіанскіе храмы, съ особеннымъ стараніемъ украшалъ ихъ предварительно святыми иконами и самъ же освящалъ ихъ. Вообще, въ санѣ епископа онъ показалъ такое попеченіе о своей паствѣ, что въ ней оставилъ послѣ себя также мало язычниковъ, какъ мало было христіанъ при вступленіи его на епископскую каѳедру. Сдѣлавшись пастыремъ народа, св. Тихонъ сталъ проводить свою жизнь еще строже,—онъ былъ истиннымъ образцомъ добрыхъ дѣлъ для своей паствы: кроткій и незлобивый нравъ, чуждый всякаго превозношенія и гордости, его простая одежда, постническая пища, которую вкушалъ онъ всегда только однажды въ день—вечеромъ,—все это заставляло народъ благоговѣть предъ лицемъ святителя. Да и какъ было не уважать и не благоговѣть предъ такимъ пастыремъ, который день и ночь упражнялся въ дѣлахъ, подобающихъ его сану. Двери его дома постоянно были отворены для всѣхъ,—съ любовью онъ выслушивалъ и съ усердіемъ выполнялъ требованія приходящихъ къ нему. Такая неутомимая ревность св. Тихона о христіанствѣ была причиною не малыхъ гоненій со стороны язычниковъ;—ему приходилось быть предъ языческимъ судилищемъ, гдѣ онъ дерзновенно исповѣдалъ Христа, не боясь ни угрозъ.

ни мученій. Мученія онъ переносилъ съ твердою вѣрою, и за свою побѣду надъ ними, хотя и не простиравшимися до крови, онъ получилъ мученическій вѣнецъ. Управивъ ввѣренную ему паству и доживши до глубокой старости, св. Тихонъ преставился къ Богу въ 425 году 16 іюня, при императорѣ Ѳеодосіѣ Младшемъ, задолго предъ тѣмъ пророчески предъузнавъ и возвѣстивъ другимъ время своей кончины.

За святую и благочестивую жизнь Господь прославилъ св. Тихона силою чудотвореній какъ при жизни его, такъ и по смерти. Леонтій, епископъ Неаполя кипрскаго, при императорѣ Маврикіи (582—602), въ жизни Іоанна Милостиваго называетъ св. Тихона чудотворцемъ. Дѣйствительно, даръ пророчества и вѣдѣнія, даръ врачеванія, изгнаніе демоновъ, исцѣленіе недужныхъ—доставили ему при жизни имя чудотворца. Изъ многихъ чудесъ св. Тихона до нашего времени сохранилось сказаніе лишь о двухъ случаяхъ чудодѣйственной его силы. Въ отроческомъ возрастѣ, когда онъ еще жилъ съ родителями, отецъ его, по ремеслу хлѣбникъ, посылалъ св. Тихона продавать хлѣбы на городскомъ рынкѣ. Святый же Тихонъ раздавалъ часть хлѣба нищимъ и бѣднымъ людямъ даромъ. Отецъ его, узнавши объ этомъ, началъ гнѣваться на св. Тихона и даже ругать его. Благочестивый отрокъ, желая показать отцу на дѣлѣ, къ чему ведетъ исполненіе данной Богомъ заповѣди: *даяй Богу, сторицею пріиметъ*, сказалъ отцу своему: „не печалься, отецъ, вѣдь мы Богу давали взаймы, а посему имѣемъ вѣрное ручательство, что дающій Богу во сто кратъ больше получитъ, а если не вѣришь, пойдемъ въ житницу и тамъ увидишь, какъ Богъ отдаетъ долгъ заимодавцамъ своимъ“. Когда они пришли къ житницѣ и отперли ее, то

Тихонъ показалъ отцу закрома, прежде бывшіе пустыми, наполненными пшеницею въ такомъ количествѣ, въ какомъ его отецъ никогда не наполнялъ ихъ даже послѣ самой обильной жатвы. Видя такое чудо, отецъ св. Тихона палъ на колѣна и воздалъ Богу благодареніе, и съ этого времени пересталъ гнѣваться на сына за безвозмездное раздаяніе имъ хлѣба бѣднымъ.

Въ другой разъ,—когда одинъ садовникъ выбросилъ сухіе сучки винограда какъ негодные,—св. Тихонъ, собравъ ихъ, посадилъ въ своемъ саду. Сажая, онъ молился Господу о томъ, чтобы виноградныя вѣтви и плоды ихъ обладали четырьмя свойствами: а) дабы сухіе сучья принялись въ землѣ, пустили корни и росли, б) чтобы виноградныя лозы были плодовиты и сѣмянисты,—в) чтобы ягоды были сладки и полезны для здоровья и г) чтобы виноградъ его скорѣе всѣхъ поспѣвалъ и созрѣвалъ. Когда на утро св. Тихонъ вышелъ въ садъ, то увидѣлъ, что искренняя и теплая молитва его была услышана: сухіе сучки принялись въ землѣ и пустили почки. А когда тѣмъ же лѣтомъ начали рости, то были весьма плодородны, и еще въ то время, когда въ другихъ виноградникахъ плоды зрѣли, ягоды въ виноградникахъ св. Тихона были вполнѣ зрѣлы, пріятны на вкусъ и полезны для здоровья. Этотъ виноградъ, не только при жизни св. Тихона, обладалъ такою чудодѣйственною силою, но и по смерти его былъ плодороденъ, и каждогодно плоды его поспѣвали ранѣе, чѣмъ въ другихъ виноградникахъ, такъ что къ 16 іюня—памяти св. Тихона—на выжатомъ винѣ изъ этого винограда въ этотъ день совершали на литургіи таинство евхаристіи. Въ мѣсяцесловѣ Василія и въ стишномъ греческомъ прологѣ говорится, что вѣтвь виноградная, насажденная св. Тихо-

номъ, еп. амафунтскимъ, доселѣ произращаетъ ранніе грозды ко дню его памяти. (Прологъ. Четьи-Минеи. Канонъ свят. въ Минеѣ подъ 16 іюня. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 170).

ПРЕПОДОБНАГО ТИХОНА ЛУХОВСКАГО.

Преподобный Тихонъ, въ мірѣ Тимофей, родомъ былъ изъ Малороссіи, въ предѣлахъ литовскаго княжества и былъ тамъ въ военной службѣ. Въ Литвѣ и особенно въ столицѣ ея Вильнѣ было въ то время болѣе православныхъ храмовъ, чѣмъ римскихъ костеловъ. Не смотря, однако, на это, католики, въ особенности іезуиты, сильно тѣснили православныхъ, такъ что начали появляться отступники даже между православными литовскими дворянами. Когда литовцы уклонились въ латинство и другія ереси, то Тимофей, скорбя о непостоянствѣ соотчичей, удалился (1482 г.) вмѣстѣ съ знаменитымъ княземъ Θеодоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ въ Москву,—въ то самое время, когда этотъ князь оставилъ въ Литвѣ юную супругу, только что обвѣнчавшись съ нею.

Въ новомъ отечествѣ болѣе всего восхитило Тимофея православіе россійской церкви; особенно же удивляло его благочестіе россіянъ, благочиніе церквей и ангелоподобное въ нихъ пѣніе. Съ искреннимъ благоговѣніемъ и сердечнымъ утѣшеніемъ посѣтивъ обители, гдѣ процвѣтало истинное благочестіе, Тимофей испросилъ себѣ увольненіе отъ службы московскому государю, раздалъ собственность, какую имѣлъ и постригся въ иночество въ одной изъ посѣщенныхъ имъ обителей,—только неизвѣстно въ какой,—съ именемъ Тихона. Но, хотя и былъ искусенъ въ божественномъ Писаніи, по глубокому

своему смиренію не принялъ сана священства. Послѣ этого, стремясь къ уединенію, преп. Тихонъ удалился въ Луховскую область. Городъ Лухъ съ нѣсколькими волостями отданъ былъ тогда князю Ѳеодору Бѣльскому, съ которымъ преп. Тихонъ, какъ было выше сказано, и прибылъ въ Москву. Здѣсь-то, въ отчинѣ любимаго князя, и поселился преп. Тихонъ, не выпрашивая у него ничего, кромѣ клочка земли. Тогда на этомъ мѣстѣ, на рѣкѣ Лухѣ, въ урочищѣ Копытовкѣ, былъ дремучій боръ, и оно, по причинѣ многихъ песковъ и болотъ на противоположной сторонѣ рѣки Луха, было не удобно для землепашества. Никакой трудъ не могъ добыть тамъ тогда себѣ обильнаго пропитанія,—но преп. Тихону довольно было и очень малаго, потому что онъ поставилъ тамъ себѣ келлію не для покоя, а для трудовъ полнаго самоотреченія. Когда же прибыли къ нему два инока—Фотій и Герасимъ, то преподобный не для себя, а для учениковъ перешелъ за три версты отъ Копытовки, на мѣсто болѣе удобное для пребыванія,—туда, гдѣ нынѣ находится Никольскій Тихоновъ монастырь. Здѣсь-то съ этими двумя своими учениками преп. Тихонъ и проводилъ многотрудную жизнь, упражняя умъ въ непрестанномъ славословіи, а тѣло въ трудахъ, коими всѣ трое снискивали себѣ пропитаніе. Они ни отъ кого не принимали припасовъ и средствъ для пропитанія, и если въ чемъ имѣли крайнюю нужду, то пріобрѣтали это не иначе, какъ мѣною на рукодѣлья, такъ какъ преп. Тихонъ былъ искусенъ въ токарномъ ремеслѣ и писаніи книгъ. Для сѣянія же хлѣба, не смотря на то, что отъ болѣзни желудка преподобный едва передвигалъ ноги, онъ самъ впрягался въ соху вмѣсто лошади, повелѣвая ученикамъ управлять имъ. Когда же кто изъ посторон-

нихъ находилъ пустынниковъ въ такой работѣ, то они вдругъ оставляли ее, чтобы избѣжать мірской славы. Пр. Тихонъ удалялся отъ бесѣды съ проходящими, даже съ иноками, любопытствовавшими видѣть его. Такъ прожилъ онъ много лѣтъ, до глубокой старости. во всякомъ лишеніи. Бѣдность старца и учениковъ его были такъ велики, что ученики не знали въ чемъ положить честное тѣло умершаго подвижника: кромѣ повседневной одежды его, они не имѣли ничего, чѣмъ бы покрыть его тѣло. Узнавъ о томъ, суздальскій епископъ прислалъ для погребенія старца бѣлую свитку, въ которой и похоронили его. Вскорѣ по кончинѣ преп. Тихона, послѣдовавшей въ 1503 г., изъ его пустыни устроился монастырь во имя святителя Николая. При игуменѣ Константинѣ начали совершаться исцѣленія при гробѣ преподобнаго; когда, по причинѣ многихъ исцѣленій въ 1566г., разрыли мѣсто, гдѣ былъ погребенъ преп. Тихонъ, то мощи его оказались нетлѣнными. Но самъ настоятель за то, что дерзнулъ открыть мощи и поставить ихъ поверхъ земли, былъ пораженъ слѣпотою, и только тогда получилъ прозрѣніе, когда опять опустилъ ихъ въ землю. Обрѣтеніе мощей преп. Тихона и случившееся при семъ чудо было 16 іюня 1566 г., и съ этого времени ежегодно въ этотъ день празднуется память этого преподобнаго. Мощи преп. Тихона почиваютъ въ его обители. (Прологъ. Ист. слов. о свят. стр. 261. Русс. свят. — Филарета арх. черн.)

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ТИГРІЯ ПРЕСВИТЕРА И СВ. МУЧЕНИКА ЕВТРОПІЯ ЧТЕЦА.

Святый священномученикъ Тигрій и святый мученикъ Евтропій принадлежали къ клиру св. Іоанна Златоустаго,

за котораго и пріяли вѣнецъ мученичества въ началѣ 5-го вѣка. Обстоятельства, при которыхъ эти святые сдѣлались мучениками, были слѣдующія. Въ то время, когда уже св. Іоаннъ Златоустъ былъ сосланъ въ ссылку въ далекій городъ Кумы, случился въ соборномъ храмѣ пожаръ. Огонь вскорѣ распространился съ ужасною быстротою всюду, такъ что охватилъ храмъ сверху до низу, истребляя все и извнутри, и снаружи. Поднявшійся при этомъ сильный вѣтеръ перекинулъ огонь чрезъ площадь на зданіе Сената, которое и сгорѣло до тла. Сильный огонь не щадилъ и другихъ, окружавшихъ соборъ, зданій и церквей; при этомъ, какъ бы нѣкіимъ чудомъ, пожигалъ лишь только далеко отстоящіе храмы, по преимуществу храмы враговъ Іоанна Златоустаго, и почти не касался церквей близъ лежащихъ, а также оставались не тронутыми и церковныя ризницы и сосудохранилища. Пожаръ былъ такъ силенъ, что въ продолженіи 3-хъ часовъ сгорѣло множество зданій красивыхъ, и были уничтожены безчисленныя богатства, скопленныя многолѣтними трудами. Замѣчательно также и то, что при такомъ сильномъ пожарѣ не погибло ни одного человѣка, такъ что это обстоятельство совмѣстно съ указаннымъ дѣйствіемъ огня на церкви укрѣпило мысль современниковъ въ томъ, что этотъ сильный пожаръ произошелъ не случайно, но былъ попущеніемъ гнѣва Божія за невинное изгнаніе св. Іоанна Златоустаго изъ Константинополя. Враги же Іоанна Златоустаго, напротивъ, считали этотъ пожаръ дѣломъ рукъ сторонниковъ изгнаннаго святителя и начали ихъ преслѣдовать. Они захватывали многихъ епископовъ, священниковъ, монаховъ и другихъ клириковъ церковныхъ; однихъ изъ нихъ мучили въ самомъ Константинополѣ, другихъ, связавъ, отправ-

ляли въ Халкидонъ, иныхъ томили въ темницахъ и другихъ мѣстахъ. Недовольствуясь этимъ, враги Іоанна Златоустаго разсылали въ народъ фискаловъ, чтобы эти подслушивали, что говорится въ народѣ о святителѣ Іоаннѣ, и если случалось, что кто-либо хорошо отзывался объ Іоаннѣ и соболѣзновалъ о его изгнаніи, того влекли въ судъ и заставляли проклинать святаго мужа,— тѣхъ же, которые не дѣлали этого или жестоко били и увѣчили, или же разсылали въ заточеніе въ разныя страны, разграбляя ихъ имущество. Въ то время начальникомъ города былъ нѣкто Оптатъ, по вѣрѣ язычникъ, по характеру человѣкъ лютый и жестокій, враждебно-расположенный къ христіанамъ, такъ что всякая распря и несогласіе между ними доставляли ему наслажденіе и удовольствіе. Когда случился упомянутый пожаръ, Оптатъ началъ производить слѣдствіе по поводу его. Забравши многихъ христіанъ, онъ началъ ихъ жестоко мучить подъ предлогомъ узнать истинную причину пожара, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, преслѣдовалъ ихъ за то, что они вѣровали въ Іисуса Христа.

Вмѣстѣ съ многими невинными былъ схваченъ жестокимъ Оптатомъ и пресвитеръ Тигрій. Св. Тигрій былъ родомъ изъ странъ населенныхъ дикими народами,—онъ былъ скопецъ не отъ природы, но оскопленъ насильно. Попавши въ отрочествѣ въ плѣнъ, онъ былъ купленъ однимъ богатымъ человѣкомъ и, оскопленный имъ, сдѣлался однимъ изъ многихъ рабовъ, которыхъ въ то время у лицъ богатыхъ было много. Но чрезъ много лѣтъ онъ получилъ свободу, поступилъ въ клиръ церковный и за благочестивую и добродѣтельную жизнь былъ удостоенъ пресвитерскаго сана. Св. Тигрій былъ, по истинѣ, человѣкъ добродѣтельный и исполненный богоугодной жизни:

чудеснымъ образомъ въ святости блаженнаго Евтропія, его начали почитать на ряду съ другими, какъ одного изъ великихъ мучениковъ Христовыхъ. (Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ТИХОНА МЕДЫНСКАГО.

По старинной службѣ преподобному и по мѣстному преданію, преп. Тихонъ въ молодыхъ лѣтахъ принялъ пострижение въ Москвѣ и, по любви къ уединенію, удалился въ глухую мѣстность близъ Ярославца Малаго. Страна, гдѣ поселился пр. Тихонъ, въ то время была покрыта дремучими лѣсами и находилась во владѣніи одного изъ сильнѣйшихъ удѣльныхъ князей—князя Ярослава, сына Владиміра Андреевича Храбраго. Здѣсь-то и поселился св. подвижникъ одинъ, въ глубинѣ лѣса, на берегу рѣки Непрейки,—жилищемъ пустынника служило дупло исполинскаго дуба, остатки котораго благоговѣйно сохраняются и до нынѣ, пищею его была трава, а питьемъ вода колодезя, выкопаннаго самимъ преподобнымъ и потому доселѣ именуемаго „кладяземъ преп. Тихона". Когда узнали о подвижникѣ, то стали приходить къ нему: одни для духовнаго совѣта, а другіе для пустыннаго пребыванія съ нимъ. Тяжела была жизнь подвижниковъ при лишеніяхъ разнаго рода. Но надобно было, чтобы скорби отягчились еще особенною бѣдою. У преподобнаго, какъ и у всѣхъ людей, явились завистники и недоброжелатели, которые стали распространять слухъ о подвижникѣ, какъ о злонамѣренномъ человѣкѣ. Предупрежденный такими слухами о пустынножителѣ владѣлецъ лѣсовъ, охотясь за дикими звѣрями, нечаянно или же, вѣрнѣе, приведенный нарочно недобро-

желателями, встрѣтился съ подвижникомъ и грозно приказалъ ему немедленно удалиться изъ его владѣній. Недовольствуясь этимъ, онъ хотѣлъ было ударить святаго плетью и уже замахнулся, но поднятая на святаго рука внезапно онѣмѣла и осталась неподвижною. Вразумленный такимъ наказаніемъ, гордый князь, уразумѣвъ силу Божію, раскаялся въ своемъ поступкѣ и испросилъ у преподобнаго прощеніе. Получивъ, по молитвѣ его, исцѣленіе князь усердно просилъ пустынножителя остаться на всегда въ его владѣніяхъ и устроить иноческую обитель, обѣщая помогать при устроеніи ея. Ученики пристали съ просьбою къ наставнику приступить къ устроенію обители. Уступая просьбамъ, преп. Тихонъ устроилъ не вдалекѣ отъ своего дуба обитель въ честь Успенія Божіей Матери, въ 15 верстахъ отъ города Медыни (Калужской губерніи). Принявъ, по просьбамъ своихъ учениковъ, санъ игумена въ новооснованной имъ обители, преп. Тихонъ управлялъ своими иноками кротко, будучи мудрымъ наставникомъ въ духовной жизни.

По монастырскому преданію, преп. Тихонъ скончался въ глубокой старости не позже 1460 года, предъ смертію принявъ схиму.—Что касается того, съ какого времени стала прославляться память преп. Тихона, то изъ вкладной книги обители видно, что еще не протекло столѣтія со времени преставленія перваго игумена Тихоновой обители, какъ онъ уже именовался „преподобнымъ“. Въ записи вкладной книги говорится: „дано въ сей монастырь—въ домъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и преподобнаго отца игумена Тихона—великаго государя жалованья, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, евангеліе напрестольное“. И такъ, ясно, что уже при царѣ грозномъ (1533—

1584 г.) преп. Тихонъ считался въ числѣ угодниковъ Божіихъ, и что празднованіе памяти преп. Тихона, начавшееся въ его обители со времени его кончины, было утверждено московскимъ соборомъ 1551 года. Мощи преп. Тихона, по монастырскому преданію, до смутнаго времени почивали на вскрытіи, а во время нашествія были сокрыты въ землю; и нынѣ почиваютъ подъ спудомъ противъ праваго клироса соборнаго храма обители. Надъ мѣстомъ погребенія сдѣлана, окованная мѣдными листами, рака, покрытая доскою съ древнимъ изображеніемъ преподобнаго въ монашескомъ одѣяніи, со свиткомъ въ рукѣ; ликъ, украшенный сѣдинами честной старости, выражаетъ полноту душевнаго совершенства.

Благоволеніе Божіе къ преподобному Тихону было проявлено вскорѣ по преставленіи его многими чудесами отъ его мощей, о чемъ свидѣтельствуетъ усвояемое ему преданіемъ наименованіе его „Калужскимъ Чудотворцемъ", свято признанное мѣстною церковью и оправдываемое событіями до нашихъ дней.—Изъ многихъ чудесъ его новаго времени укажемъ на нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя.—Крестьянка Мосальскаго уѣзда, вдова Александра Григорьева Жалнова, 12 лѣтъ находилась въ сильномъ разслабленіи. Въ продолженіи первыхъ шести лѣтъ она могла говорить и узнавать людей, и въ это время были употребляемы многія средства къ ея исцѣленію, но отъ лѣкарствъ больная не только не получила никакой помощи, напротивъ—день отъ дня чувствовала себя хуже.

Въ продолженіи 6-ти слѣдующихъ лѣтъ, Александра была въ совершенномъ безчувствіи и только не многихъ узнавала.

„Въ одно время,—такъ говорила уже исцѣленная

Александра,- именно, въ 1842 году іюня 15 дня (на канунѣ дня памяти преп. Тихона), въ полдень, лежа въ обычномъ разслабленіи, въ отдѣльной избушкѣ, я вдругъ увидала идущаго ко мнѣ старца. Одѣяніе на немъ было черное, длинное (монашеская мантія), на главѣ на подобіе полукруглой шапочки, на коей вышиты зеленые крестики (схимническій куколь), росту небольшаго, худощавый, борода сѣдая и недлинная.—Подойдя къ моей постели, старецъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— „Алаксандра что ты лежишь?"

— „Батюшка, отвѣчала я, знать я Бога прогнѣвала и людямъ надокучила, всѣ отступились отъ меня".

— „Нѣтъ, возразилъ старецъ, не гнѣви Бога, тебя посѣщаетъ Алексѣй Назарычъ" (купецъ Лядовъ).

Затѣмъ старецъ продолжалъ: „молись Богу! Вотъ я пришелъ за простоту твою полѣчить тебя. Хочешь ли этого?"

— „Желаю, батюшка, но уже не думается, чтобъ я была здорова",—отвѣчала я.

Старецъ сказалъ: „вотъ, я тебя окроплю св. водою изъ моего колодца, и ты будешь здорова". Говоря это, старецъ досталъ изъ кармана стеклянный кувшинчикъ, въ который былъ вложенъ вѣничекъ изъ свѣжихъ березовыхъ прутиковъ, и покропилъ меня св. водою, потомъ далъ напиться оной, сказавъ: „вотъ, я тебѣ далъ здоровье". Въ туже минуту я почувствовала облегченіе, встала съ постели и съ великою радостію сказала: „кабы ты меня вылѣчилъ, батюшка, я бы тебя весь вѣкъ мой помнила". Онъ отвѣчалъ: „такъ помни же!" Я спросила: „кто ты таковъ, батюшка, я тебя не знаю". Онъ сказалъ: „я Тихонъ преподобный изъ пустыни, живу отъ Калуги въ 17-ти верстахъ. Отселѣ ты будешь весела и

здорова и будешь питаться своими трудами". И сказавъ это, вышелъ изъ избы, притворилъ за собой дверь и пошелъ къ лѣсу. Я же, оставшись въ избѣ, стала молиться Богу.

Въ это время вошелъ ко мнѣ вышеупомянутый А. Н. Лядовъ и, увидя меня со всѣмъ здоровою, спросилъ: „ты ли это, Александра, кто тебя вылѣчилъ?" Я отвѣчала: меня вылечилъ преподобный Тихонъ, странникъ изъ пустыни,—смотри, вотъ онъ, (показывая въ окно), идетъ къ лѣсу. А. Н., посмотрѣвъ въ окно, перекрестился и сказалъ: „я никого не вижу!.."

Тогда я разсказала ему все по порядку: какъ приходилъ ко мнѣ неизвѣстный старецъ, что онъ говорилъ со мною и какъ исцѣлилъ отъ болѣзни.

Выслушавъ мой разсказъ, А. Н. объяснилъ мнѣ, что явившійся старецъ — преподобный Тихонъ, калужскій чудотворецъ, изъ Тихоновой пустыни".

Проживающая въ г. Калугѣ, подполковница Ольга Иванова Максимовичъ три мѣсяца страдала крайнимъ разслабленіемъ нервовъ. Никакія врачебныя пособія не помогли ей, и она впала, наконецъ, въ самое безнадежное положеніе, близкое, по ея отзыву, къ смерти. Въ семъ состояніи она возъимѣла благочестивое желаніе отправиться на богомолье въ Тихонову пустынь, что и исполнила 1863 года іюня 13. Возвращаясь домой, Максимовичъ запаслась въ обители водою изъ св. колодезя для благоговѣйнаго употребленія ея въ недугѣ. Болѣзнь, по видимому, не прекращалась, но черезъ мѣсяцъ, именно 18 іюля, больная видитъ во снѣ, что она на богомольи въ Тихоновой пустыни, молится предъ ракою угодника Божія о прощеніи грѣховъ своихъ... Предъ ней самъ угодникъ Божій; подозвавъ къ себѣ молящуюся, онъ по-

смотрѣлъ на нее съ участіемъ и потомъ сказалъ, что бы недугъ оставилъ ее.—Проснувшись, больная ощутила въ душѣ своей невыразимое утѣшеніе; самая болѣзнь съ этого времени мало по малу стала ослабѣвать и, наконецъ, чрезъ мѣсяцъ совершенно кончилась. 18 августа г-жа Максимовичъ пріѣзжала въ обитель уже совершенно здоровая, для принесенія благодаренія св. угоднику Божію.

Калужскаго уѣзда, Тихоновской волости, дер. Камельгиной крестьянка Акулина Савельева, бывшая раскольница, получила исцѣленіе ходатайствомъ преподобнаго Тихона отъ такой болѣзни, отъ которой обыкновенные врачи при всемъ усиліи не могли излѣчить ее, и что болѣе, не могли даже опредѣлить самаго названія оной. О появленіи этой болѣзни и излѣченіи отъ нея такъ разсказала сама А. С.

„Въ 1863 г. нежданно и нечаянно проявилась у меня болѣзнь такого рода: въ одну ночь, часу въ 10-мъ въ 11-мъ почувствовала я сильнѣйшій зудъ въ моемъ тѣлѣ, и у меня открылась несносная чесотка; къ утру же миновалась болѣзнь,—и я думала, что она тѣмъ и кончится; но въ слѣдующую ночь болѣзнь снова появилась и съ большею силою, а къ утру опять миновалась. Затѣмъ болѣзненные припадки стали повторяться очень часто: и я потеряла всякое терпѣніе —обратилась за помощію къ нѣкоторымъ извѣстнымъ врачамъ, которые ни сколько мнѣ не помогли. Такъ болѣзнь моя болѣе и болѣе усиливалась,—и къ концу года ея появленія я до того ослабѣла, что едва ходила,—и потеряла всякую надежду на выздоровленіе“.

„Однажды, пришедъ въ домъ сына моего Михаила, жаловалась я женѣ его на изнуряющую меня болѣзнь; въ разговоръ нашъ вмѣшался и онъ,—съ такими словами:

„за то тебѣ Богъ не дастъ здоровья, что ты не престаешь хулить православную церковь и угодника Божія преподобнаго Тихона, калужскаго чудотворца, и, указывая на икону преподобнаго съ надписью имени Паисія великаго, сказалъ: не ты ли приказала изгладить съ иконы, не смотря на то, что она родовая, имя преподобнаго Тихона и надписать имя Паисія?"

„Вслѣдствіе такого совершенно справедливаго замѣчанія сына, я въ пылу безразсуднаго гнѣва своего за обращеніе его къ православію, начала укорять его, что онъ самъ былъ такой же, а теперь сдѣлался отступникъ. Но сынъ, терпѣливо выслушивая мои безразсудныя укоризны, представлялъ мнѣ такія убѣдительныя доказательства моего заблужденія, противъ которыхъ я, сколько ни усиливалась, не могла достаточно возразить,—и, наконецъ, поколебалась въ своемъ долгомъ и упорномъ заблужденіи".

„Замѣтивъ это, сынъ мой предложилъ мнѣ обратиться съ молитвою къ преподобному и принести ему чистосердечное раскаяніе во всѣхъ хулахъ и ругательствахъ, произносимыхъ мною на него, - и увѣрялъ, что если съ вѣрою и любовію прибѣгну къ преподобному, то непремѣнно получу исцѣленіе отъ тяжкой своей болѣзни! Убѣждаемая совѣтами сына, я подумала: помолюсь преподобному! Въ этомъ противъ нашей вѣры, кажется, нисколько не погрѣшу,—молиться вмѣстѣ съ ними не буду, а помолюсь одна... Рѣшилась, и что особенно важно для меня и незабвенно, дала въ душѣ моей такой обѣтъ: если исцѣлюсь отъ трудной моей болѣзни, то во всю жизнь буду свято почитать память преподобнаго, котораго такъ много оскорбляла; послѣ такого обѣта я почувствовала въ себѣ большое облегченіе отъ болѣзни".

На другой день рано утромъ отправилась я съ М. и

его дѣтьми, а также съ малолѣтнею внучкою своею, только не прямо въ обитель, но на св. колодезь, куда намъ и путь лежалъ. Подъѣхавъ къ колодезю, мы помолились иконѣ преподобнаго, только не вмѣстѣ,—а сперва М., а потомъ и я; затѣмъ умылись св. водою и напились оной, наполнили нѣсколько кувшиновъ, взятыхъ изъ двора, водой и отправились. Проѣзжая около монастыря, М. предложилъ мнѣ зайдти въ оный, я безпрекословно согласилась и зашла. Когда я вошла въ храмъ, то была поражена и величіемъ онаго, и пѣніемъ, и чтеніемъ монаховъ, и особенно поражена была благоговѣйнымъ ужасомъ, когда взошла въ соборный храмъ, гдѣ предсталъ взору моему гробъ преподобнаго Тихона! Начали служить молебенъ; пѣніе его меня поразило, и я со слезами простояла мелебенъ, а по окончаніи онаго, съ радостью преклонила колѣна у раки преподобнаго и мысленно просила его простить мнѣ за нанесенное, по безразсудной ревности, оскорбленіе его св. образу, прося вмѣстѣ съ симъ исцѣлить меня отъ изнурительной болѣзни.

По пріѣздѣ къ дому, я чувствовала себя несравненно лучше прежняго; въ продолженіи дня еще пила я нѣсколько разъ воду, и мнѣ дѣлалось лучше и лучше; наконецъ наступила ночь,—приблизились часы моего терзанія, (болѣзнь моя мучила меня всегда въ одно время),—и я ожидала наступленія знакомыхъ мнѣ появленій болѣзни; но часы приходятъ, и я остаюсь спокойною,—не чувствую ничего, что испытала въ теченіе года. Прошла ночь, пришла и другая, и наконецъ нѣсколько ночей; а болѣзнь моя не появлялась! Я внутренно благодарила Бога и угодника Его, преподобнаго Тихона, ходатайствомъ котораго я получила исцѣленіе. Но никому не говорила объ исцѣленіи, помышляя: какъ бы

опять не пострадать. Однажды сынъ мой спросилъ меня о здоровьи,—и я уже искренно разсказала о благополучномъ исходѣ своей болѣзни; сынъ мой, возблагодаривъ Бога и Его угодника преподобнаго Тихона за избавленіе меня отъ тяжелой болѣзни, — присоединилъ свое убѣжденіе въ истинности православной Христовой церкви.

Получивъ совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни, я, по милости Божіей, оставила свое заблужденіе по вѣрѣ—и теперь благодарю Бога и Его угодника преподобнаго Тихона, непосредственнаго моего ходатая предъ Богомъ, какъ въ призваніи меня отъ тьмы старообрядческаго заблужденія къ истинному свѣту Церкви Христовой, такъ и въ отнятіи отъ меня тѣлесной скорби. (Ист. рос. іер. VI, 401. Ист. слов. о свят. стр. 262. Рус. свят. — Филарета арх. черн. Калуж. епарх. вѣд. 1864 г. и 1867 г.).

17-е число.

Свв. мучениковъ Мануила, Савела и Исмаила.

(Св. Филонида, еп. Курійскаго.—Преп. Іосифа пустынника.—Преп. Піора.—Препп. братьевъ алфановыхъ: Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаака.—Преп. Ананіи иконописца).

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ МАНУИЛА, САВЕЛА И ИСМАИЛА.

Свв. мученики Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ были родные братья, родомъ Персы. Они происходили отъ знатныхъ и именитыхъ родителей, но не единовѣрныхъ: отецъ ихъ былъ язычникъ, а мать—христіанка. Будучи сама христіанкою, мать постаралась и дѣтей сдѣлать христіанами, такъ что свв. Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ вмѣстѣ съ молокомъ матери были напояемы ею и духомъ христіанскаго ученія. Ея стараніями они были крещены христіанскимъ крещеніемъ отъ благочестиваго пресвитера Еводика и отъ него же получили первоначальное христіанское воспитаніе. Когда же они достигли совершеннолѣтія, то вступили въ военную службу къ персидскому царю Валтану *), служа тѣломъ ему, а

*) По другимъ свѣдѣніямъ имя персидскаго царя было Аламундаръ.

душею бывъ преданы Господу Іисусу и Его ученію и заповѣдямъ. Когда въ 362 году нужно было посылать пословъ въ Константинополь къ римскому императору Юліану Отступнику для заключенія договора между Персіею и Римскимъ государствомъ, то выборъ палъ на трехъ святыхъ братьевъ. Юліанъ сначала ихъ принялъ очень радушно и любезно, оказывая всякую честь, но потомъ, когда узналъ, что они христіане, предалъ ихъ мученіямъ и смерти. Это случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ по прибытіи персидскихъ пословъ, Юліанъ отправился въ Виѳинію для совершенія языческихъ празднествъ въ храмѣ Тригонъ, находящемся близъ города Халкидона. Прибывъ на коробляхъ изъ Царяграда въ Халкидонъ и достигнувъ названнаго храма, Юліанъ съ многочисленнымъ собравшимся народомъ началъ совершать празднованіе; онъ приносилъ многочисленныя жертвы идоламъ, устроивалъ богатые пиры съ пѣснями и музыкой, словомъ, совершалъ въ честь идоловъ многія соблазнительныя и беззаконныя дѣйствія. Будучи вмѣстѣ съ нечестивымъ царемъ, свв. Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ не только не принимали участія въ беззаконныхъ празднествахъ, но боялись даже и взглянуть на нихъ. Стоя особо и издалека наблюдая, что творится, они лишь плакали и рыдали о заблужденіяхъ такого множества народа, молясь, чтобы Господь сохранилъ ихъ непричастными этимъ грѣховнымъ дѣяніямъ. Между тѣмъ Юліанъ замѣтилъ отсутствіе персидскихъ пословъ и, желая доставить имъ удовольствіе, приказалъ отыскать ихъ и привести къ себѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними повеселиться. Одинъ изъ царскихъ постельниковъ, нашедши ихъ стоящими особо отъ другихъ, сталъ звать ихъ къ царскому столу, думая, что и они одина-

ково съ пирующими покланяются идоламъ. Но святые братья безбоязненно и единогласно отвѣчали постельничему: „уйди отъ насъ, мы не отступимъ отъ той вѣры, въ которой воспитаны съ дѣтства, не отречемся истиннаго христіанскаго Бога и не поклонимся присутствующимъ въ вашихъ идолахъ бѣсамъ. Мы не на столько безумны и безсмысленны, чтобы, отрекшись отъ живаго Бога, Создателя всего, поклониться бездушному созданію. Цѣль нашего далекаго путешествія не та, чтобы отступить отъ нашей вѣры: мы пришли сюда съ тѣмъ, чтобы заключить договоръ между персидскимъ царствомъ и римскимъ государствомъ. И пусть знаетъ царь твой и его единомышленники, что насъ никто не можетъ заставить отказаться отъ вѣры въ истиннаго Бога, даже еслибы намъ пришлось поплатиться и жизнію". Постельничій, пришедши къ царю, разсказалъ о случившемся и передалъ ему слова святыхъ исповѣдниковъ. Царь сильно разгнѣвался на нихъ. Но въ этотъ день не захотѣлъ ихъ мучить, чтобы не нарушить нечестивыхъ празднествъ, а отложилъ до слѣдующаго дня, приказавъ заключить Мануила, Савела и Исмаила въ темницу.

На другой день нечестивый Юліанъ, призвавши персидскихъ посланниковъ, началъ говорить имъ: „добрые люди, вашъ царь прислалъ васъ къ намъ какъ своихъ довѣренныхъ и какъ людей расположенныхъ къ намъ, чтобы утвердить мирный договоръ между обоими царствами,—а это можетъ сдѣлаться не иначе какъ подъ условіемъ согласія и пріязни другъ къ другу. Въ васъ же не видится ни расположенія къ намъ, ни согласія съ нами, потому что вы не захотѣли вчера вмѣстѣ съ нами участвовать въ празднествѣ и веселиться въ честь тѣхъ боговъ, которыхъ и вы Персы почитаете. Вѣдь Персы

на равнѣ съ нами покланяются солнцу, лунѣ, звѣздамъ, вѣруютъ въ силу огня и въ другія божества. Для чего же вы отказались вмѣстѣ съ нами поклониться тѣмъ богамъ и не согласились участвовать въ общественномъ поклоненіи, дабы мирные договоры были крѣпче и тверже. Если же вы являетесь теперь хулителями нашихъ боговъ и намъ не единомышленниками, то пришли къ намъ не для скрѣпленія мира, но для возбужденія взаимной вражды и непріязни". На эти слова святые братья отвѣчали: „мы присланы отъ нашего царя и пришли къ тебѣ ради мирныхъ договоровъ, — чтобы ваши и наши войска не переходили безъ уважительной причины границъ своихъ и не опустошали ихъ, и чтобы ваши и наши купцы имѣли свободный входъ какъ въ ваше, такъ и въ наше государство и безопасный выходъ оттуда, вотъ относительно чего мы присланы и пришли разсуждать, а не о богахъ. О томъ, кто какого бога и какъ почитаетъ, не бываетъ вражды между государствами, а происходитъ она большею частію изъ-за границъ и сопредѣльныхъ городовъ, — ты же, оставивъ рѣчь объ этомъ,—для чего, собственно, мы и посланы, — разсуждаешь о томъ, для чего мы не посланы. Если же тебѣ такъ хочется, то знай, что мы, хотя родомъ и Персы, по вѣрѣ есмы христіане, какъ воспитаны нашею матерью и духовнымъ отцомъ утверждены, — и еще въ нашемъ отечествѣ много было такихъ, которые старались отвратить насъ отъ христіанства, но ничего не успѣли: благодатію Божіею мы твердо и непоколебимо пребываемъ въ истинной вѣрѣ. Надѣемся, что и здѣсь съ Божіею помощію, никто не будетъ въ состояніи отвратить насъ отъ христіанства къ язычеству". Тогда Юліанъ, разгнѣвавшись, съ запальчивостію сказалъ: „какъ

вы, простецы и невѣжи, не знакомы съ греческою мудростію, смѣете укорять нашу вѣру, которую держимъ мы, образованные и въ конецъ все изучившіе. Знайте, что я знакомъ и съ вашими христіанскими писаніями,— нѣкогда и я изучалъ христіанскую мудрость и ничего не нашелъ въ вашихъ писаніяхъ истиннаго и отвергъ ихъ, чтобы, вслѣдствіе непониманія ихъ, не впасть въ заблужденіе. Да и кто изъ тѣхъ, которые учатся по вашимъ книгамъ и вѣруютъ въ истинность написаннаго въ нихъ,—показался ли кто когда-либо добрымъ и во всемъ совершеннымъ, и что достойнаго вниманія и памяти сдѣлалъ?! Поэтому совѣтую вамъ, — оставьте свое дѣтское и ничтожное умствованіе и послѣдуйте лучшему, чему премудрые философы научили издавна. Если же не захотите послушать моего полезнаго совѣта, то послушаетесь мученій, которыя примите". На это св. Мануилъ, Савелъ и Исмаилъ отвѣчали: „мы научились отъ нашего Господа не бояться убивающихъ тѣло, а равно научились и какъ отвѣчать вопрошающимъ насъ: Духъ Святый укрѣпитъ насъ въ страданіи и дастъ возможность отвѣчать. Теперь же мы спросимъ тебя: что ты, считающій себя мудрѣйшимъ всѣхъ, называешь въ насъ безуміемъ, и кто изъ двухъ безумнѣе? — тотъ ли, кто вѣруетъ въ Единаго, Истиннаго Бога, Творца всего и Того почитаетъ, или тотъ, кто, отрекшись живаго Бога, поклоняется бездушной твари: камню, дереву и т. п. Поистинѣ, тотъ безуменъ, кто почитаетъ за Бога мертвую и бездушную тварь, а разуменъ—тотъ, кто вѣруетъ въ живаго Бога, ибо познавать Бога, своего Творца, Подателя всѣхъ даровъ и вѣровать въ Него и работать Ему усердно есть дѣло разума человѣческаго, а угождать душепагубному бѣсу, врагу людей и отрицаться

истиннаго Бога, это свойственно безумію. А что касается до вашихъ древнихъ философовъ, то они только мнили о себѣ, что они мудры, на самомъ же дѣлѣ были пребезумнѣйшіе люди, и ты подобенъ имъ, если еще даже не болѣе этого. Тѣ пребывали въ заблужденіи, не зная истиннаго Бога и не имѣя вѣры въ Него, а ты, бывъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ и воспитанъ въ христіанствѣ, отрекся Христа, за что и считаешься у христіанъ язычникомъ, безбожникомъ и нечестивцемъ".

Раздраженный твердостію святыхъ исповѣдниковъ и разгнѣванный послѣдними ихъ словами, Юліанъ приказалъ ихъ жестоко мучить. Свв. страстотерпцевъ сначала обнажили, распростерли на землѣ и били по спинѣ и чреву сыромятными ремнями, а потомъ повѣсили на дерево, прибивъ руки и ноги ихъ гвоздями, и строгали желѣзными когтями по ихъ тѣлу. Они мужественно переносили всѣ эти мученія и, возведши очи къ небу, молились Господу объ укрѣпленіи въ страданіяхъ ихъ немощнаго тѣла. Во время этихъ мученій и молитвы, имъ, невидимо для другихъ окружавшихъ, предсталъ ангелъ Господень, который утѣшалъ страждущихъ и подалъ имъ столь великую отрадную крѣпость, что для нихъ стала не чувствительна болѣзнь тѣла. Послѣ указанныхъ мученій Юліанъ приказалъ снять свв. братьевъ-мучениковъ съ дерева и говорилъ имъ, желая еще болѣе надругаться надъ ними: „видите, какъ я щажу васъ, не налагая тягчайшихъ мученій, — надѣюсь, что, вразумленные этими малыми мученіями, вы отречетесь отъ вашего заблужденія". На это святые мужественно и безбоязненно отвѣчали: „не думай и не надѣйся, врагъ Божій, чтобы мы измѣнили вѣрѣ Христовой. Дѣлай съ нами, что угодно,—мы все готовы терпѣть, ибо муки ли, усѣ-

ченіе ли, сожженіе ли, или иное что-либо лютѣйшее мы примемъ не съ болью и горечью, но съ радостью:— за Господа Іисуса все готовы принять". Послѣ этого Юліанъ, видя, что старшій изъ братьевъ — Мануилъ говоритъ и переноситъ мученія гораздо мужественнѣе и безбоязненнѣе другихъ обоихъ, приказалъ отвести его въ отдѣльное мѣсто, а съ двумя оставшимися—Савеломъ и Исмаиломъ началъ бесѣдовать, хитро и лукаво говоря: „отъ однихъ и тѣхъ же родителей всѣ трое рождены вы, а по характеру не одинаковы. Старшій вашъ братъ, по характеру, не достоенъ даже называться вашимъ братомъ: упрямъ, злобенъ, дерзокъ на словахъ, сварливъ, не слишкомъ уменъ,—такъ что, по безумію своему, и васъ сбиваетъ съ прямаго пути, не допуская избрать лучшее. Вы же, какъ вижу, кротки, добры, не сварливы, благоразумны; послушайте, поэтому, моего совѣта: оставьте вашего брата, пусть онъ погибнетъ вслѣдствіе своей дерзости и безумія, — сами же поклонитесь нашимъ богамъ и получите отъ нихъ многую благодать, а отъ меня богатые подарки и почести". Оба брата не хотѣли и слышать его словъ,—они начали сильно укорять Юліана за его коварство и безуміе. Разгнѣванный такимъ ихъ поступкомъ, онъ приказалъ опять подвергнуть мученіямъ обоихъ братьевъ и горящими свѣчами палить ихъ ребра; они мужественно перенесли и это мученіе, къ злобѣ Юліана. Послѣ неудачной попытки склонить лестію и коварствомъ Савела и Исмаила, Юліанъ хотѣлъ подѣйствовать на одного Мануила. Когда его привели, Юліанъ и лестію, и угрозами старался склонить его къ язычеству, — а когда увидалъ, что св. Мануилъ твердо исповѣдуетъ Христа, предалъ и этого новымъ мученіямъ. Недовольствуясь указанными пыт-

ками, Юліанъ приказалъ вбить по гвоздю въ голову каждаго изъ братьевъ и воткнуть по заостренной спицѣ за ногти на рукахъ и на ногахъ. Въ заключеніе же мученій осудилъ ихъ на усѣченіе мечемъ, а по усѣченіи приказалъ сжечь ихъ тѣла. Когда они были приведены на то мѣсто, гдѣ казнятъ преступниковъ, называемое Константиново, то предъ смертію, возведъ очи свои къ небу, молились, чтобы Господь, за исповѣданіе ими Его святаго имени, сопричислилъ ихъ къ лику Своихъ угодниковъ и чтобы обратилъ ихъ казнь къ Своей славѣ, давъ уразумѣть окружающимъ ихъ язычникамъ Свое величіе и силу. Во время такой ихъ молитвы, былъ услышанъ гласъ съ небеси: „пріидите и пріимите вѣнецъ славы, ибо мужественно совершили подвигъ вашъ". Послѣ этого они были усѣчены мечемъ; когда же хотѣли сжигать тѣла мучениковъ, то чудеснымъ образомъ разверзлась земля на томъ мѣстѣ, гдѣ лежали тѣла мучениковъ, и приняла ихъ въ себя, опять закрывъ разсѣлину. Отъ страха исполнители казни разбѣжались,—а многіе изъ народа, находившіеся здѣсь, видя такое чудо, отреклись отъ язычества и увѣровали во Христа. Между тѣмъ, по молитвѣ христіанъ, чрезъ два дня опять земля разверзлась и изнесла на верхъ тѣла мучениковъ, издающія благоуханіе неизреченное. Обрадованные христіане взяли тѣла угодниковъ и предали ихъ христіанскому погребенію,—и начали отъ мощей святыхъ мучениковъ совершаться исцѣленія всякихъ недуговъ.—Торжественное празднованіе памяти святыхъ мучениковъ Мануила, Савела и Исмаила весьма древне. Спустя 30 лѣтъ послѣ ихъ кончины Ѳеодосій Великій († 395) построилъ во имя ихъ въ Константинополѣ церковь близь храма св. пророка Елисея. Монахъ Германъ, послѣ патріархъ Константи-

нопольскій († 740), написалъ имъ канонъ однимъ изъ первыхъ святыхъ, имѣвшихъ канонъ. (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 170).

Филонидъ—еп. куріійскій, что въ Кипрѣ, мученически пострадалъ при Максиміанѣ. — Преподобный Іосифъ-пустынникъ (въ 4 вѣкѣ) былъ ученикъ Антонія Великаго. — Преп. Піоръ (въ 4 вѣкѣ) былъ ученикъ Антонія Великаго. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. стр. 162).

О братьяхъ алфановыхъ см. 4 мая.

ПРЕПОДОБНАГО АНАНІИ ИКОНОПИСЦА.

Преподобный Ананія былъ иконописцемъ въ Антоніевомъ новгородскомъ монастырѣ. Будучи подражателемъ въ искусствѣ иконописанія св. евангелисту Лукѣ, преп. Ананія старался подражать ему и въ различныхъ добродѣтеляхъ. По сказанію лѣтописцевъ, Ананія въ монастырѣ писалъ „дивныя иконы многихъ святыхъ чудотворцевъ и такъ строго выполнялъ иноческіе обѣты, что впродолженіи 33-хъ лѣтъ ни разу не выходилъ за ворота обители. Занимаясь изображеніемъ свят. иконъ, этотъ преподобный много приносилъ добра и пользы какъ своей душѣ, такъ и многимъ другимъ христіанскимъ душамъ, потому что иконы, по слову Григорія Двоеслова, доставляютъ людямъ неученымъ, смотрящимъ на нихъ (иконы), тоже, что книги доставляютъ умѣющимъ читать ихъ. Блаженъ, поэтому, иконописецъ, благоговѣйно исполняющій свои обязанности и благоговѣйно посвящающій на служеніе Богу свой талантъ“. Преподобный Ананія скончался въ 1581 году 17 іюня и погребенъ въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ, въ 3

верстахъ отъ Новгорода. (Ист. рос. іер. т. III, 128. Ист. слов. о св. стр. 22. Русс. свят. Филарета арх. черн.).

18-е число.

Святаго мученика Леонтія и съ нимъ Ипатія и Θеодула. · Празднество образу Пресвятыя Богородицы Боголюбскія.

(Мученика Еферія. — Преподобнаго Еразма. — Двухъ мучениковъ изъ Кипра. — Преподобнаго Леонтія пастыря. — Соборъ Архангела Михаила. — Преподобнаго Леонтія проворливаго).

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ ЛЕОНТІЯ И СЪ НИМЪ ИПАТІЯ И ΘЕОДУЛА.

Святый Леонтій былъ родомъ изъ Греціи и служилъ въ рядахъ римскихъ войскъ военачальникомъ. Отличаясь высокимъ ростомъ и обладая тѣлесною силою и крѣпостью, онъ пользовался за это въ войскахъ большимъ почетомъ и славою. Кромѣ того, какъ человѣкъ умный отъ природы и знакомый съ книжною мудростью, онъ былъ искусенъ въ дѣлахъ правленія и въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Вѣруя же въ Іисуса Христа и исполняя Его заповѣди, Леонтій и жизнь свою проводилъ цѣломудренно и богоугодно: былъ милостивъ къ нищимъ, питалъ алчущихъ, одѣвалъ нагихъ, давалъ пріютъ стран-

никамъ,—словомъ—отличался всѣми христіанскими добродѣтелями. Этотъ Леонтій, въ царствованіе Веспасіана, не только самъ сдѣлался исповѣдникомъ и мученикомъ за Христа, но сподобилъ и другихъ двухъ язычниковъ — Ипатія и Θеодула познать истиннаго Бога и пострадать за Него. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Въ царствованіе римскаго императора Веспасіана, одинъ римскій сановникъ, по имени Адріанъ, ревнуя о славѣ язычества и желая ослабить силу христіанства, испросилъ себѣ у императора назначеніе въ Финикію для того, чтобы судить и казнить христіанъ *). По прибытіи его на мѣсто назначенія, ему донесено было, что въ городѣ Триполи (близъ горы Ливана) живетъ одинъ военачальникъ, по имени Леонтій, вѣрующій во Христа и отвращающій другихъ отъ отечественныхъ языческихъ боговъ, заставляя людей пренебрегать идолами и не приносить имъ жертвы. Адріанъ немедленно послалъ трибуна Ипатія съ нѣсколькими воинами въ Триполи, чтобы взять подъ стражу Леонтія и держать его въ темницѣ до своего прибытія. Приближаясь къ Триполи, трибунъ Ипатій вдругъ опасно занемогъ лихорадкою вмѣстѣ съ горячкою. Сначала онъ думалъ, что эта болѣзнь есть наказаніе за то, что онъ не принесъ богамъ подобающей жертвы предъ отправленіемъ въ командировку. Болѣзнь между тѣмъ все усиливалась, — Ипатій былъ принужденъ остановиться; прошло три дня, и воины съ часу на часъ ожидали уже смерти своего начальника, какъ случилось удивительное событіе.

*) По мнѣнію многихъ писателей, христіанъ гнали въ это время, считая за іудейскую секту или не отличая отъ іудеевъ, бунтовавшихъ въ это время противъ римлянъ.

Ночью на четвертый день явился трибуну во снѣ Ангелъ и сказалъ ему: „если хочешь выздоровѣть, то вмѣстѣ съ своими воинами воскликни трижды: „Боже Леонтіевъ, помоги мнѣ!“ Проснувшись, трибунъ увидѣлъ предъ собою Ангела въ образѣ прекраснаго юноши, одѣтаго въ бѣлую одежду и сказалъ ему: „я посланъ взять Леонтія и держать его подъ стражею до прибытія Адріана, который будетъ судить его какъ христіанина, — а ты велишь призвать на помощь Бога Леонтіева!“ Не давъ ему отвѣта, Ангелъ скрылся. Ипатій испугался и сталъ звать своихъ товарищей. Когда они сбѣжались на его зовъ, онъ разсказалъ имъ о видѣніи во снѣ Ангела и передалъ его слова. „Что же! сказали они, — это — дѣло не трудное, и мы всѣ охотно призовемъ это имя, лишь бы тебѣ выздоровѣть“. Одинъ изъ спутниковъ Ипатія, по имени Ѳеодулъ, съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ его разсказъ и распрашивалъ подробно о видѣніи, а когда Ипатій удовлетворилъ любопытству Ѳеодула, то сердце этого послѣдняго разгорѣлось сильною любовью къ незнаемому еще Богу Леонтіеву. По утру всѣ воины собрались и, по предложенію недугующаго трибуна, вмѣстѣ съ нимъ громогласно воскликнули трижды: „Боже Леонтіевъ, помоги!“ — И вдругъ больной совершенно выздоровѣлъ. Это событіе изумило всѣхъ, но не заставило призадуматься о невѣдомомъ Богѣ, имя Котораго сотворило такое чудо: всѣ воины, бывшіе свидѣтелями этого чуда, предались шумной радости, стали ѣсть, пить и веселиться. Одинъ Ѳеодулъ, не принимая участія въ общемъ веселіи, думалъ про себя: „кто же этотъ Богъ Леонтіевъ? какъ бы мнѣ узнать самаго Леонтія?“ Когда же спутники стали звать его раздѣлить съ ними трапезу, онъ отказался и,

видя воиновъ, предавшихся разгулу и позабывшихъ о данномъ порученіи, онъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „завтра, или послѣ завтра догонитъ насъ Адріанъ, а мы и не заботимся отыскать того человѣка, котораго намъ приказано взять. Если угодно вамъ, то я и трибунъ пойдемъ впередъ къ городу и поищемъ его. Потомъ, подошедши къ трибуну, онъ уговорилъ его оставить воиновъ и идти съ нимъ вдвоемъ впередъ. Они пошли вмѣстѣ и когда уже всходили на гору, гдѣ расположенъ Триполь, самъ Леонтій вышелъ къ нимъ на встрѣчу и, привѣтствовавъ ихъ дружелюбно, спросилъ: „кого ищите?“ —„Мы посланы отыскать въ этомъ городѣ нѣкоего Леонтія, человѣка честнаго, разумнаго, храбраго воина и добродѣтельнаго“, —отвѣчали Ипатій и Ѳеодулъ.—„За нами идетъ начальникъ нашъ Адріанъ, который желаетъ самъ видѣть этого Леонтія и послать его съ почетомъ въ Римъ, гдѣ царь приметъ его съ почетомъ, ибо и царь и Сенатъ слышали, что Леонтій—человѣкъ храбрый, мудрый и усердный служитель нашихъ боговъ!“— „Я вижу, что вы—иностранцы и мало знаете о нашемъ городѣ,—отвѣчалъ Леонтій:—пойдемте со мною въ домъ мой и отдохните, а потомъ я покажу вамъ Леонтія, и вы узнаете, что Леонтій не есть другъ боговъ вашихъ, но христіанинъ“. Ипатій и Ѳеодулъ, слыша такую рѣчь, думали про себя: „что это за человѣкъ, который называетъ Леонтія христіаниномъ, ужъ не родственникъ ли его?“ и спросили его: „какъ твое имя?“ Онъ отвѣчалъ: „о моемъ имени пишется: „*на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія*“ (Пс. 90), ибо мнѣ надлежитъ уничтожить льва—невидимаго діавола и змія— вашего начальника, врага видимаго, и наступить, какъ на аспиды и василиски, на его совѣтниковъ и слугъ, и

когда я буду торжествовать надъ всѣми замыслами льва, тогда, по дѣламъ моимъ, узнаете святое имя мое". Ипатій и Θеодулъ не поняли сказаннаго и, размышляя и недоумѣвая, пошли въ домъ сказавшаго странныя слова. Хозяинъ угостилъ ихъ съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Послѣ трапезы гости попросили хозяина указать имъ Леонтія, за что обѣщали ему благоволеніе Адріана и царскую милость. „Я самъ тотъ Леонтій, котораго вы ищите"—сказалъ онъ. „Я воинъ Іисуса Христа, и вы должны взять меня подъ стражу".—Тогда Ипатій и Θеодулъ пали къ ногамъ Леонтія, восклицая: „рабъ Бога Вышняго! умоли за насъ Бога твоего, потому что и мы хотимъ быть христіанами!" Затѣмъ они разсказали о явленіи Ангела и о чудесномъ исцѣленіи Ипатія именемъ Бога Леонтіева. Слушая ихъ, Леонтій проливалъ слезы радости и, когда они кончили свой разсказъ, воскликнулъ: „Господи Боже, желающій всѣмъ людямъ спастись и уразумѣть истину, призри на насъ въ часъ сей. Ты привелъ ко мнѣ тѣхъ, которые посланы были противъ меня. Молю Тебя: и меня, овцу Твою, соблюди и ихъ просвѣти свѣтомъ милосердія Твоего и излей на нихъ благодать Духа Твоего Святаго. Сердце чисто созижди въ нихъ и, назнаменовавъ ихъ знаменіемъ святымъ Твоимъ, содѣлай ихъ Твоими воинами непобѣдимыми!" Едва онъ произнесъ эту молитву, какъ свѣтлое облако осѣнило Ипатія и Θеодула, и дождь палъ на нихъ съ неба. Тогда Леонтій призвалъ на новообращенныхъ спасительное имя Святой Троицы—Отца, Сына и Святаго Духа. Послѣ этого чудеснаго крещенія, онъ надѣлъ на Ипатія и Θеодула бѣлыя одежды и велѣлъ нести предъ ними зажженныя свѣчи, какъ это было тогда въ обычаяхъ для новокрещенныхъ. Между тѣмъ

въ Триполи прибыли и другіе воины, отставшіе на пути и когда, разыскавъ Ипатія и Ѳеодула, увидѣли ихъ въ бѣлыхъ одеждахъ, то удивлялись и недоумѣвали о случившемся. Узнавъ же, что ихъ начальники перешли въ христіанство, начали сильно негодовать вмѣстѣ съ многими изъ граждан, такъ что почти весь городъ пришелъ въ волненіе. Тѣмъ не менѣе, никто не дерзалъ сдѣлать что-либо худое противъ трехъ христіанъ, потому что дожидались прихода самаго начальника Адріана.

Чрезъ два дня прибылъ и самъ Адріанъ. Когда ему донесли о томъ, что Леонтій многихъ отвращаетъ отъ почитанія языческихъ боговъ и, что онъ даже совратилъ въ христіанство двухъ царскихъ воиновъ, то онъ приказалъ тотчасъ же взять христіанъ и заключить ихъ въ темницу. День и всю ночь они провели въ молитвѣ и душеспасительной бесѣдѣ. Леонтій наставлялъ Ипатія и Ѳеодула истинамъ христіанской вѣры и готовилъ ихъ къ подвигу мученичества. На слѣдующій день Адріанъ призвалъ христіанъ на судъ. Обратясь къ Леонтію, онъ спросилъ: „ты ли Леонтій?“ „Я,“—отвѣчалъ Леонтій. „Кто ты таковъ,—спросилъ Адріанъ,—и какими волшебными средствами отвратилъ вѣрныхъ царскихъ слугъ отъ язычества къ христіанству?“ „Я воинъ Христовъ,—отвѣчалъ Леонтій,—сынъ свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка. Ипатій и Ѳеодулъ испытали уже на себѣ дѣйствіе этого свѣта; познавъ Самаго Христа, они оставили языческихъ боговъ, какъ недѣйствительныхъ, безсильныхъ и тлѣнныхъ“. Видя твердое исповѣданіе вѣры Леонтія, Адріанъ велѣлъ его жестоко бить и снова отвести въ темницу. Потомъ, обратясь къ Ипатію и Ѳеодулу, сказалъ: „ради чего отреклись отъ отеческихъ преданій и измѣнили царю?“—„Потому что мы получили гораздо лучшую на-

граду отъ Царя небеснаго", —отвѣчали они. Послѣ этого, Адріанъ сталъ грозить имъ мученіями, если они не отрекутся отъ Христа, и обѣщалъ богатство и почести, если они снова обратятся въ язычество. Но Ипатій и Ѳеодулъ, твердо и искренно увѣровавшіе въ Господа и въ жизнь вѣчную, не желали земныхъ благъ и не боялись временныхъ мукъ. Они остались вѣрными Богу. Адріанъ за это приказалъ ихъ жестоко мучить: трибуна Ипатія онъ велѣлъ нагаго привязать къ дереву и скоблить тѣло его желѣзными когтями, а Ѳеодула, положивъ на землю, бить безъ пощады. Въ заключеніе же мученій осудилъ ихъ на смертную казнь чрезъ усѣченіе главы мечемъ. Святые мученики безбоязненно и съ радостью склонили головы свои подъ сѣкиру, славя Бога, сподобившаго ихъ принять вѣнецъ мученичества.—Затѣмъ Адріанъ снова призвалъ Леонтія и сталъ убѣждать его отречься отъ Христа, обѣщая почести и богатые дары за отреченіе. Но Леонтій отвѣчалъ ему: „лучше самъ обратись ко Христу, Адріанъ, и получишь и честь, и богатство, и спасеніе". Адріанъ разсмѣялся и спросилъ съ насмѣшкой: „о какомъ спасеніи говоришь ты?—не о томъ ли, какое получили Ипатій и Ѳеодулъ? Развѣ ты не знаешь, какою казнію они погибли?" „Это не казнь,—отвѣчалъ св. исповѣдникъ,—а жизнь, и миръ, и радость: ибо теперь они радуются со святыми Ангелами". Тогда Адріанъ велѣлъ жестоко мучить Леонтія. Святаго страдальца положили на землю и четверо сильныхъ палачей били его безъ пощады, приговаривая: „такъ погибаютъ, вопреки царскому указу, унижающіе нашихъ боговъ";—такъ били святаго страдальца до тѣхъ поръ, пока устали бившіе его. Послѣ этого жестокій мучитель приказалъ повѣсить св. Леонтія на дерево и строгать все тѣло его

острымъ желѣзомъ. Но святый, какъ бы не чувствуя тяжкой болѣзни, возведъ очи свои къ небу, молилъ Бога: „Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя Господи!“ Услышавъ это, Адріанъ приказалъ снять мученика съ дерева, говоря: „онъ для того возводилъ глаза къ небу, чтобы испросить себѣ у нашихъ боговъ упокоенія“. „Погибни ты съ своими богами, окаянный и скверный,—отвѣчалъ гнѣвно и громогласно Леонтій,—я у моего Бога прошу силы и терпѣнія для перенесенія мученій“. За такія слова Адріанъ приказалъ снова повѣсить святаго мученика на дерево вверхъ ногами и привязать на шею камень. Въ такомъ положеніи св. Леонтій провисѣлъ цѣлый день до вечера. На ночь онъ былъ отведенъ въ темницу, гдѣ былъ утѣшенъ и укрѣпленъ явленіемъ Ангела, который говорилъ ему: „мужайся, Леонтій, Богъ послалъ меня къ тебѣ для неотступнаго пребыванія съ тобою“.— На утро Адріанъ, снова призвавъ святаго Леонтія, спросилъ: „ну что, Леонтій, какъ надумался?“ На эти слова Леонтій съ такою же непоколебимою твердостію какъ и прежде исповѣдалъ Христа своимъ Богомъ. Послѣ этого Адріанъ еще разъ старался поколебать твердость мученика обѣщаніемъ почести и славы,—но и это не подѣйствовало: мученикъ предпочелъ тлѣнной земной славѣ— славу нетлѣнную на небесахъ. Видя, что не можетъ преодолѣть твердости Леонтія, Адріанъ приказалъ его бить до тѣхъ поръ, пока онъ подъ ударами не умретъ. Леонтія распростерли между четырьмя колами и били до тѣхъ поръ, пока святой не умеръ,—послѣ этого тѣло его выбросили вонъ изъ города. Это было 18 іюня. Христіане благоговѣйно похоронили тѣло его близъ города.

Страданія и кончина св. мученика Леонтія описаны очевидцемъ его подвига — Киромъ комментарисіемъ, тем-

ничнымъ надзирателемъ. Онъ начерталъ свое сказаніе на оловянныхъ дщицахъ и положилъ при гробѣ мученика, чтобы всякій, читающій ихъ, возблагодарилъ Господа, укрѣпившаго вѣрнаго своего служителя.—Въ 6-мъ вѣкѣ этотъ мученикъ помянутъ на константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Минѣ (536—552). Въ Триполи финикійскомъ ему была посвящена церковь; въ томъ же вѣкѣ создана была во имя его въ іерусалимской пустынѣ обитель, какъ это видно изъ житія Евѳимія, писаннаго Кирилломъ; въ Дамаскѣ воздвигнута была во имя его церковь императоромъ Юстиніаномъ (527—565). Въ Константинополѣ память его торжественно праздновалась въ двухъ мѣстахъ: въ его собственномъ храмѣ и близъ Камаридія. Объ этомъ мученикѣ упоминаетъ Ѳеодоритъ кирскій (въ 5-мъ вѣкѣ) въ сочиненіи: „врачеваніе предразсудковъ еллинскихъ". (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 171).

ПРАЗДНЕСТВО ЧУДОТВОРНОМУ ОБРАЗУ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, НАРИЦАЕМЫЯ БОГОЛЮБСКІЯ.

Въ 1155 году благовѣрный князь Андрей Георгіевичъ или Юрьевичъ, оставляя навсегда южные предѣлы, чтобы водвориться въ сѣверныхъ, не хотѣлъ однако разстаться съ драгоцѣнною для него святынею въ бывшемъ своемъ удѣлѣ Вышгородѣ. Тамъ въ дѣвичьемъ монастырѣ находилась чудотворная икона Божіей Матери, писанная, по общему вѣрованію нашихъ предковъ, св. евангелистомъ Лукою. Она была принесена изъ Іерусалима въ Царьградъ императрицею Евдокіей, супругой Ѳеодосія Младшаго и поставлена во Влахернскомъ храмѣ, а пат-

ріархъ константинопольскій Лука Хризовергъ прислалъ ее въ даръ съ однимъ именитымъ греческимъ гостемъ кіевскому князю Юрію Долгорукому, который и поставилъ ее въ дѣвичьемъ монастырѣ—въ Вышгородѣ. Неоднократныя знаменія прославили ее въ обители инокинь и возбудили къ ней особенное усердіе благочестиваго князя Андрея; и самъ онъ былъ свидѣтелемъ чуднаго ея знаменія: входя однажды въ храмъ, гдѣ стояла икона, онъ увидѣлъ ликъ ея, свѣтящійся паче всѣхъ, и со слезами умиленія палъ предъ нею па землю.— Оставляя Вышгородъ въ 1155 году, Андрей благоговѣйно приступилъ къ иконѣ Владычицы и принялъ ее въ свои руки, какъ безцѣнное сокровище, долженствовавшее освѣнять его на всю его жизнь. Взявъ икону Богоматери и не сказавъ о томъ отцу своему Георгію (Юрію Долгорукому), Андрей тайно въ ту же ночь вышелъ изъ Вышгорода съ княгинею и всѣмъ дворомъ, опасаясь, чтобы граждане не удержали уносимую отъ нихъ святыню. А для храненія святыни и совершенія ей службъ во время пути князь пригласилъ съ собою изъ Вышгорода и священнослужителей: іерея Николая и зятя его діакона Нестора съ ихъ семействами. Во время дороги предъ иконою никогда не оставляли молебнаго пѣнія,—и самъ князь не рѣдко благоговѣйно припадалъ предъ иконою, молясь и взывая: „Мати Христа Бога нашего, можешь, если хочешь, быть мнѣ помощницею въ ростовской землѣ, куда мы направляемъ путь нашъ, и тамъ утверди, Владычица, непросвѣщенныхъ людей Твоихъ!“ Богоматерь вняла молитвѣ благочестиваго князя и показала на пути многія знаменія отъ честной своей иконы, исцѣляя—недужныхъ и спасая отъ смерти погибавшихъ. Но величайшее знаменіе явила она на томъ мѣстѣ, гдѣ подобало

водвориться самому благовѣрному князю.—Уже князь Андрей миновалъ Владиміръ на Клязьмѣ, считавшійся тогда пригородомъ Суздаля. Клиръ и граждане юнаго города со крестами встрѣтили и провожали своего князя, который несъ съ собою чудотворную икону, направляясь въ Суздаль. Доселѣ путешествіе его продолжалось благополучно и безпрепятственно. Но за десять верстъ отъ Владиміра, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обитель Боголюбская, лошади, везшіе чудотворную икону, внезапно стали и, несмотря на всѣ понужденія, не шли далѣе. Ихъ перемѣнили, полагая, что онѣ нейдутъ далѣе отъ усталости; но и новыя лошади также не могли тронуться съ мѣста. Уразумѣлъ тогда благовѣрный князь Андрей тайное извѣщеніе Божіе и велѣлъ совершить на томъ мѣстѣ молебное пѣніе предъ чудотворною иконою. Самъ же, павъ на землю, со слезами молился Пресвятой Дѣвѣ и далъ обѣтъ соорудить тутъ церковь и благолѣпно ее украсить. Тутъ же раскинутъ былъ княжескій шатеръ, и когда, послѣ теплой молитвы, князь успокоился на одрѣ своемъ, явилась ему, въ ночномъ видѣніи, сама Пресвятая Дѣва, стоящая подъ шатромъ съ хартіею въ своей рукѣ. Она сказала ему: „не хочу, чтобы ты несъ образъ мой въ Ростовъ, поставь его во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ воздвигни церковь каменную во имя рождества моего и составь обитель иноковъ“. — Воспрянувъ отъ сна, князь Андрей далъ обѣтъ исполнить повелѣнное ему небесною Царицею и вскорѣ заложилъ каменную церковь на мѣстѣ чуднаго явленія, которую благолѣпно украсилъ дорогими иконами и стѣнною живописью. Тамъ поставилъ онъ временно чудотворную икону, принесенную имъ изъ Вышгорода, и призвавъ искусныхъ иконописцевъ, велѣлъ имъ изобразить Богоматерь въ

томъ видѣ, въ какомъ она явилась ему во снѣ. Иконописцы изобразили ее превосходнымъ греческимъ письмомъ на кипарисной доскѣ. Богоматерь была изображена во весь ростъ, съ хартіей въ правой рукѣ, а лѣвая обращена къ Спасителю, написанному въ маломъ видѣ на облакахъ. Надъ Богоматерію, въ прямой линіи и также въ малыхъ размѣрахъ, написаны: въ срединѣ Спаситель, по правую сторону Божія Матерь и архангелъ Гавріилъ, а по лѣвую Іоаннъ Креститель и Архангелъ Михаилъ, потому что иконы этихъ святыхъ, какъ говоритъ преданіе, великій князь Андрей Юрьевичъ всегда бралъ съ собою и въ путешествія, и въ военные походы *). Вмѣстѣ съ этимъ въ память чудеснаго явленія Богоматери князь установилъ совершать ежегодно праздникъ 18-го іюня—въ самый день явленія. Онъ наименовалъ икону, принесенную изъ Вышгорода, Владимірскою, а вновь написанную икону назвалъ иконою Божіей Матери Боголюбивыя,—мѣсто же, гдѣ явилась ему Богоматерь—Боголюбивымъ, и самъ сталъ называться Боголюбскимъ, каковое названіе въ нашей отечественной исторіи усвояется только исключительно ему. Близъ новосозданной церкви благовѣрный князь Андрей Боголюбскій поставилъ другую церковь во имя св. мученика Леонтія, а надъ святыми вратами—во имя ангела своего—первозваннаго апостола Андрея, и первымъ игуменомъ новосозданной

---

*) На нѣкоторыхъ снимкахъ представляется молящимся самъ князь Андрей въ томъ видѣ, какъ Божія Матерь явилась ему молящемуся. Такая икона находится, напримѣръ, въ московскомъ Высокопетровскомъ монастырѣ, гдѣ на мѣстной св. иконѣ Боголюбивой изображенъ молящимся предъ нею съ колѣнопреклоненіемъ и самъ великій князь Андрей Боголюбскій.

обители избралъ священно-инока Сергія. Здѣсь же около новосозданной церкви и обители князь поставилъ и свои княжескія палаты;—слѣдуя примѣру князя, здѣсь же стали селиться и многіе бояре и купцы, такъ что скоро образовался цѣлый городъ, который сталъ называться Боголюбовъ (нынѣ село Боголюбово).

Въ 1771 году 18 іюня установленно въ честь иконы Богоматери Боголюбской новое празднество въ память чудеснаго избавленія Владиміра и его окрестностей отъ мороваго повѣтрія. постигшаго Россію. Когда во Владимірѣ свирѣпствовала моровая язва, жители города. вслѣдствіе явленій, бывшихъ тогда нѣкоторымъ изъ благочестивыхъ христіанъ, испросили себѣ позволеніе принести изъ Боголюбова монастыря чудотворную икону Богоматери. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что ни въ монастырѣ Боголюбовѣ, ни въ прилегающемъ къ нему селѣ не было моровой язвы. Въ самомъ городѣ, предстательствомъ Богоматери, чума прекратилась въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года. Въ память этой чудодѣйственной силы отъ Боголюбской иконы Богоматери установленъ ежегодно крестный ходъ. 20 мая Боголюбская икона Богоматери изъ Боголюбова монастыря переносится въ село Доброе; 21 послѣ обѣдни приносится во Владиміръ. Изъ Успенскаго Владимірскаго собора выходитъ крестный ходъ и встрѣчаетъ икону у Сергіевской церкви и вноситъ въ соборъ. Икона остается въ городѣ 26 дней и во все это время—носится по домамъ жителей и трижды обносится вокругъ города. Изъ Владиміра икона 26 іюня возвращается къ празднику въ монастырь. (Слава Богомат. ч. 3, I, стр. 32—46; II, стр. 42—44. Доброхотова—древн. Боголюбовъ городъ и монастырь).

Кромѣ Боголюбова чудотворная икона Богоматери есть

еще въ селѣ Зимаровѣ рязанской губерніи. Устное народное преданіе гласитъ, что во время татарскаго нашествія икона эта, стоявшая на воротахъ города, была расколота и брошена въ кусты; тамъ икона эта сама собою срослась, но такъ, что одна половина доски осталась выше другой, и съ тѣхъ поръ прославилась чудотвореніями. Ее, по давнему благочестивому обычаю, жители окрестныхъ селеній носятъ по домамъ своимъ. 1771 году Зимаровская икона Богоматери исцѣлила одну женщину, пораженную язвою, и владѣтель сего образа, находясь при смерти, завѣщалъ отправить сію икону въ свое село Зимарово, чтобы благодатной силой ея пользовались окрестныя страны. Съ тѣхъ поръ къ ней собираются толпы богомольцевъ, и носятъ по домамъ жителей близкихъ къ Раненбургу уѣздовъ. (Слава Богомат. ч. 3. II отд. стр. 45).

Празднество въ честь и славу Боголюбской Божіей Матери совершается и въ Москвѣ. Въ Москвѣ эта икона была извѣстна и ранѣе, но особенное чествованіе ее началось съ того же 1771 г., въ которомъ въ честь ея и во Владимірѣ установленъ крестный ходъ изъ Боголюбова во Владиміръ. Чума, свирѣпствовавшая въ это время всюду, достигла и до столицы—Москвы и вскорѣ приняла здѣсь страшные размѣры, такъ что въ іюнѣ и августѣ отъ чумы умирало ежедневно по 500 человѣкъ. Жителями Москвы овладѣло отчаяніе: лавки были заперты, присутственныя мѣста закрыты; многія изъ жителй бѣжали изъ города, а иные исповѣдывались и пріобщались, какъ бы считая себя осужденными на смерть. Въ это время по городу распространился слухъ, что отъ иконы Боголюбской Богоматери, выставленной у Варварскихъ воротъ, бываютъ исцѣленія. И вотъ больные и здоровые толпами

стали собираться туда служить молебны. Но московскій архіепископъ Амвросій, узнавъ объ этомъ, приказалъ снять икону съ Варварскихъ воротъ, чтобы остановить распространеніе заразы отъ стеченія народа въ одномъ мѣстѣ. Такое намѣреніе архіепископа произвело волненіе въ народѣ. 15 сентября раздался набатъ; сбѣжавшійся народъ, по преимуществу дворовые люди, фабричные, бросились въ Кремль къ Чудову монастырю, гдѣ жилъ тогда Амвросій. Но архіепископъ успѣлъ уѣхать въ Донской монастырь, и мятежники на этотъ разъ ограничились лишь разграбленіемъ его келліи. На слѣдующій день бунтъ возобновился. Мятежники, вооруженные топорами и дубинами, бросились въ Донской монастырь, выломали ворота и нашли Амвросія въ соборной церкви; они вывели его за монастырскую ограду и тамъ на порогѣ часовни убили его. Теперь, послѣ смерти невиннаго святителя, жители Москвы, не видя ни въ комъ болѣе препятствія, тысячами стекались на моленіе и покаяніе къ иконѣ Боголюбской Богоматери и, плача и рыдая, изливали предъ ней свои сердечныя скорби и печали, сокрушенно взывая и испрашивая Богоматерняго заступленія о прекращеніи гнѣва Божія. Вслѣдствіе ли горячей молитвы москвичей къ Богоматери о прекращеніи чумы, или вслѣдствіе наступившей зимы, — только чума прекратилась мало по малу. Подъ вліяніемъ недавняго страха смерти и горячей мольбы къ Богоматери уничтоженіе чумы приписывали ходатайству Боголюбской Богоматери, и съ этаго времени ежегодно 18 іюня икона эта чествуется огромнымъ стеченіемъ народа. Еще наканунѣ праздника, около вечеренъ, православные обоего пола и всякаго возраста стекаются со всѣхъ концовъ Москвы къ Варварскимъ воротамъ, находящимся въ стѣнѣ.

окружающей Китай—городъ. Здѣсь въ древней башнѣ,—въ часовнѣ стоитъ икона Боголюбской Божіей Матери, гдѣ предъ нею день и ночь горятъ свѣчи и теплятся лампады. Наканунѣ праздника богомольцы, ежеминутно прибывающіе болѣе и болѣе, сплошными рядами занимаютъ огромную площадь, лежащую предъ башней, и съ христіанскимъ усердіемъ и умиленіемъ, крестясь и молясь, взираютъ на чудотворную икону Богоматери, выставленную снаружи, въ ожиданіи молебна и всенощнаго бдѣнія. Когда священнослужитель благословитъ пѣть молебенъ,— все множество народное стремительно падаетъ на колѣна, съ теплымъ умиленіемъ и слезами молясь Заступницѣ усердной: „о Царице Небесная, Пресвятая Богородице! помилуй и спаси насъ!“ По совершеніи молебнаго пѣнія, народъ допускается къ самой иконѣ на поклоненіе, и въ то время, когда народъ прикладывается къ святой иконѣ, начинается приготовленіе къ всенощному бдѣнію, которое, спустя немного, и совершается. Такъ начинается празднованіе въ Москвѣ въ честь святой иконы Пресвятой Богородицы Боголюбской. Въ самый день праздника съ ранняго утра начинаютъ приходить къ иконѣ толпы богомольцевъ, и одни, отслушавъ молебенъ Богомари и приложась къ иконѣ, удаляются, а другіе прибываютъ. Въ продолженіи трехъ дней Всесвятская площадь бываетъ полна народомъ, такъ что съ трудомъ можно пробраться, чтобы приложиться къ иконѣ. По истеченіи трехъ дней, святая икона Богоматери, по совершеніи общаго молебна, ставится вновь въ устроенное для нея мѣсто. Такъ совершается въ Москвѣ ежегодно празднованіе въ честь иконы Боголюбской Богоматери. Даже въ ненастную и дурную погоду усердіе богомольцевъ къ святой иконѣ не ослабѣваетъ, и молящихся всегда

бываетъ множество. (Каменскаго.—Описаніе жизни и убіен. архіеп. моск. и калуж. Амвросія).

Святый мученикъ Еферій былъ усѣченъ мечемъ при Діоклетіанѣ.

Двое мучениковъ изъ Кипра пострадали и умерли отъ сожженія ногъ.

Леонтій пастырь—жилъ не позднѣе XI-го вѣка, такъ какъ онъ находится еще въ первомъ изданіи мѣсяцеслова Василія.

Соборъ архангела Михаила близъ святаго Іуліана, что на торгу.—построенъ императоромъ Анастасіемъ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія, стр. 163. Замѣт.—171).

Преподобный Леонтій прозорливый былъ родомъ изъ Греціи изъ города Аргоса пелопонезскаго. Свою подвижническую жизнь этотъ святой началъ на Аѳонѣ, въ монастырѣ святаго Діонисія. Въ теченіи 60 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ монастырѣ, онъ ни разу не выходилъ за монастырскую ограду; однажды вошедши въ монастырь, когда вступилъ въ монашество, преп. Леонтій только однажды вышелъ изъ монастыря, когда тѣло его, по смерти, было вынесено за монастырскую ограду для погребенія. За святую свою и добродѣтельную жизнь онъ при жизни сподобился дара прозорливости и пророчества, а по смерти мощи его источали благоуханное муро, „какъ свидѣтельствуетъ священный Малакея, протоіерей навилійскій“. Преподобный Леонтій умеръ въ 1605 году 16 марта, на 85 году своей жизни. (Аѳонск. Патер. т. 2-й, стр. 71).

19-е число.

Святаго апостола Іуды, брата Господня по плоти.—Святаго мученика Зосимы воина.—Преподобнаго Іоанна отшельника.—Преподобнаго Паисія Великаго.

(Преподобнаго Зинона.—Священномученика Асинкрита.—Преподобнаго Варлаама шенкурскаго или пенежскаго).

СВЯТАГО АПОСТОЛА ІУДЫ, БРАТА ГОСПОДНЯ ПО ПЛОТИ.

Святый апостолъ Іуда, одинъ изъ двѣнадцати апостоловъ Христовыхъ, родился въ Назаретѣ галилейскомъ отъ св. Іосифа, съ которымъ потомъ была обручена Пресвятая Дѣва Марія, и потому называется братомъ Господнимъ по плоти (Матѳ. 13, 55). Но по смиренію своему, почиталъ себя недостойнымъ называться братомъ Господнимъ по плоти, а называлъ всегда братомъ Іакова. Это происходило отъ того, что св. Іуда въ началѣ, по невѣдѣнію, согрѣшилъ предъ Христомъ невѣріемъ, о чемъ въ своемъ евангеліи (7, 5) св. Іоаннъ Богословъ замѣчаетъ: „и братья Его (Іис. Христа) не вѣровали въ Него", гдѣ подъ братьями Христовыми, по объясненію св. Ѳеофилакта, разумѣются дѣти Іосифа. Вмѣстѣ съ братьями и Іуда, по невѣдѣнію, согрѣшилъ предъ Хрис-

томъ невѣріемъ въ Него. Согрѣшивши предъ Іисусомъ Христомъ невѣріемъ въ Него, св. Іуда оказалъ Ему и небратолюбіе; въ то время, когда св. Іосифъ, по возвращеніи изъ Египта, сталъ дѣлить свою землю между своими дѣтьми, рожденными отъ первой жены, онъ пожелалъ удѣлить часть и Господу Іисусу, рожденному преестественно Пресвятою Маріею. Но три сына св. Іосифа, въ томъ числѣ и Іуда, не хотѣли принять Христа къ себѣ въ долю, какъ рожденнаго отъ другой матери; только четвертый—св. Іаковъ принялъ Его въ часть свою, и оттого названъ потомъ *братомъ Божіимъ*. Сознавая эти-то свои грѣхи—невѣріе и небратолюбіе, содѣланные противъ Христа,—св. апостолъ Іуда и не осмѣливался называться братомъ Божіимъ, а только называлъ себя братомъ Іакова, какъ и пишетъ въ своемъ посланіи: „*Іуда рабъ Іисуса Христа, братъ Іакова*". Кромѣ названія Іуда Іаковлевъ, ап. Іуда имѣлъ еще и другія названія; — евангелистъ Матѳей называетъ его: *Леввей, прозванный Ѳаддеемъ*, а въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, какъ полагаютъ, онъ названъ Варсавою (Дѣян. XV, 22). Всѣ эти названія даны ап. Іудѣ не безъ причины, и ихъ можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Апостолъ Іуда называется Леввеемъ,—слово это имѣетъ троякое значеніе: *совокупленъ*, *сердеченъ* и *львиный*,—поэтому, по отношенію къ ап. Іудѣ, это названіе будетъ означать, что онъ—Іуда, послѣ содѣланныхъ имъ по невѣдѣнію прегрѣшеній противъ Христа Бога, совокупился съ Нимъ всѣмъ сердцемъ своимъ и съ львинымъ мужествомъ подвизался за Христа. Апостолъ Іуда называется *Ѳаддеемъ*, что значитъ: *хвалящій, исповѣдающій* и *молочные сосцы;* изъ этого можно заключить, что ап. Іуда восхвалялъ Христа-Бога, былъ истиннымъ и горячимъ

Его исповѣдникомъ и подобно женщинѣ, питающей молокомъ груди своей младенца, питалъ апостольскимъ ученіемъ своимъ, младенчествовавшихъ въ вѣрѣ, первенствующихъ христіанъ. *Варсавою* же, что значитъ *сынъ обращенія*, ап. Іуда названъ потому, что, послѣ прежнихъ прегрѣшеній своихъ предъ Христомъ, онъ, раскаявшись, обратился къ Нему съ полной вѣрою и любовію. Въ чемъ согрѣшилъ св. Іуда, то всего болѣе онъ и старался загладить потомъ; прежде не вѣрилъ онъ во Христа, а потомъ несомнѣнно вѣровалъ въ Него и былъ истиннымъ апостоломъ Христа и проповѣдникомъ Его ученія; въ началѣ онъ не любилъ Христа, а потомъ такъ возлюбилъ Его, что и душу свою положилъ за Него. Святый апостолъ Іуда пламенно желалъ, чтобы весь міръ позналъ Іисуса Христа, какъ истиннаго Бога, увѣровалъ въ Него, возлюбилъ Его и получилъ спасеніе. Это ревностное желаніе св. Іуды воспомянуто и въ Евангеліи, когда Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Моимъ Отцемъ, и Я возлюблю его и явлюся ему Самъ". Іуда—братъ Божій по плоти говоритъ Ему: „Господи, что это,—что Ты хочешь явить Себя намъ, а не міру?" (Іоан. XIV, 21—22). Этими словами апостолъ Іуда какъ бы сказалъ: не намъ только однимъ даруй Господи познать Тебя, но и всему міру; не намъ только однимъ яви спасеніе Твое, но и всему роду человѣческому, чтобы не только мы, рабы и ученики Твои, но и весь міръ, познавъ Тебя Спасителя своего, пламенно возлюбилъ и прославилъ имя Твое святое.

По вознесеніи Господа Іисуса Христа на небо, апостолъ Іуда, какъ и всѣ вообще апостолы Христовы, отправился на проповѣдь Евангелія. По свидѣтельству

церковнаго историка Никифора, „божественный Іуда, котораго звали Ѳаддеемъ и Леввеемъ, сынъ Іосифа, братъ Іакова, сброшеннаго съ крыши храма іерусалимскаго. проповѣдывалъ Евангеліе и распространялъ христіанство сначала въ Іудеѣ, Галилеѣ, Самаріи. Идумеи, потомъ въ Аравіи, Сиріи и Месопотаміи, наконецъ пришелъ въ городъ Едессу, принадлежавшій царю Авгарю, (которому Христосъ. по преданію, послалъ свой Нерукотворенный образъ). гдѣ еще раньше его проповѣдывалъ Евангеліе другой Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти апостоловъ. Здѣсь апостолъ Іуда докончилъ и исправилъ то, что не было окончено Ѳаддеемъ, здѣсь же онъ излѣчилъ отъ болѣзни и самаго царя Авгаря.—Есть извѣстіе, что святый Іуда проповѣдывалъ христіанство и въ Персіи, откуда и написалъ на греческомъ языкѣ свое соборное посланіе къ вѣрующимъ изъ іудеевъ. бывшихъ въ разсѣяніи. Посланіе это хотя и кратко, но заключаетъ въ себѣ много глубокихъ мыслей и назидательнаго ученія. Въ немъ содержится частію ученіе догматическое: о таинствѣ святой Троицы, о воплощеніи Іисуса Христа, о различіи ангеловъ добрыхъ и злыхъ и о будущемъ страшномъ судѣ; частію же ученіе нравственное: увѣщаніе избѣгать нечистоты грѣховной плотской. хулы, гордости, непослушанія. зависти, ненависти, коварства и лукавства; апостолъ совѣтуетъ всякому быть постояннымъ въ должности своей, въ вѣрѣ, въ молитвѣ, въ любви,—совѣтуетъ стараться объ обращеніи заблудшихъ, сохранить себя отъ еретиковъ. душевредные нравы которыхъ онъ изобразилъ ясно и объявилъ, что тѣ еретики погибнутъ, подобно жителямъ Содома. Кромѣ того, въ своемъ посланіи святый апостолъ Іуда говоритъ, что недостаточно для спасенія быть только обращеннымъ изъ язычника въ христіанина,

но должно при вѣрѣ дѣлать добрыя дѣла, приличныя христіанину и достойныя спасенія, и приводитъ въ примѣръ наказанныхъ Богомъ ангеловъ и людей. Ангеловъ Богъ связалъ вѣчными узами во мракѣ и хранитъ ихъ на страшный судъ свой за то, что они не сохранили своего чина. Людей же, изведенныхъ изъ Египта, Богъ погубилъ въ пустынѣ за то, что они впали въ развратъ, живя не по закону Божію. Такъ ап. Іуда краткими словами раскрываетъ намъ въ посланіи своемъ истины великія.

Много различныхъ странъ посѣтилъ св. апостолъ Іуда, проповѣдуя Евангеліе, крестя народы и наставляя ихъ на путь спасенія. Въ такихъ трудахъ достигъ онъ, наконецъ, Арменіи, отвративъ здѣсь многихъ отъ идолопоклонства и сдѣлавъ ихъ христіанами, онъ вооружилъ этимъ противъ себя жрецовъ идольскихъ. Они схватили св. апостола, посадили его подъ стражу, терзали многими различными муками и, повѣсивъ на крестѣ, (по преданію,—на горѣ Аратѣ), пронзили стрѣлами. Такъ окончилъ, около осьмидесятаго года по Рождествѣ Христовомъ, подвигъ и жизнь свою св. апостолъ Іуда. (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. 2-й. Зам. стр. 171—172).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ЗОСИМЫ ВОИНА.

Въ царствованіе римскаго императора Траяна, нѣкто Домиціанъ, правитель Антіохіи Писидійской, испросилъ у царя позволеніе уничтожить въ своемъ округѣ христіанство, ради пользы язычества. Получивъ на это позволеніе, онъ отправился въ область Сорополитарскую—въ городъ Аполлонію. Въ этомъ городѣ въ то время

состоялъ въ военной службѣ нѣкто Зосима, родомъ грекъ. Желая сдѣлаться христіаниномъ и слыша о наступившемъ гоненіи на христіанъ, онъ оставилъ военную службу, принялъ святое крещеніе и сталъ ревностнымъ и истиннымъ послѣдователемъ Христа, проводя время въ изученіи христіанскихъ истинъ, въ постѣ и молитвѣ. Когда прибылъ въ Аполлонію Домиціанъ, ему донесли, что есть здѣсь воинъ Зосима, который оставилъ военную службу и, измѣнивъ царю и римскимъ законамъ, сдѣлался христіаниномъ и хулителемъ отечественныхъ языческихъ боговъ. Правитель приказалъ немедленно отыскать Зосиму и привести къ нему. Когда посланная стража привела Зосиму къ Домиціану, то правитель, обратясь къ Зосимѣ, спросилъ: „ты ли—Зосима?“—„Я.—отвѣчалъ Зосима.—я рабъ Іисуса Христа“.—„Скажи сначала кто ты по своему чину, а потомъ скажешь,—чей рабъ?“—спросилъ Домиціанъ.—„Прежде я былъ воинъ вашего царя, но теперь, сдѣлавшись христіаниномъ, сталъ воиномъ Христа, Царя небеснаго“,—отвѣчалъ Зосима—„О беззаконникъ,—воскликнулъ Домиціанъ,—имя Христово нисколько тебѣ не поможетъ, лучше поклонись снова идоламъ и простится тебѣ грѣхъ твой“. Никогда я не поклонюсь вашимъ богамъ,—отвѣчалъ Зосима. Видя въ Зосимѣ такую твердость исповѣданія, Домиціанъ приказалъ посадить его въ темницу до слѣдующаго дня. Когда на утро привели праведника со связанными назади руками, правитель, приказавъ повѣсить его на столбѣ, сказалъ ему: „поклонись, Зосима, нашимъ богомъ, дабы не подвергнуться тебѣ мученіямъ“.—„Не только словами, но и мученіями не заставишь меня поклониться идоламъ“,—отвѣчалъ св. Зосима. Послѣ этого, Дамиціанъ приказалъ, какъ можно сильнѣе, бить св. Зосиму,—но этотъ

во время побоевъ, обратясь къ правителю, сказалъ: „напрасно трудятся слуги твои,—я не ощущаю никакой боли, такъ какъ Богъ укрѣпляетъ меня“. За такія слова Зосиму били такъ сильно, что земля обагрилась кровью, мученикъ же въ это время молился, прося Бога укрѣпить его въ исповѣданіи Его Святаго имени и въ перенесеніи страданій. Во время такой молитвы, былъ услышанъ гласъ съ неба: „мужайся, Зосима, и крѣпись: Я съ тобою, и ничто не можетъ одолѣть тебя!“ Слышали этотъ голосъ и Домиціанъ, и всѣ окружающіе его,—и одни изъ нихъ говорили: „однако какой онъ великій чародѣй!“—другіе же, напротивъ, говорили: „совсѣмъ не чародѣй, но рабъ Іисуса Христа, и по истинѣ великъ—Богъ христіанскій!“ Когда же, растянутый четверочастно и терзаемый, Зосима съ твердостью и мужествомъ переносилъ такое мученіе, многіе изъ язычниковъ, видя его терпѣніе, увѣровали во Христа. Домиціанъ, видя такое дѣйствіе мученичества на окружающую толпу и боясь, какъ бы еще болѣе народа не увѣровало во Христа, приказалъ принести раскаленную мѣдную кровать и велѣлъ положить на нее раздѣтаго до-нага Зосиму. Но лишь только св. мученикъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, легъ на кровать,—Господь чудеснымъ образомъ превратилъ огонь въ росу, и когда всѣ предстоящіе думали, что мученикъ погибъ отъ огня, Ангелы, невидимо для окружавшихъ, поднявъ мученика съ кровати, поставили его около нее, нисколько не пострадавшаго отъ огня. Народъ, видя такое чудо, прославлялъ христіанскаго Бога, избавившаго раба своего отъ мученія, и многіе увѣровали во Христа. Домиціанъ же, приказавъ мученика держать подъ стражей, разгнѣванный удалился домой.—Отправляясь чрезъ нѣсколько времени въ об-

ласть Копонійскую, Домиціанъ приказалъ и Зосиму вести туда связаннымъ, чтобы тамъ замучить его. Прибывъ въ городъ, Домиціанъ приказалъ обуть мученика Зосиму въ желѣзныя сандаліи съ воткнутыми въ нихъ острыми гвоздями, привязать желѣзными цѣпями къ дикимъ лошадямъ и пустить бѣжать. Но святый, не смотря на тяжесть сандалій и быстрый бѣгъ лошадей, такъ шибко бѣжалъ, что даже обгонялъ коней, такъ какъ Богъ помогалъ ему. Видя такое терпѣніе мученика, правитель приказалъ заключить его въ темницу и не давать ни пить, ни ѣсть. По прошествіи трехъ дней, въ продолженіи которыхъ святой пребывалъ безъ пищи и питья, сошли къ нему въ темницу два прекрасныхъ юноши, изъ которыхъ одинъ несъ хлѣбъ, а другой воду, и сказали: „прими этотъ дорогой даръ, посланный тебѣ отъ Бога". Подкрѣпивши себя хлѣбомъ и водою, мученикъ возблагодарилъ Бога за Его милость. Когда же на утро онъ приведенъ былъ къ Домиціану съ свѣжимъ лицемъ и въ здравомъ умѣ, то правитель удивился этому и сказалъ: „Зосима, такъ какъ ты теперь пришелъ въ чувство, то поклонись нашимъ богамъ, чтобы тебѣ не погибнуть".— „Если хочешь, то покланяйся самъ, я же буду продолжать прославлять моего Бога",—отвѣчалъ Зосима. Разгнѣванный Домиціанъ приказалъ строгать тѣло его желѣзными гребнями, но мученикъ съ твердостью перенесъ и это страданіе, славя Бога. Послѣ этого, правитель сказалъ святому: „вотъ ты много мученій перенесъ за своего Христа и не пріобрѣлъ никакой пользы, поклонись лучше нашимъ богамъ". Но святой отвѣчалъ:— „лютѣйшій и безчеловѣчнѣйшій мучитель! побойся Бога истиннаго и не называй идоловъ богами, вѣдь они бѣсы, а не боги!"—„Какъ ты, скверный человѣкъ, смѣешь

называть бѣсами тѣхъ боговъ, которыхъ весь міръ прославляетъ, — отвѣчалъ разгнѣванный мучитель и приказалъ свѣчами палить чрево его. Но мученикъ сказалъ: „не только чрево, но хотя и все тѣло мое сожги, и все-таки никогда не преодолѣешь моей твердости въ исповѣданіи Христа моимъ Богомъ". Не зная, что болѣе дѣлать съ такимъ твердымъ исповѣдникомъ Христа, Домиціанъ осудилъ св. мученика Зосиму на усѣченіе мечемъ. Будучи приведенъ на мѣсто казни, св. Зосима съ молитвою и славословіемъ склонилъ голову свою подъ мечъ, принявъ мученическій вѣнецъ за Христа. (Прологъ. Четьи-Минеи).

ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА ОТШЕЛЬНИКА.

Преподобный Іоаннъ, отрекшись отъ міра, постригся въ монахи и, желая пребывать въ уединеніи, поселился въ Палестинѣ. Здѣсь въ окрестностяхъ селенія Соха, въ разстояніи отъ Іерусалима верстъ около двадцати, онъ выкопалъ себѣ пещеру и имѣлъ въ ней пребываніе. Это былъ истинно великій человѣкъ предъ Богомъ, онъ былъ великій подвижникъ и великій угодникъ Божій. Въ доказательство того, сколько пр. Іоаннъ угоденъ былъ предъ Богомъ, разсказываютъ слѣдующее чудо.— Преп. Іоаннъ имѣлъ въ пещерѣ своей образъ Пресвятой Богородицы съ сидящимъ на ея колѣнахъ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Старецъ каждый разъ, какъ только намѣревался идти куда-нибудь, —въ необитаемую ли пустыню, или въ Іерусалимъ для поклоненія св. Кресту и святымъ мѣстамъ, или на Синайскую гору для молитвъ, или къ мученикамъ, до коихъ отъ Іерусалима было довольно далеко, (старецъ имѣлъ особенную любовь къ

мученикамъ:—онъ то ходилъ въ Ефесъ къ св. Іоанну, то въ Евхапту къ св. Ѳеодору, то въ Исаврію Селевкійскую къ св. Ѳеклѣ. то къ св. Сергію въ Сарафу, то къ тому, то къ другому святому),—приготовлялъ свѣчу и по своему обыкновенію зажигалъ. Ставъ потомъ на молитву, онъ молилъ Бога управить путь его; потомъ обращался къ образу Госпожи Богородицы и говорилъ: „Пресвятая Богородица! такъ какъ я думаю идти въ долгій путь, на много дней, пріими попеченіе о свѣчѣ твоей, чтобы не потухла до моего возвращенія; я отхожу съ надеждою на твою помощь. Произнеся это предъ образомъ, старецъ уходилъ. Когда, совершивъ продолжительный путь, возвращался, (а возвращался онъ иногда чрезъ мѣсяцъ, иногда чрезъ два и три мѣсяца, а иногда спустя пять и шесть мѣсяцевъ), находилъ свѣчу еще горящею, какъ оставилъ ее, отправляясь въ путь. Никогда не видалъ онъ, чтобы свѣча потухла сама собою, просыпался ли онъ, возвращался ли въ свою пещеру изъ путешествія или изъ пустыни.—Разсказываютъ о преп. Іоаннѣ еще и слѣдующее. Однажды преп. Іоаннъ прохаживался въ окрестностяхъ мѣстечка Соха, гдѣ была его пещера. Во время прогулки онъ увидѣлъ большаго льва, который съ противоположной стороны приближался къ нему. Старецъ прохаживался по дорогѣ весьма тѣсной, между двумя плетнями, которыми земледѣльцы обыкновенно обгораживаютъ свои поля, сажая колючія растенія. Дорога отъ этихъ деревьевъ была такъ тѣсна, что едва вмѣщала одного человѣка, идущаго безъ ноши, даже и такому нельзя было безпрепятственно пройти по ней. Когда старецъ и левъ приблизились другъ къ другу, то ни старецъ не возвращался назадъ, чтобы дать дорогу льву, ни левъ не могъ возвратиться, по тѣснотѣ дороги,

такъ что имъ обоимъ нельзя было разойтись. Левъ, видя, что рабъ Божій хочетъ пройти и никакъ не хочетъ возвратиться, сталъ на заднія ноги, прямо наклонился на плетень съ лѣвой стороны старца, тяжестію и силою своего тѣла сдѣлалъ небольшое пространство и такимъ образомъ открылъ свободный проходъ праведному мужу. Старецъ прошелъ, задѣвъ льва спиною. Когда онъ прошелъ, левъ всталъ съ плетня и продолжалъ свой путь. — Къ этому же старцу Іоанну пришелъ нѣкто и, не найдя ничего въ его пещерѣ, сказалъ ему: „какъ ты живешь здѣсь, отче, не имѣя даже необходимаго?“ Старецъ отвѣчалъ: „пещера эта, чадо, какъ бы торговое мѣсто:—даетъ и беретъ,—даетъ рукодѣліе, беретъ необходимое для жизни“. (Прологъ. Четьи-Минеи. Лугъ духовный §§ 178—179).

ПРЕПОДОБНАГО ПАИСІЯ ВЕЛИКАГО.

Преподобный Паисій Великій былъ родомъ изъ Египта, происходилъ отъ богатыхъ и благочестивыхъ христіанскихъ родителей. У нихъ было семь сыновей, которыхъ благочестивые родители воспитывали въ строгости христіанской вѣры и христіанской нравственности и благочестія. Будучи богатыми, родители Паисія охотно и безъ отказу раздавали отъ своихъ достатковъ всѣмъ нуждающимся, за что получали отъ Бога сугубую награду. Когда преп. Паисій былъ еще малымъ отрокомъ, умеръ отецъ его, оставивъ на попеченіе матери всѣхъ своихъ сыновей, изъ которыхъ мать въ особенности любила Паисія, какъ самаго младшаго по возрасту. Вскорѣ послѣ смерти отца, матери преп. Паисія явился однажды ночью во снѣ Ангелъ Господень и сказалъ:—„Богъ—

Отецъ сиротствующихъ, послалъ меня къ тебѣ,—зачѣмъ сильно печалишься, заботясь о своихъ дѣтяхъ, не ты одна заботишься о нихъ, но и Богъ; оставь печаль твою и посвяти на служеніе Богу одного изъ сыновей твоихъ и прославится чрезъ него Пресвятое имя Божіе".—„Всѣ дѣти — Божіи, и если который изъ моихъ сыновей угоденъ Ему,—пусть возметъ",—отвѣчала Ангелу мать преп. Пансія. Тогда Ангелъ, взявъ за руку Пансія, сказалъ: „вотъ этотъ угоденъ Богу". „Лучше возьми кого либо изъ большихъ, тѣ лучше и смышленѣе". — отвѣчала мать.—„О добрая женщина, развѣ ты не знаешь, что сила Божія въ немощѣхъ совершается, а поэтому и избранъ Богомъ этотъ самый младшій, какъ болѣе другихъ способный Ему угодить"; — сказавъ это, Ангелъ скрылся. Наутро, мать преп. Пансія, удивляясь такому странному видѣнію, возблагодарила Бога и послѣ усердной молитвы поспѣшила исполнить повелѣніе Ангела. Пансій былъ принятъ въ клиръ церковный и отличался ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и добродѣтельною жизнію. Возрастая и укрѣпляясь разумомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывая въ своемъ сердцѣ все большую и большую любовь къ Богу, онъ захотѣлъ сдѣлаться инокомъ,— и когда достигъ лѣтъ, необходимыхъ для вступленія въ иночество, былъ отправленъ въ скитъ къ святому Памвѣ для руководства въ иноческихъ подвигахъ. Этотъ великій подвижникъ съ любовію и радостію принялъ св. Пансія и постригъ его въ монахи. Подъ руководствомъ такого учителя св. Пансій ревностно и неослабно исполнялъ всѣ иноческіе обѣты, усердно повинуясь своему учителю и наставнику и совершенствовался все болѣе и болѣе въ добродѣтеляхъ иноческаго житія. Желая болѣе поощрить св. Пансія на поприщѣ подвижничества, св.

Памва сказалъ однажды своему ученику: — „чадо Паисіе! начинающему подвижнику нужно предохранять всѣ свои чувства отъ всякихъ соблазновъ, болѣе же всего надлежитъ ни на кого не смотрѣть, а ходить, опустивъ глаза внизъ, и лишь умственными очами устремляться въ высоту для созерцанія божественной славы“. Паисій внялъ словамъ своего наставника: онъ въ продолженіи трехъ лѣтъ ходилъ, опустивъ глаза внизъ, и прилежно занимался чтеніемъ священныхъ книгъ, находя услажденіе и отраду своей душѣ въ уразумѣніи написаннаго въ нихъ. Вмѣстѣ съ этимъ, постоянною молитвою и постомъ онъ побѣждалъ тѣлесныя желанія, подчиняя тѣло душѣ и, такимъ образомъ, совершенствовался болѣе и болѣе въ богоугодной и святой жизни. Видя преуспѣяніе св. Паисія въ богоугодной жизни, преп. Памва радовался и какъ отецъ наставлялъ своего послушника на всякое доброе и благочестивое дѣло, желая сдѣлать изъ Паисія ревностнаго и истиннаго инока. Умирая, преп. Памва благословилъ своего ученика и изрекъ относительно его много пророческихъ словъ.

По смерти Памвы, преп. Паисій не забылъ уроковъ и наставленій своего духовнаго отца и, живя вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ св. Памвы—Іоанномъ, они соблюдали тотъ же уставъ, какой и при своемъ наставникѣ, и жили такъ, какъ завѣщалъ имъ жить св. Памва. Но чрезъ нѣсколько времени св. Паисій, желая еще большихъ подвиговъ, принялъ на себя подвигъ постничества: —онъ не ѣлъ ничего въ продолженіи всей недѣли и лишь только въ субботу и воскресенье дозволялъ себѣ съѣсть не много хлѣба съ солью и выпить воды. Въ продолженіи же остальныхъ дней недѣли онъ вмѣсто хлѣба чувственно насыщалъ себя хлѣбомъ духовнымъ, читая

священныя книги, преимущественно же книгу пророка Іереміи. Чрезъ нѣсколько времени, не довольствуясь такимъ подвигомъ, преп. Паисій вмѣсто одной недѣли сталъ поститься двѣ, вкушая хлѣба и воды чрезъ двѣ недѣли. Вмѣстѣ съ подвигомъ постничества, св. Паисій принялъ на себя и подвигъ молчанія. Іоаннъ, сожитель преподобнаго, видя такое намѣреніе преп. Паисія, скорбѣлъ, размышляя о томъ, что настало время имъ разлучиться. Но желая знать: по волѣ ли Божіей Паисій возъимѣлъ такое намѣреніе, или по своему желанію, сказалъ однажды ему: „братъ Паисій! вижу, что у тебя есть желаніе вести уединеную жизнь, знай,—что и я имѣю такое же намѣреніе, но сомнѣваюсь, отъ Бога ли оно исходитъ или нѣтъ; помолимся лучше Богу, что-бы онъ устроилъ нашу жизнь и указалъ, вмѣстѣ ли намъ жить, или порознь". На это Паисій отвѣчалъ: „ты хорошо сказалъ, поэтому сдѣлаемъ по твоему",—и, ставъ на молитву, они всю ночь молились. Къ утру имъ явился Ангелъ Господень и сказалъ: „Богъ разлучаетъ васъ: ты Іоаннъ оставайся здѣсь и будешь наставникомъ для однихъ, а ты, рабъ Христовъ Паисій, удались отсюда на западъ въ пустыню,—туда къ тебѣ соберется много иноковъ и созданъ будетъ, по повелѣнію Божію, монастырь", сказавъ это, Ангелъ удалился. Паисій же и Іоаннъ, помолившись Богу, разошлись, какъ повелѣлъ имъ Ангелъ. Іоаннъ остался тамъ, гдѣ жили они оба вмѣстѣ,—а Паисій удалился на западъ въ Нитрійскую пустыню. Здѣсь онъ выкопалъ въ одной горѣ пещеру и поселился въ ней, проводя жизнь свято и богоугодно подъ руководствомъ и наставленіемъ самаго Бога.

Однажды, когда преп. Паисій сидѣлъ въ своей пещерѣ, предсталъ ему самъ Господь и сказалъ: „миръ тебѣ воз-

любленному угоднику Моему!" Паисій сильно испугался, увидѣвъ самаго Господа, но потомъ, успокоившись, сказалъ: „Христосъ человѣколюбче Спасе! что заставило явить Свою благодать, что Ты изволилъ явиться мнѣ недостойному?" Видишь ли эту обширную пустыню,—ради тебя я населю ее подвижниками для прославленія Моего имени", — сказалъ Господь въ отвѣтъ Паисію. Поклонившись до земли Господу, Паисій сказалъ: „Владыко Господи, все, что Ты захочешь, все будетъ, потому что все повинуется Твоему могуществу. Но позволь мнѣ знать, гдѣ подвижники достанутъ для себя въ этой пустынѣ все нужное и необходимое?" „Вѣрь Мнѣ, всегда говорящему правду, если они будутъ имѣть любовь — мать всѣхъ добродѣтелей и будутъ исполнять всѣ заповѣди Мои, то имъ не о чемъ будетъ заботиться: Я буду доставлять все нужное—и необходимое для нихъ", отвѣчалъ Господь. „Еще объ одномъ спрошу Тебя, Господи, въ состояніи ли будутъ подвижники избѣжать сѣтей вражескихъ и бѣсовскихъ искушеній?" — сказалъ Паисій. Господь отвѣчалъ ему: „если будутъ исполнять Мои заповѣди, какъ Я сказалъ, то не только поставлю ихъ выше бѣсовскихъ искушеній и коварныхъ хитростей, но и сдѣлаю ихъ участниками царства небеснаго". Сказавъ это, Господь со славою отошелъ на небо, оставивъ Паисія въ сильномъ страхѣ отъ Своего явленія и въ раздумьи о смыслѣ видѣнія. Но въ то время, когда Господь такъ явно оказывалъ Свое благоволеніе преп. Паисію, и діаволъ захотѣлъ испытать свою силу надъ преподобнымъ, желая уловить въ свои сѣти. Не имѣя возможности открыто явиться къ Паисію, такъ какъ Паисій обладалъ Божественною силою, отгоняющею бѣсовъ, діаволъ вздумалъ искусить преп. Паисія сребролюбіемъ.—

дать ему денегъ подъ видомъ милостыни. Съ этой цѣлію онъ явился въ образѣ ангельскомъ къ одному богатому египетскому вельможѣ, человѣку богобоязненному и благочестивому и сказалъ: „возлюбленный! поди въ пустыню и найдешь тамъ человѣка, по имени Паисія, бѣднаго, но украшеннаго многими добродѣтелями и избранника благодати Божіей, —нашедши его, предложи ему побольше денегъ какъ для него самаго, такъ и на содержаніе другихъ пустынно-жителей“. Не подозрѣвая діавольскаго навожденія, вельможа, взявши много золота, серебра и другихъ нужныхъ въ жизни предметовъ, отправился къ преп. Паисію. Но Богъ открылъ Паисію, что діаволъ намѣревается искусить его любостяжаніемъ подъ образомъ княжеской милостыни,—и Паисій рѣшился предупредить злые замыслы діавола. Онъ вышелъ навстрѣчу вельможѣ, и когда этотъ, встрѣтившись съ преподобнымъ, спрашивалъ: „кто такой—Паисій и гдѣ живетъ?“—Паисій въ свою очередь спросилъ: „для чего ищешь Паисія и какую нужду имѣешь до него?“ Вельможа отвѣчалъ: „я принесъ ему золота, серебра и всего необходимаго въ жизни, чтобы онъ раздалъ инокамъ“. — „Знай, добрый человѣкъ, — сказалъ вельможѣ преподобный,—что живущимъ въ этой пустынѣ не нужно ни золото, ни серебро, и никто изъ подвизающихся здѣсь не захочетъ ничего принять изъ твоего достатка. По этому, не скорбя, воротись домой,—Богъ все равно приметъ твое доброе намѣреніе. Если же ты непремѣнно желаешь раздать милостыню, то нуждающихся въ ней много находится и въ Египтѣ: тамъ много убогихъ, нищихъ, сиротъ, вдовъ—объ этомъ позаботься, и Богъ вдвое вознаградитъ тебя“. Вельможа внялъ словамъ преп. Паисія и сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ преподобный. Паисію же, когда онъ возвращался домой и

входилъ въ пещеру, явился діаволъ и сказалъ: „Паисій, ничего не могу сдѣлать съ тобою, ты преодолѣваешь мои хитрости, поэтому, я оставляю тебя и пойду бороться съ другими". Преподобный именемъ Іисуса Христа запретилъ ему являться къ себѣ, и посрамленный діаволъ удалился отъ Паисія.

Вскорѣ послѣ этого преп. Паисій удалился въ глубь пустыни, чтобы тамъ подвергнуть себя еще болѣе жестокимъ подвигамъ; живя здѣсь и подвизаясь, онъ уподобился какъ бы Ангеламъ и удостоился быть зрителемъ небесныхъ сокровищъ. Однажды, когда преп. Паисій молился, почувствовалъ, что онъ какъ бы на крыльяхъ былъ вознесенъ на небо. Здѣсь прежде всего онъ сподобился видѣть прекрасныя райскія селенія, потомъ увидѣлъ святыхъ первенствующей церкви, вѣчно торжествующихъ и наконецъ сподобился пріобщиться невещественныхъ Таинъ Божіихъ, сдѣлавшись чрезъ это способнымъ долгое время быть безъ пищи. Пріобщаясь тѣла и крови Христовыхъ однажды въ недѣлю—въ день воскресный, преп. Паисій кромѣ этого ничего не ѣлъ во всю недѣлю. Бывало и такъ, что преподобный, подкрѣпляемый и питаемый благодатію Божіею, могъ оставаться безъ пищи по 70 дней.—Такъ жилъ преп. Паисій въ пустынѣ, подвизаясь на поприщѣ богоугодной жизни. Слава его подвиговъ и святой жизни привлекала къ нему многихъ не только изъ иноковъ, но и изъ мірянъ, желавшихъ жить и подвизаться вмѣстѣ съ нимъ. Со дня на день болѣе и болѣе собиралось къ преподобному желающихъ быть у него въ послушаніи, и онъ однихъ изъ нихъ подвергалъ скитскому житію, дабы они въ безмолвіи и уединеніи проводили жизнь, другихъ оставлялъ въ общежитіи, чтобы они на равнѣ со всѣми и пѣли,

и трудились, и вообще несли всѣ обѣты послушанія общежительнаго, инымъ же повелѣвалъ заниматься рукодѣліемъ, чтобы не только сами себя могли прокармливать, но и другимъ нуждающимся могли бы помогать. Главнымъ же правиломъ послушанія преп. Паисій сдѣлалъ для всѣхъ, желающихъ жить подъ его руководствомъ, слѣдующее: *пусть никто ничего не дѣлаетъ по своей волѣ, но по указанію и наставленію искусныхъ въ иноческомъ житіи старцевъ.* Такъ прожилъ преп. Паисій долгое время, руководя своихъ послушниковъ и учениковъ, — наконецъ шумная жизнь общежитія, нарушающая его уединеніе и безмолвіе, наскучила ему, и онъ рѣшился оставить монастырь и попеченіе о братіи. Однажды, тайно отъ всѣхъ онъ вышелъ изъ своего монастыря и удалился внутрь пустыни, здѣсь онъ нашелъ въ одной горѣ пещеру, поселился въ ней и прожилъ три года. Здѣсь онъ жилъ, пребывая въ постоянныхъ трудахъ, непрестанной молитвѣ и постѣ, ни днемъ, ни ночью не давая себѣ покоя; за такіе подвиги преп. Паисій былъ удостоенъ здѣсь въ другой разъ видѣнія Самаго Господа.

Будучи великимъ подвижникомъ, искуснымъ и мудрымъ наставникомъ для другихъ, преп. Паисій былъ въ тоже время и великимъ ревнителемъ и защитникомъ православной вѣры. Объ этомъ разсказываютъ такой случай. Жилъ въ одномъ египетскимъ мѣстечкѣ нѣкій старецъ, весьма добродѣтельный по своей жизни, но не слишкомъ искусный въ Божественномъ Писаніи; вслѣдствіе своего невѣжества онъ впалъ въ такую ересь: почитая Отца и Сына за два лица Божества, Духа Святаго онъ не почиталъ за Бога и вѣровалъ такимъ образомъ не въ Святую Троицу, но двоицу проповѣдывалъ. Вѣруя такъ самъ, старецъ и другихъ училъ вѣровать также, и многіе, увлекаясь

благочестивою жизнью его, дѣйствительно слѣдовали такому еретическому ученію. Но Богъ, видя добродѣтельную и богоугодную жизнь этаго неразумнаго старца и не желая его гибели, повелѣлъ Паисію обличить этаго старца и отклонить его отъ ереси. Святой Паисій, внимая повелѣнію Божію, сплелъ множество корзинокъ съ тремя ушками и, обвѣсившись ими, отправился къ указанному старцу, какъ бы для продажи корзинокъ. Когда преп. Паисій пришелъ туда, гдѣ жилъ старецъ, то ученики и послѣдователи его, видя странника съ корзинками и не зная, что это—Паисій, спрашивали преподобнаго: кто онъ и откуда пришелъ? На ихъ вопросы преподобный отвѣчалъ, что онъ изъ пустыни и пришелъ продавать свое рукодѣлье. Когда же его спросили относительно того, почему его корзинки съ тремя ушками, онъ отвѣчалъ: „такъ какъ я рабъ Пресвятой Троицы, то и корзинки свои сдѣлалъ съ тремя ушками въ образъ Пресвятой Троицы, чтобы не только сердцемъ вѣровать и устами исповѣдывать, но и рукодѣліемъ моимъ являть Троическій образъ и прославлять Святую Троицу: Отца, Сына и Святаго Духа. Поэтому—одно ухо есть образъ Бога-Отца, другое—образъ Бога Сына и третье—образъ Бога Духа Святаго,—и какъ корзинка, не смотря на то, что имѣетъ три уха, есть одна, такъ и Богъ единый по существу имѣетъ три лица“. Услышавъ такое краткое и простое доказательство таинства Святой Троицы, самъ неразумный старецъ и ученики его сильно устыдились своего невѣжества. Желая еще кое-что знать о православіи и исправить свои заблужденія,—они просили преп. Паисія научить ихъ правой вѣрѣ и душеспасительной жизни. Преподобный внялъ ихъ просьбѣ и долго бесѣдовалъ съ ними, изобличая различныя еретическія за-

блужденія, поучая ихъ православной вѣрѣ и наставляя на путь спасенія, и, такимъ образомъ, отвративъ ихъ отъ прежняго заблужденія и заставивъ покаяться въ немъ, научилъ, какъ нужно вѣровать въ Св. Троицу и благочестно чтить ее. Когда на возвратномъ пути преп. Паисій приближался къ своей пустынѣ, внезапно явился сильный свѣтъ, ударяя прямо въ глаза преподобному; поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что вся пустыня наполнена Ангелами. Сильно удивляясь такому явленію, онъ недоумѣвалъ о причинѣ его. Сопутствующій же ему Ангелъ сказалъ: „Богъ показываетъ тебѣ, чтобы ты зналъ, что, въ твое отсутствіе, Ангелы, по Его повелѣнію, охраняютъ иноковъ, какъ Онъ самъ обѣщалъ тебѣ". — Въ другой разъ Преп. Паисій обратилъ снова къ вѣрѣ одного изъ своихъ учениковъ, увлекшагося еврейскимъ лжеученіемъ. Одинъ изъ учениковъ Паисія пошелъ, по его повелѣнію, въ городъ для продажи рукодѣлья, — дорогою, онъ сошелся съ однимъ евреемъ, который, замѣтивъ, что инокъ не особенно ученъ и мудръ, началъ ему убѣдительно доказывать, что христіане напрасно вѣруютъ въ Распятаго, будто Онъ есть Мессія, что Іисусъ Христосъ вовсе не таковъ и что Мессія еще въ будущемъ придетъ. Инокъ въ простотѣ сердца, и не будучи въ состояніи размыслить, принялъ за истину все сказанное евреемъ и сказалъ: можетъ быть и правда то, что ты говоришь. Когда же онъ возвратился въ монастырь, то преп. Паисій пересталъ даже и глядѣть на него и старался всячески избѣгать встрѣчи съ инокомъ, чтобы не разговаривать съ нимъ. Инокъ, видя такую холодность и невниманіе къ себѣ со стороны Паисія, скорбѣлъ, не зная за собой никакой вины. Наконецъ, выбравъ удобное время, инокъ, подошедши къ Паисію, сказалъ: „за

что, отче, гнѣваешься на меня и презираешь твоего ученика?" — „Кто ты?—не знаю тебя", — отвѣчалъ Паисій. — „Что незнакомаго находишь во мнѣ, отче, что не узнаешь меня, - я твой ученикъ". — сказалъ инокъ. — „Онъ былъ христіанинъ и имѣлъ благодать крещенія, ты же не таковъ; а если и въ самомъ дѣлѣ ты тотъ, за кого себя выдаешь, то, по истинѣ, отъ тебя отошла благодать крещенія, и ты не имѣешь христіанскаго образа. Скажи, что случилось съ тобою дорогой?" — спросилъ Паисій. — „Я ничего не сдѣлалъ худаго", — отвѣчалъ инокъ. Паисій сказалъ: „такъ уйди отъ меня дальше, съ отрекшимся Бога не хочу бесѣдовать, ибо если бы былъ моимъ ученикомъ, то ты былъ бы христіаниномъ. Скажи, съ кѣмъ бесѣдовалъ во время пути?" — „Съ однимъ евреемъ, а больше ни съ кѣмъ", — отвѣчалъ инокъ. — „Что тебѣ говорилъ еврей и что ты отвѣчалъ ему?" — спросилъ Паисій. Тогда инокъ разсказалъ все, что случилось съ нимъ на пути и передалъ весь разговоръ съ евреемъ. Выслушавъ его, преп. Паисій сказалъ: „о несчастный! зачѣмъ ты отрекся отъ Христа и святаго крещенія? — теперь куда хочешь иди и плачься на себя, со мною не будь сообщникомъ, но съ отрекшимися отъ Христа". Со слезами и воздыханіемъ обратился инокъ къ Паисію, прося его помолить за него Бога, чтобы Онъ простилъ невольный его грѣхъ и не лишилъ Своей благодати. Искренніе слезы инока гораздо сильнѣе словъ подѣйствовали на чувствительное сердце преподобнаго, и онъ, умилившись, сказалъ: „потерпи, дитя, я буду молить Бога о твоемъ прощеніи". Сказавъ это, старецъ удалился для молитвы и началъ возносить теплую молитву къ Богу о прощеніи грѣха своего ученика. Богъ внялъ молитвѣ угодника Своего и показалъ слѣдующее знаменіе

Своего благоволенія: преп. Паисій увидѣлъ, что благодать Св. Духа возвратилась къ ученику его, въ образѣ голубя вошедъ въ его уста, а злой духъ въ видѣ чернаго дыма вышелъ изъ него, разстелившись по землѣ. Видя такое чудо, преподобный увѣровалъ, что Богъ простилъ грѣхъ иноку, и вмѣстѣ съ нимъ воздалъ благодареніе Богу.

Въ Сиріи жилъ одинъ добродѣтельный старецъ пустынникъ,—ему однажды во время молитвы пришла въ голову мысль: кому онъ подобенъ изъ угодниковъ Божіихъ? Вдругъ онъ слышитъ голосъ: „ступай въ Египетъ и тамъ найдешь человѣка, по имени Паисія, столь добродѣтельнаго и любящаго Бога, какъ и ты. Услышавъ это, старецъ, не смотря на дальность пути, рѣшился отправиться въ Египетъ, чтобы повидаться съ дивнымъ Паисіемъ. Когда онъ достигъ Нитрійской горы, то сталъ разспрашивать о мѣстѣ подвиговъ Паисія, и всѣ ему указывали это мѣсто, ибо имя Паисія было извѣстно вездѣ. Въ тоже время и Паисій прозрѣлъ духомъ, что старецъ къ нему идетъ изъ Сиріи, — онъ вышелъ къ старцу навстрѣчу. Оба подвижника, встрѣтившись, любезно обнялись и поцѣловались, а потомъ отправились въ обиталище Паисія. Когда старецъ сирійскій началъ говорить Паисію на сирійскомъ языкѣ, (ибо онъ не зналъ по египетски), то Паисій сильно скорбѣлъ о томъ, что не знаетъ сирскаго языка, такъ какъ ему не хотѣлось пропустить ни одного полезнаго слова старцева. Воззрѣвъ на небо и глубоко вздохнувъ, онъ обратился къ Богу съ молитвою, чтобы Онъ далъ ему способность понимать слова старца. И, о чудо! Паисій не только сталъ понимать по сирски, но и говорить съ старцемъ по сирски и отвѣчать ему, по вдохновенію Св. Духа. Такъ бе-

сѣдовали оба подвижника, не прибѣгая ни къ чьей помощи, о своихъ подвигахъ ради славы Божіей и о тѣхъ дарованіяхъ и видѣніяхъ, какихъ кто изъ нихъ сподобился. Проведши въ такихъ бесѣдахъ до шести дней, они разстались. Передъ уходомъ старца, св. Паисій призвалъ всѣхъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ: „возлюбленные дѣти! вотъ предъ вами находится истинно праведный человѣкъ, вполнѣ добродѣтельный и исполненный благодати Святаго Духа,—подойдите къ нему, примите отъ него благословеніе и просите его молитвъ за васъ". Помолившись объ ученикахъ Паисія и простившись съ ними, старецъ отправился домой, провожаемый Паисіемъ и его учениками. Чрезъ нѣсколько часовъ, по удаленіи старца, пришелъ въ монастырь одинъ инокъ, отдѣльно живущій; ученики сказали ему: „былъ здѣсь у насъ нѣкій старецъ сиріянинъ, весьма мудрый и благочестивый,—онъ преподалъ намъ весьма много душеспасительныхъ совѣтовъ, и если хочешь научиться отъ него доброму и полезному, то догоняй его: онъ, вѣроятно, еще не далеко ушелъ". Когда инокъ хотѣлъ было уже отправиться догонять старца, св. Паисій сказалъ ему: „не ходи, другъ, тотъ преподобный старецъ уже болѣе 80 верстъ прошелъ, несясь домой на облакахъ".

Въ то время, когда св. Паисій подвизался съ однимъ своимъ ученикомъ вдали отъ монастыря въ пустынѣ, пришли къ нему два инока и усердно просили позволить имъ вести отшельническую жизнь. Преподобный, внимая ихъ просьбѣ и видя ихъ способными къ уединенной отшельнической жизни, благословилъ ихъ на подвигъ. Иноки, избравъ удобное для себя мѣсто, поселились. Но діаволъ позавидовалъ имъ и рѣшился погубить ихъ слѣдующимъ образомъ. У одного отшельника было украдено

скудное его имѣніе, хотя отшельникамъ не позволяется имѣть при себѣ ничего. Жалѣя объ украденномъ, онъ сталъ искать вора, когда же не нашелъ его, отправился къ одному старцу, о которомъ шла молва какъ о прозорливцѣ, надѣясь, что онъ укажетъ ему вора. Но такъ какъ даръ провидѣнія и прозорливости былъ у старца не отъ Бога, а отъ діавола, то оный прозорливецъ, по внушенію діавола, и оклеветалъ въ кражѣ двухъ юныхъ отшельниковъ—учениковъ преп. Паисія. Получивъ такой отвѣтъ, обокраденный отшельникъ пошелъ въ тотъ монастырь, къ которому принадлежали два упомянутые подвижника и, сказавъ о случившемся, просилъ защиты противъ двухъ иноковъ. Игуменъ и старцы повѣрили ему и приказали схватить иноковъ и привести въ монастырь. Когда ихъ привели въ монастырь, то прежде предварительнаго суда ихъ били, а потомъ посадили въ темницу. Послѣ же суда ихъ лишили иноческаго чина и подвергли пыткѣ объ украденныхъ вещахъ. Обо всемъ этомъ узналъ преп. Паисій по внушенію Божію. Жалѣя о двухъ невинно-пострадавшихъ инокахъ и желая изобличить ложь, онъ оставилъ на время свое уединеніе и отправился въ монастырь. Когда всѣ окрестные иноки узнали о приходѣ въ свой монастырь св. Паисія, то всѣ пришли привѣтствовать его и принять благословеніе отъ такого великаго подвижника. Пришелъ вмѣстѣ съ другими и инокъ—прозорливецъ. Когда всѣ поздорововались съ преп. Паисіемъ и приняли отъ него благословеніе, онъ спросилъ: „за что изгнали двухъ молодыхъ подвижниковъ?“ Всѣ молчали, и только нѣкоторые изъ братіи осмѣлились сказать, что они—воры и за это удалены изъ монастыря. Тогда Паисій спросилъ: „кто вамъ сказалъ, что они—воры?“ Иноки указали на старца-прозорливца.

Обратясь къ нему, Пансій спросилъ: „правда-ли—то, что ты сказалъ?“—„Сказанное мною — правда, ибо открыто Самимъ Богомъ“, — отвѣчалъ старецъ. — „Если бы отъ Бога былъ данъ тебѣ даръ прозорливства, а не отъ діавола, то не было бы видно діавола въ твоихъ устахъ“,—сказалъ Пансій. Всѣ ужаснулись, услышавъ это, такъ какъ знали, что преподобный никогда лжи не говоритъ; всѣ ругали прозорливца за его ложь и заставляли просить прощеніе у преподобнаго. Старецъ, устыдившись своего обмана, просилъ прощенія у Пансія и молитвъ его. Когда святой помолился, то, видимо для всѣхъ стоящихъ, изъ устъ старца-прозорливца вышелъ нечистый духъ и, превратившись въ дикаго вепря, съ яростію бросился на преп. Пансія, желая его растерзать. Но преподобный, силою молитвы, запретилъ ему это и прогналъ въ пропасть. Когда старецъ-прозорливецъ ощутилъ и увидалъ глазами выходящее изъ него бѣсовское навожденіе, то сильно испугался и просилъ Пансія простить его. Равнымъ образомъ и прочіе иноки, оскорбившіе невинныхъ, припадая къ ногамъ Пансія, просили прощенія. Просили всѣ прощенія и у тѣхъ двухъ юныхъ иноковъ, которыхъ оклеветали понапрасну. Въ то же время преподобный совѣтывалъ остерегаться подобныхъ прозорливцевъ и не довѣрять имъ. Потомъ, отозвавши игумена монастыря въ сторону, онъ сказалъ, гдѣ находятся украденныя вещи, самихъ же воровъ не указалъ. Наконецъ, простившись со всѣми и помолившись о всѣхъ, преп. Пансій снова возвратился въ свое уединеніе.

Въ то время, когда преп. Пансій жилъ и подвизался въ пустынѣ Нитрійской, недалеко отъ него въ одной изъ пустынь жилъ другой великій подвижникъ преп. Павелъ. Оба эти подвижника—и преп. Пансій и преп. Павелъ—

жили между собою очень дружно, не рѣдко другъ друга посѣщали, подолгу — бесѣдуя о своихъ подвигахъ. Не смотря на то, что оба были уже стары, они съ юношескою изобрѣтательностью умышляли для себя различные подвиги, дабы отъ однообразнаго упражненія не впасть въ облѣненіе. Поелику же св. Павелъ былъ нѣсколько моложе преп. Паисія, то этотъ послѣдній давалъ ему иногда полезные совѣты на счетъ подвижничества. „Лѣности тѣла нашего не хочетъ Господь, пока мы живы, и срамъ намъ и стыдъ будетъ, если смерть застанетъ насъ въ лѣности",— говорилъ нерѣдко преп. Паисій преп. Павлу. — „Буду слѣдовать твоему доброму совѣту, отче",— говорилъ на это св. Павелъ, — „дабы не впасть въ лѣность и надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ, по твоимъ молитвамъ, какъ слѣдуетъ окончить жизнь". Въ такихъ бесѣдахъ проживъ другъ у друга довольное время, оба преподобные расходились по своимъ мѣстамъ.

Доживъ до глубокой старости и проведя жизнь въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ, преп. Паисій скончался, отошедши душою въ небесныя обители на вѣчный покой. Множество иноковъ—его учениковъ, оплакавъ тѣло своего наставника, похоронили его въ честномъ мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени отошелъ изъ здѣшней жизни въ жизнь вѣчную и преп. Павелъ и былъ погребенъ въ своей пустынѣ. Такъ кончили жизнь два великіе подвижника египетскіе, вмѣстѣ подвизавшіеся и почти вмѣстѣ отошедшіе въ вѣчность. Тѣла ихъ недолго находились по смерти въ разлученіи между собою. Богу угодно было, чтобы и по смерти, какъ и при жизни, два великіе друга-подвижника были вмѣстѣ. — Преподобный Исидоръ, по прозванію Пелусіотъ, настоятель монастыря, находящагося въ Пелусійской пустынѣ, услышавъ о смерти преп.

Пансія, захотѣлъ имѣть мощи этого преподобнаго въ своемъ монастырѣ. Снарядивъ корабль, онъ поплылъ туда, гдѣ было погребено тѣло преп. Пансія и, пришедши въ монастырь, вынулъ изъ земли честныя мощи подвижника. Обвивъ ихъ пеленами и положивши въ раку, онъ внесъ ихъ на корабль и отправился въ обратный путь. Когда на обратномъ пути находились противъ той пустыни, гдѣ лежали мощи преп. Павла, корабль вдругъ безъ всякой причины сталъ поворачивать къ берегу. Два дня трудились матросы, чтобы заставить идти корабль впередъ, но, несмотря на всѣ усилія, онъ не шелъ. Тогда преп. Исидоръ приказалъ не управлять кораблемъ, чтобы онъ плылъ, куда хочетъ. Тогда корабль, управляемый невидимою рукою, поплылъ къ берегу и, дошедши до берега, остановился. Всѣ находящіеся на кораблѣ удивлялись такому явленію. Между тѣмъ къ берегу пришелъ инокъ изъ того монастыря, гдѣ было похоронено тѣло преп. Павла и сказалъ: „напрасно, добрые люди, заставляете идти корабль насильно, — развѣ вы не видите, что преп. Пансій зоветъ къ себѣ своего друга преп. Павла, потому что съ нимъ вмѣстѣ хочетъ идти въ вашу страну и съ нимъ вмѣстѣ быть положенъ". Услышавъ это, преп. Исидоръ поспѣшилъ исполнить волю преп. Пансія. Вышедши изъ корабля вмѣстѣ съ находящимися въ немъ, Исидоръ, по указанію инока Іереміи, достигъ въ глубинѣ пустыни того мѣста, гдѣ было положено тѣло преп. Павла. Взявши это драгоцѣнное сокровище, онъ принесъ на корабль и положилъ вмѣстѣ съ мощами пр. Пансія. Тотъ-часъ же корабль безъ всякаго управленія пошелъ обратно отъ берега и съ величайшею быстротою поплылъ въ Пелусійскую страну. Преп. Исидоръ, вынесши мощи преп. Пансія и Павла изъ корабля, внесъ

ихъ въ новоустроенную церковь и положилъ въ богатыхъ ракахъ. Отъ мощей въ скоромъ времени начали совершаться многія чудеса; сюда приходили одержимые бѣсами и больные другими многими недугами, и всѣ получали исцѣленіе лишь только прикасались къ честнымъ ракамъ.—Житіе преп. Паисія написано преп. Іоанномъ Коловымъ, который въ самомъ житіи представляется неоднократно въ близкихъ сношеніяхъ съ преп. Паисіемъ. Сначала жилъ съ нимъ въ одной пустынѣ, потомъ, разлучившись, посѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ жилъ послѣ чудеснаго возстанія 7 отроковъ въ Ефесѣ въ царствованіе Ѳеодосія младшаго (408—450), о чемъ упоминаетъ мимоходомъ въ самомъ житіи. (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Восток. Арх. Сергія т. 2-й. Зам. стр. 172).

Преп. *Зинонъ* жилъ въ 4-мъ вѣкѣ и былъ ученикомъ Силвана въ Египтѣ.

Священномученикъ *Асинкритъ* былъ усѣченъ сѣкирою. Соборъ его въ придѣлѣ муч. Исидора въ храмѣ Ирины приморскія. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II стр. 163).

ПРЕПОДОБНАГО ВАРЛААМА ШЕНКУРСКАГО.

Преподобный Варлаамъ былъ въ мірѣ лицемъ весьма значительнымъ. Это былъ новгородскій посадникъ Василій Степановичъ Своеземцевъ, человѣкъ весьма богатый и уважаемый великими князьями. Древній повѣствователь пишетъ о немъ: „посадникъ Василій по наслѣдству владѣлъ Заволочьемъ; рѣка Вага со всѣми ея окрестностями была въ его владѣніи. Эти земли пріобрѣлъ дѣдъ его—Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ. Онъ, будучи въ 1315 году новгородскимъ посадникомъ, положилъ первое начало мирнаго и промышленнаго заселенія

важскаго края русскими поселенцами и особенно заботился объ утвержденіи власти новгородской надъ Заволочьемъ. Недовольные строгимъ его правленіемъ, чудскіе князьки или старшины—Азисъ Фаритонецъ (Харатонъ), Рода (Иродіонъ) и Игнатецъ (Игнатій)—жаловались на него въ Новгородѣ князю Афанасію Даниловичу, брату Іоанна Калиты, и посадникамъ, но послѣ примирились съ нимъ и продали ему огромное количество земли за 20 тысячъ бѣлокъ и 10 новгородскихъ рублей. Такимъ образомъ возникла на Вагѣ „боярщина" Васильевская, или владѣніе боярина Василія. Тогда попеченіями Василія Матвѣевича, которому помогалъ сынъ его Степанъ Васильевичъ, впервые въ томъ краѣ заведено хлѣбопашество и обширное скотоводство. Василій Степановичъ Своеземцевъ, внукъ перваго основателя русскаго хозяйства на Вагѣ, болѣе, чѣмъ отецъ и дѣдъ, употреблялъ огромныя средства свои для пользы дикой страны. Живя самъ въ Новгородѣ, онъ посылалъ въ Заволочье управителей; а по временамъ и самъ бывалъ на Вагѣ, для личныхъ распоряженій и для надзора за управленіемъ довѣренныхъ. Онъ любилъ Вагу, какъ мѣсто, гдѣ провелъ первые годы молодости. По этой любви построилъ онъ въ Заволочьѣ городокъ и назвалъ его „Пинежскимъ городкомъ", какъ построенный надъ р. Пинежкой. По словамъ жизнеописателя, „Василій Степановичъ былъ человѣкъ добродѣтельный и богобоязненный; начальствовалъ въ Новгородѣ честно и праведно и ненавидѣлъ все злое". Онъ никогда не хотѣлъ воспользоваться чужимъ, хотя и могъ бы дѣлать это безнаказанно, какъ самый богатый и самый сильный человѣкъ, — черта характера весьма замѣчательная въ то время, когда произволъ сильнаго попиралъ всякое право! Онъ вѣрно и усердно слу-

жилъ своей родинѣ—Великому Новгороду; въ 1446 году онъ былъ тамъ Посадникомъ и вмѣстѣ съ воеводою Михаиломъ Яковлевичемъ предводительствовалъ новгородскимъ войскомъ въ Югорской странѣ, гдѣ едва не погибъ отъ коварства остяковъ и вогуловъ. Въ томъ же году онъ являлся посломъ къ похитителю великаго княженія—Шемякѣ, для заключенія съ нимъ договора отъ имени Новгорода. Въ 1456 году, уже по смерти Шемяки, вмѣстѣ съ владыкою—св. Евфиміемъ испросилъ миръ у законнаго в. князя Василія Темнаго, прогнѣваннаго своеволіемъ новгородцевъ, которые давали прибѣжище Шемякѣ и другимъ врагамъ его, удерживали княжескія пошлины, называли приговоры своего вѣча верховнымъ законодательствомъ и вообще держались того правила, что уступчивость благоразумна только въ случаѣ крайности. Смиривъ крамольниковъ войною, в. князь по просьбѣ владыки и посадника, согласился даровать миръ Новгороду.

Это была послѣдняя служба Василія Степановича Великому—Новгороду. Онъ давно уже тяготился многими неправдами и клятвопреступленіями своихъ соотечественниковъ. До тѣхъ поръ онъ жилъ по большой части въ Новгородѣ и рѣдко посѣщалъ Вагу. Обширныя владѣнія его управлялись здѣсь довѣренными управителями. Заключивъ мирный договоръ съ вл. княземъ послѣ неудачной войны, едва не сокрушившей самобытность Новгорода, Василій Степановичъ не хотѣлъ уже быть не только участникомъ, но и свидѣтелемъ новыхъ мятежей и вѣроломствъ необузданной вольницы и переселился на Вагу. Здѣсь онъ употреблялъ много усилій и средствъ для просвѣщенія христіанствомъ жителей Заволочья, большая часть которыхъ коснѣла еще въ язычествѣ. Въ

разныхъ мѣстахъ своей „боярщины“ онъ построилъ нѣсколько храмовъ, изъ которыхъ извѣстны: Рождества Христова на Химаневѣ, Рождества Богородицы на Устъ-Юхѣ и Рождества Іоанна Предтечи на р. Ледѣ. Храмы онъ снабдилъ иконами, книгами и утварью. Вскорѣ, по переселеніи на Вагу, онъ основалъ иноческую обитель въ честь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Списатель житія повѣствуетъ объ этомъ такъ: „бояринъ Василій имѣлъ обычай проводить въ молитвѣ ночи предъ праздниками. Наканунѣ праздника Богослова, онъ, молясь ночью, внезапно услышалъ звонъ на западной сторонѣ своего жилища и положилъ обѣтъ построить монастырь. На утро онъ занялся выборомъ мѣста. Два мѣста понравились ему на берегу р. Ваги: восточный берегъ, болѣе высокій, казался ему лучше лѣваго, но онъ, не довѣряя себѣ, хотѣлъ узнать волю Божію; три раза бросалъ жребій, и каждый разъ выходилъ жребій западнаго берега. Тогда Василій Степановичъ сказалъ рабамъ своимъ: „восточное мѣсто – твердое, а западное – не такъ крѣпко, однако люди будутъ жить здѣсь; западная сторона имъ понравится, хотя и много будетъ хлопотъ отъ наводненій“. Обитель была поставлена на указанномъ мѣстѣ и въ ней сооружены два храма—Іоанна Богослова и Трехъ Святителей вселенскихъ“.

Основатель монастыря щедро надѣлилъ его землями, но самъ оставался міряниномъ и жилъ по прежнему въ своемъ пенежскомъ городкѣ. Исполняя заповѣди Спасителя, „онъ былъ питателемъ сиротъ, одеждою нагимъ, врачемъ болящихъ; въ домѣ его всѣ странники находили успокоеніе“.

Не задолго до конца общеполезной жизни, приготовивъ душу къ подвигамъ самоотреченія дѣлами благо-

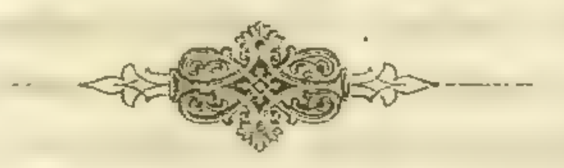
творительности, постомъ и молитвою, Василій Степановичъ принялъ иноческое постриженіе въ Богословской своей обители съ именемъ Варлаама, оставивъ жену и дѣтей и передавъ имъ все свое богатство. Здѣсь отложилъ онъ свою знатность мірскую и, не смотря на глубокую старость, старался исполнить всѣ монастырскія послушанія и служилъ братіи, какъ послѣдній слуга, подвизаясь въ смиреніи и непрестанной молитвѣ, работая Господу со страхомъ и любовію. Блаженный Варлаамъ преставился 19 іюня 1426 года. Тѣло его было погребено въ основанной имъ обители, по смиренному завѣщанію праведника,—внѣ храма.

Въ 1552 году случился сильный разливъ р. Ваги. Берегъ, на которомъ стоялъ Богословскій монастырь, и прежде неоднократно подмываемый, теперь былъ оторванъ такъ, что самый храмъ едва уцѣлѣлъ. Тогда открылось много гробовъ и въ томъ числѣ гробъ блаженнаго Варлаама; мощи его оказались совершенно нетлѣнными, даже одежды были цѣлы и крѣпки. Тогда игуменъ Герасимъ съ братіею перенесли гробъ блаженнаго и положили въ новомъ храмѣ.

Вскорѣ Господь прославилъ угодника Своего многими явленіями и чудесами. Въ 1557 г. былъ сильный голодъ во всей странѣ Заволочской. Игуменъ Богословскаго монастыря Паисій и братія, страшась скудности, положили не раздавать хлѣба бѣднымъ, хотя прежде, по завѣщанію блаженнаго Варлаама, въ день кончины его каждый годъ кормили всѣхъ бѣдныхъ, сколько бы ни приходило ихъ, и еще надѣляли ихъ зерновымъ хлѣбомъ. Блаженный Варлаамъ, питатель бѣдныхъ при своей жизни, явился кормителемъ ихъ и по смерти. Предъ праздникомъ послѣ утрени игуменъ и братія, по обыкновенію, заснули.

Сперва Паисію потомъ старшимъ изъ братіи является Варлаамъ съ жезломъ въ рукѣ, съ длинною, бѣлою бородою, какъ пишется онъ на иконѣ, и говоритъ строгимъ голосомъ: „вы составили нечестивый совѣтъ, не хотите давать милостыню нищимъ, затворяете житницы мои для бѣдности. Ужели не понимаете, что затворяете себѣ царствіе небесное? Знайте, что это мѣсто разорится въ конецъ за такія дѣла ваши. Приказываю вамъ завтра—въ день памяти моей непремѣнно кормить всѣхъ бѣдныхъ, и раздайте имъ милостыню, чтобы простилъ вамъ Богъ дерзость вашу". Вслѣдъ за этимъ явленіемъ древній повѣствователь описываетъ исцѣленія весьма многихъ больныхъ лихорадкою, слѣпыхъ, разслабленныхъ и бѣсноватыхъ.

Мощи преп. Варлаама были свидѣтельствованы въ 1630 году новгородскимъ митрополитомъ Кипріаномъ. Тогда же написана служба, и устроенъ во имя его придѣльный храмъ. Нынѣ мощи важскаго подвижника почиваютъ въ приходской Богословской церкви. Въ день преставленія его—19 іюня—бываетъ крестный ходъ въ эту церковь изъ г. Шенкурска. (Ист. рос. іер. т. III, 393. Рус. Свят.—Филарета, арх. черн. Душеп. Чтен. 1868 г. ч. III, 1—9).



20-е число.

Святаго священномученика Меѳодія, епископа патарскаго.—Свв мучениковъ: Аристоклія пресвитера, Димитріана діакона и Аѳанасія чтеца. Свв. мученицъ: Инны, Пинны и Риммы —Святаго Левкія, епископа врунтисіопольскаго.

(Преложеніе мощей и одеждъ свв. апп. Луки, Андрея, Ѳомы, пророка Елисея, муч. Лазаря.—Каллиста, патр. константинопольскаго. Двухъ подвижниковъ въ пустынѣ. — Святаго благовѣрнаго князя Глѣба Андреевича — Святаго Наума, ученика Константина и Меѳодія. — Моденскія или Косинскія иконы Богоматери).

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕѲОДІЯ, ЕП. ПАТАРСКАГО.

Святый Меѳодій съ молоду отличался любовью къ Богу и Его церкви. Достигши совершеннолѣтія, онъ вступилъ въ клиръ церковный и чрезъ нѣсколько времени былъ рукоположенъ въ епископа патарскаго, что въ Ликіи, а потомъ, какъ думаютъ другіе, былъ пастыремъ Олимпа. Но вѣрнѣе всего,—онъ завѣдывалъ въ одно и тоже время церквами обоихъ этихъ городовъ. Что Меѳодій въ одно и тоже время завѣдывалъ церквами

Олимпа и Патаръ, раздѣленными Мирскою церковію, — это не безпримѣрно во время гоненій; а собственныя сочиненія его довольно ясно говорятъ, что блаженный пастырь, дѣйствительно, ходилъ изъ Олимпа въ Патары для посѣщенія братіи. Въ то время шли споры по поводу ученія Оригена о предсуществованіи душъ и о злыхъ духахъ, и многіе увлекались этимъ ученіемъ. Меѳодій, какъ истинный пастырь словеснаго стада, притомъ какъ человѣкъ ученый, старался противодѣйствовать увлеченію ученіемъ Оригена. Онъ старался и на словахъ — посредствомъ поученій обличать заблужденіе, писалъ противъ Оригена и сочиненія. Но ревностное его поборничество за истину не обходилось ему безъ огорченій. По собственнымъ словамъ Меѳодія видно, что сочиненія его — праздникъ дѣвъ и о воскресеніи — наносили ему непріятности; но какъ и чрезъ кого это было, неизвѣстно. Но этого мало: стояніе Меѳодія за истину привело къ тому, что онъ, по любви къ Богу и для назиданія пасомыхъ, запечатлѣлъ вѣру свою мученическимъ подвигомъ. Ревнители язычества, которыхъ тогда было еще много, схватили святаго пастыря и осудили его на смерть: онъ былъ усѣченъ мечемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ древніе, хотя и не опредѣляютъ съ точностью время мученической его смерти. Бл. Іеронимъ пишетъ: „онъ (Меѳодій) увѣнчался мученичествомъ въ концѣ послѣдняго (Діоклитіанова) гоненія, или, какъ другіе утверждаютъ, при Декіѣ и Валеріанѣ". Вѣрнѣе согласиться съ тѣмъ, что св. Меѳодій пострадалъ при Діоклитіанѣ: во время этого гоненія церковь тирская (она же и патарская), какъ извѣстно, прославилась твердостью своихъ мучениковъ (Евсевія—церк. истор. кн. 8, глав. 7.). Безъ сомнѣнія, въ этой твердости мучениковъ много значила

твердость пастыря патарской церкви—св. Меѳодія. Мѣстомъ мученическаго подвига его была Халкида восточная, и, по всей вѣроятности, переселился онъ на небо не ранѣе 312 года.

„Меѳодій,—пишетъ бл. Іеронимъ,—съ блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ написалъ нѣсколько книгъ противъ Порфирія, также пиръ десяти дѣвъ, превосходное сочиненіе противъ Оригена о воскресеніи, противъ него же о Пиѳониссѣ и о свободномъ произволѣ". Сочиненія Меѳодія, дѣйствительно, отличаются блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ. Онъ, какъ видно по его сочиненіямъ, получилъ обширное греческое образованіе и былъ знакомъ съ сочиненіями философа Платона. Св. Анастасій синаитъ называетъ св. Меѳодія „богатымъ мудростью", довольно точно этимъ выражая духъ сочиненій Меѳодія.

Ученая дѣятельность св. Меѳодія относилась: а) къ защищенію вѣры противъ язычества, б) къ изложенію догматовъ вѣры, в) къ нравственному ученію и г) къ объясненію Писанія.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ сочиненія догматико-полемическія и нравственныя.—Догматико-полемическое сочиненіе о свободномъ произволеніи по содержанію дѣлится на двѣ части: въ первой опровергается мнѣніе еретиковъ валентіанъ,—что матерія есть начало зла, совѣчное Богу; во второй показывается, что зло есть дѣло свободной воли сотворенной. Самая замѣчательная часть сочиненія есть изложеніе ученія о свободѣ. „Если бы человѣкъ, говоритъ св. Меѳодій, былъ сотворенъ чѣмъ-то состоящимъ изъ веществъ, безчувственно служащихъ Богу,—то не получилъ бы награды достойной произволенія, а былъ бы орудіемъ виновника своего, нестоющимъ и наказанія за зло. Человѣкъ не узнавалъ бы

и лучшаго, а зналъ бы только бытіе. Потому Богъ, желая почтить человѣка и содѣлать способнымъ узнавать лучшее, далъ ему власть, по которой онъ можетъ дѣлать, что хочетъ, и его способность наклоняетъ къ лучшему не съ тѣмъ, чтобы опять отнять свободу, но какъ отецъ убѣждаетъ сына учиться наукамъ.... Человѣкъ созданъ свободнымъ, это не значитъ, что какое либо зло уже существовало, для избранія коего будто получилъ онъ способность; но ему дана способность, которою онъ можетъ повиноваться или не повиноваться Богу, - въ этомъ состоитъ произволъ свободы. Созданный человѣкъ получаетъ отъ Бога заповѣдь, и зло начинается съ того, что онъ уже не повинуется Божественной заповѣди; вотъ въ чемъ одномъ и состоитъ зло—въ неповиновеніи, которое самъ началъ. Нельзя назвать неповиновеніе прирожденнымъ, потому что оно совершается тѣмъ, кто рожденъ и сотворенъ". Допуская, что возможность зла — въ свободѣ человѣка, св. Меѳодій говоритъ, что обнаруженіе зла совершалось по возбужденію сторонняго злаго духа. При томъ онъ рѣшаетъ вопросъ: „въ заповѣди данной Адаму не дана ли Богомъ діаволу возможность погубить человѣка?" Нельзя обвинять врача, который указываетъ на средства для поддержанія жизни, хотя бы тайная злость воспользовалась указаннымъ средствомъ ко вреду человѣка. Если Богъ зналъ, что діаволъ сдѣлается злымъ,—почему сотворилъ его, или не истребилъ тогда, какъ обольстилъ онъ человѣка? Богъ, какъ всемогущій, могъ уничтожить діавола, но оставилъ его съ тѣмъ, чтобы люди борьбою съ зломъ унижали виновника зла и прославляли Творца міра. Для чего созданъ міръ? Мы не въ состояніи знать намѣренія и подобнаго намъ человѣка, тѣмъ болѣе тайнъ Божіихъ. Но кое-что можемъ

знать и о цѣляхъ міра. Созданіемъ міра Богъ открылъ славу Свою, и человѣкъ наслаждается созерцаніемъ сей славы. Потому человѣкъ обязанъ быть провозвѣстникомъ славы Божіей.

Сочиненіе св. Мееодія о *воскресеніи* состоитъ изъ трехъ словъ,—гдѣ о предметѣ спорятъ Мееодій и Авксентій съ одной стороны, Проклъ и Аглаофантъ—съ другой. Содержаніе Мееодіева ученія такое: въ составѣ человѣка, по плану Творца, тѣло есть не темница души, какъ напротивъ думалъ Оригенъ, а существенная часть; по плану Творца, тѣло создано безсмертнымъ, а смерть явилась вслѣдствіе грѣха. Дѣло Божіе должно возстановиться въ своемъ видѣ. Смерть попускается съ тѣмъ, чтобы—съ одной стороны разрушеніемъ тѣлеснаго состава совсѣмъ изгладить грѣхъ въ тѣлѣ, который иначе живетъ до гроба и въ лучшемъ христіанинѣ; съ другой—преобразованьемъ испорченнаго состава исцѣлить въ немъ язвы грѣха. Такимъ образомъ, первоначальное тѣло не должно уничтожаться, это было бы противно мысли о Богѣ и человѣкѣ,—оно только преобразится. Точно такая же перемѣна произойдетъ и со всѣмъ міромъ: онъ не уничтожится при кончинѣ вѣка, а преобразится.

Изъ нравственныхъ сочиненій св. Мееодія болѣе замѣчательное есть *праздникъ дѣвъ* съ разсужденіемъ о дѣвствѣ. Св. Мееодій говоритъ, что установленіемъ дѣвства не отвергается бракъ: бракъ установленъ Богомъ. Тѣмъ не менѣе дѣвство выше брака. Отношеніе дѣвства и брака къ воплощенію Христову и къ церкви показываетъ достоинства того и другаго. Дѣвство освящено жизнію Господа Іисуса, и тогда какъ бракъ позволенъ апостоломъ, какъ мѣра укротительная противъ плоти, дѣвство—состояніе перваго человѣка, возвышеніе всего орга-

низма человѣческаго на степень жизни духовной, торжество надъ матеріальной жизнію и лучшій даръ Господу. Послѣднія два слова показываютъ средства къ сохраненію дѣвственной чистоты: это—чтеніе Писанія, воздержаніе, смиреніе, трудолюбіе и уединіе. (Прологъ. Учен. объ отц. церк. т. I, 167—175—Филарета, арх. черн).

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ АРИСТОКЛІЯ ПРЕСВИТЕРА, ДИМИТРІАНА ДІАКОНА И ЧТЕЦА АФАНАСІЯ.

Святый мученикъ Аристоклій былъ родомъ кипрянинъ, священникъ въ соборномъ храмѣ города Тамасы. Во время гоненія на христіанъ, бывшаго при Максиміанѣ, соправителѣ Діоклитіана, убоявшись ужасовъ гоненія, удалился въ пустыню и тамъ скрывался въ пещерѣ одной горы. Однажды, во время молитвы, внезапно освѣтилъ его необыкновенный свѣтъ, и онъ услышалъ гласъ съ неба, повелѣвающій ему идти въ г. Саламинъ, что на островѣ Кипрѣ, и тамъ пострадать за вѣру во Христа. Оставивъ свое убѣжище, онъ безбоязненно отправился на славный подвигъ мученичества и исповѣдничества. По дорогѣ онъ зашелъ въ храмъ св. апостола Варнавы и тамъ нашелъ Димитріана діакона и Афанасія чтеца. Въ бесѣдѣ съ ними, онъ разсказалъ имъ о причинѣ своего путешествія въ г. Саламинъ, а равно также и о бывшемъ ему видѣніи. Выслушавъ разсказъ Аристоклія, Димитріанъ и Афанасій пожелали отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Пришедши въ Саламинъ, они стали на высокой городской площади и начали прославлять Іисуса Христа и, проповѣдуя христіанство, укоряли языческихъ идоловъ. За это ихъ схватили и привели къ

начальнику города; онъ, узнавъ, что они христіане и видя твердое ихъ исповѣданіе христіанства, приказалъ св. Аристоклія умертвить посредствомъ усѣченія мечемъ, а свв. Димитріана и Афанасія, послѣ долгихъ и многихъ мученій, сжечь. Когда же и послѣ жженія, святые остались живы и невредимы, правитель осудилъ ихъ на усѣченіе мечемъ. Это было около 306 года. (Прологъ. Четьи-Минеи).

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЪ: ИННЫ, ПИННЫ И РИММЫ.

Въ настоящій день воспоминается перенесеніе святыхъ мощей ихъ. Эти святыя пострадали въ Готіи, мощи ихъ въ послѣдствіи времени перенесены были въ приморское мѣстечко Аликсъ. Объ этомъ такъ говорится: „спустя 7 лѣтъ послѣ своего мученія святыя, явившись епископу (Годдѣ), повелѣли перенести тѣла ихъ въ мѣсто называемое Аликсъ, въ сухое пристанище“. Вотъ это-то перенесеніе и воспоминается 20 іюня. Время же ихъ кончины, вѣроятно, было 20 января, въ каковый день онѣ находятся въ мѣсяцесловѣ Василія и позднѣйшихъ памятникахъ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 172—173).

СВЯТАГО ЛЕВКІЯ, ЕПИСКОПА ВРУНТИСІОПОЛЬСКАГО.

Въ 5-мъ вѣкѣ въ Александріи жилъ одинъ человѣкъ, по имени Евдикій,—человѣкъ хотя и не ученый, но благочестивый, цѣломудренный, проводившій жизнь въ постѣ, молитвѣ и дѣлахъ благотворительности. У него былъ

единственный сынъ — Левкій, который при рожденіи былъ названъ Евтропіемъ. Когда мальчику исполнилось 10 лѣтъ, у него умерла мать—Евфросинія. По смерти своей жены, Евдикій, взявши сына, удалился въ монастырь св. Ермія. Здѣсь, по просьбѣ его, игуменъ Никита постригъ его въ монахи. Сына же своего Евтропія Евдикій здѣсь же въ монастырѣ отдалъ учиться. Евтропій былъ мальчикъ весьма способный и прилежный къ ученію, отличался остроуміемъ и понятливостью, такъ что вскорѣ опередилъ многихъ изъ своихъ товарищей. Будучи кротокъ, послушливъ и всѣмъ услужливъ, онъ былъ любимъ всѣми въ монастырѣ. Когда Евтропію исполнилось 18 лѣтъ, умеръ игуменъ Никита. Братія монастырская, посовѣтовавшись между собою, просила молодаго Евтропія постричься въ монахи и быть настоятелемъ монастыря. Но Евтропій отвергъ просьбу иноковъ; къ тому же и отецъ его Евдикій совѣтывалъ ему не брать на себя бремя, котораго онъ еще не испыталъ,—совѣтывалъ не принимать начальства, но самому, по своей молодости, требовать руководства. Вслѣдствіе этого монастырь св. Ермія 7 лѣтъ оставался безъ настоятеля, такъ какъ братія никого не хотѣла имѣть настоятелемъ, кромѣ Евтропія. И хотя онъ не былъ монахомъ, а тѣмъ болѣе игуменомъ, однако монахи въ своей жизни старались подражать ему. Когда Евтропію исполнилось 25 лѣтъ, братія монастыря опять стала говорить: „зачѣмъ презираешь нашу нужду и просьбу и почему не хочешь быть настоятелемъ? Вотъ уже прошло 7 лѣтъ, какъ мы не имѣемъ настоятеля, и всякій живетъ такъ, какъ хочетъ. Смотри, не сдѣлайся повиненъ въ нашей бѣдѣ, когда какой-либо волкъ, пришедши, распугаетъ наше стадо; а мы кромѣ тебя никого не хотимъ видѣть сво-

имъ настоятелемъ, такъ какъ ты мудръ и ведешь святую и богоугодную жизнь". На это Евтропій сказалъ: „честные отцы и братія! зачѣмъ предлагаете мнѣ то, чего я не могу сдѣлать? Не будучи постриженъ и не имѣя никакого церковнаго чина, какой я буду наставникъ, а не имѣя власти, какъ я буду поучать васъ въ церкви, и будучи молодъ, какъ я могу поучать старыхъ!?" Монахи принуждали его къ постриженію и принятію священства, но Евтропій, хотя и желалъ принять на себя ангельскій чинъ, - не постригался въ монахи, боясь, какъ бы не принудили его принять званіе игумена.

Въ то время, по указу римскаго императора Коммода, прибылъ въ Александрію въ качествѣ правителя нѣкто Филиппъ, — у котораго была дочь Евгенія, принявшая потомъ христіанство и мученически скончавшаяся. Этотъ Филиппъ, по вѣрѣ хотя былъ и язычникъ, но къ христіанамъ относился благосклонно. Онъ, удаливши изъ города, по повелѣнію царя, христіанъ, ихъ епископовъ, священниковъ и иноковъ, позволилъ имъ безпрепятственно имѣть храмы и монастыри въ предмѣстьи города. Епископомъ Александріи въ это время былъ св. Елій, жившій не далеко отъ Александріи, въ городѣ Еліополѣ, — у него былъ въ Александріи свой монастырь, управляемый игуменомъ Ѳеодоромъ. Въ Александріи въ то время былъ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, въ дни празднованія Которой въ этотъ храмъ приходило на поклоненіе множество народа не только изъ самой Александріи, но и изъ окрестныхъ городовъ и мѣстечекъ. Наступилъ праздникъ Успенія Богоматери, и множество народа отовсюду шло въ Александрію въ храмъ Богородицы на поклоненіе. Отправился изъ монастыря на богомолье и Евдикій съ сыномъ. Случилось, что въ тотъ

же день и епископъ Елій шелъ на праздникъ въ Александрію съ своимъ клиромъ, сопутствуемый множествомъ народа. Евдикій и Евтропій также присоединились къ народу и пошли вмѣстѣ съ нимъ. Такъ какъ до праздника оставалось еще нѣсколько дней, то еп. Елій захотѣлъ провести это время въ своемъ монастырѣ. Евтропій, будучи знакомъ епископу, какъ человѣкъ святой жизни и разумный, былъ приглашенъ вмѣстѣ съ отцемъ также въ монастырь. Здѣсь—въ монастырѣ—однажды, ночью, въ сонномъ видѣніи было открыто Евдикію, что онъ скоро умретъ, а сынъ его Евтропій будетъ епископомъ въ италійскомъ языческомъ городѣ Врунтисіополѣ. Въ то же время онъ услышалъ гласъ съ неба: „Евдикій, Евдикій, вѣрный рабъ Божій, отнынѣ ты будешь называться Евдикліемъ, т. е. кроткимъ утѣшителемъ, а сынъ твой будетъ носить имя не Евтропій, но Левкій, такъ какъ сошелъ на него Духъ Божій". Проснувшись, Евдикій призвалъ сына и разсказалъ ему о бывшемъ ему во снѣ откровеніи. Выслушавъ разсказъ отца, Левкій—онъ же и Евтропій—преклонилъ колѣна и воздалъ благодареніе Богу. Во время его молитвы, былъ услышанъ надъ церковью гласъ съ неба: „Левкій, Левкій! чистѣйшій душею и непорочный сердцемъ, имя твое написано на небѣ, и память твоя не сотрется изъ книги жизни!" Этотъ гласъ былъ слышанъ и еп. Елію и другимъ инокамъ, молившимся въ эту ночь.

На утро пришли къ епископу монахи изъ Ерміева монастыря и просили епископа поставить имъ въ игумены Евтропія, какъ такого человѣка, съ которымъ въ подвигахъ послушанія, въ постѣ, молитвѣ, чтеніи книгъ и добрыхъ дѣлахъ никто не можетъ сравниться. На это еп. Елій сказалъ имъ: „я и самъ о томъ же думалъ, о

чѣмъ вы нынче просите меня, но подождите немного, нужно уговорить Евтропія". Во время обѣдни, онъ повелѣлъ архидіакону съ амвона провозгласить къ народу: „кто изъ присутствующихъ здѣсь называется Левкіемъ?" Когда архидіаконъ дважды возгласилъ это, и никто не отзывался, такъ какъ никто не носилъ такого имени, то св. Левкій, видя, что кромѣ него нѣтъ никакого другаго Левкія, сказалъ: „я - Левкій!" Но народъ съ удивленіемъ говорилъ ему: „ты — Евтропій, сынъ Евдикія, а не Левкій". „Спросите моего отца; онъ вамъ лучше скажетъ относительно моего имени",—отвѣчалъ Левкій. Когда привели Евдикія—девяностосемилѣтняго старца и спросили объ имени его сына, онъ,—видя что тайна Божія должна открыться, — разсказалъ все, что было открыто ему во снѣ относительно его самаго и сына. Всѣ слышавшіе воздали благодарность Богу и привѣтствовали Левкія. Послѣ этого епископъ началъ увѣщавать его, чтобы онъ принялъ санъ священства и званіе игумена, и когда Левкій отказывался, то народъ закричалъ: „не только достоинъ Левкій священства и игуменства, но даже и епископства!" Вслѣдствіе этого онъ былъ рукоположенъ въ священника и сдѣланъ настоятелемъ Ермієва монастыря.

Сдѣлавшись игуменомъ, св. Левкій сталъ еще болѣе благоугождать Богу, за что и сподобился отъ Него принять даръ чудотвореній. Однажды привели къ св. Левкію эфіоплянина, готовившагося принять крещеніе, но одержимаго бѣсомъ. Святой, видя страданіе бѣсноватаго, сказалъ злому духу: „перестань мучить человѣка, духъ нечистый;"—бѣсъ, испугавшись, началъ рыдать и вопить: „если я изыду изъ этого, то куда же пойду,—такъ какъ я не имѣю кромѣ этого лучшаго дома". Но св. Левкій

опять сказалъ: „тебѣ говорю, выйди и не смѣй болѣе мучить его, ступай лучше въ тѣхъ, которые не вѣруютъ въ Господа Іисуса и не поклоняются Его животворящему Кресту". Послѣ этого, діаволъ, сильно закричавши и поваливши на землю человѣка, вышелъ изъ устъ эфіоплянина на подобіе черной птицы. Выходя же онъ сказалъ: „за что, рабъ Божій Левкій, выгналъ меня изъ моего жилища? Вѣдь я нарочно не вошелъ въ человѣка бѣлаго лицемъ, но избралъ себѣ жилищемъ чернолицаго и непріятнаго на видъ Эфіопа, надѣясь, что никто не выгонитъ меня отсюда!" Но святой, прогнавъ бѣса крестнымъ знаменіемъ, поднялъ эфіоплянина съ земли, и, крестивъ его, сдѣлалъ здоровымъ. Діаволъ же, вышедъ изъ эфіоплянина, превратился въ громаднаго змія и, вошедши въ городъ, сталъ убивать съ величайшею яростью всѣхъ встрѣчающихся ему—евреевъ и грековъ, какъ мужчинъ и женщинъ, такъ и дѣтей. Провидя духомъ діавольскую злобу, св. Левкій поспѣшилъ въ городъ; между тѣмъ какъ діаволъ, ощутивъ приближеніе святаго, вергся въ море. Взошедши въ городъ и видя множество плачущихъ по мертвецамъ, св. Левкій спросилъ о причинѣ ихъ скорби и, узнавъ о яростномъ нападеніи змія, приказалъ принести воды. Освятивъ ее и окропивъ ею мертвецовъ, сказалъ имъ: „именемъ Господа Саваоѳа встаньте: вы не умерли, но повреждены ядомъ діавольскимъ, и сами собою не можете освободиться отъ его силы,—поэтому встаньте силою Бога моего и воздавайте славу вашему Творцу". Говоря это, святой касался каждаго изъ мертвецовъ, находящимся въ его рукѣ жезломъ. Всѣ мертвые вставали какъ бы отъ сна и, хватаясь за ноги святаго, спрашивали: „кто есть Богъ, которому нужно поклоняться,—неужели Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Кото-

раго ты, Левкій, проповѣдуешь?“ Вслѣдствіе такого чуда, всѣ воскресшіе, а также и изъ живыхъ до 3-хъ тысячъ увѣровали въ Іисуса Христа и крестились.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, правитель Александріи Филиппъ, вслѣдствіе увѣщаній своей дочери Евгеніи, перешелъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ христіанство, и чрезъ нѣсколько времени, отказавшись отъ должности правителя, сдѣлался епископомъ александрійскимъ. Когда онъ страдальчески окончилъ жизнь, то на его мѣсто былъ избранъ единодушно св. Левкій. Въ это время тогдашній правитель Александріи вздумалъ преслѣдовать христіанъ, и прежде всѣхъ рѣшилъ погубилъ св. епископа Левкія за ревностное обращеніе имъ язычниковъ въ христіанство. Между тѣмъ александрійскіе христіане, узнавъ о таковомъ зломъ замыслѣ правителя, рѣшились сами убить его. Епископъ Левкій, узнавши объ этомъ, сталъ увѣщавать христіанъ, чтобы они не производили никакого мятежа. Въ то же время онъ сообщилъ имъ, что Господь, явившись ему въ видѣніи, повелѣлъ идти ему въ Врунтисіополь, а для александрійскихъ христіанъ поставить другаго епископа. Христіане сильно скорбѣли и просили св. Левкія не оставлять ихъ. Но Левкій отказался, указывая на то, что еще въ юности онъ былъ избранъ Богомъ въ епископы для города Врунтисіополя, съ цѣлію обратить тамошнихъ язычниковъ въ христіанство. „О Сатуринѣ же—правителѣ знайте, что задуманное имъ преслѣдованіе христіанъ не удастся, такъ какъ онъ скоро умретъ: упадетъ домъ, въ которомъ онъ живетъ, и истребитъ все его семейство“. Послѣ этого, избравъ достойнаго человѣка, поставилъ его на свое мѣсто епископомъ, самъ же вмѣстѣ съ двумя діаконами — Евсевіемъ и Діонисіемъ и еще съ пятью христіанами

рѣшился отправиться въ Врунтисіополь. Когда громадная толпа народа, тысячъ до 5-ти, провожала св. Левкія на корабельную пристань и плакала, св. пастырь и самъ возскорбѣлъ духомъ и, плача, молилъ Бога не разлучать его съ любимою паствою. Но во время его молитвы, вслухъ всѣхъ былъ гласъ съ неба: „Левкій, не пренебрегай повелѣніи Господнихъ, но взойди въ корабль и плыви,—куда тебѣ велѣно". Обратясь къ народу, Левкій сказалъ: „слышите, братія, волю Божію, и такъ знайте, что я не по своей волѣ ухожу отъ васъ". Послѣ этого, простившись со всѣми, отплылъ въ Врунтисіополь. Въ Александріи же по слову святаго разрушился домъ правителя и убилъ всѣхъ, находящихся внутри его.

Чрезъ 15 дней плаванія св. Левкій прибылъ въ Адріанополь, что въ древнемъ Эпирѣ, отсюда чрезъ нѣсколько времени въ сопровожденіи двухъ священниковъ—Леона и Савина, пожелавшихъ отправиться съ святымъ, св. Левкій на кораблѣ далматскомъ чрезъ городъ Гидрунтъ прибылъ въ Врунтисіополь. Когда онъ проходилъ съ своими спутниками по городу, имъ встрѣтился военный начальникъ Армалеонъ, шедшій съ солдатами. Св. Левкій спросилъ одного изъ нихъ: „какъ звать здѣшняго правителя?" — „Неужели вы никогда не слыхали о могущественномъ Антіохѣ, правителѣ этой страны?" — отвѣчалъ солдатъ съ удивленіемъ.—„А какую вѣру исповѣдуетъ вашъ правитель?" спросилъ далѣе св. Левкій. Начальникъ и солдаты, услышавъ такой вопросъ, разсмѣялись и сказали: — „развѣ есть какой иной богъ, кромѣ солнца и луны, просвѣщающихъ вселенную, развѣ не видать проявленій ихъ въ громѣ, молніи и живительномъ свѣтѣ?" —„О бѣдные невѣжи"—сказалъ св. Левкій,—неужели вы незнаете, что солнце и луна есть созданіе

Божіе и по Его волѣ совершаютъ свое теченіе днемъ и ночью. Не слѣдуетъ называть ихъ богами, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни души и никакой божественности, и они не могутъ стоять на одномъ мѣстѣ, но всегда восходятъ и заходятъ, и то облаками, то ночью затемняются, и иногда бываютъ видимы, а иногда не видимы. Свѣтъ ихъ на столько различенъ отъ присносущнаго свѣта — Бога нашего, на сколько отлично созданіе отъ своего Творца. Все это, и луну, и солнце, и небо, и звѣзды создалъ Богъ намъ и повелѣлъ, чтобы все это служило для пользы людей,—и если бы вы познали невидимый свѣтъ Бога нашего, то никогда бы не захотѣли кланяться свѣтиламъ небеснымъ". —„А какой такой свѣтъ, котораго, ты говоришь, нельзя видѣть глазами?" — спросилъ начальникъ.—„Христосъ, Сынъ Божій, рожденный нашітіемъ Св. Духа отъ Дѣвы Маріи",—сказалъ Левкій, и началъ разсказывать начальнику и воинамъ всю исторію Іисуса Христа отъ Его рожденія до вознесенія, а также и о второмъ Его пришествіи и о всеобщемъ судѣ и воскресеніи. Начальникъ и воины увѣровали словамъ святаго и, падши предъ нимъ на землю, просили сдѣлать ихъ христіанами. Святый Левкій, огласивъ ихъ, крестилъ въ числѣ 67 человѣкъ, положивъ начало христіанства въ языческомъ Врунтисіополѣ. Когда дошелъ слухъ до правителя—Антіоха, что начальникъ Армалеонъ съ своими воинами увѣровалъ во Христа, то онъ призвалъ его и спросилъ: „правда ли, Армалеонъ, что ты сдѣлался христіаниномъ?" Когда же Армалеонъ молчалъ, то разгнѣванный Антіохъ спросилъ: „почему не отвѣчаешь мнѣ?" — „За что ты гнѣваешься на меня, что я сталъ христіаниномъ?" — отвѣчалъ начальникъ воиновъ. — „Я тебя не гнѣвю, но кротко спрашиваю, кто научилъ тебя

христіанской вѣрѣ? До сихъ поръ ты всегда отвергалъ христіанское ученіе, а теперь, удивляемся, ты сталъ христіаниномъ", — сказалъ Антіохъ. — „До сихъ поръ слѣпъ былъ, — отвѣчалъ Армалеонъ, — въ темнотѣ и тѣни блуждалъ, а теперь, просвѣщенный благодатію Божію, вижу и надѣюсь получить жизнь вѣчную". — „Какая такая жизнь вѣчная, я не знаю и не думаю, чтобы была какая-либо другая жизнь, кромѣ настоящей, и не вѣрю, что есть какой-либо иной Богъ, кромѣ солнца и луны", — сказалъ Антіохъ. — „Солнце и луна — не боги, но сами созданы Богомъ, чтобы служить разумному созданію — человѣку, а не для того, чтобы имъ самимъ (солнцу и лунѣ) служили". — отвѣчалъ Армалеонъ. Удивился Антіохъ, услышавъ такія слова отъ такого человѣка, который былъ ревностнымъ язычникомъ и спросилъ: — „да кто научилъ тебя такимъ премудростямъ?" — „Одинъ александріецъ, именемъ Левкій, недавно сюда прибывшій, — онъ научилъ меня этому", — отвѣчалъ Армалеонъ. А св. Левкій въ это время находился за городомъ на площади около лобнаго мѣста, уча народъ вѣрѣ во Христа и крестя желающихъ сдѣлаться христіанами. Антіохъ послалъ туда за нимъ и съ честію принялъ христіанскаго епископа. — „Если хочешь, чтобы мы увѣровали во Христа, проповѣдуемаго тобою, — сказалъ св. Левкію Антіохъ, — сдѣлай, чтобы, по твоимъ молитвамъ, пошелъ дождь; котораго у насъ не было вотъ уже два года, вслѣдствіе чего народъ обѣднялъ и разорился". Святый Левкій, призвавъ весь свой клиръ и новокрещенныхъ христіанъ, началъ служить молебенъ. Вскорѣ послѣ молебна небо покрылось тучами и пошелъ такой сильный дождь, что вскорѣ сдѣлалъ влажною и плодородною всю землю, въ продолженіи двухъ лѣтъ не смачиваемую ни

чѣмъ. Послѣ такого чуда, Антіохъ и всѣ жители города Врунтисіополя числомъ до 27 тысячъ увѣровали во Христа и крестились. На томъ мѣстѣ, гдѣ происходило крещеніе народа, св. Левкій построилъ церковь во имя Іоанна Крестителя, а посреди города на площади — создалъ и другой храмъ во имя Пресвятой Богородицы. Проживъ довольно долго въ Врунтисіополѣ, уча и утверждая въ христіанской вѣрѣ новокрещенныхъ, св. Левкій, пророчески предузнавъ время своей кончины, призвалъ правителя Антіоха и завѣщалъ ему, по своей смерти, похоронить его тѣло около пристани, гдѣ въ первый разъ св. Левкій ступилъ на берегъ. Послѣ этого, поднявъ руки къ небу, сотворилъ молитву и, преподавъ всѣмъ свое благословеніе, отошелъ въ вѣчную жизнь. Антіохъ, по завѣщанію святаго, похоронилъ честное его тѣло около той пристани, къ которой въ первый разъ присталъ св. Левкій, по прибытіи въ Врунтисіополь, и построилъ на этомъ мѣстѣ храмъ во имя св. Левкія, гдѣ и положилъ святыя его мощи, отъ которыхъ совершались многія чудеса. (Четьи-Минеи).

Преложеніе мощей и одеждъ свв. апп. *Луки*, *Андрея*, *Ѳомы*, пророка *Елисея*, муч. *Лазаря* въ храмѣ апостоловъ. Одежды ихъ найдены при Романѣ Локапенѣ. Въ женскомъ монастырѣ Августы и перенесены весьма торжественно патріархомъ Поліевктомъ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II стр. 164).

КАЛЛИСТА, ПАТРІАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Святый Каллистъ сначала подвизался во святой афонской горѣ, въ скиту Мачула, (теперь онъ въ развалинахъ), находящемся въ иверской области, пользуясь уроками

и наставленіями святаго Григорія Синаита, жизнь котораго онъ впослѣдствіи описалъ. Но въ 1350 году съ аскетическаго поприща онъ вошелъ на вселенскую константинопольскую каѳедру, сдѣлавшись преемникомъ патріарха Исидора. Святый Каллистъ занималъ два раза патріаршую каѳедру: въ первый разъ при императорѣ Іоаннѣ Кантакузенѣ, а во второй—при Іоаннѣ Палеологѣ. Послѣ четырехъ лѣтъ своего святительствованія, въ 1354 году, при Іоаннѣ Кантакузенѣ, онъ оставилъ святительскую каѳедру и удалился для безмолвія въ устроенную имъ обитель въ честь святаго Мамонта. Преемникомъ ему по каѳедрѣ сдѣлался, по свидѣтельству Контакузена, Филоѳей. Но когда Контакузенъ перемѣнилъ царскую корону на иноческій клобукъ, и царемъ сдѣлался Іоаннъ Палеологъ, то Каллистъ, возвратившись изъ Тинедоса, куда удалялся, во второй разъ восшелъ на патріаршескую каѳедру въ 1356 году. Въ 1368 году онъ былъ посланъ отъ царя посломъ въ Феры—(нынѣ называется Еницари, а по другимъ извѣстіямъ Сидро)—къ Елизаветѣ, женѣ короля сербскаго. На пути въ Феры, святой Каллистъ посѣтилъ святую гору, гдѣ встрѣтилъ Максима Кавсокаливскаго, который сказалъ о немъ слѣдующее пророченіе: „старецъ этотъ потерялъ свою старицу (т. е. Константинополь)", и когда патріархъ уходилъ отъ Максима, то послѣдній вслѣдъ ему запѣлъ слѣдующую надгробную пѣснь: „блажени непорочніи, въ путь ходящіи", какъ бы предсказывая ему смерть. Дѣйствительно, прибывъ въ Феры, св. Каллистъ тяжко заболѣлъ и скончался. Елизавета похоронила его съ подобающимъ святителю великолѣпіемъ. Этотъ святитель, по свидѣтельству Кантакузена, былъ славенъ своими добродѣтелями. (Аѳонск. Патер. т. I, 374—375).

СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ГЛѢБА АНДРЕЕВИЧА.

Св. князь Глѣбъ, меньшой сынъ великаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго, родился въ 1155 году во Владимірѣ. Св. Глѣбъ — живой примѣръ тому, какъ много значитъ добрая жизнь родителей для судьбы дѣтей. Жизнь князя Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ была посвящена преимущественно дѣламъ благочестія — строенію храмовъ и монастырей, дѣламъ благотворительности и молитвамъ. И вотъ подъ вліяніемъ примѣра и наставленій св. родителя образовался святой сынъ.—Съ двѣнадцатилѣтняго возраста въ князѣ Глѣбѣ открылось сильное желаніе посвятить себя уединенной жизни. Великій князь Андрей не только не препятствовалъ благочестивому желанію своего сына, но еще предоставилъ ему всѣ способы преуспѣвать болѣе и болѣе во внутренней духовной жизни. Любимымъ занятіемъ князя Глѣба было: чтеніе священныхъ книгъ, душеспасительныя бесѣды съ умными и благочестивыми людьми. Съ возрастомъ лѣтъ, благочестивое это занятіе открыло князю Глѣбу, что тѣлесная красота, слава и честь міра сего непостоянны. Поэтому, ни мало не прельщаясь благами міра сего, какъ суетными и скоро преходящими, онъ отдался всею душею и всѣмъ сердцемъ тому, что есть едино на потребу въ этой жизни для каждаго христіанина, т. е. благоговѣйному размышленію о томъ, какъ получить вѣчное блаженство. Слѣдуя этому благочестивому влеченію, св. князь Глѣбъ, согласно съ духомъ евангелія, изнурялъ свое тѣло воздержаніемъ, а душу укрѣплялъ и просвѣщалъ бдѣніемъ и молитвою. Любя св. вѣру, чтилъ ея служителей, слѣдуя внушеніямъ той же вѣры, каж-

дый день раздавалъ щедрую милостыню бѣднымъ и неимущимъ. А его незлобіе, кротость, цѣломудріе и смиреніе привлекали къ нему общую любовь и уваженіе. Но благочестивая жизнь этого князя рано пресѣклась: онъ скончался на 20 году своего возраста 20 іюня 1175 г. Св. князь Глѣбъ погребенъ въ Успенскомъ владимірскомъ соборѣ, подлѣ Мстислава и Изяслава, старшихъ братьевъ его; въ этомъ соборѣ въ честь его устроенъ придѣлъ, гдѣ и почиваютъ его мощи.

Тѣло св. князя Глѣба, какъ неповрежденное грѣхомъ, по смерти осталось цѣло, — не боится никакихъ внѣшнихъ прикосновеній къ нему. Въ 1238 году Батый, овладѣвъ г. Владиміромъ, приказалъ зажечь соборную церковь; но гробница благовѣрнаго князя Глѣба, бывшая поверхъ пола, къ удивленію, отъ пожара нимало не повредилась. — Въ 1411 году приходилъ во Владиміръ казанскій царевичъ Талычъ съ нижегородскимъ воеводою Карамышевымъ и произвелъ въ городѣ и его окрестностяхъ большія опустошенія. Соборный храмъ былъ разграбленъ,—осталось въ сохранности только то, что успѣлъ скрыть въ потаенномъ мѣстѣ ключарь Патрикій, за что онъ тогда же подвергся мученической смерти отъ татаръ. Между тѣмъ, одинъ изъ воиновъ, увидѣвъ гробницу св. князя Глѣба и думая найти въ ней сокровища, открылъ ее, но изъ гробницы въ туже минуту вспыхнулъ огонь. Это такъ устрашило татаръ, что они тотчасъ бросились вонъ изъ храма. Въ 1608 году, въ царствованіе великаго князя Василія Іоанновича Шуйскаго, литовцы, взявши города Суздаль и Юрьевъ, приступили къ беззащитному въ то время Владиміру, — но взять его не могли. Во время этой осады, въ самую полночь, сторожа собора замѣтили въ немъ какое-то освя-

щеніе и дали знать о томъ пономарю Герасиму. Онъ, отворивъ двери, увидалъ свѣтъ, а у гробницы князя кто-то сидитъ и ему испуганному говоритъ: „не бойся, я не привидѣніе,—Господь не предастъ сего города въ руки враговъ: мы хранимъ его и молимъ за него Господа и Пречистую Матерь Его; иди и скажи протоіерею и причту, что сказалъ я тебѣ; я лежу въ этомъ гробѣ“. Сказавъ это, св. князь Глѣбъ сталъ невидимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣщеніе въ храмѣ прекратилось. Въ эту же самую ночь литовцы, гонимые невѣдомымъ страхомъ, отступили отъ Владиміра.

Въ 1702 году, при царѣ Петрѣ І-мъ, обрѣтены мощи св. князя Глѣба нетлѣнными и положены на вскрытіи 30 ноября тогоже года; въ 1755 г. изъ каменнаго гроба переложены въ серебряную раку, которая въ 1818 г. замѣнена новою, богатою сребро-позлащенною. — Мощи святаго юнаго князя отличаются изумительною живостью, какъ ни чьи другія: — рука его свободно поднимается, гнется, наклоняется, совершенно какъ у живаго.

(Ист. слов. о свят.—стр. 79. Русск. свят. Филарета, арх. черн.).

СВЯТАГО НАУМА, УЧЕНИКА КОНСТАНТИНА (КИРИЛЛА) И МЕѲОДІЯ.

Святый Наумъ,—по житію его, впрочемъ не древнему,— младшій изъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія, сопровождалъ еп. Климента, тоже одного изъ учениковъ славянскихъ апостоловъ, въ Деволу (страну прилежащую къ Охридскому озеру), былъ помощникомъ его въ евангельской проповѣди въ странѣ дикой и „содѣйствовалъ ему во всемъ до самой его смерти. Остальное же время

(слѣдовательно послѣ 916 г.) провелъ въ Диволѣ и здѣсь путеводилъ людей своимъ мудрымъ ученіемъ, освобождая ихъ отъ давнихъ, отеческихъ заблужденій и направляя на путь православія. Проживъ въ святости и благочестіи, прошедши чрезъ многіе труды и подвиги, вознесся къ Судіи всѣхъ подвиговъ, а св. мощи свои—оставилъ источникомъ исцѣленій". Константинъ—пресвитеръ болгарскій говоритъ, что онъ, по убѣжденію отца Наума, занимался составленіемъ бесѣдъ на воскресные дни въ 896 г. По нынѣ еще существуетъ на юговосточной оконечности Охридскаго озера монастырь св. Наума, очень обширный и съ прочными постройками. — По мѣстному преданію, монастырь построенъ кн. Борисомъ-Михаиломъ и служилъ пріютомъ пр. Науму. Среди монастыря стоитъ небольшой, но уже ветхій, каменный храмъ св. Наума. На южной сторонѣ храма въ 1711 г. написанъ св. Наумъ въ монашескомъ одѣяніи; у сѣверной стѣны придѣлъ съ древнею иконою св. Наума, и здѣсь же подъ спудомъ мощи его. Больные, особенно душею, не только христіане, но и магометане приходятъ сюда и ложатся на гробъ святаго;—св. Наумъ извѣстенъ для всѣхъ какъ чудотворецъ. При храмѣ есть каморка съ крѣпкимъ замкомъ для заключаемыхъ здѣсь бѣсноватыхъ.

(Свят. южн. славянъ т. II, 39—40. Филарета, арх. черн.).

Икона *Моденской* или *Косинской* Богоматери находится въ селѣ Косинѣ московскаго уѣзда; она принесена графомъ Шереметевымъ изъ италійскаго города Модены. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II стр. 165).

21-е число.

Святаго мученика Іуліана тарсянина.—Св. мученика Терентія, еп. иконійскаго.—Преп. Іулія пресвитера и Іуліана діакона.

(Муч. Афродисія.—Муч. Никиты нисиросскаго.—Страданіе грузинскихъ царей: Арчила II и Луарсаба II).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ІУЛІАНА ТАРСЯНИНА.

Св. Іуліанъ родился въ Аназарвѣ киликійской отъ благородныхъ, но не единовѣрныхъ родителей: отецъ его, по званію сенаторъ, былъ язычникъ, мать же христіанка. По смерти мужа, мать св. Іуліана переселилась въ Тарсъ, гдѣ посвятила всѣ свои силы и жизнь воспитанію любимаго сына, поучая его истинамъ христіанской вѣры и нравственности. Благодаря такому воспитанію, изъ Іуліана вышелъ ревностный христіанинъ, засвидѣтельствовавшій силу своей вѣры самымъ дѣломъ. Когда ему исполнилось только еще 18 лѣтъ, было воздвигнуто императоромъ Діоклитіаномъ гоненіе на христіанъ. Въ числѣ другихъ христіанскихъ исповѣдниковъ былъ взятъ и Іуліанъ и приведенъ на судъ. Но ни жестокія истязанія, ни угрозы, ни обѣщанія даровъ и почестей не могли склонить юношу къ отреченію отъ вѣры. Цѣлый годъ водили его

по разнымъ городамъ Киликіи, вездѣ подвергая истязаніямъ, но онъ твердо исповѣдывалъ Христа. Когда пришли въ приморскій городъ Эгею, здѣсь заключили св. Іуліана въ темницу; въ темницѣ св. мученика посѣтила мать его. Она выпросила у начальника позволеніе посѣщать своего сына въ продолженіи трехъ дней. съ цѣлію убѣдить его къ принятію язычества. Ей былъ открытъ свободный доступъ къ заключенному, и достойная мать достойнаго сына, посѣщая сына день и ночь, умоляла не измѣнять христіанству и оставаться твердымъ въ вѣрѣ даже до смерти. Когда, по прошествіи трехъ дней, ихъ обоихъ привели на судъ, и начальникъ сталъ хвалить мать за доброе увѣщаніе сына, — она громко и безбоязненно исповѣдывала Іисуса Христа; не отсталъ въ обличеніи язычества и прославленіи имени Божія и св. Іуліанъ. Разгнѣванный правитель страны велѣлъ замучить мать и сына: матери св. Іуліана онъ приказалъ отрубить обѣ ступни ногъ, — а св. Іуліана положили въ мѣшокъ, наполненный пескомъ и различными гадами, и бросили въ море. Чрезъ нѣсколько времени скончалась мученически и мать его. Тѣло св. Іуліана было вынесено волнами на берегъ, гдѣ его обрѣла одна благочестивая вдова изъ города Александріи и похоронила въ достойномъ мѣстѣ. При св. Іоаннѣ Златоустѣ, почтившемъ мученика Іуліана въ одной изъ своихъ бесѣдъ, мощи этого мученика были въ Антіохіи.

(Прологъ. Четьи-Минеи. Христ. Чтен. 1864 г. ч. II, 107).

СВЯТАГО МУЧЕНИКА ТЕРЕНТІЯ, ЕП. ИКОНІЙСКАГО.

О св. Терентіи изъ греческаго стихословія извѣстно только, что онъ кончилъ жизнь, будучи изболенъ терні-

емъ. Въ нѣкоторыхъ прологахъ онъ причисляется къ 70 апостоламъ и считается за одно лицо съ Тертіемъ, который писалъ посланіе ап. Павла къ римлянамъ и также былъ епископомъ иконійскимъ. Сличеніе календарей заставляетъ, дѣйствительно, признать священномученика Терентія за одно лице съ Тертіемъ, апостоломъ изъ семидесяти. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 173).

ПРЕПОДОБНАГО ІУЛІЯ ПРЕСВИТЕРА И ІУЛІАНА ДІАКОНА.

Родиною свв. Іулія и Іуліана была греческая страна Мирмидонія (островъ Эгина, а также страна Ѳессалія). Оба они были родные братья и съ младенчества были воспитаны въ христіанской вѣрѣ и благочестіи. По достиженіи ими совершеннолѣтія, за благочестивую жизнь получили церковныя степени: Іулій—пресвитера, а Іуліанъ—діакона. Въ то время, не смотря на то, что христіанство было господствующею вѣрою, и государство управлялось христіанскими государями, еще много было въ имперіи язычниковъ, ихъ капищъ и идоловъ. Свв. Іулій и Іуліанъ, ревнуя о Христѣ и вѣрѣ Христовой, пришли въ Царьградъ къ императору Ѳеодосію Младшему и просили у него позволенія сокрушать идоловъ, разорять и сжигать ихъ капища и истреблять рощи и сады, посвященные въ честь идоловъ, а на этихъ мѣстахъ строить христіанскіе храмы. Царь уважилъ ихъ просьбу и далъ вмѣстѣ съ позволеніемъ и бумагу, въ которой повелѣвалось всѣмъ правителямъ странъ, начальникамъ городовъ и всякимъ людямъ, власть имѣющимъ,—помогать Іулію и Іуліану въ уничтоженіи язычества и въ распространеніи христіанства. Патріархъ же констан-

тинопольскій съ своей стороны далъ святымъ братьямъ благословеніе проповѣдывать христіанство, строить и освящать церкви. Получивши все нужное для своего дѣла, свв. Іулій и Іуліанъ отправились по имперіи проповѣдывать язычникамъ имя Христово и, разоряя вездѣ идольскія капища и разбивая идоловъ, многихъ обратили ко Христу, дѣйствуя на язычниковъ не только силою своей проповѣди, но гораздо болѣе чудесами: исцѣленіемъ больныхъ, изгнаніемъ бѣсовъ и т. п. Тамъ же, гдѣ язычники оказывали сопротивленіе, святые проповѣдники дѣйствовали на нихъ чрезъ правителей и градоначальниковъ и, получая отъ нихъ помощь, дѣлали то, что имъ нужно, и строили церкви—частію на счетъ царской казны, частію же на щедрыя подаянія христіанъ, такъ какъ всѣ ради святаго дѣла, а болѣе ради такихъ ревностныхъ просвѣтителей и чудотворцевъ не щадили своихъ средствъ. Такъ, проповѣдуя и насаждая слово Божіе, свв. Іулій и Іуліанъ прошли много странъ имперіи, построили 100 церквей и совершили много чудесъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. — Во время сооруженія храма въ городѣ Вивлахъ, одинъ изъ мастеровъ отсѣкъ себѣ топоромъ большой палецъ лѣвой руки. Вслѣдствіе сильнаго кровотеченія, онъ весьма ослабѣлъ и лежалъ на подобіе мертвеца. Святые братья, увидѣвъ это, взяли отсѣченный палецъ и, помолившись, приложили къ составу его, и палецъ сросся по прежнему. Послѣ этого больной всталъ въ полномъ здравіи и началъ опять работать.—Въ другой разъ, въ то время, когда свв. братья строили церковь въ медіоланской странѣ близъ города Гавдіанъ и когда имъ многіе помогали въ этомъ,—проѣзжали мимо мѣста постройки какіе-то люди. По обычаю того времени, въ построеніи церкви должны были

принимать участіе всѣ, кто попадется подъ руку. Проѣзжіе, въ силу этого обычая, не могли не подсобить, когда бы ихъ стали приглашать; но такъ какъ имъ не хотѣлось участвовать въ постройкѣ, а другой дороги не было и приходилось ѣхать мимо стройки, то они сдѣлали слѣдующее. Одинъ изъ нихъ легъ въ повозку и притворился мертвымъ. Свв. Іулій и Іуліанъ стали приглашать проѣзжихъ помочь въ постройкѣ церкви, но они отказались, говоря: „намъ нельзя медлить, такъ какъ мы веземъ мертвеца для погребенія“.—„Не лжете ли, добрые люди?“ — сказалъ имъ св. Іулій. „Нѣтъ, святый отче“, отвѣчали проѣзжіе. — „Ну, пусть будетъ по вашему“.—сказалъ имъ св. Іулій. Когда они отъѣхали на нѣкоторое разстояніе отъ постройки, то стали говорить лежащему, чтобы онъ всталъ. Когда же онъ не вставалъ, то товарищи начали толкать его, думая, что онъ спитъ, - но къ ужасу своему нашли его дѣйствительно мертвымъ. Вѣсть о такомъ чудѣ распространилась по окрестностямъ, и послѣ этого никто не дерзалъ говорить ложь святымъ братьямъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого св. Іулій пресвитеръ сказалъ однажды своему брату Іуліану: — „оставайся ты, братъ, строить здѣсь эту 99-ю церковь, а я пойду, поищу мѣста, гдѣ бы можно было построить 100-ю, и послѣ этого уже можемъ спокойно отойти въ вѣчность“. Пройдя довольно большое пространство отъ Гавдіанъ, св. Іулій достигъ до большаго озера — Мукоросъ и увидалъ на этомъ озерѣ довольно большой и красивый островъ, никѣмъ незаселенный. Желая переплыть на этотъ островъ и не имѣя лодки, св. Іулій преклонилъ колѣна и обратился къ Богу съ молитвой, дабы Онъ далъ ему возможность на верхнемъ платьѣ переплыть по озеру на островъ вмѣсто лод-

ки. Послѣ молитвы, онъ разостлалъ на водѣ свое платье верхнее и, сотворивъ крестное знаменіе, взошелъ на платье; оно понеслось какъ лодка, управляемое вмѣсто веселъ палкою, бывшею въ рукахъ святаго Іулія, и онъ благополучно достигъ до острова. Обходя островъ и восхищаясь его красотою, святой увидалъ посреди острова довольно большую каменную гору и задумалъ построить на ней 100-ю церковь во имя двѣнадцати апостоловъ. Островъ этотъ былъ наполненъ зміями и вообще всякими ядовитыми гадами, такъ что вслѣдствіе этого всѣ боялись близко подходить къ нему. Но св. Іулій безбоязненно взошелъ на гору и, сдѣлавъ изъ дерева небольшой крестъ, водрузилъ его въ небольшую разсѣлину горы. Послѣ этого, помолившись Богу, онъ именемъ Іисуса Христа созвалъ къ себѣ всѣхъ змѣй и всякихъ гадовъ и сказалъ имъ: — „вы уже довольно времени пожили на этомъ мѣстѣ, теперь именемъ Пресвятой Троицы: Отца, Сына и Святаго Духа — повелѣваю вамъ удалиться съ этого острова, — здѣсь будетъ построенъ храмъ Божій и будутъ жить желающіе служить Богу". Змѣи и всякіе гады, какъ бы понимая слова святаго и повинуясь ему, удалились къ западному берегу острова, переплыли озеро и поселились на берегу озера въ горѣ — Кумункинъ. А св. Іулій, возвратившись прежнимъ образомъ на берегъ, взялъ въ христіанскихъ селеніяхъ все нужное для постройки, а также и мастеровъ, на лодкахъ переплылъ на островъ и началъ строить на горѣ церковь во имя двѣнадцати апостоловъ. Между тѣмъ въ это время братъ — его діаконъ Іуліанъ, окончивъ постройку церкви близъ города Гавдіанъ, рѣшилъ устроить въ ней усыпальницу для брата. Когда св. Іулій услыхалъ, что церковь близъ города Гавдіанъ готова, пошелъ посмотрѣть эту церковь,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и навѣстить брата. Поздоровавшись съ братомъ, св. Іуліанъ сказалъ: „вотъ, братъ, съ Божіею помощію и твоими молитвами церковь уже готова, строится только усыпальница для тебя, въ которой ты будешь погребенъ послѣ смерти". Но св. Іулій пророчески сказалъ: „дѣлай скорѣе гробъ, потому что, знай, — ты въ немъ будешь погребенъ". Дѣйствительно, вскорѣ послѣ постройки усыпальницы, діаконъ Іуліанъ скончался и былъ похороненъ св. Іуліемъ въ новой усыпальницѣ. Возвратившись на островъ, св. Іулій окончилъ постройку церкви во имя двѣнадцати апостоловъ и, предузнавъ свою кончину, устроилъ въ новой церкви для себя усыпальницу. Въ это время правителемъ медіоланской области былъ сдѣланъ нѣкто Авдентій, — человѣкъ благородный, добродѣтельный и знатный. Онъ, наслышавшись о святомъ Іуліѣ, рѣшился посѣтить его со всѣмъ своимъ семействомъ. Когда Авдентій былъ у св. Іулія и разсматривалъ церковныя зданія, то сказалъ святому: „отче, если еще что захочешь строить, скажи мнѣ, и я пожертвую изъ своихъ денегъ на это дѣло, — я съ радостію исполню это". — „Нечего болѣе строить, добрый человѣкъ, остается только построить усыпальницу для тебя, чтобы, по твоей смерти, похоронили тебя около меня", — отвѣтилъ свят. Іулій. На это Авдентій сказалъ: — „ты, отче, имѣй уже здѣсь мѣсто своего успокоенія, — а я уже приготовилъ усыпальницу для для себя въ Медіоланѣ". — „Повѣрь мнѣ, — отвѣтилъ святой, — что не въ другомъ какомъ — либо мѣстѣ будетъ погребено твое тѣло, какъ только близь меня". Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого св. пресвитеръ Іулій скончался и былъ похороненъ въ устроенной имъ для себя усыпальницѣ; по смерти Іулія, пресвитеромъ цер-

кви двѣнадцати апостоловъ былъ сдѣланъ одинъ благочестивый человѣкъ—Илія. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, умеръ и Авдентій, правитель медіоланскій и былъ похороненъ въ своей медіоланской усыпальницѣ; но на другой день гробъ съ тѣломъ былъ найденъ лежащимъ внѣ ее, какъ будто кто нарочно осторожно вынесъ тѣло его. Тѣло клали въ усыпальницу еще два раза, но снова находили его внѣ ее; клали и въ другомъ мѣстѣ, но нигдѣ тѣло не лежало. Вспомнили тогда домашніе Авдентія слова св. Іулія о мѣстѣ погребенія правителя и повезли тѣло его на островъ, гдѣ былъ похороненъ св. Іулій. Пресвитеръ Илія встрѣтилъ тѣло съ иконами и похоронилъ его рядомъ съ гробомъ св. Іулія. Такъ исполнилось пророчество этого святаго! (Четьи—Минеи).

Мученикъ *Афродисій* былъ усѣченъ мечемъ въ Киликіи. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II стр. 165).

Св. мученикъ *Никита* ниспросскій отечествомъ имѣлъ островъ Ниспросъ (по греческимъ мин. Ниспріа) около Родоса. Въ отрочествѣ обращенъ былъ въ магометанство, но вскорѣ же отрекся отъ него и исповѣдалъ торжественно вѣру во Христа, за что послѣ истязаній усѣченъ мечемъ на островѣ Хіосѣ. 21 Іюня 1732 года. Тѣло было брошено въ море. (Христ. муч.—Свящ. П. Соловьева).

Грузинскій царь *Арчилъ II* усѣченъ въ 718 или 744 г. 20 марта персидскимъ полководцемъ; *Луарсабъ II*, царь карталинскій, удавленъ персидскимъ шахомъ Аббасомъ въ 1622 году.—(Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. стр. 165).

22-е число.

Святаго священномученика Евсевія, еп. самосатскаго.— Свв. мучч. Галактіона и Іуліаніи.—Свв. мучч. Зинона и Зины, слуги его.

(Св. муч. Пожніона. — Муч. Саторнина, сына Іуліаны).

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ЕВСЕВІЯ, ЕП. САМОСАТСКАГО.

Святый Евсевій былъ епископомъ въ городѣ Самосатѣ, принадлежавшемъ къ антіохійской митрополіи. Этотъ благочестивый человѣкъ, истинно православный пастырь, ревностный и мужественный защитникъ православія жилъ и дѣйствовалъ въ тяжелое время волненій, произведенныхъ аріанскою ересью. При императорѣ Констанціи, сынѣ равноапостольнаго Константина Великаго, покровителѣ аріанъ, св. Евсевій потерпѣлъ не мало скорбей и гоненій,—но оставался непоколебимъ въ исповѣданіи православія. Когда Евдоксій, патр. антіохійскій, по образу мыслей аріанинъ, былъ переведенъ на константинопольскую патріаршую каѳедру, въ Антіохіи собрался соборъ сирскихъ епископовъ для избранія патріарха антіохійскаго. На этомъ соборѣ участвовалъ и св. Евсевій и занималъ не послѣднее мѣсто между присутствовавшими епископами. Въ то время какъ между мірянами, такъ и въ средѣ епископовъ мало мож-

но найти было людей православныхъ: тогда всѣ почти были аріанами. Св. Евсевію, какъ человѣку православному, хотѣлось видѣть на антіохійской патріаршей каѳедрѣ человѣка православнаго. Поэтому онъ много способствовалъ избранію на мѣсто Евдоксія св. Мелетія, еп. севастійскаго, зная его за человѣка православнаго, твердо державшагося Никейскаго вѣроопредѣленія. Аріане, сильные при дворѣ, считая св. Мелетія единомысленнымъ съ ними, согласились на это избраніе и, подписавъ актъ избранія, вручили этотъ актъ св. Евсевію, а къ Мелетію послали царскій указъ объ избраніи его въ патріархи антіохійскіе. Вступивъ на антіохійскую каѳедру, св. Мелетій прежде всего занялся исправленіемъ нравственныхъ недостатковъ своихъ пасомыхъ, уча ихъ добродѣтельной жизни, такъ какъ думалъ, что, по исправленіи нравственныхъ недостатковъ, удобнѣе будетъ ему отвратить своихъ пасомыхъ отъ аріанства къ православію. Когда многимъ желательно было знать образъ мыслей новаго патріарха, то онъ, удовлетворяя такому желанію, обратился однажды въ церкви къ народу съ проповѣдью, въ которой защищалъ православную вѣру, утвержденную на первомъ Никейскомъ вселенскомъ соборѣ. Аріане теперь только поняли свою ошибку,—они поняли, что новый патріархъ будетъ твердымъ и ревностнымъ защитникомъ православія и сильно озлобились на св. Мелетія. Между тѣмъ, православные сильно возрадовались, видя на апостольскомъ престолѣ такого ревностнаго по вѣрѣ архіерея. Тогда аріане начали преслѣдовать Мелетія,—они обличали его въ Савелліанствѣ, низложили чрезъ мѣсяцъ съ патріаршей каѳедры и убѣдили царя сослать его въ заточеніе, а на его мѣсто избрали аріанина Евзоя. Святый Евсевій, еп. самосатскій,

видя такое волненіе въ антіохійской церкви и низложеніе невиннаго архипастыря и сильно жалѣя объ этомъ, поспѣшилъ оставить Антіохію и удалился въ свой городъ. Аріане вспомнили, что актъ избранія св. Мелетія, подписанный всѣми участниками избранія, хранится у св. Евсевія: они испугались какъ бы этотъ документъ не сдѣлался когда-либо для нихъ обличеніемъ несправедливаго низложенія ими Мелетія. Поэтому, они убѣдили царя, находившагося тогда въ Антіохіи, догнать Евсевія и взять у него актъ, свидѣтельствующій противъ нихъ. Когда догнали св. Евсевія, и посланецъ царскій передалъ епископу царское повелѣніе отдать документъ, то Евсевій отвѣчалъ: „акта избранія, ввѣреннаго мнѣ, я не отдамъ,—развѣ только по приговору собора". Царь сильно разгнѣвался, когда посланецъ возвратился ни съ чѣмъ; онъ вторично послалъ догнать св. Евсевія, въ письмѣ къ которому грозилъ, въ случаѣ отказа возвратить актъ, отсѣченіемъ правой руки, желая этимъ устрашить Евсевія. Но св. Евсевій, прочитавши грозное посланіе царское, протянулъ обѣ руки и сказалъ: „не только правую руку отсѣките, но и лѣвую вмѣстѣ, а акта, обличающаго несправедливость и злобу аріанъ, я не отдамъ". Посланецъ опять возвратился ни съ чѣмъ, и самъ царь отдалъ похвалу твердости духа Евсевія.

По смерти Констанція, на престолъ греко-римской имперіи вступилъ императоръ Юліанъ Отступникъ. Онъ сначала возвратилъ-было св. Мелетія изъ заточенія, но потомъ опять изгналъ его. Тяжелое это было время для христіанской церкви! Къ волненіямъ аріанскимъ присоединилось еще гоненіе со стороны языческаго правительства. Много было тогда церквей безъ священниковъ, много оставалось епископскихъ каѳедръ безъ святителей:

одни изъ нихъ въ царствованіе Констанція были сосланы въ заточеніе или убиты, а другіе въ правленіе Юліана Отступника подверглись той же участи отъ языческаго правительства. Въ это тяжелое для христіанъ время ревностный пастырь самосатскій—Евсевій убѣждалъ христіанъ къ твердости въ вѣрѣ. Скрывая свой епископскій санъ подъ одеждою воина, онъ прошелъ чрезъ всю Сирію, Финикію и Палестину, утверждая въ вѣрѣ христіанъ. Тамъ же, гдѣ находилъ церкви безъ священно-служителей, поставлялъ къ нимъ священниковъ, діаконовъ и другихъ клириковъ, а тамъ, гдѣ нуженъ былъ и епископъ, поставлялъ и епископа изъ православныхъ. Когда, по смерти Юліана, вступилъ на престолъ благочестивый Іовиніанъ, то для христіанства наступило время господства не только надъ язычествомъ, но и надъ аріанствомъ. Мелетій антіохійскій снова получилъ свой престолъ, а также св. Евсевій самосатскій и другіе православные архіереи перестали скрывать свой санъ и заняли свои мѣста. Тогда, по совѣту св. Евсевія, св. Мелетій созвалъ въ Антіохіи помѣстный соборъ, на которомъ присутствовало до 27 епископовъ, въ томъ числѣ и св. Пелагій *), еп. лаодикійскій, близкій другъ и единомысленникъ свв. Евсевію и Мелетію. На этомъ помѣстномъ соборѣ собравшіеся епископы постановили содержать всѣмъ и исповѣдывать вѣру, утвержденную

*) О св. Пелагіѣ разсказывается слѣдующее: когда въ юности онъ женился, по убѣжденію родителей, то, взошедши въ брачный чертогъ, убѣдилъ свою жену не нарушать имп взаимно своего дѣвства, и съ этого времени жилъ съ нею какъ братъ съ сестрою, хотя считались между собою мужемъ и женою. Отличался онъ и другими многими добродѣтелями, за что и былъ удостоенъ святительскаго сана.

на первомъ вселенскомъ соборѣ. Подъ этимъ соборнымъ опредѣленіемъ подписались и аріанскіе епископы, съ одной стороны—лицемѣрно, угождая царю, а съ другой —боясь свв. Евсевія и Мелетія, пользовавшихся большимъ вниманіемъ царя. Императоръ Іовиніанъ весьма любилъ обоихъ этихъ святителей за ихъ святость и православіе и во всемъ слушался, вслѣдствіе чего они были страшны для еретиковъ, и многіе изъ этихъ послѣднихъ въ угоду святымъ отказывались лицемѣрно отъ аріанства. Но торжество православія продолжалось не долго; со смертію Іовиніана потеряли силу и значеніе прежніе поборники православія. Аріане, при помощи супруги царя—Доминики, склонили на свою сторону императора Валента, и онъ осудилъ на изгнаніе прежнихъ поборниковъ православія: Мелетія въ Арменію, Пелагія въ Аравію, а святаго Евсевія въ заточеніе во Ѳракію. Царскій указъ объ изгнаніи св. Евсевія былъ принесенъ въ Самосаты вечеромъ. Св. Евсевій, узнавши объ этомъ, призвалъ къ себѣ царскаго посланца и просилъ его никому не говорить о причинѣ своего прибытія, потому что боялся, какъ бы не взбунтовался народъ и не убилъ царскаго посланца. Затѣмъ, отслуживъ вечерню, ночью, когда всѣ спали глубокимъ сномъ, онъ вышелъ изъ архіерейскаго дома въ сопровожденіи одного изъ своихъ надежныхъ служителей, несшаго книгу и подушку, направился къ рѣкѣ Евфрату. Пришедши на берегъ, онъ сѣлъ въ лодку и поплылъ по направленію къ городу Зевгмы и, приказавъ гребцамъ плыть какъ можно скорѣе, на утро достигъ города. Самосатяне, узнавъ объ удаленіи отъ нихъ епископа, сильно опечалились и начали допытываться, куда удалился епископъ. Когда кто-то изъ нечаянныхъ свидѣтелей удаленія св. Евсевія со-

общилъ народу, куда скрылся епископъ, то многіе на лодкахъ бросились въ догонку за нимъ. Догнавши святаго епископа въ Зевгмахъ, самосатяне съ плачемъ и рыданіемъ просили его возвратиться въ Самосаты,—но святой отказался. И сколько ни говорили, сколько ни умоляли самосатяне, сколько ни проливали слезъ, прося св. Евсевія возвратиться къ нимъ, онъ рѣшительно отказался, напомнивъ имъ, что нужно повиноваться предержащей власти. „Не возможно мнѣ противиться царскому указу, а также и вамъ не безопасно сопротивляться царской волѣ“,—сказалъ имъ св. Евсевій. Видя, что не могутъ возвратить опять св. Евсевія, самосатяне предлагали ему на дорогу и въ ссылку—кто золота, кто серебра, кто одежды, а кто и своихъ слугъ, но святый взялъ отъ нихъ лишь самое необходимое. Съ своей стороны св. Евсевій завѣщалъ имъ твердо держаться православной вѣры и, помолившись и благословивъ всѣхъ, отправился далѣе, направляясь во Ѳракію. Но прибывъ въ городъ Истры, услыхалъ, что Ѳракія занята готами и сильно опустошается ими, вслѣдствіе этого св. Евсевій рѣшился остаться здѣсь въ Истрахъ, гдѣ прожилъ до смерти императора Валента. Преемникъ Валента—императоръ Граціанъ, человѣкъ православнаго образа мыслей, возвратилъ изъ ссылки и заточенія всѣхъ архіереевъ и другихъ лицъ духовныхъ, подвергшихся преслѣдованію при прежнемъ императорѣ. Вслѣдствіе этого прежніе ревнители православія заняли свои прежнія мѣста, Антіохія, Лаодикія и Самосаты имѣли утѣшеніе увидѣть на своихъ архіерейскихъ каѳедрахъ прежнихъ любимыхъ пастырей: Антіохія—св. Мелетія, Лаодикія—Пелагія, а Самосаты—св. Евсевія. Занявъ прежнее свое мѣсто, св. Евсевій и теперь, также какъ и прежде,

сталъ ревностно заботиться о православіи и церковномъ благочиніи и благоустройствѣ. Видя нѣкоторыя архіерейскія каѳедры остающимися праздными, по низверженіи изъ епископскаго сана прежнихъ епископовъ аріанъ, св. Евсевій, по совѣту и соизволенію св. Мелетія, патр. антіохійскаго, избиралъ достойныхъ и православныхъ людей, рукополагалъ ихъ въ епископовъ и замѣщалъ ими праздныя епископскія каѳедры. Такъ онъ поставилъ въ городъ Виріи епископомъ Акакія, въ Іераполь—Ѳеодота, въ Халкиду—тезоименитаго себѣ Евсевія, въ Киру—Исидора, въ Эдессу, по смерти св. Варсы, поставилъ Евлогія исповѣдника. Но скоро благочестивая жизнь и полезная дѣятельность св. Евсевія была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ; при поставленіи Марина епископомъ аріанскаго города Долихины, съ нимъ случилось несчастіе, положившее предѣлъ его жизни. При входѣ въ названный городъ, одна женщина—аріанка бросила съ крыши въ святаго епископа горшокъ, который пробилъ голову святаго Евсевія и отъ приключившейся, вслѣдствіе этого, раны умеръ святый епископъ. Умирая, онъ объ одномъ просилъ, чтобы пощадили виновницу его смерти и простили ей ея вину, какъ Христосъ простилъ распинавшихъ Его. Тѣло св. Евсевія было перенесено въ Самосаты и погребено тамъ честно, оплаканно искренними слезами любившихъ его самосатянъ.—Изъ службы въ честь его составленной заключаютъ, что мощи его потомъ были перенесены въ Константинополь, гдѣ источали чудеса. Память св. Евсевія самосатскаго торжественно праздновалась въ храмѣ св. Іоанна Предтечи близъ Аркадіевыхъ. Годъ кончины его неизвѣстенъ. Въ 379 году онъ присутствовалъ на антіохійскомъ соборѣ и подписался послѣ Мелетія. (Про-

логъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 174).

СВВ. МУЧЕНИКЪ ГАЛАКТІОНА И ІУЛІАНІИ.

Объ этихъ мученикахъ извѣстно только изъ греческихъ стихословій, что Галактіонъ потопленъ въ морѣ, а Іуліанія съ сыномъ своимъ Сатурниномъ сожжены. Память ихъ въ Константинополѣ торжественно праздновалась въ ихъ церкви близъ церкви святой муч. Евфиміи въ Петріи. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 174).

СВВ. МУЧЕНИКЪ ЗИНОНА И СЛУГИ ЕГО ЗИНЫ.

Святый Зинонъ былъ богатый житель Филадельфіи аравійской или древняго Емана. Раздавъ все свое имѣніе нищимъ и отпустивъ на волю рабовъ своихъ, онъ велъ праведную и благочестивую жизнь, будучи ревностнымъ исповѣдникомъ Христа. Въ 304 году, въ правленіе Максиміана, когда было сильное гоненіе на христіанъ, св. Зинонъ вмѣстѣ съ своимъ слугою Зиною пришелъ къ Максиміану и началъ обличать его за идолопоклонство. Правитель приказалъ его бить за это воловьими жилами; когда били св. Зинона, онъ, протянувъ руку, ударилъ локтемъ въ стѣну идольскаго капища и разорилъ его. Новыя истязанія были слѣдствіемъ такого поступка святаго: его повѣсили на столбъ, строгали его тѣло, а раны его растирали уксусомъ и солью,—наконецъ заковали его ноги въ колодки и посадили въ темницу. Слуга святаго Зинона — Зина, не желая отстать отъ своего господина какъ въ исповѣданіи Христа, такъ и въ перенесеніи страданій, просилъ, чтобы и его заключили въ темницу вмѣстѣ съ господиномъ. Когда чрезъ нѣсколько времени ихъ привели на допросъ и убѣждали

отречься отъ христіанства, то они снова твердо исповѣдали Христа своимъ Богомъ; ихъ за это сначала сильно били, потомъ, повѣсивъ на дерево, жгли имъ бока и грудь, наконецъ, навязавъ на ноги тяжелые камни, бросили ихъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ. Но святые страдальцы твердо перенесли всѣ эти мученія и остались живы. Раздраженный такою твердостью мучениковъ, Максиміанъ приказалъ отсѣчь имъ головы. Такъ кончили жизнь свою святые Зинонъ и Зина, сдѣлавшись мучениками за Христа. Память ихъ совершалась въ Константинополѣ въ церкви св. Георгія въ Кипариссіи. (Прологъ. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 174).

23-е число.

Святыя мученицы Агриппины.—Свв. муч. Евстохія, Гаія, Провія, Лоллія, Урвана и прочихъ.—Срѣтеніе иконы пресв. Богородицы Владимірскія. Преставленіе праведнаго Артемія веркольскаго.

(Преп. Іосифа, основателя Заоникіевской пустыни.—Заоникіевской иконы Божіей Матери).

СВЯТЫЯ МУЧЕНИЦЫ АГРИППИНЫ.

Святая дѣвица Агриппина родилась и воспитывалась въ Римѣ. Родители ея были люди благочестивые, внушившіе ей съ малолѣтства любовь ко Христу. Проводя жизнь добродѣтельную и цѣломудренную, св. Агриппина своими совѣтами и теплою, задушевною бесѣдою, испол-

пенною христіанской любви, приносила большую пользу душамъ многихъ людей, обуреваемымъ различными страстями и помыслами. Будучи ревностною исповѣдницею Христа—своего Жениха, она въ царствованіе Валеріана (253—259) приняла мученическій вѣнецъ. Святую Агриппину сначала сильно били палками, потомъ сняли одежду и крѣпко связали веревками, но невидимая рука Ангела Божія, укрѣплявшаго св. мученицу въ страданіяхъ, освободила ее отъ узъ; наконецъ, претерпѣвъ мужественно новыя мученія, она скончалась 24 мая. Сестра Агриппины—Васса, расточившая все имѣніе свое и оставшееся послѣ сестры, и другія двѣ дѣвы Павла и Агафоника, свидѣтельницы страданій мученицы, просившія Вассу принять или усвоить ихъ вмѣсто сестры —мученицы, взяли тайно тѣло мученицы Агриппины и, по откровенію свыше, переправились изъ Рима на островъ Сицилію. Здѣсь святые останки мученицы были положены ими въ крѣпости Минеѣ, между Агригентомъ и Катиною 9 іюня. Отъ св. мощей Агриппины стали происходить чудеса, и надъ ними построена церковь Евпраксіею, дочь которой исцѣлена отъ разслабленія паралитичнаго. Изъ Сициліи мощи св. Агриппины перенесены въ Константинополь около XI вѣка. (Прологъ. Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 175).

СВВ. МУЧ. ЕВСТОХІЯ, ГАІЯ, ПРОВІЯ, ЛОЛЛІЯ, УРВАНА и ПРОЧИХЪ.

Святый Евстохій до принятія христіанства былъ языческимъ жрецомъ. Когда, въ правленіе Максиміана, было воздвигнуто гоненіе на христіанъ, то Евстохій, пораженный терпѣніемъ христіанскихъ исповѣдниковъ въ

перенесеніи страданій, ихъ добровольными мученіями за Христа, а также и совершаемыми ими чудесами, оставилъ санъ жреца языческаго и задумалъ сдѣлаться христіаниномъ. Принявъ такое намѣреніе, онъ пришелъ къ Евдоксію, епископу антіохійскому въ Писидіи и просилъ его просвѣтить свѣтомъ истины Христовой. Евдоксій крестилъ Евстохія и сподобилъ благодати священства. Послѣ этого, пришедши въ мѣстечко Листру ликаонскую, онъ обратилъ въ христіанство жившаго здѣсь племянника своего Гаія; вмѣстѣ съ нимъ св. Евстохій сподобилъ христіанскаго крещенія Провія, Лоллія, Урвана и все свое семейство и родство. Когда узнали о переходѣ Евстохія изъ язычества въ христіанство и объ обращеніи имъ многихъ другихъ ко Христу, то его схватили, повѣсили на дерево и строгали желѣзными когтями. Послѣ этого, св. Евстохія и все его родство отправили въ Анкиру галатійскую къ правителю Агриппину для допроса и суда. Здѣсь они твердо и мужественно исповѣдывали Христа и отверглись язычества. Ихъ за это предали страшнымъ мученіямъ: колесованію, сѣченію плетьми, у женщинъ отрѣзали сосцы, младенцевъ колесовали, а потомъ всѣмъ отсѣкли головы. —Въ греческихъ прологахъ и стихословіяхъ, а также у Никодима Провій и Лоллій называются Провою и Лологіею, дочерьми Гаія. (Прологъ. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 175).

СРѢТЕНІЕ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ВЛАДИМІРСКІЯ.

Въ настоящій день церковь русская совершаетъ празднованіе Божіей Матери въ честь чудотворной иконы Ея Владимірской, въ благодарность за избавленіе па-

шего отечества невидимымъ заступленіемъ Богоматери отъ татарскаго хана Ахмата въ 1480 году. Не получая дани отъ русскихъ, ханъ Золотой орды—Ахматъ въ 1480 г. двинулся на Россію, грозя разграбить ее и разорить столицу—Москву. Онъ дошелъ уже до рѣки Угры, которую русскіе называли *поясомъ—Богоматери*, охраняющимъ московскія владѣнія. Москва была въ страхѣ. Мать великаго князя Іоанна III — Васильевича съ его сыномъ, для безопасности, уѣхали въ Ростовъ. Укрѣпляемый совѣтами, молитвою и благословеніями святителей: митрополита московскаго Геронтія и архіепископа ростовскаго Вассіана, Іоаннъ III рѣшился дать отпоръ Ахмату въ открытой битвѣ. Русскія войска также подошли къ рѣкѣ Угрѣ и стали противъ полчищъ татарскихъ. Двѣ недѣли татары не переходили Угры, грозя, что дождутся зимы и перейдутъ рѣку по льду. Наступили морозы,—Угра покрылась льдомъ, а татары все еще не переходили рѣку. Тогда великій князь Іоаннъ III велѣлъ своимъ войскамъ отступить, войска оробѣли, думая, что великій князь страшится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, а бѣжали отъ непріятеля. Татарамъ оставалось только ударить въ тылъ русскимъ, но, по словамъ лѣтописцевъ, случилось чудо: татары, видя лѣвый берегъ Угры, оставленный русскими, вообразили, что князь московскій заманиваетъ ихъ въ сѣти и вызываетъ на бой, приготовивъ засаду. Объятый страннымъ ужасомъ, ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное: два воинства бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя. Русскіе наконецъ остановились, но татары ушли въ свои улусы, не сдѣлавъ Россіи зла. Лѣтописцы за Ахматово бѣгство прославляютъ единственно милость Божію и, въ объ-

ясненіе чуда, говорятъ: „да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, ни оружіе, ни мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію“. Это избавленіе отъ нашествія татаръ было совершеннымъ освобожденіемъ Россіи отъ татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ нею два вѣка съ половиною. Іоаннъ III, возвратясь въ Москву, вмѣстѣ съ митрополитомъ, страхъ. обратившій въ бѣгство татаръ, благочестно и достойно приписали невидимому заступленію Богоматери, и въ память о семъ избавленіи Москвы и отечества нашего установлено было въ 1480 году 23 іюня празднество срѣтенію Владимірской иконы Богоматери, съ крестнымъ ходомъ въ Срѣтенскій монастырь. (Прологъ. Слава Богомат. ч. 3. I. 39—40; Ист. Рос. т. VII, 94—99 Карамзина).

ПРАВЕДНАГО АРТЕМІЯ ВЕРКОЛЬСКАГО.

Праведный Артемій родился въ Двинскомъ округѣ, на рѣкѣ Пинегѣ, въ селеніи Верколѣ, въ 1532 году. Родители его—Косьма и Аполлинарія воспитывали его въ страхѣ Божіемъ. Отрокъ Артемій былъ тихъ, кротокъ, богобоязливъ, добрый и послушный сынъ; съ раннихъ лѣтъ онъ отличался въ своемъ селеніи кротостью нрава и добродѣтелями свойственными лѣтамъ зрѣлымъ. Разъ, когда Артемію былъ 13-й годъ, онъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ въ полѣ. Неожиданно нашла туча, разразился громъ, и Артемій лишился жизни отъ изнеможенія и холоду, но не отъ удара молніи. Праведный отрокъ скончался 23 іюня. Мнѣніе простоты сочло его состоящимъ подъ судомъ Божіимъ, и тѣло его положили непогребеннымъ вдали отъ церкви, въ сосновомъ лѣсу.—Прошло 28 лѣтъ послѣ того. Клирикъ села—Агаѳоникъ шелъ лѣсомъ мимо того мѣста, гдѣ лежало тѣло, всѣми забытое. Онъ уви-

дѣлъ надъ тѣмъ мѣстомъ свѣтъ, подошелъ и нашелъ нетлѣнное тѣло отрока. По разнесшейся о томъ молвѣ собрались крестьяне, перенесли тѣло и положили его на паперти церкви святителя Николая. Богъ прославилъ мощи праведника чудесами. Въ тотъ годъ въ Двинскомъ округѣ свирѣпствовала злокачественная лихорадка, и очень многіе умирали отъ нее, особенно дѣти. Сынъ крестьянина Каллиника сильно печалилъ отца своего болѣзнію. Отецъ молился, потомъ пошелъ, взялъ лоскутъ бересты, покрывавшей нетлѣннаго Артемія, положилъ его на грудь умиравшаго сына, и больной сталъ здоровъ. Обрадованный отецъ разсказалъ о томъ въ селеніи, и къ праведному отроку начали притекать съ мольбами, получая исцѣленія отъ разныхъ болѣзней. При перенесеніи мощей изъ паперти въ придѣлъ, женщина, имѣвшая разслабленнаго младенца, приложила его къ гробу блаженнаго, и младенческая рука въ ту же минуту окрѣпла. Крестьянинъ и крестьянка, страдавшіе глазами, получили здоровье и ясное зрѣніе отъ прикосновенія къ ракѣ праведнаго Артемія. Многіе другіе получали исцѣленіе отъ разныхъ болѣзней. Въ 1610 г. мощи праведника были свидѣтельствованы Макаріемъ митрополитомъ новгородскимъ и, по его благословенію, были перенесены 6 декабря - въ день святителя Николая въ самый храмъ. Тогда же сочинена и служба блаженному Артемію. Праведный продолжалъ благотворить. Житель Холмогоръ Иларіонъ доходилъ до отчаянія отъ скорби о потерѣ зрѣнія и хотѣлъ наложить на себя руки. Въ самый день памяти святителя Николая явился страждущему отрокъ съ посохомъ въ лѣвой рукѣ и съ крестомъ въ правой и, осѣняя больнаго крестомъ, сказалъ: „встань, исцѣляетъ тебя Христосъ рукою раба своего

Артемія; иди въ Верколу, приложись къ его гробу и разскажи о всемъ священнику и крестьянамъ". Иларіонъ исполнилъ приказаніе и прозрѣлъ.—Сынъ мезенскаго и кеврольскаго воеводы Афанасія Пашкова также получилъ исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни при мощахъ праведнаго Артемія. Признательный отецъ, въ ознаменованіе чуда, построилъ близъ Николаевской церкви другой храмъ во имя великомученика Артемія, соименнаго праведному Артемію, и около церкви ограду и келліи. Въ 1639 году оба храма сгорѣли, и надъ мощами Артемія сооружена была часовня. Потомъ, по прошенію земскаго старосты Филиппа Козмина Драчева, съ мірскими людьми, царь Алексѣй Михайловичъ дозволилъ построить монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтены мощи праведнаго Артемія. По окончаніи строенія—въ 1649 году, по указу царскому, воевода Григорій Аничковъ съ духовенствомъ и мірянами, положивъ мощи въ новую раку, перенесли ихъ изъ часовни въ церковь во имя великомученика Артемія, въ новоустроенный монастырь; но по причинѣ пожаровъ мощи три раза были выносимы оттуда. Наконецъ, въ 1793 г. отстроена была во имя Артемія Веркольскаго каменная церковь куда и были перенесены его мощи. Веркольскій Архангельскій монастырь (нынѣ заштатный) находился на берегу р. Пинеги, въ 151 верстѣ отъ города того же имени. (Ист. рос. іер. III, 520—524. Ист. слов. о свят. стр. 45—46. Русск. Свят.—Филарета, арх. черн.).

ПРЕПОДОБНАГО ІОСИФА, ОСНОВАТЕЛЯ ЗАОНИКІЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Въ 16 верстахъ отъ Вологды былъ нѣкогда темный лѣсъ; въ двухъ верстахъ отъ нынѣшней заоникіевской

пустыни по этому лѣсу шла изъ Москвы большая бѣлозерская дорога. Въ этомъ лѣсу имѣла притонъ шайка разбойника Аники, грабившаго и убивавшаго людей на бѣлозерской дорогѣ; знаменитый разбойникъ оставилъ свое имя лѣсу, гдѣ и нынѣ показываютъ могилу его. Въ этомъ-то лѣсу въ 1588 г. 23 іюня явилась нѣкоему благочестивому человѣку Иларіону Владимірская икона Божіей Матери и исцѣлила его отъ давней болѣзни.—Благодарный Иларіонъ принялъ иночество съ именемъ Іосифа и на мѣстѣ явленія иконы основалъ обитель съ храмомъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, мѣсто грабежей и разбоевъ мѣстомъ прославленія имени Божія и Его Матери. Вскорѣ по устроеніи обители, преп. Іосифъ предоставилъ управленіе ею другому, а самъ, прикрывая свои подвиги юродствомъ, для изнуренія плоти, носилъ за пазухою камни или песокъ и землю. Въ жестокіе морозы ходилъ босикомъ,—цѣлыя ночи стоялъ на молитвѣ въ своей часовнѣ, подъ одеждою своею носилъ до того колючую власяницу, что изъ-подъ нея струилась кровь. Многіе смѣялись надъ его страннымъ видомъ, но онъ переносилъ все незлобиво. Такъ прожилъ онъ 25 лѣтъ. На канунѣ своей кончины, пріобщившись Св. Таинъ, блаженный исполнился духовной радости и вспоминалъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ ему, въ томъ числѣ и о чудесномъ явленіи иконы и исцѣленіи отъ нея. На утро сказалъ одному изъ братіи: „скажи о. игумену Ѳеодосію, что бы положилъ грѣшное тѣло мое въ часовнѣ, которую самъ я построилъ". Сказавъ это, преп. Іосифъ предалъ духъ свой Господу. Мощи преп. Іосифа, почившаго въ 1602 г., покоятся въ Заоникіевской пустыни (нынѣ заштатной). Здѣсь же почиваютъ мощи сподвижниковъ его—Антонія и Іоан-

никія. (Ист. рос. іер. IV. 134—135. Рус. свят.—Филарета, арх. черн.)

Заоникіевская Владимірская икона Божіей матери—явилась въ 1588 году 23 іюня, въ 12 верстахъ отъ Вологоды. Во имя этой иконы преп. Іосифъ на мѣстѣ ея явленія поставилъ церковь и устроилъ обитель (смотри выше о преп. Іосифѣ). (Слава Богомат. ч. 3, I, 63; Сборн. изобр. явлен. и чудотв. ик. Пресв. Богор. стр. 24).

24-е число.

Рождество честнаго славнаго пророка предтечи и Крестителя Господня Іоанна.—Свв. мучч. седми братій по плоти: Орентія, Фарнакія, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Киріака и Лонгина.

(Соборъ Захаріи и Елизаветы.—Муч. Панагіота.—Свв. Іакова и Іоанна менюжскихъ.—Св. Никиты, еп. ремесіанскаго).

РОЖДЕСТВО ЧЕСТНАГО СЛАВНАГО ПРОРОКА ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ІОАННА.

Этотъ праздникъ находится въ неразрывной связи съ праздникомъ Рождества Христова 25 декабря, такъ какъ Іоаннъ родился, судя по зачатію, за 6 мѣсяцевъ до Рождества Христова. Свидѣтельства объ этомъ праздникѣ рождества Предтечи восходятъ къ 4-му вѣку. У Златоуста есть нѣсколько словъ на этотъ день. Этотъ праз-

дникъ показанъ въ древнѣйшихъ западныхъ календаряхъ: кареагенскомъ V-го вѣка и Іеронимовомъ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Замѣт. стр. 175—176).

СВВ. МУЧЕНИКОВЪ: ОРЕНТІЯ. ФАРНАКІЯ, ЕРОСА, ФИРМОСА, ФИРМИНА, КИРІАКА И ЛОНГИНА.

Эти святые мученики жили и пострадали при императорахъ Діоклитіанѣ и Максиміанѣ; по своему занятію они были воины. Въ концѣ царствованія Діоклитіана и въ началѣ царствованія Максиміана случилось нападеніе скиеовъ на имперію, наведшее сильный страхъ и ужасъ на всѣхъ. Особенно же страшились самого скиескаго царя Мароеа, отличавшагося большою тѣлесною силою, такъ что никто не могъ одолѣть его. Святому Орентію, какъ человѣку отличавшемуся значительною силою и ловкому, было приказано выйти на поединокъ со скиескимъ княземъ. Вооружившись не столько оружіемъ, сколько вѣрою во Христа и надеждою на его помощь, св. Орентій побѣдилъ скиескаго силача и въ доказательство принесъ царю отрубленную его голову. Царь по этому поводу принесъ благодарственныя жертвы идоламъ. Принуждаемый поклониться идоламъ, въ благодарность за побѣду, св. Орентій отказался, объяснивъ, что онъ одолѣлъ врага силою Христовою. Когда ни увѣщанія, ни угрозы, ни обѣщаніе почестей и наградъ не склонили св. Орентія на сторону язычества, то императоръ приказалъ его съ другими шестью братьями отослать въ армянскій городъ Сатавы съ повелѣніемъ тамошнему начальнику въ случаѣ раскаянія мучениковъ прислать ихъ обратно къ нему — императору, — въ случаѣ же отказа сослать въ страну Авасговъ и Зикховъ (на Кавказъ).

Святые, дѣйствительно, отправлены были на Кавказъ Чернымъ моремъ. Около мѣста, такъ называемаго Парем-волъ—(лагерь, упоминаемый въ Дѣяніяхъ ефесскаго собора), скончался первый Еросъ, потомъ Орентій въ Ризѣ (на южномъ берегу Чернаго моря), Фарнакій въ Кардилѣ (тамъ же), Фирмосъ и Фирминъ въ Апсарѣ (на восточномъ берегу Чернаго моря), Киріакъ въ Заганіи или Зиганіи (Зингамъ на восточномъ берегу Чернаго моря), Лонгинъ умеръ на морѣ—на пути въ мѣсто ссылки въ Ливику и погребенъ въ Питіундѣ (нынѣ Пицунда сѣвернѣе Зингама). (Прологъ. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 176).

Мученикъ Панагіотъ кессарійскій пострадалъ отъ турокъ въ Константинополѣ; скончался въ 1765 году. Тѣло его было погребено христіанами за городомъ, на кладбищѣ живоноснаго источника. (Христ. муч.—Свящ. П. Соловьева).

СВЯТЫХЪ ІАКОВА И ІОАННА МЕНЮЖСКИХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ.

Свв. отроки Іаковъ и Іоаннъ были дѣти благочестивыхъ родителей Исидора и Варвары, живших около 1570 года и занимавшихся земледѣліемъ въ одномъ изъ селеній Медвѣдскаго погоста, въ 60 верстахъ отъ Новгорода. Однажды въ осеннее время, этотъ благочестивый мужъ Исидоръ убилъ барана и, приготовивъ его, какъ слѣдуетъ для употребленія въ пищу, отправился съ своею женою Варварою въ поле, находящееся въ недальнемъ разстояніи отъ дома, оставивъ тамъ своихъ дѣтей безъ всякаго надзора: изъ коихъ старшему Іоанну было 5 лѣтъ, а младшему Іакову 3 года. Дѣти, видѣвши упомянутое дѣйствіе отца надъ бараномъ, приняли это за

обыкновенную забаву и вздумали позабавиться сами подобнымъ же образомъ. Старшій братъ взялъ палку и ударилъ ею въ голову своего младшаго брата, который тотчасъ же отъ удара упалъ на землю и умеръ. Увидавъ умершимъ своего брата, Іоаннъ испугался и, не зная, что ему дѣлать, скрылся въ печи за дровами, которые по случаю дождливой осени были положены въ нее заранѣе для просушки. Возвратившись вечеромъ съ работы и нашедши младшаго своего сына мертвымъ, Исидоръ съ Варварою горько плакали и еще болѣе усилили свой плачъ, когда нигдѣ не могли отыскать старшаго сына. Наконецъ нѣсколько поуспокоившись, мать, по обычаю, зажгла въ печи дрова, не зная, что за ними скрывается сынъ. Когда дрова прогорѣли, и Варвара взглянула въ печь, то увидѣла тамъ своего сына, который былъ мертвъ уже, но совершенно невредимъ. Оплакавъ дѣтей своихъ, Исидоръ и Варвара предали тѣла ихъ погребенію по христіанскому обряду, на кладбищѣ приходской церкви святителя и чудотворца Николая, что въ Медвѣдскомъ погостѣ. Всеблагій Господь, зная незлобіе и невинность сихъ младенцевъ, восхотѣлъ въ нихъ прославить имя Свое, почтивъ нетлѣніемъ непорочныя тѣла ихъ, и сопричислилъ ихъ къ лику святыхъ Своихъ, — одного, какъ невинно—убитаго, а другаго, какъ принявшаго за убійство мученическую кончину отъ огня. Спустя нѣсколько времени послѣ погребенія свв. отроковъ Іоанна и Іакова, гробы съ ихъ тѣлами были найдены заблудившимися охотниками на одномъ небольшомъ озеркѣ, въ двухъ верстахъ отъ бывшаго Менюжскаго монастыря. Когда узнали объ этомъ окрестные жители и священники Медвѣдскаго погоста, то отправились за ними на сказанное озерко, чтобы предать тѣла ихъ по-

гребенію на прежнемъ мѣстѣ. Но нѣкоторымъ благочестивымъ поселянамъ святые отроки явились во снѣ и сказали, что они желаютъ быть погребенными на пустомъ мѣстѣ—Менюжѣ, гдѣ прежде былъ монастырь во имя Св. Живоначальныя Троицы. Согласно этому повелѣнію, тѣла свв. отроковъ были погребены на указанномъ мѣстѣ съ подобающею честью. Надъ гробами ихъ была поставлена первоначально часовня, а впослѣдствіи церковь во имя Св. Троицы. Всеблагій Господь сподобилъ сихъ отроковъ дара чудотвореній, и многіе изъ притекающихъ къ ихъ гробамъ начали получать исцѣленія отъ различныхъ недуговъ и болѣзней. — Въ царствованіе Благочестивѣйшихъ Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, при новгородскомъ митрополитѣ Корниліѣ, мощи свв. отроковъ Іоанна и Іакова были свидѣтельствованы и обрѣтены цѣлыми и невредимыми, каковыми почиваютъ и до нынѣ, подъ спудомъ, въ Менюжской свято-Троицкой церкви, находящейся въ 40 верстахъ отъ Новгорода.

Мѣстная память св. отрокамъ Іоанну и Іакову совершается 24 іюня, въ который бываетъ изъ Менюжской и прочихъ окрестныхъ церквей крестный ходъ на то сасамое озеро, гдѣ тѣла свв. отроковъ были обрѣтены охотниками. (Ист. рос. іер. V 64—65. Ист. слов. о свят. стр. 125. Рус. свят.—Филарета, арх. черн.).

СВЯТАГО НИКИТЫ, ЕП. РЕМЕСІАНСКАГО.

Св. Никита родился въ томъ же городѣ Ремесіанѣ (Ремешкѣ), въ которомъ родился и другъ его Павлинъ, еп. Ноленскій, и при томъ въ томъ же 353 году. Св.

Никита не былъ грекъ,—иначе писалъ бы сочиненія на греческомъ языкѣ; не былъ и римлянинъ, — иначе назывался бы Викторомъ, а не Никитою, при томъ не возбуждалъ бы удивленія въ римлянахъ своими латинскими сочиненіями. Онъ былъ славянинъ, но получилъ обширное римское образованіе, вѣроятно въ Римѣ. Святителемъ онъ былъ въ родномъ своемъ городѣ — Ремесіанѣ, который находился между Софіею и Нишью; это то-же, что нынѣшній Ниротъ. Святому Никитѣ, по волѣ Божіей, пришлось быть апостоломъ славянскихъ племенъ юга и путешествовать изъ страны въ страну, чтобы съ апостольскою ревностью проповѣдывать евангельское ученіе. Онъ проповѣдывалъ Евангеліе славянскимъ племенамъ: *бесовъ*, жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ, *скиѳовъ*, или *гетовъ* и по обоимъ берегамъ Дуная славянскому племени *даковъ*. Что касается успѣховъ проповѣди св. Никиты между славянами, то среди гетовъ проповѣдь не требовала большаго труда; по свидѣтельству Павлина: „геты бѣгутъ сами на встрѣчу Евангелію". Блаженный Іеронимъ, современникъ св. Никиты, писалъ: „рыжее и бѣлокурое войско гетовъ носитъ съ собою въ палаткахъ церкви". Что касается перемѣны, произведенной евангельскою проповѣдью, между племенемъ бесовъ, то тотъ же современникъ св. Никиты — блаженный Іеронимъ говоритъ: „звѣрскіе бесы и толпы тулупниковъ, приносившіе въ жертву людей, измѣнили свой скрежетъ на сладкую пѣснь Христу". А блаж. Павлинъ такъ поетъ о св. Никитѣ:

Не любившіе склонять шею подъ рабство,
Не укротимые никакою войною,
Нынѣ, покорные истинному Владыкѣ, весело
Протягиваютъ шею.

Нынѣ, болѣе богатый цѣною труда,
Бесъ радуется: изъ земли рукою
Копалъ прежде; теперь умомъ на небѣ
Собираетъ золото.
Какая перемѣна! И какая счастливая!
Непроходимыя и кровавыя до толѣ горы
Нынѣ скрываютъ разбойниковъ, ставшихъ монахами,
Питомцами мира.
Гдѣ былъ обычай звѣрей,
Нынѣ тамъ чинъ ангеловъ;
Скрывается праведникъ въ пещерѣ,
Гдѣ былъ разбойникъ".

Такимъ образомъ дѣятельность св. Никиты. проповѣдника славянскаго. обращена была преимущественно на славянъ балканскихъ. Это и естественно по близости ихъ къ мѣсту его каѳедры. Павлинъ восхищался тѣмъ, что неукратимые бесы. примиренные проповѣдью св. Никиты, стали мирны въ отношеніи имперіи. По отзывамъ же исторіи, одинъ изъ питомцевъ св. Никиты сидѣлъ на престолѣ восточной имперіи; это Левъ великій родомъ ѳракъ, а точнѣе бесъ. А когда императоръ Анастасій началъ насиліями проповѣдывать евтихіанство въ имперіи, воспитанные въ чистой вѣрѣ св. Никитою жители Ѳракіи, Мизіи и малой Скиѳіи явились (въ 514 г.) самыми жаркими защитниками православія и защищали его съ оружіемъ въ рукахъ.

Св. Никита въ 392 г., по порученію собора, отправился увѣщавать сосѣдняго епископа Боноза, запутавшагося въ ошибкѣ о вѣрѣ. Въ 397 году онъ путешествовалъ въ Римъ и въ Нолѣ видѣлся съ другомъ своимъ еп. Павлиномъ. Павлину очень хотѣлось, чтобы св. Никита пробылъ у него побольше, — но дѣла паствы отозвали святителя къ его паствѣ. Спустя четыре года,

въ 402 г. св. Никита явился въ Нолу къ празднику св. Феликса, не взирая на опасность времени. Другъ его Павлинъ былъ въ восторгѣ отъ этого неожиданнаго посѣщенія. Онъ написалъ поэму о св. Феликсѣ, гдѣ изображаетъ радость свою о посѣщеніи его святителемъ. Какъ долго послѣ того подвизался св. Никита, точныхъ извѣстій объ этомъ нѣтъ. Вѣроятно, онъ скончался около 420 года. Геннадій массилійскій писалъ: „Никита—еп. ремесійскій сочинилъ слогомъ простымъ и чистымъ, приспособленнымъ *къ оглашеннымъ въ вѣрѣ*, шесть книгъ. Первая—о готовящихся къ вѣрѣ, вторая—о заблужденіяхъ язычества, третья—о вѣрѣ въ Высочайшее существо, четвертая—противъ родословія, пятая—о символѣ, шестая — о жертвѣ пасхальнаго агнца. Кромѣ того издалъ онъ книгу о *падшей дѣвѣ*, возбуждающую каждаго падшаго къ исправленію“. Сочиненія св. Никиты извѣстны и нынѣ; Кассіодоръ весьма хвалитъ ихъ за благочестивый духъ и за основательное знаніе. (Свят. южн. Слав.—Филарета, арх. черн. ч. I, 103—109).

25-е число.

Св. муч. Февроніи.—Свв. благовѣрныхъ чудотворцевъ муромскихъ—князя Петра и супруги его княгини Февроніи, нареченныхъ въ иночествѣ Давида и Евфросиніи. Празднество Іоанна предтечи.

(Память избавленія отъ Срацынъ, по сушѣ и морю обложившихъ Царьградъ.—Преподобномучяницъ: Леониды, Левіи и Евтроніи.—Преп. Симеона.—Преп. Діонисія. — Преп. Дометія. Преподобномученика Прокопія).

СВЯТЫЯ МУЧЕНИЦЫ ФЕВРОНІИ.

Въ Месопотаміи отшельническая жизнь явилась рано. Въ горахъ, сосѣднихъ съ Низибіею (иначе называлась Сиваполемъ или Совою, а также Антіохіею мигдонійскою), пещеры служили жилищами для отшельниковъ и отшельницъ. Древнѣйшій изъ мужскихъ монастырей Низибіи находился подъ управленіемъ преп. Маркела въ 300 году. Въ тоже время и тутъ же была община 50 дѣвственницъ. Основательницею низибійской общины дѣвъ была діаконисса Платонида, и она же была для нея примѣромъ богоугодной жизни. По правиламъ ея образовались высокія подвижницы: Вріенна, Ѳомаида, Іерія. Самымъ же великолѣпнымъ цвѣткомъ въ этомъ саду Божіемъ была св. дѣва Февронія.

Февронія съ дѣтства жила въ блаженной общинѣ. Она была отдана на третьемъ году жизни теткѣ ея блаж.

Вріеннѣ, которая надзирала за нею съ нѣжною любовію. Красота Февроніи была поразительная еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Вріенна принимала всѣ мѣры для сохраненія своего цвѣтка. Едва дѣвочка достигла возраста, допускавшаго воздержаніе, она стала, по совѣту тетки, принимать пищу черезъ день. Входя въ благочестивыя мысли и намѣренія тетки и замѣчая, что здоровье ея нисколько не страдаетъ отъ поста, Февронія скоро стала употреблять самое малое количество хлѣба и воды. Къ этому она присоединяла жизнь самую строгую: спала на узкой и короткой доскѣ; если ея тревожили ночью мечты, то она вставала и читала священное Писаніе или становилась на молитву. Когда, по смерти Платониды, Вріенна сдѣлалась начальницею общины, Февроніи приказано было читать по пятницамъ священное Писаніе. А такъ какъ изъ города собиралось много посѣтительницъ слушать Слово Божіе, то Февронія читала за занавѣсью, чтобы скрыть свою красоту даже и отъ особъ своего пола. Чтеніе обыкновенно сопровождалось краткимъ объясненіемъ, и Февронія такъ ясно и отчетливо говорила о смыслѣ того или другаго отдѣленія Писанія, что въ цѣломъ городѣ стали говорить объ умѣ толковательницы. Къ этимъ слухамъ присоединялись похвалы сестеръ добродѣтелямъ и красотѣ Февроніи, возбуждавшія любопытство городскихъ жительницъ, которыя стремились слушать Февронію. Особенно сильно заинтересована была Февроніею Іерія язычница, вдова сенатора, лишившаяся мужа на осьмомъ мѣсяцѣ замужства. Благодаря сообществу Февроніи, она обратилась въ христіанство, убѣдивъ къ тому же и все свое семейство *).

*) О св. Іеріи смотри 3-е іюня.

Въ 310 г. императоръ Діоклетіанъ послалъ въ Месопотамію Лизимаха, сына знаменитаго Анѳима, и Селенія, брата Анѳима, для преслѣдованія христіанъ. Селеній былъ человѣкъ весьма жестокій и ненавидѣвшій христіанъ не меньше, чѣмъ самъ императоръ. Лизимахъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Мать его христіанка на смертномъ одрѣ завѣщала ему со всею настойчивостью —покровительствовать христіанамъ. Діоклетіанъ, очень уважавшій Анѳима, не хотѣлъ, по уваженію къ отцу, лишать сына его почетнаго мѣста, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подозрѣвая его въ благосклонности къ христіанамъ, далъ мѣсто въ видѣ испытанія: Селеній былъ назначенъ скорѣе въ руководителя нежели въ товарища Лизимаху. Съ ними посланъ былъ еще Примусъ, также родственникъ ихъ. Городъ Низибія скоро узналъ объ ожидавшихъ его ужасахъ. Низибійцы услышали о жестокостяхъ, совершенныхъ Селеніемъ въ Месопотаміи и Сиріи пальмирской: онъ истреблялъ тамъ христіанъ огнемъ и мечемъ, а оставшихся отъ пламени и желѣза предавалъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Лизимахъ терзался отъ этихъ жестокостей. Не разъ онъ говорилъ наединѣ Примусу: „тебѣ извѣстно, что мать моя была христіанка и сильно склоняла меня къ своей вѣрѣ. Я удержался лишь изъ боязни прогнѣвить императора и отца. Но при смертномъ одрѣ ея я далъ ей слово не предавать смерти ни одного христіанина и обращаться съ ними дружелюбно. А что дѣлаетъ дядя съ христіанами, попадающими въ его руки! Умоляю тебя не предавай ихъ ему, но помогай имъ спасаться бѣгствомъ“. Примусъ склонился на сторону добрыхъ чувствъ, сдерживалъ преслѣдованіе и давалъ знать христіанамъ, чтобы они спасались бѣгствомъ, кто куда можетъ. Мучители прибли-

жались къ Низибіи. Пресвитеры, отшельники, самъ епископъ, услышавъ объ этомъ, скрылись, гдѣ кто могъ. Инокини монастыря Вріенны хотѣли послѣдовать примѣру ихъ и просили дозволенія настоятельницы. „Врагъ далеко,—говорила Вріенна,—вы еще не видѣли его,—а уже хотите бѣжать. Борьба не началась,—а вы уже падаете духомъ. Бѣдныя дѣти мои! Будьте тверды. Останемся здѣсь, примемъ смерть изъ любви къ Тому, Кто за насъ пострадалъ и умеръ“. Увѣщаніе матери сначала подѣйствовало на сестеръ общины, но потомъ одна изъ сестеръ сильно смутила ихъ, и онѣ трепетали грубыхъ воиновъ. Настоятельница дозволила имъ скрыться. Онѣ уговаривали и Февронію бѣжать вмѣстѣ съ ними; но св. дѣвственница лежала больною и предала себя волѣ Божіей. Оставшись съ Февроніею и Ѳомаидою, настоятельница молила Господа съ воплемъ и слезами о защитѣ. Ѳомаида успокоивала ее надеждою на Господа, Который если не найдетъ нужнымъ избавить отъ смерти, то подастъ силы и крѣпость пострадать для славы имени Его и для вѣчнаго блаженства. Вріенна нѣсколько успокоилась. Но, смотря на больную племянницу, она опять заскорбѣла. Февронія спрашивала, о чемъ она скорбитъ. — „О тебѣ тоска ея, — сказала Ѳомаида: смотря на твою молодость и представляя себѣ жестокость мучителей, наша мать не можетъ не содрогаться“.—„Прошу васъ,—отвѣчала Февронія,—молиться за меня грѣшную, дабы Богъ обратилъ на меня милостивый взоръ свой; уповаю, что Онъ не откажетъ мнѣ въ помощи своей, при вашихъ молитвахъ“. Вріенна и Ѳомаида со всею нѣжностью уговаривали ее приготовиться къ твердой борьбѣ. Онѣ говорили ей, что ихъ схватятъ враги и предадутъ смерти, а ея красота и

молодость заставятъ ихъ предлагать ей разныя обольщенія: и богатство, и молодаго жениха, и роскошную жизнь, лишь бы она отреклась отъ Христа Господа. „Но помни, Февронія,—говорила Вріенна,—что дѣвство —дорогой даръ Господу: страшно нарушать обѣтъ дѣвства, а отрекаться отъ Христа еще страшнѣе. Ты всегда была покорною дочерью моею, ты знаешь, что я взяла тебя съ рукъ кормилицы и всегда берегла чистоту души твоей. Утѣшь же мою старость вѣрностію Господу. Помни, какъ радостно страдали другіе за Христа. Ливіи отсѣкли голову, а другую сестру нашу Леониду сожгли; Евтропія на 12-мъ году замучена вмѣстѣ съ матерью. Ты сама восхищалась тѣмъ, что Евтропія въ то время, какъ рѣшили пронзить ее стрѣлами, могла убѣжать, но предпочла пострадать за Христа. Февронія благодарила за наставленія, внушавшія ей мужество". „Господу Іисусу посвятила я дѣвство мое, сказала она: Ему отдамъ и жизнь мою". Ночь прошла въ трогательныхъ бесѣдахъ. Съ восходомъ солнца городъ былъ взволнованъ. Многіе христіане были схвачены и отведены въ темницу. Язычники донесли Селенію объ общинѣ Вріенны. Воины, пришедши въ общину, выломали двери, схватили настоятельницу и подняли мечи надъ ея головою. Февронія бросилась къ ихъ ногамъ, умоляя ихъ умертвить сперва ее, чтобы ей не видать смерти матери—воспитательницы. Явился Примусъ и велѣлъ воинамъ удалиться. Узнавъ, что отшельницы скрылись, онъ совѣтывалъ и остальнымъ спасаться бѣгствомъ. Возвратившись изъ обители, Примусъ сказалъ Лизимаху, что въ ней остались только двѣ старухи и одна дѣвушка. „Клянусь богами, прибавилъ онъ,—дѣвушка такая красавица, что если бы не была бѣдна,

лучшей невѣсты не видать тебѣ во всю жизнь“. Лизимахъ напомнилъ, что, по наставленію матери, онъ не можетъ дѣву обѣта отнимать для себя у ея Господа. Онъ умолялъ Примуса спасти жизнь трехъ дѣвъ. Одинъ воинъ слышалъ разговоръ друзей и передалъ Селенію. Селеній тотчасъ приказалъ захватить въ обители Февронію и объявилъ въ городѣ, что завтра Февронія будетъ судима. Воины надѣли на шею Февроніи желѣзное кольцо, сковали ея оковами и повели изъ обители. Вріенна и Ѳомаида упрашивали взять и ихъ: но воины отвѣчали, что приказано представить въ судъ одну Февронію. Со слезами еще разъ умоляла Вріенна Февронію быть твердою для Господа. Всѣ въ городѣ скорбѣли о томъ, что схватили дорогую для нихъ наставницу. Явились Селеній и Лизимахъ. Февронія введена была со связанными за спиною руками и съ желѣзнымъ ошейникомъ. По желанію Селенія, Лизимахъ сталъ предлагать вопросы. —„Свободная ли ты или раба?“ былъ первый вопросъ. —„Раба“, отвѣчала святая. —„Чья же раба?“ —„Раба Господа моего Іисуса Христа“. „Твое имя?“ — „Я христіанка и зовутъ меня Февронію“. Селеній сказалъ св. дѣвѣ: „клянусь богами, Февронія, что я не долженъ бы быть снисходительнымъ къ тебѣ; но твоя красота и скромность берутъ верхъ надъ моимъ гнѣвомъ. Слушай же, дочь моя: боги свидѣтели, что братъ мой Анѳимъ и я избрали для Лизимаха богатую и знатную невѣсту; но я готовъ соединить твою руку съ рукою Лизимаха. Посмотри на него: онъ молодъ, красивъ, знатенъ, богатъ; все состояніе мое будетъ твоимъ приданымъ: дѣтей у меня нѣтъ. Императоръ прольетъ милости на Лизимаха. Ты будешь самою счастливою женою. Но знай и то, что если ты не примешь моего предло-

женія, клянусь всѣми богами,—ты не проживешь долѣе трехъ часовъ. Выбирай. „Женихъ мой,—отвѣчала Февронія,—безсмертенъ. На Него не промѣняю никого. Никакія лестныя обѣщанія и никакія угрозы не перемѣнять моего рѣшенія. Не нужно вамъ и тратить словъ“.— Не ожидавшій такого твердаго отвѣта, гордый Селеній приказалъ сорвать съ Февроніи одежды ея и набросить на нее лохмотья; сквозь дырявую ветошь была видна нагота Февроніи. Селеній съ хохотомъ сказалъ: „не стыдно ли тебѣ быть въ такомъ видѣ предъ нами?“— „Если ты къ этому оскорбленію присоединишь пытки желѣзомъ и огнемъ, я готова и на нихъ“,—отвѣчала Февронія.—„Безстыдная дѣвушка! закричалъ Селеній:— гордясь своею красотою, ты величаешься тѣмъ, что она выставлена на показъ всѣмъ“.—„Нѣтъ,—отвѣчала Февронія твердо,—нѣтъ! Доселѣ ни одному мущинѣ я не дозволяла видѣть лица моего; теперь же рѣшаюсь терпѣть и пытки—только для Господа моего“.—„Хорошо! закричалъ разсвирѣпѣвшій Селеній: пусть узнаетъ пытки!“—Онъ приказалъ привязать ее между четырьмя столбами и разложить подъ нею огонь, и въ то самое время, какъ ее будетъ жечь огонь, осыпать ее ударами. Это истязаніе производимо было съ такою звѣрскою жестокостію, что кровь полилась ручьями и тѣло падало клочьями. Многіе изъ зрителей падали безъ чувствъ, другіе громко требовали прекратить звѣрство. Но Селеній былъ безчеловѣченъ. Онъ приказалъ остановить мученіе только тогда, когда сказали, что Февронія умерла;—но она лежала безъ чувствъ. Страдалица приведена была въ чувство водою. Судья сурово сказалъ: „удаченъ ли твой первый опытъ, Февронія? Какъ находишь ты его?“—„Ты можешь самъ судить“,—отвѣчала Февронія:—

жестокость твоя побѣдила ли мою слабость?" — Повѣсить ее! сказалъ мучитель, драть бока ея желѣзными когтями и жечь до костей!" Палачи принялись за работу. Тѣло падало клочьями вмѣстѣ съ льющеюся кровью, огонь проникалъ до внутренностей. Святая сперва говорила: „Спаситель мой, не покинь меня въ страшный часъ". Потомъ страдала молча. Многіе изъ присутствовавшихъ поспѣшили выдти изъ судебной палаты. Другіе говорили страшному судьѣ, чтобы онъ приказалъ, покрайней мѣрѣ, отнять огонь. Селеній согласился и потомъ сталъ допрашивать мученицу. Февронія не въ состояніи была отвѣчать. Судья велѣлъ за дерзость отрѣзать ей языкъ. Но судью остановили. Селеній приказалъ вырвать у мученицы зубы,—и это было исполнено. — „Поклонишься ли ты богамъ?" кричалъ Селеній. Онъ велѣлъ отрѣзать груди ея. Святая молилась: „Господи. Ты видишь какъ я страдаю: прими душу мою къ Себѣ". Когда ея отвязали отъ столба, она не могла держаться на ногахъ и упала. Старица Вріенна оставалась въ обители для молитвы. Ей дали знать, какъ тверда ея питомица, и она благодарила Господа. Она умерла,—сказалъ Примусъ Лизимаху, когда Февронія лежала безъ чувствъ на землѣ. — „Нѣтъ", отвѣчалъ Лизимахъ, — „она еще будетъ бороться за вѣру, для спасенія другихъ, — ты увидишь. Такова христіанская твердость!" Послѣ этого Селеній велѣлъ отсѣчь Февроніи руки и ноги, — что и было исполнено. — „Довольно!" — сказалъ Лизимахъ Селенію: „пойдемъ обѣдать". — „Нѣтъ, пока не увижу послѣдняго вздоха ея, не уйду", сказалъ Селеній и велѣлъ отрубить Февроніи голову. Придя къ обѣду, Селеній въ припадкѣ неистоваго бѣшенства размозжилъ себѣ голову о столбъ. Узнавъ о страшной смерти дяди,

Лизимахъ просилъ Примуса устроить почетное погребеніе страдалицы Февроніи. Останки мученицы были собраны и погребены въ обители съ почестями. Примусъ и Лизимахъ приняли христіанство. Въ честь страдалицы начали строить храмъ въ Низибіи, освященный на шестомъ году послѣ ея кончины. Мощи св. мученицы Февроніи перенесены были въ Царьградъ, вѣроятно, около 363 года, послѣ взятія Персами Низибіи. Житіе и страданіе Февроніи описаны св. Ѳомаидою. У абиссинцевъ память дѣвы Нефроніи или Афроніи—1 іюля.

Если славною смертію св. Февроніи произведено было сильное дѣйствіе на стороннихъ людей и на гражданъ Низибіи, то понятно, какъ много значила эта смерть для сподвижницъ сестеръ ея. Въ лучшихъ изъ нихъ, каковыми оказались и во время страшнаго испытанія блаженная Вріенна и Ѳомаида, смерть Февроніи усилила ревность къ подвигамъ благочестія и одушевила надежду на всесильную благодать Божію. Блаженная старица Вріенна окончила свою подвижническую жизнь, спустя два года послѣ освященія храма въ честь мученицы—питомцы ея (въ 318 году). Послѣ нея осталась настоятельницею блаженная Ѳомаида. Въ 322 году окончила свои подвиги св. Ѳомаида. (Прологъ. Четьи-Минеи).

СВ. ПЕТРА КНЯЗЯ МУРОМСКАГО и СУПРУГИ ЕГО КНЯГИНИ ФЕВРОНІИ.

Святый Петръ, въ иночествѣ Давидъ, князь муромскій, былъ второй сынъ князя Юрія Владиміровича муромскаго. Старшій братъ его Владиміръ Юрьевичъ съ 1170 г. наслѣдовалъ послѣ отца Муромъ. Вмѣстѣ съ этимъ княземъ и нѣсколькими другими св. Петръ дѣ-

лалъ нѣсколько походовъ и противъ другихъ русскихъ князей (рязанскихъ), и противъ балгаръ—(магометанъ). нападавшихъ на предѣлы муромскіе. Вообще, во время управленія Муромомъ Владиміра Юрьевича. св. Петръ относился къ своему брату съ уваженіемъ, какъ къ старшему князю. Когда же въ концѣ 1203 г. князь Владиміръ умеръ, то муромскимъ княземъ сдѣлался св. Петръ. —Въ самомъ началѣ княженія ему пришлось испытать сильную борьбу съ собою. изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ. За нѣсколько времени до принятія правленія княжескаго онъ долго страдалъ опасною болѣзнію: тѣло его было покрыто струпьями. Дочь одного бортника (древолазца), славившаяся своимъ умомъ и красотою, вылѣчила его мазью, — оставался только одинъ струпъ, котораго не коснулась мазь. Эта дѣвушка, дочь простаго крестьянина пчеловода, понравилась князю; по разговорамъ и поступкамъ онъ призналъ въ ней высокія качества ума и сердца и далъ слово жениться на ней. Но потомъ нашелъ неприличнымъ для князя супружество съ дѣвицею простаго рода, дочерью лѣснаго пчеловода. Болѣзнь между тѣмъ возобновилась. Февронія, въ иночествѣ Евфросинія, вновь вылѣчила князя, и признательный князь выполнилъ свое обѣщаніе: сочетался съ нею бракомъ. Когда же послѣ смерти брата, онъ вступилъ на престолъ княжескій, муромская знать объявила ему: „или отпусти жену, которая своимъ происхожденіемъ оскорбляетъ знатныхъ боярынь, или оставь Муромъ". Но князь, помня слова Господа: „что Богъ сочиталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ", вѣрный долгу христіанскаго супруга, согласился лучше отказаться отъ княжества, чѣмъ разойтись съ женою. Онъ остался послѣ того съ небогатыми средствами къ жизни. и

печальныя мысли невольно приходили ему на умъ. Но умная княгиня говорила ему: „не печалься, князь,— Богъ милосердъ и не оставитъ насъ въ бѣдности“. Между тѣмъ въ Муромѣ скоро открылись непримиримые раздоры; искатели власти схватились за оружіе, и многіе вельможи потеряли жизнь. Бояре муромскіе принуждены были для прекращенія безпорядковъ просить князя Петра и княгиню Февронію возвратиться на свое княженіе.

Во время своего княженія, св. Петръ неоднократно принималъ участіе въ событіяхъ Россіи. Въ 1207 году онъ является обличителемъ старшихъ рязанскихъ князей предъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ ихъ невѣрности великому князю и своими войсками помогаетъ Всеволоду въ войнѣ съ пронскими и рязанскими князьями. За такую услугу великій князь Всеволодъ отдалъ ему богатое пронское княжество. Но въ слѣдующемъ году пронскіе князья осадили его въ Пронскѣ. Добродушный Петръ послалъ сказать имъ: „братья! я не самъ собою занялъ Пронскъ: меня посадилъ тутъ Всеволодъ,— Пронскъ—вашъ“. Послѣ этого онъ спокойно возвратился въ Муромъ. Въ 1214 г. князь Петръ ходилъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Георгіемъ противъ ростовскаго князя, но на этотъ разъ не было пролито крови: князья помирились. Въ 1220 г. войска князя Петра участвовали въ славномъ походѣ противъ болгаръ (закамскихъ).— Въ Муромѣ правленіе св. князя Петра было правдолюбивое, но безъ суровой строгости, милостиво, но безъ слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу совѣтами и дѣлами благотворительности. Оба жили по заповѣдямъ Господа, не любили ни гордости, ни неправедной корысти; покоили странниковъ, облегчали

участь несчастныхъ, чтили иноческій и священническій чинъ, ограждая его отъ нуждъ. Оба вели жизнь постническую, чистую и цѣломудренную.—Одинъ женатый распалялся нечистыми помыслами, смотря на прекрасную княгиню. Однажды во время катанья по рѣкѣ Окѣ, княгиня сказала ему: „почерпни воды изъ рѣки съ этой стороны судна!“ Тотъ почерпнулъ. „Попробуй,—какова—она?“—сказала княгиня. Приказаніе исполняется. „Теперь почерпни воды съ другой стороны судна и попробуй ее“, — сказала княгиня. И когда тотъ выполнилъ волю ея,—она спросила: „находишь ли ты разницу между тою и другою водой?“—„Никакой,“—отвѣчалъ тотъ. Тогда княгиня сказала: „точно такъ одинаково естество женское; напрасно, поэтому, ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой“.

Достигнувъ глубокой старости, князь и княгиня въ одно время облеклись въ иноческое одѣяніе; одинъ съ именемъ Давида, а другая съ именемъ Евфросиніи. На пасхальной недѣлѣ 1228 г. умеръ сынъ князя Петра, потомъ на той же недѣли преставился самъ князь*), а въ одинъ день съ нимъ почила и блаженная Евфросинія. Князь и княгиня, согласно завѣщанію, положены были въ одномъ гробѣ.— Въ началѣ XVI в. „по всѣмъ странамъ прошла вѣсть, что въ городѣ Муромѣ явились славные чудотворцы, дарующіе исцѣленія приходящимъ къ нимъ“. Поэтому, соборомъ 1547 г. положено мѣстно праздновать память князя Петра и Февроніи; тогда же написана и служба имъ. Впослѣдствіи празднованіе имъ стало повсемѣстнымъ,—вѣроятно вскорѣ послѣ того, какъ

*) Если князь Петръ и княгиня Февронія скончались въ Апрѣлѣ—на святой недѣлѣ, то 25 іюня нужно признать за день открытія мощей ихъ.

царь Іоаннъ IV Васильевичъ, на походѣ противъ Казани—въ 1552 г., благоговѣйно поклонялся въ Муромѣ сродникамъ своимъ великимъ чудотворцамъ, кн. Петру и кн. Февроніи. Мощи святыхъ Петра и Февроніи почиваютъ въ муромской соборной церкви.

Блажен. Петръ и Февронія въ жизни своей были образцомъ христіанскаго супружества, готовые на всѣ лишенія для евангельской заповѣди о ненарушимомъ союзѣ. И нынѣ они молитвами своими низводятъ небесное благословеніе на вступающихъ въ бракъ. — Такъ показываютъ многіе опыты загробной жизни ихъ. (Прологъ. Ист. слов. о свят. стр. 226— 227. Рус. свят. — Филарета арх. черн. Жит. св.—Муравьева).

СВЯТАГО ДІОНИСІЯ, КТИТОРА ОБИТЕЛИ ІОАННА ПРЕДТЕЧИ НА АѲОНѢ.

Преподобный Діонисій родился близъ горъ Касторійскихъ, въ селеніи, называемомъ Корица. Родители его были незнатнаго рода и, при довольствѣ сельской жизни, вели себя благочестиво. Несмотря на простое свое происхожденіе, Діонисій, при родительской попечительности, получилъ начатки классическаго образованія, и наконецъ, при содѣйствіи благодати Божіей, достигъ до такой степени разсудительности, что восхотѣлъ оставить все чувственное, чтобы пріобрѣсти духовное и вѣчное, и всего себя посвятилъ на служеніе Богу. Богъ, видя пламенную его къ Нему любовь и желаніе спастись, устроилъ спасеніе его слѣдующимъ образомъ.

У Діонисія былъ старшій братъ, именемъ Ѳеодосій. Будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, Ѳеодосій захотѣлъ видѣть Константинополь, чтобы тамъ между благоче-

стивыми иноками найти себѣ опытныхъ руководителей на жизненномъ пути и принять отъ нихъ необходимыя въ такомъ случаѣ наставленія. Оставивъ отчизну, родителей и брата своего Діонисія, бывшаго тогда еще дитятею, онъ отправился въ царственный градъ, и прежде всего явился въ патріархію, какъ въ исключительное мѣсто и пристанище иноковъ испытанной жизни. Испросивъ позволеніе поселиться тамъ, онъ съ одной стороны усвоялъ себѣ начатки подвижнической жизни, съ другой—обучался всему, что необходимо знать въ отношеніи внѣшняго образованія. При отличныхъ способностяхъ, Ѳеодосій въ удовлетворительной степени изучилъ священное Писаніе и догматы вѣры,—вслѣдствіе чего и сдѣлался предметомъ всеобщаго уваженія и любви; тѣмъ болѣе, что былъ нрава кроткаго, въ обхожденіи и бесѣдахъ со всѣми ласковъ, въ жизни подвижнической удивителенъ и, сверхъ того, самый видъ его былъ увлекателенъ и благороденъ. Такія свойства души Ѳеодосія не могли утаиться и отъ самаго патріарха. Услышавъ о добродѣтельной жизни его, онъ обратилъ на него особенное вниманіе, и рукоположилъ его сначала въ діакона, а потомъ, какъ сильнаго въ словѣ и искуснаго въ знаніи священнаго Писанія, и во священника.

По принятіи священства, Ѳеодосій повелъ жизнь гораздо строже и возвышеннѣе прежняго, что и было причиною сердечнаго влеченія его къ пустынной тишинѣ и безмолвію. Въ такомъ стремленіи духа къ уединенію, мысль Ѳеодосія остановилась на святой аѳонской горѣ, куда и удалился онъ изъ Константинополя. По прибытіи сюда, посѣтивъ монастыри и нѣкоторыя изъ келлій, онъ вступилъ въ число братства обители

Филофеевской. Здѣшняя братія, соотвѣтствуя во всѣхъ отношеніяхъ названію обители — боголюбивая, сначала служили для Ѳеодосія образцомъ подражанія и соревнованія въ подвижнической жизни, а потомъ онъ превзошелъ всѣхъ, и самъ сдѣлался для другихъ примѣромъ и украшеніемъ своего боголюбиваго братства. — Между тѣмъ, какъ Ѳеодосій такимъ образомъ преуспѣвалъ въ подвигахъ иноческой жизни, скончался игуменъ Филоѳеевской обители. Вся братія на его мѣсто просила Ѳеодосія, какъ опытнаго и достойнаго быть вождемъ духовнаго стада. Помня священные свои обѣты, данные предъ алтаремъ въ присутствіи братій, которымъ предалъ себя въ безусловное повиновеніе, Ѳеодосій принялъ жезлъ настоятельскаго правленія и такъ мудро руководилъ всѣхъ и каждаго порознь по стезямъ иноческаго житія, что славою имени его наполнилась святая гора, и многіе стали приходить къ нему для душевной пользы.

По отбытіи Ѳеодосія въ Константинополь, малолѣтній Діонисій мало-по-малу мужалъ, и,—слѣдуя тайному влеченію мысли, особенно при извѣстіяхъ о братѣ Ѳеодосіѣ, проходившемъ со славою иноческую жизнь, — пламенно желалъ посвятить себя также на служеніе Богу. Слыша, что братъ его—на святой горѣ Аѳонской, и что тамъ находится много старцевъ высокой жизни, рѣшился и онъ отправиться туда же. Но когда узналъ тамошнее положеніе—не принимать въ монастыри слишкомъ юныхъ и что за нарушеніе этого наказываются строго, рѣшился отложить свое намѣреніе до совершенныхъ лѣтъ. Наконецъ, кончивъ такой искусъ терпѣнія, онъ отправился на святую гору, чтобы тамъ постричься въ монахи. Притомъ ему сильно хотѣлось не только пустынныхъ

подвиговъ, но и свиданія съ братомъ, о которомъ уже зналъ, что онъ игуменствуетъ въ Филоѳеевской обители. Трудно выразить радость братскаго свиданія! Вся обитель была тронута, и все братство радовалось прибытію Діонисія. Чрезъ нѣсколько дней, игуменъ постригъ Діонисія, и онъ благодарилъ и прославлялъ Господа, совершившаго съ нимъ то, чего желалъ онъ отъ всего сердца. Подъ мудрымъ руководствомъ брата своего Ѳеодосія, началъ онъ преуспѣвать въ подвигахъ, подражая, по своимъ силамъ, благочестивымъ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеодосій сталъ занимать Діонисія особенно чтеніемъ священнаго Писанія и изученіемъ божественныхъ догматовъ церкви, а наконецъ сдѣлалъ его сначала эклесіархомъ,—каковое послушаніе исполнялъ онъ весьма прилежно,—а потомъ чрезъ эрисскаго епископа рукоположилъ его въ діакона, по достиженіи же 30-ти лѣтъ въ пресвитера. Тогда то особенно Діонисій началъ возвышаться чистотою мысли и сердца, смирялъ себя предъ Богомъ и, при помощи Божіей, восходилъ отъ силы въ силу и успѣшно боролся съ искушеніями и страстями. Но стремясь къ болѣе высшимъ подвигамъ поста, молитвы и совершенной нестяжательности, какъ одинъ изъ древнихъ богоносныхъ отцевъ, св. Діонисій чувствовалъ, что среди множества братій, съ коими нужно, по необходимости, имѣть общеніе, а иногда и непріязненныя столкновенія, трудно вести себя такъ, какъ бы желалъ. Вслѣдствіе этого и вознамѣрился онъ удалиться въ глубокую пустыню, гдѣ бы, при совершенномъ безмолвіи и невозмутимой тишинѣ, можно было заниматься умною молитвою и бесѣдовать только съ однимъ возлюбленнымъ Спасителемъ и Богомъ. Впрочемъ, чтобы и въ этомъ отношеніи не увлечься своеволіемъ.

онъ обратился къ опытнымъ старцамъ, открылъ имъ свою мысль и требовалъ на нее совѣта. Получивъ отъ нихъ благословеніе на такой подвигъ, онъ вышелъ изъ обители тайно, чтобы не остановили его и, поднявшись почти на самый верхъ малаго Аѳона, нашелъ въ южной части его пещеру и близъ ней источникъ прекрасной воды, такъ что все спобствовало ему тамъ къ безмолвной жизни. Обрадованный этимъ, Діонисій благодарилъ Господа и остался тамъ, неимѣя даже существенныхъ потребностей жизни — хлѣба и иной одежды, кромѣ той, которую носилъ — и то изорванной. Какъ истинный подражатель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращалъ вниманія ни на немощь природы, ни на ея требованія. Пищею для него служили каштаны и дикія травы, а когда приходило желаніе вкусить хлѣба, онъ спускался для того или къ какой-нибудь кельѣ, или являлся въ монастырь, а потомъ опять погружался въ пустынную свою пещеру. Такъ протекло три года. Постоянно очищая молитвою и постомъ чувства душевныя, Діонисій наконецъ достигъ совершенства. Тогда наставляемый Богомъ явился къ нему одинъ изъ опытныхъ и благочестивыхъ подвижниковъ святой горы и просилъ благословенія поселиться возлѣ его пещеры. Съ большимъ трудомъ упросилъ онъ строгаго въ этомъ отношеніи Діонисія. За нимъ вскорѣ пришелъ другой братъ,—и оба они построивъ себѣ каливы (шалаши), подчинили себя Діонисію съ безусловнымъ послушаніемъ старческой его волѣ. Но какъ градъ не можетъ укрыться, стоя вверху горы,—такъ и подвиги Діонисія огласились всюду, и славою его имени наполнилась святая гора. Вслѣдствіе этого многіе, приходя къ нему для наставленія и совѣтовъ, изъявляли

желаніе остаться подъ старческимъ его водительствомъ и управленіемъ. Діонисій сначала не соглашался на это, но когда тѣ настоятельно просили и умоляли его, онъ отвѣчалъ: „братіе возлюбленные! я уклоняю васъ отъ себя и уклоняюсь отъ васъ не почему-нибудь другому, а единственно потому, что мѣсто здѣшнее дико и строго. Если же непремѣнно хотите быть при мнѣ, то подниметесь на гору выше и тамъ найдете мѣсто удобное; понравится,—живите, а я даю слово навѣщать васъ и, по силамъ моимъ, помогать вамъ въ сердечныхъ вашихъ нуждахъ". Согласившись на это, они построили въ сѣверной части горы келліи, съ церковію во имя Крестителя Іоанна, которая называется и нынѣ древнимъ Предтечею. Такимъ образомъ, вокругъ преп. Діонисія составилось избранное общество пустынной братіи, и онъ являлся къ нимъ по субботамъ для литургіи, при совершеніи которой пріобщалъ ихъ Святыхъ Таинъ и оставался съ ними въ теченіи двухъ дней, для назиданія и утѣшенія ихъ, а вечеромъ въ воскресенье, взявъ у нихъ хлѣба и пустынныхъ растеній, уходилъ въ свою пещеру. Но такъ какъ на горѣ, въ теченіи зимы, особенно въ сѣверной части, слишкомъ холодно, и иноки страдали отъ холода, то съ благословенія старца, они спустились внизъ, на западную сторону, и, построивъ себѣ каливы, развели тамъ виноградники. Вмѣстѣ съ тѣмъ они построили себѣ небольшое судно, потому что, при умноженіи братства, стали имѣть нужду въ жизненномъ продовольствіи и въ общеніи съ другими мѣстами святой горы. Если случалось имъ выгружать пшеницу или другія какія-либо вещи, святый, какъ образецъ трудолюбія, самъ участвовалъ съ братіями въ послушаніяхъ, — тѣмъ болѣе, что отъ природы былъ силенъ.

Онъ говорилъ при этомъ, что начальствующій долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ для братіи. Часто преподобный проводилъ ночи въ пребрежной каливѣ, а когда иноки, по обыкновенію, вставали въ полночь для отправленія утрени, и онъ также, въ теченіи всей службы, стоялъ на открытомъ воздухѣ, возносясь мыслію и сердцемъ къ Богу.

Однажды, во время утрени, Діонисій на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи устроенъ монастырь, вдругъ увидѣлъ свѣтильникъ, ярко горѣвшій до самаго разсвѣта. Сначала, полагая, что это дѣйствіе непріязненной силы, святый никому не разсказывалъ о своемъ видѣніи, но такъ какъ оно продолжало повторяться многія ночи сряду, то онъ передалъ днемъ одному прозорливому и богодухновенному старцу—іеромонаху Дометію, жившему при храмѣ Пресвятыя Богородицы. Чтобы повѣрить видѣніе, мудрый Дометій пошелъ самъ къ святому Діонисію: видѣніе трижды повторилось въ присутствіи Дометія. Убѣжденные такимъ образомъ въ дѣйствительности божественнаго чуда, они открыли объ этомъ всѣмъ братіямъ. Всѣ собрались къ камню, гдѣ являлся необычайный свѣтъ, освидѣтельствовали, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь свѣтящагося тѣла, и когда ничего не открыли, Дометій пророчески изрекъ божественному Діонисію: „Богу угодно, чтобы здѣсь построена была святая обитель, куда соберутся иноки и прославится въ нихъ Богъ; поэтому немедли начать оную, не заботясь о потребностяхъ вещественныхъ; всемогущій Богъ пошлетъ тебѣ все нужное, и я съ своей стороны буду содѣйствовать, чѣмъ могу“. Тоже сказали и иноки, обѣщаясь помогать своему старцу въ устроеніи обители. Помолившись, они очистили мѣсто и прежде всего постарались воздвигнуть

башню, чтобы оградить себя и впослѣдствіи обитель отъ морскихъ разбойниковъ. Что же касается до продовольствія и денегъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ на многочисленныя нужды и расходы,—то слава имени Діонисія и высокая жизнь его привлекали къ нему не только отъ мѣстъ святой горы, но и изъ отдаленнаго міра людей, жаждущихъ его слова, утѣшеній и старческихъ совѣтовъ. Эти-то духовныя чада щедрою рукою сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей обители. Между тѣмъ братъ Діонисія — Ѳеодосій, игуменъ Филоѳеевскій, однажды предъ праздникомъ Благовѣщенія, вышелъ съ другими братіями ловить рыбу. Во время ловли, ночью напали на нихъ турки-разбойники, захвативши въ плѣнъ, отвезли въ Бруссу, гдѣ продали (въ неволю) тамошнимъ христіанамъ, которые, купивъ ихъ, даровали имъ полную свободу, предоставляя имъ идти, кто куда хочетъ. Тогда какъ иные возвращались на святую гору, божественный Ѳеодосій, по устроенію Божію, прибылъ въ Константинополь. Патріархъ и прочіе, знавшіе его прежде, весьма обрадовались его прибытію, — тѣмъ болѣе, что одна изъ византійскихъ обителей не имѣла игумена. Впрочемъ. Ѳеодосій оставался тамъ не долго. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ прибылъ онъ въ Константинополь, въ Трапезунтѣ скончался митрополитъ. На ту пору въ этомъ городѣ находился императоръ Алексѣй Комненъ, повелѣніемъ котораго было предписано патріарху избрать на осиротѣвшую каѳедру трапезунтской церкви достойнаго пастыря. Жребій этого высокаго служенія, волею Божіею и избраніемъ какъ патріарха такъ и клира, палъ на смиреннаго Ѳеодосія. который, кромѣ чистоты сердечной и святости жизни. славился при томъ силою и сладостію слова и привѣт-

ливостію въ обхожденіи. Но что всего важнѣе, онъ имѣлъ обширныя и глубокія свѣденія о церкви въ догматическомъ и кононическомъ отношеніяхъ. И такъ, не внимая извиненіямъ Θеодосія, отрицавшагося отъ столь высокаго званія подъ предлогомъ собственнаго недостоинства и трудности церковнаго правленія, патріархъ рукоположилъ его и возвелъ на степень митрополита. Такимъ образомъ, Θеодосій долженъ былъ отправиться къ своей паствѣ въ Трапезунтъ, гдѣ и былъ принятъ торжественно и съ радостію императоромъ и всею церковію. Услышавъ объ этомъ, радовался и божественный Діонисій, что братъ его возведенъ на степень митрополита. Зная, по слухамъ, что Θеодосій пользуется особенною внимательностію и расположеніемъ императора, Діонисій впослѣдствіи предпринималъ путешествіе въ Трапезунтъ къ брату, чрезъ ходатайство котораго ожидалъ для своей, только что возникшей, обители царственныхъ пособій и обезпеченія. Впрочемъ, не полагаясь въ этомъ случаѣ на свое собственное сужденіе, онъ обратился къ преп. Дометію за совѣтомъ. Дометій благословилъ его намѣреніе, и Діонисій, въ сопутствіи учениковъ своихъ, отправился въ Трапезунтъ. Свиданіе братьевъ было трогательно. Діонисій разсказалъ Θеодосію о начавшемся строеніи обители, объяснилъ ему побужденія къ столь важному дѣлу и наконецъ просилъ братскихъ его пособій, а особенно — ходатайства его предъ императоромъ. Θеодосій съ участіемъ выслушалъ его и представилъ его лично государю. Послѣ милостивыхъ разспросовъ со стороны императора о положеніи святой горы, Діонисій ободренный внимательностію его и снисхожденіемъ, рѣшился изложить предъ нимъ собственныя свои нужды и наконецъ предложилъ ему быть

ктиторомъ возникающей обители, въ подражаніе державнымъ его предкамъ, основавшимъ на святой горѣ обители,—чрезъ что и хранится память ихъ и переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, съ молитвою о спасеніи душъ ихъ. Императоръ съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и, обезпечивши обитель изъ царскихъ своихъ сокровищъ данною ей грамотою, обязалъ и преемниковъ своего престола имѣть о ней попеченіе. И притомъ, кромѣ отпущенныхъ суммъ Діонисію, императоръ тою же грамотою предписалъ выдавать монастырю каждогодно по тысячѣ серебряныхъ монетъ изъ царскихъ сокровищъ,—что и было исполняемо долгое время. Такимъ образомъ Діонисій, пробывъ нѣсколько времени у брата своего и обласканный императоромъ, весело отправился отъ нихъ, прославляя промыслъ Божій, такъ дивно устроившій дѣла его. Но, находясь въ Черномъ морѣ, вдругъ и онъ и прочіе замѣтили нѣсколько турецкихъ кораблей, несшихся къ нимъ на встрѣчу. При видѣ варваровъ, на всѣхъ напалъ страхъ; но Діонисій, твердо уповая на Бога сказалъ спутникамъ: „не бойтесь ничего,—подождите немного, и вы увидите силу Божію; — возложимъ всю надежду на Бога, и Онъ отклонитъ отъ насъ опасность". Между тѣмъ варвары открыли ружейный огонь. Тогда преподобный, воздѣвъ руки свои къ небу, со слезами помолился такъ: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, прославляемый присно со Отцемъ и Духомъ! услыши меня, недостойнаго раба Твоего, и, ради предстательства Пречистыя Твоея Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь насъ отъ враговъ нашихъ". Во время молитвы вдругъ предсталъ великій Предтеча съ жезломъ въ правой рукѣ и успокоилъ всѣхъ, бывшихъ съ Діонисіемъ.

варварамъ же грозилъ смертію, если они осмѣлятся приблизиться и не уйдутъ назадъ. И угрозы Предтечи сопровождались дѣйствительною казнію варварамъ: руки у нихъ внезапно потеряли силу и оцѣпенѣли. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, всѣ, находившіеся съ преподобнымъ, благодарили Господа. — вопія: „слава Тебѣ, всемогущій Царю, чрезъ Крестителя и Предтечу Своего избавившему насъ отъ смертной опасности!“ Спасенные такимъ образомъ, Діонисій и ученики его благополучно прибыли къ святой горѣ, въ свою обитель. Когда братія узнали, какъ Господь помогъ имъ, всѣ радостно прославляли божественный Его промыслъ. А Дометій замѣтилъ при этомъ преподобному, что всякому благому дѣлу нужно только начало, равно какъ и основанію обители, въ остальномъ же — Господь помощникъ. „И такъ, начинай теперь строеніе съ усердіемъ“, продолжалъ онъ. Тогда преподобный приступилъ къ созданію обители, и воздвигъ въ честь святаго Предтечи великолѣпный храмъ; устроилъ водопроводы и все, что входитъ въ составъ монастырскихъ зданій. Такимъ образомъ возникла обитель Предтечи Господня въ 1380 году отъ Рождества Христова.

Впрочемъ, отпущенными изъ царскихъ сокровищъ суммами зданія обители были исправлены не во всѣхъ отношеніяхъ: святый Діонисій, съ своей стороны, считалъ исключительною потребностью стѣнную живопись въ соборномъ храмѣ, что и вызвало его снова въ Трапезунтъ. Императоръ, какъ и прежде, благосклонно выслушалъ уважительныя просьбы старца и исполнилъ ихъ съ сердечною радостью и удовольствіемъ. Но когда преподобный, радуясь о новыхъ пособіяхъ своей обители, весело спѣшилъ къ своему братству, судьба готовила

жестокій и чувствительный ударъ для его сердца. По прибытіи къ святой горѣ, святый никого не нашелъ въ монастырѣ, потому что набѣжали туда турки и взяли всѣхъ иноковъ въ плѣнъ, забравъ съ ними и церковныя драгоцѣнности. Увидѣвъ это, св. Діонисій предался великой скорби и плачу; но ни одного оскорбительнаго и ропотнаго слова не произнесъ на Господа. Чрезъ нѣсколько времени, какъ истинный пастырь расхищеннаго стада, онъ выкупилъ всѣхъ своихъ пасомыхъ и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвигъ дорого стоилъ Діонисію: истративъ данныя отъ царскихъ щедротъ суммы на искупленіе чадъ своихъ и на окончательное устройство обители, онъ остался по прежнему безъ средствъ, какъ въ отношеніи жизненныхъ продовольствій, такъ касательно и прочихъ нуждъ церковныхъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи снова обратился онъ къ божественному Дометію и требовалъ его совѣта,— что дѣлать въ такой крайности: идти ли опять къ императору, или оставить дѣло на произволъ неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ. Когда же Дометій положительно изрекъ, чтобъ отправиться еще разъ къ императору, Діонисій, несмотря на множество путевыхъ непріятностей и трудовъ, принялъ совѣтъ его съ безусловною покорностію и, оставляя монастырь, поручилъ его старческому надзору и попечительности Дометія. „Тебѣ, отецъ мой“, сказалъ онъ прощальнымъ голосомъ, „по Господѣ Богѣ и послѣ великаго Предтечи,—тебѣ обитель эту поручаю: предчувствую, что мнѣ не видать ни ея, ни тебя, отецъ мой!“ „Да“, отвѣчалъ вдохновенный старецъ: „мы уже не узримъ другъ друга на землѣ; за то тамъ— въ небесахъ—предъ лицемъ Божіимъ, блаженствуя безконечно, не разстанемся во вѣки“. —Такъ и сбылось.

По прибытіи въ Трапезунтъ, преподобный разсказалъ брату своему, а потомъ, представленный къ императору, передалъ и ему о случившемся несчастіи и смиренно испрашивалъ царственныхъ пособій для своей обители. Императоръ съ участіемъ выслушалъ старца и утѣшилъ его надеждою на возможную помощь съ царской его стороны. Но святый Діонисій не дожилъ до того дня, когда императоръ предположилъ исполнить свое слово,— наступилъ преподобному послѣдній день жизни на землѣ. Призвавъ брата своего и попросивъ императора, онъ поручилъ заботливости ихъ обитель свою и при нихъ же, обратившись съ молитвою о нихъ къ Богу, тихо испустилъ послѣдній вздохъ жизни, отошедъ ко Господу на 72-мъ году отъ рода. Это было 25 іюня. Братъ его—митрополитъ трапезунтскій торжественно отдалъ послѣдній долгъ преподобному: съ должною честію и благоговѣніемъ совершилъ погребеніе тѣла его, отъ коего впослѣдствіи истекло много чудесъ для призывающихъ молитвенно преподобнаго въ помощь себѣ. Между тѣмъ иноки, сопутствовавшіе преподобному, были облагодѣтельствованы богатою милостынею какъ отъ императора, такъ и отъ митрополита и потомъ отправились на Аѳонскую гору. Когда вѣсть о кончинѣ преподобнаго была передана ими монастырю,—всѣ рыдали о лишеніи такого отца. А святый Дометій, утѣшавшій ихъ по началу, хотѣлъ было уйти отъ нихъ на безмолвіе; но все братство со слезами пало къ ногамъ его и просило не оставлять ихъ совершенными сиротами, но заступить мѣсто преподобнаго Діонисія. Послушливый Дометій тронулся слезами ихъ и принялъ на себя правленіе обителію—до тѣхъ поръ, пока не отошелъ ко Господу въ глубокой старости. (Аѳонск. Патер. ч. I, 342—353).

ПРЕПОДОБНАГО ДОМЕТІЯ.

Святый Дометій былъ сподвижникомъ и другомъ святаго Діонисія, ктитора обители честнаго Предтечи, а послѣ кончины его —пастыремъ и игуменомъ этой обители. (Смотри выше о св. Діонисіи) (Тамъ же стр. 354).

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА ПРОКОПІЯ.

Преподобномученикъ Прокопій происходилъ изъ мѣстъ смежныхъ съ Варною и былъ сынъ благочестивыхъ родителей. Достигши двадцатилѣтняго возраста, онъ возжелалъ иноческой жизни, а потому, оставивъ родителей, отечество и сродниковъ, удалился на святую Аѳонскую гору. Прибывъ сюда, рѣшился онъ сначала присмотрѣться къ существующимъ здѣсь различнымъ родамъ жизни; испытавъ же всѣ ихъ, избралъ наконецъ жизнь аскетическую и подчинился одному старцу, именемъ Діонисію изъ скита св. Іоанна Предтечи; чрезъ нѣсколько времени, принялъ отъ него образъ иноческій, котораго такъ давно желалъ. Св. Прокопій отъ природы былъ незлобивъ, отличался простотою нрава и многихъ удивлялъ своею добротою, послушаніемъ своему старцу и терпѣніемъ въ трудахъ аскетической жизни. Но діаволъ, не терпя видѣть въ юношѣ такія добродѣтели, возсталъ на него своею духовною бранію и ежедневно навѣвалъ на душу его помыслы уйти въ міръ. Не устоялъ Прокопій противъ этихъ темныхъ навѣтовъ и рѣшился удалиться изъ мѣста своихъ подвиговъ. Онъ оставляетъ гору аѳонскую и является въ Смирну. По прибытіи сюда, вражіимъ дѣйствіемъ, ему приходитъ въ голову другой помыслъ хуже прежняго, именно: такъ какъ онъ оста-

вилъ подвиги покаянія и не пребылъ въ терпѣніи до конца, но удалился въ міръ, то непремѣнно долженъ подвергнуться мученію. Смущеніе души его особенно увеличивалось, когда онъ вспоминалъ, что многіе проклинали удаленіе его изъ скита. Какъ при мысли объ удаленіи изъ скита не подумалъ онъ искать старческихъ наставленій, забылъ взять отеческое благословеніе, такъ и теперь не размыслилъ открыть кому-нибудь мрачную свою мысль, попросить у кого-нибудь добраго совѣта, слѣдствіемъ чего было горькое и жалкое его паденіе. И такъ, не объявивъ никому своего намѣренія, въ одинъ день приходитъ онъ къ городскому судьѣ. Увидѣвъ его, стражи спрашиваютъ: „чего ты желаешь,— развѣ намѣренъ принести какую-нибудь жалобу судьѣ, или хочешь сдѣлаться мусульманиномъ?"—„Да",—отвѣчаетъ имъ Прокопій. Стражи, въ полной радости и торжествѣ, тотчасъ же представили его судьѣ. Судья, обрадовавшись этому не менѣе своихъ стражей, спрашивалъ Прокопія: „истинно ли хочетъ онъ обратиться въ ихъ вѣру?"—„Да, истинно",—отвѣчалъ ему несчастный отверженецъ, забывъ и строгіе свои обѣты, и обѣщанія вѣчныхъ радостей, и угрозы вѣчныхъ мукъ. Видя его не въ монашескомъ одѣяніи, а въ мірскомъ, судья спросилъ: „для чего носитъ онъ бороду?" Отступникъ отвѣчалъ: „я давно рѣшился перемѣнить вѣру, поэтому отпустилъ бороду прежде времени". Это еще болѣе обрадовало судью, такъ какъ изъ этого онъ увидѣлъ, что отверженецъ обращается въ ихъ вѣру отъ души. Тогда же нечестивецъ—судья огласилъ его своимъ оглашеніемъ, велѣлъ ему произнесть нѣкоторыя хульныя слова (что отступникъ и сдѣлалъ) и совѣтывалъ ему пребывать твердымъ въ своей рѣшимости, а чрезъ 15 дней турки на-

ложили на него и печать своего нечестія (обрѣзали). Но лишь только отступникъ принялъ на себя эту гнусную печать, какъ мысль его измѣнилась, совѣсть начала укорять его, и онъ рѣшился искать непремѣнно душевнаго исцѣленія. Улучивъ удобное время, онъ тайно приходилъ къ прежнему своему другу—духовнику, который зналъ его еще въ скитѣ. Духовникъ, видя его въ мусульманскомъ платьѣ, изумился и спросилъ: „что такое сдѣлалось съ нимъ? Зачѣмъ онъ въ такомъ достойномъ слезъ и рыданія положеніи?“ Тогда отступникъ разсказалъ все, происшедшее съ нимъ, и присоединилъ къ этому, что онъ имѣетъ намѣреніе смыть съ души своей ужасный грѣхъ отреченія пролитіемъ своей крови. Духовникъ сказалъ ему на это: „братъ! хорошо, безъ сомнѣнія, и свято даже то, что ты говоришь мнѣ, но подумай о великихъ и лютыхъ мученіяхъ, какія внушитъ нечестивцамъ отецъ ихъ—діаволъ! Размысли хорошенько, какъ бы тебѣ вмѣсто побѣдителя не сдѣлаться побѣжденнымъ и вмѣсто искателя вѣнца—не явиться достойнымъ слезъ! Если ты пришелъ посовѣтываться со мною, какъ съ духовникомъ, то говорю тебѣ съ искренностью друга и отца, что милость Божія къ намъ грѣшнымъ безпредѣльна и что нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе: поэтому, совѣтую тебѣ возвратиться туда, откуда ты пришелъ и тамъ оплакивать свой грѣхъ; надѣюсь,—Богъ явитъ тебѣ Свою милость“. Но кающійся отступникъ отвѣчалъ ему: „знаю и я, что мнѣ нужно будетъ терпѣть отъ нечестивцевъ безчисленныя и лютыя мученія,—но я несомнѣнно уповаю, что помощь Божія, всегда укрѣплявшая и укрѣпляющая мучениковъ, поможетъ и мнѣ вынести всѣ страданія за имя Христово“. Духовникъ, видя твердость

его мысли, благословилъ его намѣреніе. Съ этого времени мученикъ началъ чаще бывать у друга своего духовника, но дѣлалъ это съ великою осторожностію до 15 дней, пока не исцѣлилась нѣсколько рана беззаконнаго обрѣзанія. Когда же получилъ онъ облегченіе отъ болѣзни, то однажды, пришедши къ духовнику, говоритъ ему: „этотъ день есть послѣдній нашего свиданія съ тобою, ибо я рѣшился сегодня же предстать предъ нечестивцевъ и пришелъ проститься съ тобою". Тогда оба они пропѣли молебенъ Госпожѣ Богородицѣ и, поцѣловавъ другъ друга въ послѣдній разъ, вышли изъ дома духовника, который, издали слѣдуя за нимъ, проводилъ его до самаго судилища. Мученикъ, пришедъ къ судьѣ, сбросилъ съ головы своей сарикъ (зеленую повязку) и съ великимъ дерзновеніемъ началъ обличать ихъ религію и поносить основателя ея. Нечестивцы сначала думали перемѣнить мысль его побоями и заключеніемъ въ темницу, но не видя съ этой стороны успѣха, обратились къ обѣщаніямъ ему всевозможныхъ благъ, высокихъ должностей и чиновъ. „Если бы вы дали мнѣ даже весь міръ, и тогда не могли бы перемѣнить моего расположенія", — отвѣчалъ имъ на ихъ льстивыя обѣщанія мученикъ.—Турки, видя твердость его мысли и слѣдуя съ точностью вновь полученному тогда фирману,—который извѣщалъ ихъ, что Отоманская имперія находится въ опасности и повелѣвалъ рѣшать скорѣе всѣ великія и малыя дѣла, чтобы приняться за отвращеніе опасности,—пришли въ великое смущеніе и, не находя времени заниматься муками, положили немедленно отсѣчь ему голову. Когда мученикъ приведенъ былъ на мѣсто казни, его спокойствіе, смѣлость, мужество привели въ изумленіе находившихся тамъ турокъ, такъ что

никто изъ нихъ не смѣлъ обезглавить его; варвары, какъ бы устыдившись сами себя, стали побуждать другъ друга, но тутъ никто изъ нихъ не рѣшился обезглавить мученика. Наконецъ нашелся одинъ отступникъ отъ Христа, извѣстный всѣмъ своею свирѣпостью и превосходившій другихъ въ злобѣ; его привели на мѣсто казни, и онъ—бывшій христіанинъ—исполнилъ то, чего не могли сдѣлать турки и такимъ образомъ препроводилъ душу страдальца къ Судіи праведнѣйшему для полученія отъ Него вѣнца мученическаго. Это было въ Смирнѣ въ 1810 году, 25 іюня, въ субботу. Аѳонск. Патер. ч. II. 186—189).

26-е число.

Преп. Давида ѳессалійскаго. Преп. Іоанна готскаго.— Св. Діонисія, архіеп. суздальскаго. Явленіе Тихвинскія иконы Богоматери.

(Преп. Анѳіона.—Иконы Божіей Матери Седміезерскія.—Иконы Божіей Матери Лидскія).

ПРЕП. ДАВИДА ѲЕССАЛІЙСКАГО.

Преп. Давидъ былъ родомъ изъ Ѳессаліи. Онъ съ молодыхъ лѣтъ воспиталъ въ себѣ искреннюю и теплую любовь къ Богу,—слѣдствіемъ этого было то, что преподобный рано полюбилъ уединенную подвижническую жизнь. Построивъ себѣ шалашъ подъ миндальнымъ деревомъ версты за три отъ города, преп. Давидъ под-

визался въ немъ, проживъ около 70 лѣтъ, терпя холодъ и зной. Это былъ человѣкъ добродѣтельный, милостивый и строгій постникъ; приходящихъ къ нему онъ поучалъ съ любовію путямъ спасенія.—Насколько онъ былъ угоденъ Богу,—объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго. Однажды воины ночью стерегли стѣны города отъ варваровъ, и тѣ, которые находились на сторонѣ, обращеной къ шалашу преп. Давида, увидѣли, что изъ шалаша старца выходилъ огонь. Думая, что варвары подожгли шалашъ отшельника, воины, лишь только стало разсвѣтать, пошли къ шалашу старца и нашли шалашъ и старца цѣлыми и невредимыми. Это привело ихъ въ изумленіе. Въ слѣдующую ночь они увидѣли опять такой же огонь. Этотъ огонь былъ видимъ и въ другія ночи, такъ что это сдѣлалось извѣстнымъ всему городу, и многіе изъ гражданъ проводили ночи на стѣнѣ, чтобы видѣть этотъ огонь. Огонь этотъ былъ видѣнъ до кончины старца. Такъ Богъ еще въ семъ мірѣ прославилъ раба Своего столь великою славою. (Прологъ. Лугъ духовн. § 68).

Святаго Іоанна готѳскаго. О немъ смотри 19 мая.

СВЯТАГО ДІОНИСІЯ, АРХІЕП. СУЗДАЛЬСКАГО.

Святитель Діонисій, въ мірѣ Давидъ, съ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя на служеніе Богу, по примѣру кіевскихъ подвижниковъ выкопалъ себѣ пещеру на берегу р. Волги, въ 3-хъ верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Преп. Діонисій пришелъ въ Нижній изъ Кіева и принесъ съ собою списокъ съ Печерской иконы Богородицы; этотъ образъ и до нынѣ сохраняется въ Ни-

жегородскомъ печерскомъ монастырѣ. Изъ этого можно заключить, что Давидъ постриженъ былъ въ иночество въ кіевской пещерной обители, откуда и принесъ на берегъ Волги любовь къ пещерной жизни. Сначала онъ жилъ въ своей пещерѣ однимъ отшельникомъ, а потомъ, когда собрались къ нему искатели безмолвія (въ 1335 г.), желающіе подвизаться вмѣстѣ съ нимъ,—онъ основалъ монастырь въ честь Вознесенія Господня (Нижегородскій Печерскій монастырь). Обширнымъ знаніемъ правилъ вѣры и строгою подвижническою жизнію св. Діонисій пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Современники видѣли въ немъ, „мужа кроткаго, разсудительнаго, знающаго святое Писаніе, учительнаго, славнаго постничествомъ и исполненнаго любви ко всѣмъ“. Подъ его опытнымъ руководсвтомъ воспитались въ иноческой жизни великіе подвижники: Евѳимій суздальскій, Макарій унженскій и Павелъ Высокій, по словамъ современниковъ, старецъ книжный и чудный и философъ великій, скончавшійся 1-го января 1382 года.—Князья нижегородскіе—Борисъ и Андрей Константиновичи уважали св. Діонисія, супруга послѣдняго изъ нихъ, княгиня Анастасія, основала въ престольномъ своемъ городѣ на берегу р. Волги Зачатіевскій дѣвичій монастырь и приняла въ немъ, по смерти мужа, постриженіе съ именемъ Вассы. Она пользовалась наставленіями преп. Діонисія. Святитель московскій Алексій, лично зная добродѣтели и образованность св. Діонисія, рукоположилъ его въ санъ епископа суздальскаго и нижегородскаго въ 1374 году. Въ слѣдующемъ году пастырю суздальскому пришлось подвергать опасности собственную жизнь для спасенія другихъ. Раздраженные своеволіемъ Мамаевыхъ пословъ, нижегородцы умертвили нѣкоторыхъ изъ нихъ. По рас-

поряженію князя, главный посолъ—мурза Сарайко былъ заключенъ съ своею дружиною въ крѣпость для его же безопасности. Но когда было дознано, что дружина татарская замышляетъ убійства, то татаръ хотѣли развесть по разнымъ мѣстамъ. Узнавъ объ этомъ Сарайко бросился съ слугами въ домъ владыки, зажегъ дворъ и началъ стрѣлять въ народъ. Діонисій старался успокоить чужихъ и своихъ, но едва не лишился жизни: одна татарская стрѣла вонзилась въ его мантію. Раздраженный народъ перебилъ озлившихся татаръ.

По смерти св. Алексія (1378), преп. Сергій, въ первый разъ узнавшій Діонисія еще въ Печерскомъ монастырѣ (въ 1365 г.), предлагалъ великому князю Димитрію избрать его въ митрополиты. Но великому князю непремѣнно хотѣлось видѣть митрополитомъ своего духовника, Новоспасскаго архимандрита Михаила (Митяя), который и былъ выбранъ въ митрополита. Любимецъ великаго князя, находясь на верху счастія, не соблюдалъ даже приличій: онъ велъ себя такъ гордо, что не будучи еще посвященъ въ санъ епископа, облекался въ митрополичью мантію, носилъ бѣлый клобукъ, властительски обращался съ духовенствомъ и сбиралъ себѣ митрополичьи доходы. Онъ просилъ великаго князя, чтобы посвященіе его совершилось въ Москвѣ. Великій князь пригласилъ епископовъ для посвященія Митяя. Никто изъ созванныхъ не смѣлъ ослушаться, и только одинъ изъ нихъ — св. Діонисій смѣло поддерживалъ убѣжденіе, что, по зависимости русской церкви отъ константинопольской, поставленіе первосвятителя безъ воли вселенскаго патріарха будетъ незаконно. Явясь къ великому князю, ревностный святитель смѣло сказалъ: „кто это учитъ тебя, государь, перемѣ-

нять законы по своему усмотрѣнію? Не слѣдуетъ быть тому, чего желаютъ и отъ тебя и отъ насъ". Великій князь долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ св. Діонисія и уступилъ ему. Митяй сильно оскорбился разрушеніемъ своей пріятной мечты и кипѣлъ досадою на Діонисія. Наушники старались усилить ихъ распри. „Почему ты,—сказалъ Митяй епископу суздальскому,—не былъ у меня до сего времени и не принялъ моего благословенія?" Діонисій отвѣчалъ:—„отъ того, что я—епископъ, а ты—священникъ, ты не имѣешь права благословлять меня". Митяй грозилъ, что, по возвращеніи изъ Царьграда, не оставитъ Діонисія и священникомъ, и что собственными руками сдеретъ скрижали съ его мантіи. Св. Діонисій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать въ Константинополь къ патріарху; но великій князь задержалъ его, приставивъ къ нему стражу. Тогда Діонисій обѣщался не думать о путешествіи въ Константинополь и представилъ за себя порукою преп. Сергія. Но когда получилъ свободу, то, по вызову патріарха, поспѣшилъ вслѣдъ за Митяемъ въ Константинополь. Въ Царьградѣ св. Діонисій пробылъ болѣе года. Онъ употребилъ это время для пользы не только своей епархіи, но и всей русской церкви. Въ свою епархію Діонисій прислалъ изъ Константинополя два списка съ иконы Богородицы—Одигитріи (одинъ изъ нихъ находится въ суздальскомъ, а другой въ нижегородскомъ соборѣ), потомъ часть Животворящаго древа и „страсти Христовы", т. е. частицы орудій мученія Спасителя (онѣ сохраняются теперь въ московскомъ Успенскомъ соборѣ; въ серебряномъ крестообразномъ ковчегѣ). Важнѣе же всего то, что онъ объяснилъ патріарху опасность, угрожающую русской церкви отъ ереси стригольниковъ, уси-

жившейся въ Новгородѣ и Псковѣ. Патріархъ, лично узнавъ высокія достоинства Діонисія, почтилъ его саномъ архіепископа и далъ ему фелонь многокрестную (полиставрій). „Мы нашли его. — писалъ патріархъ въ грамотѣ,—достойнымъ всякой похвалы; видѣли пощеніе и слезы его, молитву и милостыню, все чѣмъ обозначается духовный Божій человѣкъ; онъ присутствовалъ и на святомъ соборѣ, духовно бесѣдовалъ съ епископами о священномъ Писаніи, при чемъ показалъ ревность къ вѣрѣ и глубокое разумѣніе священныхъ правилъ".

Послѣ несчастной смерти Митяя, св. Діонисій могъ бы, пользуясь расположеніемъ патріарха, испросить себѣ санъ митрополита, но онъ не искалъ земной чести. Между тѣмъ московское посольство, состоявшее изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, воспользовалось бѣлыми листами съ печатью великокняжескою, чтобы написать просьбу отъ имени Димитрія къ патріарху о постановленіи митрополитомъ одного изъ членовъ посольства—Пимена, архимандрита переяславскаго. Патріархъ поспѣшилъ исполнить мнимое желаніе великаго князя, но Димитрій не захотѣлъ видѣть обманщика на каѳедрѣ чудотворцевъ Петра и Алексія; онъ заточилъ Пимена въ Чухлому и призвалъ на митрополію Кипріана. — Между тѣмъ Діонисій въ концѣ 1381 года возвратился изъ Греціи съ патріаршимъ порученіемъ — заботиться объ истребленіи ереси стригольниковъ въ Новгородѣ и Псковѣ. „Смиреніе наше и великій соборъ,—писалъ патріархъ псковичамъ, — послали къ вамъ боголюбиваго архіепископа суздальскаго Діонисія, мужа честнаго, благочестиваго, добродѣтельнаго, извѣстнаго хранителя священныхъ каноновъ; онъ отъ лица нашего посѣтитъ и благословитъ васъ, научитъ и наставитъ, устроитъ должное и соеди-

нитъ васъ съ соборною апостольскою церковью Божiею; все, что услышите изъ устъ его, примите какъ наше собственное слово". Ревностный святитель, дѣйствительно, успѣлъ сильно потрясти тлетворную ересь въ двухъ вольныхъ городахъ.— Между тѣмъ смута церковная продолжалась. Повидимому, Димитрій Донской полюбилъ Кипріана; но послѣ нашествія Тахтомыша, великій князь, возвратившись въ Москву, осыпалъ святителя укоризнами за оставленіе столицы во время опасности, и выгналъ изъ Москвы, назначивъ на его мѣсто Пимена. Но и этого хитраго честолюбца не могъ уважать великій князь и, убѣдившись въ достоинствахъ св. Діонисія, а также отдавая справедливость заслугамъ его при уничтоженіи ереси стригольниковъ, онъ пожелалъ видѣть его на первосвятительской каѳедрѣ. Поэтому, Діонисій еще разъ въ 1383 г. предпринялъ путешествіе въ Царьградъ. Достоинства Діонисія извѣстны были въ Константинополѣ, а потому тамъ согласились исполнить просьбу о немъ великаго князя. Возвращаясь въ Россію чрезъ Кіевъ, Діонисій былъ задержанъ здѣсь литовскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, который объявилъ, что если московскій князь по своей волѣ изгналъ изъ Москвы Кипріана, митрополита всей Россіи, то князь кіевскій, подражая ему, задерживаетъ Діонисія. Св. Діонисій, находясь въ заключеніи, проводилъ время въ молитвѣ и сердечномъ сокрушеніи до самой кончины своей, послѣдовавшей 15 октября 1384 года. Онъ погребенъ былъ въ пещерахъ Антоніевыхъ, гдѣ мощи его почиваютъ открыто. По древнимъ памятникамъ, онъ называется чудотворцемъ. (Ист. рос. іер. V, 164. Ист. слов. о свят. стр. 93—95. Рус. свят. — Филарета, арх. черн. Жит. св.—Муравьева).

ЯВЛЕНІЕ ТИХВИНСКІЯ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ.

Въ 1383 г. на Ладожскомъ озерѣ рыбаки ловили рыбу. Вдругъ осіялъ ихъ лучезарный свѣтъ. Взглянувъ вверхъ, они увидѣли, что надъ водою по воздуху шла икона, изображающая Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Икону окружалъ свѣтъ, подобный сіянію солнечному. Рыбаки, оставивъ свою работу, съ удивленіемъ и радостію смотрѣли вслѣдъ иконы, чтобы видѣть, куда она идетъ и гдѣ остановится. Но икона скрылась отъ глазъ, и рыбаки болѣе не видали ее. Икона пришла на рѣкуОнчу, отстоящую отъ озера Ладожскаго верстъ на 30, и тамъ явилась на воздухѣ, на мѣстѣ именуемомъ Смолново. Народъ удивился этому явленію и, получая великую благодать исцѣленій, поставилъ для иконы Богоматери на томъ мѣстѣ часовню, во имя честнаго Ея Успенія. Но икона, пробывъ въ часовнѣ нѣсколько времени, невидимо скрылась оттуда.

Чрезъ нѣсколько времени туже икону Богоматери увидѣли близъ села Вымоченицъ, отъ Смолнова версты за двѣ. Она стояла на воздухѣ и блистала подобно солнцу. Жители села стали молиться Богоматери, чтобы Она даровала имъ икону Свою. Икона низпустилась на землю, и народъ съ благоговѣніемъ покланялся ей и лобызалъ ее. Вскорѣ сооружена была на семъ мѣстѣ часовня, въ которой и поставили икону. Чрезъ нѣсколько времени вмѣсто часовни для храненія чудотворной иконы поставлена была церковь, во имя Рождества Богоматери, и отъ иконы изобильно изливались исцѣленія болящимъ.

Но икона Богоматери недолго оставалась въ новомъ храмѣ. Божественною силою она поднялась изъ него и

невидимо скрылась. Она явилась также преславно, какъ и прежде, надъ горою, именуемою Кукова, близъ рѣки Паши, отстоявшей отъ села Вымоченицъ на 79 верстъ. Народъ, сбѣжавшись, увидѣлъ икону на воздухѣ, началъ ставить часовню во имя Ея и усердно молилъ Богоматерь, чтобы Она благоволила низойти къ нимъ честною Своею иконою. Но Царицѣ небесной угодно было, чтобы икона пробыла тамъ только видимою на воздухѣ нѣсколько времени и преселилась въ иное мѣсто. По отшествіи иконы, на мѣстѣ, надъ которымъ видима была она, создана была часовня. Икона же Богоматери, носимая по воздуху, явилась на мѣстѣ Кожела, близъ рѣки Паши, отъ горы Куковой въ одной верстѣ. Жители Кожелы увидѣли ее на воздухѣ въ лучезарномъ сіяніи и стали молить ее низойти къ нимъ. Икона спустилась на землю; тотчасъ же построена была тутъ часовня, а вскорѣ потомъ и храмъ, въ честь Покрова Богоматери, и икона поставлена въ немъ.

Но еще не здѣсь избрала Богоматерь постоянное пребываніе для своей честной иконы. Икона исчезла изъ храма Покрова и явилась близъ Тихвина на горѣ. И здѣсь стеклось множество народа къ чудному явленію; изъ окрестныхъ селъ вышли священники съ крестнымъ ходомъ и вмѣстѣ съ народомъ молили Богоматерь низойти къ нимъ. Икона сошла съ высоты воздуха къ нимъ на руки, съ благоговѣніемъ лобызали они икону, и она источала различныя чудеса. Видя отъ иконы чудотворенія, рѣшились построить для пребыванія Ея храмъ, во имя Успенія Богоматери, стали рубить дерева и въ тотъ же день срубили три вѣнца. При наступленіи ночи, оставивъ у иконы сторожей, разошлись по домамъ. Стражи не спали всю ночь, но къ утру заснули

крѣпкимъ сномъ; когда же проснулись, то не нашли предъ собою ни иконы, ни начатаго зданія. Собрался народъ и сильно скорбѣлъ о потерѣ столь безцѣннаго сокровища. Съ рыданіемъ разошлись по горѣ и по всему лѣсу, съ усердіемъ ища икону Богоматери. Вдругъ искавшіе увидѣли свѣтъ по другую сторону рѣки Тихвинки—къ востоку среди болотной пустыни, версты за двѣ отъ горы. Пришли къ мѣсту, указанному свѣтомъ, и нашли тамъ икону Богоматери, начатый срубъ, всѣ дерева, приготовленныя для зданія, и самыя малыя щепы въ цѣлости также, какъ и на той сторонѣ рѣки, какъ будто бы перенесено было самое мѣсто. Св. икона стояла въ срубѣ среди восточной стороны его на воздухѣ, ничѣмъ не прикрѣпленная къ стѣнѣ, и сіяла пресвѣтлыми лучами. Обрадованный народъ съ радостными слезами припадалъ къ чудной иконѣ. Послѣ молитвы начали строить храмъ на начатомъ основаніи и въ тоже время послали въ Новгородъ къ архіепископу Алексію съ извѣстіемъ о явленіи чудной иконы. Архіепископъ донесъ въ Москву къ царю и митрополиту и, по ихъ изволенію, поставивъ священниковъ и діаконовъ и давъ имъ антиминсъ и благословеніе на созданіе и освященіе храма во имя Успенія Богоматери, отпустилъ ихъ на Тихвинку. Они прибыли на мѣсто, совершили молебствіе предъ иконою Богоматери и приложили все усердіе къ скорѣйшему устроенію церкви. Не за долго до дня Успенія Богоматери церковь была окончена, только не былъ еще поставленъ на ней крестъ. Послали пономаря въ окрестныя деревни, верстъ за двадцать и болѣе, объявить объ освященіи церкви и заповѣдать постъ, чтобы къ празднику и освященію ея приходили съ постомъ и молитвою. Посланный пономарь былъ жизни непорочной,

благоговѣйной и богоугодной, именемъ Георгій Юрыша. Исполнивъ порученіе, онъ возвращался къ церкви въ день предпразднества Успенія; не доходя трехъ верстъ почувствовалъ въ воздухѣ особое благоуханіе. Георгій шелъ и размышлялъ, откуда бы такое благоуханіе въ пустынѣ? Вдругъ увидѣлъ предъ собою Матерь Божію, сѣдящую на сосновой колодѣ, въ рукѣ Ея былъ жезлъ, на который какъ будто опиралась Она. Около нея стоялъ мужъ въ святительскихъ ризахъ, украшенный сѣдинами, по всему подобный св. Николаю. Георгій, видя это чудное явленіе, объятый ужасомъ, упалъ на землю, какъ мертвый. Святитель подошелъ къ нему и, прикоснувшись, сказалъ: „встань, не бойся". Георгій съ трепетомъ и радостію сталъ на колѣна и, сложивъ руки на груди, смотрѣлъ на видѣніе. Тогда Пресв. Дѣва сказала ему: „иди къ церкви и скажи священникамъ и народу, чтобы они не ставили на церкви моей желѣзнаго креста, какой хотятъ поставить, но пусть поставятъ деревянный крестъ, — такъ угодно Мнѣ". Пономарь съ смиреннымъ дерзновеніемъ сказалъ: „Госпоже Владычице! мнѣ не повѣрятъ". Святитель отвѣчалъ: „если не повѣрятъ, то будетъ и знаменіе для увѣренія ихъ". Видѣніе изчезло. Пришедъ къ церкви, пономарь объявилъ священникамъ и народу о томъ, что видѣлъ и слышалъ; но ему не повѣрили и рѣшили ставить на церкви желѣзный крестъ. Но когда одинъ изъ работниковъ, взявъ желѣзный крестъ, взошелъ съ нимъ на церковь и началъ ставить его на церковной главѣ, вдругъ поднялась буря, и какъ бы на рукахъ подняла его съ крестомъ съ вершины храма и поставила его на землю безъ всякаго вреда, такъ что, казалось, будто онъ не упалъ съ высоты, а сошелъ по воздуху. Чудо вразумило священниковъ, они повѣрили

словамъ пономаря, сдѣлали деревянный крестъ и поставили его на церкви. 15-го августа праздновано было освященіе храма, а отъ иконы Богоматери совершались чудеса. По освященіи церкви на Тихвинѣ, построили часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась Богоматерь пономарю Георгію, а изъ той колоды, на которой онъ видѣлъ Ее сѣдящею, сдѣлали крестъ и поставили въ часовнѣ, на память о чудномъ явленіи Богоматери.

Чрезъ семь лѣтъ по освященіи храма, церковь сгорѣла отъ незагашенной свѣчи. Чудотворная же икона Богоматери невидимою силою была вынесена изъ огня и найдена въ разстояніи полуверсты въ кустѣ можжевельника. Въ то же время сгорѣла и часовня, построенная на мѣстѣ явленія Богоматери пономарю Георгію; но крестъ сдѣланный изъ той колоды, на которой Георгій видѣлъ Богоматерь сѣдящею, невидимою силою вынесенъ былъ изъ огня и найденъ не въ дальнемъ разстояніи также въ кустѣ можжевельника. Поставленъ былъ другой храмъ и другая часовня на прежнихъ мѣстахъ, но чрезъ пять лѣтъ, ночью, въ одинъ и тотъ же часъ загорѣлись и храмъ и часовня. И чудотворная икона, и чудный крестъ найдены также невреждеными въ пеплѣ пожарищь. Поставили въ третій разъ и церковь и часовню. Но чрезъ 105 лѣтъ часовня загорѣлась еще, впрочемъ была погашена и чудный крестъ спасенъ отъ огня; церковь же сгорѣла до основанія, но икону Богоматери священники вынесли изъ пожара.

Слава о чудной иконѣ Богоматери Тихвинской дошла до царя Василія Іоанновича, и онъ послѣ того, какъ сгорѣла третья церковь, повелѣлъ на свое иждивеніе построить каменную церковь. Церковь была построена, стали отдѣлывать паперти, вдругъ обрушились

своды и завалили двадцать человѣкъ работниковъ. Всѣ думали, что они раздавлены, но, разметавъ чрезъ три дня камни, нашли всѣхъ работниковъ живыми, по милосердію и заступленію Богоматери. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла въ пустынѣ часовня, по повелѣнію тогоже царя Василія Іоанновича и по благословенію архіерея, поставлена была деревянная церковь, во имя св. Николая, и устроенъ былъ монастырь для монаховъ, именуемый Бесѣднымъ.

Великій князь, узнавъ о сооруженіи церкви и о чудесномъ сохраненіи отъ смерти работниковъ, самъ пришелъ въ Тихвинъ, чтобы видѣть чудотворную икону и поклониться ей. Въ тоже время прибылъ туда и Макарій, архіепископъ новгородскій. Это было 26 декабря 1527 года. Чрезъ 20 лѣтъ царь Іоаннъ Васильевичъ, подражая отцу и благоговѣя къ чудной иконѣ, прибылъ на Тихвина 1547 г. января 1 дня. Чрезъ 13 лѣтъ (1560 г.) послѣ его посѣщенія, въ Тихвинѣ устроенъ былъ монастырь, а селенія мірскихъ людей перенесены были отъ Тихвина на другое мѣсто. Царь повелѣлъ воздвигнуть въ монастырѣ всѣ зданія и ограду каменную и ввести общежительный уставъ. Первымъ игуменомъ обители былъ Кириллъ; при немъ въ монастырь стеклось множество иноковъ, привлекаемыхъ славою чудесъ отъ иконы Богоматери. А на томъ мѣстѣ, гдѣ Пресв. Дѣва явилась пономарю Георгію, повелѣніемъ того же царя устроены были двѣ каменныя церкви и трапеза.

Въ самомъ началѣ созданія обители Тихвинской, когда присутствовалъ тамъ архіепископъ новгородскій Пименъ для надзора за устроеніемъ порядка монашескаго, пришелъ туда Авраамій изъ пустынно-жительнаго монастыря

Сергіева, на великихъ Лукахъ. Этотъ Авраамій, какъ самъ послѣ сказалъ о себѣ, былъ долгое время боленъ въ своемъ монастырѣ и уже ждалъ себѣ смерти. Духовный наставникъ его Мартирій, мужъ богоугодный, зная по слуху о многихъ чудесахъ, совершающихся отъ иконы Богоматери Тихвинской, посовѣтовалъ Авраамію дать обѣтъ сходить на богомолье въ Тихвинъ. Авраамій въ тотъ же часъ обѣщался и въ тотъ же часъ получилъ исцѣленіе отъ своей тяжкой болѣзни и всталъ съ одра совершенно здоровымъ. Мартирій обрадовался о скоромъ исцѣленіи ученика и повелѣлъ ему, не медля, исполнить обѣтъ. Авраамій пошелъ, достигъ Тихвина, со слезами радости благодарилъ Богоматерь и всѣмъ сказалъ о своемъ чудномъ исцѣленіи. Слухъ о чудѣ дошелъ и до архіепископа, бывшаго тогда на Тихвинѣ,—онъ пожелалъ видѣть Авраамія, и не отпустилъ его опять въ Великія Луки, но оставилъ въ Тихвинскомъ монастырѣ и поручилъ ему ключи церковные, чтобы первый входилъ къ иконѣ Богородицы и послѣдній отходилъ отъ нея. Старецъ же Мартирій, отпустивъ Авраамія, сталъ жалѣть, что и самъ не пошелъ съ нимъ на поклоненіе чудотворной иконѣ Тихвинской, и вознамѣрился идти туда, какъ скоро возвратится Авраамій. Но Авраамій не возвращался, Мартирій соскучился и однажды въ сонномъ видѣніи увидѣлъ большой огненный столпъ на той сторонѣ, гдѣ Тихвинъ. на высотѣ сего столпа образъ Пресвятой Богородицы, подобный Тихвинскому, пресвѣтло сіяющій. Мартирій желалъ, чтобы дано было ему облобызать икону и съ этимъ желаніемъ пробудился отъ сна. Это видѣніе укрѣпило его въ намѣреніи идти въ Тихвинъ,—и онъ, оставя все, отправился въ путь,—достигъ Тихвина. и съ радостью поклонился чудотворной иконѣ.

Найдя здѣсь ученика своего Авраамія, и Мартирій не захотѣлъ удалиться изъ Тихвина. Но чрезъ нѣсколько времени старецъ сталъ скучать многолюднымъ стеченіемъ народа въ обитель Тихвинскую и пожелалъ уединенія; Богъ знаменіемъ указалъ ему мѣсто жительства. Въ одинъ вечеръ, послѣ молитвы, Авраамій увидѣлъ на сѣверѣ, крестъ изъ звѣздъ надъ островомъ Зеленымъ. Поэтому указанію свыше, Мартирій переселился на островъ, взявъ съ собою списокъ съ чудотворной иконы Богоматери Тихвинской, который оттолѣ всегда носилъ съ собою. Вскорѣ устроилась тамъ обитель, именуемая Троицкимъ Зеленецкимъ монастыремъ. Въ 1595 г. Мартирій, проѣздомъ въ Москву, прибылъ въ Тверь. Тамъ жилъ казанскій царь Симеонъ, и въ это время у него разболѣлся сынъ. Услышавъ о прибытіи въ Тверь Мартирія, царь послалъ просить его придти къ себѣ. Но какъ только пришелъ Мартирій, царевичъ умеръ. Это не смутило преподобнаго, онъ возложилъ на грудь умершаго икону Богоматери Тихвинской, которую всегда носилъ съ собою, а самъ началъ пѣть молебенъ; царевичъ ожилъ. Симеонъ далъ преподобному золота на построеніе храма, и въ Зеленецкомъ монастырѣ построенъ былъ храмъ, во имя Богоматери Тихвинской Ея иконы.

Со времени основанія, какъ и до основанія обители Тихвинской, чудеса отъ иконы не прекращались. Однимъ изъ славныхъ чудесъ Богоматери было защищеніе Тихвинской обители отъ шведовъ. Въ 1613 году, когда шведы, подъ предводительствомъ Делагарди, насильно овладѣли Новгородомъ и его окрестностями, Тихвинская обитель, подъ защитою Владычицы, вытерпѣла отъ враговъ продолжительное и тяжкое нападеніе, особенно по воцареніи Михаила Θеодоровича, избраніе котораго на

престолъ русскій было для нихъ весьма неблагопріятно. Услышавъ о пораженіи, нанесенномъ шведамъ на рѣкѣ Усть—въ предѣлахъ Новгорода и въ Тихвинской обители, откуда они были изгнаны. Делагарди приказалъ двинуть свои полки къ Тихвину, чтобы отмстить обители за изгнаніе шведовъ и разрушить ее до основанія. Окрестные жители сбѣжались въ страхѣ съ женами и дѣтьми въ монастырь и затворились въ немъ вмѣстѣ съ иноками и воинами, надѣясь не столько на крѣпость стѣнъ, сколько на неодолимое заступничество Царицы небесной. Шведскія войска явились въ Тихвинскомъ посадѣ, окружили обитель и дѣлали постоянныя нападенія на обитель духовныхъ воиновъ Христовыхъ. Иноки же, затворившіеся въ обители, были объяты страхомъ; иные, стоя на монастырскихъ стѣнахъ, бились со врагами; другіе, собравшись въ церкви, молились Богу и Пречистой Его Матери предъ чудотворною Ея иконою и совершали всенощныя моленія. Во время этой осады, одной благочестивой женщинѣ—Маріи, за два года предъ тѣмъ пришедшей въ монастырь слѣпою и получившей, по своей вѣрѣ прозрѣніе, когда она съ глазами, еще не осохшими отъ молитвенныхъ слезъ, погрузилась въ тонкую дремоту, во время ночи явилась Пречистая Дѣва и сказала: „объяви всѣмъ, находящимся въ обители, — пусть возьмутъ Мою икону и обойдутъ по стѣнамъ вокругъ,—и узрятъ милость Божію". Марія сообщила о явленіи и повелѣніи Царицы небесной. Радостью и упованіемъ исполнились сердца осажденныхъ. Чудотворный образъ съ молебнымъ пѣніемъ обнесенъ былъ по стѣнамъ монастырской ограды. Въ то самое время, когда православные призывали на помощь Божію Матерь, враговъ внезапно объялъ страхъ: никѣмъ не гонимые, они бѣжали въ смя-

теніи отъ монастыря. Однако, спустя нѣсколько времени, они снова и съ большими силами окружили монастырь и въ продолженіе нѣсколькихъ дней безпрерывно нападали на него. Православные опять со слезами стали притекать къ чудотворному образу Богородицы и умоляли Ее умилосердиться надъ страждущими. Въ монастырѣ находился въ это время послушникъ соловецкаго монастыря Мартиніанъ, человѣкъ чистый сердцемъ и богобоязненный. Въ ночномъ видѣніи ему явилась Богоматерь съ святителемъ Николаемъ, съ преподобными Варлаамомъ Хутынскимъ и Зосимою Соловецкимъ и объявила: „мѣсто это близко къ погибели по причинѣ многихъ грѣховныхъ нечистотъ, которыми оскверенено святое Мое мѣсто“. Мартиніанъ сообщилъ о бывшемъ ему видѣніи начальствовавшимъ въ обители; недостойные люди были выгнаны изъ монастыря, притворъ церковный очищенъ, и всѣ усердными слезными моленіями умилостивляли Бога и Богородицу, чтобы они не предали людей своихъ въ руки враговъ. Милосердый Господь предстательствомъ Пречистой Своей Матери претворилъ праведный гнѣвъ Свой въ милость. Съ этого времени осажденные стали усиливаться и успѣшнѣе бороться со врагами, которыхъ, наконецъ, одолѣли и прогнали. Послѣ этого шведы съ усиленными отрядами подступили къ обители, обложили ее тѣснѣе и начали копать потайные рвы подъ ворота и стѣны. 13 сентября, послѣ новаго явленія Божіей Матери въ ночномъ видѣніи Мартиніану и другому мужу, именемъ Григорію, и повелѣнія—отогнать отъ дома Ея враговъ, православные защитники обители и отечества удостоились дивной небесной помощи. Господь поразилъ враговъ необычайнымъ чудомъ: они увидѣли, что со стороны Москвы идутъ къ

обители многочисленные полки вооруженныхъ воиновъ и испугались; между тѣмъ осажденные, одушевленные новымъ явленіемъ Богоматери, устремились на враговъ, которые въ смятеніи и страхѣ обратились въ дикое бѣгство. Взятые изъ нихъ въ плѣнъ говорили, что въ прошедшую ночь они видѣли многочисленное воинство, шедшее къ монастырю и выходившее изъ монастыря для нападенія на нихъ. Эта славная побѣда чудесно дарована православнымъ Богоматерью въ ночь Воздвиженія животворящаго Креста, 14 сентября 1614 года.—Не прошло года, какъ шведскій полководецъ послалъ еще болѣе многочисленныя силы съ приказаніемъ—разорить до основанія Тихвинскій монастырь, чудотворную икону Богоматери изрубить на части и церковь, въ которой она находится, разметать по полю. Когда эта дерзкая угроза дошла до слуха защитниковъ монастыря, они пришли въ страхъ, такъ что хотѣли даже удалиться съ чудотворною иконою къ Москвѣ. Но икона осталась на своемъ мѣстѣ неподвижною: ее никакъ нельзя было взять съ ея мѣста. И такъ, слабая горсть защитниковъ, возложивъ свою надежду на всесильную помощь Богоматери, затворилась въ обители и ожидала врага. Скорая Помощница призывающихъ Ее и бодрая Хранительница своей обители не допустила до нея враговъ. Они поражены были новымъ чудомъ: имъ показалось многочисленное вооруженное воинство, шедшее противъ нихъ, и они въ страхѣ бросились бѣжать отъ монастыря; съ тѣхъ поръ они уже не осмѣливались болѣе подступать къ монастырю съ враждебными намѣреніями. Побѣда надъ врагами приписана единодушно невидимой помощи Богоматери. Спустя около года послѣ чудесной побѣды, въ Тихвинскій монастырь прибыли царскіе послы для за-

ключенія мира со шведами. Снявъ списокъ съ чудотворной Тихвинской иконы Божіей Матери, они отправились за 55 верстъ, къ рѣкѣ Сяси, въ деревню Столбово, куда прибыли и шведскіе послы, и тамъ 10 февраля 1617 года заключили Столбовскій миръ предъ иконою Божіей Матери, столь дивно помогавшей православнымъ, какъ главною порукою мира со стороны русскихъ. Изъ Столбова послы отправились съ тою же иконою на обратное принятіе Новгорода изъ рукъ враговъ; съ благодарственными слезами встрѣчена была новгородцами икона Царицы небесной, дивно избавившей отъ враговъ не только обитель, но вмѣстѣ и Великій Новгородъ со всѣми предѣлами его и утвердившей въ нихъ власть православнаго царя. Въ память чудеснаго явленія Тихвинской иконы Божіей Матери и одолѣнія враговъ предстательствомъ Богоматери церковію установленъ въ 26 день іюня по всей Россіи праздникъ въ честь Тихвинской иконы Богоматери. Кромѣ того въ Тихвинскомъ монастырѣ 24 раза въ годъ совершается крестный ходъ съ чудотворной Тихвинскою иконою.

Кромѣ Тихвинскаго монастыря, чудотворныя Тихвинскія иконы Божіей Матери находятся еще въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Ново-Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ, въ Рождественскомъ тверскомъ женскомъ монастырѣ, въ Знаменскомъ осташковскомъ женскомъ монастырѣ, въ городѣ Цывильскѣ въ соборной церкви, въ переяславскомъ Даниловомъ монастырѣ, въ новгородской Воскресенской церкви, что на Красномъ полѣ (явилась въ 1643 году), въ селѣ Павловскомъ звенигородскаго уѣзда, московской губерніи.

Есть преданіе, что Тихвинская икона Богоматери пришла въ русскую землю изъ Константинополя въ

царствованіе императора Іоанна Палеолога, за семьдесятъ лѣтъ до взятія турками Константинополя. Основаніемъ преданія служитъ слѣдующее: въ то время, когда чудотворная икона Богоматери начала прославляться на Тихвинѣ многими чудесами, случилось нѣкоторымъ новгородскимъ купцамъ быть въ Константинополѣ. Тамошній святѣйшій патріархъ, разговаривая съ ними, вспомнилъ о чудотворной иконѣ, которая скрылась изъ Константинополя, и спросилъ ихъ: не слыхали ли они чего-нибудь о такой иконѣ. Купцы отвѣчали ему, что одна чудотворная икона Богоматери явилась на рѣкѣ Тихвинѣ, совершая дивныя чудеса и подавая безчисленныя исцѣленія, гдѣ и теперь находится въ церкви. Услышавъ это, святѣйшій патріархъ призналъ эту икону за ту самую, о которой спрашивалъ и разсказывалъ, какъ эта чудотворная икона чудеснымъ образомъ переносилась изъ Константинополя по морю туда, куда велъ ее промыслъ Божій, и какъ черезъ нѣсколько времени опять возвращалась въ столицу, совершая многія чудеса и благодѣянія для православныхъ и подавая побѣды надъ врагами. Но по причинѣ человѣческой гордости, прибавилъ патріархъ, братоненавидѣнія и неправдъ, она совсѣмъ ушла изъ Константинополя и болѣе не возвращалась. Разсказавши все это, патріархъ повелъ новгородцевъ въ церковь и показалъ имъ мѣсто и кіоту, гдѣ стояла та чудотворная икона. Мѣсто это находилось при входѣ въ церковь у праваго столба; тутъ была поставлена другая—меньшаго размѣра—икона Богородицы, передъ которой горѣлъ не угасимый огонь. Такимъ образомъ эта святая Тихвинская икона признается православными именно за ту самую, которая удалилась изъ Константинополя; потому въ Тихвинской обители, по

подобію константинопольскаго мѣста, устроено мѣсто для чудотворной иконы Богоматери, при входѣ въ церковь съ западной стороны, у праваго столба, гдѣ и донынѣ стоитъ, совершая многія чудеса. (Прологъ. Четьи-Минеи).

ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ СЕДМІЕЗЕРСКІЯ.

Въ настоящій день—26 іюня совершается празднованіе въ честь Седміезерскія иконы Богоматери, по случаю избавленія Казани отъ язвы.

Въ 1654 году, во время мороваго повѣтрія въ Казани, граждане просили поднять въ бѣдствующій городъ Смоленскую икону Богоматери изъ Седміезерской обители. Игуменъ Предтечевой обители былъ посланъ за чудотворною иконою и, поднявъ ее благоговѣйно, остановился на обратномъ пути за двѣ версты до Казани,—тамъ, гдѣ теперь монастырь Введенскій кизическій. Народъ и духовенство встрѣтили съ умиленіемъ Владычицу, и какъ только обнесли икону около стѣнъ казанскаго кремля,—зараза видимо стала ослабѣвать. На другой день чудотворная икона обнесена была кругомъ всей Казани, и зараза прекратилась. Чрезъ недѣлю чудотворный образъ хотѣли возвратить въ обитель,—но когда, по совершеніи всенощнаго, стали поднимать образъ Богоматери, вдругъ поднялась страшная буря; настала темнота, вслѣдствіе которой ничего нельзя было видѣть и изъ храма не возможно было выдти, по причинѣ свирѣпствовавшей бури. Это явленіе повторялось трижды. Градоначальники и народъ увидѣли, что Матери Божіей не угодно удалиться изъ города, гдѣ икона и пребывала во весь 1655 годъ. Въ этотъ годъ Казань избавлена

была отъ язвы заступленіемъ Богоматери. Въ 1655 году 25 іюля опять показалась язва въ Казани, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде; она повторялась и на слѣдующій годъ. При этомъ двукратномъ появленіи смертоносной язвы Седміезерская икона спасала Казань отъ погибели. Поэтому, при казанскомъ митрополитѣ Лаврентіѣ (съ 1685 г.) въ память прекращенія заразы установлено въ честь Седміезерской иконы Богоматери празднество 26 іюня съ крестнымъ ходомъ. при которомъ св. икона ежегодно съ великимъ торжествомъ приносится въ Казань около того времени, когда наиболѣе свирѣпствовала зараза. Съ 26 іюня съ нею совершаются крестные ходы кругомъ Казани.—Въ 1771 году заступленіемъ Седміезерскія иконы Богоматери Казань избавилась отъ чумы, которая, распространившись изъ Москвы внизъ по Волгѣ. проникла въ Казань. Въ это время жители Казани упросили архіепископа Веніамина принести въ городъ чудотворную икону. Вскорѣ послѣ этого посѣщенія Заступницы, моровая язва прекратилась въ Казани и ея окрестностяхъ.—Икона Седміезерской Богоматери пользуется уваженіемъ и почитаніемъ не только среди православнаго населенія Казани и ея окрестностей, но и среди инородческихъ—иновѣрныхъ жителей города. (Ист. рос. іер. VI. Дебольскаго т. I, стр. 158—159).

27-е число.

Преподобнаго Самсона страннопріимца. — Св. Севира пресвитера. — Праздникъ о побѣдѣ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII подъ Полтавою въ 1709 году.

(Іоанны мѵроносицы, жены Хузы. — Преп. Луки пустынника. — Мучч. Маркія и Маркіи. — Муч. Анекта кесарійскаго. — Священномуч. Піерія пресвитера. — Блаженнаго Мартина туровскаго. — Преставленіе преп. Серапіона кожеезерскаго).

СТРАННОПРІИМСТВО.

Страннопріимство, т. е. принятіе и упокоеніе бѣдныхъ людей, не имѣющихъ пристанища, издревле есть христіанская добродѣтель. Оно ведетъ свое историческое начало изъ временъ древнихъ: оно было извѣстно еще въ ветхо-завѣтныя времена. Праотецъ Авраамъ, живя въ землѣ ханаанской, съ усердіемъ принималъ подъ свой шатеръ и угощалъ странниковъ (Быт. XVIII, 1—9). Въ законахъ еврейскаго народа, данныхъ чрезъ Моисея, поставляется въ непремѣнную обязанность каждому: странника и пришельца не оскорблять и не обижать, помня о томъ, что сами евреи были пришельцами въ землѣ египетской. (Исх. XXII, 21). Страннопріимство и въ Новомъ Завѣтѣ считается одною изъ непремѣнныхъ обязанностей и добродѣтелей. Самъ Іисусъ Христосъ называетъ страннопріемлющихъ благословен-

ными (Мат. XXV 34—35); и посылая апостоловъ на проповѣдь, Онъ заповѣдалъ имъ находить для себя пристанище у страннопріимцевъ (Луки X, 1—11). Всѣмъ вообще христіанамъ, начиная отъ епископа и кончая міряниномъ, ап. Павелъ внушаетъ страннопріимство, какъ одну изъ обязанностей христіанскихъ. Онъ внушаетъ и епископу быть *страннолюбиву* (1 тим. III, 3), и между добрыми дѣлами вдовицы поставляетъ—принятіе странниковъ (1 тим. V, 10), и всѣмъ христіанамъ заповѣдуетъ—не пренебрегать страннопріимствомъ, такъ какъ подъ видомъ странника иногда можно бываетъ принять и Ангела (Евр. XIII, 2). И такъ страннопріимцы служатъ спасительнымъ пристанищемъ для безпріютныхъ нищихъ, недужныхъ и всѣхъ требующихъ помощи Христа ради. — Таковъ былъ св. преподобный Сампсонъ страннопріимецъ.

ПРЕП. САМПСОНА СТРАННОПРІИМЦА.

Святый Сампсонъ родился въ Римѣ отъ богатыхъ и знатныхъ родителей, происходившихъ изъ царскаго поколенія. При воспитаніи, онъ получилъ достаточныя свѣдѣнія въ свѣтскихъ наукахъ и сверхъ того тщательно изучилъ врачебное искусство,—не вслѣдствіе желанія наживы, но единственно съ цѣлію—помогать страждущему человѣчеству Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣлъ основательное познаніе божественнаго Писанія и съ большимъ прилежаніемъ занимался чтеніемъ божественныхъ книгъ, которое возбуждало и утверждало въ немъ вѣру въ Бога и любовь къ добродѣтели. По смерти родителей своихъ, Сампсонъ сталъ щедро раздавать милостыню, питалъ алчущихъ, удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ нуждаю-

щихся, и все это дѣлалъ съ непритворнымъ благодушіемъ, потому что милосердіе было врожденнымъ свойствомъ его. Облегчивъ себя такимъ образомъ отъ тяжести земнаго богатства, онъ, по христіанскому человѣколюбію, отпустилъ на свободу своихъ рабовъ, удержавъ при себѣ только одного и, оставивъ родныхъ и знакомыхъ, удалился изъ Рима въ видѣ бѣднаго странника и поселился въ одной пустынѣ. Но Богъ, предвидя въ немъ избранный сосудъ благотворительности въ пользу бѣдныхъ и страждущихъ, привелъ его изъ пустыннаго уединенія въ Константинополь. Тамъ, пріобрѣтши себѣ небольшой домъ для жительства, онъ принималъ и упокоивалъ въ немъ странныхъ и нищихъ, оказывалъ имъ всякія услуги и помощь, лѣчилъ больныхъ, доставлялъ имъ пищу и всѣ удобства—съ великимъ усердіемъ и радушіемъ. За такую любовь и милосердіе къ ближнимъ Богъ благословилъ труды раба Своего и содѣйствовалъ въ успѣшномъ врачеваніи болящихъ, такъ что всѣ тѣ, которые принимаемы были въ его домѣ даже съ неизлѣчимыми болѣзнями, получали отъ него чудесное исцѣленіе. Впрочемъ св. Сампсонъ благодать чудотворенія скрывалъ подъ видомъ своей опытности во врачебномъ искусствѣ, такъ какъ, по глубокому смиренію, не желалъ и не искалъ славы и почтенія отъ людей. Тѣмъ не менѣе молва о его святой жизни и благотворительности вскорѣ распространилась повсюду. Константинопольскій патріархъ, узнавъ о немъ, призвалъ его къ себѣ и рукоположилъ въ санъ священника, вопреки его желанію. Вслѣдъ за этимъ слава о его добродѣтели и чудесномъ врачеваніи дошла до царскаго двора по нѣкоторому особенному случаю.

Императоръ греческій Юстиніанъ подвергся тяжкой

болѣзни, причинявшей ему нестерпимыя страданья. Врачи, хотя подавали ему надежду на выздоровленіе, но на самомъ дѣлѣ не могли ни уврачевать, ни облегчить его болѣзни. Приглашены были изъ всѣхъ странъ государства другіе, искуснѣйшіе врачи, но и тѣ не оказали никакого пособія болящему. Разгнѣванный царь, удаливъ ихъ отъ себя, обратился къ Богу и отъ Него Одного испрашивалъ и ожидалъ помощи. Господь не призрѣлъ усерднаго и слезнаго моленія его. Однажды, когда онъ уснулъ на короткое время, представилось ему въ видѣніи множество врачей, одѣтыхъ въ свѣтлыя одежды и почтительно стоявшихъ предъ нимъ. Между тѣмъ какой-то свѣтоносный юноша, приступивъ къ больному, показывалъ ему по порядку каждаго изъ врачей и объявлялъ, кто изъ нихъ въ какомъ санѣ и въ какихъ лѣтахъ находился. Въ числѣ прочихъ представилъ онъ одного, смиреннаго по виду, покрытаго сѣдинами, облеченнаго въ священническую ризу и, похваляя его предъ царемъ, говорилъ: „этотъ, а не другой кто можетъ исцѣлить тебя отъ смертоносной болѣзни". Пробудившись, Юстиніанъ обрадовался чудному видѣнію, предвѣщавшему его выздоровленіе и возблагодарилъ Бога. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ врачей и осматривая ихъ, искалъ между ними того престарѣлаго мужа, котораго представлялъ ему юноша въ сонномъ видѣніи, образъ котораго императоръ хорошо запомнилъ. Сильно опечалился онъ, когда не нашелъ между ними никого похожаго на этого старца. Описавъ очертаніе лица видѣннаго имъ старца, императоръ приказалъ отыскать его во что бы то ни стало. Одинъ изъ придворныхъ служителей, услышавъ отъ царя описаніе внѣшности видѣннаго имъ во снѣ мужа, вспомнилъ о Сампсонѣ, ко-

торый былъ извѣстенъ ему какъ врачъ и весьма подходилъ подъ это описаніе. Царю донесли о немъ, и Юстиніанъ велѣлъ съ честію привести его къ себѣ и, лишь только взглянулъ на старца, призналъ въ немъ того самаго, который являлся ему во снѣ. Онъ принялъ его съ такимъ выраженіемъ радости, съ такимъ почтеніемъ, что Самсонъ, чуждый всякаго честолюбія, оскорбился его самоуничиженіемъ и сказалъ ему съ кротостію: „оставь эти почести, государь; не унижай себя чрезмѣрнымъ смиреніемъ, чтобы не породить во мнѣ гордости и не сдѣлаться виновникомъ моего осужденія;—чѣмъ я превосхожу прочихъ людей?—я, человѣкъ бѣдный и грѣшный, самъ имѣю нужду въ милосердіи Божіемъ для уврачеванія грѣховъ моихъ. Но твоя великая вѣра и твердое упованіе приклонитъ на милость Царя небеснаго—и исцѣлитъ тебя: для Него все возможно". Сказавъ это, чудодѣйственный врачъ прикоснулся рукою къ больной части тѣла его, показывая видъ, будто прикладываетъ къ ней какое-то лѣкарство. Царь отъ одного прикосновенія къ ней руки его почувствовалъ облегченіе болѣзни, а вскорѣ потомъ получилъ совершенное исцѣленіе и изъявилъ великую радость.

Въ вознагражденіе за такую важную и благодѣтельную услугу, Юстиніанъ предложилъ святому Самсону значительную часть своихъ сокровищъ. Но святой безсребренникъ сказалъ ему: „государь, я имѣлъ много золота, серебра и другихъ сокровищъ, но все это оставилъ ради Христа, для полученія отъ Него вѣчныхъ небесныхъ благъ. Если же ты хочешь явить мнѣ свою милость, то сдѣлай, что я предложу тебѣ, для Бога и для своего спасенія: построй близь моего жилища домъ, гдѣ-бы я могъ принимать и упокоивать бѣдныхъ, боль-

ныхъ и странниковъ, которымъ издавна привыкъ служить. Этимъ благотворительнымъ дѣломъ ты и себѣ заслужишь вѣчное воздаяніе отъ Бога и утѣшишь мою старость. Царь исполнилъ желаніе св. Сампсона: онъ повелѣлъ немедленно соорудить близъ жилища святаго страннопріимный домъ и больницу, а когда постройка этихъ зданій была окончена, приказалъ снабдить ихъ достаточнымъ содержаніемъ и разными принадлежностями, потребными для упокоенія странниковъ и для лѣченія больныхъ. Тогда-то открылось обширное поприще для святой дѣятельности преп. Сампсона. Все остальное время своей жизни онъ посвятилъ исключительно страннопріимству и попеченію о недужныхъ и страждущихъ. Наконецъ, достигши глубокой старости, отъ непрерывныхъ трудовъ св. Сампсонъ изнемогъ самъ тѣломъ и впалъ въ предсмертную болѣзнь. Когда онъ умиралъ, то свѣтлое и спокойное лице его ясно выражало чистоту его совѣсти, не смущавшейся при видѣ смерти. Онъ умеръ около 530 года. Тѣло его погребено было въ Константинополѣ, въ церкви св. мученика Мокія, предка его по плотскому рожденію, отъ котораго онъ наслѣдовалъ христіанскія добродѣтели.

По смерти св. Сампсона, равно какъ и при жизни совершались его молитвами многочисленныя исцѣленія и чудодѣйствія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. — Нѣкто Ѳеодоритъ, человѣкъ знатный, сходя съ лѣстницы своего дома, повредилъ себѣ ногу, и до того расхворался, что въ продолженіи 3-хъ дней не могъ ни пить, ни ѣсть ничего, ни даже говорить: такъ сильна была боль. Въ продолженіе этого времени онъ усердно молился св. Сампсону, чтобы онъ исцѣлилъ его. Въ ночь—на четвертый день, больной видитъ, что свя-

тый цѣлитель стоитъ у него въ ногахъ и, прикасаясь больной ноги, говоритъ: „встань,—больше ты не будешь хворать“. Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ. Ѳеодоритъ, ощупавъ ногу и чувствуя, что она здорова, всталъ и возблагодарилъ Бога и Его угодника св. Сампсона. На утро же, пришедши къ мощамъ этого святаго, разсказалъ о случившемся съ нимъ чудѣ.—Другой царскій сановникъ—Варда былъ боленъ карбункуломъ, отъ каковой болѣзни сильно страдалъ. Въ день памяти св. мученика Мокія всѣ доктора, лѣчившіе больнаго, и всѣ домашніе ушли въ церковь къ службѣ. Больной Варда, лежа на постелѣ, сильно скорбѣлъ о томъ, что не можетъ сходить въ церковь на поклоненіе мощамъ св. Сампсона, покоящимся въ церкви св. Мокія. Въ это время вдругъ является какой то старецъ и говоритъ: „встань!“—„Отъ сильной болѣзни, я не могу ходить“, —отвѣчалъ больной.—„Тебѣ говорю встань и иди въ церковь св. Мокія, которому нынѣ празднуютъ, и помолись тамъ предъ мощами св. Сампсона“,—сказалъ старецъ и скрылся. Больной, почувствовавъ силу, началъ мало по малу подниматься съ постели, потомъ, развязавъ повязки, которыми были перевязаны раны, онъ увидѣлъ, что раны его совершенно зажили. Одѣвшись по праздничному, Варда съ радостнымъ лицемъ пошелъ въ церковь; всѣ, увидя его совершенно здоровымъ и узнавъ причину его выздоровленія, прославляли Бога и св. Сампсона.

Въ Константинополѣ былъ обычай—нѣкоторыхъ больныхъ, особенно страдающихъ сильными болѣзнями,—относить въ больницу св. Сампсона. Случилось однажды, что у священника Евѳима былъ боленъ водянкою слуга его Георгій. Священникъ, видя, что никто не по-

могаетъ слугѣ, отослалъ его въ больницу св. Сампсона, гдѣ больной, пробывъ нѣсколько времени, возвратился назадъ не вылѣчившись. Священникъ сильно порицалъ его за его невѣріе и, отославъ опять въ больницу, приказалъ ему попросить мура, текущаго изъ гробницы св. Сампсона, и помазаться имъ. Ночевавъ въ больницѣ, на утро слуга воротился къ священнику совершенно здоровымъ и разсказалъ, что въ прошедшую ночь во снѣ видѣлъ св. Сампсона, который, коснувшись рукою до его чрева, сказалъ: „ступай отсюда, ты уже совсѣмъ —здоровъ“. (Прологъ. Четьи-Минеи).

СВЯТАГО СЕВИРА ПРЕСВИТЕРА.

Святый Севиръ жилъ въ средней Италіи, въ провинціи Валеріи, между городами Реяте и Амитернумъ, близъ города Тутера, въ долинѣ и селеніи Интерокрея или Интерокрина. Онъ былъ человѣкъ высокоблагочестивой жизни и въ санѣ пресвитера ревностно исполнялъ долгъ своего служенія. Случилось однажды, что нѣкто изъ его прихожанъ сильно заболѣлъ и, желая предъ смертію очистить свою душу покаяніемъ, послалъ къ Севиру, что бы онъ пришелъ къ нему исповѣдать и причастить Св. Тапнъ. Севиръ въ это время занимался въ своемъ виноградникѣ срѣзываніемъ виноградныхъ кистей и сказалъ посланному: „иди впередъ, - я поспѣшу за тобою“. Между тѣмъ, видя, что не много осталось срѣзать гроздовъ, онъ нѣсколько замедлилъ и, докончивъ свое дѣло, пошелъ къ больному. На пути, его встрѣтили бывшіе у больнаго и объявили Севиру, что онъ опоздалъ: больной уже скончался. Это извѣстіе такъ поразило пресвитера, что онъ началъ горько плакать и

сокрушаться, считая себя виновникомъ гибели умершаго безъ должнаго приготовленія. Пришедъ въ домъ умершаго, онъ сталъ на колѣна предъ гробомъ его и не переставалъ слезно молить Бога объ отпущеніи грѣховъ скончавшагося. Вдругъ умершій внезапно ожилъ и разсказалъ окружающимъ слѣдующее: „тотчасъ, по смерти, взяли его страшные ефіопы и повели въ какія-то темныя мѣста,—но скоро явились свѣтоносные юноши и освободили его изъ власти темныхъ силъ, сказавъ, что Севиръ пресвитеръ плачетъ о немъ, и Господь, внимая этой слезной молитвѣ, возвращаетъ къ жизни умершаго". Воздавъ благодареніе Господу за такое чудесное проявленіе Его милосердія, Севиръ исповѣдалъ воскресшаго человѣка, разрѣшилъ отъ грѣховъ и сподобилъ св. Христовыхъ Таинъ. Семь дней оставался въ жизни воскресшій и на восьмой день скончался, уже очищенный отъ грѣховъ своихъ. Всѣ бывшіе свидѣтелями столь необычайнаго происшествія, уразумѣли, что Севиръ пресвитеръ угоденъ Богу, и его молитва сильна предъ престоломъ Божіимъ. (Четьи-Минеи. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 177).

ПРАЗДНИКЪ О ПОБѢДѢ НАДЪ ШВЕДСКИМЪ КОРОЛЕМЪ КАРЛОМЪ XII.

Въ настоящій день церковь русская празднуетъ побѣду, одержанную Петромъ I Великимъ надъ шведами подъ Полтавою. Швеція давно уже бросала завистливые взгляды на Россію, подъ различными предлогами вступала въ наши области и старалась, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, оторвать какой-либо клочекъ Россіи. Наконецъ, въ 1709 году молодой,

но уже извѣстный своими побѣдами, король шведскій Карлъ XII съ арміею сильною, хорошо обученною и хорошо вооруженною, заручившись при томъ предательствомъ на его сторону гетмана Мазепы съ малороссійскимъ казацкимъ войскомъ,—врывается почти неожиданно во внутреннія области Россіи и, не встрѣчая почти сопротивленія, достигаетъ Малороссіи. Какъ громомъ поразило императора Петра это нашествіе сильнаго и хитраго врага, грозившаго на долго остановить начатое имъ благотворное дѣло преобразованія Россіи. Съ вѣрою въ Промыслъ Божій и правоту своего дѣла, съ войскомъ однакоже, сравнительно съ шведскимъ, не такъ обученнымъ выступаетъ онъ въ походъ противъ Карла. Вѣсти объ измѣнѣ Мазепы и соединеніи съ Карломъ XII сильно опечалили Петра, тѣмъ не менѣе онъ вступилъ подъ городомъ Полтавою 27 іюня въ битву и одержалъ побѣду: битва подъ Полтавою окончилась торжествомъ для русскихъ войскъ и пораженіемъ для шведовъ. Карлъ XII раненый бѣжалъ въ Турцію,—войско его было все разбито, и Швеція теперь на много десятилѣтій сдѣлалась не опасною для Россіи. Церковь русская, усматривая въ совершившемся дѣлѣ побѣды дѣйствіе Промысла Божія, благодѣвшаго Россіи, благодарственною службою, нарочито для этого составленною, узаконила навсегда торжествовать память этой побѣды надъ врагами, въ поученіе всѣмъ родамъ, что перстъ Божій движетъ волею и дѣяніями царя русскаго, помазанника Божія. Благодарственная служба 27 іюня доселѣ совершается въ нашихъ храмахъ по всей Россіи.—Основная мысль службы этого дня та, что царь земной есть служитель Божій, Богомъ поставляемый и исполняющій Его волю, что въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ от-

крывается дѣйствіе суда и міроправленія Божественнаго. Сообразно этой глубоконазидательной мысли, служба по случаю побѣды подъ Полтавою беретъ изъ исторіи библейской и церковной правителей народныхъ, находившихся подъ особымъ Богоправленіемъ, и ставитъ ихъ въ образъ правителей современныхъ, все совершающееся относя къ Богу, и нынѣ также чудодѣйственно спасающему вѣрующій въ Него народъ, какъ издревле спасалъ народъ Божій чрезъ вождей и правителей израильскихъ. Служба на торжество Полтавской побѣды составлена Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, бывшимъ потомъ архіепископомъ тверскимъ. Событіе Полтавской побѣды ознаменовано было построеніемъ церкви во имя преп. Самсона, существующей до нынѣ въ Петербургѣ.

Мучч. Маркій и Маркія были усѣчены мечемъ.—Муч. Асинкритъ былъ усѣченъ послѣ мукъ при Діоклетіанѣ.—Священномуч. Піерій, пресвитеръ антіохійскій, пострадалъ отъ сожженія. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II, стр. 170).

БЛАЖЕННАГО МАРТИНА ТУРОВСКАГО.

Въ городѣ Туровѣ (нынѣ мѣстечко минской губер.) былъ монастырь св. князей Бориса и Глѣба. Здѣсь была и каѳедра туровскихъ епископовъ, у которыхъ былъ поваръ Мартинъ. Онъ служилъ при туровскихъ епископахъ: Симеонѣ, Игнатіи, Іоакимѣ и Георгіи. Послѣдній уволилъ Мартина отъ поварской службы по его старости. Но благочестивый старецъ не хотѣлъ разстаться съ монастыремъ: онъ принялъ монашество и жилъ въ епископскомъ монастырѣ „на болоньѣ“ (на выгонѣ). Живя одинъ, онъ часто бывалъ боленъ, вслѣдствіе прежнихъ тяжелыхъ работъ. Въ припадкахъ тяжкой болѣзни онъ лежалъ неподвиж-

ный, кричалъ отъ боли и не могъ служить самому себѣ. Разъ онъ лежалъ въ кельѣ, изнемогая отъ жажды, такъ какъ никто не посѣщалъ его тогда и не служилъ ему, потому что около монастыря была сильная вода. На третій день безпомощнаго его положенія къ нему входятъ свв. мученики Борисъ и Глѣбъ въ томъ видѣ, какъ они пишутся на иконѣ, и говорятъ: „чѣмъ ты боленъ старецъ?" Онъ разсказалъ имъ о своей болѣзни. „Не хочешь ли воды?" — спросили они. — „О, господа мои,— отвѣчалъ Мартинъ,— я уже давно жажду". Тогда одинъ взялъ ведро и принесъ для старца воды, а другой ковшъ и напоилъ его. Старецъ спросилъ ихъ: „чьи вы дѣти?" „Ярославовы"—отвѣчали святые братья. Старецъ Мартинъ подумалъ: вѣрно это слуги Ярослава Георгіевича, и онъ сказалъ имъ: „да умножитъ Господь Богъ годы жизни вашей, господа мои, возьмите сами хлѣбъ и соль и ѣшьте, а я уже не могу послужить вамъ". Они отвѣчали: „нѣтъ, побереги себѣ, — мы уйдемъ, а ты не болѣй и усни". Послѣ этого они стали невидимы, а старецъ оказался здоровымъ,—всталъ, прославилъ Бога и святыхъ мучениковъ и жилъ послѣ этого еще годъ. Объ этомъ онъ разсказалъ духовному отцу своему. (Прологъ. Рус. свят.—Филарета арх. черн.).

ПРЕПОДОБНАГО СЕРАПІОНА КОЖЕЗЕРСКАГО.

Въ числѣ плѣнныхъ казанскихъ татаръ, принявшихъ св. крещеніе, былъ молодой мурза Тартусъ, принявшій при крещеніи имя Сергія. Онъ жилъ въ домѣ боярина Захара Ивановича Плещеева, женившагося на астраханской царицѣ Ельякшѣ, въ крещеніи Іуліаніи. Здѣсь Сергія нерѣдко видалъ самъ царь и ласкалъ его. Сергій

такъ искренно, такъ глубоко полюбилъ православную вѣру, что рѣшился разстаться съ міромъ, чтобы выполнять самыя высокія правила новой вѣры. Онъ рѣшился обойти иноческія пустыни, чтобы поселиться тамъ, гдѣ ему понравится. На пустынномъ островѣ озера — Ноже онъ встрѣтилъ отшельника; плѣнился его жизнію и остался жить съ нимъ. Отшельники вели весьма строгую и постническую жизнь: пищею для нихъ служила трава и частію ягоды. Повинуясь своему наставнику, Сергій съ точностью выполнялъ наставленія Нифонта. Послѣ испытанія, даннаго самому себѣ, Сергій просилъ старца постричь его въ иночество. Нифонтъ, видя искренность и чистоту его желаній, постригъ его, назвавъ Серапіономъ. Когда узнали строгихъ подвижниковъ, то молва объ ихъ высокой жизни стала привлекать къ нимъ ревнителей духовной жизни. Такъ чрезъ 18 лѣтъ отшельнической жизни, Серапіонъ долженъ былъ войти въ общеніе съ людьми! Когда къ Нифонту и Серапіону собралось достаточное количество иноковъ, то Нифонтъ отправился въ Москву просить земли для обители, но, прибывъ туда, скончался, не начавъ тамъ дѣла. Между тѣмъ въ обители не знали о судьбѣ Нифонта и, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, стали чувствовать голодъ. По состраданію къ нуждающимся инокамъ, Серапіонъ отправился просить подаянія. Ему дали хлѣба въ зернѣ и жернова: по мхамъ и лому хвороста онъ принесъ все это на себѣ въ обитель и спасъ братію отъ голодной смерти. Узнавъ о кончинѣ Нифонта, св. Серапіонъ отправился въ Москву хлопотать о постройкѣ монастыря. Здѣсь онъ получилъ царскую грамоту (отъ 30 сентября 1584 г.), которою предоставлялась земля для новой обители по 4 версты во всѣ стороны. Въ то же время ему

была дана грамота и митрополитомъ съ благословеніемъ на устроеніе монастыря. Возвратясь изъ Москвы, блаженный Серапіонъ расчистилъ съ иноками мѣсто въ лѣсу для пашни, оградилъ мѣсто обители оградою и соорудилъ храмъ въ честь Богоявленія Господня. Окончивъ постройку храма, онъ отправился къ новому патріарху Іову, чтобы получить антиминсъ, и наименованъ былъ строителемъ монастыря. Скоро потомъ построенъ былъ другой храмъ—теплый, во имя свят. Николая;—что касается средствъ къ жизни монастыря, то они были весьма скудны. Вотъ что говоритъ самъ блаженный Серапіонъ въ своей просьбѣ къ царю (1595 г.): „нынѣ начали посылать съ Москвы въ ихъ Богоявленскій монастырь опальныхъ людей, а имъ старцамъ и самимъ нечего ѣсть и беречь тѣхъ людей некому; царской милостыни ни деньгами, ни хлѣбомъ не выдается; вотчинныя земли Богоявленской обители всего четыре обжи на р. Онегѣ куплены, и они сами пріѣзжая пашутъ пашню, а крестьянъ у нихъ нѣтъ; сами же варятъ соль въ Піялѣ для монастырскаго расхода; на посадѣ, въ Турчасовѣ, купленъ для пріѣздовъ дворъ“. Вслѣдствіе этой просьбы царь освободилъ земли кожезерской обители отъ податей и повинностей. Въ 1608 г., по прошенію, св. Серапіонъ былъ уволенъ отъ должности игумена, и въ настоятели былъ поставленъ Авраамій, ученикъ его. Преп. Серапіонъ скончался 27 іюня 1611 года, оставивъ послѣ себя до 40 иноковъ въ общежительной обители своей. (Рус. свят.—Филарета арх. чер.).

28-е число.

Пренесеніе мощей свв. безсребренниковъ и чудотворцевъ Кира и Іоанна.—Преп. Павла врача.—Преп. Сергія и Германа валаамскихъ.

(Преп. Сергія Магистра.—Преп. Патія.—Муч. Македонія.—Двухъ отроковъ распятыхъ.—Преп. Улкіана.—Преп. Моисея.—Св. Донага, еп. Ливіи.—70 мучениковъ въ Скиѳополь. — Преп. Магна.—3-хъ мучениковъ изъ Галатіи.—Преп. Ксенофонта Робейскаго.—Троеручицы иконы Божіей Матери).

Мощи святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Кира и Іоанна (память ихъ 31 января) перенесены были изъ Канопа въ селеніе Мануѳинъ, недалеко отъ Канопа, въ Египетъ въ 412 году, при александрійскомъ патріархѣ Ѳеофилѣ. Главы ихъ были въ 1200 году въ Софіи въ Царьградѣ, ихъ тамъ видѣлъ русскій паломникъ Антоній. (Прологъ. Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II, стр. 170). Жизнь св. безсребренниковъ см. 31 января.

ПРЕПОДОБНАГО ПАВЛА ВРАЧА.

Преп. Павелъ родился въ городѣ Коринѳѣ отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ постригся въ монахи и весьма строго проводилъ жизнь иноческую и цѣломудренную. По внушенію діавола, одна женщина, желая оклеветать святаго въ нарушеніи цѣломудрія,

принесла къ преподобному своего новорожденнаго ребенка и, положивъ его, сказала: „отъ тебя я зачала его и родила". Старецъ съ радостью принялъ младенца на воспитаніе. Когда же стали порицать преподобнаго за нарушеніе цѣломудрія, онъ, ставъ однажды посреди народа, въ дерзновеніи вѣры, спросилъ новорожденнаго, кто его отецъ? — и младенецъ не только указалъ на истиннаго виновника, но и сказалъ: „вотъ мой отецъ, а не Павелъ монахъ". Народъ и клеветники, услышавъ это, просили прощенія у преподобнаго. Этотъ угодникъ имѣлъ даръ врачевать болѣзни. (Прологъ).

ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА ВАЛААМСКИХЪ.

Преподобные Сергій и Германъ были основателями иноческой жизни на Валаамскомъ островѣ Ладожскаго озера. Кто были преп. Сергій и Германъ—неизвѣстно. По случаю войнъ, опустошавшихъ монастырь, житіе этихъ угодниковъ утрачено. Мѣстныя преданія, основываясь на словахъ лѣтописца Нестора о приходѣ св. апостола Андрея къ славянамъ новгородскимъ, продолжаютъ его путешествіе и на озеро Ладожское, гдѣ будто-бы онъ благословилъ пустынный островъ Валаамскій каменнымъ крестомъ. Тѣ же темныя преданія называютъ Сергія однимъ изъ апостольскихъ учениковъ, посѣтившаго этотъ островъ и крестившаго тамъ язычниковъ. Между этими язычниками, говорятъ, былъ нѣкто Мункъ, котораго считаютъ за Германа. Нѣкоторые относятъ время жизни преп. Сергія и Германа ко временамъ св. княгини Ольги и считаютъ ихъ греческими выходцами, желавшими просвѣтить сѣ-

веръ. Иные думаютъ, что эти преподобные жили и основали монастырь Валаамскій во времена Владиміра Святаго. Вѣрнѣе всего, что препп. Сергій и Германъ жили и подвизались въ первой половинѣ XIV столѣтія. Въ новгородской Софійской библіотекѣ, на доскѣ древней рукописной книги, содержащей правила свв. Отцевъ и семи вселенскихъ соборовъ, находится слѣдующая записка: „въ лѣто 6837 (1329) нача жити на островѣ Валаамѣ, на озерѣ Ладожскомъ, старецъ Сергій". Такое показаніе о времени перваго валаамскаго пустынника согласно съ обстоятельствами сѣвернаго края, извѣстными по лѣтописямъ. Извѣстно, что православное христіанство было распространено въ Кареліи предъ самымъ нашествіемъ татаръ; а съ 1249 г. шведы, утвердясь въ югозападной Кареліи, огнемъ и мечемъ принуждали кареловъ къ папизму и тѣмъ, возбудивъ въ нихъ отвращеніе къ христіанству, заставили ихъ искать помощи у прежнихъ языческихъ боговъ. Король Магнусъ, усердный слуга папы, въ 1349 году насильно перекрещивалъ народъ въ окрестностяхъ Орѣшка (Шлиссельбурга). Между тѣмъ Россіи, ограбленной и угнетенной татарами, не было возможности вступиться съ силою за православіе Кареліи. Въ это время старцы Сергій и Германъ, поселясь на Валаамѣ, явились отрадными лучами для угнетеннаго края, оживили тамъ ученіемъ и жизнію православную вѣру и основали иноческую обитель. Основателямъ Валаамскаго монастыря пришлось много потерпѣть скорбей по милости Магнуса, перекрещивавшаго финновъ мечемъ и огнемъ въ католичество. Братство иноковъ, собранныхъ препп. Сергіемъ и Германомъ на Валаамѣ, было довольно многолюдное и для него основателями установлено полное общежитіе. О духѣ монашескаго жи-

тія, насажденнаго на Валаамѣ препп. Сергіемъ и Германомъ, вотъ что писали валаамскіе монахи: „на Валаамѣ изстари, какъ только сталъ монастырь, начальники валаамскаго монастыря — Сергій и Германъ установили общину,—полотняную одежду и обувь давали каждому.... По уложенію валаамскихъ начальчиковъ Сергія и Германа, выходило въ годъ на платье и обувь 50 рублей, а въ иной годъ и 60“. Кончина валаамскихъ начальниковъ послѣдовала около 1353 года, а обрѣтеніе мощей и написаніе ихъ иконы, бывшее, по повѣсти, при архіепископѣ Іоаннѣ, должно быть отнесено ко времени архіепископа Іоанна, управлявшаго церковью до 1401 года. Память ихъ празднуется 28 іюня, а перенесеніе мощей изъ Новгорода на Валаамъ 11 сентября.—Шведскій полководецъ Делагарди разорилъ Валаамскій и Коневскій монастыри. Монахи перенесли мощи своихъ пустынноначальниковъ въ Староладожскій Никольскій монастырь, а сами разошлись. По Ништадскому миру (1721 г.) эта земля возвращена Россіи, но еще въ 1718 году монахи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря начали возобновлять Валаамскую обитель. Въ 1754 году она сгорѣла и снова отстроена. Въ кленовой монастырской рощѣ показываютъ могилу шведскаго короля—Магнуса, который будто-бы занесенъ былъ на Валаамскій островъ бурею и скончался тамъ монахомъ. Мощи святыхъ Сергія и Германа нынѣ почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ монастырскомъ храмѣ Преображенія Господня. (Ист. рос. іер. III, 481—493. Ист. слов. о свят. стр. 247—249. Рус. свят.—Филарета арх. черн. Жит. свв.—Муравьева).

Преп. Сергій Магистръ основалъ монастырь въ честь Пресвятой Богородицы въ Никомидійскомъ заливѣ; умеръ въ Критѣ въ 9 вѣкѣ. - Преп. Паппій былъ усѣченъ ме-

чемъ при Діоклетіанѣ.—Муч. Македоній умеръ отъ обрѣзанія рукъ и ногъ.—Преп. Моисей жилъ на сирійской горѣ и въ стихословіи сравнивается съ Моисеемъ, умершимъ на горѣ.—Св. Донагъ, еп. Ливіи былъ сожженъ. — 70 мучениковъ въ Скиопполѣ были усѣчены мечемъ.—Преп. Магнъ скончался во время молитвы.—3 мученика изъ Галатіи усѣчены мечемъ.—(Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II стр. 170—171).

ПРЕПОДОБНАГО КСЕНОФОНТА РОБЕЙСКАГО.

Преподобный Ксенофонтъ начало иноческой жизни положилъ подъ руководствомъ преп. Варлаама Хутынскаго. По удаленіи преп. Антонія Дымскаго изъ Хутыня монастыря, Ксенофонтъ былъ вмѣсто его игуменомъ. Потомъ, по влеченію къ уединенной и безмолвной жизни, онъ удалился изъ Хутынскаго монастыря за 15 верстъ отъ него въ глухое пустынное мѣсто и тамъ—на берегу небольшой рѣчки Робейки основалъ (около 1230 года) обитель съ храмомъ Св. Троицы. Вѣроятно, онъ почилъ въ своей обители не позже 1265 г.,—днемъ его кончины было 28 іюня. Мощи преп. Ксенофонта почиваютъ подъ спудомъ въ часовнѣ монастыря Ксенофонтова, нынѣ упраздненнаго. Каменная церковь монастыря въ имя Св. Троицы, построенная въ 1418 году, обращена въ приходскую. (Ист. слов. о свят. стр. 162. Рус. свят. - Филарета, арх. черн.).

ТРОЕРУЧИЦЫ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Исторія иконы—Троеручицы имѣетъ тѣсную связь съ судьбою жизни св. Іоанна Дамаскина, знаменитаго пѣснописца православной церкви. Св. Іоаннъ, сильно пора-

жавшій и письменно, и устно иконоборческую ересь, за свою ревность въ этомъ отношеніи былъ оклеветанъ греческимъ императоромъ Львомъ Исавряниномъ предъ дамасскимъ княземъ, при которомъ занималъ онъ важную государственную должность. Князь, не разобравши дѣла и неподозрѣвая тайныхъ козней царственной особы, приказалъ отсѣчь Іоанну руку, писавшую императору письма, въ коихъ будто-бы обнаружился его враждебный духъ, расположенный къ политической измѣнѣ дамасскому правительству. Рука была отсѣчена и, въ страхъ всему городу, повѣшена на публичномъ мѣстѣ. Къ вечеру того же дня, когда утихъ нѣсколько гнѣвъ князя, св. Іоаннъ ходатайствовалъ предъ нимъ чрезъ друзей своихъ, чтобы позволено было ему взять вывѣшанную на позоръ кисть усѣченной руки его. Князь склонился на ходатайство своихъ придворныхъ, и кисть руки была возвращена страдальцу. Когда наступила ночь, Іоаннъ затворился въ своей молитвенной келліи и, приложивши мертвую кисть руки къ ея составу, палъ предъ иконою Богоматери, горько зарыдалъ и всею силою сердечной вѣры и любви молилъ Царицу небесную объ исцѣленіи руки его, въ защиту православія и на пораженіе усилившейся тогда иконоборческой ереси. Послѣ долгой молитвы онъ задремалъ и въ тонкомъ снѣ увидѣлъ Божію Матерь, взиравшую на него свѣтлыми и милостивыми очами. „Вотъ рука твоя исцѣлена, - сказала Она ему,—не скорби болѣе и исполни то, что ты обѣщалъ Мнѣ въ молитвѣ своей“. Іоаннъ проснулся и къ величайшему изумленію ощутилъ, что рука его цѣла, какъ и прежде; даже не осталось никакого слѣда болѣзни, и только, какъ бы въ свидѣтельство событія, тамъ, гдѣ была она отсѣчена, на подобіе розовой нити, остался признакъ кроваваго усѣ-

ченія. Тронутый чувствомъ глубочайшей признательности къ Богоматери за Ея милость, въ память дивнаго происшествія, св. Іоаннъ приказалъ сдѣлать изъ серебра изображеніе ручной кисти и приложилъ его къ иконѣ своей Заступницы, отъ чего она въ послѣдствіи получила названіе Троеручицы. Поэтому же случаю, какъ полагаютъ, написалъ онъ извѣстный канонъ, начинающійся пѣснью: „Твоя побѣдительная десница Боголѣпно въ крѣпости прославися". Чудесное исцѣленіе руки Іоанновой поразило всѣхъ въ Дамаскѣ, даже самаго князя, который и прежде, до времени оклеветанія его императоромъ Львомъ, питалъ къ нему чувства особенной дружбы, а теперь еще болѣе полюбилъ его. Наконецъ, послѣ долгаго съ своей стороны сопротивленія, князь позволилъ Іоанну Дамаскину сложить съ себя свѣтское званіе и удалиться въ лавру Саввы Освященнаго.

Оставляя Дамаскъ, Іоаннъ взялъ съ собою и чудотворную икону, предъ которою получилъ исцѣленіе. Съ этого времени, т.-е. отъ половины VIII столѣтія она постоянно оставалась въ лаврѣ іерусалимской до XIII вѣка, когда прибылъ туда знаменитый Савва, въ послѣдствіи архіепископъ сербскій. При возвращеніи его изъ Палестины, дарована была ему отъ лавры въ благословеніе икона Троеручицы, по особенному на то соизволенію Богоматери, и принесена имъ въ Сербію, отечественную страну его. Но по прошествіи многихъ лѣтъ, при возникшихъ смутахъ въ этой странѣ, во время страшнаго разоренія ея турками, благочестивые сербы, желая предохранить драгоцѣнный даръ лавры отъ истребленія, поручили его благопопеченію самой Царицы небесной. По сохранившемуся достовѣрному преданію, они возложили честную икону Ея на осла, и это животное, пу-

щенное на произволъ, безъ всякаго водительства со стороны людей. подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ издали, прошло до св. горы аѳонской и остановилось неподвижно предъ монастыремъ Хиландарскимъ, основаннымъ въ XIII в. сербскимъ господаремъ Стефаномъ, въ иночествѣ Симеономъ, и сыномъ его св. Саввою, принесшимъ въ Сербію икону Троеручицы изъ Палестины. Иноки Хиландарскіе съ торжествомъ и радостію приняли прибывшую къ нимъ сію святую икону и поставили ее въ алтарѣ соборнаго храма. Тамъ находилась она нѣсколько лѣтъ—до того времени, когда нѣкоторое особенное обстоятельство вызвало ее оттуда.

Однажды, по смерти игумена Хиландарской обители, иноки приступили къ избранію новаго настоятеля; но они никакъ не могли согласиться между собою въ выборѣ, отъ чего возникли взаимныя неудовольствія, распри и сильныя потрясенія во всемъ монастырѣ, раздѣлившемся на двѣ противныя партіи. Смуты братіи не были угодны Богоматери, имени Которой посвящена обитель: Она Сама приняла участіе въ спорномъ дѣлѣ ихъ и дала ему мирное направленіе. Однажды иноки Хиландарскіе, по обычаю, собрались къ утренему Богослуженію и увидѣли, что икона Троеручицы стояла не въ алтарѣ, а на игуменскомъ мѣстѣ. Приписывая это тайнымъ дѣйствіямъ экклисіарховъ, иноки отнесли ее въ алтарь, но на слѣдующій день она опять появилась на игуменской каѳедрѣ. Ее поставили снова въ алтарѣ, а между тѣмъ приняты были всѣ мѣры предосторожности, церковныя двери освидѣтельствованы и на нихъ наложены печати; но на третій день икона опять стояла на игуменскомъ мѣстѣ. Пока иноки удивлялись этому чудному перехожденію ея, явился извѣстный всѣмъ святостью жизни

своей затворникъ и разсказалъ бывшее ему видѣніе, въ которомъ Богоматерь изъявила Свою волю, чтобы иноки не заботились о храненіи Ея иконы внутри алтаря и не переносили бы ее туда съ игуменскаго мѣста, потому что, для устраненія несогласій при избраніи игумена и въ настоящее и на будущее время, Она сама хочетъ занять это мѣсто Своею иконою и непосредственно управлять монастыремъ. Съ того времени до нынѣ неизмѣнно соблюдается въ Хиландарской обители святая воля Владычицы небесной: тамъ не выбираютъ изъ братій особаго игумена, а избирается только намѣстникъ, завѣдывающій монастырскими дѣлами и занимающій въ церкви второе мѣсто близъ игуменской каѳедры, надъ которою стоитъ икона Троеручицы. Видъ этой иконы чрезвычайно выразителенъ и даже строгъ. Отъ нея обыкновенно принимаютъ благословеніе на всѣ церковныя службы, какъ бы отъ присутствующаго игумена. Экклисіархи предъ началомъ Богослуженія, одѣвшись въ мантіи, по существующему на Аѳонѣ положенію, подходятъ къ иконѣ, дѣлаютъ предъ ликомъ Богоматери два земные поклона съ крестнымъ знаменіемъ, лобызаютъ десную руку Ея и потомъ, уже безъ крестнаго знаменія, преклоняются предъ нею до земли, какъ предъ Настоятельницею.

Списки Святогорской иконы Троеручицы съ давнихъ временъ существуютъ въ Россіи. Но русскіе живописцы ошибочно изображаютъ на сей иконѣ третью руку внизу, какъ бы принадлежащую самой Богоматери, отъ чего, при взглядѣ на нее, могутъ возникать недоразумѣнія. Эта третья рука не имѣетъ никакого отношенія къ изображаемому на иконѣ пречистому тѣлу Божіей Матери: она должна считаться отдѣльною и какъ бы приложенною къ образу. Древнѣйшая въ Россіи икона Троеручицы

находится въ мужской Бѣлобережской пустыни, куда принесена первымъ строителемъ этой пустыни священноинокомъ Симеономъ въ 1561 году. Воспоминаніе явленія ея бываетъ тамъ 28 іюня. Совершается также „празднество чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Троеручицы“ въ Москвѣ 12 іюля, въ церкви Покровской, что въ Голикахъ, гдѣ находится и самый ея образъ. (Дебольскаго т. 1, стр. 197—199).

29-е число.

Свв. славныхъ и всехвальныхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла.—Преп. Петра, царевича ордынскаго.

СВЯТЫХЪ СЛАВНЫХЪ И ВСЕХВАЛЬНЫХЪ ВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Св. апостолъ Петръ, въ обрѣзаніи названный Симономъ, до призванія своего къ апостольскому служенію занимался вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ рыболовнымъ промысломъ. Родиною его былъ небольшой городокъ—Виѳсаида галилейская, на западномъ прибрежьѣ Геннисаретскаго озера. Симонъ, готовясь къ скромной долѣ рыбака, не получилъ ученаго образованія. Но низкая доля, бѣдность умственнаго образованія не препятствовали ему, по природѣ воспріимчивому и увлекающемуся, живо сочувствовать желаніямъ и ожиданіямъ своими соотечественниками скораго пришествія Христа. Симонъ, конечно, раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими іудеями

обольстительныя мечты о близкомъ воцареніи Мессіи, какъ освободителя народа Божія отъ владычества иноплеменниковъ. И вотъ раздается первая вѣсть о Мессіи изъ устъ Предтечи Господня въ пустынѣ іорданской. Вся окрестность іорданская: Іудея, Іерусалимъ выходятъ къ Іоанну Крестителю. Андрей—братъ Симона дѣлается ученикомъ Іоанна. Въ числѣ слушателей Предтечи былъ, вѣроятно, и Симонъ; покрайней мѣрѣ онъ находился при Виѳаварѣ *) въ то время, когда Іоаннъ перешелъ туда для проповѣди изъ пустыни іудейской: пламенный и увлекающійся Симонъ, вѣроятно, не остался равнодушнымъ къ проповѣди Іоанна. — Наконецъ явился и Самъ Іисусъ Христосъ. — Онъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, совершилъ подвигъ сорокадневнаго поста въ пустынѣ и потомъ двукратно посѣтилъ Крестителя. Креститель въ оба раза свидѣтельствовалъ о Немъ ученикамъ своимъ, какъ объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющимъ грѣхи міра. Двое изъ этихъ учениковъ, бывшіе свидѣтелями послѣдняго посѣщенія, осмѣлились послѣдовать за Христомъ, получили позволеніе войти въ домъ, гдѣ Онъ имѣлъ временное мѣстопребываніе, и провели нѣсколько часовъ въ слушаніи Его божественной бесѣды. Одинъ изъ учениковъ былъ Андрей—братъ Симона, другой—Іоаннъ, сынъ Зеведеевъ (Іоан. I, 28—40).

По возвращеніи своемъ отъ Іисуса Христа, Андрей спѣшилъ извѣстить Симона о радостномъ событіи и говоритъ: „мы нашли Мессію!“ Пылкій Симонъ вѣритъ брату, вѣритъ Іоанну и хочетъ немедленно видѣть Христа. Андрей приводитъ его къ Спасителю. „Ты Симонъ,

*) Виѳаверы,—на лѣвомъ берегу Іордана, близь впаденія его въ Мертвое море, тутъ была переправа изъ Пирея на іерусалимскую дорогу.

сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа",—сказалъ Господь, увидѣвъ Симона. Изумился и обрадовался Симонъ, услышавъ такія слова изъ устъ Господа: Онъ преднарекъ ему новое имя, которое показывало будущее значеніе Симона въ царствѣ Господа. И Симонъ рѣшается слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, чтобы ближе узнать Его. Исполненіе намѣренія облегчено обстоятельствами: Господь на другой же день отправлялся въ Галилею. Здѣсь чудо на бракѣ въ Канѣ, по свидѣтельству евангелиста, имѣло прямымъ слѣдствіемъ увѣрованіе учениковъ Іисуса Христа (Іоан. I, 41—51; II, 1—11). Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ учениковъ былъ и Симонъ.—Въ Галилеѣ, гдѣ Господь на этотъ разъ оставался не долго, Его вифаварскіе послѣдователи жили съ нимъ болѣе въ видѣ гостей, нежели учениковъ. Господь прежде всего ввелъ ихъ въ Свой родственный кругъ, чтобы, показавъ имъ Свою смиренную жизнь, начать истребленіе ложныхъ ожиданій, которыя они имѣли относительно земнаго величія Мессіи. Въ Іерусалимѣ, куда Господь пришелъ съ Своими послѣдователями для празднованія пасхи, эти послѣдніе имѣли много случаевъ убѣдиться въ небесномъ происхожденіи своего Учителя. (Іоан. II, 13—22; IV, 4—42). Возвратясь послѣ праздника обратно въ Галилею, ученики разстались съ Господомъ и обратились къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Симонъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, жилъ въ это время въ Капернаумѣ. Здѣсь у нихъ былъ домъ, а у Симона и семейство. (Дѣян. X, 15). Онъ былъ женатъ и, по свидѣтельству преданія, имѣлъ въ супружествѣ племянницу апостола Варнавы, дочь Аристовула, одного изъ 70 учениковъ, а по другому преданію, у него были даже и дѣти. Симонъ въ Капернаумѣ опять сталъ заниматься рыболовствомъ.

Однажды случилось ему провести цѣлую ночь на ловлѣ безъ всякаго успѣха. Но эта ночь была предтечею дня, имѣвшаго большое значеніе для ученика Христова: этотъ день окончательно рѣшилъ великое назначеніе Симона.—Это случилось такъ. Симонъ съ Андреемъ и товарищами неутомимо трудились надъ ловлею рыбы. Между тѣмъ короткая заря, свойственная югу, уже разсѣяла ночныя тѣни. Поверхность Геннисаретскаго озера и живописные берега его уже озолотились восходящимъ солнцемъ. Опытные рыбаки прекращаютъ свои занятія: имъ извѣстно, что лучшій ловъ бываетъ до зари, что дневной всегда скуднѣе ночнаго. Симонъ уже ввелъ свою лодку въ заливъ, причалилъ къ берегу и, пока товарищи вымывали у берега сѣти, онъ сидѣлъ въ лодкѣ, отдыхая отъ утомительнаго, напраснаго труда. Вблизи стояла другая лодка. Въ ней друзья Симоновы —Іаковъ и Іоаннъ сидѣли съ отцомъ своимъ и помогали работникамъ починивать худыя сѣти. Въ это самое время подходитъ къ берегу Іисусъ Христосъ, окруженный толпою народа. Онъ всходитъ въ лодку Симона и проситъ его отплыть нѣсколько отъ берега. Божественный Учитель началъ поученіе къ народу; народъ слушалъ Его,—слушалъ, конечно, и Симонъ не безъ особеннаго вниманія. Наконецъ бесѣда окончилась; народъ сталъ расходиться, а Господь оставался въ лодкѣ Симона: Онъ вознамѣрился весь этотъ день провести съ сыномъ Іониннымъ и его друзьями, чтобы положить основаніе постоянному и тѣснѣйшему общенію Своему съ ними. Не выходя изъ лодки, Господь говоритъ Симону: „отплыви на глубину, и закиньте сѣти для ловли“. Это предложеніе показалось Симону нѣсколько страннымъ, потому что онъ не могъ ожидать успѣшной ловли послѣ

неудачной ночи. Онъ возражаетъ: „Наставникъ! всю ночь мы трудились и ничего не поймали, но, по слову Твоему, закину сѣть“. Лодка понеслась на глубину; сѣть опущена въ воду. Уже хотятъ ее вытаскивать, но не могутъ. Отъ множества пойманной рыбы, сѣть стала прорываться и топуть. Дали знакъ товарищамъ, бывшимъ на другой лодкѣ и общими силами вытянули сѣть изъ воды. Начали выгружать и наполнили рыбою обѣ лодки, такъ что онѣ начинали тонуть. Такой удачный ловъ рыбы въ необычайное время сильно поразилъ Симона и его товарищей. Изъяснить такую неожиданность было невозможно: это было чудо, и чудо въ кругу ихъ обычныхъ занятій. Всѣхъ объялъ ужасъ, а у пылкаго Симона-Петра онъ тотчасъ выразился въ словахъ и тѣлодвиженіяхъ. Едва начали лодки приставать къ берегу, онъ припалъ къ колѣнамъ Іисуса, умоляя Его съ трепетомъ: „выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“. Спаситель, желая успокоить Симона, говоритъ ему: „не бойся, отнынѣ будешь ловить человѣковъ“. Эти слова были какъ бы дополненіемъ къ первому призванію Симона, бывшему при Виѳаварѣ. Теперь онъ окончательно призывается отъ ловли рыбъ къ чудесному ловленію человѣковъ. Въ то же время къ одному служенію съ Петромъ призваны Андрей и сыны Зеведеевы— Іаковъ и Іоаннъ. Всѣ они тотчасъ исполнили волю Господа, поспѣшно вытащили обѣ лодки на берегъ, оставили все и пошли вслѣдъ за Нимъ: колебанію не было мѣста. (Лук. V, 1—11; Марк. I, 16—20; Матѳ. IV, 18—22). Господь пришелъ съ ними въ Капернаумъ и, войдя въ синагогу (день былъ субботній), началъ учить. Изъ синагоги Онъ пошелъ съ Іаковомъ и Іоанномъ въ домъ Симона и Андрея: Господу угодно было сдѣлаться

гостемъ ихъ. Онъ благоволилъ раздѣлить съ ними трапезу. Но къ прискорбію, не всѣ родственники Симона могли принять участіе въ трапезѣ съ Господомъ: теща Симона лежала тогда въ сильной горячкѣ. Іисусъ Христосъ пожелалъ видѣть больную, подошелъ къ ея постели, взялъ ее за руку и поднялъ. Больная исцѣлилась отъ болѣзни и въ благодарность за исцѣленіе прислуживала за столомъ Божественному Врачу. Посѣщеніе дома Симона и въ особенности исцѣленіе отъ болѣзни его тещи не могло пройти безслѣдно для впечатлительной и пылкой души Симона. Онъ еще болѣе позналъ, что его Наставникъ есть личность Божественная, увѣровалъ въ Іисуса Христа, какъ въ Мессію, истиннаго Сына Божія, возлюбилъ Его всѣмъ своимъ пылкимъ сердцемъ. И эта искренняя вѣра Симона и его нелицемѣрная любовь къ Іисусу Христу яснѣйшимъ и очевиднѣйшимъ образомъ была доказана имъ во время бури на озерѣ Геннисаретскомъ. Въ то время, когда ученики Господа боролись съ сильнымъ вѣтромъ и, истощивъ всѣ усилія, потеряли надежду на спасеніе,—вдругъ примѣчаютъ въ нѣкоторомъ отдаленіи что-то движущееся поверхъ волнъ. Сколько позволяла темнота, различаютъ образъ человѣка; но не вѣрятъ своимъ глазамъ, полагаютъ, что это какой-нибудь призракъ, и общій ихъ ужасъ выразился въ крикѣ. Вслѣдъ за этимъ они разслушиваютъ въ шумѣ волнъ и вѣтра голосъ: „ободритесь, — это Я, не бойтесь!“ Всѣ узнали Іисуса Христа. Страхъ мгновенно уступилъ мѣсто радости; теперь никто уже не сомнѣвался въ спасеніи. Убѣжденные въ сверхъ-естественной силѣ своего Наставника, ученики уже не дивились новому чуду, а спѣшили принять въ лодку Іисуса Христа. Но Петръ, горя любовью къ Господу, простеръ свое дерзновеніе далѣе,—

онъ говоритъ: „Господи! если это — Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ“. „Иди“—сказалъ Господь. И Петръ, къ удивленію товарищей, становится твердою ногою на воду; вода скользитъ подъ ногами, но не разступается; онъ идетъ, потому что вѣруетъ во всемогущаго Господа. Вдругъ новый порывъ вѣтра несется надъ водою. Петръ заколебался, — бодрость его ослабѣваетъ. Чудодѣйственная вѣра его уступаетъ мѣсто ужасу, и вода разступается подъ его ногами: онъ начинаетъ утопать. Чувствуя, что теряетъ даже естественныя силы для борьбы съ волнами, онъ испускаетъ крикъ - не отчаянія, а остающейся вѣры: „Господи! спаси меня!“ Эти слова вырвались изъ глубины смиренной души, въ которой укоренилось уже убѣжденіе въ Божественномъ всемогуществѣ Іисуса Христа. И Господь за такую его вѣру простираетъ ему руку спасенія, кротко укоряя его: „маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?“ Это значило, что не вѣтеръ, не волны причиною бѣдствія Петра, а нетвердость его вѣры въ данномъ случаѣ (Матѳ. XIV, 24—32; Марк. VI, 47 — 53). Но если до этого случая Петръ только лишь сердцемъ вѣровалъ въ Божественное происхожденіе Іисуса Христа, въ глубинѣ своей души былъ убѣжденъ въ этомъ, то, послѣ чудеснаго избавленія своего отъ явной смерти могущественною силою Христа, не замедлилъ и устами, явно и открыто засвидѣтельствовать свое убѣжденіе, — не замедлилъ вѣру свою сдѣлать вѣрою и другихъ. На пути къ Кесаріи — Филипповой Іисусъ Христосъ предлагаетъ ученикамъ Своимъ вопросъ: „за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго?“ Ученики, близко обращавшіеся съ народомъ и знавшіе различныя мнѣнія о Немъ народа, отвѣчали: „нѣкоторые почитаютъ за Іоанна Крестителя,—другіе за Илію, иные

за Іеремію или за кого-нибудь изъ пророковъ". Видя такое несовершенное понятіе о Немъ народа, Господь пожелалъ узнать пониманіе о Немъ Своихъ учениковъ.— „А вы за кого почитаете Меня?"—вопрошаетъ Онъ ихъ. Петръ и прежде глубоко вѣровалъ въ Божественность Іисуса Христа, теперь, при представившемся случаѣ для открытаго исповѣданія, не замедлилъ отвѣчать: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго!" И всѣ ученики своимъ молчаніемъ согласились съ этимъ исповѣданіемъ. Отъ Господа же за такую истинную и совершенную вѣру Петръ удостоился услышать знаменательный для себя отвѣтъ, въ которомъ Іисусъ Христосъ показалъ, что исповѣданіе Его Петромъ, какъ Сына Божія, будетъ основаніемъ созидаемой Имъ церкви, и что Петръ, какъ первый исповѣдникъ, будетъ однимъ изъ основныхъ камней церкви, лежащихъ на главномъ основаніи — Христѣ. „Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, отвѣтилъ Іисусъ Христосъ на исповѣданіе Петра, — потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ.... и Я говорю тебѣ: ты Петръ (камень), и на семъ камнѣ (т.-е. на исповѣданной тобою вѣрѣ) Я создамъ церковь Мою, и врата адовы (адскія силы) не одолѣютъ ея". Вмѣстѣ съ этимъ Христосъ обѣщалъ Петру ту власть, которую должны будутъ воспріять и прочіе апостолы: „и дамъ ключи царствія небеснаго (поставлю тебя домостроителемъ въ Моей Церкви), и что свяжешь на землѣ,—будетъ связано на небесахъ, а что разрѣшишь на землѣ,—будетъ разрѣшено и на небесахъ". (Матѳ. XVI, 13 — 19; Марк. VIII, 27 — 29; Лук. IX, 16—20).— Спустя около недѣли послѣ этого событія, Петръ, какъ главный домостроитель церкви Христовой, удостоился видѣть во очію Божественную славу и величіе своего

Учителя, увидѣть Іисуса Христа во всемъ блескѣ Его Божества. Ѳаворское событіе Преображенія Господня,— это столь величественное и необыкновенное зрѣлище— наполнило восторгомъ душу Петра. Уже не только духомъ, но и тѣлесными очами онъ видѣлъ Бога въ своемъ Учителѣ. И если онъ слышалъ бесѣду Іисуса Христа съ Моисеемъ и Иліею о крестной смерти своего Учителя, то мысль объ этой смерти нисколько не соблазняла Петра. Онъ видѣлъ Господа, одѣяннаго славою и бесѣдующаго о Своемъ страданіи; вѣрилъ, что смерть не лишитъ Его величія и славы. Изъ словъ Господа могъ заключить, что воскресеніе, которое непремѣнно послѣдуетъ за смертію, будетъ явленіе славное, подобное Преображенію. Наконецъ, гласъ научилъ его, что Христосъ пребываетъ вѣчно, ибо Онъ есть Сынъ Божій возлюбленный, на Которомъ почіетъ вся полнота благоволенія Божія (Матѳ. XVII, 1—8; Марк. IX, 2—8; Лук. IX, 23—36). Съ этого времени Петръ еще сильнѣе и горячѣе полюбилъ Господа, у него сложилась рѣшимость положить душу свою за своего Учителя, въ то же время въ Учителѣ онъ сталъ еще болѣе видѣть необыкновеннаго человѣка, а Божественную личность, отъ чего у него явилась мысль о своемъ недостоинствѣ и смиреніи предъ Іисусомъ Христомъ.

Наступило время страданій Христовыхъ, — время тяжелое для учениковъ Его и еще болѣе тяжелое и горестное для Петра. Это время было пробнымъ камнемъ для подвижной, воспріимчивой и живой натуры Петра. Въ это время выступили наружу всѣ хорошія и худыя стороны натуры его. Петру пришлось испытать съ одной стороны и свою любовь и вѣру къ Іисусу Христу, а съ другой—убѣдиться, что его самонадѣянность и самоувѣ-

ренность не такъ прочны, какъ онъ думалъ. Тяжелое время испытаній и страданій для впечатлительной души Петровой начались съ Тайной вечери Божественнаго Учителя съ своими учениками. Когда Господь, при началѣ вечери, омывая ноги ученикамъ Своимъ, подошелъ къ Симону — Петру, готовый уже преклониться къ его ногамъ, то Петръ останавливаетъ простертую руку Господа. Петра смущаетъ уничиженный видъ Учителя, Котораго исповѣдывалъ онъ Сыномъ Божіимъ. Мысль о собственномъ недостоинствѣ и божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа глубоко проникло его преисполненное любовью сердце и, увлекаемый своею горячностью, онъ рѣшается отклонить честь, унижающую, по его мнѣнію, величіе Сына Божія. Петръ не замѣчалъ, что своимъ противорѣчіемъ однажды изъявленной волѣ Господа онъ докажетъ не смиреніе, а своеволіе, не благоговѣніе, а непокорность. И вотъ, въ порывѣ ревности, неуправляемой истиннымъ смиреніемъ, онъ говоритъ: „Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?“ Въ отвѣтъ на возраженіе Господь требуетъ отъ него послушанія: „что Я дѣлаю, теперь ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ“. Но Петръ упорствуетъ и снова возражаетъ: „не умоешь ногъ моихъ во вѣкъ“. Господь тотчасъ обличилъ неразумную горячность Петра и опасное его упорство: „если не умою тебя (т.-е. если ты не окажешь безусловной покорности), не имѣешь части со Мною“. Глубоко уязвили сердце преданнаго Петра эти слова; онъ ужаснулся своего поступка и спѣшилъ его загладить: „Господи! — говорилъ онъ, — (если такъ) не только ноги мои, но и руки, и голову омой“. Но Господь, приступая къ омовенію ногъ его сказалъ: „заранѣе омытому (когда онъ придетъ на вечерю) нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь, и вы чисты (въ совѣсти), но не

всѣ“ (Іоан. XIII. 2—9). По окончаніи обряда, Іисусъ, по свидѣтельству евангелиста, возмутился духомъ, такъ какъ все уже было окончено, оставались одни страданія. Въ то же время Онъ объявилъ ученикамъ, что одинъ изъ нихъ предастъ Его, и что Онъ долженъ идти туда, куда имъ невозможно послѣдовать за Нимъ теперь. Ученики пришли въ ужасъ отъ такого извѣстія, въ особенности же оно поразило Петра. Его поразила мысль, что онъ долженъ разстаться съ Учителемъ, для Котораго оставилъ все, что имѣлъ, отъ Котораго столько ожидалъ себѣ и Котораго такъ горячо любилъ. Куда удаляется Учитель, на долго ли или, быть можетъ, на всегда,— зачѣмъ оставляетъ его?“ Движимый подобными мыслями, Петръ, прерывая прощальную бесѣду Спасителя съ учениками, вопрошаетъ: „куда Ты идешь?“ и получаетъ отвѣтъ: „куда Я иду, ты не можешь теперь идти за Мною, а послѣ пойдешь“. Болѣе и болѣе воспламеняясь ревностью, Петръ говоритъ Ему: „почему я не могу идти за Тобою теперь, Я душу свою положу за Тебя“. Господь посмотрѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ и кротко продолжалъ: „душу свою за Меня положишь?... Симонъ, Симонъ! вотъ сатана просилъ (дать ему волю), чтобы сѣять васъ какъ пшеницу, но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратясь, утверди братьевъ твоихъ“. Ясно было на сколько напрасна была самоувѣренность Петра: только по особенной милости Божіей онъ будетъ предохраненъ отъ совершеннаго паденія. Но Петръ, не имѣя еще предъ глазами опасности и чувствуя себя не способнымъ ни къ какой измѣнѣ, воскликнулъ: „Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу, и на смерть идти!“ Чтобы вразумить Петра и предостеречь другихъ учениковъ, Господь сказалъ всѣмъ:

„всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь, ибо написано: поражу пастыря и разсѣются овцы стада". Послѣ этихъ словъ Господа, нужно бы ожидать, что Петръ, многократный свидѣтель того, какъ вѣрно сбываются предрѣченія Господа, смирится и будетъ молить объ отклоненіи горестной чаши. Напротивъ, Петръ сталъ противорѣчить еще съ большимъ дерзновеніемъ. „Если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, — говорилъ онъ, — я никакъ не соблазнюсь". Онъ забылъ, что уже слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ дерзновеніи, — и за это рѣшительнымъ ударомъ былъ низложенъ съ высоты своей самонадѣянности. Господь сказалъ: „истинно говорю тебѣ, что ты нынѣ — въ эту ночь, прежде нежели дважды пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ Меня" (Іоан. XIII, 18 — 38; Лук. XXII, 31—34; Марк. XIV, 27 — 31; Мато. XXVI, 31 — 35.). Послѣ этого, взявъ съ Собою Петра, Іакова и Іоанна, Іисусъ Христосъ повелъ ихъ въ чащу Геосиманскаго сада, гдѣ предался молитвѣ. Въ эти горькія минуты Петръ заслужилъ новый упрекъ отъ Господа. Іисусъ Христосъ, подойдя къ избраннымъ спутникамъ, нашелъ ихъ спящими и сказалъ Петру: „Симонъ! ты спишь? не могъ ты пободрствовать одинъ часъ? Бдите и молитеся, чтобы не впасть вамъ въ искушеніе". Эти слова были упрекомъ: они ясно напоминали вызовъ Петра положить за Іисуса Христа душу свою и заключали наставленіе. Но очи Петра и его товарищей отяжелѣли; Господь и во второй, и въ третій разъ нашелъ ихъ спящими. Но за то въ самую минуту крайней опасности—предъ оружіемъ воиновъ, пришедшихъ взять Господа, Петръ явилъ примѣръ неустрашимой готовности положить душу за своего Учителя. Закипѣвъ негодованіемъ на пришедшихъ, онъ извлекъ свой мечъ, ударилъ имъ первосвященничес-

скаго раба — Малха и отсѣкъ у него правое ухо. Когда Господа связали и повели къ бывшему первосвященнику Аннѣ, а потомъ къ Каіафѣ, то Петръ движимый преданностью къ Іисусу Христу, послѣдовалъ вмѣстѣ съ Іоанномъ за уводимымъ Учителемъ, идя вдали. Іоаннъ былъ знакомъ первосвященнику Аннѣ, а потому вмѣстѣ съ сопровождавшими Христа вошелъ во внутренюю часть дома. Петръ же остановился за дверями, провожая горестнымъ взглядомъ своего Господа. Что долженъ былъ чувствовать въ эту минуту Петръ, проникнутый горячею любовью къ своему Учителю, зная злобу враговъ Его и видя, что теперь Онъ уже находится въ ихъ власти? Петръ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ: позади ничего для него не оставалось, предъ нимъ нечестивое судилище, вокругъ него буйные прислужники... Бодрость начала оставлять его; однако любовь подкрѣпляла. Но изъ такого неприятнаго положенія вывелъ его Іоаннъ: по просьбѣ этого послѣдняго, Петръ былъ впущенъ во внутренній дворъ и тотчасъ вмѣшался въ толпу прислужниковъ. Онъ надѣялся сохранить себя въ неизвѣстности и видѣть, чѣмъ кончится судъ надъ Іисусомъ. Дѣйствительно, никого изъ окружавшихъ не занимало собою его присутствіе; одна только привратница устремила на него внимательный взоръ. Безпокойный видъ его, выражавшій сильное участіе къ происходящему въ ихъ домѣ, самое знакомство съ Іоанномъ — ученикомъ Христа возбуждало въ ней подозрѣніе. Она подошла къ Петру и спросила: „и ты не изъ учениковъ ли этого человѣка?“ Петръ смутился: замѣчаніе привратницы обратило на него вниманіе прислужниковъ. Нужно было или скрыть правду, или подвергнуться ругательствамъ, а можетъ быть и побоямъ. Отъ страха Петръ рѣшился на первое, — онъ

отвѣчалъ: „нѣтъ! я незнаю и не понимаю, что ты говоришь". Крайность положенія придала столько силы этимъ словамъ, что служители успокоились, и привратница отошла къ своему мѣсту. Между тѣмъ Петру не хотѣлось оставаться въ этомъ обществѣ, онъ пробрался къ переднему двору. Но здѣсь опять онъ встрѣтилъ подозрительную привратницу, которая еще болѣе утвердилась въ своемъ подозрѣніи, когда другая служанка сказала бывшимъ тутъ: „и этотъ былъ съ Іисусомъ Назареемъ". „И этотъ изъ нихъ", подтвердила привратница; а человѣкъ, стоявшій подлѣ, тотчасъ обратилъ эти слова въ вопросъ къ Петру: „и ты изъ нихъ?" Так. образомъ Петръ едва успѣлъ освободиться отъ одной опасности, какъ встрѣтилъ новую, и эта послѣдняя была страшнѣе первой. Теперь, признавъ себя ученикомъ Христа, онъ изобличилъ бы себя и въ обманѣ. Въ это время запѣлъ пѣтухъ. Но Петръ не обратилъ на это вниманія: страхъ овладѣлъ имъ и къ своему вторичному: „нѣтъ"— онъ уже прибавилъ и клятву. Завѣренные клятвою, слуги оставили его. Довольный, что освободился отъ опасности, онъ забылъ о себѣ и началъ прислушиваться къ рѣчамъ прислужниковъ. Но вотъ за первымъ и вторымъ отреченіемъ послѣдовало третье, еще болѣе рѣшительное. Одинъ изъ служителей сказалъ товарищамъ: „точно и этотъ съ Нимъ былъ, ибо онъ галилеянинъ". Съ этими словами онъ приближается къ Петру и говоритъ ему: „точно и ты изъ нихъ, такъ какъ ты галилеянинъ, и нарѣчіе твое сходно: оно обличаетъ тебя". Петръ совершенно растерялся. Онъ еще не можетъ собраться съ мыслями, какъ новый ударъ гремитъ ему въ уши: подлѣ него раздаются слова, „не я ли видѣлъ тебя съ Нимъ въ саду?" Говорившій былъ родственникъ Малха.

Улика слѣдовала за уликою, пораженіе за пораженіемъ. А напоминаніе о Геосиманскомъ садѣ лишало мужества, и Петръ, объятый страхомъ, снова отвѣчалъ: „не знаю того человѣка, о которомъ говорите“,—и сталъ перебирать всевозможныя клятвы для утвержденія мнимой вѣрности своихъ словъ. Онъ еще говорилъ, какъ снова раздалось пѣніе пѣтуха, а вниманіе толпы въ это время обратилось къ Іисусу Христу, выведенному на дворъ въ ожиданіи утренняго собранія синедріона. Оставивъ Петра, слуги обратились къ Іисусу. Петръ же, посмотрѣвъ имъ вслѣдъ, увидѣлъ Спасителя. Взоръ невѣрнаго ученика встрѣтился съ кроткимъ взоромъ поруганнаго Господа. Пѣніе пѣтуха повторялось. Петръ пришелъ въ себя. Бездна, въ которую онъ попалъ, открылась ему со всѣми ужасами. Онъ не могъ выносить долѣе ни этого пѣнія, ни этого мѣста, ни этого Божественнаго взора. Онъ вышелъ вонъ и залился горькими слезами. — Въ день крестной смерти Искупителя міра возлегъ на плеча Петровы иной тяжелый крестъ, — крестъ горькаго раскаянія. Послѣ такого паденія уже не замѣтно въ Петрѣ ни дерзновенія, ни упорства,—напротивъ въ немъ обнаружилась нѣкоторая робость (Матѳ. XXVI, 57 — 75; Марк. XIV, 33—72; Лук. XXII, 39—62; Іоан. XVIII, 2—27).

Славное и чудесное событіе—Воскресенія Христа совершилось. Ангелы возвѣстили женамъ муроносицамъ, чтобы всѣ ученики Христовы и въ особенности Петръ шли въ Галилею, гдѣ ихъ встрѣтитъ воскресшій Господь. Петръ съ удивленіемъ внималъ словамъ муроносицъ; онъ если не вполнѣ полагался на слова ихъ, то все же не далекъ былъ отъ вѣры. Для него особенно утѣшительна была эта вѣра. Его сокрушенному раскаяніемъ сердцу

могла дать отраду одна надежда скоро увидѣть Господа и получить отъ Него прощеніе. Скорбѣлъ Петръ, и Господь не замедлилъ утѣшить скорбящаго. Апостолы отправились, по повелѣнію Господа, въ Галилею. Здѣсь однажды вечеромъ, вѣроятно въ домѣ Петра, бесѣдовали между собою Симонъ-Петръ, Ѳома, Наѳанаилъ, сыновья Зеведеевы и еще двое изъ учениковъ. Съ наступленіемъ ночи, Петръ говоритъ своимъ собесѣдникамъ: „пойду ловить рыбу". Всѣ вызвались раздѣлить съ нимъ труды своего привычнаго занятія. Пришли къ берегу озера Геннисаретскаго и сѣли въ лодку,—но вовсю ночь ничего не поймали. Съ разсвѣтомъ, они увидѣли, что кто-то стоитъ на берегу. Они, можетъ быть, и необратили бы на это вниманія, если бы не услышали раздавшійся голосъ пришельца: „дѣти! есть ли у васъ какая пища?" „Нѣтъ!" — отвѣчали ему съ лодки; но опять раздался голосъ незнакомца: „закиньте сѣть по правую сторону лодки—и поймаете". Они послѣдовали совѣту и не могли вытащить сѣть: такъ много было тамъ рыбы. Іоаннъ взглянулъ еще разъ на незнакомца, и горячее сердце тотчасъ сказало ему, кто этотъ незнакомецъ. „Это—Господь",—обратился онъ къ Петру. Симонъ наспѣшно опоясался одеждою, такъ какъ былъ раздѣтъ и бросился къ берегу вплавь, а прочіе подошли на лодкѣ. При выходѣ на берегъ, они увидѣли разложенный огонь, на которомъ жарится рыба и приготовленъ хлѣбъ. Господь говоритъ имъ: „придите, обѣдайте". Въ продолженіе вотъ этой-то ранней трапезы, Господу и угодно было явить свое благоволеніе сокрушавшемуся и мучившемуся въ своей совѣсти Петру. „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они?"—говоритъ Господь Петру. Петръ, никогда не измѣнявшій въ сердцѣ своемъ своему

Наставнику и Господу, зналъ, что Сердцевѣдцу извѣстны всѣ глубины его сокрушеннаго раскаяніемъ сердца, чувствовалъ, что любовь его искренна, и потому не усумнился отвѣтить: „такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя".—„Паси агнцевъ Моихъ",—говоритъ ему въ отвѣтъ Господь. За краткимъ молчаніемъ послѣдовалъ вторичный вопросъ Господа: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?" Симонъ не понялъ цѣли, съ которою былъ повторенъ вопросъ, и по прежнему отвѣчалъ: „такъ Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя". Господь опять говоритъ ему: „паси овецъ Моихъ". Наконецъ въ третій разъ предлагаетъ Господь все тотъ же вопросъ: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня?" Тяжело упали на сердце Петрово эти слова: въ третій разъ предложенный вопросъ тотчасъ объяснилъ Симону значеніе всѣхъ этихъ словъ. Петръ понялъ, что троекратнымъ вопросомъ онъ наказывается за свое троекратное отреченіе, въ тоже время онъ понялъ, что ему изречено и прощеніе, возвращаются и его прежнія права. Но слышалъ, что для этого требуется удостовѣреніе въ любви, и Петръ съ новою силою предоставляетъ свое оправданіе всевѣдѣнію Божію, смиренно отвѣтствуя: „Господи; ты все знаешь,—Ты знаешь, что я люблю Тебя". Господь немедленно говоритъ ему: „паси овецъ Моихъ".—Такъ возвращена Петру его прежняя честь. Послѣ этого Господь далъ понять ему, что уже наступаетъ время, когда онъ можетъ послѣдовать за Нимъ, но замѣтилъ, что и въ будущемъ еще ожидаютъ его сильныя искушенія. По окончаніи этой бесѣды, Господь пошелъ, сказавъ Петру: „иди за Мною",—и Петръ послѣдовалъ, съ любовью вступая на путь Христовъ. Съ этихъ поръ верховный апостолъ уже никогда, ни на единую черту не укло-

нялся отъ пути Христова; вмѣстѣ съ прочими апостолами онъ удостоился получить послѣднее благословеніе на землѣ возносящагося Господа (Іоан. XXI гл.).

По вознесеніи Господа, св. ап. Петръ является главнымъ участникомъ въ распространеніи и устройствѣ церкви Христовой на землѣ. Петръ свободно, какъ старшій членъ общества, изъясняетъ прочимъ первую открывшуюся нужду церкви—необходимость избранія двѣнадцатаго апостола на мѣсто отпадшаго Іуды. Въ краткой рѣчи онъ изъяснилъ, что, во исполненіе Писанія, надобно избрать на мѣсто Іуды кого-нибудь изъ тѣхъ, которые находились съ ними во все время торжественнаго служенія Господа Іисуса, начиная отъ крещенія Іоаннова до вознесенія Его на небо. Находя такія слова справедливыми, всѣ вѣрующіе—около 120 человѣкъ—тотчасъ приступили къ избранію. Жребій палъ на Матѳія, который и сопричисленъ къ лику одинадцати апостоловъ (Дѣян. I, 14—26), Такъ началъ свое служеніе ап. Петръ, по вознесеніи Христа на небо. Въ день сошествія Святаго Духа онъ первый изъ апостоловъ началъ открытую проповѣдь о Христѣ и положилъ начало Его церкви на землѣ. Когда одни изъ народа недоумѣвали, а другіе изумлялись, слыша, что галилеяне—люди простые и неученые славословятъ Бога на различныхъ языкахъ, — то ап. Петръ рѣшился успокоить общее волненіе. Онъ сталъ среди собранія и началъ объяснять народу, что въ этомъ чудесномъ событіи заключается даръ недавно распятаго въ Іерусалимѣ, но воскресшаго и вознесшагося Іисуса Христа. Апостолъ раскрылъ, что даръ этотъ преподанъ вѣрующимъ во исполненіе пророчества Іоиля, который говорилъ, что Духъ Святый изольется въ различныхъ дарахъ своихъ на всякаго вѣрующаго, безъ различія племени, пола и

возраста; что бѣдствія ожидаютъ коснѣющихъ въ своемъ невѣріи, а спасеніе—удѣлъ вѣрующихъ. Вмѣстѣ съ словами проповѣдника Духъ Божій проникалъ въ сердца слушателей: они умилились сердцемъ и говорили: „что намъ дѣлать?“ Петръ отвѣчалъ: „покайтесь и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа, для прощенія грѣховъ и получите даръ Святаго Духа“. Слѣдствіемъ этой первой открытой проповѣди христіанства было то, что въ этотъ день крестилось до 3000 человѣкъ (Дѣян. II, гл.). Ап. Петръ—великій проповѣдникъ слова Божія вскорѣ оказался и великимъ чудотворцемъ. Однажды Петръ и Іоаннъ шли въ храмъ для совершенія обычной молитвы. Тутъ нищій, отъ рожденія лишенный употребленія ногъ и ежедневно приносимый къ краснымъ дверямъ храма, попросилъ у апостоловъ милостыни. Ап. Петръ, взявъ его за правую руку, сказалъ: „серебра и золота у меня нѣтъ, а что имѣю, то даю тебѣ: именемъ Іисуса Христа Назорея встань и ходи“. И вдругъ укрѣпились его ступни и колѣна. Весь народъ увидѣлъ его ходящимъ и возсылающимъ хвалу Богу. Изумлялись чуду: мысль о присутствіи Божественной силы въ чудотворцѣ приводила всѣхъ въ ужасъ. Петръ видѣлъ благопріятный случай для проповѣди и тотчасъ возвысилъ голосъ. Онъ объявилъ, что чудо это совершено не инымъ кѣмъ, какъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, распятымъ іудеями и воскресшимъ изъ мертвыхъ.... Успѣхъ проповѣди былъ чрезвычайный: около 5000 человѣкъ пріобрѣлъ галилейскій рыбарь мрежею богодухновеннаго слова. Синедріонъ (высшее правительственное мѣсто іудейскаго народа), приведенный въ смущеніе такими успѣхами проповѣди апостоловъ, рѣшился задержать ап. Петра. Его и ап. Іоанна посадили подъ стражу до утра.

Когда на другой день обвиняемыхъ спросили: „какою силою и какимъ именемъ вы это сдѣлали?“ и указали на исцѣленнаго хромаго, то Петръ сказалъ старѣйшинамъ, что этотъ человѣкъ исцѣленъ именемъ Іисуса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ, и прибавилъ: „Онъ (Христосъ) есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія“. Синедріонъ, запретивъ апостоламъ дальнѣйшую проповѣдь, отпустилъ ихъ домой невредимыми (Дѣян. III и IV глл.). Не мало и другихъ чудесъ совершилъ ап. Петръ. Такъ лишь отъ одного слова его умерли жители Іерусалима—Ананія и Сапфира жена его, будучи наказаны апостоломъ за святотатство и за то, что солгали Духу Святому (Дѣян. V, 1—10). Чудотворная сила ап. Петра была настолько сильна, что жители Іерусалима выносили больныхъ на улицы, гдѣ долженъ былъ проходить св. апостолъ, клали ихъ тутъ на постеляхъ, чтобы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого-нибудь изъ нихъ (Дѣян. V, 15).

Скоро христіанство изъ Іерусалима и его окрестностей начало распространяться и по другимъ мѣстамъ Палестины. Проповѣдники Евангелія всюду съ успѣхомъ дѣйствовали на народъ, обращая его ко Христу. Апостолу Петру, какъ главному члену апостольскаго общества, не приходилось ограничить свою дѣятельность однимъ Іерусалимомъ. Христіанство, посѣянное Филиппомъ—однимъ изъ 7 діаконовъ—въ предѣлахъ Самаріи, потребовало для своего утвержденія присутствія тамъ кого-либо изъ апостоловъ. Апостолы общимъ голосомъ послали туда апп. Петра и Іоанна. Здѣсь съ ап. Петромъ случилось происшествіе, послѣдствія котораго имѣютъ значеніе въ исторіи послѣдующей дѣятельности этого апостола.

Между жителями Самаріи находился нѣкто Симонъ, занимавшійся магіей и волшебствами. Изумляясь многимъ чудесамъ и знаменіямъ, совершаемымъ Филиппомъ, Симонъ, считая христіанство за какую-нибудь новую систему волшебства и магіи и думая научиться, принялъ даже христіанство отъ св. Филиппа. Когда же въ Самарію явились ап. Петръ и Іоаннъ и стали дѣйствіемъ Св. Духа совершать еще большія и изумительнѣйшія чудеса и воскрешать мертвыхъ, то Симонъ еще болѣе былъ пораженъ этимъ и рѣшился во что-бы-то ни стало владѣть самому этимъ даромъ. Думая, что благодать св. Духа можно пріобрѣтать за деньги, онъ однажды принесъ апостоламъ значительную сумму денегъ и сказалъ: „дайте мнѣ власть, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получилъ Святаго Духа". Сердце ап. Петра при этихъ словахъ воспламенилось праведнымъ гнѣвомъ: „да погибнетъ съ тобою серебро твое, отвѣчалъ онъ, такъ какъ ты помыслилъ за деньги получить даръ Божій. Нѣтъ тебѣ въ этомъ части и жребія, такъ какъ сердце твое неправо предъ Богомъ. Лучше покайся въ своемъ лукавствѣ и молись Богу, — можетъ быть, простится тебѣ этотъ лукавый твой помыслъ"…. Симонъ испугался этого обличенія и говорилъ апостоламъ — чудотворцамъ, трепеща отъ страха: „помолитесь вы за меня Господу, что бы не постигло меня ничто изъ сказаннаго вами" (Дѣян. V, 5 - 24). — Распространеніе и утвержденіе церкви Христовой вызывало ап. Петра и въ другія страны и мѣста кромѣ Самаріи. Онъ предпринялъ путешествіе для обозрѣнія тѣхъ странъ, гдѣ предъ этимъ дѣйствовалъ св. Филиппъ, т. е. по палестинскому берегу Средиземнаго моря. И здѣсь, какъ и вездѣ, ап. Петръ распространялъ Евангеліе силою своихъ чудесъ. Находясь въ Лиддѣ,

онъ исцѣлилъ разслабленнаго Энея, 8 лѣтъ лишеннаго употребленія ногъ. Имя Іисуса Христа мгновенно воздвигло его: „Эней,—сказалъ ап. Петръ,—исцѣляетъ тебя Іисусъ Христосъ,—встань и перестели свою постель",—и больной тотчасъ выздоровѣлъ.—Въ сосѣдней съ Лиддою Іоппіи или Яффѣ онъ воскресилъ нѣкую Тавиѳу. Пришедши въ Іоппію въ ту горницу, гдѣ лежало тѣло Тавиѳы, Петръ выслалъ всѣхъ изъ горницы и сталъ молиться. Потомъ, обратясь къ тѣлу, сказалъ: „Тавиѳа, встань". Мертвая открыла глаза и, при помощи Петра, поднялась и сѣла. Слухъ о такихъ и многихъ другихъ чудесахъ привлекалъ къ апостолу многочисленныя толпы народа, что бы внимать его ученію: много было увѣровавшихъ. Проповѣдь удержала апостола въ Іоппіи на долгое время (Дѣян. VIII, 26; IX, 32—43).

Въ это-то время Господь благоволилъ открыть Своимъ ученикамъ, что уже настало время отворять дверь царства небеснаго и для язычниковъ. Вѣстникомъ этой всеблагой воли Божіей былъ избранъ ап. Петръ: ему предоставлено было Господомъ привить первую дикую вѣтвь къ многоплодному древу жизни. Во время пребыванія въ Іоппіи, въ домѣ одного кожевника—Симона, случилось ап. Петру однажды, въ передобѣденный часъ, взойти на верхъ дома, чтобы тамъ въ уединеніи предаться молитвѣ. Во время молитвы, онъ почувствовалъ голодъ, но вмѣсто трапезы земной ему предложена была трапеза небесная. Погруженный въ молитву, апостолъ видитъ отверстое небо и сходящій къ нему нѣкій сосудъ, имѣвшій видъ скатерти, привязанной за всѣ четыре угла. Сосудъ былъ наполненъ всякими четвероногими земными: гадами, птицами и т. п. Въ то же время Петру былъ слышенъ голосъ: „встань, Петръ, заколи и

ѣшь". „Нѣтъ Господи, отвѣчалъ апостолъ, я никогда не ѣлъ ничего сквернаго и нечистаго". Тотъ же голосъ сказалъ на это: „что Богъ призналъ чистымъ, того ты не почитай скверным". Это повторялось до 3-хъ разъ, —затѣмъ сосудъ опять былъ взятъ на небо. Когда Петръ пришелъ въ себя, имъ владѣло желаніе уразумѣть таинственное значеніе видѣнія; во время такого размышленія, къ дому подошли три человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ римскій воинъ. Между тѣмъ Духъ сказалъ ап. Петру: „вотъ три человѣка ищутъ тебя, встань, сойди внизъ и иди съ ними, ни мало не сомнѣваясь, такъ какъ Я послалъ ихъ". Петръ вышелъ къ незнакомцамъ и узналъ, что они посланные изъ Кесаріи *) отъ римскаго сотника Корнилія, который, по наставленію Ангела, приглашаетъ къ себѣ апостола. Теперь Петру объяснилось его видѣніе. Различеніе яствъ чистыхъ отъ нечистыхъ казалось для ап. Петра еще законною преградою между іудеями и язычниками: трапеза во всѣ времена служила выраженіемъ общенія. Но теперь различіе яствъ уничтожено, уничтожается и преграда общенію: еврей можетъ безъ опасенія обращаться съ язычникомъ. Какъ бы въ доказательство своего повиновенія гласу Божію, ап. Петръ принялъ и угостилъ посланцевъ Корнелія. На слѣдующій день апостолъ, въ сопровожденіи 5 человѣкъ іоппійскихъ христіанъ и людей сотника, отправился въ Кесарію.—Между тѣмъ въ Кесаріи, въ домѣ Корнелія, готовился апостолу торжественный пріемъ. Созвавши къ себѣ родственниковъ и друзей, почтенный римлянинъ нетерпѣливо ожидалъ

*) Кесарія на берегу Средиземнаго моря, къ сѣверу отъ Яффы, городъ, великолѣпно построенный Иродомъ великимъ, служилъ резиденціею мѣстному римскому правительству.

гостя, приглашеннаго по повелѣнію Божественному. Апостолъ прибылъ въ Кесарію. Корнелій встрѣтилъ его предъ дверями дома и поклонился пришедшему до земли. Смиренный апостолъ Христовъ тотчасъ поднялъ его, говоря: „встань, и я такой же человѣкъ“. Петръ вошелъ въ комнаты и увидѣлъ довольно многочисленное общество; занявъ мѣсто, онъ объяснилъ причину своего безпрекословнаго прихода на зовъ язычника и спросилъ, за какимъ дѣломъ его призвали. —„Четвертаго дня, отвѣчалъ Корнелій, постился я до того времени, какъ теперь, и въ 9-мъ часу молился въ своемъ домѣ,—какъ вдругъ сталъ предо мною нѣкто въ свѣтлой одеждѣ и говоритъ: „Корнелій! услышана молитва твоя, и милости твои воспомянулись предъ Богомъ; и такъ пошли въ Іоппію и призови Симона, прозываемаго Петромъ,—онъ живетъ въ домѣ Симона кожевника, онъ придетъ и скажетъ тебѣ слова, по которымъ спасешься ты и весь домъ твой“. Я послалъ къ тебѣ, и хорошо, что ты пришелъ. Теперь мы всѣ готовы слушать все, что повелѣно тебѣ отъ Бога“. Ап. Петръ уже видѣлъ эту готовность и съ любовью началъ проповѣдь. Вкратцѣ сказавъ имъ о проповѣди Іоанновой, объ ученіи и чудесахъ Іисуса Христа и Его страданіяхъ и смерти, апостолъ продолжалъ: „Сего (Іисуса) Богъ воскресилъ и далъ Ему являться намъ свидѣтелямъ предызбраннымъ, которые и ѣли, и пили съ Нимъ по воскресеніи Его. Онъ повелѣлъ намъ проповѣдывать людямъ и свидѣтельствовать, что Онъ есть назначенный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ“. Еще апостолъ продолжалъ свою рѣчь, какъ пришедшіе съ апостоломъ іоппійскіе христіане съ изумленіемъ увидѣли, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ, такъ какъ всѣ, находившіеся въ домѣ Кор-

нелія, вдругъ начали говорить на разныхъ языкахъ, величая Бога, ихъ просвѣщающаго. Ап. Петръ видѣлъ въ этомъ знакъ воли Божіей о присовокупленіи этихъ язычниковъ къ церкви Христовой и подалъ вѣрующимъ изъ обрѣзанныхъ свое мнѣніе, сказавъ: „кто же можетъ запретить креститься водою тѣмъ, которые, такъ же какъ и мы, получили Святаго Духа?“ Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, и ап. Петръ крестилъ семейство и гостей Корнелія во имя Господа Іисуса. (Дѣян. X, 9—48). Такъ было положено начало христіанства среди язычниковъ.

Въ 44-мъ году по Р. X. случилось ап. Петру быть во время пасхи въ Іерусалимѣ. Въ это время тогдашній правитель Палестины Иродъ Агриппа воздвигъ первое гоненіе на христіанъ въ Іерусалимѣ, въ угоду сильнымъ изъ евреевъ. Онъ приказалъ схватить ап. Петра, какъ одного изъ видныхъ и дѣятельныхъ проповѣдниковъ христіанства; до окончанія праздниковъ его заключили въ темницу. Апостола ввели подъ своды крѣпкой тюрьмы,—двумя цѣпями, наложенными на руки, онъ былъ скованъ; два сторожа были подлѣ него, и 16 воиновъ составляли караулъ около мѣста его заключенія. Казалось никакимъ образомъ не возможно было апостолу освободиться отъ такого крѣпкаго заключенія. Но для силы Божіей нѣтъ ничего невозможнаго.—Въ ночь, наканунѣ того дня, въ который Агриппа готовился отнять у церкви ея свѣтильникъ, Петръ спокойно уснулъ. Стражи со всею исправностью стерегли двери темницы. Вдругъ въ темницѣ явился Ангелъ Господень и, толкнувъ Петра въ бокъ, разбудилъ его и сказалъ: „встань скорѣе“,— и цѣпи упали съ рукъ апостола. Ангелъ опять сказалъ ему: „опояшься и обуйся“.—Петръ сдѣлалъ это. „На-

дѣнь одежду твою,—продолжалъ Ангелъ,—и иди за мною". Петръ повиновался. Но внезапно пробужденный отъ глубокаго сна, онъ не могъ еще привесть въ порядокъ свои мысли, не понималъ, что съ нимъ дѣлается: сонъ это или дѣйствительность? Въ такомъ состояніи онъ проведенъ былъ Ангеломъ мимо первой и второй стражи, въ желѣзныя ворота, которыя отворились сами собою, и по улицѣ города. Тутъ Ангелъ исчезъ; Петръ пришелъ въ себя и сказалъ: „теперь я вижу воистину, что Господь послалъ Ангела Своего и избавилъ меня изъ руки Ирода и отъ всего, чего ждалъ народъ іудейскій". Отсюда Петръ направилъ свои шаги къ дому Маріи, матери Іоанна, прозываемаго Маркомъ. Здѣсь всѣ удивились, увидѣвъ его цѣлымъ и невредимымъ, а въ особенности услышавъ разсказъ его о чудесномъ избавленіи изъ темницы. Послѣ этого Петръ оставилъ братію, чтобы на нѣкоторое время укрыться въ какое-нибудь болѣе безопасное мѣсто. Между тѣмъ въ темницѣ, съ наступленіемъ дня, между воинами сдѣлалась сильная тревога: все было въ порядкѣ, а узникъ пропалъ. Агриппа, приписывая это оплошности воиновъ, велѣлъ казнить ихъ. (Дѣян. XII, 1—19).

Спустя 7 лѣтъ (въ 51 г.) послѣ этого, Петръ является на апостольскомъ соборѣ, который былъ держанъ въ Іерусалимѣ, для рѣшенія вопроса о томъ, должно ли, вступающихъ въ церковь Христову, язычниковъ подвергать обрѣзанію и обязывать къ исполненію обрядоваго закона Моисеева. Ап. Петръ на этомъ соборѣ принималъ весьма дѣятельное участіе. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ ту мысль, что не слѣдуетъ язычниковъ принуждать ни къ обрѣзанію, ни къ исполненію обрядоваго закона Моисеева; „мы всѣ вѣруемъ, что и мы

спасемся благодатію Господа Іисуса такъ же, какъ и они". Такая богодухновенная рѣчь Петра дала рѣшительный оборотъ дѣлу: на соборѣ было постановлено отмѣнить обрѣзаніе для язычниковъ, вступающихъ въ церковь, и освободить ихъ отъ исполненія обрядоваго закона, кромѣ необходимыхъ ограниченій. (Дѣян. XV, 1—29).

Не одна Палестина и прилегающія къ ней страны имѣли утѣшеніе видѣть ап. Петра насадителемъ христіанства этихъ странъ: онъ благовѣствовалъ Евангеліе и распространялъ христіанство и въ другихъ многихъ странахъ Азіи и Европы.—Идя далѣе и далѣе на сѣверъ отъ Антіохіи сирійской, гдѣ онъ проповѣдывалъ христіанство, ап. Петръ возвѣщалъ силу и пришествіе Господа нашего пришельцамъ, разсѣяннымъ по сѣверо-восточнымъ, Мало-Азійскимъ областямъ имперіи римской, именно: онъ былъ въ Понтѣ, проходилъ область галатійскую, гдѣ христіанство насаждено ап. Павломъ, посѣщалъ обширную Каппадокію. Идя отсюда къ западу, апостолъ благовѣствовалъ въ Асійской провинціи и наконецъ въ Виѳиніи. Слѣды проповѣди ап. Петра видимъ также и на европейскомъ берегу Егейскаго моря (Архипелага). По крайней мѣрѣ, когда въ коринѳской церкви христіане раздѣлились было на партіи, называя себя одни Павловыми, другіе Аполлосовыми, то между ними находились и такіе, которые называли себя последователями Кифы (1 Кор. I, 12). Во II столѣтіи Діонисій, еп. коринѳскій, прямо свидѣтельствуетъ о пребываніи ап. Петра въ Коринѳѣ. Первое соборное посланіе ап. Петра служитъ памятникомъ пребыванія его въ Египтѣ: оно написано въ египетскомъ городѣ—Вавилонѣ (1 Петр. V, 13). Впрочемъ обстоятельства пребыванія

и дѣятельности ап. Петра въ этихъ странахъ достовѣрно неизвѣстны.

Наконецъ ревность о славѣ Божіей скоро направила стопы ап. Петра и въ столицу всемірной имперіи—Римъ. Какъ повѣствуетъ преданіе, это путешествіе ап. Петра въ Римъ было предпринято не безъ соизволенія на то воли Божіей: однажды въ Іерусалимѣ ап. Петру явился въ видѣніи Господь и сказалъ: „встань, Петръ, иди на западъ,—нужно и западу просвѣтиться твоею проповѣдью. Я буду съ тобою". Укрѣпленный такою надеждою, апостолъ отправился въ Римъ, куда прибылъ около 45 года. Какъ продолжительно было пребываніе его въ этомъ городѣ совершенно неизвѣстно. Это пребываніе ап. Петра въ столицѣ цезарей не осталось безплоднымъ: оно способствовало къ укрѣпленію вѣры въ римлянахъ. Какъ свидѣтельствуетъ преданіе древней церкви, римляне не ограничились въ своей ревности слушаніемъ изустной проповѣди апостола, они просили ученика апостольскаго Марка составить для всегдашняго употребленія вѣрующихъ письменный памятникъ ученія ап. Петра объ Іисусѣ Христѣ. Такимъ образомъ, написано и, съ одобренія ап. Петра, предано церкви Евангеліе, занимающее второе мѣсто по порядку между книгами Новаго Завѣта *). Здѣсь же въ великомъ городѣ обширной имперіи суждено было ап. Петру вторично встрѣтиться съ Симономъ—волхвомъ и силою благодати Божіей изобличить его ложь и обманъ. Симонъ, устрашенный угрозами ап. Петра въ Самаріи, но не сокру-

*) Объ этомъ свидѣтельствуютъ отцы церкви: Евсевій, Папій, Климентъ, Ириней, Іеронимъ: всѣ они называютъ Марка истолкователемъ Петра, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что онъ изустное ученіе ап. Петра излагалъ письменно.

шенный сердцемъ, обратился на прежній путь. Не находя удовлетворенія своему тщеславію въ отечествѣ, онъ, какъ говоритъ преданіе, пришелъ въ Римъ испытать счастіе. Надежды волхва оправдались: не только суевѣрная чернь, но и легкомысленный дворъ приведены были въ изумленіе его искусствомъ. Самъ императоръ Клавдій былъ такъ удивленъ волшебствомъ его, что велѣлъ изваять его статую съ надписью: (Симону святому богу). Но съ прибытіемъ ап. Петра въ столицу имеріи, менѣе стали обращать вниманія на волхва. Петръ проповѣдывалъ свободно: его слово, полное духа и силы, легко привлекало къ нему народъ, который недавно удивлялся Симону, а теперь началъ смѣяться надъ нимъ. Оскорбленный волхвъ, напрасно истощивъ всѣ средства къ помраченію славы Петра, объявилъ толпѣ слѣпыхъ суевѣровъ, еще не отставшихъ отъ него, что хочетъ оставить неблагодарный городъ, вознестись на небо и оттуда излить свое мщеніе. Въ назначенный день собралась толпа любопытныхъ. Симонъ, послѣ грозной рѣчи, дѣйствительно, сталъ отдѣляться отъ земли. Въ числѣ зрителей былъ и ап. Петръ, пришедшій сюда, вѣроятно, съ намѣреніемъ посрамить обманщика для общаго блага. Онъ выступилъ изъ толпы и силою молитвы низвергнулъ волхва. Совершенно разбитый въ своемъ паденіи, Симонъ, нераскаянный, испустилъ духъ вскорѣ послѣ своей неудачи. Толпы съ новымъ усердіемъ потекли къ апостолу Петру. О событіяхъ послѣдующей жизни апостола до послѣдняго путешествія его въ Римъ свидѣтельства преданія скудны и неопредѣленны. Повѣствуютъ, что, поставивъ Лина епископомъ Риму, ап. Петръ пошелъ въ Террачину, былъ въ Испаніи, въ Карѳагенѣ (африканскомъ), въ Египтѣ и въ Іерусалимѣ,

оттуда снова прошелъ въ Африку, побывалъ въ Римѣ, отправился въ Британію, пробылъ тамъ довольно долго и, по повелѣнію Божію чрезъ Ангела, возвратился въ Римъ. Когда былъ апостолъ въ той или другой странѣ, опредѣлить трудно.

Въ 54 году вступилъ на престолъ римской имперіи императоръ Неронъ. Въ это время слово Божіе стало проникать во всѣ сословія; двухлѣтнее пребываніе ап. Павла въ столицѣ чрезвычайно способствовало распространенію вѣры: онъ обратилъ даже нѣкоторыхъ придворныхъ императорскихъ. Правительство замѣтило усиленіе новаго религіознаго общества и стало отличать его отъ іудеевъ, съ которыми смѣшивало. Уклоненіе христіанъ отъ празднествъ и зрѣлищъ народныхъ, тайныя ночныя собранія, темные, сбивчивые слухи о догматахъ и пророчествахъ христіанъ—возбудили противъ нихъ подозрительность языческаго правительства и приготовили имъ бѣдствіе гоненія. А пожаръ, вспыхнувшій въ Римѣ въ десятый годъ царствованія Нерона и спалившій 5 седьмыхъ частей города, храмы, дворецъ императорскій, ускорилъ это гоненіе. Императоръ, котораго обвиняли въ этомъ бѣдствіи, старался отклонить отъ себя страшное подозрѣніе всѣми возможными способами, но когда ничто не помогало, онъ измыслилъ вѣрное средство для своей цѣли: сложилъ вину пожара на христіанъ. Гоненіе воспылало. Вѣсть о гоненіи достигла до ап. Петра, когда онъ находился на востокѣ. Считая необходимымъ свое личное пребываніе въ Римѣ, онъ немедленно отправилъ въ Европу и, по свидѣтельству весьма древняго преданія (у Діонисія коринѳскаго), вмѣстѣ съ ап. Павломъ прибылъ въ Италію изъ Коринѳа. Прибытіе въ столицу знаменитыхъ проповѣдниковъ го-

нимаго ученія не скрылось отъ языческаго правительства, и апостоламъ, поэтому, предстояла вѣрная смерть. Но они спокойно ожидали своей участи, ревностно исполняя долгъ своего призванія. Ап. Петръ, прежде собственнаго страданія, долженъ былъ, по свидѣтельству Климента александрійскаго, увидѣть мученическую кончину своей супруги. Петръ укрѣплялъ ее среди мученическихъ подвиговъ напоминаніемъ имени Божія. Апостолъ былъ извѣщенъ о близости своей кончины особеннымъ откровеніемъ. Когда до христіанъ дошелъ слухъ о намѣреніи римскаго правительства схватить Петра, то они стали уговаривать апостола скрыться въ уединенномъ мѣстѣ. Ап. Петръ долго не соглашался; наконецъ сильныя убѣжденія склонили его принять совѣтъ. Ночью онъ вышелъ изъ города,—но внезапно, еще у самыхъ воротъ, онъ видитъ Господа Іисуса, идущаго въ городъ. На вопросъ изумленнаго Петра: „куда идешь, Господи?"—Господь отвѣчалъ: „иду въ Римъ, чтобы снова быть распятымъ". Это видѣніе заставило Петра возвратиться: онъ понялъ, что настало ему время своею смертію прославить Бога.—Смерть ап. Петра была предварена девяти-мѣсячнымъ заключеніемъ въ мамертинской темницѣ. Вѣроятно, ближайшимъ поводомъ къ осужденію его на смерть была молва о немъ, какъ о старѣйшемъ и ревностнѣйшемъ учителѣ христіанства и обращеніе къ христіанству нѣкоторыхъ придворныхъ и преторіанцевъ. Неронъ подписалъ смертный приговоръ ап. Петра предъ отправленіемъ своимъ въ Грецію, и она послѣдовала 29 іюня 67 года. Ап. Петръ кончилъ свою жизнь, будучи распятъ на крестѣ. Такъ исполнилось пророчество Іисуса Христа, сказанное ап. Петру во время утренней трапезы при озерѣ Генниса-

ретскомъ: „когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда нехочешь“. (Іоан. XXI, 18). Есть древнее преданіе, что ап. Петръ просилъ своихъ распинателей распять его внизъ головою, такъ какъ онъ считалъ себя недостойнымъ умереть въ томъ видѣ, какъ умеръ Самъ Господь. Это желаніе исполнили: его пригвоздили ко кресту внизъ головою, и тѣмъ еще болѣе увеличили мученія и безъ того ужаснѣйшей изъ казней. Ап. Петръ, какъ полагаютъ, скончался уже въ старости—на 7-мъ десятилѣтіи своей жизни и на 37-мъ апостольскаго служенія.

Св. ап. Петръ написалъ два соборныхъ или окружныхъ посланія къ христіанамъ изъ іудеевъ, разсѣянныхъ внѣ Палестины.—Первое посланіе писано изъ Вавилона египетскаго. Въ этомъ посланіи апостолъ сначала вообще убѣждаетъ христіанъ, не взирая на гоненія, радоваться о вѣрѣ своей, не смущаясь злословіемъ язычниковъ; проводить жизнь святую; покоряться земнымъ властямъ и не прикрывать пороковъ христіанскою свободою; потомъ—въ частности—излагаетъ правила христіанскаго поведенія для слугъ, мужей, женъ, различныхъ членовъ церкви, пастырей и пасомыхъ.—Второе соборное посланіе есть родъ завѣщанія,—которое ап. Петръ написалъ предъ своею кончиною (II Петр. I, 14). Въ немъ апостолъ учитъ успѣвать въ вѣрѣ, остерегаться лжеучителей и не почитать обѣтованій Божіихъ несбыточными потому, что еще не наступаетъ послѣдній день міра, а лучше пользоваться долготерпѣніемъ Божіимъ для своего спасенія.

Св. ап. *Павелъ* (по гречески) или *Савлъ* (по еврейски) былъ сынъ іудейскихъ родителей, изъ колѣна Веніаминова; родился въ Тарсѣ—главномъ городѣ Киликіи—въ малой Азіи, одномъ изъ знаменитыхъ мѣстъ греческой

образованности и притомъ былъ римскимъ гражданиномъ (Дѣян. IX, 11; XXI, 39; XVI, 37; XXII, 3, 28). Хотя онъ предназначался въ учители Закона Божія, однако, по іудейскому обычаю, занимался и ремесломъ, именно дѣлалъ палатки. На своей родинѣ онъ имѣлъ самый лучшій случай съ молодыхъ лѣтъ познакомиться съ греческимъ языкомъ и народностью; въ пользу этого знакомства говорятъ не только его цитаты изъ языческихъ и притомъ не очень извѣстныхъ поэтовъ, но еще болѣе его глубокія мысли о существѣ и развитіи языческой религіи и философіи. Еще юношею родители отправили Савла въ Іерусалимъ для полученія образованія въ школѣ ученаго Гамаліила (Дѣян. XXII, 3; XXVI, 4—5), бывшаго главою основанной его дѣдомъ Гиллеломъ школы іудейскаго понимания Писанія. Надѣленный превосходными способностями, одаренный рѣдкою остротою и силою мысли, Павелъ усвоилъ всю раввинскую ученость,—различные способы толкованія библіи: чрезъ аллегорію, прообразовательный смыслъ (типологію) и на основаніи преданія, какъ достаточно свидѣтельствуютъ его посланія. Отъ природы горячій, рѣшительный—онъ былъ фарисеемъ самаго строгаго разряда и сильнымъ ревнителемъ закона отцевъ (Фил. III, 6; Гал. I, 13, 14). Безъ сомнѣнія, онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ и благородныхъ личностей этой секты, каковы напримѣръ: Никодимъ, Іосифъ аримаѳейскій и Гамаліилъ. Онъ истинно дѣйствовалъ по правиламъ ветхозавѣтнаго благочестія, какъ онъ тогда понималъ его. Сначала Савлъ держалъ себя по отношенію къ христіанству равнодушно, или не обращалъ на него особеннаго вниманія. Но когда оно въ лицѣ Стефана открыто выступило противъ фарисейства, тогда Савлу, при его ревности къ іудейству,

проповѣдываніе христіанства должно было показаться оскорбленіемъ его отеческаго закона, возмущеніемъ противъ Бога, — и истребленіе новой секты онъ считалъ долгомъ совѣсти и дѣломъ богоугоднымъ. Этимъ и объясняется то ревностное участіе, какое онъ принималъ въ осужденіи на смерть Стефана и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ гоненіи. Онъ насильно входилъ въ дома, вытаскивалъ оттуда мужчинъ и женщинъ для того, чтобы предать ихъ суду и заключить въ темницу (Дѣян. VIII, 3 — 4; XXII, 4). Но и этимъ онъ былъ недоволенъ, явившись къ первосвященнику, онъ выхлопоталъ у него себѣ полномочіе на арестованіе всѣхъ христіанъ даже внѣ предѣловъ Палестины. Съ такимъ полномочіемъ онъ отправился въ городъ Дамаскъ (IX, 1; XXII; 5), куда убѣжали многіе изъ христіанъ. На пути Павла въ Дамаскъ случилось чудо, вслѣдствіе котораго, дышащій гнѣвомъ, Савлъ сталъ молящимся Павломъ, самонадѣянный фарисей превратился въ смиреннаго христіанина, самый опасный врагъ церкви сдѣлался самымъ дѣятельнымъ и сильнымъ ея апостоломъ и къ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ воспринялъ обильные дары Святаго Духа. Однажды въ полдень Савлъ подходилъ къ Дамаску; вдругъ озарилъ его и его спутниковъ необыкновенный свѣтъ съ неба. Въ этомъ свѣтѣ Павелъ увидѣлъ прославленнаго Господа Христа и слышалъ Его голосъ, говорящій ему на еврейскомъ языкѣ: „Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти противъ рожна“. На вопросъ Павла, упавшаго на землю вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія отъ такого явленія: „Кто Ты Господи?“ Спаситель сказалъ: „Я Іисусъ, Котораго ты гонишь; встань и поди въ городъ; тамъ тебѣ будетъ сказано, что надобно тебѣ дѣлать“. Когда Павелъ всталъ, то уже ни-

кого не видалъ: надземный блескъ ослѣпилъ его глаза. Какъ младенца привели его въ Дамаскъ, гдѣ онъ въ теченіи трехъ сутокъ оставался слѣпымъ и все это время провелъ въ постѣ, размышленіи и смиренной молитвѣ (Дѣян. IX, 17, 27; XXVI, 13—14; 1 Кор. IX, 1; XV, 8). Послѣ такого приготовленія онъ внутренно былъ увѣренъ въ приближающейся помощи, и ему былъ указанъ человѣкъ, который долженъ былъ привести его въ братское общеніе съ церковію. Ананія, уважаемый въ Дамаскѣ ученикъ, котораго Господь предъувѣдомилъ о Павлѣ, возвратилъ телѣсное зрѣніе молящемуся Савлу чрезъ возложеніе на него рукъ, преподалъ ему крещеніе во оставленіе грѣховъ и даръ Святаго Духа и познакомилъ его съ божественымъ его назначеніемъ. Съ этого времени Савлъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ и проповѣдникомъ гонимаго имъ ученія. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, укрѣпившись въ вѣрѣ чрезъ обращеніе съ христіанами въ Дамаскѣ, онъ отправился въ пограничную часть Аравіи пустой, которая нынѣ называется сирійскою пустынею, и прожилъ тамъ довольно много времени. Это удаленіе произошло вслѣдствіе недоброжелательства іудеевъ, возмущенныхъ его обращеніемъ ко Христу. (Дѣян. IX, 19—22). Изъ Аравіи ап. Павелъ возвратился въ Дамаскъ (Гал. I, 17), для проповѣди объ Іисусѣ, какъ о Мессіи. Его проповѣдь возбудила сильное негодованіе въ іудеяхъ; они вооружили противъ него намѣстника Ареѳы—царя аравійскаго, такъ что этотъ поставилъ стражу у воротъ города, съ цѣлію схватить Павла. Но христіане спасли жизнь апостола: они ночью въ корзинѣ спустили его сквозь какое-то отверстіе въ стѣнѣ, вѣроятно, чрезъ окно пристроеннаго къ городской стѣнѣ дома (Дѣян. IX, 23—25; 2 Кор. XI, 32).

Отсюда Павелъ въ первый разъ пришелъ въ Іерусалимъ къ первому—по времени—христіанскому обществу въ 40 году. Его главною цѣлію было лично познакомиться съ ап. Петромъ представителемъ миссіи между іудеями и всего церковнаго устройства. Варнава, товарищъ ап. Павла по воспитанію, представилъ его Петру и Іакову брату Господню, и разсказалъ имъ о бывшемъ ему явленіи Христа и его откровенномъ исповѣданіи Іисуса въ въ Дамаскѣ. Кромѣ этихъ, Павелъ тогда никого не видалъ изъ апостоловъ. Онъ прожилъ у Петра пятнадцать дней (Гал. I, 18), до тѣхъ поръ пока заговоръ противъ него еллинистовъ, съ которыми онъ вступалъ въ разсужденія (Дѣян. IX, 29), не заставилъ его для безопасности удалиться оттуда. Ап. Павелъ отправился въ Кесарію, а оттуда въ Сирію и на свою родину—въ городъ Тарсъ (Дѣян. IX, 30; Гал. I, 21). Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ апостольскаго труда на своей родинѣ, Варнава вызвалъ его въ Антіохію, гдѣ въ это время составлялась первая изъ обратившихся язычниковъ и іудеевъ церковь и открылось новое славное поприще для распространенія царства Божія. Имя *христіанъ*, данное этими апостолами своимъ ученикамъ, съ этихъ поръ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ всѣхъ послѣдователей Христа (Дѣян. XI, 25—26). Въ этой первой между язычниками христіанской общинѣ ап. Павелъ нашелъ центръ для своей дѣятельности, которую только теперь онъ началъ открыто въ громадныхъ и обширныхъ размѣрахъ. Вскорѣ послѣ того какъ Павелъ цѣлый годъ съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ Антіохіи, какъ „пророкъ“ и „учитель“, въ правленіе императора Клавдія въ 44 и 45 г., наступилъ страшный голодъ въ Палестинѣ. Это подало поводъ антіохійской церкви послать въ Іудею Варнаву и Павла

съ вспоможеніемъ нуждающейся братіи и нѣкоторымъ образомъ принести имъ дань благодарности за полученные отъ нихъ дары духовные (Дѣян. XI, 26, 29 — 30; XIII, 1).

Вскорѣ по возвращеніи пословъ, пророки и учители антіохійской церкви получили откровеніе посвятить чрезъ возложеніе рукъ Павла и Варнаву на проповѣдь и отправить ихъ (Дѣян. XIII, 1—13). Такимъ образомъ Павелъ и Варнава въ сопровожденіи Марка съ уполномочіемъ этой церкви отправились въ Селевкію, а потомъ на островъ Кипръ, на родину Варнавы. Это было первое апостольское путешествіе ап. Павла. Они прошли весь островъ отъ востока къ западу, отъ Саламина до Пафа и съ успѣхомъ проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ. Тамъ же гдѣ не было синагогъ, апостолы на площадяхъ и улицахъ вступали въ разговоры съ отдѣльными лицами, пока изъ любопытства не собиралось около нихъ большая толпа народу, и разговоръ могъ перейдти въ формальную проповѣдь. Въ Пафѣ ап. Павелъ обратилъ въ христіанство римскаго консула Сергія — Павла. Этотъ человѣкъ предался было обольщеніямъ іудейскаго лжепророка, по имени Баръ Іисуса или Елима, но, недовольный имъ, онъ желалъ по крайней мѣрѣ послушать христіанскихъ проповѣдниковъ. Павелъ выступилъ гнѣвнымъ судіею противъ этого обманщика, желавшаго воспрепятствовать успѣхамъ проповѣди, и поразилъ его слѣпотою. Это внезапное чудесное наказаніе рѣшило обращеніе проконсула въ христіанство. Изъ Кипра апостолы поплыли далѣе къ сѣверу въ Пергію, въ Памфилію, гдѣ Маркъ отсталъ отъ нихъ и отправился въ Іерусалимъ. Изъ Пергіи они отправились въ Антіохію писидійскую. Здѣсь Павелъ въ субботу въ синагогѣ, по

приглашенію начальниковъ, говорилъ рѣчь, исполненную мудрости, увлекательности и силы (Дѣян. XIII, 13—41). Это возбудило зависть въ іудеяхъ, и они прерывали проповѣдь Павла частыми противорѣчіями и ругательствами. Тогда онъ оставилъ ихъ и обратилъ слово проповѣди къ язычникамъ. Язычники возрадовались и многіе изъ нихъ увѣровали, такъ что слово Божіе распространилось по всей странѣ писидійской. Но фанатики іудеи съумѣли подстрекнуть почетныхъ женщинъ, расположенныхъ къ іудейству, а чрезъ нихъ и ихъ мужей, и выгнали Павла и Варнаву. Они отправились далѣе къ востоку въ Иконію—главный городъ Ликаоніи. Но вынуждены были удалиться оттуда, потому что невѣрующіе іудеи посягали на ихъ жизнь. Отправились въ Листру и Дервію—ликаонскіе города. Чудесное исцѣленіе Павломъ въ Листрѣ невладѣвшаго ногами надѣлало много шуму между жителями—язычниками. Они думали, что боги снизошли въ человѣческомъ образѣ съ неба и щедро оказываютъ теперь благодѣянія. Варнава старшій годами показался имъ Юпитеромъ, которому былъ посвященъ храмъ вблизи города, а Павелъ, имѣвшій даръ убѣдительнаго и краснорѣчиваго слова, показался имъ вѣстникомъ боговъ—Меркуріемъ. Уже жрецъ привелъ и быковъ для жертвоприношенія этимъ мнимымъ богамъ; но Павелъ и Варнава въ гнѣвѣ на такое идолопоклонническое поведеніе разорвали на себѣ одежды, бросились въ толпу и указывали ей на живаго Бога — Творца всего и Подателя всѣхъ благъ (Дѣян. XIV, 8 — 18). Но по наущенію іудеевъ, во время народнаго волненія ап. Павла били камнями, и еле живаго вытащили изъ города, но онъ поправился отъ изнуренія и побоевъ и остатокъ дня провелъ у вѣрующихъ въ Листрѣ, а на другой день отправился съ

Варнавою въ Дервію. Отсюда они пошли опять въ тѣ города, гдѣ уже проповѣдывали Христово ученіе, за тѣмъ поплыли изъ Атталіи въ сирійскую столицу и разсказали антіохійской церкви объ успѣхахъ этого миссіонернаго путешествія (Дѣян. XIV, 19—27). Пробывши не мало времени въ Антіохіи, Павелъ (въ 50 г.) въ третій разъ отправился въ Іерусалимъ на, такъ называемый, апостольскій соборъ. Родился вопросъ о необходимости обрѣзанія для язычниковъ, желающихъ принять христіанство. Павелъ и Варнава возставали противъ этой необходимости, и потому церковь антіохійская, во избѣжаніе раскола въ своихъ нѣдрахъ, отправила ихъ и другихъ повѣренныхъ въ Іерусалимъ, для рѣшенія возникшаго спора. На соборѣ споръ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что обрѣзаніе для язычниковъ не обязательно. Съ этимъ положительнымъ рѣшеніемъ апостольскаго собора Павелъ и Варнава и возвратились въ Антіохію.

Спустя нѣсколько времени послѣ апостольскаго собора въ 51-мъ году или нѣсколько позже—въ 52 году, Павелъ предпринялъ второе апостольское путешествіе, во время котораго принесъ Евангеліе въ Европу. Сперва онъ посѣтилъ церкви въ Сиріи и Киликіи, которыя онъ основалъ еще до втораго своего путешествія въ Іерусалимъ (Дѣян. IX, 30; XI, 25; Гал. I, 21), затѣмъ—общины въ Ликаоніи, основанныя имъ вмѣстѣ съ Варнавою, для того, чтобы заповѣдать имъ соблюдать рѣшеніе апостольскаго собора. Въ Листрѣ онъ нашелъ юношу Тимофея, котораго обратилъ, вѣроятно, еще во время перваго своего здѣсь посѣщенія (1 Кор. IV, 17; 1 Тим. I, 2). Тимофей оказался впослѣдствіи вѣрнымъ спутникомъ и сотрудникомъ апостола и былъ имъ особенно цѣнимъ и любимъ. Изъ Ликаоніи Павелъ пошелъ во Фригію, гдѣ

мы впослѣдствіи видимъ въ цвѣтущемъ состояніи церкви: —колосскую, іерапольскую и лаодикійскую. Отсюда онъ устремился къ сѣверу—въ Галатію. Здѣсь онъ дѣйствовалъ при большой слабости своего тѣла, которое жестоко было удручено,—среди множества трудовъ, гоненій, средства къ жизни доставалъ себѣ своимъ ремесломъ. Галатійцы принимали его какъ Ангела Божія, даже какъ самаго Іисуса Христа, и считали себя до того счастливыми, что за преподанные имъ дары неба желали пожертвовать для него самымъ дорогимъ, именно своими глазами и дать ему ихъ (Гал. IV, 14—15). Изъ Галатіи Павелъ хотѣлъ отправиться на югъ въ проконсульскую Азію, но Духъ Святый не дозволилъ ему тамъ проповѣдывать. Когда Павелъ, недоумѣвая куда отправиться, прибылъ въ портовый городъ Троаду на Геллеспонтѣ, ночью во снѣ явился ему одинъ македонянинъ, который, пламенно желая спасенія и обѣщая обильную жатву,—отъ лица всей Греціи просилъ у Павла помощи въ такихъ словахъ: „приди въ Македонію и помоги намъ (Дѣян. XVI, 9)!"—Это—такой зовъ на помощь, который не можетъ не тронуть сколько-нибудь внимательнаго христіанина. Первымъ городомъ Македоніи, куда приплыли по морю изъ Троады Павелъ и Сила, а также и врачь Лука, былъ Филиппы, въ то время римская колонія. Этотъ старинный городъ былъ извѣстенъ не особеннымъ величіемъ и населенностью, но торговлею и, находившимися въ сосѣдствѣ съ нимъ, золотыми рудниками и чеканившеюся въ немъ монетой. Ап. Павелъ вмѣстѣ съ своими спутниками отправился на мѣсто молитвы—на рѣку Стримонъ за городъ, гдѣ іудеи имѣли обыкновеніе строить синогоги и собираться на молитву. Они вступили въ разговоръ о религіозныхъ предметахъ

съ набожными женщинами—еврейками. Одна изъ нихъ Лидія изъ Ѳіатиры вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ крестилась и въ знакъ благодарности припудила проповѣдниковъ остановиться у себя въ домѣ. Здѣсь—въ Филиппахъ случилось съ апостолами происшествіе, подвергшее ихъ темничному заключенію. Именно, одна рабыня, своимъ прорицательствомъ доставлявшая господамъ много доходу, пошла вслѣдъ за проповѣдниками и объявляла о нихъ, что они—служители Бога Всевышняго, возвѣщающіе путь спасенія (Дѣян. XVI, 17). Но Павелъ не желалъ пользоваться такимъ свидѣтельствомъ о его дѣлѣ и выгналъ этотъ нечистый прорицательствующій духъ именемъ Іисуса Христа. Озлобленные такимъ поступкомъ апостола, господа рабыни схватили его и Силу, притащили ихъ къ судьямъ и обвинили ихъ въ строго запрещенномъ введеніи чужой религіи и нравовъ. Служителей Христовыхъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій били палками и засадили въ темницу (1 Сол. II, 2). Но когда въ полночь они воспѣли хвалебную пѣснь Богу, землетрясеніе вдругъ поколебало фундаментъ зданія, отворило двери и со всѣхъ засаженныхъ въ тюрьму сняло цѣпи. Смотритель тюрьмы въ первую минуту страха хотѣлъ умертвить себя, думая, что всѣ заключенные убѣжали изъ тюрьмы. Но когда Павелъ крикнулъ ему, что изъ тюрьмы никто не убѣжалъ, то тюремный начальникъ палъ къ его ногамъ, и, переходя отъ отчаянія къ надеждѣ,—спрашивалъ: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“ Вѣстники мира дали ему утѣшительный отвѣтъ: „вѣруй въ Господа Іисуса Христа и спасешься ты и домашніе твои“; подробно преподали ему и его домашнимъ христіанское ученіе и крестили ихъ—тогда, когда они съ радостію приняли Евангеліе. На другой

день начальники, вслѣдствіе вразумленія чрезъ донесеніе тюремнаго смотрителя, послали къ нему своихъ слугъ съ приказомъ освободить изъ тюрьмы проповѣдниковъ. Но Павелъ не хотѣлъ выдти оттуда безъ сохраненія своей чести и ссылался на свое право римскаго гражданина, которое ставило его внѣ опасности отъ безчестнаго наказанія палками и плетью. Это свидѣтельство о римскомъ гражданствѣ возъимѣло свое дѣйствіе,—и высшее начальство лично явилось въ тюрьму для того, чтобы Павла и Силу съ честью вывести изъ нея, какъ невинныхъ. Повидавшись въ домѣ Лидіи съ братьями, проповѣдники оставили ихъ и пошли дальше на проповѣдь. А Лука остался для продолженія начатаго дѣла. Павелъ вмѣстѣ съ Силою чрезъ Амфиполь и Аполлонію прибылъ въ цвѣтущій торговый городъ Ѳессалоники— главный городъ второй македонской области и резиденцію римскаго губернатора. Здѣсь онъ прожилъ не меньше трехъ недѣль. По субботамъ толковалъ Священное Писаніе, и нѣсколько іудеевъ, значительное количество прозелитовъ и не мало изъ знатныхъ женщинъ пристали къ нему (Дѣян. XVII, 2, 4). Въ это же время онъ имѣлъ большой успѣхъ и собственно среди язычниковъ (1 Сол. I, 9—10; II, 10—11). Раздосадованные такими успѣхами, іудеи возмутили противъ проповѣдниковъ чернь; злонамѣренно толкуя ученіе о царскомъ служеніи и второмъ пришествіи Христовомъ, они выставили ихъ подозрительными для общества, какъ бунтовщиковъ противъ императорской власти. Вслѣдствіе этого они въ слѣдующую ночь отправились въ Берію, которая лежала далѣе къ юго-востоку. Здѣсь они долго проповѣдывали между іудеями, а также и между греками встрѣтили благосклонный пріемъ. Новообращенные осо-

бенно любили каждодневно разбирать ветхо-завѣтное Писаніе для того, чтобы убѣдиться въ согласіи его съ Христовымъ ученіемъ (Дѣян. XVII, 11), но вслѣдствіе продѣлокъ солунскихъ іудеевъ ап. Павелъ и отсюда былъ вытѣсненъ. Силу и Тимоѳея онъ оставилъ въ Беріи съ наказомъ скорѣе придти къ нему, а самъ отправился въ сопровожденіи другихъ братьевъ въ столицу языческой науки и искусства — Аѳины. Во все время, по прибытіи своемъ въ Аѳины, до прихода Силы и Тимофея, ап. Павелъ не только проповѣдывалъ іудеямъ и прозелитамъ въ синагогѣ, но и, какъ христіанскій Сократъ, каждодневно на площади вступалъ въ разговоръ съ язычниками. Любознательные аѳиняне имѣли обыкновеніе собираться на открытыхъ мѣстахъ и подъ покрытыя галлереи, съ цѣлью узнать ходъ дѣлъ въ городѣ, политическія и литературныя новости. На одномъ изъ такихъ мѣстъ, вѣроятно на площади Еретрійской, апостолъ встрѣтился съ философами изъ школы эпикурейской и стоической и вступилъ съ ними въ споръ. Аѳиняне охотно слушали ап. Павла частію изъ учтивости, частію по любознательности. А чтобы еще больше удовлетворить своему любопытству и другимъ доставить тоже удовольствіе, они привели его въ Ареопагъ, высшее судебное мѣсто. Здѣсь апостолъ сказалъ такую рѣчь, которая привела многихъ ко Христу. Увидѣвъ на одномъ жертвенникѣ надпись: „не извѣстному Богу", ап. Павелъ избралъ эту надпись предметомъ для проповѣди и повелъ рѣчь объ истинномъ Богѣ, до тѣхъ поръ бывшемъ неизвѣстнымъ для нихъ и сказалъ: „Сего-то, Котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдую вамъ". Затѣмъ апостолъ Павелъ, окончивъ рѣчь о Богѣ, какъ Творцѣ вселенной и Вседержителѣ, говорилъ о первобытномъ един-

ствѣ человѣческаго рода, — о высокомъ нравственномъ назначеніи человѣка, о всемірномъ судѣ и всеобщемъ воскресеніи". Такая мудрая рѣчь апостола принесла плоды: многіе изъ мущинъ и женщинъ приняли его ученіе. Изъ нихъ книга Дѣяній апостольскихъ (XVII, 34) называетъ по имени Діонисія члена ареопага, который былъ первымъ епископомъ церкви аѳинской. Изъ Аѳинъ Павелъ отправился въ Коринѳъ, гдѣ опять встрѣтились съ нимъ Сила и Тимофей (Дѣян. XVIII, 5). Основаніе христіанской церкви въ такомъ знатномъ городѣ соединено было съ неимовѣрными препятствіями, оттого-то Павелъ и прожилъ здѣсь полтора года. (Дѣян, XVIII, 11). Онъ, какъ мастеръ дѣлать палатки, скоро нашелъ себѣ здѣсь квартиру и работу у христіанина изъ іудеевъ Акилы. Этотъ человѣкъ занимался тѣмъ же ремесломъ, вѣроятно, въ большихъ размѣрахъ, и на короткое время прибылъ въ Коринѳъ съ своею женою Прискилою вслѣдствіе указа Клавдіева, выгнавшаго всѣхъ іудеевъ изъ Рима. И Акила и Прискилла являются ревностно трудящимися въ проповѣди Евангелія въ разныхъ мѣстахъ —въ Ефесѣ и въ Римѣ. Павелъ опять прежде всего обратился къ іудеямъ и прозелитамъ, которыхъ было весьма много въ Коринѳѣ, равно какъ и во всѣхъ торговыхъ городахъ, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе, такъ что оставилъ синагогу и имѣлъ собранія въ стоящемъ подлѣ нея домѣ нѣкоего Іуста. Огромное число христіанъ, какое Павелъ составилъ при сотрудничествѣ Силы и Тимофея, состояло изъ прежде бывшихъ язычниками и притомъ преимущественно, хотя не исключительно, изъ низшаго сословія. Вообще его проповѣдь въ Коринѳѣ сопровождалась чрезвычайнымъ успѣхомъ, и вліяніе тамошней церкви распространилось на всю

Ахаію. Такой быстрый успѣхъ Евангелія раздражилъ іудеевъ еще болѣе, и они воспользовались прибытіемъ новаго проконсула Аннея Галліона для того, чтобы обвинить Павла въ нападкахъ на признанный у нихъ закономъ Моѵсеевымъ порядокъ. Но Галліонъ, хорошо понимая придѣлы своей гражданской судебной дожности, отвергъ жалобу, такъ какъ она имѣла своимъ предметомъ споръ изъ-за религіознаго ученія,—слѣдовательно, вовсе не подлежало его суду, и указалъ имъ еврейское присутственное мѣсто. Послѣ этого приключенія апостолъ жилъ въ Коринѳѣ не мало времени, и въ это время или самъ дѣлалъ поѣздки въ сосѣднія мѣстечки провинціи, или посылалъ туда своихъ учениковъ (Дѣян. XVIII, 12—18). Въ это время (около 53 г.) получили начало первыя, дошедшія до насъ, посланія ап. Павла, которыя принадлежатъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ раннимъ книгамъ Новаго Завѣта,—именно: два посланія къ Солунянамъ; въ 53 г. апостолъ написалъ 1-е посланіе, а чрезъ годъ или въ томъ же году оттуда же и другое посланіе. Послѣ полутора-годичнаго пребыванія въ Коринѳѣ, св. апостолъ, вѣроятно весною 54 года, рѣшился воротиться въ Антіохію чрезъ Іерусалимъ. Ап. Павелъ чрезъ Ефесъ отправился на кораблѣ въ Кесарію стратонатскую, въ четвертый разъ, хоть на короткое, время посѣтилъ церковь іерусалимскую и затѣмъ опять не мало времени пробылъ въ Антіохіи.

Изъ Антіохіи ап. Павелъ предпринялъ третье апостольское путешествіе. Сперва онъ подкрѣпилъ уже основанныя прежде церкви во Фригіи и Галатіи (Дѣян. XVIII, 23), а за тѣмъ избралъ для себя Ефесъ поприщемъ довольно продожительной, почти трехлѣтней дѣятельности (XIX гл.). Ефесъ—тогда главный городъ

проконсульской Азіи былъ замѣчателенъ не только торговлею, но и образованіемъ. Здѣсь ап. Павлу открылось обширное поприще для многосторонней дѣятельности, какъ онъ самъ говоритъ (Кор. XVI, 9). Изъ этого центра Павелъ могъ распространять христіанство по всѣмъ областямъ Малой Азіи—частію чрезъ свои собственныя путешествія, частію чрезъ посольство своихъ учениковъ и помощниковъ, а по причинѣ обширныхъ торговыхъ сношеній въ то же время весьма легко могъ получать извѣстія объ основанныхъ имъ въ Греціи церквахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось вынести тамъ не мало новыхъ скорбей и бѣдствій, и каждую минуту онъ подвергался опасности за жизнь (Дѣян. XX, 18; 1 Кор. XV 30—32; Гал. V, 11). Здѣсь онъ встрѣтилъ замѣчательный родъ полухристіанъ,—именно, двѣнадцать учениковъ Іоанна Крестителя, крестившаго ихъ и указавшаго имъ на Христа, въ Котораго они увѣровали, хотя еще не ознакомились хорошенько съ ученіемъ и судьбами Господа и съ дѣйствіями Его Духа. Они съ полною готовностью подробно выслушали ученіе отъ Павла и приняли крещеніе водою и Духомъ во имя Іисуса съ обычнымъ возложеніемъ рукъ, за которымъ обнаруживалась новая жизнь въ чрезвычайныхъ дарахъ апостольскаго періода—въ дарѣ языковъ и пророчествованіи. Послѣ трехмѣсячнаго проповѣдыванія въ синагогѣ, Павелъ, по враждѣ нѣкоторыхъ іудеевъ, принужденъ былъ изъ христіанъ составить отдѣльную общину и въ теченіи двухъ лѣтъ ежедневно предлагалъ поученія въ училищѣ одного греческаго ритора, по имени Тиранна. Въ это время онъ совершалъ много поразительныхъ чудесъ; даже полотенцамъ и платкамъ апостола сообщалась цѣлительная сила. Нѣкоторые изъ ефесскихъ колдуновъ

хотѣли, подобно Симону волхву, мнимымъ своимъ христіанствомъ воспользоваться для своихъ самолюбивыхъ интересовъ и возмечтали однимъ призываніемъ имени Іисуса Христа, безъ всякаго сочувствія Его Духу, производить такія же дѣйствія, какія совершалъ Павелъ. Но попытка не удалась. Демонъ, котораго они заклинали, хорошо умѣлъ различать духовъ; онъ бросился на обманщиковъ и такъ немилосердно обращался съ ними, что они выбѣжали изъ того дома обнаженными и избитыми. Это неожиданное явленіе произвело такое впечатлѣніе, что многіе,—прежде занимавшіеся колдовствомъ, увѣровали въ Іисуса Христа; даже многіе колдуны сожгли свои книги о магіи, которыхъ было особенно много въ Ефесѣ, и цѣнность которыхъ доходила до 50,000 драхмъ или динаріевъ. Ап. Павелъ теперь хотѣлъ опять отправиться въ Грецію и напередъ послалъ въ Македонію своихъ сотрудниковъ - Тимофея и Ераста, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ противъ него. Чѣмъ больше идолопоклонство вслѣдствіе его проповѣди получало ударовъ въ сердце, тѣмъ болѣе должны были досадовать на ап. Павла тѣ, которые получали отъ идолослуженія пищу и не хотѣли обратиться. Такъ, напримѣръ, ударъ былъ нанесенъ обширной торговлѣ золотыми и серебряными моделями знаменитаго храма Діаны и ея истуканами, которыхъ въ Ефесѣ заготовлялось весьма много. Серебренникъ Димитрій, производившій это мастерство въ большихъ размѣрахъ, подъ благовиднымъ предлогомъ религіи возмутилъ противъ апостола своихъ многочисленныхъ рабочихъ, а чрезъ нихъ и весь простой народъ, и цѣлый городъ пришелъ въ движеніе. Чернь кричала: „велика Діана ефесская!“ Прежде всѣхъ схватила Гаія и Аристарха и потащила ихъ къ ам-

фитеатру, гдѣ обыкновенно бывали общественныя собранія. Какъ скоро узналъ объ этомъ Павелъ, тотчасъ хотѣлъ подвергнуть себя самаго опасности для того, чтобы избавить своихъ спутниковъ и, сколько возможно, утишить волненіе. Но расположенные къ нему, такъ называемые, азійскіе начальники отсовѣтовали ему. Волненіе еще болѣе усилилось вслѣдствіе вмѣшательства іудеевъ, которые старались удалить отъ себя ненависть язычниковъ и взвалить ее на христіанъ. Тогда толпа, въ теченіи двухъ часовъ, еще сильнѣе стала кричать: „велика Діана ефесская!“ хотя весьма не многіе знали, въ чемъ собственно дѣло.—Наконецъ „городскому книжнику“ (стряпчему) удалось умною рѣчью защитить проповѣдниковъ и утишить волненіе. Во время пребыванія своего въ Ефессѣ, Павелъ написалъ два весьма важныхъ посланія, именно: посланіе къ галатамъ—по поводу усиленія тамъ партіи іудействующихъ и первое посланіе къ коринѳянамъ—по поводу возникшихъ тамъ партій.—Спустя нѣсколько недѣль послѣ написанія перваго посланія къ коринѳянамъ, около праздника Пятидесятницы 57 года (1 Кор. XVI, 8), Павелъ оставилъ Ефесъ съ цѣлію посѣтить въ Греціи основанныя имъ церкви, оттуда воротиться въ Іерусалимъ и за тѣмъ впервые отправиться въ столицу вселенной. Ап. прибылъ въ Троаду; здѣсь проповѣдывалъ немало времени и надѣялся встрѣтиться съ Титомъ, отправленнымъ имъ нѣсколько позже Тимофея тоже въ Коринѳъ, и получить извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ первымъ его посланіемъ; но не удалось видѣться съ нимъ. Тогда онъ поплылъ въ Македонію, гдѣ съ нимъ было много и внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ (Дѣян. XX 1; 2 Кор. VII, 5); но въ тоже время его посѣщала и ра-

дость, когда онъ нашелъ свои церкви въ цвѣтущемъ состояніи. Въ Македоніи онъ встрѣтился съ давно ожидаемымъ Титомъ, который сообщилъ ему пріятныя извѣстія о Коринѳѣ. Первое его посланіе, дѣйствительно, въ большей и лучшей части церкви возбудило спасительное смущеніе и печаль по Богѣ (2 Кор. VII, 6 и д.). Вслѣдствіе этого Павелъ заблагоразсудилъ въ бытность свою въ Македоніи еще разъ написать къ христіанамъ въ Коринѳѣ и ко всей ахейской области (2 Кор. I, 1) и чрезъ то устранить всѣ препятствія къ радостному и вожделѣнному свиданію. Это послѣднее посланіе къ коринѳянамъ св. Павелъ отправилъ чрезъ Тита и другихъ двухъ братьевъ. Поздно осенью того же года, распространивши кругъ своей дѣятельности отъ Македоніи до Иллиріи,—онъ самъ отправился въ Грецію и провелъ три мѣсяца въ Каринѳѣ и его окрестностяхъ (Дѣян. XX, 2). Изъ Коринѳа ап. Павелъ написалъ посланіе къ римлянамъ. Такъ-какъ Павелъ уже давно желалъ возвѣстить Евангеліе въ столицѣ вселенной (Рим. I, 13, 15; XV, 22; (Дѣян. XIX, 21), то онъ покамѣстъ до исполненія намѣренія вздумалъ вознаградить устную проповѣдь къ ней чрезъ посланіе, которое отослалъ чрезъ діакониссу Фиву. Послѣ трехмѣсячной жизни въ Ахаіи, Павелъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія—еще разъ сходить въ Іерусалимъ, куда влекли его столько же внѣшнія обстоятельства, сколько и внутреннее побужденіе. Онъ еще хоть разъ хотѣлъ самъ отнести въ теченіи послѣдняго года собранныя въ большомъ количествѣ пожертвованія (милостыни) для бѣдныхъ христіанъ изъ іудеевъ и чрезъ то не только помочь ихъ тѣлесной нуждѣ, но и представить первой церкви—матери фактическое доказатель-

ство признательной къ ней любви греческихъ христіанъ, а чрезъ это сильнѣе скрѣпить отношенія между двумя большими частями церкви. Съ такими мыслями Павелъ оставилъ Коринѳъ весною 58 года и Пасху провелъ въ Филиппахъ, гдѣ встрѣтился съ Лукою и вмѣстѣ съ нимъ поплылъ въ Троаду. Тамъ онъ пробылъ недѣлю и основанную имъ за годъ до этого времени церковь утвердилъ проповѣдію и чудеснымъ воскрешеніемъ юноши Евтиха, который, во время продолжавшейся за полночь проповѣди, заснулъ на окнѣ и упалъ на улицу. (Дѣян. XX, 4—10). Такъ какъ апостолъ къ празднику Пятидесятницы хотѣлъ поспѣть въ Іерусалимъ, то онъ проплылъ мимо, не зашедши въ Ефесъ; впрочемъ пресвитеровъ этой, а, можетъ быть, и другихъ сосѣднихъ церквей позвалъ въ лежащій къ югу портовый іоническій городъ Милетъ. Здѣсь онъ, предчувствуя, что ему никогда не придется еще видѣться съ ними, сказалъ имъ послѣднюю увѣщательную и защитительную рѣчь, которая дышетъ самою трогательною любовію къ духовнымъ чадамъ и самою искреннею и усердною заботливостію о будущности церкви. (Дѣян. XX, 17—38). Подобная же прощальная сцена происходила въ финикійскомъ городѣ Тирѣ, гдѣ св. Павелъ провелъ у тамошнихъ христіанъ цѣлую недѣлю. Сколько христіане ни упрашивали его подольше пожить въ Тирѣ,—все напрасно; поэтому, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми они съ крайнею грустію проводили его до пристани и на берегу вмѣстѣ съ ними помолились съ колѣнопреклоненіемъ (Дѣян. XXI 3—5). Въ Кесаріи стратонитской онъ также пробылъ нѣсколько дней съ своими товарищами въ домѣ Филиппа—одного изъ первыхъ семи діаконовъ іерусалимской церкви. Прибывши чрезъ нѣсколько вре-

мени въ Іерусалимъ, ап. Павелъ нашелъ радушный пріемъ и пристанище у одного изъ самыхъ старшихъ христіанъ, какого-то Мнасона кипрянина.

Какъ вѣстникъ мира пришелъ ап. Павелъ въ Іерусалимъ,—пришелъ съ богатыми пожертвованіями отъ греческихъ братьевъ въ пользу бѣдныхъ церквей въ Іудеѣ и съ искреннимъ желаніемъ болѣе крѣпкаго соединенія всѣхъ христіанъ. Но къ прискорбію, ему пришлось испытать неблагодарность отъ міра и не истинныхъ своихъ братьевъ. Невѣрующіе іудеи, почти тридцать лѣтъ назадъ пригвоздившіе ко кресту Господа славы, стали его преслѣдовать. Они ненавидѣли апостола, какъ отступника отъ закона и мятежника противъ авторитета Божія и ненавидѣли его съ тѣмъ рьянымъ фанатизмомъ, съ которымъ онъ самъ нѣкогда пытался совсѣмъ истребить юную церковь Христову. Малоазійскіе іудеи, бывшіе на праздникѣ Пятидесятницы и еще въ Ефесѣ преслѣдовавшіе апостола язычниковъ, произвели сильное, дикое волненіе противъ него, схватили его въ храмѣ и кричали: „израильтяне! помогите! вотъ человѣкъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ народа, закона и храма, который онъ осквернилъ“. Фанатики безъ всякаго основанія, по одному его обращенію съ христіаниномъ изъ язычниковъ—Трофимомъ, происходившимъ тоже изъ Малой Азіи, заключили, что будто онъ ввелъ грека въ храмъ, что запрещено было подъ смертною казнію. Яростная толпа вытащила св. апостола изъ храма жестоко била его и до смерти избила бы, еслибы не подоспѣлъ съ своими солдатами и начальниками во время командиръ римскаго полка, стоявшаго въ сосѣднемъ замкѣ Антонія на сѣверозападѣ отъ храма. Клавдій Лисій (такъ звали этого начальника) отнялъ свидѣтеля

Іисуса Христа у раздраженной черни, велѣлъ сковать его двумя цѣпями и посадить въ крѣпость. Павелъ съ лѣстницы крѣпости говорилъ рѣчь на еврейскомъ языкѣ и простымъ разсказомъ о своемъ обращеніи отъ самаго строгаго фарисейства къ вѣрѣ Христовой и изображеніемъ великихъ дѣлъ Божіихъ среди язычниковъ думалъ нѣсколько успокоить взволнованный народъ. Но когда онъ дошелъ до божественнаго призванія его въ апостолы язычниковъ, тогда снова вспыхнулъ бунтъ, и въ ярости требовали осужденія его на смерть. Тысяченачальникъ, сперва считавшій его за возмутителя, хотѣлъ подвергнуть его ударамъ для того, чтобы выпытать отъ него признаніе въ его преступленіи. Но Павелъ былъ освобожденъ отъ такого срама, когда объявилъ, что онъ римскій гражданинъ. На другой день Лисій отослалъ узника къ собравшемуся синедріону. Здѣсь св. Павелъ держалъ себя съ достоинствомъ и благоразуміемъ. Спачала онъ хотѣлъ защищаться въ обыкновенной рѣчи. Но когда его рѣчь была грубо и незаконно прервана предсѣдательствовавшимъ въ синедріонѣ первосвященникомъ Ананіею, человѣкомъ гордымъ и жестокимъ,—тогда св. апостолъ сказалъ: „Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная“ (Дѣян. XXIII, 3), т. е. ты лицемѣръ, который со внѣ бѣлъ, а внутри грязенъ,— твое поведеніе противорѣчитъ твоему священному сану. Когда Павелъ замѣтилъ, что при раздраженномъ состояніи его враговъ спокойное защищеніе было безполезно, даже невозможно, тогда онъ принялъ мѣры благоразумія: онъ насквозь видѣлъ внутреннее противорѣчіе и разладъ въ синедріонѣ и вывелъ это наружу. Именно, онъ предложилъ важное ученіе о воскресеніи мертвыхъ, какъ обвинительный пунктъ, и чрезъ это произвелъ раз-

дѣленіе въ собраніи, состоявшемъ изъ саддукеевъ (во главѣ которыхъ былъ Ананія) и фарисеевъ, и привлекъ на свою сторону, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, болѣе сильную партію. Фарисеи изъ ненависти къ противной партіи невольно засвидѣтельствовали о невинности Павловой. Они даже высказали, что ему явился на пути въ Дамаскъ какой-нибудь духъ или ангелъ. Но этимъ только дѣло и ограничилось. Наконецъ Лисій увелъ апостола отъ этого, все болѣе и болѣе дѣлающагося дерзкимъ и опаснымъ для жизни, спора партій синедріона и снова посадилъ Павла въ крѣпость Антонія. Въ слѣдующую ночь, когда св. Павелъ, и безъ того утомившись отъ множества трудовъ, находясь подъ вліяніемъ страха, хотѣлъ измѣнить свое намѣреніе—проповѣдывать въ Римѣ Евангеліе, то явился ему Господь въ видѣніи и повелѣлъ засвидѣтельствовать о Немъ не только въ столицѣ іудейства, но и въ столицѣ міра языческаго. (Дѣян. XXIII, 11). На другой день саддукейская партія составила заговоръ противъ жизни Павловой. Римскій судья, узнавши объ этомъ, отослалъ св. Павла въ Кесарію къ Феликсу прокуратору въ туже ночь подъ крѣпкою военною охраною, которая казалась необходимою по причинѣ заговора, съ письмомъ, въ которомъ описано дѣло узника и засвидѣтельствована его невинность. Феликсъ заключилъ апостола въ преторію, построенную Иродомъ, до тѣхъ поръ, пока не явятся его обвинители. Чрезъ пять дней враги явились вмѣстѣ съ своимъ стряпчимъ Тертулломъ, который въ лживой и льстивой рѣчи старался выставить Павла политическимъ бунтовщикомъ, начальникомъ назорейской ереси и осквернителемъ храма, въ то же время жаловался на Лисія за его незаконное вмѣшательство и наводилъ Фе-

ликса на мысль принудить узника къ сознанію его преступленій. Но Павелъ въ своей защитительной рѣчи доказалъ всю неосновательность такихъ обвиненій, упомянулъ объ отсутствіи малоазійскихъ іудеевъ, которые должны бы были присутствовать здѣсь, какъ очевидцы взводимаго на него оскверненія храма. (Дѣян. XXV, 2—8, 10—21). Намѣстникъ, между тѣмъ, отложилъ приговоръ до дальнѣйшихъ разъясненій, такъ какъ онъ не могъ найти въ немъ никакого преступленія, заслуживающаго наказанія. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ убѣжденъ въ невинности Павла, но надѣялся взять взятку деньгами съ него, какъ съ такого человѣка, который могъ легко получать содержаніе отъ своихъ христіанскихъ друзей въ Кесаріи и изъ другихъ мѣстъ. При такихъ обстоятельствахъ въ Кесаріи онъ пробылъ узникомъ два года, однако не получилъ никакого судебнаго приговора. Здѣсь его по временамъ посѣщали христіане. Намѣстникъ дѣлалъ ему допросы и, какъ кажется, съ своей стороны не препятствовалъ ему въ неизвѣстной для насъ дѣятельности въ пользу царствія Божія. Когда Феликсъ былъ отозванъ отъ службы, то на его мѣсто былъ назначенъ Фестъ. Фестъ также, какъ и Феликсъ, приглашалъ іудеевъ, враждебныхъ Павлу, въ Кесарію для законнаго доноса и тамъ, на другой день по пріѣздѣ, производилъ судъ. Доносчики и въ этотъ разъ не могли доказать виновности Павла. Фестъ, желая съ одной стороны угодить іудеямъ, а съ другой—соблюсти справедливость къ Павлу, спросилъ его, не хочетъ ли онъ, подъ его надзоромъ, судиться предъ синедріономъ. Тогда Павелъ, какъ римскій гражданинъ, потребовалъ суда предъ императоромъ и этимъ проложилъ путь къ исполненію своего давнишняго желанія

—свидѣтельствовать о Спаситѣлѣ въ столицѣ всего свѣта. Фестъ сказалъ: „вытребовалъ суда у Кесаря, то и отправься къ Кесарю“. Чрезъ нѣсколько дней, этого новаго намѣстника прибылъ поздравить молодой царь Иродъ Агриппа II. Такъ-какъ Агриппа былъ іудей, то Фестъ предложилъ ему переговорить съ Павломъ, чтобы узнать его мнѣніе объ религіозномъ спорѣ и воскресеніи „какого-то умершаго Іисуса“ (Дѣян. XXV, 10), а чрезъ то самому получить возможность лучше и вѣрнѣе доложить объ этомъ Кесарю. Царь охотно согласился послушать Павла. На другой день Фестъ велѣлъ привести Павла въ ту комнату, гдѣ онъ самъ выслушивалъ доносы. Предъ такими знатными слушателями Павелъ съ большимъ удовольствіемъ произнесъ защитительную рѣчь. И теперь, какъ предъ народомъ въ Іерусалимѣ, Павелъ разсказалъ свое чудесное обращеніе изъ набожнаго фарисея и гонителя христіанъ въ апостолы Іисуса Христа для того, чтобы обратить язычниковъ отъ тьмы къ свѣту, отъ власти сатаны къ живому Богу. Затѣмъ, обращаясь къ іудейскому царю, призвалъ его въ свидѣтели, что великія событія въ христіанствѣ происходили не гдѣ-нибудь въ углу, но публично въ Іерусалимѣ, и предложилъ ему искренно отвѣтить на вопросъ: „вѣришь ли ты — не мнѣ, не явленію, бывшему въ Дамаскѣ, — но единственно только пророкамъ, которые предвозвѣстили обо всемъ этомъ? Да, я знаю, что ты вѣришь“. Агриппа отвѣтилъ: „ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться христіаниномъ!“ Тогда Павелъ сказалъ: „молилъ бы я Бога, чтобъ мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ, слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ этихъ узъ (Дѣян. XXVI, 1—29). Такимъ образомъ и Агриппѣ

пришлось засвидѣтельствовать совершенную невинность апостола.

При первомъ случаѣ Фестъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими узниками передалъ ап. Павла подъ надзоръ Юлію, начальнику императорскаго полка, и Павелъ выбылъ изъ Кесаріи, направляясь въ Римъ. Это морское путешествіе было очень опасно, потому что, когда они пристали къ городу Ласеѣ—на островѣ Кипрѣ, тогда уже прошелъ постъ, и наступила зима. Павелъ совѣтовалъ перезимовать, но его не послушались. Тогда послѣ двухнедѣльнаго плаванія корабль принесло къ берегу Мальты, и апостолъ молитвою и добрымъ совѣтомъ послужилъ виновникомъ спасенія всѣхъ бывшихъ на кораблѣ (Дѣян. XXVII, 1—2, 21—33). Пробывши въ Мальтѣ три мѣсяца, чудеснымъ избавленіемъ отъ ужаленія ядовитой змѣи и исцѣленіемъ разныхъ болѣзней возбудивши въ добродушныхъ варварахъ и правителѣ острова чувства благоговѣнія и благодарности, на александрійскомъ кораблѣ „Касторъ и Поллуксъ" (Дѣян. XXVIII, 3 — 11) апостолъ прибылъ въ Сиракузы, въ Сицилію, гдѣ оставался три дня, за тѣмъ въ Ригію, насупротивъ Мессины, оттуда въ два дня прибылъ въ пристань египетскихъ кораблей вблизи Неаполя; тамъ прожилъ недѣлю у небольшой христіанской общины, а за тѣмъ пошелъ сухимъ путемъ въ Римъ, куда могъ добраться едва къ концу марта 61 года, или ни какъ не позже 62 года. Нѣкоторые братья изъ римской церкви вышли къ нему на встрѣчу далеко, больше чѣмъ на сутки пути (за 43 римскихъ мили), въ городокъ, называемый Аппіевою площадью—на Аппійской дорогѣ, а другіе, по крайней мѣрѣ, къ дому „Трехъ Гостинницъ" (за 33 римск. мили). Такъ-то исполнилось его сильное желаніе и увѣреніе

Господа, что ему (Павлу) нужно засвидѣтельствовать о Христѣ еще въ столицѣ всего свѣта. Сотникъ Юлій, обращавшійся съ нимъ во всю дорогу вѣжливо, передалъ его главному начальнику Кесаревой охранной стражи. Надзоръ за Павломъ, должно быть, былъ очень не строгій, такъ какъ и бумага Феста признавала его невиновнымъ, и сотникъ Юлій одобрилъ его. Правда, апостолъ постоянно былъ подъ карауломъ одного солдата и длинною цѣпью былъ скованъ съ лѣвою его рукою, но ему можно было нанимать квартиру въ частномъ домѣ, принимать посѣтителей и писать письма, и въ такомъ положеніи онъ въ состояніи былъ безпрепятственно дѣйствовать въ пользу царства Божія цѣлыхъ два года (Дѣян. XXVIII, 14—20, 30—31). Мало того, спустя три дня по своемъ прибытіи, Павелъ пригласилъ къ себѣ римскихъ іудеевъ. Въ назначенный день Павелъ довольно подробно возвѣстилъ имъ Евангеліе, но между ними произошло раздѣленіе: одни вѣрили, а другіе ожесточили сердца свои; теперь-то онъ могъ съ чистою совѣстію обратиться къ язычникамъ, которые и здѣсь заявили большое сочувствіе его ученію. Караульные солдаты смѣнялись, и каждый изъ нихъ передавалъ своимъ товарищамъ то, что слышалъ отъ апостола, такъ что проповѣдь о крестѣ сдѣлалась извѣстна во всей императорской гвардіи. Уже самая личность Павла, его душа, его готовность всѣмъ пожертвовать своему дѣлу—должны были привлечь благосклонность къ его ученію. Но его дѣятельность не ограничивалась одною только римскою церковію. Онъ имѣлъ вокругъ себя весьма многихъ изъ своихъ друзей и сотрудниковъ, именно: Луку, Аристарха, Тимофея, Марка, Тихика, Епафраса, Демаса, Іисуса, по прозванію Іуста. Чрезъ нихъ онъ очень легко могъ поддерживать общеніе со всѣми своими

церквами въ Греціи и Малой Азіи и продолжалъ руководить ихъ. Изъ римскаго узничества ап. Павломъ были написаны посланія къ колоссаямъ, ефесеямъ, къ филимону, филиппійцамъ и второе посланіе къ Тимофею, которыя касаются частію личныхъ отношеній, частію изображаютъ новыя опасности церкви.

Книга Дѣяній апостольскихъ оканчиваетъ повѣствованіе о дѣятельности Павла (XXVIII, 31) замѣчаніемъ, что онъ, будучи въ узахъ въ Римѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ проповѣдывалъ царствіе Божіе и училъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ „безпрепятственно, съ полною свободою". — но оставляетъ совершенно нерѣшеннымъ вопросъ: былъ ли апостолъ отъ узъ освобожденъ или нѣтъ. Изъ преданія несомнѣнно извѣстно и всѣми принято только то, что онъ умеръ смертію мученика въ Римѣ при Неронѣ. Но случилось ли это въ первое, или во второе его узничество въ Римѣ, объ этомъ до настоящаго времени разногласятъ. По мнѣнію однихъ, Павелъ былъ приговоренъ къ смерти еще въ 63 или 64 году, — а по другому взгляду, онъ получилъ себѣ свободу и за тѣмъ дѣлалъ еще не мало путешествій и умеръ въ 66 или 67 году. Неандеръ изъ историческихъ намековъ въ пастырскихъ посланіяхъ Павловыхъ составляетъ себѣ слѣдующую картину той части дѣятельности Павловой, о которой совершенно умолчано въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Павелъ послѣ своего освобожденія осуществляетъ только что высказанное имъ въ посланіяхъ къ Филимону и къ филиппійцамъ намѣреніе посѣтить Малую Азію и Грецію, Тимофея оставилъ въ Ефесѣ для завѣдыванія церковію и наблюдателемъ за прокрадывавшимися уже тогда лжеучителями, принесъ Евангеліе въ Критъ, дальнѣйшее устройство церкви на этомъ островѣ поручилъ сво-

ему ученику Титу, за тѣмъ въ свою очередь отправился въ Грецію (Никомію въ Эпирѣ) и Малую Азію; разстался съ Тимофеемъ и теперь то исполнилъ свое давнишнее намѣреніе возвѣстить Евангеліе въ Испаніи. Но здѣсь онъ былъ схваченъ, приведенъ въ Римъ, откуда написалъ творое посланіе къ Тимофею, за тѣмъ умеръ смертію мученика. Павлу. какъ римскому гражданину, по преданію, отсѣкли голову или незадолго или во время Неронова гоненія на христіанъ, въ 67 году по Рождествѣ Христовомъ. Ап. Павелъ написалъ 14 посланій къ различнымъ христіанскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ, принявшимъ отъ него христіанство: къ римлянамъ, къ коринѳянамъ два, къ галатамъ, къ ефесеямъ, къ филиппійцамъ, къ колоссянамъ, къ солунянамъ два, къ Тимофею — два, къ Титу, къ Филимону и къ евреямъ. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ проходитъ одна главная мысль, проникавшая всѣ стремленія и дѣйствія ап. Павла, мысль — объ оправданіи человѣка предъ Богомъ. До обращенія ап. Павелъ стремился достигнуть этого оправданія строгимъ исполненіемъ закона; по обращеніи же, сознавъ всю ничтожность этого средства, онъ находитъ оправданіе въ вѣрѣ; онъ получаетъ его благодатію Іисуса Христа, чрезъ совершенное имъ искупленіе. Раскрывая эту мысль, ап. Павелъ разсматриваетъ ее съ двухъ сторонъ, именно: а) со стороны закона—и доказываетъ невозможность оправданія посредствомъ исполненія закона и ничтожность нашихъ дѣлъ; б) со стороны благодати—и говоритъ, что оправданіе достигается вѣрою во Христа и дается всѣмъ вѣрующимъ туне, въ силу искупительныхъ заслугъ Іисуса Христа. Въ первомъ отношеніи апостолъ выходитъ изъ мысли о всеобщности грѣха: всѣ бо согрѣшиша, и показываетъ временное или

относительное значеніе закона и дѣлъ законныхъ; во второмъ онъ приводитъ къ волѣ Божіей, желающей спасти человѣка чрезъ Христа и указываетъ на вѣру, какъ на средство усвоенія человѣкомъ благодатныхъ даровъ и заслугъ Іисуса Христа. Въ связи съ этимъ ученіемъ стоитъ ученіе о послѣднемъ судѣ и царствѣ Божіемъ, какъ необходимыхъ плодахъ нашего оправданія или осужденія, а въ связи съ ученіемъ объ усвоеніи человѣкомъ заслугъ Іисуса Христа стоитъ ученіе о церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ и о пастыряхъ церкви, посредникахъ между главою и членами этого тѣла. — Тѣла свв. апп. Петра и Павла почиваютъ въ Римѣ: св. Петра въ Ватиканскомъ соборѣ, а св. Павла въ загородной его церкви по Остійской дорогѣ. Во II вѣкѣ Кай, пресвитеръ римскій, въ письменномъ спорѣ съ еретикомъ Проксомъ говоритъ: „я могу показать тебѣ трофеи апостоловъ,— приди только въ Ватиканъ или на дорогу Остійскую, тотчасъ увидишь побѣдные знаки основателей римской церкви“. — Нашъ русскій паломникъ Антоній въ 1200 году видѣлъ главу ап. Павла въ царскихъ палатахъ въ Царьградѣ. Но по римскому преданію, главы обоихъ апостоловъ хранятся въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ. Въ этомъ храмѣ высокая сѣнь надъ престоломъ, на четырехъ гранитныхъ столбахъ, поддерживаетъ готическій кивотъ, гдѣ хранятся честныя главы первоверховныхъ апостоловъ въ двухъ позлащенныхъ сосудахъ. Но никто не можетъ приступать къ нимъ, по запрещенію папскому, и только во дни великихъ праздниковъ показываютъ ихъ сверху молящемуся народу, не открывая никогда запечатанныхъ сосудовъ. (Мѣс. Вост. т. II Зам. стр. 178—179; Муравьева—Римскія письма стр. 27—28).

ПРЕПОДОБНАГО ПЕТРА, ЦАРЕВИЧА ОРДЫНСКАГО.

Въ 1257 году ханомъ Золотой орды сдѣлался Бергай. При воцареніи его, какъ и вообще при воцареніи всѣхъ хановъ, наши князья и пастыри ходили на поклонъ новому хану. По нуждамъ своей паствы, ходилъ въ орду къ новому хану и ростовскій епископъ блаженный Кириллъ. По желанію хана, епископъ разсказывалъ о распространеніи вѣры въ ростовской землѣ; ханъ съ любовію слушалъ разсказъ епископа о подвигахъ перваго святителя ростовскаго — Леонтія, въ особенности же съ интересомъ внималъ разсказу о чудесахъ, совершающихся при мощахъ великаго подвижника. Ханъ почтилъ въ Кириллѣ преемника каѳедры Леонтіевой и отпустилъ его съ честію и дарами. Вскорѣ послѣ отшествія блаженнаго Кирилла, разболѣлся единственный сынъ ханскій, и ханъ, вспомнивъ о спасительныхъ рѣчахъ Кирилла, послалъ къ нему многіе дары въ Ростовъ, умоляя придти исцѣлить болящаго. Кириллъ внялъ зову хана, пѣлъ молебны надъ ракою св. Леонтія и, освятивъ воду, пришелъ съ нею въ Орду, гдѣ исцѣлилъ сына ханскаго. Обрадованный ханъ, не смотря на то что былъ язычникъ, исполнился благодарностью къ помощи угодниковъ Божіихъ и повелѣлъ съ той поры, чтобы вся дань ростовская была обращена въ домъ Богоматери.

Въ это время при дворѣ ордынскомъ былъ отрокъ, племянникъ ханскій, всегда находившійся при немъ и тщательно внимавшій поученіямъ владыки Кирилла; умилилось невинное сердце его, и онъ рѣшился идти вслѣдъ за владыкою Кирилломъ, посмотрѣть каковы церкви въ землѣ русской, и каковы бываютъ въ нихъ чудеса Бо-

жіи, которыхъ напрасно ожидаютъ въ божницахъ татарскихъ—отъ солнца, луны и звѣздъ. Тогда уже умеръ отецъ его, братъ хана, и великими имѣніями владѣла его мать вдова. Напрасно мать со слезами старалась удержать его, напоминая о многихъ имѣніяхъ; онъ роздалъ часть ихъ неимущимъ между родными, часть же вручилъ владыкѣ и вслѣдъ за нимъ тайно ушелъ изъ Орды. Царственный отрокъ пораженъ былъ въ Ростовѣ великолѣпіемъ храма Богоматери и стройностью пѣнія церковнаго. Тогда еще въ Ростовѣ пѣли на двухъ языкахъ: правый клиросъ—по-русски, лѣвый—по-гречески. Пламень вѣры разгорѣлся въ сердцѣ его, и онъ просилъ Кирилла совершить надъ нимъ святое крещеніе. Но владыка велѣлъ ожидать царевичу до времени, опасаясь гнѣва ханскаго на всю землю русскую, если услышитъ о крещеніи своего племянника. Когда же въ скоромъ времени умеръ ханъ Бергай, святитель окрестилъ его и далъ ему имя Петра; новопросвѣщенный пребывалъ постоянно въ ученіи при святомъ владыкѣ до его блаженной кончины, послѣдовавшей въ 1261 году.

Пастырь не менѣе достойный, святой Игнатій взошелъ на каѳедру ростовскую. Царевичъ и при немъ, какъ и при святителѣ Кириллѣ, жилъ въ архіерейскомъ домѣ, свято соблюдая всѣ постановленія церковныя о постѣ и молитвѣ; но по юности возраста и воспитанію царскому, не оставлялъ иногда и прежней любимой утѣхи ордынской соколиной охоты. Однажды, когда былъ онъ на охотѣ при озерѣ ростовскомъ, утомленный заснулъ, въ сонномъ видѣніи ему явились два мужа свѣтлые какъ солнце—апп. Петръ и Павелъ и, разбудивъ, сказали: „другъ нашъ Петръ, не бойся; мы къ тебѣ посланы отъ Бога, въ Коего ты увѣровалъ и кре-

стился, и желаемъ, чтобы на этомъ мѣстѣ создана была въ наше имя церковь. Возьми сіи два мѣшка — одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ; утромъ иди въ городъ и вымѣняй себѣ три иконы: Пречистыя Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, свят. Николая и великомуч. Димитрія". Они опредѣлили и самую цѣну иконъ сихъ и велѣли идти къ владыкѣ съ такимъ словомъ: „апостолы Христовы Петръ и Павелъ послали меня къ тебѣ, дабы ты соорудилъ церковь во имя ихъ, на мѣстѣ гдѣ я уснулъ; знаменіемъ же этого да будутъ иконы и два данные тебѣ мѣшка". Блаженный Петръ пробылъ въ молитвѣ до утра тамъ, гдѣ явились апостолы. Въ ту же ночь апостолы явились самому епископу Игнатію и строго повелѣли устроить церковь для служителя ихъ Петра. Пробудившись, епископъ призвалъ князя ростовскаго, разсказалъ ему свое ночное видѣніе, недоумѣвая, какъ его исполнить. Князь же, бесѣдуя съ нимъ, увидѣлъ на церковномъ дворѣ идущаго царевича съ тремя иконами, ярко сіявшими въ рукахъ его. Взошедши, царевичъ поклонился владыкѣ и князю и поставилъ предъ ними иконы, повѣдавъ о бывшемъ ему явленіи и повелѣніи апостоловъ. Изумились оба при видѣ иконъ, такъ какъ не было въ то время иконописцевъ въ Ростовѣ, и они недоумѣвали, откуда юный Петръ могъ достать чудные образа. Отпѣвъ молебенъ, они совершили крестный ходъ на мѣсто явленія апостоловъ,—и здѣсь въ наскоро построенной часовнѣ поставили чудныя иконы. Возвращаясь въ городъ, князь сказалъ царевичу: „если владыка захочетъ устроить тебѣ церковь, а я не дамъ тебѣ мѣста, что ты будешь дѣлать?" Петръ не смущаясь отвѣчалъ: „повелѣніемъ апостоловъ, князь, я куплю у тебя мѣсто для церкви, цѣною какую опредѣлишь". Князь

объявилъ Петру, чтобы онъ по чертѣ земли, нужной ему, клалъ рядомъ по девяти серебряныхъ монетъ и десятую золотую и на сколько достанетъ монетъ, тотъ участокъ и будетъ его собственностью. Петръ пошелъ къ еп. Игнатію посовѣтоваться и объявилъ ему о требованіи князя. Святитель одушевилъ Петра упованіемъ на Господа: „было же,—говорилъ онъ,—что, по молитвѣ пророка, горсти муки достало на прокормленіе пророка и вдовы на цѣлый годъ, — молитва апостоловъ сильнѣе; да даже если бы случилось употребить и родительское имѣніе, не нужно жалѣть для Бога“. Блаженный Петръ выбралъ обширную площадь на берегу озера; по волѣ князя протянули веревку вокругъ площади. Царевичъ же Петръ просилъ съ своей стороны, чтобы, по обычаю ордынскому, мѣсто ему дарованное было окопано рвомъ. Затѣмъ онъ началъ класть въ вырытомъ рвѣ монеты, вынимая ихъ изъ мѣшковъ, данныхъ апостолами,—онъ клалъ по всему протяженію рва, а монеты, къ изумленію князя и другихъ, не истощались. Цѣлый возъ монетъ достался князю, и онъ принялъ ихъ, какъ благословеніе апостольское и нѣсколько дней щедро раздавалъ милостыню бѣднымъ. На отведенномъ мѣстѣ былъ построенъ храмъ во имя свв. апостоловъ и при немъ основанъ монастырь. Съ тѣхъ поръ князь ростовскій, вмѣстѣ съ владыкою Игнатіемъ, имѣлъ особенное уваженіе къ избраннику Божію, осыпая его всякими почестями. Князь предложилъ царевичу богатую невѣсту изъ рода ордынскаго, дочь знаменитаго вельможи, и юноша согласился вступить въ супружество, если только будетъ на то благословеніе владыки, такъ какъ прежде хотѣлъ быть въ совершенномъ послушаніи ему. Самъ владыка вѣнчалъ Петра и освятилъ ему церковь по заповѣди апостоловъ;

князь же предложилъ ему въ даръ землю около озера и велѣлъ написать грамату на владѣніе ею. Но Петръ не хотѣлъ сперва принимать граматы, говоря, что онъ отъ отца и матери не научился владѣть землями по граматамъ. Однако князь настоялъ, чтобы оградить потомковъ Петровыхъ отъ притязанія на ихъ собственность, и грамоты засвидѣтельствованы были въ епископіи предъ лицемъ владыки. Господь благословилъ бракъ смиреннаго царевича, а князь ростовскій такъ полюбилъ его, что призналъ юношу братомъ своимъ и побратался съ нимъ въ церкви предъ владыкою. Спустя немного времени, скончался князь (1278 г.) и вслѣдъ за нимъ святой епископъ Игнатій. Дѣти князя продолжали признавать царевича дядею своимъ. Въ глубокой старости Петръ, овдовѣвъ, принялъ на себя иноческій образъ и погребенъ былъ въ своей церкви. Внуки князя забыли добродѣтель Петрову и взаимную связь его съ ихъ дѣдомъ; они начали отнимать мало по малу крайніе луга у дѣтей царевича. Тогда сынъ Петровъ пошелъ въ Орду, назвалъ себя внукомъ брата ханскаго и съ любовію былъ принятъ своими дядями; они осыпали его дарами и нарочный посолъ отправленъ былъ въ Ростовъ къ князьямъ, который разсудилъ ихъ по граматѣ отца ихъ съ дѣтьми Петра и новыми межами обозначилъ ихъ владѣніе. Онъ утвердилъ все это ярлыкомъ ханскимъ съ золотою печатью. На время успокоились молодые князья, но сохранили въ душѣ своей непріязнь, говоря: „слышали мы, что дѣдъ нашъ побратался въ церкви съ царевичемъ и взялъ отъ него много серебра, но мы серебра этого не видали, а это родъ татарскій и кость не наша: что за родство съ нимъ?“ Такъ забыли они прародительскую любовь. Внукъ Петра, Юрій продожалъ идти

по слѣдамъ отцевъ своихъ, подражая имъ въ ревности къ святынѣ; онъ украшалъ соборную церковь и съ любовію принималъ къ себѣ владыку и клиръ, свято соблюдая память родителей и праздникъ верховныхъ апостоловъ, и Богъ видимо благословлялъ его успѣхомъ: рыбари его обильно ловили рыбу въ озерѣ, когда напротивъ того для градскихъ она оскудѣвала. Изъ зависти жаловались они князьямъ своимъ, что рыбаки ордынскіе выловятъ всю рыбу изъ озера. Изъ за этого опять произошла распря между внуками царевича Петра и правнуками князя ростовскаго. „Слышали мы, — говорили правнуки,—что дѣдъ твой взялъ отъ нашего прадѣда граматы на земли подъ свою обитель, и рубежи досслѣ означены, но на воду не бралъ онъ граматы, и озеро наше: запрети же рыбакамъ твоимъ ловить рыбу въ немъ“. Юрій пошелъ въ Орду, и посолъ ханскій былъ отправленъ, чтобы разсудить его съ князьями ростовскими. Онъ потребовалъ къ себѣ князей, Юрій представилъ граматы князя и посолъ спросилъ притязателей: „истинны ли граматы эти на землю“. Не отвергли князья граматъ дѣдовскихъ, но называли воду отчиною своею; тогда сказалъ имъ судья ханскій: „если не можете вы снять воду съ земли, то для чего называете своимъ созданіе Божіе, сотворенное на службу для всѣхъ человѣковъ!“ и присудилъ онъ воды съ землями внуку Петрову Юрію, давъ ему на то опять грамату съ золотою печатью; князья же, видя свою немощь, утихли и примирились съ Юріемъ, возстановивъ любовь прародительскую.

Внезапно наступилъ на землю русскую ханъ Ахмылъ изъ Орды и выжегъ Ярославль къ Ростову; князья ростовскіе испугались и бѣжали, хотѣлъ спасаться и вла-

дыка Прохоръ. Но мужественный Игнатій, правнукъ Петра, сказалъ ему: „если не пойдешь со мною на встрѣчу Ахмылу, я самъ убью тебя, такъ какъ это наше племя, наше родство". Послушался епископъ и, поднявъ кресты и хоругви, со всѣмъ клиромъ двинулся навстрѣчу хану. Игнатій же впереди крестнаго хода, съ гражданами, взявши съ собою княжескую охоту: кречетовъ, шубы и питье, сталъ на берегу озера и, преклонивъ колѣна предъ Ахмыломъ, сказалъ ему, что онъ самъ происходитъ отъ древняго рода ханскаго, и это есть село царское, купленное прадѣдомъ его; что на мѣстѣ этомъ совершились великія чудеса, и нынѣ страшно видѣть тутъ вооруженную рать. Изумленный Ахмылъ спросилъ его: „ты пришелъ ко мнѣ съ царскою охотою, но кто же этотъ въ бѣлыхъ ризахъ съ хоругвями?" Игнатій отвѣчалъ: „эти суть богомольцы твои, пришедшіе благословить тебя со святынею, тебѣ на встрѣчу, по закону нашему". Въ то время занемогъ тяжко подъ Ярославлемъ сынъ Ахмыловъ, и его везли. Ханъ велѣлъ подвести сына своего къ благословленію святительскому, и владыка Прохоръ, освятивъ воду, далъ ему пить, осѣнилъ крестомъ, и исцѣлился недужный. Обрадованный ханъ сошелъ съ коня и, поднявъ къ небу руки, воскликнулъ: „благословенъ Богъ вышній, вложившій мнѣ въ сердце идти доселѣ! Праведенъ ты владыка, Прохоръ, воскресившій мнѣ сына и благословенъ ты, Игнатій, соблюдшій градъ и народъ свой, ты во истину царская наша кость и племя: если же тебѣ здѣсь будутъ обиды не полѣнись дойти до насъ". Ханъ Ахмылъ, взявши сорокъ литръ серебра, вручилъ ихъ владыкѣ и тридцать литръ далъ его клиру; у Игнатія же взявъ охоту княжескую, пошелъ въ обратный путь. Игнатій

проводилъ его съ владыкою и горожанами и, пришедъ въ соборный храмъ, всѣ благодарили Бога за свое избавленіе. (Прологъ. Четьи—Минеи. Рус. свят.—Филарета, арх. черн. Жит. св.—Муравьева).

30-е число.

Соборъ св. славн. и всехвальн. апостоловъ двунадесяти: Петра, Андрея, Іакова Зеведеева, Іоанна брата его, Филиппа, Варфоломея, Θомы, Матθея, Іакова Алфеева, Іуды Іаковля или Θаддея, Симона Зилота и Матθія.

(Муч. Мелитона.—Муч. Петра изъ Синопа.—Муч. Михаила. — Убіеніе благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго).

Празднуя каждому изъ двѣнадцати апостоловъ въ свое время порознь, православная церковь соединяетъ ихъ всѣхъ въ одинъ день для празднованія всѣмъ имъ вмѣстѣ, называя этотъ день *Соборомъ* 12 славныхъ и всехвальныхъ апостоловъ. Этотъ праздникъ въ христіанской церкви весьма древенъ. Константинъ Великій построилъ въ Царьградѣ храмъ во имя апостоловъ. Златоустъ говорилъ имъ похвальныя слова. Въ римской церкви въ сакраментаріяхъ папъ Льва Великаго (440—461) и Геласія I (492—496) положена была мисса всѣмъ апостоламъ, именно послѣ праздника Петра и Павла. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II. Зам. стр. 180).

Муч. Мелитонъ скончался отъ меча.—Муч. Петръ изъ Синопа скончался, будучи влачимъ по камнямъ. (Мѣсяц. Вост. Арх. Сергія т. II, стр. 172). Муч. Михаилъ былъ родомъ изъ Аѳинъ, по занятію садовникъ. За непринятіе ислама и, по ложному доносу, будто бы за доставленіе пороха разбойникамъ былъ обезглавленъ турками въ Аѳинахъ, 1770 году. (Христ. муч. Свящ. П. Соловьева).

БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКАГО.

Благовѣрный князь Андрей—сынъ великаго князя Георгія (Юрія) Владиміровича Долгорукова—Мономаха родился въ 1110 году. Украшенный всѣми дарами природы, исполненный доблести воинской и гражданской, онъ уже съ юныхъ лѣтъ посвѣщалъ свободные часы книжному ученію и церковному пѣнію; всенощное бдѣніе и тайная молитва были ему свойственны не менѣе инока.—Двадцати пяти лѣтъ (въ 1135 г.) онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью боярина Кучки. Объ этомъ такъ говоритъ преданіе: Долгорукій, будучи еще княземъ суздальскимъ. посѣтилъ однажды урочище, называвшееся Кучковымъ, по имени своего владѣльца, тамъ—гдѣ нынѣ красуется златоверхая Москва; князь плѣнился красотою мѣста и положилъ тамъ основаніе городу, которому суждено было разростись въ великолѣпную столицу всей Руси. Но владѣлецъ мѣста не съ должнымъ уваженіемъ принялъ князя и тѣмъ навлекъ на себя его гнѣвъ. Юрій велѣлъ казнить его и взялъ за себя отчину, а дѣтей его принялъ къ своему двору, изъ которыхъ прекрасную дочь Іулиту выдалъ замужъ за старшаго своего сына Андрея.

Въ молодыхъ лѣтахъ князь Андрей дѣйствовалъ за

отца, помогая его цѣлямъ, а потому первую половину его жизни можно назвать училищемъ, въ которомъ образовывался будущій властитель суздальскій и владимірскій. Отъ природы крѣпкій и сильный, мужественный и неустрашимый, доблестный князь рано сталъ участвовать въ битвахъ своего родителя, для котораго былъ лучшею опорою. Тогда была горькая пора княжескихъ междуусобій за наслѣдіе Мономаха—кіевскій великокняжескій престолъ. Изяславъ—внукъ Мономаха владѣлъ кіевскимъ столомъ, вопреки правъ своихъ дядей—слабаго Вячеслава и тревожнаго Юрія Долгорукаго. Этотъ послѣдній, также хотя не имѣлъ права на великокняжескій престолъ, потому, что былъ моложе Вячеслава—законнаго кіевскаго князя, однако домогался Кіева и потому велъ почти непрерывную борьбу съ племянникомъ—Изяславомъ. Во время этой-то борьбы, храбрый Андрей не щадилъ себя, помогая отцу, хотя и непрестанно склонялъ его къ миру, такъ какъ видѣлъ его непостоянство и несправедливое оспариваніе престола великокняжескаго у старшаго дяди Вячеслава. Мужество князя особенно прославилось подъ стѣнами Луцка, который осажденъ былъ войсками въ 1150 году. Ночью бѣжали отъ пустой тревоги союзные ему половцы, и вся дружина начала колебаться, но князь Андрей, презирая общій страхъ, хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Онъ устремился въ битву, чтобы отразить сильную вылазку осажденныхъ, гналъ непріятеля, и былъ окруженъ ими на мосту; братья его, Ростиславъ и Борисъ остались далеко, не зная его опасности, такъ какъ пылкій князь забылъ распустить свою воинскую хоругвь; два только воина слѣдовали за нимъ и одинъ изъ нихъ уже пожертвовалъ своею жизнію. Камни сыпались съ

городскихъ стѣнъ, раненый конь Андреевъ исходилъ кровью: острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Князь готовился умереть великодушно: какой-то венгръ готовъ былъ уже пронзить ему грудь, — но князь, призвалъ имя св. Ѳеодора Стратилата, память котораго въ тотъ день совершалась, сразилъ венгра и благополучно возвратился къ отцу. Годъ спустя, когда опять подъ Кіевомъ завязалась война между Юріемъ и Изяславомъ, воинская отвага князя Андрея едва не стоила ему жизни. Юрій ополчился со стороны рѣки Лыбеди, и доблестный его сынъ бросился вплавь чрезъ рѣку, что бы оттѣснить непріятеля съ противуположнаго берега, но тамъ онъ былъ оставленъ своими. Князь не хотѣлъ возвращаться, но одинъ изъ половцевъ, хотя и язычникъ, изумленный его мужествомъ, схватилъ за узду его коня и принудилъ возвратиться. Суздальцы бѣжали, трупами ихъ наполнилась Лыбедь, и Юрій долженъ былъ отступить отъ Кіева. Еще одна кровопролитная, хотя и несчастная битва при рѣкѣ Рутѣ, показала все мужество Андрея. Самъ Изяславъ не жалѣлъ себя, бросался въ пылъ битвы, былъ раненъ и едва не изрубленъ своими войсками, но Андрей забывалъ опасность: конь его, раненый копьемъ въ ноздри, храпѣлъ и бѣсился, сбилъ съ Андрея шлемъ и вышибъ у него щитъ. Только Божію заступленію и молитвѣ отца приписывали спасеніе юноши. Но мужество Андрея не спасло его дружины: первые побѣжали половцы, за ними черниговцы, — все войско было разсѣяно.

Но на сколько князь Андрей былъ храбръ и неустрашимъ, на столько же былъ и мягкосердеченъ и добръ. Когда князь кіевскій Изяславъ (племянникъ Юрія), послѣ шестинедѣльной осады доведенный до крайности, на-

чалъ просить у Юрія Долгорукаго мира,—Андрей старался склонить отца къ миру, тогда какъ старшій его братъ—Ростиславъ и особенно Юрій Ярославичъ (внукъ Ярополка) всячески побуждали его къ войнѣ. Въ это время Андрей говорилъ отцу: „отецъ, будь милостивъ къ своему роду, а болѣе всего къ воинамъ — христіанамъ; не слушайся Ярославича, примирись съ племянникомъ, не губи своей отчины. Помни слово Писанія: *се сколь добро и красно, еже жити братіи вкупѣ*". Это подѣйствовало на Юрія Долгорукаго и онъ заключилъ миръ.

Наконецъ, послѣ не малой борьбы за кіевскій престолъ, Юрій Долгорукій достигъ своей цѣли: 1154 году онъ взошелъ на великокняжескій престолъ. Андрею, какъ усердному сподвижнику своему, онъ далъ въ удѣлъ г. Вышгородъ*). Казалось, близость къ престарѣлому родителю, благопріятный климатъ, богатство природы южнаго края должны бы были навсегда привязать Андрея къ Кіеву. Между тѣмъ, его мысль постоянно стремилась къ сѣверу, на родину: Андрей не любилъ неумолкаемаго шума южныхъ усобицъ, на сѣверъ же звали Андрея и родные жены и сама она. Не разъ, поэтому, онъ просилъ отца отпустить его въ Суздаль или Ростовъ. Какъ бы по особенному устроенію Промысла Божія, желаніе князя Андрея переселиться на родину вскорѣ осуществилось так. обр. Живя въ Вышгородѣ, онъ, по своему благочестивому настроенію, любилъ разговаривать съ близкими къ нему людьми всегда о такихъ предметахъ,

---

*) Вышгородъ—нынѣ село, находящееся не въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева – на берегу Днѣпра. Князь Андрей, какъ удѣльный князь, обладалъ и другими удѣлами: пинскимъ, дорогобужскимъ, пересопницкимъ.

которые питали его душу и услаждали сердце. Разъ какъ то бояре сообщили ему о дивныхъ происшествіяхъ, касательно чудотворной иконы Божіей Матери, привезенной купцомъ Пирогощею изъ Царьграда и находившейся въ вышгородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Священнослужители разсказывали, что эта икона сама собой переносилась въ храмѣ съ мѣста на мѣсто, или стояла на воздухѣ, какъ бы ища достойнаго мѣста себѣ. Слыша таковые разсказы, Андрей воспламенился духомъ,—немедленно отправился въ монастырь. Ликъ Преблагословенной Дѣвы, казалось, сіялъ въ глазахъ его болѣе прочихъ иконъ. Андрей палъ предъ этой иконою Богоматери и молился усердно, испрашивая себѣ помощи въ задуманномъ имъ дѣлѣ—переселиться на свою родину. „О пречистая Госпоже Дѣво Богородице! говорилъ онъ, Мати Христа Бога нашего, аще хощеши, можеши помощница ми быти и въ ростовстѣй земли, идѣже тщимся шествовати". Съ этой минуты Андрей рѣшился оставить Вышгородъ. Взявъ чудотворную икону Богоматери и не сказавшись своему отцу, онъ тайно, ночью отправился въ 1155 г. съ семействомъ своимъ и съ приближенными на родину. Съ этою иконою—въ 10 верстахъ отъ Владиміра лошади остановились и не шли впередъ; а явившаяся Богоматерь, во время ночнаго отдыха Андрея, объявила, что икона Ея должна остаться и быть во Владимірѣ, а не въ Ростовѣ. Благовѣрный князь велѣлъ изобразить Богоматерь въ томъ видѣ, какъ Она явилась ему во снѣ, а на мѣстѣ видѣнія приказалъ строить храмъ и обитель въ честь Боголюбивой иконы Богоматери *). Мѣсто это получило названіе Боголюбова и стало люби-

---

*) О Боголюбской смотр. подробнѣе подъ 18-мъ числомъ Іюня.

мымъ мѣстопребываніемъ князя Андрея, — который съ этого времени сталъ называться Боголюбскимъ. Оставаясь удѣльнымъ княземъ владимірскимъ, онъ заботился теперь объ улучшеніи своего княжества, — по мѣрѣ своихъ силъ.

Въ 1157 г. скончался вел. кн. Юрій Владиміровичъ Андрей, оплакавъ кончину своего родителя, почтилъ его память торжественными молитвами и разнаго рода благотвореніями. Жители Суздаля, узнавъ вблизи высокія качества Андрея, единодушно признали его своимъ княземъ. Занявъ великокняжескій престолъ, Андрей Боголюбскій прежде всего приступилъ къ уничтоженію удѣловъ, отъ которыхъ происходили всѣ государственныя смуты и бѣдствія, и сдѣлалъ это на первый разъ въ своей области. По назначенію Юрія Владиміровича, Суздаль и Ростовъ принадлежали меньшимъ его сыновьямъ; но Андрей, слѣдуя задуманной имъ цѣли, удалилъ своихъ братьевъ изъ ихъ удѣловъ и сталъ велик. княз. сѣверной Руси. Въ то же время онъ измѣнилъ свои отношенія и къ Кіеву. Въ 1169 г. Кіевъ былъ взятъ сыномъ Андрея, и так. обр. древнее великокняжество на всегда утратило свое значеніе. Владѣтельные князья кіевскіе зависѣли уже отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался самодержавнымъ властителемъ всей тогдашней Россіи, а городъ Владиміръ, новый и еще небогатый въ сравненіи съ древнею столицею, — престольнымъ градомъ.

Вслѣдъ за Кіевомъ и Новгородъ, управлявшійся на всей волѣ своей, подчинился Андрею. Въ отношеніи къ Новгороду вел. князь Андрей въ самомъ началѣ своего правленія объявилъ: „хочу искать Новгорода добромъ и лихомъ“. Это значило, что, по сознанію Андрея, нов-

городская вольность не способна была доставлять пользу Россіи, и онъ рѣшилъ смирить ее для пользы Россіи; въ продолженіи всего княженія стремился онъ къ этой цѣли и достигъ ее. Въ 1159 г. Андрей сказалъ новгородцамъ: „вы должны цѣловать крестъ въ томъ, что будете признавать меня своимъ княземъ, а я буду заботиться о вашемъ счастіи". И на другой годъ новгородцы просили уже себѣ у Боголюбскаго князя: Новгородъ послушался князя Андрея. Въ 1167 г. новгородцы выгнали назначеннаго Андреемъ князя Святослава. Князь Андрей объявилъ: „нѣтъ вамъ иного князя, кромѣ Святослава". Но новгородцы захотѣли стоять на своемъ,— мало того—они захотѣли въ 1169 г., чтобы нѣкоторая часть новгородскихъ владѣній, прежде платившая дань князю Андрею, снова стала бы платить Новгороду. То и другое вызвало войну; какъ ни сильно пострадало суздальское войско подъ Новгородомъ, но Новгородъ вынужденъ былъ смириться предъ великимъ княземъ Андреемъ.

Изъ внѣшнихъ дѣйствій вел. князя Андрея особенно примѣчательна война его противъ волжскихъ болгаръ, сильныхъ и богатыхъ, бывшихъ тогда нашихъ сосѣдей съ юговосточной стороны. Оскорбленный частыми ихъ набѣгами, Андрей, пригласивъ съ собою муромскаго князя Юрія Ярославича, выступилъ противъ нихъ въ 1164 году. Предъ походомъ, по своему благочестивому обычаю, вел. князь пріобщился Св. Таинъ и взялъ съ собою греческую чудотворную икону Богоматери и крестъ, которые, по повелѣнію вел. князя, должны были носить предъ воинствомъ священники въ ризахъ. Андрей одержалъ побѣду надъ непріятелями: взялъ нѣсколько городовъ и въ томъ числѣ болгарскую столицу Бряхимовъ.

Возвратясь на мѣсто битвы, гдѣ оставались чудотворная икона и животворящій крестъ, князь былъ пораженъ дивнымъ видѣніемъ: на стягѣ (знамени) княжескомъ изображена была икона Спасителя, — огненные лучи, исходя отъ этой иконы, покрывали все ополченіе. Князь палъ на землю и молился со слезами предъ св. крестомъ и чудотворною иконою, принося Господу Богу и Его Преблагословенной Матери теплыя мольбы за дарованную ему побѣду.

Занимаясь устройствомъ гражданскаго быта въ своемъ великомъ княжествѣ суздальскомъ, вводя вездѣ и во всемъ законный порядокъ ко благу своихъ подданныхъ, Андрей Боголюбскій въ управленіи своею страною старался наблюдать строгую правду. Если онъ заставилъ родныхъ братьевъ—князей удалиться изъ суздальской страны, то это потому, что онъ не хотѣлъ видѣть раздробленною и отъ того слабою княжескую власть въ суздальской землѣ.—Самъ ведя жизнь трезвую, чистую и дѣятельную, Андрей Боголюбскій награждалъ добрыхъ, но преслѣдовалъ пороки въ другихъ строгостью закона. При справедливой строгости, Андрей былъ сострадателенъ къ несчастнымъ до того, что иногда самъ ухаживалъ за больными, а для бѣдныхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ развозили, по его приказанію, пищу и медъ. Онъ любилъ христіанское просвѣщеніе и по этому много заботился о просвѣщеніи христіанствомъ магометанъ—болгаръ, язычниковъ—черемисъ и мордвы, евреевъ—жителей каждаго торговаго города, много заботился онъ и о присоединеніи папистовъ къ православію. При дворѣ его жило много обращенныхъ къ православію. Не забывалъ Андрей Боголюбскій заботиться и объ устройствѣ храмовъ и о благолѣпіи церковномъ; на это дѣло онъ

не щадилъ своихъ средствъ и сокровищъ. Украшая свою новую столицу – Владиміръ, князь Андрей прежде всего соорудилъ великолѣпный соборъ въ честь Успенія Богоматери, который и доселѣ служитъ украшеніемъ русской земли, какъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ ея храмовъ. Ничего не пожалѣлъ Боголюбскій, чтобы устроить достойный храмъ для иконы Божіей Матери, принесенной имъ изъ Вышгорода. Благочестивый князь выписалъ зодчихъ изъ Царьграда, для прочнаго основанія соборнаго храма, украсилъ его стѣннымъ писаніемъ и драгоцѣнною утварью. По сказанію кіевской лѣтописи, было трое дверей церковныхъ въ храмѣ, сіявшихъ золотомъ, золотыя и серебряныя паникадила висѣли предъ иконостасомъ, украшеннымъ жемчугами и драгоцѣнными камнями; амвонъ былъ слитъ изъ серебра, и позолочены всѣ внутреннія арки, вся утварь была изъ чистаго золота, три великолѣпныхъ дарохранительницы, или Іерусалимы, какъ ихъ тогда называли, украшали алтарь. Богатство украшеній наружныхъ не уступало внутреннимъ: пять позолоченыхъ главъ возвышались на соборѣ владимірскомъ. Въ этомъ храмѣ поставилъ благочестивый князь Андрей чудотворную икону Божіей Матери, получившую отъ того наименованіе Владимірской *). При этомъ храмѣ вел. князь учредилъ епископскую каѳедру; онъ даже просилъ патріарха назначить особаго митрополита для сѣверной Руси,—но патріархъ не согласился. На содержаніе храма и епископа Андрей Боголюбскій назначилъ лучшія свои имѣнія, десятую часть изъ своихъ стадъ и десятую часть съ торга. Много храмовъ и оби-

*) Эта икона нынѣ находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

телей соорудилъ Боголюбскій во Владимірѣ и окрестныхъ городахъ, довершилъ начатый отцемъ его соборный храмъ Спасовъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, не забылъ прославить и память великомученика Ѳеодора Стратилата, который спасъ его однажды въ битвѣ, и поставилъ церковь во имя его. Въ виду обители Боголюбской до нынѣ красуется древняя церковь Покрова Богоматери, которую воздвигъ онъ на стеченіи рѣкъ Нерли и Клязьмы—изъ остатковъ камней, привезенныхъ для сооруженія собора. Горе семейное—кончина старшаго сына Изяслава—было причиною построенія этого храма; при немъ собралъ и обитель иноковъ, для поминовенія усопшаго, который былъ вмѣстѣ съ нимъ славнымъ участникомъ побѣды надъ болгарами — въ 1164 году.—Еще было желаніе у вел. князя Андрея соорудить и въ Кіевѣ храмъ, подобный владимірскому, на дворѣ Ярослава, въ память, какъ онъ говорилъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправлены были туда зодчіе; но не успѣлъ князь исполнить своего благочестиваго обѣта: насталъ день его кончины.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, этотъ благочестивый государь умеръ насильственною смертію. Въ то время, когда онъ, будучи въ Бололюбовѣ, въ уединенной молельнѣ возлагалъ печаль свою на Господа, во Владимірѣ, у родныхъ и приближенныхъ къ нему, была другаго рода забота: составился злодѣйскій заговоръ на его жизнь. Акимъ Кучка, сынъ Стефана Кучки, тестя Боголюбскаго, возненавидѣлъ государя и благодѣтеля своего за то, что онъ казнилъ одного изъ братьевъ его за какое-то преступленіе. Акимъ запылалъ злобою, нашелъ сообщниковъ и втайнѣ сдѣлалъ заговоръ. „Сегодня казнилъ брата, говорилъ онъ, завтра казнитъ и меня;

не потерпимъ и предупредимъ его". Акимъ, служащій при дворѣ Петръ (зять его), Анбалъ Ясинъ (казначей князя), Ефремъ Моизичъ и другіе, всего 20 человѣкъ, положили собраться въ Боголюбовъ—придти ночью къ князю и убить его. Изъ 20 собравшихся заговорщиковъ, по сказанію лѣтописца, ни одинъ не былъ лично оскорбленъ княземъ; многіе, напротивъ, пользовались его довѣренностію. Вооруженные мечами и копьями, заговорщики собрались въ домъ Петра, зятя Акимова, жившаго въ Боголюбовѣ, и дождались ночи. Князь, совершивъ обычную свою молитву, легъ и заперся въ опочивальнѣ съ однимъ отрокомъ. Заговорщики отправились во дворецъ; но невольный трепетъ объялъ злодѣевъ. Они было воротились, со страха не зная еще, на что имъ рѣшиться. Зашли въ погребъ, Анбалъ напоилъ сообщниковъ крѣпкимъ медомъ и виномъ. Тогда всѣ они, въ опьяненіи, съ дикою яростью бросились во дворецъ, перерѣзали стражу и дошли до опочивальни. Пробужденный шумомъ, князь спросилъ: кто тамъ? „Прокофій", отвѣчалъ одинъ изъ убійцъ: „отвори князь великій". „Не отворяй",—сказалъ князь отроку, съ нимъ бывшему,—„это не Прокофій". Тогда заговорщики сильнымъ ударомъ вышибли двери въ опочивальнѣ. Князь, вскочивъ съ постели, искалъ меча св. князя Бориса, всегда висѣвшаго подлѣ его постели; но меча не было: Анбалъ еще съ вечера спряталъ его. Убійцы вторглись толпою; двое схватили князя. Будучи весьма силенъ, онъ боролся съ ними; бросилъ одного на полъ и упалъ съ нимъ вмѣстѣ. Думая, что поверженъ князь, другіе начали терзать товарища; но увидѣли ошибку и всѣ бросились на князя, рубили его саблями, кололи копьями. „Горе вамъ, окаянные, нечестивые, — говорилъ имъ князь, истекая

кровію. Что я вамъ сдѣлалъ? Богъ отмститъ вамъ за кровь мою и за хлѣбъ мой!..." Князь палъ въ обморокъ; убійцы почли его умершимъ, взяли раненаго товарища и пошли вонъ. Между тѣмъ, князь опамятовался, черезъ силу вышелъ изъ опочивальни; стоная, сошелъ съ лѣстницы и упалъ подлѣ крылечнаго столба.—„Я слышалъ голосъ,—голосъ—его и, кажется, видѣлъ его на лѣстницѣ",—закричалъ одинъ изъ убійцъ, останавливая товарищей. „Мы погибнемъ, если онъ спасся",—отвѣчали другіе и снова бросились въ опочивальню. Князя тамъ не было; они со свѣчею пошли по кровавымъ слѣдамъ и нашли его, сидящаго возлѣ столба крылечнаго. Видя приближающихся злодѣевъ, князь сквозь слезы произносилъ молитву; множество ударовъ снова посыпалось на него; неистовый Петръ отрубилъ князю правую руку, которою онъ хотѣлъ отвесть ударъ; другіе вонзили мечи въ его сердце. Князь успѣлъ только сказать: „Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой", и скончался.

На другой день кіевлянинъ Косьма, усердный слуга убіеннаго вел. князя, нашелъ тѣло его, брошенное на огородѣ, все израненное, окровавленное, нагое. Стоялъ и горько плакалъ надъ нимъ. Увидѣвъ казначея Анбала, идущаго во дворецъ, Косьма закричалъ ему, чтобы онъ далъ коверъ, или что-нибудь, прикрыть тѣло князя. „Оставь его, сказалъ ему съ злобою Анбалъ, мы кинули его на съѣденіе псамъ". „Извергъ! воскликнулъ тогда добродушный слуга,—помнишь ли ты, въ какомъ рубищѣ пришелъ къ князю? Теперь ты ходишь въ бархатѣ, а князь благодѣтель твой лежитъ нагъ..." Анбалъ далъ ему, однакожъ, коверъ и эпанчу. Покрывъ тѣло князя эпанчею, Косьма принесъ его въ церковь. Она была

заперта. „Отоприте“, сказалъ онъ церковнымъ служителямъ. „Кинь тутъ на паперти“,—отвѣчали они, будучи всѣ не трезвы. „Уже и слуги твои не узнаютъ тебя, господине, плакалъ и приговаривалъ Косьма, а бывало придетъ купецъ изъ Царяграда, или изъ другихъ странъ, —ты приказывалъ проводить всякаго въ церковь, на палати: пусть—де посмотрятъ славы Божіей и церковнаго украшенія, а теперь тебя самаго не пускаютъ въ церковь твою!...“—Косьма припужденъ былъ положить тѣло князя на паперти, покрывъ ковромъ. Оно лежало тутъ двое сутокъ подъ его присмотромъ. Уже на третій день, Арсеній, игуменъ Косьмодоміанской обители *), тщетно дожидавшись старшихъ, положилъ тѣло князя въ каменный гробъ, внесъ въ церковь и отпѣлъ погребальное съ Боголюбовскими священно-служителями. На шестой день (5 іюля), когда бунтъ и смятеніе нѣсколько поутихли въ Боголюбовѣ, игуменъ Ѳеодулъ, духовенство, многіе изъ граждань пришли изъ Владиміра, взяли гробъ князя и повезли въ городъ. Большими толпами владимірцы вышли на встрѣчу. Увидѣвъ издали княжескій стягъ (знамя), всѣ они зарыдали, пали на землю, громко вопія: „въ Кіевъ ли ты ѣдешь, господине, тѣми ли вороты златыми, въ ту ли церковь, что хотѣлъ поставить на Великомъ дворѣ, на Ярославовомъ, въ память твоей отчизны“...—Тѣло князя погребено въ соборномъ храмѣ Богоматери. Такъ кончилъ жизнь одинъ изъ мудрыхъ и благочестивыхъ русскихъ великихъ князей.

1701 года, въ царствованіе государя Петра I, мощи

---

*) Косьмодоміанская обитель находилась въ г. Владимірѣ при церкви, которая нынѣ извѣстна болѣе подъ именемъ Нпкитской. Когда эта обитель закрыта,—неизвѣстно.

св. князя Андрея обрѣтены нетлѣнными и положены въ раку; въ 1768 г. перенесены изъ главнаго храма въ придѣлъ, во имя его устроенный, гдѣ и нынѣ почиваютъ открыто въ серебрянной ракѣ, сооруженной вновь въ 1820 г. Здѣсь есть образъ св. князя, шитый шелками царевною Софіею. На гробницѣ его слѣдующая надпись:

Богъ дивный во святыхъ
Хранитъ вся кости ихъ,
И ни единая отъ нихъ не сокрушится,
Да имя Божіе святится.
Здѣсь тлѣнное нетлѣннымъ существо
Невѣрію—соблазнъ, а вѣрѣ—торжество.

(Ист. слов. о свят. стр. 22—26. Рус. свят.—Филарета, арх. черн. Жит. свв.—Муравьева).

КОНЕЦЪ.

Алфавитный указатель именъ святыхъ за мѣсяцъ іюнь.

Имена святыхъ, жизнь которыхъ въ книгѣ не изложена, отмѣчены звѣздочками.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Н.

О

П.

2007051297